Друсс-Легенда
Легенда
Легенда о Побратиме Смерти

Дэвид Геммелл

Друсс-Легенда
Легенда
Легенда о Побратиме Смерти

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Дэвид Геммелл

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

DAVID

GEMMELL

The First Chronicles of Druss the Legend

Legend

The Legend of Deathwalker

ДЭВИД ГЕММЕЛ

Друсс–Легенда

Легенда

Легенда о Побратиме Смерти

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Г33

Серия основана в 1999 году

David Gemmell

THE FIRST CHRONICLES
OF DRUSS THE LEGEND
1994

LEGEND
1986

THE LEGEND OF DEATHWALKER
1996

Перевод с английского Н.И. Виленской

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник А.Е. Дубовик

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Howard Morhaim, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 24.06.2002. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 45,36. Тираж 9 000 экз. Заказ № 1687

Геммел Д.

Г33 Друсс-Легенда. Легенда. Легенда о Побратиме Смерти: Фантаст. романы / Д. Геммел; Пер. с англ. Н.И. Виленской. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 861, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-015255-8

Поклонники «героической фэнтези»!

Перед вами — «дренайский цикл» Дэвида Геммела, одна из лучших саг последних десятилетий XX века.

Сага о защите неприступной крепости Дросс-Дельнох, выдержавшей многие и многие войны...

Сага о Друссе-Легенде — величайшем воине мира, страшном не только для людей, но и для богов...

Сага о королях и чернокнижниках, о героях — и мудрецах. Сага о великих деяниях — и великих преступлениях!

Не пропустите!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© David Gemmell, 1994, 1986, 1996
© Перевод. Н.И. Виленская, 1998, 2000
© Художник. А.Е. Дубовик, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Друсс–Легенда

Посвящаю эту книгу с любовью памяти
Мика Джеффи, обыкновенного христианина
бесконечной доброты и терпимости.
Все знавшие его поистине благословенны.
Доброй ночи, Мик, и благослови тебя Бог!

Книга первая
РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Пролог

Пригнувшись за придорожным кустарником, он всматривался темными глазами в камни, что были перед ним, и в деревья за камнями. В замшевой рубашке с кистями, в бурых кожаных штанах и сапогах он был почти невидим, стоя на коленях в тени деревьев.

Солнце стояло высоко на безоблачном летнем небе, а следам было никак не меньше трех часов. Букашки уже ползали по отпечаткам копыт, но края их еще не осыпались.

Сорок всадников, нагруженных добычей...

Шадак отполз от дороги к месту, где привязал коня, потрепал скакуна по длинной шее и снял с седла свой пояс. Перепоясавшись, он вынул из ножен оба коротких меча — обоюдоострые, из лучшей вагрийской стали. После краткого раздумья спрятал клинок и отцепил с седельной луки лук и колчан. Охотничий лук из вагрийского рога посылает двухфутовые стрелы на шестьдесят шагов. В колчане оленьей кожи лежало двадцать стрел, изготовленных самим Шадаком: гусиное оперение окрашено в красный и желтый цвета, железные наконечники без зазубрин — такие легко извлекать из тела. Он быстро натянул тетиву и наложил стрелу. Потом перекинул колчан через плечо и осторожно вернулся к дороге.

Оставили они прикрытие или нет? Вряд ли — дренайских солдат не сыщешь на пятьдесят миль в округе.

Но Шадак был предусмотрителен — притом он знал Коллана. Он напрягся, представив себе улыбчивое лицо с жестокими, насмешливыми глазами. «Не злись, — сказал он себе. — Как бы тяжело тебе ни было — сдержи гнев. В гневе люди совершают ошибки. Охотник должен быть холоден как сталь».

Он тихо двинулся вперед. Слева торчал громадный валун, справа — россыпь мелких камней не выше четырех футов. Шадак набрал в грудь воздуха и вышел из засады.

В тот же миг из-за валуна выступил человек с наставленным луком. Шадак припал на колено, и стрела просвистела над его головой. Стрелок хотел было отойти обратно за валун, но стрела Шадака вонзилась ему в горло, выйдя из затылка.

Справа на Шадака бросился второй. Времени доставать новую стрелу не было, Шадак ударил его луком по лицу. Противник упал, Шадак, выхватив мечи, рубанул его по шее. И тогда навстречу ему вышли еще двое — в железных панцирях, кольчужных наголовниках и с саблями.

— Легкой смертью ты не умрешь, ублюдок! — крикнул один из них, высокий и плечистый, и сощурился, узнав своего противника. Задор сменился страхом — но воин был слишком близко, чтобы идти на попятный, и неуклюже взмахнул саблей. Шадак легко отразил удар, и его второй меч, войдя в рот врага, пробил шею насквозь. Другой воин, видя это, попятился.

— Клянусь, мы не знали, что это ты! — вскричал он. Руки его тряслись.

— Теперь знаете.

Воин без дальнейших разговоров бросился бежать в лес, а Шадак спрятал мечи и подобрал лук. Он оттянул тетиву, стрела запела и вонзилась беглецу в бедро. Тот с криком упал. Шадак подбежал к нему, и воин перевернулся на спину, бросив саблю.

— Сжалься, не убивай меня! — взмолился он.

— А вы кого-нибудь пожалели в Кориалисе? Ну ладно: скажи, куда направился Коллан, и будешь жить.

Вдалеке завыл одинокий волк, к нему присоединились другие.

— В двадцати милях к юго-востоку есть деревня, — сказал раненый, не сводя глаз с короткого меча в руке Шадака. — Мы разведали — там много молодых женщин. Коллан и Хариб Ка хотят взять там рабынь и отвезти их в Машрапур.

— Ладно, верю, — помолчав, кивнул Шадак.

— Значит, ты не убьешь меня? Ты обещал, — заныл раненый.

— Я всегда держу слово, — с отвращением бросил Шадак и вырвал стрелу из ноги поверженного. Кровь хлынула из раны, воин застонал. Шадак вытер стрелу о его одежду, извлек еще одну из тела первого убитого и прошел к лошадям. Сев на одну из них, он взял под уздцы остальных вместе с собственным мерином и выехал на дорогу, ведя четырех коней за собой.

— А я? — крикнул раненый.

Шадак обернулся в седле:

— Попробуй отогнать волков. К сумеркам они почуют кровь как пить дать.

— Оставь мне коня! Во имя милосердия!

— Милосердие в числе моих достоинств не значится, — сказал Шадак и поехал на юго-восток, к далеким горам.

Глава 1

Топор имел четыре фута в длину, и широкое лезвие, острое, как меч, весило десять фунтов. Вязовому, красиво выгнутому топорищу было больше сорока лет. Большинству мужчин он показался бы оружием тяжелым, неповоротливым, но темноволосый юноша, который рубил высоченный бук, играл им, как сабелькой. При каждом длинном взмахе топор бил именно туда, куда хотел лесоруб, врезаясь в ствол все глубже и глубже.

Друсс отступил и глянул вверх. Самые толстые ветви указывали на север. Он обошел вокруг дерева, окончательно решив, в какую сторону надо валить, и снова взялся за работу. За сегодняшний день он рубил уже третье дерево — мускулы у него ныли, голая спина блестела от пота. Пот пропитал коротко остриженные черные волосы, пот щипал холодные голубые глаза, во рту пересохло, но Друсс решил довести дело до конца, а уж потом позволить себе напиться.

Слева от него на поваленном дереве два брата, Пилан и Йорат, смеялись и болтали, отложив свои топорики. Их задачей было обрубать ветки, которые пойдут потом на дрова, но они то и дело останавливались, чтобы оценить достоинства и мнимые пороки деревенских девушек. Сыновья кузнеца Тетрина — красивые парни, высокие и белокурые. Ума и острословия им тоже не занимать, и девушкам они нравились. А вот Друсс их не любил.

Справа мальчишки-подростки пилили сучья первого поваленного им дерева, девочки собирали сушняк, и все это грузилось на тачки, чтобы отвезти потом в деревню.

На краю новой просеки паслись, спутанные, четыре ездовые лошади — они потащат в деревню обмотанные цепями стволы. Осень на исходе, а старейшины порешили

еще до зимы поставить вокруг селения новый частокол. В пограничных горах Скодии всего один дренайский эскадрон на тысячу миль, а вокруг так и кишат всякие лихие люди, разбойники и скотокрады, и государственный совет в Дренане ясно дал понять, что за новых поселенцев на вагрийской границе не отвечает.

Но опасности пограничной жизни не обескураживали мужчин и женщин, переселившихся в Скодию. Они искали новой жизни вдали от густонаселенного востока и юга и ставили свои дома на вольной дикой земле, где не надо ломать шапку, когда проезжает дворянин.

Свобода — вот главное, и никакими россказнями о разбойниках их не запугать.

Друсс вскинул топор и снова вогнал его в щель. Он ударил еще десять раз, врубаясь в ствол, потом еще десять, потом еще три. Дерево застонало и закачалось.

Друсс отступил назад, глядя в сторону, куда оно собиралось рухнуть, и вдруг увидел под кустом золотоволосую девчушку с тряпичной куклой в руках.

— Кирис! — взревел он. — Если ты не уберешься оттуда, когда я досчитаю до трех, я тебе ногу оторву и отколочу тебя ею до смерти! Раз! Два!

Девочка, широко раскрыв глаза и рот, бросила куклу, выбралась из кустов и с плачем убежала в лес. Друсс покачал головой, подобрал куклу, заткнул за свой широкий пояс. Он чувствовал на себе чужие взоры и догадывался, что люди думают о нем: Друсс, мол, скотина, грубиян. Может, они и правы.

Не глядя ни на кого, он вернулся к подрубленному дереву и поднял топор. Не далее как две недели назад он рубил такой же высокий бук, и его отозвали, когда он уже почти завершил работу. Вернувшись, он увидел на верхних ветвях Кирис с ее неразлучной куклой.

«Слезай, — крикнул он. — Дерево вот-вот упадет».

«Нет, — ответила Кирис. — Нам тут хорошо. Далеко видно».

Друсс поглядел вокруг, ища глазами кого-нибудь из девушек, — но их не было ни одной. В стволе зияла глубокая трещина — стоит подуть сильному ветру, и дерево рухнет.

«Ну слезай же, будь умницей. Ты ушибешься, если дерево упадет».

«Почему упадет?»

«Потому что я подрубил его топором. Слезай».

«Ладно», — сказала она и стала слезать, но дерево вдруг накренилось, и Кирис с криком вцепилась в ветку. У Друсса пересохло во рту.

«Давай быстрее», — велел он, но Кирис не тронулась с еста. Выругавшись, он подтянулся к первой ветви и с бесконечной осторожностью полез к девочке. Добравшись до нее, н велел: «Обними меня за шею». Она послушалась, и он стал пускаться с нею вниз.

На полпути к земле дерево согнулось и затрещало. Друсс рыгнул, прижимая к себе ребенка, и ударился левым плечом мягкую землю. Кирис не пострадала, но Друсс поднялся на оги со стоном.

«Ты ушибся?» — спросила Кирис. Друсс впился в нее свои светлыми глазами. «Если еще раз поймаю тебя на вырубе, отдам волкам, так и знай! — гаркнул он. — А теперь бирайся!» Она прыснула прочь так, словно ей пятки жгли.

Усмехнувшись при этом воспоминании, Друсс вогнал топор в разрубленный ствол. По лесу прокатился надрывный тон, заглушивший перестук топориков и пение пил.

Дерево накренилось и рухнуло. Друсс пошел к меху с водой, висевшему на ветке поблизости: падение дерева послужило сигналом к полуденной трапезе. Молодежь стала собираться кучки, смеясь и перешучиваясь, но к Друссу не подошел икто. Его недавняя стычка с бывшим солдатом Аларином апугала всех, и на Друсса стали смотреть еще более косо, ем прежде. Он сидел один, жуя свой хлеб с сыром и запивая бед холодной водой.

Пилан и Йорат сидели с Берис и Таилией, дочками мельика. Девушки улыбались, наклоняли головки и кокетничали овсю. Йорат, придвинувшись к Таилии, чмокнул ее в ухо.)на притворилась рассерженной.

Однако они мигом прервали свои игры, когда на вырубке оявился мужчина — высокий, с мощными плечами и глазами цвета зимних туч. Друсс при виде отца встал.

— Одевайся и ступай за мной, — велел Бресс, отходя за еревья.

Друсс надел рубашку и последовал за отцом. Удалившись уда, где никто не мог их слышать, они сели рядом на берегу ыстрого ручья.

— Ты должен учиться сдерживать себя, сын, — сказал ресс. — Ты чуть не убил этого человека.

— Да я его всего только раз ударил.

— Этим ударом ты сломал ему челюсть и выбил три зуба.

— Старейшины уже решили, какой штраф назначить?

— Да. Я должен содержать Аларина с семьей всю иму, а я вряд ли могу себе это позволить.

— Он пренебрежительно говорил о Ровене, а этого я терпеть не намерен никогда.

Бресс вздохнул полной грудью и бросил камешек в ручей.

— Друсс, нас здесь знают как хороших работников, как односельчан — и только. Мы проделали долгий путь, чтобы избавиться от славы, которой мой отец запятнал наш род. Помни же урок, который преподал он нам своей жизнью. Он не умел справляться с собой — и стал изгоем, кровожадным убийцей. Яблочко, говорят, от яблони недалеко падает — надеюсь, что в нашем случае это не оправдается.

— Я не убийца, — запротестовал Друсс. — Если б я хотел его смерти, я бы тем же ударом сломал ему шею.

— Я знаю. Силой ты пошел в меня — а гордостью, пожалуй, в мать, мир ее душе. Одни боги знают, сколько раз мне приходилось проглатывать свою гордость. — Бресс потянул себя за бороду и повернулся к сыну: — У нас тут маленькая община, и мы не должны применять насилие друг к другу, иначе нам не выжить. Понимаешь ты это или нет?

— Что тебе велено передать мне?

— Ты должен помириться с Аларином, — вздохнул Бресс. — И знай: если ты нападешь еще на кого-нибудь из деревенских, тебя прогонят вон.

— Я работаю побольше всякого иного, — потемнел Друсс. — Никому не доставляю хлопот. Я не пью, как Пилан и Йорат, не порчу девок, как их папаша. Я не ворую, не лгу — а меня грозятся выгнать вон?

— Ты пугаешь их, Друсс, — да и меня тоже.

— Я не такой, как дед. Я не убийца.

— Я надеялся, что Ровена с ее добротой поможет тебе утихомириться, — вздохнул Бресс. — Но на следующее же утро после свадьбы ты до полусмерти избил односельчанина. И за что? Не говори мне о пренебрежительных словах. Он только сказал, что ты счастливчик и он сам бы с удовольствием лег с ней в постель. Праведные боги, сын! Если ты всякому будешь ломать кости за лестное слово о твоей жене, скоро в этой деревне некому станет работать.

— Ничего лестного в его словах не было. Я умею владеть собой, но Аларин — просто хам и получил как раз то, что заслужил.

— Надеюсь, ты все-таки примешь во внимание то, что я сказал. — Бресс встал и выпрямил спину. — Я знаю, ко мне ты почтения не питаешь, но подумай, что будет с Ровеной, если вас обоих прогонят из деревни.

Друсс с досадой взглянул на отца. На вид Бресс великан, сильнее всех известных Друссу мужчин, а духом смирен, как ягненок.

— Я буду помнить. — Друсс тоже встал.

Бресс устало улыбнулся ему:

— Мне надо обратно к частоколу. Дня через три мы его достроим и будем спать спокойнее.

— В дереве недостатка не будет, — пообещал Друсс.

— Должен сказать, лесоруб ты отменный. — Бресс отошел на несколько шагов и обернулся: — Если тебя все-таки решат изгнать, сынок, один ты не останешься — я уйду с тобой.

Друсс кивнул.

— До этого не дойдет. Я уже обещал Ровене исправиться.

— Ох и разозлилась же она небось, — усмехнулся Бресс.

— Хуже. Она во мне разочаровалась, — хмыкнул в ответ Друсс. — А разочарование молодой жены страшнее укуса змеи.

— Ты бы почаще улыбался, сынок. Тебе это к лицу.

Но с уходом отца улыбка померкла на лице Друсса. Он взглянул на свои ободранные костяшки и вспомнил, что испытал, когда ударил Аларина. Гнев и неистовую жажду битвы. А когда Аларин упал, Друсс ощутил нечто мимолетное, но необычайно сильное.

Радость. Чистейшую радость, столь острую, что подобной ей не знал еще никогда. Он закрыл глаза, стараясь отогнать от себя это воспоминание.

— Я не такой, как дед, — сказал он себе. — Я не безумен.

Эти же слова он говорил минувшей ночью Ровене в широкой кровати, сделанной Бреесом к их свадьбе.

Она перевернулась на живот, приникла к его груди, и ее длинные волосы, точно шелк, легли на его могучее плечо.

«Ну конечно же, ты не безумен, любимый. Ты один из самых добрых людей, которых я знаю». «Люди видят меня другим», — сказал он, гладя ее волосы. «Я знаю. Не надо было тебе ломать Аларину челюсть. Мало ли что он там сказал и что при этом думал. Слова — пустой звук». Друсс отстранил ее и сел: «Не так все просто, Ровена. Этот человек давно уже меня изводит. Он сам напрашивался на драку, потому что хотел меня унизить. Но ему это не удалось — и никому не удастся. — Ровена вздрогнула. — Тебе холодно?» — спросил он, привлекая ее к себе. «Побратим Смерти», — прошептала она. «Что-что?» Ее веки затрепетали, и она с улыбкой поцеловала его в щеку: «Так, ничего. Забудем про Аларина и порадуемся тому, что мы вместе». «Я этому всегда радуюсь. Я люблю тебя».

* * *

Ровене снились тяжелые сны, и даже теперь, у реки, он не могла отогнать их от себя. Друсс, одетый в черное с серебром, вооруженный огромным боевым топором, стоял на холме. Мириады душ отлетали от топора, клубясь, как дым вокруг своего убийцы. *Побратим Смерти!* Это видение и по сейчас стояло перед ней. Выжав рубаху, она положила ее н плоский камень рядом с сохнущими одеялами и еще не оттер тым шерстяным платьем. Разогнула спину, отошла от воды села под деревом, поглаживая рукой брошку, которую Друс сделал для нее в отцовской мастерской, — мягкие медные нит переплетались вокруг лунного камня, мерцающего и таинствен ного. Когда она прикоснулась к камню, глаза ее закрылись, она увидела Друсса, сидящего в лесу у ручья.

— Я с тобой, — шепнула она. Но он не слышал ее, и он вздохнула.

Никто в деревне не знал о ее Даре — отец Ровены, Ворен строго-настрого запретил ей рассказывать об этом. Не дале как в прошлом году жрецы Миссаэля в Дренане обвинили колдовстве четырех женщин и заживо сожгли их на костр Ворен — человек осторожный. Он увез Ровену в эту далеку деревню, подальше от Дренана, объяснив это так: «В много людстве секретов не сохранишь. В городе полно любопытны глаз, чутких ушей, завистливых умов и злобных мыслей. В горах тебе будет спокойнее».

И он взял с нее обещание никому не говорить о своих спо собностях — даже Друссу. Ровена сожалела об этом обеща нии, глядя на своего мужа глазами души. Его рубленые черт не казались ей резкими, она не видела ничего грозного в е голубовато-серых глазах, ничего угрюмого в плотно сжаты губах. Это был Друсс, и она любила его, а ее провидчески дар говорил ей, что так она не полюбит ни одного мужчин И она знала почему: потому что она ему нужна. Она заглянул в его душу и нашла там тепло и чистоту, нашла островок по коя в море бурного насилия. Когда она с ним, он нежен и е мятущийся дух спокоен. При ней он улыбается. Быть може с ее помощью он сумеет жить в мире, и тот черный убийц никогда не родится на свет.

— Опять ты грезишь наяву, Ро, — сказала Мари, садясь ней рядом. Молодая женщина открыла глаза и улыбнулась по руге — маленькой, пухленькой, с волосами цвета меда и я кой, открытой улыбкой.

— Я думала о Друссе.

Мари обиженно отвернулась — она долго отговаривала Ровену от брака с Друссом, добавляя собственные доводы к уговорам Ворена и остальных.

— Что же, будет Пилан плясать с тобой в день солнцестояния? — спросила Ровена, чтобы сменить разговор.

Мари, мигом развеселившись, хихикнула.

— Да — только он об этом еще не знает.

— А когда же узнает?

— Нынче ночью. — Мари понизила голос, хотя поблизости никого не было. — На нижнем лугу.

— Смотри же, будь осторожна.

— Это совет почтенной замужней женщины? Разве вы с Друссом не любились до свадьбы?

— Любились, но только Друсс тогда уже поклялся мне под дубом, а Пилан тебе — нет.

— Клятва — всего лишь слова, Ро, и я в них не нуждаюсь. Я знаю, что Пилан увивается за Таилией, да только она не для него. Она ледышка — только и думает, что о богатстве. В нашей глуши она оставаться не хочет, рвется в Дренан. Она не станет согревать ночью простого горца или играть в зверя с двумя спинами на сыром лугу, где трава колется...

— Мари! Нельзя же так откровенно.

Та хихикнула и придвинулась поближе.

— А Друсс — хороший любовник?

Ровена вздохнула, позабыв о своей печали.

— Ох, Мари! Ну почему с тобой все запретное кажется таким... простым и милым? Ты точно солнышко, которое проглядывает после дождя.

— Тут, в горах, ничего запретного нет, Ро. Беда с вами, городскими: вы растете среди мрамора и гранита и больше не чувствуете земли. Скажи, зачем вы сюда приехали?

— Ты же знаешь, — пробормотала Ровена. — Отцу захотелось пожить в горах.

— Да, ты всегда так говорила, только я не верила. Ты совсем не умеешь врать — каждый раз краснеешь и отводишь глаза.

— Но я не могу сказать тебе правду. Я обещала.

— Чудесно! Обожаю тайны. Твой отец в чем-то провинился? Он ведь служил в приказчиках, верно? Может, он обокрал какого-то богача?

— Нет. Он тут ни при чем. Все дело во мне! Не спрашивай меня больше, прошу тебя.

— А я думала, мы подруги. Думала, мы можем доверять друг другу.

— Конечно же, можем!

— Я никому не скажу.

— Я знаю, — грустно улыбнулась Ровена, — но это испортит нашу дружбу.

— Ничего подобного. Сколько ты уже здесь — два года? А разве мы хоть раз сцепились? Ну же, Ро, не бойся. Ты скажи мне свою тайну, а я скажу тебе свою.

— Твою я знаю и так. Ты отдалась дренайскому капитану, когда он проезжал здесь летом со своим отрядом. Вы с ним ходили на нижний луг.

— Кто тебе сказал?

— Никто. Ты сама подумала об этом только что, когда сказала, что откроешь мне тайну.

— Не понимаю.

— Я вижу, о чем люди думают. А иногда могу предсказать, что случится с ними. Это и есть моя тайна.

— Так у тебя есть Дар? Просто не верится! А о чем я сейчас думаю?

— О белой лошади с гирляндой из алых цветов.

— О, Ро! Это просто чудо. Предскажи мне судьбу. — И Мари протянула руку.

— А ты никому не скажешь?

— Ведь я обещала!

— Это не всегда помогает.

— Ну пожалуйста. — Мари совала Ровене свою пухлую ладошку. Та взяла ее своими тонкими пальцами, но внезапно содрогнулась, и все краски исчезли с ее лица. — Что с тобой?

Ровену била дрожь.

— Я... я должна найти Друсса. Не могу... больше. — Она встала и побрела прочь, бросив мокрое белье.

— Ро! Ровена! Вернись!

Всадник на вершине холма, посмотрев на женщин у реки, развернул коня и быстро поскакал на север.

Бресс, войдя в свою хижину, прошел в мастерскую и достал из шкатулки кружевную перчатку. Она пожелтела, и многих жемчужинок из тех, что украшали запястье, недоставало. В руке Бресса перчатка казалась совсем маленькой. Он опустился на скамью, поглаживая уцелевшие жемчужинки.

— Пропащий я человек, — сказал он, воображая себе милое лицо Ариты. — Она презирает меня. Боги, да я и сам себя презираю. — Он обвел взглядом полки, где держал инструменты, медные и латунные нити, банки с краской, коробки с бусами. Теперь он редко мастерил украше-

ния: здесь, в горах, на подобную роскошь почти не было спроса. Зато здесь ценилось его плотницкое ремесло, и он целыми днями сколачивал двери, столы, кровати и стулья.

Все так же держа в руке перчатку, он вернулся в горницу с очагом.

— Наверное, мы родились под несчастливой звездой, — сказал он покойной Арите. — А может, это злодейство Бардана исковеркало нам жизнь. Знаешь, Друсс — вылитый он. Я вижу это в его глазах, во вспышках внезапной ярости. Не знаю, как и быть. Отца я никогда уговорить не мог, вот и к Друссу не могу пробиться.

Темные, мучительные воспоминания нахлынули на него. Он вновь увидел Бардана в его последний день, окровавленного, окруженного врагами. Шестеро уже полегли, а страшный топор знай рубил направо и налево. И тут Бардану пронзили копьем горло. Из раны хлынула кровь, но Бардан успел еще убить копейщика, прежде чем рухнуть на колени. Сзади к нему подбежал другой и добил его ударом в шею.

Четырнадцатилетний Бресс, сидя высоко на дубу, видел, как умер его отец, и слышал, как один из убийц сказал: «Волк издох — а где же волчонок?»

Он всю ночь просидел на дереве, над обезглавленным телом Бардана, и только на рассвете слез. В нем не было печали, когда он стоял у тела отца, — только громадное облегчение, смешанное с чувством вины. Бардан-Мясник, Бардан-Убийца, Бардан-Демон умер.

Бресс прошел шестьдесят миль до ближайшего селения и нанялся там в подмастерья к плотнику. Но прошлое не оставило его в покое: очень скоро бродячий жестянщик узнал в нем дьяволова сына. У мастерской плотника собралась свирепая толпа, вооруженная дубинками и камнями.

Бресс вылез в заднее окошко и убежал из деревни. В последующие пять лет ему трижды приходилось убегать вот так — а потом он встретил Ариту.

Судьба наконец-то улыбнулась ему. Он помнил, как отец Ариты в день свадьбы подошел к нему с кубком вина. «Я знаю, парень, сколько тебе пришлось выстрадать, и я не из тех, кто верит, что дети должны отвечать за вину отцов. Я вижу — ты человек хороший».

Да, хороший, подумал нынешний Бресс, прижимая к губам перчатку. Арита носила ее в тот день, когда трое южан приехали в деревню, где поселился Бресс с женой и маленьким сыном. Бресс завел там небольшое, но бойкое дело, мастеря броши, кольца и ожерелья для зажиточ-

ных селян. В то утро они отправились на прогулку — Арита несла на руках дитя.

«Это сын Бардана!» — крикнул кто-то, и Бресс обернулся. Трое всадников неслись прямо к ним. Арита упала, сбитая лошадью, Бресс бросился на всадника и стащил его с седла. Другие двое тоже спешились, и Бресс принялся молотить их кулаками, пока не уложил всех.

Тогда он кинулся к Арите, но она была мертва, а ребенок плакал подле нее...

С этого дня Бресс жил как человек, лишенный надежды. Улыбался он редко и никогда не смеялся.

Преследуемый призраком Бардана, странствовал он по дренайской земле вместе с сыном. Брался за любую работу: был чернорабочим в Дренане, плотником в Дельнохе, в Машрапуре строил мост, в Кортсвейне ходил за лошадьми. Пять лет назад он женился на крестьянской дочери Патике — девушке простой, некрасивой и не слишком умной. Бресс привязался к ней, но любовь не могла больше поселиться в его сердце — Арита унесла ее с собой. Он женился на Патике, чтобы у Друсса была мать, но мальчик так и не полюбил ее.

Два года назад, когда Друссу было пятнадцать, они приехали в Скодийские горы — но призрак и тут не покинул их, воплотившись, по всей видимости, в мальчике.

— Что мне делать, Арита? — произнес Бресс.

В дом вошла Патика с тремя свежеиспеченными хлебами — крупная женщина с круглым приятным лицом, обрамленным золотисто-рыжими волосами. Она увидела перчатку и попыталась скрыть внезапно накатившую боль.

— Видел ты Друсса? — спросила она.

— Видел. Говорит, что постарается сдерживать себя.

— Дай ему время. Ровена успокоит его.

Услышав снаружи стук копыт, Бресс положил перчатку на стол и вышел. В деревню въезжали всадники с мечами в руках.

Ровена бежала от реки, высоко подоткнув подол. Увидев конных, она хотела свернуть, но один из них направился к ней. Бресс метнулся к нему и стянул его с седла. Конный грянулся оземь, выпустив меч. Бресс подхватил оружие. Чье-то копье пронзило ему плечо, но он с гневным ревом обернулся назад, и древко сломалось. Бресс взмахнул мечом — всадник отшатнулся, конь встал на дыбы.

Прочие конники взяли Бресса в кольцо, наставив на него копья.

Бресс понял: сейчас он умрет. Время будто застыло. Он видел небо, затянутое грозовыми тучами, вды-

хал запах свежескошенной травы. В деревню галопом врывались все новые всадники, слышались крики гибнущих селян. Все их труды пропали впустую. Гнев застлал Брессу глаза. Он стиснул меч и с боевым кличем Бардана «Кровь и смерть!» бросился на врагов.

Друсс в лесу оперся на топор, и внезапная улыбка осветила его обычно угрюмое лицо. Между туч пробилось солнце, и он увидел вверху орла, парящего на золотистых, будто пылающих крыльях. Друсс снял с головы промокшую от пота полотняную повязку, положил на камень сушиться, хлебнул из меха воды. Пилан и Йорат отложили свои топорики.

Скоро Таилия и Берис приведут лошадей — надо будет обмотать деревья цепями и доставить их в деревню. Но пока можно посидеть и передохнуть. Друсс развязал узелок, который дала ему утром Ровена, — там лежал ломоть мясного пирога и большой кусок медовой коврижки.

— Вот они, прелести семейной жизни! — сказал Пилан.

— Надо было ухаживать за ней получше, — со смехом ответил Друсс, — а теперь уж поздно завидовать.

— Я ей не по вкусу, Друсс. Она сказала, что от одного вида ее мужа молоко должно киснуть — а за таким, как я, мол, только и следи, чтобы не отбили. Сдается мне, ее мечта сбылась. — Тут Пилан осекся, увидев выражение лица дровосека и холодный блеск его светлых глаз. — Я ведь только пошутил, — побледнев, добавил сын кузнеца.

Друсс глубоко вздохнул и, памятуя просьбу отца, поборол гнев.

— Не люблю я... шуток, — проговорил он, чувствуя вкус желчи во рту.

— Ничего страшного, — вмешался Йорат, садясь рядом с ним. — Но знаешь, Друсс, неплохо бы тебе научиться понимать шутки. Мы всегда поддразниваем своих... друзей. Ничего дурного в этом нет.

Друсс молча кивнул и занялся пирогом. Йорат прав. То же самое говорила ему Ровена, но от нее Друсс мог принять любой укор. С ней он спокоен, а мир полон красок и радости. Он покончил с едой и встал.

— Пора бы уж девушкам явиться.

— Я уже слышу лошадей, — сказал Пилан.

— Скачут вовсю, — добавил Йорат.

Таилия и Берис вбежали на просеку с искаженными от страха лицами, оглядываясь назад. Друсс схватил

воткнутый в пень топор и бросился к ним. Таилия споткнулась на бегу и упала.

Из-за деревьев появились шестеро всадников в сверкающих на солнце доспехах, в шлемах с вороненными крыльями, с мечами и копьями. Увидев юношей, всадники с гиканьем направили к ним своих взмыленных коней.

Пилан и Йорат бросились бежать. Трое всадников погнались за ними, трое остальных скакали прямо на Друсса.

Он стоял спокойно, держа топор поперек голой груди. Прямо перед ним лежало поваленное дерево. Первый конь перескочил через ствол, и всадник, вооруженный копьем, подался вперед. В тот же миг Друсс метнулся к нему, описав топором смертоносную дугу. Лезвие обрушилось всаднику на грудь, раскололо панцирь, раздробило ребра. Он вылетел из седла. Друсс хотел выдернуть топор, но лезвие застряло в доспехах. В воздухе над головой свистнул меч — Друсс нырнул вбок и покатился по земле. Схватив второго коня за правую переднюю ногу, он мощным броском повалил лошадь вместе с всадником, перескочил через дерево и побежал туда, где братья оставили свои топоры. Схватив топорик, он обернулся к третьему всаднику. Топор пролетел по воздуху, ударив всаднику в зубы. Тот пошатнулся в седле, и Друсс стащил его вниз. Всадник, бросив копье, попытался вытащить кинжал, но Друсс выбил клинок из его руки, нанес сокрушительный удар в челюсть и вогнал кинжал в незащищенное горло врага.

— Друсс, берегись! — закричала Таилия. Он обернулся, едва избежав целящего в живот меча. Отразил клинок предплечьем, ударил противника в челюсть правой, сбил его с ног. Одной рукой ухватил за подбородок, другой за темя, приналег — и шея врага сломалась, точно сухая ветка.

Подскочив к первому убитому, Друсс вытащил из его тела свой топор. Таилия выбежала из кустов, где пряталась.

— Они напали на деревню, — со слезами воскликнула она.

На просеке появился бегущий Пилан — за ним гнался всадник с копьем.

— Сворачивай! — заревел Друсс, но Пилан, ничего не слыша от ужаса, продолжал бежать по прямой — и копье, пронзив ему спину, вышло из груди с фонтаном крови. Юноша закричал и обмяк на древке. Друсс с яростным воплем бросился вперед. Всадник отчаянно пытался выдернуть копье из тела умирающего. Друсс свирепо взмахнул топором — лезвие отскочило от плеча седока и вонзилось в шею лошади. С диким ржанием она взвилась на дыбы и рухнула наземь, молотя ногами. Всадник вылез из-под коня, из раны

на плече текла кровь. Он хотел убежать, но следующий удар Друсса почти мгновенно перерубил ему шею.

Услышав крик в лесу, Друсс устремился туда. Йорат бился с одним из воинов — второй стоял на коленях, и из виска у него сочилась кровь. Рядом лежала мертвая Берис с окровавленным камнем в руке. Тот, что дрался с Йоратом, ударил юношу головой, отшвырнул его на несколько шагов, вскинул меч.

Друсс закричал, желая отвлечь врага, — без толку: клинок вонзился Йорату в бок. Воин выдернул меч и обернулся к Друссу:

— Теперь твой черед умирать, батрак!

— Не дождешься! — Друсс занес топор над головой и ринулся на врага. Тот отступил вправо, но Друсс именно этого и ждал — всей силой своих могучих плеч он изменил направление удара. Топор рассек ключицу, раздробил лопатку, вошел в легкие. Вырвав его из раны, Друсс подскочил к другому врагу, который пытался встать, и добил его смертельным ударом в шею.

— Помоги мне! — крикнул Йорат.

— Я пришлю к тебе Таилию, — сказал Друсс и побежал обратно.

Взлетев на вершину холма, он посмотрел на деревню. Повсюду валялись тела, но всадников видно не было. В первый миг Друсс подумал, что селяне отбили нападение, но нет, в деревне не наблюдалось никаких признаков жизни.

— Ровена! — закричал он. — Ровена!

Друсс помчался вниз. На бегу споткнулся, упал, выронил топор, но поднялся и побежал дальше — через луг, через пустошь, в недостроенные ворота. Тела лежали повсюду. Отец Ровены, бывший приказчик Ворен, был убит ударом в горло, и земля под ним пропиталась кровью. Друсс, тяжело дыша, остановился посреди деревенской площади.

Старухи, малые дети и мужчины лежали мертвые. Золотоволосая Кирис, любимица всей деревни, покоилась рядом со своей куклой. У дома остался трупик грудного младенца, и кровавое пятно на стене красноречиво говорило о том, как его убили.

Отца Друсс нашел на открытом месте, в окружении четырех убитых врагов. Патика лежала рядом с молотком в руке — ее простое бурое шерстяное платье промокло от крови. Друсс упал на колени рядом с отцом. Грудь и живот Бресса покрывали страшные раны, а левая рука в запястье была почти отрублена. Он застонал и закрыл глаза.

— Друсс...

— Я здесь, отец.

— Они забрали всех молодых женщин... и Ровену тоже.

— Я отыщу ее.

Бресс взглянул направо, где лежала его жена.

— Храбрая девочка. Она пыталась помочь мне. Я должен был... крепче любить ее. — Бресс вздохнул и сплюнул пошедшую горлом кровь. — Там спрятано оружие... в доме, у дальней стены, под полом. У него страшная история, но тебе... оно понадобится.

Их глаза встретились. Умирающий приподнял правую руку, и Друсс взял ее.

— Я старался, как мог, мой мальчик.

— Я знаю.

Бресс угасал на глазах, а Друсс был не мастер говорить. Он только прижал отца к себе, поцеловал его в лоб и ждал, пока последний вздох не вышел из истерзанного тела.

Тогда он встал и вошел в дом. Все было перевернуто — шкафы распахнуты, ящики выдвинуты, ковры содраны со стен. Но тайник у дальней стены не обнаружил никто. Друсс поднял половицы и вытащил запыленный сундук, а потом Друсс взял в отцовской мастерской молоток и долото, отбил петли и сорвал крышку вместе с медным замком.

Внутри, завернутый в промасленную кожу, лежал топор — но какой! Друсс благоговейно развернул его. Черная металлическая рукоять длиной с мужскую руку, двойные лезвия — как крылья бабочки. Друсс потрогал края большим пальцем — острые как нож, которым брился отец. Топорище украшали серебряные руны — Друсс не мог их прочесть, но знал, что там написано. Ведь это был страшный топор Бардана, убивавший в годину ужаса мужчин, женщин и даже детей. Если верить сказаниям, надпись гласила:

Снага-Паромщик не знает возврата.

Друсс взял топор в руки, дивясь его легкости и превосходно соблюденному равновесию.

Ниже лежал черный кожаный колет с наплечниками из серебристой стали, а еще перчатки с такими же шипами и пара черных сапог до колена. Под всем этим обнаружился кошелек, а в нем — восемнадцать серебряных монет.

Скинув с себя мягкие кожаные постолы, Друсс натянул сапоги и надел колет. На самом дне сундука отыскался шлем из черного металла — во лбу у него красовался

серебряный топорик в обрамлении серебряных черепов. Друсс водрузил на себя шлем и снова взял топор. В блестящем лезвии отразилась пара холодных голубых глаз, пустых и бесчувственных.

Снага... Этот топор во времена Древних выковал великий мастер. Снага... Его ни разу еще не точили — сталь его не тупилась, несмотря на множество битв, в которых проходила жизнь Бардана. А ведь топором пользовались задолго до Бардана. Бардан добыл Снагу во время Второй Вагрийской войны, ограбив гробницу древнего короля-воина, легендарного убийцы Караса.

«Это дурное оружие, — сказал как-то Бресс сыну. — Все, кто носил его, были бездушными убийцами».

«Зачем ты тогда хранишь его?» — спросил тринадцатилетний Друсс.

«Пока он у меня, он никого не убьет».

— Теперь ты снова сможешь убивать, — шепнул Друсс топору.

Снаружи донесся стук копыт идущей шагом лошади. Друсс медленно встал.

Глава 2

Кони Шадака вели себя неспокойно — запах смерти тревожил их. Своего трехлетку он купил у крестьянина к югу от Кориалиса, и мерину еще не доводилось бывать на войне. Четыре лошади, взятые у бандитов, не так волновались, но все-таки прядали ушами и раздували ноздри. Шадак ехал, успокаивая их ласковыми словами.

Почти всю свою взрослую жизнь он пробыл солдатом. Он видел смерть — и благодарил богов за то, что привычка к ней не очерствила его. Гнев в его сердце боролся с горем, когда он смотрел на трупы детей и старых женщин.

Дома бандиты поджигать не стали — дым виден за много миль и мог бы привлечь сюда дренайских кавалеристов. Шадак натянул поводья, увидев у стены золотоволосую девочку и рядом с ней куклу. Детей работорговцы не берут — на машрапурском рынке их не сбудешь. А вот на молодых дренаек в возрасте от четырнадцати до двадцати пяти лет по-прежнему большой спрос в восточных королевствах: Вентрии, Шераке, Доспилисе и Наашане.

Шадак тронул мерина каблуками. Нет смысла задерживаться здесь: следы ведут на юг.

Но тут из ближнего дома вышел молодой воин. Конь испуганно заржал, взвился на дыбы. Шадак, уняв мерина, оглядел юношу. Ростом невысок, но из-за могучего сложения, широченных плечищ и мощных рук кажется великаном. На нем был черный кожаный колет, черный шлем, а в руках он держал наводящий страх топор. Шадак обвел взглядом усеянную трупами округу, но коня поблизости не увидел. Он перекинул ногу через седло и соскочил на землю.

— Похоже, друзья тебя бросили, парень?

Молодой человек, не отвечая, подошел поближе, и Шадак, заглянув в его светлые глаза, ощутил непривычный страх.

Лицо под шлемом не выражало ничего, но от воина веяло силой. Шадак настороженно переместился вправо, опустив руки на рукояти мечей.

— Ты, я вижу, гордишься своей работой? — заговорил он снова. — Много детишек нынче убил, да?

— Я здесь живу, — нахмурившись, пробасил молодой человек. — А вот ты не из них ли будешь?

— Я иду по их следу, — удивляясь испытанному облегчению, ответил Шадак. — Они напали на Кориалис, чтобы взять там рабынь, но девушки разбежались, а мужчины вступили в бой. Они потеряли семнадцать человек, зато прогнали врага. Меня зовут Шадак, а тебя?

— Друсс. Они угнали мою жену. Я найду их.

Шадак взглянул на небо.

— Дело к вечеру. Лучше выехать утром — ночью можно сбиться со следа.

— Я ждать не стану. Дай мне одну из твоих лошадей.

— Трудно отказать в столь учтивой просьбе, — угрюмо усмехнулся Шадак, — но давай все же поговорим, прежде чем ты отправишься в путь.

— Зачем?

— Затем, что их много, парень, и они имеют привычку оставлять позади заслон, который следит за дорогой. — Шадак кивнул на лошадей. — Эти четверо поджидали меня.

— Я убью всех, кого встречу.

— Ваших женщин, похоже, они увели? Я не вижу здесь их тел.

— Да.

Шадак привязал коней к изгороди и прошел мимо юноши в дом Бресса.

— Ты ничего не потеряешь, если послушаешь, что я скажу. — Ставя на место стулья, он увидел на столе

старую кружевную перчатку, вышитую жемчугом, и спросил светлоглазого юношу: — Чья это?

— Моей матери. Отец порой вынимал ее из ларца и сидел с ней у огня. Так о чем ты хотел поговорить?

Шадак сел к столу.

— В этой банде два вожака — изменник Коллан, бывший дренайский офицер, и Хариб Ка, вентриец. Едут они в Машрапур, на невольничий рынок. С пленницами они будут двигаться не так скоро, и нам не составит труда догнать их. Если мы пустимся в погоню немедля, то застанем их на открытом месте. Двое против сорока — итог неутешительный. Они будут погонять почти всю ночь, чтобы поскорее пересечь равнину и добраться до длинных долин, ведущих к Машрапуру, — а завтра к вечеру они успокоятся.

— Они забрали мою жену. Я не позволю ей оставаться там даже на мгновение дольше необходимого.

Шадак со вздохом покачал головой:

— Я бы тоже не позволил, парень. Но ты же знаешь места, лежащие к югу. Разве сможем мы спасти ее, будучи на равнине? Они заметят нас еще за милю.

Молодой человек впервые проявил нерешительность — пожал плечами, сел и положил свой громадный топор на стол поверх маленькой перчатки.

— Ты кто, солдат? — спросил он.

— Был солдатом — теперь я охотник. Охотник на людей. Доверься мне. Сколько всего женщин они взяли?

Юноша ненадолго задумался.

— Что-то около тридцати. Берис убили в лесу, Таилия убежала. Но я видел не все тела — может, погибли и другие.

— Ладно, будем считать, что тридцать. Не так-то легко будет освободить их.

Шорох у двери заставил собеседников обернуться. В дом вошла красивая белокурая девушка. На голубой шерстяной юбке и белой полотняной рубахе запеклась кровь. Шадак встал.

— Йорат умер, — сказала она. — Все умерли, никого не осталось. — Глаза ее наполнились слезами. Она стояла на пороге, потерянная и одинокая. Друсс не двинулся с места, но Шадак, поспешив к девушке, обнял ее и прижал к себе, а после подвел к столу и усадил.

— Не найдется ли у тебя еды? — спросил он Друсса.

Тот кивнул и ушел в заднюю комнату, вернувшись с кувшином воды и хлебом. Шадак наполнил глиняный кубок и подал девушке.

— Ты не ранена? — спросил он.

— Нет, это кровь Йората, — прошептала она. Шадак сел с ней рядом, и Таилия без сил приникла к нему.

— Тебе надо отдохнуть. — Он помог ей встать и провел ее в спальню. Она послушно улеглась, и Шадак укрыл ее толстым одеялом. — Спи, дитя. Я буду рядом.

— Не уходи, — взмолилась она.

Он взял ее за руку.

— Все хорошо теперь, Таилия. Поспи. — Она закрыла глаза, не отпуская его руки, и Шадак сидел с ней, пока ее пальцы не разжались и дыхание не стало ровным. Потом он встал и вернулся в горницу.

— Ты что ж, собрался бросить ее здесь? — спросил он.

— Она для меня ничто, — холодно ответил Друсс, — а Ровена — все.

— Понятно. Ну а если бы убили тебя, а Ровена спряталась в лесу? Каково твоему духу было бы видеть, что я уехал и бросил ее здесь, на безлюдье?

— Но я жив.

— Да уж. Эта девушка поедет с нами.

— Нет!

— Да — или ты пойдешь дальше пешком.

Глаза Друсса блеснули.

— Нынче я убил нескольких человек и больше не стану сносить угроз — ни от тебя, ни от кого иного. Если я захочу ехать на одной из твоих краденых лошадей, я поеду. И не советую мешать мне.

— Я не спрашивал твоего совета, парень. — Шадак произнес это тихо, со спокойной уверенностью, но в душе он, к собственному удивлению, этой уверенности не чувствовал. Рука юноши медленно охватила рукоять топора. — Я понимаю твою злость и понимаю, как ты переживаешь за свою Ровену. Но один ты ничего не добьешься — разве что ты очень опытный следопыт и наездник. Ночью ты непременно потеряешь их след, а днем налетишь прямо на них и попытаешься справиться в одиночку с сорока воинами. Тогда уж никто не поможет ни ей, ни другим.

Друсс, медленно разжав пальцы, убрал руку, и блеск в его глазах померк.

— Мне невыносимо сидеть здесь, когда ее уводят все дальше.

— Понимаю, но они от нас не уйдут. А женщинам они зла не причинят — не станут портить ценный товар.

— У тебя есть какой-то план?

— Да. Я знаю те места и догадываюсь, где они завтра разобьют лагерь. Мы подкрадемся к ним ночью, снимем часовых и освободим пленниц.

— А потом? Они ведь погонятся за нами. Как же мы уйдем от них, с тридцатью-то женщинами?

— Их вожаки к тому времени будут мертвы, — заверил Шадак. — Я об этом позабочусь.

— Кто-нибудь другой возглавит их и устроит погоню.

Шадак с улыбкой пожал плечами:

— Тогда постараемся убить побольше народу.

— Вот это по мне, — угрюмо бросил юноша.

Звезды светили ярко, и Шадак с крыльца хорошо видел Друсса, сидящего рядом с телами родителей.

— Старею я, видно, — шепнул воин то ли себе, то ли Друссу. — Это из-за тебя я почувствовал себя стариком.

Ни один человек за последние двадцать лет не вселял в Шадака такого страха. Только в далеком прошлом был такой — сатул по имени Йонасин с ледяным огнем в глазах, живая легенда своего народа. Первый княжеский боец, он убил в единоборстве семнадцать человек, в том числе и первого вагрийского бойца Веарла.

Шадак знал этого вагрийца — высокого, гибкого, быстрого как молния и хорошего тактика. Рассказывали, что сатул разделался с ним, как с новичком — сперва отсек ему ухо, а после убил ударом в сердце.

Шадак улыбнулся, вспомнив, как надеялся всей душой, что ему-то с сатулом сразиться не придется. Теперь он понимал, что такие надежды сродни колдовству и с тобой непременно случается то, чего ты больше всего боишься...

...В Дельнохских горах стояло золотое утро. Дренаи вели переговоры с сатулийским князем, и Шадак состоял в охране посланника. Йонасин слегка задирал их на пиру прошедшей ночью, высмеивая боевое мастерство дренаев. Шадаку было приказано не обращать на него внимания, но наутро сатул в своих белых одеждах подошел прямо к нему.

«Я слыхал, ты слывешь хорошим бойцом», — насмешливо бросил Йонасин. Шадак сохранял спокойствие. «Дай-ка дорогу, — попросил он. — Меня ждут в большом зале». «Я пропущу тебя, если поцелуешь мне ноги».

Двадцатидвухлетний Шадак был тогда в полном расцвете сил. Он посмотрел в глаза Йонасину и понял: схватки не избежать. Вокруг собрались другие сатулы, и Шадак заставил себя улыбнуться. «Ноги? Полно тебе. Поцелуй-ка лучше вот это!» С этими словами он заехал правой сатулу в подбородок, сбив его с ног, прошел мимо и занял свое место за столом.

Высокий сатулийский князь с темными жестокими глазами заметил его, и Шадак уловил тень веселья и даже торжества на его лице. Посыльный шепнул что-то на ухо князю, и вождь сатулов встал. «Вы нарушили закон гостеприимства, — сказал он дренайскому посланнику. — Один из ваших людей ударил моего бойца Йонасина. Ударил без предупреждения. Йонасин требует удовлетворения».

Посланник онемел, и Шадак поднялся с места. «Он получит удовлетворение, князь. Только с условием: устроим поединок на кладбище, чтобы не пришлось далеко тащить его труп!»

Крик совы вернул Шадака к настоящему, и он увидел, что Друсс идет к нему. Юноша хотел пройти мимо, но задержался.

— Нет у меня слов, — сказал он. — Ничего не могу придумать.

— Поговори о них со мной, — предложил Шадак. — Говорят, будто мертвые слышат, когда мы о них говорим, — может, это и правда, как знать.

Друсс сел рядом с ним.

— Что о них можно сказать? Он был плотником и мастерил безделушки, а ее он взял для хозяйства.

— Они вырастили тебя, подняли на ноги. Дали тебе силу.

— Силой я им не обязан.

— Ошибаешься, Друсс. Будь твой отец слабым человеком, он бил бы тебя, пока ты был мал, и сломил бы твой дух. Поверь моему опыту: сильного может воспитать только сильный. Этот топор принадлежал ему?

— Нет, деду.

— Бардану-Убийце, — тихо проговорил Шадак.

— Откуда ты знаешь?

— У этого оружия дурная слава. Снага — так оно зовется. Нелегко, видно, было твоему отцу расти с таким зверем, как Бардан. А что случилось с твоей родной матерью?

— Она погибла, когда я был младенцем. Несчастный случай.

— Ага, вспоминаю. На твоего отца напали трое — двоих он убил голыми руками, а третьего изувечил. Один из них сбил конем твою мать.

— Отец убил двух человек? — изумился Друсс. — Ты уверен?

— Так люди говорят.

— Не могу в это поверить. Он чурался всякой ссоры, никогда не умел за себя постоять. В нем не было стержня.

— Я так не думаю.

— Ты ведь его не знал.

— Я видел его тело и мертвых врагов вокруг. О сыне Бардана ходит много историй, и ни в одной не гово-

рится, что он трус. После гибели своего отца он селился в разных местах под разными именами — но его каждый раз узнавали и вынуждали бежать. Но трижды по меньшей мере ему пришлось сражаться. Близ Дренана его окружили пятеро солдат, и один ранил его стрелой в плечо. Бресс тогда нес на руках ребенка. Как рассказывали потом уцелевшие солдаты, он уложил дитя около валуна и кинулся на них. Они имели при себе мечи, а он был безоружен, но он отломил с дерева сук и мигом повалил двоих, а остальные пустились наутек. Уж тут-то все правда, Друсс, — я это знаю, потому что среди них был мой брат. На следующий год его убили в сатулийском походе. Он говорил, что сын Бардана — чернобородый великан, наделенный силой шести человек.

— Я об этом ничего не знал. Почему он мне не рассказывал?

— А зачем? Не очень-то, видно, лестно быть сыном чудовища. Ему, наверное, не доставляло радости рассказывать, как он убивал людей или оглоушивал их дубиной.

— Выходит, я совсем не знал его, — прошептал Друсс.

— Да и он, похоже, не знал тебя, — вздохнул Шадак. — Это вечное проклятие отцов и детей.

— А у тебя есть сыновья?

— Был один. Погиб неделю назад в Кориалисе. Он полагал себя бессмертным, и вот что из этого вышло.

— Что с ним случилось?

— Он бросился на Коллана, и тот изрубил его на куски. — Шадак закашлялся и встал. — Надо поспать немного. Скоро рассвет, а я уже не столь молод.

— Спокойного тебе сна.

— Да, парень, я всегда сплю спокойно. Ступай к своим родителям и скажи им что-нибудь на прощание.

— Погоди! — воскликнул Друсс. Воин задержался на пороге. — Ты верно сказал. Я не хотел бы, чтобы Ровена осталась одна в горах. Я говорил в гневе...

Шадак кивнул:

— Силу человеку дает то, что вызывает в нем гнев. Помни об этом, парень.

Шадаку не спалось. Он удобно устроился в кожаном кресле, вытянул длинные ноги к огню и положил голову на подушку, но образы и воспоминания продолжали клубиться в его уме.

Он снова видел перед собой сатулийское кладбище и Йонасина, обнаженного по пояс, с широкой изогнутой саблей и маленьким железным щитом на левой руке.

«Что, дренай, страшно?» — спросил он.

Шадак, не отвечая, медленно отстегнул перевязь и снял теплую шерстяную рубаху. Солнце грело спину, свежий горный воздух наполнял легкие. *Нынче ты умрешь*, шепнул ему внутренний голос.

И поединок начался. Первую кровь пустил Йонасин, задев грудь Шадака. Больше тысячи сатулов, собравшихся вокруг кладбища, разразились криками. Шадак отскочил назад.

«Уж не намерен ли ты покуситься на мое ухо?» — небрежно бросил он. Йонасин сердито зарычал и снова ринулся в атаку. Шадак отразил удар и двинул сатула кулаком в лицо. Кулак отскочил от скулы, но Йонасин пошатнулся, и Шадак ткнул его мечом в живот. Йонасин успел отклониться вправо, и клинок распорол только кожу на боку. Настал черед Йонасина отскочить назад. Из пореза хлестала кровь, и сатул потрогал рану, изумленно глядя вниз.

«Да, — сказал Шадак, — у тебя тоже есть кровь в жилах. Иди сюда, я пущу тебе еще малость».

Йонасин с воплем ринулся вперед, но Шадак ступил в сторону и рубанул его по шее. Когда смертельно раненный сатул повалился наземь, Шадак ощутил громадное облегчение и радость осуществившегося. Он жив!

Но его карьере пришел конец. Переговоры завершились ничем, и после возвращения в Дренан Шадака отправили в отставку.

После этого он нашел свое истинное призвание, став Шадаком-Охотником, Шадаком-Следопытом. Разбойники, убийцы, изменники — он шел за ними, как волк.

За все годы после боя с Йонасином он не знал больше подобного страха. До сегодняшнего дня, когда молодой воин с топором вышел на солнце.

«Он молод и не обучен, я убил бы его», — твердил себе Шадак.

Но льдистые голубые глаза и сверкающий топор не оставляли его в покое.

Друсс сидел под звездами. Он устал, но спать не мог. На улице показалась лисица — она подбиралась к мертвому телу. Друсс швырнул в нее камнем, и она отбежала, но недалеко.

Завтра сюда слетится воронье, и звери сбегутся пожрать мертвую плоть. Всего несколько часов назад здесь суетились живые люди со своими надеждами и мечтами. Друсс встал и пошел по главной улице мимо дома пекаря, который лежал на пороге рядом со своей женой. Кузня была от-

крыта, и огонь в ней еще не совсем погас. Внутри лежали три тела. Тетрин-кузнец успел уложить своим молотом двух врагов, а сам рухнул у наковальни с перерезанным горлом.

Друсс отвернулся.

И зачем же все это делается? Ради рабов и золота. Чужие жизни для работорговцев не значат ничего.

— Вы поплатитесь за это, — сказал Друсс, глядя на мертвого кузнеца. — И вы, и ваши сыновья — я всем вам отомщу.

Он подумал о Ровене — в горле у него пересохло, и сердце забилось чаще. Сдержав слезы, он оглядел деревню.

В лунном свете она казалась странно живой, нетронутой. Почему бандиты не подожгли ее? В рассказах о таких набегах захватчики всегда поджигали дома. Потом он вспомнил о дренайском эскадроне, дозором объезжавшем округу. Столб дыма мог привлечь солдат, окажись они поблизости.

Друсс понял, что нужно делать. Он протащил труп Тетрина по улице к залу собраний, пинком открыл дверь и уложил кузнеца посередине. Потом вернулся на улицу и начал стаскивать в зал всех мертвых. Он был уже усталым, когда начинал, и под конец вымотался совсем. Сорок четыре тела разместил он в длинном зале, позаботившись уложить мужей рядом с женами и детьми. Он не знал, зачем так делает, но это казалось ему правильным.

Последним он внес в дом тело Бресса и уложил его рядом с Патикой. Став на колени перед мачехой, он склонил голову.

— Спасибо тебе за твою многолетнюю заботу и за любовь, которую ты дарила отцу. Ты заслуживала лучшей доли, Патика.

Собрав всех мертвых, он начал носить дрова из зимнего хранилища, раскладывая их вдоль стен и между трупами. Напоследок он принес из амбара большой бочонок лампадного масла, полил дрова и плеснул на стены.

Когда на востоке забрезжил рассвет, он поджег свой погребальный костер и раздул пламя. Утренний ветерок, впорхнув в дверь, дохнул на огонь, и огонь с голодным ревом охватил первую стену.

Друсс вышел на улицу. Поначалу дыма было мало, но вот пламя разгорелось и в утреннее небо взвился черный столб. Легкий ветер превратил его в грозовую тучу.

— Здорово же ты потрудился, — сказал тихо подошедший Шадак.

Друсс кивнул.

— Хоронить их не было времени. Может быть, солдаты заметят дым.

— Возможно — но тебе надо отдохнуть. Нынче вечером силы тебе понадобятся. — Шадак пошел прочь, и Друсс залюбовался его плавной, уверенной походкой.

Она восхищала юношу, как восхищала и ласка, с которой Шадак принял Таилию. Словно отец или брат. Друсс знал, что девушка нуждается в утешении, но сам не способен был утешить ее. Он не обладал легкостью общения, как Пилан или Йорат, и в обществе женщин и девушек всегда держался неловко.

Только не с Ровеной. Он помнил день, когда Ровена с отцом приехали в деревню, — это было прошлой весной. С ними вместе приехали несколько других семей, и Ровена, стоя у повозки, помогала разгружать мебель. Друссу девушка показалась хрупкой, как тростинка, и он подошел к ней.

«Давай помогу», — буркнул он, пятнадцатилетний, грубее, чем намеревался. И она обернулась к нему с открытой дружеской улыбкой. Друсс принял у ее отца стул и отнес в недостроенный дом. Когда всю мебель разгрузили и расставили, Друсс хотел уйти, но Ровена вынесла ему воды.

«Какой ты милый, что помог нам. Ты очень сильный».

Он пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Она назвала ему свое имя, а он так и ушел, не назвавшись. В тот же вечер, увидев его у южного ручья, она подошла к нему и села рядом — так близко, что он оторопел.

«Красиво тут, правда?» — сказала она.

Да, вид был красивый. Горы высились, как седоголовые великаны, солнце золотым диском горело на небе цвета расплавленной меди, на холмах цвели цветы. Но Друсс не видел этой красоты, пока девушка ее не заметила. Его объял покой, словно его беспокойный дух укутали теплым одеялом.

«Меня зовут Друсс». — «Я знаю. Я спросила у твоей матери, где тебя найти». — «Зачем?» — «Ты первый, с кем я здесь подружилась». — «Как так подружилась? Ты ведь меня не знаешь». — «Почему же, знаю. Ты Друсс, сын Бресса». — «Этого недостаточно. Меня... не любят здесь». Он сам не знал, почему так легко в этом признается. «Не любят? Почему?» Она задала свой вопрос совершенно невинно, и он повернулся к ней. Ее лицо было так близко, что он вспыхнул и отодвинулся. «Наверное, потому, что я грубый. И говорю мало. А иногда на меня находит злость. Не понимаю я их шуток и прибауток. Люблю быть один». — «Хочешь, я уйду?» — «Нет! Я сам не знаю, что говорю». И он побагровел еще пуще.

«Тогда будем друзьями?» — спросила она, протянув ему руку. «У меня никогда еще не было друга», — признал-

ся он. «Пожми мне руку, и начнем прямо сейчас. — Ее теплые пальчики коснулись его мозолистой ладони. — Ну как, друзья?» — улыбнулась она. «Друзья». Она хотела убрать руку, но он задержал ее в своей, потом отпустил и сказал: «Спасибо». «За что?» — засмеялась она. «Сам не знаю. Просто ты подарила мне то, что никто еще не дарил. И для меня это очень серьезно. Я буду твоим другом, Ровена, пока звезды не угаснут». — «Поосторожней с такими обещаниями, Друсс. Ты не знаешь, куда они могут тебя завести».

...Кровля затрещала, охваченная огнем.

— Иди-ка выбери себе лошадь, воин, — крикнул Шадак. — Пора в дорогу.

Взяв топор, Друсс обернулся к югу. Где-то там была Ровена.

— Я иду к тебе, — шепнул он.

И она его услышала.

Глава 3

Повозки катились весь день и всю ночь. Ошеломленные пленницы поначалу сидели тихо. Потом на смену оцепенению пришло горе, и они залились слезами. Всадники, сопровождавшие повозки, велели им замолчать — но тщетно. Тогда мужчины влезли в фургоны и принялись раздавать удары и шлепки, угрожая прибегнуть к кнуту.

Ровена со связанными впереди руками сидела подле Мари, тоже связанной. У Мари опухли глаза — и от слез, и от удара, угодившего ей в переносицу.

— Как ты? — шепнула Ровена.

— Они погибли, — был ответ. — Они все погибли. — Мари смотрела перед собой невидящими глазами.

— Но мы-то живы, — тихо и ласково сказала Ровена. — Не теряй надежды, Мари. Друсс тоже жив. А с ним идет еще один человек — великий охотник. Они следуют за нами.

— Все погибли. Все.

— О, Мари! — Ровена потянулась к подруге связанными руками, но та с криком шарахнулась прочь.

— Не трогай меня! — Она впилась в Ровену диким горящим взором. — Это из-за тебя нас постигла кара. Из-за тебя, ведьма!

— Неправда! Я ни в чем не виновата!

— Она ведьма, — громко завопила Мари, и другие женщины в повозке уставились на них. — У нее дар ясновидения. Она знала о набеге, но нам ничего не сказала.

— Почему ты молчала? — подала голос дочь пекаря Ярина. — Мой отец погиб, и братья тоже. Почему ты нас не предостерегла?

— Я ничего не знала до последнего мгновения!

— Ведьма! — взвизгнула Мари. — Ведьма проклятая! — И связанными руками ударила Ровену по голове. Та повалилась на других женщин, и они принялись молотить ее руками и ногами. Всадники бросились к повозке. Ровена вылетела наружу и тяжело грянулась оземь.

— Что тут творится? — заорал кто-то.

— Ведьма! Ведьма! Ведьма! — вопили женщины.

Чья-то грязная рука схватила Ровену за волосы, и она увидела перед собой худое, покрытое шрамами лицо.

— Ведьма, значит? — проворчал мужчина. — Сейчас поглядим. — Он вынул нож, коснувшись острием ее шерстяной кофты. — Говорят, у ведьм три соска.

— Не трогай ее! — крикнул другой голос, и к ним подъехал всадник. Бандит убрал нож.

— Я не собирался ее резать, Хариб. Ведьма она или нет, за нее дадут хорошую цену.

— Очень хорошую, если она вправду ведьма. Посади ее с собой на коня.

Говоривший был смугл и темноглаз. Нижнюю часть его лица скрывал бронзовый шлем. Он пришпорил коня и ускакал, а державший Ровену разбойник сел в седло, пристроив ее за собой. От него разило потом и немытым телом, но Ровена этого не замечала. Глядя на повозку со своими недавними подругами, она заново переживала свою потерю.

Еще вчера мир был полон надежды. Их дом был почти готов, муж начинал ладить со своим мятежным нравом, отец наконец-то вздохнул свободно, Мари мечтала о ночи с Пиланом.

И вот за какие-то несколько часов все переменилось. Ровена потрогала брошь у себя на груди... и увидела, как ее муж превращается в Побратима Смерти.

Слезы тихо потекли у нее по щекам.

Шадак ехал впереди, читая следы, а Друсс и Таилия следовали за ним бок о бок — она на гнедой кобыле, он на рыжем мерине. В течение первого часа Таилия почти

не разговаривала, что вполне устраивало Друсса, но когда они поднялись на взгорье перед долиной, она тронула его за руку.

— Что вы намерены делать? Зачем мы едем за ними?

— А ты как думаешь? — буркнул Друсс.

— Но нельзя же вступать с ними в бой! Вас убьют. Не лучше ли отправиться в Падию, где стоит гарнизон, и послать за ними солдат? — Друсс посмотрел на Таилию — ее голубые глаза покраснели от слез.

— До Падии четыре дня ходу — а их может и не быть на месте, — им понадобится дня три, чтобы догнать эту шайку. К тому времени те будут уже на вагрийской земле, вблизи машрапурской границы. Дренайская армия там неправомочна.

— Но то, что вы задумали, бессмысленно.

— Там Ровена, — переведя дух, сказал Друсс, — и у Шадака есть план.

— Скажите на милость. — Таилия насмешливо скривила пухлые губы. — У двух великих воинов есть план. Полагаю, мне нечего бояться?

— Ты жива и ты свободна. Если хочешь ехать в Падию — езжай.

Смягчившись, она положила ладонь ему на руку.

— Я знаю, Друсс, ты храбрый парень. Я видела, как ты убил тех разбойников, — это было великолепно. А смотреть, как ты погибнешь напрасно, я не хочу — и Ровена бы тоже не хотела. Их много, и все они — законченные убийцы.

— Я сам убийца — а их теперь поубавилось.

— Ну а что будет со мной, когда вас зарубят? — вскричала она.

— Ничего хорошего, — смерив ее взглядом, холодно ответил он.

— Ах так? Ты всегда меня недолюбливал, верно? Как и всех нас.

— Полно вздор молоть. — Друсс послал коня вперед. Он больше не оглядывался на Таилию и не удивился, услышав, что она повернула на север.

Несколько минут спустя к нему подскакал Шадак.

— Где она? — спросил следопыт и пустил двух лошадей, которых вел за собой, пощипать траву.

— Отправилась в Падию, — ответил Друсс. Шадак молча посмотрел вдаль, на крохотную фигурку Таилии. — Ты бы ее все равно не отговорил.

— Это ты ее прогнал?

— Нет. Она думает, что мы оба покойники, и боится попасть в рабство.

— Что ж, с этим спорить трудно. Делать нечего — она сама выбрала свой путь. Будем надеяться, что он окажется верным.

— Что разбойники? — спросил Друсс, забыв и думать о Таилии.

— Они ехали всю ночь, следуя прямо на юг. Лагерь они, думаю, разобьют у Тигрена, милях в тридцати отсюда. Там есть узкая долина, выходящая в чашеобразный каньон. Работорговцы, конокрады, угонщики скота и дезертиры пользуются этим местом годами — его легко оборонять.

— Когда мы туда доберемся?

— Где-то после полуночи. Будем ехать еще два часа — потом сделаем привал, поедим и сменим лошадей.

— Я не нуждаюсь в отдыхе.

— В нем нуждаются лошади — и я тоже. Имей терпение. Ночь будет долгая и опасная — а наши надежды на успех, признаться, не столь уж велики. Таилия не зря боялась: нам понадобится больше удачи, чем человек имеет право ожидать.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Друсс. — Эти женщины тебе никто.

Шадак не ответил, и они молча ехали, пока солнце почти не достигло полудня. Тогда следопыт свернул на восток, к маленькой роще, и они спешились под развесистыми вязами у скального озерца.

— Скольких ты убил там, у себя? — спросил Шадак, когда они уселись в тени.

— Шестерых. — Друсс достал из сумки на боку полоску вяленого мяса и оторвал кусок.

— А раньше тебе приходилось убивать?

— Нет.

— Шестеро — внушительное число. Чем ты их?

Друсс некоторое время задумчиво жевал.

— Большим топором и маленьким. Еще кинжалом... и просто руками.

— И ты никогда не учился боевому ремеслу?

— Нет.

Шадак потряс головой.

— Расскажи мне, как дрался, — все, что сможешь вспомнить. — Молча выслушав повесть Друсса, Шадак улыбнулся: — Ты редкий юноша. Позицию за поваленным деревом ты выбрал удачно. Это была хорошая мысль — первая из многих, я бы сказал. Но поразительнее всего твой последний ход. Как ты узнал, что твой противник отскочит влево?

— У меня был топор, и враг видел, что я не левша. Следовало ожидать, что я вскину топор над левым пле-

чом и опущу вправо. Поэтому он отклонился вправо, то есть влево от меня.

— Трезвое рассуждение для человека в пылу боя. Сдается мне, ты немало унаследовал от деда.

— Не говори так! Он был безумец.

— И блестящий боец при этом. Он был злодей, что и говорить, но мужества и мастерства у него не отнимешь.

— Я сам себе голова. Все, что во мне есть, — мое, не чужое.

— Не сомневаюсь. Но сила у тебя громадная, ты хорошо рассчитываешь время и мыслишь как воин — все эти качества передаются от отца к сыну. Но знай, парень: они влекут за собой немалую ответственность.

— Какую еще ответственность?

— Ту, что отличает героя от злодея.

— Не понимаю, о чем ты.

— Это возвращает нас к вопросу, который ты мне задал. О женщинах. Настоящий воин живет по правилам — так уж устроен свет. Они у каждого свои, но основа одна и та же: «Не обижай женщин и детей. Не лги, не обманывай и не воруй. Будь выше этого. Защищай слабых от зла сильных, не позволяй мыслям о наживе увлечь себя на дурной путь».

— Ты тоже живешь по этим правилам?

— Да. И не только по этим, но остальными я не стану тебе докучать.

— Ты мне ничуть не докучаешь. А зачем эти правила нужны?

— Поймешь с годами, Друсс, — засмеялся Шадак.

— Я хочу понять сейчас.

— Охотно верю. Это проклятие молодых — вынь вам все да положь. Отдохни-ка лучше. Даже твоей немереной силе есть предел. Поспи немного, это тебя освежит. Ночь будет долгой и кровавой.

Луна в первой четверти стояла высоко на безоблачном небе. Серебристый свет заливал горы, и река казалась сделанной из жидкого металла. В лагере горели три костра, рядом с ними Друсс различал только мелькающие тени. Женщин собрали в кучу между двумя повозками, огня там не было, но стояли часовые. Севернее повозок, шагах в тридцати от женщин, виднелся большой шатер. Он сиял золотисто-желтым светом, словно фонарь, и внутри тоже перемещались тени: видимо, там горела жаровня и несколько ламп.

Шадак поманил Друсса за собой, и они отползли со склона назад, на поляну, где привязали лошадей.

— Сколько ты насчитал? — спросил вполголоса Шадак.

— Тридцать четыре, помимо тех, что в шатре.

— В шатре двое — Хариб Ка и Коллан, но я насчитал снаружи тридцать человек. Двое караулят на берегу, чтобы помешать женщинам уплыть.

— Когда начнем?

— Ты рвешься в драку, парень, но тут нужна холодная голова. Не надо впадать в неистовство, как это случается с некоторыми воинами.

— Обо мне не беспокойся, охотник. Я хочу всего лишь вернуть свою жену.

— Я понимаю, но подумай вот о чем: что, если ее изнасиловали?

Друсс, сверкнув глазами, стиснул рукоять топора.

— Зачем ты заговорил об этом?

— Некоторые из женщин наверняка подверглись насилию. Эти молодчики своего удовольствия не упустят. Ну как — спокоен ты теперь?

Друсс проглотил растущий гнев.

— Достаточно спокоен. В бою я головы не теряю, это проверено, и буду делать все в точности так, как ты велел, — а там будь что будет.

— Хорошо. Мы начнем за два часа до рассвета, когда почти все они будут крепко спать. Веришь ли ты в богов?

— Нет, я ведь их ни разу не видел.

— Я тоже, стало быть, нет смысла обращаться к ним за помощью.

Друсс помолчал и спросил:

— Скажи, зачем надо жить по правилам?

Лицо Шадака, мертвенно-бледное в лунном свете, внезапно посуровело. Глядя в сторону лагеря, он сказал:

— У них правило одно, и очень простое: «Делай что хочешь — вот и весь закон». Понимаешь меня?

— Нет, — признался Друсс.

— Они считают своим по праву все, что можно добыть силой. Если то, чего они желают, принадлежит другому, они убивают его. Они не видят в этом зла: таков их закон, волчий закон. И мы с тобой, Друсс, ничем от них не отличаемся. У нас те же желания, те же нужды. Если нас влечет к женщине, почему бы не взять ее вопреки ее воле? Если кто-то другой богаче нас, почему бы не взять его богатство себе, раз мы сильнее? В эту ловушку очень легко попасть. Коллан был когда-то офицером дренайских улан. Он из хорошей семьи, он давал присягу, как и все мы, — и, наверное,

верил в то, что говорил. Но в Дренане он страстно пожелал одну женщину, а она желала его. Она была замужем, и Коллан убил ее мужа. Так он сделал первый шаг на пути к погибели — остальные давались ему легко. У него вышли деньги, и он сделался наемником — стал драться за всякое дело, правое или неправое, доброе или злое. Добром для него стало то, что хорошо для Коллана. Он думает, что деревни существуют только для того, чтобы их грабить. Хариб Ка — вентрийский дворянин, родственник королей, и его история похожа на историю Коллана. Им обоим недоставало свода железных правил. Я не могу назвать себя хорошим человеком, Друсс, но мои правила удерживают меня на пути воина.

— Я понимаю, когда человек защищает свое добро и не покушается на воровство и убийство ради чужого. Но как объяснить, что ты рискуешь жизнью ради женщин, которых не знаешь?

— Никогда не уклоняйся от боя, Друсс. Либо дерись, либо сдавайся. Недостаточно сказать, что зло тебе претит, — ты должен сражаться с ним всюду, где видишь его. Я преследую Коллана не только за то, что он убил моего сына, но и за то, что он такой, какой есть. И если бы спасение женщин зависело от сохранения его жизни, я бы не тронул его: они важнее.

— Может, ты и прав, — нехотя согласился Друсс. — Но все, что нужно мне, — это Ровена и домик в горах. Я не намерен сражаться со злом.

— Надеюсь, что твои взгляды еще переменятся.

Харибу Ка не спалось. Земля под полом шатра была твердой, и холод, несмотря на тепло от жаровни, пробирал до костей. Лицо той девушки преследовало его. Он сел и потянулся к кувшину с вином, сказав себе: «Слишком много ты пьешь». Налив полный кубок красного вина, он осушил его двумя глотками, откинул одеяла и встал. Голова болела. Он сел на складной табурет и снова налил себе вина.

Во что ты превратился? — шепнул ему внутренний голос. Память вернула его в те времена, когда он учился в академии с Бодасеном и молодым принцем.

«Мы изменим мир, — говорил принц. — Мы накормим голодных и всем дадим работу. Прогоним из Вентрии разбойничьи шайки, и в государстве настанут мир и благоденствие».

Хариб Ка с сухим смешком пригубил вино. Как кружили голову эти юные бредни, эти разговоры о рыцарях и славных подвигах, о великих победах, о торжестве Света над Тьмой.

— Нет ни Света, ни Тьмы, — сказал он вслух. — Есть только Власть.

Как звали ту первую девушку? Мари? Да. Послушная, покорная его желаниям, теплая, мягкая. Она вскрикивала от удовольствия под его грубыми ласками — притворно, конечно. Делай, мол, что хочешь, только не причиняй мне боли.

Не причиняй боли...

Холодный осенний ветер всколыхнул стены шатра. После двухчасовых забав с Мари он захотел новую женщину и выбрал ведьму с ореховыми глазами. Это была ошибка. Она вошла в шатер, потирая обожженные веревкой запястья и глядя на него печальным взором.

— Ты хочешь взять меня силой? — спокойно спросила она.

— Отчего же, — улыбнулся Хариб Ка. — Выбор за тобой. Как тебя зовут?

— Ровена. Ты говоришь, я могу выбирать?

— Ну да — или отдаться мне, или сопротивляться. Исход в любом случае один — так почему бы не насладиться любовью?

— Ты называешь это любовью?

— А что?

— Это не любовь. Тех, кого я любила, ты убил — а теперь хочешь получить удовольствие, растоптав остатки моего достоинства.

Он стиснул ее плечи.

— Ты не спорить сюда пришла, шлюха! Ты будешь делать то, что тебе говорят.

— Почему ты зовешь меня шлюхой? Так тебе проще, да? О, Хариб Ка, что бы сказала на это Раика?

Он отшатнулся, как от удара.

— Что ты знаешь о Раике?

— Только то, что она любила тебя — и умерла у тебя на руках.

— Ты ведьма!

— А ты погибший человек, Хариб Ка. Ты продал все, чем дорожил, — и гордость, и честь, и любовь к жизни.

— Не тебе меня судить, — сказал он, но не сделал ничего, чтобы заставить ее замолчать.

— Я не сужу тебя. Я тебя жалею. И знай: ты умрешь, если не освободишь меня и других женщин.

— Так ты еще и пророчица? — с вымученной насмешкой спросил он. — Может, дренайская кавалерия близко? Или целая армия готовится напасть на нас? Не надо угроз, девушка. Чего бы я ни лишился, я все еще воин и лучший рубака из всех, кого я знаю, за вычетом разве что Кол-

лана. Смерти я не боюсь — порой я даже жажду ее. — Желание, снедавшее его, угасло, и он спросил: — Так скажи же, колдунья, что станет причиной моей гибели?

— Человек по имени Друсс. Мой муж.

— Мы перебили всех мужчин в твоей деревне.

— Нет. Он был в лесу, рубил деревья для частокола.

— Я послал туда шестерых.

— Но они не вернулись, ведь так?

— Хочешь сказать, он убил их всех?

— Да — и скоро он придет за тобой.

— Послушать тебя, так он просто сказочный герой, — чувствуя себя не совсем уверенно, сказал Хариб. — Я пошлю людей ему навстречу, и они убьют его.

— Не делай этого.

— Ты боишься за него?

— Нет, мне жаль твоих людей.

— Расскажи мне о нем. Он что, воин? Солдат?

— Нет, он сын плотника. Но во сне он предстал мне на вершине горы, с черной бородой и топором, обагренным кровью. Вокруг него вились мириады душ, оплакивавших свою земную жизнь. А от топора со скорбным воем отлетали новые души. Жители разных стран и земель клубились, словно дым, уносимый ветром. Их всех убил Друсс. Могучий Друсс, Мастер Топора, Побратим Смерти.

— И этот человек — твой муж?

— Нет, мой муж пока не стал им — но станет, если ты не отпустишь меня. Ты сам создал Побратима Смерти, убив его отца и взяв меня в плен, и теперь, Хариб Ка, ты его не остановишь.

Тогда он отослал ее прочь и велел часовым не трогать ее. Пришел Коллан и высмеял его.

— Клянусь Миссаэлем, Хариб, она всего лишь деревенская девка, а теперь и вовсе рабыня. Она наша собственность, и ее дар делает ее в десять раз ценнее всех прочих. Притом она молода и хороша собой — мы выручим за нее не меньше тысячи золотых. Тот вентрийский купец, Кабучек, всегда охотно приобретает пророчиц и гадалок. Он запросто выложит тысячу.

— Ты прав, мой друг, — вздохнул Хариб. — Забирай ее. Нам понадобятся деньги, когда мы приедем в город. Да смотри не трогай ее. У нее в самом деле есть Дар, и она смотрит тебе прямо в душу.

— В моей она не увидит ничего, — с жесткой, натянутой усмешкой сказал Коллан.

* * *

Друсс крался вдоль реки, держась поближе к кустам, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться. Было тихо — лишь осенняя листва шелестела вверху, да порой рассекала воздух сова или летучая мышь. Во рту у него пересохло, но страха не было.

По ту сторону узкой речки показался большой белый камень, расколотый посередине. Как сказал Шадак, где-то напротив него должен стоять первый часовой. Друсс тихо углубился обратно в лес и вновь свернул к реке, когда налетевший ветер зашелестел опавшей листвой.

Часовой сидел на камне в каких-то десяти футах правее Друсса, вытянув правую ногу. Переложив Снагу в левую руку, Друсс вытер потную ладонь о штаны. Он всматривался в подлесок, ища второго часового, но не видел его.

Он подождал еще, прислонившись спиной к толстому стволу, — и вскоре слева донесся резкий булькающий звук. Часовой тоже услышал его и встал.

— Бушин! Что ты там делаешь, дуралей?

— Умирает, — сказал Друсс, подойдя к нему сзади.

Часовой крутнулся на месте, нашаривая меч, и Снага, сверкнув серебром, перерубил ему шею чуть пониже уха. Голова упала направо, тело — налево.

Из кустов вышел Шадак.

— Молодец, — прошептал он. — Когда я пришлю к тебе женщин, пусть переходят вброд у этого камня, а потом идут по каньону на север, к пещере.

— Ты уже в сотый раз повторяешь.

Шадак, не отвечая на это, положил руку ему на плечо.

— Помни же: что бы ни случилось, не возвращайся в лагерь. Оставайся с женщинами. К пещере ведет только одна тропа, но на север от нее расходятся несколько. Пусть идут на северо-запад, а ты их прикроешь.

Шадак снова скрылся в лесу, и Друсс приготовился ждать.

Шадак пробирался по краю лагеря. Почти все женщины спали, и часовой, сторживший их, сидел, прислонившись головой к колесу фургона, — тоже дремал, наверное. Отстегнув пояс с мечом, Шадак на животе пополз к повозке. Вынув из ножен на бедре охотничий нож, он подкрался к часовому сзади, просунув левую руку сквозь колесо и схватив его за горло. Нож вошел разбойнику в спину — он дернул ногой и затих.

Шадак прополз под повозкой и подобрался к первой с краю женщине. Она и несколько других спали, сбив-

шись в кучку для тепла. Он зажал ей рот и встряхнул ее. Она в ужасе забилась, пытаясь вырваться.

— Я пришел спасти вас! — прошипел Шадак. — У реки ждет ваш односельчанин — он проводит вас в безопасное место. Поняла? Когда я отпущу тебя, разбуди потихоньку остальных. Идите на юг, к реке. Там вас встретит Друсс, сын Бресса. Кивни, если поняла меня. — Она шевельнула головой. — Хорошо. Смотрите же, не поднимайте шума. Уходите медленно. Которая тут Ровена?

— Ее нет с нами. Они забрали ее.

— Куда?

— Один из вожаков, у которого шрам на щеке, уехал с ней, как только стемнело.

Шадак тихо выругался. Менять план было поздно.

— Как тебя звать?

— Мари.

— Ладно, Мари, буди остальных и скажи Друссу: пусть действует как условились.

Шадак отполз прочь, нашел свои мечи и опоясался ими. Потом вышел на открытое место и как ни в чем не бывало зашагал к шатру. В лагере бодрствовали всего несколько человек, да и те не обратили внимания на уверенно идущего Шадака.

Он приподнял полотнище и вошел внутрь, обнажив правый меч. Хариб Ка сидел на полотняном стуле с кубком вина в левой руке и саблей в правой.

— Добро пожаловать к моему очагу, Человек-Волк, — с улыбкой сказал он, осушил свой кубок и встал. Вино текло по темной раздвоенной бороде, и при свете лампы она блестела, как намасленная. — Хочешь выпить?

— Почему бы и нет? — Если бой начнется тотчас же, лязг стали разбудит спящих разбойников, и женщинам не дадут убежать.

— Далеко же ты заехал от дома, — сказал Хариб Ка.

— У меня больше нет дома.

Хариб Ка наполнил второй кубок и подал Шадаку.

— Ты пришел убить меня?

— Я пришел к Коллану. Говорят, он уехал?

— Почему к Коллану? — Темные глаза Хариба Ка поблескивали в золотистом свете.

— Он убил моего сына в Кориалисе.

— А, белокурый такой парнишка. Хороший боец, но чересчур бесшабашный.

— Это свойственно молодости. — Шадак пригубил вино. Его гнев, словно огонь в кузнице, был горяч, но не выходил за пределы горна.

— Это свойство его погубило. Коллан — мастер своего дела. Где ты оставил своего приятеля с топором?

— Ты хорошо осведомлен.

— Всего несколько часов назад его жена стояла там же, где сейчас ты. Это она сказала мне, что он придет. Она ведьма — ты знал об этом?

— Нет. Где она теперь?

— Едет с Колланом в Машрапур. Так что же — начнем?

— Начнем, как только... — заговорил Шадак, но сабля Хариба уже устремилась к его горлу. Охотник пригнулся, ушел влево и пнул Хариба в колено. Вентриец упал, и Шадак приставил меч к его горлу, сказав тихо: — Никогда не дерись, если пьян.

— Я запомню. И что же дальше?

— Скажи, где остановится Коллан в Машрапуре.

— Гостиница «Белый медведь». Это в западном квартале.

— Знаю. Итак, Хариб Ка, сколько стоит твоя жизнь?

— По мнению дренайских властей — около тысячи золотых. Для меня самого? Я ничего не могу предложить, пока не продам рабынь.

— У тебя их больше нет.

— Я верну их. Тридцать пеших женщин в горах далеко не уйдут.

— Трудненько будет разыскивать их с перерезанным горлом. — Шадак слегка нажал на меч.

— Это верно. Так что же ты предлагаешь? — Шадак, уловив торжествующий огонек в глазах Хариба, обернулся — но поздно.

Тяжелый холодный металл обрушился ему на череп, и мир погрузился во мрак.

Увесистые удары по лицу, от которых шатались зубы, привели его в чувство. Шадак открыл глаза. Он стоял на коленях, и двое мужчин держали его за руки, а Хариб Ка присел на корточки перед ним.

— По-твоему, я так глуп, что позволю убийце войти в мой шатер вот так вот запросто. Я знал, что за нами кто-то гонится, а когда четверо, которых я оставил на перевале, не вернулись, понял, что это ты. А теперь, Шадак, скажи мне вот что: во-первых, где молодой крестьянин с топором, а во-вторых, где мои женщины?

Шадак молчал. Один из разбойников ударил его кулаком в ухо. Перед глазами у Шадака вспыхнули искры, и он склонился вправо. Хариб Ка встал и подошел к жаровне с горящими углями.

— Тащите его к костру, — приказал вожак.

Шадака подняли и выволокли наружу. Почти все в лагере еще спали. Охотника поставили на колени перед костром, и Хариб Ка, вынув кинжал, сунул лезвие в огонь. — Ты скажешь мне все, что я хочу знать, — не то я выжгу тебе глаза и слепым пущу в горы.

Шадак чувствовал кровь на языке, и живот свело от страха — но он молчал.

Внезапно нечеловеческий вопль разодрал тишину ночи, а следом послышался грохот копыт. Хариб Ка обернулся: сорок напуганных лошадей неслись прямо на лагерь. Один из людей, державших Шадака, ослабил хватку, и охотник прянул вверх, ударив его головой. Второй, видя приближение обезумевших лошадей, отпустил Шадака и бросился под прикрытие повозок. Хариб Ка, выхватив саблю, кинулся на охотника, но передовые кони налетели на него и сбили с ног. Шадак метнулся наперерез лошадям, размахивая руками. Лошади свернули и пронеслись мимо, топча закутанных в одеяла бандитов. Проснувшиеся пытались перехватить коней. Шадак метнулся в шатер Хариба за своими мечами — и выскочил вновь в царящий вокруг хаос.

Кони разбросали костры, на земле остались лежать мертвецы. Около двадцати лошадей удалось перехватить, остальные убежали в лес, и разбойники погнались за ними.

Раздался новый вопль, и Шадак, несмотря на весь свой боевой опыт, был ошеломлен тем, что за этим последовало.

Молодой лесоруб напал на лагерь в одиночку. Его устрашающий топор сверкал серебром при луне, рубя пораженных разбойников. Несколько человек, наскочивших на Друсса с мечами, тут же расстались с жизнью.

Однако он был обречен. Дюжина воинов окружила его полукольцом, Хариб Ка — среди них. Шадак, обнажив оба своих меча, бросился на выручку с уланским боевым кличем: «Айя! Айя!» И тут из леса полетели стрелы. Одна поразила кого-то в горло, другая, отскочив от шлема, вонзилась в незащищенное плечо. Многие бандиты, встревоженные криком и стрельбой, попятились, вглядываясь в лес, и Друсс врезался в их середину. Они отступали перед ним, падая, задевая своих товарищей. Окровавленный топор мерно поднимался и опускался и не знал пощады.

Когда Шадак подоспел к месту схватки, разбойники дрогнули и обратились в бегство. Вслед им полетели новые стрелы.

Хариб Ка бросился к первой попавшейся лошади, ухватился за ее гриву и вскочил на неоседланную спину. Лошадь взвилась на дыбы, но он удержался. Шадак метнул свой правый меч и попал ему в плечо. Хариб Ка мешком повалился наземь, а лошадь ускакала прочь.

— Друсс! — крикнул Шадак. — Друсс!

Юноша, преследовавший бегущих, остановился на краю леса и оглянулся. Хариб Ка стоял на коленях, пытаясь извлечь из плеча меч с медной рукоятью.

Друсс вернулся к Шадаку — весь в крови, с горящими глазами.

— Где она? — спросил он.

— Коллан в начале ночи увез ее в Машрапур.

Из леса вышли две женщины с луками и колчанами стрел.

— Кто это? — удивился Шадак.

— Дочери Таннера — дома они ходили на охоту. Я дал им луки часовых.

Одна из девушек повернулась к Друссу:

— Они бегут во всю прыть и вряд ли вернутся. Хочешь, чтобы мы пошли за ними следом?

— Нет. Ведите сюда всех остальных и соберите лошадей. Кто это? — Друсс кивнул на коленопреклоненного Хариба Ка.

— Один из вожаков.

Друсс, не говоря ни слова, рубанул Хариба по шее.

— Вот и конец вожаку.

Шадак выдернул свой меч из еще трепещущего тела и сосчитал тела на поляне.

— Девятнадцать. Боги, Друсс, я глазам своим не верю.

— Некоторых растоптали лошади, которых я спугнул, других подстрелили девушки. — Слева кто-то застонал — одна из охотниц подбежала к нему и вонзила кинжал ему в горло. — Ты проводишь женщин в Падию? — спросил Друсс Шадака.

— А ты куда? В Машрапур?

— Я должен найти ее.

Шадак положил руку ему на плечо.

— Желаю успеха, Друсс. Ступай в гостиницу «Белый медведь» — Коллан остановится там. Но будь осторожен, дружище. В Машрапуре Ровена принадлежит ему по закону.

— Вот он, мой закон! — Друсс вскинул топор.

Шадак увел его в шатер Хариба, налил себе кубок вина и выпил залпом. Потом достал из сундука полотняную рубашку хозяина, бросил ее Друссу.

— Оботри с себя кровь — ты похож на демона.

Друсс с угрюмой улыбкой вытер лицо и руки, потом протер лезвие топора.

— Что тебе известно о Машрапуре? — спросил Шадак.

— Это вольный город, и правит им изгнанный вентрийский принц — больше ничего.

— Это прибежище воров и работорговцев. Законы там просты: те, у кого есть золото давать взятки, сходят за уважаемых граждан. Никому нет дела, откуда они это золото берут. Коллан там пользуется почетом: он человек состоятельный и обедает у эмира.

— Ну и что же?

— Да то, что, если ты убьешь его, тебя схватят и казнят — только и всего.

— Что же ты предлагаешь?

— Милях в двадцати к югу отсюда есть городок. Там живет один мой приятель. Навести его и скажи, что послал тебя я. Он молод и талантлив, но тебе, Друсс, он не понравится: у этого гуляки на уме одни удовольствия. Именно поэтому в Машрапуре ему цены не будет.

— Кто он такой?

— Зовут его Зибен. Он поэт, сказитель и часто выступает во дворцах, будучи большим искусником своего дела. Он мог бы разбогатеть, но все свое время тратит на то, чтобы затащить в постель каждую красотку, которая попадается ему на глаза. Замужняя она, нет ли, ему все одно — потому и врагов он нажил довольно.

— Он мне уже не нравится.

— В нем есть и хорошие качества, — хмыкнул Шадак. — Он верный друг и бесстрашен до глупости. Хорошо владеет ножом и знает Машрапур. Доверься ему.

— С какой стати он будет помогать мне?

— Он передо мной в долгу. — Шадак снова наполнил кубок и подал его Друссу.

Юноша попробовал и выпил все до дна.

— Хорошая штука. Что это?

— Лентрийское красное — пятилетней выдержки, я бы сказал. Не самое лучшее, но вполне годится для такой ночи, как эта.

— Да, к такому можно пристраститься, — согласился Друсс.

Глава 4

Зибен был доволен собой. Вокруг бочонка собралась кучка народу, и трое уже проигрались в пух и прах. Маленький зеленый кристаллик легко помещался под каждой из трех ореховых скорлупок.

— Я буду действовать чуть помедленнее, — сказал поэт высокому бородатому воину, который уже просадил четыре серебряные монеты. Тонкие руки выровняли скорлупки в ряд посреди перевернутого бочонка. — Которая? Не спеши с ответом, дружище, — этот изумруд стоит двадцать золотых рагов.

Игрок громко потянул носом и поскреб грязным пальцем в бороде.

— Вот эта, — указал он наконец на среднюю скорлупку. Зибен поднял ее — под ней ничего не было. Он приподнял правую, ловко подсунул под нее изумруд и предъявил публике.

— Чуть-чуть не угадал, — с лучезарной улыбкой сказал он. Воин выбранился и пошел прочь, расталкивая толпу. Его место занял чернявый коротышка — запах, исходивший от него, мог бы свалить вола. Зибен ощутил искушение дать ему выиграть. Фальшивый изумруд не стоил и десятой доли того, что поэт уже выманил у простаков, но проигрывать было бы обидно, и чернявый мигом лишился трех монет.

Толпа раздалась, и к Зибену приблизился молодой воин в черном, с наплечниками из сверкающей серебристой стали. На его шлеме красовался серебристый топорик в обрамлении двух черепов, а при себе он имел большой топор с двойным лезвием.

— Хочешь попытать счастья? — спросил Зибен, заглянув в холодные голубые глаза.

— Почему бы нет? — низким спокойным голосом отозвался воин и положил на бочонок серебряную монету. Руки поэта замелькали, выписывая скорлупками хитрые восьмерки, и остановились.

— Надеюсь, глаз у тебя острый, дружище.

— Достаточно острый. — Воин тронул огромным пальцем среднюю скорлупку. — Вот здесь.

— Сейчас посмотрим. — Поэт протянул руку, но воин отстранил ее.

— Посмотрим, — подтвердил он и медленно перевернул правую и левую скорлупки. Под ними было пу-

сто. — Вот видишь, я прав, — сказал он, глядя светлыми глазами в лицо Зибена. — Показывай.

Зибен с натянутой улыбкой подсунул изумруд под скорлупку.

— Молодец, дружище. Глаз у тебя и впрямь орлиный. — Зрители похлопали в ладоши и разошлись.

— Спасибо, что не разоблачил меня, — сказал Зибен, собирая свое серебро.

— Дураки и деньги — что лед и жара, вместе не уживаются. Ты Зибен?

— Быть может — смотря кто спрашивает.

— Меня прислал Шадак.

— Зачем?

— За тобой остался должок.

— Я в долгу перед ним — при чем здесь ты?

— И верно, ни при чем. — Воин помрачнел и зашагал к таверне по ту сторону улицы, а рядом с Зибеном, откуда ни возьмись, возникла молодая женщина.

— Ну как, заработал мне на ожерелье?

Зибен улыбнулся ей. Она была высокая, статная, с черными как смоль волосами, темно-карими глазами, полными губами и чарующей улыбкой. Зибен обнял ее, и она поморщилась.

— Зачем тебе столько ножей? — На его нагрудной перевязи из бурой кожи висели четыре метательных клинка, плавно закругленных кверху.

— Привычка, любовь моя. Ночью их на мне не будет — зато я принесу ожерелье. — Он поцеловал ей руку. — А сейчас прости — долг зовет.

— Долг, мой поэт? Что ты знаешь о долге?

— Очень мало, — усмехнулся он, — но свои долги плачу всегда: это моя последняя зацепка на утесе благопристойности. Увидимся позже. — Он поклонился и перешел через улицу.

Внутри старой трехэтажной таверны помещалась длинная комната с открытыми очагами на обоих концах, обведенная поверху галереей. Здесь стояло десятка два столов, а за окованной медью стойкой шестеро прислужниц разливали пиво, мед и подогретое вино. Народу тут нынче собралось не по-обычному много, поскольку день был базарный и жители всей округи съехались на распродажу скота. Зибен подошел к длинной стойке, и служаночка с волосами цвета меда улыбнулась ему.

— Наконец-то ты соизволил зайти ко мне.

— Разве можно долго сносить разлуку с тобой, милая? — ответил Зибен, стараясь вспомнить, как ее зовут.

— Я освобожусь ко второй страже.

— Где мое пиво? — осведомился здоровенный крестьянин слева от Зибена.

— Теперь мой черед, козья морда! — вмешался другой.

Девушка, послав Зибену застенчивую улыбку, бросилась улаживать назревавшую ссору.

— Господа хорошие, у меня ведь только одна пара рук. Сию минуту.

Зибен поискал в толпе незнакомца. Тот сидел один около узкого открытого окошка, и поэт опустился на скамью против него.

— Давай-ка начнем сызнова. Позволь угостить тебя пивом.

— Я пью свое, — буркнул воин. — И ты сидишь слишком близко от меня.

Зибен подвинулся, оказавшись наискосок от собеседника.

— Так лучше? — язвительно осведомился он.

— Да. Надушился ты, что ли?

— Это ароматное масло для волос. Тебе нравится?

Воин потряс головой, но от дальнейших замечаний воздержался. Прокашлявшись, он сказал:

— Мою жену увели в рабство. Она в Машрапуре.

Зибен откинулся назад, смерил его взглядом.

— Видимо, тебя в то время дома не оказалось.

— Верно. Они забрали всех наших женщин. Их я освободил, но Ровены с ними не было: человек по имени Коллан уехал с ней еще до моего прихода.

— До твоего прихода? Экая скромность. Ну а дальше?

— О чем ты?

— Как ты освободил этих женщин?

— На кой черт тебе это нужно? Нескольких негодяев я убил, остальные разбежались. Главное то, что Ровена в Машрапуре.

Зибен вскинул тонкую руку.

— Будь так любезен, давай по порядку. Во-первых, какое отношение ко всему этому имеет Шадак? А во-вторых, не хочешь ли ты сказать, что в одиночку напал на Хариба Ка и его головорезов?

— Не в одиночку. Шадак был там — его схватили и хотели пытать. Еще были две девушки, хорошие лучницы. Но это все дело прошлое. Шадак сказал, ты поможешь мне отыскать Ровену и придумаешь, как ее спасти.

— Спасти от Коллана?

— От кого же еще? Ты что, глухой или тупица?

Зибен, сузив темные глаза, подался вперед.

— Ты очень мило просишь о помощи, мой большой безобразный друг. Удачи тебе на твоем пути! — Он встал

и вышел на свет предвечернего солнца. У входа в таверну прохлаждались какие-то двое, а третий строгал деревяшку острым как бритва охотничьим ножом.

Первый — один из тех, что проигрался у бочонка, — загородил Зибену дорогу.

— Ну что, получил обратно свой изумруд?

— Нет. Экий неотесанный невежа!

— Так он не друг тебе?

— Где там! Я даже его имени не знаю — да и знать не хочу.

— Говорят, ты очень ловко управляешься со своими ножами. Правда это?

— А почему ты спрашиваешь?

— Ты мог бы отобрать свой изумруд, если б захотел.

— Ты хочешь напасть на него? Зачем? Насколько я понял, денег при нем нет.

— Дело не в деньгах! — рявкнул второй. Зибен отшатнулся от его запаха. — Он сумасшедший. Два дня назад он налетел на наш лагерь, распугал наших лошадей — я так и не нашел своего серого. И убил Хариба. Груди Асты! Да он не меньше дюжины человек уложил своим проклятым топором.

— Если он убил дюжину, как же вы собираетесь управиться с ним втроем?

— Возьмем его врасплох, — доверительно сказал смердящий. — Когда он выйдет, Рафин его о чем-нибудь спросит, он обернется, а мы с Заком вспорем ему брюхо. Ты тоже можешь помочь — нож, воткнутый в глаз, поубавит ему прыти, так ведь?

— Возможно. — Зибен отошел немного, присел на коновязь, вынул один нож и стал чистить себе ногти.

— Так ты с нами?

— Там увидим.

Друсс сидел, глядя на свое отражение в топоре — угрюмое, с холодными глазами и гневно сжатым ртом. Он снял свой черный шлем и прикрыл им блестящее лезвие.

«Ты сердишь всякого, с кем говоришь», — вспомнились ему слова отца. Да, это правда. Некоторые люди обладают способностью заводить друзей, свободно разговаривать и шутить. Друсс им завидовал. Пока в его жизни не появилась Ровена, он думал, что сам полностью лишен этих качеств. Но с ней он вел себя свободно, смеялся, шутил и порой даже видел себя со стороны — здоровенного как медведь, вспыльчивого и весьма опасного. «Всему виной твое детство, Друсс, — сказала ему Ровена однажды утром, когда они

сидели на холме над деревней. — Твой отец все время переезжал с места на место, боясь, что его узнают, и не позволял себе сближаться с людьми. Но взрослому это легче — а вот ты так и не научился заводить друзей». «Не нужны они мне». «А ты мне нужен».

Сердце Друсса сжалось при воспоминании об этих тихих словах. Он поймал за руку проходившую мимо служанку.

— Есть у вас лентрийское красное?

— Сейчас принесу кубок.

— Неси кувшин.

Он пил, пока чувства не притупились и мысли не смешались в голове. Он вспомнил, как сломал Аларину челюсть и как после набега тащил тело Аларина в зал собраний. Его ударили копьем в спину, и древко переломилось. Глаза у него были открыты. У многих мертвых глаза остаются открытыми... и они обвиняют.

«Почему ты жив, а мы мертвы? — будто спрашивают они. — У нас тоже были семьи, были свои надежды и мечты. Как же вышло, что ты пережил нас?»

— Еще вина! — взревел Друсс, и девушка с волосами цвета меда склонилась над ним.

— Сдается мне, вам хватит, сударь. Вы и так уж целую четверть выпили.

— У всех глаза были открыты. У старух, у детей. Дети всего хуже. Что это за человек, если он способен убить ребенка?

— Шли бы вы домой, сударь, да ложились бы спать.

— Домой? — горько рассмеялся Друсс. — К мертвецам, что ли? А что я им скажу? Кузница остыла, и хлебом больше не пахнет, и детского смеха не слышно. Только глаза. Нет, теперь уж и глаз нет — только пепел.

— Мы слышали, на севере разорили одну деревню. Вы оттуда?

— Принеси мне еще вина, девушка. Мне от него легче.

— Вино — ложный друг, сударь, — шепнула она.

— У меня больше нет друзей.

К ним подошел крепкий мужчина в кожаном переднике и спросил:

— Чего он хочет?

— Еще вина, хозяин.

— Так принеси, если у него есть чем заплатить.

Друсс выудил из кошелька на боку одну из шести серебряных монет, которые дал ему Шадак, и бросил трактирщику.

— Подай ему! — приказал девушке трактирщик.

Прибыл второй кувшин. Друсс выпил его и тяжело поднялся на ноги. Он хотел надеть шлем, но тот выскользнул из рук и покатился на пол. Друсс нагнулся за ним и стукнулся лбом о край стола.

— Дайте-ка я помогу вам, сударь, — сказала светловолосая служанка. Она подняла шлем и осторожно надела его на Друсса.

— Спасибо, — медленно выговорил он и дал ей еще одну монету. — Это... за твою доброту.

— У меня на дворе есть комнатка, сударь, — вторая дверь от конюшни. Она незаперта — можете отдохнуть там, если хотите.

Друсс взял топор, но и его выронил, и лезвие вонзилось в пол.

— Ступайте поспите, сударь. Я принесу вам ваше оружие.

Друсс кивнул и поплелся к двери.

Он вышел на меркнущий солнечный свет. В животе бурлило. Кто-то слева обратился к нему с вопросом. Друсс хотел повернуться, упал, и они оба повалились на стену. Друсс, держась за плечо другого, попытался выпрямиться и услышал позади топот ног, а потом крик. Длинный кинжал со звоном упал на пол, а его владелец застыл, как-то странно вскинув руку. Друсс заморгал: запястье этого человека было пригвождено к двери таверны метко брошенным ножом.

Послышался шорох вынимаемых из ножен мечей.

— Защищайся, болван! — крикнул кто-то.

Увидев перед собой человека с мечом, Друсс загородился рукой и правым кулаком двинул его в подбородок. Нападавший упал как подкошенный. Обернувшись ко второму противнику, Друсс потерял равновесие, но и враг, взмахнув мечом, лишился стойкости. Друсс подсек его ногой и повалил. Потом приподнялся на колени, сгреб врага за волосы, притянул к себе и стукнул головой по носу. Тот обмяк, потеряв сознание, и Друсс отпустил его.

Кто-то подошел, и Друсс узнал молодого поэта.

— Боги, как разит от тебя дешевым пойлом, — сказал Зибен.

— Это кто? — пробормотал Друсс, глядя мутными глазами на человека, пришпиленного к двери.

— Так, подонки. — Зибен выдернул свой нож из руки жертвы. Тот завопил от боли, а Зибен вернулся к Друссу. — Пойдем-ка со мной, старый конь.

Друсс почти не запомнил дорогу. Его дважды рвало, и голова разболелась невыносимо.

Проснулся он в полночь на какой-то веранде, под звездами. Рядом стояло ведро. Он сел и застонал от страшной боли в голове — точно железным обручем стиснули. Услышав в доме какие-то звуки, он двинулся к двери, но потом расслышал получше и остановился.

— О, Зибен... О-о... О-о!

Друсс выругался и вернулся назад. Налетевший ветер опахнул его неприятным запахом, и он посмотрел на себя. Колет покрыт блевотиной, от тела разит застарелым дорожным потом. Слева во дворе виднелся колодец. Друсс вытянул наверх ведро. Демон долбил в голове раскаленным добела молотом. Друсс разделся до пояса и обмылся холодной водой.

Дверь позади распахнулась, и из дома выскользнула темноволосая молодая женщина. Она улыбнулась Друссу и побежала прочь по узкой улочке. Друсс поднял ведро и опрокинул остаток воды себе на голову.

— Ты уж не обижайся, — сказал Зибен, — но без мыла дело не обойдется. Заходи. В очаге горит огонь, и я согрел воды. Боги, ну и холод на улице.

Друсс, собрав свою одежду, вошел в дом. Домик был одноэтажный, всего с тремя комнатами — кухня с железной плитой, спальня и столовая, где топился каменный очаг. Тут был стол с четырьмя стульями, а по обе стороны от огня — удобные кожаные кресла, набитые конским волосом.

Зибен провел Друсса в гардеробную, налил в таз горячей воды, вручил гостю брусок белого мыла и полотенце. Достав из буфета в столовой тарелку с нарезанным мясом и хлеб, поэт сказал:

— Поешь, как помоешься.

Друсс вымылся пахнущим лавандой мылом, отскреб свой колет и оделся. Поэт сидел у огня, вытянув длинные ноги, с кубком вина в руке. Другую руку он запустил в свои светлые, до плеч, волосы. Откинув их назад, он надел на голову черный кожаный обруч с блестящим опалом в середине и посмотрелся в овальное зеркальце.

— Красота — это тяжкое проклятие, — сказал он, отложив зеркало. — Налить тебе вина? — Друсс, чей желудок при этих словах встал на дыбы, замотал головой. — Тогда поешь, мой большой друг. Я знаю, еда не идет тебе в горло, но она пойдет тебе на пользу, поверь.

Друсс отломил кусок хлеба, сел и стал медленно жевать. У хлеба был вкус пепла и желчи, но Друсс мужественно пересилил себя. Поэт оказался прав — желудок успокоился. С соленой говядиной справиться оказалось труднее, но

Друсс запил ее холодной водой и почувствовал, как возвращаются силы.

— Я слишком много выпил, — сказал он.

— Да ну? Две кварты, насколько я понял.

— Я не помню сколько. Кажется, драка была?

— Вряд ли это можно считать дракой по твоим понятиям.

— Кто были эти люди?

— Разбойники, на которых ты напал.

— Мне надо было убить их.

— Возможно, но в твоем состоянии ты должен почитать за счастье, что сам остался в живых.

Друсс налил воды в глиняную чашу и выпил до дна.

— Ты мне помог, это я помню. Почему?

— Так, каприз. Пусть это тебя не волнует. Расскажи мне еще раз о твоей жене и о набеге.

— Зачем? Это все в прошлом. Теперь мне нужно одно: найти Ровену.

— Но тебе понадобится моя помощь, иначе Шадак не послал бы тебя ко мне. И я хотел бы знать побольше о человеке, с которым пускаюсь в путь. Понимаешь? Вот и рассказывай.

— Да нечего особо рассказывать. Разбойники...

— Сколько их было?

— Около сорока. Они напали на нашу деревню, перебили всех мужчин, женщин — тех, что постарше, — и детей, а молодых женщин забрали в рабство. Я был в лесу, рубил деревья. Несколько бандитов явились туда, и я убил их. Потом я встретил Шадака, который тоже преследовал их: они и на его селение напали и убили его сына. Мы освободили женщин, но Шадака схватили. Я спугнул их лошадей и напал на лагерь — вот и все.

Зибен с улыбкой покачал головой.

— Этак всю дренайскую историю можно изложить, прежде чем яйцо сварится. Рассказчик из тебя аховый, друг мой, но это к лучшему: не будешь отбивать у меня кусок хлеба.

Друсс потер глаза и откинулся на мягкую спинку кресла. В тепле его разморило, и он еще ни разу в жизни не чувствовал себя таким усталым. Последние тяжкие дни взяли свое — он уплывал куда-то по теплому морю. Поэт что-то говорил, но Друсс уже не слышал его.

Он проснулся на рассвете. От огня в очаге остались только тлеющие угли, и в доме никого не было. Друсс зевнул, потянулся, пошел на кухню и взял себе черствого хлеба с сыром. Запивая завтрак водой, он услышал, как скрип-

нула входная дверь. Вошел Зибен с белокурой девушкой, неся топор и перчатки Друсса.

— Это к тебе, старый конь. — Поэт сложил свою ношу и с улыбкой удалился.

Девушка застенчиво улыбнулась:

— Я не знала, где вас искать, но ваш топор сберегла.

— Спасибо. Я вспомнил — ты служишь в таверне. — На ней было простое линялое платьице, когда-то голубое, а теперь серое, но ее фигурка и теплые карие глаза были очень милы.

— Ну да. Вчера вы говорили со мной. — Она села, сложив руки на коленях. — Вам было очень грустно.

— Теперь я пришел в себя, — мягко сказал он.

— Зибен сказал мне, что вашу жену увели в рабство.

— Я найду ее.

— Когда мне было шестнадцать, на нашу деревню тоже напали, убили моего отца и ранили мужа. А меня забрали и продали в Машрапуре с семью другими девушками. Я пробыла там два года. Однажды ночью мы с подругой бежали и ушли в горы. Ее там задрал медведь, а меня, умирающую от голода, подобрали паломники, которые шли в Лентрию. Они помогли мне вернуться домой.

— Зачем ты рассказываешь мне все это? — спросил Друсс ласково, видя грусть в ее глазах.

— Мой муж к тому времени женился на другой. А мой брат Лорик, потерявший во время того набега руку, сказал, что я больше никому не нужна. Сказал, что я падшая женщина и что, будь у меня гордость, я покончила бы с собой. И я ушла.

Друсс взял ее за руку.

— Твой муж — кусок дерьма, и брат не лучше. Но ответь все же: зачем ты мне это рассказала?

— Мне вспомнилось все это, когда Зибен сказал, что ты ищешь свою жену. Я тоже, бывало, мечтала, что Карк придет за мной. Но у рабыни в Машрапуре нет никаких прав. Желание господина — закон, и отказывать ему нельзя. Кто знает, что будет с твоей милой. — Женщина помолчала, не глядя на Друсса. — Как бы тебе это сказать... Когда я была рабыней, меня били, унижали и насиловали. Но тяжелее всего я перенесла то, как посмотрел на меня муж после разлуки, и то, как говорил со мной брат.

— Как тебя зовут? — спросил Друсс, не выпуская ее руки.

— Сашан.

— Будь я твоим мужем, Сашан, я последовал бы за тобой и нашел бы тебя. А когда нашел бы, то обнял бы и увез домой — как увезу Ровену.

— И ты не осудишь ее?

— Не больше, чем тебя, — улыбнулся он, — а о тебе я могу сказать одно: ты храбрая женщина, и всякий мужчина — если он мужчина — должен гордиться такой женой.

Она зарделась и встала.

— Если бы желания были конями, все нищие бы ездили верхом. — Она прошла прочь, оглянулась еще раз с порога и ушла.

Зибен явился к ней на смену.

— Ты точно сказал, старый конь. Очень хорошо. Пожалуй, ты нравишься мне, несмотря на твои жуткие манеры и косноязычие. Мы поедем в Машрапур и найдем там твою милую.

Друсс смерил поэта пристальным взглядом. Тот был чуть выше него, одет нарядно, а длинные ухоженные волосы подравнивались явно не ножом, да и зеркалом ему вряд ли служил медный таз. И руки нежные, как у ребенка. Только перевязь с ножами доказывала, что Зибен способен драться.

— Ну и как ты меня находишь, старый конь?

— С кем только не сводит нас судьба, как говаривал мой отец.

— Взгляни на дело с моей точки зрения. Ты поедешь с человеком тонким и образованным, несравненным рассказчиком, а я — с крестьянином в провонявшем блевотиной кафтане.

Друсс, как ни странно, ничуть не разозлился и не ощутил желания ударить Зибена. Он засмеялся, и на душе у него стало легко.

— Ты мне нравишься, неженка.

В первый день пути они оставили горы за собой и теперь ехали по долинам, через зеленые холмы и быстрые ручьи. Вдоль дороги им встречалось много сел и деревень с домами из белого камня, крытыми деревом или сланцем.

Зибен держался в седле грациозно и прямо. Солнце блистало на его дорожном камзоле из бледно-голубого шелка и на серебряной окантовке высоких сапог. Длинные светлые волосы были связаны в хвост, а впереди схвачены серебряным обручем.

— Сколько их у тебя, обручей этих? — спросил его Друсс, когда они выехали.

— Увы, очень мало. Этот хорош, верно? Я приобрел его в Дренане в прошлом году. Всегда любил серебро.

— Вид у тебя, как у хлыща.

— Мне только недоставало замечаний от человека, чьи волосы, очевидно, подравнивались ржавой пилой и чья рубашка залита вином и... нет, лучше не упоминать, чем еще.

Друсс оглядел себя.

— Еще кровью — но это не моя.

— Очень утешительно. Я буду спать крепче, узнав об этом.

В начале пути поэт пытался давать своему спутнику полезные советы:

— Не стискивай лошадь икрами — только ляжками. И выпрями спину. — Но вскоре Зибен махнул на это рукой. — Знаешь, Друсс, есть люди, которые рождаются наездниками, но ты к ним не относишься. Мешок с морковкой и то лучше бы держался в седле.

Друсс ответил кратко и непристойно. Зибен с усмешкой обратил взор к безоблачному голубому небу.

— Хороший день, чтобы отправиться на поиски похищенной принцессы.

— Она не принцесса.

— Всякая женщина, которую похищают, — принцесса. Разве ты никогда не слушал сказок? Герои в них всегда высоки ростом, златокудры и хороши собой, а принцессы прекрасны, скромны и всю жизнь ждут принца, который освободит их. Правдивые истории не нужны никому. Вообрази только — юный герой не может выехать на поиски возлюбленной, потому что здоровенный чирей на заднице мешает сесть ему на коня! — И Зибен залился смехом. Угрюмый обычно Друсс невольно улыбнулся в ответ, и поэт продолжил: — У сказок свои законы. Женщины в них либо богини, либо шлюхи. Принцесса, прелестная дева, относится, конечно, к первой категории. Герой тоже должен быть непорочен вплоть до сладкого мига свидания с нею. Это очень возвышенно — и ужасно смешно. Любовь, подобно игре на лире, требует огромного опыта. К счастью, сказки всегда кончаются прежде, чем юная пара начнет свою неуклюжую возню в постели.

— Ты говоришь так, как будто сам никого не любил.

— Вздор. Я любил десятки раз.

— Будь это правдой, ты знал бы, какой чудесной может быть... такая вот возня. Долго ли ехать до Машрапура?

— Два дня. Но продажа рабов всегда устраивается в день Миссаэля или Маниэна, так что время у нас есть. Расскажи мне о ней.

— Нет.

— Как? Ты не хочешь говорить о своей жене?

— Не с чужим человеком. Ты когда-нибудь был женат?

— Нет — и не стремился к этому. Погляди вокруг, Друсс. Вон сколько цветов на том холме — к чему же ограничиваться одним цветком, одним ароматом? Была у меня как-то лошадь, Шадира, — чудесное животное, быстрое, как северный ветер. Она с запасом перескакивала через изгородь из четырех брусьев. Когда отец подарил ее мне, мне было десять, а Шадире пятнадцать. И когда мне сровнялось двадцать, Шадира стала бегать уже не так быстро, а прыгать и вовсе не могла. Поэтому я купил себе другую лошадь. Понимаешь, о чем я?

— Нет, не понимаю, — буркнул Друсс. — Женщина — это не лошадь.

— Верно. На лошади, как правило, ездят дольше.

— Не знаю, что ты называешь любовью, да и знать не хочу.

Они ехали все дальше на юг, и холмы стали более отлогими, а горы отступили вдаль. Впереди по дороге брел старик в выцветших синих одеждах, тяжело опираясь на длинный посох. Приблизившись, Зибен увидел, что старик слеп.

— Не можем ли мы чем-нибудь помочь тебе, дедушка? — спросил поэт.

— Помощь мне не нужна, — неожиданно сильным, звучным голосом ответил тот. — Я иду в Дренан.

— Тебе предстоит долгий путь.

— Я не тороплюсь. Но если вы согласны поделиться со мной обедом, я охотно приму приглашение.

— Почему бы и нет? Тут немного правее течет ручей — мы будем ждать тебя там. — Зибен свернул на траву и легко соскочил с седла. Друсс, подъехав к нему, тоже спешился.

— Зачем ты позвал его?

Зибен оглянулся — старик брел к ним, но еще не мог их слышать.

— Он пророк, Друсс. Ясновидящий. Разве ты никогда не слышал о таких?

— Нет.

— Это служители Истока — они лишают себя зрения, чтобы усилить свой пророческий дар. Они способны на многое — ради этого стоит потратить немного овсянки.

Поэт развел костер, подвесил над ним медный котелок с водой, насыпал овса и посолил. Старик сел у огня, поджав ноги. Друсс, сняв с себя шлем и колет, растянулся на солнцепеке. Сварив похлебку, Зибен налил миску и подал старику.

— Нет ли у вас сахара? — спросил тот.

— Нет. Есть немного меду — сейчас достану.

Поев, старик спустился к ручью, вымыл миску и отдал Зибену.

— А теперь, полагаю, вы хотите узнать свое будущее? — с кривой улыбкой осведомился он.

— Охотно послушаем, — ответил Зибен.

— Так ли уж охотно? Хотел бы ты знать, когда умрешь?

— Я понял тебя, старик. Расскажи лучше о красотках, с которыми я буду спать.

Старик усмехнулся:

— Дар мой велик, но людям нужны только жалкие его крохи. Я мог бы рассказать, какие у тебя будут сыновья, и предостеречь о грядущих опасностях, но ты не хочешь об этом слышать. Хорошо, дай мне руку.

Зибен, сев напротив старика, протянул ему правую руку. Тот помолчал несколько минут и вздохнул.

— Я побывал в твоем будущем Зибен-Поэт, Зибен-Сказитель. Перед тобой длинная дорога. Первая женщина, с которой ты ляжешь в постель, будет машрапурская шлюха — она спросит с тебя семь серебряных монет, и ты заплатишь. — Старик отпустил руку Зибена и обратил незрячие глаза к Друссу: — А ты не хочешь узнать свое будущее?

— Свое будущее я творю сам.

— Вижу, что ты человек сильный и независимый, — но все же позволь мне взглянуть, ради моего собственного любопытства, что ждет тебя впереди.

— Не кобенься, парень, — вмешался Зибен. — Дай ему руку.

Друсс присел перед стариком и протянул ладонь. Странник схватил ее пальцами.

— Большая рука и сильная... очень сильная. — Внезапно старец сморщился, и тело его застыло. — Ты еще молод, Друсс-Легенда? Ты уже стоял на перевале?

— На каком перевале?

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Да, конечно. Тебе семнадцать, и ты ищешь Ровену. Да... Машрапур. Вижу теперь. Еще не Побратим Смерти, не Серебряный Убийца, не Мастер Топора — но уже могуч. — Он отпустил руку Друсса и вздохнул. — Ты совершенно прав, Друсс: ты сам творишь свое будущее, и мои слова тебе не нужны. — Старец встал и взял посох. — Спасибо за гостеприимство.

Зибен тоже встал.

— Скажи хотя бы, что ждет нас в Машрапуре.

— Шлюха за семь монет, — сухо усмехнулся старик и обернулся к Друссу: — Будь сильным, воин. Путь долог, и легенды еще не сложены. Но смерть ждет, она терпелива. Ты встретишься с ней в воротах на четвертом году Леопарда.

Старик побрел прочь.

— Невероятно, — прошептал Зибен.

— Что тут такого? Я бы и сам мог предсказать, что следующая твоя женщина будет шлюхой.

— Он знает наши имена, Друсс, он знает все. Когда у нас четвертый год Леопарда?

— Ничего путного он нам не сказал. Поехали.

— Как так — ничего путного? Он назвал тебя Друссом-Легендой. О какой легенде речь?

Друсс молча взобрался на коня.

— Не люблю лошадей. В Машрапуре продам ее — мы с Ровеной вернемся домой пешком.

Зибен заглянул в его светлые глаза.

— Так его пророчество тебя ничуть не тронуло?

— Это только слова, поэт. Пустой звук. Поехали.

— Четвертый год Леопарда настанет через сорок три года, — поразмыслив, сказал Зибен. — Ты доживешь до старости, Друсс. Хотел бы я знать, что это за ворота.

Друсс молча послал коня вперед.

Глава 5

Бодасен пробирался сквозь толпу, кишащую в гавани, — мимо пестро разодетых женщин с раскрашенными лицами и фальшивыми улыбками, мимо торговцев, расхваливающих свой товар, мимо увечных нищих. Он ненавидел Машрапур, ненавидел все его отребье, толкущееся здесь в надежде на скорое богатство. Дома здесь строят в три, в четыре и даже в пять этажей, а в узких темных улицах между ними караулят грабители, чтобы вонзить нож в жертву и убежать — немногочисленной городской страже не под силу ловить их.

Грязный город — город воров, контрабандистов, работорговцев и перебежчиков.

— Не скучно ли тебе, милашка? — спросила какая-то женщина, сверкнув золотыми зубами. Бодасен поглядел на нее сверху — ее улыбка померкла, и она шмыгнула прочь.

Въехав в узкий переулок, Бодасен перекинул свой черный плащ через левое плечо, и рукоять сабли блеснула на предзакатном солнце. Дальше он пошел пешком. Во мраке затаились трое — Бодасен смерил их вызывающим взглядом, и они попятились. Он дошел до маленькой площади, посреди которой бил фонтан с бронзовой статуей мальчика верхом на дельфине. Несколько уличных девок, болтавших у фонтана, при виде мужчины тут же выпятили груди и привычно заулыбались. Бодасен прошел мимо, и они снова принялись болтать.

В гостинице было почти пусто, если не считать старика, сидящего у стойки в обнимку с кувшином пива. Две служанки протирали столы, третья складывала в очаге дрова к вечеру. Бодасен сел у окна, лицом к двери. Одна из служанок подошла к нему.

— Добрый вечер, господин. Подать вам ваш обычный ужин?

— Нет. Принеси кубок хорошего красного вина и кувшин чистой воды.

Девушка, присев, отошла. Ее учтивость смягчила раздражение Бодасена. Даже в этом гнусном городе умеют распознать вельможу. Вино оказалось не лучшего свойства, не более четырех лет выдержки и терпкое. Бодасен пил умеренно.

С улицы вошли двое мужчин. Первый — красивый, высокий и плечистый, в багряном плаще поверх красного камзола и с саблей на бедре. Второй — здоровенный лысый воин, мускулистый и угрюмый.

Первый сел напротив Бодасена, второй стал у стола.

— Где Хариб Ка? — спросил Бодасен.

— Ваш соотечественник не придет, — ответил Коллан.

— Но он обещал — поэтому я и согласился на встречу.

— У него встреча в другом месте, — пожал плечами Коллан.

— Он ничего не говорил мне об этом.

— Думаю, это произошло неожиданно. Ну так как, займемся делом или нет?

— Я никакими делами не занимаюсь, Коллан. Я хочу лишь заключить договор с... с вольными мореходами Вентрийского моря. Насколько я понимаю, у вас с ними имеются какие-то связи.

— Как видно, выговорить слово «пираты» вы не в силах? — усмехнулся Коллан. — Для вентрийского вельможи это трудно. Что ж, посмотрим, как обстоят у вас дела. Вентрийский флот разбит и потоплен, сухопутные войска также разгромлены, император убит. Теперь вы возлагаете свои надежды на пиратский флот — только он может помешать наашанской армии дойти до столицы. Или я в чем-то ошибаюсь?

Бодасен откашлялся.

— Империи нужны союзники. Вольные мореходы могли бы помочь нам в борьбе против сил зла — а за помощь мы всегда вознаграждаем щедро.

— Понятно. Стало быть, вы сражаетесь против сил зла? А я думал, что Вентрия и Наашан — всего лишь два враждующих государства. Как это наивно с моей стороны. Вы говорите «щедро» — насколько же щедр ваш принц?

— *Император* известен своим великодушием.

— Император в девятнадцать лет — завидная участь. Но он сдал врагу одиннадцать городов, и казна его пуста. Сможет ли он сыскать двести тысяч золотых рагов?

— Двести... вы это серьезно?

— У вольных мореходов пятьдесят боевых кораблей. С ними мы могли бы защитить побережье и предотвратить вторжение с моря, а также сопровождать караваны, которые возят вентрийский шелк в Дренай, Лентрию и множество других стран. Без нас вы обречены, Бодасен. Двести тысяч — не столь уж большая цена.

— Я уполномочен предложить пятьдесят — не больше.

— Наашаниты предлагают сто.

Бодасен умолк — во рту у него пересохло.

— Не могли бы мы оплатить разницу шелком и другими товарами? — сказал он наконец.

— Золото. Больше мы ничего не возьмем. Мы не торгаши.

«Нет, — с горечью подумал Бодасен, — вы воры и убийцы, и мне нестерпимо сидеть с тобой за одним столом».

— Мне необходимо посоветоваться с послом, — сказал он вслух. — Он передаст ваши требования императору — на это нам понадобится пять дней.

— Согласен, — сказал Коллан и встал. — Известно вам, где найти меня?

«Под камнем, — подумал Бодасен, — со слизняками и прочей нечистью».

— Да, — сказал он вслух, — известно. Скажите, когда Хариб вернется в Машрапур?

— Никогда.

— Где же у него в таком случае назначена встреча?

— В аду, — ответил Коллан.

— Имей же терпение, — сказал Зибен Друссу, который метался по комнате в верхнем этаже гостиницы «Костяное дерево». Сам поэт вытянулся во весь свой рост на

одной из узких коек. Друсс, подойдя к окну, смотрел на море и гавань.

— Терпение? — вспылил он. — Да ведь она где-то здесь, может быть, совсем рядом!

— Это так, и мы ее найдем, но на это потребуется время. Имена крупных работорговцев мне известны — вечером я поспрашиваю и узнаю, где Коллан ее поместил. А потом мы придумаем, как ее освободить.

— Почему бы не отправиться прямо в «Белый медведь», к Коллану? Он-то знает.

— Знать-то он знает, старый конь. — Зибен спустил ноги с постели и встал. — Но при нем состоит целая куча головорезов, готовых воткнуть нож нам в спину. А первый среди них — Борча. Представь себе детину, точно вытесанного из гранита, с мускулами поздоровее твоих. Он забивает людей до смерти в кулачных боях, ломает им шеи при борьбе — такому и оружия не требуется. Я видел, как он мнет в руке оловянные кубки и поднимает над головой бочонок с пивом. И он не единственный из людей Коллана.

— Трусишь, поэт?

— А ты как думал, глупый юнец? Страх — разумное чувство. И не надо путать его с трусостью. Лезть к Коллану нахрапом бессмысленно: его здесь знают, и у него имеются высокопоставленные друзья. Если ты нападешь на него, тебя схватят и приговорят к смерти — тогда Ровену некому будет спасать.

Друсс тяжело опустился на сиденье, поставив локти на косой стол.

— Не могу я сидеть вот так, сложа руки.

— Так пойди пройдись по городу. Глядишь, что-то и разузнаешь. Сколько ты выручил за лошадь?

— Двадцать монет серебром.

— Недурно. Пошли, я покажу тебе здешние места. — Друсс взял топор. — Нет, он тебе не понадобится. Меч или нож — дело другое, но за это чудище стража нас не похвалит. В толкотне ты можешь отрубить кому-нибудь руку. Лучше я дам тебе один из своих ножей.

— Не надо. — Друсс оставил топор на столе и вышел из комнаты.

Они спустились вниз и оказались на узкой лестнице. Друсс громко потянул носом.

— Тут воняет.

— В городах всегда воняет — особенно в бедных кварталах, где нет сточных канав и отбросы выкидывают из окон. Так что смотри под ноги.

Они направились в гавань, где с кораблей разгружали вентрийский и наашанский шелк, восточные травы и специи, сушеные фрукты и бочки с вином.

— Никогда не видел столько народу в одном месте, — сказал Друсс.

— А это ведь еще не самое бойкое время.

Поднявшись из гавани, они прошли мимо храмов и больших казенных зданий, миновали украшенный статуями парк и вышли к главному городскому фонтану. Парочки прохаживались рука об руку, и какой-то оратор держал речь перед кучкой слушателей. Зибен тоже остановился послушать, но вскоре двинулся дальше.

— Любопытно, правда? — сказал он. — Этот малый утверждает, что добрые дела совершаются из чистого себялюбия, потому что человек, творящий добро, чувствует себя хорошим. Стало быть, он печется не о благе других, а только о своем удовольствии.

— Его матери следовало бы сказать ему, что нехорошо пускать ветры ртом, — сердито сказал Друсс.

— Этим ты, надо думать, со свойственным тебе изяществом хочешь сказать, что не согласен с его доводами?

— Дурак он, и больше ничего.

— Как ты намерен это доказать?

— Тут нечего доказывать. Если тебе подают на тарелке коровью лепешку, незачем ее пробовать — и так ясно, что не мясо.

— Нет уж, ты объясни. Поделись со мной своей хваленой горской мудростью.

— Не хочу, — бросил на ходу Друсс.

— Почему не хочешь?

— Я лесоруб и понимаю толк в деревьях. В саду мне тоже доводилось работать. Знаешь ли ты, что к яблони можно привить черенок любого другого сорта? На одном дереве может расти двадцать видов яблок. То же и с грушами. Отец говорил, что и со знаниями так же — человеку можно привить что угодно, лишь бы с сердцем это не расходилось. Яблоню к груше привить нельзя. Это напрасная потеря времени — вот и я зря времени терять не хочу.

— Думаешь, я тебя не пойму? — насмешливо спросил Зибен.

— Человек либо знает что-то, либо нет. Я не могу привить тебе свое знание. У нас в горах крестьяне обсаживают деревьями поля, чтобы ветер не сдувал плодородную почву. Но деревья должны расти не меньше ста лет, чтобы по-настоящему защищать от ветра, поэтому люди сажа-

ют их не для себя, а для других, не известных им. Они делают это, потому что это правильно — и ни один из них не смог бы переспорить того болтуна на площади. Или тебя. Да и не нужно им с вами спорить.

— Этот болтун, как ты выразился, — первый министр Машрапура, блестящий политик и известный поэт. Он смертельно оскорбился бы, узнав, что молодой невежественный крестьянин с пограничных земель с ним не согласен.

— А мы ему об этом не скажем. Пусть угощает своими коровьими лепешками тех, кто верит, что это мясо. Я пить хочу, поэт. Знаешь ты тут какую-нибудь приличную таверну?

— Смотря что считать приличной. Портовые кабаки кишат ворами и шлюхами. Если мы пройдем еще с полмили, то окажемся в более пристойном квартале и сможем спокойно выпить.

— А там что? — спросил Друсс, указывая на ряд домов ближе к гавани.

— До чего ж у тебя меткий глаз! Это Восточная верфь, более известная как Воровской ряд. Каждую ночь здесь случаются драки — и убийства. Чистой публики здесь почти не бывает — стало быть, тебе это подойдет. Ступай туда, а я навещу старых друзей, которые могут знать о недавних поступлениях невольниц.

— Я пойду с тобой.

— Нет уж. Ты там будешь не ко двору — мои друзья все как на подбор болтуны. Встретимся в «Костяном дереве» ближе к полуночи.

Друсс ухмыльнулся, и поэт с возросшим раздражением повернулся и пошел через парк.

Большая кровать была застелена атласными простынями. Рядом стояли два кресла, набитые конским волосом и крытые бархатом, и стол с кувшином вина и двумя серебряными кубками. Пол устилали искусно вытканные ковры, мягкие под босыми ногами. Ровена сидела на краю кровати, сжимая в правой руке брошь, подаренную ей Друссом. При виде Друсса, шагающего рядом с Зибеном, ее одолела печаль, и рука упала на колени. Хариб Ка погиб, как она и предсказывала, и Друсс все ближе к своей страшной судьбе.

В доме Коллана она чувствовала себя беспомощной и одинокой. На двери не было замка, но в коридоре стояла стража. Отсюда не убежишь.

В ту первую ночь, когда Коллан увез ее из лагеря, он насиловал ее дважды. На второй раз она попыталась

уйти в воспоминания и тем открыла двери своего Дара. Ее дух вышел из поруганного тела и полетел сквозь ночь и время. Мимо мелькали большие города, несметные армии, горы вышиной до небес. Ровена искала Друсса и не могла найти.

Чей-то голос, теплый и вселяющий уверенность, сказал ей:

— *Успокойся, сестра. Я помогу тебе.*

Она остановила полет, повиснув над темным океаном. Рядом с ней возник стройный юноша лет двадцати, темноглазый, с приветливой улыбкой.

— *Кто ты?* — спросила она.

— *Я Винтар, один из Тридцати.*

— *Я заблудилась.*

— *Дай мне руку.*

Коснувшись его бестелесной руки, она прочла его мысли, увидела серый каменный храм, где обитали монахи в белых одеждах. Он тоже проник в ее мысли — и тут же отдалился.

— *Твои мучения окончены,* — сказал он. — *Этот человек оставил тебя и уснул. Я верну тебя обратно.*

— *Я этого не вынесу. Он дурной человек.*

— *Ты вынесешь все, Ровена.*

— *Но зачем? Мой муж день ото дня становится все более похож на этого человека. Зачем мне такая жизнь?*

— *На это я тебе не отвечу, хотя и мог бы. Ты еще очень молода, но на твою долю выпало много страданий. Однако ты будешь жить и немало доброго сделаешь в жизни. Благодаря своему Дару ты способна не только летать в поднебесье, но и ведать грядущее и врачевать. Не беспокойся о Коллане: он взял тебя только потому, что Хариб Ка велел ему не делать этого, и больше тебя не тронет.*

— *Он осквернил меня.*

— *Нет,* — сурово ответил Винтар, — *он осквернил только себя. Очень важно, чтобы ты это понимала.*

— *Друсс стыдился бы меня — ведь я не сопротивлялась.*

— *Ты сопротивлялась, но на свой лад. Ты не доставила ему удовольствия. Твоя борьба разожгла бы его похоть, и он остался бы доволен. А так он, ты сама это знаешь, не испытал ничего, кроме тоски. Притом тебе известна его судьба.*

— *Я не хочу больше ничьей смерти!*

— *Все мы умрем — и ты, и я, и Друсс. И судить о нас будут по нашей жизни.*

Он вернул Ровену в ее тело, дав ей наставления относительно будущих духовных путешествий и возврата назад.

— *Увижу ли я тебя снова?* — спросила она.

— *Возможно.*

Теперь, сидя на атласной постели, она жалела, что не может поговорить с ним опять.

Дверь открылась, и вошел громадный воин, лысый и мускулистый. Нос у него был сплющен, вокруг глаз виднелись шрамы. Он шел прямо к Ровене, но она не боялась его. Он молча положил на кровать белое шелковое платье.

— Коллан просит тебя надеть его к приходу Кабучека.

— Кто это — Кабучек?

— Вентрийский купец. Если ты ему понравишься, он тебя купит. Для тебя это было бы неплохо — у него много дворцов, и он хорошо обращается с рабами.

— Почему ты служишь Коллану? — спросила она.

— Я никому не служу. Коллан мой друг, и я иногда помогаю ему.

— Ты лучше его.

— Может, и так. Но несколько лет назад, когда я занял первое место, на меня в переулке напали сторонники побитого мною бойца с мечами и ножами. Коллан пришел мне на помощь, и мы остались живы. Я всегда плачу свои долги. Надевай платье и приготовься блеснуть перед вентрийцем своим искусством.

— А если я откажусь?

— Коллану это не понравится, и тебе придется несладко. Ты уж мне поверь. Лучше тебе поскорее убраться из этого дома.

— Скоро сюда придет мой муж. Он убьет всякого, кто причинил мне зло.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Постарайся, чтобы тебя не оказалось здесь в это время, Борча.

— Это уж как судьба распорядится, — пожал он плечами.

Друсс шел к старой верфи. Таверны, переделанные из бывших складов, окружала целая сеть закоулков. Пестро одетые женщины подпирали стены, а оборванные мужчины играли в кости или вели разговоры. Одна из женщин подошла к Друссу.

— Все мыслимые удовольствия за одну серебряную монетку, — устало предложила она.

— Спасибо, не надо.

— Могу добыть тебе дурман, если хочешь.

— Нет, — отрезал он и прошел мимо.

Трое бородачей загородили ему дорогу.

— Подайте на бедность, добрый господин.

Друсс заметил, что левый держит руку за пазухой грязной рубахи, и заявил:

— Если ты вытащишь нож, я заставлю тебя съесть его.

Нищий замер.

— Не следует разбрасываться угрозами, коли при вас нет оружия, — сказал другой. — Неразумно это, господин. — И он вынул из-за спины кинжал.

Друсс сделал шаг вперед и заехал грабителю в зубы. Тот отлетел влево, раскидав женщин, ударился о кирпичную стену, коротко застонал и затих. Друсс, не глядя на двух других, вошел в ближайшую таверну.

Окон здесь не было, и помещение освещали фонари, свисающие с высоких стропил. Пахло горелым маслом и застарелым потом. Народу было полно. Друсс проложил себе дорогу к длинному столу на козлах, где стояло несколько бочонков с пивом.

— Не надо пить перед началом боев, — посоветовал ему старик в засаленном переднике, — брюхо распирать будет.

— О каких боях ты говоришь?

Старик смерил его оценивающим, холодным взглядом.

— Не делай дурака из старого Тома, парень.

— Я чужой в городе. Так о чем речь?

— Пойдем со мной. — Том вывел Друсса в заднюю дверь, и они оказались в пустом складе, посреди которого был огорожен веревками широкий песчаный круг. В дальнем углу несколько атлетов разминали мускулы спины и плеч. — Ты уже дрался когда-нибудь?

— За деньги — ни разу.

Том взял его за руку и приподнял кверху кисть.

— Ручища что надо и костяшки плоские. Но насколько ты проворен?

— А сколько тут платят?

— Тебе — ни гроша. Тут все участники записываются заранее, чтобы зрители могли оценить каждого. Но перед началом всегда вызывают охотников из толпы, и тут можно немного заработать. К примеру, тому, кто продержится один оборот песочных часов, платят золотой раг. Это делается для того, чтобы бойцы могли разогреться.

— Сколько длится один оборот?

— Примерно столько же, сколько прошло с твоего появления в «Слепом корсаре».

— А что, если такой охотник выиграет бой?

— Такого еще не бывало, парень, но тогда он займет место проигравшего в состязаниях. Нет, если хо-

чешь нажиться на этом деле, то надо на кого-нибудь поставить. Сколько при тебе денег?

— Слишком ты любопытен, старик.

— Полно, парень, я не грабитель. Был когда-то, но теперь постарел, а ты способен за себя постоять. Сперва я принял тебя за Грассина-лентрийца — вон он, у задней двери. — Друсс увидел крепко сбитого парня с коротко остриженными черными волосами, он разговаривал с другим силачом, светловолосым и усатым. — А тот другой — это Ската, наашанский моряк. А вон тот здоровяк позади — Борча. Победа нынче будет за ним — тут даже говорить не о чем. До конца вечера он уж точно кого-нибудь изувечит.

У Друсса ощетинились волосы на затылке. Борча был громаден, больше шести футов ростом. Лысая голова, слегка заостренная, напоминала вагрийский шлем. На толстой шее и плечах бугрились мускулы.

— Ты не гляди на него так, парень. Он тебе не по зубам, ты уж мне поверь. Он искусен и очень скор. Он вызывать никого не будет — никто не выйдет против него хоть бы и за двадцать рагов. А вот против Грассина ты, пожалуй, мог бы продержаться один оборот. Если у тебя есть что поставить, я найду закладчиков.

— Сколько ты хочешь за это, старик?

— Половину того, что мы выручим.

— На каких условиях ты будешь ставить?

— Два к одному. А может, три.

— А если я выйду против Борчи?

— Выкинь это из головы, парень. Мы хотим заработать, а не разоряться на гроб.

— Какие тогда будут ставки? — настаивал Друсс.

— Десять к одному или двадцать — одни боги знают!

Друсс вынул из кошелька десять серебряных монет и высыпал их в ладонь старика.

— Объяви, что я хочу выйти против Борчи на один оборот часов.

— Груди Асты! Он тебя убьет.

— Если не убьет, ты получишь сто монет серебром, а то и больше.

— Так-то оно так, — признал старый Том и криво усмехнулся.

Толпа медленно собиралась вокруг арены. Знатные господа в шелках и тонко выделанной коже с дамами в атласе и кружевах занимали самые высокие сиденья. Внизу рас-

полагались купцы в остроконечных шляпах и длинных плащах. Среди такого многолюдства Друссу сделалось не по себе. В зале становилось все более душно и жарко.

Ровене не понравилось бы это место, шумное и набитое народом. Друсс помрачнел при мысли о ней — узнице, отданной на произвол желаний Коллана. Чтобы не думать об этом, он стал вспоминать недавний разговор с Зибеном. Ему нравилось дразнить поэта — это помогало преодолеть вынужденное сознание того, что оратор, может быть, и прав. Друсс любил Ровену всем сердцем, но при этом отчаянно нуждался в ней и порой не знал, что сильнее — любовь или нужда. Почему он хочет спасти ее? Потому, что любит, или потому, что без нее он пропадет? Этот вопрос мучил его.

Ровена успокаивала его мятежный дух так, как никто другой. Она помогала ему видеть мир глазами добра — необычное и чудесное ощущение. Будь она сейчас с ним, он тоже преисполнился бы омерзения к этому потному толпищу, жаждущему боли и крови. А так у него только сердце бьется чаще, чем всегда, и растет волнение в ожидании боя.

Его светлые глаза отыскали в толпе толстяка Тома — тот разговаривал с высоким человеком в красном бархатном плаще. Человек с улыбкой отвернулся от Тома и подошел к великану Борче. Боец выпучил глаза и рассмеялся. Друсс ничего не слышал за шумом, но его охватил гнев. Борча — человек Коллана, возможно, один из тех, кто схватил Ровену.

Старый Том вернулся к Друссу и увел его в относительно тихий уголок.

— Дело на мази. Теперь послушай, что я скажу: по голове не бей. Многие обломали себе руки об этот череп. Он имеет привычку подставлять под удары лоб. Бей по туловищу да следи за его ногами — он мастер лягаться. Как тебя, кстати, звать?

— Друсс.

— Ну, Друсс, поймал ты медведя за причинное место. Если он заденет тебя, не пытайся держаться: он треснет тебя башкой и раздробит тебе нос и скулы. Отступай и прикрывайся, как можешь.

— Отступать будет он, — рявкнул Друсс.

— В храбрости тебе не откажешь, но с такими, как Борча, ты еще не встречался. Это живой молот.

— Ты мастер поднимать настроение, — хмыкнул Друсс. — Какие ставки ты заключил?

— Пятнадцать к одному. Если удержишься на ногах, получишь семьдесят пять серебром, не считая первоначальных десяти.

— Хватит этого, чтобы купить рабыню?

— Зачем тебе рабыня?

— Хватит или нет?

— Смотря какая рабыня. Есть такие, что и сотни будет мало. Ты имеешь кого-то на примете?

Друсс достал из кошелька последние четыре монеты.

— Поставь и эти тоже.

— Это все твое достояние?

— Да.

— Видно, не простая это рабыня.

— Это моя жена. Коллан увез ее силой.

— Коллан часто этим промышляет. Твоя жена, часом, не колдунья?

— Что такое?

— Ты не обижайся, но Коллан нынче продал Кабучеку-вентрийцу какую-то колдунью. Пять тысяч серебром взял.

— Нет, она не колдунья. Просто горянка, милая и славная.

— Ну, тогда тебе и сотни хватит — только сперва ее надо выиграть. Тебе уже доводилось получать удары кулаком?

— Нет, но как-то на меня упало дерево.

— И что же, ты лишился чувств?

— Нет, только в голове ненадолго помутилось.

— Ну, с Борчей тебе покажется, что на тебя упала гора. Надеюсь, ты это выдержишь.

— Там увидим, старик.

— Если упадешь, ныряй под веревки — не то он тебя затопчет.

— Ты мне нравишься, старик, — улыбнулся Друсс. — Ты не из тех, кто подслащивает лекарство, верно?

— Только горькие лекарства приносят пользу, — с кривой усмешкой ответил Том.

Борча упивался восхищением толпы, боязливым уважением мужчин и томлением женщин. Право же, он вполне заслужил эти молчаливые овации, которыми наслаждался последние пять лет. Оглядывая голубыми глазами ряды зрителей, он увидел Мапека, первого министра, вентрийского посланника Бодасена, и еще дюжину вельмож, приближенных эмира. Лицо его хранило невозмутимость. Всем известно, что Борча не улыбается никогда — разве что в песчаном круге, когда противник начинает шататься под его железными кулаками.

Он взглянул на Грассина, разминавшего мускулы, и улыбка чуть было не тронула его губы. Пусть другие

думают, что Грассин просто упражняется перед боем — он, Борча, видит страх в его движениях. Борча окинул взглядом других бойцов. Немногие смотрели в его сторону, а те, что все-таки поглядывали, избегали встречаться с ним глазами.

Слабаки, все до одного.

Борча вздохнул полной грудью, расправляя могучие легкие. В зале было жарко и влажно. Подозвав одного из своих секундантов, Борча велел ему открыть большие окна по обоим концам склада. Второй секундант сказал:

— Какой-то простофиля хочет выйти против тебя на один оборот часов, Борча.

Раздраженный боец подозрительно оглядел толпу. Все взоры были устремлены на него. Выходит, они уже знают? Он запрокинул голову и рассмеялся.

— Кто таков?

— Горец какой-то. Юнец лет двадцати.

— Ну, в таком возрасте глупость простительна. — Никто из тех, кто видел его в деле, не решился бы на четырехминутный бой с первым бойцом Машрапура, но раздражение Борчи не стихало.

Он знал, что одних рук и ног для победы мало. Победа — это смесь отваги и уверенности, роняющая семена сомнения в душу противника. Человек, который верит, что его соперник непобедим, проигрывает заранее, и Борча годами создавал себе репутацию непобедимого.

За последние два года никто из охотников не осмеливался сразиться с ним — до сегодняшнего дня.

С этим связана другая трудность. На арене никаких правил не существует — можно с полным правом выдавить противнику глаза или наступить ему ногой на шею, когда он упадет. Смертью дело кончается редко, но случается и такое, и многие бойцы остаются калеками на всю жизнь. Однако не может же Борча пускать в ход все свое мастерство против никому не известного парня — подумают еще, что он боится этого юнца.

— Против того, что он останется жив, держат пятнадцать к одному, — прошептал секундант.

— Кто за него ставит?

— Старый Том.

— Сколько они поставили?

— Сейчас узнаю. — И секундант нырнул в толпу.

Распорядитель состязаний, огромный грузный купец по имени Бильс, вошел в песчаный круг.

— Друзья, — возгласил он, тряся тройным подбородком, — добро пожаловать в «Слепой корсар», где

вам предстоит удовольствие лицезреть лучших кулачных бойцов Машрапура.

Борча не внимал его тягучей речи — все это он слышал уже не раз. Вот пять лет назад дело обстояло по-иному. Его сын и жена слегли с кишечной хворью, и молодой Борча, закончив работу в гавани, пробежал всю дорогу до «Корсара», чтобы заработать десять серебряных монет в таком вот предварительном бою. К собственному удивлению, он побил своего противника и занял его место в состязаниях. В ту ночь, уложив шестерых, он принес домой шестьдесят золотых рагов. Он с торжеством вбежал к себе — и нашел сына мертвым, а жену при смерти. Он вызвал лучшего машрапурского лекаря и поместил Карию в лечебницу в богатом северном квартале, истратив на это все свое золото. Кария оправилась от своей болезни, но тут же подхватила чахотку, и на ее лечение в последующие два года ушло еще триста рагов.

И все-таки она умерла, изглоданная болезнью.

С тех пор Борча выплескивал свое ожесточение в каждом бою, вымещая злость на своих соперниках.

Он слышал, как выкликнули его имя, и поднял правую руку. Толпа разразилась криками и рукоплесканиями.

Теперь у него самого дом в северном квартале, выстроенный из мрамора и дорогого дерева, крытый глиняной черепицей. К его услугам двадцать рабов, а по величине доходов от торговли рабами и шелком он мог бы сравниться с любым из крупных купцов. Но демоны прошлого все так же гонят его в бой.

Бильс объявил о начале предварительных боев, и Грассин вступил в круг с крепким портовым грузчиком. Не прошло и нескольких мгновений, как Грассин сбил противника с ног. Секундант сообщил Борче:

— Они поставили девять монет серебром. Тебе это важно?

Борча покачал головой. Будь сумма крупной, можно было бы заподозрить какой-то подвох, какого-нибудь чужеземного бойца, неизвестного в Машрапуре. Но за этой мелочью нет ничего, кроме глупости и зазнайства.

Бильс назвал его имя, и Борча вошел в круг. Он попробовал ногами песок. Слишком толстый слой затрудняет движения, слишком тонкий грозит возможностью поскользнуться. Этот хорош, его разровняли в самый раз. Борча обратил взгляд на парня, вошедшего в круг с той стороны.

Он был молод и чуть пониже Борчи, но необычайно широк в плечах. Мускулы на выпуклой груди хорошо развиты, бицепсы — огромны. Борча подметил, что дви-

жется парень легко и хорошо держит равновесие. В поясе он был плотен, но жира почти нет, а толстую шею хорошо защищают мощные мышцы. Борча перевел взгляд на лицо. Сильные скулы и подбородок. Нос широкий и плоский, брови массивные. В светлых глазах юноши не было страха. «Он смотрит так, будто ненавидит меня», — подумал Борча.

Бильс представил парня как Друсса с дренайских земель. Бойцы сблизились. Борча, возвышаясь над Друссом, протянул ему руку, но тот лишь улыбнулся и отошел к веревкам, ожидая сигнала начать.

Это мелкое оскорбление не задело Борчу. Приняв установленную боевую позицию — левая рука вытянута, правый кулак у щеки, — он двинулся к новичку. Тот неожиданно для Борчи ринулся вперед. Старый боец нанес молниеносный удар левой в лицо, добавил правой в челюсть и отступил, чтобы Друссу было куда падать, но тут что-то двинуло его в бок. На миг Борче показалось, что из публики в него швырнули большим камнем, и лишь потом он сообразил, что это кулак его противника. Друсс, и не думая падать, нанес ответный удар. Борча пошатнулся и тут же ответил градом ударов, от которых голова Друсса отскочила назад, — но юноша не отступил. Борча, сделав финт в голову, ударил снизу в живот. Друсс зарычал и размахнулся правой. Борча нырнул под нее и нарвался на тычок левой снизу. Он успел отклонить голову, и удар пришелся по скуле. Выпрямившись, Борча сверху двинул Друсса по лицу и рассек ему левую бровь, а потом добавил левой.

Друсс, потеряв равновесие, покачнулся, и Борча устремился к противнику, чтобы добить, но получил сокрушительный удар прямо под сердце и почувствовал, как сломалось ребро. Охваченный гневом, он принялся молотить парня по лицу и телу, отбросив его к веревкам. На этот раз он разбил Друссу правую бровь. Парень нырял и уклонялся, но все больше ударов Борчи приходилось в цель. Почуяв победу, Борча орудовал кулаками с удвоенным пылом. Но Друсс, отказываясь падать, нагнул голову и ринулся вперед. Борча отступил в сторону и левой смазал Друсса по плечу. Тот восстановил равновесие, вытер кровь с глаз и повернулся к Борче лицом. Финт левой не обманул Друсса, а его правый пробил защиту Борчи и обрушился на поврежденные ребра. Первый боец сморщился от боли и тут же получил удар в челюсть, сломавший зуб. Он ответил левым снизу, от которого Друсс привстал на носки, и правым боковым, едва не свалившим юношу с ног. Друсс снова вдарил ему по ребрам, заставив Бор-

чу отступить. Бойцы начали кружить, и только теперь Борча расслышал крики толпы: она приветствовала Друсса, как пять лет назад приветствовала его самого.

Друсс атаковал. Борча промахнулся левой, но правая попала в цель. Друсс покачнулся на пятках и тут же снова бросился вперед. Борча ударил его трижды, целя в уже разбитые брови. Друсс махал кулаками почти вслепую. Один удар пришелся Борче по правому бицепсу, вызвав онемение руки, другой — в бровь. Теперь и Борча был залит кровью, а толпа разразилась ревом.

Борча, глухой к воплям публики, предпринял ответную атаку и стал теснить Друсса, осыпая его короткими ударами.

И тут прозвучал рог — песок вытек из часов.

Борча отошел, но Друсс снова кинулся в драку. Борча обхватил его руками и притянул к себе.

— Все, парень, конец. Ты выиграл свой заклад.

Друсс вырвался и тряхнул головой, оросив кровью песок.

— Ступай к Коллану, — прорычал он, тыча рукой в сторону Борчи, — и скажи ему, что я оторву голову всякому, кто хоть пальцем тронул мою жену.

Сказав это, Друсс вышел из круга.

Борча оглянулся и увидел, что все бойцы смотрят на него.

Никто теперь не боялся встретиться с ним глазами, а на лице Грассина играла улыбка.

Зибен явился в «Костяное дерево» вскоре после полуночи. Самые закоренелые пьяницы еще сидели в таверне, и служанки устало двигались между столами. Зибен поднялся на галерею, где была их с Друссом комната. Собравшись уже войти, он услышал из-за двери голоса. Зибен выхватил кинжал, распахнул дверь и ворвался внутрь. Друсс сидел на своей кровати с избитым, опухшим лицом. Обе его брови были грубо зашиты. На кровати Зибена сидел какой-то грязный толстяк, а у окна стоял стройный дворянин в черном плаще, с расчесанной натрое бородкой. При виде поэта он выхватил из ножен блестящую саблю, а толстяк вскочил и с воплем упал, спрятавшись за спину Друссу.

— Где ты прохлаждаешься, поэт? — спросил юноша.

Зибен воззрился на острие сабли, застывшее в двух дюймах от его горла.

— Быстро же ты завел себе новых друзей, — с натянутой улыбкой сказал он и с величайшей осторожностью спрятал нож, а дворянин, к его облегчению, тоже убрал саблю в ножны.

— Это Бодасен, он вентриец, — пояснил Друсс. — А тот, что забился за меня, — это Том.

Толстяк с глупой улыбкой встал и поклонился.

— Рад знакомству, мой господин.

— Кто это, черт побери, наградил тебя такими фонарями? — осведомился Зибен, разглядывая Друсса.

— Наградил? Как бы не так. Мне пришлось добывать их в бою.

— Он дрался с Борчей, — с едва заметным восточным выговором сказал Бодасен. — Славный был бой — на полный оборот песочных часов...

— Да уж, было на что поглядеть, — поддакнул Том. — Борча был не слишком доволен — особенно когда Друсс сломал ему ребро! Мы все слышали, как оно хрустнуло, — чудеса, да и только.

— Ты дрался с Борчей? — прошептал Зибен.

— Да, и победа не досталась никому, — подтвердил вентриец. — Лекаря поблизости не случилось, и я помог наложить ему швы. Вы поэт Зибен, не так ли?

— Да — а разве вы меня знаете?

— Я слышал вас в Дренане, а в Вентрии читал вашу сагу о Нездешнем. Богатство вашего воображения восхитило меня.

— Благодарю вас. Без воображения было не обойтись, поскольку о нем мало что известно. Не знал, что моя книга добралась так далеко — с нее было сделано всего пятьдесят копий.

— Мой император в своих странствиях приобрел одну из них, в кожаном переплете с вытисненным золотым листом. Она написана великолепным почерком.

— Таких было пять, по двадцать рагов каждая. Красивые издания.

— Мой император заплатил за книгу шестьсот, — усмехнулся Бодасен.

Зибен вздохнул и сел на кровать.

— Что ж, слава дороже золота, верно? Скажи-ка, Друсс, с чего это ты полез драться с Борчей?

— Я заработал сотню серебром и теперь смогу выкупить Ровену. Узнал ты, где ее держат?

— Нет, дружище. Коллан в последнее время продал только одну женщину — пророчицу. Ровену он, должно быть, приберегает для себя.

— Тогда я убью его и заберу ее — и к дьяволу машрапурские законы.

— Мне кажется, я могу вам помочь, — сказал Бодасен. — Я знаком с этим Колланом и, быть может, сумею освободить вашу даму без кровопролития.

Зибен промолчал, но заметил, что вентриец искренне сочувствует им.

— Не могу больше ждать, — сказал Друсс. — Сможете вы повидать его завтра?

— Разумеется. Ты останешься здесь?

— Я буду ждать известия от вас, — обещал Друсс.

— Хорошо. Желаю всем доброй ночи. — Бодасен с легким поклоном вышел из комнаты. Старый Том тоже направился к двери.

— Ну и ночка выдалась, парень. Если решишь подраться опять, я буду рад это устроить.

— Нет уж, хватит с меня. Пусть лучше на меня падают деревья.

— Жаль, что я не сразу поверил в тебя и поставил всего одну свою монету. Ну что ж, такова уж жизнь, — с улыбкой развел руками Том и уже без улыбки добавил: — Остерегайся, Друсс. У Коллана здесь много друзей — да таких, что за кружку пива любому глотку перережут. Ходи с оглядкой. — И старик ушел.

На столике стоял кувшин с вином, и Зибен наполнил глиняную чашу.

— Чудной ты парень. Надо сказать, после встречи с Борчей ты похорошел. Похоже, у тебя нос сломан.

— Похоже, ты прав. Ну а ты что поделывал?

— Посетил четырех известных работорговцев. Коллан к ним никаких женщин не приводил. История о твоем нападении на Хариба Ка уже широко известна. Уцелевшие разбойники прибежали к Коллану и говорят, что ты — демон. Тут какая-то тайна, Друсс. Не знаю, где она может быть, разве что у него дома.

Правая бровь Друсса начала кровоточить. Зибен подал ему тряпицу, но Друсс отмахнулся.

— Ничего, заживет. Забудь.

— Боги, Друсс, как ты терпишь? Лицо все опухло, глаза подбиты... Очень больно?

— Если человеку больно, значит, он жив. Ну как ты, потратил свои монеты на шлюху?

— Ага, — хмыкнул Зибен. — Она молодец — сказала, что я лучший любовник из всех, кого она знает.

— Вот диво-то, кто бы мог подумать.

— Но слышать все равно приятно, — засмеялся Зибен. Он выпил вина и стал собирать свои пожитки.

— Куда это ты?

— Не я, а мы. В другую комнату.

— Мне и тут хорошо.

— Да, тут славно, но я не склонен доверять людям, которых не знаю, как ни милы они оба. Коллан непременно подошлет к тебе убийц, Друсс. Возможно, Бодасен ему служит, а что до этого вшивого прохвоста, то он мать родную продаст за медный грош. Так что доверься мне и давай перебираться.

— Мне они оба понравились — но ты прав. Надо выспаться как следует.

Зибен кликнул служанку, сунул ей серебряную монету и попросил держать их переезд в тайне — даже от хозяина. Девушка спрятала монету в кармашек кожаного фартука и провела обоих в дальний конец галереи. Новая комната была побольше первой, с тремя кроватями и двумя лампами. В очаге лежали дрова, но огонь не горел, и было холодно.

После ухода служанки Зибен разжег дрова и сел рядом, глядя, как огонь лижет дерево. Друсс снял сапоги и колет и растянулся на самой широкой кровати. Топор он положил рядом на полу и вскоре уснул.

Зибен отстегнул перевязь с ножами и повесил ее на спинку стула. Огонь разгорелся, и он подложил в очаг несколько поленьев из корзины. Шли часы, в гостинице все затихло, и только треск горящего дерева нарушал тишину. Зибен устал, но спать не ложился.

Через некоторое время на лестнице послышались тихие шаги. Зибен взял один из ножей, приоткрыл дверь и выглянул наружу. Семеро мужчин столпились в конце галереи перед дверью их прежней комнаты. Их сопровождал хозяин гостиницы. Они распахнули дверь и вломились внутрь, но тут же вышли. Один взял хозяина за ворот и притиснул к стене. Тот залепетал что-то, и до Зибена донеслось:

— Были тут... честно... жизнью детей... не заплатили...

Неудачливые убийцы, швырнув хозяина на пол, спустились по лестнице и удалились в ночь.

Зибен закрыл дверь, вернулся к огню и уснул.

Глава 6

Борча безмолвно слушал, как Коллан распекает людей, посланных на розыски Друсса. Они стояли пристыженные, понурив головы.

— Сколько ты уже у меня, Котис? — спросил Коллан одного из них зловеще тихим голосом.

— Шесть лет, — ответил Котис, высокий, плечистый и бородатый. Борча помнил, как побил его в кулачном бою, — это заняло не больше минуты.

— Шесть лет. За это время ты должен был видеть, как я поступаю с теми, кем недоволен.

— Я это видел. Но нас туда направил старый Том. Он клялся, что они остановились в «Костяном дереве», и они правда были там, но после боя с Борчей скрылись. Наши люди и теперь ищут их — завтра они непременно найдутся.

— Тут ты прав. Они найдутся, когда заявятся сюда!

— Вы могли бы вернуть ему жену, — заметил Бодасен, растянувшийся на кушетке в дальнем углу.

— Я не возвращаю женщин — я их отбираю! Притом я не знаю, о которой из этих красавиц идет речь. Почти всех, кого мы взяли, этот сумасшедший освободил, напав на лагерь. Должно быть, его женушка воспользовалась случаем, чтобы сбежать от него.

— Не хотел бы я, чтобы такой молодчик охотился за мной, — сказал Борча. — Я никого еще так не молотил, а он остался на ногах.

— Эй, вы, ступайте обратно в город. Обыщите все гостиницы и кабаки около гавани. Далеко они уйти не могли. И вот что, Котис: если он в самом деле заявится сюда, тебе не жить!

Люди Коллана вывалились вон. Борча, стараясь улечься поудобнее, застонал на боку от боли. Ему пришлось отказаться от участия в дальнейших поединках, и это ранило его гордость. Но молодой драчун вызывал у него невольное восхищение: Борча и сам бы ради Карии вышел против целой армии.

— Знаешь, что я думаю?

— Что? — огрызнулся Коллан.

— Я думаю, это и есть та колдунья, которую ты продал Кабучеку. Как ее звали?

— Ровена.

— Ты с ней спал?

— Не трогал я ее, — солгал Коллан. — И как бы там ни было, теперь она продана Кабучеку. Он дал за нее пять тысяч серебром — вот так-то. Надо было запросить с него десять.

— Ты сходил бы к Старухе, — посоветовал Борча.

— Мне не нужна гадалка, чтобы знать, как разделаться с каким-то деревенщиной, как ни горазд он махать топором. Однако к делу. — Коллан обернулся к Бодасену: — Ответ на наши требования вы еще не могли получить — зачем же вы пришли?

Вентриец улыбнулся, сверкнув зубами в черной бороде.

— Я пришел потому, что сказал молодому воину, что мы знакомы, и предложил похлопотать за его жену. Но если она уже продана, то я понапрасну потратил время.

— Вам-то что за дело до нее?

Бодасен встал и набросил на плечи черный плащ.

— Я солдат, Коллан, — вы тоже им были когда-то. И знаю толк в людях. Жаль, что вы не видели, как он дрался с Борчей. Зрелище было не из приятных — жестокое и даже пугающее. Вы имеете дело не с деревенщиной, а с беспощадным убийцей. Я не верю, что ваши люди способны его остановить.

— Да вам-то какая печаль?

— Вентрия нуждается в вольных мореходах, а вы — связующее звено между мною и ими. Не хочу, чтобы вы скончались раньше времени.

— Я тоже воин, Бодасен.

— Это так. Но вспомним то, что нам известно. Хариб Ка, судя по рассказам его людей, послал в лес шестерых. Они не вернулись. Я говорил нынче с Друссом — он сказал, что убил их, и я ему верю. Потом он напал на лагерь, где было сорок вооруженных воинов, и обратил их в бегство. Сегодня он сразился с Борчей, которого многие, и я в том числе, считали непобедимым. Те подонки, которых вы послали его искать, вам не помогут.

— Ничего. Если он убьет их, его схватит городская стража. А мне остается провести здесь всего четыре дня до отплытия в порты вольных мореходов. Но вы, кажется, хотите предложить мне какой-то совет?

— Да, хочу. Выкупите эту женщину у Кабучека и верните ее Друссу. Выкупите или украдите — как угодно, но верните ее.

Вентриец отвесил Коллану легкий формальный поклон и вышел.

— На твоем месте я бы послушал его, — сказал Борча.

— Молчи! — рявкнул Коллан. — Он что, окончательно повредил тебе мозги? Ты не хуже меня знаешь, что держит нас на верхушке этой навозной кучи. Страх, трепет, порой даже ужас. Что станет с моей репутацией, если я отдам обратно похищенную женщину?

— Ты совершенно прав, — сказал Борча, вставая, — но репутацию можно восстановить, а вот жизнь — вряд ли. Он сказал, что оторвет тебе голову, — так вот, он может.

— Я никогда не видел тебя напуганным, дружище. Я думал, ты невосприимчив к страху.

— Да, Коллан, я не из слабых, — улыбнулся Борча. — Такова моя репутация, и я пользуюсь ею, потому что так проще. Но если я увижу, что на меня бежит бык, я отойду в сторону, или убегу, или залезу на дерево. Сильный человек всегда знает, где его предел.

— Я вижу, этот Друсс помог тебе определить, где твой, — хмыкнул Коллан.

Борча вышел из дому и побрел по северному кварталу. Улицы здесь были шире и обсажены деревьями. Мимо прошел ночной дозор, капитан отдал честь, узнав первого бойца.

«Я уже не первый, — подумал Борча. — Настал черед Грассина пожинать овации — до будущего года».

— Но я еще вернусь, — прошептал Борча. — Непременно вернусь. Это все, что у меня есть в жизни.

Зибена одолевали сны. Он плавал в голубом озере, оставаясь сухим, он гулял по цветущему острову, не чувствуя земли под ногами, он лежал на атласных простынях рядом с мраморной статуей — от его прикосновений она оживала, но оставалась холодной.

Он открыл глаза, и сны отлетели прочь. Друсс еще спал. Зибен встал со стула и расправил плечи, глядя на спящего воина. Швы на бровях Друсса вздулись, на веках запеклась кровь, нос распух и побагровел. Но лицо, несмотря на все увечья, дышало силой, и Зибен вздрогнул, ощутив почти нечеловеческую мощь.

Друсс застонал и открыл глаза.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил поэт.

— Так, будто по мне проскакал конь. — Друсс слез с постели и налил себе воды.

В дверь постучали. Зибен встал и вынул нож.

— Кто там?

— Я, сударь, — ответила знакомая служанка. — Вас ждет внизу какой-то человек.

Зибен открыл дверь, и девушка присела в реверансе.

— Ты его знаешь?

— Это тот вентрийский господин, что был здесь ночью.

— Он один?

— Да, сударь.

— Веди его сюда.

В ожидании Зибен рассказал Друссу о ночных посетителях.

— Надо было разбудить меня, — сказал Друсс.

— Решил на этот раз обойтись без кровопролития.

Бодасен, войдя, первым делом направился к Друссу и осмотрел его швы.

— Держатся на славу, — с улыбкой заметил он.

— С какими вы вестями? — спросил Друсс.

Вентриец снял черный плащ и бросил его на стул.

— Ночью Коллан разослал убийц по всему городу, но утром образумился. Он прислал ко мне человека с известием для тебя. Он решил вернуть тебе жену.

— Хорошо. Где и когда?

— В полумиле к западу отсюда есть пристань. Он придет туда через час после заката и приведет с собой Ровену. Но он встревожен, Друсс, — он не хочет умирать.

— Я не стану убивать его.

— Он хочет, чтобы ты пришел один и без оружия.

— Еще чего! — вскинулся Зибен. — Он что, за дураков нас держит?

— Каким бы он ни был, он все-таки дренайский дворянин. Его слову можно верить.

— Я не верю. Он изменник и убийца, который наживается на чужом горе. Видали мы таких дворян!

— Я пойду, — сказал Друсс. — Другого выбора все равно нет.

— Это ловушка, Друсс. У таких, как Коллан, нет чести. Он придет туда с дюжиной головорезов.

— Они меня не остановят. — Светлые глаза Друсса сверкнули.

— Нож в глотку остановит кого угодно.

Бодасен положил руку на плечо Друсса.

— Коллан заверил меня, что это честная сделка. Я не стал бы передавать тебе его слова, если бы считал их лживыми.

— Вам я верю, — с улыбкой кивнул Друсс.

— Как вы нас нашли? — спросил Зибен.

— Вы сказали, что будете здесь.

— Объясните подробнее, где состоится встреча, — попросил Друсс.

Бодасен дал указания и распрощался.

— Ты правда ему веришь? — спросил Друсса Зибен.

— Конечно. Он ведь вентриец. Отец говорил, что они самые плохие торговцы на свете, потому что чураются лжи и обмана. Так уж они воспитаны.

— Но Коллан-то не вентриец.

— Нет, — угрюмо согласился Друсс. — Он именно такой, как ты его описал. И ты совершенно прав, поэт: он хочет устроить мне ловушку.

— И все-таки ты пойдешь туда?

— Я же сказал — другого выбора нет. А вот тебе идти не обязательно. Ты в долгу перед Шадаком, а не передо мной.

— Правда твоя, старый конь, — улыбнулся Зибен. — Ну, так как же мы разыграем свою маленькую игру?

За час до заката Коллан стоял в верхней комнате дома, выходящего на пристань. Бородатый Котис был рядом с ним.

— Ну что, все на месте? — спросил дренай.

— Да. Двое с арбалетами, шестеро с ножами. Борча придет?

— Нет, — помрачнел Коллан.

— Жаль.

— Не о чем жалеть. Крестьянин уже его один раз вздул.

— Вы правда думаете, что он придет один и без оружия?

— Бодасен полагает, что да.

— Боги, ну и дурак!

— В мире полно дураков, Котис, — засмеялся Коллан, — потому-то мы и богатеем. — Высунувшись из окна, он оглядел пристань. Несколько шлюх стояли в дверях, двое нищих приставали к прохожим. Пьяный грузчик вывалился из таверны, наткнулся на стену и свалился около причальной тумбы. Он попытался встать, тут же рухнул снова, свернулся на камнях и уснул. «Ну и город, — подумал Коллан. — Расчудесный город». Одна из женщин, подойдя к спящему, ловко запустила пальцы в его кошелек.

Коллан отошел от окна, вынул саблю и стал точить. Он не имел намерения сам драться с крестьянином, но предосторожность лишней никогда не бывает.

Котис налил себе дешевого вина.

— Не пей слишком много, — предостерег Коллан. — Он даже безоружный наверняка будет драться.

— Со стрелой в сердце много не навоюешь.

Коллан сел на мягкий стул и вытянул длинные ноги.

— Еще несколько дней, Котис, — и мы богачи. Вентрийского золота хватит, чтобы доверху набить эту жалкую каморку. Мы отплывем в Наашан и купим себе дворец — да не один.

— Думаете, пираты согласятся помочь Вентрии?

— Нет, они уже взяли золото у наашанитов. Вентрии крышка.

— Значит, деньги Бодасена мы оставим себе?

— Ясное дело. Я же говорю, в мире полно дураков. Когда-то и я принадлежал к их числу. Полжизни потратил на мечты. Благородство, галантность и все такое. Отец до того напичкал меня рассказами о рыцарях, что я по-настоящему верил во все это. Надо же — самому не верится! Но я вовремя понял свою ошибку и поумнел.

— Вы нынче в хорошем настроении. Только Бодасена тоже придется убить. Он будет недоволен, узнав, что его надули.

— С ним я сражусь. Вентрийцы, чума их забери! Думают, что они выше всех прочих смертных, а Бодасен в особенности. Великим бойцом себя почитает. Я его обстругаю — кусочек там, кусочек тут. Он у меня помучается. Я сломаю его гордость, прежде чем убить его.

— А вдруг он вас переборет?

— Никто меня не переборет — ни на саблях, ни на коротких клинках.

— Говорят, Шадак — один из лучших на свете.

— Шадак стар, — в бешенстве вскочил Коллан, — и даже в лучшую свою пору он не посмел бы встретиться со мной.

Котис, побледнев, забормотал извинения.

— Молчать! — рявкнул Коллан. — Ступай наружу, проверь, все ли на местах.

Котис, пятясь, вышел вон, а Коллан налил себе вина и сел к окну. Шадак! Вечно этот Шадак. С чего это люди питают к нему такое почтение? Что он такого сделал? Ядра Шемака, да Коллан убил вдвое больше воинов, чем этот старик! А разве о Коллане слагают песни? Нет.

«Когда-нибудь я уничтожу его, — пообещал себе Коллан. — Прилюдно, чтобы все видели унижение великого Шадака». Он выглянул в окно. Солнце садилось, заливая море огнем.

Скоро крестьянин явится — и тогда начнется потеха.

Друсс вышел на пристань. В дальнем ее конце готовился к отплытию корабль — с причала отдавали концы, матросы разворачивали на грот-мачте большой парус. Над судном кружили чайки, серебристые в лунном свете.

Друсс поглядел в обе стороны — пристань была пуста, если не считать двух шлюх и спящего пьяницы. Окна домов вдоль набережной закрыты. Он немного боялся — не за себя, а за Ровену. Что, если Коллан убьет его? Тогда ее ждет пожизненное рабство. Даже думать об этом невыносимо.

Разбитые брови болели, тупой стук в голове напоминал о поединке с Борчей. Друсс сплюнул и зашагал вдоль моря. Справа из мрака возник человек.

— Друсс! — тихо позвал он.

Друсс повернул голову и увидел у входа в темный переулок старого Тома.

— Чего тебе?

— Тебя ждут, парень. Их там девять человек. Поворачивай назад!

— Не могу. У них моя жена.

— Черт подери, парень, тебя ж убьют.

— Ну, это мы еще посмотрим.

— Слушай меня. У двоих арбалеты. Держись правее, у стены. Стрелки сидят в верхних комнатах — они не смогут тебя достать, если ты прижмешься к стене.

— Ладно, так и сделаю. Спасибо, старик.

Том снова скрылся во мраке. Друсс, набрав в грудь воздуха, двинулся вперед и увидел над собой открытое окно. Он свернул к освещенной луной стене дома и крикнул:

— Где ты, Коллан?

Из темноты вышли вооруженные люди, и Друсс различил среди них высокую, красивую фигуру Коллана.

— Где моя жена? — выйдя вперед, спросил Друсс.

Коллан указал на корабль:

— В том-то вся и прелесть. Она там, на борту, с купцом Кабучеком, который в это самое время отплывает к себе домой, в Вентрию. Быть может, она увидит даже, как ты умрешь!

— Не дождешься! — взревел Друсс и ринулся вперед.

Пьяный позади людей Коллана внезапно встал с двумя ножами в руках. Один клинок просвистел мимо головы Коллана и по самую рукоять вошел Котису в горло.

Друсс отвел кинжал, нацеленный ему в живот, и нанес его владельцу сокрушительный удар в подбородок. Бандит упал. Чей-то нож вонзился Друссу в спину — он обернулся, схватил врага за горло, пнул в пах и отшвырнул в сторону.

Одетый грузчиком Зибен выхватил из мешка Снагу и бросил Друссу. Друсс ловко поймал топор за рукоять. Лунный свет блеснул на страшных лезвиях, и враги обратились в бегство.

Друсс помчался к кораблю, который медленно отходил от пристани.

— Ровена! — закричал он. Что-то ударило его в спину — он пошатнулся и упал на колени. Обернувшись, он увидел, как Зибен взмахнул рукой, а стрелок, стоявший у окна, выронил арбалет и свалился вниз с ножом в глазнице. Зибен опустился рядом с Друссом на колени.

— Лежи смирно. У тебя стрела в спине!

— Уйди! — заорал Друсс, поднимаясь на ноги. — Ровена!

Спотыкаясь, он двинулся вперед, но корабль скользил по волнам все быстрее и быстрее, и ветер надувал его парус. Друсс чувствовал, как течет по спине кровь, собираясь у пояса. Страшная слабость охватила его, и он упал снова.

— Надо доставить тебя к лекарю, — услышал он, и голос поэта сменился оглушительным гулом в ушах. Корабль с раздутым парусом повернул на восток.

— Ровена! Ровена!

Камень пристани холодил ему лицо, далекие крики чаек глумились над его горем. Мучимый болью, он еще раз попытался встать... и упал за край мира.

Коллан, отбежав подальше, оглянулся назад. Он увидел, как страшный воин упал, а его товарищ опустился рядом на колени. Коллан остановился и сел на причальную тумбу, чтобы отдышаться. Невероятно! Этот безоружный гигант обратил в бегство вооруженных людей. Борча был прав. Сравнение с быком оказалось как нельзя более точным. Завтра Коллан спрячется в своем убежище на южной стороне, а потом, как советовал Борча, обратится к Старухе. Пусть насылает чары, вызывает демонов, прибегает к яду — все что угодно.

Он встал, увидев в тени у стены темную фигуру.

— Чего тебе надо? — крикнул он.

Незнакомец шагнул вперед. Луна осветила два коротких меча, висевших у него на поясе. Кафтан из мягкой черной кожи. Перехваченные сзади длинные черные волосы.

— Я тебя знаю? — спросил Коллан.

— Сейчас узнаешь, изменник. — Незнакомец обнажил правый меч.

— Не того ты задумал ограбить. — Коллан вынул саблю и взмахнул ею крест-накрест, разминая запястье.

— Я не грабить тебя пришел, Коллан. — Незнакомец медленно приближался к нему. — Я пришел убить тебя.

Коллан подождал, пока он окажется в нескольких шагах, и атаковал, направив саблю в грудь незнакомца. Клинки со звоном столкнулись. Незнакомец отразил выпад Коллана и нанес молниеносный ответный удар, целя в горло. Коллан отскочил — острие чужого меча на какой-то дюйм разминулось с его глазом.

— Ты скор на руку, приятель, я тебя недооценил.

— Случается.

Коллан атаковал вновь, прибегнув на сей раз к целой серии ударов, направленных в шею и живот. Клинки сверкали при луне, звон стали эхом катился по набережной, и окна окрестных домов стали открываться. Продажные женщины, лежа на подоконниках, подбадривали бойцов, нищие выползали из переулков. Посетители ближней

таверны высыпали наружу, образовав около сражавшихся широкий круг.

Коллан чувствовал себя на высоте. Он успешно теснил незнакомца и уже понимал, с кем имеет дело. Противник был проворен, гибок и хладнокровен, но уже немолод, и чувствовалось, что он угасает. Поначалу он предпринял несколько контратак, но теперь едва поспевал отражать удары. Коллан сделал финт, крутнулся на месте, ткнул клинком вперед. Незнакомец не успел заслониться, и сабля проткнула ему левое плечо. Коллан отскочил назад, выдернув клинок.

— Ну, старик, пора умирать.

— И то верно, а что при этом чувствуешь?

— В храбрости тебе, надо признать, не откажешь, — засмеялся Коллан. — Скажи перед смертью, что я тебе такого сделал? Увел жену? Испортил дочку? Или тебя кто-то нанял?

— Я Шадак.

— Значит, ночь все-таки не пропала зря. Смотрите — это великий Шадак! — крикнул Коллан, обращаясь к зрителям. — Прославленный охотник, непобедимый боец. Смотрите, как он обливается кровью! Вы будете рассказывать своим детям о его гибели — о том, как Коллан убил живую легенду. — Он вскинул саблю, насмешливо салютуя противнику. — Наш поединок доставил мне большое удовольствие, старик, но пришла пора его кончать. — Коллан прыгнул вперед, направив рубящий удар в правый бок. Шадак парировал, и Коллан, сделав круговое движение запястьем, послал саблю поверх его меча к незащищенной шее. Это был испытанный смертельный удар, к которому Коллан прибегал множество раз, — но Шадак качнулся влево, и сабля задела его правое плечо. Коллан ощутил жгучую боль в животе, посмотрел вниз и с ужасом увидел вонзившийся в тело меч.

— Отправляйся в ад! — прошипел Шадак, выдернув клинок.

Коллан с воплем рухнул на колени, сабля лязгнула о камни мостовой. Сердце бешено колотилось, боль жгла каленым железом.

— Помогите! — крикнул он.

Толпа затихла. Коллан упал ничком на камни. «Не может быть, чтобы я умер, — подумал он. — Только не я, не Коллан».

Боль сменилась успокоительным теплом, окутавшим страдающий ум. Коллан открыл глаза и увидел перед собой блестящую саблю. Он потянулся к ней, коснувшись пальцами рукояти.

«Я еще одержу победу! — сказал он себе. — Сейчас...»

Шадак убрал меч в ножны, глядя на мертвого врага. Нищие уже стягивали с убитого сапоги и срывали пояс. Шадак повернулся и пошел прочь, расталкивая толпу.

Он увидел Зибена на коленях рядом с недвижным Друссом, и сердце его упало. Шадак быстро подошел к ним и тоже опустился на колени.

— Он умер, — сказал Зибен.

— Не дождешься, — процедил Друсс. — Помоги мне встать.

— Как же, убьешь такого, — усмехнулся Шадак, и они подняли Друсса на ноги.

— Она там, — сказал он, глядя вслед кораблю, медленно исчезающему на далеком горизонте.

— Я знаю, дружище, — мягко ответил Шадак, — но мы отыщем ее. А теперь тебе нужен лекарь.

Книга вторая
ДЕМОН ТОПОРА

Пролог

Корабль отошел от пристани, колеблемый легкой вечерней зыбью. Ровена стояла на корме рядом с маленьким Пудри. Наверху у руля, невидимый им, стоял вентрийский купец Кабучек. Высокий и тощий как скелет, он смотрел на пристань. Он видел, как неизвестный воин сразил Коллана и как могучий дренай разогнал целую шайку головорезов. Чего только не совершают мужчины ради любви.

Кабучек вспомнил дни своей юности в Варсиписе и свое влечение к юной деве Гаренини. «Любил ли я ее, — подумал он. — Или это время стремится расцветить серое прошлое?»

Корабль приподнялся на волне, близясь к выходу из гавани. Кабучек обратил взор на девушку. Коллан продешевил. Пять тысяч серебром за такой талант — это просто смехотворно. Кабучек ожидал увидеть шарлатанку, ловкую притворщицу, но она взяла его за руку, посмотрела в глаза и сказала только одно слово: «Гаренини». Кабучек постарался не выдать себя. Вот уже двадцать пять лет он не слышал этого имени, и Коллан никак не мог знать о его юношеской влюбленности. Уже убедившись в истинности ее дара, Кабучек тем не менее задал ей множество вопросов и наконец сказал Коллану: «Что ж, кое-какие способности у нее есть. Что просишь?» «Пять тысяч». «Заплати ему, — приказал Кабучек Пудри, своему евнуху, скрывая торжествующую улыбку и с удовольствием видя замешательство Коллана. — Я сам доставлю ее на корабль».

Теперь, видя, как близко был воин с топором, Кабучек хвалил себя за предусмотрительность. Пудри внизу тихо говорил женщине:

— Я молюсь, чтобы твой муж остался жив. — Два дренайских воина на пристани опустились на колени рядом с телом павшего.

— Он будет жить, — со слезами на глазах ответила Ровена. — И последует за мной.

«Если он это сделает, — подумал Кабучек, — я велю убить его».

— Он питает к тебе большую любовь, Патаи, — говорил Пудри. — Так и должно быть между мужем и женой — но в жизни это редкость. У меня самого было три жены, и ни одна из них меня не любила. Хотя брак с евнухом не назовешь удачным.

Ровена смотрела, как фигурки на пристани становятся все меньше и огни Машрапура превращаются в далекие мерцающие свечки. Она со вздохом опустилась на сиденье у борта, понурила голову, и слезы потекли у нее из глаз. Пудри, сев рядом, обнял ее тонкой ручонкой за плечи.

— Поплачь, поплачь — это хорошо, — шептал он и гладил ее по спине, словно маленькую. Кабучек спустился к ним и приказал Пудри:

— Отведи ее в мою каюту.

Ровена подняла взгляд на суровое лицо своего нового господина. Длинный нос загнут, словно клюв у орла, и она никогда еще не видела такой темной, почти черной, кожи. Но глаза под густыми бровями светятся яркой голубизной. Пудри подал Ровене руку, и они вместе последовали за купцом вниз по ступенькам, в кормовую каюту. Там горели фонари, висящие на бронзовых крючьях низких дубовых стропил.

Кабучек сел за полированный стол красного дерева.

— Брось руны и скажи, что ждет нас в пути, — велел он Ровене.

— Я не умею бросать руны.

— Так сделай что умеешь, женщина. Море изменчиво, и я хочу знать, что нам предстоит.

Ровена села напротив него и попросила:

— Дай мне руку.

Он ударил ее ладонью по лицу не сильно, но чувствительно.

— Обращайся ко мне на «вы» и добавляй «хозяин», — ровным голосом произнес он. В ее ореховых глазах он не увидел ни гнева, ни вызова — они будто изучали его. И ему, как ни смешно, захотелось извиниться за пощечину. Впрочем, он не намеревался причинить ей боль — хотел только указать, где ее место. Кабучек откашлялся. — Ты должна привыкать к вентрийским порядкам. За тобой будут ухаживать, будут хорошо кормить, в твоем помещении будет тепло зимой и прохладно летом. Но не забывай, что ты рабыня. Ты принадлежишь мне, ты моя собственность — поняла?

— Поняла, хозяин, — ответила Ровена с чуть излишним нажимом, но без дерзости.

— Вот и хорошо. А теперь перейдем к делу. — И он протянул ей руку.

Ровена, коснувшись его ладони, поначалу не увидела ничего, кроме недавнего прошлого: сговор Кабучека с изменниками, убившими вентрийского императора, ястребиное лицо одного из них. Кабучек стоял перед ним на коленях, и на рукаве того человека была кровь. В уме мелькнуло имя — Шабаг.

— Что ты сказала? — злобно прошипел Кабучек.

Ровена, заморгав, поняла, что произнесла имя вслух.

— Я вижу высокого мужчину с кровью на рукаве. Вы стоите перед ним на коленях.

— Мне нужно будущее, а не прошлое. — На палубе захлопало что-то, будто какое-то летучее чудище спускалось с небес. — Это всего лишь парус. Не отвлекайся.

Ровена, закрыв глаза, взлетела ввысь и увидела корабль сверху: он плыл по тихому морю под ярко-голубым небом. Потом показалось другое судно, трирема — три ряда весел пенили воду, направляя судно по волнам к их кораблю. Ровена спустилась пониже. На палубе триремы толпились вооруженные люди.

А вокруг кишели серебристо-серые рыбы двадцати футов длиной, с острыми, режущими воду плавниками. Два корабля столкнулись, и люди стали падать в воду, а рыбы бросались на них. Море окрасилось кровью — острые зубы терзали, рвали на части барахтающихся в воде моряков.

Бой на палубе был кратким и жестоким. Ровена увидела, как она сама, Пудри и долговязый Кабучек перелезли через борт на корме и прыгнули в воду.

Рыбы-убийцы окружили их кольцом.

Не в силах больше смотреть, Ровена открыла глаза.

— Ну, что ты видела?

— Трирему с черными парусами, хозяин.

— Эарин Шад, — прошептал бледный Пудри.

— Удастся ли нам уйти от нее? — спросил Кабучек.

— Да, — глухо, в полном отчаянии ответила Ровена, — мы уйдем от Эарина Шада.

— Хорошо. Я доволен тобой. Отведи женщину в ее каюту, — велел Кабучек Пудри, — и покорми. Она что-то бледна.

Пудри провел Ровену по тесному коридору и открыл другую дверь.

— Койка тут узкая, но ты и сама невелика, Патаи. — Ровена тупо кивнула и села. — Ты не все сказала хозяину.

— Да. Там были рыбы, громадные, страшные, с острыми зубами.

— Акулы. — Пудри сел рядом с ней.

— Корабль будет потоплен — а ты, я и Кабучек прыгнем в море, прямо к акулам.

Глава 1

Солнце светило в щели закрытого ставнями окна за спиной у Зибена. В смежной комнате слышались тихие голоса — просящие интонации мужчины и резкие ответы Старухи. Слов за толстыми стенами и дубовой дверью было не разобрать, да оно и к лучшему — Зибен не имел желания слышать этот разговор. Известно, зачем многие ходят к Старухе: чтобы устранить неугодных — так по крайней мере говорят.

Чтобы отвлечься от голосов, Зибен смотрел на косые лучи света и пляшущие в них пылинки. В голой комнате не было ничего, кроме трех грубо оструганных, кое-как сколоченных табуретов — должно быть, куплены в южном квартале, где беднота бережет каждый грош.

Зибен подставил руку под солнечный луч, и пылинки закружились вихрем.

Дубовая дверь отворилась, вышел мужчина средних лет. Увидев Зибена, он отвернулся и поспешил уйти. Поэт прошел в открытую дверь. Вторая комната была обставлена едва ли богаче первой — большой колченогий стол, два жестких стула и единственное, тоже закрытое ставнями окно. Свет в него не проникал совсем, и Зибен увидел, что щели заткнуты тряпками.

— От солнца хватило бы и занавески, — с деланной легкостью заметил он.

Лицо Старухи в свете красного фонаря хранило полное бесстрастие.

— Садись, — сказала она.

Зибен повиновался, стараясь не глазеть на ее вопиющее безобразие. Зубы у нее были разного цвета — зеленые, серые и бурые, как гниющие плоды. Глаза слезились, на левом красовалось бельмо. На ней был широкий балахон из выцветшей красной ткани, в складках морщинистой шеи виднелся золотой талисман.

— Выкладывай свое золото, — сказала она.

Зибен достал золотой раг и подтолкнул по столу к ней. Она, не сделав движения взять монету, посмотрела ему в лицо.

— Чего ты от меня хочешь?

— Мой друг умирает.

— Да. Молодой воин с топором.

— Лекари сделали что могли, но в его легкие проник яд, и ножевая рана на пояснице не заживает.

— Ты принес какую-нибудь его вещь?

Зибен кивнул и достал из-за пояса боевую перчатку с серебряными шипами. Старуха взяла ее и молча провела заскорузлым большим пальцем по коже и металлу.

— Его лечит Кальвар Син. Что он говорит?

— Ему непонятно, как Друсс еще жив. Яд распространяется по телу; в него вливают жидкости, но он чахнет и уже четыре дня как не открывал глаз.

— И чего же ты ждешь от меня?

— Говорят, ты искусная травница — я подумал, что ты могла бы его спасти.

Старуха издала сухой, резкий смешок.

— Мои травы, как правило, служат не для продления жизни, Зибен. — Она положила перчатку на стол и откинулась назад. — Он страдает. Он потерял свою милую, и воля к жизни слабеет в нем. А без воли нет и надежды.

— И ты ничего не можешь сделать?

— Чтобы укрепить его волю? Нет. Но его милая сейчас на борту корабля, идущего в Вентрию, и пока что ей ничего не грозит. Впрочем, в тех краях свирепствует война — кто знает, что ждет молодую рабыню на воюющем континенте? Ступай в больницу и забери своего друга в дом, который снял для вас Шадак.

— Там он умрет?

Она улыбнулась, и он отвел взгляд, чтобы не видеть ее гнилых зубов.

— Кто знает... Уложи его в комнате, где по утрам бывает солнце, дай ему в руки топор и сомкни его пальцы вокруг топорища. — Ее рука, скользнув по столу, накрыла монету.

— И это все, что ты можешь сказать за унцию золота?

— Больше тебе ничего не надо знать. Положи его руку на топорище.

— Я ожидал большего, — сказал Зибен и встал.

— Жизнь полна разочарований, Зибен. — Он направился к двери, и она сказала ему вслед: — Только смотри не касайся лезвий.

— Что?

— Будь осторожен с этим топором.

Зибен, качая головой, вышел из дома. Солнце скрылось за тучами, полил дождь.

Друсс, обессиленный, сидел один на склоне мрачной горы. Небосвод над головой был сер и угрюм, а вокруг простиралась сухая, бесплодная земля. Он взглянул на уходящие ввысь громады гор и поднялся на ноги. Колени подгибались. Он так долго поднимался сюда, что потерял всякое чувство времени. Он знал только, что Ровена ждет на самой высокой горе, и он должен найти ее. Шагах в двадцати перед ним торчала скала, и Друсс направился туда, с трудом заставляя ноги нести его усталое тело. Кровь лилась из ран на спине, делая землю под ногами скользкой. Он упал и пополз.

Ему казалось, что прошли часы. Он взглянул — скала теперь высилась в сорока шагах.

Мимолетное отчаяние сменилось волной ярости, и он опять пополз вперед.

— Я не сдамся, — цедил он сквозь зубы. — Не сдамся ни за что.

Что-то холодное коснулось его руки, пальцы охватили стальную рукоять, и он услышал голос: «Я здесь, брат».

От этих слов его проняло холодом. Он увидел топор у себя в руках и почувствовал, что раны его затягиваются и тело наливается силой.

Легко поднявшись, он убедился, что гора, на которую он взбирается, — всего лишь холмик. И очнулся.

— Надевай рубашку, молодой человек, — сказал Кальвар Син, потрепав Друсса по спине. — Наконец-то твои раны зажили. Немного гноя еще есть, но кровь у тебя здоровая, и струпья чистые. Прими мои поздравления.

Друсс, молча кивнув, натянул очень медленно и осторожно свою серую шерстяную рубаху и без сил повалился на кровать. Кальвар Син приложил палец к его шее, нащупывая пульс. Сердце билось быстро и неровно, но после столь долгой болезни этого следовало ожидать.

— Вдохни-ка поглубже, — велел лекарь. Друсс повиновался. — Правое легкое пока еще работает не в полную силу, но это дело поправимое. Выходи гулять в сад, на солнце и морской воздух.

Лекарь, оставив больного, прошел по длинным коридорам и спустился в сад, где под развесистым вязом сидел поэт Зибен, бросая камушки в пруд.

— Твой друг поправляется, но не столь быстро, как я надеялся.

— Ты пустил ему кровь?

— Нет. Жар у него прошел. Но он все время молчит... будто отсутствует.

— У него отняли жену.

— Да, это прискорбно, но ведь на свете есть и другие женщины.

— Только не для него. Он ее любит и стремится к ней.

— Видно, ему жизнь не дорога. Имеет ли он понятие о размерах вентрийского континента? Там тысячи больших и малых селений, более трехсот крупных городов. Кроме того, там идет война, и все судоходное сообщение прервано. Как он туда доберется?

— Он все это прекрасно понимает. Но Друсс — это не мы с тобой, лекарь. — Поэт бросил новый камушек. — Он герой стародавних времен. В наши дни такие редко встречаются. Он найдет способ.

— Гм-м, — откашлялся Кальвар. — Сейчас твой стародавний герой не сильнее новорожденного ягненка. Он погружен в меланхолию и не поправится, пока не преодолеет ее. Давай ему свежее мясо и темно-зеленые овощи. Нужно оживить его кровь. — Лекарь снова кашлянул и умолк.

— Ты что-то еще хотел сказать?

Кальвар мысленно выругался. Все люди одинаковы. Когда они больны — вынь да положь им доктора, а вот когда придет время платить по счету... Никто не ждет от пекаря, чтобы тот отпускал хлеб бесплáтно, — а с лекарем дело иное.

— Я хотел напомнить о своем вознаграждении, — холодно сказал Кальвар.

— Ах да. Сколько?

— Тридцать рагов.

— Ядра Шемака! Неудивительно, что лекари живут во дворцах.

Кальвар вздохнул, но сдержался.

— Я во дворце не живу. У меня маленький домик на северной стороне. Лекари вынуждены брать столько как раз потому, что многие пациенты отлынивают от уплаты. Твой друг болен уже два месяца. За это время я посещал его более тридцати раз и должен был покупать разные дорогостоящие травы. Ты уже трижды обещал мне заплатить и каждый раз спрашиваешь сколько. Так есть у тебя деньги или нет?

— Нету, — признался Зибен.

— Ну хоть сколько-то есть?

— Пять рагов.

Кальвар протянул руку, и Зибен вручил ему монеты.

— Даю тебе неделю, чтобы отдать остальное, — не то заявлю на тебя стражникам. Машрапурский закон прост: у того, кто не платит долги, отбирают все имущество. А поскольку этот дом тебе не принадлежит и никаких доходов у тебя, насколько я знаю, не имеется, то тебя, по всей вероятности, продадут в рабство. Итак, через неделю.

Кальвар повернулся и сердито зашагал через сад.

Еще один несостоятельный должник.

«Когда-нибудь я и впрямь прибегну к помощи закона», — пообещал он себе, идя по узким улицам. Лекарская сумка висела на его хилом плече.

— Доктор! Доктор! — воскликнула, устремившись к нему, молодая женщина. Он вздохнул и остановился. — Прошу вас, пойдемте со мной. У моего сына горячка. — Кальвар окинул взглядом ее убогое старое пальтишко и босые ноги.

— И чем же ты мне заплатишь? — все еще злясь, осведомился он.

Она помолчала и ответила просто:

— Можете взять все, что у меня есть.

Его злость прошла.

— Ладно, обойдемся, — с докторской улыбкой сказал он.

Домой он вернулся уже за полночь. Служанка оставила ему ужин из холодного мяса и сыра. Кальвар улегся на кожаной кушетке с кубком вина. Развязав свой кошелек, он высыпал на стол все его содержимое — три рага.

— Не суждено тебе, Кальвар, разбогатеть, — с кривой усмешкой молвил он.

Он отправил мать больного мальчика за провизией. Она вернулась с мясом, молоком и хлебом, и лицо ее сияло. Стоило потратить два золотых, чтобы увидеть такую радость.

Друсс, едва передвигая ноги, вышел в сад. Луна стояла высоко, и звезды сияли. Ему вспомнились стихи Зибена: «Сверкающая пыль в логове ночи». Да, похоже. Когда он добрался до круглой скамьи вокруг вяза, его одолела одышка. Лекарь велел дышать глубоко. Подышишь тут, если в легкие словно камней напихали.

Рана от стрелы была чистой, но в нее попал клочок рубашки — вот кровь и засорилась.

Дул прохладный ветер, летучие мыши кружили над деревьями. Теперь Друсс понял, как мало ценил дарованную ему природой силу. Какая-то несчастная стрела, тычок

ножом — и он превратился в трясущуюся развалину. Как же он теперь спасет Ровену?

Отчаяние ударило его, точно кулаком под сердце. Спасет? Он не знает даже, где она, — знает только, что их разделяют тысячи миль. Вентрийские корабли больше не приходят в гавань, а если бы и приходили — у него нет золота, чтобы заплатить за проезд.

Он посмотрел на дом. В окне Зибена светился золотой огонек. Красивый дом, Друсс еще ни разу не бывал в таких. Его снял для них Шадак — владелец застрял где-то в Вентрии. Но за аренду тоже надо платить.

Лекарь сказал, что пройдет два месяца, прежде чем к Друссу начнут возвращаться силы.

«До того времени мы с голоду помрем», — подумал Друсс. Он встал и побрел к высокой стене, ограждавшей сад сзади. Когда он дошел до нее, ноги сделались точно бескостные и дыхание с хрипом вырывалось из груди. Дом казался бесконечно далеким. Друсс двинулся к нему, но у пруда вынужден был остановиться и сесть. Он поплескал водой в лицо, собрался с последними силами и опять заковылял к задней двери. Железную калитку в конце сада покрывала тень. Друсс хотел бы еще раз дойти до нее, но воля изменила ему.

Собравшись уже войти в дом, он уловил краем глаза какое-то движение и обернулся. Из мрака вышел человек — старый Том.

— Рад видеть тебя живым, парень.

— Там, у парадной двери, висит красивый молоток, — улыбнулся Друсс.

— Я не был уверен, что мне окажут радушный прием.

Друсс, войдя с ним в дом, направился в комнату для приема гостей, где стояли четыре кушетки и шесть мягких стульев. Сунул длинный жгут в догорающий очаг, зажег светильник на стене и предложил Тому:

— Налей себе выпить.

Старик налил два кубка красного вина и подал один Друссу, сказав бодрым голосом:

— Ох и похудел ты, парень, и вид у тебя, как у дряхлого старца.

— Мне уже лучше.

— Вижу, Шадак выгородил тебя перед властями — та драка на пристани сошла тебе с рук. Хорошо иметь друзей, правда? Насчет Кальвара Сина тоже не беспокойся.

— Почему я должен беспокоиться насчет него?

— Как же, ведь ты ему должен. Он мог бы продать тебя в рабство, но не сделает этого. Он человек мягкий.

— Я думал, Зибен ему заплатил. Я никому не хочу быть обязан.

— Хорошо сказано, парень. За хорошее слово и медный грош можно купить краюху хлеба.

— Я достану денег и расплачусь с ним.

— Конечно, достанешь — и лучше всего это сделать в песчаном круге. Но сперва надо восстановить твою силу. Ты должен работать — не знаю, как у меня язык повернулся это сказать, но это так.

— Дай мне время.

— Времени нет. Борча уже ищет тебя. Ты подорвал его репутацию, и он говорит, что изобьет тебя до смерти, когда найдет.

— Да ну? — Светлые глаза Друсса сверкнули.

— Вот так-то оно лучше, паренек! Злость — вот что тебе требуется. Ладно, теперь я тебя оставлю. Кстати сказать, к западу от города валят лес — расчищают землю под новые постройки. Работники им нужны, в день платят две серебряные монеты. Хоть небольшой, да приработок.

— Я подумаю.

— Все, я ухожу, отдыхай. Отдых тебе необходим, это видно.

Расставшись со стариком, Друсс снова вышел в сад. Мышцы у него ныли, и сердце стучало, как продырявленный барабан. Но лицо Борчи стояло у него перед глазами, и он заставил себя дойти до калитки и обратно.

Три раза.

Винтар встал с постели тихо, чтобы не разбудить четырех собратьев-монахов, деливших с ним маленькую келью в южном крыле. Надев на себя длинный балахон из грубой белой шерсти, он прошлепал босиком по каменному коридору и поднялся по винтовой лестнице на башню.

Отсюда был виден горный хребет, отделяющий Лентрию от дренайских земель. Месяц стоял высоко на безоблачном небе. За храмом в призрачном лунном свете шелестел лиственный лес.

— Ночь — хорошее время для размышлений, сын мой, — сказал, выйдя из мрака, настоятель. — Но лучше бы ты приберег силы на дневные часы. Ты отстаешь в рубке на мечах. — Могучий, плечистый настоятель когда-то был наемником. От правой его скулы тянулся к челюсти зубчатый шрам.

— Благочестивые размышления — не мой удел, отец. Меня не оставляют мысли о той женщине.

— Той, что увезли в рабство?

— Да. Она преследует меня.

— Ты оказался здесь потому, что твои родители отдали тебя на мое попечение, но это не лишает тебя свободы воли. Если захочешь уйти и разыскать эту девушку,— дело твое. Тридцать проживут и без тебя, Винтар.

— Я не хочу уходить, отец, — вздохнул Винтар. — И я не испытываю к ней влечения. Я никогда еще не желал ни одну женщину, — грустно улыбнулся он. — Но есть в ней что-то, от чего я не могу освободиться.

— Пойдем со мной, мой мальчик. Здесь холодно, а у меня горит огонь — там и поговорим.

Винтар последовал за настоятелем в западное крыло, в его кабинет. Небо уже светлело.

— Нам трудно порой угадать волю Истока, — сказал настоятель, подвесив медный чайник над огнем. — Бывает, что люди, желающие совершить путешествие в дальние страны, обращаются к Истоку за указанием и, к изумлению своему, видят, что он направляет их как раз туда, куда им хочется. Я сказал «к изумлению своему», потому что Исток редко посылает человека туда, куда ему хочется. Это входит в жертву, которую мы приносим Ему. Но сказать, что такого не бывает никогда, было бы гордыней. За указанием надо обращаться с открытой душой, оставив все помыслы о собственных желаниях.

Чайник начал посвистывать, пуская клубы пара из выгнутого носика. Настоятель, захватив его тряпкой, влил кипяток в сосуд с сухими травами и снова опустился в старое кожаное кресло.

— Притом Исток очень редко обращается к нам прямо — как же узнать, чего он требует от нас? Это все очень сложно. Ты, отлынивая от занятий, решил полетать — и спас дух молодой женщины, вернув его в тело. Совпадение? Я в совпадения не верю. Поэтому я убежден, что тебя привел к ней Исток, — хотя я могу и заблуждаться. Она преследует тебя потому, что ваши отношения не завершены.

— Ты думаешь, мне нужно найти ее?

— Да. За библиотекой в южном крыле есть маленькая келья — ступай туда. На сегодня я освобождаю тебя от всех занятий.

— Но где мне искать ее, отец-настоятель? Она рабыня, ее могли увезти куда угодно.

— Начни с человека, который надругался над нею. Ты знаешь его имя — Коллан, и знаешь, что он ехал с ней в Машрапур. Начни свои поиски оттуда.

Настоятель разлил чай по глиняным чашкам, и сладкий, пьянящий аромат наполнил комнату.

— Я не столь наделен Даром, как прочие братья, — горестно проговорил Винтар. — Не лучше ли попросить Исток, чтобы он выбрал для этой цели более достойного?

— Не странно ли это, мой мальчик? — усмехнулся настоятель. — Люди постоянно набиваются в советники к Властелину Всего Сущего. «О мой Бог, — говорят они, — Ты велик, Ты сотворил звезды и планеты. Но Ты совершил оплошность, избрав меня. Я знаю это, ибо я Винтар, и я слаб».

— Ты смеешься надо мной, отец.

— Конечно, смеюсь — но любя. Я был солдатом, убийцей, пьяницей и бабником. Что, по-твоему, испытывал я, когда Он ввел меня в число Тридцати? И когда мои братья принимали смерть — можешь ты себе представить, какое отчаяние я испытал, получив приказ остаться в живых? Мне выпал жребий стать новым настоятелем и собрать новых Тридцать. О Винтар, тебе многому еще предстоит научиться. Найди эту девушку. Мне верится, что ты, сделав это, найдешь кое-что и для себя.

Молодой монах допил чай и встал.

— Спасибо тебе, отец, за твою доброту.

— Ты говорил, что у нее есть муж, который ищет ее.

— Да. Человек по имени Друсс.

— Возможно, он все еще в Машрапуре.

Час спустя дух молодого священника уже парил в ясном небе над городом. Дома и дворцы с высоты казались крохотными, точно построенными из кубиков, но он и отсюда чувствовал, как бьется пробуждающееся сердце Машрапура — хищное сердце, полное алчности и похоти. Темные волны шли от города, проникая в мысли Винтара и пятная его чистоту, которую он столь ревностно берег. Он спускался все ниже и ниже.

Он уже видел портовых грузчиков, идущих на работу, продажных женщин, промышляющих с утра, и торговцев, открывающих лавки.

Откуда же начать? Этого он не знал.

Несколько часов он летал, наугад проникая в чужие умы, где искал сведений о Коллане, Ровене или Друссе, но не находил ничего, кроме жадности, нужды, голода, беспутства, похоти да изредка любви.

Усталый и павший духом, он хотел уже вернуться в храм, как вдруг что-то потянуло его, словно за веревку. В панике он попытался освободиться, но его неумолимо

тянуло вниз, в комнату с закрытыми окнами. Там, освещенная красным фонарем, сидела старая женщина. Ее глаза обратились к Винтару, парящему под потолком.

— Экий ты красавчик — радость для старых глаз, — сказала она. Винтар вдруг вспомнил, что наг, и поспешно облекся в белые одежды. — И скромник к тому же, — хихикнула старуха и тут же набросилась на него: — Ты что здесь делаешь, а? Это мой город, дитятко.

— Я священник, госпожа моя, и ищу женщину по имени Ровена, жену Друсса, рабыню Коллана.

— Зачем?

— Мой настоятель послал меня отыскать ее. Он верит, что Исток желает ее спасти.

— С твоей-то помощью? — К старухе вернулось хорошее настроение. — Что ж ты сам-то не спасся от старой ведьмы? Если бы я пожелала, то послала бы твою душу прямо в ад.

— Неужели вас посещают столь ужасные желания?

— Мало ли что придет мне в голову. Какой выкуп ты мне дашь за свою жизнь?

— Мне нечего дать.

— Ошибаешься. — Она закрыла глаза, и ее дух вышел из тела, приняв образ прекрасной молодой женщины с золотыми волосами и большими голубыми глазами. — Ну как, нравится?

— Еще бы. Вы прекрасны. Вы были такой в молодости?

— Нет, я всегда была дурнушкой. Такой я хочу казаться тебе.

Она подплыла к нему, коснулась теплыми пальцами его лица, и он ощутил возбуждение.

— Прошу вас, не надо.

— Почему? Ведь это приятно.

Она коснулась его одежд, и они исчезли.

— Да, очень. Но мои обеты воспрещают мне радости плоти.

— Глупый, — шепнула она ему на ухо. — Какая плоть? Мы ведь духи.

— Нет, — твердо ответил он и принял образ старухи, сидящей у стола.

— А ты умен, — сказало прекрасное видение. — И добродетелен к тому же. Не знаю, по душе ли мне это, но по крайней мере хоть что-то новенькое. Хорошо. Я помогу тебе.

Винтар почувствовал, как исчезают невидимые, сковывающие его цепи. Видение тоже исчезло, и старуха открыла глаза.

— Она плыла в Вентрию, но на их корабль напали. Она прыгнула в море, и акулы сожрали ее.

— Это моя вина! — вскричал, отшатнувшись, Винтар. — Надо было найти ее раньше.

— Возвращайся в свой храм, мальчик. Мое время дорого — клиенты ждут.

Она расхохоталась, махнула рукой — и Винтара выбросило в небо над Машрапуром.

Он вернулся в келью и вошел в свое тело. Как всегда, это сопровождалось тошнотой и головокружением, и он полежал немного, привыкая к тяжести плоти и чувствуя на коже грубую шерсть одеяла. Великая печаль охватила его. Он одарен неизмеримо больше обычного человека, но это никогда не приносило ему радости. Родители обращались с ним почтительно, напуганные его необычайными способностями. Они испытали великую радость и облегчение, когда однажды осенним вечером к ним пришел настоятель и предложил взять мальчика к себе. Они не задумывались о том, что настоятель представляет Орден Тридцати, где послушников обучают с единственной целью — погибнуть на войне и тем самым слиться с Истоком. Мысль о скорой смерти сына их не печалила — ведь они никогда не смотрели на него как на человеческое существо, плоть от их плоти и кровь от крови. Они видели в нем чужого, подброшенного демонами.

И друзей у него не было. Кому охота водиться с мальчишкой, который читает чужие мысли, проникает в самые темные закоулки твоей души и знает все твои секреты? Даже в храме он жил одиноко, неспособный подружиться с собратьями, равными ему по дару.

А теперь он упустил случай помочь молодой женщине, и это стоило ей жизни.

Винтар вздохнул и сел. Эта старуха — ведьма, он чувствовал исходящее от нее зло. И все-таки видение, вызванное ею, возбудило его. Он не смог устоять и против столь мелкого искушения.

И тут внезапная мысль поразила его, как удар между глаз. Зло! Но ведь ложь всегда ходит рука об руку со злом. Что, если старуха солгала?

Он снова лег, успокоил свой ум и освободил дух. Взлетев ввысь, он понесся над океаном, молясь о том, чтобы не опоздать.

На востоке собирались тучи, обещая бурю. Винтар мчался над самой водой, оглядывая горизонт. В сорока милях от вентрийского побережья он увидел оба корабля: три-

рему с огромным черным парусом и стройное торговое судно, пытающееся уйти от нее.

Но трирема нагнала свою добычу и ударила в бок окованным бронзой бушпритом, пробив борт. Вооруженные люди хлынули с носа триремы на палубу разбитого корабля. На корме Винтар увидел молодую женщину в белом и двух мужчин — один высокий, смуглый, другой маленький и хрупкий. Все трое прыгнули в воду и к ним устремились акулы.

Винтар слетел к Ровене, коснулся призрачной рукой ее плеча. Она и ее спутники плавали, уцепившись за кусок дерева.

— *Не бойся, Ровена,* — мысленно передал он ей.

Винтар вошел в мозг несущейся впереди акулы. Там не было мыслей — только пустота, холод и всепоглощающий голод. Винтар сам стал акулой — он смотрел на мир темными, немигающими глазами, и его обоняние сделалось в сто, а то и в тысячу раз острее, чем у человека. Другая акула поднырнула под трех беглецов и, разинув пасть, устремилась наверх.

Винтар ударил ее хвостом. Она повернулась и щелкнула зубами, едва не задев его спинной плавник.

В воде распространился запах, сладкий и манящий, сулящий бездну удовольствий и утоление голода. Винтар, не раздумывая, поплыл на него, а другие акулы помчались следом.

Потом он понял, чем это пахнет, и томительно-блаженное желание угасло в нем столь же быстро, как и возникло.

Кровь. Пираты бросали пленников акулам.

Оставив хищницу, Винтар полетел обратно к Ровене.

— *Пусть твои друзья работают ногами. Надо уплыть подальше отсюда.*

Она передала его слова мужчинам, и они стали медленно удаляться от места кровавой бойни.

Винтар взлетел повыше и оглядел горизонт. Там показалось еще одно торговое судно. Спустившись к капитану, Винтар проник в его разум, отстранив мысли о жене, детях, пиратах и неблагоприятных ветрах. На корабле было двести гребцов и тридцать матросов, а шел он с грузом лентрийского вина в наашанский порт Виринис.

Винтар пробрался в тело капитана, нашел в легком небольшую злокачественную опухоль и направил природные защитные силы на борьбу с ней. Поднявшись обратно в мозг, он заставил капитана повернуть корабль на северо-запад.

Капитан был добрый человек, и это сказывалось на его мыслях. У него было семеро детей, и младшая дочка болела желтой лихорадкой, когда он вышел в море. Он молился о ее выздоровлении.

Внушив новый курс ни о чем не ведающему капитану, Винтар вернулся к Ровене и сообщил ей о скором прибытии корабля. Потом он полетел к трирему. Пираты уже ограбили захваченное судно и дали задний ход, освобождая бушприт и оставляя пустой корабль на потопление.

Винтар проник в разум капитана и отшатнулся — столь страшны были его мысли. Обратив внимание капитана на далекое судно, Винтар вселил в его душу страх. Пирату стало казаться, что на борту чужого корабля полно солдат и судно грозит ему гибелью. Винтар оставил его и с удовлетворением услышал приказ Эарина Шада поворачивать и следовать на северо-запад.

Служитель Истока парил над Ровеной и ее спутниками, пока торговый корабль не принял их на борт. Тогда он слетал в лентрийский порт Чупиан и вылечил дочь капитана.

Лишь после этого он вернулся в храм. Настоятель сидел у его кровати.

— Как ты себя чувствуешь, мой мальчик?

— Лучше, чем когда-либо за многие годы, отец. Девушка спасена, и я вылечил еще двух человек.

— Ты вылечил трех. Прими в расчет и себя.

— Да, это верно. И я рад, что вернулся домой.

Друсс диву давался, наблюдая царящую на делянке неразбериху. Сотни людей суетились без всякого толку, валя деревья, корчуя, вырубая подлесок. Стволы падали куда попало, преграждая дорогу людям с тачками, вывозящим ветки. Дожидаясь подрядчика, он увидел, как высокая сосна рухнула на нескольких человек, выкапывавших корни. Никого, к счастью, не убило, но одному сломало руку, а другие пострадали от сильных ушибов.

Подрядчик, тощий, но с заметным брюшком, подозвал Друсса к себе:

— Ну, что ты умеешь?

— Я лесоруб.

— Тут все говорят, что они лесорубы, — устало бросил подрядчик. — Мне нужны мастера.

— И еще как нужны, я заметил.

— У меня двадцать дней на расчистку участка и еще двадцать, чтобы приготовить его под застройку. Плата — две серебряные монеты в день. — Подрядчик указал на крепкого бородача, сидящего на пне. — Это Тогрин, десятник. Он распоряжается работами и нанимает людей.

— Он дурак. Здесь непременно кого-нибудь убьет.

— Может, и дурак, зато шутки с ним плохи — никто не отлынивает, когда он рядом.

— Может, оно и так, да только вам нипочем не закончить работу в срок. Я не стану работать на человека, который сам не знает, что делает.

— Молод ты еще для таких речей. Ну а ты бы как поставил дело?

— Сдвинул бы рубщиков на запад и предоставил остальным убирать за ними. А так у вас движение скоро остановится. Вот глядите. — Друсс указал направо, где поваленные деревья легли неровным кругом, в середине которого шла корчевка. — Куда они корни денут? Дороги-то нет. Придется им ждать, пока увезут деревья, — а как лошади с волокушами проберутся к стволам?

— Правда твоя, молодой человек, — улыбнулся подрядчик. — Что ж, хорошо. Десятник получает четыре монеты в день. Займешь его место и покажешь, на что ты способен.

Друсс глубоко вздохнул. Он уже устал, пока шел сюда от города, и раны на спине ныли. Он надеялся размяться за работой — драться у него не было сил.

— Как у вас объявляют перерыв?

— К обеду мы звоним в колокол, но до полудня еще три часа.

— Велите позвонить сейчас.

— Что ж, можно для разнообразия, — усмехнулся подрядчик. — Сказать мне Тогрину, что он уволен?

Друсс посмотрел ему в глаза.

— Нет. Я скажу сам.

— Ладно. Я распоряжусь, чтобы ударили в колокол.

Друсс прошел сквозь царящий кругом хаос к Тогрину. Тот взглянул на него — большой, плечистый, с крепкими мускулами и тяжелым подбородком. Из-под густых бровей чернели глаза.

— Ты что, работу ищешь?

— Нет.

— Ну так убирайся отсюда. Мне тут зеваки не нужны.

Звон колокола прокатился по лесу. Все прекратили работу. Тогрин выругался и встал.

— Какого... Кто ударил в колокол? — заревел он.

Вокруг начали собираться люди, и Друсс сказал:

— Это я распорядился.

— И кто ж ты такой будешь? — сощурил глаза Тогрин.

— Новый десятник.

— Ну-ну, — широко ухмыльнулся Тогрин. — Стало быть, нас теперь двое. Мне сдается, один лишний.

— Согласен, — сказал Друсс и с размаху двинул его в живот. Воздух с шумом вырвался у Тогрина из легких, и он согнулся. Друсс ударил его левой в челюсть. Тогрин ничком повалился наземь, дернулся и затих.

Друсс сделал глубокий вдох. Он едва стоял на ногах, перед глазами плясали белые мушки.

Он обвел взглядом собравшихся.

— А теперь мы произведем кое-какие перемены.

День ото дня Друсс набирался сил. Мышцы рук и плеч крепли с каждым ударом топора, с каждой лопатой твердой глины, с каждым корнем, выдранным из земли. Первые пять дней Друсс ночевал прямо на делянке, в палатке, предоставленной ему подрядчиком: у него не было сил плестись три мили туда и обратно. И каждую ночь перед сном ему являлись двое: Ровена, которую он любил больше жизни, и Борча, с которым, Друсс знал, ему еще предстояло столкнуться.

Он много о чем передумал в лесной тишине. Теперь он видел отца другими глазами и жалел, что не узнал его получше. Нужно было большое мужество, чтобы жить с таким отцом, как Бардан-Убийца, чтобы вырастить сына и начать новую жизнь на границе. Друсс вспомнил, как в их деревню забрел какой-то наемник. Мальчик, разинув рот, смотрел на его кинжал, короткий меч и топорик, на помятый панцирь и шлем. «Вот настоящий мужчина», — с вызовом сказал подросток отцу. Бресс только кивнул. Пару дней спустя, когда Друсс с отцом шли через луг мимо крестьянской усадьбы, Бресс сказал: «Если хочешь видеть настоящего мужчину, мальчик, посмотри на Эгана. Вон он работает на своем поле. Десять лет назад у него была усадьба на Сентранской равнине, но сатулы как-то ночью налетели на нее и сожгли. Тогда он перебрался на вентрийскую границу, но там саранча три года кряду уничтожала его урожай. Он занял денег, чтобы поправить свое хозяйство, и потерял все до последнего. Теперь он опять на земле и работает от зари до зари. Вот настоящее мужество. А для того, чтобы бросить тяжкую крестьянскую жизнь и взяться за меч, большой отваги не надо. Настоящий герой не уходит из боя».

Но Друсс не мог взять в толк, как это крестьянин может быть героем.

«Если он такой смелый, чего ж он тогда не сразился с сатулами?» — «У него были жена и трое детей». —

«Значит, он убежал?» — «Убежал». — «Я никогда не стану бегать от врага», — сказал Друсс. «Тогда ты умрешь молодым».

Друсс мысленно вернулся к дню набега. Как бы он поступил, если бы перед ним встал выбор: сразиться с бандитами или убежать с Ровеной?

В эту ночь он спал неспокойно.

На шестую ночь, когда он уходил с делянки, перед ним выросла высокая кряжистая фигура Тогрина. Друсс не видел его с самой драки. Молодой лесоруб посмотрел во тьму, ища сообщников Тогрина, но тот был один.

— Поговорим? — спросил бывший десятник.

— Давай.

Тогрин набрал в грудь воздуха и сказал:

— Мне нужна работа. Жена больна, дети два дня как не ели.

Друсс, поглядев ему в лицо, увидел раненую гордость и понял, чего стоило Тогрину обратиться за помощью.

— К рассвету будь на делянке, — сказал он и пошел прочь.

По дороге домой он вспоминал это с тяжелым чувством и говорил себе, что сам ни за что не стал бы так унижаться. Однако его точило сомнение. Машрапур — суровый, безжалостный город. Человек в нем имеет цену, лишь пока способен дать что-то обществу — и страшно, должно быть, смотреть, как твои дети голодают.

Он добрался до дома поздним вечером. Он устал, но был далеко не так изнурен, как раньше. Зибена не было. Друсс зажег фонарь и открыл дверь, ведущую в сад, впустив в дом прохладный морской бриз.

В кошельке у него лежали двадцать четыре серебряные монеты — весь его заработок. Двадцать монет равнялись одному рагу — столько нужно в месяц платить за жилье. Этак он никогда не заработает на покрытие всех долгов. Старый Том прав: на арене можно добыть куда больше.

Он вспомнил схватку с Борчей и жестокую трепку, которую получил. Память об ударах была еще жива в нем — но он помнил и о тех, которыми сам осыпал противника.

Калитка в конце сада скрипнула — к дому кто-то шел. Лунный свет блеснул на лысине и очертил среди темных деревьев гигантскую фигуру. Друсс встал, сощурив светлые глаза.

Борча остановился перед самой дверью.

— Может, в дом пригласишь?

Друсс вышел к нему.

— Получишь свою порцию здесь, — процедил он. — Мне нечем платить за поломанную мебель.

— Ну и задира же ты, парень. — Борча как ни в чем не бывало прошел в дом и бросил зеленый плащ на кушетку. Друсс последовал за ним. Гость растянулся в кресле, скрестив ноги и откинувшись на спинку. — Хорошее кресло, удобное. Может, выпить нальешь?

— Чего тебе тут надо? — спросил Друсс, перебарывая гнев.

— Немного учтивости, крестьянский сын. Не знаю, как у вас, а в наших краях гостю обыкновенно предлагают кубок вина.

— У нас непрошеные гости не в чести.

— Чего ты злишься? Ты выиграл свой заклад и хорошо дрался. Коллан не послушался моего совета вернуть тебе жену, и теперь он мертв. Я в набеге не участвовал.

— И ты искал меня не для того, чтобы отомстить?

— Отомстить? — засмеялся Борча. — За что? Ты у меня ничего не украл. Ты не побил меня, да и не мог побить. Сила у тебя есть, но умения не хватает. Будь это настоящий бой, я в конце концов измотал бы тебя. Впрочем, я тебя и правда искал.

Друсс сел напротив великана.

— Мне сказал об этом старый Том. Сказал, что ты хочешь прикончить меня.

— Этот пьяный дурак все перепутал. Скажи-ка, сколько мне, по-твоему, лет?

— Откуда мне знать?

— Тридцать восемь, через два месяца будет тридцать девять. Я еще мог бы побить Грассина, а может, и всех остальных. Но благодаря тебе, Друсс, я увидел себя в зеркале времени. Никто не вечен — особенно на арене. Моя песенка спета — ты доказал мне это за каких-то несколько минут. А твоя только начинается. Но ты не протянешь долго, если не научишься драться по-настоящему.

— Этому меня учить не надо.

— Ты так думаешь? Каждый раз, нанося удар правой, ты опускаешь левое плечо, и все твои удары идут по кривой. Лучшая твоя защита — это подбородок, но он, хоть на вид и вырублен из гранита, всего лишь кость. Стойка у тебя неплохая, хотя и ее можно улучшить, однако недостатков полно. Грассин воспользуется ими, чтобы тебя измотать.

— Это ты так полагаешь.

— Пойми меня правильно, парень. Ты хороший боец, отважный и очень сильный. Но ты сам знаешь, каково тебе было после четырехминутного боя со мной — а бои обычно длятся в десять раз больше.

— Мои столько не продлятся.

— Драка с Грассином будет затяжной, — хмыкнул Борча. — Не позволяй гордыне ослепить себя, Друсс. Говорят, ты лесоруб. Когда ты впервые взял в руки топор, разве каждый твой удар попадал куда надо?

— Нет, — признался Друсс.

— То же и в кулачном бою. Я мог бы научить тебя разным приемам нападения и защиты. Мог бы показать тебе, как финтить и заманивать противника под удар.

— Вероятно, мог бы. Но зачем это тебе?

— Это вопрос гордости.

— Не понимаю.

— Объясню, когда побьешь Грассина.

— Я здесь долго не пробуду. Как только в гавань придет корабль из Вентрии, я отплыву на нем.

— До войны такое путешествие стоило десять рагов. А сейчас — кто знает? Между тем в Више через месяц состоится небольшой турнир, и победитель получит сто рагов. В Више много богатых дворцов, и публика будет делать высокие ставки. Участвует Грассин и многие знаменитости. Дай мне обучить тебя, и я впишу твое имя вместо своего.

Друсс наполнил кубок вином и подал Борче.

— Я сейчас работаю и обещал подрядчику довести дело до конца. На это как раз месяц и уйдет.

— Я могу учить тебя по вечерам.

— С одним условием.

— Назови его!

— То же самое я сказал и подрядчику. Если в Вентрию пойдет корабль и я смогу оплатить проезд, я уеду.

— Согласен. — Борча протянул руку, и Друсс пожал ее. — Я оставляю тебя, отдыхай. И, между прочим, скажи своему другу поэту, что он рвет плоды не с того дерева.

— Он сам себе голова.

— Все равно скажи. Ну, до завтра.

Глава 2

Зибен лежал без сна, глядя в лепной потолок. Рядом спала женщина, согревая ему ногу и бок. На живописном плафоне потолка охотники с копьями и луками преследовали рыжегривого льва. Кому это взбрело в голову поместить

такую сцену над супружеским ложем? Должно быть, первый министр Машрапура крепко уверен в себе, улыбнулся Зибен, — ведь каждый раз, когда он обладает своей женой, она смотрит на мужчин куда более красивых, чем он.

Повернувшись на бок, Зибен посмотрел на женщину. Она спала спиной к нему, сунув руку под подушку и поджав ноги. Темные волосы казались почти черными на кремовой белизне подушки. Лица Зибен не видел, но ясно представлял себе полные губы и длинную красивую шею. Впервые он увидел ее рядом с Мапеком на рыночной площади.

Министра окружали многочисленные подлипалы, и у Эвейорды был скучающий, отсутствующий вид.

Зибен стоял тихо и ждал, когда ее взор обратится к нему. Дождавшись, он послал ей улыбку. Одну из лучших, быструю и ослепительную, которая говорила: «Я тоже скучаю. Я понимаю вас. Мы с вами родственные души». Она вскинула бровь в знак того, что находит его поведение дерзким, и отвернулась. Но он знал, что скоро она посмотрит на него снова. Она отошла к торговому лотку и стала разглядывать фаянсовую посуду. Он протиснулся к ней, и она вздрогнула, увидев его так близко.

— Доброе утро, госпожа моя, — сказал он.

Она не ответила.

— Вы очень красивы.

— А вы, сударь, наглец. — У нее был северный выговор, обычно раздражавший Зибена — но не в этом случае.

— Красота вдохновляет на дерзость. Как, впрочем, и на восхищение.

— Вы весьма самоуверенны. — Ее близость приводила его в трепет. На ней было простое ярко-голубое платье и белая шаль из лентрийского шелка. Вся суть заключалась в ее духах — Зибен узнал густой мускатный аромат «Мозерхе». Их ввозили из Вентрии и продавали по пять рагов за унцию.

— Вы счастливы? — спросил он.

— Что за нелепый вопрос! Кто может на него ответить?

— Тот, кто счастлив.

— А вы, сударь, счастливы? — улыбнулась она.

— Сейчас — да.

— Мне думается, вы заядлый волокита и в ваших словах нет ни грана правды.

— Тогда судите по делам, госпожа. Меня зовут Зибен. — Он шепотом назвал ей адрес дома, где жил вместе с Друссом, и поцеловал ей руку.

Через два дня она прислала к нему человека.

...Она шевельнулась во сне. Зибен, просунув руку под атласную простыню, взял в ладонь ее грудь и стал ласкать, тихонько сжимая сосок, пока тот не отвердел. Она застонала, потянулась и спросила:

— Ты что, никогда не спишь?

Он не ответил.

Когда Эвейорда уснула снова и страсть его прошла, он погрустнел. Она, несомненно, самая красивая женщина, которой он обладал, — к тому же умная, блестящая, живая и страстная.

А ему уже скучно с ней...

Он пел о любви, но сам любви не знал и завидовал придуманным им же влюбленным, видевшим вечность в глазах друг друга. Со вздохом он вылез из постели, оделся и, не надевая сапоги, спустился по задней лестнице в сад. Слуги еще не вставали, рассвет едва брезжил на восточном небосклоне. Вдали пропел петух.

Выйдя на улицу, Зибен почуял запах свежего хлеба, остановился у булочной и купил сырную плюшку, которую съел по дороге.

Друсса не было — он уже отправился на эту свою работу. Боги, как можно день-деньской копаться в грязи? Зибен прошел на кухню, растопил плиту и поставил на нее медную кастрюлю с водой.

Заварив чай из мяты и других трав, он отнес настойку в большую комнату. Там на кушетке спал Шадак в покрытой дорожной пылью одежде и грязных сапогах. Когда Зибен вошел, он проснулся и спустил ноги вниз.

— Любопытно знать, где ты шляешься, — зевнув, сказал он. — Я еще ночью приехал.

— Я был у друзей, — ответил Зибен, пригубив свой чай.

— Ясно. Мапек вернется в Машрапур сегодня — он сократил свою поездку в Вагрию.

— А мне-то что?

— Да ничего. Просто теперь ты знаешь.

— Ты пришел прочесть мне проповедь, Шадак?

— Разве я похож на священника? Я пришел повидать Друсса. И застал его в саду — он бился на кулачках с каким-то лысым верзилой. Судя по тому, как он скачет, раны его зажили.

— Только телесные.

— Знаю. Я говорил с ним. Он по-прежнему намерен отправиться в Вентрию. Ты поедешь с ним?

— С какой стати? — фыркнул Зибен. — Я с его женой незнаком, да и его-то едва знаю.

— Это пошло бы тебе на пользу, поэт.

— Что? Путешествие по морю?

— Ты отлично знаешь, о чем я. Ты нажил себе врага, одного из самых влиятельных лиц Машрапура. А его враги умирают, Зибен. От яда, от ножа, от узловатой веревки, накинутой на шею во время сна.

— Неужто весь город знает о моих похождениях?

— А как же иначе? В том доме тридцать слуг. Ты надеешься сохранить что-то в тайне, когда ее восторженные крики разносятся повсюду и утром, и днем, и глухой ночью?

— Или все сутки напролет, — улыбнулся Зибен.

— Не вижу в этом ничего смешного. Ты просто кобель и, конечно, погубишь ее, как и многих других. Но твоей смерти я не хочу — одни боги знают почему!

— Я подарил ей немного радости, только и всего. Ее сухой как деревяшка муж на это не способен. Но я подумаю над твоими словами.

— Думай быстрее. Мапек, вернувшись, мигом узнает... о радости, доставленной его жене. Я не удивлюсь, если он убьет и ее.

— Нет! — побледнел Зибен.

— Он гордый человек, поэт, — а ты совершил роковую ошибку.

— Если он тронет ее хоть пальцем, я убью его.

— Ах, как это благородно. Кобель обнажает клыки. Не надо было волочиться за ней. Ты даже и не влюблен, просто похоть обуяла.

— А разве влюбленность заключается не в этом?

— Разве что для тебя. Видно, ты никогда уже не поймешь этого, Зибен. Любить — значит давать, а не брать. Делиться душой. Но говорить это тебе — все равно что учить курицу арифметике.

— Ладно, не пытайся щадить мои чувства. Выкладывай все, что на уме!

— Бодасен набирает людей для вентрийской войны. Корабль отплывает через двенадцать дней. Спрячься до тех пор и не ищи больше встреч с Эвейордой, если тебе дорога ее жизнь.

Шадак направился к двери, и Зибен сказал ему вслед:

— Ты не слишком высокого мнения обо мне, верно?

— Более высокого, чем ты сам.

— Я слишком устал, чтобы разгадывать загадки.

— Ты никак не можешь забыть о Гульготире.

Зибен вздрогнул, как от удара, и вскочил на ноги.

— Это осталось в прошлом и ничего для меня не значит. Ты понял? Ничего!

— Как скажешь. Увидимся через двенадцать дней. Корабль называется «Дитя грома» и отплывает от десятого причала.

— Может, я приду, а может, и нет.

— Выбор есть всегда, приятель.

— Нет, нет и нет! — прогремел Борча. — Ты все так же выпячиваешь подбородок и суешь голову вперед. — Борча обтер полотенцем лицо и голову. — Пойми же, Друсс, если Грассину представится случай, он вышибет тебе глаз, а то и оба. Подберется ближе и ткнет рукой тебе в лицо — а большой палец у него как кинжал.

— Давай еще попробуем.

— Нет. Ты злишься, и это мешает тебе мыслить здраво. Сядь и остынь.

— Смеркается уже, — сказал Друсс.

— Пускай смеркается. До состязаний осталось четыре дня, Друсс. Четыре. За это время ты должен научиться владеть собой. Победа — вот главное. Пусть противник издевается над тобой, пусть заявляет, что твоя мать продавалась матросам. Это его оружие — а ты держи себя в руках, ибо гнев — самая большая слабость бойца.

— Я справлюсь, — буркнул Друсс.

— Всего несколько минут назад ты дрался как надо — хорошо держал равновесие и бил крепко. Потом я влепил тебе пару оплеух. Ты не успел прикрыться и впал в раздражение. Ты опять начал бить криво, выпятил подбородок и открыл лицо.

— Ты прав, — кивнул Друсс и сел. — Но мне не по душе эти игры, эти прыжки и увертки. Как будто дерешься понарошку.

— Да, мы деремся понарошку, дружище, но это готовит тебя к настоящему бою. — Борча хлопнул юношу по плечу. — Не отчаивайся: ты почти уже готов. Копание в земле пошло тебе на пользу. Как там дела на вырубке?

— Сегодня заканчиваем. Завтра туда придут каменщики.

— Как раз вовремя. Подрядчик, должно быть, доволен тобой — как и я.

— А ты почему доволен?

— Треть этого участка принадлежит мне, а цена на землю порядком возрастет, когда построят дома. Ну а ты? Доволен премией?

— Уж не тебе ли я ей обязан?

— Нет, Друсс, так всегда делается. Подрядчик получает пятьдесят рагов, если укладывается в срок, а помощнику обычно отдает десятую долю.

— Мне он дал десять рагов — золотом.

— Как видно, ты здорово ему угодил.

— Он просил меня остаться рыть котлованы под дома.

— Но ты отказался?

— Да. В Вентрию идет корабль. Я предложил на мое место Тогрина, и подрядчик согласился.

Борча помолчал. Он знал, как Друсс побил Тогрина в первый день и как взял его обратно, как учил его и доверял распоряжаться. А подрядчик рассказал Борче, как охотно подчиняются Друссу рабочие.

«Он прирожденный вожак, который вдохновляет людей своим примером. Для него нет слишком тяжелой или грязной работы. Он настоящая находка, Борча, и я хочу повысить его. На севере намечают новую вырубку, участок там трудный — я поставлю Друсса туда начальником». — «Он не согласится». — «Почему? Он мог бы разбогатеть».

Борча вернулся к настоящему:

— А вдруг ты ее не найдешь?

— Найду, Борча, хотя бы мне пришлось обыскать всю Вентрию и заглянуть в каждый дом.

— Ты лесной житель, Друсс, так скажи: если бы я пометил в лесу опавший лист, как бы ты стал искать его?

— Я тебя понял. Но моя задача не столь трудна. Я знаю, что купил ее Кабучек. Он человек богатый, видный — его я найду. — Друсс встал со скамейки и достал Снагу. — Это топор моего деда. Говорят, он был злодей. Но в дни его молодости готирский король Пазия привел с севера войско. Все ударились в панику: разве могут, мол, дренаи выстоять против такой армии? Города опустели — люди бежали, грузя свои пожитки на тачки, повозки и спины лошадей. Но Бардан, мой дед, явился с двадцатью людьми во вражеский стан, нашел шатер короля и убил его. Утром готиры увидели голову своего короля на копье и отправились восвояси.

— Да, я слышал эту историю. И что же ты из нее выводишь?

— Ничего, что не удалось бы человеку, если у него есть воля, сила и мужество.

Борча встал, разминая могучие мускулы плеч и спины.

— Сейчас увидим, правда ли это. Посмотрим, есть ли у тебя воля, сила и мужество не выставлять подбородок.

Друсс с усмешкой прислонил топор к скамье и встал.

— Нравишься ты мне, Борча. Скажи, во имя Хаоса, как тебя угораздило служить такому, как Коллан?

— В нем было и хорошее, Друсс.

— Неужто?

— Да. Он хорошо платил. — И Борча ладонью хлопнул Друсса по щеке. Тот зарычал и ринулся на Борчу, но он отскочил влево и двинул Друсса в скулу. — Подбородок, дубина! Убери подбородок!

— Я надеялся на лучшее, — сказал Бодасен, оглядывая толпу, собравшуюся на Поле Торжеств.

— Пусть внешность вас не обманывает, — усмехнулся Борча. — Некоторые из них очень даже ничего — зависит от того, что вы ищете.

Бодасен недовольно взирал на грязных оборванцев. Здесь толпилось не меньше двухсот, а по дороге подходили новые.

— Боюсь, у нас разные взгляды на то, что хорошо и что плохо.

— Гляньте хотя бы на этого — вон, на заборе сидит. Это Эскодас-Лучник — попадает в ноготь большого пальца с пятидесяти шагов. С таким можно идти в горы, как говорят у меня на родине. А вон там — Кельва, бесстрашный и очень искусный рубака, природный убийца.

— Но имеют ли они хоть какое-то понятие о чести?

Борча громко расхохотался:

— Вы, мой друг, наслушались героических преданий. Эти ребята дерутся за того, кто им платит.

— Я заперт в этом гнусном городе, — вздохнул Бодасен. — Враги осаждают моего императора со всех сторон, а я не могу присоединиться к нему. Мой корабль не отплывет без опытных бойцов — и я должен набрать их среди машрапурского отребья. Нет, я ожидал большего.

— Отбирайте с умом — и они еще удивят вас.

— Займемся сперва лучниками, — решил Бодасен.

Понаблюдав около часа, как они стреляют по соломенным чучелам, он отобрал пятерых, в том числе и молодого Эскодаса. Каждому вручили по золотому рагу и велели явиться на «Дитя грома» к рассвету назначенного дня.

Бойцов на мечах отбирать было труднее. Сначала Бодасен приказал им сражаться друг с другом, но они взялись за дело с излишним рвением, и несколько человек получили ранения, а одному рассекли ключицу. Бодасен велел остановиться и с помощью Борчи выбрал десятерых. Раненым дали по пять серебряных монет.

К полудню Бодасен набрал тридцать человек из требуемых пятидесяти. Он отпустил остальных и зашагал прочь вместе с Борчей.

— Вы оставили место для Друсса? — спросил кулачный боец.

— Нет. Я беру только тех, кто будет сражаться за Вентрию, — а у него своя цель.

— Если верить Шадаку, Друсс лучший в городе боец.

— Я не слишком расположен к Шадаку. Если бы не он, мы переманили бы пиратов на свою сторону.

— Святые Небеса! И вы в это верите? Коллан взял бы с вас деньги и ничего не дал бы взамен.

— Он поручился своим словом.

— И как только вы, вентрийцы, умудрились создать свою империю? Коллан был лжец, вор и разбойник. Как вы могли ему верить? Разве не пообещал он вам, что вернет Друссу жену? Разве не лгал вам, чтобы вы помогли заманить Друсса в ловушку? С кем вы, по-вашему, имели дело?

— Я полагал, что с дворянином, но, как видно, заблуждался.

— Да уж. Вот вы только что дали золотой Эскодасу, сыну козьего пастуха и лентрийской шлюхи. Отца повесили за кражу двух лошадей, а мать его бросила. Он вырос в приюте у священников Истока.

— И какова мораль этой печальной истории?

— Этот Эскодас будет стоять за вас насмерть и не побежит. Спросите его о чем-нибудь, и он даст вам честный ответ. Дайте ему мешок с алмазами и велите доставить их за тысячу лиг — и он доставит, не украв ни единого камушка.

— Точно того же я ожидаю от всякого вентрийского слуги, которого беру к себе на службу. Почему честность в твоих устах превращается в столь великую добродетель?

— Нет, вам, видно, ничего не вдолбишь, — рассердился Борча.

— Просто вы, варвары, делаете тайну из ничего. Впрочем, относительно Друсса ты прав — раны ему нанесли из-за меня. Поэтому я оставлю ему место на корабле. А теперь поищем заведение, где хорошо кормят и дают приличное вино.

Шадак, Зибен и Борча стояли с Друссом на пристани. Грузчики таскали по сходням тюки и мешки на единственную палубу. Корабль сидел в воде низко, битком набитый наемниками, — они, толпясь у поручней, махали многочисленным женщинам на пристани. По большей ча-

сти здесь собрались шлюхи, но было и несколько жен с малыми детьми, многие плакали.

Шадак стиснул руку Друсса.

— Доброго тебе пути, парень. Пусть Исток приведет тебя к Ровене.

— Непременно приведет. — Подбитые глаза Друсса отливали желтизной и пурпуром, а под левым красовался грубый шов.

— Хороший был бой, — усмехнулся Шадак. — Грассин его надолго запомнит.

— Я тоже, — пробурчал Друсс.

Шадак посерьезнел.

— Ты редкий человек, Друсс. Постарайся не меняться и помни правила.

— Буду помнить, — пообещал Друсс.

Они снова обменялись рукопожатием, и Шадак ушел.

— Что за правила? — спросил Зибен.

Друсс посмотрел вслед одетому в черное охотнику.

— Он как-то сказал мне, что настоящий воин живет по правилам: «Никогда не обижай женщин и детей. Не лги, не обманывай и не воруй — будь выше этого. Защищай слабых от сильных и не позволяй мыслям о наживе увлечь себя на дурной путь».

— Как это верно, — насмешливо хмыкнул Зибен. — А меня, Друсс, влекут бордели и таверны — я слышу их зов. С деньгами, которые я на тебе выиграл, я несколько месяцев смогу жить как князь.

Друсс стиснул его тонкую руку.

— Смотри же, трать их с толком.

— Еще с каким... на женщин, вино и игру. — Зибен со смехом зашагал прочь, и Друсс повернулся к Борче:

— Спасибо тебе за науку и за твою доброту.

— Мы не зря потратили время, и мне приятно было видеть унижение Грассина. Но он все-таки чуть было не вышиб тебе глаз. Научишься ты когда-нибудь прикрывать свой подбородок или нет?

— Эй, Друсс! Ты идешь? — крикнул Бодасен, и Друсс помахал ему рукой. — Иду! — Он и Борча пожали друг другу запястья по воинскому обычаю. — Надеюсь, мы еще встретимся.

— Как распорядятся судьбы.

Друсс с топором в руке двинулся к сходням и обернулся.

— Скажи, почему ты помог мне?

— Ты напугал меня, Друсс, и я хотел посмотреть, на что ты способен по-настоящему. Теперь я знаю. Ты

мог бы стать лучшим из лучших. Это помогает мне переварить то, как ты разделался со мной. Ну-ка, скажи, каково это — быть первым бойцом?

— Больно, — усмехнулся Друсс, потирая опухшую челюсть.

— Эй ты, пес, шевелись! — заорал какой-то воин с палубы.

Друсс, бросив на него взгляд, повернулся к Борче:

— Удачи тебе, друг, — и взошел по сходням.

Отдали концы, «Дитя грома» отошел от пристани.

Наемники, стоя у поручней, посылали последние приветы друзьям и любимым. Друсс нашел место у левого борта и сел, положив рядом топор. Бодасен, стоявший у руля рядом с помощником, улыбнулся и помахал ему.

Друсс прислонился спиной к борту, ощущая странный покой после тяжких месяцев заточения в Машрапуре. Образ Ровены возник перед ним, и он шепнул:

— Я иду к тебе.

Зибен, уйдя с пристани, углубился в путаницу ведущих к парку переулков. Он шел задумавшись, не глядя на приставших к нему уличных девок. Расставание с Друссом опечалило его. Он успел привязаться к молодому воину, в котором не было ни хитрости, ни тайных мыслей. Как Зибен ни высмеивал твердые моральные устои Друсса, в душе он восхищался силой, их породившей. Друсс даже лекаря отыскал и уплатил ему долг. Зибен был при этом, и ему надолго запомнилось удивление на лице Кальвара Сина.

Но Вентрия? Зибен не имел никакого желания ехать в страну, где идет война.

Подумав об Эвейорде, он испытал сожаление. Ему захотелось увидеть ее еще хотя бы раз, прижать ее стройные бедра к своим. Но Шадак прав: это слишком опасно для них обоих.

Зибен повернул налево и стал подниматься по Ста Ступеням к воротам парка. Шадак заблуждался относительно Гульготира. Зибен помнил грязные улицы этого города, увечных нищих и вопли бесноватых — но вспоминал все это без горечи. Разве виноват он в том, что отец его связался с Герцогиней? Зибен испытал мимолетную вспышку гнева. Экого дурака свалял папаша! Она лишила его сперва достатка, затем достоинства, а под конец и мужского естества. Ее называли Королевой Вампиров — и заслуженно, хотя крови она и не пила. Зато она выпивала из мужчин все жизненные соки, высасывала их досуха, а они еще благодарили ее за это и умоляли сделать это опять.

Вот и отца Зибена она вышвырнула, как пустую шелуху. И пока Зибен с матерью голодали, он сидел, как нищий, у дверей Герцогини. Он просидел так месяц, а потом перерезал себе горло ржавым ножом.

Болван этакий!

«Но я-то не таков, — говорил себе Зибен, поднимаясь по лестнице. — Я пошел не в него».

Навстречу ему спускались двое, плотно закутанные в длинные плащи. Зибен остановился. Утро жаркое — с чего же это они так вырядились? Услышав позади шаги, он оглянулся. Следом поднимался еще один — тоже в длинном плаще.

Поэт, охваченный внезапным страхом, устремился назад. Человек, шедший снизу, распахнул свой плащ и выхватил длинный нож. Зибен подскочил, пнул его ногой и сбросил с лестницы. Сам Зибен тоже упал, но тут же вскочил и понесся вниз, прыгая через три ступени. Двое, оставшиеся позади, тоже пустились бежать.

Внизу он метнулся в переулок, но тут протрубил охотничий рог и дорогу ему заступил высокий воин с мечом в руке. Зибен с разбегу врезался в него и отшвырнул в сторону, свернув сперва направо, потом налево. Нож просвистел мимо его головы и ударился о стену.

С возросшей быстротой Зибен промчался через маленькую площадь и свернул вбок. Впереди показалась пристань. Тут было людно, и пришлось расталкивать толпу. Несколько мужчин обругали Зибена, а одну молодую женщину он сбил с ног. Он оглянулся — за ним гналось не меньше полудюжины человек.

Близкий к панике, он выбежал на причал. Из боковой улицы выскочило еще несколько человек, все с оружием.

Зибен выругался.

«Дитя грома» отваливало от пристани. Зибен промчался по булыжнику, пролетел по воздуху и ухватился за свисающий конец. Ударившись о борт, он с трудом удержался. Нож вонзился в дерево рядом с его головой. Страх придал Зибену сил, и он полез вверх.

Над бортом показалось знакомое лицо — Друсс нагнулся, схватил поэта за шиворот и втащил на палубу.

— Я вижу, ты передумал.

Зибен с дрожащей улыбкой оглянулся на пристань — там собралось с дюжину вооруженных людей.

— Я решил, что морской воздух пойдет мне на пользу.

К ним подошел капитан, бородач лет за пятьдесят.

— Что тут происходит? Я не могу принять на борт больше пятидесяти человек — это предел.

— Он не тяжелый, — благодушно ответил Друсс.

Вперед сунулся наемник — высокий, плечистый, в помятом панцире, с двумя короткими мечами и четырьмя ножами на перевязи.

— Сперва ты заставил нас ждать, пес этакий, а теперь еще дружка за собой притащил. Кельва с такой швалью плыть не намерен.

— Никто тебя и не просит! — Друсс одной рукой сгреб воина за горло, другой за пах, поднял его в воздух и швырнул за борт. Тот тяжело плюхнулся в воду и всплыл, барахтаясь, — доспехи тянули его на дно.

— Ну вот, теперь нас снова пятьдесят, — с улыбкой сказал Друсс капитану.

— Не могу с этим спорить, — согласился тот и заорал матросам: — Разворачивай грот!

С пристани барахтающемуся воину бросили веревку.

— А ведь у него наверняка есть друзья на борту, — заметил поэт.

— Могут последовать за ним, если хотят, — никто не держит.

Глава 3

Каждое утро Эскодас совершал прогулку по палубе — вдоль левого борта на нос и обратно вдоль правого на корму, а там по шести ступенькам на мостик, где у выгнутого дубового руля стоял либо капитан, либо помощник.

Лучник боялся моря и с нескрываемым страхом взирал на волны, качающие судно, точно щепочку.

Он поднялся на мостик в первое же утро.

— Пассажирам сюда нельзя, — сурово заметил ему капитан, Милус Бар.

— Я только хотел спросить вас кое о чем, — учтиво ответил Эскодас.

Милус Бар накинул на руль веревочную петлю, закрепив его.

— О чем же это?

— О вашей лодке.

— Это не лодка. Это корабль.

— Ну да, корабль. Вы уж простите, я не владею морским языком.

— Прелесть что за судно. Триста пятьдесят футов мореного дерева. Пропускает не больше воды, чем человек, когда потеет, и выдержит любую бурю, которую богам будет угодно наслать на нас. Стройное и быстрое. Что еще ты хочешь знать?

— Вы говорите о нем, будто о женщине.

— Оно лучше всех известных мне женщин, — ухмыльнулся капитан. — Никогда еще не подводило меня.

— Но оно кажется таким маленьким по сравнению с океаном.

— Мы все ничтожны по сравнению с океаном. Но в это время года бурь почти не бывает. Самая большая опасность — это пираты, но на то вы и здесь. — Капитан сощурил серые глаза под густыми бровями. — Ты уж прости, парень, но ты как-то не к месту среди этих головорезов.

— Охотно извиняю вас, но им, пожалуй, было бы неприятно это услышать. Спасибо, что уделили мне время.

И стрелок спустился обратно на палубу. Его попутчики играли в кости либо болтали. У правого борта развлекались борьбой на руках. Эскодас прошел на нос.

Солнце светило ярко на голубом небе, дул попутный бриз. Высоко над кораблем кружили чайки, и на севере едва виднелось лентрийское побережье. На расстоянии оно казалось туманной сказочной страной, где обитают легенды.

На носу сидели двое: стройный молодой человек, с таким шумом прибывший на корабль, и его приятель. Первый был красив, белокурые волосы перехвачены серебряным обручем, дорогая одежда: бледно-голубая рубашка из тонкого шелка и темно-синие штаны, прошитые по бокам мягкой кожей. Второй — точно глыба. Он поднял Кельву, как перышко, и метнул в море, как копье.

Эскодас подошел. Гигант был моложе, чем казался на первый взгляд — его старила пробивающаяся темная бородка. Эскодас, встретившись с его голубым взором, холодным, твердым как кремень и неприветливым, улыбнулся:

— Доброе утро.

Гигант только буркнул что-то в ответ, но белокурый щеголь встал и протянул руку.

— Здорово. Меня зовут Зибен, а его Друсс.

— Как же. Он победил Грассина в поединке — сломал ему челюсть, кажется.

— В нескольких местах, — подтвердил Зибен.

— А я — Эскодас. — Лучник сел на бухту каната и прислонился к какому-то тюку, закрыв глаза и подставив лицо солнцу. После краткого молчания те двое возобновили

беседу. Эскодас не слишком прислушивался — они говорили о какой-то женщине и об убийцах.

Он думал о предстоящем путешествии. Он никогда не бывал в Вентрии — но, если верить книгам, это страна баснословных богатств, где водятся драконы, кентавры и разные дикие звери. В драконов Эскодас не слишком верил: он много странствовал по свету, и в каждой стране ходили рассказы о них, но он так ни одного и не встретил. В Чиадзе есть музей, где собран скелет дракона. Скелет, конечно, громадный, но крыльев у него нет, а шея не меньше восьми футов. Разве из такой глотки можно извергать огонь?

Но водятся там драконы или нет, Эскодас от души предвкушал встречу с Вентрией.

— А ты не из говорливых, верно? — сказал Зибен.

Эскодас открыл глаза и улыбнулся.

— Когда мне будет что сказать, я скажу, — заверил он.

— Такого случая тебе не представится, — пробурчал Друсс. — Зибен говорит за десятерых.

— Как и подобает сказителю, — учтиво заметил Эскодас.

— Приятно, когда тебя узнают.

— Я слышал тебя в Кортсвейне. Ты исполнял «Песнь о Карнаке». Особенно мне понравилось место об осаде Дрос-Пурдола — хотя боги войны и таинственная принцесса, имеющая власть вызывать молнию, показались мне лишними.

— Поэтическая вольность, — с натянутой улыбкой пояснил Зибен.

— Там она ни к чему. Только умаляет мужество защитников — какие же они герои, если нуждаются в божественной помощи?

— Это не урок истории, — уже без тени улыбки заспорил Зибен. — Это поэма, песня. Появление богов должно показать, что судьба порой становится на сторону отважных.

— Гм-м. — Эскодас снова откинулся назад и закрыл глаза.

— Что это должно означать? Что ты не согласен со мной?

Эскодас вздохнул:

— Я не хотел заводить этот спор, досточтимый поэт, но нахожу, что твой прием неуместен. Ты говоришь, что хотел этим прибавить силы своему рассказу, — на том и покончим. Я не желаю сердить тебя еще больше.

— Да не сержусь я, будь ты неладен!

— Он просто не любит, когда ему делают замечания, — вмешался Друсс.

— Не забавно ли слышать такое от человека, который швыряет попутчиков за борт при первом же неласковом слове? Так почему же мой прием неуместен?

— Я бывал во многих осадах, — сказал Эскодас. — Миг величайшего мужества настает в самом конце, когда кажется, что все пропало, — именно тогда слабые бегут или молят о пощаде. А у тебя как раз перед этим прибывают боги, чтобы помочь победить вагрийцев. Вот вся соль и пропадает — ведь ясно же, что победа обеспечена, раз боги явились.

— Но иначе я лишился бы лучших своих строк — особенно в конце, где воины спрашивают себя, увидят ли они богов снова.

— Да, я помню: «О, свет богов, волшебный зов, звон Элвенских колоколов». Так?

— Совершенно верно.

— Мне больше по душе другие, суровые и правдивые строки:

Но день пришел, и молодость увяла,
Огонь и меч уже не манят нас,
И то, что было встарь, уже забылось.
Да, в тайны зачарованных лесов
Лишь глупой юности прилично верить.

— Ты что, знаешь всю поэму наизусть? — с искренним изумлением воскликнул Зибен.

Эскодас улыбнулся.

— После того выступления в Кортсвейне я раздобыл твои книги — их было, помнится, пять. Две самые ранние хранятся у меня и теперь.

— Я просто не нахожу слов.

— Этот день войдет в историю, — проворчал Друсс.

— Да уймись ты. Не диво ли — обнаружить среди этого сброда истинного знатока? Возможно, путешествие окажется не столь уж невыносимым. Скажи мне, Эскодас, что побудило тебя отправиться в Вентрию?

— Мне нравится убивать, — ответил тот, и Друсс покатился со смеху.

Первые несколько дней новизна морского путешествия занимала наемников. Днем они играли в кости или рассказывали разные истории, а ночью спали под навесом, закрепленным на обоих бортах.

Бескрайние морские дали зачаровывали Друсса. В машрапурской гавани «Дитя грома» казалось мощным, непотопляемым, но в открытом море оно представлялось хрупким, как плывущий по реке цветок. Зибену путешествие наскучило очень быстро, с Друссом дело обстояло по-иному. Вздохи ветра,

колыхание судна, крики чаек над головой — все воспламеняло кровь молодого воина.

Однажды утром он влез по снастям на гигантскую рею грот-мачты. Сидя на ней верхом, он не видел земли — только бесконечную голубизну моря. Босоногий матрос подошел к нему по рее, ни за что не держась руками, и остановился, уперев руки в бедра.

— Пассажирам тут не место.

Друсс усмехнулся:

— Как это ты стоишь тут, словно на твердой земле? Тебя ветром сдует.

— А вот гляди! — Матрос соскочил с реи, повис в воздухе, держась за канат, и подтянулся назад к Друссу.

— Здорово. — Внимание Друсса привлекла серебристо-голубая вспышка в море, и матрос пояснил:

— Это боги моря. Дельфины. Если они пожелают, то покажут тебе немало чудес.

Сверкающее тело вылетело из воды, перевернулось в воздухе и вновь ушло под воду с едва заметным всплеском. Друсс полез вниз, решив получше рассмотреть этих морских красавцев, а они высовывали головы из воды и оглашали все вокруг пронзительными криками.

И вдруг стрела, посланная с корабля, вонзилась во взмывшего над водой дельфина.

Остальные тут же исчезли.

Наемники со злостью набросились на стрелявшего.

— Да ведь это только рыба, — оправдывался он.

Милус Бар протолкался к нему.

— Глупец! — вскричал капитан, серый под слоем загара. — Это боги моря — они пришли, чтобы оказать нам честь. Иногда они проводят нас сквозь предательские воды. С чего тебе вздумалось стрелять в них?

— Мишень попалась хорошая, вот и стрельнул. Мое дело.

— Да, парень, твое, но если удача теперь отвернется от нас, моим делом будет выпустить тебе требуху и скормить ее акулам. — Кряжистый капитан вернулся к рулю. Недавнее хорошее настроение испарилось, и люди без охоты занялись прежними делами.

— Боги, как они великолепны, — сказал Друссу Зибен. — По преданию, колесницу Асты влекут шесть белых дельфинов.

— Подумать только, что у кого-то могла подняться на них рука! — вздохнул Друсс. — Может, у них мясо вкусное? Не слыхал?

— Нет, невкусное. На севере они порой запутываются в сетях и тонут. Я спрашивал рыбаков — у мяса скверный вкус, и переварить его невозможно.

— Тем хуже, — проворчал Друсс.

— Мало ли на кого охотятся ради забавы, Друсс. Разве олень менее прекрасен, чем дельфин?

— Оленя можно съесть — у него вкусное мясо.

— Но ведь многие охотятся не ради еды, верно? Особенно дворяне. Они делают это ради удовольствия. Им нравится преследование, ужас жертвы, миг ее гибели. Стоит ли винить нашего стрелка? Он, как и все мы, происходит из жестокого мира.

— Не слишком красивое зрелище, верно? — сказал, подойдя к ним, Эскодас.

— О чем ты?

— О лучнике, подстрелившем рыбу.

— Мы как раз говорили об этом.

— Я не знал, что вы так хорошо разбираетесь в стрельбе из лука.

— При чем тут стрельба из лука?

— Ну как же. Он натянул тетиву и тут же выстрелил. Надо помедлить, прицелиться как следует — а ему не терпелось убить.

— Не знаю, — раздраженно отрезал Зибен. — Мы говорили о том, допустима ли охота как таковая.

— Человек — убийца по натуре, — благодушно заявил Эскодас. — Природный охотник. Вот поглядите! — Зибен и Друсс взглянули на море — воду резал серебристо-белый плавник. — Это акула. Она учуяла кровь раненого дельфина и теперь найдет его везде, идя по следу не хуже сатулийского разведчика.

Друсс перегнулся через борт, следя за мерцающим телом внизу.

— Здоровая рыбина.

— Бывают и побольше. Я как-то плыл на корабле, который затонул в бурю близ лентрийского берега. Мы, сорок человек, уцелевшие после крушения, поплыли к земле — и тут нагрянули акулы. Нас спаслось только трое. Одному оторвали ногу, и через три дня он умер.

— Говоришь, буря была? — спросил Друсс.

— Да.

— Вроде этой? — Друсс указал на восток, где собирались темные тучи.

Молния прорезала небо, и прокатился гром.

— Да, вроде этой. Будем надеяться, что она пройдет стороной.

Через несколько минут небо потемнело, и море разбушевалось. «Дитя грома» качалось на огромных волнах, скользя с одной на другую. Потом полил дождь, все сильнее и сильнее — его ледяные иглы пронзали, как стрелы.

Зибен, скорчившись у левого борта, отыскал взглядом злополучного стрелка. Тот сидел в одиночестве, крепко держась за веревку. Молния сверкнула над самым кораблем.

— Похоже, удача и впрямь переменилась к нам, — заметил Зибен, но ни Друсс, ни Эскодас не расслышали его за воем ветра.

Эскодас крепко уцепился за поручни, продев под них руки. Огромная волна двинула корабль вбок, оторвав нескольких человек от их ненадежной опоры и швырнув через палубу к накренившемуся правому борту. Хрустнула мачта, но никто не услышал этого из-за грома с темного, как ночью, неба. Корабль взобрался на гребень высоченной волны и скользнул вниз, в кипящую водную долину. Матрос со свернутой в кольцо веревкой пробежал по палубе, пытаясь добраться до воинов у правого борта, но вторая волна накрыла его и швырнула на барахтающихся наемников. Правый борт треснул, и двадцать человек в мгновение ока смыло с палубы. Корабль взмыл на дыбы, словно испуганный конь. Эскодас почувствовал, что его хватка слабеет. Он хотел уцепиться покрепче, но корабль снова качнуло, и лучник полетел головой вперед в зияющую дыру посреди правого борта.

Чья-то мощная рука схватила его за лодыжку и оттащила назад. Друсс с усмешкой подал ему веревку. Эскодас мигом обмотал ее вокруг пояса, а другой конец привязал к мачте. Друсс прямо-таки наслаждался бурей. Обезопасив себя, Эскодас оглядел палубу. Поэт цеплялся за не слишком надежные поручни правого борта, а высоко на мостике боролся с рулем Милус Бар, пытаясь вывести судно из бури.

Еще одна мощная волна прокатилась по палубе. Правые поручни хрустнули, и Зибен скользнул к самому краю. Друсс отвязался и встал. Эскодас закричал на него, но тот то ли не услышал, то ли не обратил внимания. Падая и снова поднимаясь, Друсс пробежал по вздымающейся палубе к разбитому борту, стал на колени и втянул Зибена обратно.

Позади них человек, подстреливший дельфина, пытался привязаться к железному кольцу на палубе. Корабль снова стал торчком. Стрелок покатился по палубе, врезался в Друсса и сбил его с ног. Удерживая Зибена одной рукой, Друсс протянул другую несчастному лучнику, но тот уже исчез в бушующей бездне.

Почти в тот же миг солнце пробилось сквозь тучи и дождь стал утихать, а море успокаиваться. Друсс вглядывался в воду. Эскодас отвязался и встал, пошатываясь. Он подошел к Зибену и Друссу. Поэт был белым как мел.

— Никогда больше не выйду в море, — заявил он. — Никогда!

— Спасибо тебе, Друсс, — протянул руку Эскодас. — Ты спас мне жизнь.

— Пришлось, парень, — хмыкнул Друсс. — Ты единственный человек на борту, способный заставить нашего сказителя лишиться дара речи.

С мостика спустился Бодасен.

— Это был безумный поступок, дружище, — сказал он Друссу, — но ты молодец. Я люблю наблюдать храбрость в людях, которые сражаются на моей стороне.

Вентриец пошел дальше, пересчитывая уцелевших, и Эскодаса проняла дрожь.

— Сдается мне, мы потеряли не меньше тридцати человек.

— Двадцать семь, — сказал Друсс.

Зибен подполз обратно к краю палубы, и его вырвало в море.

— Ну, скажем, двадцать семь с половиной, — подытожил Эскодас.

Глава 4

Молодой император спустился с крепостной стены и зашагал вдоль набережной в сопровождении своих офицеров. Адъютант Небучад шел рядом с ним.

— Мы можем держаться еще много месяцев, государь, — сказал Небучад, щурясь от блеска императорского золоченого панциря. — Стены здесь высокие и толстые, а катапульты не позволят вторгнуться в бухту с моря.

— Стены не помогут, — покачал головой Горбен. — Нас здесь менее трех тысяч, а наашанитов в двадцать раз больше. Видел ты когда-нибудь, как тигровые муравьи нападают на скорпиона?

— Видел, государь.

— Они облепляют его со всех сторон — вот так же неприятель будет штурмовать Капалис.

— Мы будем стоять до последнего, — пообещал один из офицеров.

— Это мне известно, — с гневом в темных глазах обернулся к нему Горбен. — Но смерть не принесет нам победы — верно, Ясуа?

— Да, государь.

Горбен прошел по обезлюдевшим улицам мимо заколоченных лавок и пустых трактиров, направляясь к зданию городского совета. Советники давно покинули город, и дом стал штаб-квартирой ополчения. Горбен прошел к себе, жестом отпустив офицеров и двух выбежавших навстречу слуг — один с золотым кубком, полным вина, другой с надушенным, смоченным теплой водой полотенцем.

Оставшись один, император скинул сапоги и швырнул на стул белый плащ. Перед большим, выходящим на восток окном стоял дубовый письменный стол, заваленный картами и шпионскими донесениями. Горбен развернул самый большой лист — карту Вентрийской империи, сделанную по приказу его отца шесть лет назад.

Император разгладил пергамент, с неприкрытой яростью глядя на чертеж. Две трети империи теперь захвачены врагом. Горбен вспомнил дворец в Нусе, где родился и вырос. Дворец стоял на холме над долиной, над белым мраморным городом. На его постройку ушло двенадцать лет — более восьми тысяч рабов трудились там, поднося блоки гранита и мрамора, стволы кедра, дуба и вяза королевским плотникам и каменщикам.

Из всех городов Нуса пала первой.

— Клянусь всеми богами ада, отец, я проклинаю тебя! — прошипел Горбен. Старый император сократил армию, полагаясь на то, что границы будут защищать его могущественные сатрапы. Но четверо из девяти сатрапов предали его и открыли дорогу наашанитам. Тогда император собрал войско, но полководец из него оказался аховый. Горбену говорили, что сражался он храбро, но иного новому императору сказать и не могли.

Новый император! Горбен подошел к серебряному зеркалу на дальней стене. Там отразился красивый юноша с напомаженными душистым маслом черными волосами и глубоко посаженными темными глазами. Лицо у него сильное, но император ли он? «Способен ли ты одержать победу?» — спросил он себя мысленно, зная, что слуги могут подслушать каждое его слово. Золоченые латы и плащ уже двести лет служат императорскому дому — но это всего лишь мишура. Суть в человеке, кото-

рый их носит. «Что за человек ты?» Горбен разглядывал в зеркале широкие плечи и тонкую талию, мускулистые ноги и сильные руки. Это тоже мишура — оболочка души.

«Что ты за человек? Мужчина ли ты?»

Преследуемый этой мыслью, он вернулся к столу и, положив на него локти, снова воззрился на карту. На ней углем была прочерчена новая линия обороны: Капалис на западе, Лариан и Эктанис на востоке. Горбен отшвырнул карту. Под ней лежал план портового города Капалиса. Четверо ворот, шестнадцать башен и одна стена, которая по дуге тянется от моря на юге к северным утесам. Ее длина — две мили, высота — сорок футов, а обороняют ее три тысячи человек, в большинстве своем зеленые новобранцы, не имеющие ни лат, ни щитов.

Горбен вышел на балкон с видом на гавань и открытое море.

— Бодасен, брат мой, где же ты? — прошептал он.

Море под ясным небом казалось очень мирным, и император сел на мягкую скамейку, положив ноги на перила.

В этот теплый, тихий день трудно поверить, что империя подверглась такому ужасающему разгрому в столь короткий срок. Горбен, закрыв глаза, припомнил прошлогоднее летнее празднество в Нусе. Отец праздновал свое сорокачетырехлетие и семнадцатую годовщину восшествия на трон. Пиршество длилось восемь дней, сопровождаясь цирковыми игрищами, спектаклями, рыцарскими турнирами, состязаниями в стрельбе из лука, беге, борьбе и конными скачками. Все девять сатрапов были налицо, они улыбались и пили за здоровье императора. Горбен представил себе Шабага, высокого, стройного, с ястребиными глазами и жестоким ртом: тот всегда, даже в самую жаркую погоду, носил черные перчатки и наглухо застегнутые шелковые камзолы. А вот Бериш, толстый и жадный, но чудесный рассказчик, всегда с какой-нибудь фривольной или смешной повестушкой наготове. Вот Даришан, Северный Лис, прославленный улан с длинными, по-женски заплетенными в косы серебристыми волосами. И, наконец, Ашак-Павлин, любитель мальчиков с глазами ящерицы. Они занимали почетные места по обе стороны императора, в то время как старший его сын сидел за нижним столом, взирая оттуда на этих могущественных вельмож!

Шабаг, Бериш, Даришан и Ашак! Имена и лица, сжигающие душу Горбена. Изменники! Они клялись в верности отцу, а сами обрекли его на гибель, его земли — на разорение, его народ — на истребление.

 Горбен открыл глаза и с глубоким вздохом произнес:

— Я отыщу вас всех до единого и заставлю расплатиться за измену.

Угроза его была столь же пустой, как сундуки его сокровищницы, и он это знал.

В дверь тихо постучали, и он сказал: «Войдите». Вошел Небучад и отвесил ему низкий поклон.

— Прибыли разведчики, государь. Враг находится менее чем в двух днях пути от города.

— Что слышно с востока?

— Ничего, государь. Видимо, нашей кавалерии не удалось пробиться.

— Как обстоит дело с провизией?

Небучад извлек из-под камзола пергаментный свиток.

— У нас шестнадцать тысяч пресных хлебов, тысяча баррелей муки, восемьсот голов рогатого скота, сто сорок коз. Овцы еще не сосчитаны. Сыра осталось мало, зато овса и сушеных фруктов в избытке.

— Ну а соль?

— Соль, государь?

— Как мы сохраним мясо, забив скот?

— Можно забивать по мере надобности, — покраснев, предложил Небучад.

— Скот кормить надо, а чем? Надо забить его полностью, а мясо засолить. Обшарьте весь город. И еще, Небучад...

— Да, государь?

— Ты ничего не сказал о воде.

— Но через город протекает река.

— Да, это так, но что мы будем пить, если враг запрудит ее или отравит?

— Должны быть еще подземные скважины.

— Отыщи их.

Молодой адъютант понурил голову:

— Боюсь, государь, что недостаточно хорошо служу вам. Я должен был все это предусмотреть.

— У тебя и без того хватает забот, — улыбнулся Горбен. — Я доволен тобой, но тебе нужна помощь. Возьми Ясуа.

— Как прикажете, — с сомнением ответил Небучад.

— Он тебе не нравится?

— Не в этом дело, государь. Просто он... презирает меня.

Горбен сощурился, но сдержал гнев.

— Скажи, что я велел ему помогать тебе. Ступай.

Дверь закрылась, и Горбен бессильно упал на атласную кушетку.

— Властители небес, — прошептал он, — неужто мое будущее зависит от столь ничтожных слуг? — Его взгляд вновь устремился к морю. — Ты мне нужен, Бодасен. Ах как нужен!

Бодасен стоял на мостике и, прикрыв рукой глаза, вглядывался в горизонт. На палубе матросы чинили пробитый борт, сращивали снасти и закрепляли оторвавшиеся тюки.

— Пираты не замедлят показаться, если они близко, — сказал Милус Бар.

Бодасен кивнул.

— С теми двумя дюжинами людей, что у нас остались, я хотел бы надеяться, что они не покажутся вовсе.

— Жизнь не всегда благосклонна к нашим надеждам, мой вентрийский друг, — хмыкнул капитан. — Я, к примеру, не хотел этой бури — не хотел я также, чтобы моя первая жена уходила, а вторая оставалась. Что ж поделаешь.

— Я вижу, вы не слишком беспокоитесь.

— Я верю в судьбу, Бодасен. Чему быть, того не миновать.

— Сможем ли мы уйти от них?

Милус Бар пожал плечами:

— Зависит от того, с какой стороны они появятся. От ветра. Если сзади, то сможем. На всем океане нет судна быстрее, чем мое «Дитя грома». Если спереди, ближе к западу — тоже возможно. А вот спереди и ближе к востоку — нет. Они нас протаранят. Их преимущество в том, что многие их суда — триремы с тремя рядами весел. Вас, мой друг, удивит скорость, с какой они способны двигаться и таранить корабли.

— Долго ли еще до Капалиса?

— Два дня, а то и три, если ветер ослабнет.

Бодасен спустился на палубу и подошел к Друссу, Зибену и Эскодасу, стоявшим на носу.

— Вы-то нам и нужны, — сказал Друсс. — Мы говорили о Вентрии. Зибен уверяет, что там есть горы, которые достают до луны. Правда это?

— Всей империи я не знаю, но, если верить нашим звездочетам, луна отстоит от земли более чем на четверть миллиона миль — так что вряд ли.

— Восточная премудрость, — фыркнул Зибен. — Один дренайский лучник как-то выстрелил в луну. У него был волшебный лук, называемый Акансин, двенадцати футов длиной. Черная стрела, пущенная им, называлась Пака. Он прикрепил к стреле серебряную нить, взобрался по ней на луну и сидел там, пока луна совершала свой путь вокруг Земли.

— Сказки, — бросил Бодасен.

— Эта повесть хранится в дренайской библиотеке — в разделе «История».

— Это лишь доказывает, сколь ограниченны ваши знания о Вселенной. Неужто вы до сих пор верите, что солнце — золотая колесница, влекомая шестью белыми крылатыми конями? — Бодасен присел на бухту каната. — Верите, что Земля держится на спине слона или еще какого-то животного?

— Нет, не верим, — улыбнулся Зибен, — но не лучше ли было бы верить? В сказках есть своя прелесть. Как-нибудь я сделаю себе большой лук и выстрелю в луну.

— На что мне луна? — сказал Друсс. — Я хочу узнать побольше о Вентрии.

— Согласно переписи, начатой покойным императором пятнадцать лет назад и завершенной только в прошлом году, Великая Империя насчитывает 214 969 квадратных миль, а население ее составляет пятнадцать с половиной миллионов. Если бы всадник отправился в путь вдоль ее границ, все время сменяя резвых лошадей, он вернулся бы к месту, откуда начал, через четыре года.

Удрученный Друсс проглотил комок.

— Неужто земля эта так велика?

— Да, — кивнул Бодасен.

Друсс сощурился.

— Я найду ее, — сказал он наконец.

— Конечно, найдешь. Она уехала с Кабучеком, а он наверняка направляется к себе домой в Эктанис — стало быть, должен причалить в Капалисе. Кабучек — человек известный, главный советник сатрапа Шабага. Найти его не составит труда, если только...

— Если только что?

— Если только Эктанис уже не пал.

— Парус! Парус! — раздался крик с мачты.

Бодасен вскочил, вглядываясь в сверкающее море, и увидел на востоке корабль со свернутыми парусами — три ряда его весел блестели, как крылья.

— К оружию! — крикнул Бодасен, выхватив саблю.

Друсс надел на себя колет и шлем и стал на носу, глядя на скользящую к ним трирему. Даже с такого расстояния он видел на ее палубах вооруженных людей.

— Великолепное судно, — сказал он.

Зибен, стоящий рядом с ним, кивнул:

— Лучшее из лучших. Двести сорок весел. Глянь-ка на его нос!

Над водой сверкнул золотой блик.

— Вижу.

— Это таран, продолжение киля. Он окован закаленной бронзой. С тремя рядами весел, гребущими в полную силу, он способен пробить насквозь самое крепкое судно!

— Так они и поступят с нами? — спросил Друсс.

— Вряд ли. Они захотят ограбить судно. Подойдут поближе, уберут весла и пустят в ход абордажные крючья.

Друсс поднял повыше Снагу и оглянулся. Уцелевшие наемники, облачившись в доспехи, стояли в угрюмом ожидании. Лучники, в том числе и Эскодас, взобрались на ванты и привязались там, готовые к бою. Бодасен в черном панцире стоял на мостике.

«Дитя грома» повернуло на запад и устремилось обратно. Вдали показались еще два паруса.

Зибен выругался.

— Со всеми сразу нам не сладить.

Друсс всмотрелся во вновь замеченное судно:

— Это не трирема. Оно шире, и весел на нем нет. Если мы управимся с триремой, они нас не догонят.

— Так точно, капитан, — хмыкнул Зибен. — Преклоняюсь перед вашим знанием моря.

— Я быстро всему учусь, потому что умею слушать.

— Меня ты не слушаешь никогда. То и дело засыпаешь, когда я говорю.

«Дитя грома» снова повернуло, пытаясь уйти от триремы. Друсс, выругавшись, пробежал по палубе и поднялся к Бодасену и Милусу Бару.

— Что вы делаете? — крикнул он капитану.

— Вон отсюда! — гаркнул Милус.

— Если вы пойдете этим курсом, нам придется драться с тремя судами.

— У нас нет выбора, — вмешался Бодасен. — С триремой нам не справиться.

— Почему? Они ведь тоже люди.

— Их там около сотни, не считая гребцов, а у нас двадцать четыре бойца и несколько матросов. Против такого не поспоришь.

Друсс оглянулся на парусники, идущие с запада:

— А там сколько?

Бодасен развел руками, а Милус Бар, подумав, сказал:

— Больше двухсот на каждом корабле.

— Сможем мы уйти от них?

— Если туман ляжет или если они не догонят нас дотемна.
— Какова возможность того и другого?
— Очень мала.
— Так давайте хотя бы сразимся.
— Как ты себе это представляешь, молодой человек?
— Я не моряк, — улыбнулся Друсс, — но мне сдается, что главное преимущество триремы заключается в веслах. Нельзя ли их сломать?
— Можно, — согласился капитан, — но для этого надо подойти к ним так близко, что они смогут бросить крючья. Тогда нам конец — они ворвутся к нам на борт.
— Или мы к ним! — рявкнул Друсс.
— Ты в своем уме? — рассмеялся Милус.
— Нет, не в своем, но он прав, — сказал Бодасен. — Они травят нас, как волки оленя. Давай сделаем, как он говорит, Милус!
Капитан, посмотрев на обоих воинов, выругался и налег на руль. «Дитя грома» устремилось навстречу тририме.

Его звали Эарин Шад, но никто из команды не пользовался этим именем. В лицо его величали Повелителем Морей, или Великим, а за глаза пускали в ход наашанское прозвище Боджиба — Акула.
Эарин Шад был высок, строен и плечист, шея у него была длинная, глаза отливали перламутром, безгубый рот никогда не улыбался. Никто на борту «Черного ветра» не знал, откуда он родом — знали только, что он пиратствует более двадцати лет. Говорили, что он владеет дворцами на нескольких из Тысячи Островов и богат, как восточный царь, но по нему этого не было видно. Он всегда носил простой панцирь из фигурной бронзы и крылатый шлем, взятый на торговом судне двенадцать лет назад. На боку у него висела сабля с рукоятью из полированного дерева и эфесом из простой меди. Эарин Шад не любил выставляться напоказ.
Он стоял на корме триремы. Мерный бой барабанов понуждал гребцов приналечь на весла, порой свистел бич, обрушиваясь на голую спину нерадивого. Увидев, как торговое судно повернуло им навстречу, капитан сощурился.
— Что это значит? — спросил великан Патек.
— Он увидел корабли Реды и пытается проскочить мимо нас, но это ему не удастся. — Обернувшись к рулевому, беззубому старичку по имени Лума, Эарин Шад увидел, что тот уже меняет курс. — Так держать. Таранить их не станем.

— Есть, Повелитель Морей!

— Крючья готовь! — заревел Патек, и пираты принялись привязывать свернутые кольцом веревки к трехпалым крюкам. — Взгляните-ка. — Патек указал на нос чужого судна. Там стоял человек в черном, вызывающе вскинув над головой обоюдоострый топор. — Ну да всех веревок они нипочем не перерубят.

Эарин Шад, не отвечая, высматривал на палубе торговца женщин. Их там не было, и он помрачнел. Чтобы справиться с разочарованием, он стал вспоминать последний корабль, захваченный три недели назад, и дочь сатрапа, что на нем плыла. Память о ней заставила его облизнуться. Гордая, смелая, красивая. Кнут и пощечины не укротили ее. Даже когда он несколько раз взял ее силой, в ее глазах продолжал гореть убийственный огонь. Горячая была, спору нет. Но он нашел, в чем ее слабость, как всегда находил, — и, как всегда, испытал при этом смесь торжества с разочарованием. Миг победы, когда она клялась служить ему до конца дней и делать все, что он прикажет, был сладок, но потом его охватила печаль, сменившаяся гневом. Он убил ее быстро, разочаровав этим своих людей, но она это заслужила, целых пять дней продержавшись в темном трюме, в обществе черных крыс.

Эарин Шад переступил с ноги на ногу и откашлялся. Не время думать об удовольствиях.

Дверь каюты позади него открылась, послышались мягкие шаги молодого колдуна.

— Добрый день, Повелитель Морей, — сказал Гамара.

Патек отодвинулся, избегая на него смотреть. Эарин Шад кивнул стройному чиадзе.

— Насколько я понимаю, знаки благоприятны?

Гамара изящно простер руки.

— Я не стал расходовать силу, бросая камни, повелитель. Во время бури они потеряли половину людей.

— Уверен ты, что они везут золото?

Гамара осклабился, показав безупречный ряд мелких белых зубов. Как у ребенка, подумал Эарин Шад. Заглянув в темные раскосые глаза чародея, он спросил:

— Сколько?

— Триста шестьдесят тысяч золотых монет. Бодасен собрал их у вентрийских купцов в Машрапуре.

— Ты бы все-таки бросил камни.

— Крови прольется много, — пообещал Гамара. — Ага! Взгляните, повелитель, — акулы, как всегда, следуют за вами. Точно верные собачки.

Эарин Шад не удостоил взглядом серые тела, рассекающие воду мечевидными плавниками.

— Стервятники моря, я не люблю их.

Ветер переменился, и «Дитя грома» заплясало на пенных волнах. На палубах «Черного ветра» десятки воинов присели у правого борта. Предвидя, что добыча, подойдя поближе, повернет и попытается уйти, Эарин Шад отдал приказ Патеку. Тот, перегнувшись через борт, передал команду начальнику гребцов. Весла правого борта тут же поднялись вверх, в то время как сто двадцать гребцов левого продолжали работу. «Черный ветер» развернулся на правый борт.

«Дитя грома» по-прежнему шло ему навстречу, и черный воин с блестящим топором все так же стоял на носу. Эарин Шад внезапно понял свою ошибку и прокричал:

— Суши весла!

— Что такое, повелитель? — изумленно отозвался Патек.

— Суши весла, болван! Они атакуют!

Но было уже поздно. Не успел Патек отдать приказ, как «Дитя грома» ринулось вперед, круша весла носом. Затрещало дерево, раздались вопли рабов, которым тяжелые весла ломали руки, черепа, плечи и ребра.

С триремы метнули крючья, зацепив «Дитя грома» за борт и снасти. В грудь одного пирата вонзилась стрела — он, шатаясь, отступил назад и упал. Пираты тянули за веревки, подтягивая один корабль к другому.

Эарин Шад пришел в бешенство. Половина весел на правом борту переломана, и одни боги ведают, сколько рабов искалечено. Теперь придется хромать до самого порта.

— На абордаж! — взревел капитан.

Корабли столкнулись бортами, и корсары полезли через поручни.

В это время чернобородый вражеский воин прыгнул в самую гущу пиратов. Эарин Шад не верил своим глазам. Воин расшвырял нескольких человек, едва не упав при этом сам, и взмахнул топором. Раздался вопль, брызнула кровь. Топор взвился снова, и корсары отхлынули прочь от одержимого.

Но он бросился на них, врубаясь в ряды. Дальше по борту пираты пытались вторгнуться на торговое судно, встречая яростный отпор дренайских воинов, — в середине же царил полный хаос. Пират, зайдя за спину воина с топором, хотел пырнуть его ножом сзади, но не успел, пораженный стрелой в горло.

Несколько дренаев перескочили к черному воину. Эарин Шад, прокричав ругательство, выхватил саб-

лю и спрыгнул на нижнюю палубу. Он отразил выпад вражеского меча и ответным ударом раскроил противнику лицо от скулы до подбородка. Тот упал, и Эарин Шад вогнал клинок ему в рот.

Юркий дренай в черном панцире и шлеме убил одного из пиратов и атаковал капитана. Тот отразил мощный колющий удар и хотел ответить, но клинок дреная свистнул у самого его лица, и Эарин Шад отскочил. Этот темнокожий оказался большим мастером.

— Ты вентриец? — спросил Эарин Шад, обнажив кинжал.

— Так точно. — Воин, обернувшись как раз вовремя, вспорол живот пирату у себя за спиной и успел отразить удар Эарина Шада. — А зовут меня Бодасен.

Корсары были крепкие ребята, закаленные в боях, привычные к смерти, но они еще не встречались с таким явлением, как этот человек с топором. Зибен видел с мостика «Дитя грома», как они падают под яростным, неустанным натиском Друсса. Несмотря на жару, от этого зрелища Зибена пробрала дрожь. Друсса не мог остановить никто. Рубка на мечах требует большого навыка, но тому, кто орудует тяжелым обоюдоострым топором, мастерства не требуется. Все, что ему нужно, — это сила и натиск, неугасимый азарт боя. Победить Друсса можно было, лишь подставив себя его смертоносным лезвиям. Это означало не просто риск, но верную гибель. Притом Друсс, казалось, обладал шестым чувством. Пираты пытались окружить его, но он каждый раз поворачивался к ним лицом и рубил. Несколько корсаров, побросав оружие, попятились от него прочь. Их он не тронул.

Зибен отыскал глазами Бодасена — тот бился с пиратским капитаном. Их клинки, поблескивающие на солнце, казались хрупкими и бесплотными по сравнению со стихийной мощью Друсса и его топора.

Какой-то великан с железным боевым молотом бросился на Друсса как раз в тот миг, когда Снага увяз в ребрах очередного пирата. Друсс пригнулся и боковым ударом левой двинул великана в челюсть. Когда тот упал, Друсс вытащил Снагу и почти обезглавил нового, полезшего на рожон пирата. Другие дренайские воины подоспели Друссу на помощь, и ошеломленные, сломленные корсары стали отступать.

— Бросьте оружие, — взревел Друсс, — и будете жить!

Пираты колебались недолго — мечи, сабли, кортики и ножи полетели на палубу. Друсс оглянулся и увидел, как Бодасен молниеносным ответным ударом раскроил про-

тивнику горло. Хлынула кровь. Капитан попытался нанести последний удар, но силы изменили ему, и он ничком повалился на палубу.

На мостике появился человек в развевающихся зеленых одеждах, высокий и стройный, с гладко прилизанными волосами. Он вскинул руки, и Зибен заморгал. Поэту показалось, что человек держит в руках два сверкающих медных шара. Но нет, это была не медь — это был огонь!

— Берегись, Друсс! — закричал Зибен.

Чародей простер руки вперед, и огненная струя устремилась к воину. Пламя ударило в серебристые лезвия Снаги, и топор засверкал.

Время для поэта остановилось. В мгновение ока он увидел зрелище, которое потом не мог забыть до конца дней. Как только пламя коснулось топора, над Друссом взмыл демон с чешуйчатой серой кожей, с длинными, мощными когтистыми руками. Пламя отскочило от него и ринулось обратно к колдуну. Одежды чародея вспыхнули, и в груди открылась сквозная дыра, через которую Зибен видел небо. Колдун свалился с палубы, а демон исчез.

— Благая матерь Сирис! — прошептал Зибен и повернулся к Милусу Бару: — Ты это видел?

— Как же! Топор его спас.

— При чем тут топор! Видел ты это существо?

— О чем ты?

Сердце Зибена бешено колотилось. Эскодас слез со снастей и подбежал к нему.

— Что ты видел, когда пламя ударило в Друсса? — вскричал поэт, схватив стрелка за руку.

— Видел, как он отразил огонь топором. Что с тобой такое?

— Да так, ничего.

— Давайте-ка рубить эти веревки, — сказал Эскодас. — Другие корабли приближаются.

Дренайские воины на «Черном ветре» тоже заметили приближение вражеских судов. Они перерубили абордажные концы и перескочили обратно на «Дитя грома». Бодасен и Друсс вернулись последними. Никто не пытался остановить их.

Великан, поверженный Друссом, встал, пошатываясь, на ноги и прыгнул вслед за противником, разметав кучку дренаев.

— Наш бой не окончен, — взревел он. — Выходи!

«Дитя грома» отошло от пиратского судна, и ветер вновь надул его паруса. Друсс бросил Снагу на палубу и повернулся к пирату. Тот, почти на фут выше обагренного кровью Друсса, нанес первый сокрушительный удар правой и

рассек Друссу левую бровь. Друсс стойко выдержал это и ударил снизу по ребрам. Пират зарычал и двинул Друсса в челюсть, заставив пошатнуться, а после осыпал его градом правых и левых ударов. Друсс ответил навесным правым, от которого противник сделал пол-оборота на месте. Новым ударом Друсс свалил великана на колени, отступил назад и мощным пинком едва не поднял его на воздух. Пират обмяк, попытался встать и затих.

— Друсс! Друсс! Друсс! — хором кричали дренаи, пока «Дитя грома» удалялось от пиратских судов. Зибен сел, глядя на своего друга.

«Неудивительно, что с тобой никто не может сладить, — думал он. — Благие небеса, Друсс, ты одержим демоном!»

Друсс устало прошел на правый борт, даже не глядя на пиратские суда, которые отставали все больше и больше. Кровь запеклась у него на лице, ресницы на левом глазу слиплись. Он бросил Снагу на палубу и стянул колет, подставив кожу прохладному бризу.

Эскодас подошел к нему с ведром воды.

— Есть во всей этой кровище твоя доля?

Друсс пожал плечами — ему было все равно. Он снял перчатки, погрузил руки в ведро и поплескал водой на лицо и бороду, а потом опрокинул ведро над головой. Эскодас осмотрел его и обнаружил неглубокую рану от стрелы на плече и порез на боку.

— Ничего серьезного. Сейчас принесу иголку с ниткой.

Друсс не ответил. Его давила усталость, и упадок духа лишал всяких сил. Он думал о Ровене, тихой и ласковой, и о покое, который ощущал рядом с ней. Он положил руки на поручни и опустил на них голову. Позади смеялись — это воины дразнили здоровенного корсара. Ему связали руки за спиной и тыкали его ножами, заставляя прыгать и приплясывать.

Бодасен спустился с мостика.

— Довольно! — крикнул он.

— Мы просто позабавимся малость, а потом кинем его акулам, — сказал жилистый наемник с черной, тронутой проседью бородой.

— Никого вы акулам не кинете, — заявил Бодасен. — Развяжите его.

Люди заворчали, но подчинились, и гигант, потирая ободранные запястья, посмотрел на Друсса. Выражение его лица не поддавалось разгадке. Бодасен увел его в каюту под мостиком.

Вернулся Эскодас и зашил Друссу раны, делая это быстро и умело.

— Как видно, боги на твоей стороне — они одарили тебя удачей.

— Человек сам творит свою удачу.

— Это верно. На Исток надейся, а запасную тетиву держи наготове. Так говаривал мой старый учитель.

— А ведь ты мне здорово помог, — сказал Друсс, вспомнив бой на трireме и стрелу, поразившую пирата у него за спиной.

— Да, недурственный был выстрел. Ну, как ты?

— Лег бы и проспал целую неделю.

— Это в порядке вещей, дружище. Пока ты в бою, кровь у тебя кипит, а потом наступает похмелье. Только поэты об этом не поют. — Эскодас взял тряпку и отмыл колет Друсса от крови. — Ты великий воин, Друсс, — лучший, пожалуй, из всех, кого я знал.

Друсс надел колет, взял Снагу, пошел на нос и улегся между двумя тюками.

Меньше чем через час его разбудил Бодасен. Друсс открыл глаза и увидел вентрийца на фоне заходящего солнца.

— Надо поговорить, друг, — сказал Бодасен, и Друсс сел. Шов на боку натянулся, заставив его выругаться.

— Я устал. Давайте покороче.

— Я говорил с пиратом. Его зовут Патек...

— Плевать мне, как его зовут.

Бодасен вздохнул:

— В обмен на сведения о числе корсарских судов я пообещал дать ему свободу, когда мы придем в Капалис. Поручился своим словом.

— А мне-то что до этого?

— Я хотел бы, чтобы ты тоже дал слово не убивать его.

— На кой мне его убивать?

— Тогда дай слово.

Друсс посмотрел в темные глаза вентрийца.

— Тут есть еще что-то — что-то, о чем вы умалчиваете.

— Да, есть. Дай слово, что не нарушишь мое обещание Патеку, и я расскажу.

— Ладно. Я не стану его убивать. Теперь говорите и дайте мне поспать немного.

Бодасен собрался с духом.

— Эта трireма зовется «Черный ветер». Командовал ею Эарин Шад, крупный корсарский главарь... король, если хочешь. Они уже несколько месяцев прочесывают эти воды. Один из кораблей, который они ограбили, был... — Бодасен об-

лизнул губы. — Друсс, мне очень жаль. Они потопили корабль Кабучека, а всех, кто был на борту, бросили акулам. В живых не осталось никого.

Друсс сидел тихо, не испытывая ни малейшего гнева.

— Хотел бы я что-нибудь сказать или сделать, чтобы уменьшить твою боль. Я знаю — ты любил ее.

— Оставьте меня. Оставьте меня одного.

Глава 5

Весть о горе, постигшем могучего Друсса, скоро разошлась по кораблю. Многие не могли понять всей глубины его страданий, поскольку не знали, что такое любовь, но перемену в нем заметили все. Он сидел на носу корабля и глядел на море, не выпуская из рук своего топора. К себе он допускал только одного Зибена, да и тот не оставался с ним надолго.

В оставшиеся три дня плавания на корабле почти не смеялись — присутствие Друсса подавляло всех. Огромный пират Патек держался от него как можно дальше, почти все время проводя на мостике.

Утром четвертого дня вдали показались башни Капалиса, сияя на солнце белым мрамором. Зибен подошел к Друссу:

— Милус Бар намерен взять груз пряностей и пуститься в обратный путь. Может, останемся?

— Я не поеду обратно.

— Но ведь нам больше нечего делать здесь.

— Тут есть враг.

— Какой еще враг?

— Наашаниты.

— Не понимаю. Ты никого из них и в глаза-то не видел.

— Они убили мою Ровену и поплатятся за это.

Зибен хотел уже ввязаться в спор, но сдержался. Наашаниты перетянули пиратов на свою сторону — стало быть, в глазах Друсса они виновны. Разве вобьешь Друссу в голову, что настоящий виновник, Эарин Шад, уже мертв? В своем горе Друсс никого не станет слушать. Глаза у него холодные, почти безжизненные, и он держится за топор, как за единственного своего друга.

— Должно быть, она была необыкновенная женщина, — сказал Эскодас, стоя рядом с Зибеном у левого борта, пока «Дитя грома» входило в гавань.

— Я ни разу ее не видел, но он говорит о ней с благоговением.

Эскодас кивнул:

— А грузчиков в гавани нет — одни солдаты. Город, наверное, осажден.

С того конца пристани к ним двигалась колонна солдат в черных с серебром латах. Впереди шагал высокий, широкоплечий вельможа.

— Как видно, это Горбен, — сказал Зибен, — вышагивает так, будто весь мир принадлежит ему.

— Больше не принадлежит, — хмыкнул Эскодас, — но парень хорош, спору нет.

Император, одетый в простой черный плащ поверх неприметного панциря, тем не менее привлекал к себе внимание подобно сказочному герою. Люди бросали работу при его приближении, а Бодасен спрыгнул на пристань, не дожидаясь, когда корабль причалит, и бросился ему в объятия. Император похлопал его по спине и расцеловал в обе щеки.

— Вот это дружба, — сухо заметил Эскодас.

— Странные обычаи встречаются в чужих краях, — усмехнулся Зибен.

Спустили сходни, и взвод солдат, взойдя на палубу, стал выносить оттуда тяжелые, окованные бронзой дубовые сундуки.

— Небось золото, — шепнул Эскодас, и Зибен кивнул.

С судна вынесли двадцать сундуков, и только тогда дренаям позволили сойти на берег. Зибен спустился по сходням вслед за лучником. Как только поэт ступил на землю, она вздыбилась под ним, и он чуть не упал.

— Что это — землетрясение? — спросил он у Эскодаса.

— Нет, дружище, просто ты так привык к корабельной качке, что по твердой земле ходить не можешь. Но это пройдет быстро.

Друсс присоединился к ним. Бодасен с императором вышли вперед.

— Вот, государь, тот воин, о котором я говорил, — Друсс с топором. Он победил пиратов, можно сказать, в одиночку.

— Хотел бы я на это посмотреть, — сказал Горбен. — Но у тебя еще будет случай показать себя. Враг стоит лагерем вокруг города и уже начал штурмовать крепость.

Друсс промолчал, но император этого как будто и не заметил.

— Можно посмотреть твой топор? — спросил он. Друсс подал монарху свое оружие, и тот поднес лезвие к самым глазам. — Великолепная работа. Ни щербинки, ни следа ржавчины — как новенький. Превосходная сталь. — Горбен осмотрел черное топорище с серебряными рунами. — Это старинное оружие — оно видело много смертей.

— И увидит еще больше, — низким рокочущим голосом ответил Друсс.

Зибена пробрала дрожь, когда он это услышал.

Горбен с улыбкой вернул Друссу топор и сказал Бодасену:

— Когда разместишь своих людей, найдешь меня в здании совета. — С этими словами император удалился.

Бодасен, белый от гнева, сказал:

— Императору нужно низко кланяться. Что за неуважение!

— Мы, дренаи, не научены раболепству, — ответил Зибен.

— В Вентрии за столь пренебрежительные манеры вспарывают живот.

— Ничего, научимся еще, — не смутился Зибен.

— Очень на это надеюсь, — улыбнулся Бодасен. — Обычаи здесь не те, что в Дренае. Император — хороший человек, просто замечательный, но он должен блюсти дисциплину и впредь такого поведения не потерпит.

Дренаев разместили в центре города — всех, кроме Друсса и Зибена, которые не были связаны обязательством сражаться за Вентрию. Их Бодасен отвел в покинутую гостиницу и велел выбирать любые комнаты. Еду, сказал он, можно брать в одной из двух городских казарм, притом в городе еще открыты немногочисленные лавки и лотки.

— Хочешь посмотреть город? — спросил Зибен, когда вентриец ушел.

Друсс, сидевший на узкой койке, будто и не слышал вопроса. Поэт сел рядом с ним и произнес осторожно:

— Что ты ощущаешь?

— Пустоту.

— Все люди смертны, Друсс, — даже мы с тобой. Это не наша вина.

— Мне нет дела, чья тут вина. Просто я все время думаю о нашей жизни в горах. Все еще чувствую ее руку в своей. Все еще слышу... — Друсс умолк, покраснев и крепко стиснув зубы. — Ты о чем-то спрашивал меня?

— Предлагал пройтись по городу.

— Ладно, пошли. — Друсс взял топор и направился к двери.

Гостиница стояла на Винной улице. Бодасен объяснил им, что в какой стороне находится, и они без труда находили дорогу. Улицы здесь были широкие, а вывески писались на нескольких языках, в том числе и на западном. Здания, выстроенные из белого и серого камня, порой насчитывали более четырех этажей. Путникам встречались сверкающие башни, дворцы с купольными кровлями, сады и усаженные деревьями проспекты. Повсюду пахло жасмином и розами.

— Красиво тут, — заметил Зибен. Они прошли мимо полупустых казарм и направились к восточной городской стене. Даже отсюда был слышен звон клинков и тонкие крики раненых. — Я, пожалуй, уже достаточно нагляделся, — сказал, останавливаясь, Зибен.

— Дело твое, — с холодной улыбкой ответил Друсс.

— Там позади остался храм, который я хотел бы посмотреть. Знаешь, тот, с белыми конями.

— Да, помню.

Они вернулись к большой площади, где стоял увенчанный куполом храм. Вокруг купола были расставлены двенадцать искусно изваянных статуй ставших на дыбы лошадей, в три раза больше натуральной величины. Входом служила огромная арка с раскрытыми дверьми из полированной меди и серебра. Путники вошли внутрь. В куполе было семь цветных окон, и лучи света из них скрещивались на высоком алтаре. На скамьях, по оценке Зибена, могла бы разместиться тысяча человек. Взглянув на алтарь, он увидел там золотой, украшенный драгоценностями охотничий рог. Поэт устремился туда.

— Эта вещь стоит целое состояние.

— О нет, — ответил чей-то низкий голос, — он не имеет цены.

Зибен оглянулся и увидел жреца в одеждах из серой шерсти, вышитых серебром. Жрец был высок, а бритая голова и длинный нос делали его похожим на птицу.

— Добро пожаловать в святилище Паштара Сена.

— Должно быть, здешние горожане очень добродетельный народ, — молвил Зибен. — Этот рог мог бы сделать человека богачом.

— Не совсем так, — с легкой улыбкой ответил жрец. — Возьми его в руки!

Зибен повиновался, но его пальцы встретили воздух. Золотой рог, столь весомый на вид, был всего лишь образом.

— Невероятно! — прошептал поэт. — Как это возможно?

— Паштар Сен сотворил это чудо тысячу лет назад. Он был поэт и ученый, но также и воин. По преданию, этот рог вручила ему богиня Сирис в награду за его доблесть. Паштар Сен поместил его здесь — и как только он выпустил рог из руки, тот стал таким, как вы видите.

— И для чего же служит этот рог?

— Он имеет целебные свойства. Бесплодные женщины будто бы излечиваются, если лягут на алтарь поверх рога. Тому были примеры. Говорят также, что раз в десять лет рог становится осязаемым и тогда способен вернуть человека из царства смерти либо вознести его дух к звездам.

— Ты когда-нибудь наблюдал это?

— Нет, хотя служу здесь уже тридцать семь лет.

— Чудеса. Как окончил свои дни Паштар Сен?

— Он отказался сражаться за императора, и тот посадил его на железный кол.

— Не слишком хороший конец.

— Да, но он был человеком твердых убеждений и полагал, что император не прав. Вы приехали, чтобы сражаться за Вентрию?

— Нет, мы просто путешествуем.

Жрец повернулся к Друссу:

— Твои мысли далеки отсюда, сын мой. Тебя что-то гнетет?

— Его постигло большое горе, — поспешно ответил Зибен.

— Он потерял любимую? Да, понимаю. Хочешь поговорить с ней, сын мой?

— О чем ты? — проворчал Друсс.

— Я мог бы вызвать ее дух, и ты обрел бы покой.

— Ты правда это можешь? — шагнул к нему Друсс.

— Попытаюсь. Следуйте за мной. — Жрец прошел сквозь заднюю половину храма и провел их по узкому коридору в маленькую каморку без окон. — Оружие вы должны оставить снаружи.

Друсс прислонил Снагу к стене, а Зибен повесил перевязь с ножами на топорище. В каморке стояли два стула, один против другого. Жрец сел и пригласил Друсса занять другой стул.

— Это место покоя и гармонии. Здесь не произносят грубых слов — здесь молятся и мыслят о хорошем. Так ведется уже тысячу лет. Прошу вас помнить об этом, что бы ни случилось. А теперь дай мне руку.

Жрец взял руку Друсса и спросил, кого тот желает вызвать.

Друсс сказал.

— А твое имя, сын мой?

— Друсс.

Жрец смочил языком губы и несколько минут просидел с закрытыми глазами, а после заговорил:

— Взываю к тебе, Ровена, дитя гор. Взываю к тебе от имени Друсса. Взываю к тебе через просторы небес и через земные долины. Приди, где бы ты ни была — в темных глубинах земного океана или в бесплодных пустынях ада.

Сначала не произошло ничего — потом жрец вскрикнул и обмяк на стуле, уронив голову на грудь.

Рот его открылся и произнес:

— Друсс! — Голос был женский, и Зибен вздрогнул, а с лица Друсса исчезли все краски.

— Ровена!

— Я люблю тебя, Друсс. Где ты?

— В Вентрии. Я приехал за тобой.

— Я здесь и жду тебя. Ах нет, все исчезает... Друсс, ты слышишь меня?

— Ровена! — закричал Друсс, вскочив на ноги.

Жрец вздрогнул и очнулся.

— Прости, — сказал он. — Я не нашел ее.

— Я говорил с ней. — Друсс рывком поднял жреца на ноги. — Верни ее!

— Не могу. Здесь никого не было! Она не пришла!

— Друсс, пусти его! — вскричал Зибен, схватив друга за руку.

Друсс отпустил жреца и вышел вон.

— Не понимаю, — прошептал жрец. — Никого ведь не было!

— Ты говорил женским голосом — и Друсс его узнал.

— Это очень странно, сын мой. Когда я говорю с умершими, я всегда слышу их слова, а теперь я точно спал.

— Ладно, не волнуйся. — Зибен стал рыться в кошельке, ища серебряную монетку.

— Денег я не возьму, — с застенчивой улыбкой сказал жрец. — Однако я обеспокоен и хотел бы понять, что произошло.

— Друсс тоже хотел бы, я уверен.

Друсс стоял у алтаря, пытаясь схватить золотой рог. Он сосредоточился, мышцы его напряглись.

— Что ты делаешь? — осторожно спросил Зибен.

— Жрец сказал, что он способен возвращать мертвых.

— Да нет же, дружище. Это всего лишь легенда. Пойдем отсюда. Отыщем где-нибудь таверну и выпьем.

Друсс грохнул кулаком по алтарю, но золотой рог остался на месте.

— Не хочу я пить! Хорошая драка — вот что мне нужно. — Он схватил топор и ринулся вон из храма.

К Зибену подошел жрец.

— Боюсь, мои благие намерения пропали втуне.

— Ничего, отец, он переживет. Скажи, что тебе известно об одержимых демоном?

— Слишком много и слишком мало. Ты думаешь, что тобой владеет демон?

— Не мной, Друссом.

Жрец покачал головой:

— Будь это так, я почувствовал бы, когда коснулся его руки. Нет, твой друг сам себе господин.

Зибен присел на скамью и рассказал жрецу обо всем, что видел на палубе корсарской триремы. Жрец выслушал его и спросил:

— Как к нему попал этот топор?

— По наследству, насколько мне известно.

— Если демон и существует, сын мой, он, полагаю, прячется в топоре. На старинное оружие часто накладывали чары, чтобы придать его владельцу сил или хитрости. Иные клинки способны даже врачевать раны — так говорят. Приглядись к его топору.

— Если оно даже и так, то ведь в бою это Друссу только на пользу?

— Если бы, — покачал головой жрец. — Зло существует не затем, чтобы служить, но затем, чтобы властвовать. Если в топоре сидит демон, у него должна быть история — темная история. Расспроси Друсса. Когда ты услышишь историю топора и его хозяев, ты поймешь мои слова.

Зибен поблагодарил жреца и покинул храм. Друсса нигде не было, и поэт не имел желания приближаться к городской стене. Идя по опустевшему городу, он вдруг услышал звуки музыки. Заглянув за решетчатую калитку, он увидел в саду трех женщин. Одна играла на лире, две другие пели нежную любовную песню. Зибен вошел в сад и сказал:

— Добрый день, прекрасные дамы. — При этом он пустил в ход самую обольстительную свою улыбку. Музыка оборвалась, и все три уставились на него. Они были совсем юны и очень красивы — старшей, на взгляд Зибена, не больше семнадцати. Глаза и волосы у нее были темные, губки пухлые. Младшие, чуть меньше ее ростом, были светловолосы и голубоглазы. На них были платья из блестящего атласа — на старшей голубое, на младших белые.

— Вы пришли к нашему брату, сударь? — спросила темненькая, вставая со скамьи и кладя на нее лиру.

— Нет, меня привлекли сюда ваша сладостная музыка и нежные голоса. Я чужестранец, поклонник красоты, и могу лишь благодарить судьбу за прекрасное видение, которое здесь узрел.

Младшие рассмеялись, а старшая лишь улыбнулась уголком губ.

— Красивые слова, сударь, гладко сказанные и, несомненно, вызученные назубок. Они точно затупившееся оружие, много раз бывавшее в деле.

Зибен поклонился.

— Вы правы, госпожа моя, я имел честь и удовольствие замечать красоту везде, где бы ни находил ее, воздавать ей должное и преклонять перед ней колено, но это не делает мои слова менее искренними.

Девушка улыбнулась более открыто, а потом и рассмеялась.

— Вы негодник, сударь, и большой повеса, и в былые времена я велела бы слугам вытолкать вас вон. Но раз уж у нас война и развлечься совершенно нечем, оставайтесь — но лишь до тех пор, пока будете нас веселить.

— Готов служить вам чем могу, прекрасная госпожа, — и словом, и делом. — Она не покраснела при этих словах, хотя младшие залились краской, и Зибену это понравилось.

— Пообещать можно что угодно, сударь, но, думаю, у вас поубавится хвастовства, если вы узнаете, как развлекались мы в недавнем прошлом.

Настал черед Зибена посмеяться.

— Если вы скажете мне, что к вам являлся Азраль, принц небесный, и унюсил вас в Чертоги Бесконечного Разнообразия, то я, быть может, и призадумаюсь слегка.

— Об этой книге нельзя упоминать в приличном обществе, — упрекнула она.

Он поднес к губам ее руку, повернул и поцеловал в ладонь.

— Отчего же? Это очень полезная книга — она, словно фонарь, освещает все потайные места. Она снимает покровы и ведет нас по тропе удовольствий. Для новичков — для новичков в любви я рекомендую шестнадцатую главу.

— Меня зовут Аша, и надеюсь, что ваши дела не уступят речам, ибо я не люблю разочарований.

— Ты грезишь, Патаи, — сказал Пудри. Ровена открыла глаза и вновь увидела себя при свете дня на берегу озера.

— Не знаю, что случилось со мной. Точно мою душу увлекли прочь из тела. Я оказалась в какой-то комнате, а напротив меня сидел Друсс.

— Печаль порождает видения, дающие надежду.

— Нет, это было взаправду, но нить ослабла, и я вернулась назад, не успев ему сказать, где я.

Пудри погладил ее руку.

— Быть может, это случится снова, но теперь ты не должна отвлекаться. Хозяин принимает у себя великого сатрапа Шабага. Сатрап намеревается возглавить осаждающие Капалис войска — постарайся, чтобы твои предсказания были благоприятными.

— Я могу говорить только правду.

— Правд много, Патаи. Положим, некоему человеку остается жить всего два дня, но за это время ему суждено встретить большую любовь. Пророчица, которая скажет ему, что он скоро умрет, причинит ему великое горе — но это будет правда. Пророчица, которая скажет, что его ждет любовь, тоже скажет правду, но доставит обреченному радость.

— Ты очень мудр, Пудри, — улыбнулась Ровена.

— Я стар, Ровена, только и всего.

— Ты впервые назвал меня моим настоящим именем.

— У тебя красивое имя, но и Патаи не хуже — оно означает «нежная голубка». А теперь нам пора в святилище. Рассказать тебе что-нибудь о Шабаге? Вдруг это поможет твоему дару?

— Нет, не надо, — вздохнула она. — Что я увижу, то и увижу, но буду помнить твой совет.

Рука об руку они вошли во дворец и двинулись по устланному ковром коридору, мимо ведущей наверх лестницы. В нишах по обеим стенам стояли мраморные статуи и бюсты, потолок был расписан сценами из вентрийских книг, и архитрав украшен золотым листом.

Недалеко от святилища из боковой двери вышел высокий воин. Ровена ахнула, потому что в первый миг приняла его за Друсса. Те же широкие плечи и торчащая вперед челюсть, а глаза под густыми бровями ярко-голубые. Он улыбнулся и отвесил ей поклон.

— Это Мишанек, Патаи, — первый боец наашанского императора, славный воин и всеми уважаемый офицер. — Пудри, в свою очередь, поклонился ему. — А это госпожа Ровена, гостья господина Кабучека.

— Я слышал о вас, госпожа, — сказал Мишанек низким, звучным голосом, поднеся ее руку к губам. — Вы спасли купца от акул — нешуточное дело. Теперь я увидел вас и понял, что даже акула не осмелилась бы покуситься на вашу красоту.

— Не выпуская ее руки, он придвинулся поближе. — Не предскажете ли мне судьбу?

У нее пересохло в горле, но она не отвела глаз.

— Вы... вы достигнете того, к чему больше всего стремитесь, и самая большая ваша надежда осуществится.

— Вот как? — с явным недоверием молвил он. — То же самое мог бы мне сказать любой уличный шарлатан. Как я умру?

— Футах в пятидесяти от места, где мы стоим сейчас. Во дворе. Я вижу, как солдаты в черных плащах и шлемах штурмуют стену. Вы соберете своих людей для последнего противостояния. Рядом с вами будут ваш младший брат и ваш кузен.

— И когда же это случится?

— В первую годовщину вашей свадьбы.

— А как зовут мою невесту?

— Этого я вам не скажу.

— Мы должны идти, господин, — поспешно ввернул Пудри. — Господа Кабучек и Шабаг ждут нас.

— Да, разумеется. Рад был познакомиться с вами, Ровена. Надеюсь, мы еще встретимся.

Ровена, не отвечая, последовала за Пудри.

В сумерках враг отступил, и Друсс с удивлением увидел, что вентрийцы спускаются со стены и уходят в город.

— Что они делают? — спросил он воина рядом с собой.

Тот снял шлем и вытер пот с лица.

— Идут поесть и отдохнуть.

Друсс оглядел стену. На ней осталась малая горстка людей, да и те сидели спиной к неприятелю.

— А что, если враг опять атакует?

— Ну нет. Это была четвертая.

— Четвертая? — недоуменно повторил Друсс.

Воин, человек средних лет, круглолицый, с проницательными голубыми глазами, усмехнулся.

— Вижу, в военном деле ты не знаток. Это твоя первая осада?

Друсс кивнул.

— Существует устав. За сутки армия может предпринять самое большее четыре атаки.

— А почему только четыре?

Солдат пожал плечами:

— Я давно уж не заглядывал в книгу, но, сколько мне помнится, все дело тут в боевом духе. Зан Цу в своем «Искусстве воевать» объясняет, что после четырех атак наступательный дух войска может смениться отчаянием.

— Они не испытали бы особого отчаяния, если бы пошли на приступ сейчас — или ночью, — заметил Друсс.

— Но они не пойдут, — медленно и терпеливо, словно ребенку, повторил солдат. — Если б они собирались атаковать ночью, то днем бы ходили на штурм только три раза.

— Значит, эти правила записаны в книге?

— Да. В мудрейшем труде чиадзийского полководца.

— И вы оставляете стену на ночь почти без всякой защиты, потому что так сказано в книге?

— Не просто в книге, — засмеялся солдат, — а в уставе боевых действий. Вот пойдем со мной в казарму, и я объясню тебе все по порядку.

По дороге солдат, Оликвар, рассказал Друссу, что служит в вентрийской армии больше двадцати лет.

— Даже в офицерах довелось побывать во время Опалового похода. Нас тогда здорово поубавилось, вот мне и дали под начало сорок человек. Ненадолго, правда. Генерал предлагал меня произвести в офицеры, но у меня не было средств на доспехи — тем дело и кончилось. Опять я стал солдатом. Но мне и тут неплохо. Мы все приятели, и два раза в день дают хорошую кормежку.

— А почему ты не смог купить доспехи? Разве офицерам не платят жалованья?

— Как же, платят — одну дишу в день. Это половина того, что я сейчас зарабатываю.

— Офицерам платят меньше, чем солдатам? Глупость какая.

— А вот и нет. При таком порядке офицерами могут стать только богачи — либо дворяне, либо купеческие сыновья, желающие получить дворянство. Вот власть и сохраняется за благородным сословием. Ты, парень, откуда сам будешь?

— Я дренай.

— А, да. Я у вас никогда не бывал, но мне говорили, что Скельнские горы очень красивы. Зеленые и плодородные, прямо как Саурабские. Я скучаю по горам.

Друсс и Оликвар поели в Западной казарме говядины с диким луком, и Друсс пошел к себе в гостиницу. Стояла тихая безоблачная ночь, призрачно-белые дома при луне отливали матовым серебром.

Зибена в комнате не было, и Друсс сел у окна, глядя на гавань, где волны походили на расплавленный чугун. Он помогал отражать три атаки из четырех. Враги в красных плащах, в шлемах с белыми лошадиными плюмажами бежали к стене с лестницами. Защитники швыряли в них камни и поливали их стрелами, но они упорно продвигались

вперед. Первых, кто взбирался на стену, кололи копьями и рубили мечами, но самые доблестные все же прорывались наверх, где и погибали. Где-то в середине второй атаки вдоль стены прокатился грохот, подобный рукотворному грому.

«Таран, — пояснил Друссу соседний с ним солдат. — Да только ничего у них не выйдет — ворота окованы железом и медью».

Откинувшись на спинку стула, Друсс посмотрел на Снагу. Днем топор служил ему в основном для того, чтобы отталкивать лестницы, сбрасывать врагов на камни вниз. Лишь дважды Снага обагрился кровью. Друсс погладил его черное топорище, вспомнив двух убитых — безбородого верзилу и чернявого пузана в железном шлеме. Первому Снага раздробил деревянный панцирь, второму расколол шлем надвое. Друсс провел большим пальцем по острию — ни зазубринки, ни щербинки.

Зибен явился около полуночи. Глаза у него были красные, и он постоянно зевал.

— Что ты делал весь день? — спросил Друсс.

Поэт улыбнулся:

— Я завел себе новых друзей. — Он стянул сапоги и повалился на кровать.

Друсс понюхал воздух.

— Пахнет от тебя так, точно ты валялся в цветочной клумбе.

— На ложе из цветов. Да, можно и так сказать.

— Ладно, замнем, — нахмурился Друсс. — Известно тебе что-нибудь о правилах военных действий?

— *Мои* правила мне известны досконально, но ты, наверное, говоришь о вентрийских? — Зибен спустил ноги с кровати и сел. — Я устал, Друсс, так что давай покороче. У меня утром встреча, и я должен восстановить силы.

Друсс не обратил внимания на нарочитый зевок Зибена.

— Я видел сегодня сотни раненых и десятки убитых. Но теперь, когда на стене осталось всего несколько человек, враг сидит и дожидается рассвета. Неужто в этой войне никто не хочет победить?

— В конце концов кто-нибудь да победит. Это древняя страна, Друсс, — она воюет уже несколько тысячелетий. Осада продлится еще несколько недель или месяцев, и каждый день противники будут подсчитывать свои потери. В один прекрасный день, если ничего из ряда вон не случится, какая-нибудь из сторон предложит врагу свои условия.

— Какие такие условия?

— Если осаждающие сочтут, что не смогут одержать победу, они снимут осаду. Если защитники придут к тому же выводу, они сдадутся.

— А Горбен?

Зибен пожал плечами:

— Его люди либо убьют его, либо предадут наашанитам.

— Боги! Неужто этим вентрийцам неведомо, что такое честь?

— Очень даже ведомо, но большинство солдат — наемники из восточных племен. Они служат тому, кто больше платит.

— Если они тут воюют строго по правилам, зачем тогда жители покинули город? Почему бы им просто не дождаться, чем дело кончится, и не покориться победителю?

— Жителей в лучшем случае уведут в рабство, а в худшем перебьют. Правила правилами, но нравы здесь жестокие.

— Может ли Горбен победить?

— Не похоже на то, но ему может и посчастливиться. В Вентрии исход сражения часто решает поединок между первыми бойцами, но это происходит лишь в том случае, когда силы равны и в каждом стане есть боец, которого свои считают непобедимым. Здесь этого не будет, поскольку Горбен сильно уступает врагу числом. Но теперь, когда Бодасен привез ему золото, он может подослать лазутчиков во вражеский лагерь, и они будут подкупать солдат, чтобы те перебегали к нему. Вряд ли из этого выйдет толк, однако кто знает.

— Откуда ты все это взял?

— Я провел весьма познавательный день с принцессой Ашей — сестрой Горбена.

— Что? — вспылил Друсс. — Ты в своем уме? Или то, что случилось в Машрапуре, ничему тебя не научило? Дня не прошло, а ты уже снюхался с бабой!

— Не снюхался, а предался любви, — отрезал Зибен. — И это касается только меня.

— Верно. Когда тебе вспорют живот или посадят тебя на кол, я тебе об этом напомню.

— Ах, Друсс! — Зибен снова плюхнулся на кровать. — Есть вещи, ради которых стоит умереть. Притом она такая красавица — человека может постигнуть и худшая участь, чем женитьба на ней.

Друсс отвернулся к окну, и Зибен тут же спохватился.

— Прости, дружище, я не подумал. — Он подошел к Друссу и положил руку ему на плечо. — Жаль, что у жреца ничего не вышло.

— Это был ее голос. — Друсс сглотнул и с трудом поборол свои чувства. — Она сказала, что ждет меня.

Я потому и пошел на стену — думал, может, меня убьют, и мы снова будем вместе. Но достойного противника мне не нашлось... да и не найдется, а сделать это самому мне духу не хватает.

— И хорошо, Друсс. Ровена этого не одобрила бы. Ей хочется, чтобы ты был счастлив, чтобы ты снова женился.

— Никогда!

— Да ведь тебе еще и двадцати нет, а женщин на свете много.

— Таких, как она, больше нет. Но она ушла, и я не стану говорить о ней. Я ношу ее здесь, — Друсс коснулся груди, — и никогда не забуду. Поговорим опять о том, как воюют на Востоке.

Зибен взял с полки у окна глиняную чашу, сдул с нее пыль, наполнил водой и выпил единым духом.

— Боги, экая мерзость! Ну ладно. Что еще ты хочешь знать?

— Я понял — больше четырех атак в сутки предпринимать нельзя. Но почему они штурмуют только одну стену? При своей численности они могли бы окружить город и ударить сразу со всех сторон.

— Они это сделают, Друсс, но не в первый же месяц. Сейчас идет испытательный срок. Сначала нужно приучить к бою новобранцев, потом они подтянут осадные машины — это уж на втором месяце. Потом скорее всего баллисты примутся кидать каменные глыбы через стену. Если и это к концу месяца не принесет успеха, они пошлют вперед саперов и начнут подкапываться под стену.

— А каковы правила для осажденных?

— Не понимаю, о чем ты.

— Ну, допустим, мы вздумаем напасть на них. Можно это делать бóльше четырех раз в сутки? Или, скажем, ночью? Каковы правила?

— Дело тут не в правилах, Друсс, а в здравом смысле. У врага людей чуть ли не в двадцать раз больше, чем у Горбена. Если Горбен атакует, его сотрут в порошок.

Друсс кивнул, поразмыслил и наконец сказал:

— Попрошу у Оликвара его книгу. Ты мне ее почитаешь — может, я что и пойму.

— Может, ляжем наконец спать?

Друсс, не снимая ни сапог, ни колета, лег на вторую кровать, уложив рядом Снагу.

— Зачем он тебе, пока ты спишь?

— Мне так спокойнее, — сказал Друсс, закрывая глаза.

— Где ты, собственно, его взял?

— Он принадлежал моему деду.

— Наверное, твой дед был герой? — с надеждой спросил Зибен.

— Нет, полоумный убийца.

— Прекрасно, — сказал Зибен, ложась. — Утешительно знать, что в черный день ты всегда можешь вернуться к семейному промыслу.

Глава 6

Горбен следил в зеркале, как слуга Мушран бреет ему подбородок.

— Чего ты так смотришь, старик?

— Устал ты, мой мальчик. Глаза красные, и под ними круги.

— Дождусь ли я того дня, когда ты назовешь меня «государь» или «мой император»? Я только этой надеждой и жив, Мушран.

— Это пусть другие величают тебя государем-императором. Пусть бухаются на колени и стучат лбом об пол. А я, глядя на тебя, вижу мальчика, который был прежде мужчины, и младенца, который был прежде мальчика. Я готовил тебе еду и вытирал тебе задницу. Стар я стал, чтобы стукаться моей бедной головой об пол всякий раз, как ты входишь в комнату. И не старайся переменить разговор — тебе надо побольше отдыхать.

— Быть может, от твоего внимания не ушло, что мы уже месяц находимся в осаде? Люди должны видеть меня в бою, иначе они лишатся мужества. Кроме того, надо заниматься провизией, расчетом порций — да мало ли чем еще. Растяни сутки еще на несколько часов, и я отдохну.

— Тебе не лишние часы нужны, а толковые помощники, — пробурчал старик, вытирая бритву. — Небучад хороший парень, да медленно соображает. А уж Ясуа... — Мушран поднял глаза к потолку. — Убивать он горазд, но мозги у него помещаются...

— Ну, довольно, — беззлобно оборвал его Горбен. — Если бы мои офицеры знали, как ты о них отзываешься, они подкараулили бы тебя в переулке и отколотили до смерти. А о Бодасене что скажешь?

— Он среди них лучший, но этим, если по правде, не так уж много сказано.

Горбен не имел возможности ответить — бритва спустилась к его горлу и начала медленное восхождение вдоль челюсти к углу рта.

— Ну вот! — гордо объявил Мушран. — Теперь ты по крайней мере похож на императора.

Горбен подошел к окну. Шла четвертая за день атака. Он знал, что она будет отбита, но видел при этом, как подтягивают к стене огромные осадные башни для завтрашнего дня. Он представлял себе, как сотни воинов устанавливают их на место, как падают на стену массивные боевые мостки и наашаниты с громким кличем несутся по ним. Наашаниты? Как бы не так, с горьким смехом сказал он себе. Две трети «вражеских» солдат — вентрийцы, люди Шабага, одного из сатрапов-изменников. Стыдно сказать — вентрийцы убивают вентрийцев, и ради чего? Сколько можно Шабагу еще богатеть? В скольких дворцах можно жить одновременно? Отец Горбена был слабый человек и плохо разбирался в людях, но при всем при том заботился о своем народе. В каждом городе имелся университет, построенный за казенный счет. Были училища, где способнейшие школяры обучались медицине под опекой лучших вентрийских травознатцев. Были школы, больницы и сеть дорог, не имеющая себе равных на континенте. Но величайшим достижением покойного монарха были конные гонцы, способные доставить послание из одного конца империи в другой менее чем за дюжину недель. Если одну из сатрапий постигало стихийное бедствие — чума, голод или потоп, — помощь прибывала почти незамедлительно.

Теперь города империи захвачены либо осаждены, число погибших достигло устрашающей величины, университеты закрыты, и война уничтожает все, чего добился отец. Горбен, великим усилием подавив гнев, стал размышлять о задачах, стоящих перед ним в Капалисе.

Завтра настанет решающий день осады. Если защитники выстоят, противник падет духом. Если же нет... «Тогда нам крышка», — с угрюмой улыбкой подумал Горбен. Шабаг протащит его в цепях перед наашанским императором.

— Никогда не поддавайся отчаянию, — сказал Мушран. — Пользы это тебе не принесет.

— Ты читаешь мысли получше всякого провидца.

— Не мысли, а лица. Сделай другую мину, и я впущу Бодасена.

— Когда он прибыл?

— Час назад. Я велел ему подождать — тебе надо было побриться и отдохнуть.

— В прошлой жизни ты, вероятно, был примерной матерью.

Мушран засмеялся, вышел и вернулся вместе с Бодасеном.

— Генерал Бодасен, государь мой император, — с низким поклоном доложил он. Потом удалился, пятясь задом, и закрыл за собой дверь.

— Не знаю, как вы его терпите, государь! — воскликнул Бодасен. — Его наглости нет предела.

— Вы хотели меня видеть, генерал?

Бодасен вытянулся в струнку.

— Да, мой повелитель. Ночью ко мне приходил Друсс — у него есть план относительно осадных башен.

— Говори.

Бодасен откашлялся.

— Он хочет атаковать их.

Император заметил стыдливый румянец на щеках своего генерала.

— Атаковать?

— Да, государь. Нынче вечером, под покровом тьмы. Напасть на вражеский стан и поджечь башни.

— По-твоему, это осуществимо?

— Нет, государь, хотя... кто знает. Я видел, как этот человек напал на пиратскую трирему и вынудил пятьдесят корсаров сложить оружие. Не знаю, удастся ли ему на сей раз, но...

— Договаривай.

— Выбора нет. Этих башен у них тридцать, государь. Они возьмут стену, и мы не сможем их удержать.

Горбен присел на кушетку.

— Как он намерен поджечь их? Не думает ли он, что враг будет стоять и смотреть, как он это делает? Башни очень высоки и построены из мореного дерева. Они сгорят, только если пламя будет полыхать до небес.

— Я понимаю, государь, но Друсс говорит, что наашаниты будут слишком заняты, чтобы думать о башнях. — Бодасен снова откашлялся. — Он собирается ударить в середину лагеря, убить Шабага и прочих военачальников и вообще устроить большую суматоху, чтобы наши тем временем могли подкрасться к башням и поджечь их.

— Сколько человек ему нужно?

— Двести. Он сказал, что уже отобрал их.

— Отобрал? Самолично?

Бодасен потупился.

— Он очень... любим солдатами, государь. Он сражается на стене каждый день и хорошо их знает. Они уважают его.

— Офицеров он тоже отобрал?

— Только одного, государь.

— Позволь мне догадаться. Тебя?

— Да, государь.

— И ты согласен возглавить эту... безумную вылазку?

— Согласен, государь.

— Я тебе запрещаю. Можешь сказать Друссу, что я согласен, но офицера ему я выберу сам.

Бодасен хотел было возразить, но придержал язык и попятился к двери.

— Генерал! — окликнул Горбен.

— Да, государь?

— Я доволен тобой. — Горбен, не глядя на Бодасена, вышел на балкон и вдохнул свежий вечерний воздух, пахнущий морем.

Шабаг смотрел, как закат воспламеняет горы. Небо пылало, точно чертоги Гадеса, яркой рыжиной и глубоким пурпуром. Шабага пробрала дрожь. Он никогда не любил закатов. Они говорят о конце, о том, что ничто не вечно, — о смерти еще одного дня.

Осадные башни выстроились угрюмой шеренгой лицом к Капалису — устрашающие великаны, сулящие победу. Шабаг задрал голову, глядя на первую в ряду. Завтра их подтянут к стене, затем рты великанов разверзнутся и мостки упрутся в стену, как твердые языки. Ну а дальнейшее с чем сравнить? Солдаты поднимутся из чрева чудовищ и хлынут на врага — как что? Как дыхание смерти, как пламя, извергаемое драконом? Шабаг ухмыльнулся. Нет, скорее уж как кислота из глотки демона. Да, так будет вернее.

Башни собирались из отдельных частей, доставленных в громадных повозках из Реши на севере. Они стоили двадцать тысяч золотом, и Шабаг до сих пор был сердит на то, что оплачивать их пришлось ему одному. Наашанский император очень уж прижимист.

— Завтра мы возьмем его, господин мой, ведь верно? — сказал один из его адъютантов.

Шабаг, вернувшись к действительности, обернулся к своим офицерам. Под «ним» подразумевался Горбен. Шабаг облизнул свои тонкие губы.

— Он нужен нам живым, — сказал он, стараясь не выказать ненависти, которую питал к Горбену. Напы-

щенный, самоуверенный юнец! Прихоть судьбы подарила ему трон, по праву принадлежащий Шабагу. У них одни предки, одни славные короли, создавшие империю, что не имеет себе равных в истории. Дед Шабага царствовал — но он пал в бою, оставив после себя только дочерей, и тогда отец Горбена взошел по золотым ступеням и возложил на себя рубиновую корону.

При нем империя впала в застой. Вместо славных походов и завоеваний — постройка дорог, школ и больниц. А к чему все это ведет? Слабым продлевают жизнь, чтобы они плодили новых заморышей, крестьяне учатся грамоте и начинают носиться с мыслями о лучшей жизни. Вопросы, которые вовсе не подобает задавать вслух, открыто обсуждаются на городских площадях: по какому, мол, праву благородное сословие распоряжается нашей жизнью? Разве мы, дескать, не вольные люди? По какому праву? Шабаг нашел бы, что им ответить. По праву крови! По праву стали и огня!

Он с наслаждением вспоминал, как окружил университет в Реше. Эти студенты громко высказывались против войны. Шабаг вызвал их вожака, и тот вышел со свитком в руке вместо меча. Свиток представлял собой труд Паштара Сена, и юноша прочел его вслух красивым, звучным голосом. Спору нет, все эти слова о чести, любви к родине и братстве прекрасны, но когда Паштар Сен писал это, смерды знали свое место, и крестьяне питали почтение к тем, кто выше них. Теперь это все устарело.

Шабаг позволил мальчишке дочитать до конца — аристократу не подобает проявлять неучтивость. А после выпотрошил его, как рыбу. Ох и бросились тогда храбрые школяры наутек! Только бежать им было некуда, и они гибли сотнями, точно черви, кишащие в гнойной ране. Вентрийская империя при старом императоре разлагалась заживо, и единственное средство вернуть ей былое величие — это война. Наашаниты, конечно, возомнят, что победили они, и Шабаг станет вассальным королем. Но ненадолго.

Ненадолго...

— Прошу прощения, мой господин, — сказал офицер. — Из гавани вышел корабль. Он идет на север вдоль побережья, и на борту довольно много народу.

Шабаг выругался.

— Горбен бежал, — объявил он. — Он увидел наших красоток и понял, что победа за нами. — Шабага снедала досада: он с таким предвкушением ожидал завтрашнего дня. Он обратил взгляд к далеким стенам, не покажется ли

там герольд, возвещающий о сдаче города? — Я буду у себя в шатре. Когда от них прибудет гонец, разбудите меня.

— Будет исполнено.

С растущим гневом он зашагал через лагерь. Теперь Горбена возьмет в плен какой-нибудь вонючий пират, а чего доброго, и убьет. Шабаг взглянул в темнеющее небо.

— Душу бы отдал за то, чтобы увидеть перед собой Горбена! — сказал он.

Шабагу не спалось, и он сожалел о том, что не взял с собой свою рабыню Датиан. Юная, невинная и восхитительно покорная, она усыпила бы его и навеяла ему сладкие сны.

Он встал и зажег две лампы. Из-за бегства Горбена — если ему удастся уйти от корсаров — война затянется, но ненадолго, разве что на несколько месяцев. Капалис завтра будет в руках Шабага, а вслед за Капалисом падет Эктанис. Горбену придется уйти в горы, отдавшись на милость обитающих там диких племен. На то, чтобы его затравить, понадобится время, но не такое уж долгое. Эта охота развлечет их в скучные зимние месяцы.

После падения Капалиса Шабаг вернется в свой дворец в Реше и отдохнет. Он рисовал себе прелести Реши — ее театры, арены, сады. Теперь у озера, должно быть, цветут вишни, роняя лепестки в кристально чистую воду, и воздух наполнен сладким ароматом.

Неужто всего лишь месяц прошел с тех пор, как он сидел у озера с Даришаном, чьи серебристые, заплетенные в косы волосы блестели на солнце?

— Зачем ты носишь эти перчатки, кузен? — спросил Даришан, бросив камушек в воду. Большая золотистая рыба, потревоженная броском, плеснула хвостом и ушла в глубину.

— Так мне нравится, — раздраженно ответил Шабаг. — И я здесь не для того, чтобы обсуждать мой туалет.

— Чего ты злишься? — хмыкнул Даришан. — Мы вот-вот одержим победу.

— Полгода назад ты говорил то же самое.

— И был прав. Это как охота на льва, кузен. Пока он в густых зарослях, преимущество за ним, но когда его выгонишь на открытое место, он рано или поздно теряет силы. Вот и Горбен так — и силы, и золото у него на исходе.

— Но у него остаются три армии.

— В начале войны их было семь. Двумя из них теперь командую я, одной ты, а еще одна разбита наголову. К чему такое уныние, кузен?

— Не могу дождаться конца войны. Тогда я начну перестраивать все заново.

— Ты? Верно, ты хотел сказать «мы»?

— Разумеется, кузен, я просто обмолвился, — поспешно проговорил Шабаг.

Даришан, развалившись на мраморной скамье, поигрывал одной из своих кос. Ему еще нет сорока, а волосы совсем седые, и он вплетает в них золотые и медные нити.

— Не вздумай предать меня, Шабаг, — предостерег Даришан. — Один ты с наашанитами не сладишь.

— Что за нелепая мысль, Даришан. Мы с тобой одной крови и друзья при этом.

Даришан холодно выдержал взгляд Шабага и улыбнулся.

— Да, мы друзья и кузены, — прошептал он. — Хотел бы я знать, где прячется теперь наш кузен и бывший друг Горбен.

— Он мне другом никогда не был, — покраснел Шабаг. — Друзей я не предаю. Такие мысли недостойны тебя, Даришан.

— Ты прав, — сказал Даришан и встал. — Итак, я отбываю в Эктанис. Не побиться ли нам об заклад, кто из нас первый одержит победу?

— Почему бы и нет? Ставлю тысячу золотых, что Капалис падет раньше Эктаниса.

— Тысячу и рабыню Датиан в придачу?

— Идет, — скрывая раздражение, сказал Шабаг. — Береги себя, кузен.

Они обменялись рукопожатием.

— Поберегу. Кстати, видел ты ту селянку?

— Видел, но ничего путного от нее не услышал. Кабучек приврал, как видно.

— Может, и так, но она спасла его от акул и предсказала, что скоро их подберет корабль. А мне она помогла найти опаловую брошь, потерянную три года назад. Что она сказала тебе?

— Говорила любопытные вещи о моем прошлом, — пожал плечами Шабаг, — но этому ее мог научить Кабучек. Когда я спросил ее о предстоящей кампании, она закрыла глаза, взяла меня за руку и подержала ее несколько мгновений, а потом отпустила и заявила, что ничего сказать не может.

— Совсем ничего?

— Сказала только «Он идет!» с восторгом и с ужасом. И посоветовала мне не ездить в Капалис — только и всего.

Видно было, что Даришан хочет что-то сказать, но он передумал, улыбнулся и зашагал прочь.

...Выбросив мысли о Даришане из головы, Шабаг подошел к выходу из шатра. В лагере было тихо. Он медленно стянул перчатку с левой руки. Красные незаживающие язвы покрывали кожу — как всегда, с самого отрочества. Мази и травяные отвары облегчали зуд, но полностью эти язвы исцелить не мог никто, как и другие, покрывающие спину, грудь и ноги.

Шабаг снял правую перчатку. Кожа на руке, которой коснулась пророчица, была здоровой и гладкой.

Он предлагал Кабучеку за женщину шестьдесят тысяч золотом, но купец вежливо отказал. «Когда осада кончится, я отберу ее у него», — подумал Шабаг.

Собравшись уже вернуться в шатер, он увидел колонну солдат, медленно движущуюся к лагерю. Их доспехи поблескивали при луне. Они шли по двое в ряд, с офицером во главе. Шабагу он показался знакомым, но шлем с плюмажем и широким щитком, прикрывающим нос, мешал его узнать. Шабаг потер усталые глаза, чтобы разглядеть офицера получше. Да, очень знакомая походка. Кто же это — один из людей Даришана? Где Шабаг мог видеть его?

Да какая разница, внезапно подумал Шабаг, опустив входное полотнище. Он уже задул одну лампу, как вдруг снаружи раздался крик — сначала один, потом другой. Шабаг, метнувшись к порогу, рванул полотнище в сторону.

Пришельцы свирепствовали в лагере, убивая направо и налево. Кто-то подобрал горящую головню и поджег ею ряд палаток. Пламя охватило сухой холст мгновенно, ветер перенес огонь на другие палатки.

В самой гуще боя Шабаг увидел огромного воина в черном, с двойным топором в руках. Трое солдат наскочили на него, и он убил их в мгновение ока. Шабаг отыскал взглядом офицера — и узнавание поразило его, как молния.

Шатер Шабага стоял в середине лагеря. Вокруг оставили тридцать шагов пустого пространства, чтобы обеспечить сатрапу некоторое уединение. Теперь шатер окружили люди Горбена.

В первый миг Шабага ошеломила быстрота, с которой враг нанес удар, но потом он рассудил, что Горбен ничего этим не добьется. Вокруг города стоят двадцать пять тысяч человек. А сколько во вражеском отряде? Две сотни? Что они надеялись осуществить, кроме разве что убийства самого Шабага? И на что им его смерть, если они сами не уйдут отсюда живыми?

Он бесстрастно наблюдал, как бушует битва и ширится пожар, не в силах оторвать глаз от воина с топо-

ром, бившего наповал без видимых усилий. Потом прозвучал рог, перекрыв шум сражения, и Шабаг опешил. Рог трубил отбой, и солдаты в растерянности остановились. Шабаг хотел крикнуть им: «Продолжайте бой!» — но его сковал страх. Молчаливые воины вокруг шатра стояли наготове, их клинки блестели при луне. Шабаг понимал, что стоит ему шевельнуться — и они бросятся на него, как гончие на оленя. Во рту у него пересохло, руки тряслись.

Двое вражеских солдат прикатили бочку и поставили ее кверху дном. Неприятельский офицер влез на бочку, обратившись лицом к людям Шабага. У сатрапа желчь подступила к горлу.

Офицер откинул плащ и снял шлем. На груди его сверкнули золотые доспехи.

— Вы знаете, кто я, — властным, звучным голосом провозгласил он. — Я Горбен, сын Божественного Короля и его наследник. В моих жилах течет кровь Паштара Сена, и Сириоса-Воителя, и Мешана Сена, перешедшего Мост Смерти. Я Горбен! — Солдаты стояли как зачарованные, и даже у Шабага по больной коже побежали мурашки.

Друсс смотрел на вражеские ряды. Было во всем этом некое божественное безумие, доставлявшее ему несказанную радость. Он рассердился было, когда император явился, чтобы лично возглавить отряд, и еще больше озлился, когда Горбен заявил, что намерен внести изменения в его план.

«А старый чем плох?» — осведомился Друсс. Горбен с усмешкой отвел его в сторону: «В нем все хорошо, воин, кроме конечной цели. Ты хочешь уничтожить башни — превосходно. Но не башни решают исход осады, а люди. Нынче ночью мы попытаемся не просто нанести урон врагу, но одержать над ним победу». «Двести человек против двадцати пяти тысяч?» — усмехнулся Друсс. «Нет. Один на один». Император изложил свой замысел, и Друсс почтительно умолк. План, дерзкий и сопряженный с опасностью, пришелся ему очень по душе.

Первая фаза завершена. Шабаг окружен, и его солдаты внимательно слушают Горбена. Теперь настала решающая минута. Успех и слава — или провал и смерть? Друсс чувствовал, что все балансирует на лезвии бритвы. Одно неверное слово Горбена — и вся орда набросится на них.

— Я Горбен! — снова взревел император. — Вы не сами вступили на путь предательства — вас увлек туда подлый негодяй. — Горбен презрительно махнул рукой на Шабага. — Взгляните на него! Вот он стоит, точно испуганный заяц. Этого ли человека хотите вы видеть на троне? Ему не-

легко будет туда взобраться. Придется взойти по золотым ступеням — а как он сделает это, коли язык его прилип к наашанской заднице? — В рядах послышались смешки. — Да, это было бы забавно, — согласился Горбен, — когда бы не было столь печально. Взгляните на него! Как могут воины подчиняться подобной мрази? Мой отец возвысил его, доверился ему — он же предал человека, который помог ему и любил его, как сына. Но ему мало было гибели моего отца — он сделал все, чтобы ввергнуть Вентрию в хаос. Наши города в огне, наших людей уводят в рабство — и ради чего? Чтобы эта жалкая крыса могла прикинуться королем, лежа в ногах у наашанского козопаса. — Горбен оглядел ряды. — Где тут наашаниты? — Ему отозвались сзади. — Ага, позади, как всегда! — Наашаниты подняли крик, но их не было слышно за смехом вентрийцев Шабага. Горбен поднял руки, призывая к молчанию. — Нет уж, пусть выскажутся. Нехорошо смеяться над другими за то, что они не обладают вашим мастерством, вашим чувством чести, вашим историческим чутьем. У меня был как-то раб-наашанит — он сбежал с одной из коз моего отца. Надо, правда, отдать ему должное — красивую выбрал! — Залп хохота заглушил его слова, и Горбен выждал, пока утихнет веселье. — Эх, ребята. Что ж мы такое творим с этой землей, которую любим? Как позволяем наашанитам насиловать наших сестер и дочерей? — На лагерь опустилась зловещая тишина. — Я скажу вам, как это вышло. Шабаг и ему подобные открыли двери врагу. «Идите сюда, — говорили они, — и делайте, что пожелаете. Я буду служить вам, как пес, только не откажите в объедках с вашего стола. Позвольте мне вылизать ваши тарелки!» — Горбен высоко вскинул меч и вскричал громовым голосом: — Так вот, я этого не потерплю! Я император, помазанник богов, и буду сражаться за свой народ до смертного часа!

— Мы с тобой! — крикнул кто-то справа, и Друсс узнал голос Бодасена. Вместе с ним пришли все защитники Капалиса. Они пробрались мимо осадных башен, пока кипел бой, и подкрались к лагерю во время речи Горбена.

Вентрийцы Шабага беспокойно зашевелились, и Горбен заговорил снова:

— Прощаю всех, кроме наашанитов, за служение Шабагу. Более того, я беру вас к себе на службу, чтобы вы могли искупить свою вину, освобождая Вентрию. Более того, я обязуюсь уплатить вам жалованье и даю десять золотых каждому, кто согласен сражаться за свою землю, свой народ и своего императора. — Под общий рев напуганные наашаниты

выбрались из рядов и выстроились боевым порядком чуть поодаль.

— Смотрите, они трусят! — воскликнул Горбен. — Вот вам случай заслужить свое золото — принесите мне головы врагов!

— За мной! — вскричал Бодасен, пробившись вперед. — Смерть наашанитам! — Его клич был подхвачен, и многотысячное войско вентрийцев накинулось на несколько сотен наашанитов.

Горбен соскочил с бочки и подошел к Шабагу.

— Ну, кузен, — тихим, но ядовитым голосом сказал он, — как тебе понравилась моя речь?

— Ты всегда был мастер молоть языком, — с горькой усмешкой ответил Шабаг.

— Да, а еще я пою, играю на арфе и знаком с трудами величайших наших ученых. Эти вещи дороги мне — как, я уверен, и тебе, кузен. Как ужасно, должно быть, родиться слепым, лишиться языка или осязания.

— Я принадлежу к высокому роду, — обливаясь потом, сказал Шабаг. — Ты не смеешь увечить меня.

— А я император, и моя воля — закон.

Шабаг упал на колени.

— Убей меня сразу. Молю тебя... кузен!

Горбен вынул из драгоценных ножен кинжал и бросил его на землю перед Шабагом. Тот поднял кинжал, с угрюмой злобой глядя на своего мучителя.

— Ты можешь уйти сам, — сказал император.

Шабаг приставил кинжал к груди.

— Будь ты проклят, Горбен, — прошипел он и обеими руками вонзил в себя клинок. Когда Шабаг со стоном повалился навзничь, содержимое его кишечника изверглось наружу.

— Уберите это, — велел Горбен солдатам. — И заройте в какой-нибудь канаве. — Он обернулся к Друссу и сказал, смеясь: — Ну вот дело и сделано, воин.

— Сделано, государь.

— Государь?! Поистине это ночь чудес!

На краю лагеря добили тщетно моливших о пощаде последних наашанитов, и на лагерь опустилась угрюмая тишина. Бодасен, подойдя, низко склонился перед императором.

— Приказ вашего величества исполнен.

— Похвально, Бодасен, — кивнул Горбен. — А теперь вместе с Ясуа и Небучадом соберите офицеров Шабага. Обещайте им что угодно, только уведите их в город, подальше от солдат. Допросите их и убейте тех, кто не внушает вам доверия.

— Будет исполнено, государь.

* * *

Мишанек вынес Ровену из кареты. Голова ее упала ему на плечо, и он чувствовал ее сладостное дыхание. Пудри, привязав поводья к тормозу, тоже слез, испытующе глядя на спящую.

— Все в порядке, — сказал ему Мишанек. — Я отнесу ее к ней в комнату. Вели слугам разгрузить сундуки. — Рабыня открыла воину дверь, он вошел в дом и поднялся в солнечную комнату в восточном крыле. Там он бережно опустил свою ношу на кровать, укрыв ее атласной простыней и тонким одеялом из шерсти ягнят. Сев рядом с Ровеной, он взял ее за руку. Ровена, горящая в жару, застонала, но не шелохнулась.

Вошла другая рабыня и низко присела перед хозяином.

— Побудь с ней, — приказал он и вышел.

Пудри стоял у парадной двери как потерянный, в темных глазах застыл испуг. Мишанек привел его в большую овальную библиотеку и велел сесть. Пудри повиновался, ломая руки.

— А теперь говори все с самого начала.

— Не знаю, с чего и начать, господин. Сперва она казалась просто рассеянной, но чем больше господин Кабучек заставлял ее предсказывать судьбу, тем более странной она становилась. Она сказала мне, что ее Дар растет в ней. Прежде ей приходилось делать большое усилие, и только тогда ее посещали краткие, обрывочные видения. Потом надобность в усилиях отпала, а видения не прекращались и тогда, когда она отпускала руку очередного гостя господина Кабучека. Потом начался бред. Она говорила старческим голосом и разными другими голосами. Она перестала есть и ходила, точно во сне. А три дня назад впала в беспамятство. Призвали лекарей, и они пустили ей кровь, но все тщетно. — У Пудри задрожали губы, и слезы потекли по худым щекам. — Господин, она умрет?

— Не знаю, Пудри, — вздохнул Мишанек. — Тут есть ученый лекарь, чье мнение я ценю. Говорят, он ясновидец. Он будет здесь через час. — Хозяин сел напротив евнуха, глядя в его полные страха глаза. — Что бы ни случилось, Пудри, ты останешься у меня. Я купил тебя у Кабучека не только из-за Ровены. Если она даже... не выздоровеет, я тебя не прогоню.

Пудри кивнул, но выражение его лица не изменилось.

— Вот что, — удивился Мишанек. — Ты любишь ее так же, как я.

— Нет, господин, не так, как вы. Она мне как дочь. Она такая хорошая — в ней нет ни унции злости. Нельзя было столь расточительно обращаться с ее Даром. Она

оказалась не готовой к этому. — Пудри встал. — Можно я посижу с ней, хозяин?

— Конечно.

Евнух поспешил прочь, а Мишанек распахнул двери в сад и вышел на солнце. Вдоль дорожек цвели деревья, и пахло жасмином, лавандой и розами. Три садовника усердно поливали сад и пололи клумбы. При виде хозяина они стали на колени и склонились до земли.

— Продолжайте, — велел им Мишанек и прошел к пруду, где стояла мраморная скамья, а рядом — статуя богини. Белая фигура изображала молодую обнаженную женщину, которая запрокинула голову к небу, воздевши руки. В руках она держала орла с распростертыми крыльями, готового взлететь.

Мишанек сел и вытянул свои длинные ноги. Скоро эта история разойдется по всему городу. Императорский боец заплатил две тысячи серебром за умирающую пророчицу. Что за безумие! Но Мишанек, увидев ее в первый раз, не мог уже избавиться от мыслей о ней. Даже на войне, сражаясь с солдатами Горбена, он думал о Ровене. Он знавал более красивых женщин, но в свои двадцать пять так и не встретил ту, с которой хотел бы разделить свою жизнь.

До недавнего времени.

При мысли, что Ровена может умереть, он дрожал всем телом. Мишанек помнил ее пророчество: он умрет в этом городе, в последней битве с воинами в черных плащах.

Бессмертные Горбена. Вентрийский император заново переустроил этот знаменитый полк, пополнив его отборными бойцами. Они уже отвоевали семь городов. Два из них отошли к Горбену после поединка его нового бойца, дреная по прозвищу Побратим Смерти, с двумя наашанскими воинами. Мишанек знал их обоих. Хорошие ребята, сильные и смелые — а в боевом мастерстве их никто не мог превзойти. Теперь они оба мертвы.

Мишанек просил позволения сразиться с этим дренаем, но император ему отказал, сказав: «Я слишком высоко тебя ценю». — «Но разве это не моя обязанность, государь? Ведь я ваш первый боец?» — «Мои пророки говорят, что ты его не убьешь. Его топор заговорен демонами, говорят они. Больше поединков не будет: мы сокрушим Горбена мощью своего войска».

Но они не сокрушили Горбена. В последнем кровавом сражении не одержал победы никто, зато с обеих сторон полегли тысячи воинов. Мишанек командовал атакой, которая едва не повернула ход битвы, и убил двух вражеских военачальников, но Горбен отошел в горы.

Убитых звали Небучад и Ясуа. С первым было легко справиться: он ринулся навстречу Мишанеку на белом коне, и наашанит поразил его копьем в горло. Второй был искусный боец, быстрый и бесстрашный, но недостаточно быстрый и слишком бесстрашный, чтобы признать, что встретил лучшего соперника. Он умер с проклятием на устах.

— Нам не выиграть эту войну, — сказал Мишанек мраморной богине. — Мы ее проигрываем — медленно, день за днем. Горбен уже побил трех вентрийских сатрапов, изменивших трону. Шабаг погиб в Капалисе. Бериш, жирный и жадный льстец, повешен в Экганисе. Ашак, сатрап юго-западных земель, посажен на кол после поражения при Гурунуре. Только Даришан, сребroголовый лис севера, еще жив.

Мишанеку нравился этот человек. К прочим наашанский боец относился с едва скрываемым презрением, но Даришан — прирожденный воин. Безнравственный, не имеющий совести, но отважный.

Звук чьих-то шагов прервал думы Мишанека.

— Где ты там, во имя Гадеса? — произнес низкий голос.

— Ты ж ясновидящий, Шалитар, — откликнулся Мишанек.

Ответ недвусмысленно уведомил его, куда ему следует отправиться.

— Я бы с радостью, — усмехнулся он. — Покажи дорогу.

Лысый дородный человек в длинном белом хитоне вышел к пруду и сел рядом с Мишанеком. У него было круглое, красное лицо, а уши торчали, как у нетопыря.

— Ненавижу садовые лабиринты. Кто их только выдумал? Дорога получается в три раза длиннее, чем надо, и добро бы еще тебя в конце ждала какая-то награда — ан нет.

— Видел ты ее? — перебил Мишанек.

Шалитар отвел глаза.

— Ну, видел. Зачем тебе понадобилось ее покупать?

— Это не имеет значения. Что ты скажешь о ней?

— Она самая одаренная пророчица из всех, кого я знаю, но ее Дар оказался сильнее нее. Можешь ты себе представить, что это такое — знать все обо всех, с кем ты видишься? Их прошлое и их будущее. Когда ты касаешься чьей-то руки, перед тобой пролетает чужая жизнь и ее конец. Столь быстрый и мощный приток знаний оказался для нее гибельным. Она не просто видит чужие жизни — она переживает их. Она уже не просто Ровена, но сто разных людей — и ты в том числе.

— Я?

— Да. Я лишь мимолетно коснулся ее сознания, но твой образ в нем был.

— Она будет жить?

Шалитар покачал головой:

— Я провидец, дружище, но не пророк. Мне думается, есть только один выход: нужно закрыть двери ее Дару.

— Ты это можешь?

— Один нет, но я позову моих собратьев, имеющих опыт в таких делах. Это не то что изгнание демонов. Мы должны запечатать все ходы ее разума, ведущие к источнику силы. Это будет стоить дорого, Мишанек.

— Я богат.

— Тем лучше для тебя. Один из нужных мне людей — бывший священник Истока, и он запросит за свои услуги не меньше десяти тысяч серебром.

— Он их получит.

Шалитар положил руку на плечо друга.

— Ты так сильно любишь ее?

— Больше жизни.

— И она разделяет твои чувства?

— Нет.

— Что ж, у тебя появится случай начать все сызнова. Когда мы закончим свой труд, она лишится памяти. Что ты ей скажешь тогда?

— Не знаю. Буду любить ее, вот и все.

— Ты намерен жениться на ней?

Мишанеку вспомнилось ее предсказание.

— Нет, мой друг. Жениться я не намерен никогда.

Друсс блуждал по темным улицам отвоеванного города. Голова болела, на душе было неспокойно. Бой, хотя и кровавый, завершился слишком быстро, и у Друсса осталось странное чувство какой-то неудовлетворенности. В нем произошла перемена — он не желал ее, но должен был с ней считаться: он жаждал боя, жаждал ощущать, как его топор крушит чьи-то кости, видеть, как огонь жизни угасает в глазах врага.

Ему казалось, что родные горы остались где-то в прошлой жизни.

Скольких людей он убил с тех пор, как отправился на поиски Ровены? Он потерял этому счет, и ему было все равно. Топор в его руке казался легким, теплым и ласковым. Во рту пересохло — испить бы холодной воды. Подняв глаза, Друсс увидел над головой табличку: «Улица Специй». В мирное время купцы доставляли сюда свои пряные товары и упаковывали в тюки для отправки на запад. В воздухе и теперь пахло перцем. В дальнем конце улицы, где она выходила на

рыночную площадь, был фонтан, а рядом медный насос с длинной изогнутой ручкой и прикованной к нему медной чашечкой на цепочке. Друсс наполнил чашу, прислонил топор к фонтану и стал пить, но рука то и дело тянулась потрогать черное топорище Снаги.

Когда Горбен послал их в последнюю атаку на обреченных наашанитов, Друсса одолевало желание ринуться в самую гущу, упиться кровью и смертью. Вся его воля ушла на то, чтобы побороть эту тягу. Враг, засевший в замке, уже сдался на милость победителя, и Друсс понимал, что такая бойня была бы злодейством. Слова Шадака вспомнились ему: «Настоящий воин живет по правилам — так уж устроен свет. Они у каждого свои, но основа одна и та же. Не обижай женщин и детей. Не лги, не обманывай и не воруй. Будь выше этого. Защищай слабых от зла сильных и не позволяй мыслям о наживе увлечь себя на дурной путь».

Наашанитов было всего несколько сотен, и судьба их была предрешена. Но Друсс все-таки чувствовал себя обойденным, особенно когда, вот как теперь, вспоминал жаркое торжество, владевшее им во время боя в лагере Хариба Ка или при побоище на палубе пиратской триремы. Он снял шлем и окунул голову в фонтан, потом встал, стянул колет и вымылся до пояса. Что-то шевельнулось слева, и Друсс увидел высокого лысого человека в серых шерстяных одеждах.

— Добрый вечер, сын мой, — сказал жрец Капалисского храма. Друсс кивнул в ответ, оделся и сел. Жрец остался на месте. — Все последние месяцы я искал тебя.

— Ну, вот и нашел.

— Можно присесть с тобой рядом?

— Сделай милость, — сказал, подвинувшись, Друсс.

— Наша встреча обеспокоила меня, сын мой. С тех пор я провел много вечеров в молитве и размышлениях, а в конце концов ступил на Тропы Тумана, чтобы найти душу твоей возлюбленной Ровены. Но и это не принесло плодов. Я странствовал в Пустоте столь темными путями, что нельзя о них и говорить, но ее там нет, и я не встретил ни единой души, которая знала бы о ее смерти. Потом мне повстречался дух, очень злой, который при жизни носил имя Эарин Шад. Это пиратский капитан, прозывавшийся также Боджиба — Акула. Он слышал о твоей жене, ибо его корабль ограбил судно, на котором она плыла. Он сказал мне, что, когда его корсары вторглись на борт того судна, купец Кабучек, еще один мужчина и молодая женщина прыгнули в море. Там ки-

шели акулы, и в воде было много крови, поскольку на палубе шла резня.

— Я не хочу знать, как она умерла! — рявкнул Друсс.

— В том-то все и дело. Эарин Шад полагает, что она и Кабучек погибли, но это не так. Кабучек теперь в Реше и наживает деньги. У него в доме есть пророчица, которую зовут Патаи — Голубка. Я видел ее очами моего духа и проник в ее мысли: это она, твоя Ровена.

— Так она жива?

— Да, — подтвердил жрец.

— Святые Небеса! — Друсс засмеялся и обнял жреца за узкие плечи. — Клянусь богами, ты оказал мне великую услугу. Я этого не забуду. Проси у меня что хочешь — я все сделаю.

— Спасибо, сын мой. Желаю тебе удачи на твоем пути. Но нам надо поговорить еще кое о чем: о твоем топоре.

— Зачем? — с внезапным подозрением спросил Друсс, охватив рукой топорище.

— Это старинное оружие, и мне думается, что на него наложены чары. Какой-то могучий чародей в далеком прошлом заколдовал твой топор.

— Ну так что же?

— Чары могли быть разными. В одних случаях лезвия просто орошались кровью оружейника, в других произносились заклинания, придававшие клинку особую остроту. Это все мелочи, Друсс. Порой чародею приходилось заклинать оружие, принадлежащее князю или королю. Такие клинки могли лечить раны или разрубать самые прочные доспехи.

— Как мой Снага. — Друсс приподнял топор. Лезвия блеснули при луне, и жрец отпрянул. — Не бойся. Тебе я вреда не причиню.

— Я не тебя боюсь, сын мой. Я боюсь того, что живет в этих лезвиях.

— Из-за того, что кто-то тысячу лет назад заколдовал их? — засмеялся Друсс. — Топор как топор.

— Не совсем так, Друсс. На него было наложено самое сильное из заклятий. Твой друг Зибен рассказал мне, что, когда ты напал на корсаров, их колдун наслал на тебя огонь. Ты поднял свой топор, и над ним явился демон, чешуйчатый и рогатый: он-то и отразил пламя.

— Вздор. Пламя отразил сам топор. На слова Зибена не нужно обращать особого внимания, отец. Он ведь поэт и мастер вышивать по канве простых историй. Демон — надо же такое придумать!

— В этом случае, Друсс, ему сочинять не пришлось. Я наслышан о Снаге-Паромщике. Разыскивая твою жену,

я немало узнал и о тебе, и об оружии, которое ты носишь: оружии Вардана-Душегуба, губителя детей, мясника и насильника. А ведь когда-то и он был героем, верно? Но зло проникло в его душу — вот отсюда! — Жрец указал на топор.

— Не верю я в это. Я ношу его уж скоро год, но меня это не испортило.

— А не заметил ли ты в себе некоторой перемены? Не жаждешь ли ты крови и смерти? Не чувствуешь ли потребности держать топор при себе, даже когда боя не ожидается? Не кладешь ли его с собой спать?

— Никакого демона в нем нет! — вскричал Друсс. — Это замечательное оружие. Он мой... — И Друсс осекся.

— Твой друг? Это ты хотел сказать?

— А что, если и так? Я воин, и только он один бережет мою жизнь. Чем не друг? — Друсс поднял топор вверх, но тот вдруг выскользнул из его пальцев. Жрец беспомощно вскинул руки. Снага устремился к его горлу, но Друсс в последний миг перехватил топор за рукоять левой рукой. Снага ударился о кремнистую мостовую и высек из нее сноп искр. — Ох, прости, я упустил его. Ты не ранен?

Жрец встал.

— Нет, я цел. Но ты заблуждаешься, юноша: ты не упустил его, он сам хотел моей смерти — и если бы не твое проворство, он бы добился своего.

— Это только случайность, отец, уверяю тебя.

— Ты видел, как я отвел лезвие рукой? — с грустной улыбкой спросил жрец.

— Видел...

— Тогда смотри. — И жрец показал Друссу ладонь. Обожженная кожа почернела, из раны струилась кровь. — Берегись, Друсс: тот, кто обитает в твоем топоре, будет стремиться убить любого, в ком почует угрозу.

Друсс взял топор и попятился от жреца.

— Перевяжи свою рану, — сказал воин, повернулся и зашагал прочь.

То, что он видел, потрясло его. Он знал о демонах и чарах разве что из песен сказителей, заходивших в их деревню, зато хорошо узнал цену такого, как Снага, оружия — особенно в чужой, терзаемой войной стране. Друсс поднял топор и посмотрел в его сверкающие лезвия.

— Ты нужен мне, — сказал он тихо. — Нужен для того, чтобы найти Ровену и забрать ее домой. — Рукоять была теплой, а топор — легким, как перышко. Друсс вздохнул. — Как я могу тебя бросить? Будь оно все проклято — ты мой!

«Ты мой! — эхом отозвалось у него в голове. — Ты мой!»

Книга третья
ПОБЕДИТЕЛЬ ХАОСА

Глава 1

Только что Варсава приступил ко второму кубку вина, как на его стол рухнуло чье-то тело. Летя головой вперед, оно раскололо столешницу, сбило на пол тарелку с мясом и устремилось к Варсаве. Варсава с полным присутствием духа поднял кубок повыше и отстранился, а тело, проехав по столу, треснулось головой о стену. Удар был такой, что по штукатурке побежала трещина, человек же с грохотом рухнул на пол.

Взглянув направо, Варсава увидел, что посетители битком набитой таверны образовали круг около нескольких человек, дерущихся с чернобородым гигантом. Мелкий воришка, которого Варсава знал, повис у гиганта на плечах, охватив руками его горло, второй что есть мочи колотил противника по животу, третий примеривался ткнуть ножом. Варсава пригубил вино. Отменный напиток — не меньше десяти лет выдержки, сухой, но не утративший вкуса.

Гигант, загнув руку за плечо, сгреб неприятеля за грудки и швырнул под ноги парню с ножом. Тот покачнулся и попал под пинок бородача. Раздался тошнотворный хруст, и драчун скорчился на полу — у него была сломана либо шея, либо челюсть.

Последний уцелевший противник нанес бородачу отчаянный удар в подбородок — но без всякого успеха. Гигант притянул врага к себе и треснул его головой. Звук заставил поморщиться даже Варсаву. Пострадавший сделал два нетвердых шага назад и рухнул, точно подрубленное дерево.

— Кто-нибудь еще хочет? — низким холодным голосом осведомился победитель. Толпа мигом разошлась, и воин прошел через зал к столу Варсавы. — Здесь занято? — спросил он, плюхнувшись напротив.

— Теперь да. — Варсава махнул рукой служанке и, поймав ее взгляд, указал на свой кубок. Она улыбну-

лась и принесла новый штоф. Стол треснул как раз посередине, и бутыль на нем накренилась, как пьяная. — Не хочешь ли выпить со мной? — спросил Варсава.

— Охотно, — ответил гигант, наполняя глиняную чашу. Из-под стола донесся тихий стон.

— Крепкая же у него голова, — сказал Варсава. — Я думал, он умер.

— Если полезет ко мне опять, умрет непременно, — пообещал воин. — Что это за место?

— Оно называется «Все, кроме одной».

— Странное какое-то название.

— Отчего же? Это часть вентрийской здравицы: «Пусть осуществятся все твои мечты, кроме одной».

— Что это значит?

— Да только то, что человек всегда должен иметь какую-то неосуществленную мечту. Нет худшей участи, чем достичь всего, о чем мечтаешь. Что тогда дальше делать?

— Найти себе другую мечту.

— Вот и видно, что ты в этом ничего не смыслишь.

— Это что, оскорбление? — сощурился незнакомец.

— Нет, просто наблюдение. Что привело тебя в Ланию?

— Я здесь проездом.

Двое поверженных поднялись на ноги, достали ножи и двинулись к их столу, но в руке Варсавы блеснул огромный охотничий кинжал. Варсава вонзил его в стол так, что клинок затрепетал.

— Довольно, — спокойно улыбаясь, сказал Варсава забиякам. — Забирайте своего приятеля и поищите себе другое место для выпивки.

— Ну нет, ему это так не пройдет! — отозвался один, с подбитым, наглухо закрывшимся глазом.

— Уже прошло, друзья мои. А если вы не уйметесь, он, чего доброго, убьет вас. Ступайте-ка отсюда — не видите, мы разговариваем? — Двое, ворча, спрятали свои ножи и отступили. — Проездом куда? — спросил Варсава.

— Ловко ты их, — заметил гигант. — Они твои друзья?

— Они меня знают. — Он протянул руку через стол. — Я Варсава.

— Друсс.

— Мне знакомо это имя. Был такой воин в осажденном Капалисе, о нем вроде бы даже песню сложили.

— Верно, сложили, — фыркнул Друсс, — да только я тут ни при чем. Со мной всюду таскается один дуралей — поэт, — он ее и состряпал. Чушь все это.

— «Лишь шепотом поминают Друсса с его топором, — с улыбкой продекламировал Варсава, — для всякого супостата он словно небесный гром».

— Груди Асты! — покраснел Друсс. — Там не меньше сотни таких строчек. Вот дьявольщина!

— На свете есть и худшая участь, чем быть увековеченным в песне. Там, кажется, говорится еще о пропавшей жене — или это тоже выдумка?

— Нет, это правда, — ответил Друсс, осушив кубок и наполнив второй.

Варсава в молчании изучал своего собеседника. Плечи у него и впрямь широченные и шея как у быка — но громадным его делает не рост, а скорее исходящая от него сила. Во время драки казалось, что он семи футов вышиной, а его противники — недомерки. А теперь, когда он спокойно сидит за вином, просто крепкий, мускулистый парень. Чудеса, да и только.

— Если я верно помню, ты также освобождал Эктанис и еще четыре южных города? — нарушил молчание Варсава.

Друсс безмолвно кивнул.

Варсава заказал третий штоф, стараясь припомнить все, что слышал об этом молодом воине. Говорили, что в Эктанисе Друсс побил лучшего наашанского бойца Куэрла и одним из первых взобрался на стену. А два года спустя он с полусотней людей удерживал Киштайский перевал, преграждая дорогу целому наашанскому легиону, пока не прибыл Горбен с подкреплением.

— Куда же подевался твой поэт? — спросил Варсава, подыскивая наиболее невинный способ утоления своего любопытства.

— Он встретил женщину, — хмыкнул Друсс, — вернее сказать, нескольких женщин. Насколько мне известно, сейчас он живет в Пуше с молодой офицерской вдовой. — Друсс со смехом покачал головой. — Мне его недостает — с ним было веселее. Однако ты горазд выпытывать, — уже без улыбки заметил он.

— Ты человек занятный, — пожал плечами Варсава, — а в Лании теперь не так уж много развлечений. Из-за войны тут стало скучно. Нашел ли ты свою жену?

— Нет еще, но найду. Ну а ты зачем здесь?

— Мне за это платят. Еще вина?

— Ладно — только теперь угощаю я. — Друсс выдернул из столешницы огромный нож Варсавы. — Хо-

рошее оружие — тяжел, но хорошо уравновешен. И сталь отличная.

— Лентрийская. Я заказал его десять лет назад. Лучшее вложение денег за всю мою жизнь. А где твой знаменитый топор?

— Я его потерял.

— Как можно потерять топор?

— Узнаешь, когда упадешь со скалы в быстрый поток.

— Да, это меняет дело, — согласился Варсава. — Какое оружие ты носишь теперь?

— Никакого.

— Как это так? Неужто ты пересек горы безоружным?

— Угу.

— И разбойники тебя не тронули? Или ты шел с другими путниками?

— Довольно я тебе отвечал — теперь твоя очередь. Кто платит тебе за то, чтобы ты наливался вином в Лании?

— Один дворянин из Реши, у него тут поблизости поместье. Пока он дрался за Горбена, разбойники с гор разграбили его дворец и увели в плен жену и сына. Слуги частью были перебиты, частью разбежались. Он нанял меня, чтобы я отыскал его сына — если тот еще жив.

— Только сына?

— Жена-то ему на что теперь сдалась?

— Он думал бы по-иному, если б любил ее, — потемнел Друсс.

Варсава кивнул.

— У вас, дренаев, известно, другие понятия. А здесь богатые по любви не женятся, Друсс, брак им нужен либо для увеличения состояния, либо для продолжения рода. Бывает, конечно, что муж потом влюбляется в свою жену, но не так уж часто. Вентрийский дворянин станет посмешищем, взяв обратно в дом жену, которая... ну, скажем, побывала в неволе. Нет, он с ней уже развелся — и заботит его только сын. Если я найду мальчика, отец уплатит мне сотню золотом, а если освобожу — то тысячу.

Поднесли новый штоф. Друсс наполнил свой кубок и предложил вина Варсаве, но тот отказался.

— У меня и так уж голова идет кругом, а у тебя, поди, и вовсе ноги соломенные.

— Сколько у тебя человек? — спросил Друсс.

— Никого. Я работаю в одиночку.

— Ну и что же, узнал ты, где мальчик?

— Да. Высоко в горах есть крепость под названием Валия — пристанище воров, убийц и разбойников. Заправляет там Кайивак. Слышал о нем? — Друсс покачал головой. — Это настоящее чудовище. Он посильнее тебя будет и в бою страшен. Его оружие — тоже топор, и этот человек безумен.

Друсс выпил еще, рыгнул и откинулся назад.

— Многих незаурядных бойцов считают безумцами.

— Знаю, но Кайивак — дело иное. Ты не поверишь, сколько народу он перебил безо всякого смысла за последний год. Свои жертвы он сажает на кол либо сдирает с них кожу живьем. Я встретил одного человека, который служил ему около пяти лет, — он-то и сказал мне, где мальчик. А еще сказал, что Кайивак иногда говорит не своим голосом, а густым басом, от которого мороз идет по коже, и глаза у него светятся странным огнем. И всякий раз, как на него это находит, он убивает. Кого попало: слугу, девицу из таверны или человека, который случайно встретится с ним взглядом. Нет, Друсс, он явно безумен... или одержим.

— Как ты намерен спасти мальчика?

— Я как раз думал над этим, когда ты пришел, — развел руками Варсава, — и пока не нашел ответа.

— Я тебе помогу.

— Сколько ты хочешь? — сощурился Варсава.

— Деньги можешь оставить себе.

— Тогда зачем тебе это?

Но Друсс только улыбнулся и налил себе вина.

Варсава оказался приятным попутчиком и не докучал Друссу разговорами, пока они шли по горам и долинам, поднимаясь все выше и выше над Ланией. Оба несли за плечами котомки, а Варсава нахлобучил на себя бурую кожаную широкополую шляпу с орлиным пером. Друсс, увидев ее впервые, не удержался от смеха. Варсава был красивым мужчиной и носил безупречно скроенную одежду из зеленой шерсти, а сапоги у него были из мягкой бараньей кожи.

— Ты что, проспорил кому-то? — спросил Друсс.

— Почему проспорил?

— Что еще может заставить человека надеть такую шляпу?

— Ага! Как видно, у вас, варваров, это считается смешным. Так знай же, что эта шляпа принадлежала еще моему отцу. Она волшебная и не раз спасала мне жизнь.

— А я думал, вентрийцы никогда не врут.

— Не врут только благородные господа — но на сей раз я говорю чистую правду. Эта шляпа помогла мне

бежать из тюрьмы. — Варсава передал ее Друссу. — Глянь-ка на нее изнутри.

Друсс посмотрел. За внутренний обод с одной стороны была заткнута тонкая пилка, с другой — загнутая стальная булавка. Впереди Друсс нащупал три монеты и вытащил одну: это было золото.

— Беру свои слова обратно. Отличная шляпа!

Воздух был свеж и прохладен, и Друсс чувствовал себя свободным. Почти четыре года прошло с тех пор, как он оставил Зибена в Экстанисе и отправился один в занятый врагом город Решу, чтобы найти там купца Кабучека, а через него и Ровену. Дом он нашел сразу, но узнал, что Кабучек еще месяц назад поехал навестить своих друзей в Наашане. Друсс последовал за купцом в наашанский город Пьерополис и там потерял его след.

Вернувшись в Решу, Друсс выяснил, что Кабучек продал свой дворец и уехал неизвестно куда. У Друсса кончились деньги и припасы, и он нанялся к подрядчику, который занимался восстановлением разрушенных городских стен. Четыре месяца Друсс работал в поте лица, пока не скопил достаточно, чтобы вернуться на юг.

За пять лет, прошедших после побед при Капалисе и Экстанисе, император Горбен дал еще восемь сражений наашанитам и их вентрийским союзникам. В двух первых и в последнем он одержал решающую победу, но остальные закончились ничем, и обе стороны понесли огромные потери. Пять лет длится кровавая война — и ни один стан не может поручиться за то, что он близок к победе.

— Иди за мной, — сказал Варсава. — Хочу тебе кое-что показать.

Вентриец сошел с тропы и взобрался по склону к заржавленной, врытой в землю железной клетке. В ней лежала груда заплесневелых костей и череп с остатками кожи и волос.

Варсава опустился на колени рядом с клеткой.

— Это Вашад-миротворец, — сказал он. — Ему выкололи глаза и вырезали язык, а потом приковали здесь умирать с голоду.

— В чем же его вина?

— Говорю же тебе: он был миротворец. В мире, полном войн и диких страстей, такие, как Вашад, существовать не могут.

Варсава сел на землю и снял свою широкополую шляпу. Друсс сбросил с плеч котомку и сел рядом с ним.

— Но почему ему уготовили такую смерть?

Варсава улыбнулся одними губами:

— Видишь ты много, но понимаешь мало, Друсс. Воин живет ради битв и славы. Его дело — смерть, и он старается как-то выделиться среди своих товарищей. Он почитает себя благородным человеком, и мы утверждаем его в этом мнении, восхищаясь им. Мы слагаем о нем песни и рассказываем истории о его подвигах. Вспомни дренайские сказания: много ли там говорится о миротворцах или поэтах? Это все истории о героях, несущих кровь и смерть. Вашад был философ и верил в то, что называл «человеческим благородством». Он был как зеркало — и воины, взглянув ему в глаза, увидели себя такими, как есть. Во всей своей темноте, дикости, похотливости и никчемности. Им нужно было разбить зеркало — поэтому они ослепили его и вырезали ему язык. Потом оставили его здесь... здесь он и лежит.

— Ты хочешь похоронить его? Я помогу тебе выкопать могилу.

— Нет, — с грустью ответил Варсава, — не хочу я его хоронить. Пусть его видят другие и знают, как безумны люди, желающие изменить мир.

— Это наашаниты его казнили?

— Нет, его казнили задолго до войны.

— Это твой отец?

Варсава с окаменевшим лицом покачал головой.

— Я знал его недолго — ровно столько, чтобы успеть выколоть ему глаза. — Он впился взглядом в лицо Друсса и продолжил: — Я был тогда солдатом. Что за глаза, Друсс, — большие, сияющие и голубые, как летнее небо. Последнее, что они видели, было мое лицо и выжегшее их каленое железо.

— И теперь он преследует тебя?

Варсава встал.

— Да, преследует. Это было злое дело, Друсс. Но мне дали такой приказ, и я выполнил его, как подобает солдату. А сразу же после этого подал в отставку и покинул армию. Скажи, как бы ты поступил на моем месте?

— Я бы никогда не оказался на твоем месте, — сказал Друсс, надевая котомку.

— И все-таки — как?

— Я бы отказался.

— Жаль, что я не сделал того же, — печально сказал Варсава, и они вернулись на тропу.

В молчании они прошли около мили, и Варсава внезапно сел. Вокруг высились горы, свистал ветер. Высоко в небе кружили два орла.

— Ты презираешь меня, Друсс?

— Да, — признался воин, — и все-таки ты мне нравишься.

— Люблю, когда говорят прямо. Я и сам себя презираю. А ты совершал что-нибудь, чего потом стыдился?

— Пока нет, но в Экстанисе был на грани.

— Что там произошло?

— Город уже несколько недель был в осаде, и, когда мы подошли, стены были уже проломлены. Я участвовал в первой атаке и многих убил. Потом, сам не свой от жажды крови, я ринулся к казармам. На меня наскочил маленький мальчик с копьем, и я, не успев опомниться, рубанул его топором. Он увернулся — лезвие задело его плашмя и сбило с ног. Но я чуть было его не убил. Случись это, я нескоро бы оправился.

— И это все?

— С меня довольно.

— Ты никогда не насиловал женщин, не убивал безоружных, не крал?

— Нет — и никогда такого не сделаю.

— Ты необыкновенный человек, Друсс. Люди должны либо ненавидеть тебя, либо чтить.

— Мне до этого дела нет. Далеко ли до твоей крепости?

— Еще два дня. Ночевать будем в сосновом лесу — там холодно, зато воздух великолепный. Кстати, ты так и не сказал, почему решил помочь мне.

— Верно, не сказал. Пошли поищем место для лагеря.

Через длинный перевал они вышли к сосновой роще, за рощей лежала напоминающая грушу долина. Там по берегам узкой речки стояли дома.

— С полсотни наберется, — прикинул Друсс.

— Да. Тут живут в основном крестьяне. Кайивак не трогает их, потому что зимой они снабжают его зерном и мясом. Но огня нам лучше не разводить — у Кайивака в деревне есть соглядатаи, и я не хочу, чтобы нас обнаружили.

Они углубились в лес. Здесь не так дуло, и они стали подыскивать место для ночлега. Здешние места походили на родные горы, и Друсс снова предался воспоминаниям о былом счастье с Ровеной. Отправляясь с Шадаком на ее поиски, он верил, что разлука продлится всего несколько дней. Даже на корабле ему верилось, что его странствиям скоро конец. Но месяцы и годы скитаний подточили его уверенность. Он знал, что никогда не откажется от поисков — но к чему они приведут? Что, если она вышла замуж, родила детей?

Что, если она счастлива и без него, и незачем ему вторгаться в ее жизнь?

Его раздумья нарушил раскат громкого смеха. Варсава тихо сошел с тропы, Друсс последовал за ним. Впереди открылась лощина, по которой бежал ручей, а посреди нее несколько человек метали ножи в дерево. К дереву был привязан старик. Руки раскинуты в стороны, лицо кровоточит, плечи изранены, из бедра торчит нож.

Друсс понял, что старик служит метателям мишенью. Чуть левее еще трое мужчин срывали платье с девочки-подростка, стараясь повалить ее на землю. Друсс снял котомку и устремился вниз, но Варсава удержал его.

— Ты что? Их там десять человек!

Но Друсс вырвался и зашел в тыл семерым метателям ножей. Занятые своей забавой, они его не заметили. Друсс ухватил двоих, что поближе, за шиворот и стукнул их головами. Раздался громкий стук, и оба без единого звука повалились наземь. Третий оглянулся, но не успел он опомниться, как кулак в перчатке с серебряными шипами заехал ему в рот, раздробив зубы. Лишившись чувств, он рухнул на своего товарища. Еще один бросился на Друсса, целя ножом ему в живот, — Друсс отвел клинок в сторону и нанес врагу прямой левый в подбородок. Остальные тоже вступили в бой, чей-то нож распорол Друссу колет на бедре. Друсс схватил того, что поближе, треснул его головой, другого ударил рукой наотмашь. Тот, прокатившись по земле, попытался встать, но привалился спиной к дереву, утратив всякую охоту драться.

Друсс, схватившись сразу с двумя, услышал душераздирающий вопль. Враги так и замерли. Друсс высвободил руку и нанес одному страшный удар по шее. Второй вырвался и бросился наутек. Друсс обвел взглядом местность, ища новых врагов, но увидел только Варсаву с окровавленным охотничьим ножом. Рядом с ним валялись два трупа. Трое поверженных Друссом лежали не шевелясь, а четвертый так и сидел у дерева. Друсс подошел к нему и поднял на ноги.

— Пора уносить ноги, парень!

— Не убивай меня! — взмолился тот.

— Кому нужно тебя убивать? Убирайся!

Тот поплелся прочь на подгибающихся ногах, а Друсс отвязал старика от дерева, опустил его наземь и вытащил нож из его бедра. Варсава подошел к ним.

— Это надо зашить. Пойду принесу котомку.

Старик через силу улыбнулся:

— Спасибо, друзья. Боюсь, они в конце концов прикончили бы меня. Где Дулина?

Друсс огляделся, но девочки нигде не было.

— С ней ничего худого не случилось. Наверное, убежала, когда началась драка. — Друсс наложил старику жгут на бедро и пошел посмотреть на убитых. Двое, на которых напал Варсава, и еще один, со сломанной шеей, были мертвы, остальные лежали без сознания. Друсс перевернул двух живых на спину, растолкал и попытался поднять. Один тут же повалился обратно, а другой спросил:

— Ты кто?

— Друсс.

— Кайивак тебя за это не помилует. На твоем месте я убрался бы подальше в горы.

Друсс поставил на ноги второго, и вояки побрели прочь. Варсава вернулся с котомкой в сопровождении девочки, придерживавшей на себе порванное платье.

— Глядите-ка, что я нашел, — сказал Варсава. — Она пряталась под кустом.

Друсс, буркнув что-то в ответ, пошел к ручью, стал на колени и напился.

Будь Снага с ним, лощина была бы залита кровью и завалена трупами. Друсс сел на берегу, глядя на струящуюся воду.

Когда он лишился топора, с души словно свалилось тяжкое бремя. Капалисский жрец был прав: это демонское оружие. С разгаром войны Друсс все больше чувствовал на себе его власть — неутолимая жажда крови накатывала, как прилив, а после битвы приходили пустота и разочарование. Самая пряная пища казалась пресной, самые ясные дни — серыми и унылыми.

Но однажды в горах наашаниты застали его одного. Он убил пятерых, больше пятидесяти пустились за ним в погоню. Он попытался пройти по скале, но топор мешал ему. Потом карниз обвалился, и Друсс, кувыркаясь, полетел вниз. Падая, он отшвырнул топор в сторону и хотел перевернуться головой вниз, но не успел и хлопнулся в воду спиной, так что весь воздух вышел из легких. Бурная река подхватила его и несла больше двух миль, пока он не ухватился за какой-то корень на берегу. Он подтянулся и сел, глядя на воду, вот как теперь.

Снага пропал — и Друсс освободился.

— Спасибо, что помог дедушке, — раздался нежный голосок у него за спиной, и Друсс с улыбкой обернулся.

— Они ничего тебе не сделали?

— Нет, только больно били по лицу.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать, скоро тринадцать будет. — Девочка была хорошенькая, с большими ореховыми глазами и легкими каштановыми волосами.

— Ничего, все уже позади. Вы с дедом из деревни?

— Нет. Мой дедушка лудильщик. Мы ходим с места на место, он точит ножи и чинит посуду. Он у меня очень умный.

— А родители твои где?

— У меня их никогда не было, только дедушка. Ты очень сильный — только тебя поранили.

— Ничего, малютка, заживет, — усмехнулся Друсс. Он снял колет и осмотрел рану на бедре — это была просто царапина.

Подошел Варсава.

— Давай я и тебя зашью, герой, — с заметным раздражением сказал он.

Друсс вытянулся на земле, и Варсава без церемоний принялся орудовать кривой иглой. Закончив, он сказал:

— Лучше нам уйти отсюда и возвратиться в Ланию. Думаю, наши приятели не замедлят вернуться.

Друсс надел колет.

— А как же крепость и твоя тысяча золотых?

— Из-за твоего геройства все пошло псу под хвост. Вернусь в Ланию и возьму с заказчика сто золотых за сведения о мальчике. Тебе же вольная воля — иди куда хочешь.

— Очень уж легко ты сдаешься. Ну, разбили мы пару голов — что из этого? У Кайивака сотни людей — не станет он обращать внимания на каждую потасовку.

— Меня волнует не Кайивак, а ты. Я не для того сюда пришел, чтобы спасать юных дев и убивать драконов — что там еще полагается делать героям? Предположим, мы явимся в крепость, и ты увидишь там какую-нибудь несчастную жертву — что тогда? Сможешь ты пройти мимо, чтобы выполнить то, что мы задумали?

Друсс поразмыслил и сказал:

— Нет, мимо я не пройду.

— Так я и думал, будь ты проклят! Ну и что ты хочешь этим доказать? Желаешь, чтобы о тебе сложили новые песни, или просто стремишься умереть молодым?

— Ничего я не хочу доказывать, Варсава. Пусть я умру молодым — зато, глядясь в зеркало, не устыжусь, что оставил без помощи старика и дал надругаться над ребенком. И дух злодейски убитого миротворца не будет преследовать меня.

Ступай куда хочешь, Варсава, и уведи этих людей с собой в Ланию. Я пойду в крепость.

— Тебя убьют там.

— Все умирают, и я тоже не бессмертен, — пожал плечами Друсс.

— Ты просто глуп, — огрызнулся Варсава и пошел прочь.

Мишанек положил окровавленный меч на парапет крепостной стены и отстегнул ремешок бронзового шлема, с наслаждением подставив потную голову холодному ветерку. Вентрийцы отошли в беспорядке, бросив за воротами свой огромный таран, окруженный многочисленными трупами. Мишанек прошел к заднему краю стены и крикнул солдатам внизу:

— Откройте ворота и затащите таран в город. — Потом достал из-за пояса платок, обтер меч и вложил его в ножны.

Четвертая атака успешно отражена — больше враг сегодня на приступ не пойдет. Но люди не спешили уходить со стены. В городе среди населения свирепствовала чума, унося каждого десятого. Каждого десятого? Нет, теперь, пожалуй, дело обстоит куда хуже.

Горден не стал запруживать реку, но велел набросать туда всякой дряни: полуразложившейся падали, отбросов и нечистот, производимых одиннадцатитысячной армией. Неудивительно, что в городе зараза.

Воду теперь брали из колодцев, но никто не знал, насколько они глубоки и надолго ли в них хватит воды. Мишанек взглянул на чистое голубое небо: ни облачка, и вот уж месяц, как не было дождя.

К нему подошёл молодой офицер:

— Двести получили легкие ранения, шестьдесят убиты и еще тридцать три ранены тяжело.

Мишанек кивнул, думая о другом.

— Как там дела в городе, брат?

— Чума пошла на убыль. Нынче умерли всего семьдесят человек — в основном дети и старики.

Мишанек встал и улыбнулся юноше:

— Твои сегодня хорошо дрались. Непременно доложу об этом императору, когда мы вернемся в Наашан. — Глаза братьев встретились, и невысказанная мысль пробежала между ними: *если* мы вернемся в Наашан. — Ступай отдохни, Нарин. У тебя измученный вид.

— У тебя тоже, Миши. Я отбивал только последние две атаки, а ты здесь с самого рассвета.

— Да, я устал. Но Патаи, как всегда, оживит меня.

— Вот не подумал бы, что ты способен любить кого-то так долго, — усмехнулся Нарин. — Почему ты на ней не женишься? Лучшей жены тебе не найти. В городе ее почитают. Вчера она обошла весь беднейший квартал, врачуя больных. Это просто изумительно: ей удается больше, чем любому лекарю. Стоит ей возложить руки на умирающих — и язвы исчезают без следа.

— Можно подумать, что ты сам в нее влюблен.

— Так оно, пожалуй, и есть, — покраснел Нарин. — Те сны по-прежнему посещают ее?

— Нет, — солгал Мишанек. — Ну, прощай — увидимся вечером.

Он спустился со стены и пошел домой. Чуть ли не на каждом втором доме был нарисован мелом крест, возвещающий о чуме. Рынок пустовал, лотки стояли покинутые. Провизия в городе была на исходе — из западного и восточного складов в одни руки ежедневно отпускалось четыре унции муки и фунт сушеных фруктов.

«Почему ты на ней не женишься?»

По двум причинам, о которых он не скажет никому. Первая в том, что Ровена уже замужем, хотя и не знает об этом. А во-вторых, это все равно что подписать себе смертный приговор. Ровена предсказала, что он погибнет здесь вместе с Нарином в первую годовщину своей свадьбы.

Этого предсказания Ровена теперь тоже не помнит: чародеи хорошо потрудились над ней. Она утратила и свой Дар, и всю память о юных годах в Дренае. Мишанек не чувствовал за это вины. Дар губил ее, разрывал на части — теперь она счастлива и весела. Один Пудри знает правду — и он достаточно умен, чтобы молчать о ней.

Мишанек свернул на Лавровую улицу и толкнул калитку своего дома. Садовников теперь не стало, и клумбы заросли сорняками. Фонтан больше не бил, а пруд, где прежде плавали рыбки, высох и растрескался. Навстречу Мишанеку выбежал Пудри.

— Хозяин, скорее — Патаи!

— В чем дело? — Мишанек сгреб старичка за ворот.

— Чума, хозяин, — со слезами на глазах прошептал тот. — Это чума!

Варсава нашел в северном утесе пещеру — глубокую, узкую и закругленную, как цифра «шесть». Он разложил в глубине костер — в своде там была трещина, через которую выходил дым. Друсс внес в пещеру старика, и тот теперь спал глубоким, целительным сном рядом с Дули-

ной. Варсава вышел посмотреть, не видно ли снаружи огня, и сел у входа, глядя на темный ночной лес. Друсс присоединился к нему.

— Полно тебе злиться. Разве ты не чувствуешь удовлетворения от того, что спас их?

— Никакого. Обо мне ведь песен не слагают — приходится самому о себе хлопотать.

— Это не объясняет твоего гнева.

— Да можно ли объяснить хоть что-то такому простофиле, как ты? Кровь Борцы! — Варсава рывком повернулся в Друссу. — Мир для тебя невероятно простое место. Тут добро, а там зло. Тебе не приходило в голову, что между ними существует огромное пространство, которое не так легко поименовать? Конечно же, не приходило! Взять хоть сегодняшний день. Старик мог оказаться злым колдуном, пившим кровь невинных младенцев, а мужчины с ножами — отцами этих младенцев. А ты, не разобравшись, кидаешься на них и давай колошматить.

— Ты заблуждаешься, — мягко ответил Друсс. — Я уже слышал все эти доводы от Зибена, Бодасена и других. Согласен, я человек простой. Прочесть могу только свое имя и сложных речей не понимаю. Но я не слепой. Старик, привязанный к дереву, был одет в домотканое старье, как и девочка, а колдуны все богатые. И разве ты не слышал, как жестоко смеялись его обидчики? Это не крестьяне: одежда у них покупная, сапоги и башмаки из хорошей кожи. Лихих людей сразу видно.

— Может, и так — но тебе-то какое дело? Или ты странствуешь по свету, чтобы исправлять зло и защищать невинных? Этому ты посвятил свою жизнь?

— Нет, хотя и стоило бы.

Друсс задумался. Шадак снабдил его сводом правил и внушил ему, что без этих железных рамок он, Друсс, будет не лучше всякого разбойника. А тут еще отец, Бресс, всю жизнь проживший под страшным гнетом своего происхождения. И наконец, дед, Бардан, которого демон превратил в одного из самых гнусных и ненавидимых злодеев прошлого. Жизни, слова и дела этих троих создали воина, который теперь сидит перед Варсавой. Но у Друсса не было слов объяснить все это, а он, к собственному удивлению, хотел бы объяснить, хотя никогда не испытывал такой нужды с Зибеном или Бодасеном.

— У меня не было выбора, — сказал он наконец.

— То есть как?

— Я был рядом — а больше никого не было.

Видя полное непонимание Варсавы, Друсс отвернулся и стал смотреть в ночное небо. Он знал, что поступил неразумно, но ему было хорошо, оттого что он спас старика и девочку. Пусть это неразумно — зато правильно.

Варсава встал и ушел в пещеру, оставив его одного. Подул холодный ветер, чувствовалось приближение дождя. В такую же холодную ночь много лет назад Друсс с отцом заночевали в горах Лентрии. Друсс был очень мал тогда, лет семи или восьми, и несчастен. Вокруг отцовской мастерской в маленькой деревушке собирались люди, они громко кричали. Друсс думал, что отец сейчас выйдет и прогонит их, но тот, как стемнело, собрал скудные пожитки и увел мальчика в горы.

«Почему мы убегаем?» — спросил Друсс. «Потому что они хотят поджечь наш дом». — «Взял бы и убил их». — «Не говори так, — отрезал Бресс. — В большинстве своем они хорошие люди, но им страшно. Поищем место, где о Бардане никто не слыхал». «А вот я ни от кого бы не стал бегать», — заявил мальчуган, и Бресс вздохнул. В это время к их костру подошел человек — старый, лысый, одетый в лохмотья, но с яркими, живыми глазами.

«Можно к вам?» — спросил он, и Бресс радушно принял его, угостил вяленым мясом, травяным настоем. Друсс уснул под их разговор, но несколько часов спустя проснулся. Бресс спал, а старик сидел у костра, подкладывая хворост в огонь. Друсс вылез из-под одеял и сел рядом с ним.

«Темноты боишься, мальчик?» — «Я ничего не боюсь». — «Это хорошо, а я вот боюсь. Темноты, голода и смерти. Всю жизнь боюсь — не того, так другого». — «Почему?» — спросил мальчик. Старик засмеялся: «Вот так вопрос! Хотел бы я знать, как на него ответить».

Старик бросил хворост в огонь, и Друсс заметил шрамы на его правой руке. «Откуда они у тебя?» — «Почти всю жизнь я был солдатом, сынок. Дрался с надирами, с вагрийцами, с сатулами, с пиратами и разбойниками. С кем только не доводилось скрещивать меч». — «А говоришь, что ты трус». — «Этого я не говорил, сынок. Я сказал, что боюсь, — а это совсем другое дело. Трус — это тот, кто знает, как должен поступить, но боится. Таких кругом полно, но их трудно распознать, потому как хвастаться они мастера, а при случае бывают зверски жестоки». — «Мой отец — трус», — грустно вымолвил мальчик. «Если это правда, сынок, то он первый, кому удалось меня провести за долгое время. Может, ты о том, что он убежал из деревни? Порой бегство — самый храбрый поступок, на который может отважиться

человек. Знавал я как-то одного солдата. Пил он как рыба, блудлив был как кот и лез в драку со всем, что ходит, ползает или плавает. Но потом он уверовал и сделался священником Истока. Как-то раз он шел по улице в Дренане, и человек, которого он когда-то побил в кулачном бою, подошел к нему, ударил прямо в лицо и сбил с ног. Я был при этом. Священник вскочил на ноги — и остановился. Ему очень хотелось подраться — все в нем стремилось к этому. Но он вспомнил, кто он такой, и сдержался. В его душе царило такое смятение, что он залился слезами. И пошел прочь. Вот оно где мужество, парень». «Не вижу тут никакого мужества», — сказал Друсс. «Те, кто видел это, были того же мнения. Но ты, надеюсь, с годами поймешь: глупость остается глупостью, сколько бы народу в нее ни верило».

...Друсс вернулся к настоящему. Он не знал, почему ему вспомнилась эта встреча, но воспоминание оставило в нем горький, печальный осадок.

Глава 2

В горах разразилась гроза. Пещера сотрясалась от раскатов грома, дождь загнал Друсса обратно в убежище. Копья молний озаряли все вокруг, меняя природу ночи. Мирный лес, где росли сосны и вязы, превратился в пристанище нечисти, уютные домики в долине казались надгробиями в преддверии ада.

Буйный ветер шатал деревья, и стадо оленей неслось по лесу, шарахаясь от ударов молнии. Одно дерево точно взорвалось изнутри, расколовшись надвое. Пламя охватило расщепленный ствол, но тут же угасло под проливным дождем.

Дулина подползла к Друссу и прижалась к нему. Шов у него на боку натянулся, но он не отстранился и обнял девочку за плечи.

— Это только гроза, малютка, она не причинит нам вреда.

Девочка молчала, и он посадил ее на колени, прижав к себе. Она была горячая, будто в жару.

Друсс заново ощутил свою потерю. Где-то теперь Ровена в эту темную бурную ночь? Бушует ли гроза там, где спит она, или все спокойно? Горюет ли она о Друссе или он превратился для нее в смутное воспоминание из прошлой жизни?

Девочка уснула, уткнувшись головой в сгиб его руки.

Держа ее крепко, но бережно, Друсс отнес ее к огню, уложил на одеяло и сунул в костер остаток дров. Старый лудильщик проснулся и сказал:

— Ты добрый человек.

— Как твоя нога?

— Болит, но не беда — заживет. А ты что-то грустен, друг мой.

— Такие уж грустные теперь времена.

— Я слышал, как ты говорил со своим другом. Жаль, что ты, помогая нам, лишился возможности помочь другим. Хотя я ничего менять бы не стал. — Старик улыбнулся.

— Я тоже, — усмехнулся Друсс.

— Я Рувак-Лудильщик. — Старик протянул костлявую руку.

Друсс пожал ее и сел рядом.

— Откуда ты?

— Родом-то? Из Матапеша, далеко на восток от Наашана и к северу от Опаловых Джунглей. Но я из тех, кому охота повидать новые горы. Люди думают, что все горы одинаковы, — ан нет. Одни зеленые и плодородные, другие увенчаны снегами и льдом. Одни остры, как мечи, другие от старости округлились и сжились с вечностью. Я люблю горы.

— Что случилось с твоими детьми?

— С детьми? Откуда у меня дети? Я и женат-то никогда не был.

— Разве Дулина — не твоя внучка?

— Нет. Я подобрал ее около Реши. Ее бросили, и она умирала с голоду. Хорошая девчонка, я ее очень люблю. Мне вовек не расплатиться с тобой за ее спасение.

— Не надо мне никакой платы.

— Это ты брось, дружище, — погрозил пальцем старик. — Ты подарил жизнь и ей, и мне. Я не люблю гроз, но на эту гляжу с великим удовольствием. Не приди ты в эту лощину, мне бы конец, а Дулину тоже, вероятно, убили бы, надругавшись сначала над ней. Как прекрасна эта гроза. Никто еще не делал мне таких подарков. — Старик говорил со слезами на глазах, но Друсс вместо приятного чувства испытал стыд. Настоящий герой, по его мнению, пришел бы на помощь этим несчастным из сострадания и ради торжества справедливости — Друсс же знал, что помог им не поэтому.

Совсем не поэтому. Дело-то он совершил доброе, а вот причина... Друсс потрепал старика по плечу и вернулся к устью пещеры. Гроза уходила на восток, и дождь утихал.

 На душе у Друсса было тоскливо. Он жалел, что с ним

нет Зибена. Поэт, как ни бесил порой Друсса, обладал даром поднимать ему настроение.

Но Зибен отказался сопровождать его, предпочтя удовольствия городской жизни утомительному путешествию через горы в Решу. Впрочем, трудности пути были только предлогом.

«Давай заключим договор, старый конь, — сказал Зибен в тот последний день. — Избавься от топора, и я переменю решение. Зарой его, брось его в море — мне все равно, куда ты его денешь». — «Неужели ты веришь во всю эту чушь?» — «Друсс, я видел это своими глазами. Он погубит тебя — во всяком случае, того человека, которого я знаю».

Теперь у Друсса ни топора, ни друга, ни Ровены. Друсс не привык отчаиваться, но сейчас чувствовал себя потерянным. Что пользы ему от его хваленой силы?

Занялся рассвет, мокрая от дождя земля заблестела. Дулина вышла к Друссу и сказала весело:

— Я видела чудный сон. Приехал рыцарь на белом коне и взял меня с собой на седло. Потом снял свой золотой шлем и сказал: «Я твой отец». И увез меня в свой замок. Мне никогда еще не снилось такое. Как ты думаешь, сон сбудется?

Друсс не ответил ей. Он смотрел на вооруженных людей, идущих через лес к пещере.

Мир сделался совсем маленьким — не осталось ничего, кроме боли и тьмы. Лежа в темнице без окон, Друсс слышал возню невидимых крыс, шмыгавших по его телу. Свет появлялся здесь лишь в конце дня, когда тюремщик проходил по коридору и тоненький луч его фонаря проникал сквозь решетку в двери. Только в эти мгновения Друсс мог видеть, что его окружало: потолок в четырех футах над полом, каморку, не больше шести квадратных футов. Со стен капала вода, было холодно.

Друсс согнал крысу с ноги, и боль накатила на него с новой силой. Он с трудом мог двигать шеей, правое плечо опухло и было горячим на ощупь. Он не знал, целы ли у него кости, и его бил озноб.

Сколько же дней он тут? Он насчитал шестьдесят три, но потом сбился. Пусть будет семьдесят, решил он, и начал счет снова, но в голове у него мутилось. Иногда ему мерещились родные горы, голубое небо, свежий северный ветер, холодящий лоб. Иногда он пытался вспомнить что-то из прошлого.

«Я сломлю тебя, и ты сам будешь молить о смерти», — сказал ему Кайивак в тот день, когда Друсса приволокли в замок. «Не дождешься, урод».

Кайивак жестоко избил его тогда, молотя кулаками по лицу и телу. Друсс со связанными руками и тугой петлей на шее мог только терпеть.

Первые две недели его держали в более просторном помещении. Стоило ему уснуть, как его начинали избивать дубинками. Одного мучителя ему удалось схватить за горло и треснуть головой о стену. Но ему перестали давать еду и питье, сила его истощилась, и он лишь сворачивался в комок под ударами.

Потом его бросили в эту нору, и он с ужасом смотрел, как вход закупоривают каменной глыбой. Каждые два дня тюремщик просовывал сквозь узкую решетку кусок черствого хлеба и чашку с водой. Дважды Друсс ловил крыс и съедал их сырыми, раня губы их острыми косточками.

Теперь он жил ради тех мгновений света, когда тюремщик поднимался во внешний мир.

— Других мы тоже поймали, — сказал как-то раз тюремщик, когда принес хлеб. Но Друсс ему не поверил. Кайивак непременно велел бы выволочь его отсюда, чтобы убить пленников у него на глазах.

Варсава просунул девочку в трещину в своде пещеры, а Друсс помог ему втащить туда Равака. Друсс собирался последовать за ними, но враги уже ворвались в пещеру — и он бросился им навстречу...

Их было слишком много, в конце концов они повалили его дубинками. Его принялись молотить кулаками и сапогами — очнулся он с веревкой на шее и связанными руками. Когда его тащили за лошадью, он то и дело падал, и веревка впивалась в шею.

Варсава описал Кайивака как чудовище, и это было как нельзя более верно. Вожак, семи футов ростом, имел невероятно широкие плечи, а ручищи были толщиной с ляжку обыкновенного человека. Глаза были темные, почти черные, и на правой стороне головы не росли волосы — белую кожу там покрывали рубцы, которые могли остаться только после сильного ожога. Глаза горели безумным огнем, к трону с высокой спинкой слева был прислонен топор...

Снага!

Друсс, стараясь не думать об этом, потянулся. Суставы хрустели, от холода дрожь пробирала все тело. Не надо, сказал он себе. Думай о другом. Он попытался представить себе Ровену, но вместо этого вдруг вспомнил день, когда жрец Паштара Сена нашел его в деревушке, стоявшей в четырех днях пути к востоку от Лании. Друсс сидел в гостиничном садике за трапезой из жареного мяса с луком и кувши-

ном пива. Жрец подошел, поклонился и сел напротив. Его лысина порозовела и облупилась от солнца.

«Рад видеть тебя в добром здравии, Друсс. Я ищу тебя вот уже полгода». — «Ну, вот ты меня и нашел». — «Я хочу поговорить о твоем топоре». — «Будь спокоен, отец. У меня его больше нет. Ты был прав — это злое оружие. Я рад, что избавился от него». — «Он вернулся, — покачал головой жрец. — Теперь им владеет разбойник по имени Кайивак. Он убийца по природе и поддался злу куда быстрее, чем ты. Теперь он свирепствует вокруг Ланнии, убивая, мучая и увеча. Солдаты заняты войной, и управы на него нет». — «А я тут при чем?»

Жрец помолчал, избегая прямого взгляда Друсса.

«Я наблюдал за тобой, — сказал он наконец. — Не только в настоящем — я проследил твою жизнь от рождения до того, как ты женился на Ровене и отправился ее искать. Ты редкий человек, Друсс. Ты держишь в железной узде те области твоей души, где таится зло. Ты боишься стать таким, как Бардан. Так вот, Кайивак — новое воплощение Бардана. Кто остановит его, как не ты?» — «У меня нет на это времени, жрец. Моя жена где-то в этих краях». Жрец, словно стыдясь чего-то, понурил голову и прошептал чуть слышно: «Верни топор, и я скажу тебе, где она».

Друсс смерил его долгим, тяжелым взглядом.

«Это недостойно тебя».

«Я знаю, — развел руками жрец, — но мне больше нечего тебе предложить». — «Взять бы тебя за твою хилую шею да вытрясти из тебя правду». — «Нет, Друсс, ты не сделаешь этого. Я тебя знаю». Друсс встал. «Я найду топор, — пообещал он. — Где мы встретимся?» — «Ты найди топор, а я найду тебя».

...Друсс в темноте вспоминал с горечью, какую уверенность испытывал тогда. Найти Кайивака, отнять у него топор и отыскать Ровену — что может быть проще!

Дурак ты, дурак, подумал Друсс. Он почесал зудящую щеку, содрав свежий струп. Крыса пробежала по ноге — он хотел поймать ее, но промахнулся. Привстав на колени, он уперся головой в холодный потолок.

Показался свет — тюремщик шел по коридору. Друсс подполз к решетке, и свет ослепил его. Тюремщик, лица которого Друсс не мог разглядеть, сунул в отверстие глиняную чашку. Хлеба не было. Друсс взял чашку и выпил воду.

— Жив еще, стало быть, — процедил тюремщик. — Кайивак небось уже забыл о тебе. Счастье твое — можешь жить теперь тут вместе с крысами, покуда не сдохнешь. Последний узник протянул тут пять лет. Когда мы выта-

щили его, волосы у него побелели, а зубы все сгнили, он ослеп и был скрючен, как старик. С тобой будет то же самое.

Друсс глядел на свет, следя за тенями на стене. Тюремщик встал, и свет стал слабее. Друсс отодвинулся.

Ему не дали хлеба...

«Можешь жить тут с крысами, покуда не сдохнешь».

Отчаяние ударило его словно молотом.

Патаи взлетела над своим изглоданным чумой телом, и боль утихла. «Я умираю», — подумала она, но не испытала ни страха, ни паники — внизу все казалось таким мирным.

Была ночь, и горели лампы. Паря под потолком, Патаи смотрела на Мишанека — он сидел рядом с исхудалой женщиной на кровати, держа ее высохшую от жара руку и шепча слова любви. «Это я там лежу», — подумала Патаи.

— Я люблю тебя, люблю, — шептал Мишанек. — Пожалуйста, не умирай!

Вид у него был усталый, и Патаи захотелось утешить его. Он окружал ее заботой и любовью с того первого утра, как она очнулась в его доме, в Реше. Ей вспомнился яркий солнечный свет и запах жасмина из сада. Она знала, что бородатый мужчина, сидящий рядом, ей знаком, но никак не могла вспомнить, кто он. Это ее смущало. «Как ты себя чувствуешь?» — спросил он. Голос тоже был знаком, но в памяти так ничего и не шевельнулось. «Где же я могла его видеть?» — подумала она и тут же испытала второй удар, куда сильнее первого.

У нее не было больше памяти! Ужас, должно быть, отразился на ее лице, потому что мужчина нагнулся и взял ее за руку.

«Не бойся, Патаи. Ты была очень больна, но теперь тебе лучше. Я знаю, ты меня не помнишь, но со временем все наладится. — Он подозвал другого мужчину, маленького, хрупкого и темнокожего. — Это Пудри. Он очень беспокоился за тебя».

Сев в постели, она увидела слезы на глазах маленького человечка и спросила: «Ты — мой отец?» — «Нет, Патаи, я слуга и твой друг». — «А вы, сударь, не брат мне?» — спросила она Мишанека. Он улыбнулся: «Если ты так хочешь, я им стану. Но нет, я не брат тебе. И не хозяин. Ты свободная женщина, Патаи». Он поцеловал ее в ладонь, и его борода показалась ей мягкой, как мех. «Значит, вы мой муж?» — «Нет. Просто человек, который любит тебя. Возьми меня за руку и скажи, что ты чувствуешь». Она повиновалась: «Хорошая

рука, сильная. И теплая». — «Ты ничего не видишь? Тебе ничего... не является?» — «Нет. А должно?» — «Конечно, нет. Просто в жару ты бредила, вот я и спросил. Видно, что теперь тебе гораздо лучше». И он снова поцеловал ей руку.

Так же, как теперь. «Я люблю тебя», — подумала она, вдруг опечалившись оттого, что должна умереть. Она прошла сквозь потолок и поднялась вверх. Звезды, если смотреть на них глазами души, не мигают, а тихо светятся, круглые, в огромной чаше ночи. А город кажется мирным, и даже вражеские костры вокруг украшают его, как мерцающее ожерелье.

Она так и не раскрыла до конца тайну своего прошлого. Кажется, она была чем-то вроде пророчицы и принадлежала купцу Кабучеку, но он бежал из города задолго до начала осады. Патаи помнила, как отправилась к его дому, надеясь оживить свою память. Там она увидела могучего воина в черном, вооруженного обоюдоострым топором. Он разговаривал со слугой. У Патаи неведомо отчего забилось сердце, и она укрылась в переулке. Воин походил на Мишанека, но казался более суровым и опасным. Она не могла оторвать от него глаз, испытывая очень странные чувства, потом повернулась и помчалась обратно домой.

С тех пор она больше никогда не пыталась вспомнить прошлое.

Но иногда, когда Мишанек предавался с ней любви, особенно если это происходило под цветущими деревьями сада, ей вспоминался воин с топором. Тогда она снова испытывала страх и чувствовала себя предательницей. Мишанек так любит ее, а она в такие минуты смеет думать о другом мужчине, которого даже не знает.

Патаи взлетела еще выше и понеслась над разоренной землей, над разрушенными селами и призрачными покинутыми городами. Быть может, это дорога в рай? Внизу показались горы, среди них — неказистая серая крепость. Патаи опять вспомнился человек с топором, и ее потянуло туда. В зале сидел человек громадного роста, с иссеченным шрамами лицом и злобными глазами. Рядом с ним лежал топор, принадлежавший прежде воину в черном.

Патаи опустилась в подземелье, в темную сырую темницу, кишащую крысами и вшами. Воин лежал там, покрытый язвами. Он спал, и его дух вышел из тела. Патаи хотела коснуться его щеки, но призрачная рука не могла ничего. В этот миг она заметила мерцающий контур вокруг его тела, дотронулась до света и сразу нашла его.

Он был одинок, и его снедало отчаяние. Она заговорила с ним, стараясь придать ему сил, но он простер к ней руки, и его слова напугали ее. Потом он исчез — очевидно, проснулся.

Патаи плыла по коридорам крепости. В пустой кухне дремал старик, и то, что ему снилось, привлекло ее внимание. Он провел несколько лет в той же темнице, что и пленный воин. Патаи вошла в его разум и заговорила с его грезящим духом, а после вернулась в ночное небо. «Нет, я не умираю, — подумалось ей. — Я просто свободна».

Миг спустя она вернулась в Решу и в свое тело. Боль захлестнула ее, и плоть сомкнулась вокруг духа, как тюрьма. Она почувствовала руку Мишанека, и все мысли о пленном воине рассеялись, как туман под солнцем. Счастье вдруг охватило ее, несмотря на боль. Он был так добр к ней, так почему же...

— Ты не спишь? — тихо спросил он, и она открыла глаза.

— Нет. Я люблю тебя.

— И я тебя — больше жизни.

— Почему бы нам тогда не пожениться? — внезапно севшим голосом выговорила она.

— Тебе бы хотелось этого?

— Я была бы... счастлива.

— Сейчас пошлю за священником.

Она нашла его на голом склоне горы, где свистал зимний ветер. Он замерз и ослаб, его била дрожь, и в глазах мутилось.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Жду смерти.

— Так нельзя. Ты воин, а воин никогда не сдается.

— У меня нет больше сил.

Ровена села рядом и обняла его за плечи — он ощутил ее тепло и сладость ее дыхания.

— Найди их, — сказала она. — Отчаяться — значит потерпеть поражение.

— Я не могу преодолеть камень, не могу зажечь свет во тьме. Тело мое гниет, и зубы шатаются.

— Есть у тебя что-нибудь, ради чего стоит жить?

— Да, — ответил он и простер к ней руки. — Это ты! Так было всегда — но я не могу тебя найти.

Он очнулся в зловонном мраке темницы и ощупью дополз до решетки. Из коридора шел холодный воздух, и Друсс с жадностью вдохнул его. Во тьме замигал факел, слепя глаза. Друсс зажмурился. Тюремщик прошел мимо, и

снова стало темно. У Друсса свело желудок — он застонал, к горлу подступила тошнота.

Опять показался слабый свет, и Друсс, с трудом привстав на колени, приник лицом к отверстию. Старик с жидкой белой бородой спустился на колени по ту сторону двери. Маленькая глиняная лампа давала мучительно яркий свет, и Друссу резало глаза.

— Ага, ты жив! Это хорошо, — прошептал старик. — Я принес тебе эту лампу и огниво. Пользуйся ими осторожно — это поможет тебе приучить глаза к свету. Еще я принес немного еды. — Старик просунул в отверстие полотняный узелок. У Друсса так пересохло во рту, что он не мог говорить. — Вернусь, когда смогу, — сказал старик. — Помни: зажигай свет, только когда тюремщика нет рядом.

Шаги медленно удалились по коридору, и Друссу показалось, что хлопнула дверь, но он не был уверен. Дрожащей рукой он поставил лампу на пол, забрал из ниши узелок и железную коробочку с огнивом.

Со слезящимися от света глазами он развязал узелок — там были два яблока, кусок сыра и немного вяленого мяса. Друсс запустил зубы в яблоко. Вкус показался ему восхитительным, сок обжег кровоточащие десны. Глотать было больно, но прохладная мякоть смягчила раздражение. Друсса чуть не вырвало, но он сдержался и медленно доел плод. После второго яблока усохший желудок взбунтовался. Друсс перестал жевать и сел тихо, прижимая к себе сыр и мясо, словно драгоценные сокровища.

Ожидая, когда успокоится желудок, он разглядывал свое обиталище, впервые видя здешнюю грязь и пыль. Руки у него потрескались и покрылись болячками. Кожаный колет забрали, а шерстяная рубашка кишела вшами. В углу виднелась дыра, через которую лазали крысы.

Отчаяние сменилось гневом.

Отвыкшие от света глаза продолжали слезиться. Он снял рубашку и оглядел свое исхудавшее тело. Руки утратили свою мощь, на них торчали суставы. «А все-таки я жив, — сказал он себе, — и буду жить».

Он съел сыр и половину мяса. Ему не терпелось поглотить все без остатка, но он не знал, когда вернется старик, поэтому завернул мясо в тряпицу и сунул за пояс.

Зажигательная коробочка была старого образца — огонь добывался ударом кремня о зубчатое колесико, а в углублении помещался порошковый трут. Уверившись, что

сумеет пользоваться всем этим в темноте, Друсс неохотно задул лампу.

Старик вернулся два дня спустя. На сей раз он принес сушеные абрикосы, ломоть ветчины и мешочек с трутом.

— Надо сохранять гибкость, — сказал он Друссу. — Упражняйся, лежа на полу.

— Чего ради ты все это делаешь?

— Я сам просидел здесь многие годы и знаю, каково это. Надо восстановить силы. Для этого есть два способа, насколько мне известно. Первый такой: ложишься на живот, подобрав под себя руки, и, держа ноги прямыми, приподнимаешься на одних руках. Столько раз, сколько сможешь. Считай и каждый день добавляй один раз. А второй способ: ложишься на спину и поднимаешь вверх прямые ноги. Это укрепляет живот.

— Сколько времени я здесь пробыл? — спросил Друсс.

— Об этом лучше не думать. Главное — восстановить силы. В другой раз я принесу тебе мазь от болячек и порошок от вшей.

— Как тебя зовут?

— Лучше тебе не знать этого — на тот случай, если они найдут лампу.

— Я твой должник, дружище, а я всегда плачу свои долги.

— Со мной ты не расплатишься, пока не окрепнешь.

— Я окрепну, — пообещал Друсс.

Когда старик ушел, он зажег лампу и лег на живот. Он отжался восемь раз, прежде чем рухнуть на грязный пол.

Неделю спустя он мог отжаться уже тридцать раз, а к концу месяца — сто.

Глава 3

Часовой у главных ворот, прищурив глаза, оглядел трех всадников. Никого из них он не знал, между тем ехали они с небрежной уверенностью, болтая и смеясь. Часовой вышел им навстречу и спросил:

— Кто такие?

Первый, стройный светловолосый воин, носящий перевязь с четырьмя ножами, сошел со своей гнедой кобылы.

— Мы путники, ищем пристанища на ночь. А в чем дело? Может, в городе чума?

— Нет у нас никакой чумы. — Часовой поспешно сделал знак Хранящего Рога. — Откуда путь держите?

— Из Лании на побережье, в Капалис. Нам нужна гостиница.

— Гостиниц тут нет. Это крепость Кайивака.

Двое других остались в седлах. У одного через плечо висел лук, а на седельной луке — колчан, второй, в широкополой кожаной шляпе, имел при себе только охотничий нож длиной с короткий меч.

— Мы можем заплатить за ночлег, — с приветливой улыбкой сказал светловолосый.

Часовой облизнул губы, а приезжий, порывшись в кошельке, опустил в его ладонь увесистую серебряную монету.

— Ну что ж... не прогонять же вас. — Страж спрятал монету в карман. — Езжайте через главную площадь, а там налево. Увидите дом под куполом — восточной стороной он выходит в переулок. Там есть трактир. Без драк в этом кабаке не обходится, но хозяин, Акай, держит комнаты. Скажите ему, что вас послал Ратсин.

— Очень любезно с твоей стороны. — Воин с перевязью снова сел на коня.

Часовой, глядя им вслед, покачал головой. Он не надеялся увидеть их снова. Серебра у них много, а меча ни одного.

Старик приходил чуть ли не каждый день, и Друсс очень ценил эти мгновения. Гость никогда не задерживался надолго и говорил кратко, мудро и по делу.

— Самая большая опасность для тебя, когда ты отсюда выйдешь, — глаза. Ты слишком привык к темноте, и солнце может надолго ослепить тебя. Я, когда меня выпустили, ослеп почти на месяц. Смотри почаще на лампу, приучай зрачки суживаться.

Друсс, окрепший настолько, насколько это возможно в тюрьме, сказал ему в последнюю встречу:

— Завтра не приходи, и послезавтра тоже.

— Почему?

— Думаю уйти отсюда. — Старик рассмеялся. — Я серьезно, дружище. Два дня не ходи ко мне.

— Как ты собираешься выйти? Чтобы сдвинуть дверную глыбу, нужны двое, притом она заперта на два засова.

— Раз так, увидимся через два дня.

И Друсс остался один в темноте. Мазь, что принес старик, залечила почти все его язвы, а порошок, дьявольски едкий, изгнал всех насекомых, кроме самых упорных. Сытная еда восстановила силы Друсса, зубы во рту больше не шатались. Лучше и желать нечего — его время пришло.

Весь долгий день он ждал и наконец услышал шаги тюремщика. В отверстие просунули чашку с водой и ломоть черствого хлеба. Друсс затаился в темноте, не шевелясь.

— Эй ты, крыса, кушать подано, — окликнул тюремщик. Ответом было молчание. — Ну как знаешь. Авось передумаешь еще.

Потянулись долгие часы, и вот в коридоре снова замигал факел. Друсс, выждав еще немного, зажег свою лампу и доел мясо, оставленное накануне стариком. Потом поднес лампу к лицу и стал смотреть на крохотный огонек, водя им перед глазами. Свет уже не жалил глаза так, как прежде. Друсс задул лампу, перевернулся на живот и отжался от пола сто пятьдесят раз.

Он уснул, и его разбудил приход тюремщика. Тот стал на колени у решетки, но в темноте, как достоверно знал Друсс, ничего разглядеть не мог. Вода и хлеб остались нетронутыми. Главное теперь в том, есть ли тюремщику дело до того, жив узник или мертв. Кайивак посулил Друссу, что тот сам будет молить его о смерти — атаману скорее всего не понравится, что его лишили такого удовольствия.

Тюремщик выругался и удалился в ту сторону, откуда пришел. У Друсса пересохло во рту, сердце отчаянно колотилось. Минуты шли за минутами, долгие и тревожные. Потом тюремщик вернулся — и не один.

— Я не виноват, — говорил он кому-то. — Атаман сам назначил ему содержание.

— Ты хочешь сказать, что виноват атаман?

— Нет-нет! Никто тут не виноват. Может, у него сердце было слабое, кто знает. Или захворал чем. Может, он и жив еще, только хворый — надо будет на время перенести его куда попросторнее.

— Надеюсь, ты прав, иначе тебе повесят собственные кишки на шею заместо ожерелья.

Послышался скребущий звук — Друсс догадался, что это отодвигают засовы.

— Ну, теперь взяли! — И двое, навалившись разом, сдвинули в сторону камень. — Боги, ну и вонища! — пожаловался кто-то, сунув внутрь факел. Друсс сгреб его за

горло, втянул в темницу и ринулся наружу. Выкатившись за дверь, он встал на ноги, но его шатнуло.

— Вот тебе и мертвец, — со смехом сказал второй стражник, и Друсс услышал шорох вынимаемого из ножен меча. Видно было плохо — в коридоре горело не меньше трех факелов, свет слепил глаза. — А ну, крыса, пошел обратно в нору!

Друсс бросился на стражника и двинул его в лицо кулаком. Железный шлем слетел с тюремщика, тот качнулся назад и ударился головой о стену. Подоспел второй. У Друсса в глазах немного прояснилось — он увидел, что стражник намерен огреть его по голове. Друсс пригнулся и вогнал кулак ему в живот. Стражник скрючился, с шумом выпустив воздух, и Друсс обрушил кулак ему на шею. Раздался хруст, и стражник ничком повалился на пол.

Третий пытался вылезти из темницы, но Друсс повернулся к нему, и он с испуганным визгом уполз обратно. Друсс втащил туда же лишившегося сознания первого стражника и труп второго. Потом, тяжело дыша, присел, налег в порыве гнева на камень и задвинул его на место. Вогнав его в проем до конца ногами, Друсс отдышался немного и задвинул засовы.

Огни плясали у него перед глазами, сердце колотилось так, что он не смог бы сосчитать удары. Но он заставил себя встать и оглядел коридор. В дальнее окошко светило солнце, и пылинки кружились в луче. Это было неописуемо прекрасное зрелище.

Коридор был пуст. Друсс разглядел стол, на котором стояли чаши, и два стула. В чашах было разбавленное вино — он выпил обе. В коридор выходили другие темницы, но в них вместо дверей были решетки. За деревянной дверью оказалась темная лестница.

Друсс медленно шагал вверх по ступенькам. Силы убывали, но гнев гнал его вперед.

Зибен с неприкрытым ужасом смотрел на маленькую черную букашку у себя на руке.

— Это просто нестерпимо.

— Что? — отозвался Варсава от окошка.

— В комнате блохи. — Зибен раздавил насекомое двумя пальцами.

— Похоже, они отдают предпочтение тебе, поэт, — с веселой ухмылкой вставил Эскодас.

— Рисковать жизнью — одно дело, — ледяным тоном отрезал Зибен, — а блохи — совсем другое. Я еще

не осматривал кровать, но она наверняка кишит всякой живностью. Не предпринять ли нам свою попытку теперь же?

— Лучше подождем, пока стемнеет, — сказал Варсава. — Три месяца назад я увез отсюда мальчика, чтобы вернуть его отцу. Тогда-то я и узнал, что Друсса держат здесь. Темницы, само собой, помещаются в самой глубине подземелья. Над ними расположена кухня, а над кухней — главный зал. Иначе как через зал в темницы не пройдешь, поэтому к сумеркам мы должны быть в замке. Тюремщик на ночь не остается — значит, если мы затаимся в замке до полуночи, то сможем освободить Друсса. Вопрос в том, как вывезти его из крепости. Как вы видели, здесь двое ворот — они охраняются весь день, а на ночь запираются. На стенах и башнях тоже стоят часовые.

— Сколько их? — спросил Эскодас.

— В прошлый раз у главных ворот было пятеро.

— Как же ты вывез мальчика?

— Он еще маленький. Я посадил его в мешок и приторочил к седлу. Так и выехал на рассвете.

— Друсс, пожалуй, в мешок не поместится, — заметил Зибен.

Варсава сел рядом с ним.

— Он уже не тот, каким ты его знал, поэт. Он провел больше года в каменном мешке, на хлебе и воде. Прежнего силача мы не увидим. Он мог ослепнуть, сойти с ума — все возможно.

Настало молчание — все вспоминали воина, вместе с которым сражались.

— Жаль, что я так поздно узнал об этом, — промолвил Зибен.

— Я и сам не знал, — сказал Варсава. — Я думал, его убили.

— А мне казалось, что Друсса не может побить даже целая армия, — заметил Эскодас. — Он был такой несокрушимый.

— Это верно, — хмыкнул Варсава. — Я видел, как он, безоружный, спустился в лощину, где десять разбойников истязали старика. Он скосил их, как серп пшеницу, — было на что посмотреть.

— Так как же мы поступим? — спросил Зибен.

— Явимся в замок, чтобы засвидетельствовать свое почтение Кайиваку. Авось сразу он нас не убьет!

— Превосходный план, — ехидно одобрил Зибен.

— У тебя есть получше?

— Думается мне, что есть. В такой дыре развлечений, конечно, не густо. Я пойду в замок один, назову себя и предложу устроить представление в обмен на ужин.

— Я не хотел бы показаться грубым, — сказал Эскодас, — но вряд ли к твоей высокой поэзии отнесутся здесь с должным уважением.

— Дорогой мой, я лицедей и могу удовлетворить всякую публику.

— Здешняя публика, — вмешался Варсава, — состоит из последнего отребья Вентрии, Наашана и прочих восточных и западных земель. Будут присутствовать дренайские перебежчики, вагрийские наемники и вентрийские преступники всякого рода.

— Они будут мои, — спокойно сказал Зибен. — Дайте мне полчаса и идите смело. Ручаюсь, вас никто не заметит.

— Скромность украшает, — улыбнулся Эскодас.

— Я человек одаренный и горжусь своим даром.

Поднявшись по лестнице, Друсс остановился. Где-то рядом суетились, скребли кастрюли и чистили ножи. Запах свежего хлеба смешивался с ароматом жареного мяса. Друсс, прислонившись к стене, задумался. Незамеченным тут не пройдешь. Ноги у него устали, и он присел на корточки.

Как же быть?

Услышав чьи-то шаги, он выпрямился. Появился старик, сгорбленный и кривоногий, таща ведро с водой. Приблизясь к Друссу, он вскинул голову и раздул ноздри. Друсс заметил, что его слезящиеся глаза затянуты опаловой пленкой. Старик поставил ведро и протянул руку.

— Это ты? — прошептал он.

— Ты слепой?

— Почти. Я же говорил, что провел пять лет в твоей темнице. Пойдем со мной. — Старик поставил ведро, вернулся обратно по извилистому коридору и спустился по узкой лестнице. Там помещалась его каморка, где в узкое оконце лился солнечный свет. — Жди здесь, — велел он. — Я принесу тебе еды и питья.

Вскоре он вернулся с половиной свежевыпеченного хлеба, кругом сыра и кувшином воды. Друсс жадно поглотил все это и улегся на койку.

— Спасибо тебе за твою доброту. Без тебя я погиб бы — не телом, так душой.

— Я уплатил свой долг. Один человек кормил меня, как я тебя. Он поплатился за это жизнью — Кайивак посадил его на кол. Но у меня недостало бы мужества, если бы во сне мне не явилась богиня. Не она ли вывела тебя из темницы?

— Богиня?

— Она поведала мне о твоих муках, и я преисполнился стыда за свою трусость. Я поклялся ей сделать все, что в моей власти. Она коснулась моей руки, и спина у меня сразу перестала болеть. Это она отодвинула камень?

— Нет, я перехитрил тюремщика.

Друсс рассказал старику о своем побеге.

— До вечера их не найдут, — сказал тот. — Хотел бы я послушать их вопли, когда крысы станут бегать по ним в темноте.

— Почему ты думаешь, что женщина, которая явилась тебе во сне, — богиня?

— Она назвала мне свое имя, Патаи, и сказала, что она дочь земной матери. В том сне она гуляла со мной по зеленым холмам моей юности. Я никогда ее не забуду.

— Патаи... — тихо повторил Друсс. — Она явилась и ко мне в темницу и вдохнула в меня силу. — Друсс встал и положил руку на плечо старика. — Ты подвергался большой опасности, помогая мне, я не смогу расплатиться с тобой до конца своих дней.

— Ты можешь остаться здесь и бежать, когда стемнеет. Я достану веревку, и ты спустишься со стены.

— Нет. Я должен найти Кайивака и убить его.

— Ну что ж. Богиня даст тебе силы, не так ли? Она вольет силы в твое тело?

— Боюсь, что нет. Придется полагаться только на себя.

— Но это верная смерть! Даже и не пытайся, — взмолился старик, и слезы покатились из его мутных глаз. — Он тебя уничтожит. Он чудовище и обладает силой десяти человек. А посмотри на себя! Я плохо тебя вижу, но знаю, что ты должен быть очень слаб. Перед тобой жизнь, свобода, солнечный свет. Ты молод — зачем же совершать подобное безумство? Он повалит тебя одним пальцем и либо убьет, либо швырнет назад в подземелье.

— Я родился не для того, чтобы бегать. И поверь: я не так слаб, как ты думаешь. Ты об этом позаботился. Расскажи-ка мне о замке. Куда ведут лестницы снизу?

Эскодас не боялся смерти, ибо не питал любви к жизни — так было с ним уже много лет. С тех пор как отца выволокли из дома и повесили, Эскодас не знал, что такое радость. Даже потерю свою он принял спокойно. На корабле он сказал Зибену, что ему нравится убивать, но это была неправда. Он не испытывал никаких чувств, когда стрела попада-

ла в цель, кроме минутного удовлетворения после особенно удачного выстрела.

Теперь, идя с Варсавой к мрачному серому замку, он равнодушно гадал, умрет он сегодня или нет. Вспомнив об узнике в тесном сыром подземелье, он спросил себя, что сталось бы в заточении с ним самим. Ведь он довольно безразличен к красотам мира, к горам, озерам, океанам и долинам. Тосковал бы он по всему этому в темнице? Вряд ли.

Варсава, напротив, был напряжен. Эскодас улыбнулся. Чего тут бояться? Умираешь лишь раз.

Они поднялись по лестнице к воротам замка, которые были распахнуты настежь и никем не охранялись. Войдя внутрь, Эскодас услышал гогот, несущийся из зала. Они заглянули туда. За тремя большими столами сидели около двухсот человек, а на помосте в дальнем конце, футах в шести над полом, восседал Кайивак. Восседал на резном троне из черного дерева — и улыбался. Перед ним на столе стоял Зибен.

Голос поэта звенел. От неслыханной похабщины того, что он рассказывал, у Эскодаса отвалилась челюсть. Он слышал в исполнении Зибена эпические поэмы и философские трактаты, но историй о шлюхах и ослах не слышал никогда. Варсава рассмеялся от души, когда рассказ завершился особенно большой непристойностью.

Эскодас оглядел зал. Поверху шли хоры, на них вела лестница. Там можно было спрятаться. Он ткнул Варсаву в бок и шепнул:

— Погляжу, что там наверху.

Тот кивнул, и Эскодас, незаметно пройдя к лестнице, поднялся по ней. Узкие хоры тянулись вокруг всего зала. Дверей на них не было, и человек, сидящий тут, мог не опасаться, что его заметят снизу.

Зибен начал историю о герое, попавшем в плен к злобному врагу, и Эскодас стал слушать.

— Его привели к предводителю и сказали, что он останется жив только в том случае, если выдержит четыре испытания. Первое состояло в том, чтобы пройти босиком по горячим углям. Затем надо было осушить четверть самой крепкой водки. Затем войти в пещеру и клещами вырвать больной зуб львице-людоедке. И наконец, он должен переспать с самой безобразной старухой во всей деревне.

Итак, наш герой стянул сапоги и велел принести углей. Он отважно прошел по ним и единым духом осушил четверть водки, а после, пошатываясь, ввалился в пещеру. Вскоре оттуда стало доноситься рычание, вой, грохот и визг.

Слышавшие это похолодели. Вскоре наш воин вышел наружу. «Ну а где же старушонка, у которой зуб болит?» — спросил он.

Хохот эхом отразился от стропил, а Эскодас только головой покачал в изумлении. В Капалисе воины часто перешучивались, но бывший при этом Зибен никогда не смеялся и не находил в этом ничего забавного. А теперь извольте — пересказывает то же самое, да еще с каким смаком!

Переведя взгляд на Кайивака, Эскодас заметил, что тот больше не улыбается, а барабанит пальцами по подлокотнику. Эскодас знавал многих злодеев, и некоторые на вид были что твои ангелы — красивые, ясноглазые, златокудрые. Но у Кайивака и обличье было злодейское. Одетый в черный колет Друсса с серебряными наплечниками, он порой протягивал руку, чтобы погладить черную рукоять топора, прислоненного к трону, — рукоять Снаги.

Внезапно он встал во весь свой гигантский рост и взревел:

— Довольно! — Зибен умолк. — Мне не нравится твое представление, бард, и сейчас я велю раскалить для тебя железную спицу. — В зале настала полная тишина. Эскодас достал из колчана стрелу и наставил лук. — Ну что, может, пошутишь еще малость перед смертью?

— Пожалуй, разок пошучу, — ответил Зибен, глядя в глаза безумцу. — Прошлой ночью мне снился сон, страшный сон: я оказался в аду, где пылает неугасимый огонь и муки длятся вечно. Устрашенный, я спросил одного из демонов-стражей: «Можно ли выйти отсюда?» Он ответил, что один способ есть, но никому еще не удавалось добиться успеха. Он проводил меня к двери в темницу, и сквозь решетку я увидел невообразимо мерзкую женщину: всю в проказе, в язвах, беззубую и старую, как само время. В остатках ее волос копошились черви. «Вот, — сказал демон, — если проведешь с ней всю ночь, тебе позволят уйти». И не скрою — я хотел попытаться, но тут увидел рядом вторую дверь и заглянул внутрь. И кого же я там увидел? Тебя, атаман. Ты предавался любви с одной из самых красивых женщин, которых я знал. И я спросил демона: «Почему это я должен любиться с таким страшилищем, когда у Кайивака такая красотка?» «Так ведь у женщин тоже должен быть способ выбраться отсюда», — ответил он.

Эскодас даже сверху заметил, как побледнел Кайивак.

— Твои смертные муки будут длиться вечность, — дрожащим голосом произнес атаман.

Эскодас оттянул тетиву... и замер. За помостом появился человек с грязными, спутанными волосами и бородой, с лицом, черным от въевшейся грязи. Он двинул плечом в спинку трона, и тот перевернулся, скинув главаря с помоста. Кайивак головой вперед рухнул на стол, где стоял Зибен.

Чумазый вскинул вверх сверкающий топор, и голос его разнесся по всему залу:

— Не хочешь ли послушать, как я молю о смерти, сукин сын?

Эскодас усмехнулся. Бывают все-таки в жизни стоящие мгновения, подумал он.

Взяв топор и ощутив в руке холодное черное топорище, Друсс почувствовал прилив сил. Будто огонь хлынул по его жилам, согрев каждую мышцу и сухожилие. Он точно возродился заново. Никогда еще Друсс не знал столь восхитительного чувства. Легкость и полнота жизни переполняли его, словно паралитика, вновь обретшего власть над своими членами.

Он расхохотался на весь зал при виде Кайивака, который копошился на полу среди кубков и тарелок. Атаман разбил лицо в кровь, рот у него перекосился.

— Отдай топор! — заорал Кайивак. — Он мой!

Разбойники смотрели на него в удивлении. Они ожидали неистовой ярости, а между тем в голосе их свирепого главаря слышалась чуть ли не мольба.

— Возьми его сам, — сказал Друсс.

Кайивак в нерешительности облизнул свои тонкие губы и вдруг завопил:

— Убейте его!

Разбойники повскакали на ноги. Один выхватил меч и бросился к помосту, но чья-то стрела вонзилась ему в горло. Воины, замерев, принялись оглядывать зал в поисках скрытого стрелка.

— И этому-то человеку вы подчинялись! — нарушил тишину голос Друсса. — Вот он стоит, весь в подливке, и боится сразиться со своим пленником, которого держал в темнице на хлебе и воде. Тебе нужен топор, Кайивак? Я повторяю: иди и возьми его. — Друсс вогнал Снагу в доски помоста так, что топор затрепетал, а сам отошел в сторону.

Кайивак внезапно подскочил к помосту и прыгнул на него. Он был громаден, плечист и могуч, но прямой удар левой первого машрапурского бойца разбил ему рот, а боковой правый врезался в челюсть, как молния. Кайивак слетел вниз и грохнулся спиной об пол. Встал он быстро, но теперь взошел на помост по ступеням.

— Сейчас я тебе покажу, недомерок! Я вырву твою требуху и заставлю тебя ее съесть.

— Не дождешься. — Друсс ступил навстречу Кайиваку и снова нанес прямой левой — прямо в сердце. Великан зарычал и правой сверху ударил Друсса по лбу, заставив его отступить. Левая рука с растопыренными пальцами устремилась вперед, целя Друссу в глаза. Друсс нагнул голову, и пальцы уперлись ему в лоб, распоров длинными ногтями кожу. Кайивак сгреб его за рубашку, но истлевшая ткань лопнула, и он отлетел назад, а Друсс нанес два сокрушительных удара ему в живот. Чувство было такое, словно он бьет о стену. Великан со смехом ударил снизу вверх, едва не подняв Друсса на воздух. Из сломанного носа хлынула кровь. Кайивак ринулся вперед, но Друсс отступил в сторону и подставил ему ногу. Атаман грохнулся на пол, но тут же вскочил.

Друсс начал уставать — сила, подаренная топором, шла на убыль. Он сделал финт левой, и Кайивак, уклонившись, нарвался на боковой правый, разбивший ему нижнюю губу. Друсс добавил еще — и слева, и справа. Из правой брови Кайивака потекла кровь, он отступил. Потом освободил губу, насаженную на зубы, ухмыльнулся окровавленным ртом — и выдернул Снагу из пола.

Топор сверкнул красным огнем в свете факела.

— Вот тебе и конец, недомерок! — прорычал Кайивак.

Он поднял топор, но Друсс подпрыгнул и правой ногой пнул его в колено. Сустав оглушительно треснул, великан с воплем повалился, выпустил топор. Снага, взвившись в воздух, перевернулся, устремился вниз и угодил Кайиваку прямо между лопатками, разрезав колет и кожу. Атаман, извернувшись, высвободил лезвие из тела, и Друсс забрал топор себе.

Кайивак, сморщившись от боли, сел и уставился на противника с неприкрытой ненавистью.

— Убей уж сразу, — проворчал он.

Друсс, так и стоявший около на коленях, кивнул и нанес поперечный удар, разрубив бычью шею Кайивака. Тело рухнуло вправо, голова упала влево, подскочила и свалилась с помоста вниз. Друсс встал и повернулся лицом к ошеломленным разбойникам. Усталость внезапно одолела его, он присел на трон Кайивака и приказал:

— Эй кто-нибудь, подайте мне вина!

Зибен, взяв кувшин и кубок, медленно двинулся к нему.

— Нельзя сказать, чтобы ты сильно спешил, — сказал ему Друсс.

Глава 4

Варсава наблюдал всю эту сцену как зачарованный. Труп Кайивака лежал на помосте, заливая доски кровью, и все взоры были прикованы к человеку, бессильно обмякшему на троне атамана. Варсава посмотрел на галерею, где по-прежнему караулил Эскодас с луком наготове.

«И что же теперь? — подумал Варсава, оглядывая зал. — Тут не меньше сотни головорезов». Во рту у него пересохло. Эта неестественная тишина того и гляди прорвется. Что сделают разбойники тогда? Ринутся на помост? А Друсс? Возьмет топор и выйдет против всего скопища?

Варсава не хотел умирать и не знал, как поступит, если разбойники нападут на Друсса. Он стоял близко к двери — никто не заметит, если он потихоньку ускользнет. В конце концов, он ничем не обязан этому человеку. Он и так уже сделал больше положенного, отыскав Зибена и возглавив всю эту затею. Погибать здесь без всякого смысла — это уж слишком.

Однако он не двинулся с места и остался стоять, глядя вместе с другими, как Друсс пьет третий кубок вина. Друсс допил и спустился в зал, оставив топор на помосте. Он подошел к столу, отломил краюху от свежего каравая.

— А вы что ж, не голодны? — спросил он собравшихся.

Высокий стройный воин в багряной рубашке вышел вперед и осведомился:

— Что ты намерен делать теперь?

— Поесть, — ответил Друсс, — а после искупаться. Потом я, пожалуй, лягу и просплю целую неделю.

— А потом? — Разбойники в тишине подались вперед, чтобы не пропустить ответ Друсса.

— Всему свой черед, парень. Когда сидишь в темнице в обществе одних только крыс, отвыкаешь думать о будущем.

— Хочешь занять его место? — Воин кивнул на отрубленную голову.

— Боги! — засмеялся Друсс. — Ты сам-то хотел бы оказаться на его месте? — Жуя хлеб, Друсс вернулся на помост и сел. — Я Друсс, — сказал он, подавшись вперед. — Кое-кто из вас, наверное, помнит, как меня сюда привезли. Другие, возможно, слышали о моей службе у императора. Я никому из вас не желаю зла... но если кто-то хочет умереть, пусть поднимется сюда с оружием — я окажу ему эту услугу. — Он встал и под-

нял топор. — Есть такие? — Никто не двинулся с места, и Друсс кивнул. — Вы тут все бойцы, но деретесь вы за деньги. Это разумно. Ваш вожак убит — поешьте и выберите себе другого.

— Ты предлагаешь себя? — спросил человек в багряной рубашке.

— Парень, я сыт по горло этой крепостью, и у меня другое на уме.

Друсс заговорил с Зибеном — Варсава не слышал о чем. Разбойники стали собираться кучками, обсуждая достоинства и недостатки подручных Кайивака, и Варсава вышел из зала, потрясенный увиденным. В просторных сенях он сел на скамью, охваченный смешанными чувствами и с тяжестью на сердце. Эскодас вышел к нему.

— Как это так? — недоумевал Варсава. — Сто головорезов покорно смирились с убийством своего главаря. Невероятно!

— Друсс есть Друсс, — с улыбкой пожал плечами Эскодас.

Варсава тихо выругался.

— И это, по-твоему, ответ?

— Зависит от того, о чем ты спрашиваешь. Мне сдается, ты сам не знаешь, отчего злишься. Ты приехал сюда, чтобы освободить друга, — теперь он свободен. Чего тебе еще?

Варсава рассмеялся сухим, резким смехом.

— Сказать тебе правду? Я наполовину желал увидеть Друсса сломленным. Хотел увидеть, как он наказан за свою глупость. Скажите, какой герой выискался. Спасаешь стариков и сирот — вот и сиди теперь год в темной яме. Бессмысленно было поступать так!

— Только не для Друсса.

— Да что в нем такого особенного? Ни ума, ни воображения. Если бы любой другой сделал то же самое, эта шайка разорвала бы его на куски. Но Друсс — иное дело. А почему? Он мог бы запросто стать их вожаком — и они охотно приняли бы его.

— Четкого ответа я тебе дать не могу. Я видел, как он напал на судно с кровожадными пиратами — и они побросали оружие. Такая уж у него натура. Мой учитель, великий стрелок из лука, говорил мне, что в каждом новом человеке мы безотчетно видим либо угрозу, либо добычу. Мы ведь охотники, хищники по природе. Глядя на Друсса, мы чуем самую большую на свете угрозу — человека, который никогда не идет на уступки. Он нарушает все правила. Хуже того, для него никаких правил вовсе не существует. Взять хотя бы то, что случилось здесь. Любой другой мог бы убить Кайивака — хотя вряд ли. Но другой не воткнул бы в пол топор,

чтобы сразиться с ним на кулаках. А убив вожака, в душе приготовился бы к смерти. Разбойники почуяли бы это... и убили его. Но Друссу было все равно. Доведись ему, он сразился бы с ними со всеми — поочередно или скопом.

— И погиб бы, — сказал Варсава.

— Вероятно — но суть не в этом. Убив Кайивака, он сел и потребовал вина. Человек не поступает так, если собирается сражаться дальше. Разбойники растерялись — ведь это было не по правилам. А потом он спустился к ним, оставив топор на помосте. Он знал, что оружие ему не понадобится, — и они это тоже знали. Он сыграл на них, как на арфе, — но сделал это не намеренно. Это заложено в его природе.

— А мне вот этого не дано, — с грустью сказал Варсава, вспомнив ужасную смерть миротворца.

— Мало кому дано. Потому-то о нем и ходят легенды.

Из зала донесся смех.

— Зибен снова взялся веселить их, — сказал Эскодас. — Пошли послушаем, а при случае и напьемся.

— Не хочу я напиваться. Хочу опять стать молодым. Стереть мокрой тряпкой каракули со своей грифельной доски.

— Завтра начнется новый день, — мягко сказал Эскодас.

— Что это значит?

— Прошлое мертво, воин, зато будущее еще не написано. Как-то я плыл на корабле с одним богачом — мы попали в бурю, и корабль пошел ко дну. Богач взял с собой золота, сколько мог унести, и утонул. Я бросил все свои пожитки — и выплыл.

— Думаешь, моя вина весит больше, чем его золото?

— Я думаю, тебе пора сбросить ее с себя. А теперь пошли к Друссу — и напьемся.

— Нет. Не хочу я его видеть. — Варсава водрузил на голову свою широкополую шляпу. — Передай ему мои наилучшие пожелания и скажи... скажи...

— Что сказать?

Варсава покачал головой и сказал с грустной улыбкой:

— Попрощайся с ним за меня.

Мишанек последовал за молодым офицером к стене, и оба преклонили колени, приложив ухо к камню. Мишанек услышал царапающий звук, словно гигантская крыса скреблась под землей, и выругался.

— Молодец, что заметил, Цикарин. Они ведут подкоп под стену. Вопрос в том, откуда. Пойдем-ка со мной. — Мишанек поднялся на стену и перегнулся через пара-

пет. Прямо впереди стояли на равнине палатки вентрийцев. Слева тянулись низкие холмы, за которыми протекала река. Справа виднелись холмы повыше, густо поросшие лесом. — Мне думается, — сказал Мишанек, — что они начали копать за тем вон холмом, на полпути к вершине. Они прочертили мысленную линию и знают, что если не собьются, то углубятся под стену фута на два.

— Насколько это серьезно? — спросил встревоженный Цикарин.

— Достаточно серьезно, — улыбнулся ему Мишанек. — Ты когда-нибудь закладывал мину?

— Нет, командир.

Мишанек хмыкнул. Конечно же, нет. Этот мальчик — младший сын наашанского сатрапа и до осады жил в окружении слуг, цирюльников, посыльных и ловчих. Каждое утро ему подавали чистое платье, а завтрак на серебряном подносе приносили прямо в шелковую постель.

— В военном деле много разных хитростей, — сказал Мишанек. — Ведя подкоп, они подпирают стены и потолок хорошо высушенным деревом. Они будут рыть вдоль стены до самых холмов у реки и выйдут где-нибудь... вон там. — Мишанек показал на самый высокий из прибрежных холмов.

— Не понимаю, — сказал Цикарин. — Зачем им рыть так далеко?

— Ответ очень прост. Когда туннель будет открыт с обоих концов, его будет продувать насквозь. Они польют дерево маслом, дождутся нужного ветра и подожгут подкоп. Ветер раздует пламя, туннель обвалится, и если они сделают свою работу на совесть, наша стена рухнет вместе с ним.

— Можем мы как-то остановить их?

— Да, в сущности, нет. Мы могли бы послать туда отряд и, возможно, убить нескольких саперов, но их заменят новыми. Но кое-какие меры мы можем принять, зная, что эта часть стены рухнет. — Мишанек, обернувшись, осмотрел городские постройки за стеной. Отсюда в город вели несколько переулков и две широкие улицы. — Возьми пятьдесят человек и загороди все эти проходы, а также нижние окна домов. Нужно создать второй рубеж обороны.

— Слушаюсь, — сказал молодой человек, опустив глаза.

— Не падай духом, мальчик. Нам еще не конец.

— Я знаю, командир, но люди начинают открыто поговаривать о том, что подкрепление не придет и что нас бросили на произвол судьбы.

— Как император решит, так и будет, — отрезал Мишанек.

Юноша покраснел, отдал честь и зашагал прочь. Мишанек поглядел ему вслед и вернулся на стену.

Какое уж тут подкрепление! Наашанская армия, разбитая в двух кровопролитных сражениях, отступает к границе. Реша — последний город, который еще держится. Предполагаемое завоевание Вентрии кончилось полным крахом.

Но у Мишанека есть приказ. Он с изменившим родине вентрийцем Даришаном должен удерживать Решу как можно дольше, связывая вентрийские войска, пока император благополучно не добежит до наашанских гор.

Мишанек достал из кошелька на боку присланный ему клочок пергамента. Там торопливым почерком было начертано:

Держитесь любой ценой вплоть до последующего приказа. О сдаче не помышляйте.

Воин медленно разорвал послание на клочки. Ни прощального привета, ни слов сожаления. Вот она, благодарность владык. Свой ответ Мишанек вложил в металлическую трубочку и привязал к ноге голубя. Птица поднялась в воздух и полетела на восток, неся императору последнее письмо Мишанека, который служил ему с юных лет.

Ваше приказание будет исполнено.

Шов на боку зудел — верный признак, что рана заживает. Мишанек рассеянно почесал его, думая: «Тебе еще повезло. Бодасен едва тебя не прикончил». К западным воротам из вентрийского лагеря тянулся первый из продовольственных обозов, и Мишанек вышел ему навстречу.

Передний возница замахал рукой, увидев его: это был его кузен Щурпак. Отдав поводья толстяку рядом с собой, Щурпак соскочил наземь.

— Здравствуй, кузен. — Он обнял Мишанека за шею и расцеловал в заросшие бородой щеки. Мишанека пробрала дрожь — он вспомнил слова Ровены: «Я вижу, как солдаты в черных плащах и шлемах штурмуют стену. Вы соберете своих людей для последнего противостояния. Рядом с вами будет ваш младший брат и ваш кузен».

— Что с тобой, Миши? Вид у тебя такой, словно призрак прошел по твоей могиле.

Мишанек заставил себя улыбнуться.

— Я не ожидал увидеть тебя здесь. Мне говорили, будто ты с императором.

— Я был там — но это печальное зрелище, кузен. Он конченый человек. Я узнал, что ты здесь, и стал искать способ пробраться к тебе, а потом услышал о поединке. Чудеса. Вот как создаются легенды! Но почему ты его не убил?

— Он храбро сражался, — пожал плечами Мишанек. — Я проткнул ему легкое — после этого он уже не представлял угрозы, и не было нужды наносить смертельный удар.

— Хотел бы я видеть лицо Горбена. Говорят, что он верил, будто Бодасена никто не может победить на мечах.

— Победить можно всякого, кузен.

— Вздор. Только не тебя. Потому-то я так и рвался сюда, чтобы сразиться с тобой рядом. Мы еще покажем этим вентрийцам. А где Нарин?

— В казармах. Ждет, когда доставят провизию. Мы опробуем ее на вентрийских пленных.

— Думаешь, Горбен способен отравить еду?

— Кто его знает. Давай-ка проезжай.

Щурпак вернулся на козлы и щелкнул кнутом над четверкой мулов. Повозка въехала в ворота. Мишанек сосчитал телеги — их было пятьдесят; они везли муку, сушеные фрукты, овес, зерно и маис. Горбен обещал двести — сдержит он слово или нет?

Словно отвечая на этот вопрос, из вражеского лагеря выехал одинокий всадник. Под ним был белый жеребец ладоней семнадцати в холке — превосходный конь, сильный и резвый. Мишанек поджидал конного, скрестив руки на груди. В последний миг всадник осадил, вздернув коня на дыбы, и соскочил наземь. Мишанек, узнав вентрийского императора, поклонился и спросил:

— Как там Бодасен?

— Жив. Спасибо за то, что пощадил его. Он мне дорог.

— Он славный воин.

— Как и ты. Ты слишком хорош для того, чтобы умирать за монарха, который покинул тебя.

Мишанек засмеялся:

— Не припомню, чтобы в присяге, которую я приносил, были слова, позволяющие мне в случае чего ее нарушить. А в присяге, которую приносят ваши подданные, есть такие слова?

— Нет, — улыбнулся Горбен. — Мои люди клянутся быть мне верными до самой смерти.

— Вот видите, государь, — развел руками Мишанек, — чего же вы ждете тогда от бедного наашанита?

Горбен, не улыбаясь больше, подошел поближе.

— Я надеялся, что ты сдашься, Мишанек. Я не хочу твоей смерти — я обязан тебе жизнью друга. Ты сам должен понимать, что даже с этими припасами не продержишься долго. Неужели я должен посылать своих Бессмертных, чтобы они изрубили вас на куски? Почему бы вам не построиться походным порядком и не уйти восвояси? Вас никто не тронет, даю тебе слово.

— Это противоречит полученному мной приказу, государь.

— Можно спросить, в чем он заключается?

— Держаться вплоть до дальнейших распоряжений.

— Твой повелитель улепетывает во всю прыть. Я захватил обоз, где ехали три его жены и несколько дочерей. Его посланник сейчас находится в моем шатре и ведет переговоры об их благополучном возвращении. Для тебя же, самого преданного своего солдата, он ничего не просит. Разве это не приводит тебя в ярость?

— Приводит, — признался Мишанек, — но это ничего не меняет.

Горбен, покачав головой, собрал поводья и сел в седло.

— Ты редкий человек, Мишанек. Жаль, что ты служишь не мне.

— А вы, государь, талантливый полководец. Мне было приятно столь долго препятствовать вам. Передайте мой привет Бодасену — и если вам будет угодно устроить еще один поединок, я встречусь со всяким, кого бы вы ни выставили.

— Будь здесь мой первый боец, я поймал бы тебя на слове, — с широкой усмешкой сказал император. — Хотел бы я посмотреть, как ты выйдешь против Друсса с его топором. Прощай, Мишанек. Пусть боги пошлют тебе блаженство в иной жизни.

Вентрийский император пришпорил жеребца и галопом поскакал к своему лагерю.

Патаи сидела в саду, когда ей явилось первое видение. Следя, как пчела пробирается в середину пурпурного цветка, она вдруг увидела перед собой знакомого воина с топором, только ни топора, ни бороды у него не было. Он сидел на склоне горы перед деревушкой, окруженной недостроенным частоколом. Видение исчезло столь же быстро, как и явилось, встревожив Патаи, — но непрестанные бои на стенах Реши и страх за Мишанека скоро отогнали тревогу.

Однако второе видение было намного сильнее первого. Она увидела корабль, а на нем высокого худощавого человека, и в памяти всплыло его имя: Кабучек.

Он был ее хозяином в те времена, когда она, по словам Пудри, обладала редкостным даром видеть прошлое и будущее. Теперь Дар оставил ее, и она не жалела. Во время жестокой войны лучше не знать, что сулит тебе будущее.

Она рассказала о своих видениях Мишанеку, и его красивое лицо опечалилось. Он обнял ее и прижал к себе, как во время ее болезни. Тогда Мишанек рисковал сам заразиться чумой, но Патаи черпала силу в его постоянном присутствии и преданности. Она выжила, хотя все лекари предрекали ей смерть. Болезнь, правда, сказалась на ее сердце, и любое усилие утомляло ее, — но силы возвращались к ней с каждым месяцем.

Над садом сияло солнце, и Патаи вышла нарезать цветов для дома, захватив плоскую корзинку и острый нож. Она подставила солнцу лицо, наслаждаясь теплом. Тут издали донесся тонкий вскрик, и она обратилась в ту сторону. Следом послышался слабый лязг стали и крики воюющих.

«Неужели это никогда не кончится?» — подумала она.

На нее упала тень, и она увидела в саду других мужчин, тощих и оборванных.

— Дай поесть, — потребовал один, подойдя к ней.

— Ступайте туда, где выдают провизию, — ответила она, перебарывая страх.

— Ты-то, видно, живешь не на эти подачки, наашанская шлюха, — вмешался второй. От него несло застарелым потом и дешевым пивом, а белесые глаза шарили по ее груди. Патаи вышла из дома в тонкой тунике голубого шелка, с голыми ногами. Первый схватил ее за руку и притянул к себе. Она хотела уже схватиться за нож, но увидела перед собой тесную каморку, где на узкой кровати лежала женщина с ребенком, и в голове вспыхнули их имена.

— А как же Катина? — спросила Патаи. Мужчина со стоном отшатнулся — его дикий взгляд был полон вины. — Пока ты пьешь и бросаешься на женщин, твой сынок умирает, — тихо сказала она. — Ступайте оба на кухню. Спросите Пудри и скажите ему, что... что Патаи велела вас накормить. Там должны быть яйца и лепешки. Идите же.

Мужчины попятились от нее и побежали к дому. Патаи, вся дрожа, присела на мраморную скамью.

Патаи? Нет — Ровена. Это имя возникло из глубин ее памяти, и она встретила его, как ясное утро после грозовой ночи.

«Ровена. Я Ровена».

В саду показался еще один мужчина. Он поклонился ей. Серебристые волосы он заплетал в косы, но лицо было молодое, почти без морщин.

— Здравствуй, Патаи. Как поживаешь?

— Хорошо, Даришан, а вот у тебя усталый вид.

— Эта осада хоть кого измотает. Можно посидеть с тобой?

— Ну конечно. Мишанека нет, но ты оставайся и подожди его.

Откинувшись назад, он втянул в себя воздух.

— Люблю розы. Их аромат напоминает мне детство. Ты знаешь, что я тогда часто играл с Горбеном? Мы были друзьями. Прятались в таких вот кустах и делали вид, будто за нами гонятся наемные убийцы. Теперь я опять прячусь, но нет такого розового куста, в котором я мог бы укрыться.

Ровена промолчала, угадывая страх за его красивыми чертами.

— Я сел не на того коня, милая, — с проблеском веселости сказал он. — Думал, что лучше уж наашаниты, чем смотреть, как отец Горбена губит империю. Но своими действиями я лишь сыграл на руку молодому льву, научив его биться и побеждать. Как, по-твоему, смогу я убедить Горбена в том, что, в сущности, оказал ему услугу? — Он заглянул ей в глаза. — Нет, пожалуй, не смогу. Остается принять смерть, как подобает вентрийцу.

— Не надо говорить о смерти. Стена еще держится, и теперь мы не будем голодать.

— Да, — улыбнулся он. — Замечательный был поединок, но я, признаться, здорово трусил. Мишанек мог оступиться — и что сталось бы со мной, если бы Горбену открыли ворота?

— Мишанеку равных нет.

— Да, теперь нет. Но у Горбена раньше был другой боец... Друсс, насколько я помню. Его оружием был топор, и он уложил многих.

Ровена вздрогнула.

— Тебе холодно? — обеспокоился Даришан. — Не озноб ли это? — Он пощупал ей лоб, и она увидела, как он умирает на стене, пронзенный мечами и кинжалами воинов в черных плащах. Закрыв глаза, она отогнала видение. — Да тебе и впрямь нехорошо, — как будто издали донесся до нее голос Даришана.

— Небольшая слабость, — глубоко вздохнув, сказала она.

— К празднику ты должна быть здорова. Мишанек отыскал трех певцов и лирика — будет очень весело. А я пришлю полный бочонок наилучшего лентрийского красного.

Вспомнив о торжестве, Ровена просветлела. Скоро исполнится год, как она оправилась от чумы... год, как Мишанек сделал ее по-настоящему счастливой. Она улыбнулась Даришану:

— Ты, конечно же, будешь завтра с нами? Вот и хорошо. Мне известно, как Мишанек ценит твою дружбу.

— А я — его. — Даришан встал. — Знаешь, он очень хороший человек — куда лучше нас всех. Я горжусь знакомством с ним.

— Так, значит, до завтра.

— До завтра.

— Должен признаться, старый конь, что без тебя мне было скучно, — сказал Зибен. Друсс промолчал, глядя в пляшущее, мерцающее пламя костра. Снага с пристроенным меж корней топорищем стоял лезвием вверх у ствола молодого дуба. По ту сторону костра Эскодас насаживал на вертел двух кроликов. — После обеда, — продолжил Зибен, — я угощу вас новыми приключениями Друсса-Легенды.

— Черта с два, — проворчал Друсс.

— Нет, Друсс, это стоит послушать, — рассмеялся Эскодас. — У него ты спускаешься в ад за душой некоей принцессы.

Друсс покачал головой, но в его бороде промелькнула улыбка, согревшая сердце Зибена. Месяц, прошедший после гибели Кайивака, Друсс все больше молчал. Первые две недели они провели в Лании, а потом двинулись через горы на восток. В этот вечер, будучи в двух днях пути от Реши, они разбили лагерь на лесистом холме над какой-то деревней. Друсс почти что вернул себе свой прежний вес, и колет, снятый с мертвого Кайивака, уже не болтался на нем.

Эскодас пристроил вертел над костром и сел, обтирая с пальцев кровь и сало.

— Надо совсем уж оголодать, чтобы есть кроликов, — заметил он. — На них и мяса-то нет. Надо было спуститься в деревню.

— Не люблю быть на людях, — сказал Друсс.

— Если б я знал, то явился бы за тобой раньше, — заверил Зибен.

— Знаю, поэт, но теперь это все в прошлом. Главное сейчас — найти Ровену. Она приходила ко мне во сне, когда я был в темнице, и дала мне силы. Я найду ее. — Он вздохнул. — Когда-нибудь я ее найду.

— Война почти окончена, — сказал Эскодас, — и после победы ты наверняка ее отыщешь. Горбен разошлет гонцов по всем городам и селам, и ее нынешний хозяин будет знать, что император требует ее возвращения.

— Верно, — просиял Друсс, — он и правда обещал мне свою помощь. Теперь у меня на душе полегчало. Звезды светят, и ночь прохладна. Хорошо быть живым! Ладно, поэт, расскажи, как я спасал принцессу из ада. Да не забудь добавить парочку драконов!

— Ну нет, — засмеялся Зибен, — нынче ты чересчур благодушен. То ли дело, когда ты черен, как туча, и сжимаешь кулаки так, что костяшки белеют.

— Так я и думал — ты сочиняешь свои истории лишь для того, чтобы позлить меня.

Эскодас повернул вертел.

— Мне его сказка понравилась, Друсс. Она звучит весьма правдиво. Думаю, если Дух Хаоса утащит-таки твою душу в ад, ты порядком накрутишь ему хвост.

Тут в лесу послышался шорох, и разговор оборвался. Зибен вынул один из своих ножей, Эскодас наложил стрелу на лук — только Друсс остался сидеть в ожидании. К костру вышел человек. Его тускло-серые одежды при ярком лунном свете блистали, как серебро.

— Я ждал тебя в деревне, — сказал жрец Паштара Сена, садясь рядом с Друссом.

— Мне и здесь хорошо, — неприветливо бросил тот.

— Я сожалею, сын мой, что ты претерпел столько страданий, и меня гнетет стыд за то, что я попросил тебя вернуть топор обратно. Но Кайивак опустошал всю округу, и его власть крепла день ото дня. То, что ты совершил...

— Что совершил, то и совершил, — буркнул Друсс. — Теперь твой черед выполнять уговор.

— Ровена находится в Реше и живет с солдатом по имени Мишанек. Он первый боец императора и командует наашанитами.

— Ты сказал — живет?

— Она замужем за ним, — поколебавшись, молвил жрец.

Глаза Друсса сузились.

— Ложь. Ее могли принудить к чему угодно, только не к замужеству с другим мужчиной.

— Позволь мне рассказать тебе все по порядку. Как ты знаешь, я разыскивал ее долго и упорно, но безуспешно. Она словно не существовала. Нашел я ее случайно — увидел в Реше перед самой осадой и проник в ее ум. Она ничего не помнила о своей родине, совсем ничего. Я последовал за ней домой, где ее встретил Мишанек, и вошел в его сознание. У него есть друг, владеющий тайным знанием, — он-то и

лишил Ровену дара провидицы. Сделав это, он заодно отнял у нее и память. Она не помнит никого, кроме Мишанека.

— Они околдовали ее. Видят боги, я заставлю их поплатиться за это. Говоришь, она в Реше? — Друсс охватил рукой топорище и привлек Снагу к себе.

— Ты не понимаешь, Мишанек — хороший человек. То, что он...

— Довольно! — загремел Друсс. — Из-за тебя я больше года провел в каменном мешке с крысами. Уйди с моих глаз — и никогда больше не попадайся мне на пути.

Жрец медленно встал и попятился прочь. Он хотел сказать еще что-то, но Друсс уставил на него свои светлые глаза, и он поспешил исчезнуть во тьме.

Зибен и Эскодас молчали.

Далеко на востоке, в горах, сидел, завернувшись в шерстяной плащ, наашанский император. В свои пятьдесят четыре он казался семидесятилетним стариком — жидкие волосы поседели, глаза ввалились. Рядом сидел штабной офицер Аниндаис — небритый, с печатью поражения на лице.

Позади, на длинном перевале, замыкающий отряд сдерживал идущих по пятам вентрийцев. Военачальнику ничего не грозило... пока.

Назрин Коннитопа, Владыка Гор, император Наашанский, чувствовал вкус желчи во рту, и сердце его разъедала досада. Он обдумывал вторжение в Вентрию добрых одиннадцать лет — и вот время, казалось, приспело. Все понимали, что Горбен побит, — от последнего крестьянина до сатрапа. Все, кроме самого Горбена.

Назрин про себя проклинал богов за то, что они лишили его победы. Он и жив-то лишь потому, что Мишанек до сих пор удерживает Решу, связывая две вентрийские армии. Назрин потер лицо и увидел при свете костра, что руки у него огрубели и краска на ногтях облупилась.

— Горбена надо убить, — сказал вдруг Аниндаис голосом холодным и резким, как свистящий вокруг ветер.

Назрин угрюмо уставился на своего кузена.

— Каким образом? Его армия разгромила нашу. Его Бессмертные в этот самый час бьются с нашим арьергардом.

— Нужно сделать то, о чем я говорил еще два года назад, кузен. Прибегнуть к Темному Свету. Послать за Старухой.

— Нет! Я не стану прибегать к колдовству.

— Тебе есть из чего выбирать, кузен? — с неприкрытым презрением произнес Аниндаис.

Назрин проглотил комок в горле. Аниндаис — человек опасный, а побежденному императору нечем себя защитить.

— Колдовство приносит зло и тем, кто им пользуется, — примирительно сказал он. — Демонам за услуги платят кровью.

Светлые глаза Аниндаиса блеснули при свете костра.

— Когда Реша падет, Горбен наверняка двинется в Наашан. Прольются реки крови. Кто защитит тебя тогда, Назрин? Наша армия рассеяна, лучшие войска заперты в Реше, где их скоро перебьют. Смерть Горбена — единственная наша надежда: в этом случае вентрийцы передерутся между собой, выбирая нового правителя, и мы получим время, чтобы собраться с силами и начать переговоры. Каким еще способом мы можем его убрать? А Старуха, говорят, всегда добивается своего.

— «Говорят, говорят», — передразнил император. — Может, ты и сам пользовался ее услугами? Уж очень вовремя умер твой брат. — Сказав это, Назрин тут же пожалел о своих словах. Аниндаиса не стоило обижать и в лучшие времена, не говоря уж о нынешних.

Но кузен, к его облегчению, лишь широко улыбнулся и обнял императора за плечи.

— Ах, кузен, ты был так близок к победе. Ты храбро сражался — воздаю тебе за это честь. Но времена меняются, а с ним и нужды.

Кинжал сверкнул при свете огня. Император не успел ни защититься, ни вскрикнуть — клинок вошел ему меж ребер прямо в сердце.

Боли не было; была свобода. Император обмяк, прислонив голову к плечу Аниндаиса. Тот погладил его по волосам, и это было последнее, что Назрин испытал в жизни, — последнее утешение.

Аниндаис оттолкнул от себя труп и встал. Из мрака вышла старуха, одетая в плащ из волчьих шкур. Став на колени у тела, она погрузила костлявые пальцы в кровь и облизнула их.

— Ах, эта кровь королей! Она слаще вина.

— Хватит этого, чтобы принести жертву? — спросил Аниндаис.

— Для начала сойдет. — Старуха вздрогнула. — Холодно здесь, не то что в Машрапуре. Я, пожалуй, вернусь туда, когда все будет кончено. Скучаю по дому.

— Как ты его убьешь? — спросил Аниндаис.

— Вдохнем в это дело поэзию. Он принадлежит к дому, в гербе которого значится медведь, и я пошлю к нему Калита.

Аниндаис облизнул сухие губы.

— Но ведь Калит — всего лишь страшная сказка?

— Хочешь увидеть его собственными глазами? Могу устроить.

— Нет-нет, я тебе верю.

— Ты мне нравишься, Аниндаис. В тебе нет ни единой хорошей черты — это редкость. Поэтому я сделаю тебе подарок и ничего не возьму взамен. Оставайся со мной, и ты увидишь, как Калит убьет вентрийца. Пойдем.

Аниндаис последовал за ней к серой скале. Старуха сделала знак рукой, и скала превратилась в дым. Взяв генерала за руку, Старуха ввела его внутрь.

Аниндаис отпрянул, увидев перед собой длинный темный туннель.

— Ни единой добродетели — ты даже мужества лишен. Пока я рядом, воин, ничего худого с тобой не случится.

Идти было недалеко, но для Аниндаиса путь длился вечность. Он знал, что они идут через чуждый ему мир. В отдалении слышались нечеловеческие крики. Громадные летучие мыши кружили в пепельном небе, и не было видно ни одного живого растения. Старуха провела его по узкому мосту над бездной. За мостом тропа разделилась надвое. Старуха свернула налево и пришла к пещере, которую стерег трехглавый пес. Он отступил прочь, и они прошли. Круглая пещера была заполнена томами и свитками. С потолка на крюках свисали два скелета, скрепленные золотой проволокой. На длинном столе лежал труп со вскрытыми грудью и животом. Сердце покоилось рядом, словно серый камень величиной с человеческий кулак.

Старуха вяла его в руки.

— Вот она, тайна жизни. Четыре желудочка и некоторое количество клапанов, артерий и вен. Насос, а не вместилище души. — Аниндаис промолчал. — Кровь проходит через легкие, насыщаясь воздухом, и распределяется по желудочкам и предсердиям. Насос — и больше ничего. О чем это я? Ах да, Калит. — Старуха шмыгнула носом и бросила сердце обратно на стол. Оно ударилось о труп и скатилось на пыльный пол. Старуха извлекла с верхней полки какую-то книгу и стала листать пожелтевшие страницы. Потом развернула книгу на втором столе и села перед ней. Левая страница была исписана мельчайшими буквами. Аниндаис не мог их прочесть, но на правой странице был изображен огромный медведь со стальными когтями, огненными глазами и клыками, источающими яд.

— Это создание рождается из земли и огня, — сказала Старуха, — и нужна большая сила, чтобы вызвать его. Для этого-то мне и понадобится твоя помощь.

— Но я не умею колдовать.

— Этого и не требуется. Я буду говорить, а ты повторяй за мной.

Она провела его в глубь пещеры, к каменному алтарю, окруженному прикрепленной к сталагмитам золотой проволокой. Старуха велела Аниндаису переступить через проволоку и стать в кругу у алтаря, где стояла серебряная чаша с водой.

— Смотри в воду и повторяй за мной.

— А ты почему осталась снаружи?

— Там негде сесть, а мои старые ноги устали. Начнем.

Глава 5

Оликвар первым из Бессмертных увидел Друсса, идущего вниз с холма. Когда это произошло, солдат сидел на перевернутом бочонке, штопая чулок. Он вскочил, отложил свое рукоделие и окликнул Друсса по имени. Слышавшие это солдаты подняли головы, а Оликвар бросился Друссу навстречу и крепко обнял его.

Сотни воинов собрались вокруг, вытягивая шеи, чтобы разглядеть знаменитого императорского бойца, который дерется, как десять тигров.

Друсс усмехнулся старому товарищу.

— Что-то у тебя в бороде стало больше седины, чем мне помнится.

— Я старался, — засмеялся Оликвар. — Ох, дружище, до чего же я рад тебя видеть!

— Ты без меня скучал?

— Да нет, скучать было некогда. — Оликвар кивком указал на стены Реши. — Они хорошо дерутся, эти наашаниты. У них тоже есть знаменитый боец, славный воин: Мишанек.

Улыбка сошла с лица Друсса.

— Посмотрим, какой он боец.

Оликвар повернулся к Зибену и Эскодасу:

— Мы слышали, что вам не пришлось освобождать нашего друга — он сам прикончил убийцу Кайивака, а заодно и половину его людей. Правда это?

— Погоди, я тебе об этом спою, — пообещал Зибен.

— В песне будут и драконы, — улыбнулся Эскодас.

Оликвар провел всех троих сквозь отряды примолкших воинов к шатру на берегу реки. Усадив их там, он достал кувшин вина и несколько глиняных кубков.

— А ты похудел, — сказал он, глядя на Друсса, — и глаза у тебя усталые.

— Налей мне, и они снова заблестят. Откуда эти черные плащи и шлемы?

— Мы теперь зовемся Бессмертными, Друсс.

— Ты что-то не похож на бессмертного, — заметил Друсс, глядя на окровавленную повязку на правой руке Оликвара.

— Это только звание — но звание почетное. Двести лет Бессмертные были отборной гвардией императора. Туда попадали только лучшие из лучших. Но около двадцати лет назад командир Бессмертных, Вуспаш, поднял мятеж, и полк был распущен. Теперь император создал его заново — из нас! Это большая честь — войти в число Бессмертных. Да и жалованье нам платят двойное! — подмигнул Оликвар.

Наполнив кубки, он раздал их новоприбывшим. Друсс осушил свой одним глотком, и Оликвар налил ему еще.

— Как идет осада? — спросил Друсс.

— Мишанек держит оборону. Это настоящий лев, Друсс, неутомимый и беспощадный. Он победил Бодасена на поединке. Мы уж думали, что войне конец, ан нет. Император со своей стороны поставил двести повозок с провизией — у них в Реше голод. А они в случае победы Бодасена обещали открыть ворота, но с условием, что наашанитам позволят уйти беспрепятственно.

— Неужто он убил Бодасена? Тот так мастерски фехтовал.

— Нет, не убил, только ранил в грудь. Смертельный удар он не стал наносить. Первые пятьдесят повозок отправили час назад, остальные подойдут к ночи. Теперь нам придется подтянуть пояса.

— Почему же он не убил его? — недоуменно спросил Зибен. — Горбен мог бы отказаться от доставки еды — ведь поединки всегда заканчиваются смертью?

— Так-то оно так, но этот Мишанек не такой, как все.

— Можно подумать, он тебе нравится, — буркнул Друсс, приканчивая второй кубок.

— Боги, Друсс, он не может не нравиться. Я все-таки надеюсь, что они сдадутся — не хотелось бы убивать таких хороших бойцов. Война-то все равно кончена — мы последние. Зачем же погибать зазря — что им, что нам?

— Мишанек держит у себя мою жену, — холодно произнес Друсс. — Он женился на ней обманом, лишив ее памяти. Она забыла меня.

— Не могу в это поверить.

— По-твоему, я лгу? — процедил Друсс, положив руку на топорище.

— А теперь вот я глазам своим не верю. Что с тобой такое, дружище?

Рука Друсса дрогнула — он убрал ее и потер глаза. Сделав глубокий вдох, он заставил себя улыбнуться.

— Я устал, Оликвар, и вино помутило мой разум. Но то, что я сказал, правда: мне рассказал это жрец Паштара Сена. Завтра я влезу на эту стену и отыщу Мишанека. Увидим тогда, такой ли он особенный или нет.

Друсс поднялся и ушел в шатер. Оликвар, помолчав немного, заговорил:

— Жену Мишанека зовут Патаи. Я слышал о ней от жителей, бежавших из города. У нее добрая душа: когда в городе была чума, она обходила больных и умирающих, утешала их, приносила лекарства. Мишанек обожает ее, а она его. Это все знают. И я снова скажу: не такой он человек, чтобы брать женщину обманом.

— Что поделаешь, — сказал Эскодас, — такая уж судьба. Там, где двое мужчин и одна женщина, должна пролиться кровь. Правду я говорю, поэт?

— Да, как это ни печально. Но я невольно задаю себе вопрос, что она почувствует, когда Друсс явится к ней, залитый кровью ее возлюбленного.

Друсс, лежащий на одеяле в шатре, слышал каждое слово, и слова вонзались в его душу, словно огненные ножи.

Мишанек, прикрыв рукой глаза от заходящего солнца, смотрел на вентрийский лагерь. Только что туда спустился какой-то воин, и солдаты с радостными возгласами собрались вокруг него.

— Как ты думаешь, кто это? — спросил его кузен Щурпак.

Мишанек перевел дух.

— Мне думается, это Друсс, императорский боец.

— Ты будешь с ним драться?

— Не знаю, даст ли нам Горбен такой случай. В поединке нет нужды — мы и так не продержимся долго.

— Продержимся, пока Нарин не вернется с подкреплением, — возразил Щурпак. Мишанек не ответил ему. Он услал брата из города с письменной просьбой о помо-

щи, хотя и знал, что помощи ждать неоткуда. Он сделал это с единственной целью — спасти Нарина.

И себя заодно, всплыла откуда-то непрошеная мысль. Завтра первая годовщина его свадьбы — день, в который, по предсказанию Ровены, он должен погибнуть рядом с Нарином и Щурпаком. Теперь, когда Нарин ушел, пророчество, быть может, и не осуществится. Мишанек плотно зажмурил усталые глаза — под веки ему словно песку насыпали.

Подкоп под стену уже подвели — теперь вентрийцы дождутся благоприятного ветра и подожгут туннель. Теперь перед Решей собралось не менее одиннадцати тысяч солдат, а защитников всего восемьсот. Мишанек посмотрел вправо и влево вдоль стены, где сидели усталые наашаниты. Разговоров почти не было слышно, и к еде, только что доставленной из города, никто не притронулся.

Мишанек подошел к ближнему солдату. Молодой воин сидел, уткнувшись головой в колени. Рядом лежал разрубленный шлем с покосившимся плюмажем из белого конского волоса.

— Ты разве не голоден, парень? — спросил Мишанек.

Юноша поднял на него темно-карие глаза. Лицо у него было гладкое, как у девушки.

— Я слишком устал, чтобы есть, генерал.

— Пища придаст тебе сил, можешь мне поверить.

Парень нехотя взял ломоть солонины.

— Все равно умирать, — сказал он, и слеза скатилась по его покрытой пылью щеке.

Мишанек положил руку ему на плечо.

— Смерть — всего лишь странствие, парень. И ты совершишь его не один, а со мной. Кто знает, какие приключения ждут нас в пути?

— Раньше и я в это верил, — грустно ответил солдат. — Но теперь я повидал слишком много смертей. Вчера видел, как погиб мой брат. Ему выпустили кишки, он так ужасно кричал. А вы не боитесь смерти?

— Конечно, боюсь. Но мы с тобой солдаты императора. Мы знали, на что идем, облачаясь в панцирь и застегивая поножи. Кто знает, что лучше: окончить свои дни дряхлым, беззубым старцем с мышцами, точно гнилые веревки, или пасть в бою полным сил? Когда-нибудь мы все умрем, так или иначе.

— Я не хочу умирать. Не хочу здесь оставаться. Хочу жениться и стать отцом. Хочу видеть, как растут мои дети. — Мальчик плакал в открытую.

Мишанек сел рядом с ним и обнял, гладя по голове.

— Мне хочется того же самого, — еле слышно произнес он.

Вскоре рыдания утихли, и мальчик выпрямился.

— Простите, генерал. И знайте: я не подведу вас.

— Я знаю. Я наблюдал за тобой: ты настоящий храбрец, один из лучших. А теперь съешь свою порцию и поспи немного.

Мишанек вернулся к Щурпаку:

— Пошли домой. Хочу посидеть с Патаи в саду и посмотреть на звезды.

Друсс лежал тихо, закрыв глаза, и слушал разговоры своих друзей. Никогда еще у него не было так скверно на душе — даже после похищения Ровены. В тот страшный день гнев не позволил ему пасть духом, а после горевшее в нем желание найти ее давало ему силы, вело к цели и сковывало стальными цепями все прочие чувства. Даже в темнице он сумел побороть отчаяние — но теперь желудок у него свело, и чувства вырвались на волю.

Она любит другого. Эти слова, сами собой образовавшиеся в его голове, терзали сердце, словно битое стекло.

Он хотел возненавидеть Мишанека, но даже в этом ему было отказано. Ровена никогда не полюбила бы недостойного или дурного человека. Друсс сел, глядя на свои руки. Следуя за своей любовью, он переплыл океан, и эти руки убивали и убивали ради того, чтобы вернуть ее.

Он закрыл глаза. Как же теперь быть? Двинуться в первых рядах на штурм стены? Или занять место на этой стене, защищая город Ровены? Или просто уйти прочь?

Уйти прочь.

В палатку вошел Зибен.

— Ну как ты тут, старый конь?

— Она его любит, — хрипло, через силу выговорил Друсс.

Зибен с глубоким вздохом сел рядом с ним.

— Если у нее отняли память, она не совершила измены. Она тебя просто не помнит.

— Я понимаю и не держу на нее зла — как бы я мог? Ее душа... я не могу этого объяснить, поэт. Она не знает, что такое ненависть, алчность или зависть. Она мягкая, но не слабая, заботливая, но не глупая. — Друсс выбранился и потряс головой. — Нет, не могу объяснить.

— У тебя прекрасно получается, — тихо сказал Зибен.

— Когда я с ней, мой огонь меня не жжет. Гнев утихает. В детстве я не выносил, когда надо мной смеялись. Я был большой и неуклюжий, бил горшки, спотыкался

о собственные ноги. Когда люди смеялись над этим, мне хотелось... ну, не знаю... раздавить их. Но однажды мы с Ровеной пошли в горы. Был дождь, я оступился и плюхнулся носом в лужу. Ровена залилась громким смехом, а я сел и стал смеяться вместе с ней. И до чего же это было хорошо, поэт, до чего же здорово.

— Она и теперь близко, Друсс, — за той стеной.

— Да, знаю. И что же? Влезть на эту стену, убить мужчину, которого она любит, а потом прийти к ней и сказать: «Вот он я — помнишь меня?» Победа будет не за мной, как ни кинь.

— Всему свой черед, дружище. Реша падет, это неизбежно. Судя по словам Оликвара, Мишанек будет драться до конца, пока не погибнет. Тебе не нужно его убивать — его судьба уже решена. И Ровене будет нужен кто-то рядом. Я не могу тебе советовать, Друсс, — я ни разу не любил по-настоящему и завидую тебе. Но давай подождем до завтра, ладно?

Друсс кивнул и испустил глубокий вздох.

— Подождем до завтра.

— Горбен хочет видеть тебя. Пойдем? Бодасен тоже там, и будет много вина и вкусной еды.

Друсс встал и взял Снагу. Лезвия блеснули при свете жаровни, горящей посреди шатра.

— Лучшим другом человека считают собаку, — сказал Зибен, отступив на шаг.

Друсс, не ответив ему, вышел в ночь.

Мишанек вышел из ванны. Ровена стояла, держа наготове халат. Улыбнувшись, она смахнула с плеча мужа два розовых лепестка. Мишанек сунул руки в рукава, затянул атласный пояс и обернулся к ней. Взял ее за руку, вышел с ней в сад. Ровена прильнула к нему, а он обнял ее и поцеловал в лоб. От него пахло розовым маслом, и она обвила его руками, зарывшись в мягкие складки халата. Потом запрокинула голову и заглянула в его карие глаза:

— Я люблю тебя.

Он взял ее за подбородок, приник к ней долгим поцелуем. Его губы пахли персиками, которые он ел, пока нежился в ванне. Но в поцелуе не было страсти, и Мишанек скоро отстранился.

— Что случилось? — спросила она.

Он пожал плечами, улыбаясь через силу.

— Ничего.

— Зачем ты так? Не выношу, когда ты мне лжешь.

— Осаде скоро конец. — Он подвел ее к круглой скамейке под цветущим деревом.

— И когда же ты думаешь сдаться?

— Когда получу приказ.

— Но сражаться дальше нет смысла. Война окончена. Если ты поговоришь с Горбеном, он разрешит нам уйти. Ты покажешь мне свой дом в Наашане. Ты давно обещал свозить меня в свое поместье около Озер — говорил, что тамошние сады ослепят меня своей красотой.

— Да, это правда. — Он обхватил ее за талию и приподнял, коснувшись губами ее губ.

— Поставь меня. У тебя швы разойдутся, ты же слышал, что сказал лекарь.

— Слышал, — хмыкнул он. — Ничего, рана уже почти зажила. — Он поцеловал ее еще два раза, поставил на землю, и они двинулись дальше. — Нам надо поговорить, — сказал он и умолк, устремив взгляд на звезды.

— О чем?

— О тебе. О твоей жизни.

Ровена, взглянув на него, увидела, как напряжено его освещенное луной лицо, как крепко стиснуты челюсти.

— Моя жизнь — это ты. Другой мне не надо.

— Мы не всегда получаем то, что нам надо.

— Не говори так!

— В свое время ты была хорошей пророчицей. Кабучек брал за твои услуги двести монет серебром. Ты никогда не ошибалась.

— Знаю, ты мне уже говорил. Но какая теперь от этого польза?

— Очень большая. Ты родилась в Дренае, и работорговцы увезли тебя оттуда. Но был один мужчина...

— Не хочу этого слушать. — Ровена оставила Мишанека и отошла к пруду.

Мишанек остался на месте, но его слова последовали за ней:

— Он был твоим мужем.

Ровена села у воды и провела по ней пальцами, пустив рябь по лунной глади.

— Человек с топором, — глухо произнесла она.

— Так ты его помнишь? — спросил Мишанек, садясь рядом с ней.

— Нет. Но я видела его однажды у дома Кабучека — и еще раз, во сне, когда он был в темнице.

— Он уже вышел из темницы, Патаи. Он здесь, во вражеском лагере. Это Друсс, первый боец Горбена.

— Зачем ты говоришь мне все это? — Она повернулась, всматриваясь в его лицо при луне. В своем белом одеянии он казался призрачным, почти бестелесным.

— Ты думаешь, мне этого хочется? Лучше бы мне выйти на льва с голыми руками, чем вести этот разговор. Но я люблю тебя, Патаи. Люблю с первой нашей встречи. Я увидел вас с Пудри в коридоре дома Кабучека, и ты предсказала мне судьбу.

— Что же я тебе сказала?

— Что я женюсь на женщине, которую полюблю, — улыбнулся он. — Но теперь это уже не важно. Мне думается, ты скоро встретишься со своим... первым мужем.

— Я не хочу. — Ее сердце сильно забилось, и ее охватила слабость.

Мишанек обнял ее.

— О нем я мало что знаю, зато тебя знаю хорошо. Вы дренаи, и ваши обычаи отличаются от наших. Ты не знатного рода — значит, скорее всего вышла замуж по любви. Подумай: Друсс вот уже семь лет гоняется за тобой по свету. Должно быть, он крепко любит тебя.

— Я не хочу говорить об этом! — в панике воскликнула она и хотела встать, но Мишанек удержал ее.

— Я тоже, — хрипло проговорил он. — Я предпочел бы просто посидеть здесь с тобой, любуясь на звезды. Предпочел бы целовать тебя и любить. — Он поник головой, и она увидела слезы у него на глазах.

Паника прошла, страх холодом тронул душу. Она заглянула ему в лицо:

— Ты говоришь так, будто готовишься умереть.

— Когда-нибудь это должно случиться, — с улыбкой ответил он. — А теперь я должен идти. Надо обсудить с Даришаном и другими офицерами завтрашние действия. Должно быть, они уже здесь.

— Не уходи! — взмолилась она. — Побудь со мной еще немного... самую чуточку!

— Я всегда буду с тобой, — нежно сказал он.

— Даришан погибнет завтра на стене. Я знаю: мне было видение. Он был здесь сегодня, я увидела, как он умирает. Мой Дар возвращается ко мне. Дай мне руку! Я хочу видеть, что будет с тобой.

— Нет! — Он встал и отошел от нее. — Человек сам творит свою судьбу. Ты уже однажды предсказала мне будущее, Патаи, этого довольно.

— Я сказала, как ты умрешь, да? — И видно было: она знает ответ.

— Ты сказала, о чем я мечтаю, и упомянула моего брата Нарина. Я уже не помню хорошенько. Поговорим после.

— Зачем ты сказал мне о Друссе? Ты думаешь, после твоей смерти я просто вернусь к нему и заживу как ни в чем не бывало? Если ты умрешь, мне станет незачем жить. И жить я не буду, — добавила она, глядя ему в глаза.

— Миши, мы все тебя ждем, — позвал кто-то из мрака, и Мишанек вздрогнул, увидев Нарина.

— Я ведь послал тебя с поручением. Откуда ты взялся?

— Я добрался только до холмов — там повсюду вентрийцы. Вот я и вернулся — через сточную канаву. Стража, благодарение богам, узнала меня. Что с тобой? Ты не рад меня видеть?

Мишанек, не ответив ему, улыбнулся Ровене, но она прочла страх в его глазах.

— Я ненадолго, любовь моя. Мы еще поговорим.

Мужчины ушли. Ровена, закрыв глаза, представила себе воина с топором, его бледно-серые глаза и широкое плоское лицо. Но на этот образ накладывался другой — образ страшного зверя со стальными когтями и глазами, как огонь.

Горбен со своего ложа смотрел, как акробаты у огромного костра жонглируют мечами — пять острых как бритва клинков летали в воздухе между ними. Жонглеры делали свое дело с поразительным мастерством. Обнаженные, в одних набедренных повязках, они казались золотисто-красными при свете костра. Вокруг, глядя на представление, сидело около пятисот Бессмертных.

За пляшущими языками костра виднелись стены Реши, на стенах — немногочисленные защитники. Война почти окончена. Он победил. Победил — вопреки всему.

Но в сердце Горбена не было радости. Годы страхов и битв сказались на молодом императоре. Каждая победа давалась ему ценой жизни друзей его детства: Небучад пал при Экстанисе, Ясуа в горах под Поршией, Бодасен ранен у ворот Реши. Горбен взглянул направо, где на высоко приподнятых носилках лежал бледный Бодасен. Лекари заверили, что он будет жить, и сумели наполнить воздухом его пронзенное легкое. «Ты как моя империя, — подумал Горбен, — тяжко ранен, но еще дышишь». Сколько же времени потребуется, чтобы возродить Вентрию? Годы? Десятки лет?

Жонглеры закончили представление, и зрители приветствовали их дружным ревом. Акробаты поклонились императору. Горбен встал и бросил им кошелек с золотом. Было много смеха, когда жонглер не сумел поймать кошелек.

— С мечами у тебя лучше получается, — сказал Горбен.

— Деньги у него всегда текут меж пальцев, государь, — сказал второй акробат.

Горбен, вернувшись на место, улыбнулся Бодасену:

— Как дела, дружище?

— Силы уже возвращаются ко мне, государь. — Голос Бодасена был слабым, дыхание прерывистым. Горбен потрепал его по плечу, ощутил жар и острую кость под туго натянутой кожей. Бодасен встретился с ним взглядом. — Не беспокойтесь обо мне. Умирать я не намерен. — Раненый перевел взгляд влево и широко улыбнулся. — Вот это радость, клянусь богами!

Горбен посмотрел в ту сторону и увидел идущих к нему Друсса и Зибена. Поэт, опустившись на одно колено, склонил голову, а Друсс ограничился формальным поклоном.

— Здравствуй, воин. — Горбен ступил вперед и обнял Друсса, а Зибена поднял на ноги. — Тебя мне тоже недоставало, сказитель. Пойдемте к нам.

Слуги принесли еще два ложа для гостей императора и наполнили золотые кубки отменным вином.

Друсс подсел к Бодасену.

— Ты слаб, словно новорожденный котенок. Жить-то будешь?

— Приложу все старания, воин.

— Он стоил мне двухсот повозок с едой, — сказал Горбен. — Напрасно я на него так полагался.

— Этот Мишанек и впрямь так хорош? — спросил Друсс.

— Был бы нехорош, не валялся бы я тут при последнем издыхании, — ответил Бодасен. — Он быстр и не знает страха. Лучший противник из всех, с которыми я встречался. По правде говоря, я не хотел бы встретиться с ним снова.

— Вы хотите, чтобы я сразился с ним? — обратился к Горбену Друсс.

— Нет. Город падет не сегодня-завтра, нет смысла решать исход осады поединком. Под стену подведен подкоп — завтра, если ветер будет благоприятен, мы его подожжем. Тогда город будет наш, и эта гнусная война наконец-то закончится. Расскажи нам о своих приключениях. Я слышал, ты был в плену?

— Я бежал. — Друсс осушил свой кубок, и слуга поспешил наполнить его.

Зибен рассмеялся:

— Давайте я расскажу, государь. — И он начал пышное повествование о пребывании Друсса в темнице Кайивака.

Несколько человек подошли, чтобы подбавить дров в большой костер. Внезапно земля под одним из них вздыбилась, и он упал. Сидящие вокруг костра люди в испуге шарахнулись прочь.

— В чем дело? — Горбен выступил вперед, и земля вздыбилась у него под ногами.

— Землетрясение, что ли? — сказал Зибен Друссу.

Горбен замер на месте, глядя вниз. Земля ходила ходуном. Костер внезапно вспыхнул, послав столб искр в ночное небо. Горбен отступил от невыносимого жара. Дрова полетели вверх, и в огне возникла фигура огромного зверя с распростертыми лапами. Затем пламя угасло, и перед Горбеном оказался исполинский медведь ростом более двенадцати футов.

Несколько солдат бросились на него и вонзили копья ему в брюхо. Первое древко сломалось от столкновения. Зверь с громоподобным ревом взмахнул лапой, и стальные когти разорвали солдата надвое.

Выйдя из угасающего костра, зверь прыгнул к Горбену.

При появлении огненного существа Зибен, сидевший рядом с Бодасеном, позабыл обо всем на свете. Из глубин его памяти всплыл образ, виденный три года назад в главной дренайской библиотеке. Зибен тогда, занимаясь изысканиями для эпической поэмы, рылся в древних, переплетенных в кожу фолиантах. Страницы высохли и пожелтели, чернила и краска на них поблекли, но на этой картине цвета остались живыми и яркими — горящее золото, огненный багрец, солнечная желтизна. Из глаз великанской фигуры исходили языки пламени. Надпись над рисунком гласила:

Калит Нумарский

а ниже следовали слова:

Зверь Хаоса, Крадущийся в Ночи, Слуга Непостижимого, чью шкуру не может пробить оружие человека. Где бы ни появился, он несет смерть.

Вспоминая впоследствии эту ночь, Зибен каждый раз дивился тому, что совсем не испытывал страха. Он видел, как люди гибнут ужасной смертью, видел, как адское чудище рвет их на части и вспарывает им животы, слышал жуткий вой, вдыхал запах смерти — но не боялся.

Страшная сказка ожила, и он, сказитель, оказался свидетелем этого.

Горбен застыл как вкопанный. Солдат, в котором Зибен узнал Оликвара, напал на зверя с саблей, но клинок отскочил от бока чудовища со звуком, похожим на гул отдаленного колокола. Лапа сорвала с Оликвара голову, кровавый фонтан забил из разодранной шеи. Несколько лучников пустили в медведя стрелы — стрелы погнулись, отскочили прочь. Зверь надвигался на Горбена.

Император упал и откатился вправо. Зверь повернулся к нему, ища его огненными глазами.

Преданные солдаты, проявляя чудеса храбрости, преграждали дорогу зверю, коля его и рубя, — тщетно. Стальные когти каждый раз вонзались в новую жертву, и кровь обагряла землю. За несколько мгновений зверь убил не менее двадцати человек. Вот он опять вонзил когти в грудь какого-то солдата и швырнул его через костер. Зибен слышал, как хрустнули ребра.

Друсс с топором в руке вышел навстречу чудовищу. Солдаты, отступая, все же образовали стену между зверем и императором. Крохотный и хрупкий по сравнению с Калитом, Друсс заступил ему дорогу. В ярком свете луны сверкали серебряные наплечники, блестели страшные лезвия Снаги.

Зверь Хаоса остановился, глядя на человечка. У Зибена пересохло во рту, и он слышал стук собственного сердца.

Калит заговорил густым, рокочущим басом, с трудом ворочая длинным языком:

— Отойди, брат. Я пришел не за тобой.

Топор загорелся красным как кровь огнем. Друсс стоял, держа Снагу обеими руками.

— Отойди, — повторил Калит, — иначе мне придется убить тебя!

— Не дождешься, — сказал Друсс.

Чудовище замахнулось лапой. Друсс припал на одно колено и кроваво-красным топором нанес удар. Лапа упала наземь, Калит отшатнулся. Вместо крови из раны повалил маслянистый дым. Зверь изрыгнул из пасти огонь, направив его на человека. Друсс не отступил, устремился навстречу пламени, держа Снагу высоко над головой. Топор описал смертоносную дугу — и обрушился Калиту на грудь, сокрушил грудину, распорол от глотки до паха.

Из Калита хлынуло пламя, охватило воина. Друсс зашатался, зверь упал — и даже Зибен, сидевший футах в тридцати от него, услышал, как содрогнулась при этом земля.

Подул ветер и развеял дым.

От Калита не осталось и следа.

Зибен бросился к Друссу. Борода и брови воина его опалены, но на коже не осталось ожогов.

— Клянусь богами, Друсс, — завопил Зибен, хлопая друга по спине, — я сложу об этом песню, которая принесет нам и славу, и богатство!

— Он убил Оликвара, — сказал Друсс, освобождаясь от объятий и роняя топор.

Горбен подошел к ним.

— Это был благородный поступок, друг мой. Я никогда не забуду, что обязан тебе жизнью. — Император нагнулся и поднял топор, снова ставший серебряным с чернью. — Это колдовское оружие, — прошептал он. — Я дам тебе за него двадцать тысяч золотом.

— Он не продается, государь, — сказал Друсс.

— А я думал, ты любишь меня, Друсс.

— Это верно, парень, поэтому я его тебе и не продам.

Холодный вихрь пронесся по пещере. Аниндаис отшатнулся от алтаря, Старуха встала со своего места за золотым кругом.

— Что случилось? — спросил он. — Я видел — воин убил зверя. Нельзя ли послать другого?

— Нет. И он не убил его, а лишь отправил обратно в преисподнюю.

— И что же дальше?

— Теперь нужно заплатить Калиту за услуги.

— Ты сказала, платой послужит кровь Горбена.

— Однако Горбен жив.

— Я не понимаю тебя. Почему здесь так холодно?

На Аниндаиса упала тень, и он увидел над собой огромную фигуру. Когти устремились вниз, разодрав ему грудь.

— Даже ума — и того нет, — молвила Старуха, повернувшись спиной к вопящей жертве. — Ах, Друсс, — прошептала она, опустившись на старый плетеный стул, — напрасно я не дала тебе умереть там, в Машрапуре.

Глава 6

Ровена открыла глаза. Мишанек сидел у ее постели в парадных доспехах из бронзы и золота, в шлеме с красным гребнем и покрытыми эмалью лицевыми щитками, в панцире с символическими узорами.

— Какой ты красивый, — сонно сказала она.

— Это ты у меня красавица.

Она потерла глаза и села.

— Зачем ты надел эти доспехи? Они не так прочны, как твой старый железный панцирь.

— Это поднимет ребятам дух. — Мишанек поцеловал жену в ладонь и направился к двери. На пороге остановился и сказал, не оглянувшись: — Я оставил для тебя кое-что в моем кабинете. Завернуто в бархат. — И ушел.

Вскоре появился Пудри, неся на подносе три медовые лепешки и кубок с яблочным соком.

— Хозяин сегодня великолепен, — сказал он, и Ровена прочла грусть на его лице.

— Что с тобой, Пудри?

— Не люблю, когда люди воюют. Столько крови, столько боли. А еще хуже, когда надобность в сражении давно отпала. Нынче люди будут умирать ни за что ни про что. Жизни их будут гаснуть, словно свечи в полночь — а чего ради? И хоть бы этим дело кончилось — так ведь нет. Когда Горбен соберется с силами, он нанесет ответный удар по Наашану. Суета сует! Быть может, мне не дано этого понять потому, что я евнух.

— Ты прекрасно все понимаешь. Скажи, я была хорошей пророчицей?

— Об этом меня не спрашивай. Это было давно и быльем поросло.

— Мишанек велел тебе не говорить со мной об этом?

Пудри угрюмо кивнул.

— Он сделал это из любви к тебе. Твой Дар чуть не убил тебя, и Мишанек не хотел, чтобы ты опять страдала. Твоя ванна готова. Такая горячая, что пар идет, и я сыскал немного розового масла, чтобы подбавить в воду.

Час спустя Ровена, выйдя в сад, увидела, что окно в кабинете Мишанека открыто. Это был непорядок — там хранилось много бумаг, и сквозняк мог разбросать их по комнате. Она вошла в кабинет, закрыла окно и увидела на дубовом столе маленький пакет, обернутый, как и сказал Мишанек, в пурпурный бархат.

Ровена развернула ткань. Внутри оказалась деревянная шкатулка. Она подняла крышку и увидела простенькую, незатейливую брошь: мягкие медные нити, сплетенные вокруг лунного камня. У Ровены внезапно пересохло во рту. Разум говорил ей, что она видит эту брошь впервые, но где-то в

глубине души прозвенел тревожный колокольчик, сказав ей: «Это мое!»

Правой рукой она медленно потянулась к брошке — и замерла, не коснувшись лунного камня. Отошла назад, села.

В комнату вошел Пудри.

— Ты носила ее, когда я впервые тебя увидел, — тихо сказал он.

Ровена молча кивнула. Пудри подошел и подал ей письмо, написанное твердым, четким почерком Мишанека.

Приветствую тебя, возлюбленная!

Я хорошо владею мечом, но сейчас отдал бы душу за то, чтобы столь же хорошо владеть словом. В тот давний год, когда ты лежала при смерти, я позвал трех чародеев запереть твой Дар. Сделав это, они заодно заперли и двери твоей памяти.

Они сказали мне, что эта брошка — дар любви. Ключ к твоему прошлому и надежда на будущее. Из всех страданий, что я испытал, нет горшего, чем знать: в твоем будущем не будет меня. Но я любил тебя и не изменил бы ничего, что было. Если бы каким-то чудом мне дозволено было вернуться в прошлое, я поступил бы так же, даже зная, чем все это кончится.

Ты свет моей жизни и любовь моя.

Прощай, Патаи. Пусть твой путь будет легким, а душа познает радость.

Письмо выпало у нее из рук.

Пудри коснулся легкой ладонью ее плеча.

— Возьми брошку, госпожа.

Она покачала головой.

— Он готовится к смерти.

— Да. И он просил меня уговорить тебя взять эту брошь. Он очень этого желал. Не отказывай же ему!

— Хорошо, я возьму, — торжественно произнесла она, — но когда он умрет, я умру вместе с ним.

Друсс сидел в опустевшем лагере и смотрел, как штурмуют стену. С этого расстояния идущие на приступ казались букашками, взбирающимися по крохотным лесенкам. Он видел, как падают вниз тела, слышал звук боевых рогов, а порой ветер доносил до него пронзительные крики раненых.

Зибен был рядом с ним.

— В первый раз на моей памяти ты не полез в драку, Друсс. Размяк, что ли, на старости лет?

Друсс, не отвечая, смотрел светлыми глазами на стену, из-под которой пробивался дым. Дерево в подкопе уже подожгли — скоро стена рухнет у основания. Дым сделался гуще. Атакующие отошли назад в ожидании обвала.

Время тянулось медленно в тишине, воцарившейся над равниной. Дым сгустился еще больше, а потом стал таять. Ничего не произошло.

Друсс взял топор и встал. Зибен последовал его примеру.

— Не получилось, — сказал поэт.

— Дай срок, — проворчал Друсс и зашагал вперед.

Они остановились ярдах в тридцати от стены, где стоял Горбен со своими офицерами. Никто не разговаривал.

Зубчатая щель, черная, как паучья нога, пробежала по стене, и раздался громкий треск. Щель стала шире, с ближней башни рухнул огромный кусок кладки. Защитники начали покидать стену. Появилась вторая трещина, потом третья. Обширный участок стены обвалился. Высокая башня перекосилась вправо и сползла в провал, подняв облако пыли. Горбен прикрыл рот плащом, выжидая, когда пыль осядет.

На месте прочной каменной стены остались иззубренные руины, похожие на поломанные зубы великана.

Запели роги, черная шеренга Бессмертных двинулась вперед.

— Пойдешь с нами? — спросил Горбен Друсса.

Друсс покачал головой.

— Резня мне не по нутру.

Двор был усеян телами и лужами крови. Мишанек взглянул направо, где лежал его брат Нарин с торчащим в груди копьем, уставясь незрячими глазами в багровое небо.

Вот уже и закат, подумал Мишанек. Кровь струилась из раны у него на виске, он чувствовал, как кровь течет по шее. Спина болела — засевшая под левой лопаткой стрела при каждом движении впивалась в тело, мешала держать тяжелый щит. Мишанек бросил его. Рукоять меча сделалась скользкой от крови.

Слева стонал Щурпак со страшной раной в животе, пытаясь удержать на месте вываливающиеся внутренности.

Мишанек перевел взгляд на окруживших его врагов. Они чуть отступили назад и стояли угрюмым кругом. Мишанек медленно оглянулся. Он последний из наашанитов еще стоял на ногах. Устремив горящий взор на Бессмертных, он с вызовом крикнул:

— Что это с вами? Наашанской стали устрашились?

Никто ему не ответил.

Он пошатнулся и чуть не упал, но выпрямился снова.

Он почти уже не чувствовал боли.

Славный был денек. Подрытая стена рухнула, убив пару десятков человек, но остальные отошли в полном порядке. Мишанек гордился ими. Никто даже не заикнулся о сдаче. Они отступали за второй рубеж обороны, где встретили вентрийцев стрелами, копьями, камнями.

Но врагов было слишком много, и защитники не имели возможности удержать оборону.

Мишанек повел оставшихся пятьдесят воинов к замку — им отрезали дорогу и вынудили свернуть во двор дома, где прежде жил Кабучек.

«Чего они ждут? — спросил себя Мишанек и сам же ответил: — Ждут, когда ты умрешь».

Круг раздался, появился Горбен — в золотом облачении, с семизубой короной на голове. Император с головы до пят. Рядом шел воин с топором, муж Патаи.

— Еще один поединок... государь? — спросил Мишанек. Мучительный кашель сотряс его тело, кровь брызнула с губ.

— Сложи свой меч, воин. Все кончено! — сказал Горбен.

— Стало быть, вы сдаетесь? Если нет, дайте мне сразиться с вашим бойцом.

Горбен взглянул на воина. Тот кивнул и выступил вперед. Мишанек принял боевую стойку, но мысли его мутились. Он вспомнил, как сидел с Патаи у водопада. Она надела ему на голову венок из белых кувшинок — он и теперь чувствовал их мокрую прохладу...

Нет! Борись и побеждай!

Он поднял глаза. Противник высился над ним, как башня, и Мишанек понял, что стоит на коленях.

— Нет, — сказал он, с трудом выговаривая слова. — Не стану я умирать на коленях. — Он попытался встать, снова упал. Пара сильных рук поставила его на ноги, и он увидел перед собой светлые глаза Друсса. — Я знал... что ты... придешь.

Друсс отнес умирающего к мраморной скамье у стены, бережно опустил на холодный камень. Кто-то из Бессмертных снял с себя плащ, свернул его и подложил под голову наашанского военачальника.

Мишанек, увидев над собой темнеющее небо, повернул голову. Друсс стоял рядом с ним на коленях, вокруг собрались Бессмертные. По приказу Горбена они вскинули вверх свои мечи, салютуя доблестному врагу.

— Друсс... Друсс...
— Я здесь.
— Обращайся с ней... бережно.
Ответа Мишанек не услышал.
Он сидел на траве у водопада с прохладным венком из кувшинок вокруг лба.

Решу не отдали на разграбление, мирных жителей никто не тронул. Бессмертные прошли по городу под ликующие крики толпы, махавшей флагами и бросавшей им под ноги лепестки цветов. В первые часы случились, правда, некоторые беспорядки — разгневанные горожане вылавливали вентрийцев, помогавших наашанским завоевателям.

Горбен приказал разогнать толпу, пообещав позднее расследовать случаи измены в судебном порядке. Убитых похоронили в двух братских могилах за городской стеной. Над вентрийцами император повелел воздвигнуть памятник — каменного льва с именами погибших на постаменте. Над наашанской могилой камня не поставили, но Мишанека погребли в Зале Павших под Большим Дворцом, что высился на холме над всей Решей.

Подвезли провизию, чтобы кормить жителей, и строители взялись за работу, разбирая дамбы, не пускавшие в город воду, восстанавливая городскую стену, а заодно дома и лавки, поврежденные большими камнями, которые баллисты метали через стену последние три месяца.

Друсса не занимало, что происходит в городе. Дни напролет он просиживал у постели Ровены, сжимая ее холодную белую руку.

После смерти Мишанека Друсс нашел его дом. Дорогу ему показал наашанский солдат, переживший последнее сражение. Вместе с Зибеном и Эскодасом Друсс мчался к дому на холме, окруженному красивым садом. У искусственного пруда сидел, рыдая, маленький человечек. Друсс сгреб его за ворот и поднял на ноги.

— Где она?

— Умерла, — обливаясь слезами, выговорил человек. — Приняла яд. Священник молится над ее телом. — Он махнул рукой в сторону дома, не переставая рыдать.

Друсс бросился в дом, взлетел наверх по винтовой лестнице. Первые три комнаты были пусты, в четвертой около кровати сидел жрец Паштара Сена.

— О боги, нет! — вскричал Друсс, увидев недвижное тело своей Ровены с серым лицом и закрытыми глазами.

Жрец поднял на него усталый взор и сказал:

— Помолчи. Я послал за своим... другом. Моих сил хватает лишь на то, чтобы поддерживать в ней жизнь. — И он опустил веки.

Растерянный Друсс обошел кровать с той стороны, глядя на женщину, которую любил всю жизнь. Семь лет минуло с тех пор, как он видел ее в последний раз, и ее красота стальными когтями терзала его сердце. Проглотив комок, он сел рядом с ней. Жрец держал ее за руку. Пот стекал по его лицу, оставляя серые следы на щеках, и видно было, что он смертельно устал. Вошли Зибен и Эскодас. Друсс знаком велел им молчать. Они сели и стали ждать.

Прошел почти час, прежде чем явился еще один человек, лысый, дородный, с круглым красным лицом и смешными оттопыренными ушами. Он был одет в длинный белый хитон, через плечо висела большая сумка на длинном, вышитом золотом ремне. Не говоря ни слова, он подошел к постели и приложил пальцы к шее Ровены. Жрец Паштара Сена открыл глаза.

— Она приняла корень яса, Шалитар, — сказал он.

Лысый кивнул.

— Как давно?

— Три часа назад. Я помешал яду проникнуть в кровь, но ничтожная его часть все же просочилась в лимфу.

Шалитар щелкнул языком и полез в свою сумку.

— Принесите кто-нибудь воды, — приказал он.

Эскодас вышел и вскоре вернулся с серебряным кувшином. Шалитар велел ему встать у изголовья, достал пакетик какого-то порошка, всыпал в кувшин. Вода вспенилась и опала. Лекарь извлек из сумки длинную серую трубку и воронку. Склонившись над Ровеной, он раскрыл ей рот.

— Что ты делаешь? — вскричал Друсс, схватив его за руку.

— Надо влить ей в желудок лекарство, — невозмутимо ответил лекарь, — а она, как видишь, сама глотать не в состоянии. Поэтому я должен ввести эту трубку ей в горло и влить лекарство. Это дело тонкое — нельзя, чтобы жидкость попала в легкие. И мне затруднительно будет совершить это со сломанной рукой.

Друсс отпустил его и молча, страдая, стал смотреть, как трубка входит в горло. Шалитар вставил воронку и велел Эскодасу лить. Когда тот опорожнил кувшин наполовину, Шалитар пережал трубку двумя пальцами, убрал ее, опустился на колени и приник ухом к груди Ровены.

— Сердце бьется очень медленно, — сказал он, — и слабо. Год назад я лечил ее от чумы — она чуть не умер-

ла тогда, и болезнь оставила свой след. Сердце плохо ей служит. Выйдите-ка, — велел он троим друзьям. — Чтобы поддерживать кровообращение, я должен втирать ей масло в руки, ноги и спину.

— Я не уйду, — сказал Друсс.

— Сударь, эта дама — вдова господина Мишанека, и ее очень любят здесь, несмотря на ее брак с наашанитом. Не подобает постороннему мужчине видеть ее обнаженной — и тот, кто ее опозорит, не проживет и дня.

— Я ее муж, — процедил Друсс. — Другие пусть уходят, но я останусь.

Шалитар потер подбородок и счел за благо не спорить. Жрец Паштара Сена тронул его за руку.

— Это длинная история, друг мой, но он говорит правду. Приступай.

— Я сделаю все, что могу, но этого может оказаться недостаточно, — проворчал Шалитар.

Прошло три дня. Друсс почти ничего не ел и спал тут же, рядом с кроватью. Состояние Ровены не улучшалось, и Шалитар все больше падал духом. Жрец вернулся к ним на четвертый день утром.

— Яд вышел из ее тела, — сказал Шалитар, — но она не приходит в сознание.

Жрец кивнул с понимающим видом.

— Я пришел сюда, когда она еще только впадала в беспамятство, и соприкоснулся с ее духом. Он глух к зову жизни — она не хочет больше жить.

— Почему? — спросил Друсс. — Почему она хочет умереть?

— У нее нежная душа. Когда-то она любила тебя и хранила свою любовь в чистоте среди порочного мира. Она знала, что ты придешь за ней, и ждала. Однако ее Дар возрос с невероятной быстротой и стал для нее губительным. Шалитар и еще несколько человек спасли ее, закрыв двери этому Дару, тем самым лишив ее памяти. Она очнулась здесь, в доме Мишанека. Он был хорошим человеком, Друсс, и любил ее — так же, как любишь ты. Он ухаживал за ней, пока она поправлялась, и покорил ее сердце. Но самый большой свой секрет он ей так и не открыл. Еще будучи пророчицей, она предсказала, что он погибнет в первую годовщину своей свадьбы. Несколько лет они прожили вместе, и ее сразила чума. Во время болезни она, ничего не помня о своем пророчестве, спросила Мишанека, отчего он на ней не женится. Он

боялся за ее жизнь и верил в то, что брак ее спасет. Возможно, в этом он был прав. А в день взятия Реши Мишанек оставил жене подарок — вот этот. — Жрец показал Друссу брошь.

Друсс взял хрупкую вещицу, зажал в своей огромной ладони.

— Это я сделал для нее. Словно в прошлой жизни это было.

— Мишанек знал, что это ключ, который отопрет ее память. В слепоте своей он полагал, что возвращение памяти поможет ей пережить боль утраты. Он верил, что если она вспомнит тебя и если ты все еще ее любишь, то за ее будущее можно не опасаться. Он заблуждался: взяв в руки брошь, она почувствовала себя кругом виноватой. Ведь это она попросила Мишанека жениться на ней и тем, по ее разумению, обрекла его на смерть. Ведь она видела тебя, Друсс, у дома Кабучека, но убежала, боясь, как бы прошлое не вернулось и не погубило ее вновь обретенное счастье. В один миг она ощутила себя изменницей, потаскухой и, боюсь, убийцей.

— Она ни в чем не виновата, — сказал Друсс. — Как она могла подумать такое?

Жрец улыбнулся, но ответил Друссу Шалитар:

— Любая смерть делает кого-то виноватым. Сын умирает от чумы, и мать упрекает себя за то, что не увезла ребенка загодя в безопасное место. Мужчина падает и разбивается, и его жена говорит: «Надо было попросить его остаться дома сегодня». Все хорошие люди норовят взвалить на себя бремя вины. Любого несчастья можно было бы избежать, если б знать о нем заранее — мы упрекаем себя за недогадливость. Для Ровены же бремя оказалось столь тяжким, что она не смогла его вынести.

— Что же теперь?

— Ничего. Будем надеяться, что она вернется к нам.

Жрец Паштара Сена хотел сказать что-то, но промолчал и отошел к окну.

— Говори, — сказал Друсс. — О чем ты сейчас подумал?

— Так, ни о чем.

— Ты должен сказать, если это касается Ровены.

Жрец сел и потер усталые глаза.

— Она колеблется между жизнью и смертью, — ответил он наконец, — дух ее блуждает в Долине Мертвых. Если бы найти какого-нибудь чародея, его дух мог бы привести ее домой. Но я не знаю, где взять такого человека, а на поиски у нас нет времени.

— Но ведь у тебя тоже есть Дар, — сказал Друсс, — и ты, похоже, знаешь, что за место эта Долина.

Жрец отвел взгляд.

— Дар у меня и верно есть, но мне недостает отваги. Это страшное место. Трусам там нечего делать, Друсс. — И он вымученно улыбнулся. — Я бы погиб там.

— Тогда пошли меня — уж я-то ее найду.

— Тебе туда нельзя. Это колдовское место, обитель демонов. С ними тебе не справиться, Друсс, — они одолеют тебя.

— Но ты можешь отправить меня туда?

— Это было бы безумием.

— Что станется с ней, если мы будем бездействовать? — спросил Друсс у Шалитара.

— Она протянет день или два — не больше.

— Вот видишь, жрец, — выбора нет, — сказал Друсс, вставая. — Скажи мне, как попасть в эту Долину.

— Тебе придется умереть, — прошептал тот.

Серый туман клубился и дрожал, хотя ветра не было и повсюду вокруг слышались странные звуки.

Жрец исчез, Друсс остался один.

Один?

Повсюду в тумане двигались какие-то фигуры — одни громадные, другие маленькие и юркие. «Не сходи с дороги, — сказал ему жрец. — Иди по ней сквозь туман и ни под каким видом не позволяй увлечь себя в сторону».

Друсс посмотрел себе под ноги. Дорога была серая, без стыков, точно ее отлили из расплавленного камня. Над ее гладким полотном висел туман, цепляясь холодными щупальцами за ноги Друсса.

Женский голос окликнул Друсса с обочины, и он поглядел направо. Темноволосая женщина, почти девочка, сидела там на камне, расставив ноги и поглаживая себе бедро. Она облизнула губы и призывно повела головой.

— Иди сюда. Иди же!

— Нет. Я тут по делу.

— По делу? — засмеялась она. — Какие здесь могут быть дела? — Она придвинулась ближе, но Друсс заметил, что ноги ее не касаются дороги. В ее больших золотистых глазах вместо черных зрачков были черные щелки. Когда она приоткрыла рот, меж сизоватых губ мелькнул раздвоенный язык. Зубы у нее были мелкие и острые.

Не глядя больше на нее, Друсс пошел дальше.

Посреди дороги сидел сгорбленный старик.

— Скажи, брат, какой дорогой мне идти? — спросил он. — Здесь их так много.

— Дорога одна, — ответил Друсс.

— Да нет же, их много, — повторил старик. Друсс прошел мимо и услышал, как женщина зовет старика: «Иди сюда!» Друсс не стал оборачиваться, но вскоре услышал ужасный вопль.

Дорога вела сквозь туман, прямая и ровная как стрела. По ней шли и другие люди — кто бодро, кто еле волоча ноги. Никто не разговаривал. Друсс вглядывался в их лица, ища Ровену.

Молодая женщина, сойдя с дороги, упала на колени. Покрытая чешуей рука тут же схватила ее за плащ и уволокла в туман. Друсс был слишком далеко, чтобы помочь. Он выругался и зашагал дальше.

К дороге примыкало множество троп, и вскоре Друсс оказался в толпе людей, молодых и старых. На их лицах лежала тревога. Многие сходили с дороги и пропадали в тумане.

Друссу казалось, что он идет по этой дороге уже много дней. Здесь не было ни времени, ни усталости, ни голода. Только сонмы душ брели и брели сквозь серый туман.

Отчаяние настигло его. Как же он найдет Ровену среди такого множества? Но он отринул страх и сосредоточился на лицах своих спутников. Если бояться того, что предстоит, никогда ничего не достигнешь.

Вскоре он заметил, что дорога идет вверх. Он по-прежнему не видел ничего впереди, но туман немного поредел. Боковые тропы исчезли, дорога сделалась шире — больше ста футов в ширину.

Друсс шел и шел, прокладывая путь через молчаливое шествие. Дорога разделилась на множество узких троп, и все они вели под своды туннелей, темных и зловещих.

Какой-то человечек в длинной одежде из грубой бурой шерсти шел навстречу реке душ.

— Иди, иди, сын мой, — с улыбкой сказал он Друссу, потрепав его по плечу.

— Погоди! — крикнул ему Друсс.

Человек удивленно обернулся и поманил Друсса за собой на обочину.

— Покажи-ка мне свою правую руку.

— Что?

— Руку, правую руку. Покажи ладонь. — Друсс протянул руку, и Бурый воззрился на его мозолистую ладонь. — Ты еще не готов к тому, чтобы пройти туда, брат. Зачем ты здесь?

— Я ищу одного человека.

— Ага, — с явным облегчением молвил Бурый. — Ты из отчаявшихся сердец. Многие из вас пытаются пройти туда раньше времени. В чем дело? Твоя возлюбленная умерла? Или мир дурно с тобой обошелся? Как бы там ни было, придется тебе вернуться назад. Здесь ты никуда не попадешь, если не

сойдешь с дороги — а если сойдешь, тебя ждут вечные муки. Ступай назад!

— Не могу. Здесь моя жена. И она жива — так же, как и я.

— Если так, брат, то она тоже не могла пройти сквозь врата. Ни одна живая душа не может пройти сквозь них. У вас нет монеты. — Бурый показал Друссу собственную ладонь, где виднелась круглая черная тень. — Это плата паромщику — она открывает дорогу в рай.

— Если она не могла пройти здесь, где она может быть?

— Не знаю, брат. Я никогда не схожу с дороги и не знаю, что лежит за ее пределами, — мне лишь известно, что там обитают погибшие души. Ступай к Четвертым Вратам и спроси брата Домитори — он здешний Привратник.

Бурый улыбнулся и скрылся в толпе. Друсс снова влился в людской поток и прошел к Четвертым Вратам, где стоял другой человек в буром платье с капюшоном. Высокий и сутулый, он смотрел на идущих серьезным, печальным взором.

— Ты брат Домитори? — спросил Друсс.

Человек молча кивнул.

— Я ищу свою жену.

— Проходи, брат. Если ее душа жива, ты найдешь ее.

— У нее нет монеты, — сказал Друсс.

Человек кивнул и указал ему узкую тропу, ведущую вверх вокруг невысокого холма.

— Там, за холмом, много таких. Там они меркнут и вянут, и возвращаются на дорогу, когда приходит срок — когда тело отказывается от борьбы и сердце перестает биться. — Друсс повернул в ту сторону, и Домитори сказал ему вслед: — За холмом нет дороги. Ты окажешься в Долине Мертвых. Тебе следует вооружиться.

— У меня нет при себе оружия.

Домитори поднял руку, остановив поток душ, текущий через врата.

— Бронза и сталь здесь бесполезны, хоть ты и увидишь подобия мечей и копий. Здесь правит Дух, и твоя душа может быть сталью либо водой, огнем или деревом. Чтобы перевалить за холм и вернуться обратно, требуется отвага — и многое другое помимо нее. Веруешь ли ты?

— Во что?

Домитори вздохнул.

— В Исток. Или в себя самого. Что для тебя дороже всего на свете?

— Ровена, моя жена.

— Пусть же любовь будет тебе опорой, мой друг. Держись за нее, что бы ни случилось. Чего ты больше всего боишься?

— Потерять ее.

— Чего еще?

— Больше ничего.

— Каждый чего-нибудь да боится — это заложено в человеческой природе. В этом проклятом месте человек непременно встречается лицом к лицу со своими страхами. Я молюсь, чтобы Исток направил тебя. Ступай с миром, брат мой.

Домитори махнул рукой, врата отворились, и мрачный поток тихих душ снова потек через них.

— Ах ты, трус несчастный! — бушевал Зибен. — Убить тебя мало!

Шалитар встал между ним и жрецом.

— Успокойся. Он сам признался, что ему недостает мужества, и не надо его за это винить. Одни люди рождаются высокими, другие низкими, одни храбрыми, другие нет.

— Пусть так — но на что годится Друсс в нездешнем, колдовском мире? Вот что ты мне скажи.

— Я не знаю, — сознался Шалитар.

— Ты, может, и нет — а вот он знает. Я много читал о Пустоте — там происходит действие многих моих поэм. Я говорил с провидцами и мистиками, которым доводилось странствовать в Тумане, — и все они сходятся в одном: человек, не владеющий магической властью, там обречен. Так ведь, жрец?

Жрец кивнул, не поднимая глаз. Он сидел у широкой кровати, на которой покоились тела Друсса и Ровены. Воин был бледен, и казалось, что он не дышит.

— С чем он встретится там? — не унимался Зибен. — Ну, говори же!

— С ужасами своего прошлого, — еле слышно ответил жрец.

— Клянусь богами: если он умрет, ты последуешь за ним.

Друсс достиг вершины холма и посмотрел вниз, в выжженную долину. Сухие черные деревья выделялись на пепельно-серой земле, точно нарисованные углем. В воздухе не чувствовалось ни дуновения, лишь немногочисленные души бесцельно блуждали по этой пустыне. Чуть пониже Друсса, понурив голову и сгорбив плечи, сидела какая-то старушка. Он спустился к ней.

— Я ищу свою жену, — сказал он.

— Ты ищешь не только ее, — сказала старуха.

Он присел напротив.

— Нет, только жену. Ты можешь чем-то помочь мне?

Она подняла голову и взглянула ему в лицо глубоко посаженными, злобными глазами.

— А что ты дашь мне за это, Друсс?

— Откуда ты меня знаешь?

— Ты Серебряный Убийца, человек, победивший Зверя Хаоса. Мне ли тебя не знать? Так что же ты дашь мне?

— Чего ты хочешь?

— Пообещай мне кое-что.

— Что же?

— Обещай, что отдашь мне свой топор.

— Его сейчас нет при мне.

— Это я знаю, мой мальчик. Обещай, что отдашь его мне в мире плоти.

— На что он тебе?

— Это тебе знать не надо. Погляди вокруг, Друсс: сможешь ли ты найти ее за то время, что вам отпущено?

— Хорошо, я обещаю. Говори, где она.

— Ты должен перейти через мост — там она и будет. Но этот мост стережет один могучий воин.

— Говори, где мост.

Старуха оперлась на лежащий рядом посох и поднялась на ноги.

— Пойдем, — сказала она и направилась к гряде низких холмов. По дороге Друсс увидел множество новых душ, бредущих в долину.

— Зачем они идут сюда? — спросил он.

— Это жертвы собственной слабости, поддавшиеся отчаянию, чувству вины или тоске. Большей частью самоубийцы. Пока они блуждают здесь, их тела умирают — как у Ровены.

— Ровена сильная.

— О нет, она слаба. Она жертва любви, как и ты. А если что и губит человека окончательно, так это любовь. Не имея собственной силы, она питается твоими и портит сердце охотника.

— Я тебе не верю.

Она разразилась смехом, похожим на стук костей.

— Еще как веришь. Ты не создан для любви, Друсс. Разве любовь погнала тебя на палубу пиратского корабля, чтобы убивать всех без разбору? Разве любовь возвела тебя на стены Экстаниса? Разве любовь побуждала тебя драться в песчаных кругах Машрапура? — Старуха остановилась и обернулась к нему. — Разве она?

— Да. Я делал все это ради Ровены, ради того, чтобы найти ее. Я люблю ее.

— Не любовь тобою двигала, Друсс, а нужда. Ты не в силах быть тем, кто ты есть без нее, — дикарем, убий-

цей, зверем. С ней ты другой. Ты черпаешь ее чистоту, упиваешься ею, как дорогим вином, — и обретаешь способность видеть красоту цветка и вдыхать сладость летнего ветра. Тебе кажется, что без нее ты ничего не стоишь. Но ответь мне, воин: будь это любовь, разве не было бы ее счастье для тебя превыше всего?

— Но оно в самом деле превыше всего для меня.

— Вот как? Как же ты поступил, узнав, что она живет счастливо с любимым мужчиной, в достатке и благополучии? Пытался ли ты убедить Горбена, чтобы он пощадил Мишанека?

— Где твой мост?

— Ага, видно, правда глаза колет?

— Я не мастер спорить, женщина. Я знаю только, что готов умереть за нее.

— Как же, как же. Вашему брату свойственно искать легкие решения и простые ответы.

Старуха взошла на вершину холма и остановилась, опираясь на посох. Перед Друссом разверзлась пропасть. Глубоко-глубоко в черном ущелье, похожая с высоты на узкую ленту, текла огромная река. Через пропасть был перекинут узкий мост из черных канатов и серых досок, а посреди него стоял воин, одетый в черное с серебром, с огромным топором в руках.

— Она на той стороне, — сказала старуха, — но сначала ты должен пройти мимо этого воина. Узнаёшь ты его?

— Нет.

— Ничего, скоро узнаешь.

Мост удерживали на месте толстые черные канаты, привязанные к двум каменным глыбам, а настил состоял из деревянных плашек фута в три длиной и в дюйм толщиной. Друсс ступил на мост, и мост сразу закачался. Перил, хотя бы и веревочных, не было, и Друсс, взглянув вниз, испытал тошнотворное чувство головокружения.

Он медленно двинулся вперед, глядя себе под ноги. Пройдя половину пути до воина в черном, он поднял глаза — и ощутил удар.

Воин улыбнулся, блеснув белыми зубами в черной с проседью бороде.

— Нет, мальчик, я — это не ты, — сказал он. — Я тот, кем ты мог бы стать.

Воин был точным подобием Друсса, только постарше, и казалось, что его светлые холодные глаза скрывают множество тайн.

— Ты — Бардан, — сказал Друсс.

— И горжусь этим. Я был сильным, Друсс. Я заставлял других трястись от страха и получал удовольствие,

когда хотел. Не то что ты — сильный телом, но слабодушный. Ты пошел не в меня, а в Бресса.

— Я считаю это похвалой. Никогда мне не хотелось быть таким, как ты, убивать детей, насиловать женщин. Для этого не нужно быть сильным.

— Я сражался со многими мужчинами. Никто не может обвинить Бардана в трусости. Ядра Шемака, парень, да я выходил на бой с целыми армиями!

— А я говорю, что ты трус — трус худшего пошиба. Вся твоя сила пришла к тебе от него. — Друсс кивнул на топор. — Без него ты был ничем и ничем останешься.

Бардан побагровел, потом побледнел.

— С тобой, дохляк, он мне не понадобится. Я уложу тебя голыми руками.

— Не дождешься, — хмыкнул Друсс.

Бардан хотел положить топор, но усомнился.

— Что, кишка тонка? — насмехался Друсс. — Великий Бардан! Боги, да я плюю на тебя!

Бардан выпрямился, по-прежнему держа топор в правой руке.

— А с чего я должен отказываться от моего единственного друга? Никого больше не было со мной рядом за всю мою одинокую жизнь. Он и тут все время мне помогает.

— Помогает? Да он загубил тебя, как загубил Кайивака и всех других, которые привязались к нему всей душой. Мне ли говорить тебе об этом, дед? Ты сам это знаешь, но слишком слаб, чтобы это признать.

— Сейчас я покажу тебе, какой я слабый! — взревел Бардан, бросаясь вперед с поднятым топором.

Мост закачался, но Друсс, пригнувшись, что есть силы ударил Бардана кулаком в подбородок. Бардан покачнулся, а Друсс подпрыгнул и ногами ударил его в грудь. Бардан выронил топор, отступил к самому краю.

Друсс бросился на него снизу, но Бардан, зарычав, встретил его головой. Друсс двинул его в подбородок — Бардан ушел вниз и оттуда нанес ответный удар, от которого голова Друсса отскочила назад. Друсс зашатался. Второй удар пришелся повыше уха и свалил его на мост. Увернувшись от сапога, целившего в ухо, Друсс схватил Бардана за ногу и потянул на себя. Тот рухнул. Друсс поднялся — Бардан вскочил тоже и вцепился ему в горло. Мост теперь раскачался вовсю — оба упали и покатились за край. Друсс успел просунуть ногу между двумя досками, и оба повисли над бездной.

Друсс освободился от хватки Бардана, снова двинул его в подбородок. Бардан с глухим стоном свалился с мо-

ста, но ухватился за руку Друсса и чуть было не увлек его за собой.

Бардан повис над огненной рекой, глядя светлыми глазами в лицо внука.

— Однако ты хорош, парень, — ласково сказал он.

Друсс другой рукой вцепился ему в колет, пытаясь втащить его обратно.

— Нет, видно, пора мне умереть наконец. Ты прав. Это все топор. — Бардан ослабил хватку и улыбнулся. — Отпусти меня, парень. Все кончено.

— Нет! Держись, будь ты проклят!

— Да улыбнутся тебе боги, Друсс! — Бардан ударил Друсса по руке, освободился и полетел вниз. Друсс смотрел, как он падает, как становится все меньше и меньше. Наконец Бардан превратился в темное пятнышко, и огненная река поглотила его.

Друсс поднялся на колени и увидел, что из топора валит красный дым, обретая очертания багровой фигуры с чешуйчатой шкурой, с рогами на висках. Над акульей пастью вместо носа виднелись две щели.

— Ты сказал правду, Друсс, — сказал демон приветливо. — Он был слаб. Так же, как Кайивак и все остальные. Только ты недостаточно силен, чтобы владеть мною.

— Я в тебе не нуждаюсь.

Демон залился смехом.

— Легко сказать, смертный. Погляди-ка вон туда. — На том конце моста высился Зверь Хаоса — стальные когти поблескивали, глаза горели как уголья.

Друсса охватило отчаяние, а демон топора приблизился ближе, говоря тихо и дружелюбно:

— Зачем ты так, человек? Разве я когда-нибудь подводил тебя? Разве я не отвел от тебя огонь на корабле Эарина Шада? Разве я не выскользнул из пальцев Кайивака? Я твой друг, смертный. Всегда был твоим другом. Все эти долгие одинокие века я ждал человека, который обладал бы твоей силой и решимостью. Вместе мы можем завоевать мир. Без меня ты никогда не выйдешь отсюда, никогда больше не увидишь солнца. Доверься мне, Друсс! Убей зверя — и мы отправимся домой.

Демон превратился в струйку дыма и вернулся в черное топорище.

Друсс смотрел на зверя за мостом. Теперь он казался еще страшнее: плечи бугрились под черным мехом, из пасти стекала слюна. Друсс взялся за рукоять Снаги, поднял топор над головой и шагнул вперед.

Сила вернулась к нему, а вместе с силой — ненависть и бешеное желание крушить и убивать. Во рту пересохло от жажды крови, и он двинулся навстречу зверю с огненными глазами. Медведь ждал, растопырив лапы.

Казалось, все зло мира воплощено в этом существе. Разочарование, гнев, ревность, злоба — все, от чего Друсс когда-либо страдал, таилось в черной душе Зверя Хаоса. Весь дрожа в припадке безумной ярости, Друсс оскалил зубы и бросился на врага.

Зверь не двинулся с места. Он стоял, опустив лапы и понурив голову.

Друсс замедлил бег. «Убей! Убей! Убей!» Его шатало от желания вонзить топор в тело чудовища.

— Нет! — внезапно вскричал он и мощным движением швырнул топор в бездну. Тот полетел, кружась, в огненную реку, и Друсс увидел, как демон вырвался из него, черный на фоне серебряных лезвий. Топор упал в огненную реку, а обессиленный Друсс обернулся навстречу зверю.

На месте чудовища стояла обнаженная Ровена, глядя на Друсса нежным взором.

Он со стоном устремился к ней.

— Где же зверь?

— Здесь нет зверя, Друсс. Только я. Почему ты изменил свое решение и не убил меня?

— Тебя? Да разве я мог бы причинить тебе зло? Благие небеса, как это пришло тебе в голову?

— Ты смотрел на меня с такой ненавистью... а после бросился на меня с топором.

— О, Ровена! Я видел не тебя, а демона... Я был околдован! Прости меня!

Он подбежал к ней и хотел обнять, но она отстранилась и сказала:

— Я любила Мишанека.

— Я знаю, — ответил он со вздохом. — Он был хорошим человеком — возможно, даже великим. Я был с ним, когда он умер. Он попросил меня... велел мне позаботиться о тебе. Но меня не нужно просить об этом. Ты для меня всё, и так было всегда. Без тебя в моей жизни не было света. Как долго я ждал этого мгновения! Пойдем назад, Ровена, и будем жить!

— Я искала его, — сказала она со слезами на глазах, — но не нашла.

— Он ушел туда, куда ты не можешь за ним последовать. Пойдем домой.

— Я и жена, и вдова. Где же мой дом, Друсс? Где?

Она склонила голову, и блестящие слезы потекли по ее щекам. Друсс обнял ее, привлек к себе.

— Твой дом будет там, где ты захочешь, — прошептал он. — Я сам построю его для тебя. Но пусть это будет там, где светит солнце, где ты сможешь слышать пение птиц и вдыхать аромат цветов. Это место не для тебя — и Мишанек тоже не хотел бы, чтобы ты здесь оставалась. Я люблю тебя, Ровена, но если ты решишь жить без меня, я выдержу. Только живи. Пойдем со мной. Договорим после, когда выйдем на свет.

— Я и сама не хочу оставаться здесь, — сказала она, прильнув к нему. — Но я так по нему тоскую.

Ее слова пронзили Друсса болью, но он не выпустил Ровену из объятий и поцеловал ее волосы.

— Пойдем домой. Возьми меня за руку.

Друсс открыл глаза и вдохнул полной грудью. Рядом спала Ровена. Он ощутил мгновенную панику, но чей-то голос произнес: «Она жива». Друсс сел и увидел Старуху на стуле у кровати.

— Тебе нужен топор? Бери его!

Она издала сухой, холодный смешок.

— Твоя благодарность ошеломляет меня, воин. Снага мне больше не нужен. Ты изгнал из него демона и выпустил на волю, но я его отыщу. Ты молодец, мой мальчик. Победить такую ненависть и жажду крови... Странное существо человек.

— Где все остальные? — спросил Друсс.

Она оперлась на посох и поднялась на ноги.

— Твои друзья спят. Их силы на исходе, и мне не стоило труда погрузить их в сон. Удачи тебе, Друсс. Желаю всех благ тебе и твоей милой. Увези ее обратно в дренайские горы и наслаждайся ее обществом, пока возможно. У нее слабое сердце, и белый снег человечьей зимы никогда не ляжет на ее волосы. А на твои, Друсс, ляжет. — Старуха с улыбкой распрямилась, хрустнув суставами.

— Зачем тебе демон? — спросил Друсс, когда она направилась к двери.

— Горбен велел выковать себе меч, — сказала она, обернувшись, — особенный меч. Он заплатит мне, если я наложу чары на его клинок, — и я это сделаю, Друсс. — Сказав это, Старуха ушла.

Ровена зашевелилась во сне и проснулась.

Солнце, выйдя из-за туч, залило комнату светом.

Книга четвертая
ДРУСС-ЛЕГЕНДА

Друсс увез Ровену в Дренай и на золото, подаренное ему благодарным Горбеном, купил усадьбу высоко в горах. Два года он жил спокойно, стараясь быть любящим мужем и мирным человеком. Зибен в это время ездил по стране, выступая с песнями и сказаниями перед князьями и придворными, и легенда о Друссе распространилась по всему континенту.

Затем Друсс по приглашению готирского короля отправился на север и принял участие во втором походе против надиров, заслужив себе титул Побратима Смерти*. Зибен присоединился к нему, и вместе они обошли много стран. И к легенде добавились новые подробности.

Между войнами Друсс возвращался домой, но зов битвы всегда оказывался сильнее, и вновь и вновь он прощался с Ровеной, уходя, как он уверял ее всякий раз, на свой последний бой.

Верный Пудри остался при Ровене. Зибен продолжал свои скандальные похождения и к Друссу обыкновенно являлся, спасаясь от мести оскорбленных мужей.

На востоке император вентрийский, Горбен, победив всех своих врагов, обратил взор к горделивому независимому Дренаю.

Друссу минуло сорок пять, и он снова пообещал Ровене, что больше не пойдет на войну.

На сей раз война пришла к нему сама.

---

* Об этом — во второй хронике Друсса. — *Примеч. автора.*

* * *

Друсс сидел на солнце, глядя, как медленно плывут облака над горами, и размышляя о своей жизни. Он в полной мере познал любовь и дружбу: первое благодаря Ровене, второе — благодаря Зибену, Эскодасу и Бодасену. Но львиную долю прожитых им лет занимали кровь и смерть, вопли раненых и умирающих.

Человек должен оставлять за собой не только трупы, со вздохом подумал он. Облака сгустились, землю покрыла тень. Трава на склоне утратила свой веселый блеск, и цветы потускнели. Друсса пробрала дрожь. В плече пробудилась тупая ревматическая боль, предвещавшая дождь.

— Старею, — промолвил он.

— С кем ты говоришь, любовь моя? — Ровена села рядом с ним на деревянную скамью, обняв его рукой за пояс и положив голову ему на плечо. Своей огромной ручищей он погладил ее по волосам, заметив седину на висках.

— Сам с собой, как и положено дряхлому старцу.

Взглянув на его отмеченное годами лицо, она улыбнулась:

— Ты никогда не станешь старым. На свете нет никого сильнее тебя.

— Не было, принцесса. Не было.

— Чепуха. Еще недавно в деревне ты поднял над головой мешок с песком — а больше никто не смог.

— Значит, я самый сильный в деревне, только и всего.

Ровена чуть отодвинулась немного, добродушно покачала головой.

— Опять тоскуешь по войнам и битвам?

— Нет-нет. Я вполне счастлив здесь, с тобой. Ты приносишь покой моей душе.

— Что же тогда тревожит тебя?

— Облака. Они набегают на солнце, бросают тень, а потом уходят. Может, и я такой же, Ровена? И тоже уйду, не оставив следа?

— Какой след ты хотел бы оставить?

— Не знаю, — глядя в сторону, ответил он.

— Ты хотел бы сына, как и я, — тихо молвила она. — Но этому не суждено было сбыться. Ты винишь меня за это?

— Нет, конечно, нет! — Он снова привлек ее к себе. — Я люблю тебя. Всегда любил и всегда буду любить. Ты моя жена, моя единственная!

— Я так хотела подарить тебе сына, — шепнула она.

— Не думай об этом.

Они сидели так, пока тучи не затянули небо и не начал накрапывать дождь. Друсс поднял Ровену на руки и понес к дому.

— Поставь меня, — велела она. — Ты надорвешь себе спину.

— Чепуха. Ты у меня легкая, как ласточкино крыло. И разве я не сильнее всех на свете?

Дома в очаге горел огонь, Пудри подогрел для них вино. Друсс опустил Ровену в глубокое кожаное кресло.

— Ты весь покраснел от натуги, — с упреком заметила она.

Он улыбнулся и не стал спорить. Плечо у него болело, а поясницу пекло огнем. Маленький Пудри улыбнулся им обоим.

— Экие вы дети, — сказал он и поплелся на кухню.

— Он прав, — молвил Друсс. — С тобой я все тот же деревенский парень, что стоял когда-то под Большим Дубом с самой красивой девушкой Дреная.

— Я никогда не была красавицей, но мне приятно слышать это от тебя.

— Нет, была. И есть.

Огонь бросал пляшущие тени на стены комнаты, а за окном тем часом смеркалось. Ровена уснула. Друсс сидел рядом, глядя на нее. За последние три года она перенесла четыре приступа, и лекари предупредили Друсса, что сердце у нее совсем никуда. Он выслушал их молча, без всякого выражения в голубых как лед глазах, но страх вошел в его душу. Он отказался от своих странствий и остался в горах, веря, что его присутствие не позволит Ровене умереть.

Он пристально следил за ней, не позволял ей утомляться, заботился о ее пище, просыпался среди ночи, чтобы пощупать ей пульс, и потом уже не мог уснуть.

«Без нее я ничто, — признался он своему другу Зибену, который построил себе дом меньше чем в миле от дома Друсса. — Если она умрет, часть меня умрет вместе с ней». — «Знаю, старый конь, — ответил Зибен. — Но мне думается, у принцессы все будет хорошо». — «Зачем ты сделал из нее принцессу? — улыбнулся Друсс. — Как видно, вы, поэты, не в ладах с правдой». Зибен с усмешкой развел руками: «Мы должны считаться с публикой. В саге о Друссе-Легенде без принцессы не обойтись. Кто захочет слушать о человеке, который пересек моря и сушу, чтобы спасти крестьянскую девушку?» — «Друсс-Легенда? Экая чушь. Таких героев, как Эгель, Карнак и Нездешний, больше нет на свете. Вот то были мужи — не нам чета». Зибен от души рассмеялся. «Ты говоришь так потому, что наслушался сказаний о них. Пройдут годы, и о тебе будут говорить точно так же. О тебе и твоем проклятом топоре».

Топор...

Он висел на стене, поблескивая двуострыми серебристыми лезвиями при свете очага. *Снага-Паромщик не знает возврата.* Друсс тихо подошел и снял его со стены. Черное топорище было теплым на ощупь, и Друсс, взяв его в руки, ощутил, как всегда, прилив боевого задора. Он нехотя повесил топор обратно.

— Они зовут тебя, — сказала Ровена.

Он обернулся и увидел, что она проснулась и смотрит на него.

— Кто меня зовет?

— Гончие псы войны. Я слышу, как они лают.

Друсс вздрогнул и заставил себя улыбнуться.

— Ты ошибаешься, — сказал он, но его голосу недоставало твердости. Ровена всегда была ясновидицей.

— Горбен идет сюда, Друсс. Его корабли уже вышли в море.

— Это не моя война. Я не могу стать ни на чью сторону.

Помолчав немного, она спросила:

— Ты любил его, верно?

— Он настоящий император — во всяком случае, тогда был таким. Молодой, гордый, храбрый до безумия.

— Ты придаешь слишком большое значение храбрости. Ты не видел безумия, которое в нем таилось, — и не увидишь, надеюсь.

— Говорю тебе, это не моя война. Мне сорок пять, борода у меня поседела, а суставы утратили гибкость. Пусть дренайская молодежь управляется с ним без меня.

— Но с ним идут Бессмертные, — настаивала она. — Ты говорил как-то, что лучших воинов в мире нет.

— Неужто ты помнишь все, что я говорил?

— Да, — просто ответила она.

Со двора послышался стук копыт, и Друсс вышел на крыльцо.

Всадник был облачен в доспехи дренайского офицера: шлем с белым плюмажем, серебряный панцирь, длинный плащ. Он спешился, привязал коня и направился к дому.

— Добрый вечер. Мне нужен Друсс, — сказал он, сняв шлем и запустив пальцы в светлые, мокрые от пота волосы.

— Он перед тобой.

— Так я и думал. Я дун Сертак и привез вам послание от князя Абалаина. Он спрашивает, не согласитесь ли вы отправиться на восток, в наш скельнский лагерь.

— Зачем?

— Для поднятия боевого духа. Ведь вы — живая легенда. Это скрасило бы людям часы тягостного ожидания.

— Нет. Я ушел на покой.

— Что за манеры, Друсс? — вмешалась Ровена. — Пригласи молодого человека войти в дом.

Друсс отступил в сторону.

Офицер вошел и низко поклонился Ровене:

— Счастлив познакомиться с вами, госпожа. Я так много о вас слышал.

— Какое разочарование, — с дружеской улыбкой ответила она. — Вы слышали о принцессе, а встретили толстую матрону.

— Он хочет, чтобы я отправился в Скельн, — сказал Друсс.

— Я слышала. И думаю, тебе следует поехать.

— Я не мастер произносить речи, — проворчал он.

— Так возьми с собой Зибена. Это пойдет тебе на пользу. Ты не можешь себе представить, как докучают мне твои постоянные хлопоты. Признайся, тебе и самому очень хочется поехать.

— Ты женат? — ворчливо спросил Друсс у Сертака.

— Нет, сударь.

— Вот и молодец. Переночуешь у нас?

— Благодарю вас, но нет. Мне нужно доставить другие письма. Буду ждать встречи в Скельне. — Офицер откланялся и попятился к двери.

— Ну, на ужин-то вы останетесь, — заявила Ровена. — Какой-нибудь час ваши письма могут и подождать.

— Сдавайся, Сертак, — посоветовал Друсс. — Дело твое гиблое.

— Хорошо, остаюсь, — с улыбкой развел руками офицер.

На следующее утро Друсс и Зибен простились с домашними, сели на взятых взаймы коней и отправились на восток. Ровена махала им рукой, пока они не скрылись из виду, а потом вернулась в дом, к Пудри.

— Не надо было отпускать его, госпожа, — с грустью сказал вентриец.

Ровена проглотила комок, и из глаз у нее потекли слезы. Пудри обнял ее своими тонкими ручонками.

— У меня не было выхода. Пусть его лучше не будет здесь, когда время придет.

— Он был бы иного мнения.

— Во многих отношениях он самый сильный мужчина из всех, кого я знаю. Но здесь я права. Он не должен видеть, как я умираю.

— Я буду с тобой, госпожа. Буду держать тебя за руку.

— Ты скажешь ему, что все произошло внезапно и что я не страдала — даже если это ложь. Скажешь?

— Скажу.

Шесть дней спустя, сменив дюжину лошадей, Сертак галопом влетел в лагерь. Четыреста белых палаток выстроились ровными четырехугольниками в тени Скельнского хребта. Каждая палатка вмещала двенадцать человек. Четыре тысячи лошадей стояли в загонах на соседних полях, шестьдесят костров горели под чугунными котлами. Преследуемый ароматом жаркого, Сертак осадил коня у большого, с красными полосами шатра, где разместился генерал со своим штабом.

Молодой офицер вручил письма, отдал честь и направился в свою роту на северном конце лагеря. Сдав взмыленного скакуна на попечение конюха, он снял шлем и откинул входное полотнище своей палатки. Его соседи играли в кости и выпивали. Когда Сертак вошел, игра прервалась.

— Сертак! — воскликнул Орасис, вставая ему навстречу. — Ну, каков он из себя?

— Кто? — невинно спросил Сертак.

— Друсс, дубина.

— Большой. — Сертак кинул шлем на узкую койку, отстегнул панцирь и сбросил его на пол. Освободившись, он с блаженным вздохом почесал грудь.

— Ну, ты это брось, — мрачно промолвил Орасис. — Рассказывай.

— Правда, расскажи, — вмешался темноглазый Диагорас. — Он не перестает толковать об этом славном муже с тех пор, как ты уехал.

— Ничего подобного, — вспыхнул Орасис. — Мы все о нем говорили.

Сертак хлопнул Орасиса по плечу и взъерошил ему волосы.

— Налей мне, и я расскажу все как есть.

Орасис принес бутыль вина и четыре кубка, а Диагорас притащил стул и уселся верхом напротив Сертака, который растянулся на койке. Четвертый, Архитас, присоединился к ним, принял от Орасиса кубок легкого медового вина и выпил залпом.

— Как я уже говорил, он большой, — начал Сертак. — Не такой высокий, как в песнях поется, но сложен, как небольшая крепость. Какие у него руки? Ну что ж, Диагорас, бицепсы у него длиной с твои ляжки. Волосы и борода

темные, но в них уже видна проседь. Глаза голубые и видят тебя насквозь.

— А Ровена? — жадно спросил Орасис. — Так ли она красива, как поется в песнях?

— Нет, хотя для женщины своих лет она очень мила. Когда-то она, должно быть, была красавицей. У этих почтенных тетушек ничего не разберешь. Но у нее чудесные глаза и славная улыбка.

— А топор ты видел? — спросил Архитас, стройный, как тростинка, дворянский сын с лентрийского пограничья.

— Нет.

— Ты не расспрашивал Друсса о его подвигах? — спросил Диагорас.

— Конечно, нет, дурень. Может, он теперь и крестьянин, но он остается Друссом. Нельзя ввалиться к нему в дом и приставать с вопросами, сколько драконов он убил.

— Драконов не бывает, — немедленно заметил Архитас.

Сертак только прищурился и покачал головой:

— Я выражаюсь фигурально. Короче, они пригласили меня на ужин, и мы говорили о лошадях и о хозяйстве. Он спросил мое мнение о войне, и я сказал, что Горбен скорее всего высадится в Пенракском заливе.

— Тут можно об заклад биться — не прогадаешь, — сказал Диагорас.

— Не совсем так. Если дело верное, зачем же мы торчим тут с пятью полками?

— Просто Абалаин чересчур осторожен, — ухмыльнулся Диагорас.

— В этом-то вся и беда с вами, западными жителями, — вздохнул Сертак. — Вы так сжились со своими лошадьми, что и думать стали, как они. Скельнский перевал — ворота на Сентранскую равнину. Если Горбен займет ее, зимой мы все умрем с голоду — как и половина Вагрии, кстати.

— Горбен не дурак, — возразил Архитас. — Он знает, что всего две тысячи человек могут оборонять Скельн хоть до скончания века. Перевал слишком узок для того, чтобы его армия могла воспользоваться численным преимуществом, а другой дороги нет. Пенрак представляется мне более разумным решением. Он всего в трехстах милях от Дренана, а местность вокруг плоская, как тарелка. Там его армия сможет развернуться во всю ширь и задать нам жару.

— Мне все равно, где он высадится, — сказал Орасис, — лишь бы я оказался поблизости.

Сертак и Диагорас переглянулись. Они оба сражались с сатулами, знали истинный, кровавый лик войны и видели, как воронье выклевывает глаза убитым друзьям. Орасис же — новичок, уговоривший своего отца купить ему чин в кавалерии Абалаина, когда весть о вторжении достигла Дренана.

— Ну а Гроза Рогоносцев? — спросил Архитас. — Был он там?

— Зибен? Да. Он пришел к ужину. Совсем старик. Не думаю, чтобы дамы все еще падали от его взгляда. Лысый, как колено, и тощий, как щепка.

— Думаешь, Друсс согласится сразиться в наших рядах? — спросил Диагорас. — Было бы о чем рассказать детям.

— Нет. У него все в прошлом. Он устал — это сразу видно. Но мне он пришелся по душе. Не хвастун и очень земной. Никто бы не поверил, что о нем сложено столько песен и баллад. Говорят, будто Горбен так и не смог его забыть.

— Может, он и флот-то снарядил лишь для того, чтобы навестить старого друга, — усмехнулся Архитас. — Поделись этой мыслью с генералом — авось он отправит нас всех по домам.

— Неплохо придумано, — ответил Сертак, сдерживая гнев. — Но тогда мы лишимся твоего восхитительного общества, Архитас, — одно другого не стоит.

— Я это переживу, — сказал Диагорас.

— Я бы тоже обошелся без того, чтобы делить палатку со стадом невоспитанных свиней, — да нужда заставляет.

— Ого! — воскликнул Диагорас. — Как, по-твоему, Сертак, нас оскорбили?

— Из этих уст я оскорблений не воспринимаю.

— А вот это уже оскорбление, — сказал, вставая, Архитас.

Но суета, внезапно возникшая снаружи, прервала назревавшую ссору. Молодой солдат просунул голову в палатку.

— Сигнальные костры зажглись, — сообщил он. — Вентрийцы высадились в Пенраке.

Четверо офицеров вскочили и принялись облачаться в доспехи. Архитас, застегивая панцирь, заявил:

— Это ничего не меняет. Тут затронута честь.

— Скоро ты сам будешь затронут — и я с радостью погляжу, как ты подыхаешь, надутый индюк, — ответил Сертак...

— Это мы еще посмотрим, — осклабился Архитас.

Диагорас опустил ушные щитки своего бронзового шлема и застегнул их под подбородком, а после с видом заговорщика подался к Архитасу.

— Запомни вот что, козел. Если ты убьешь его, что весьма сомнительно, я перережу тебе глотку, пока ты будешь спать. — Он мило улыбнулся и потрепал Архитаса по плечу. — Я, видишь ли, не из благородных.

Лагерь был взбудоражен. На вершинах Скельна вдоль побережья пылали сигнальные костры. Горбен, как и ожидалось, высадился на юге. Там ждал Абалаин с двадцатью тысячами солдат — но врагов было почти вдвое больше. До Пенрака было пять дней быстрой езды — поэтому повсюду спешно отдавались приказы, солдаты седлали коней и сворачивали палатки. Костры заливались, грузились телеги, и в лагере царил кажущийся беспорядок.

К утру на Скельнском перевале осталось всего шестьсот воинов. Остальное войско двинулось на юг, на помощь Абалаину.

Князь Дельнар, Хранитель Севера, собрал всех вместе перед рассветом. Рядом с ним стоял Архитас.

— Как вам уже известно, вентрийцы высадились, — сказал князь. — Мы должны оставить здесь людей на тот случай, если они решат выслать отряд на север. Я знаю, многие из вас предпочли бы отправиться на юг, но Сентранскую равнину, как вы понимаете, тоже кому-то надо защищать. Для этой цели выбрали нас. Этот лагерь нам больше не годится, и мы перейдем вверх, к самому перевалу. У кого есть вопросы?

Вопросов не было. Дельнар отпустил людей и сказал Архитасу:

— Не знаю, почему тебя оставили здесь, но ты, парень, мне очень не нравишься. Ты смутьян. Я надеялся, что твои таланты пригодятся в Пенраке — ну что ж, нет так нет. Но если ты будешь сеять смуту здесь, то пожалеешь об этом.

— Я все понял, князь.

— И вот еще что: я требую, чтобы ты как мой адъютант передавал мои приказы в точности. Я слышал, ты чересчур много мнишь о себе.

— Меня оговорили.

— Возможно. Не вижу, с чего бы тебе так задаваться: дед твой был купцом, и твое дворянство насчитывает всего лишь два поколения. Когда ты станешь постарше, то убедишься: важно не то, что делал твой отец, а то, что делаешь ты.

— Спасибо за совет, князь. Я его запомню, — с чопорным видом ответил Архитас.

— Сомневаюсь. Я не знаю, что тобой движет, да и знать не хочу. Мы пробудем здесь недели три, а потом я от тебя избавлюсь.

— Воля ваша.

Дельнар махнул рукой, отсылая его, и посмотрел сквозь деревья на поле к западу от себя. Через него ровным шагом шли два человека. Дельнар стиснул зубы, узнав поэта, и кликнул Архитаса обратно.

— Слушаю.

— Видишь вон тех двоих? Ступай им навстречу и проводи их в мою палатку.

— Будет исполнено. Вы изволите знать их?

— Большой — это Друсс-Легенда, а его спутник — сказитель Зибен.

— С ним, мне кажется, вы близко знакомы, — с едва прикрытым злорадством молвил Архитас.

— Это мало походит на армию, — сказал Друсс, прикрывая глаза рукой от солнца, встающего над Скельнскими горами. — Их там всего несколько сотен.

Обессилевший, Зибен не ответил. Утром предыдущего дня Друсс окончательно отказался от своего скодийского мерина, оставил его у конезаводчика в городке за тридцать миль от Скельна и заявил, что остаток пути пройдет пешком. Зибен же, не иначе как в приступе умопомрачения, вызвался идти с ним. Поэт вообразил даже, что прогулка пойдет ему на пользу. Теперь он едва волочил ноги, хотя обе котомки нес Друсс. Лодыжки и запястья у него опухли, дыхание со свистом вырывалось из груди.

— Знаешь, что я думаю? — сказал Друсс. Зибен помотал головой, глядя на палатки. — Мне сдается, мы опоздали. Горбен высадился в Пенраке, и войско ушло туда. Ну что ж, путешествие было приятным. Ты как, поэт?

Зибен, весь серый, что-то пробормотал.

— Вид у тебя неважный. Если б ты не стоял на ногах, я подумал бы, что ты помер. Я видывал трупы, которые были краше, чем ты.

Зибен сердито глянул на него — для чего-то большего у поэта не было сил.

Друсс хмыкнул.

— Что, язык отнялся? Стоило проделать путь хотя бы ради этого.

К ним шел высокий молодой офицер, старательно обходя лужи и прочие неприятные вещи, оставленные стоявшими здесь недавно лошадьми. Приблизившись к путникам, он отвесил изысканный поклон.

— Добро пожаловать в Скельн, — сказал он. — Ваш друг болен?

— Нет, он всегда такой.

Друсс окинул офицера взглядом. Тот двигался легко и держался уверенно, но что-то в его лице и в узких зеленых глазах не понравилось старому воину.

— Князь Дельнар поручил мне проводить вас в свой шатер. Я Архитас. Позвольте узнать ваши имена?

— Друсс и Зибен. Веди нас.

Офицер пустился вверх по склону быстрым шагом, но Друсс, не пытаясь угнаться за ним, медленно шагал рядом с Зибеном. Друсс, по правде говоря, и сам устал. Они шли почти всю ночь, делая вид, что еще хоть куда.

Дельнар, сидевший за складным столиком с картами и донесениями, отпустил Архитаса. Зибен, не обращая внимания на грозное молчание князя, плюхнулся на его койку. Друсс взял бутылку вина и отпил три больших глотка.

— Он здесь нежеланный гость, а значит, и ты тоже, — сказал Дельнар, как только Друсс поставил бутылку на место.

Друсс вытер рот тыльной стороной руки.

— Знай я, что вы здесь, я бы не взял его с собой. Насколько я понял, войско ушло.

— Да. Отправилось на юг, к месту высадки Горбена. Можете взять двух лошадей, но чтоб к заходу солнца вас тут не было.

— Я пришел, чтобы отвлечь ребят от ожидания. Теперь они во мне не нуждаются, поэтому я передохну здесь пару дней и вернусь в Скодию.

— Я сказал, что не желаю видеть вас здесь.

Друсс смерил князя ледяным взглядом.

— Послушайте. Я понимаю ваши чувства. На вашем месте я чувствовал бы то же самое. Но я не на вашем месте. Я Друсс — и иду, куда хочу. Если я сказал, что останусь здесь, — значит, я останусь. Ты мне нравишься, парень, но если ты вздумаешь мне перечить, я тебя убью.

Дельнар задумчиво потер подбородок. Дело зашло слишком далеко. Он надеялся, что Друсс уйдет, но принудить его не мог. Что может быть нелепее, чем Хранитель Севера, приказывающий своим воинам напасть на Друсса-Легенду? Особенно если того пригласил в лагерь сам правитель государства. Дельнар не боялся Друсса, потому что смерти тоже не боялся. Жизнь утратила для него смысл шесть лет назад. С тех пор его жена Вашти опозорила его со многими другими мужчинами. Три года назад она родила ему дочь, которую он обожал, хотя и сомневался в своем отцовстве. Вскоре после этого Вашти сбежала в столицу, оставив ребенка в Дельнохе. По

слухам, она жила теперь с вентрийским купцом в богатом западном квартале. Дельнар перевел дух, стараясь успокоиться, и посмотрел Друссу в глаза.

— Хорошо, оставайтесь — но пусть он держится от меня подальше.

Друсс кивнул и посмотрел на Зибена. Поэт уснул.

— Сожалею, что это стало между нами, — сказал Дельнар. — Такое случается, мне не за что его ненавидеть, но он был первый, о ком я узнал. Человек, который разрушил мои мечты. Можешь ты это понять?

— Мы уедем завтра, — устало сказал Друсс. — Но сейчас я хочу подняться на перевал, дохнуть воздухом.

Князь надел свой шлем и красный плащ. Вместе они прошли через лагерь и по крутому каменистому склону поднялись к устью перевала. Он тянулся почти на милю, сужаясь в середине менее чем на пятьдесят шагов. Оттуда покатый спуск вел к ручью, текущему по долине к морю, что лежало милях в трех отсюда. Меж зубчатых скал перевала было видно, как вода поблескивает на солнце, переливаясь золотом и голубизной. Свежий восточный ветерок холодил лицо Друсса.

— Хорошее место, чтобы держать оборону, — сказал воин, оглядывая перевал. — В середине любое численное преимущество ничего не даст неприятелю.

— И придется ему лезть в гору, — добавил Дельнар. — Мне думается, Абалаин надеялся, что Горбен высадится здесь. Мы могли бы запереть его в заливе и заставить голодать, а наш флот между тем зашел бы ему в тыл.

— Он слишком хитер для этого. Нет на свете другого такого хитроумного полководца.

— Ты был привязан к нему, верно?

— Он всегда вел себя честно со мной, — уклончиво ответил Друсс.

— Говорят, теперь он стал тираном.

— Он как-то говорил мне, что это проклятие королей.

— И был прав. Знаешь ли ты, что твой друг Бодасен по-прежнему ходит у него в военачальниках?

— Я в этом не сомневался. Бодасен — верный соратник и хороший стратег.

— Мне кажется, ты испытываешь облегчение от того, что в этот бой тебе вступать не придется.

— Не спорю — годы моей службы в числе Бессмертных были счастливыми для меня. И я завел там много друзей. Ты прав — мне очень не хотелось бы биться с Бодасеном. Мы были братьями по оружию, и я очень его любил.

— Вернемся. Я велю, чтобы вам дали поесть.

Князь обменялся приветствием с часовым у перевала, и оба воина вернулись в лагерь. Дельнар приподнял вход белой четырехугольной палатки и пропустил Друсса вперед. Четверо человек, находившихся там, вскочили на ноги при виде князя.

— Вольно, — сказал Дельнар. — Это Друсс, мой старый друг. Он поживет тут у нас немного. Окажите ему радушный прием. Сертака и Архитаса ты уже знаешь, — сказал он Друссу, — а этот вот чернобородый негодник — Диагорас.

Друсс посмотрел на молодого офицера — тот дружески улыбался. Огоньки в его темных глазах говорили о веселом нраве, кроме того, он, как говорят солдаты, «смотрел орлом», и Друсс сразу признал в нем прирожденного воина.

— Рад познакомиться с вами, сударь. Мы наслышаны о вас.

— А это Орасис, — сказал Сертак. — Он у нас новенький, из Дренана.

Друсс подал руку молодому человеку, отметив, что ему не мешало бы сбросить жирок и что пожатие у него мягкое. Парень он, как видно, был неплохой, но рядом с Диагорасом и Сертаком казался по-мальчишески неуклюжим.

— Не хотите ли закусить? — спросил Диагорас, когда князь удалился.

— Ты еще спрашиваешь! Мой желудок, видимо, решил, что мне перерезали глотку.

— Сейчас принесу, — быстро сказал Орасис и выскочил вон.

— Он прямо-таки боготворит вас, Друсс, — сказал Диагорас.

— Бывает и такое. Может, предложите мне сесть?

Диагорас с виноватым смешком пододвинул стул. Друсс перевернул его и сел. Остальные последовали его примеру, и всем сразу стало проще. «Мир молодеет», — подумал Друсс и пожалел, что явился сюда.

— Можно посмотреть ваш топор? — попросил Сертак.

— Разумеется. — Друсс легко извлек Снагу из промасленного чехла. В руках старого воина топор казался почти невесомым, но Сертак, взяв его, крякнул.

— Оружие, победившее Зверя Хаоса, — прошептал он, повертел топор в руках и отдал Друссу.

— Ты что, веришь всему, что слышишь? — ухмыльнулся Архитас.

— Это правда было, Друсс? — спросил Диагорас, прежде чем Сертак успел ответить.

— Было. Давным-давно. Нелегко оказалось пробить ему шкуру.

— А правда ли, что в жертву зверю хотели принести принцессу? — спросил Сертак.

— Нет. Двух малых детей. Расскажите-ка лучше о себе. Надоедает, когда тебе задают одни и те же вопросы.

— Если это вам так наскучило, — сказал Архитас, — зачем же вы повсюду таскаете за собой поэта?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да просто странно, что столь скромный человек водит за собой сказителя. С другой стороны, это очень удобно.

— Удобно?

— Ведь это он создал вас, не так ли? Друсс-Легенда. Почет и богатство. Я думаю, любой странствующий воин мог бы стать легендой с таким-то спутником.

— А ведь это, пожалуй, правда, — сказал Друсс. — Я знавал многих людей, чьи подвиги были забыты, хотя их стоило бы увековечить в песне или предании. Никогда не задумывался над этим раньше.

— А многое ли в сказаниях Зибена преувеличено? — спросил Архитас.

— Да заткнись ты! — рявкнул Диагорас.

— Нет, зачем же, — поднял руку Друсс. — Очень хороший вопрос. Обычно, когда люди спрашивают меня об этом и я говорю им, что их малость надули, они мне не верят. Но это так. Все эти истории рассказывают не обо мне. В основе их лежит правда, но она сильно разрослась. Я — зернышко, а они — дерево. Я в жизни не встречал ни одной принцессы. А что касается твоего первого вопроса, то я никогда не брал с собой Зибена. Он сам увязывался. Думаю, он просто скучал и хотел посмотреть мир.

— Но убили же вы оборотня в горах Пелусида? — спросил Сертак.

— Нет. Зато я убил много людей во множестве битв.

— Почему же тогда вы позволяете петь о себе такое? — не унимался Архитас.

— Я не позволил бы, будь на то моя воля. Первые несколько лет после возвращения домой были для меня кошмаром, но потом я попривык. Люди верят в то, во что хотят верить. Их редко заботит, правда это или нет. Людям нужны герои — а когда героев нет, их выдумывают.

Вернулся Орасис с миской жаркого и караваем черного хлеба.

— Надеюсь, я ничего не пропустил? — спросил он.

— Да нет, — ответил Друсс. — Мы просто болтали.

— Друсс нам сказал, что все легенды о нем — ложь, — сообщил Архитас. — Настоящее откровение.

Друсс с искренним весельем рассмеялся и покачал головой.

— Вот видите, — сказал он Диагорасу и Сертаку, — люди верят в то, во что хотят верить, и слышат только то, что хотят слышать. — Он поглядел на Архитаса, сидевшего с поджатыми губами. — В былые времена, мальчик, твоя кровь уже обагрила бы стены этой палатки. Но тогда я был молодым и твердолобым, теперь же не нахожу никакого удовольствия в том, чтобы убивать щенят. Однако я все-таки Друсс, и я советую тебе: впредь держись от меня подальше.

— Ах, как ты меня напугал, старик, — с деланным смехом сказал Архитас. — Не думаю, что...

Друсс быстро встал и смазал его по лицу. Архитас свалился со стула и растянулся, стеная, на полу. Из его разбитого носа текла кровь.

— Верно, не думаешь, — сказал Друсс. — Давай-ка сюда твое жаркое, Орасис. Оно, поди, остыло уже.

— Добро пожаловать в Скельн, Друсс, — с усмешкой сказал Диагорас.

Друсс оставался в лагере уже три дня. Зибен, проснувшись в палатке Дельнара, пожаловался на боль в груди. Полковой лекарь осмотрел его и предписал покой, объяснив Друссу и Дельнару, что поэт страдает тяжелой сердечной спазмой.

— Насколько это серьезно? — спросил Друсс.

Лекарь мрачно посмотрел на него.

— Если он полежит неделю-другую, все может обойтись благополучно. Опасность в том, что сердце может отказать внезапно. Он уже немолод, и путешествие далось ему тяжело.

— Ясно. Спасибо, — ответил Друсс и сказал Дельнару: — Мне очень жаль, но нам придется остаться.

— Не беспокойся, дружище, — махнул рукой князь. — Я рад тебе, несмотря на то что сказал в день вашего прихода. Но скажи мне, что произошло между тобой и Архитасом? У него такой вид, точно на него упала гора.

— Он наткнулся носом на мою руку, — буркнул Друсс.

Дельнар улыбнулся:

— Мальчишка довольно противный, но ты с ним поосторожнее. У него достанет ума вызвать тебя на бой.

— Ну нет. Может, он и дурачок, но смерти себе не ищет. Даже щенки знают, что от волка надо прятаться.

Утром четвертого дня, когда Друсс сидел подле Зибена, в лагерь сломя голову примчался один из выставленных в горах часовых. Солдаты бросились надевать доспехи.

Друсс, услышав шум, вышел наружу и поймал за плащ пробегавшего мимо молодого солдата.

— Что стряслось?

— Вентрийцы идут! — крикнул солдат, вырвался и побежал к перевалу.

Друсс, выругавшись, пошел следом. В устье он остановился и посмотрел вдаль, за ручей.

Ряд за рядом, сверкая копьями, шло войско Горбена. Оно заполнило долину от края до края. В середине его высился шатер императора, окруженный черными с серебром рядами Бессмертных.

Друсс, обгоняемый дренайскими воинами, медленно направился к Дельнару.

— Говорил я тебе, что он хитрый. В Пенрак он, наверное, послал небольшой отряд для вида, чтобы увести вашу армию на юг.

— Да — но как же нам быть теперь?

— Тебе особенно не из чего выбирать.

— Это верно.

Дренаи стали в узком месте перевала тремя рядами. Круглые щиты блестели на утреннем солнце, белые плюмажи развевались на ветру.

— Много ли среди них ветеранов? — спросил Друсс.

— Около половины. Я поставил их впереди.

— Сколько времени нужно всаднику, чтобы доехать до Пенрака?

— Я уже отправил гонца. Армия сможет вернуться сюда дней через десять.

— Думаешь, эти десять дней у нас есть?

— Нет, не думаю. Но ты верно сказал: выбирать нам не из чего. Что, по-твоему, предпримет Горбен?

— Сначала он будет говорить. Предложит тебе сдаться. Советую тебе попросить несколько часов на размышление. Потом он пошлет на нас пантиан. Дисциплины у них никакой, но дерутся они как черти. От них мы, думаю, отобьемся. Их плетеные щиты и тонкие копья дренайской стали и доспехам не страшны. После этого он перепробует на нас все свои войска...

— А Бессмертные?

— Их он прибережет под конец, когда мы устанем и падем духом.

— Довольно мрачная картина.

— Куда уж мрачнее.

— Ты останешься с нами, воин?

— Ты думал, я пущусь наутек?

— Почему бы и нет? — усмехнулся Дельнар. — Я сам охотно удрал бы.

Диагорас, стоящий в первой шеренге, вложил меч в ножны и вытер потную ладонь о красный плащ.

— Многовато их что-то.

— Мягко говоря, — кивнул Сертак. — Они растопчут нас и даже не заметят.

— Наверное, придется сдаться? — прошептал Орасис сзади, смаргивая пот с глаз.

— Вряд ли это произойдет, как я думаю, — ответил Сертак, — хотя мысль, безусловно, хорошая.

Всадник на вороном жеребце пересек ручей и поскакал к дренайским рядам. Дельнар прошел вперед вместе с Друссом и остановился в ожидании.

На всаднике были черные с серебром доспехи командира Бессмертных. Он осадил коня перед двумя дренаями и оперся на луку седла.

— Друсс? — сказал он. — Это ты?

Друсс вгляделся в худое лицо, обрамленное заплетенными в две косы поседевшими волосами, и ответил:

— Добро пожаловать в Скельн, Бодасен.

— Мне жаль видеть тебя здесь. Я хотел поехать к тебе в Скодию, как только мы возьмем Дренан. Здорова ли Ровена?

— Да. А ты?

— Как видишь, в полном здравии. Ты тоже?

— Не жалуюсь.

— А что Зибен?

— Спит в палатке.

— Он всегда умел улизнуть от боя, — с натянутой улыбкой сказал Бодасен. — А бой, похоже, будет, если, конечно, не восторжествует здравый смысл. Вы здесь командуете? — спросил он Дельнара.

— Я. Что вам поручено мне передать?

— Сейчас скажу. Завтра мой император проедет через этот перевал. Он сочтет за любезность, если вы уберете своих людей с его пути.

— Мы подумаем, — сказал Дельнар.

— Советую вам подумать как следует. — Бодасен повернул коня. — До свидания, Друсс. Береги себя!

— Ты тоже.

Бодасен пришпорил жеребца и поскакал обратно через ручей и ряды пантиан.

Друсс отозвал Дельнара в сторону.

— Нет смысла стоять тут весь день и пялить на них глаза. Вели им оставить позицию и пошли половину в лагерь за топливом и одеялами.

— Думаешь, они сегодня не станут атаковать?

— Нет. Зачем им это? Они знают, что ночью мы подкрепления не получим. Дело вполне терпит до завтра.

Друсс вернулся в лагерь и зашел к Зибену. Поэт спал. Друсс сел, глядя на его постаревшее лицо, и вдруг непривычным для себя движением погладил лысеющую голову. Зибен открыл глаза.

— А, это ты. Что там за шум?

— Вентрийцы надули нас и теперь стоят по ту сторону горы.

Зибен выругался, и Друсс хмыкнул.

— Ты знай лежи, поэт, — я расскажу тебе обо всем, когда мы погоним их прочь.

— Бессмертные тоже тут?

— Само собой.

— Превосходно. Как раз та приятная маленькая прогулка, которую ты мне обещал. Несколько речей, говорил ты. А на деле что? Опять война.

— Я видел Бодасена. Вид у него бодрый.

— Превосходно. Быть может, когда он убьет нас, мы выпьем вместе и поболтаем о старых временах.

— Ты все принимаешь слишком близко к сердцу, поэт. Отдохни, а потом я попрошу ребят снести тебя на перевал. Ты ведь не хотел бы пропустить такой случай, а?

— А не могли бы они отнести меня назад в Скодию?

— Это после, — усмехнулся Друсс. — Ну все, мне пора.

Он поднялся в гору и сел на камень в устье перевала, пристально глядя на вражеский лагерь.

— О чем ты думаешь? — спросил Дельнар, подойдя к Друссу.

— Мне вспомнились слова одного моего старого друга.

— Что же это за слова?

— Если хочешь победить — наступай!

Бодасен спешился и опустился на колени перед императором, коснувшись лбом земли. Проделав это, он встал. На расстоянии император казался таким же, как прежде: могучим, чернобородым и зорким, но он не терпел больше, чтобы на него смотрели вблизи. Его волосы и борода отливали нездоровым глянцем темной краски, подмазанное лицо казалось неестественно ярким, а глаза видели измену в каждой тени. Его приближенные, даже такие, как Бодасен, служившие ему несколько десятков лет, знали, что в

лицо ему смотреть нельзя, и обращали свои речи к золотому грифону на его панцире. Никому не разрешалось приближаться к нему с оружием, и он уже много лет никому не давал аудиенций. Он всегда носил доспехи — будто бы даже когда спал. Рабы пробовали все его кушанья, и он не снимал перчаток из мягкой кожи, опасаясь, как бы яд не нанесли на его золотые кубки.

Бодасен, ожидая разрешения заговорить, бросил быстрый взгляд на лицо императора. Горбен был мрачен.

— Это в самом деле Друсс? — спросил он.

— Да, государь.

— Даже он теперь против меня.

— Он дренай, государь.

— Ты возражаешь мне, Бодасен?

— Нет, государь, конечно, нет.

— Это хорошо. Я хочу, чтобы Друсса привели ко мне на суд. Такую измену следует карать без промедления. Ты понял меня?

— Да, государь.

— Дренаи уступят нам дорогу?

— Думаю, что нет, государь. Но расчистить ее будет недолго, даже если Друсс с ними. Может быть, приказать людям разойтись и разбить лагерь?

— Нет. Пусть постоят еще немного в строю. Пусть дренаи видят их силу и мощь.

— Да, государь. — И Бодасен попятился прочь.

— Ты все еще предан мне? — спросил вдруг Горбен.

— Как всегда, государь, — ответил Бодасен. Внезапно у него пересохло в горле.

— Но Друсс был твоим другом.

— Это правда, государь, но я не поколеблюсь привести его к вам в цепях. Если же он будет убит, я представлю вам его голову.

Император кивнул и обратил свой раскрашенный лик к перевалу.

— Я хочу, чтобы в живых не осталось никого, — прошептал он.

Дренаи строились в ряды в холодной предрассветной дымке, каждый с круглым щитом и коротким мечом. Сабель не брали, ибо в тесном строю длинный рубящий клинок столь же опасен для друга, как и для врага. В беспокойстве люди то и дело поправляли застежки панцирей или вдруг обнаруживали, что бронзовые поножи затянуты слишком туго

или слишком свободно. Плащи снимали и укладывали плотными красными свертками позади строя. И Друсс, и Дельнар знали, что в это время мужество солдата подвергается величайшему испытанию. Горбен может предпринять что угодно. Кости бросает он. Дренаям остается только ждать.

— По-твоему, они атакуют, как только взойдет солнце? — спросил Дельнар.

Друсс покачал головой:

— Нет, едва ли. Он промедлит еще с час, чтобы нагнать на нас страху. Но с ним опять-таки ничего нельзя предсказать заранее.

Двести человек в передней шеренге испытывали сходные чувства, но с разной силой. Гордость за то, что их отличили, и страх, что они умрут первыми. Одни сожалели о том, что не писали домой неделями, другие — что покинули друзей и родных с недобрыми словами. Много о чем думали они в эти минуты.

Друсс занял место в середине шеренги, между Диагорасом и Сертаком.

— Расступитесь немного, — сказал он им. — Мне нужно место для размаха.

Шеренга раздалась, и Друсс расправил плечи, дав волю мускулам рук и спины. Небо светлело, и он выругался. Мало того, что защитники в меньшинстве, так еще солнце будет светить им в глаза.

За ручьем чернокожие пантиане точили свои копья. Среди них не чувствовалось страха. Белых мало, думали воины, и скоро они побегут, как антилопы от пожара в саванне. Горбен подождал, пока солнце взойдет над горами, и лишь тогда отдал приказ наступать.

Пантиане вскочили на ноги, испустив полный ненависти вопль, и крик пронесся над перевалом, захлестывая защитников.

— Слушайте! — проревел Друсс. — В этом крике слышится не сила, а ужас!

Пять тысяч воинов ринулись вперед, и бешеный топот их ног по камню вызвал эхо высоко в горах.

Друсс плюнул и закатился густым хохотом, заражая им своих соседей.

— Боги, как мне этого недоставало! Ну, идите же, коровьи дети! Пошевеливайтесь!

Дельнар в середине второй шеренги улыбнулся и обнажил меч.

Враг был всего лишь в сотне шагов. В третьей шеренге все смотрели на Архитаса. Он поднял руку. Воины сложили щиты и выпрямились с зазубренными дротиками в руках — у ног каждого лежало пять штук таких.

Пантиане надвигались.

— Давай! — вскричал Архитас, и двести смертоносных снарядов врезались в черную массу. Архитас взревел: — Еще!

Передние ряды бегущих с воплем рухнули под ноги задним. Атака захлебнулась — чернокожие спотыкались о своих упавших товарищей, а стены перевала, сужаясь, как шейка песочных часов, не давали им развернуться.

Оба войска сошлись в рукопашной.

Друсс, отведя топором нацеленное на него копье, ударил по плетеному щиту, разрубив и щит, и скрытое им тело. Чернокожий только ахнул, когда Снага сокрушил ему ребра. Друсс выдернул топор, отразил новый выпад и рубанул противника по лицу. Рядом Сертак отбил копье щитом и ловко вонзил свой меч в лоснящуюся черную грудь. Копье задело ему бедро, но он не почувствовал боли. Ответный удар — и его противник свалился в растущую гору трупов.

Пантианам, стремящимся прорвать оборону, приходилось теперь карабкаться по телам своих собратьев. Камень перевала сделался скользким от крови, но дренаи держались стойко.

Высокий черный воин отшвырнул плетеный щит, перескочил через мертвых с поднятым копьем и бросился на Друсса. Снага вонзился в грудь пантианина, но устремленное вперед тело вырвало своею тяжестью топор из рук Друсса. Увидев перед собой острие другого копья, Друсс отвел его руками в кольчужных перчатках и нанес нападавшему сокрушительный удар в челюсть. Враг обмяк. Друсс ухватил его за глотку и пах, поднял над головой и швырнул через гору трупов на лезущих вперед воинов, а после вырвал топор из тела убитого.

— А ну, ребята, — взревел он, — давайте-ка отправим их восвояси!

Топча убитых, он принялся рубить налево и направо, пробивая брешь в рядах пантиан. Диагорас, не веря собственным глазам, выругался и устремился на подмогу.

Дренаи хлынули вперед, карабкаясь через мертвых врагов, с обагренными мечами и мрачными лицами.

Пантиане, бывшие в середине, тщетно пытались дать отпор безумцу с топором — к нему прибывали все новые и новые дренаи.

Страх охватил ряды чернокожих, подобно чуме.

Еще несколько минут — и они пустились назад через долину.

Друсс отвел своих обратно на позицию. Его колет и борода были залиты кровью. Он вынул из-под рубашки платок, вытер потное лицо, снял черный с серебром шлем и почесал голову.

— Ну как, ребята, — крикнул он голосом, вызвавшим эхо в утесах, — приятно сознавать, что вы честно заработали свое жалованье?

— Они возвращаются! — крикнул кто-то.

— Ясное дело, — ответил Друсс, перекрывая растущий страх. — До них еще не дошло, что их побили. Первой шеренге отойти назад, второй выйти вперед. Поделимся славой!

Сам Друсс остался впереди вместе с Диагорасом и Сертаком.

К сумеркам они отбили четыре атаки, потеряв всего сорок человек — тридцать убитыми и десять ранеными.

Пантиане потеряли около восьмисот.

Мрачное зрелище являла собой наставшая ночь. Дренаи сидели у своих костров, пляшущее пламя бросало тени на кучу тел, и казалось, будто мертвые в темноте шевелятся. Дельнар приказал собрать все, какие возможно, плетеные щиты, а также годные в дело копья и дротики.

К полуночи почти все ветераны улеглись спать, но остальные, слишком возбужденные недавним боем, еще сидели, переговариваясь вполголоса.

Дельнар переходил от костра к костру, шутя и поднимая людям настроение. Друсс спал в палатке Зибена, поставленной высоко в устье перевала. Поэт сначала наблюдал за боем с койки, но долгий день утомил его, и он уснул.

Диагорас, Орасис и Сертак сидели с полудюжиной других солдат. Дельнар подошел к ним.

— Ну, как дела? — спросил он.

Солдаты заулыбались — что они могли ответить?

— Можно задать вам вопрос, командир? — спросил Орасис.

— Разумеется.

— Как это Друссу удалось прожить так долго? Он ведь совсем не защищается.

— Хороший вопрос. — Князь снял шлем и запустил пальцы в волосы, наслаждаясь ночной прохладой. — Но ответ содержится в самом вопросе. Он не защищается. Его топор почти всегда бьет насмерть. Чтобы убить Друсса, нужно приготовиться умереть. Нет, не просто приготовиться — нужно знать наверняка, что Друсс тебя убьет. А люди в большинстве своем хотят жить. Понимаешь теперь?

— Не совсем, — признался Орасис.

— С кем никто не захочет столкнуться в бою?

— Не знаю, командир.

— С одержимым, которого неистовство боя делает нечувствительным к боли и безразличным к смерти. Он сбрасывает с себя доспехи и кидается на врага, круша и убивая, пока его самого не изрубят на куски. Однажды я видел одержимого, потерявшего руку. Из обрубка хлестала кровь, он же направлял струю в лица врагов и сражался, пока не упал. Никто не захочет столкнуться с таким воином. А Друсс хуже всякого одержимого. Бьется он с тем же пылом, но держит свою ярость в узде и мыслит ясно. Добавьте к этому его ошеломляющую силу — и вы увидите перед собой настоящую убойную машину.

— Но в сече случается всякое, — заметил Диагорас. — Нечаянно заденет чье-то копье или нога скользнет в луже крови. Он может погибнуть, как всякий другой человек.

— Верно, — согласился Дельнар. — Я не говорю, что он не может погибнуть — только удача всегда на его стороне. Вы же видели его сегодня. Те, которые сражались с ним рядом, не имели возможности присмотреться к нему, но другие должны были смекнуть, что такое Легенда. Он все время соблюдает равновесие, все время в движении. Глаза его не задерживаются на одном месте, и боковое зрение работает на диво хорошо. Он чувствует опасность даже в гуще боя. Сегодня какой-то смелый пантианский воин бросился прямо на топор, вырвав его из рук Друсса. И на Друсса напал другой. Кто-нибудь видел это?

— Я видел, — сказал Орасис.

— Видел, да не понял. Первый умер ради того, чтобы обезоружить Друсса, а второй должен был занять его, пока другие не прорвут оборону. Если бы они прорвались тогда, нас раскололи бы пополам и оттеснили к стенам перевала. Друсс это понял сразу. Вот почему, вместо того чтобы просто сбить второго с ног и вернуть себе топор, он швырнул врага на лезущих вперед пантиан. Вникните в это: в один миг Друсс почуял опасность, составил план действий и выполнил его. Более того: он вернул свое оружие и перешел в наступление. Это их доконало. Друсс выбрал хорошее время для атаки благодаря чутью прирожденного воина.

— Но откуда он знал, что мы последуем за ним? — спросил Диагорас. — Его могли изрубить на куски.

— Он и в этом был уверен. Вот почему он попросил тебя и Сертака стать рядом с собой. Вам это должно

быть лестно. Он знал, что вы поддержите его и что те, кто не последовал за ним, последуют за вами.

— Он сам вам это сказал? — спросил Сертак.

— Нет, — усмехнулся Дельнар. — Думаю, он удивился бы не меньше тебя, услышав это. Он не обдумывает своих действий — он действует бессознательно, как я уже говорил. Тот из нас, кто выживет, пройдет хорошую школу.

— А как, по-вашему, выживем мы? — спросил Орасис.

— Если будем сильными, — не замедлил ответить Дельнар, сам себе удивляясь.

На рассвете пантиане снова пошли в атаку. Они медленно ползли через перевал, а дренаи ждали их с мечами наготове. Но пантиане не стали нападать. Под удивленными взорами защитников они уносили прочь тела своих товарищей.

Диковинное это было зрелище. Дельнар приказал своим отойти на двадцать шагов, чтобы дать им место. Он вложил свой меч в ножны и подошел к Друссу, стоявшему в первом ряду.

— Что ты об этом скажешь?

— Скажу, что они освобождают место для колесниц, — сказал Друсс.

— Но лошади не поскачут на строй людей. Они остановятся.

— А ты погляди-ка вон туда.

Вентрийское войско за ручьем расступилось, уступая дорогу сверкающим бронзовым колесницам тантрийцев. Их огромные колеса были снабжены зазубренными смертоносными серпами. На каждой стоял возница и воин с копьем.

Уборка трупов продолжалась около часа. Колесницы тем временем выстроились в ряд поперек долины. Когда пантиане завершили свою работу, Дельнар вызвал вперед тридцать человек с собранными накануне плетеными щитами. Этими щитами перегородили перевал, полив их лампадным маслом.

Дельнар положил руку Друссу на плечо:

— Выведи своих людей на пятьдесят шагов вперед, к самому ограждению. Когда они атакуют, разделимся на правое и левое крыло и укроемся за камнями. Как только прорвутся, подожжем щиты. Авось это их остановит. Вторая шеренга займется колесницами, пока ваша будет сдерживать наступающую пехоту.

— На словах получается хорошо, — сказал Друсс.

— Если не получится на деле, больше пробовать не станем.

Друсс ухмыльнулся.

Возницы надевали на головы лошадям шелковые колпаки. Друсс вывел своих двести человек вперед, к заграждению из щитов. Диагорас, Сертак и Архитас заняли места рядом с ним.

Гром копыт прокатился по долине. Двести возниц взмахнули бичами, и кони ринулись вперед.

Когда они были у самых щитов, Друсс приказал разделиться. Люди бросились в укрытие по обе стороны перевала, а колесницы с грохотом устремились ко второй шеренге. В политые маслом щиты полетели горящие факелы. Вспыхнуло пламя, повалил черный дым. Ветер понес дым на восток, в раздутые ноздри зашоренных лошадей. Кони заржали в ужасе и стали поворачивать назад, несмотря на бичи погонщиков.

Все смешалось. Второй ряд колесниц врезался в первый. Кони падали, колесницы переворачивались, кричащие люди валились на острые камни.

Дренаи бросились в гущу хаоса, набросившись на вентрийских копьеносцев, чье оружие было бесполезным в такой тесноте.

Горбен со своего наблюдательного поста в полмили от битвы двинул в бой легион пехоты.

Друсс и его двести воинов снова выстроились поперек перевала, сомкнув щиты перед новой атакой и выставив сверкающий ряд клинков навстречу одетой в серебристые доспехи пехоте.

Расколов череп одному врагу и вспоров живот второму, Друсс кинул быстрый взгляд налево и направо.

Оборона держалась.

В этой схватке пало больше дренаев, чем накануне, но и это число казалось небольшим по сравнению с потерями вентрийцев.

Только горстка колесниц прорвалась обратно сквозь дренайские ряды и понеслась прочь, сминая собственную пехоту.

Тянулись кровавые часы боя. Обе стороны бились яростно, не помышляя об отходе.

Блистающие серебром вентрийские пехотинцы продолжали наступать, но к сумеркам у них поубавилось пыла.

Взбешенный Горбен послал на перевал их командира.

— Гони их в бой, не то скоро сам будешь молить о смерти.

Не прошло и часа, как генерал пал мертвым и пехота в густеющих сумерках отошла за ручей.

Горбен, раскинувшись на своем шелковом ложе и не глядя на пляшущих перед ним танцовщиц, вполголоса

совещался с Бодасеном. На императоре были полные боевые доспехи, а позади него стоял могучий телохранитель-пантианин, последние пять лет бывший при императоре также и палачом. Свои жертвы он убивал голыми руками — одних душил, медленно сжимая горло, другим выдавливал большим пальцем глаза. Все казни совершались в присутствии императора, и не проходило ни одной недели без этого жестокого зрелища.

Однажды пантианин убил человека, раздавив ему череп ладонями, чем вызвал рукоплескания Горбена и его придворных.

Бодасена тошнило от всего этого, но он застрял в паутине, сотканной им самим, и не мог из нее вырваться. Многие годы обостренное честолюбие гнало его к вершинам власти. Теперь он командовал Бессмертными и после Горбена был самым могущественным в Вентрии человеком. Однако это положение было гибельным. Подозрительность Горбена была такова, что военачальники его жили недолго, и Бодасен все чаще чувствовал на себе взгляд императора.

Этим вечером Бодасен пригласил Горбена в свой шатер, пообещав ему несколько веселых часов, но император пребывал в сварливом, капризном настроении, и Бодасен старался ступать осторожно.

— Ты ведь знал, что пантианé и колесницы потерпят неудачу, верно? — спросил император.

В этом вопросе таилась угроза. Скажешь «да» — император спросит, почему Бодасен не заявил об этом сразу. Разве он не советник императора? Какой же прок от советника, если он не дает советов? Скажешь «нет» — император решит, что Бодасен плохой военачальник.

— Мы с вами провели немало войн, государь, — сказал Бодасен, — и почти всегда встречали отпор со стороны врага. Вы сами всегда говорили: «Пока не попробуешь, не будешь знать, как добиться успеха».

— Ты полагаешь, что пора пустить в дело моих Бессмертных? — До сих пор император всегда говорил «твои Бессмертные».

Бодасен облизнул губы и улыбнулся.

— Я не сомневаюсь, что они быстро очистят перевал. Дренаи хорошо дерутся, и дисциплина у них крепкая, но они знают, что против Бессмертных не выстоят. Однако решение зависит от вас, и только от вас, государь. Вы один владеете божественным даром полководца. Я и все прочие — лишь отражение вашего величия.

— Неужто нет таких, которые умели бы думать самостоятельно?

— Буду честен с вами, государь. Таких вы не найдете.

— Почему?

— Вы ищете того, кто способен мыслить столь же быстро, как вы, и видеть столь же глубоко. Таких людей просто не существует. Боги одарили вас мудростью, которая дается лишь единожды за десять поколений.

— Ты говоришь искренне. Но мало радости в том, чтобы стоять столь высоко над своими собратьями, будучи всегда одиноким. Ты же знаешь — меня все ненавидят, — прошептал Горбен, косясь на часовых у входа.

— Завистники всегда были и будут, государь.

— Ты тоже завидуешь мне, Бодасен?

— Да, государь.

Горбен повернулся на бок, сверкнув глазами.

— Объяснись.

— Долгие годы я с любовью служил вам, и мне всегда хотелось быть похожим на вас. Ведь тогда я бы мог лучше служить вам. Глупцом должен быть тот, кто вам не завидует. Но питать к вам ненависть — безумие, ибо никому не дано стать таким, как вы.

— Хорошо сказано. Ты честный малый. Один из немногих, кому я могу доверять. Не то что Друсс, который обещал служить мне, а теперь препятствует моей победоносной судьбе. Я хочу его смерти, мой верный воин. Хочу, чтобы мне принесли его голову.

— Будет исполнено, государь.

Император обвел взглядом шатер.

— Ты живешь почти в такой же роскоши, как и я.

— Лишь благодаря вашей щедрости, государь, — быстро ответил Бодасен.

В доспехах, зачерненных смешанной с маслом грязью, и с такими же лицами, пятьдесят воинов с Друссом во главе тихо переправились через узкий ручей под безлунным небом.

Молясь о том, чтобы тучи не разошлись, Друсс вывел людей вереницей на восточный берег. Топор он держал наготове и прикрывал зачерненным щитом. Выбравшись на сушу, он присел на корточки, собрав вокруг остальных, и указал на двух дремлющих часовых у догорающего костра. Диагорас и еще двое, как тени, отделились от остальных с кинжалами в руках. Часовые умерли, не издав ни звука. Держа факелы, наспех сооруженные из пантианских плетеных щитов, отряд двинулся к костру.

Переступив через убитых, Друсс зажег свой факел и побежал к ближней палатке. Дренаи, следуя его примеру, принялись перебегать от шатра к шатру, и скоро пламя взвилось на тридцать футов в ночное небо.

Воцарился хаос. Вопящие люди выскакивали из горящих шатров и падали под мечами дренаев. Друсс мчался впереди, прорубая багровую тропу среди ошеломленных вентрийцев, — к шатру, на котором в пламени пожара рисовался грифон. Сертак и еще двадцать воинов с факелами неотступно следовали за ним. Откинув в сторону полотнище, Друсс ворвался в шатер.

— Проклятие, — зарычал он, — Горбена нет здесь! Будь он проклят!

Друсс поджег шелковый верх, созвал всех людей к себе и повел их обратно к ручью. Не предпринималось ничего толкового, чтобы остановить их, — вентрийцы метались в беспорядке, полуодетые, черпали шлемами воду, становились в цепи, борясь с огнем, который ветер разносил по всему лагерю.

Кучка Бессмертных с мечами в руках все же заступила дорогу Друссу. Снага вышиб мозги первому. Второй погиб от удара в горло, который нанес ему Диагорас. Стычка завязалась кровавая, но преимущество внезапности было за дренаями. Прорвавшись сквозь первый ряд врагов, Друсс разрубил кому-то бок и отмашкой рассек плечо другому.

Бодасен с мечом в руке выбежал из своего шатра. Быстро собрав небольшое число Бессмертных, он бросился сквозь огонь на звуки битвы. Впереди вырос дренайский воин, направив меч в незащищённое тело Бодасена. Вентриец отразил выпад и свирепым ответным ударом рассек ему горло. Переступив через тело, Бодасен повел своих дальше.

Друсс убил еще двоих и взревел, приказывая дренаям отступать.

Топот позади заставил его обернуться навстречу новому врагу. За его спиной пылал пожар, и он не различал лиц.

Архитас, убив своего противника, увидел, что Друсс остался один, и, не задумываясь, бросился на Бессмертных. В этот миг Друсс тоже атаковал. Топор взвился и упал, рубя доспехи и плоть. На помощь подоспели Диагорас, Сертак и еще четверо дренаев. Бой длился недолго. Только один вентриец вырвался из битвы, прокатившись по земле и вскочив на ноги позади Архитаса.

Архитас повернулся и напал на него, усмехнувшись, когда мечи их встретились. Враг был стар, хотя и искусен, и не мог соперничать с молодым дренаем. Клинки свер-

кали в отблесках пожара, нанося и парируя удары. Внезапно вентриец оступился. Архитас ринулся вперед, а тот плавным движением откатился, вскочил на ноги и вонзил свой меч Архитасу в пах.

— Век живи — век учись, мальчик, — прошипел Бодасен, выдергивая меч.

К месту схватки подоспели новые Бессмертные. Горбену нужна голова Друсса, и этой ночью император получит ее.

Друсс выхватил топор из чьего-то тела и помчался к спасительному ручью. Вражеский воин заступил ему дорогу. Снага запел в воздухе, раздробив меч противника. Следующий удар пришелся по ребрам. Друсс пробежал мимо, но вентриец схватил его за плечо, и Друсс в отблесках огня узнал Бодасена. Умирающий командир Бессмертных схватил его за колет, пытаясь остановить. Друсс пинком отшвырнул его в сторону и побежал дальше.

Бодасен упал на землю, глядя, как Друсс и его спутники переходят через ручей.

В глазах мутилось — и он закрыл глаза. Усталость окутала его, словно плащ. В мозгу роились воспоминания. Он слышал гул, напоминающий шум моря, и видел идущий к ним пиратский корабль. Снова он бежал вместе с Друссом, чтобы прыгнуть на борт и вступить в бой на корме.

Проклятие! Ему следовало бы догадаться, что Друсс не изменится никогда.

Атака. Всегда атака.

Он открыл глаза и заморгал ими, чтобы видеть яснее. Друсс уже перебрался через ручей и повел воинов обратно в дренайский лагерь.

Бодасен попытался шевельнуться — мучительная боль пронзила его. Он потрогал рану на боку. Под липкими пальцами чувствовались обломки костей и струя бьющей наружу артериальной крови. Все кончено.

Конец страху. Конец безумию. Не надо больше кланяться и раболепствовать перед раскрашенным сумасбродом.

Так, пожалуй, даже легче.

Вся его жизнь шла под уклон после того боя, когда он с Друссом сражался против пиратов. Тогда — и только тогда — он по-настоящему чувствовал, что живет.

Его тело принесли к императору в розовых проблесках зари, и Горбен плакал навзрыд.

Лагерь лежал в руинах. Генералы стояли перед троном в растерянном молчании. Горбен покрыл тело

Бодасена своим плащом и белым полотняным платком вытер глаза. Потом он обратил взор к человеку, стоявшему на коленях с двумя Бессмертными по бокам.

— Бодасен убит. Мой шатер сожжен, как и весь мой лагерь. А ты, ничтожество, был офицером охраны. Вражеский отряд вторгся в мой лагерь, убил моего любимого генерала, а ты еще жив. Что скажешь на это?

— Государь, я находился вместе с вами в шатре Бодасена — по вашему приказу...

— Значит, это я виноват в том, что на лагерь напали?

— Нет, государь!

— «Нет, государь», — передразнил Горбен. — Еще бы ты сказал «да». Твои часовые спали. Теперь они мертвы. Не кажется ли тебе, что пора присоединиться к ним?

— Государь!

— Сделай это. Возьми свой клинок и вскрой себе вены.

Офицер вынул свой парадный кинжал, обратил острием к себе и вонзил глубоко в живот. После мгновенной тишины он стал кричать и биться в конвульсиях. Горбен достал свой меч и ударил его по шее.

— Даже этого не мог сделать как надо, — сказал император.

Друсс вошел в палатку к Зибену и бросил топор на пол. Поэт не спал — он лежал, молча глядя на звезды. Воин опустился на пол, уронил свою большую голову на грудь, сжимая и разжимая кулаки. Поэт, чувствуя его отчаяние, попытался сесть, но боль в груди усилилась, и он закряхтел. Друсс поднял голову и выпрямился.

— Как ты тут? — спросил он.

— Хорóшо. Я слышал, ваша вылазка не имела успеха?

— Горбена не оказалось в шатре.

— Что стряслось, Друсс?

Воин понурил голову и не ответил. Зибен слез с постели, подошел к нему, сел рядом.

— Ну давай, старый конь, выкладывай.

— Я убил Бодасена. Он выскочил на меня из темноты, и я его зарубил.

Зибен положил руку ему на плечо.

— Ну, что теперь скажешь?

— Скажи, почему это выпало именно мне?

— Хотел бы я это знать. Но ведь не ты переплыл океан, чтобы убить его, Друсс. Он сам явился сюда. Да не один, а с целым войском.

— У меня в жизни было так мало друзей. Эскодас умер в моем доме. Бодасена убил я сам. А тебя притащил умирать здесь, на забытом врагами перевале. Я так устал, поэт. Не надо было мне вовсе приходить сюда.

Друсс встал и вышел. Погрузил руки в бочку с водой, умылся. Спина болела, особенно под лопаткой, куда много лет назад вонзилось копье, и докучала вздутая жила на правой ноге.

— Не знаю, слышишь ли ты меня, Бодасен, — прошептал он, глядя на звезды, — но я сожалею, что это выпало мне. Ты был мне хорошим другом в лучшие времена. С тобой можно было идти в горы.

Он вернулся в палатку и увидел, что Зибен уснул на стуле. Друсс бережно поднял его, перенес на кровать и укрыл теплым одеялом.

— Совсем ты у меня плох, поэт. — Он пощупал Зибену пульс — сердце билось сильно, но неровно. — Не бросай меня, Зибен. Я отвезу тебя домой.

Как только утренняя заря позолотила вершины, Друсс сошел по склону, чтобы снова занять свое место в строю.

За восемь страшных дней Скельн превратился в бойню, усеянную разлагающимися трупами и пропитанную смрадом. Горбен бросал на перевал легион за легионом, но все они возвращались ни с чем. Тающие ряды защитников спаивало мужество черного воина с топором, чье мастерство ужасало вентрийцев. Одни называли его демоном, другие богом войны. Вспоминались старые предания. Победитель Хаоса вновь являлся у вентрийских лагерных костров.

Только Бессмертные не ведали страха. Они знали, что перевал предстоит очистить им, и знали, что это будет нелегко.

На восьмую ночь Горбен наконец уступил настойчивым просьбам своих генералов. Время шло, и перевал следовало взять не позднее завтрашнего дня — иначе дренайская армия запрет их в этом проклятом заливе.

Приказ был отдан, и Бессмертные принялись оттачивать мечи.

На рассвете они тихо встали и построились серебристо-черными рядами за ручьем, лицом к трем сотням человек, преграждавшим им путь на Сентранскую равнину.

Дренаи устали, измучились вконец, глаза у них ввалились.

Абадай, новый командир Бессмертных, вышел вперед и вскинул меч, молча отсалютовав по обычаю своего полка. Клинок опустился, и Бессмертные двинулись вперед. Три барабанщика в задних рядах забили мрачную маршевую дробь, в воздухе сверкнули мечи.

С угрюмыми лицами дренаи смотрели, как движется на них цвет вентрийского войска.

Друсс теперь вооружился щитом. Его голубые глаза не выражали ничего, зубы стиснуты, рот превратился в тонкую линию. Он напряг плечи и глубоко вздохнул.

Вот оно, испытание. Вот он, великий день.

Удача Горбена против решимости дренаев.

Друсс знал, что Бессмертные чертовски хорошие воины, но сейчас они сражаются лишь ради славы.

Дренаи же — гордые люди и сыны гордых людей, потомки воинственного народа. Они сражаются за свою родину, жен и детей, рожденных и нерожденных. За свободу своей земли и за право самим выбирать свою судьбу, как подобает вольным людям. За эту мечту сражались Этель и Карнак — и несчетное множество других подобных им мужей.

Князь Дельнар стоял позади Друсса и смотрел на вражеских солдат, не в силах сдержать невольное восхищение их строевой выучкой. Он перевел взгляд на Друсса и подумал, что без него дренаи ни за что не продержались бы так долго. Друсс, точно якорь в бурю, держит корабль носом к ветру — и судно борется со стихией, не разбиваясь о скалы и не переворачиваясь. Сильные черпают мужество в его присутствии. Он являет собой нечто постоянное в изменчивом мире — силу, на которую можно опереться.

Бессмертные приближались, и Дельнар почувствовал, как нарастает страх в рядах дренайских воинов. Воины переминались на месте и крепче сжимали щиты. «Пора тебе сказать свое слово, Друсс», — с улыбкой подумал князь.

И Друсс, ведомый чутьем прирожденного воина, поднял топор и проревел навстречу Бессмертным:

— Идите сюда и умрите, сукины дети! Я Друсс, а это — ваша смерть!

Ровена собирала цветы в садике за домом, когда боль ударила ее под ребра, пронзив навылет. Ноги подогнулись под ней, и она упала среди зелени. Пудри увидел ее от выходящей на луг калитки и бросился к ней, зовя на помощь. С луга прибежала жена Зибена Ниоба. Вдвоем они подняли лишившуюся чувств Ровену и внесли ее в дом. Пудри всыпал ей в рот порошок наперстянки и, зажав Ровене ноздри, заставил ее выпить воды из глиняной чаши.

Но на этот раз боль не прошла. Ровену отнесли наверх и уложили в постель, а Ниоба верхом отправилась в деревню за лекарем.

Пудри сидел подле Ровены. На сморщенном личике застыла тревога, темные глаза были влажными от слез.

— Прошу тебя, госпожа, не умирай, — шептал он. — Прошу тебя.

Ровена покинула свое тело, с жалостью глядя глазами души на лежащую внизу грузную фигуру. Морщины, седеющие волосы, темные круги под глазами. Неужто это она? Неужели эта изношенная оболочка — та самая Ровена, которую много лет назад увезли в Вентрию?

И как постарел и съежился бедный Пудри. Бедный, верный Пудри.

Чувствуя зов Истока, Ровена закрыла глаза и стала думать о Друссе.

На крыльях ветра Ровена былых времен взмыла над домом, впивая сладость воздуха и наслаждаясь свободой, что ведома лишь небожителям. Земля проносилась под ней, зеленая и плодородная, с золотыми заплатами кукурузных полей. Реки казались атласными лентами, моря — покрытыми рябью озерами, города — суетливыми муравейниками.

Мир превратился в блюдо, выложенное голубыми и белыми самоцветами, потом в камушек, обкатанный морем, и, наконец, в маленькую искорку. Ровена вновь подумала о Друссе и взмолилась:

— О, не теперь еще! Дай мне взглянуть на него в последний раз!

Краски замелькали перед ней, и она, кружась, полетела вниз сквозь облака. Под ней золотом и зеленью замелькали поля и луга Сентранской равнины, богатой и обильной. К востоку как будто туча, серая и безжизненная, лежала на земле — и Скельнские горы казались складками на ней. Ровена спускалась все ниже и наконец повисла над перевалом, глядя на вступившие в битву войска.

Друсса нетрудно было найти.

Он, как всегда, стоял в гуще боя, орудуя своим смертоносным топором.

Ровену охватила глубокая печаль, пронзившая болью ее душу.

— Прощай, любовь моя, — сказала она и обратила взор к небесам.

Бессмертные столкнулись с дренаями, и сталь зазвенела о сталь под неумолчный бой барабанов. Друсс обрушил Снагу на чье-то бородатое лицо, уклонился от смертельного выпада, вспорол нападавшему живот. Вражеское ко-

лье поранило ему лицо, меч задел плечо. Оттесненный на шаг назад, Друсс уперся каблуками в землю, рубя окровавленным топором серебристо-черные ряды перед собой.

Под напором Бессмертных дренаи медленно отступали назад.

Мощный удар расколол надвое щит Друсса. Отшвырнув его от себя, воин перехватил Снагу обеими руками. Гнев, который он испытывал, превратился в ярость. Глаза полыхнули огнем; сила вливалась в его усталые, ноющие мышцы.

Дренаев оттеснили уже шагов на двадцать. Еще десять — и перевал станет шире. Там защитники не удержат его.

Друсс оскалился, точно мертвая голова. Линия по обе стороны от него прогнулась, как лук, — только он один стоял недвижимо. Бессмертные, напиравшие на него, валились, как колосья. Сила переполняла его.

Он начал смеяться.

Это был страшный смех, от которого кровь в жилах врагов леденела. Снага вновь обрушился на лицо солдата, отбросив его на ряды товарищей. Друсс ринулся вперед и рассек грудь следующему, а после принялся рубить налево и направо. Люди шарахались от него в стороны, в строю Бессмертных открылась брешь. С яростным ревом Друсс врубался все глубже. Сертак и Диагорас следовали за ним.

Это было похоже на самоубийство, но дренаи образовали клин, в голове которого шел Друсс.

Ничто не могло остановить могучего воина. Вентрийцы бросались на него со всех сторон, но топор разил их, мелькая, словно ртуть. Молодой солдат по имени Ээрисет, принятый в Бессмертные всего месяц назад, увидел, что Друсс надвигается на него. Страх подкатил к горлу, словно желчь. Ээрисет бросил меч и повернулся назад, толкнув солдата позади себя.

— Назад, — закричал юноша. — Все назад!

Люди расступались перед ним, и другие подхватили его крик, думая, что это приказ сверху.

— Назад! Назад к ручью! — пронеслось по рядам, и Бессмертные хлынули обратно к лагерю.

Горбен со своего трона в ужасе смотрел, как его гвардия в беспорядке бредет через узкий ручей.

Он перевел взгляд на перевал, где стоял Друсс, размахивая Снагой, и голос воина докатился до него эхом:

— Где же теперь ваша слава, вы, восточные ублюдки?

Абадай упал на колени перед императором и склонил голову. Кровь сочилась у него из небольшой раны на лбу.

— Как это случилось? — спросил Горбен.

— Сам не знаю, государь. Мы уже теснили их назад, как вдруг этот, с топором, обезумел и начал нас крошить. Мы уже одолели их. Почти что одолели. Но потом вдруг поднялся крик «назад», и воцарился хаос.

Друсс на перевале спешно точил топор.

— Мы побили Бессмертных, — вскричал Диагорас, хлопнув его по плечу. — Клянусь всеми богами Миссаэля, мы побили проклятых Бессмертных!

— Они вернутся, парень, и очень скоро. Ты лучше помолись, чтобы наша армия пришла поскорее.

Отточив Снагу, как бритву, Друсс осмотрел свои раны. Порез на лице пекло, как огнем, но кровь уже остановилась. С плечом дело обстояло похуже, Друсс пока завязал его, как мог. Если они переживут этот день, ночью он зашьет себе рану. На руках и ногах виднелось еще несколько царапин, но эти уже подсыхали.

На Друсса упала тень, он поднял глаза. Рядом стоял Зибен в панцире и шлеме.

— Ну, как я выгляжу?

— Смешно. Что это взбрело тебе в голову?

— Я хочу быть в самой гуще, Друсс, старый конь. И ты меня не удержишь.

— Не стану и пытаться. — Друсс встал и взял друга за плечи. — Хорошие это были годы, дружище. Лучших и желать нельзя. Жизнь дает человеку не так уж много даров, и один из них — знать, что у тебя есть друг, который в черный день станет с тобой рядом. И скажем честно, Зибен: более черного дня мы вряд ли с тобой дождемся.

— В твоих устах это звучит совсем уж безнадежно, милый мой Друсс.

— Что ж, всем когда-то надо умирать. Когда смерть явится к тебе, плюнь ей в глаза, поэт.

— Постараюсь.

— Ты всегда старался, как мог.

Барабаны забили снова, и Бессмертные построились в ряды. Теперь они смотрели на защитников с яростью. Теперь уж никто не обратит их вспять — ни Друсс, ни жалкие двести противников.

Дренаев в самом начале схватки стали теснить назад. Даже Друсс, который нуждался в размахе, должен был отступить на шаг, чтобы свободно махать топором, потом еще на шаг — и еще. Он бился, не зная устали, как машина, окровавленный и кровавый. Не зная пощады, Снага разил в багрово-алых струях.

Снова и снова дренаи сплачивались вокруг него, и снова и снова Бессмертные в угрюмой решимости продвигались все дальше, шагая по трупам своих убитых.

Внезапно линия дренаев прорвалась — и бой разбился, разлетелся на отдельные стычки. Малые островки дренаев, ограждавших себя щитами, терялись в затопившем перевал серебристо-черном море.

Битва была проиграна.

Сентранская равнина открылась перед победителями.

Но Бессмертные жаждали стереть память о своем поражении. Они преградили путь на запад, ибо желали перебить до последнего всех свидетелей своего позора.

Горбен, следивший за битвой с восточного холма, в ярости швырнул наземь свой скипетр и закричал Абадаю:

— Они победили — отчего же они не идут вперед? В своей кровавой горячке они загораживают нам перевал!

Абадай не верил собственным глазам. В то время, когда неприятель был на подходе, Бессмертные, сами того не ведая, продолжали дело защитников. Теперь уже узкое горло перевала было забито ими, и армия Горбена тщетно ожидала возможности пройти на равнину.

Друсс, Дельнар, Диагорас и десятка два других образовали стальное кольцо у груды камней. В пятидесяти шагах правее Зибен, Сертак и еще тридцать человек бились не на жизнь, а на смерть. Лицо поэта сделалось серым, боль в груди нарастала. Он выронил меч, вскарабкался на серый валун и достал из ножен на запястье метательный нож.

Сертак отразил выпад врага, но копье пробило его панцирь и вошло в легкие. Кровь хлынула у него из горла, он упал. Высокий вентриец забрался на валун. Зибен метнул свой нож и попал ему в правый глаз.

Чье-то копье пролетело по воздуху и вонзилось Зибену в грудь — но боли не было, лишь перестало страдать надорванное сердце. Поэт свалился с камня, и серебристо-черная волна поглотила его.

Друсс увидел, как он упал, — и обезумел.

Разорвав кольцо щитов, он бросился на вражеские ряды, кося их, словно серп пшеницу. Дельнар вновь замкнул кольцо, убив вентрийского воина и сцепившись щитами с Диагорасом.

Окруженный Бессмертными, Друсс пробивался вперед. Копье задело его спину. Он обернулся и вышиб копейщику мозги. Меч рубанул его по шлему, процарапал щеку. Еще чье-то копье вонзилось в бок, и удар мечом плаш-

мя обрушился на висок. Друсс вцепился в нанесшего удар и свирепо треснул его головой. Враг обмяк в его руках, но другие уже сомкнулись вокруг легендарного воина плотным кольцом. Загораживаясь бесчувственным телом, как щитом, Друсс повалился наземь, и град мечей и копий обрушился на него.

В этот миг запел рог.

Друсс попытался встать, но вражеский сапог ударил его по виску, и он провалился во тьму.

Очнулся он с криком. Лицо было обмотано бинтами, тело терзала боль. Он хотел сесть — чья-то рука мягко опустилась ему на плечо.

— Лежи, воин. Ты потерял много крови.

— Дельнар?

— Да. Мы победили, Друсс. Наши подошли как раз вовремя. Отдыхай.

Друссу вспомнились последние мгновения битвы.

— Зибен!

— Еще жив, но еле дышит.

— Отведи меня к нему.

— Не валяй дурака. По всем правилам ты должен быть уже мертв. Твое тело пробито в двух десятках мест. Если встанешь, швы разойдутся и ты истечешь кровью.

— Отведи меня к нему, будь ты проклят!

Дельнар выругался и помог воину подняться на ноги. Подлекарь поддержал раненого слева, и вдвоем они отвели его в заднюю половину палатки, где тихо лежал спящий Зибен-Сказитель.

Усадив Друсса рядом с его койкой, Дельнар и подлекарь ушли. Друсс, подавшись вперед, смотрел на обвязанную бинтами грудь Зибена и на медленно расплывающееся посередине красное пятно.

— Поэт! — тихо позвал он.

Зибен открыл глаза.

— Тебя, я вижу, убить нельзя, воин? — прошептал он.

— Еще как можно.

— Мы победили. Заметь себе, я не прятался за чужие спины.

— Я и не ожидал, что ты станешь прятаться.

— Я ужасно устал, Друсс, старый конь.

— Не умирай. Прошу тебя. — Друсс свирепо моргал от выступивших на глаза слез.

— Есть вещи, которых даже ты не можешь добиться, старый конь. Сердце у меня совсем не тянет. Не понимаю, как я еще жив. Но ты прав: это были славные

годы. Я ничего не стал бы менять. Даже этого. Позаботься о Ниобе и детях. И найди сказителя, который воспоет меня. Найдешь?

— Непременно.

— Хотел бы я сам сложить эту песню. Достойный конец моей саги!

— Да, достойный. Слушай, поэт. Я не мастер говорить, но хочу сказать тебе... хочу, чтобы ты знал: ты был мне как брат. Лучший друг, который был у меня за всю жизнь. Самый лучший. Поэт! Зибен!

Глаза Зибена невидяще смотрели в потолок палатки. Лицо обрело покой и словно помолодело. Казалось, морщины разглаживаются прямо на глазах. Друсс дрожал всем телом.

Подошел Дельнар, закрыл Зибену глаза, натянул простыню на лицо и отвел Друсса обратно.

— Горбен мертв, Друсс. Его люди сами убили его при отступлении. Наш флот запер вентрийцев в заливе, и их генералы ведут с Абалаином переговоры о сдаче. Мы сделали это. Удержали перевал. Диагорас хочет видеть тебя. Он пережил эту битву. Ты не поверишь, но даже толстяк Орасис остался жив! Я мог бы поставить десять против одного, что его убьют.

— Дай мне попить, — прошептал Друсс.

Дельнар принес кубок холодной воды, и Друсс медленно осушил его. Диагорас вошел в палатку, неся Снагу. Топор был отчищен от крови и блестел, как серебро.

Друсс посмотрел на него, но не протянул к нему руки.

Молодой воин улыбнулся:

— Ты сделал это. Никогда еще не видал ничего подобного и не поверил бы, что такое бывает.

— Все бывает. Не забывай об этом, паренек.

Слезы навернулись Друссу на глаза, и он быстро отвел взгляд в сторону. Вскоре он услышал, как Дельнар и Диагорас уходят, и лишь тогда позволил слезам пролиться.

Легенда

Эта книга посвящается с любовью трем совершенно особым людям:

моему отцу Биллу Вудфорду, без которого Друсс-Легенда никогда бы не вышел на стены Дрос-Дельноха;

моей матери Олив, привившей мне любовь к историям, где герои никогда не лгут, зло торжествует редко, а любовь всегда настоящая;

моей жене Валери, доказавшей мне, что так бывает и в жизни.

ПРОЛОГ

Дренайский посол с беспокойством ждал за огромными дверьми тронного зала. По обе стороны от него застыли двое надирских часовых, глядя прямо перед собой, уставив раскосые глаза в бронзового орла на темном дереве.

Посол облизнул сухие губы и поправил пурпурную мантию на тощих плечах. Где то спокойствие, с которым он в Дренанском зале совета, в шестистах милях к югу отсюда, принял поручение Абалаина: отправиться в далекий Гульготир и утвердить договор, заключенный с Ульриком, верховным вождем надирских племен? Бартелдию и раньше доводилось заключать договоры — он ездил для этого и в западную Вагрию, и в южный Машрапур. Все народы понимают, сколь полезна торговля и сколь дорого обходятся войны. Ульрик тоже не исключение. Да, он предал огню и мечу обитателей северной равнины — но ведь и те многие века терзали его народ поборами и набегами: они сами посеяли разметавшую их бурю.

Дренаи же всегда обходились с надирами достойно и учтиво. Сам Абалаин дважды посещал Ульрика в его стане и бывал принят с королевскими почестями.

Но то, что предстало перед Бартеллием в Гульготире, потрясло его. Не то было удивительно, что громадные ворота разнесли в щепки, хуже было то, что не менее плачевная участь постигла и защитников города. На замковой площади возвышался курган из отрубленных человеческих рук. Бартеллий, содрогнувшись, отогнал от себя это воспоминание.

Он ждал приема уже три дня, хотя обращались с ним вполне вежливо.

Бартеллий снова поправил плащ, сознавая, что посольские регалии выглядят не слишком внушительно на его худой, угловатой фигуре. Достав из-за пояса полотняный платок, он вытер вспотевшую лысину. Жена не раз говорила Бартеллию, что, когда он волнуется, плешь у него блестит как надраенная. Он предпочел бы этого не знать.

Подавляя дрожь, он покосился на правого часового — пониже его ростом, в остроконечном шлеме с оторочкой из козьей шкуры. Воин, облаченный в деревянный, покрытый лаком панцирь, держал в руке зазубренное копье. Плоское жестокое лицо, темные раскосые глаза. Если бы Бартеллию понадобился кто-то, чтобы отрубить человеку руку...

Бартеллий покосился налево — и тут же пожалел об этом, ибо левый часовой тоже смотрел на него. Чувствуя себя как заяц, на которого падает ястреб, посол поспешно перевел взор к орлу на двери.

И в это мгновение дверь, к счастью, распахнулась.

Бартеллий, сделав глубокий вдох, шагнул внутрь.

Зал был длинным, и двадцать мраморных колонн подпирали его расписанный фресками потолок. На каждой колонне полыхал факел, отбрасывая на стены гигантские пляшущие тени, и под каждым факелом стоял надирский страж с копьем. Глядя прямо перед собой, Бартеллий прошел пятьдесят шагов до трона на мраморном помосте.

На троне сидел Ульрик, Покоритель Севера.

Ростом Ульрик был невысок, но от него исходило поражавшее Бартеллия ощущение силы и власти. Широкоскулый, черноволосый и раскосый, как все надиры, он имел, однако, необычайного цвета лиловые глаза. Расчесанная натрое борода придавала смуглому лицу демоническое выражение, смягчаемое, впрочем, вполне человеческой улыбкой.

Но более всего изумило Бартеллия белое дренайское одеяние с вышитым фамильным гербом Абалаина: золотой конь, вставший на дыбы над серебряной короной.

Посол отвесил низкий поклон.

— Мой господин, я привез вам привет от Абалаина, избранного предводителя свободных дренаев.

Ульрик в ответ кивнул и велел послу продолжать.

— Мой предводитель Абалаин поздравляет вас с великолепной победой, одержанной над гульготирскими мятежниками, и надеется, что теперь, когда ужасы войны остались позади, вы соблаговолите вернуться к тем договорам и торговым соглашениям, которые обсуждали с ним во время его незабываемого визита к вам прошлой весной. У меня с собой письмо от правителя Абалаина, а также упомянутые договоры и соглашения.

Бартеллус ступил вперед и предъявил Ульрику три свитка. Тот принял их и опустил на пол рядом с троном.

— Благодарю, Бартеллий. Скажи-ка — дренаи вправду боятся, что я двину войско на Дрос-Дельнох?

— Вы шутите, мой господин?

— Вовсе нет, — невозмутимо ответил Ульрик звучным басом. — Купцы доносят мне о великом смущении в Дренане.

— Это лишь досужие толки. Я сам помогал составлять договоры и был бы счастлив объяснить вам наиболее сложные места, буде в том возникнет нужда.

— Нет, я уверен, что они составлены как надо, однако мой шаман Носта-хан все-таки должен посмотреть, что они сулят нам. Я знаю, это дикарский обычай, но ты ведь поймешь нас, правда?

— Разумеется. У всякого народа свои обычаи, — отвечал Бартеллий.

Ульрик дважды хлопнул в ладоши, и из мрака слева от трона появился костлявый сморщенный старикан, одетый в грязную козью шкуру. В одной руке он держал белую курицу, в другой — широкую, плоскую деревянную чашу.

Ульрик встал и принял от шамана курицу. Он медленно поднял птицу над головой и на глазах у застывшего в ужасе Бартеллия перекусил ей шею. Курица отчаянно забила крыльями, и кровь оросила белую одежду вождя. Ульрик держал содрогающееся тело над чашей, выпуская из птицы последние капли жизни. Дождавшись конца, Носта-хан поднес чашу к губам, посмотрел на Ульрика и покачал головой.

Вождь отшвырнул птицу и медленно снял с себя белую одежду. Под ней открылся черный панцирь, на поясе — меч. Ульрик взял из-за трона боевой шлем из вороненой стали, отороченный мехом черно-бурой лисицы, и надел его на голову. Отерев дренайским одеянием измазанный кровью рот, он швырнул Бартеллию скомканную ткань.

Посол воззрился на окровавленное полотно у своих ног.

— Боюсь, что предзнаменования неблагоприятны, — произнес Ульрик.

Глава 1

Рек напился. «Не то чтобы всерьез, но в самый раз, чтобы ни к чему всерьез не относиться», — думал он, глядя в хрустальный кубок, откуда бросало кровавые тени рубиновое вино. Огонь очага грел спину, и дым ел глаза, примешиваясь к запаху немытых тел, стынущей еды и намокшей одеж-

ды. Пламя в фонаре заплясало — в комнату ворвался порыв ледяного ветра. Кто-то вошел, захлопнул дверь и извинился, что напустил холода.

Прерванные было разговоры возобновились, разом забубнила дюжина голосов. Рек пригубил вино и содрогнулся, услышав чей-то смех, — этот звук пробрал его холодом не хуже зимнего ветра, бушевавшего за деревянными стенами. Точно кто-то прошел по его могиле. Он поплотнее запахнул свой синий плащ. Можно было не слушать, о чем говорят, — он и так это знал: тут уже много дней толковали об одном.

О войне.

Такое короткое слово — и сколько всего в нем заключено. Кровь, смерть, сеча, голод, ужас, чума.

Снова грянул смех. Кто-то взревел:

— Несчастные варвары! Легкая пожива для дренайских копий.

Ему ответили новые раскаты смеха.

Рек разглядывал хрустальный кубок — такой красивый, такой хрупкий. Изваянный с заботой, даже с любовью, тонкий и изысканный, словно осенняя паутинка. Рек поднес кубок к лицу — в нем отразилась сразу дюжина глаз, и в каждом читалось обвинение.

На миг Реку захотелось грохнуть кубком об пол и разбить его вместе с обвиняющими глазами. Но он этого не сделал. Не такой уж я дурак, сказал он себе. Пока еще нет.

Хореб, трактирщик, вытер толстые пальцы полотенцем и обвел усталым, но настороженным взглядом зал. Ссору не обязательно останавливать окриком и кулаком — вначале бывает достаточно слова и улыбки.

Война.

Почему даже приближение ее низводит человека до зверя? Хоребу были хорошо известны почти все посетители. Семейные люди, крестьяне, купцы, ремесленники. Мирные, надежные, добрые в большинстве своем мужики. И вот они сидят, толкуя о смерти и о славе, готовые уничтожить любого, кого заподозрят в сочувствии к надирам. Стоит только послушать, с каким презрением они выговаривают самое это слово — «надиры».

«Но скоро они прозреют», — печально думал Хореб. И как еще прозреют! Хозяин поглядел на дочек, разносящих кружки и вытирающих столы, и в глазах его зажегся теплый огонек. Крошка Дори, вспыхнувшая под своими веснушками от чьей-то вольной шутки; Беса — вылитая мать, высокая и белокурая; толстушка Несса — всеобщая любимица, просватанная за Норваса, пекарского подмастерья. Хорошие девчушки, радость,

посланная ему судьбой. Взгляд Хореба упал на высокую фигуру в синем плаще, сидящую у окна.

— Чтоб тебе, Рек, опять ты за свое! — пробормотал Хореб себе под нос. Он выругался, снял свой кожаный передник, взял наполовину полный кувшин с пивом, кружку — подумал — и достал из шкапчика бутылку крепкого вина, которую берег на свадьбу Нессы.

— Поделись бедой — и она увеличится вдвое, — сказал он, усаживаясь напротив Река.

— Одна голова плоха, а две еще хуже, — ответствовал Рек, наполняя свой бокал хозяйским вином. — Знавал я одного полководца, — продолжал он, вертя своими длинными пальцами бокал и наблюдая, как играет вино. — Он ни одного сражения не выиграл и ни одного не проиграл.

— Как так?

— Ты ведь знаешь ответ. Я тебе уже рассказывал.

— У меня плохая память. И потом, я люблю слушать твои истории. Как это возможно — не проиграть и не выиграть?

— А он сдавался при первой же опасности. Умно, правда?

— Как могли солдаты подчиняться ему, если он никогда не побеждал?

— Так ведь он и побежденным не бывал — а стало быть, и они тоже.

— А ты бы пошел за таким?

— Ни за кем я больше не пойду — а уж за воеводой и подавно. — Рек повернул голову, прислушиваясь к разговорам вокруг, и даже глаза прикрыл. — Послушай-ка их. Послушай, как они толкуют о ратных подвигах.

— Откуда им знать, друг мой Рек? Они этого не нюхали и на язык не пробовали. Не видели, как воронье, кружа черной тучей над полем битвы, выклевывает глаза мертвецам, как лисицы выдирают жилы, как черви...

— Замолчи, будь ты проклят! Мне напоминать не надо. И будь я проклят тоже, если пойду. Когда у Нессы свадьба?

— Через три дня. Он хороший парень, заботливый. Всё плюшки ей таскает. Скоро она будет как бочка.

— Не от плюшек, так от чего другого, — подмигнул Рек.

— Да уж, — широко усмехнулся Хореб. Они сидели вдвоем среди накатывающего волной шума, молча и задумчиво попивали свое вино. Потом Рек подался вперед.

— Первый удар они нанесут по Дрос-Дельноху. Известно тебе, что там всего десять тысяч человек?

— Насколько я слышал, еще меньше. Абалаин только и знал, что урезывать регулярные войска, довольству-

ясь ополчением. Однако там шесть высоких стен и крепкий замок. Да и Дельнар не дурак — он сражался при Скельне.

— Да ну? Это там, что ли, один воин вышел против десяти тысяч, швыряя горы в супостата?

— Сага о Друссе Легендарном, — понизил голос Хореб. — Сказка о великане, в чьих глазах была смерть и чей топор наводил ужас. Собирайтесь в кружок, детки, и берегитесь темноты, где таится зло, покуда я рассказываю.

— Паршивец этакий. Как ты пугал меня в детстве. Ты ведь знал его — Друсса?

— Давным-давно. Говорят, будто он умер. А если и жив, то ему уже за шестьдесят. Мы бились вместе в трех сражениях, но я только дважды говорил с ним. И лишь однажды видел его в деле.

— И что, хорош он был?

— Страсть и вспомнить. Это было как раз перед Скельном и поражением Бессмертных — так, переделка. Да, он был очень хорош.

— Неважный из тебя рассказчик, Хореб.

— Ты хочешь, чтобы я, как эти дурни, без устали молол о войне, смерти и резне?

— Нет, — покачал головой Рек, допив вино. — Нет, не хочу. Ты ж меня знаешь.

— Знаю достаточно, чтобы любить тебя, хотя...

— Хотя что?

— Хотя ты сам себя не любишь.

— Неправда. — Рек снова наполнил свой бокал. — Я себя очень даже люблю. Просто знаю себя лучше, чем других.

— Порой мне думается, Рек, что ты чересчур требователен к себе.

— Ну нет. Нет. Я требую очень немногого. Я ведь знаю свою слабость.

— Странное дело. Чуть ли не каждый человек уверяет, будто знает, в чем его слабость. А спросишь его, он скажет: я, мол, слишком щедр. Ну а твоя слабость в чем? Давай выкладывай — трактирщики для того и существуют.

— Ну, во-первых, я слишком щедр — особенно с трактирщиками.

Хореб улыбнулся, покачал головой и умолк.

«Слишком умен для героя и слишком подвержен страху для труса», — подумал он, глядя, как его друг осушил кубок и поднес его к лицу, вглядываясь в свое раздробленное отражение. Хоребу показалось, что Рек сейчас разобьет хрусталь, — таким гневом загорелось его лицо.

Но молодой человек осторожно поставил кубок на стол.

— Я не дурак, — тихо сказал он и замер, поняв, что произнес это вслух. — Проклятие! Разобрало-таки.

— Давай-ка я провожу тебя в твою комнату.

— А свеча там горит? — покачиваясь на сиденье, спросил Рек.

— Ну конечно.

— Ты ведь не дашь ей погаснуть, нет? Не люблю я темноту. Не то чтобы боюсь, ты ведь меня знаешь, — просто не люблю.

— Я не дам ей погаснуть, Рек. Положись на меня.

— Я полагаюсь. Я ведь спас тебя, верно? Помнишь?

— Помню. Дай-ка руку. Я провожу тебя к лестнице. Вот сюда. Давай, переставляй ноги. Вот так, хорошо!

— Я не колебался. Кинулся в бой с поднятым мечом, верно?

— Верно.

— Нет, неверно. Я стоял минуты две и трясся. И тебя ранили.

— Но ты все-таки пришел мне на выручку, Рек. Разве ты не понимаешь? Рана — пустяки. Главное — ты меня все-таки спас.

— Для меня это не пустяки. Горит в моей комнате свеча?

За ним высилась крепость, серая и угрюмая, окруженная дымом и пламенем. Шум битвы звучал у него в ушах, и он бежал, задыхаясь, с колотящимся сердцем. Он оглянулся. Крепость была близко, ближе, чем раньше. Впереди маячили зеленые холмы, окружающие Сентранскую равнину. Они мерцали и отступали от него, дразня своим покоем. Он побежал быстрее, и на него упала тень. Ворота крепости отворились. Он боролся с силой, что влекла его обратно, кричал и молил. Но ворота закрылись, и он снова оказался в гуще битвы, с окровавленным мечом в дрожащей руке.

Он проснулся, широко распахнув глаза, раздувая ноздри, с рвущимся из горла криком. Но нежная рука легла на его щеку, и чей-то голос произнес ласковые слова. В глазах у него прояснилось. Занималась заря, и розовый свет нового дня брезжил сквозь замерзшее окошко спальни. Он повернулся на бок.

— Ты неспокойно спал, — сказала Беса, поглаживая его лоб.

Он улыбнулся, натянул повыше пуховую перину и привлек девушку к себе.

— Но теперь я спокоен. — Возбужденный ее теплом, он ласкал пальцами ее спину.

— Не сегодня. — Она поцеловала его в лоб, откинула перину, вздрогнула и перебежала через комнату, где лежала ее одежда. — Холодно как. Еще холоднее вчерашнего.

— А тут так тепло, — с намеком сказал он, приподнимаясь, чтобы видеть, как она одевается. Она послала ему поцелуй.

— С тобой хорошо, Рек, но детей от тебя я иметь не желаю. Ну-ка, вылазь. Утром приедет целая куча народу, и твоя комната нам понадобится.

— Ты красивая, Беса. Будь у меня разум, я бы женился на тебе.

— Значит, твое счастье, что разума у тебя нет, — иначе я бы тебе отказала, и ты бы этого не перенес. Мне бы посолидней кого. — Улыбка смягчила обидные слова — но не совсем.

Дверь отворилась, и ввалился Хореб с медным подносом, неся хлеб, сыр и большую кружку.

— Как твоя голова? — спросил он, ставя поднос на стол у кровати.

— Прекрасно. Да никак это померанцевый сок?

— Да — и он дорого тебе обойдется. Несса подкараулила вагрийского корабельщика. Ждала его битый час и едва не обморозилась — а все для того, чтобы добыть тебе померанцев. Было бы для кого стараться.

— Это верно, — улыбнулся Рек. — Печально, но верно.

— Ты правда едешь нынче на юг? — спросила Беса, когда он принялся за свой сок. Рек кивнул. — Ну и дурак. Мало ты наслушался про Рейнарда?

— Я улизну от него. Как мое платье, вычищено?

— Дори убила на него несколько часов. И чего ради? Чтобы ты опять извозился в Гравенском лесу?

— Не в этом суть. Главное — из города выехать при полном параде. Смотреть не могу на этот сыр.

— Не беда, — улыбнулся Хореб. — Я уже вписал его в счет.

— Ну, тогда я поднатужусь и съем его. Кто еще сегодня отправляется в путь?

— В Лентрию идет караван со специями — они тоже следуют через Гравен. Двадцать человек охраны, все хорошо вооружены. Пойдут кружной дорогой, на юг и запад. Еще женщина, путешествует одна, но она уже уехала. И наконец, паломники — но эти уйдут только завтра.

— Женщина, говоришь?

— Не совсем, — уточнила Беса. — Но похожа.

— Ну, дочка, — заулыбался Хореб, — язвить тебе не к лицу. Высокая такая девушка, и конь у нее чудесный. При оружии.

— Я мог бы поехать с ней, — сказал Рек. — Это скрасило бы мое путешествие.

— Притом она защитила бы тебя от Рейнарда, — ввернула Беса. — Вид у нее подходящий. Давай-ка, Регнак, одевайся. Недосуг мне сидеть и смотреть, как ты тут завтракаешь, точно князь. От тебя и так в доме один беспорядок.

— Но не могу же я встать, покуда ты здесь, — возразил Рек. — Это неприлично.

— Болван. — Беса забрала у него поднос. — Заставь его встать, отец, не то он весь день пролежит.

— Она права, Рек, — сказал Хореб, когда дверь за ней закрылась. — Пора подыматься — а поскольку я знаю, как долго ты готовишься к выходу на люди, то, пожалуй, оставлю тебя.

— Из города надо выехать...

— При всем параде. Знаю. Ты твердишь это всякий раз. Увидимся внизу.

Оставшись один, Рек переменился, и смешливые морщинки у его глаз преобразились в тревожные, почти горестные складки. Не бывать больше дренайскому государству мировой державой. Ульрик со своими надирами уже двинулся на Дренан — скоро он зальет равнинные города реками крови. Даже если каждый дренайский воин убьет тридцать кочевников, все равно их останутся сотни тысяч.

Мир меняется, и скоро Реку станет негде укрыться.

Он подумал о Хоребе и его дочерях. Шестьсот лет дренаи насаждали цивилизацию в мире, плохо приспособленном для этого. Они завоевывали, поучали и правили, в целом, мудро. Но теперь они пришли к своему закату, и новая империя уже готова подняться из крови и пепла старой. Рек снова подумал о Хоребе и рассмеялся. Старый хрыч определенно выживет, что бы ни случилось. Даже надирам нужны хорошие гостиницы. Но его дочки? Что будет с ними, когда орда ворвется в город? Кровавые картины замелькали у Река перед глазами.

— А, будь все проклято! — вскричал он, скатился с кровати и распахнул покрытое льдом окно.

Зимний ветер хлестнул угревшееся в постели тело, вернув Река к настоящему и к долгому путешествию на юг. Он подошел к скамейке, где лежала приготовленная для него одежда, и быстро оделся. Белую шерстяную рубашку и синие тугие штаны подарила ему славная Дори; камзол с шитым золотом воротником напоминал о днях былой роскоши в Вагрии; овчинный полушубок с золотыми завязками дал

Хореб, а длинные, до бедер, сапоги из оленьей кожи достались Реку от некоего усталого путника в захолустной гостинице. «И удивился же тот, должно быть», — подумал Рек, вспоминая, как всего месяц назад прокрался со смесью страха и возбуждения в комнату к проезжему. У платяного шкафа стояло высокое, в полный рост, бронзовое зеркало, и Рек окинул долгим взглядом свое отражение. На него смотрел высокий мужчина с каштановыми волосами до плеч и холеными усами, очень представительный в своих краденых сапогах. Рек натянул через голову перевязь и вдел в нее меч в черных с серебром ножнах.

— Герой, да и только, — сказал он с кривой усмешкой своему отражению. — Хоть картину пиши.

Он вынул меч и сделал выпад, косясь на зеркало. Запястье не утратило гибкости, и хватка оставалась твердой.

— Фехтуешь ты недурно, — сказал он себе, — этого у тебя не отнять.

Он взял с подоконника серебряный обруч — свой талисман, похищенный некогда в лентрийском борделе, — и надел себе на лоб, откинув за уши темные волосы.

— Может, на самом деле ты не так уж хорош, — сказал он отражению, — но, клянусь всеми богами Миссаэля, по виду этого никто не скажет! — Человек в зеркале улыбнулся ему глазами. — Не смейся надо мной, Регнак Скиталец. — Он перебросил плащ через руку и спустился в зал, окинув взглядом ранних посетителей. Хореб окликнул его из-за стойки.

— Ну вот, Рек, совсем другое дело! — Трактирщик в насмешливом восхищении откинулся назад. — Ты точно вышел прямиком из поэмы Сербара. Выпьешь?

— Нет. Погожу еще малость — лет так десять. Вчерашнее пойло до сих пор бродит у меня в утробе. Собрал ты мне отравы в дорогу?

— Ага. Червивые сухари, заплесневелый сыр и ветчина двухлетней давности. А еще фляжка самого худшего...

Разговоры смолкли — в таверну вошел провидец. Полы выцветшей синей одежды хлопали вокруг костлявых ног, и посох постукивал по полу. Рек с отвращением отвел взгляд от его пустых глазниц.

Старик протянул руку, на которой недоставало среднего пальца.

— Посеребри ладонь — узнаешь будущее, — прошелестел он, словно ветер в голых ветвях.

— И зачем они это делают? — шепнул Хореб.

— Ты про глаза? — спросил Рек.

— Ну да. Как может человек сам себе выколоть глаза?

— Будь я проклят, если знаю. Они говорят, будто это помогает им прорицать.

— Все равно что урезать себе некий орган, чтобы лучше любить женщин.

— В этом что-то есть, дружище Хореб.

Старец, привлеченный звуком их голосов, приблизился к ним с протянутой рукой.

— Посеребрите ладонь, — пропел он.

Рек отвернулся.

— Ну же, Рек, — подзадорил Хореб. — Послушай, что сулит тебе дорога. Вреда не будет.

— Ты заплати, а я послушаю.

Хореб полез в карман своего кожаного передника и опустил в ладонь старца мелкую серебряную монету.

— Скажи, что ждет моего друга. Свое будущее я знаю и так.

Старец присел на корточки, достал из своей потрепанной сумы горсть песка и рассыпал вокруг себя на полу. Потом вынул шесть костяшек с вырезанными на них рунами.

— Это ведь человеческие кости, да? — прошептал Хореб.

— Так говорят, — ответил Рек.

Старик в полной тишине завел песнь на древнем языке, бросил кости на песок и провел пальцами по рунам.

— Вижу правду, — сказал он наконец.

— К чему мне правда, старик? Расскажи лучше красивую сказку с прекрасными девами.

— Вижу правду, — повторил провидец, будто не слыша его.

— Ладно, ко всем чертям! Говори свою правду.

— Хочешь ли ты услышать ее, человече?

— Брось свои церемонии — говори и ступай своей дорогой!

— Полегче, Рек, — так уж у них заведено, — сказал Хореб.

— Возможно — но что-то больно долго он примеривается испортить мне день. Ничего хорошего от них все равно не услышишь. Сейчас он скажет, что меня заберет чума.

— Он хочет правды, — согласно обряду произнес Хореб, — и поступит с нею мудро и правильно.

— Не хочет он ее, и мудрости от него ждать не приходится, — сказал провидец. — Но судьбу свою он знать должен. Ты не хочешь слышать, как умрешь, Регнак Скиталец, сын Аргаса, и я не скажу тебе об этом. Нрав у тебя переменчивый, и отвага посещает тебя лишь временами. Ты вор и мечтатель, твоя судьба будет долго гнаться за тобой. Ты будешь бежать от нее, но прибежишь обратно к ней. Но ты уже знаешь об этом, Длинноногий, — ночью ты видел это во сне.

— И только-то, старик? Немного за серебряную монету.

— Князь и Легенда бок о бок на стене. В крови и мечтаниях крепость стоит — падет она иль нет?

Промолвив это, старец повернулся и вышел вон.

— Что тебе снилось сегодня ночью, Рек? — спросил Хореб.

— Но ты же не веришь в эту чепуху?

— Что тебе снилось? — настойчиво повторил трактирщик.

— Ничегошеньки. Я спал как бревно. Только проклятая свечка мешала. Ты оставил ее гореть, и она чадила. Поосторожнее надо быть. Мог бы начаться пожар. Каждый раз, останавливаясь тут, я говорю тебе об этих свечках, а ты меня не слушаешь.

Глава 2

Рек молча смотрел, как конюх седлает гнедого мерина. Лошадь не нравилась ему — глаз у нее был зловредный, и она прижимала уши. Конюх, молодой паренек, шептал ей что-то ласковое, дрожащими руками затягивая узду.

— Почему ты не купил серого? — спросил Рек.

Хореб засмеялся:

— Потому что это было бы уж слишком. Ты и так вырядился точно павлин — за тобой все лентрийские матросы погонятся. Гнедой будет в самый раз. — И добавил уже серьезнее: — Да и в Гравене тебе лучше не бросаться в глаза. А лошадь светлой масти видна издалека.

— Сдается мне, я ему не по душе. Видишь, как он на меня смотрит?

— Его отец был одним из самых резвых в Дренане, а мать служила в уланских полках Хитроплета. Лучших кровей и желать нельзя.

— Как его звать? — спросил не вполне убежденный Рек.

— Уланом.

— Улан... звучит недурно. Ну ладно... поглядим.

— Нарцисс готов, хозяин, — сказал конюх, отскочив от гнедого. Лошадь мотнула головой, норовя хватить его зубами, и парень повалился на булыжник.

— Нарцисс! — повторил Рек. — Ты купил мне коня, которого зовут Нарцисс?

— Что такое имя, Рек? — мирно сказал Хореб. — Зови его, как тебе угодно, — но признай, что это великолепное животное.

— Не обладай я столь тонким чувством смешного, я надел бы ему намордник. Где девочки?

— Они слишком заняты, чтобы прощаться с бродягой, который очень редко платит по счетам. Ну все, отправляйся.

Приговаривая ласковые слова, Рек осторожно подошел к мерину. Конь злобно зыркнул на него одним глазом, но позволил сесть в высокое седло. Рек взял поводья, расправил плащ по крупу коня и направил его к воротам.

— Чуть не забыл, Рек! — воскликнул Хореб. — Погодика. — Трактирщик ушел в дом и вынес короткий лук из вяза, оправленного в рог, и колчан с черными стрелами. — Вот. Один гость оставил мне это в счет уплаты. Знатное, похоже, оружие.

— Превосходное. Когда-то я был хорошим лучником.

— Ага. Главное, клади стрелу острым концом от себя. Ну, поезжай — да береги себя.

— Спасибо, Хореб. Ты тоже позаботься о себе — и помни, что я говорил о свечках.

— Буду помнить. В путь, парень. Удачи тебе.

Рек выехал из южных ворот города, когда стражники уже гасили фонари. Ночные тени таяли на улицах Дренана, и дети играли под решеткой ворот. Он выбрал южную дорогу по вполне понятной причине. Надиры надвигались с севера, и самым верным способом избежать войны было устремиться в противоположную сторону.

Пришпорив коня каблуками, Рек послал его вперед. Слева от него восходящее солнце зажгло синие пики восточных гор. Небо голубело, птицы пели, и за спиной слышались звуки пробуждающегося города. Но Рек-то знал: солнце отныне встает для надиров, для дренаев настали сумерки последнего дня.

Он въехал на холм и посмотрел сверху на Гравенский лес, белый и непорочный под зимним покровом. Между тем это место пользовалось дурной славой, и Рек обыкновенно избегал его. Теперь он решился ехать через лес только потому, что ему были известны две вещи: во-первых, все здешние страшные истории связывались с именем простого смертного, и во-вторых, Рек этого смертного знал.

Рейнард, затаившийся со своей шайкой головорезов в Гравене, являл собой открытую, незаживающую язву торгового тракта. В этом лесу грабили караваны, убивали

паломников и насиловали женщин. Армия была бессильна выловить разбойников — так велик был лес.

Рейнард уверял, что рожден знатной улалийской дамой от Князя Тьмы. Рек, однако, слышал, будто мать его — лентрийская шлюха, а отец — безымянный матрос. Слух этот Рек дальше не распространял — ему, как говорится, не хватало на это духу. И даже будь у него этот самый дух, Рек ненадолго сохранил бы его, повторяя подобное. Излюбленным способом обращения Рейнарда с пленными было поджаривать их по кускам на горячих угольях и предлагать это кушанье их злосчастным сотоварищам. Если Реку доведется встретить Рейнарда, придется льстить ему без зазрения совести, а если не поможет и это, значит, надо будет поделиться с ним последними новостями, выдать ближайший караван и убраться подобру-поздорову.

Вот почему Рек старательно собирал сведения обо всех караванах, идущих через Гравен, и о возможных путях их следования. Шелка, драгоценные камни, специи, рабы, скот. Впрочем, ему нисколько не хотелось сообщать эти сведения кому бы то ни было. Лучше всего — проехать через Гравен тихо-мирно, предоставив решать судьбу караванщиков богам.

Копыта гнедого мягко ступали по снегу, и Рек ехал шагом, чтобы конь не споткнулся о невидимые глазу корни. Холод уже пробирался под теплую одежду, и ноги в оленьих сапогах застыли. Рек достал из котомки овчинные рукавицы.

Гнедой стойко брел вперед по сугробам. К полудню Рек стреножил его у замерзшего ручья и наскоро перекусил. Потом пробил широким вагрийским кинжалом лед, напоил коня и дал ему пригоршню овса. Когда он потрепал мерина по длинной шее, тот вскинул голову и оскалил зубы. Рек отскочил назад, плюхнулся в глубокий сугроб и засмеялся:

— Я так и знал, что ты меня невзлюбил.

Конь повернул к нему голову и фыркнул.

Перед тем как сесть в седло, Рек осмотрел его круп. На шкуре виднелись глубокие рубцы от хлыста. Рек мягко провел по ним рукой.

— Выходит, тебя драли кнутом, а, Нарцисс? Но это не сломило твой дух, верно? — Рек уселся верхом. Если повезет, через пять дней он выберется из этого леса.

Скрюченные дубы с узловатыми корнями отбрасывали на снег зловещие тени, задул ночной ветер. Рек въехал глубоко в лес. За деревьями вставала луна, озаряя его путь призрачным светом. Рек, лязгая зубами, начал оглядываться в поисках ночлега и час спустя остановился в мелкой лощи-

не у замерзшего пруда. Он завел коня в кусты, чтобы хоть немного защитить его от ветра, покормил и развел небольшой костерок под прикрытием поваленного дуба и громадного валуна. В затишке тепло отражалось от камня. Рек заварил чай, прожевал кусок вяленой говядины, накинул на плечи одеяло, прислонился к дубу и стал смотреть в огонь.

Тощая лисица высунула морду из куста, тоже заглядевшись на пламя. Повинуясь порыву, Рек бросил ей полоску мяса. Зверь стрельнул глазами с человека на мясо и обратно, схватил добычу и скрылся в ночи. Рек протянул руки к огню и стал думать о Хоребе.

Трактирщик вырастил его, когда отец Река был убит в северных войнах с сатулами. Честность, преданность, надежность, сила — всем этим Хореб обладал в полной мере. И еще он был добр — меж людьми такие редкость.

Рек вернул ему долг в одну памятную ночь, когда трое вагрийских дезертиров напали на Хореба в переулке около гостиницы.

Рек, к счастью, поздно засиделся за бутылкой и, услышав лязг стали о сталь, сразу выскочил наружу. Хореб бился, обреченный на поражение, — кухонный нож не защита против трех мечей. Однако бывалый воин оборонялся умело. Рек застыл на месте, позабыв о собственном мече. Ноги отказывались двинуться вперед. И тут чей-то меч, пробив защиту Хореба, раскроил ему ногу.

Рек завопил, и крик разорвал сковавший его ужас.

Несколько кровавых мгновений — и все было кончено. Первому врагу Рек вспорол горло, отразил удар второго, плечом отбросил третьего к стене. Хореб снизу ухватил этого третьего за ногу, повалил и зарезал своим ножом, а второй убежал в ночь.

— Ты был великолепен, Рек, — сказал Хореб. — Поверь мне, ты дрался, как бывалый воин.

«Но закаленные воины не цепенеют от страха», — подумал Рек.

...Он подбросил веток в огонь. Облако закрыло луну, и где-то ухнула сова. Рек дрожащей рукой схватился за кинжал.

Будь проклята эта тьма — а заодно с ней и все на свете герои!

Некоторое время он был солдатом, служил в Дрос-Кортсвейне, и ему нравилась такая жизнь. Но когда на границе начались стычки с сатулами, жизнь перестала быть приятной. Он проявил себя хорошо и получил повышение: начальники говорили ему, что он прирожденный тактик. Они

ведь не знали, что он не спит по ночам. И солдаты уважали Река. Не за то ли, что он был осторожен — даже опаслив? Он ушел из армии, боясь выдать свою истинную натуру.

— В уме ли ты, Рек? — сказал ган Джави, когда Рек подал в отставку. — Война только начинается. К нам идет подкрепление, и такой хороший командир, как ты, непременно получит повышение. Через полгода ты будешь командовать сотней. А там получишь и ганского орла.

— Я знаю, мой господин, — и, поверьте, очень сожалею о том, что не смогу участвовать в боях. Если бы не семейные дела... да я правую руку отдал бы, лишь бы остаться в строю, вы же знаете.

— Знаю, мой мальчик. Нам будет недоставать тебя, клянусь Миссаэлем. И твоим людям тоже. Если захочешь вернуться, для тебя всегда найдется место. Ты прирожденный воин.

— Я буду помнить об этом, мой господин. Спасибо вам за помощь и за совет.

— Еще одно, Рек, — сказал ган Джави, откинувшись на своем резном стуле. — Ты слыхал, должно быть, что надиры готовят поход на юг?

— Такие слухи ходят постоянно.

— Да, уже много лет. Но Ульрик — большой хитрец. Он подчинил себе много новых племен и, думается мне, созрел для вторжения.

— Но Абалаин только что подписал договор с ним. Мир в обмен на торговые привилегии и денежную помощь.

— То-то и оно, парень. Я ничего не скажу против Абалаина — он правит нами уже двадцать лет. Но сколько волка ни корми, он все в лес смотрит, ты уж мне поверь! Я хочу сказать, что такие люди, как ты, скоро очень понадобятся, так что смотри не заржавей.

Последнее, что может понадобиться дренаям, — это человек, который боится темноты. То, что им нужно, это второй Карнак Одноглазый — десятка два таких. Или Бронзовый Князь. Или сотня Друссов Легендарных. И даже если бы все они каким-то чудом вдруг явились, смогли бы они сдержать пятисоттысячную орду?

Можно ли даже представить себе такую несметную силу? Они затопят Дрос-Дельнох словно сокрушительный вал.

И будь даже у дренаев возможность победить, Рек все равно не пошел бы. Да что там — даже верная победа не заставила бы его вступить в бой.

Кто вспомнит через сотню лет о народе, звавшемся дренаями? Они станут историей, как Скельнский перевал, овеянной легендами и приукрашенной сверх всякой меры.

Война!

Мухи, вьющиеся черной тучей над внутренностями человека, который рыдает от боли и зажимает живот обагренными пальцами, надеясь на чудо. Голод, холод, страх, мор, гангрена, смерть!

Война, какой ее знают солдаты.

В день его отъезда из Дрос-Кортсвейна к нему подошел один из его кулов и застенчиво подал ему тугой сверток:

— Это вам от всех нас.

Рек, смущенный, не находящий слов, развернул подарок и увидел синий плащ с застежкой в виде бронзового орла.

— Не знаю, как вас и благодарить.

— Ребята велели мне сказать... ну, словом, нам жаль, что вы уходите. Вот...

— Мне тоже жаль, Корвак. Семейные дела — что поделаешь.

Тот кивнул, желая, видимо, чтобы и у него нашлись семейные дела, позволившие бы ему уйти из Дроса. Но для кулов не существует отставки — только дун может покинуть крепость во время войны.

— Что ж, удачи вам. Надеюсь на скорую встречу... мы все надеемся.

— Да, мы увидимся скоро!

Это было два года назад. Ган Джави умер от удара, и несколько сотоварищей Река погибли в битвах с сатулами. Что до кулов — кто их считал?

...Рек ехал по лесу. Дни, холодные и угрюмые, проходили, к счастью, без происшествий, пока наутро пятого дня на тропе, огибающей вязовую рощу, он не услышал самый ненавистный для него звук — лязг стали о сталь. Ему бы проехать мимо — он знал, что должен проехать мимо. Но любопытство пересилило страх. Рек стреножил коня, закинул за спину колчан и натянул свой роговой лук. Потом осторожно спустился между деревьев в засыпанную снегом лощину. Крадучись, как кот, он подобрался к поляне. Звуки битвы стали громче.

Молодая женщина в доспехах из серебра и бронзы, стоя спиной к дереву, отчаянно отбивалась от трех разбойников, кряжистых и бородатых, вооруженных мечами и кинжалами. Ей же служила оружием гибкая сверкающая рапира, которой она орудовала со смертоносной быстротой.

Трое мужчин, все неважные фехтовальщики, только мешали друг другу, но девушка явно теряла силы.

Рек знал, что это люди Рейнарда, и клял себя за любопытство. Один из них вскрикнул — рапира пронзила ему руку.

— Получи-ка, жук навозный! — крикнула девушка.

Рек улыбнулся. Не красотка, но дерется здорово.

Он наложил на лук стрелу и стал ждать нужного мгновения. Девушка увернулась от опасного удара и воткнула шпагу в глаз разбойника. Тот с воплем отскочил, а за ним попятились и двое других. Они разошлись, собравшись атаковать девушку с обоих флангов. Как раз этого она и боялась — теперь ей не оставалось ничего, кроме бегства. Она переводила взгляд с одного врага на другого. Сейчас она схватится с высоким, забыв на время о другом, — лишь бы его первый выпад не оказался смертельным. Если повезет, она сможет захватить с собой обоих.

Высокий зашел слева, его товарищ — справа. В этот миг Рек выстрелил высокому в спину, но стрела вонзилась в левую икру. Рек поспешно наложил вторую стрелу — между тем разбойник оглянулся, увидел нового противника и заковылял к нему, испуская злобные вопли.

Рек отвел тетиву так, что она коснулась его щеки, напряг левую руку и отпустил стрелу.

Этот выстрел оказался удачнее. Рек целил в грудь, самую широкую мишень, однако стрела пробила разбойнику лоб, и он рухнул на спину, орошая кровью снег.

— Не слишком-то вы торопились, — холодно сказала девушка, переступая через третьего разбойника и вытирая тонкий клинок о его рубашку.

Рек отвел глаза от человека, которого убил.

— Я спас вам жизнь, — сказал он, сдерживая гнев.

Она была высокая и сильная — почти как мужчина, с длинными, неприбранными волосами мышиного цвета, с голубыми, глубоко посаженными глазами под густыми темными бровями, признаком неровного нрава. Фигуру ее скрывала кольчуга из стали-серебрянки с бронзовыми плечевыми накладками, на ногах красовались бесформенные вязаные гетры зеленого цвета, пристегнутые ремешками у бедер.

— Ну, чего глаза пялишь? — осведомилась она. — Женщин никогда не видал?

— Вот вы и ответили на свой первый вопрос.

— Что?

— Вы ведь женщина.

— Надо же, как остроумно! — Она взяла из-под дерева овчинный полушубок, стряхнула снег и надела на себя. По мнению Река, это ее не украсило.

— Они напали на меня. Убили моего коня, ублюдки! А твоя лошадь где?

— Ваша благодарность чересчур горяча, она меня смущает, — огрызнулся Рек. — А ведь это — люди Рейнарда.

— Да ну? Он что, твой приятель?

— Не совсем. Но если б узнал, что я сделал, он поджарил бы мои глаза на костре и подал бы мне их на закуску.

— Ладно, ладно, ни слова более. Я тебе бесконечно благодарна. Так где твоя лошадь?

Рек, гневно скрипнув зубами, выдернул из мертвого разбойника свои стрелы и вытер их о полушубок убитого. Потом старательно обыскал всех троих, обнаружив семь серебряных монет и несколько золотых колечек.

— На моей лошади всего одно седло, и поеду в нем я, — ледяным тоном отрезал он. — Я сделал для вас все, что мог, — теперь управляйтесь сами.

— Чертовски благородно с твоей стороны.

— Благородство не относится к числу моих достоинств, — отвернувшись, сказал он.

— И меткость тоже.

— Что?

— Ты целил ему в спину с двадцати шагов, а попал в ногу. Это потому, что ты зажмурил один глаз — так перспектива нарушается.

— Благодарю за урок и желаю всего наилучшего.

— Погоди! — крикнула она. Он обернулся. — Мне нужна твоя лошадь.

— Мне тоже.

— Я заплачу.

— Она не продается.

— Тогда я заплачу за то, чтобы ты довез меня туда, где я смогу купить себе лошадь.

— Сколько?

— Один золотой раг.

— Пять, — сказал он.

— За эти деньги я могу купить трех лошадей, — возмутилась девушка.

— На этом рынке цену назначает продавец.

— Два — и кончено.

— Три.

— Хорошо, три. Ну, так где твоя лошадь?

— Сначала деньги, любезная госпожа.

Она с ледяным блеском в глазах достала деньги из кожаного кошеля и вложила в его протянутую ладонь.

— Меня зовут Регнак — для друзей Рек.

— Мне все равно, как тебя звать, — заверила она.

Глава 3

Они ехали в молчании, холодом не уступавшем погоде. Девушка сидела в седле позади Река. Несмотря на снедавший его страх, он подавлял желание пришпорить коня. Нельзя сказать, чтобы он сожалел о том, что спас ее, — этот поступок безмерно повысил его самоуважение. Но он боялся встречи с Рейнардом. Девушка не станет молчать, пока он будет улещивать атамана. И даже если она каким-то чудом удержит язык за зубами, то потом непременно донесет, что Рек рассказал Рейнарду о путях следования караванов.

Конь споткнулся об укрытый под снегом корень, и девушка съехала набок. Рек поймал ее за руку и водворил обратно в седло.

— Не лучше ли будет обхватить меня за пояс?

— И во сколько мне это обойдется?

— Давайте держитесь. Слишком холодно, чтобы спорить.

Она обхватила Река руками и прислонилась головой к его спине.

В небе собирались черные тучи, становилось все холоднее.

— Надо будет пораньше остановиться на ночлег, — заметил он. — Погода портится.

— Согласна.

Пошел снег, и ветер усилился. Рек низко наклонял голову, щурясь от летящих навстречу снежных хлопьев. Он направил мерина в сторону от тропы, в гущу леса, и вцепился в луку седла, когда конь стал взбираться на крутой склон.

Рек понимал: ночевать под открытым небом в метель — чистое безумие. Нужна пещера или хотя бы скала, под которой можно укрыться. Они ехали еще час, пока не добрались до поляны, окаймленной дубами и дроком. На поляне стояла бревенчатая крестьянская хижина, крытая дерном. Дыма над каменной трубой не было.

Рек пришпорил усталого коня. К хижине примыкал огражденный навес с прогнувшейся от снега плетеной кровлей, и Рек завел мерина туда.

— Слезайте, — сказал он девушке, но она все так же держалась за его пояс. Заметив, что руки ее посинели, Рек принялся что есть силы тереть их. — Да очнись же! Очнись, будь ты проклята! — Разомкнув ее руки, он соскочил с седла и подхватил ее, падающую, на руки. Губы у нее посинели тоже, и волосы смерзлись. Взвалив девушку на плечо, он снял с коня поклажу, ослабил удила и внес ее в хижину. Деревянная дверь стояла приотворенной, в стылое жилье набился снег.

Рек увидел лежанку под единственным окном, очаг, нехитро сколоченные полки и поленницу дров у дальней стены — ее могло хватить на две, а то и три ночи. Еще в хижине имелись три корявых стула и стол, грубо вытесанный из вязового пня. Рек опустил бесчувственную девушку на лежанку, нашел под столом связанный из прутьев веник и вымел из дома снег. Он хотел закрыть дверь, но прогнившая кожаная петля лопнула, и дверь перекосилась. Ругаясь, он загородил вход столом.

Поспешно раскрыв котомку, он достал коробку с трутом и огнивом. Неведомый хозяин хижины уже сложил в очаге дрова, как это заведено в лесной глуши. Рек собрал в кучку под хворостом сухие листья, полил их лампадным маслом из кожаной фляжки и стал высекать огонь. Пальцы у него застыли, и искры тут же гасли — он остановился, заставил себя медленно, глубоко подышать и снова ударил огнивом. На этот раз трут затлел. Рек осторожно раздул огонек, а когда занялись прутья, стал подкладывать мелкие ветки. Огонь начал разгораться.

Рек подтащил к очагу два стула, набросил на них одеяла и вернулся к девушке. Она лежала, едва дыша.

— Все эти проклятые доспехи, — проворчал он и стал развязывать на ней полушубок, поворачивая ее с боку на бок. Вскоре он раздел ее и принялся растирать. Подбросив в огонь еще три полена, он расстелил на полу перед очагом одеяла, положил на них девушку и стал тереть ей спину.

— Не вздумай у меня умереть! — рявкнул Рек, массируя ей ноги. — Посмей только! — Он вытер ей волосы полотенцем и завернул ее в одеяло. На полу было холодно, из-под двери тянуло морозом, и, пододвинув лежанку к очагу, он переложил туда девушку. Пульс девушки бился медленно, но ровно.

Он взглянул ей в лицо — оно было прекрасно. Не в общепринятом смысле — этому мешали слишком густые, сумрачные брови, квадратный подбородок и слишком

полные губы. Но в лице ее были сила, мужество и решимость. И не только — во сне черты ее лица стали нежными, совсем детскими.

Рек тихонько поцеловал ее.

Потом застегнул свой полушубок, отодвинул стол и вышел в бурю. Гнедой фыркнул, заслышав его шаги. Под навесом лежала солома, и Рек, взяв пучок, вытер коню спину.

— Ночь будет холодная, парень, но тут ты не пропадешь. — Рек покрыл попоной широкую спину мерина, покормил его овсом и вернулся в хижину.

К девушке вернулись живые краски, теперь она мирно спала.

Пошарив по полкам, Рек отыскал старый чугунок. Достал из котомки полотняный, со стальной защелкой мешок со съестным, извлек оттуда вяленое мясо и стал варить похлебку. Согревшись, он скинул плащ и полушубок. Ветер снаружи бросался на стены, но внутри жарко пылал огонь, наполняя хижину мягким красноватым светом. Рек стянул сапоги и растер себе ноги. Хорошо, однако, быть живым.

А есть-то как хочется!

Он взял глиняную, обшитую кожей манерку и попробовал суп. Девушка пошевелилась, и он подумал, не разбудить ли ее, но решил, что не надо. Она так хороша, когда спит, — и сущая ведьма, когда бодрствует. Она повернулась на бок и застонала, высунув из-под одеяла длинную ногу. Рек вспомнил ее тело и усмехнулся. Ничего мужского в нем нет! Она просто крупная — но сложена превосходно. Он смотрел на ее ногу, и улыбка исчезала с его лица. Он представил, как лежит нагой рядом с ней...

— Ну нет, Рек, — сказал он вслух. — Ты это брось.

Он укрыл ее и вернулся к похлебке. «Готовься к худшему, — сказал он себе. — Проснувшись, она обвинит тебя в том, что ты воспользовался ее слабостью, и выцарапает тебе глаза».

Он завернулся в плащ и улегся перед огнем. На полу теперь стало теплее. Он подбросил дров в огонь, положил голову на руку и стал смотреть, как кружат, скачут и изгибаются огненные танцовщицы.

Скоро он уснул.

Разбудил его запах поджаренной ветчины. В хижине было тепло, а его левая рука опухла и затекла. Рек потянулся, застонал и сел. Девушки нигде не было. Потом открылась дверь, и она вошла, стряхивая снег с полушубка.

— Ходила посмотреть на лошадь. Есть будешь?

— Да. Который час?

— Солнце часа три как взошло. Снег почти перестал.

Он распрямил свое ноющее тело. Спина совсем онемела.

— Слишком долго я спал на мягких постелях в Дренане.

— И брюшко у тебя оттого же.

— Брюшко? У меня просто позвоночник так выгнут. И мышцы расслаблены. Ну ладно, пускай брюшко. Еще пару дней такой жизни — и оно сойдет.

— Не сомневаюсь. Однако нам повезло, что мы нашли это место.

— Да.

Она перевернула ветчину, и разговор умолк. Рек почувствовал неловкость и заговорил — одновременно с ней.

— Смешно, — сказала она.

— Вкусно пахнет, — сказал он.

— Вот что... я хотела сказать тебе спасибо. Ну, вот и сказала.

— Не за что. Почему бы нам не начать сызнова, как будто мы только что встретились? Меня зовут Рек. — Он протянул ей руку.

— Вирэ, — сказала она, сжав ему запястье на воинский манер.

— Очень приятно. И что же привело тебя в Гравенский лес, Вирэ?

— Не твое дело, — отрезала она.

— Я думал, мы начали сызнова.

— Ну, извини. Мне не так-то просто болтать с тобой по-приятельски — ты мне не слишком нравишься.

— Как можно так говорить? Мы и десяти слов друг с другом не сказали. Слишком рано судить, нравится тебе человек или нет.

— Я таких, как ты, знаю. — Она ловко разложила ветчину по двум тарелкам и подала одну Реку. — Заносчивые. Думаете, что боги, сотворив вас, сделали миру подарок. Порхаете себе, как вольные пташки.

— Ну и что в этом плохого? Совершенных людей не бывает. Да, я стараюсь получить от жизни радость — она ведь у меня одна.

— Вот из-за таких, как ты, страна и гибнет. Из-за таких вот беззаботных, живущих только нынешним днем. Из-за жадных и себялюбивых. А ведь когда-то мы были великим народом.

— Чушь. Мы были завоевателями и всем навязывали дренайские законы. Чума бы взяла такое величие!

— Ничего плохого в этом не было! Народы, завоеванные нами, процветали — так или нет? Мы строили школы, больницы, дороги. Мы поощряли торговлю и несли миру правосудие.

— Тогда тебе незачем так расстраиваться. Теперь правосудие миру будут нести надиры. Единственная причина дренайских побед — это то, что народы, которые мы завоевали, уже пережили свой расцвет. Они разжирели и обленились, сделались себялюбивыми, жадными и беззаботными. Все народы следуют этим путем.

— Так ты еще и философ? Твои взгляды мне кажутся такими же никчемными, как ты сам.

— По-твоему, я никчемный? Зато от тебя в твоем мужском наряде куда как много проку. Ты, подделка под воина! Если ты так жаждешь защитить дренайские ценности, почему бы тебе не отправиться в Дрос-Дельнох с другими дураками и не выйти со своей шпажонкой против надиров?

— Я только что оттуда — и вернусь туда, как только выполню то, что мне поручено.

— Ну и дура, — буркнул он.

— А ты ведь был солдатом, верно?

— Тебе-то что?

— Зачем ты ушел из армии?

— Не твое дело. — Настало неловкое молчание, и Рек, чтобы сломать его, добавил: — После полудня мы должны добраться до Глен Френэ. Это маленькая деревушка, но лошадь там купить можно.

За едой они больше не разговаривали. Рек злился и чувствовал себя неуютно, ему не хватало умения преодолеть разделявшую их пропасть. Вирэ протерла тарелки и вычистила чугунок, неуклюжая в своей кольчуге.

Она тоже злилась — на себя. Она не хотела ссориться с Реком. Пока он спал, она двигалась по хижине тихонько, чтобы его не потревожить. Проснувшись, она сначала смутилась и впала в гнев, увидев себя раздетой. Но она достаточно знала о том, как люди замерзают, чтобы понять: Рек спас ей жизнь. И он не воспользовался ее наготой. Сделай он это, она убила бы его без сожалений и колебаний. Она долго смотрела на него, спящего, и решила, что он по-своему красив и что в нем есть еще нечто, делающее его привлекательным. Мягкость, быть может? Чувствительность? Она никак не могла понять что.

Ну, почему он так мил? Ее это сердило. Нет у нее времени на нежные чувства. И Вирэ с болью осознала,

что у нее никогда не было времени на нежные чувства. А может быть, это у чувств нет времени на нее? Она неловкая, неуверенно чувствует себя с мужчинами — если они ей не противники или не соратники. Ей вспомнились слова Река: «Зато от тебя в твоем мужском наряде куда как много проку».

Он дважды спас ей жизнь. Зачем она сказала, что он ей не нравится? Может, из-за того, что она испугалась?

Рек вышел из хижины, и она услышала чей-то чужой голос:

— Регнак, дорогой! Это правда, что у тебя там женщина?

Вирэ схватилась за шпагу.

Глава 4

Настоятель возложил руки на голову молодого альбиноса, стоящего перед ним на коленях, и закрыл глаза.

— *Готов ли ты?* — мысленно, как заведено в Ордене, спросил он.

— *Откуда мне знать?* — ответил альбинос.

— *Открой мне свой разум.* — Юноша открылся, и настоятель увидел в его сознании отражение своего собственного доброго лица. Мысли юноши текли легко и свободно, переплетаясь с воспоминаниями старшего. Могучая натура настоятеля накрыла сознание молодого словно теплым одеялом, и тот погрузился в сон.

Пробуждение было горьким, и на глаза юноши навернулись слезы. Он снова — Сербитар, снова — один, снова — наедине со своими мыслями.

— *Готов ли я?* — спросил он.

— *Будешь готов. Вестник близок.*

— *Это достойный человек?*

— *Суди сам. Следуй за мною в Гравен.*

Их души соединились и воспарили высоко над монастырем, вольные, как зимний ветер. Внизу лежали заснеженные поля, за полями чернел лес. Настоятель летел впереди над вершинами деревьев. На поляне у бедной хижины собралось несколько человек — они смотрели на дверь, в которой стоял высокий молодой воин. За ним виднелась женщина с мечом в руке.

— *Который из них вестник?* — спросил альбинос.

— *Смотри — и увидишь.*

* * *

Дела Рейнарда последнее время шли неладно. Атака на караван была отбита с тяжелыми потерями, а в сумерки нашли мертвыми еще троих — и среди них его брата Эрлика. Пленник, взятый третьего дня, умер со страху, не дождавшись настоящей забавы, да еще погода испортилась. Неудача преследовала Рейнарда — и он не мог взять в толк почему.

«Будь проклят вещун!» — с горечью думал он, когда вел своих людей к хижине. Если бы старик не погрузился в свой трехдневный сон, они, может, и не стали бы нападать на караван. Рейнарду очень хотелось отрубить вещуну ноги, пока тот спит, но здравый смысл и жадность возобладали. Вещун — человек бесценный. Он очнулся как раз когда в лагерь доставили тело Эрлика.

— Видишь, что стряслось, покуда ты спал? — обрушился на него Рейнард.

— Ты потерял восемь человек в набеге, а женщина убила Эрлика и еще одного, когда они убили ее лошадь.

Рейнард вперил тяжелый взгляд в пустые глазницы старца.

— Женщина, говоришь?

— Да.

— Там убит еще и третий. Что скажешь о нем?

— Ему попала в лоб стрела.

— Кто пустил ее?

— Человек по имени Регнак. Скиталец, который бывает здесь временами.

Рейнард потряс головой. Женщина поднесла ему кубок подогретого вина, и он присел на камень у жаркого огня.

— Быть не может, он бы не осмелился! Уверен ты, что это он?

— Это он. А теперь мне надо отдохнуть.

— Погоди! Где они теперь?

— Сейчас погляжу, — сказал старик, направляясь в свою хижину. Рейнард велел подать еды и кликнул Груссина. Тот пришел и присел на корточки рядом с ним.

— Ты слышал? — спросил Рейнард.

— Да. Ты ему веришь?

— Смех и грех. Но старик еще ни разу не ошибался. Старею я, что ли? Раз уж такой трус, как Рек, нападает на моих людей, значит, я что-то делаю не так. Я его за это на медленном огне поджарю.

— У нас съестное на исходе, — сказал Груссин.

— Что?

— Съестное на исходе. Зима была долгая, и этот проклятый караван нам бы очень пригодился.

— Ничего, будут и другие. Первым делом надо найти Река.

— Да стоит ли он того?

— Стоит ли? Он помог какой-то бабе убить моего брата. Я хочу отдать эту бабу на потеху всей шайке. Хочу резать с нее мясо тонкими полосками, а потом скормить ее собакам.

— Как скажешь.

— Что-то в тебе не видно особого рвения. — Рейнард перекинул опустевшую миску через костер.

— Что ж, верно, и я старею. Когда мы пришли сюда, я видел в этом какой-то смысл, а нынче забыл, в чем он состоял.

— Мы пришли сюда потому, что прихвостни Абалаина разорили мою усадьбу и перебили мою семью. Я не забыл ничего. Ты не размяк ли часом?

Груссин подметил в глазах Рейнарда опасный огонь.

— Нет, конечно, нет. Ты атаман — как скажешь, так и будет. Мы найдем Река и ту женщину. Может, отдохнешь пока?

— К дьяволу отдых! Но ты спи, если хочешь. Мы отправимся сразу, как только старик даст нам указания.

Груссин пошел в свою хижину и лег на постель из папоротника.

— Что с тобой? — спросила его женщина, Мелла, став рядом с ним на колени и предложив ему вина.

— Ты не хотела бы уйти отсюда? — Он положил огромную ручищу ей на плечо. Мелла склонилась и поцеловала его.

— Я пойду с тобой, куда бы ты ни отправился.

— Устал я. Устал убивать. С каждым днем это становится все более бессмысленным. Он, должно быть, не в своем уме.

— Ш-ш! — опасливо шепнула она и сказала ему в самое ухо: — Не высказывай своих страхов вслух. Настанет весна, и мы уйдем потихоньку. А до тех пор сохраняй спокойствие и выполняй все его приказания.

Он улыбнулся и поцеловал ее волосы.

— Ты права. Поспи немного. — Она прикорнула около него, и он укрыл ее одеялом.

— Я тебя не стою, — сказал он, когда она закрыла глаза.

Когда же он совершил ошибку? Во дни их огненной молодости жестокость Рейнарда казалась чем-то в порядке вещей — чем-то способным сотворить легенду. Так по крайней мере говорил Рейнард. Он говорил, что они будут шипом в боку Абалаина, пока не добьются справедливости. Так прошло десять лет. Десять проклятых кровавых лет.

Да было ли их дело правым хоть когда-то?

Груссин надеялся, что да.

— Ну, идешь ты? — спросил Рейнард с порога. — Они в старой хижине.

Переход был долгим, и холод стоял жестокий, но Рейнард почти не чувствовал этого. Гнев согревал его, а близость мщения придавала мускулам упругость.

Перед глазами у него стояли сладостные картины истязаний, и вопли музыкой звучали в ушах. Он возьмет женщину первым и будет резать ее раскаленным ножом. Чресла его возбужденно напряглись.

А Рек... Ну и рожу он скорчит, увидев, что они пришли! Ужас застынет у него в глазах! Ужас, от которого цепенеет разум и кишки опорожняются сами собой!

Однако Рейнард ошибся.

Рек вышел из хижины, взбешенный и дрожащий. Он не мог вынести презрения на лице Вирэ. Только гнев помог бы ему позабыть об этом, да и то вряд ли. Но не может же он перемениться, верно? Одни рождаются героями, другие трусами. Какое право она имеет судить его?

— Регнак, дорогой! Правда это, что у тебя там женщина?

Рек оглядел собравшихся разбойников. Больше двадцати человек выстроилось полукругом позади высокого плечистого атамана. Рядом с Рейнардом стоял могучий Груссин, сжимая в руках обоюдоострый топор.

— Доброе утро, Рейн, — сказал Рек. — Что привело тебя сюда?

— Да вот прослышал, что у тебя завелась подружка, и подумал, что старина Рек не откажется поделиться с нами. Я приглашаю вас ко мне в лагерь. Где она?

— Рейн, она не про тебя. Хочешь выкуп? Караван идет...

— Провались он, твой караван! Тащи сюда бабу.

— Специи, драгоценные камни, меха. Большой караван.

— Расскажешь по дороге. Мое терпение на исходе. Тащи ее сюда!

Рек, вспыхнув от гнева, выхватил из ножен меч.

— Идите и возьмите ее сами, подонки!

Вирэ встала рядом с ним со шпагой в руке, разбойники тоже обнажили оружие и приблизились.

— Стойте! — вскинул руку Рейнард и вышел вперед, растянув губы в улыбке. — Послушай меня, Рек. Это бессмысленно. Против тебя мы ничего не имеем. Ты был нам другом. Ну что тебе в этой женщине? Она убила моего брата — для меня это дело чести, сам понимаешь. Положи свой

меч — и можешь ехать. Но она нужна мне живой. — «И ты тоже», — подумал Рейнард.

— Если она тебе нужна — бери ее. И меня заодно. Смелее, Рейн. Не забыл еще, для чего служит меч? Или ты, по своему обычаю, отойдешь за деревья и предоставишь другим умирать за тебя? Ну так уползай, гад! — Рек ринулся вперед, и Рейнард поспешно отступил, наткнувшись на Груссина.

— Убейте его — но не женщину! — приказал атаман. — Женщину взять живой.

Груссин выступил вперед, взмахнул топором. Вирэ снова подошла к Реку и встала рядом. Груссин остановился в десяти шагах от них и встретился с бесстрашным взглядом Река. И женщина... Молодая, храбрая — не красотка, но славная девочка.

— Ну, чего ждешь, остолоп! — взревел Рейнард. — Бери ее!

Груссин повернулся и зашагал обратно. Все вокруг стало каким-то странным и зыбким. Он вспомнил себя молодым, откладывающим деньги на собственный клочок земли; плуг у него был еще отцовский, и соседи охотно помогли бы ему выстроить домик близ вязовой рощи. Что сделал он со своей жизнью?

— Предатель! — вскричал Рейнард, выхватывая меч.

Груссин с легкостью отразил его удар.

— Брось это, Рейн. Пошли домой.

— Убейте его! — приказал Рейнард. Разбойники переглянулись. Одни нерешительно сунулись вперед, другие остались на месте. — Ублюдок! Подлый изменник! — завопил Рейнард, снова вскинув меч.

Груссин набрал в грудь воздуха, перехватил топор обеими руками и разнес меч на куски. Лезвие топора, отскочив от разбитого эфеса, врезалось атаману в бок. Тот упал на колени, скрючившись пополам. Груссин еще раз взмахнул топором, и отрубленная голова Рейнарда покатилась по снегу. Бросив свое оружие, Груссин повернулся к Реку.

— Он не всегда был таким, каким ты его знал, — сказал он.

— Почему? — спросил Рек, опуская меч. — Почему ты это сделал?

— Кто знает? Не только из-за тебя — или из-за нее. Может, что-то внутри просто сказало мне — довольно. Где твой караван?

— Я наврал про караван.

— Ладно. Больше мы не увидимся. Я ухожу из Гравена. Это твоя женщина?

— Нет.

— Ты неплохо держался.

— Да.

Вернувшись к атаману, Груссин подобрал свой топор.

— Долгой была наша дружба. Слишком долгой.

И Груссин, не оглядываясь, повел разбойников обратно в лес.

— Просто не верится, — сказал Рек. — Это настоящее чудо.

— Давай-ка закончим свой завтрак, — предложила Вирэ. — Я заварю чай.

В хижине Река затрясло. Он сел, уронив меч на пол.

— Что с тобой? — спросила Вирэ.

— Замерз, — ответил он, стуча зубами. Опустившись на колени, она стала растирать ему руки.

— Чай тебе поможет. Сахар есть?

— Есть — в котомке, завернут в красную бумагу. Хореб знает, какой я сластена. Обычно я не так чувствителен к холоду — ты уж прости!

— Ничего. Отец говорит, что сладкий чай хорошо помогает против... холода.

— Понять не могу, как они нас нашли? Снег должен был завалить все следы. Странное дело.

— Не знаю. На, держи.

Он пригубил чай, держа свою обшитую кожей манерку обеими руками. Горячий напиток плеснул ему на пальцы. Вирэ собрала вещи, выгребла золу из очага и сложила дрова для новых путников.

Горячий сладкий чай успокоил Река.

— Что ты делаешь в Дрос-Дельнохе? — спросил он.

— Я дочь князя Дельнара. Я там живу.

— Он услал тебя из-за войны?

— Нет. Я отвезла письмо Абалаину, а теперь должна доставить еще одно. Сделаю это и вернусь домой. Тебе полегчало?

— Да. Намного. — Рек, помявшись, посмотрел ей в глаза. — Меня трясло не только от холода.

— Я знаю, но это не важно. После боя всех бьет дрожь. Главное — как человек ведет себя в бою. Отец мне рассказывал, что после Скельнского перевала его месяц мучили кошмары.

— Тебя вот не трясет.

— Это потому, что я все время чем-то занимаюсь. Хочешь еще чаю?

— Да. Спасибо. Я уж думал, нам конец. И мне вдруг стало все равно — восхитительное чувство. — Он хотел сказать, как хорошо ему было стоять рядом с ней, — и

не смог. Ему хотелось подойти и обнять ее — но он знал, что не сделает этого. Он только смотрел, как она наливает ему чай и размешивает сахар.

— Где ты служил? — спросила Вирэ, чувствуя на себе его взгляд, но не понимая его значения.

— В Дрос-Кортсвейне. Под началом у гана Джави.

— Теперь он умер.

— Да, от удара. Отменный был командир. Он предсказывал, что будет война. Абалаин, должно быть, жалеет, что не послушал его.

— Его не один Джави остерегал. Все северные военачальники доносили об этом. А отец годами держал шпионов в надирском стане. Всем было ясно, что надиры готовятся напасть на нас. Абалаин глупец — он и теперь все шлет Ульрику свои договоры. Не может понять, что война неизбежна. Знаешь ты, что у нас в Дельнохе всего десять тысяч войска?

— Я слышал, что даже меньше.

— А ведь нам надо оборонять шесть городских стен. В военное время людей требуется вчетверо больше. Да и дисциплина уже не та, что раньше.

— Почему?

— Потому, что все они заранее обрекли себя на гибель! — гневно ответила Вирэ. — Потому, что отец мой лежит при смерти, а в гане Оррине твердости, что в гнилой картофелине.

— Оррин? Впервые слышу.

— Племянник Абалаина. Он командует гарнизоном, но вождь из него никудышный. Будь я мужчиной...

— Я рад, что ты не мужчина.

— Почему?

— Не знаю, — смутился он. — Просто так сболтнул. Рад, и все тут.

— Так вот, будь я мужчиной, я взяла бы командование на себя. И справилась бы куда лучше, чем Оррин. Чего ты так смотришь на меня?

— Я не смотрю, я слушаю, черт возьми! Почему ты все время ко мне придираешься?

— Может, мне разжечь огонь?

— Что? Разве мы остаемся?

— Если хочешь.

— Решай сама.

— Давай останемся еще на денек. Так мы сможем... лучше узнать друг друга. Начали мы неважно, хотя ты уже трижды спас мне жизнь.

— Нет, только однажды. Ты слишком крепкая, чтобы замерзнуть. А в третий раз нас обоих спас Груссин. Но я согласен остаться до завтра. Только мне неохота больше спать на полу.

— Тебе и не придется.

Настоятель улыбнулся смущению молодого альбиноса, разомкнул мысленную связь и вернулся к своему письменному столу.

— Поди ко мне, Сербитар, — сказал он вслух. — Ты не жалеешь, что принес обет безбрачия?

— Иногда жалею, — честно ответил юноша, поднимаясь с колен. Он отряхнул свое белое одеяние от пыли и сел напротив настоятеля.

— Девушка достойна, — сказал он, — мужчина мне непонятен. Они станут слабее, познав друг друга?

— Сильнее. Они друг другу нужны. Вместе они — единое целое, как в Священной Книге. Расскажи мне о ней.

— Что я могу сказать?

— Ты входил в ее разум. Расскажи мне о ней.

— Она княжеская дочь. У нее нет уверенности в своих женских чарах, и смутные желания владеют ею.

— Почему так?

— Она не знает почему.

— Это я понял. Но ты-то знаешь?

— Нет.

— А что ты скажешь о мужчине?

— В его разум я не входил.

— Знаю — но все-таки?

— Его снедает страх. Он боится смерти.

— Ты считаешь это слабостью?

— В Дрос-Дельнохе — да. Там почти всех ждет верная смерть.

— А быть может, в этом его сила?

— Не понимаю, как так может быть?

— Что говорил о трусах и героях философ?

— «По самой природе определения только трус способен на высочайший героизм».

— Ты должен созвать Тридцать, Сербитар.

— Неужто главой буду я?

— Да, ты будешь Голосом Тридцати.

— Кем же тогда будут мои братья?

Настоятель откинулся на спинку стула.

— Арбедарк — Сердцем. Он силен, бесстрашен и правдив. Менахем — Глазами, ибо наделен даром. Я же буду Душой.

— О нет! Я не могу приказывать тебе, учитель.

— Ты должен. Остальных назначишь сам. Я полагаюсь на твое решение.

— Но почему я? Глазами следовало бы стать мне, а главой — Арбедарку.

— Доверься мне. Все откроется после.

— Я выросла в Дрос-Дельнохе, — говорила Вирэ, лежа с Реком перед жарким огнем. Он подложил под голову свой свернутый плащ, ее голова покоилась у него на груди. Он молча гладил ее волосы. — Это величественное место. Ты бывал там?

— Нет. Расскажи мне о нем. — Реку не особенно хотелось слушать этот рассказ, но и говорить он не хотел.

— Его ограждает шесть стен, и в каждой двадцать футов ширины. Первые три возвел Эгель, Бронзовый Князь. Но город рос, и пришлось построить еще три. Крепость загораживает собою Дельнохский перевал. Только этим путем может армия пройти через горы, если не считать Дрос-Пурдола на западе и Кортсвейна на востоке. Мой отец перестроил старый замок и сделал его своим домом. С башен открывается прекрасный вид. На юге простирается Сентранская равнина, летом она вся золотая от злаков. А от севера и вовсе глаз нельзя отвести. Ты меня слушаешь?

— Да. Золото хлебов. Глаз нельзя отвести.

— Тебе правда хочется это слушать?

— Да. Расскажи мне побольше о стенах.

— Что тебе рассказать?

— Насколько они крепки?

— В них шестьдесят футов вышины, и через каждые пятьдесят шагов стоят сторожевые башни. Любая армия, которая попытается взять Дрос, понесет страшные потери.

— А ворота? — спросил Рек. — Стена крепка воротами.

— Бронзовый Князь подумал и об этом. Все ворота снабжены железными решетками, створки — многослойные, сделаны из дуба, бронзы и стали. Узкие проходы за воротами выводят в пространство между стенами. В этих проходах можно сдерживать малым числом несметные вражеские силы. Крепость выстроена с большим умом — вот только город все портит.

— Как так?

— По замыслу Эгеля, между стенами должна простираться пустая убойная полоса. Каждая последующая стена стоит чуть выше предыдущей — это замедляет продвижение

врага. При достаточном количестве лучников можно устроить настоящую бойню. Притом это устрашает: враг будет знать, что за другой стеной, если он ее возьмет, его будет ждать новая убойная полоса.

— Чем же мешает город?

— Да тем, что он растет. Теперь между всеми стенами вплоть до шестой построены дома, и убойной земли больше не существует. Напротив, врагу обеспечено хорошее прикрытие.

Рек повернулся и поцеловал Вирэ в лоб.

— Ты зачем это?

— Разве обязательно должно быть «зачем»?

— Всему есть причина.

Он поцеловал ее снова.

— Тогда за Бронзового Князя. Или за скорую весну. Или за тающий снег.

— Ты говоришь вздор.

— А зачем ты отдалась мне?

— Это еще что за вопрос?

— А что?

— Не твое дело!

Он засмеялся и поцеловал ее опять.

— Верно, прекрасная дама. Не мое.

— Ты смеешься надо мной, — сказала она, попытавшись встать.

— Ничего подобного, — удержал ее Рек. — Ты прекрасна.

— Я никогда не слыла красавицей. Ты надо мной смеешься.

— Никогда я не стал бы смеяться над тобой. Ты на самом деле прекрасна — и чем дольше я на тебя смотрю, тем красивее ты мне кажешься.

— Ты глупый. Дай мне встать.

Он поцеловал ее снова, придвинувшись к ней поближе. Поцелуй затянулся, и Вирэ вернула его.

— Расскажи мне еще о Дросе, — попросил Рек потом.

— Не хочу я говорить о нем сейчас. Ты дразнишь меня, Рек, так не годится. Не хочу я в эту ночь думать о Дросе. Ты веришь в судьбу?

— Да, теперь верю. Почти.

— Я серьезно. Еще вчера я была полностью готова вернуться домой и достойно встретить надиров. Я верила в дренайское дело и с радостью умерла бы за него. Вчера я ничего не боялась.

— А сегодня?

— А сегодня скажи мне «не возвращайся домой» — и я не вернусь, — сама не зная зачем солгала Вирэ. Ей стало страшно, когда Рек закрыл глаза и лег на спину.

— Нет, вернешься. Это твой долг.

— А ты?

— Бессмысленно это.

— Что бессмысленно?

— Не доверяю я своим чувствам. Никогда не доверял. Мне скоро тридцать, и я знаю свет.

— О чем ты говоришь?

— О судьбе. О роке. О безглазом старце в синих лохмотьях. О любви.

— О любви?

Он открыл глаза и погладил ее по щеке.

— Не могу выразить, что я испытал, когда ты встала рядом со мной нынче утром. Это была вершина моей жизни. Все остальное утратило значение. Я видел небо — оно было голубее, чем когда-либо раньше. Все представлялось мне ярким и четким. Я чувствовал, что живу, сильнее, чем за все свое прошлое. Ты понимаешь, о чем я?

— Нет, — мягко ответила она. — Не совсем. Ты правда находишь меня красивой?

— Ты самая красивая женщина, когда-либо носившая доспехи, — со смехом сказал он.

— Это не ответ. Почему я красива?

— Потому что я люблю тебя, — ответил он, сам изумившись легкости, с которой это произнес.

— Значит, ты поедешь со мной в Дрос-Дельнох?

— Расскажи мне еще разок об этих славных высоких стенах.

Глава 5

Монастырские земли были разбиты на учебные ристалища — мощенные булыжником, засеянные травой, песчаные или выложенные предательски скользкими каменными плитами. Само здание, замок из серого камня с зубчатыми башнями, высилось посередине. Монастырь ограждали стены — сложенные позднее из золотистого песчаника, они выглядели не столь уж грозно — и опоясывал ров. У западной стены в оранжерее круглый год цвели цветы тридцати различных оттенков — одни только розы.

Альбинос Сербитар опустился на колени перед своим кустом, мысленно соединившись с ним. Тринад-

цать лет он возился с этими розами и понимал их как нельзя лучше — между ним и цветами царила полная гармония.

Розы источали свой аромат для одного лишь Сербитара. Тля на кусте гибла под его взглядом, и нежная шелковая прелесть бутонов пьянила его, как дурман.

Розы были белые.

Закрыв глаза, Сербитар откинулся назад, единый с бродящими в кусте соками новой жизни. Он был в полных доспехах: в серебристой кольчуге, с мечом у пояса, в кожаных гетрах, скрепленных серебряными кольцами; рядом лежал новый серебряный шлем со старинной цифрой «I». Свои белые волосы Сербитар заплел в косы. Глаза у него были зеленые, как листья розы. Тонкое, почти прозрачное лицо с высокими скулами завораживало своей мистической, как у чахоточного, красотой.

Сербитар прощался с цветком, нежно унимая его легкую, как паутина, панику. Он знал эту розу с тех пор, как на ней раскрылся первый лист.

А теперь он должен умереть.

Перед его мысленным взором возникло улыбающееся лицо, и Сербитар узнал Арбедарка.

— *Мы ждем тебя,* — передал тот.

— *Иду,* — ответил Сербитар.

В большом зале стоял стол, на столе — кувшин с водой, перед каждым из тридцати высоких кресел — ячменная лепешка. Двадцать девять человек — все в доспехах — молча ждали, когда сядет Сербитар. Он занял свое место во главе стола, поклонившись настоятелю Винтару, сидевшему теперь справа от него.

Все молча поели, думая каждый о своем и чувствуя каждый свое в этот миг, венчавший тринадцать лет учения.

Наконец Сербитар согласно древней традиции нарушил молчание:

— Братья, наши искания завершились. И теперь мы должны обрести то, что искали. Вестник скачет из Дрос-Дельноха, чтобы просить нас умереть. Что чувствует Сердце Тридцати?

Все взоры обратились к чернобородому Арбедарку. Он открылся, свободно принимая их мысли и чувства, отбирая и сводя в приемлемую для всех единую мысль.

Вскоре он произнес низким звучным голосом:

— Дети дренайского народа стоят перед лицом погибели. Ульрик собрал под свое знамя надирские племена. Первый удар он нанесет по Дрос-Дельноху, князю которого, Дельнару, приказано продержаться до осени. Абалаи-

ну нужно время, чтобы набрать и обучить армию. Близок день, который решит судьбу всего континента. Сердце говорит, что мы должны обрести истину в Дрос-Дельнохе.

Сербитар повернулся к Менахему — смуглому, с ястребиным носом, с темными волосами, собранными в длинный хвост и перевитыми серебряной нитью.

— Что видят Глаза Тридцати?

— Если нас не будет в Дросе, город падет. Если мы будем там, город падет. Наше присутствие лишь оттянет неизбежное. Если вестник окажется достоин, мы должны исполнить его просьбу.

Сербитар повернулся к настоятелю.

— Винтар, что говорит Душа Тридцати?

Настоятель провел рукой по редеющим волосам, встал и поклонился Сербитару. Серебристо-бронзовые доспехи выглядели на нем неуместно.

— Нас попросят убивать иноплеменников, — печально и тихо проговорил он. — Не потому, что они дурные люди, а потому лишь, что их вожди намерены сделать то же, что шестьсот лет назад делали дренаи.

Мы стоим меж морем и горами. Море хлынет на нас, горы не позволят нам убежать. Смерть неизбежна.

Все мы здесь мастерски владеем оружием. Мы ищем совершенной смерти, которая увенчала бы прожитую в стремлении к совершенству жизнь. Пусть нашествие надиров для истории не представляет ничего нового — дренаям оно несет несказанные бедствия и ужасы. Можно смело сказать, что, защищая дренаев, мы сохраним традиции Ордена. То, что наши усилия будут напрасны, — еще не повод отказываться от сражения. Главное, что помыслы наши чисты.

Мне грустно, что все это так, но Душа говорит: мы должны ехать в Дрос-Дельнох.

— Итак, мы едины, — сказал Сербитар. — Я тоже чувствую, что это так. Мы пришли в этот Храм со всех концов земли. Отверженные, загнанные и запуганные, мы собрались вместе, чтобы создать противостояние. Мы превратили свои тела в живое оружие, с тем чтобы души наши открылись миру и покою. Мы священники-воины, каких никогда не было в древности. В наших сердцах не будет радости, когда мы станем убивать врагов, ибо мы любим всякую жизнь.

А когда мы умрем, наши души продолжат путь, свободные от всех оков. Мелкая зависть, досада, ненависть — все останется позади, и мы достигнем Истока.

Голос говорит: едем.

* * *

Луна в третьей четверти висела в безоблачном небе, и деревья вокруг костра Река отбрасывали бледные тени. Злополучный кролик, выпотрошенный и обмазанный глиной, пекся на углях. Вирэ, обнаженная до пояса, вернулась от ручья, вытираясь запасной рубашкой Река.

— Знала бы ты, сколько она мне стоила! — усмехнулся Рек, когда Вирэ опустилась у огня на камень, вся золотая в отблесках пламени.

— Она никогда не служила лучшей цели. Скоро поспеет твой кролик?

— Скоро. Ты простудишься насмерть, расхаживая полуголой в такую стужу. У меня от одного твоего вида кровь стынет.

— Странно! Не далее как утром ты говорил, что вся кровь у тебя бурлит при виде меня.

— Я говорил это в теплой хижине, где рядом была постель. Меня никогда не прельщала мысль любиться на снегу. Вот, я согрел тебе одеяло — держи-ка.

— В детстве, — проговорила она, заворачиваясь в одеяло, — мы бегали зимой три мили по холмам в одних туниках и сандалиях. Это очень закаляет. Правда, мерзли мы здорово.

— Раз ты такая закаленная, чего ж ты вся посинела тогда, в метель? — с беззлобной ухмылкой осведомился Рек.

— Из-за доспехов. Слишком много стали и недостаточно шерсти под ней. Впрочем, если б я ехала впереди, мне не было бы так скучно, и я бы не заснула. Ну, так готов он или нет? Я умираю с голоду.

— Он уже доспевает, мне сдается.

— Ты когда-нибудь готовил так кролика?

— Не то чтобы... Но все правильно — я видел, как это делается. Мех отваливается с глиной. Очень просто.

Вирэ это не убедило.

— Я выслеживала эту тощую тварь целую вечность. — Она с удовольствием вспомнила, как сбила кролика одной стрелой с сорока шагов. — Лук у тебя неплохой, только легковат немного. Это старый кавалерийский, верно? У нас есть несколько таких в Дельнохе. Теперь их делают из стали-серебрянки — они тяжелее и дальше бьют. Ох, умираю.

— Терпение улучшает аппетит.

— Смотри только не испорти его. Мне никогда не нравилось убивать животных. Сейчас, правда, я сделала это по необходимости — есть-то надо.

— Не уверен, что кролик согласился бы с твоим суждением.

— Разве кролики способны рассуждать?

— Не знаю. Это я так...

— Тогда зачем говоришь? Странный ты все-таки.

— Так, отвлеченная мысль. Разве у тебя их не бывает? Разве ты никогда не задаешься вопросом, откуда цветок знает, когда ему расти? Или как лосось находит дорогу в места нереста?

— Нет. Готово или нет?

— Ну а о чем же ты думаешь, если не прикидываешь, как бы ловчее убить человека?

— О еде. Готово наконец?

Рек поддел прутиком кусочек глины и поглядел, как она шипит на снегу.

— Что ты такое делаешь? — спросила она.

Рек выбрал камень с кулак величиной и разбил им глину, под которой обнаружилась полусырая, плохо ободранная тушка.

— Выглядит неплохо, — сказала Вирэ. — Что дальше?

Он потыкал палочкой дымящееся мясо.

— Ты в состоянии это есть?

— Разумеется. Можно позаимствовать твой нож? Тебе что отрезать?

— У меня еще осталась овсяная лепешка, и я, пожалуй, удовольствуюсь ею. Может, оденешься все-таки?

Они разбили лагерь в неглубокой лощине под прикрытием скалы. Впадина в камне, недостаточно глубокая, чтобы зваться пещерой, все-таки отражала тепло и неплохо укрывала от ветра. Рек жевал лепешку и смотрел, как Вирэ уплетает кролика. Зрелище — не из самых возвышенных. Остатки она зашвырнула за деревья:

— Барсукам на закуску. Неплохой способ готовить кролика.

— Рад, что тебе понравилось.

— Ты не очень-то привычен к жизни в лесу, верно?

— Я стараюсь.

— Ты даже выпотрошить его не сумел. Весь позеленел, когда показались внутренности.

Рек швырнул огрызок лепешки за останками кролика.

— Пусть барсуки и на сладкое что-нибудь получат.

Вирэ весело хихикнула.

— Ты просто чудо, Рек. Ты не похож ни на кого из знакомых мне мужчин.

— Подозреваю, что дальше ничего хорошего не услышу. Не лечь ли нам спать?

— Нет. Послушай меня. Я серьезно. Всю жизнь я мечтала о человеке, которого когда-нибудь встречу. Я

представляла его высоким, сильным, добрым и понимающим. И любящим. Я не верила, что он и вправду существует. Почти все мои знакомые были солдаты — грубые, прямые как копье и столь же способные на нежные чувства, как бык в охоте. Встречались мне и поэты, сладкоречивые и нежные. С солдатами я тосковала о поэтах, с поэтами — о солдатах. И совсем уже разуверилась, что на свете есть человек, которого хочу я. Ты меня понимаешь?

— Значит, ты всю жизнь искала человека, который не умеет готовить кроликов? Как тут не понять.

— Ты правда понимаешь? — тихо спросила она.

— Да. Но ты говори дальше.

— Ты и есть тот, о ком я мечтала, — зарделась она. — Ты мой Трусливый Герой — мой любимый.

— Я так и знал, что добром это не кончится.

Она подбросила дров в огонь, и он протянул к ней руку.

— Сядь поближе. Так теплее.

— Я поделюсь с тобой одеялом. — Она села поближе и положила голову ему на плечо. — Ничего, если я буду звать тебя моим Трусливым Героем?

— Зови меня как хочешь — только будь всегда рядом, чтобы я мог откликнуться.

— Всегда-всегда?

Ветер сбил пламя набок, и Рек вздрогнул.

— «Всегда» — не такой уж долгий срок для нас, верно? Только пока стоит Дрос-Дельнох. Впрочем, может, я надоем тебе еще раньше, и ты меня прогонишь.

— Никогда!

— «Никогда», «всегда». Прежде я как-то не задумывался над этими словами. Почему мы не встретились десять лет назад? Тогда они еще могли бы иметь какой-то смысл.

— Сомневаюсь. Мне тогда было всего девять лет.

— Я не буквально. Поэтически.

— Мой отец написал Друссу и ждет ответа — только поэтому он до сих пор жив.

— Друссу? Но Друсс, если еще и числится в живых, теперь дряхлый старец — это просто смешно. Сражение при Скельне состоялось пятнадцать лет назад, и он уже тогда был в годах — его пришлось бы нести в Дрос на носилках.

— Возможно. Но отец возлагает на него большие надежды. Отец всегда преклонялся перед Друссом. Считал его непобедимым. Бессмертным. Сказал мне как-то, что это величайший воин наших дней. Сказал, что Скельнский перевал — победа одного Друсса, а он сам и все остальные нахо-

дились там только для счета. Отец часто рассказывал мне эту историю, когда я была маленькая. Мы сидели у костра, вот как сейчас, и поджаривали хлеб на огне. И он рассказывал мне о Скельне. Чудесное было время. — И Вирэ умолкла, глядя на угли.

— Расскажи мне. — Рек привлек ее к себе и отвел волосы, упавшие ей на лицо.

— Да ты знаешь. О Скельне все знают.

— Верно. Но я никогда не слышал эту историю из уст очевидца. Только смотрел представления да слушал певцов.

— Скажи мне, что слышал, а я доскажу остальное.

— Ладно. Скельнский перевал обороняли несколько сотен воинов, в то время все дренайское войско пребывало где-то в другом месте. Дренаи опасались Горбена, вентрийского короля. Они знали, что Горбен выступил в поход, но не знали, куда он ударит. Он двинулся через Скельн. Врагов было в пятьдесят раз больше, чем защитников, но те держались, пока не подошло подкрепление. Вот и все.

— Нет, не совсем все. У Горбена была еще и гвардия — они звались Бессмертными. Их никто никогда не побеждал, но Друсс побил их.

— Да полно тебе. Не может один человек побить целое войско. Разве что в сагах.

— Нет, ты послушай. Отец говорил, в последний день, когда Бессмертные наконец вступили в бой, дренаи стали гнуться. Мой отец всю жизнь был воином. Он знает толк в битвах и способен увидеть, когда отвага сменяется паникой. Казалось, дренаи вот-вот побегут. Но тут Друсс проревел боевой клич и ринулся вперед, круша своим топором направо и налево. Вентрийцы дрогнули перед ним, а те, что поближе, обратились в бегство. Паника распространилась словно лесной пожар, и ряды вентрийцев смешались. Друсс повернул прилив в обратную сторону. Отец говорил, что Друсс в тот день казался не человеком, а гигантом. Богом войны.

— Но это было тогда. Не вижу, какой может быть прок теперь от беззубого старца. Против старости не устоит никто.

— Согласна. Но разве ты не понимаешь, как подняло бы боевой дух присутствие Друсса? Люди валом повалили бы под его знамя. Сражаться рядом с Друссом-Легендой — все равно что обрести бессмертие.

— А ты сама когда-нибудь видела старика?

— Нет. Отец не говорил мне, в чем дело, но между ними что-то произошло. Друсс никогда не показывал-

ся в Дрос-Дельнохе. Мне кажется, это как-то связано с моей матерью.

— Он ей не нравился?

— Нет, тут другое. Там был еще как-то замешан друг Друсса — кажется, его звали Зибен.

— И что же он?

— Его убили при Скельне. Он был лучшим другом Друсса. Это все, что я знаю.

Рек знал, что она лжет, но не стал настаивать. Все это теперь старая история.

Как и сам Друсс-Легенда.

Старик смял письмо и бросил его.

Не возраст угнетал Друсса. Он наслаждался мудростью своих шестидесяти лет, накопленным за долгую жизнь знанием и уважением людей. Иное дело — телесный ущерб, который нанесло ему время. Плечи были все еще могучи, и грудь выдавалась колесом, но мускулы на спине натянулись, как веревки. И в поясе он сильно располнел за последнюю зиму. А его черная с проседью борода чуть ли не за ночь превратилась в седую с чернью. Но острые глаза, глядящие теперь на его отражение в серебряном зеркале, не утратили зоркости. Некогда их взгляд обращал вспять армии, заставлял героических противников отступать с позором и зажигал сердца людей, нуждавшихся в славном примере.

Он был Друссом-Легендой, Друссом Непобедимым, Мастером Топора. Детям рассказывали сказки о нем — настоящие сказки. Друсс-герой, бессмертный, подобный богам.

Он мог бы жить во дворце, мог бы иметь сотню наложниц. Сам Абалаин пятнадцать лет назад, после победы при Скельне, осыпал его драгоценностями.

Но на следующее утро Друсс вернулся в Скодийские горы, в пустынный край, выше которого только облака. Поседевший воин возвратился в свой одинокий приют среди сосен, в общество снежных барсов. Там, в горах, покоилась его жена, с которой он прожил тридцать лет. Друсс тоже хотел умереть там, хотя и знал: хоронить его будет некому.

Эти пятнадцать лет он не сидел сиднем. Он бывал в разных странах и сражался за разных невеликих владык. Но прошлой зимой он пришел в свое горное жилище, чтобы поразмышлять и умереть. Он давно уже знал, что умрет на шестидесятом году своей жизни, — еще до того, как вещун предсказал ему это много лет назад. Он мог представить себе себя шестидесятилетним — но не старше. Сколько его вооб-

ражение ни пыталось проникнуть за эту грань, там всегда царил полный мрак.

Узловатыми руками Друсс поднес деревянный кубок ко рту, скрытому в седой бороде. Вино было крепкое — он сам делал его пять лет назад. С годами оно стало лучше — не то что Друсс. Но вина уже нет, а Друсс пока еще здесь.

В скудно обставленной хижине становилось душно — весеннее солнце припекало деревянную кровлю. Друсс неспешно снял полушубок, который проносил всю зиму, и куртку из лошадиной шкуры. Могучее тело, все испещренное шрамами, выдавало его возраст. Друсс рассматривал свои рубцы, вспоминая тех, кто нанес их. Эти люди в отличие от него никогда не состарятся — они умерли во цвете лет под его звонким топором. Голубые глаза Друсса взглянули на стену у низкой двери. Вот он висит, Снага, «Паромщик» на языке древних. Стройная рукоять из черной стали с серебряными рунами и обоюдоострое лезвие, что звенит убивая.

Друсс и теперь слышал его сладостную песнь.

— Еще день, брат моей души, — сказал он Снаге. — Еще один проклятый день, пока солнце не сядет.

Друсс вернулся мыслями к письму Дельнара. Оно обращено к воспоминанию, не к живому человеку.

Хрустнув суставами, Друсс поднялся со стула.

— Солнце село, — шепнул он топору. — Теперь только смерть ждет — а эта стерва терпелива.

Он вышел из хижины и устремил взгляд на дальние горы. Кряжистый, седовласый, он казался их подобием. Горы, сильные, горделивые, неподвластные годам, увенчанные серебром, бросали вызов весеннему солнцу, что пыталось растопить девственные снега на их вершинах.

Друсс вбирал в себя красу гор и холодный ветер, словно напоследок вкушая жизнь.

— Где ты, Смерть? — крикнул он. — Где ты прячешься в этот чудесный день? — Эхо покатилось по долине, возглашая: «СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, смерть, смерть... ДЕНЬ, ДЕНЬ, день, день...» — Это я, Друсс! И я бросаю тебе вызов!

Тень легла на лицо Друсса, солнце угасло, и туман окутал горы. Боль пронзила его могучую грудь, и он чуть не упал.

— Гордый смертный! — донесся до него сквозь дымку страдания свистящий голос. — Я тебя не искала. Ты сам гнался за мной все эти долгие одинокие годы. Останься на этой горе — и я обещаю тебе еще сорок лет. Мускулы твои иссохнут, и ум перестанет тебе служить. Тебя раздует, старик, а я приду за тобой, только если ты сам об этом попросишь. Или

предпочтешь поохотиться напоследок? Ищи меня, старый воя-ка, — я стою на стенах Дрос-Дельноха.

Боль отпустила сердце старика. Он качнулся, втянул в пылающие легкие целебный горный воздух и посмотрел вокруг. Птицы по-прежнему пели на сосне, небо оставалось ясным, и горы стояли гордые и высокие, как всегда.

Друсс вернулся в хижину и подошел к дубовому сундуку, запертому на ключ еще в начале зимы. Ключ лежал глубоко в долине. Друсс ухватил своими ручищами замок и поднажал. Мускулы его вздулись, на шее и плечах проступили вены — металл заскрипел, погнулся и треснул. Друсс отбросил замок в сторону и открыл сундук. Внутри лежал черный кожаный колет с блестящими стальными наплечниками и черный кожаный шлем с кокардой — серебряный топор в окружении серебряных черепов. Внизу открылись длинные перчатки из черной кожи с серебряными шипами на костяшках. Друсс надел все это на себя и обулся в длинные сапоги — давнишний подарок Абалаина.

И наконец, взял Снагу, который точно сам прыгнул со стены ему в руки.

— В последний раз, брат моей души, — сказал Друсс. — Пока солнце не село.

Глава 6

Стоя рядом с Винтаром на высоком балконе, Сербитар смотрел, как двое всадников приближаются рысью к северным воротам монастыря. С запада задул теплый весенний ветер, и на заснеженных полях уже проступала трава.

— Теперь не время для любви, — сказал вслух Сербитар.

— Любовь живет во все времена, сын мой. Особенно на войне. Ты уже входил в разум этого человека?

— Да. Он странный человек. Циник по опыту, романтик по призванию, герой по необходимости.

— Как хочет Менахем испытать вестника?

— Страхом, — ответил Сербитар.

Рек чувствовал себя хорошо. Воздух был чист и свеж, и теплый западный ветер обещал скорый конец самой суровой за многие годы зимы. Женщина, которую он любил, ехала рядом, и небо сияло безоблачной голубизной.

— Как хорошо сегодня жить! — сказал Рек.

— Почему именно сегодня?

— Этот день прекрасен. Разве ты не чувствуешь? Небо, ветер, тающий снег...

— Кто-то едет нам навстречу. Похоже, воин.

Всадник, приблизившись, сошел с коня. Его лицо скрывал черный с серебром шлем, увенчанный конским хвостом. Рек и Вирэ, тоже спешившись, направились к нему.

— Доброе утро, — сказал Рек.

Человек, не отвечая ему, сквозь прорези шлема темными глазами смотрел на Вирэ.

— Это ты — посланница? — спросил он.

— Да. Я хочу видеть настоятеля Винтара.

— Сначала тебе придется пройти мимо меня. — Он отступил на шаг и обнажил длинный меч из серебристой стали.

— Погоди-ка, — сказал Рек. — В чем, собственно, дело? Где это слыхано, чтобы путники сражались за право войти в монастырь? — Воин снова не ответил ему, и Вирэ обнажила свою шпагу. — Да полно вам! Это же безумие.

— Отойди, Рек, — велела Вирэ. — Сейчас я разделаюсь с этим серебряным жуком по-свойски.

— Ну уж нет, — схватил ее за руку Рек. — Твоя шпага бессильна против доспехов. Во всем этом нет никакого смысла. Ты здесь не для того, чтобы с кем-то драться. Ты должна доставить письмо, вот и все. Тут какая-то ошибка. Подожди.

Рек двинулся навстречу воину. Мысль работала быстро, и глаза выискивали слабые места в броне. Поверх серебристой кольчуги на воине был литой панцирь. Шею защищал серебряный обруч. Ноги до самых бедер покрывали кожаные гетры, скрепленные серебряными кольцами, не считая кожаных же наголенников. Только колени, кисти рук и подбородок были открыты.

— Может, скажешь, в чем дело? — обратился к нему Рек. — Ты, по-моему, не за тех нас принял. Нам нужен настоятель.

— Ты готова, женщина? — спросил Менахем.

— Да, — сказала Вирэ, описав шпагой восьмерку в утреннем воздухе.

Рек выхватил свой меч:

— Защищайся!

— Нет, Рек, он мой, — вскричала Вирэ. — Тебе нет нужды драться за меня. Отойди!

— Твой черед еще настанет. — И Рек обратился к Менахему: — Ну, иди же. Посмотрим, так ли ты хорош в бою, как кажется.

Менахем обратил темный взор на своего высокого противника, и у Река захолонуло под сердцем: это смерть! Холодная, неминуемая, с червями в глазницах. Для него этот поединок безнадежен. В груди у Река разлился страх, и ноги его задрожали. Он снова стал ребенком, запертым в темной комнате и знающим, что во мраке таятся демоны. По телу прошла тошнота, и желчь обожгла горло. Бежать... бежать.

Но Рек не обратился в бегство — он завопил и бросился на врага, обрушив меч на черный с серебром шлем. Не ожидавший этого Менахем поспешно отразил удар, но второй выпад Река едва не достиг цели. Монах отступал, отчаянно пытаясь вернуть себе первенство, яростный натиск Река не давал ему передышки. Менахем только отбивался, норовя обойти противника.

Вирэ в ошеломленном молчании наблюдала за Реком. Мечи обоих мужчин сверкали на утреннем солнце, плетя белую, невероятно искусную паутину. Вирэ охватила гордость. Ей захотелось крикнуть Реку «ура», но она удержалась, зная: малейшая помеха в таком поединке может стать роковой.

— Помоги мне, — передал Менахем Сербитару, — иначе как бы мне не пришлось убить его. — Он отразил удар, едва не рассекший ему горло, и добавил: — Если это в моих силах.

— Как его остановить? — спросил Сербитар Винтара. — Он одержим. Я не могу пробиться к нему. Он вот-вот убьет Менахема.

— Девушка! — сказал Винтар. — Подключись к ней.

Вирэ с содроганием следила за боем. Одержимый! Отец рассказывал ей о таких воинах, но она никогда не думала, что Рек — из их числа. Эти безумцы в битве утрачивают всякий разум и всякий страх — никто не может устоять против них. В бою на мечах все балансируют между нападением и защитой, желая победить, но равным образом не желая быть побитым. Только одержимый, не знающий страха, все время нападает и, даже погибнув, увлекает врага за собой. Внезапно Вирэ озарило, и она поняла: неизвестный воин не хочет смерти Река, этот бой — лишь испытание.

— Опустите оружие! — закричала она. — Перестаньте!

Мужчины продолжали биться.

— Рек! Послушай меня! Это только испытание. Он не собирается тебя убивать.

Ее голос дошел до Река словно издалека, пронзив стоящий перед глазами красный туман. Он отступил и скорее почувствовал, нежели увидел, какое облегчение испы-

тал другой. Рек сделал глубокий вдох, успокаиваясь. Руки и ноги у него тряслись.

— Ты вошел в мой разум, — обвинил он, холодно глядя в темные глаза соперника. — Не знаю, как ты это сделал, но если сделаешь это еще раз, я убью тебя. Понял?

— Понял, — глухо ответил Менахем из-под шлема.

Рек со второй попытки вложил меч в ножны и повернулся к Вирэ: она как-то странно смотрела на него.

— Это был не совсем я, — сказал он. — Не смотри на меня так, Вирэ.

— О, Рек, прости! — В глазах ее были слезы. — Я не хотела.

Она отвернулась, и новый страх овладел им.

— Ты только не оставляй меня. Со мной такое редко случается, а тебе и вовсе ничего не грозит. Поверь мне!

Она обернулась к нему и обхватила его руками за шею.

— Оставить тебя? Что ты говоришь? Глупый, я нисколько не испугалась. Ох, какой же ты дуралей! Я ведь не какая-нибудь трактирная девка, которая визжит при виде крысы. Я выросла среди мужчин. Среди солдат. Среди воинов. И ты думаешь, я могу бросить тебя из-за того, что ты становишься одержимым в бою?

— Я могу управлять этим, — сказал он, прижимая ее к себе.

— Там, куда мы идем, Рек, тебе сдерживать себя не придется.

Сербитар ушел с балкона и налил вешней воды в каменный кувшин.

— Как он это делает? — спросил он сидящего в кожаном кресле Винтара.

— В нем бездна мужества, которое воспламеняется от причин, о которых мы можем только догадываться. На страх, который вызвал в нем Менахем, он ответил насилием. Менахем не понял одного: этот человек боится самого страха. Уловил ты детское воспоминание, мелькнувшее в нем?

— О подземельях?

— Да. Какого ты мнения о ребенке, который боится темноты и все-таки упорно лазит в темное подземелье?

— Он старался победить свои страхи, вступая с ними в бой.

— И до сих пор старается. Вот почему Менахем чуть было не погиб.

— В Дрос-Дельнохе он будет полезен, — улыбнулся Сербитар.

— Полезнее, чем ты думаешь.

* * *

— Да, — сказал Сербитар Реку. Они сидели в обшитом дубом кабинете, выходившем во двор. — Да, мы умеем читать мысли. Но заверяю тебя, что твои мысли и мысли твоей спутницы мы больше читать не станем.

— Зачем он это сделал? — спросил Рек.

— Менахем — Глаза Тридцати. Он должен был посмотреть, достойны ли вы того, чтобы просить нас... об услуге. Вы хотите, чтобы мы бились вместе с вами, проникали в планы врага и защищали своим искусством крепость, до которой нам нет дела. Посланец должен быть достоин.

— Но я не посланец, я просто сопровождаю Вирэ.

— Там увидим. Давно ли ты знаешь о своей... одержимости?

Рек устремил взгляд на балкон. Крапивник сел на перила, поточил клюв о камень и улетел. В голубом небе легкие облака собирались, словно плавучие острова.

— Это случалось только дважды — во время войны с сатулами. Первый раз — когда нас окружили во время набега на деревню, и второй — когда я сопровождал караван со специями.

— С воинами такое случается. Это дар, который преподносит нам страх.

— Он дважды спасал мне жизнь, но все равно пугает меня. Точно кто-то чужой овладевает моим телом и разумом.

— Это не так, уверяю тебя. Это ты и только ты. Не бойся того, кто ты есть, Рек, — могу я называть тебя Реком?

— Конечно.

— Я не хотел бы фамильярничать. Это прозвище, верно?

— Уменьшительное от Регнак. Так прозвал меня мой приемный отец Хореб, когда я был ребенком. Я не любил шумных игр и не лазил по деревьям — он говорил, что я слишком тихий и Регнак — чересчур пышное имя для меня.

— Ты полагаешь, что в Дрос-Дельнохе придешься ко двору?

— Ты хочешь знать, сдюжу ли я? — улыбнулся Рек.

— По правде говоря, да.

— Не знаю. А ты?

Тень улыбки мелькнула на бледных, почти бесплотных губах альбиноса, и тонкие пальцы выбили на столе тихую дробь.

— Хороший вопрос. Да, я сдюжу. Мои страхи не связаны со смертью.

— Ты прочел мои мысли. Скажи мне, что ты там видел? Я серьезно. Я не знаю, смогу ли я выдержать осаду. Говорят, осада ломает людей.

— Я не могу тебе сказать, выдержишь ты или нет. И то, и другое возможно. Я не могу предугадать, как бу-

дут развиваться события. Спроси себя: что, если Вирэ погибнет? Продолжишь ты борьбу или нет?

— Нет, — не задумываясь ответил Рек. — Я оседлаю быстрого коня и ускачу прочь. Мне нет никакого дела ни до Дрос-Дельноха, ни до Дренайской империи.

— Дренаям конец. Их звезда закатилась.

— Так ты думаешь, Дрос падет?

— В конце концов — да. Но я пока не способен заглядывать так далеко в будущее. Туманные Пути постигнуть трудно. Они часто показывают то, что будет, но еще чаще — то, что не сбудется никогда. Это зыбкие тропы, по которым уверенно ступает лишь истинный мистик.

— Туманные Пути? — повторил Рек.

— И верно — откуда тебе знать о них? Они лежат в ином измерении — в четвертом, быть может. Дух странствует там, словно во сне. Только ты направляешь сон, чтобы увидеть то, что хочешь видеть. Это трудно объяснить словами тому, кто не испытал сам.

— Значит, твоя душа способна странствовать вне тела?

— Да — это понять легче всего. Мы видели вас в Гравенском лесу у хижины — и помогли вам, повлияв на того воина, Груссина.

— Вы заставили его убить Рейнарда?

— Нет, наша власть не столь велика. Мы просто подтолкнули его туда, куда он и сам уже двигался.

— Мне как-то неуютно оттого, что вы обладаете такой силой, — проговорил Рек, избегая зеленых глаз альбиноса.

Сербитар рассмеялся — в его глазах появился блеск, бледное лицо просияло.

— Друг мой Рек, я человек слова. Я обещал тебе никогда не читать твоих мыслей и не стану. Это относится к каждому из Тридцати. Могли бы мы жить затворниками, удалившись от мира, если бы желали вреда другим? Я — княжеский сын, но, пожелай я этого, мог бы стать королем или императором, более могущественным, чем Ульрик. Не надо бояться нас. Мы должны чувствовать себя свободно друг с другом. Более того — быть друзьями.

— Почему? — спросил Рек.

— Потому что близится час, который настает только раз в жизни. Час нашей смерти.

— Говори за себя. Я еду в Дрос-Дельнох не для того, чтобы на свой особый лад совершить самоубийство. Нам предстоит сражение — ни больше и ни меньше. Любую стену можно отстоять, малое войско способно сдержать большое.

В истории тому множество примеров — взять хоть Скельнский перевал.

— Верно. Но эти случаи потому и помнятся, что они — исключение. Посмотрим в лицо действительности. В Дросе втрое меньше защитников, чем полагалось бы. Их боевой дух низок, а страх велик. В армии Ульрика полмиллиона воинов, и все они не просто готовы умереть за него — они жаждут за него умереть. Я, как боец и знаток воённого дела, говорю: Дрос-Дельнох падет. Выбрось из головы иную возможность.

— Зачем тогда вы едете с нами? Чего вы этим достигнете?

— Мы умрем — и будем жить. Но больше я ничего пока тебе говорить не буду. Я не хочу наводить на тебя уныние, Рек. Я вселил бы в тебя надежду, если б это могло помочь делу. Но все мои усилия будут направлены лишь на то, чтобы оттянуть неизбежное. Только таким путем я могу быть вам полезен.

— Только держи это свое мнение при себе. Вирэ убеждена, что мы способны удержать крепость. И я достаточно разбираюсь в войне и в людях, чтобы сказать тебе прямо: если твои взгляды распространятся среди бойцов, начнется повальное дезертирство, и мы потерпим поражение в первый же день.

— Не такой я дурак, Рек. Я говорю это только тебе — потому, что это должно быть сказано. В Дельнохе я стану твоим советником и должен буду говорить тебе всю правду. С солдатами я почти не буду общаться впрямую, как и все Тридцать. Да и сами они начнут избегать нас, когда узнают, кто мы.

— Возможно. Ты сказал, что станешь моим советником? Но там командует князь Дельнар — мне даже десятка не дадут.

— Скажем так: я буду советником при верховном командире. Время объяснит все лучше меня. Я все-таки навел на тебя тоску?

— Ну что ты. Ты только всего и сказал, что никакой надежды нет, что все мы покойники и что дренаям конец. Тоска? С чего бы?

Сербитар, рассмеявшись, захлопал в ладоши.

— Ты мне нравишься, Рек. Я верю, что ты будешь держаться стойко.

— Буду, это точно, — улыбнулся Рек. — Потому что буду знать: у последней стены меня ждет пара оседланных лошадей. Кстати, не найдется ли у тебя чего-нибудь покрепче воды?

— К сожалению, нет. Хмель вредит нашей силе. Но если ты хочешь выпить, тут поблизости есть деревня, и я кого-нибудь туда снаряжу.

— Вы не пьете, не спите с женщинами, не едите мяса. Какую же радость вы получаете от жизни?

— Мы учимся, упражняем мускулы, растим цветы... Могу тебя заверить, мы живем очень полной жизнью.

— Неудивительно, что вас тянет поскорее сложить где-нибудь голову, — с сочувствием ответил Рек.

Вирэ сидела с Винтаром в маленькой, скудно обставленной комнате, заваленной свитками и томами в кожаных переплетах. Стол был усеян поломанными перьями и исписанными пергаментами. Вирэ сдерживала улыбку, глядя, как настоятель возится с застежками своего панциря. Вот уж кто совсем не похож на воина!

— Помочь вам? — спросила она, перегнувшись через стол.

— Будь так добра. Уж очень он тяжелый. — Винтар прислонил доспехи к столу и, налив себе воды, предложил и Вирэ, но она покачала головой. — Извини за беспорядок, я спешу закончить свои записи. Так много еще надо сказать, и так мало осталось времени.

— Тогда возьми их с собой.

— Да нет, не выйдет. Слишком о многом придется думать, когда мы отправимся в путь. Ты изменилась с нашей последней встречи, Вирэ.

— Два года — долгий срок, отец настоятель, — осторожно ответила она.

— Думаю, тут повинен молодой человек, приехавший с тобой, — улыбнулся Винтар.

— Чепуха. Я все та же, что и была.

— Твоя походка стала увереннее, и держишься ты более грациозно. Мне кажется, это его заслуга.

— Оставим это. Поговорим о Дросе, — вспыхнув, поспешно сказала Вирэ.

— Извини, дорогая. Я не хотел тебя смущать.

— Я нисколько не смущена, — солгала она. — Итак, о Дрос-Дельнохе. Чем вы можете нам помочь?

— Как я говорил твоему отцу два года назад, наша помощь будет состоять в поддержании порядка и в предвидении. Мы будем выведывать планы врага и помогать вам разрушить их. Еще мы можем укрепить оборону, а в деле — сражаться за целую сотню. Но это будет стоить дорого.

— Отец хранит в Вентрии, у купца Асбидара, десять тысяч золотых рагов.

— Хорошо, значит, с платой вопрос улажен. Утром мы выезжаем.

— Можно мне спросить? — Винтар, сложив ладони, ждал продолжения. — Зачем вам деньги?

— Для следующего Храма Тридцати. Каждый храм, погибая, обеспечивает создание следующего.

— О-о. Ну а если вы останетесь живы? Вдруг мы все-таки победим? — Она пытливо всматривалась в его лицо.

— Тогда мы эти деньги вернем.

— Понятно.

— Я не убедил тебя?

— Не важно. Что вы думаете о Реке?

— В каком смысле?

— Не будем играть в прятки, отец настоятель. Я знаю, что вы умеете читать мысли, и хочу узнать, какого вы мнения о Реке.

— Твой вопрос неточен — нет, позволь мне закончить, — сказал Винтар, видя ее гнев. — Что ты хочешь знать: какой он человек, каков он как воин или годится ли он в мужья княжеской дочери?

— И то, и другое, и третье. А впрочем, не знаю. Скажите, что сочтете нужным.

— Хорошо. Веришь ли ты в судьбу?

— Да. — Она вспомнила, как спрашивала о том же Река. — Да, верю.

— Тогда поверь: вам суждено было встретиться. Вы — идеальная пара. Сила, которая исходит от тебя, возмещает его слабость. Ты уже знаешь, на что он способен ради тебя. В остальном же он ничем не примечателен. У него нет особых талантов, он не поэт, не сочинитель и не философ. Что до воинских его качеств, то порой его посещает мужество, под которым он скрывает свой страх. Но он влюблен — это увеличивает его силу и помогает одолевать страхи. Какой из него муж? В дни мира и благоденствия, пожалуй, неверный — но сейчас он тебя любит и готов умереть за тебя. Больше с мужчины и спрашивать нельзя.

— Отчего я встретила его именно теперь? — В глазах Вирэ стояли слезы. — Я не хочу, чтобы он умирал. Я убью себя, если с ним что-нибудь случится.

— Вряд ли, дорогая, — хотя у тебя и вправду будет сильное желание это сделать. Почему теперь? А почему бы и нет? Любовь нужна мужчинам и женщинам всегда, не важно, жизнь у них впереди или смерть. Таков уж род человеческий. Нам нужно с кем-то делиться, кому-то принадлежать. Быть может, ты умрешь, не дожив до конца этого года. Но запомни: то, что есть, у тебя можно отнять, а то, что было, —

нельзя. Куда лучше вкусить перед смертью любовь, чем умереть одинокой.

— Да, наверное. Но я хотела бы иметь детей и дом. Хотела бы свозить Река в Дренан и похвастаться им. Чтобы эти придворные сучки увидели, что и меня кто-то любит. — Вирэ закусила губу, сдерживая слезы.

— Какая разница? Увидят они вас или нет — все равно они заблуждались. Да и рано еще отчаиваться. Теперь весна, и пройдет еще много недель, прежде чем мы доберемся до Дроса. Мало ли что может случиться за это время. Ульрик может умереть от сердечного приступа или упасть с коня и сломать себе шею. Абалаин может составить новый договор. Надиры могут повернуть к другой крепости. Кто знает?

— Ну, конечно. Вы правы. Не знаю, с чего вдруг я вздумала себя жалеть. Встреча с Реком для меня настоящее чудо. Видели бы вы, как он вышел против головорезов Рейнарда. Вы знаете, кто такой Рейнард?

— Да.

— Больше он никого не потревожит. Он мертв. Но Рек вышел против шайки из двадцати человек, потому что они хотели увести меня. Двадцать человек! Он по-настоящему собирался с ними драться. Черт, я сейчас заплачу!

— Ну и плачь себе на здоровье. Ты влюблена в человека, который тебя обожает, а будущее представляется мрачным и лишенным надежды. — Настоятель взял Вирэ за руку и помог ей встать. — Молодым всегда тяжелее, Вирэ.

Она положила голову ему на грудь и залилась слезами. Он потрепал ее по спине.

— Может, Дрос-Дельнох еще выстоит? — спросила она.

— Все может быть. Ты знаешь, что Друсс идет туда?

— Так он согласился? Вот это хорошая новость. — Она вытерла глаза о рукав его рубашки, и ей вспомнились слова Река. — А он не слишком одряхлел?

— Кто, Друсс? — засмеялся Винтар. — Ну нет. Что за мысль! Такой никогда не станет дряхлым старцем. Это значило бы сдаться. Я всегда верил, что, захоти Друсс продлить ночь, он возьмет рукой солнце и стянет его обратно за горизонт.

— Вы его знали?

— Да. И его жену Ровену тоже. Прелестное дитя. На редкость одаренная вещунья. Она превзошла даже Сербитара.

— Я всегда думала, что Ровена — только часть его легенды. Он правда обошел весь свет, чтобы найти ее?

— Да. — Винтар отпустил Вирэ и снова сел за свой стол. — На их деревню напали, ее взяли в плен и продали в рабство — а они только недавно поженились. Он шел по ее следу долгие годы. Они были замечательно счастливой парой. Я не удивлюсь, если и вы с Реком будете такой же.

— Что сталось с ней потом?

— Она умерла вскоре после Скельнского перевала. Больное сердце.

— Бедный Друсс. Но вы говорите, он еще крепок?

— Он глядит — и дрожат долины, — продекламировал Винтар, — он идет — и смолкают звери, скажет он слово — горы ревут, бьется он — армии прочь бегут.

— Но способен ли он еще драться? — настаивала Вирэ.

— Пожалуй, пару стычек он еще выдержит, — расхохотался Винтар.

Глава 7

В двух днях пути и двадцати семи лигах от Скодии Друсс, идя пожирающим мили солдатским шагом, близился к плодородным долинам на краю Скултикского леса. До Дрос-Дельноха оставалось еще три дня ходу, и повсюду Друсс встречал приметы близкой войны: покинутые дома и заброшенные поля, а те немногие люди, что попадались ему на дороге, держались настороженно и опасались чужих. Поражение уже укрыло их словно плащ, думал Друсс. Взойдя на небольшой холм, он увидел внизу деревню: домов тридцать — и незатейливых, и более нарядных. В центре, на площади, расположился постоялый двор с конюшней.

Друсс потер ногу, пытаясь облегчить ревматическую боль в распухшем правом колене. Правое плечо тоже ныло, но это он мог стерпеть — так напоминал о себе один из прошлых боев, когда вентрийское копье вонзилось ему под лопатку. Но колено... Оно недолго будет нести его без отдыха и ледяной примочки.

Друсс отхаркнулся и сплюнул, вытерев огромной рукой укрытые в бороде губы. Ты старик, сказал он себе. Что проку притворяться, будто это не так? И он заковылял с горки к постоялому двору, в который раз думая, не купить ли ему лошадь. Разум говорил — купи, но сердце проти-

вилось. Друсс-Легенда никогда не ездил верхом. Он мог шагать без устали всю ночь и весь день сражаться. Если Друсс войдет в Дрос-Дельнох пешком, это очень поможет поднятию боевого духа. «Великие боги, — скажут люди, — старик шел сюда от самых Скодийских гор». «А как же иначе, — скажут другие, — это ведь Друсс. Он никогда не ездит верхом».

Рассудок, однако, упрямо шептал: «Купи лошадь и оставь ее на опушке леса в десяти милях от Дроса. Так будет гораздо умнее».

На постоялом дворе было полно народу, но свободные комнаты имелись. Большинство посетителей остановилось здесь ненадолго — все шли на юг или на запад, в нейтральную Вагрию. Друсс расплатился, взял в комнату полотняный мешочек со льдом и сел на жесткую кровать, приложив лед к опухшему колену. В зале он пробыл недолго, но достаточно, чтобы услышать, о чем там говорят, и понять: многие из находящихся тут — солдаты. Дезертиры.

Он знал, что на всякой войне бывает немало таких, которые предпочитают бегство смерти. Но многие из молодых ребят, сидящих там, внизу, скорее поддались разложению, чем струсили.

Неужто дела в Дельнохе обстоят так скверно?

Друсс убрал лед и принялся растирать своими толстыми пальцами колено, скрипя зубами от боли. Удовлетворившись наконец, он достал из котомки плотный полотняный бинт и туго завязал колено, закрепив конец. Потом спустил вниз вязаные гетры и голенище черного сапога, снова поморщился от боли, встал и распахнул окно. Колену немного полегчало. Небо было безоблачно голубым, и легкий ветерок шевелил бороду Друсса. Высоко над головой кружил орел.

Друсс извлек из котомки скомканное письмо Дельнара, поднес его к окну и разгладил пергамент. Почерк был крупный, и Друсс усмехнулся. Чтец из него неважный, и Дельнар это знает.

Мой старый, добрый товарищ!

Пока я пишу эти строки, ко мне поступают известия о том, что надирская армия собирается у Гульготира. Ясно, что Ульрик готовится к вторжению на юг. Я написал Абалаину, прося о подкреплении, — но тщетно. Я послал Вирэ к Винтару — помнишь настоятеля Меченосцев? — чтобы вызвать к себе Тридцатерых. Я хватаюсь за соломинки, друг мой.

Не знаю, в добром ли здравии найдет тебя это письмо, но я пишу его в миг отчаяния. Только чудо

может спасти Дрос. Я знаю, что ты поклялся никогда более не входить в его ворота, но старые раны заживают, и жена моя уже умерла, как и твой друг Зибен. Теперь только мы с тобой знаем правду. И я никому ее не открывал.

Одно лишь твое имя способно остановить дезертирство и восстановить боевой дух. Меня со всех сторон окружают дурные, назначенные сверху военачальники, самое же тяжкое мое бремя — это ган Оррин, командир. Он племянник Абалаина и большой приверженец муштры. Он пользуется всеобщим презрением, а я не могу его сместить. Сказать по правде, я ничего уже не могу.

Я болен. Рак пожирает меня день за днем.

Нечестно с моей стороны оповещать тебя об этом — ведь это значит взывать у тебя одолжение.

Но приди. Ты нужен нам, Друсс. Без тебя мы пропали. Как пропали бы при Скельне. Приходи как можно скорее.

Твой собрат по оружию

Князь Дельнар.

Друсс сложил письмо и спрятал на груди под кожаным колетом.

— Старик с распухшим коленом и ревматизмом в спине. Если ты возлагаешь надежду на чудо, мой друг, придется тебе поискать в другом месте.

Рядом с умывальником на дубовом ларе стояло серебряное зеркало, и Друсс пристально посмотрел на себя. Пронзительно-голубые глаза, борода лопатой, скрывающая волевой подбородок. Друсс снял с себя кожаный шлем, поскреб в густой шапке седых волос, снова надел шлем и с омраченным челом спустился в зал.

У длинной стойки он заказал пива и стал слушать, о чем говорят вокруг.

— Я слыхал, будто в армии Ульрика миллион воинов, — сказал высокий юнец. — И вы все знаете, что он сотворил в Гульготире. Когда город отказался сдаться, а Ульрик все-таки взял его, он велел повесить и четвертовать каждого второго защитника. Шесть тысяч человек! Говорят, в воздухе было черно от воронья. Шесть тысяч, подумать только!

— А знаешь, зачем он это сделал? — вмешался в разговор Друсс. Собеседники, переглянувшись, воззрились на него.

— Тут и знать нечего. Он кровожадный дикарь, вот и все.

— Ошибаешься. Выпьете со мной? — Друсс заказал еще пива. — Он сделал это для того, чтобы такие, как ты, разнесли весть об этом повсюду. Погоди! Пойми меня

правильно, — сказал Друсс, увидев гнев на лице юноши. — Я не порицаю тебя за то, что ты об этом рассказываешь. Такие слухи расходятся быстро, это неизбежно. Но Ульрик — хитрый вояка. Положим, он взял бы город и поступил бы с его защитниками благородно — тогда и другие города оказали бы ему такое же сопротивление. А так он посеял повсюду страх. Страх же — хороший союзник.

— Можно подумать, ты им восхищаешься! — сказал другой человек, пониже, с лихо закрученными светлыми усами.

— Так и есть, — улыбнулся Друсс. — Ульрик — один из величайших полководцев наших дней. Кому еще за последнее тысячелетие удавалось объединить надиров? Да еще так просто. Надирские племена испокон веку сражались между собой — потому им никак и не удавалось стать едиными. Ульрик распорядился своим племенем Волчьей Головы по-иному. Всем соседям, которых он завоевывал, он предлагал выбор: присоединиться к нему или умереть. Многие выбрали смерть, но избравших жизнь оказалось куда больше. И войско Ульрика стало расти. Каждое племя, вошедшее в него, придерживается своих обычаев, и обычаи эти уважаются. К такому человеку нельзя относиться легкомысленно.

— Он неверный пес! — откликнулся кто-то из другой кучки беседующих. — Он подписал с нами договор, а теперь собирается его нарушить.

— Я не защищаю его нравственных устоев, — мирно ответил Друсс. — Просто говорю, что он хороший полководец. Его воины боготворят его.

— Не нравятся мне твои речи, старик, — сказал высокий.

— Вон как? А ты сам не из солдат ли?

Парень замялся, взглянул на своего товарища и пожал плечами.

— Это не важно, кто я.

— Дезертир небось?

— Я сказал — это не важно, старик! — взорвался юноша.

— Небось все вы тут дезертиры? — спросил Друсс, облокотясь на стойку и окинув взглядом тридцать или около того человек, бывших в таверне.

— Не все, — вышел вперед молодой человек, высокий и стройный, с заплетенными в косу темными волосами под бронзовым шлемом. — Но и тех, кто дезертировал, тоже нельзя упрекать.

— Брось, Пинар, — проворчал кто-то. — Сколько можно талдычить об этом.

— Нет, я скажу. Наш ган — свинья. И хуже того — он никуда не годится. Но вы, разбегаясь, лишаете своих товарищей последней надежды.

— У них и так никакой надежды нет, — сказал светлоусый. — Будь у них хоть капля разума, они ушли бы с нами.

— Нельзя думать только о себе, Дориан, — мягко сказал Пинар. — Когда начнется битва, гану Оррину придется забыть о своих дурацких правилах. Все будут слишком заняты, чтобы блюсти их.

— Я и теперь сыт ими по горло. Доспехи, которые надо чистить до блеска. Парады ни свет ни заря. Бесконечные марши. Полуночные проверки. Взыскания за небрежно отданную честь, нерасчесанные плюмажи, разговоры после тушения огней. Он не в своем уме.

— Если тебя поймают, ты будешь повешен, — сказал Пинар.

— Он не посмеет послать кого-то в погоню за нами. Те, кого он пошлет, тоже разбегутся. Я бросил свою усадьбу, жену и двух дочек и пришел в Дрос-Дельнох драться с надирами. А не для того, чтобы драить доспехи.

— Что ж, иди, приятель. Надеюсь только, ты не будешь жалеть об этом всю жизнь.

— Я уже жалею — но решения своего не изменю. Пойду на юг к Хитроплету. Вот настоящий солдат!

— Жив ли еще князь Дельнар? — спросил Друсс.

Пинар рассеянно кивнул.

— Сколько человек осталось на своих постах?

— Что? — встрепенулся Пинар, поняв, что Друсс обращается к нему.

— Сколько человек еще осталось в Дельнохе?

— А тебе-то что?

— Я спрашиваю потому, что направляюсь туда.

— Зачем?

— Потому что меня попросили об этом, паренек. А я за свои годы, такие долгие, что и счет им потерял, ни разу еще не отвергал просьбы друга.

— И этот друг вызвал тебя в Дрос-Дельнох? В своем ли он уме? Нам нужны солдаты, лучники, копейщики, воины. Мне теперь не до почтения, старик, шел бы ты лучше домой. Седобородых старцев там не надо.

— Говоришь ты прямо, парень, — угрюмо улыбнулся Друсс, — но мозги у тебя помещаются в штанах. Я машу топором вдвое дольше, чем ты прожил на свете, и мои враги давно мертвы — или жалеют о том, что

выжили. — Глаза Друсса сверкнули, и он ближе подступил к молодому воину. — Когда ты беспрестанно воюешь сорок пять лет, нужна кое-какая сноровка, чтобы остаться в живых. У тебя, парень, еще молоко на губах не обсохло, и для меня ты безусый юнец. На боку у тебя висит красивый меч, но если я захочу, то убью тебя, даже не вспотев.

В комнате настала тишина, и все заметили, что у Пинара на лбу проступила испарина.

— Кто пригласил вас в Дрос-Дельнох? — спросил наконец юноша.

— Князь Дельнар.

— Вот оно что... Но ведь князь болен. Быть может, ваша рука и правда еще сильна, и я для вас, конечно, безусый юнец. Но знайте: в Дрос-Дельнохе командует тан Оррин, а он не позволит вам остаться, что бы там ни говорил князь. Я уверен, что сердце у вас отважное, и сожалею, что проявил неуважение. Но вы в слишком преклонных годах, чтобы воевать.

— Суждение юности редко имеет цену. Ну что ж — хоть мне и неохота, но я вижу, что должен доказать, чего стою. Испытай меня, парень.

— Я вас не понимаю.

— Испытай меня. Дай мне задачу, которую никто здесь выполнить не может. И поглядим, на что способен старик.

— Некогда мне играть в эти игры. Мне надо обратно в Дельнох.

Пинар повернулся, чтобы уйти, но слова Друсса нагнали его, оледенив ему кровь.

— Ты не понял, парень. Если ты откажешься, мне придется тебя убить, ибо позора я не потерплю.

— Хорошо, будь по-вашему, — обернулся Пинар. — Пойдемте на рыночную площадь.

Постоялый двор опустел — все, кто был в нем, встали вокруг Друсса и Пинара на тихой деревенской площади. Солнце светило вовсю, и Друсс расправил плечи, наслаждаясь весенним теплом.

— Силу вашу испытывать нет нужды, — сказал Пинар, — ибо сложены вы, как бык. Но война, как вам известно, — это испытание на выносливость. Борцовый поединок вас устроит?

— В свое время я считался неплохим борцом, — сказал Друсс, снимая колет.

— Хорошо! Тогда я выставлю против вас, одного за другим, трех человек по своему выбору. Согласны?

— Пусть твои бегуны выходят — у них и мускулов-то нет, одно сало.

По толпе прошел гневный ропот, но Пинар поднял руку:

— Дориан, Хагир, Сомин, проучите-ка деда.

Это были те самые, с кем Друсс говорил в таверне. Дориан скинул плащ и связал длинные, до плеч, волосы кожаной тесемкой на затылке. Друсс украдкой попробовал колено — оно работало не слишком хорошо.

— Готовы? — спросил Пинар.

Противники кивнули, и Дориан тут же кинулся на старика. Левой рукой Друсс ухватил его за горло, правую просунул между ног и поднял. Потом с ворчанием отшвырнул прочь — Дориан пролетел десять футов по воздуху и грохнулся, как мешок, на утоптанную землю. Он приподнялся было и снова сел, тряся головой. Толпа разразилась хохотом.

— Кто следующий? — спросил Друсс.

Пинар кивнул другому бойцу, но, увидев страх на лице парня, сказал:

— Ты доказал свое, седобородый. Ты прав, а я нет. Но ган Оррин не допустит тебя сражаться.

— Он меня не остановит, паренек. А если попробует, я привяжу его к быстрому коню и отправлю обратно к дядюшке.

— Ах ты старый ублюдок! — Дориан схватил свой длинный меч и двинулся к Друссу, который ждал его спокойно, скрестив руки на груди.

— Положи меч, Дориан, — сказал Пинар.

— Отойди или доставай свой! — хрипло прокричал Дориан. — Довольно с меня. Считаешь себя воином, старик? Тогда берись поскорее за свой топор — не то я устрою сквозняк у тебя в брюхе.

— Парень, — холодно ответил Друсс, — подумай хорошенько. Ты не останешься в живых, вступив со мной в поединок. Это не удавалось еще никому. — Последние слова Друсс произнес очень тихо, но было в его тоне что-то такое, что все поверили ему.

Все, кроме Дориана.

— Увидим. Бери свой топор!

Обхватив рукой черную рукоять, Друсс вынул Снагу из ножен. Дориан бросился в атаку — и умер. Он лежал на земле с перерубленной шеей.

Пинар онемел. Дориан не принадлежал к великим фехтовальщикам, но драться умел неплохо. И вот этот старик шутя отмахнулся от его меча и, не сходя с места, плавным движением нанес свой удар. Пинар молча смотрел на труп своего товарища. «Лучше бы ты остался в Дросе», — подумал он.

— Я не хотел этого, — проговорил Друсс, — я честно предупредил его. Он сам сделал свой выбор.

— Да, — ответил Пинар. — Простите, что я так говорил с вами. Теперь я вижу, вы можете оказать нам огромную помощь. Я должен помочь им убрать тело — но потом вы не откажетесь выпить со мной?

— Увидимся в таверне.

Высокий темноволосый парень, из тех, что назначены были бороться с Друссом, подошел к нему и сказал:

— Хочу извиниться перед вами за Дориана. Уж очень он горячий — всегда таким был.

— Теперь уже не такой.

— Мстить за него некому, не опасайтесь.

— Вот и ладно. Мужчине, у которого есть жена и дочери, надо уметь держать себя в руках. Дурак, право слово. Ты кто, друг семьи?

— Да. Меня зовут Хагир. Наши усадьбы рядом. Мы с ним соседи... были соседями.

— Надеюсь, ты позаботишься о вдове, Хагир, когда вернешься домой.

— Не вернусь я домой. Пойду обратно в Дрос.

— С чего это вдруг?

— Из-за вас, уважаемый. Мне кажется, я знаю, кто вы.

— Решай сам за себя и не взваливай это на мои плечи. Мне нужны в Дрос-Дельнохе солдаты — но такие, что не побегут.

— Я ушел не потому, что испугался. Просто мне надоели их дурацкие порядки. Но если там будете вы, я все стерплю.

— Ладно. Приходи попозже, и мы выпьем. Сейчас мне нужна горячая ванна.

Растолкав зевак, толпившихся на пороге, Друсс вошел в дом.

— Ты что, вернуться надумал, Хагир? — спросил кто-то.

— Да. Надумал.

— С чего бы? Ничего ж не изменилось. Да и мы все теперь на заметке — как бы плетей не отведать.

— Потому, что он идет туда. Мастер Топора.

— Друсс! Так это Друсс?

— Да. Я уверен.

— Вот незадача-то! — сказал третий солдат.

— О чем это ты, Сомин?

— Да о Дориане. Друсс был его героем. Не помнишь разве? Только и слышно от него, бывало, — Друсс то да Друсс се. Он и в армию-то пошел, чтобы стать похожим на Друсса — а то и встретиться с ним.

— Ну, вот он с ним и встретился, — угрюмо сказал Хагир.

* * *

Друсс, темноволосый Пинар, высокий Хагир и неказистый лицом Сомин сидели за угловым столом в таверне. Вокруг, привлеченная живой легендой, собралась целая толпа.

— Чуть больше девяти тысяч, говоришь? А лучников сколько?

Дун Пинар только рукой махнул.

— Человек шестьсот. Остальные — уланы, пехотинцы, копейщики и саперы, ядро же гарнизона составляют добровольцы-крестьяне с Сентранской равнины — хорошие, храбрые ребята.

— Если я верно помню, — сказал Друсс, — первая стена насчитывает четыреста шагов в длину и двадцать в ширину. Там нужна тысяча лучников — и не просто парней с луками в руках, а таких, которые способны попасть в цель со ста шагов.

— Нет у нас таких. Зато есть почти тысяча легионеров-кавалеристов.

— Наконец-то хоть одна хорошая новость. Кто командует ими?

— Ган Хогун.

— Тот самый Хогун, что расколошматил сатулов при Кортсвейне?

— Да, — с гордостью ответил Пинар. — Настоящий воин, требовательный, и все равно солдаты его обожают. Ган Оррин не слишком жалует его.

— Оно и понятно. Но с этим мы разберемся позже, в Дельнохе. Как с припасами?

— Еды хватит на год, и мы отыскали еще три колодца — один в самом замке. У нас около шестисот тысяч стрел, полным-полно дротиков и несколько сотен запасных кольчуг. Главная забота — сам город. Он раскинулся от третьей стены до шестой — там сотни домов, а убойной земли нет и в помине. Преодолев шестую стену, враг будет иметь прикрытие до самого замка.

— Это мы тоже решим в Дросе. Разбойники в Скултике еще обитают?

— Ясное дело — они там не переводятся.

— Сколько их?

— Кто знает? Человек пятьсот — шестьсот.

— Известно, кто у них атаман?

— Опять-таки трудно сказать. По слухам, самую большую шайку возглавляет некий молодой дворянин. Но слухи — они и есть слухи. У разбойников каждый атаман непременно дворянин, а то и принц. Что у тебя на уме?

— Да то, что там должны быть лучники.

— Но тебе нельзя в Скултик, Друсс. Мало ли что случится? Вдруг тебя там убьют?

— Да, случиться может всякое. У меня может отказать сердце или печень. Я могу подхватить заразу. Нельзя всю жизнь бояться неведомо чего. Мне нужны лучники, а в Скултике они есть. Чего проще?

— Не так все просто. Пошли туда кого-нибудь еще. Ты слишком большая ценность, чтобы так швыряться собой, — взмолился Пинар, схватив старика за руку.

— Стар я, чтобы себя перекраивать. Тот, кто действует прямо, всегда преуспевает — поверь мне, Пинар. Кроме того, тут есть еще одна сторона, о которой я скажу тебе позже. Итак, — обратился Друсс к собравшимся, — вы уже знаете, кто я и куда я иду. Буду говорить с вами откровенно: многие из вас — дезертиры, напуганные или павшие духом. Поймите одно: когда Ульрик возьмет Дрос-Дельнох, дренайские земли станут надирскими землями. Ваши усадьбы перейдут к надирам. Ваши жены станут женщинами надиров. Есть вещи, от которых не убежишь. Я-то знаю.

В Дрос-Дельнохе вам грозит смерть. Однако все люди смертны. Даже Друсс. Даже Карнак Одноглазый. Даже Бронзовый Князь.

Мужчине нужно многое, чтобы жизнь его была сносной. Хорошая женщина. Сыны и дочери. Дружество. Тепло. Еда и кров. Но прежде всего он должен увериться в том, что он — мужчина.

Что же это такое — мужчина? Это тот, кто встает, когда жизнь собьет его с ног. Тот, кто грозит кулаком небесам, когда буря губит его урожай, — и засевает поле снова. Снова и снова. Мужчину не могут сломить никакие выверты судьбы.

Быть может, он никогда не одержит верх — зато он может с гордостью смотреть на себя в зеркало. Как бы низко он ни стоял, кем бы ни был — крестьянином, крепостным или нищим, — победить его нельзя.

И что такое смерть? Конец заботам. Конец борьбе и страху.

Я участвовал во многих сражениях. И много раз видел, как гибнут люди — мужчины и женщины. В большинстве своем они умирали гордо.

Помните об этом, определяя свое будущее.

Пронзительные голубые глаза старика обошли толпу, всматриваясь в лица. Он знал, что добился своего. Теперь пора уходить.

Он попрощался с Пинаром и остальными, заплатил по счету, несмотря на протесты хозяина, и зашагал в Скултик.

Он шел сердито, чувствуя спиной взгляды всего высыпавшего из гостиницы люда. Он сердился потому, что сказал фальшивую речь, — он любил правду. Он знал, что жизнь ломает многих мужчин. Даже крепкие, как дуб, сдаются, когда их жены умирают или уходят от них, когда страдают и терпят лишения их дети. Другие сильные люди ломаются, когда теряют руку или ногу — или, хуже того, когда их постигает паралич или слепота. Каждый человек способен сломаться, как бы ни был он силен духом. Где-то глубоко внутри у каждого сокрыто слабое место, и только изощренная жестокость судьбы способна его отыскать. Друсс знал, что сильнее всего тот, кто лучше сознает, в чем его слабость.

Сам он пуще всего боялся одряхлеть. От одной только мысли об этом его бросало в дрожь. Вправду ли он слышал тот голос в Скодии, или эти слова нашептал ему собственный страх?

Друсс-Легенда. Самый могучий человек своего времени. Воин, созданный, чтобы убивать. И чего ради?

«Возможно, мне просто недостало отваги стать крестьянином», — сказал себе Друсс. И рассмеялся, отбросив все свои мрачные мысли и сомнения, — был у него и такой талант.

Нынче ему выдался удачный день, Друсс это чувствовал. Если он будет держаться проторенных троп, то непременно встретит разбойников. Одиноким стариком они займутся непременно. Уж слишком обидно было бы пройти через весь лес незамеченным.

Он приближался к опушке Скултика, и растительность становилась гуще. Огромные корявые дубы, грациозные ивы и стройные вязы сплетались ветвями, насколько хватал глаз — и гораздо дальше.

Полуденное солнце бросало сквозь листву мерцающие блики, и ветер приносил журчание потаенных ручьев. Лес манил своей красотой и тайной.

Белка, прервав поиски пищи, настороженно воззрилась на идущего мимо старика. Лиса шмыгнула в подлесок, и змея скользнула под поваленный ствол. Вверху пели птицы — их звучный хор славил жизнь.

Друсс шел весь долгий день напролет, распевая залихватские боевые песни разных племен, — он знал немало таких.

Ближе к сумеркам он понял, что за ним следят.

Он не смог бы объяснить, откуда узнал об этом. Но кожа на затылке натянулась, и он остро почувствовал, какую широкую мишень представляет собой его спина.

Друсс привык полагаться на свои ощущения. Он нащупал в ножнах Снагу.

Вскоре он вышел на небольшую поляну. Кругом росли буки, стройные и легкие, как прутики, на фоне дубов.

Посреди поляны на поваленном дереве сидел молодой человек в домотканом зеленом камзоле и бурых кожаных штанах. На коленях у него лежал длинный меч, сбоку лук и колчан стрел, оперенных гусиными перьями.

— Добрый день, старче, — сказал он Друссу. «Гибок и силен», — подумал Друсс, подметивший своим глазом воина кошачью грацию, с которой незнакомец поднялся, держа в руке меч.

— Добрый день, паренек.

В подлеске слева от Друсса что-то шевельнулось. Справа тоже донесся шорох ветки, задевшей о ткань.

— Что привело тебя в наш прекрасный лес? — спросил человек в зеленом.

Друсс не спеша подошел к ближайшему буку и сел, прислонившись спиной к стволу.

— Любовь к уединению.

— Ты искал уединения, но оказался в обществе. Не повезло тебе.

— Значит, в другой раз повезет, — с улыбкой ответил Друсс. — Почему ты не пригласишь своих друзей присоединиться к нам? В кустах, должно быть, сыро.

— Я и в самом деле веду себя некрасиво. Элдред, Ринг, выходите и познакомьтесь с нашим гостем. — На свет вылезли еще двое юнцов в таких же зеленых камзолах и кожаных штанах. — Ну вот, теперь все мы в сборе.

— Кроме бородача с длинным луком, — сказал Друсс.

— Выходи, Йорак, — рассмеялся молодой человек. — От этого деда ничего не скроешь, как я погляжу. — На поляну вышел четвертый — на голову выше Друсса и здоровый как бык. Длинный лук в его ручищах казался игрушечным. — Итак, все налицо. Будь так добр вручить нам все свои ценности, ибо мы спешим. В лагере жарится олень и готовится сладкий молодой картофель, приправленный мятой, — я не хотел бы опаздывать. — И он улыбнулся мягко, словно прося его извинить.

Друсс поднялся одним движением, и его голубые глаза вспыхнули боевым задором.

— Если вам нужен мой кошелек, придется его заработать.

— Ого! — Молодой человек улыбнулся и снова сел. — Говорил я тебе, Йорак, — у этого старикана вид настоящего воина.

— А я говорил тебе, что надо его попросту пристрелить и забрать у него кошелек.

— Это нечестно. Слушай, старче, — из-за того, что мы не захотели подло убивать тебя издали, мы попали в трудное положение. Мы непременно должны забрать у тебя кошелек — иначе какой смысл именоваться грабителями? — Поразмыслив, молодой человек продолжил: — Ты явно небогат, а потому и трудов больших не стоишь. Может, бросим монетку? Выигрываешь ты — твои деньги остаются при тебе, выигрываем мы — деньги наши. Вдобавок я еще и накормлю тебя — даром. Жареная оленина! Ну как — идет?

— А что, если я в случае выигрыша заберу ваши кошельки — не считая дарового обеда?

— Ну-ну, старый конь. Не нужно запрашивать слишком много, пользуясь нашей любезностью. Ладно — давай честь по чести. Не хочешь ли схватиться с Йораком? Ты крепкий на вид, а он здорово дерется на кулачках.

— Идет! — сказал Друсс. — Каковы правила?

— Правила? Кто останется на ногах, тот и побеждает. Обед в любом случае за нами. Ты мне нравишься — ты чем-то похож на моего деда.

Друсс широко улыбнулся и достал из котомки черные перчатки.

— Ты не против, Йорак? Стариковская кожа непрочная — я могу разбить себе костяшки.

— Меньше слов, — сказал, подходя, Йорак.

Друсс ступил навстречу, бегло окинув взглядом внушительные плечи противника. Йорак атаковал, занеся для удара правый кулак. Друсс пригнулся и ударил его, тоже правой, в живот. Изо рта гиганта с шумом вырвался воздух. Друсс отступил и той же правой двинул Йорака в челюсть. Тот рухнул на землю ничком, дернулся и затих.

— Эх, молодежь нынешняя, — вздохнул Друсс, — никакой стойкости!

Молодой вожак хмыкнул:

— Твоя взяла, почтеннейший. Но мой престиж тает на глазах — дай мне возможность превзойти тебя хоть в чем-то. Ставлю свой кошелек против твоего, что я лучше стреляю из лука.

— Вряд ли это будет честный спор, паренек. Я согласен — но на своих условиях: попади в этот ствол позади меня одной стрелой, и деньги твои.

— Да полно — что же в этом трудного? Тут меньше пятнадцати шагов, а ствол шириной в три ладони.

— А ты попробуй.

Молодой разбойник пожал плечами, взял свой лук и достал из оленьего колчана длинную стрелу. Плавным движением сильных пальцев он натянул и отпустил тетиву. В этот самый миг Друсс выхватил Снагу — описав в воздухе яркобелую дугу, топор расколол стрелу разбойника пополам. Молодой человек моргнул и проглотил слюну.

— За такое деньги надо брать.

— Вот я и взял. Где твой кошелек?

— Как ни печально, он пуст, — сказал разбойник, извлекая кошелек из-за пояса. — Однако он твой, как договорились. Где это ты обучился таким штукам?

— В Вентрии, давным-давно.

— Я видел многих искусников топора — но это превосходит всякую вероятность. Меня зовут Лучник.

— А меня Друсс.

— Я уже понял это, старый конь. Дела говорят лучше слов.

Глава 8

Хогун подавил отчаяние. Голова его лихорадочно работала. Он с двумя сотнями своих легионеров оказался против передовых конников Ульрика, которых было больше тысячи.

Хогун отъехал на сто пятьдесят миль от Дельноха, имея приказ разведать численность надирских сил и их местонахождение. Он прямо-таки упрашивал Оррина отказаться от этого замысла, но Первый ган уперся.

— Неподчинение приказу свыше карается немедленной отставкой для любого гана. Вы этого хотите, Хогун?

— О неподчинении речь не идет. Я просто говорю вам, что эта затея бессмысленна. От шпионов и бесчисленных беженцев нам и так уже известно, сколько у надиров войска. Слать двести человек им навстречу — просто безумие.

Карие глаза Оррина гневно сверкнули, и жирный подбородок затрясся от едва сдерживаемой ярости.

— Безумие, говорите? Не знаю, не знаю. Вам действительно не нравится мой план, или прославленный герой Кортсвейна просто боится встречи с надирами?

— Черные Всадники — единственные регулярные, испытанные войска, которые у вас есть, Оррин, — как

можно убедительнее сказал Хогун. — С вашей затеей вы рискуете потерять обе сотни — и ничего нового при этом все равно не узнаете. Ульрик ведет пятьсот тысяч человек — а если считать лагерных служителей, поваров, механиков и шлюх, то вдвое больше. И будет он здесь через шесть недель.

— Это только слухи. Вы отправитесь на рассвете.

Хогун чуть не убил его тогда — и Оррин это почувствовал.

— Я старший над вами, — почти что жалобно сказал он. — Вы обязаны мне подчиняться.

И Хогун подчинился. С двумя сотнями своих отборных солдат на вороных конях — эта порода боевых лошадей взращивалась на континенте уже много поколений — он поскакал на север, как только солнце взошло над Дельнохскими горами.

Когда Дрос скрылся из виду, он сбавил ход и дал сигнал ехать вольно, с разрешением разговаривать в строю. Дун Эликас поравнялся с ним, и они поехали шагом.

— Скверное дело, командир.

Хогун улыбнулся, но не ответил. Ему нравился молодой Эликас, настоящий воин и хороший начальник своим солдатам. Он сидел на коне так, будто родился на нем. А каким удальцом он держался в бою со своей серебристой сабелькой, на вершок короче обыкновенной.

— Что нам, собственно, нужно выяснить? — спросил Эликас.

— Численность и расположение надирской армии.

— Это нам известно и так. Чего еще надо этому жирному дураку?

— Довольно, Эликас, — сурово ответил Хогун. — Он хочет убедиться в том, что шпионы ничего не преувеличили.

— Он завидует вам, Хогун. Он хочет вашей смерти. Ну, признайтесь же. Нас никто не слышит. Он придворный, и душа у него в пятках. Дрос при нем и дня не протянет — он сразу откроет ворота.

— Его гнетет страшное бремя. Вся судьба дренаев пала на его плечи. Дай ему время.

— Нет у нас времени. Послушайте, Хогун, пошлите меня к Хитроплету. Позвольте объяснить, как обстоят дела. Оррина надо сместить.

— Нет. Поверь мне, Эликас, ты ничего не добьешься. Он племянник Абалаина.

— Этому старому хрычу тоже за многое придется ответить! — рявкнул Эликас. — Если мы все-таки выберемся из надвигающейся переделки живыми, он рухнет как пить дать.

— Он правит нами уже тридцать лет. Это слишком долгий срок. Но если мы, как ты говоришь, и выберемся живыми, то только благодаря Хитроплету — и у власти, конечно, станет он.

— Позвольте мне тогда съездить к нему.

— Теперь не время. Хитроплет еще не готов действовать. Ну, хватит об этом. Мы выполним приказ и, если повезет, уберемся обратно незамеченными.

Но им не повезло. В пяти днях пути от Дельноха им встретились трое надирских разведчиков. Легионеры убили только двоих — третий, пригнувшись к шее своего низкорослого степного конька, умчался как ветер и скрылся в ближнем лесу. Хогун сразу приказал отступать — и они отступили бы, будь у них хоть толика удачи.

Эликас первым заметил зеркальные вспышки, перебегавшие от вершины к вершине.

— Что скажете, командир?

— Скажу, что остается положиться на судьбу. Все зависит от того, сколько псов-конников у них наготове.

Ответ не замедлил прийти. К полудню они заметили на юге облако пыли. Хогун оглянулся назад, позвал:

— Лебус! — И к нему подъехал молодой воин. — У тебя глаза, как у ястреба. Погляди вон туда — что ты там видишь?

Молодой солдат заслонил глаза от солнца и прищурился.

— Пыль, командир. Тысячи две лошадей.

— А впереди?

— Около тысячи.

— Спасибо. Вернись в строй. Эликас!

— Да, командир.

— Свернуть плащи. Встретим их пиками и саблями.

— Есть. — Эликас поскакал вдоль колонн. Солдаты сбросили черные плащи, свернули их и приторочили к седлам. Черные с серебром доспехи засверкали на солнце. Бойцы пристегивали наручни, доставая их из седельных сумок. Левую руку защищал круглый щит, снятый с луки седла. Подтягивались стремена, закреплялись доспехи. Уже можно было различить отдельных надирских всадников, но их боевой клич еще не был слышен за стуком копыт.

— Опустить забрала! — прокричал Хогун. — Стройся клином!

Хогун и Эликас стали в голове клина, и солдаты выстроились в установленном порядке — по сотне с каждой стороны.

— Вперед! — скомандовал Эликас, и конница двинулась — сперва рысью, потом галопом, с пиками наперевес. Расстояние сокращалось — кровь Хогуна бурлила, и сердце стучало в лад с громом подков вороных коней.

Он уже видел лица надиров и слышал, как они кричат.

Клин врезался в надирские ряды — громадные вороные кони с легкостью прокладывали путь, сминая мелких степных лошадок. Пика Хогуна пронзила надиру грудь и сломалась, когда тот вылетел из седла. Настал черед сабли: Хогун сшиб с коня другого надира, отразил удар слева и обратным движением рассек врагу горло. Справа Эликас с дренайским кличем поднял своего коня на дыбы, и тот передними копытами сокрушил пегого степняка, а всадник свалился под копыта коней.

Черные Всадники пробились и понеслись вперед — к далекому, ненадежному укрытию Дрос-Дельноха.

Оглянувшись, Хогун увидел, что надиры перестраиваются и скачут рысью на север. Погони не было.

— Сколько человек мы потеряли? — спросил он Эликаса, переходя на шаг.

— Одиннадцать.

— Могло быть хуже. Кого?

Эликас перечислил имена. Все они были славные воины, пережившие немало сражений.

— Мерзавец Оррин еще заплатит за это, — с горечью бросил Эликас.

— Перестань! Он был прав. Скорее случайно, чем по здравому расчету, но прав.

— В чем это он прав, хотел бы я знать? Мы ничего не узнали, а потеряли одиннадцать человек.

— Мы узнали, что надиры ближе, чем нам казалось. Эти псы-конники принадлежат к племени Волчьей Головы, из которого происходит и Ульрик, — они его личная гвардия. Он не стал бы высылать их далеко от основного войска. У нас впереди не больше месяца — в лучшем случае.

— Проклятие! А я уж собрался выпустить этому борову кишки — и будь что будет.

— Скажи, чтобы ночью не разводили костров, — велел Хогун и подумал: «Это твое первое мудрое решение, толстяк. Только бы оно не оказалось последним».

Глава 9

Вековая краса леса трогала суровую душу легендарного воина. Все здесь казалось зачарованным. Корявые дубы стояли в лунном свете молчаливыми часовыми — величественные, непреклонные, бессмертные. Что им до войн,

которые ведет человек? Легкий ветерок шелестел в их сплетенных ветвях над головой старика. Лунный луч лег на поваленное дерево, придав ему неземную прелесть. Одинокий барсук, попавши в полосу света, шмыгнул в кусты.

Сидящие у костра разбойники грянули удалую песню, и Друсс тихо выругался. Лес опять стал просто лесом, а дубы — всего лишь громадными деревьями. Подошел Лучник с двумя кожаными кубками и винным мехом.

— Это вентрийское, — сказал он. — От него твои волосы опять почернеют.

— Хорошо бы, — ответил Друсс.

Молодой человек разлил вино по кубкам.

— Ты что-то загрустил, Друсс. Я думал, возможность еще одного славного сражения зажжет твое сердце.

— Хуже пения твоих молодцов за последние двадцать лет я ничего не слыхал. Только песню портят. — Друсс прислонился спиной к дубу, поддавшись расслабляющему действию вина.

— Зачем ты идешь в Дельнох? — спросил Лучник.

— А хуже всех были пленные сатулы. Знай тянули одно и то же. В конце концов мы их отпустили, посчитав, что этой своей песней они подорвут боевой дух своего племени за неделю.

— Старый конь, от меня не так-то легко отвязаться. Ответь мне — хоть как-нибудь. Соври, если хочешь, — но скажи, зачем ты идешь в Дельнох.

— К чему тебе это знать?

— Для меня это загадка. Даже кривому видно, что Дельнох падет — тебе ли этого не знать, с твоим-то опытом? Так почему же?

— А знаешь ли ты, паренек, сколько безнадежных дел я брал на себя за последние сорок лет?

— Думаю, что не так уж много. Иначе ты не сидел бы тут и не рассказывал о них.

— Ошибаешься. Из чего ты заключаешь, что сражение будет проиграно? Из численного или стратегического перевеса, из позиции, которую занимают войска? Все это плевка не стоит. Все дело в том, готовы люди на смерть или нет. Армия, превышающая числом другую, терпит крах, если ее солдаты менее готовы умереть, нежели победить.

— Риторика, — бросил Лучник. — Прибереги это для Дроса. Тамошние дурни как раз развесят уши.

— Один человек против пяти, да и тот калека, — с трудом сдерживаясь, сказал Друсс. — На кого бы ты поставил?

— Я понял, куда ты клонишь, старче. Этот самый калека — Карнак Одноглазый, так? Тогда я, само собой, поставил бы на него. Но много ли в Дрос-Дельнохе таких Карнаков?

— Кто знает? И Карнак когда-то был безвестен. Имя себе он составил на кровавом ратном поле. Прежде чем Дрос-Дельнох падет, он подарит нам много героев.

— Так ты признаешь, что Дрос обречен? — торжествующе усмехнулся Лучник. — Ну, наконец-то.

— Будь ты проклят, парень! Нечего говорить за меня, — огрызнулся Друсс. «Где ты, Зибен, старый друг, — подумал он. — Как бы мне теперь пригодились твое красноречие и острый ум».

— Тогда не делай из меня дурака. Признайся, что Дрос обречен.

— Ты сам сказал — это и кривому видно. Но я, парень, плевать хотел на это. Пока меня не повалят окончательно, я буду надеяться на победу. А боги войны переменчивы. Ну а ты какого мнения обо всем этом?

Лучник улыбнулся и снова наполнил кубки. Некоторое время он молчал, наслаждаясь вином и неловким положением старика.

— Так как же? — спросил Друсс.

— Ну, вот мы и добрались до сути.

— До какой сути? — Друссу стало не по себе под беззастенчивым взглядом атамана.

— До причины твоего прихода в мой лес, — с открытой, дружеской улыбкой сказал Лучник. — Полно тебе, Друсс. Я слишком тебя уважаю, чтобы тянуть волынку дальше. Тебе нужны мои люди для твоего безумного дела. Я говорю «нет» — но ты пей.

— Неужто меня так легко раскусить?

— Если Друсс-Легенда разгуливает по Скултику накануне конца времен, ясно, что он пришел туда не за желудями.

— Значит, это все, чего ты хочешь от жизни? Ты спишь в плетеном шалаше и ешь, когда тебе попадается дичь — а когда не попадается, голодаешь. Зимой ты мерзнешь, летом тебе под одежду забираются муравьи, и вши тебя грызут. Ты не создан для такой жизни.

— Никто из нас не создан для жизни, старый конь. Это жизнь создана для нас. Мы проживаем ее и уходим. Я не отдам свою жизнь ради твоего кровавого безумства. Предоставляю геройствовать таким, как ты. Ты свои годы потратил на то, чтобы переходить из одной жалкой войны в другую. И что от этого изменилось? Думал ли ты о том, что, не

победи ты вентрийцев при Скельне пятнадцать лет назад, мы вошли бы в могущественную империю — и пусть бы о надирах болела голова у нее.

— Свобода стоит того, чтобы за нее драться.

— О какой свободе ты говоришь? У души ее никто не отнимет.

— Ну а свобода от иноземной власти?

— Такую свободу мы ценим лишь тогда, когда она оказывается под угрозой, — стало быть, цена ее не столь высока. Нам бы спасибо сказать надирам за то, что они повысили цену нашей свободы.

— Будь ты проклят. Ты запутал меня своими хитрыми словами. Ты точно дренанские краснобаи — в них тоже треску, как в больной корове. Не говори мне, что я потратил жизнь зря, — я этого не потерплю! Я любил хорошую женщину и всегда был верен своим заветам. Я никогда не совершил ничего постыдного или жестокого.

— Но, Друсс, не все же такие, как ты. Я не оспариваю твоих взглядов — не пытайся только навязать их мне. У меня нет никаких устоев, и они мне ни к чему. Хорош был бы из меня разбойник с высоконравственными устоями.

— Почему же ты тогда не позволил Йораку меня пристрелить?

— Я же сказал — это нечестно. И не в моем стиле. Но в другой раз, когда я озябну или буду в дурном настроении...

— Ты дворянин, верно? Богатый мальчик, играющий в разбойников. С чего я, собственно, сижу здесь и точу с тобой лясы?

— С того, что тебе нужны мои лучники.

— Нет. Я уже отказался от этой затеи. — Друсс подставил разбойнику кубок, и тот наполнил его с прежней насмешливой улыбкой.

— Отказался? Как бы не так. Сейчас я скажу тебе, что ты будешь делать. Ты поторгуешься со мной еще немного, предложишь мне награду и помилование за мои преступления — а если я откажусь, ты убьешь меня и предложишь то же самое моим людям.

Друсс был потрясен, но не показал виду.

— Может, ты и по руке читать умеешь? — спросил он, попивая свое вино.

— Ты слишком честен, Друсс. И мне это нравится. Поэтому я скажу тебе прямо, что позади нас в кустах сидит Йорак со стрелой наготове.

— Значит, я проиграл. И твои лучники останутся при тебе.

— Э-э, любезный, не ожидал я, что Друсс-Легенда так легко сдастся. Выкладывай свое предложение.

— Нет у меня времени в игры с тобой играть. Был у меня друг, такой же, как ты, — Зибен-Бард. Он тоже умел молоть языком и мог убедить тебя в том, что море — это песок. Мне никогда не удавалось его переспорить. Он тоже говорил, что не имеет никаких устоев, — и лгал, как и ты.

— Но это он сотворил легенду и сделал тебя бессмертным, — мягко заметил Лучник.

— Да. — Друсс перенесся мыслью в давно прошедшие годы.

— Ты правда прошел весь свет в поисках своей женщины?

— Да, это как раз правда. Мы с ней поженились совсем юными. Потом работорговец по имени Хариб Ка налетел на нашу деревню и продал мою жену восточному купцу. Меня в это время не было дома — я работал в лесу. И я пошел за ними следом. Мне понадобилось семь лет, чтобы найти ее, — она жила с другим мужчиной.

— И что же с ним сталось?

— Он умер.

— А она вернулась с тобой в Скодию?

— Да. Она любила меня. По-настоящему.

— Любопытное дополнение к твоей саге.

— Как видно, с годами я размяк, — хмыкнул Друсс. — Обычно я не люблю распространяться о прошлом.

— А что стало с Зибеном?

— Он погиб при Скельне.

— Он был тебе дорог?

— Мы были как братья.

— Не могу понять, почему я напоминаю тебе его.

— Может быть, потому, что вы оба прячете какую-то тайну.

— Может быть. Но скажи же — что ты собирался мне предложить?

— Помилование всем и по пять золотых рагов на брата.

— Этого мало.

— Ничего лучшего я тебе предложить не могу.

— Скажем так: помилование, по пять золотых рагов на всех шестьсот двадцать человек и еще одно условие. Как только будет взята третья стена, мы уходим — с деньгами и с грамотами о помиловании, скрепленными княжеской печатью.

— Почему именно третья стена?

— Потому что это — начало конца.

— Да ты стратег, как я погляжу.

— Можешь не сомневаться. Кстати, как ты относишься к женщинам-воительницам?

— Я знавал таких. Почему ты спрашиваешь?

— Среди нас есть одна.

— Какая разница — умела бы стрелять из лука.

— Я тоже особой разницы не вижу. Просто подумал, что об этом следует упомянуть.

— Есть что-то, что я должен знать об этой женщине?

— Только то, что она убийца.

— Это просто замечательно — я приму ее с распростертыми объятиями.

— Не советую, — вкрадчиво сказал Лучник.

— Будьте в Дельнохе через две недели — и я вас всех встречу с распростертыми объятиями.

Рек открыл глаза и увидел солнце, только что взошедшее над дальними горами. Быстро стряхнув с себя остатки сна, он потянулся, вылез из-под одеяла и подошел к окну их спальни, помещенной в башне. Внизу во дворе уже были собраны лошади — статные, с подстриженными гривами и заплетенными хвостами. Все происходило в полнейшей тишине, только кованые копыта стучали по булыжнику — Тридцать не разговаривали между собой. Рек вздрогнул.

Вирэ застонала во сне, вытянув руку поперек широкой постели.

Рек посмотрел, как монахи внизу проверяют доспехи и затягивают подпруги. Как странно. Ни шуток, ни смеха — ничего такого, что слышишь обычно от солдат, выступающих на войну. Шутки разгоняют страх, проклятия снимают напряжение.

Появился Сербитар в белом плаще поверх серебряных лат, в серебряном шлеме на заплетенных в косы белых волосах. Тридцать приветствовали его, и Рек потряс головой. Немыслимо: точно один человек, отраженный в тридцати зеркалах.

Вирэ открыла глаза, зевнула, повернулась на бок и улыбнулась, увидев силуэт Река на фоне утреннего солнца.

— Твое брюшко отходит в прошлое.

— Нечего насмехаться. Если не хочешь предстать нагишом перед тридцатью воинами, поторопись. Они уже собрались во дворе.

— Это единственный способ выяснить, люди они или нет. — Она села, и Рек с трудом оторвал от нее взгляд.

— Какое странное действие ты на меня оказываешь. Мне сразу приходит охота заняться любовью в самое неподходящее время. Ну-ка, одевайся живо.

Во дворе Сербитар пригласил всех соединить свои мысли в молчаливой молитве. Винтар любовно следил за молодым альбиносом, радуясь тому, как быстро тот сумел принять легшую на него ответственность.

Сербитар закончил молитву и направился в башню. Неловкость нарушала его гармонию с окружающим миром. Поднимаясь по винтовой каменной лестнице, он вспомнил обещание, которое дал высокому дренаю и его женщине, и улыбнулся. Было бы куда проще соединиться с ними мысленно, нежели взбираться в башню.

Он постучал в дверь с железными заклепками. Рек открыл и пригласил его войти.

— Я видел, вы уже собрались. Мы скоро.

Сербитар кивнул.

— Дренаи уже столкнулись с надирами, — сообщил он.

— Разве надиры уже подошли к Дельноху? — встревожился Рек.

— Нет-нет. Легионеры встретились с ними в поле и хорошо себя проявили. Ими командует Хогун. Хоть он-то не внушает сомнений.

— Когда это было?

— Вчера.

— Снова ваши способности?

— Да. Тебя это подавляет?

— Мне немного не по себе — но только потому, что я не разделяю вашего дара.

— Мудрое замечание, Рек. Со временем ты привыкнешь, поверь мне. — Сербитар поклонился Вирэ, вышедшей из смежной умывальни.

— Извините, что заставила вас ждать. — Кроме обычной серебристой кольчуги с бронзовыми накладками на плечах, Вирэ надела серебряный шлем с вороненными крыльями и белый плащ — подарки Винтара. Свои светлые волосы она заплела в две косы.

— Ты точно богиня, — улыбнулся Рек.

Они сошли во двор к Тридцати, сели на коней и двинулись в путь к устью Дринна. Сербитар и Менахем ехали рядом с ними.

— В устье мы сядем на лентрийский корабль, — сказал Менахем, — и доплывем до Дрос-Пурдола. Это сократит наше путешествие на две недели. Из Пурдола мы поедем сперва по реке, потом по суше и доберемся до Дельноха за месяц. Боюсь, как бы сражение не началось еще до нашего прибытия.

Они ехали долго. Постепенно скачка превратилась для Река в истинный кошмар. Спину ломило, ягодицы уже отнимались. Наконец Сербитар скомандовал полуденный привал. Привал был коротким, и к сумеркам страдания Река усугубились.

Они остановились на ночлег в рощице у ручья. Вирэ почти что свалилась с седла, полумертвая от усталости, но, как образцовая наездница, позаботилась о своем скакуне, прежде чем растянуться на земле, опершись спиной о дерево. Рек в это время еще обтирал своего Улана, не испытывая никакого желания сесть. Он покрыл коня попоной и повел к ручью, с гордостью подумав, что тот ни в чем не уступает скакунам монахов.

Тем не менее он по-прежнему относился к своему мерину с некоторой опаской — Улан нет-нет да норовил хватить хозяина зубами.

— Славный конь, — сказал поутру Сербитар, потрепав Улана по гриве. Мерин лязгнул зубами, и Сербитар отскочил, а после спросил: — Можно я поговорю с ним?

— С конем-то?

— Не словами. Я просто передам, что не желаю ему вреда.

— Валяй говори.

Через некоторое время Сербитар улыбнулся:

— Он проявил дружелюбие, но чуть не цапнул меня опять. У этого животного очень сварливый нрав.

В лагере уже весело пылали костры, и путники жевали овсяные лепешки. Вирэ спала под деревом, завернувшись в красное одеяло и положив под голову свой белый плащ. Рек подсел к Сербитару, Винтару и Менахему. Арбедарк сидел у соседнего костра.

— Мы скачем во весь опор, — сказал Рек. — Лошади долго так не протянут.

— Отдохнем на корабле, — ответил Сербитар. — Завтра мы уже сядем на него — это лентрийское судно «Вастрель». Оно снимается с утренним приливом — потому-то мы так и спешим.

— У меня даже кости, и те устали, — вздохнул Рек. — Нет ли чего нового из Дельноха?

— Посмотрим чуть позже, — улыбнулся Менахем. — Прости, друг Рек, за то, что я вздумал испытывать тебя. Это была ошибка.

— Забудь об этом — и о том, что я сказал, тоже. Мой гнев говорил за меня.

— Охотно извиняю тебя. Мы говорили о Дросе, перед тем как ты подошел, — и сошлись на том, что при нынешнем руководстве он не продержится и недели. Боевой дух там низок, а командующий крепостью Оррин вконец подавлен свалившейся на него ответственностью. Хорошо бы ветер был попутным — время не терпит.

— Ты хочешь сказать, что все может быть кончено еще до нашего приезда? — У Река дрогнуло сердце.

— Не думаю, — покачал головой Винтар. — Но конец, возможно, недалек. Скажи мне, Регнак, зачем ты едешь в Дельнох?

— Возможно, просто потому, что я дурак, — вполне серьезно ответил Рек. — Но неужто поражение неизбежно? Хоть какая-то надежда, думаю, все-таки есть?

— Друсс скоро будет там. Многое зависит от того, как его там встретят. Если ему окажут достойный прием и если мы прибудем до того, как падет первая стена, мы сумеем объединить силы всех защитников и продержаться где-то с месяц. Дольше десять тысяч человек не способны оборонять крепость.

— Хитроплет может прислать подкрепление, — заметил Менахем.

— Вряд ли, — сказал Сербитар. — Он и так уж собирает рекрутов по всей империи. Вся армия, можно сказать, сосредоточена в Дрос-Дельнохе, не считая трех тысяч в Дрос-Пурдоле и тысячи в Кортсвейне. Абалаин допустил большую оплошность, ослабив армию и сделав упор на торговые соглашения с Ульриком. Это просто безумие. Если бы надиры не напали теперь на Дренай, напала бы Вагрия. Мой отец давно уже грезит о том, как бы поставить дренаев на колени.

— Твой отец? — удивился Рек.

— Князь Драда из Дрос-Сегрила. Ты не знал, что я его сын?

— Нет, не знал. Но ведь Сегрил всего в восьмидесяти милях от Дельноха. Твой отец, конечно, пошлет туда людей, когда узнает, что ты там?

— Нет. Мы с отцом не друзья — мой дар пугает его. Однако если я буду убит, он объявит Ульрику кровную месть — то есть пошлет свое войско к Хитроплету. Быть может, это поможет дренаям — но не Дрос-Дельноху.

Менахем подбросил хворосту в костер и подержал над огнем свои смуглые руки.

— Абалаин хотя бы в одном поступил правильно. Этот лентриец Хитроплет — настоящая находка. Воин старой школы — твердый, решительный и здравомыслящий.

— Временами, Менахем, — ласково улыбнулся Винтар, казавшийся теперь совсем старым после дня тяжкой езды, — я сомневаюсь, что ты достигнешь цели. Воин старой школы, подумать только!

— Я могу восхищаться человеком за его таланты, — усмехнулся Менахем, — не соглашаясь в то же время с его взглядами.

— Можешь, мальчик мой. Но я, кажется, уловил намек на эмоциональное отношение?

— Да, отец настоятель. Но только намек, уверяю тебя.

— Надеюсь, что это правда, Менахем. Я не хотел бы потерять тебя перед Странствием. Ты должен укрепить свою душу.

Рек вздрогнул. Он не понимал, о чем они говорят, — и, если подумать, не хотел понимать.

Первым рубежом обороны Дрос-Дельноха служила стена Эльдибар, протянувшаяся извилистой линией почти на четверть мили поперек Дельнохского перевала. Сорока восьми футов вышиной, если смотреть с севера, и всего пяти футов с юга, она была точно гигантская ступенька из гранитных глыб, врезанная в сердце горы.

Кул Джилад сидел наверху, угрюмо глядя сквозь редкие деревья на северную равнину. Он обводил взглядом далекий мерцающий горизонт — не появятся ли облака пыли, возвещающие о вторжении. Но все было спокойно. Джилад прищурил темные глаза, увидев орла высоко в утреннем небе, и улыбнулся.

— Лети, большая золотая птица. Живи! — И Джилад вскочил и потянулся.

У него были длинные стройные ноги, а движения отличались плавной грацией. Новые сапоги были ему великоваты, пришлось натолкать в них бумаги. Шлем, великолепное сооружение из бронзы и серебра, съехал на один глаз. Джилад, выругавшись, скинул его. Когда-нибудь он сложит гимн в честь армейского снабжения. В животе бурчало, и Джилад высматривал своего друга Брегана, который отправился за завтраком, неизменно состоявшим из черного хлеба и сыра. Обозы со съестным поступают в Дельнох ежедневно, но на завтрак всегда бывает черный хлеб и сыр. Заслонив рукой глаза, Джилад различил вдалеке приземистую фигуру Брегана — тот как раз появился из столовой с двумя тарелками и кувшином — и улыбнулся. Миляга Бреган, рачительный хозяин и семьянин, добрый и покладистый. Ну какой из него солдат?

— Черный хлеб и мягкий сыр, — с улыбкой объявил Бреган. — Мы только третий раз это едим, а мне уже надоело.

— А обозы все идут?

— Без конца и края. Что ж, командиру виднее, чем кормить солдата. Хотел бы я знать, как там Лотис и мальчики.

— Скоро узнаешь — Сибад все время получает письма.

— Да. Всего две недели я тут, а уже страсть как соскучился по своим. И дернуло же меня записаться, Джил. А все тот дун — поддался я на его речи.

Джилад слышал это чуть ли не каждый день с тех пор, как им выдали доспехи. Он знал, что Брегану и впрямь не место в Дельнохе: хоть тот и крепок, а воинской жилки ему недостает. Бреган крестьянин и создан для того, чтобы растить, а не разрушать.

— Ты нипочем не угадаешь, — сказал между тем Бреган, явно взволнованный, — кто только что явился сюда!

— Кто?

— Друсс-Легенда. Веришь, нет?

— Ты уверен, Бреган? Я думал, он умер.

— Нет. Он пришел час назад. Столовая так и гудит. Говорят, за ним следом идут пять тысяч лучников и легион воинов с топорами.

— Не слишком на это рассчитывай, приятель. Я здесь, правда, недолго, но и гроша ломаного не дам за все россказни о подкреплении, мирном договоре и роспуске по домам.

— Даже если он никого с собой не привел, новость все-таки хорошая, верно? Он как-никак герой.

— Еще какой! Боги, да ему ведь уже под семьдесят. Староват малость, ты не находишь?

— И все-таки он герой! — с горящими глазами воскликнул Бреган. — Я слышу о нем всю свою жизнь. Он крестьянский сын — и ни разу не терпел поражения, Джил. Ни разу. А теперь он пришел к нам. К нам! Новая песня о Друссе-Легенде будет и про нас тоже. Нас, конечно, там не упомянут — но мы-то будем знать, верно? Я смогу сказать маленькому Легану, что сражался вместе с Друссом-Легендой. Здорово, правда?

— Еще как здорово. — Джилад отрезал на черный хлеб кусок сыра и оглядел горизонт. Все по-прежнему спокойно. — Шлем тебе впору?

— Да нет, маловат. А что?

— Примерь мой.

— Опять ты за свое, Джил. Бар Кистрид говорит, что меняться запрещено.

— Пусть чума заберет бара Кистрида с его правилами. Примерь.

— Там внутри номера обозначены.

— Кто на них смотрит? Примерь его, ради Миссаэля.

Бреган посмотрел по сторонам и надел на себя шлем Джилада.

— Ну как? — спросил тот.

— Получше. Тоже тесноват, но гораздо лучше.

— Дай-ка мне свой. — Джилад примерил шлем Брегана — тот оказался ему почти впору. — Расчудесно! Он мне подойдет.

— Так ведь правила...

— Нет такого правила, чтобы шлем был не впору. Как у тебя с фехтованием?

— Да неплохо. А вот когда меч в ножнах — беда. Все время промеж ног путается.

Джилад залился звонким мелодичным смехом, и эхо отозвалось высоко в горах.

— Ох, Брег, и на кой мы сюда приперлись?

— Сражаться за свою родину. Тут не над чем смеяться, Джил.

— Я не над тобой смеюсь, — солгал Джилад, — а над всей этой дурью. Мы стоим перед лицом величайшей угрозы в нашей истории, а между тем мне дают слишком большой шлем, а тебе слишком маленький, да еще меняться не позволяют. Нет, это уж слишком. Двое мужиков влезли на высокую стену, и мечи путаются у них в ногах. — Джилад фыркнул и снова расхохотался.

— Может, еще и не заметят, что мы поменялись, — сказал Бреган.

— Конечно, нет. Теперь мне бы встретить еще человека с широкой грудью, который носит мой панцирь. — У Джилада уже в боку кололо от смеха.

— Хорошо, что Друсс пришел, правда? — спросил Бреган, обманутый мнимым весельем Джилада.

— Что? Ну да.

Джилад глубоко вдохнул в себя воздух и улыбнулся другу. Еще бы не хорошо, раз эта новость способна взбодрить такого человека, как Бреган. Герой, как же. Никакой он не герой. Дуралей ты, Бреган. Он просто воин. Герой — это ты. Ты бросил все, что любишь — семью и дом, — и пришел сюда, чтобы защищать их. Но кто споет о тебе или обо мне? Если о Дрос-Дельнохе и вспомнят в грядущем, то лишь потому, что здесь погибнет некий седовласый старец. У Джилада в ушах уже звучали торжественные строфы. А учителя ска-

жут детям — надирским и дренайским: «И в конце своей долгой и доблестной жизни Друсс-Легенда пришел в Дрос-Дельнох, где сражался и пал со славой».

— В столовой говорят, — сказал Бреган, — что через месяц этот хлеб будет кишеть червями.

— А ты знай верь всему, что тебе говорят, — озлился вдруг Джилад. — Будь я уверен, что через месяц буду жив, то порадовался бы и червивому хлебу.

— Ну уж нет. Говорят, им отравиться можно.

Джилад постарался сдержать гнев.

— Не знаю, — задумчиво проговорил Бреган, — почему это столько народу полагает, что мы обречены. Глянь, какая стена высокая. А их ведь таких шесть, не считая самого Дроса. Как ты думаешь?

— Ну, конечно.

— Что с тобой, Джил? Ты какой-то странный. То смеешься, то сердишься. На тебя это не похоже — ты всегда был такой спокойный.

— Не обращай внимания, Брег. Мне просто страшно.

— Мне тоже. Интересно, получил ли Сибад письмо? Я знаю — это не то же самое, что повидаться с ними. Но мне легче, когда я слышу, что у них все хорошо. Леган, должно быть, спит беспокойно без меня.

— Не думай об этом. — Джилад чувствовал перемену в друге и знал: тот недалек от слез. У Брегана нежное сердце. Не слабое, нет, нежное и любящее. Не то что у Джилада. Он-то пришел в Дельнох не за тем, чтобы защищать дренаев или свою семью, — а просто со скуки. Ему надоела жизнь пахаря, надоела жена и крестьянская работа. Все одно и то же: поднимаешься ни свет ни заря, ходишь за скотиной, пашешь да сеешь, пока не стемнеет, а впотьмах чинишь изгороди, или хомуты, или худые ведра. Потом ложишься на камышовую постель рядом с толстой сварливой бабой, которая ноет и жалуется еще долго после того, как сон уводит тебя в слишком краткий путь до новой зари.

Джилад думал, что хуже ничего быть не может, — и жестоко ошибся.

Что там говорил Бреган о мощи Дрос-Дельноха? Джилад представил себе многотысячную орду, подступающую к тонкой линии защитников. Любопытно, как по-разному люди смотрят на одно и то же. Бреган не понимает, как можно взять Дельнох, — а Джилад ума не приложит, как можно его удержать.

«Да, жаль, что я не Бреган», — с улыбкой подумал он.

— Бьюсь об заклад, в Дрос-Пурдоле теперь прохладнее, — сказал Бреган. — Там с моря идет свежесть — а на этом перевале даже весной солнце палит.

— Горы преграждают путь восточному ветру, а серый мрамор отражает жару прямо на нас. А вот зимой тут, пожалуй, недурно.

— Ну, к тому времени меня здесь не будет. Я записывался только на лето и надеюсь вернуться домой к празднику урожая. Я Лотис так и сказал.

Джилад засмеялся, разрядив напряжение.

— Ну его совсем, Друсса. Чему я рад по-настоящему — так это тому, что ты рядом.

Бреган посмотрел своими карими глазами в лицо другу, опасаясь насмешки, и улыбнулся, не найдя ее.

— Спасибо тебе за такие слова. В деревне мы не особенно дружили с тобой — мне всегда казалось, что тебе со мной скучно.

— Я заблуждался. Честное слово, вот тебе моя рука. Будем держаться с тобой заодно, прогоним надиров — а вернемся к празднику, нам будет что порассказать.

Бреган, рот до ушей, пожал ему руку и спохватился:

— Нет, не так. Надо по-воински — ты мне жмешь запястье, я тебе.

Оба ухмыльнулись.

— Пусть барды поют что хотят, — сказал Джилад. — Мы сложим свою песню о Брегане Широком Мече и Джиладе, демоне Дрос-Дельноха. Как тебе это?

— Ты бы подобрал себе другое имя. Мой Леган боится демонов.

Смех Джилада донесся до орла, парящего над перевалом, — тот снялся и полетел на юг.

Глава 10

Друсс в нетерпении расхаживал по большому замковому залу, рассеянно поглядывая на статуи былых героев, стоящие вдоль стен. Никто в Дельнохе не задал ему ни единого вопроса. Солдаты бездельничали на весеннем солнышке, просаживая в кости свое скудное жалованье, или

дремали в тени. Горожане занимались привычными будничными делами — в крепости царили скука и безразличие. Друсс кипел, видя это, и глаза его горели холодной яростью. Старый воин не мог спокойно смотреть на офицеров, болтающих с рядовыми. Сам не свой от гнева, он дошел до замка и окликнул молодого офицерика в красном плаще, стоящего в тени подъемной решетки:

— Эй ты! Где мне найти князя?

— Откуда мне знать? — ответил тот и хотел пройти мимо, но мощная рука ухватила его за плащ — офицер споткнулся и налетел на старика в черной одежде, который сгреб его за пояс и поднял на воздух, брякнув его панцирем о ворота.

— Ты что, не слышал меня, сын шлюхи? — прошипел Друсс.

Молодой человек судорожно сглотнул.

— Думаю, он в большом зале... сударь! — Офицерик ни разу не бывал в сражении и даже в мелких стычках не участвовал, но нутром чуял: этот ледяной взгляд не сулит добра. Это просто безумец какой-то, подумал он, когда старик поставил его на пол.

— Проводи меня к нему и доложи обо мне. Меня зовут Друсс. Запомнишь, надеюсь?

Молодой человек закивал так усердно, что шлем с конским хвостом съехал ему на глаза.

И вот Друсс шагал по залу, едва сдерживая гнев. Значит, вот как рушатся империи?

— Друсс, старый дружище, свет очей моих!

Если состояние крепости поразило Друсса, то вид князя Дельнара, Верховного Хранителя Севера, потряс его вдвое сильнее. Поддерживаемый молодым офицером, тот мог сойти разве что за тень, которую отбрасывал на Скельнском перевале всего пятнадцать лет назад. Пергаментная кожа, желтая и сухая, обтянула череп, и глаза лихорадочно горели в темных глазницах. Офицер подвел князя к старому воину, и он протянул Друссу иссохшую руку. «Боги Миссаэля, — подумал Друсс, — да ведь он на пять лет моложе меня!»

— Я вижу, здоровье вашей милости оставляет желать много лучшего, — сказал он.

— А ты говоришь все так же прямо. Еще как оставляет. Я умираю, Друсс. — Князь тронул за руку молодого воина. — Посади меня вот здесь, на солнышке, Мендар. — Тот пододвинул стул и усадил князя. Дельнар благодарно улыбнулся и отрядил Мендара за вином. — Эко напугал ты парня, Друсс. Его трясет еще пуще, чем меня, — а у меня на

то есть веская причина. — Князь умолк и стал глубоко, судорожно дышать. Руки его дрожали. Друсс опустил тяжелую ладонь на хрупкое плечо князя, жалея, что не может влить в него свою силу. — Мне и недели не протянуть. Но этой ночью во сне ко мне приходил Винтар. Он едет сюда с Тридцатью и моей Вирэ. Где-то через месяц они будут здесь.

— И надиры тоже. — Друсс взял себе стул с высокой спинкой и уселся напротив умирающего.

— Верно. И я хочу, чтобы ты тем временем принял на себя командование Дросом. Займись людьми. У нас много дезертиров, боевой дух низок. Возьмись за них. — Речь князя снова прервалась.

— Я не могу этого сделать — даже ради тебя. Я не полководец, Дельнар. Человек должен знать, на что он способен, а на что нет. Я воин — незаурядный воин, быть может, но я не ган. И ничего не смыслю в бумажных делах, нужных для управления городом. Нет, не могу. Но я останусь и буду драться — придется тебе ограничиться этим.

Пылающий взор князя встретился с голубыми, как лед, глазами Друсса.

— Я знаю твои пределы, Друсс, и понимаю твои опасения. Но больше некому. Когда прибудут Тридцать, они возьмут правление на себя — но до тех пор ты должен будешь проявить свои воинские качества. Не сражаясь — хотя боги видят, как хорошо ты это делаешь, — но обучая других, передавая им свой многолетний опыт. Смотри на здешний сброд, как на ржавое оружие, которое нуждается в твердой воинской руке. Его необходимо отточить, отполировать, подготовить к бою — иначе от него не будет никакого проку.

— Тогда мне для начала придется убить гана Оррина.

— Нет! Ты должен понять — в нем нет злой воли, и человек он неплохой. Он просто растерян — и старается изо всех сил. Я не стал бы упрекать его в недостатке мужества. Впрочем, ты сам рассудишь, когда повидаешься с ним.

Мучительный кашель сотряс тело больного, на губах запенилась кровь, и Друсс бросился к нему. Князь слабо махнул рукавом, где лежал платок, — Друсс достал его, вытер Дельнару рот и легонько похлопал князя по спине. Скоро кашель утих.

— Нет справедливости в том, что такой, как ты, человек должен умирать подобным образом, — сказал Друсс, ненавидя охватившее его чувство бессилия.

— Никто из нас не выбирает... как ему уйти. Впрочем, нет, неправда... Ты-то здесь, старый конь. Хоть ты сделал верный выбор.

Друсс от души расхохотался. Молодой Мендар принес штоф вина и два хрустальных кубка. Князь достал из кармана пурпурного камзола бутылочку и влил в свой кубок несколько капель темной жидкости. Он выпил, и его лицо обрело подобие красок.

— Темное семя, — объяснил он. — Оно мне помогает.

— К нему ведь привыкают, — заметил Друсс, и князь усмехнулся.

— Скажи, Друсс, почему ты засмеялся, когда я сказал, что ты сам выбрал свою смерть?

— Потому, что я еще не готов отдаться старой шлюхе. Да, она меня хочет, но придется ей сильно постараться, чтобы меня получить.

— Ты всегда смотрел на смерть, как на своего личного врага. Ты правда веришь, что она существует?

— Кто знает? Мне нравится думать, что да. Нравится играть в то, будто я всю жизнь веду с ней бой.

— Но на самом деле ты его не ведешь?

— Нет. Однако это не позволяет мне ржаветь. Через две недели сюда придут шестьсот лучников.

— Вот так новость! Замечательно. Как это тебе удалось? Хитроплет пишет, что не может дать ни одного человека.

— Это разбойники. Я обещал им помилование и по пять золотых рагов на человека.

— Не нравится мне это, Друсс. Наемникам доверять нельзя.

— Ты же просил, чтобы я взял командование на себя. Вот и положись на меня — я не подведу. Прикажи составить грамоты о помиловании и напиши в дренанскую казну. Мендар! — позвал Друсс офицера, терпеливо ожидающего у окна.

— Слушаю?

— Поди-ка к гану Оррину и скажи ему... спроси его, не сможет ли он принять меня через час. Мы потолкуем с моим другом, а потом я буду очень благодарен, если он согласится на встречу со мной. Так ему и скажи. Ясно?

— Так точно.

— Тогда ступай. — Офицер отдал честь и вышел. — Поговорим о деле, друг мой, пока ты еще не устал. Сколько у тебя бойцов?

— Чуть больше девяти тысяч. Из них шесть тысяч новобранцев и только тысяча опытных воинов — это Легион.

— Сколько лекарей?

— Десять — главным у них кальвар Син. Помнишь его?

— Да. Хоть что-то утешительное.

Целый час Друсс расспрашивал князя, и под конец тот заметно ослабел, снова стал кашлять кровью и закрывать глаза, борясь с терзающей его болью. Друсс взял его на руки и спросил:

— Где твоя комната? — Но князь лишился чувств.

Друсс вышел из зала, неся на руках безжизненное тело Хранителя Севера, узнал дорогу у попавшегося навстречу солдата и приказал позвать кальвара Сина.

Пожилой лекарь явился, когда Друсс, уложив князя, сидел у него в ногах. Кальвар Син почти не изменился — его бритая голова по-прежнему блестела, как мраморный шар, а черная повязка на глазу стала еще более ветхой.

— Как его дела? — спросил Друсс.

— Какие у него могут быть дела, старый ты дурак? Он умирает. И двух дней не протянет.

— Я вижу, нрав у тебя все такой же покладистый, доктор, — ухмыльнулся Друсс.

— С чего мне быть покладистым? Старый друг умирает, а через несколько недель за ним последуют тысячи молодых ребят.

— Возможно. Однако я рад тебя видеть. — Друсс встал.

— А я вот не рад, — ответил лекарь с огоньком в глазах и едва заметной улыбкой. — Туда, где ты находишься, слетается воронье. Как это тебе удается оставаться здоровым как бык?

— Ты доктор — тебе видней.

— Да ты ведь не человек. Демон вытесал тебя из камня в зимнюю ночь и оживил. Убирайся теперь — мне надо дело делать.

— Где мне найти гана Оррина?

— В казарме. Ступай!

Друсс усмехнулся и вышел. Дун Мендар перевел дух.

— Вы его не любите, доктор?

— Не люблю? С чего мне его не любить? Он убивает людей наповал — избавляет меня от лишней работы. Убирайся и ты следом за ним.

Шагая через плац, Друсс ловил на себе пристальные взгляды солдат и слышал приглушенный шепот. Он улыбнулся про себя. Началось! Теперь ему ни на миг нельзя расслабляться. Нельзя показывать этим людям Друсса-человека. Он — Легенда. Несокрушимый Мастер Топора.

Не отвечая на приветствия, он подошел к главному входу, и двое часовых встали навытяжку перед ним.

— Где мне найти гана Оррина?

— Третья дверь в пятом правом коридоре, — отчеканил солдат, выкатив глаза.

Друсс нашел нужную дверь и постучался.

— Войдите! — сказали изнутри.

Друсс вошел. Комната была убрана скромно, но красиво, и на письменном столе царил безупречный порядок. За столом сидел тучный человек с кроткими, темными, как у лани, глазами. Золотые эполеты дренайского гана казались не к месту на нем.

— Вы ган Оррин? — спросил Друсс.

— Да — а вы, должно быть, Друсс. Входите, дорогой мой, и садитесь. Видели вы князя? Ну да, конечно. Он, наверное, рассказал вам о наших трудностях. Нелегко нам тут приходится. Очень нелегко. Не хотите ли закусить? — Оррина прошиб пот, и Друссу стало его жаль. Друссу в жизни довелось служить под многими командирами. Немало было достойных, но встречались среди них и растяпы, и дураки, и трусы, и тщеславные. Друсс не знал еще, куда отнести Оррина, но сочувствовал ему.

На подоконнике стояло деревянное блюдо с черным хлебом и сыром.

— Я съем немного этого, если можно, — сказал Друсс.

— Ну разумеется! — Оррин передал ему тарелку. — Как там князь? Скверная история. Такой замечательный человек. Вы были его другом, не так ли? Вместе сражались при Скельне. Прекрасные, возвышенные воспоминания.

Друсс ел медленно, с наслаждением пережевывая грубого помола хлеб. Хорош был и сыр — мягкий и пряный. Друсс отказался от своей первоначальной мысли — указать Оррину на недостатки Дроса, на безразличие и расхлябанность. Человек должен знать свой предел. Если он заходит за него, натура может сыграть с ним жестокую шутку. Оррину вовсе не следовало принимать звание гана, но в мирное время он с легкостью сошел бы за такового. А теперь он словно деревянная лошадка в атакующем строю.

— Вы, должно быть, вконец измучились, — сказал Друсс.

— Что?

— Измучились вконец. Тут ведь работы столько, что не всякому под силу. Снабжение, учения, караулы, обдумывание военных действий. Вы, наверное, уже на пределе.

— Да, это утомительно. — Оррин с явным облегчением вытер пот со лба. — Немногие понимают, как трудно приходится командующему. Настоящий кошмар. Выпьете чего-нибудь?

— Нет, благодарю. Быть может, вам станет легче, если я сниму часть бремени с ваших плеч?

— Каким образом? Уж не хотите ли вы, чтобы я покинул свой пост?

— Великий Миссаэль, нет! — с чувством ответил Друсс. — Я в этом случае пропал бы. Нет, я совсем не это имел в виду. Но времени остается мало, и никто не вправе требовать, чтобы вы несли эту ношу один. Я предлагаю вам передать мне всю ответственность за обучение солдат и оборону. Нужно будет замуровать все проходы за воротами и нарядить рабочие команды для сноса домов между четвертой и шестой стенами.

— Замуровать проходы? Снести дома? Я не понимаю. Все дома находятся в частном владении. В городе начнется бунт.

— В самом деле? — вежливо спросил Друсс. — Тем больше для вас резона возложить ответственность за это на пришельца извне. Эти ходы за воротами были устроены для того, чтобы небольшой арьергард мог сдерживать там большие вражеские силы, пока защитники не отойдут к следующей стене. Я же предлагаю снести дома между четвертой и шестой стенами, а обломками завалить ходы. Ульрик потеряет многих воинов, чтобы взять ворота, — и ничего в итоге не добьется.

— Но зачем же ломать дома? Щебень можно возить и с юга, с перевала.

— У нас нет убойной земли. Нужно вернуться к первоначальному плану Дроса. Когда люди Ульрика прорвутся за первую стену, пусть все лучники, сколько их будет в Дросе, осыплют их стрелами. Пусть каждая пядь открытой земли будет устлана телами надиров. Их в пятьдесят раз больше, чем нас, — надо же как-то уравнять силы.

Оррин закусил губу и потер подбородок, лихорадочно обдумывая сказанное. Седобородый воин спокойно сидел перед ним. Услышав о его приходе, Оррин приготовился к тому, что его, командующего, разжалуют и с позором отправят обратно в Дренан. А ему предлагают новую жизнь. Ему самому следовало позаботиться о сносе домов и засыпке проходов — Оррин знал, что следовало бы, как знал и то, что не создан быть ганом. С этой истиной трудно было смириться.

Все последние пять лет, со времени своего назначения, он избегал заглядывать в себя. А совсем недавно послал Хогуна с двумя сотнями легионеров на разведку. Поначалу он верил в то, что принял разумное решение — но по прошествии нескольких дней, не получив никаких известий, начал терзаться. Он отдал этот приказ не из мудрых стратегических соображений, а из зависти. Он давно уже сознавал с

тошнотворным ужасом, что Хогун — лучший в Дросе солдат. Когда тот вернулся и сказал Оррину, что его решение оправдало себя, это ничуть не польстило Оррину, а лишь окончательно открыло ему глаза на собственную несостоятельность. Он начал подумывать, не подать ли ему в отставку, но не мог вынести сопряженного с этим позора. Думал он и о самоубийстве — но боялся бесчестия, которое падет после этого на его дядю, Абалаина. Все, что ему оставалось, — это погибнуть на первой стене. К этому он и готовился. И боялся, что Друсс лишит его даже этого.

— Каким же я был дураком, Друсс! — воскликнул он наконец.

— Ну, довольно! — рявкнул старик. — Послушайте меня. Вы — ган, и с этого дня ни один человек не скажет о вас худого слова. Свои страхи держите при себе и верьте мне. Все мы совершаем ошибки. Нет такого, кто умел бы все на свете. Дрос выстоит — будь я проклят, если позволю ему пасть. Если б я считал вас трусом, Оррин, я привязал бы вас к лошади и отправил прочь. Вы никогда не бывали в осаде, не водили солдат в бой. Так вот, теперь вам предстоит и то, и другое, и вы справитесь со всем, ибо я буду рядом.

Забудьте сомнения. То, что было вчера, — мертво. Ошибки прошлого — дым на ветру. Важно только завтра — каждый завтрашний день вплоть до прихода Хитроплета с подкреплением. Знайте, Оррин: в будущем, когда о нас станут петь песни, вы займете в них достойное место, и никто не будет ухмыляться. Ни одна душа. Поверьте!

А теперь довольно разговоров. Поставьте мне вашу печать на пергаменте, и я сегодня же приступлю к своим обязанностям.

— Должен ли я сопровождать вас?

— Лучше не надо. Мне придется разбить пару голов.

Недолгое время спустя Друсс направился в офицерскую столовую, сопровождаемый двумя высокими вышколенными легионерами. Глаза старика горели гневом, и легионеры переглядывались на ходу. Они слышали несущееся из столовой пение и предвкушали, как сейчас увидят Друсса-Легенду в действии.

Он открыл дверь и вступил в нарядно убранный зал. От дальней стены до середины комнаты тянулся длинный, на козлах, стол с напитками. Друсс растолкал бражников, ни малейшего внимания не обращая на их жалобы, поддел одной рукой под козлы и перевернул стол. Бутылки, кубки, блюда — все посыпалось на пол. На мгновение в зале наступило ошеломленное молчание, за которым последовал взрыв

проклятий. Молодой офицер, темноволосый, мрачный и надменный, выступил вперед.

— Ты кто такой, старый хрыч? — осведомился он.

Друсс, не отвечая, оглядел собравшихся — их было около тридцати человек. Чья-то рука вцепилась в полу его колета.

— Сейчас скажу. — Друсс легким движением швырнул смельчака через комнату — тот врезался в стену и в полуобмороке сполз на пол.

— Я Друсс. Некоторые называют меня Мастером Топора. В Вентрии меня зовут Друсс-Паромщик. В Вагрии я просто Топор. Для надиров я Побратим Смерти, в Лентрии — Серебряный Убийца. А вот кто такие вы? Вы, смердящие кучи дерьма! Кто вы такие? — Друсс выхватил Снагу из ножен. — Сегодня я намерен преподать вам урок. Я намерен срезать сало с этой разжиревшей крепости. Где тут дун Пинар?

Молодой человек вышел вперед, спокойно глядя на Друсса темными глазами. На губах его играла легкая улыбка.

— Я здесь, Друсс.

— Ган Оррин назначил меня ответственным за оборону. Я встречусь со всеми офицерами на ристалище через час. Собери их, Пинар. А вы все приберите этот свинарник и приготовьтесь. Праздник окончен. Всякий, кто провинится передо мной, проклянет тот день, когда появился на свет. — Поманив за собой Пинара, Друсс шагнул к выходу. — Найди Хогуна и тотчас приведи его ко мне в замок.

— Есть, командир! И еще...

— Ну, давай говори.

— Добро пожаловать в Дрос-Дельнох.

Новость распространилась по Дельноху стремительно, как летняя гроза, — из таверны в лавку, из лавки на рынок. Друсс в городе! Женщины передавали весть своим мужчинам, дети распевали его имя на улицах. Припоминались истории о его подвигах, ежеминутно обрастая новыми подробностями. Толпа собралась перед казармами, глядя на офицеров, суетящихся на плацу. Отцы поднимали детей на плечи, чтобы те могли увидеть величайшего дренайского героя всех времен.

Когда он появился, толпа взревела, и Друсс помахал горожанам рукой.

Они не слышали, что он говорил офицерам, но вскоре Друсс распустил военных, еще раз помахал народу и вернулся в замок.

Он снял колет и присел отдохнуть на стул с высокой спинкой. Колено дергало, спина болела невыносимо. Хогуна все еще не было.

Друсс велел слуге подать какой-нибудь еды и спросил о князе. Слуга сказал, что князь почивает, и принес Друссу огромный, слегка обжаренный кусок мяса, который старый воин жадно поглотил, запив бутылкой отменного лентрийского красного вина. Он утер бороду и растер колено. После встречи с Хогуном надо будет принять горячую ванну, чтобы назавтра не оплошать. Друсс знал, что первый день измотает его до предела — надо держать марку.

— Ган Хогун, мой господин, — доложил слуга. — И дун Эликас.

Сердце Друсса возрадовалось при виде этих двоих. Первым шел, конечно, Хогун — высокий, плечистый, ясноглазый, с квадратной челюстью.

Эликас, чуть потоньше и пониже своего начальника, тоже, однако, смотрел орлом. Оба были в черных с серебром доспехах Легиона, без знаков отличия. Так повелось издавна, еще с тех пор, когда Бронзовый Князь впервые сформировал Легион, — со времени Вагрийских войн.

— Прошу садиться, господа, — кивнул Друсс.

Хогун повернул стул спинкой вперед и сел верхом. Эликас примостился на краю стула, скрестив руки на груди.

Он внимательно наблюдал за двумя старшими. Он не знал еще, чего ожидать от Друсса, но умолил Хогуна взять его на эту встречу. Эликас почитал Хогуна, но и легендарный старый воин издавна был его идолом.

— Добро пожаловать в Дельнох, Друсс, — сказал Хогун. — Благодаря вам люди уже заметно воспряли духом. В крепости только о вас и говорят. Простите, что не представился вам раньше — я был на первой стене, руководил состязаниями лучников.

— Вы, как я понял, уже встречались с надирами? — спросил Друсс.

— Да. Не пройдет и месяца, как они будут здесь.

— Они не застанут нас врасплох — но для этого придется потрудиться. Люди подготовлены плохо — вернее сказать, не подготовлены совсем. Ими надо заняться. У нас всего десять лекарей при отсутствии лекарских помощников и носильщиков раненых и всего один госпиталь, да и тот при первой стене, а это не годится. Ваши замечания?

— Все верно. Могу добавить только, что здесь всего дюжина стоящих офицеров — не считая моих.

— Я не решил еще, кто здесь чего стоит. Не будем пока терять надежду. Мне нужен заправский счетовод, который заведовал бы съестными припасами и рассчитывал ежедневные порции. Потом, когда начнутся потери, он

будет пересматривать свои расчеты. Он же должен держать сообщение с ганом Оррином. — Друсс заметил взгляды, которыми обменялись двое других, но промолчал.

— Дун Пинар как раз подойдет, — сказал Хогун. — Это он, собственно, теперь управляет Дросом.

Друсс холодно воззрился на молодого гана.

— Я не желаю больше слушать подобных замечаний, Хогун. Опытному солдату они не к лицу. Нынче мы начинаем с чистого листа. Что было вчера, никого не касается. Я буду судить обо всем сам и не допущу, чтобы мои офицеры отпускали ехидные словечки друг о друге.

— А я думал, вам захочется услышать правду, — сказал Эликас, опередив Хогуна.

— Правда — диковинный зверь, паренек. Она у каждого своя. А теперь помолчи. Поймите меня верно, Хогун, я ценю вас. Вы хорошо себя зарекомендовали. Но с этого часа никто не должен говорить плохо о Первом гане. Это портит солдат — а все, что портит наших солдат, помогает надирам. У нас и без того забот хватает. — Друсс взял лист пергамента и пододвинул к Эликасу вместе с пером и чернилами. — Давай-ка, парень, записывай. Пинара поставь во главе списка — он будет нашим квартирмейстером. Далее нам понадобятся пятьдесят подлекарей и двести носильщиков. Первых кальвар Син может набрать из охотников, носильщиков же кто-то должен обучить. Им весь день придется бегать. Один Миссаэль знает, какая от них понадобится прыть, когда дело завяжется. Здоровое сердце — непременное для них условие. Это нелегко — бегать по полю боя в доспехах, хотя бы и легких. А без доспехов нельзя — они не смогут таскать и мечи, и носилки. Кого вы можете предложить им в начальники?

Хогун посмотрел на Эликаса — тот пожал плечами.

— Вы должны знать подходящего человека, — сказал Друсс.

— Я не настолько хорошо знаю гарнизон Дрос-Дельноха, уважаемый, а из легионеров никто не подойдет.

— Почему?

— Они все хорошие воины и понадобятся нам на стене.

— Кто у вас лучший из младших офицеров?

— Бар Британ. Но он отменный вояка.

— Такой-то нам и нужен. Вот послушайте: носильщики будут вооружены одними кинжалами, поэтому подвергнутся не меньшей опасности, чем бойцы на стене. Но их миссия менее почетна, поэтому надо будет возвысить ее. Когда вы назначите им в начальники вашего лучшего младшего офицера, они это оценят. И пусть Британ возьмет еще пятьдесят

человек по своему выбору в летучий отряд для защиты носильщиков во время боя.

— Склоняюсь перед вашим разумом, Друсс, — сказал Хогун.

— Не надо ни перед чем склоняться, сынок. Я совершаю ошибки, как и все люди. И если ты считаешь, что я не прав, — прямо так и говори, не стесняйся.

— На этот счет можете не беспокоиться, — заверил Хогун.

— Вот и ладно. Теперь насчет учений. Надо разбить всех на полусотни и присвоить каждой какое-нибудь громкое имя — можно брать имена героев, места сражений, что угодно, абы кровь загорелась. У каждой полусотни будет свой командир, а при нем пять десятников. Этих пятерых следует избрать после первых трех дней обучения, когда станет видно, кто на что способен. С этим все ясно?

— К чему им имена? — спросил Хогун. — Не лучше ли обозначить их цифрами? Боги мои, легко ли выдумать сто восемьдесят названий!

— Военное ремесло, Хогун, заключается не только в тактике и учениях. Я хочу, чтобы на этих стенах стояли гордые люди. Люди, которые знают своих товарищей и чувствуют себя заодно с ними. Полусотня «Карнак» будет представлять собой Карнака Одноглазого — а что собой представляет, скажем, шестая полусотня?

В предстоящие несколько недель мы заставим эти отряды соперничать — в работе, в играх, в потешных боях. Мы сделаем из каждой полусотни одно целое — гордое целое. Мы будем насмехаться над ними, даже издеваться. А потом, когда они возненавидят нас пуще надиров, начнем их похваливать. В самое короткое время мы должны добиться того, чтобы они считали себя чем-то вроде гвардии. И это уже половина дела. Грядут отчаянные кровавые дни — смертные дни. На этих стенах мне нужны мужчины — сильные и умелые, но прежде всего гордые.

Завтра ты назначишь офицеров и разобьешь людей на полусотни. Пусть бегают, пока не повалятся, а потом встают и бегают опять. Пусть бьются на мечах и лазят по стенам. Работы по сносу домов должны идти круглые сутки. Через десять дней начнем соревнования между отрядами. Носильщики пусть бегают с грудами камня, покуда у них руки не отвалятся.

Я хочу сровнять с землей все, что находится между четвертой и шестой стенами, и завалить проходы.

Тысяча человек единовременно должна заниматься только сносом, сменяясь через каждые три часа. Это полезно для мышц спины и рук. Вопросы есть?

— Нет, — ответил Хогун. — Все, что вы перечислили, будет исполнено. Но скажите мне вот что: верите ли вы, что Дрос способен продержаться до осени?

— Конечно, верю, парень, — глазом не моргнув, ответил Друсс. — С чего бы я иначе так надрывался? А ты-то сам веришь?

— О да, — без промедления сказал Хогун. — Всем сердцем.

И оба усмехнулись.

— Давайте-ка выпьем по стаканчику лентрийского красного, — предложил Друсс. — Меня от этих премудростей жажда одолела.

Глава 11

В деревянной хибаре, притулившейся под сенью замка, сидел человек, барабаня пальцами по столу. За спиной у него в плетеной клетке чистили перья голуби. Человека снедала тревога.

Шаги на крыльце заставили его схватиться за тонкий кинжал. Он выругался и вытер потную ладонь о шерстяные штаны.

Вошел второй. Он затворил за собой дверь, сел напротив первого и спросил:

— Ну что? Какой ты получил приказ?

— Ждать. Но все еще может измениться, когда там узнают о приходе Друсса.

— Один человек ничего не решает.

— Поживем — увидим. Кочевники будут здесь через пять недель.

— Через пять? А я думал...

— Не ты один. Но случилось так, что старший сын Ульрика погиб, придавленный конем. Погребальные обряды продлятся пять дней — плохое это предзнаменование для Ульрика.

— Дурные приметы не помешают надирской орде взять эту жалкую крепость.

— Что замышляет Друсс?

— Он хочет завалить проходы — это пока все, что я знаю.

— Через три дня приходи опять. — Первый взял клочок бумаги и что-то написал на ней крошечными буквами. Потом посыпал написанное песком, сдул и перечел:

«Здесь Побратим Смерти. Он заваливает проходы. Боевой дух поднят».

— Быть может, нам придется убить Друсса, — сказал, вставая, пришелец.

— Если прикажут. Не раньше.

— Ладно. Увидимся через три дня.

У двери второй поправил шлем и прикрыл плащом наплечный знак дренайского дуна.

Кул Джилад лежал без сил на короткой траве у эльдибарской поварни и судорожно дышал. Его темные волосы слиплись от пота. Со стоном он повернулся на бок. Каждый мускул в его теле прямо-таки вопил от боли. Три раза он, Бреган и еще сорок восемь бойцов полусотни «Карнак», соревнуясь с пятью другими отрядами, бежали от первой стены до второй, карабкались по узловатым веревкам наверх, бежали до третьей стены, взбирались наверх, бежали к четвертой стене... И так далее — бесконечный, бессмысленный, мучительный путь.

Джилад все это время держался на одной только ярости. На глазах у этого седобородого ублюдка он первым добежал до второй стены, опередив триста человек, в полном снаряжении, вовсю работая усталыми ногами и руками. Первым! И что же этот ублюдок сказал? «Дряхлый старец, за которым бегут дряхлые старухи. Ну, парень, нечего тут валяться! Вперед, к третьей стене!»

Так сказал Друсс и засмеялся — и этот смех решил все.

Джилад готов был убить его тогда — убить медленно. Пять нескончаемых жутких дней солдаты Дрос-Дельноха бегали, лазили, сражались, сносили дома под истошные вопли владельцев и возили щебенку на тачках в проходы за воротами первой и второй стен. Они работали день и ночь и уже ног под собой не чуяли — а этот старый хряк все подгонял и подгонял их.

Состязания в стрельбе, в метании дротиков, в фехтовании на мечах, кинжальные бои, борьба, а в промежутках тяжелая работа — немногие кулы после всего этого способны были добраться до таверн около замка.

Кроме проклятых легионеров. Эти проделывали все шутя да еще пошучивали презрительно над мужичьем, которое вздумало с ними тягаться. Попробовали бы эти гады проработать восемнадцать часов в поле!

Зарычав от боли, Джилад сел, привалился спиной к стене и стал смотреть, как бегают другие. Ему осталось еще десять минут до того, как идти грузить щебень на тачки вместе со своей сменой. Носильщики сновали по открытому месту, таская камни вдвое тяжелее любого раненого. У мно-

гих были забинтованы руки. Чернобородый бар Британ бегал с ними, гоняя их почем зря.

Подошел, спотыкаясь, Бреган и повалился на траву рядом с Джиладом. Красный, как свекла, он молча протянул Джиладу половинку померанца — сладкую и сочную.

— Спасибо, Брег. — Джилад нашел взглядом еще восьмерых из их полусотни. Все лежали тихо, только Мидраса рвало. Этот недоумок завел себе в городе подружку и прогулял с ней всю ночь, пробравшись в казарму всего за час до подъема.

Теперь он за это расплачивался. Зато Бреган стал бегать чуть быстрее и вообще неплохо постигал военную науку. Притом он никогда не жаловался — чудеса, да и только.

— Нам пора, Джил, — сказал он теперь.

Смена, работавшая в проходе, сворачивала работу, а солдаты «Карнака» потихоньку двигались к наполовину снесенным домам.

— Давайте-ка, ребята, — велел Джилад. — Сядьте и подышите глубоко. — В ответ на этот приказ раздались стоны, но никаких действий не последовало. — Ну, давайте же! Вон «Кестриан» уже шевелится. Ишь, ублюдки! — Джилад встал и помог подняться Брегану, а потом подошел к каждому из восьмерых. Все поднялись и побрели к проходу.

— Ох, умираю, — стонал Мидрас.

— И умрешь, если подведешь нас сегодня, — заверил Джилад. — Если этот старый боров еще раз посмеется над нами...

— Чума его забери. Он-то небось не обливается пóтом, как мы.

В сумерках усталые люди потащились к своему ненадежному прибежищу — казармам. Повалившись на узкие койки, они приняЛись отстегивать панцири и наголенники.

— Я против работы ничего не имею, — говорил Байл, крепкий мужик из соседней с Джиладом деревни, — не понимаю только, почему мы должны делать ее в доспехах.

Ему никто не ответил.

Джилад уже засыпал, когда чей-то голос проревел:

— Полусотня «Карнак» — выходи на плац!

На плацу стоял Друсс, уперев руки в бока и оглядывая голубыми глазами выползающих наружу измученных солдат, которые жмурились от света факелов. Рядом с ним стояли Хогун и Оррин. Он с угрюмой улыбкой наблюдал, как люди строятся в ряды.

К «Карнаку» присоединились полусотни «Кестриан» и «Меч».

Все ожидали в молчании, гадая, что еще взбрело Друссу в голову.

— Три ваших полусотни бегут вдоль стены до конца и обратно. Полусотня пришедшего последним бежит еще раз. Марш!

Когда все, тяжело топоча, начали полумильный пробег, кто-то крикнул из толпы:

— А ты, толстяк, не хочешь пробежаться?

— В другой раз, — крикнул в ответ Друсс. — Смотри не приди последним.

— Они измотаны, Друсс, — сказал Оррин. — Разумно ли это?

— Положитесь на меня. Когда начнется штурм, их то и дело придется будить среди ночи. Я хочу, чтобы они знали свой предел.

Прошло еще три дня. Первый проход почти засыпали и начали заваливать второй. Никто теперь не кричал «ура» при виде Друсса — даже горожане. Многие лишились своих домов и работы. К Оррину явилась депутация, моля остановить снос. Многие полагали, что расчистка пространства между стенами только лишний раз доказывает, что Друсс не надеется удержать крепость. Возмущение в городе росло, но старый воин прятал гнев и стоял на своем.

На девятый день случилось нечто, давшее всем новую пищу для разговоров.

Когда полусотня «Карнак» приготовилась к ежедневному бегу, ган Оррин подошел к ее командиру дуну Мендару.

— Сегодня я побе́гу с вами.

— Ган желает принять командование на себя?

— Нет — я просто пробегусь с вами. Ган тоже должен быть готов к бою, Мендар.

Недоброе молчание встретило Оррина, когда он встал в строй, выделяясь среди солдат своими бронзовыми с золотом доспехами.

Все утро он бегал с ними, лазил по веревкам и неизменно оказывался последним. Одни смеялись над ним, другие издевались в открытую. Мендар бесился, считая, что командующий выставил себя еще бо́льшим дураком, чем он есть, — а заодно выставил на посмешище и всю полусотню. Джилад не обращал на гана никакого внимания — только один раз втянул его на стену, когда тот чуть было не упал.

— Да пусть бы шмякнулся, — крикнул кто-то.

Оррин скрипел зубами, но держался — он пробыл с полусотней весь день и даже работал с ней на сносе.

Все получалось у него вдвое медленнее, чем у остальных. С ним никто не разговаривал. Ел он отдельно, и не по своей воле — просто никто не пожелал сесть с ним рядом.

Вечером он отправился к себе, дрожа всем телом, с горящими огнем мускулами, и лег спать прямо в доспехах.

Утром — умылся, снова облачился в доспехи и присоединился к «Карнаку». Он отличился только в сражении на мечах, но и тогда не мог отделаться от мысли, что люди ему уступают. Да и кто бы их упрекнул?

За час до темноты пришел Друсс в сопровождении Хогуна и велел четырем отрядам — «Карнаку», «Мечу», «Эгелю» и «Огню» — собраться у ворот второй стены. Он обратился к ним сверху:

— Небольшая пробежка, чтобы размять мускулы, ребята. От этих ворот вдоль стены и обратно ровно одна миля. Пробежите ее дважды. Полусотня пришедшего последним бежит еще раз. Вперед!

Когда все с топотом ринулись вперед, Хогун перегнулся вниз и воскликнул:

— Вот черт!

— В чем дело?

— Оррин. Он бежит с ними. Я-то думал, он будет сыт по горло вчерашним. Спятил он, что ли?

— Ты ведь бегаешь с солдатами — отчего же ему нельзя?

— Полно тебе, Друсс. Я солдат и всю жизнь ежедневно упражняюсь. А посмотри на него — он уже бежит последним. Тебе следовало сказать «последний, не считая Оррина».

— Нельзя, парень. Зачем же его позорить? Он сам пошел на это — и не без причины, я полагаю.

На первой миле Оррин оказался в тридцати ярдах позади всех. Он бежал из последних сил, преодолевая боль в боку, не отрывая глаз от панциря своего предшественника. Пот ел глаза, шлем с белым лошадиным хвостом свалился с головы — к большому облегчению Оррина.

На полутора милях он отстал на пятьдесят ярдов.

Джилад, бегущий в числе первых, оглянулся и повернул обратно к еле дышащему гану. Он поравнялся с Оррином и побежал с ним рядом.

— Слушай меня, — сказал он без одышки. — Разожми кулаки — так тебе легче будет дышать. Не отставай от меня и ни о чем другом не думай. Нет, не отвечай мне. Дыши на счет. Сделай глубокий вдох и сразу выдохни. Вот так. Делай такой вдох через каждые два шага. Ни о чем не думай — только считай. И держись за мной.

Джилад занял место впереди Оррина и слегка ускорил бег.

Друсс сидел на стене, наблюдая за концом состязания. Оррин бежал вместе со стройным командиром десятка. Почти все уже закончили бег и отдыхали, наблюдая за отстающими. Оррин все еще шел последним, но только десять ярдов отделяло его от усталого солдата из полусотни «Огонь». Солдата подбадривали криками — все, кроме «Карнака», хотели, чтобы победил он.

Тридцать ярдов до конца. Джилад опять поравнялся с Оррином.

— Выложись весь. Беги, жирная скотина!

Джилад прибавил ходу и устремился вперед. Оррин прилип к нему, скрипя зубами, — гнев придал гану сил, и усталые мускулы словно ожили.

Десять ярдов до конца. Оррин поравнялся с солдатом. Он уже слышал несущиеся из толпы крики. Солдат поднажал, скривив лицо в мучительной гримасе.

Тень ворот упала на Оррина, и он рванулся вперед. Он влетел в толпу и покатился по земле. Он ни за что не поднялся бы сам — но другие руки поднимали его, и ставили на ноги, и хлопали по спине.

— Ты походи, — сказал кто-то. — Это помогает. Давайка, двигай ногами. — И Оррин пошел, поддерживаемый с обеих сторон. Со стены раздался голос Друсса:

— Полусотня последнего — еще круг.

«Огонь» побежал снова, на сей раз трусцой.

Джилад и Бреган усадили Оррина на выступ стены. Ноги у него тряслись, но дышать он стал чуть ровнее.

— Прошу прощения за то, что оскорбил вас, — сказал Джилад. — Я хотел, чтобы вы разозлились. Мой отец всегда говорил, что злость придает сил.

— Ты напрасно оправдываешься. Я все равно не стал бы взыскивать с тебя.

— Я не оправдываюсь. Я мог бы пробежать это расстояние еще хоть десять раз — как и большинство наших. Просто подумал — вдруг поможет.

— И помогло. Спасибо, что бежал со мной.

— По-моему, вы бежали просто здорово, — сказал Бреган. — Я-то знаю, каково вам. Мы ведь почти уже две недели бегаем, а вы всего-то второй день.

— Завтра опять придете? — спросил Джилад.

— Нет. Я бы рад, но дел много. — Оррин внезапно улыбнулся. — С другой стороны, Пинар прекрасно управляется с бумажными делами, а мне чертовски надоело

целый день принимать депутации жалобщиков. Приду, пожалуй.

— Можно дать вам один совет?

— Конечно.

— Наденьте доспехи попроще. Меньше будете выделяться.

— Мне полагается выделяться, — улыбнулся Оррин. — Я ведь ган.

Высоко над ними Друсс и Хогун распили бутылку лентрийского красного.

— Нужно немало мужества, чтобы сегодня вернуться к ним после вчерашних насмешек, — сказал Друсс.

— Пожалуй. Нет, черт возьми, я полностью с тобой согласен и хвалю его. Просто непривычно как-то. Это благодаря тебе он обрел хребет.

— Он не мог бы обрести его, если бы не имел — просто раньше он его не искал. — Друсс ухмыльнулся и потянул из бутылки, передав наполовину пустую Хогуну. — Мне нравится этот толстячок. Он из настоящих!

Оррин лежал на своей узкой койке, подперев спину подушками, с глиняной чашкой в руке. Он твердил себе, что нет никакой доблести в том, чтобы прийти предпоследним, но чувствовал совсем другое. Он никогда не был хорошим бегуном — даже в детстве, но он происходил из семьи воинов и вождей и по воле отца прошел всю солдатскую науку. Он всегда хорошо управлялся с мечом — в глазах отца это искупало другие, более крупные недостатки. Например, неспособность переносить боль или понять после самых терпеливых объяснений суть ошибки, допущенной назредами в битве при Плеттии. Хотел бы Оррин знать, понравилось бы отцу, как сын его покатился по земле, стремясь обогнать простого кула. Он улыбнулся: отец, конечно, счел бы его сумасшедшим.

Стук в дверь вернул Оррина к реальности.

— Войдите!

Это был Друсс — но без своего черного с серебром колета. «Удивительно, — подумал Оррин, — каким старым он сразу становится без своих легендарных одежд». Старик расчесал бороду и надел простую белую рубашку с пышными рукавами, собранными у запястий. Талию охватывал широкий черный пояс с серебряной пряжкой. Он принес с собой бутыль лентрийского красного.

— Вот решил выпить с вами, если вы не спите. — Друсс придвинул стул, перевернул его и сел верхом — совсем как Хогун.

— Зачем вы это делаете? — спросил Оррин.

— Что?

— Переворачиваете стул.

— От старой привычки трудно избавиться — даже среди друзей. Это воинский обычай. Когда так сидишь, легче встать. Притом между твоим брюхом и человеком, с которым ты говоришь, оказывается солидная деревяшка.

— Понятно. Я все хотел спросить об этом Хогуна, да так и не собрался. И как же приобретаются подобные привычки?

— Их приобретаешь, поглядев на своего друга с ножом в животе.

— Опять-таки ясно. Вы обучите меня этим штукам, Друсс, до прихода надиров?

— Нет. Вам придется постигать их самому. Разве что мелочь какую-нибудь подскажу — авось и поможет.

— Мелочь? Вы интригуете меня, Друсс. Назовите хоть одну. — Друсс подал Оррину чашу вина — сам он пил прямо из бутылки. Он отпил половину и сказал:

— Ладно. Вот скажите-ка мне — почему наши люди каждое утро получают померанцы?

— Это подкрепляет их и предотвращает кишечное расстройство. Освежает и притом дешево обходится. Так?

— Не совсем. Это Бронзовый Князь завел в армии померанцы — отчасти по названным вами причинам, но в основном потому, что, если втереть померанцевый сок в ладонь, меч не будет липнуть к потной руке. А если натереть соком лоб, пот в глаза не попадает.

— Я этого не знал. Хотя, наверное, должен был. И до чего просто! Расскажите еще что-нибудь.

— Нет уж, в другой раз. Скажите лучше, зачем вы вышли на учение вместе с кулами?

Оррин сел и вперил темные глаза в лицо Друсса.

— Вы находите это неудачной затеей?

— Смотря чего вы хотите этим достичь. Хотите завоевать уважение?

— О боги, нет. Я давно оставил мысль об этом. Нет — но в ту ночь, когда солдат подняли и заставили бежать, я спросил вас, разумно ли это, а вы ответили: «Они должны знать свой предел». Вот и мне захотелось узнать свой. Я ни разу не бывал в бою и хочу знать, как себя чувствуешь, когда тебя поднимают после целого дня битвы и снова зовут в бой. Я и так уже много навредил здесь — и боюсь навредить еще, когда надиры полезут на стену, хоть и надеюсь, что

этого не случится. Мне нужно стать крепче и проворнее — и я стану. Разве я плохо придумал?

Друсс запрокинул бутылку, облизнул губы и улыбнулся.

— Нет. Хорошо. Но когда вы немного продвинетесь, побывайте и в других полусотнях — это пойдет на пользу делу.

— Правда?

— Вот увидите.

— Видели вы князя? — внезапно спросил Оррин. — Син говорит, он совсем плох.

— Хуже не бывает. Он постоянно бредит — не знаю, на чем он только держится.

Они проговорили еще около часа. Оррин расспрашивал старика о его жизни и о битвах, в которых тот участвовал, то и дело возвращаясь к бессмертной истории Скельна и разгрому короля Горбена.

Когда в замке раздался набат, оба вскочили. Друсс выругался, отшвырнул бутылку и кинулся к двери. Оррин скатился с койки и последовал за ним. Они промчались через плац по короткому подъему, ведущему в замок, влетели в ворота и устремились вверх по длинной винтовой лестнице в опочивальню князя. Там находился кальвар Син, а еще дун Мендар, Пинар и Хогун. Старый слуга навзрыд плакал у окна.

— Он умер? — спросил Друсс.

— Нет, но отходит, — ответил кальвар Син.

Друсс присел на край кровати. Князь открыл глаза и моргнул.

— Друсс? — позвал он слабо. — Ты тут?

— Тут.

— Она идет. Я вижу ее. Вся в черном, с капюшоном на голове.

— Плюнь ей в глаза за меня, — сказал Друсс, поглаживая огромной рукой пылающий лоб князя.

— После Скельна я думал... что буду жить вечно.

— Упокойся с миром, друг мой. Я точно знаю одно: смерть лает страшнее, чем кусает.

— Я вижу их, Друсс. Бессмертных. Они бросили против нас Бессмертных! — Умирающий вцепился в руку Друсса, пытаясь приподняться. — Они идут! Боги, Друсс, да посмотри же на них!

— Они всего лишь люди. Мы отобьемся.

— Сядь у огня, доченька, и я расскажу тебе об этом. Только матери не говори — ты же знаешь, как она ненавидит кровавые истории. Ах, Вирэ, любимая крошка! Ты

никогда не поймешь, что это значило для меня — быть твоим отцом...

Друсс склонил голову, слушая затихающий бред старого князя. Хогун скрипнул зубами и закрыл глаза. Кальвар Син сгорбился в кресле, а Оррин стоял у двери, вспоминая, как умирал его отец много лет назад.

— Мы много дней стояли на перевале, сдерживая всех, кого они посылали против нас, — кочевников, колесницы, пехоту и кавалерию. Но угроза Бессмертных все время висела над нами. Их никто еще не побеждал! Старый Друсс стоял посередине нашей первой шеренги. Когда Бессмертные двинулись на нас, мы оцепенели. Паника витала в воздухе. Меня тянуло пуститься наутек, и то же чувство я читал на лицах окружающих. Тогда старина Друсс вскинул свой топор и взревел в голос. Это было словно волшебство. Чары рассеялись, и страх прошел. Он показал им топор и крикнул — я как сейчас его слышу: «Сюда, брюхатые сукины дети! Я Друсс, а это — ваша смерть!» Вирэ... Вирэ! Я так ждал тебя... так хотел тебя увидеть еще раз. Так хотел... — Хрупкое тело дрогнуло и затихло. Друсс закрыл глаза умершему и провел рукой по своим.

— Не надо было ему отсылать ее, — проговорил кальвар Син. — Он любил дочь, только ради нее и жил.

— Быть может, потому-то он ее и отослал, — сказал Хогун.

Друсс покрыл шелковой простыней лицо князя и отошел к окну. Теперь здесь не осталось больше никого, кто был с ним при Скельне. Друсс оперся о подоконник и втянул в грудь ночной воздух.

Луна заливала Дрос нездешним серым светом. Друсс смотрел на север. Оттуда показался голубь и закружил над хижиной около замка. Друсс отвернулся от окна.

— Похороним его завтра же и скромно, — сказал он. — Нельзя прерывать учения ради пышных церемоний.

— Друсс, но это ведь князь Дельнар! — сверкнул глазами Хогун.

— Это, — Друсс указал на постель, — изъеденный раком труп. У него нет имени. Сделаем так, как я сказал.

— Ты бездушный ублюдок! — воскликнул дун Мендар.

Друсс обратил на него ледяной взгляд.

— Вспомни об этом, парень, в тот день, когда вздумаешь выступить против меня, — и это относится к любому из вас.

Глава 12

Рек, опершись о поручни и одной рукой обнимая Вирэ за плечи, смотрел на море. Он думал о том, как меняет ночь природу океана. Она превращает его в огромное плотное зеркало, отражающее звезды, и двойник луны плывет, дробясь, в миле от корабля — всегда в миле, не ближе. Легкий бриз наполняет треугольный парус, и «Вастрель» пенит волны, чуть заметно ныряя то вниз, то вверх. Помощник капитана стоит у рулевого колеса, и его серебряная наглазная повязка сверкает при луне. Молодой матрос бросает в волны грузило — измеряет глубину, пока судно проходит над невидимым рифом.

Все исполнено мира, покоя и гармонии. Плеск волн усиливает чувство отъединенности от всего света, которое испытывает, глядя на море, Рек. Звезды вверху, звезды внизу — они с Вирэ плывут посредине Вселенной, вдали от людских дрязг, караулящих впереди.

«Это, должно быть, и есть блаженство», — думал Рек.

— О чем ты думаешь? — спросила Вирэ, обнимая его за пояс.

— Я люблю тебя, — сказал он. Дельфин выскочил из воды, протрубил свой мелодичный привет и вновь ушел в глубину. Рек смотрел, как вьется среди звезд его гибкое тело.

— Я знаю, что любишь, — я спрашиваю, о чем ты думаешь.

— Об этом самом. Я счастлив. Спокоен.

— Ну еще бы. Мы ведь плывем на корабле, и ночь так хороша.

— Женщина, у тебя нет души, — сказал он, целуя ее в лоб. Она подняла на него глаза и улыбнулась.

— Что ты такое говоришь, глупый? Просто я не умею так красиво врать, как ты.

— Жестокие слова, госпожа моя. Разве бы я осмелился соврать тебе? Да ты бы мне глотку перерезала.

— И перережу. Сколько женщин слышало от тебя, что ты их любишь?

— Сотни, — сказал Рек, глядя ей в глаза и видя, как уходит из них улыбка.

— Почему я тогда должна тебе верить?

— Потому что веришь.

— Это не ответ.

— Еще какой ответ. Ты ведь не какая-нибудь тупоумная молочница, которую можно обмануть сладкой

улыбкой. Ты способна отличать правду от лжи. Почему ты вдруг во мне усомнилась?

— Я не сомневаюсь в тебе, олух! Просто хочу знать, скольких женщин ты любил.

— То есть со сколькими я спал?

— Если угодно.

— Не знаю, — солгал он. — Я ведь не считал. И если ты теперь спросишь «кто лучше всех», то останешься в одиночестве, потому что я сбегу вниз.

Она спросила — но он не сбежал.

Помощник у руля смотрел на них, слышал их смех и тоже улыбался, хотя и не знал, отчего им так весело. Дома его ждали жена и семеро детей, и сердце его радовалось при виде этой молодой пары. Он помахал им, когда они отправились вниз, но они не заметили.

— Хорошо быть молодым и влюбленным, — сказал капитан, неслышно появившись из своей каюты.

— Старым и влюбленным быть тоже неплохо, — ухмыльнулся помощник.

— Ночь тихая, но бриз крепчает. Не нравятся мне вон те облака на западе.

— Они пройдут стороной. Но погода точно испортится и будет подталкивать нас сзади. Еще пару дней авось урвем. Известно тебе, что они едут в Дельнох?

— Да, — кивнул капитан, почесывая рыжую бороду и выверяя курс по звездам.

— Грустно это, — с искренним чувством сказал помощник. — Говорят, Ульрик посулил сровнять крепость с землей. Слыхал, что он сделал в Гульготире? Убил каждого второго защитника и каждого третьего из женщин и детей. Выстроил всех горожан и велел своим воинам рубить их.

— Слыхал — только не мое это дело. Мы торгуем с надирами уже много лет. Люди как люди — такие же, как все.

— Согласен. Я когда-то жил с надиркой. Огонь, а не женщина, — сбежала от меня с жестянщиком. Я слышал, потом она перерезала ему горло и увела его повозку.

— Это она из-за коня, должно быть. За хорошую лошадь она у себя дома может купить себе мужчину. — Оба хмыкнули и умолкли, вдыхая благодатный ночной воздух.

— И чего их несет в Дельнох? — спросил помощник.

— Девушка — дочь князя. Будь она моей дочкой, я бы уж позаботился о том, чтобы она не вернулась. Услал бы ее куда-нибудь на самый юг империи.

— Надиры придут и туда, и даже дальше. Это вопрос времени.

— Но за это время многое может случиться. Дренаи, несомненно, покорятся им. Ну вот — опять этот проклятый альбинос со своим дружком. У меня от них мурашки бегут по коже.

Помощник посмотрел туда, где Сербитар и Винтар остановились у правого борта.

— Я тебя понимаю. Они все время молчат. Скорее бы уж увидеть, как они сходят с корабля. — Помощник начертил над сердцем знак Когтя.

— Их демонов этим не отгонишь, — покачал головой капитан.

Сербитар улыбнулся, когда Винтар передал ему:

— Нас тут не очень-то любят, мой мальчик.

— Да, как и везде. Мне трудно не презирать этих людей.

— Ты должен бороться с этим.

— Я борюсь — это трудно, но возможно.

— Слова, и только. Сказав, что это трудно, ты уже признаешь свое поражение.

— Ты никогда не перестаешь наставлять, отец настоятель.

— И не перестану, покуда на свете будут ученики.

Сербитар усмехнулся, что редко случалось с ним. Над кораблем кружила чайка, и молодой альбинос коснулся ее разума.

В разуме птицы не было ни радости, ни горя, ни надежды. Только стремление утолить голод — и досада от того, что корабль не дает никакой пищи.

Чувство безумного восторга вдруг нахлынуло на Сербитара, чувство всеобъемлющей власти, экстаза и осуществления желаний. Вцепившись в перила, он пошел по следу этой волны и остановился у входа в каюту Река.

— *Они очень сильно чувствуют,* — передал ему Винтар.

— *Негоже нам вникать в это,* — чопорно ответил Сербитар, покраснев так, что это было заметно даже при лунном свете.

— *Ошибаешься, друг мой Сербитар. Мало что может спасти этот мир — и к этому немногому относится способность людей любить друг друга с великой и неувядаемой страстью. Я радуюсь, когда они предаются любви. Им так хорошо.*

— *Да ты, оказывается, любишь подглядывать, отец настоятель,* — улыбнулся Сербитар, а Винтар рассмеялся вслух.

— *Верно. От них, молодых, исходит такая сила...*

В уме у обоих внезапно возникло тонкое, серьезное лицо Арбедарка с отвердевшими чертами.

— Прошу прощения, — передал он, *— но из Дрос-Дельноха пришла дурная весть.*

— Говори, — велел Сербитар.

— Князь умер. И в Дросе есть изменники. Ульрик приказал убить Друсса.

— Соберитесь в круг около меня, — сказал Друсс измученным людям, ковылявшим к нему от стены. — И сядьте, покуда не упали.

Он обвел круг своими голубыми глазами и презрительно фыркнул.

— Эх, подонки! И вы именуете себя солдатами? Пробежались немного — и вам уже конец. Хороши же, черт возьми, вы будете после трех дней и ночей сражения с надирами, которых в пятьдесят раз больше, чем нас!

Никто ему не ответил — да тут и не требовался ответ. Почти все слушали Друсса даже с некоторым облегчением — все передышка от нескончаемой гонки.

— Скажи вот ты, — Друсс указал на Джилада, — какие полусотни представлены здесь?

Джилад оглядел лица.

— «Карнак», «Бильд», «Корбадак»... четвертую не знаю.

— Отлично! — проревел старик. — И что же, никто так и не назовется? Которая четвертая?

— «Сокол», — пискнул кто-то сзади.

— Хорошо! Командирам выйти вперед — остальные займитесь дыханием. — Друсс отошел чуть подальше, пригласив офицеров следовать за собой. — Прежде чем я скажу вам, чего хочу, пусть командир «Сокола» назовется.

— Я командир. Дун Хедес. — Вперед выступил молодой человек небольшого роста, но крепкого сложения.

— Почему название твоей полусотни произнес не ты, а какой-то конопатый крестьянский сын?

— Я глуховат, командир, а когда я устаю и кровь стучит в ушах, почти совсем не слышу.

— В таком случае, дун Хедес, считай, что ты больше не командуешь «Соколом».

— Вы не можете так поступить со мной! Я всегда служил на совесть. За что вы хотите меня опозорить? — вскричал молодой человек.

— Послушай меня, молодой дурень. Нет никакого позора в том, что ты глух. Можешь, если хочешь, стоять рядом со мной на стене, когда надиры придут. Но как же

ты можешь командовать полусотней, если ни черта не слышишь из того, что я говорю?

— Как-нибудь справлюсь.

— А как быть твоим людям, когда они спросят у тебя совета? Что будет, если скомандуют отступление, а ты не услышишь? Нет, решено. Ты больше не командир.

— Я требую встречи с ганом Оррином!

— Твое право. Но к концу дня я назначу в «Сокол» нового дуна. А теперь к делу. Я хочу, чтобы все — и ты тоже, Хедес, — отобрали среди своих солдат двух силачей. Тех, что всех побивают в борьбе на руках, в кулачном бою и так далее. Они получат возможность схватиться со мной. Это подымет ребятам настроение. Приступайте!

Дун Мендар, вернувшись к своим, кликнул Джилада и присел на корточки среди солдат. По рядам прокатились смешки — охотников было много. Шум рос — все спорили за право свалить с ног старого воина, а Друсс посмеивался, сидя в сторонке и чистя померанец. Наконец каждый отряд выбрал двух бойцов, и Друсс тяжело поднялся на ноги.

— У нашего состязания есть своя цель, но о ней я скажу после. Пока что смотрите на это, как на развлечение, — подбоченясь, сказал он. — Но я знаю, что дело идет живее, когда предлагается какая-то награда, — и потому обещаю дать свободных полдня той полусотне, чьи бойцы меня повалят. — Переждав радостные вопли, он продолжил: — Но имейте в виду: проигравшие пробегут лишних две мили. — В ответ раздался дружный стон. — Ну, не будьте нытиками. Гляньте только, кто перед вами — старый толстый человек. Начнем с пары «Бильда».

Эти двое были точно близнецы: здоровенные, чернобородые, с буграми мускулов на руках и плечах. Без доспехов они казались самыми внушительными из всех двухсот воинов.

— Так вот, ребята, — можно бороться, бить кулаками, лягаться, все что угодно. Начинайте, когда будете готовы. — С этими словами старик скинул свой колет.

«Бильды» неспешно кружили вокруг с улыбочками на лицах. Оказавшись по обе стороны от Друсса, они кинулись на него. Друсс припал на одно колено, уклонившись от удара правой, и двинул кулаком в пах противнику, а другой рукой ухватил его за рубаху и швырнул на сотоварища. Оба повалились наземь, обхватив друг друга руками.

«Бильд» разразился проклятиями, все прочие — восторженными воплями.

— Следующие — «Корбадак»! — объявил Друсс

Эти двое приблизились уже опасливее, чем их предшественники, — затем тот, что повыше, бросился вперед с распростертыми руками, норовя обхватить Друсса за пояс. Старик выставил навстречу колено, и он сполз на траву. Второй атаковал вслед за первым, но, отброшенный назад легкой оплеухой, споткнулся об упавшего и шмякнулся наземь. Первый лишился сознания — пришлось унести его за пределы круга.

— Теперь «Сокол»!

На сей раз Друсс, посмотрев, как подходят к нему противники, взревел во весь голос и напал сам. Первый изумленно разинул рот, второй сделал шаг назад и оступился. Друсс нанес удар левой — противник упал и затих.

— «Карнак»! — В круг вышли Джилад и Бреган. Чернявого Друсс уже приметил и благоволил к нему — вот прирожденный воин, думал старик. Ему нравилась ненависть, вспыхивающая во взгляде парня всякий раз, когда Друсс смеялся над ним, и понравилось, как солдат вернулся помочь отставшему Оррину. Друсс взглянул на второго. Уж нет ли тут ошибки? Этот толстячок не боец и никогда им не будет — он крепок, но уж больно добродушен.

Джилад бросился вперед и тут же остановился, когда Друсс вскинул кулаки. Друсс повернулся, не теряя его из виду, услышал позади какой-то шум и увидел, как маленький, помчавшись на него, споткнулся и растянулся у его ног. Хмыкнув, Друсс вновь обернулся к Джиладу — воин взвился в воздух, целя ногой ему в грудь. Друсс отступил, чтобы приготовиться — но маленький подкатился ему под ноги, и Друсс с глухим ревом рухнул наземь.

Дружный вопль вырвался из двух сотен глоток. Друсс улыбнулся, легко вскочил на ноги и поднял руку, призывая к тишине.

— Я хочу, чтобы вы задумались над тем, что видели сегодня, ребята, — ведь это делалось не только ради потехи. Вы видели, на что способен один-единственный человек — и на что способны двое, когда они заодно.

Когда надиры набегут под эти стены, вам всем придется защищать себя — но не только. Вы должны будете по возможности защищать и своих товарищей, ибо ни один воин не устоит против удара мечом в спину. Я хочу, чтобы у каждого из вас был побратим. Не обязательно близкий друг — это придет позднее. Но вы должны понимать друг друга — учитесь этому.

Вы будете защищать друг другу спину в бою, поэтому выбирайте с умом. Тот, кто лишится своего побрати-

ма, пусть подберет себе другого, а если не сможет — пусть по мере сил помогает тем, кто рядом.

Я уж почти сорок лет воюю — вдвое дольше, чем каждый из вас прожил на свете. Не забывайте об этом. Прислушайтесь к моим словам — ведь я до сих пор жив.

Есть только один способ выжить на войне, и это — готовность умереть. Вы увидите скоро, как опытные воины пасуют перед дикарями, которые оттяпают себе пальцы, если их попросить нарезать мяса. А все почему? Потому, что дикарь готов умереть. Хуже того — он сам лезет навстречу смерти.

Человек, отступающий перед надирским воином, уходит в небытие. Встречайте их грудью — дикарь против дикаря.

Вы уже слышали, что дело наше пропащее, и услышите еще не раз. Я сам слышал это тысячу раз в ста различных землях.

Часто так говорят малодушные — их можете не слушать. Однако вы можете услышать такое и от закаленных в боях ветеранов. И все же от этих пророчеств нет никакого проку.

В надирском войске пятьсот тысяч человек. Внушительное число! Ум от него цепенеет. Но наши стены имеют определенную длину и ширину — все разом они через них перевалить не смогут. Мы будем убивать их, пока они подходят, и убьем в сто раз больше, когда они полезут на стену. Мы будем изматывать их день ото дня.

Вы будете терять друзей, товарищей, братьев. Вы лишитесь сна и будете терять собственную кровь. Ничто в эти последующие несколько месяцев не будет легким.

Я не стану говорить вам о любви к отечеству, о долге, о свободе и защите этой самой свободы — для солдата это звук пустой.

Я хочу, чтобы вы задумались над тем, как выжить. И лучший для этого способ — посмотреть сверху на надиров, когда они придут, и сказать себе: «Там, среди них, пятьдесят моих. И я перебью их одного за другим, клянусь всеми богами».

Что до меня... я старый вояка. Я беру на себя сотню.

И Друсс перевел дух, давая всем время осмыслить его слова.

— А теперь, — сказал он наконец, — можете вернуться к своим занятиям. Все, кроме «Карнака».

Повернувшись, Друсс увидел Хогуна. Солдаты начали подниматься, а Друсс с Хогуном направились к столовой первой стены.

— Прекрасная речь, — сказал Хогун. — Совсем как та, которую ты держал утром у третьей стены.

— Ты не слишком внимателен, паренек. Эту речь я повторяю уже в шестой раз со вчерашнего вечера. И в третий раз меня сбивают с ног. Я сух, точно брюхо ящерицы в пустыне.

— Сейчас выставлю тебе бутылку вагрийского. Лентрийского на этом конце Дроса не подают — слишком дорого.

— Сойдет. Я вижу, к тебе вернулось хорошее настроение.

— Да. Ты был прав относительно похорон князя. Только твою правоту трудновато переварить.

— Как так?

— Да уж так. У тебя есть дар разом пресекать все свои чувства. Это доступно далеко не всем, поэтому ты и кажешься таким, как назвал тебя Мендар, — бездушным.

— Мне не совсем нравится, как ты это выразил, но суть верна, — сказал Друсс, толкая дверь в столовую. — Я горевал по Дельнару, когда он умирал. Но он умер и ушел от нас. А я пока еще здесь, и до конца идти чертовски долго.

Они уселись за стол у окна и заказали выпивку. Служитель принес большую бутыль и два кубка, и они молча разлили вино, наблюдая за ученьями.

Друсс ушел в свои думы. В жизни он терял многих друзей, но дороже Зибена и Ровены не было никого — один был его побратимом, другая его женой. Мысль о них по-прежнему причиняла боль, как свежая рана. «Когда умру я, — подумал он, — все до одного будут плакать по Друссу-Легенде. Но кто поплачет обо мне?»

Глава 13

— Расскажи о том, что видел, — сказал Рек, входя в каюту Сербитара, где сидели четверо предводителей Тридцати. Менахем пробудил его от глубокого сна и наскоро сообщил о событиях в Дросе. Теперь Арбедарк начал подробный рассказ.

— Мастер Топора обучает солдат. Он снес все дома, начиная от третьей стены, и создал убойную полосу. Он завалил также все ворота до четвертой стены — правильное решение.

— Ты говорил о предателях, — сказал Рек.

— Терпение! — вскинул руку Сербитар. — Продолжай, Арбедарк.

— В городе есть трактирщик по имени Музар — он родом из надирского племени Волчьей Головы, но уже

одиннадцать лет живет в Дросе. Он и один дренайский офицер задумали убить Друсса. Думаю, они не одиноки. Ульрику кто-то сообщил о засыпке проходов.

— Но как? — спросил Рек. — Ведь из города на север никто не ездит?

— Он держит голубей.

— Чем вы можете помочь? — спросил Рек Сербитара, который пожал плечами и взглянул на Винтара, ища поддержки. Настоятель развел руками.

— Мы пытались соединиться с Друссом, но он не воспринимает нас, да и расстояние все еще слишком велико. Не представляю, что еще можно сделать.

— Что слышно о моем отце? — спросила вошедшая Вирэ.

Мужчины смущенно переглянулись. Наконец Сербитар ответил:

— Мне искренне жаль, он умер.

Вирэ ничего не сказала, и на лице ее ничего не отразилось. Рек положил руку ей на плечо. Вирэ сбросила руку и встала.

— Я выйду на палубу, — тихо сказала она. — Увидимся позже, Рек.

— Мне пойти с тобой?

— Нет. Этим поделиться нельзя.

Когда она вышла, Винтар произнес, тихо и горестно:

— Он был замечательный по-своему человек. Я соединился с ним незадолго до конца: он был спокоен и погружен в прошлое.

— В прошлое? — повторил Рек. — Как это?

— Он жил среди счастливых воспоминаний. И умер легко. Думаю, Исток примет его к себе — я буду молиться об этом. Но как же быть с Друссом?

— Я пытался пробиться к гану Хогуну, — сказал Арбедарк, — но опасность слишком велика. Я чуть не сбился с пути. Очень далеко...

— Да, — сказал Сербитар. — Не знаешь ли, каким образом они собираются его убить?

— Нет. Я не смог войти в ум этого человека, но перед ним стояла бутылка лентрийского красного, и он запечатывал ее. Там может быть яд или какой-то дурман.

— Но должны же вы помочь хоть чем-то! — воскликнул Рек. — С вашей-то силой.

— Всякая сила — кроме одной — имеет предел, — сказал Винтар. — Нам остается только молиться. Друсс много лет был воином — и выжил. Значит, он не только ис-

кусен, но и удачлив. Менахем, ты должен отправиться в Дрос и последить за ним. Быть может, они отложат покушение до тех пор, пока мы не приблизимся немного.

— Ты говорил о дренайском офицере, — сказал Рек Арбедарку. — Кто он? Что им движет?

— Не знаю. Когда я явился туда, он выходил из дома Музара. Он шел украдкой, и это возбудило мои подозрения. Перед Музаром на столе лежала записка, где было сказано понадирски: «Убей Побратима Смерти». Так называют Друсса в кочевых племенах.

— Тебе повезло, что ты увидел этого офицера, — сказал Рек. — В такой большой крепости не так-то легко обнаружить измену.

— Да, — согласился Арбедарк, но Рек заметил взгляд, которым тот обменялся с альбиносом, и спросил:

— Или тут дело не только в удаче?

— Возможно, — сказал Сербитар. — Поговорим об этом позже. Сейчас мы беспомощны. Менахем будет следить за положением дел и обо всем уведомлять нас. Если они отложат покушение хотя бы на два дня, мы, быть может, сумеем помочь.

Рек посмотрел на Менахема — тот сидел у стола выпрямившись, закрыв глаза, и дыхание его было едва заметно.

— Он уже ушел?

Сербитар кивнул.

Друсс делал вид, что слушает речи с большим вниманием. Трижды за время пиршества он слышал, как благодарны ему горожане, купцы, члены совета и судейские. Слабые души, с такой легкостью готовые похоронить Дренайскую империю. Теперь, когда битва будет выиграна, говорили они, Дрос-Дельнох привлечет к себе путешественников со всего континента. И к саге, сложенной Сербаром о Друссе, прибавятся новые строфы. Слова звучали, вино лилось, и восхваления делались все более выспренними.

Около двухсот самых богатых и влиятельных жителей Дельноха собрались в ратуше вокруг массивного круглого стола, где обычно решались государственные дела. Пир устроил Бриклин, глава купеческой гильдии, самодовольный коротышка, который весь вечер докучал Друссу разговорами, а теперь разразился самой длинной из всех прозвучавших доселе речью.

Друсс прилежно удерживал на лице улыбку и кивал в тех местах, которые считал подобающими. В жизни ему не раз доводилось присутствовать на таких церемониях — только обычно они устраивались не до, а после сражения.

Как и ожидалось, Друсс открыл празднество кратким рассказом о себе, заключив его бодрящим обещанием удержать Дрос, если солдаты проявят такое же мужество, как те, что сидят за этим столом. И вызвал громкую овацию, чего также следовало ожидать.

Как всегда в подобных случаях, пил Друсс умеренно, едва пригубливая прекрасное лентрийское вино, поставленное перед ним дородным трактирщиком Музаром, церемониймейстером этого вечера.

Друсс внезапно понял, что Бриклин закончил свою речь, и принялся бурно рукоплескать. Седовласый коротышка занял свое место слева от него, сияя и раскланиваясь.

— Прекрасная речь, — сказал ему Друсс. — Прекрасная.

— Благодарю вас. Ваша была еще лучше. — Бриклин налил себе вагрийского белого из каменного кувшина.

— Неправда. Вы — прирожденный оратор.

— Странно, что вы это говорите. Помню, когда я держал речь в Дренане на свадьбе графа Маритина... вы его, конечно же, знаете? Так вот он сказал... — И пошло, и пошло. Друсс улыбался и кивал, а Бриклин вспоминал все новые и новые истории, подтверждающие его достоинства.

Ближе к полуночи, как и было задумано, старый слуга Дельнара Арчин подошел к Друссу и объявил достаточно громко, чтобы слышал Бриклин, что Друсс требуется на третьей стене для инспекции и размещения нового отряда лучников. Произошло это в самую пору. Друсс выпил за вечер один-единственный кубок вина, но голова у него шла кругом и ноги тряслись — он едва сумел подняться. Он извинился перед главой гильдии, поклонился собранию, вышел и за дверью прислонился к колонне.

— Что с вами, мой господин? — спросил Арчин.

— Скверное вино. Скрутило желудок хуже, чем от вентрийского завтрака.

— Вам бы прилечь, господин. Я передам дуну Мендару, чтобы он проводил вас.

— Мендар? С какой стати ему меня провожать?

— Я не мог сказать вам это в зале, господин, я сказал только то, что вы велели, но дун Мендар просил вас уделить ему минуту. Дело, по его словам, серьезное.

Друсс протер глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Желудок бурлил и отказывался повиноваться. Друсс подумал, не послать ли Арчина за молодым командиром «Карнака», но решил, что не надо — пойдут слухи, что Друсс слаб животом. Или, того хуже, что он не умеет пить.

— Может, воздух пойдет мне на пользу. Где Мендар?

— Он сказал, что будет ждать вас у таверны в переулке Единорога. Поверните направо у замка, а как дойдете до первой рыночной площади, около мукомола поверните налево. Потом по Пекарскому ряду до оружейни и опять направо. Это и будет переулок Единорога — таверна находится в дальнем его конце.

Друсс попросил слугу повторить, оторвался от стены и нетвердыми шагами вышел в ночь. Звезды ярко сияли на безоблачном небе. Друсс вдохнул свежего воздуха, и желудок свело.

Он выругался, нашел у замка укромное местечко подальше от часовых, и его вырвало. На лбу проступил холодный пот, голова разболелась, зато желудок как будто утихомирился.

Друсс дошел до площади, отыскал мукомольную лавку и повернул налево. В Пекарском ряду уже пахло свежевыпеченным хлебом. От этого запаха старика снова замутило. Обозлившись на себя, он постучал в первую же дверь. Низенький толстый пекарь в белом полотняном переднике открыл и опасливо выглянул наружу.

— Я Друсс. Не найдется ли краюхи хлеба?

— Теперь едва перевалило за полночь — у меня только вчерашний, но, если подождете немного, поспеет и свежий. Что с вами? Вы весь зеленый.

— Знай неси хлеб, да поскорее! — Друсс ухватился за дверную ручку, чтобы не упасть. Что это за вино такое, черт бы его побрал? А может быть, дело в еде? Друсс терпеть не мог замысловатых блюд — слишком много лет он прожил на вяленом мясе и сырых овощах. Иного его натура не принимает — но такого, как сейчас, с ним никогда не случалось.

Пекарь вернулся рысцой с толстым ломтем черного хлеба и каким-то пузырьком:

— Выпейте это, у меня язва, и кальвар Син говорит, что оно успокаивает желудок быстрее всего остального.

Благодарный Друсс залпом осушил пузырек. Лекарство имело вкус угля. Он откусил большой кусок хлеба и опустился на пол, прислонясь спиной к двери. Желудок бунтовал, но Друсс, скрипя зубами, доел-таки хлеб — и через пару минут ему полегчало. Голова болела дьявольски и в глазах немного мутилось, зато ноги окрепли — пожалуй, короткий разговор с Мендаром он выдержит.

— Спасибо тебе, пекарь. Сколько с меня?

Пекарь хотел уже спросить два медных гроша, но вовремя смекнул, что у Друсса нет ни карманов, ни кошелька. Он вздохнул и сказал то, что от него и ожидалось:

— С вас, Друсс, я денег не возьму.

— Очень великодушно с твоей стороны.

— Шли бы вы домой да выспались хорошенько. — Пекарь хотел добавить, что Друсс уже не юноша, но воздержался.

— Не теперь. Я должен повидаться с одним из моих офицеров.

— А-а, с Мендаром, — улыбнулся пекарь.

— А ты почем знаешь?

— Я видел его минут двадцать назад — он с тремя или четырьмя друзьями шел к «Единорогу». Здесь не часто видишь офицеров в такой час. «Единорог» — солдатский кабак.

— Ага. Ну, спасибо еще раз. Пойду.

Когда пекарь вернулся к своей печи, Друсс еще немного постоял в дверях. Если Мендар не один, то они, верно, надеются, что Друсс выпьет с ними, — и старик искал предлог, чтобы отказаться. Так и не придумав ничего путного, он выругался и пошел вдоль Пекарского ряда.

Мрак и тишина царили вокруг. Тишина беспокоила Друсса, но голова слишком болела, чтобы задуматься над этим.

Впереди уже мерцала в лунном свете наковальня — вывеска оружейника. Друсс остановился, поморгал на ее блеск и потряс головой.

Тишина... Почему, черт подери, так тихо?

Он нашарил в ножнах Снагу, больше по привычке, нежели от сознательного предчувствия опасности, и повернул направо.

В воздухе что-то свистнуло. Свет ослепил глаза, и на Друсса обрушилась дубинка. Он тяжело упал и покатился по грязи, а темная фигура метнулась к нему. Снага запел и разрубил нападавшему бедро. Кость треснула, раздался оглушительный вопль. Друсс вскочил на ноги, а из мрака возникло еще несколько человек. У Друсса мутилось в глазах, но блеск стали при луне он различить мог. С боевым кличем он ринулся вперед. Меч устремился ему навстречу, но Друсс отбил удар и разнес топором череп нападавшему, а второго отшвырнул ногой. Еще чей-то меч, разрезав одежду, оцарапал грудь. Друсс быстро метнул Снагу и обернулся к очередному противнику.

Это был Мендар!

Друсс отступил в сторону, растопырив руки, как борец. Молодой офицер уверенно приближался, сжимая в руках меч. Друсс метнул взгляд на второго — тот лежал на земле, стеная и безуспешно пытаясь выдернуть слабеющими пальцами топор из живота. Друсс был зол на себя. Не надо было метать топор — это головная боль и тошнота помутили его

разум. Мендар прыгнул вперед, замахнулся, Друсс мгновенно отскочил назад, и серебристая сталь просвистела в дюйме от его шеи.

— Скоро тебе некуда будет отступать, старик! — ухмыльнулся Мендар.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Друсс.

— Ты что, время тянешь? Тебе все равно не понять.

Прыжок. Взмах меча. И снова Друсс отскочил. Но теперь он уперся спиной в стену дома, бежать было больше некуда. Мендар засмеялся.

— Вот уж не думал, что тебя так легко убить, Друсс. — И он бросился вперед.

Друсс, извернувшись, плашмя отбил рукой меч. Острое лезвие рассекло ему кожу над ребрами. Старик ударил Мендара кулаком в лицо. Изо рта офицера хлынула кровь, он попятился. Второй удар угодил в область сердца, сломав ребро. Мендар упал, отпустив меч, но огромная рука схватила его за горло и поставила на ноги. Он заморгал — железная хватка едва пропускала воздух в гортань.

— Легко, говоришь? Ничего на свете не бывает легким.

Сзади послышался едва уловимый шорох.

Друсс обернул Мендара назад. Обоюдоострый топор вонзился офицеру в плечо, разрубив грудную кость. Друсс швырнул тело и двинул плечом убийцу, который пытался освободить свое оружие. Тот отлетел назад, повернулся и помчался прочь по Пекарскому ряду.

Друсс, выругавшись, обернулся к умирающему. Кровь лилась ручьем из страшной раны, впитываясь в утоптанную землю.

— Помоги мне, — прохрипел Мендар. — Прошу тебя!

— Считай, что тебе повезло, шлюхин сын. Я убил бы тебя куда медленнее. Кто это был?

Но Мендар уже умер. Друсс вытащил Снагу из трупа другого убийцы и стал искать того, которого ранил в ногу. Идя вдоль переулка по кровавому следу, Друсс нашел его у стены — в сердце у него торчал кинжал, и мертвые пальцы еще сжимали рукоять.

Друсс потер глаза и наткнулся на что-то липкое. Он провел пальцами по виску и снова выругался, нащупав шишку величиной с яйцо, мягкую и кровоточащую.

Неужто ничего простого не осталось в мире?

В его дни битва была как битва: армия шла против армии.

Возьми себя в руки, сказал он себе. Предатели и наемные убийцы существовали во все времена.

Просто ему никогда прежде не доводилось быть их жертвой.

Друсс вдруг рассмеялся, вспомнив странную тишину. Таверна-то пуста. Ему следовало бы насторожиться еще у входа в переулок Единорога: с чего бы пять человек стали ждать его после полуночи в пустом переулке?

Старый ты дурень, сказал он себе. Видать, из ума стал выживать потихоньку.

Музар сидел один в своей хижине и слушал, как шебуршатся голуби, встречая рассвет. Он успокоился теперь, был почти безмятежен, и его большие руки больше не дрожали. Он подошел к окну и высунулся далеко, устремив взгляд на север. Как долго он мечтал об одном: увидеть, как Ульрик въедет через Дрос-Дельнох в богатые южные земли, — увидеть долгожданное возвышение надирской империи.

Теперь жена Музара, дренайка, и его восьмилетний сын лежат внизу, и их сон постепенно переходит в смерть, а сам он вкушает свой последний рассвет.

Тяжело было смотреть, как они пьют отравленное питье, тяжело слышать, как жена строит планы на завтра. А сын спросил его, можно ли будет покататься верхом с мальчонкой Брентара, и Музар сказал — можно.

Надо было сделать по-своему и отравить старого воина, но дун Мендар его отговорил. Сказал, что в таком случае непременно заподозрят церемониймейстера. Куда надежнее, сказал Мендар, одурманить его и убить в темном переулке. Чего проще!

Как возможно, чтобы такой старик был так скор на руку?

Музар мог бы и не лишать себя жизни. Друсс никогда не опознал бы в нем пятого убийцу — ведь Музар обернул лицо темным шарфом. Однако Сурип, его надирский начальник, считает, что лучше не рисковать. В последнем письме, полученном Музаром, была благодарность за работу, которую он вел последние двадцать лет, а в конце говорилось: мир тебе, брат, и твоей семье.

Музар налил в ведро теплой воды из большого медного чайника.

Потом взял с полки кинжал и отточил его на бруске. Лучше не рисковать? Музар знал, что у надиров в Дельнохе есть еще один человек, занимающий более высокое, чем он, положение, — и этого человека ни в коем случае нельзя подвергать опасности.

Он опустил левую руку в ведро и, твердо держа кинжал правой, вскрыл себе вены на запястье. Вода изменила цвет.

«Дурак я был, что женился, — подумал он со слезами на глазах. — Но она была так хороша...»

Хогун и Эликас смотрели, как легионеры убирают трупы убийц. Зеваки глазели из ближайших окон и приставали с вопросами, но легионеры не отвечали.

Эликас теребил свою золотую сережку, наблюдая за Лебусом-Следопытом, который обходил место побоища. Молодой офицер не уставал восхищаться искусством Лебуса. Тот мог определить по следам пол лошадей, возраст всадников и чуть ли не разговоры, которые те вели у костров. Это превосходило понимание Эликаса.

— Старик вошел в переулок вот здесь. Первый прятался в темноте. Он ударил Друсса, и тот упал, но тут же и встал. Видите кровь? Топор рассек первому бедро. Тогда старик схватился с тремя другими, но, должно быть, потерял топор, потому что отступил вот к этой стене.

— Как же он умудрился убить Мендара? — спросил Хогун — он уже знал обо всем от Друсса, но тоже ценил мастерство Лебуса.

— Я сам не мог взять в толк, командир. Но потом, кажется, понял. Был еще пятый убийца, который поначалу держался в стороне. Мне сдается, настал такой миг, когда Друсс и Мендар прекратили борьбу и стали вплотную друг к другу. Тогда-то пятый и напал. Глядите — вот след каблуков Друсса. Видите глубокую круговую борозду? Мне думается, он развернул Мендара назад, и тот попал под удар пятого.

— Ну и дока же ты, Лебус! — усмехнулся Хогун. — Ребята говорят, что ты можешь выследить птицу на лету, и я им верю.

Лебус поклонился и отошел.

— Я начинаю верить всему, что рассказывают о Друссе, — сказал Эликас. — Чудеса, да и только!

— Да, но все это внушает мне тревогу. Мало нам несметной армии Ульрика — теперь еще и в Дросе завелась измена. Что до Мендара — у меня это в голове не укладывается.

— А еще из хорошей семьи. Я пустил слух, что Мендар помогал Друссу в схватке с надирскими лазутчиками. Авось сработает. Не все обладают талантом Лебуса, притом, когда совсем рассветет, здесь все затопчут.

— Ты правильно сделал — но шила в мешке не утаишь.

— Как там старик? — спросил Эликас.

— Десять стежков на боку и четыре на голове. Он спал, когда я уходил. Кальвар Син говорит — чудо, что череп остался цел.

— А турнир на мечах он судить будет? — Хогун только бровь вскинул, и Эликас продолжил: — Да, полагаю, что будет. Тем лучше.

— Это почему же?

— Если бы не судил он, судили бы вы, и я лишился бы удовольствия побить вас.

— Экий самонадеянный щенок! — засмеялся Хогун. — Не настал еще такой день, когда ты пробьешь мою оборону — даже и деревянным мечом.

— Все когда-нибудь случается впервые. А вы, Хогун, не молодеете. Ведь вам, поди, уже за тридцать. Одной ногой в могиле!

— Что ж, увидим. Может, нам об заклад побиться?

— Штоф красного?

— Идет, мой мальчик. Ничего нет слаще вина, за которое платит кто-то другой.

— Вот я вечером и проверю, — не остался в долгу Эликас.

Глава 14

Церемония была скромная — венчал их настоятель Ордена Мечей, Винтар, а свидетелями были капитан «Вастреля» и его помощник. Море было спокойно, ночное небо безоблачно. Вверху кружили чайки — верный знак того, что земля близко.

Антахейм, один из Тридцати, высокий и стройный, со смуглым, выдающим вагрийскую кровь лицом, принес кольцо: простенький золотой обруч.

Теперь близился рассвет, все спали. Рек стоял один на носу, и звездный свет мерцал на серебряном ободе, охватывающем его голову, а темные волосы развевались на ветру, как знамя.

Итак, жребий брошен. Рек собственной рукой намертво связал себя с Дельнохом. Соленая пена обожгла глаза — он отошел и сел спиной к борту, завернувшись в плащ. Всю свою жизнь он стремился убежать от страха, заставляющего дрожать руки и трепетать сердце. Теперь его страхи растаяли, словно воск на огне.

Князь Регнак из Дрос-Дельноха, Хранитель Севера.

Вирэ сначала отказала ему — но Рек знал, что ей придется принять его предложение. Если она откажется

выйти за него, Абалаин пришлет ей своего жениха. Недопустимо, чтобы Дельнох оставался без вождя — и в равной мере недопустимо, чтобы этим вождем была женщина.

Капитан согласно обряду оросил их головы морской водой, но честный Винтар не стал желать, чтобы они плодились и размножались, ограничившись более подходящим благословением: «Будьте счастливы, дети мои, ныне и до конца своих дней».

Друсс отбился от покушавшихся на него злодеев, ган Оррин обрел силу, а Тридцать — всего в двух неделях пути от Дрос-Пурдола, откуда начнется последняя стадия их странствия. Ветры были благоприятны, и «Вастрель» придет в гавань на два-три дня раньше намеченного срока.

Рек смотрел на звезды, вспоминая незрячего провидца и его пророческие слова: «Князь и Легенда бок о бок на стене. В крови и мечтаниях крепость стоит — падет она иль нет?»

Он представил себе Вирэ такой, как оставил ее час тому назад: с разметавшимися на подушке светлыми волосами, закрытыми глазами и мирным, спокойным лицом. Ему хотелось коснуться ее и привлечь к себе, чтобы она его обняла, — но он осторожно прикрыл ее одеялом, оделся и тихо вышел на палубу. Где-то с правого борта слышалось призрачное пение дельфинов.

Рек встал и вернулся в каюту. Вирэ снова сбросила с себя одеяло. Он медленно разделся, опустился рядом с ней — и на сей раз коснулся ее.

Предводители Тридцати между тем завершили молитву и преломили хлеб, благословленный Винтаром. Они ели в молчании, прервав на время умственную связь, чтобы насладиться своими мыслями. Потом Сербитар откинулся назад и подал знак к слиянию.

— *Старик — просто чудо-воин,* — сказал Менахем.

— *Но не стратег,* — заметил Сербитар. — *Весь его план обороны Дроса состоит в том, чтобы стоять на стенах до последнего.*

— *Однако и мы не можем предложить ничего иного взамен.*

— *Это верно. Я хочу сказать, что Друсс не сможет использовать в обороне всех до единого. У него десять тысяч человек, но больше семи за раз он на стену не выставит. Нужно нести караул на других стенах, подносить боеприпасы и доставлять донесения. Кроме того, нужен летучий отряд, чтобы направить его в то или иное слабое место.*

Наша задача в том, чтобы добиться наибольшего успеха с наименьшими усилиями. Каждый отход должен быть

рассчитан с точностью до мгновения, и каждый офицер должен знать свою роль назубок.

— Кроме того, — сказал Арбедарк, *— нам следует не только обороняться, но и нападать. Мы видели, как Ульрик вырубает целые леса для постройки баллист и осадных башен. Нам понадобятся горючие вещества и хранилища для них.*

Около часа, пока солнце вставало над восточным горизонтом, четверо из Тридцати обсуждали и уточняли планы на будущее.

Наконец Сербитар призвал всех соединить руки. Арбедарк, Менахем и Винтар, сняв преграды, уплыли во тьму, и Сербитар принял в себя их силу.

— Друсс! Друсс! — звал он, летя над океаном мимо морской крепости Дрос-Пурдол, вдоль Дельнохского хребта и сатулийских поселений, над огромной Сентранской равниной — все быстрее и быстрее.

Друсс проснулся, как от толчка, и обвел комнату голубыми глазами, раздувая ноздри в поисках опасности. Он потряс головой. Кто-то произнес его имя — но беззвучно. Друсс начертил над сердцем знак Когтя, но кто-то неведомый продолжал звать его.

На лбу у него выступил холодный пот.

Он перегнулся через постель и схватил со стула Снагу.

— Послушай меня, Друсс, — молил голос.

— Убирайся из моей головы, сын шлюхи! — взревел старик, скатившись с кровати.

— Я из числа Тридцати. Мы едем в Дрос-Дельнох, чтобы помочь тебе. Послушай меня!

— Уйди из моей головы!

У Сербитара больше не было выбора — боль была невыносима. Он оставил старого воина и вернулся на корабль.

Друсс с трудом поднялся на ноги, упал и встал снова. Дверь отворилась, вошел кальвар Син.

— Я же велел тебе не вставать до полудня! — гаркнул лекарь.

— Голоса, — сказал Друсс, — голоса! У меня в голове!

— Ляг и послушай меня. Ты наш воевода, и все должны тебе повиноваться — на то и дисциплина. А я лекарь, и мои больные должны повиноваться мне. Что за голоса? Рассказывай.

Друсс опустил голову на подушку и закрыл глаза. Чудовищная боль терзала голову, и желудок до сих пор не угомонился.

— Голос был только один. Он звал меня по имени, а потом сказал, что он из Тридцати и что они идут нам на помощь.

— Это все?

— Да. Что со мной такое, кальвар? Раньше со мной никогда такого не случалось от удара по голове.

— Может быть, дело и правда в ударе: от контузии человеку порой являются видения и слышатся голоса. Но обычно это скоро проходит. Вот тебе мой совет, Друсс. Самое плохое, что ты сейчас можешь сделать, — это разволноваться. Это грозит тебе потерей сознания, если не худшим. Удар по голове может доконать человека даже и через несколько дней. Отдохни, успокойся, а если услышишь голоса снова, то выслушай их — можешь даже ответить. Только не тревожься. Понятно?

— Чего ж тут не понять. Я обычно не кидаюсь в панику, доктор, но есть вещи, которые мне не нравятся.

— Я знаю, Друсс. Дать тебе что-нибудь, чтобы ты легче уснул?

— Нет. И разбуди меня в полдень. Я должен судить фехтовальный турнир. Да не бойся ты, — добавил Друсс, видя раздраженный огонек в единственном глазу лекаря, — я не стану волноваться и сразу после турнира отправлюсь обратно в постель.

За дверью ждали Хогун и Оррин. Кальвар Син сделал им знак молчать и увел их в соседнюю комнату.

— Я не слишком им доволен, — сказал он. — Он слышит голоса — а это дурной знак, поверьте. А так он крепок как бык.

— Ему что-то угрожает? — спросил Хогун.

— Трудно сказать. Утром я так не думал. Но он слишком напрягался последнее время, и сейчас это оборачивается против него. И он уже немолод, хотя об этом легко забыть.

— А голоса? — спросил, в свою очередь, Оррин. — Уж не сходит ли он с ума?

— Могу побиться об заклад, что нет. Он сказал, что получил известие от Тридцати. А князь Дельнар говорил мне, что послал к ним Вирэ с письмом — быть может, среди них есть вещун. Возможно также, что это был кто-то от Ульрика — среди его шаманов тоже есть вещуны. Я велел Друссу успокоиться и послушать, что скажут голоса, если они опять появятся, — а потом рассказать обо всем мне.

— Нам без старика не обойтись, — сказал Оррин. — Сделайте все, что в ваших силах, кальвар. Если с ним что-то случится, это для всех станет страшным ударом.

— Думаете, я сам не знаю? — огрызнулся лекарь.

* * *

Турнир завершился шумным пиршеством. На нем присутствовали все, кто вошел в сотню лучших. Офицеры и рядовые, сидя бок о бок, шутили, болтали и похвалялись почем зря.

Джилад сидел между баром Британом, который недавно разделал его под орех, и дуном Пинаром, который, в свою очередь, победил Британа. Чернобородый бар беззлобно ругал Пинара, уверяя, что деревянный меч уравновешен куда хуже кавалерийской сабли.

— Удивляюсь, как это ты не попросил позволения сразиться верхом, — сказал Пинар.

— Я просил — а они предложили мне потешного конька.

Все трое расхохотались, и весь стол, узнав, о чем речь, присоединился к ним. Потешным коньком называлось седло на палочке, которое возили туда-сюда за веревки, — оно служило мишенью при стрельбе из лука и на турнирах.

Вино лилось рекой, и Джилад понемногу расслабился. Он не хотел идти на пир, боясь, что, как человек простого звания, будет неловко себя чувствовать с офицерами. Только уговоры товарищей убедили его — как-никак, он единственный из «Карнака» вошел в сотню лучших. Теперь он был рад, что согласился. Бар Британ оказался заправским остряком, а Пинар, несмотря на свое происхождение — или благодаря ему, — сделал все, чтобы Джилад почувствовал себя среди друзей.

На дальнем конце стола между Хогуном и Оррином сидел Друсс, а рядом с ними — командир лучников из Скултика. Джилад ничего не знал о нем, кроме того, что он привел в Дрос шестьсот лучников.

Хогун в полных парадных доспехах Легиона — в серебряном, инкрустированном слоновой костью панцире и черной с серебром кольчуге, неотрывно смотрел на серебряный меч, лежащий на столе перед Друссом.

На финальном поединке, где Хогун сражался с Оррином, присутствовало более пяти тысяч человек. Первый удар после четырех минут красивой борьбы нанес Хогун. Второй, обманув противника ложным выпадом, нанес Оррин. Хогун отвел было удар, но из-за легкого выгиба запястья деревянный клинок соперника скользнул по его боку. После двадцати минут поединка счет Хогуна стал два против одного, и до победы ему недоставало только одного очка.

Во время первого перерыва Друсс подошел к Хогуну, который, сидя со своими секундантами в тени первой стены, освежался разбавленным вином.

— Ты молодец, — сказал Друсс. — Однако и он хорош.

— Да, — согласился Хогун, утирая лоб белым полотенцем, — но правая у него слабее моей.

— Зато ты менее проворен, когда дело касается низких ударов.

— Это недостаток всех уланов. Мы ведь большей частью бьемся в седле. И он ниже меня ростом, поэтому здесь имеет преимущество.

— Верно. Оррину на руку то, что он дошел до финала. Мне даже кажется, что его подбадривают громче, чем тебя.

— Ну, меня это мало волнует.

— Хочу надеяться. Однако солдатам полезно видеть, как хорошо проявляет себя в бою верховный ган. — Хогун поднял голову и посмотрел Друссу в глаза, а старый воин улыбнулся и вернулся к судейскому месту.

— Чего это он? — спросил Эликас, массируя Хогуну шею и плечи. — Хотел подбодрить вас, что ли?

— Ага. Разомни-ка мне предплечье — мускулы там совсем затекли.

Молодой ган заворчал, когда Эликас погрузил в его руку свои мощные пальцы. Неужто Друсс хочет, чтобы он проиграл? Нет, конечно же, нет. И все же...

Оррину было бы полезно выиграть серебряный меч — и это безусловно укрепило бы его растущую популярность.

— О чем вы думаете? — спросил Эликас.

— О том, что правая у него слабовата.

— Он будет ваш, Хогун. Используйте тот хитрый прием, который применили против меня.

Поединок возобновился, и при счете два против двух Хогун сломал свой деревянный меч. Оррин отошел, дав ему возможность сменить оружие и проверить новый клинок в деле. Хогун остался недоволен балансировкой и снова сменил меч. Все это время он думал: вправду ли Друсс намекал, чтобы он поддался, или нет?

— Вы витаете в облаках, — сурово заметил ему Эликас. — Что это с вами? Легион поставил на вас уйму денег.

— Знаю.

Хогун принял решение. Нет, он не способен проиграть сознательно — даже из благих побуждений.

В последнюю атаку он вложил всего себя. Отразив очередной выпад Оррина, он ринулся вперед — но еще прежде, чем он ткнул Оррина в живот, меч верховного гана хлопнул его по шее. Оррин предвосхитил его ход и нарочно приоткрылся. В настоящем бою они оба поплатились бы жизнью, но

бой был ненастоящим, и Оррин выиграл. Противники обменялись рукопожатием, а солдаты окружили их с воплями ликования.

— Плакали мои денежки, — сказал Эликас. — Но есть в этом и светлая сторона.

— В чем же она заключается? — спросил Хогун, потирая саднящую руку.

— Наше с вами пари мне оплатить уже нечем. Вино придется ставить вам. Уж это-то по меньшей мере вы обязаны сделать, Хогун, после того как подвели Легион!

На пиру настроение Хогуна исправилось. Речи бара Брита-на, говорившего от имени солдат, и дуна Пинара, представляющего офицеров, отличались остроумием и краткостью, вино и пиво поступали в изобилии, и дух воинской дружбы витал над столом. «Дрос стало просто не узнать», — подумал Хогун.

Снаружи около ворот стоял на часах Бреган вместе с высоким молодым кулом из полусотни «Огонь». Бреган не знал, как его зовут, и не спросил об этом, поскольку часовым на посту разговаривать запрещалось. Бреган считал это правило странным, но подчинялся ему.

Ночь была свежа, но он почти не замечал этого. Он унесся мыслями в родную деревню, к Лотис и детям. Сибад получил нынче письмо — у них все хорошо. В письме сказано о пятилетнем сынишке Брегана, Легане — он недавно влез на высокий вяз и не мог слезть, плакал и звал отца. Бреган попросил Сибада передать мальчику несколько слов в ответном письме домой. Брегану хотелось бы написать своим, как он любит их всех и как по ним скучает, но он постеснялся передавать такие нежности через Сибада и попросил только сказать, чтобы Леган был хорошим мальчиком и слушался матери. Сибад собрал подобные просьбы от всех односельчан и весь вечер трудился над письмом, которое потом запечатал воском и снес в почтовую палату. Конный гонец отвезет его на юг вместе с другими письмами и военными депешами, идущими в Дренан.

Лотис, должно быть, уже присыпала угли золой и прикрутила лампы. Она лежит на их камышовом ложе и, наверное, спит. Легана она, поди, положила с собой — она не любит спать одна, когда Брегана нет дома.

«Ты ведь не пустишь сюда дикарей, правда, папа?» — «Нет. Да они, может, еще и не придут. Правители разберутся с этим, как и раньше бывало». — «А ты скоро вернешься?» — «К празднику урожая». — «Обещаешь?» — «Обещаю».

По окончании пира Друсс пригласил Оррина, Хогуна, Эликаса и Лучника в княжеский кабинет над глав-

ным залом. Слуга Арчин принес им вина, и Друсс представил разбойника командирам. Оррин с явной неохотой пожал Лучнику руку. Уже два года ган слал отряды в Скултикский лес с наказом поймать и повесить атамана разбойников. Хогуна же занимало не столько прошлое Лучника, сколько боевое мастерство его людей. У Эликаса предвзятого мнения не было, и белокурый Лучник безотчетно нравился ему.

Едва успев сесть, Лучник откашлялся и поделился сведениями о численности надирской орды, собравшейся у Гульготира.

— Откуда тебе это известно? — спросил Оррин.

— Три дня назад мы... э... повстречали в Скултике неких путников. Следуя из Дрос-Пурдола в Сегрил, они прошли через северную пустыню. У Гульготира их задержали и отвели в город, где они оставались четыре дня. С ними, как с вагрийскими купцами, обращались учтиво, однако надирский начальник по имени Сурип учинил им допрос. Один из этих купцов — бывший военный, он-то и определил на глаз численность войска.

— Пятьсот тысяч! — воскликнул Оррин. — Мне казалось, эта цифра преувеличена.

— Скажите лучше — преуменьшена. К ним постоянно прибывают отдаленные племена. Вам предстоит нешуточный бой.

— Я не хотел бы показаться придирчивым, — сказал Хогун, — но почему «вам», а не «нам»?

Лучник взглянул на Друсса.

— Ты разве не сказал им, старый конь? Нет? Ах ты, какая оказия — сплошная приятность.

— Не сказал о чем? — спросил Оррин.

— Они наемники, — нехотя выговорил Друсс. — И останутся здесь до падения третьей стены. Так было условлено.

— И за эту-то скудную помощь они ожидают помилования? — вскричал, вставая, Оррин. — Да я велю их повесить!

— За третьей стеной у нас уже не будет такой нужды в лучниках, — спокойно заметил Хогун. — Там нет убойной земли.

— Нам нужны лучники, Оррин, — сказал Друсс. — Страх как нужны. А у этого человека шестьсот отменных стрелков. Мы знаем, что постепенно будем сдавать одну стену за другой, и нам понадобится каждый лук, который есть. Калитки к тому времени будут завалены. Мне такое положение дел тоже не нравится, но нужда заставляет... Уж лучше иметь прикрытие для первых трех стен, чем не иметь его вовсе. Вы согласны?

— А если нет? — все еще с гневом бросил ган.

— Тогда пусть уходят. — Хогун начал что-то сердито говорить, но Друсс знаком прервал его. — Вы наш ган, Оррин. Вам и решать.

Оррин сел, тяжело дыша. Он совершил много ошибок перед приходом Друсса — теперь он это хорошо понимал. Соглашение с разбойниками вызывало у него гнев — но ему ничего не оставалось, как только поддержать старого воина, и Друсс об этом знал. Оррин посмотрел на Друсса, и оба улыбнулись.

— Пусть остаются, — сказал Оррин.

— Мудрое решение, — отозвался Лучник. — Как скоро вы ждете надиров?

— Скорее, чем нам бы хотелось, — ответил Друсс. — Где-то в течение трех недель, если верить разведчикам. Ульрик потерял сына — это дало нам несколько лишних дней, но их недостаточно.

Некоторое время они обсуждали многочисленные трудности обороны. Наконец Лучник нерешительно сказал:

— Вот что, Друсс, — есть кое-что, о чем я должен сказать, но я не хотел бы, чтобы меня сочли... странным. Я не хотел говорить, но...

— Говори, паренек. Здесь все друзья... по большей части.

— Ночью мне снился странный сон — и в нем был ты. Я не придал бы ему значения — но вот увидел тебя и вспомнил. Мне снилось, будто меня разбудил воин в серебряных доспехах. Я мог смотреть сквозь него, точно это был призрак. Он сказал, что пытался связаться с тобой, но безуспешно. Когда он говорил, его голос как будто звучал у меня в мозгу. Он сказал, что зовут его Сербитар и что он едет сюда со своими друзьями и женщиной по имени Вирэ.

Он сказал, чтобы я передал тебе вот что: надо запасти побольше горючих веществ, потому что Ульрик настроил большие осадные башни. Он предложил также прорыть между стенами зажигательные канавки. Потом он показал мне сцену покушения на тебя и назвал имя: Музар. Есть ли какой-то смысл во всем этом?

Настало молчание, но видно было, что Друсс испытал великое облегчение.

— Еще какой, парень. Еще какой!

Хогун наполнил бокал лентрийским вином и передал Лучнику.

— Как выглядел этот воин? — спросил он.

— Высокий, стройный и, как показалось мне, с белыми волосами, хотя он еще молод.

— Да, это Сербитар, — кивнул Хогун. — Видение не обмануло тебя.

— Ты его знаешь? — спросил Друсс.

— Слышал о нем. Он сын князя Драды из Дрос-Сегрила. Говорят, будто в детстве он был очень хил и одержим демоном: умел читать чужие мысли. Он альбинос, а вагрийцы, как вам известно, почитают это дурным знаком. Лет в тринадцать его отправили в Храм Тридцати к югу от Дренана. Говорят еще, что отец хотел удушить его в младенчестве, но ребенок почувствовал это и вылез в окно своей спальни. Все это, конечно, только слухи.

— Что ж, похоже, его дар возрос, — сказал Друсс. — Ну да плевать. Он нам пригодится тут — особенно если ухитрится прочесть мысли Ульрика.

Глава 15

В продолжение десяти дней работа шла полным ходом. Между первой и второй, а также между третьей и четвертой стенами прокладывались огненные канавы десять ярдов шириной и четыре фута глубиной. Их наполняли стружками и опилками, вдоль канавок ставили чаны с маслом, чтобы полить в случае надобности сухое дерево.

Лесные стрелки вбили в землю белые колья — и между стенами, и на равнине перед крепостью. Каждый ряд отстоял от другого на шестьдесят шагов, и лучники ежедневно по нескольку часов упражнялись в стрельбе — по команде в воздух поднималась целая туча стрел.

Мишени, поставленные на равнине, стрелки разносили вдребезги со ста двадцати шагов. Мастерство скултикских лучников поражало.

Хогун обучал солдат отступать — под бой барабана они скатывались со стены, бежали по дощатым настилам поверх огненных канав и взбирались по веревкам на следующую стену. С каждым днем воины проделывали это все быстрее.

Разным мелочам уделялось все больше времени по мере того, как росла общая готовность.

— Когда лить масло? — спросил Хогун Друсса во время полуденного отдыха.

— Между первой и второй стенами это следует сделать в день первого приступа. Мы пока не можем судить, долго ли люди смогут продержаться.

— Остается решить, — сказал Оррин, — кто подожжет канавы и когда. Если стену, к примеру, проломят, наши бойцы побегут бок о бок с надирами. Как тут бросать факел?

— И если мы назначим людей для этой цели, — добавил Хогун, — что будет, если их убьют на стене?

— Надо будет выставить караульщиков с факелами, — объяснил Друсс. — Команду им протрубит горнист со второй стены — а для принятия решения нам понадобится хладнокровный офицер. Когда протрубит горн, канавы будут зажжены — невзирая на то, кто остался позади.

Вопросы, подобные этому, занимали Друсса все больше, и голова у него раскалывалась от дум, планов и хитроумных замыслов. Несколько раз во время таких обсуждений старик выходил из себя и начинал дубасить кулаками по столу либо метаться по комнате точно медведь в клетке.

— Я солдат, а не чертов стратег! — заявлял он при этом, и совещание откладывалось на час.

Нужно было возить дерево из ближних деревень, из Дренана потоком шли панические послания от правительства Абалаина, задерживалась почта, поступали новобранцы, между отрядами возникали склоки — все это угрожало затопить трех начальников крепости с головой.

Один офицер сообщил, что отхожие места на первой стене могут легко стать источником заразы, ибо выгребные ямы недостаточно глубоки.

Друсс отрядил рабочую артель на нужники.

Абалаин требовал дать полную стратегическую оценку обороны Дрос-Дельноха — но Друсс не подчинился, боясь, как бы сведения не просочились к надирам. Из Дренана немедленно последовал выговор с требованием извинений. Оррин настрочил нужный ответ, чтобы отделаться от докучливых правителей.

Затем Хитроплет распорядился реквизировать у Легиона лошадей — раз, мол, дан приказ держаться до последнего, лошади в Дельнохе ни к чему. Он разрешил оставить только двадцать голов для курьерских нужд. Это так взбесило Хогуна, что к нему несколько дней нельзя было подойти.

В довершение всех зол горожане принялись жаловаться на бесчинства, творимые солдатами в гражданских кварталах. Друсс дошел до предела и часто выражал

вслух желание, чтобы надиры пришли поскорее — и будь что будет!

Прошло еще три дня, и его желание частично осуществилось.

Надирский отряд под флагом переговоров примчался галопом с севера. Весть распространилась, как лесной пожар, — когда Друсс узнал об этом в замке, в городе уже царила паника.

Надиры спешились в тени главных ворот и стали ждать. В молчании они достали из своих седельных сум сушеное мясо, мехи с водой и принялись закусывать.

Когда прибыли Друсс с Оррином и Хогуном, они уже окончили свою трапезу. Друсс проревел со стены:

— Что вам поручено передать мне?

— Откройте ворота! — крикнул в ответ надирский начальник — низенький, с выпуклой грудью, кривоногий и могучий. — Это ты — Побратим Смерти?

— Да.

— Ты стар и толст. Это радует меня.

— Хорошо! Запомни это до нашей следующей встречи, ибо я тоже запомнил тебя, Длинный Язык, и мой топор знает твою душу по имени. Говори — что тебе велено передать?

— Господин наш Ульрик, Повелитель Севера, передает тебе, что он едет в Дренан заключить союз с Абалаином, правителем дренаев. Посему он повелевает открыть перед ним ворота Дрос-Дельноха — и если будет так, он обещает не причинить вреда ни мужчине, ни женщине, ни ребенку, ни солдату, ни мирному жителю. Господин наш Ульрик желает, чтобы надиры и дренаи стали единым народом. Он дарует вам свою дружбу.

— Скажи Ульрику, что он может ехать в Дренан, когда ему угодно, — сказал Друсс. — Мы дадим ему эскорт из ста воинов, как подобает Повелителю Севера.

— Мой повелитель Ульрик не допускает никаких условий.

— Это мое условие — и оно останется неизменным.

— Тогда выслушай его второе послание. В том случае, если ворота будут закрыты и город окажет сопротивление, мой повелитель Ульрик оповещает всех о том, что каждый второй защитник, взятый живым, будет убит, все женщины будут проданы в рабство и каждый третий горожанин лишится правой руки.

— Прежде чем все это произойдет, парень, твой повелитель Ульрик должен будет еще взять Дрос. Передай ему такие слова от Друсса, Побратима Смерти: быть может, на севере и дрожат горы, когда он пускает ветры, — но здесь дренайская земля, и для меня он всего лишь дикарь с раз-

дутым брюхом, который и носа бы своего не нашел без дренайской карты. Ну как, паренек, запомнишь — или мне вырезать это большими буквами у тебя на заднице?

— Замечательные слова, Друсс, — сказал Оррин, — но должен признаться, у меня желудок свело, когда вы их произнесли. Ульрик придет в бешенство.

— Если бы, — с горечью ответил Друсс, глядя, как надирские послы скачут обратно на север. — Будь это так, он и вправду был бы обыкновенным брюхатым дикарем. Нет, он посмеется... будет смеяться долго и громко.

— Почему? — спросил Хогун.

— Потому что иного выбора у него нет. Ему нанесли оскорбление, и он должен смеяться, чтобы не потерять лица, — а его люди посмеются вместе с ним.

— Однако он сделал нам недурное предложение, — сказал Оррин, когда они втроем направились обратно в замок. — Весть о нем разойдется быстро. Переговоры с Абалаином... Единая надиро-дренайская империя... Умно, правда?

— Да, умно — и он не обманывает, — сказал Хогун. — Он уже зарекомендовал себя как человек слова. Если мы сдадимся, он пройдет через город, никому не причинив вреда. Угрозу смерти можно презреть — но когда тебе предлагают жизнь, дело иное. Думаю, очень скоро горожане снова попросят принять их.

— Еще до ночи, — предсказал Друсс.

На стене Джилад и Бреган смотрели, как тает вдалеке пыль, поднятая надирскими всадниками.

— Что это Ульрик толкует, Джил, будто хочет ехать в Дренан для переговоров с Абалаином?

— Он хочет, чтобы мы пропустили его армию.

— А-а. Они не так уж страшны на вид, правда? Люди как люди — только что одеты в меха.

— Да, они обыкновенные люди. — Джилад снял шлем и расчесал пальцами волосы, подставив голову прохладному ветерку. — Самые обыкновенные. Но живут они войной. Для них драться так же естественно, как для тебя крестьянствовать. Для тебя и для меня, — добавил он, зная, что это неправда.

— Но зачем это им? Сроду не мог этого понять. Нет, я понимаю, почему люди иногда становятся солдатами: чтобы защищать родину и все такое. Но чтобы целый народ постоянно воевал — это как-то неправильно. Верно я говорю?

— Ну конечно, верно, — засмеялся Джилад. — Только в северных степях земля неплодородная. Надиры

живут в основном разведением коз и своих мелких лошадок. Если они хотят чего-то большего, им приходится отнимать это у других. Дун Пинар сказал мне на пиру, что в их языке «чужой» и «враг» обозначается одним словом. Всякий, кто не принадлежит к твоему племени, должен быть убит и ограблен. Таков их образ жизни. Более мелкие племена истребляются более крупными. Ульрик все это изменил: он стал принимать побежденные племена в свое и так обрел могущество. Теперь у него в подчинении все северные государства и множество восточных. Два года назад он взял Манею и вышел к морю.

— Я слышал, — кивнул Бреган. — Но говорят, что он ушел оттуда, заключив договор с тамошним королем.

— Дун Пинар сказал, что король согласился стать вассалом Ульрика и что Ульрик держит его сына заложником. Королевство принадлежит вождю надиров.

— Ох и умный он, видать, мужик. Но что он будет делать, когда завоюет весь мир? Какой в этом прок? Мне бы вот, скажем, землицы побольше да дом попросторнее. Это я понимаю. Но на кой мне десять наделов? Или сто?

— Ты мог бы стать богатым и могущественным — ты помыкал бы своими арендаторами, а они кланялись бы тебе, когда ты проезжал бы мимо в своей красивой карете.

— Меня это нисколько не привлекает.

— А меня — да. Я всегда с большой неохотой ломал шапку перед каким-нибудь дворянчиком на резвом коне. Как они все смотрят на тебя, как презирают за то, что ты копаешься в земле: такой платит больше денег за свои шитые по мерке сапоги, чем я зарабатываю за год рабского труда. Нет, я не прочь стать богатым — таким богатеем, чтобы никто не смел смотреть на меня сверху вниз.

Джилад отвернулся, устремив взгляд на равнину, — гнев его был яростен, почти осязаем.

— Но тогда ты сам смотрел бы на людей сверху вниз, Джил? И презирал бы меня за то, что я остался крестьянином?

— Нет, конечно же, нет. Человек должен быть свободен делать все, что хочет — при условии, если не обижает других.

— Может, потому Ульрик и хочет захватить весь мир? Может, ему обрыдло, что все смотрят на надиров свысока?

Джилад повернулся обратно к Брегану, и гнев его прошел.

— Ты знаешь, Брег, то же самое сказал мне Пинар, когда я спросил, ненавидит ли он Ульрика за то, что тот хочет покорить дренаев. Он сказал: «Он не дренаев хочет

покорить, а надиров возвысить». По-моему, Пинар им восхищается.

— А я вот восхищаюсь Оррином. Нужно большое мужество, чтобы выйти на учения с солдатами, как сделал он. Да еще когда солдаты тебя недолюбливают. Мне было очень приятно, когда он выиграл турнир.

— Это потому, что его победа и тебе принесла выигрыш — пять серебряных монет.

— Это нечестно, Джил! Я поставил на него, потому что он из «Карнака», я и на тебя поставил тоже.

— На меня ты поставил медный грош, а на него пол-унции серебра — так сказал Дребус, который принял твой заклад.

Бреган с улыбкой похлопал себя по носу.

— Ну, за коня дают одну цену, а за козла другую. Да я и знал ведь, что тебе не бывать победителем.

— Я чуть было не побил этого бара Британа. Присудили ему, вот и все.

— Положим — но Пинара ты никогда бы не побил, как и того легионера с сережкой. А главное — ты нипочем не побил бы Оррина. Я же видел, как фехтуете вы оба.

— Ишь ты, каков знаток! Как же ты сам не участвовал в турнире с твоими-то познаниями?

— Не нужно уметь летать, чтобы знать, что небо голубое. А ты-то сам на кого ставил?

— На гана Хогуна.

— А еще на кого? Дребус говорит, ты сделал две ставки.

— Сам отлично знаешь — от того же Дребуса.

— А я его не спрашивал.

— Врешь! Ну да ладно. Я поставил на себя — на то, что войду в последнюю полусотню.

— И чуть было не вошел. Всего одного очка не хватило.

— Да, один хороший удар — и я бы выиграл месячное жалованье.

— Такова жизнь. Может, на будущий год вернешься и попробуешь еще разок?

— Ага — когда кукуруза вырастет у верблюда на горбу.

В замке Друсс едва сдерживал себя, пока городские старшины обсуждали на все лады предложение Ульрика. Новость дошла до них с ошеломляющей быстротой, и Друсс едва успел прожевать кусок хлеба с сыром, как посыльный от Оррина уведомил его о приходе старшин.

В Дренае издавна повелось так, что старшины имели доступ к главе города и право обсуждать с ним различные дела — это право перестало действовать только во время

сражения. Ни Оррин, ни Друсс не могли отказаться — и требование Ульрика нельзя было представить как пустячное, не стоящее обсуждения дело.

Выборных старшин было шесть, и они заправляли всей торговлей в городе. Главой гильдии и главой старшин был Бриклин, оказавший Друссу в ночь покушения столь роскошный прием. Мальфар, Бакда, Шинелл и Альфус тоже были купцами, Берик же — дворянином, дальним родственником князя Дельнара и видным лицом в городе. Лишь недостаток средств удерживал его в Дельнохе, вдали от Дренана, который он любил.

Пуще всего Друсса злил Шинелл, толстый, будто намасленный, торговец шелком.

— Но имеем же мы право обсудить условия Ульрика — и наш голос должен учитываться при решении, принять их или отвергнуть, — твердил он. — Это затрагивает жизненные интересы города, и мы по закону должны участвовать в совете.

— Вы прекрасно знаете, дорогой мой Шинелл, — ввернул Оррин, — что городские старшины имеют полное право обсуждать любые гражданские дела. Данный же вопрос вряд ли подпадает под эту категорию. Однако ваше мнение будет учтено.

Мальфар, краснолицый виноторговец лентрийского происхождения, прервал начавшего было возражать Шинелла.

— Все эти разговоры о правилах и установлениях никуда нас не приведут. Истина в том, что мы здесь на военном положении. Так вот: способны ли мы выиграть эту войну? — Он обвел зелеными глазами лица присутствующих, и Друсс забарабанил пальцами по столу — единственный признак испытываемого им напряжения. — Способны ли мы вести эту войну столь долго, чтобы заключить почетный мир? Я так не думаю. Это бессмысленно. Абалаин сократил армию в десять раз, а флот наполовину. Наш Дрос в последний раз подвергался осаде двести лет назад — и едва устоял. Притом в летописи сказано, что в нем тогда было сорок тысяч воинов.

— Ближе к делу, любезный! — перебил его Друсс.

— Сейчас я перейду к нему, Друсс, и не смотрите на меня так сурово. Я не трушу. Я хочу сказать одно: если мы не можем удержать город и не можем победить, какой же смысл оборонять его?

Оррин взглянул на Друсса, и старый воин подался вперед.

— Смысл такой, что никто не знает, проиграл он или нет, покуда не проиграет. Мало ли что может быть.

Вдруг с Ульриком случится удар, или чума поразит надирское войско. Надо попытаться выстоять.

— А как же женщины, дети? — спросил Бакда, стряпчий и собственник, с лицом, напоминавшим череп.

— Женщины и дети могут уйти.

— Куда им идти, скажите на милость? И на какие деньги?

— Боги! — загремел Друсс, вскочив на ноги. — Чего вам еще от меня надо? Уйдут ли они, куда пойдут и как — все это касается только их и вас. Я солдат, и мое ремесло — это драться и убивать. И уж поверьте мне, у меня это хорошо получается. Нам приказано драться до последнего — так мы и сделаем. Быть может, я не слишком разбираюсь в законах и тонкостях городского управления, но одно я знаю твердо: человек, который говорит о сдаче перед осадой, есть предатель. И место ему на виселице.

— Хорошо сказано, Друсс, — кивнул Берик, высокий мужчина средних лет с седыми волосами до плеч. — Я и сам не мог бы сказать лучше. Очень вдохновляет. — Он улыбнулся, а Друсс сел на место. — Однако вот что. Вы сказали, что вам приказано драться до последнего. Но ведь приказ может быть изменен: политика такая штука, что рано или поздно затрагивает вопрос целесообразности. В данное время Абалаину выгодно, чтобы мы готовились к войне. Это может придать ему больше веса в переговорах с Ульриком. Но в конечном счете он может склониться к сдаче. Истина остается истиной: надиры покоряли все государства, в которые вторгались, а Ульрик как полководец не имеет себе равных. Предлагаю написать Абалаину с тем, чтобы он рассмотрел этот вопрос заново.

Оррин послал Друссу предостерегающий взгляд.

— Прекрасно изложено, Берик. Нам с Друссом, как людям военным, это не к лицу, вы же вольны писать кому угодно — и я прослежу, чтобы ваша петиция была отправлена с первым же свободным курьером.

— Благодарю вас, Оррин. Это весьма достойно с вашей стороны. А теперь, быть может, перейдем к вопросу о снесенных домах?

Ульрик сидел перед жаровней в овчинном плаще, накинутом на голые плечи. Тощий как скелет шаман Носта-хан сидел на корточках лицом к нему.

— Я не понял, о чем ты говоришь, — сказал Ульрик.

— Я сказал тебе, что не могу больше летать над крепостью. Мне поставили преграду. Прошлой ночью,

кружа над Побратимом Смерти, я почувствовал силу, подобную урагану, и она отбросила меня к внешней стене.

— И ты ничего не видел?

— Нет, но я почувствовал... ощутил...

— Говори!

— Это трудно. В уме у меня мелькнуло море, стройный корабль... и мистик с белыми волосами. Я долго думал над этим. Мне кажется, Побратим Смерти призвал себе на помощь белый храм.

— И их сила превышает твою?

— Она иной природы, — уклонился шаман.

— Если они плывут сюда морем, то должны идти в Дрос-Пурдол, — сказал Ульрик, глядя на мерцающие угли. — Найди их.

Шаман закрыл глаза, освободил свой дух от цепей и воспарил над телом. Бесплотный, он понесся над равниной, над холмами и реками, горами и потоками, вдоль Дельнохского хребта — и вот под ним раскинулось море, сверкающее при свете звезд. Шаман летел все дальше и дальше, пока не обнаружил «Вастрель» по слабому огоньку кормового фонаря.

Быстро снизившись, он стал кружить над мачтой. У правого борта стояли мужчина и женщина. Осторожно прикоснувшись к их умам, шаман проник сквозь палубу и трюм в каюты. Но туда он пройти не смог и лишь легко, будто морской бриз, прошелся по краю невидимой преграды. Она отвердела, и шаман отступил. Он вновь выплыл на палубу, тронул моряка на корме, улыбнулся и полетел обратно к предводителю надиров.

Тело Носта-хана дрогнуло, и он открыл глаза.

— Ну что? — спросил Ульрик.

— Я нашел их.

— Можешь ты уничтожить их?

— Думаю, да. Я должен собрать моих учеников.

На «Вастреле» чем-то встревоженный Винтар встал с постели и потянулся.

— *Ты тоже почувствовал это,* — передал ему Сербитар, спустив свои длинные ноги со второй койки.

— *Да. Нужно быть настороже.*

— *Он не пытался прорвать щит. Что это — признак слабости или, напротив, уверенности?*

— *Не знаю,* — ответил настоятель.

Над ними на корме второй помощник потер усталые глаза, накинул веревочную петлю на руль и устремил взгляд на звезды. Его всегда завораживали эти далекие мерца-

ющие свечи. Нынче они светили ярче обычного — словно драгоценности на бархатном плаще. Один священник как-то сказал ему, что звезды — это отверстия во Вселенной, сквозь которые сияющие глаза богов взирают на землю и на людей. Сказки, конечно, — но помощнику нравилось так думать.

Внезапно он вздрогнул, взял с поручней свой плащ и набросил его на плечи. Потом потер ладони.

Парящий позади него дух Носта-хана поднял руки, сосредоточив силу в длинных пальцах. На них выросли когти — острые, зазубренные, сверкающие, как сталь. Носта-хан, довольный достигнутым, погрузил их в мозг моряка.

Жгучая боль охватила голову помощника. Он покачнулся и упал. Кровь хлынула изо рта и ушей, выступила из глаз. Он умер, не издав ни звука. Носта-хан ослабил хватку. Используя силу своих учеников и шепча кощунственные слова, давно исчезнувшие из языка ныне живущих, он приказал мертвецу встать. Тьма сгустилась над трупом словно черный дым и проникла в окровавленный рот.

Труп содрогнулся — и встал.

Вирэ не спалось. Она тихо оделась, вышла на палубу и встала у правого борта. Ночь была прохладной, легкий бриз успокаивал. Вирэ смотрела через волны на далекую линию берега, сливавшуюся с ярким лунным небом.

Вид слияния земли и моря всегда был отраден ей. Ребенком в Дрос-Пурдольской школе она любила ходить под парусом — особенно ночью, когда земля кажется уснувшим чудищем, темным и таинственным.

Внезапно Вирэ прищурилась — ей показалось, что земля движется. Горы слева от нее как будто отступали, а берег справа приближался. Нет, ей не померещилось. Она взглянула на звезды. Корабль отклонялся на северо-запад — а ведь до Пурдола еще несколько дней пути.

Озадаченная Вирэ прошла на корму к стоящему у руля второму помощнику.

— Куда мы идем? — спросила она, взойдя по четырем ступенькам на мостик и облокотясь на перила.

Моряк повернул к ней голову. Пустые кроваво-красные глаза уставились на Вирэ, а руки отпустили колесо и потянулись к ней.

Страх пронзил ее душу копьем, но тут же его сменил гнев. Она не какая-нибудь молочница, чтобы поддаваться испугу, — она Вирэ, и в ее жилах течет кровь воинов.

Опустив плечо, она двинула помощника в челюсть. Голова откинулась назад, но он по-прежнему прибли-

жался. Оказавшись в кольце его шарящих рук, Вирэ схватила его за волосы и ударила по лицу. Он принял это без единого звука, холодные руки сомкнулись вокруг ее горла. Отчаянно извернувшись, Вирэ швырнула его от бедра, и он тяжело грохнулся спиной на палубу. Вирэ пошатнулась — он медленно поднялся и снова двинулся к ней.

Взяв короткий разбег, она прыгнула и ударила его в лицо обеими ногами. Он упал снова — и снова встал.

Охваченная паникой, Вирэ искала оружие, но под рукой ничего не было. Перескочив через перила, она спрыгнула на палубу — он следом.

— Беги от него! — закричал Сербитар, мчавшийся по палубе с мечом наголо.

Вирэ бросилась к нему.

— Дай мне! — Она выхватила у него меч и сразу обрела уверенность, охватив пальцами рукоять черного дерева. — Ах ты шлюхин сын! — крикнула она, выступая навстречу моряку.

Он не сделал попытки уклониться, и меч, сверкнув при луне, обрушился на его открытую шею. Вирэ ударила еще дважды, и ухмыляющаяся голова отлетела от туловища — но оно осталось стоять.

Из шеи повалил маслянистый дым, на месте отрубленной выросла новая голова, призрачная и бесформенная. Красные как угли глаза светились в дыму.

— Назад! — крикнул Сербитар. — Отойди от него!

На сей раз Вирэ послушалась и отошла к альбиносу.

— Дай мне меч.

Винтар и Рек присоединились к ним.

— О боги, что это? — прошептал Рек.

— Не боги создали это, — ответил Винтар.

Мертвец стоял прямо, сложив руки на груди.

— Корабль идет на скалы! — воскликнула Вирэ, и Сербитар кивнул.

— Он не пускает нас к рулю. Что скажешь, отец настоятель?

— Чары обитают в голове — надо бросить ее за борт, тогда мертвец последует за ней.

Сербитар и Рек выступили вперед. Труп нагнулся, поднял голову за волосы, прижал ее к груди и стал ждать.

Рек напал первым, полоснув мертвеца по руке. Тот пошатнулся, и Сербитар рассек ему поджилки. Мертвец упал, и Рек, перехватив меч двумя руками, отрубил ему руку. Пальцы разжались, голова покатилась по палубе. Рек, бросив меч, кинулся к ней. Преодолев отвращение, он

схватил ее за волосы и швырнул за борт. Как только голова погрузилась в волны, труп на палубе содрогнулся. Густой дым повалил из шеи и пропал во тьме за бортом.

На палубе появился капитан.

— Что это было? — спросил он.

Винтар положил руку ему на плечо.

— У нас много врагов — и власть их очень велика. Но и мы не беспомощны. С кораблем больше не случится ничего дурного, обещаю тебе.

— А его душа? — спросил капитан, подходя к борту. — Они взяли ее себе?

— Она свободна. Поверь мне.

— Сейчас мы все освободимся, — сказал Рек, — если кто-нибудь не отвернет корабль от этих скал.

В темном шатре Носта-хана ученики шамана молча отступили, оставив его в очерченном на земле меловом круге. Измученный и злой Носта-хан едва заметил их уход.

Он не привык к поражениям, и горечь наполняла его рот.

Он растянул губы в улыбке.

Ничего, будет и другой раз...

Глава 16

Подгоняемый попутным ветром, «Вастрель» летел на север — и наконец на горизонте показались серебристые башни Дрос-Пурдола. Корабль вошел в гавань незадолго до полудня, пройдя мимо дренайских военных трирем и торговых судов, стоящих на якоре в бухте.

В шумной гавани торговцы предлагали морякам амулеты, украшения, одеяла и оружие, а кряжистые грузчики таскали товары по шатким сходням. Казалось, кругом царит полная неразбериха.

Глядя на пеструю сумятицу городской жизни, Рек пожалел о том, что должен покинуть корабль. Тридцать сошли на берег вслед за Сербитаром, Рек и Вирэ попрощались с капитаном.

— Если не считать того случая, путешествие было очень приятным, — сказала Вирэ. — Я очень благодарна вам.

— Рад был вам служить, госпожа. Брачное свидетельство я отправлю в Дренан, когда вернусь. Для меня

это было впервой. Никогда еще не присутствовал при венчании княжеской дочери — не говоря уж о том, чтобы участвовать в церемонии. Желаю вам счастья. — И капитан поцеловал Вирэ руку. Он добавил бы еще «и долгих лет», если бы не знал, куда едут новобрачные.

Вирэ сошла на берег, а Рек стиснул руку капитана. Моряк в ответ, к удивлению Река, обнял его.

— Да будет твоя десница крепка, твой дух удачлив и твой конь скор.

— За первые два пожелания спасибо, — усмехнулся Рек. — Что до коня — как по-твоему, будет эта дама спасаться бегством?

— Нет. Она замечательная женщина. Будь счастлив.

— Постараюсь.

На пирсе молодой офицер в красном плаще пробивался сквозь толпу к Сербитару.

— Цель вашего прибытия в Дрос-Пурдол? — спросил он.

— Мы отправимся в Дельнох, как только раздобудем лошадей, — ответил альбинос.

— Крепость скоро будет в осаде, сударь. Известно ли вам, что грядет война?

— Известно. С нами едут госпожа Вирэ, дочь князя Дельнара, и ее супруг Регнак.

Заметив Вирэ, офицер поклонился.

— Рад видеть вас, госпожа. Мы встречались в прошлом году на празднике в честь вашего восемнадцатилетия, если вы изволите помнить меня.

— Ну конечно же, я помню вас, дун Дегас. Мы танцевали, и я отдавила вам ногу — а вы были столь любезны, что взяли вину на себя.

Дегас снова поклонился улыбаясь. «Как же она изменилась, — подумал он. — Куда девалась неуклюжая девица, постоянно наступавшая себе на подол? Та, что покраснела как рак, раздавив в пылу спора хрустальный кубок и окатив даму справа от себя? Что с ней случилось? На вид она все та же — волосы мышиного цвета, и рот великоват, и брови чернеют над глубоко посаженными глазами». Тут Дегас увидел, как она улыбнулась подошедшему Реку, и ответ явился сам собой. Она стала желанной.

— О чем задумались, Дегас? — спросила она. — Вы смотрите куда-то вдаль.

— Виноват, госпожа моя. Я думал о том, что князь Пиндак будет счастлив принять вас.

— Вам придется передать ему мои сожаления, ибо мы хотим отправиться в дорогу как можно скорее. Где мы могли бы купить лошадей?

— Мы подберем вам отменных скакунов. Жаль, что вы не прибыли чуть раньше — четыре дня назад мы отправили в Дельнох подкрепление из трехсот человек. С ними путь был бы намного безопаснее. Сатулы вновь подняли голову, когда надиры стали грозить нам.

— Ничего, доберемся, — сказал высокий мужчина рядом с Вирэ. Дегас смерил его взглядом. Сразу видно, что солдат — или был солдатом. И держится с достоинством. Дегас направил путников в большую гостиницу, пообещав предоставить лошадей в течение двух часов.

Верный слову, он вскоре вернулся с кавалькадой из тридцати двух коней, на которых сидели дренайские кавалеристы. Лошади не относились к числу лентрийских чистокровок — это была местная горная порода, крепкая и выносливая. Когда все разобрали коней и уложили припасы, Дегас сказал Реку:

— За лошадей платить не нужно, но я буду вам очень обязан, если вы доставите князю вот эти депеши. Они прибыли морем из Дренана вчера, когда подкрепление уже ушло. Вот это письмо с красной печатью — от Абалаина.

— Князь получит их. Благодарю вас за помощь.

— Не за что. Доброго вам пути! — Офицер отошел проститься с Вирэ.

Рек положил письма в сумку, сел на свою чалую кобылу и повел отряд на запад от Пурдола, вдоль гряды Дельнохских гор. Сербитар трусил рядом. Вскоре они въехали в густой лес.

— Ты чем-то обеспокоен, — сказал Рек.

— Да. На пути нас подстерегают разбойники, перебежчики, а возможно, и дезертиры — и уж наверняка сатулы.

— Но ведь тебя тревожит не это?

— Ты проницателен.

— Ага. И еще я видел, как ходит мертвец.

— Это верно.

— Ты достаточно долго избегал разговора о той ночи. Скажи правду. Ты знаешь, что это такое?

— Винтар полагает, что это был демон, вызванный Ностаханом. Он главный шаман Ульрикова племени Волчьей Головы и в силу этого верховодит всеми надирскими шаманами. Он очень стар — говорят, он служил еще прадеду Ульрика. И он идет путем зла.

— Его власть выше вашей?

— Если брать нас каждого в отдельности, да. Когда мы вместе — не думаю. Сейчас мы не даем ему проникнуть в Дельнох, но и он, в свою очередь, раскинул свой полог над крепостью и не пускает туда нас.

— Он снова нанесет нам удар?

— Наверняка. Весь вопрос в том, какой способ он изберет.

— Пусть голова об этом болит у вас, — сказал Рек. — А с меня на сегодня хватит всей этой жути. — Рек придержал коня, поджидая Вирэ.

Они остановились на ночлег у горного потока, но костров разводить не стали. Вечером Винтар медленно, припоминая, читал стихи. Голос его звучал тихо и мелодично.

— Он сам их сочинил, — шепнул Сербитар Вирэ, — хотя и не признается в этом. Он замечательный поэт.

— Но в этих стихах столько печали.

— Всякая красота печальна, ибо преходяща.

Сербитар отошел и сел у ивы спиной к стволу — серебристый призрак в лунном свете.

Арбедарк подал Реку и Вирэ медовые пряники, которые купил в порту. Рек оглянулся на одинокую фигуру альбиноса.

— Он странствует, — сказал Арбедарк. — Один.

Когда на рассвете птицы подняли гомон, Рек со стоном поднял свое ноющее тело с корней, впившихся ему в бок. Почти все Тридцать еще спали — только высокий Антахейм стоял на страже у ручья. Сербитар сидел под ивой в той же позе, что и вчера.

Рек потянулся, чувствуя сухость во рту. Он прошел к лошадям, снял свою котомку, прополоскал рот водой из фляги и взял брусок мыла. У ручья он снял рубашку и опустился на колени рядом с бурным потоком.

— Не делай этого, — сказал Антахейм.

— Почему?

Высокий воин присел рядом с Реком.

— Мыльная пена поплывет по ручью — к чему нам себя обнаруживать?

Рек признал свою оплошность и извинился.

— Нет нужды. Это ты извини, что я тебе помешал. Видишь вон то растение у обросшего лишайником камня? — Рек посмотрел и кивнул. — Это лимонная мята. Окати себя водой, а потом разомни листья мяты и потри ими тело. Они освежают и придают приятный аромат.

— Спасибо. А Сербитар все еще странствует?

— Не должен бы. Я поищу его. — Антахейм ненадолго закрыл глаза — а когда он открыл их опять, Рек увидел в них панику. Все Тридцать вскочили из-под одеял и вслед за Антахеймом кинулись к Сербитару.

Рек бросил рубашку и мыло и присоединился к ним. Винтар склонился над Сербитаром и закрыл глаза, охватив руками худое лицо альбиноса. Это продолжалось долго. Пот выступил на лбу Винтара, и он начал раскачиваться. Он поднял руку — и Менахем, поспешно подойдя к нему, приоткрыл Сербитару веко. Радужка была красна, как кровь.

Вирэ встала на колени рядом с Реком.

— У него ведь зеленые глаза. Что случилось?

— Не знаю.

Антахейм бросился в лес и вернулся с охапкой листьев, похожих на виноградные. Свалив их на землю, он набрал хвороста и сложил костерок. Над огнем он пристроил треножник из веток, повесил на него котелок с водой и стал бросать туда листья, растирая их в ладонях. Вскоре вода закипела, и поплыл сладостный аромат. Антахейм снял котелок с огня, добавил холодной воды из фляги, перелил зеленый отвар в кожаную манерку и передал ее Менахему. Сербитару открыли рот и начали вливать туда отвар — Винтар тем временем зажал альбиносу ноздри. Сербитар поперхнулся, глотнул, и Винтар разжал пальцы. Менахем опустил голову Сербитара на траву, и Антахейм быстро загасил костер. Дыма не было.

— Что происходит? — спросил Рек у Винтара.

— Поговорим после. Теперь мне надо отдохнуть. — Он добрел до своих одеял и лег, тут же провалившись в глубокий, без сновидений, сон.

— Я чувствую себя, словно одноногий среди бегунов, — сказал Рек.

Подошел Менахем — его смуглое лицо посерело, и он понемножку пил воду из кожаной фляги. Он лег на бок, вытянув на траве свои длинные ноги и опершись на локоть.

— Я не хотел подслушивать, — сказал он, — но все-таки слышал тебя. Ты должен простить Винтара: он старше нас всех, и охота исчерпала все его силы.

— Охота? Какая охота? — спросила Вирэ.

— Мы искали Сербитара. Он ушел далеко, заблудился и не смог вернуться — пришлось разыскивать его. Винтар верно догадался, что Сербитар блуждает в туманах.

— Ты прости, Менахем, — сказал Рек. — Я вижу, как ты измучен, но вспомни, что мы ничегошеньки в этом не понимаем. В туманах? Какого дьявола это значит?

— Как можно объяснить краски слепому? — вздохнул Менахем.

— Как? Можно сказать, что красный цвет — как шелк, синий — как холодная вода, а желтый — как солнце на лице.

— Прости меня, Рек. Я устал. Я не хотел быть грубым. Я не могу объяснить тебе туманы так, как я понимаю их. Но постараюсь, чтобы и ты что-то понял. Будущих много, но прошлое только одно. Когда мы покидаем тело, мы странствуем — вот как теперь, преодолевая огромные расстояния, но обратный путь остается неизменным, ибо он запечатлен в нашей памяти. Понимаешь?

— Пока да. А ты, Вирэ?

— Я не дурочка, Рек.

— Виноват. Продолжай, Менахем.

— Теперь постарайся понять, что есть и другие дороги. Они ведут не только, скажем, из Дренана в Дельнох, но из сегодняшнего дня в завтрашний. Завтрашний день еще не настал, и виды на то, каким он будет, безграничны. Каждый из нас принимает решения, которые могут повлиять на него. Но вот, положим, мы все же отправимся в завтрашний день. Тогда перед нами предстанет целая путаница дорог, тонких, как паутина, и все время меняющихся. В одном из будущих Дрос-Дельнох пал, в другом был спасен — или вот-вот падет, или может быть спасен. Вот тебе уже четыре дороги. Которая из них верна? И если мы избираем одну из дорог, как нам вернуться в сегодняшний день, который с того места, где мы стоим, представляется путаницей бесчисленных вчера? В который из дней возвращаться? Сербитар ушел гораздо дальше завтрашнего дня — и пока Винтар искал его, мы держали для них тропу.

— Мне трудно понять твое сравнение, — сказал Рек. — Это не то, что объяснять краски слепому, — скорее похоже на обучение каменного идола стрельбе из лука. У меня это в голове не укладывается. Но теперь-то Сербитару ничего не грозит?

— Мы не знаем пока. Но если он выживет, то сможет сообщить нам необычайно ценные сведения.

— А что у него с глазами? Почему они изменили цвет? — спросила Вирэ.

— Сербитар — альбинос, настоящий альбинос. Нужны целебные травы, чтобы поддержать его. Он поступил опрометчиво, уйдя так далеко. Но сердце его бьется ровно, и теперь он отдыхает.

— Значит, он не умрет? — сказал Рек.

— Нельзя сказать наверное. Дорога, по которой он шел, опасна для разума. Быть может, он уйдет на Зов, порой такое случается со Странниками. Они уходят так далеко от самих себя, что их уносит, как дым. Если дух Сербитара сломлен, он уйдет из тела и вернется в туман.

— И вы ничего не можете с этим поделать?

— Мы сделали все, что могли. Мы не в силах держать его вечно.

— Когда же мы узнаем?

— Когда он очнется — если очнется.

Утро было на исходе, а Сербитар по-прежнему лежал без движения. Тридцать не вступали в разговоры, а Вирэ ушла вверх по ручью, чтобы выкупаться. Рек, соскучившись и устав, вынул из сумки письма. Объемистый свиток, запечатанный красным воском, был адресован князю Дельнару. Рек сломал печать и развернул пергамент. Написанное изящным почерком письмо гласило:

Мой друг!

В то время, когда вы читаете эти строки, надиры, по нашим сведениям, должны уже напасть на вас. Мы неоднократно предлагали им заключить мир — мы готовы были отдать взамен все, кроме нашей свободы. Но Ульрик отказался — он желает заполучить под свою руку всю землю от северного моря до южного.

Я знаю, что Дрос удержать невозможно, и отменяю свой приказ стоять до последнего. К чему вести безнадежную, бесплодную битву?

Нет нужды говорить, что Хитроплет со мной не согласен и заявляет, что уведет свою армию в холмы и будет совершать набеги на надиров, если им позволят пройти на Сентранскую равнину.

Вы старый солдат — вам и решать.

Если пожелаете сдаться, валите всю вину на меня. Вина и правда моя — ведь это я довел дренаев до нынешнего плачевного состояния.

Не судите меня строго. Я всегда старался действовать на благо моего народа.

Но быть может, годы обошлись со мной более сурово, чем я полагал, ибо с Ульриком мне недостало мудрости.

Письмо было подписано просто «Абалаин», и внизу стояла красная печать с дренайским драконом.

— Но мы приедем туда еще до падения второй стены, — сказал Рек. — Я надеюсь, до тех пор колодец Музифа им не понадобится?

— Ты не понимаешь. Эльдибар, то есть первую стену, оборонять невозможно. Она слишком широка, и любой разумный командир отдаст ее незамедлительно. Вот почему предатель отравил второй колодец. Первый бой Друсс даст там, и ранним утром бойцов накормят. К полудню они начнут умирать, а к вечеру у тебя будет армия призраков.

— Надо ехать, — заявил Рек. — Немедленно! Посадите его на коня.

И пока Тридцать седлали лошадей, он побежал искать Вирэ. Винтар и Арбедарк помогли Сербитару встать.

— Ты кое о чем умолчал, не так ли? — спросил Арбедарк.

— Да — есть бедствия, о которых лучше не говорить.

Три дня они скакали под сенью Дельнохского хребта, зелеными долинами и лесистыми холмами. Они путешествовали быстро, но с осторожностью. Менахем ехал впереди и передавал сообщения. Вирэ со времени ссоры почти ничего не говорила и старательно избегала Река. Он тоже не уступал и не пытался сломать лед, хотя глубоко страдал.

Утром четвертого дня, когда они въехали на пригорок, под которым расстилался густой лес, Сербитар, подняв руку, остановил отряд.

— Что случилось? — спросил Рек, подъехав к нему.

— Я потерял связь с Менахемом.

— Что-то неладно?

— Не знаю. Может быть, он просто упал с лошади.

— Давайте поедем и выясним. — Рек пришпорил свою кобылу.

— Нет! — крикнул Сербитар, но Рек уже скакал вниз с холма, набирая скорость. Он натянул поводья, задрав голову лошади, и откинулся назад в седле. У подножия холма он огляделся. Между деревьев стоял, опустив голову, серый конь Менахема, а рядом лежал ничком на траве сам воин. Рек направил лошадь к нему, но под первым же деревом его насторожил какой-то шорох. Рек мгновенно свалился с седла вбок, и в тот же миг с дерева прыгнул человек. Рек перекатился, вскочил на ноги и выхватил меч. С дерева спрыгнули еще двое — все в белых просторных одеждах сатулов.

Рек отступил к поверженному Менахему, мельком взглянув на него. У воина из виска сочилась кровь. Рек понял, что в него попали из пращи, но не успел посмотреть,

жив ли еще Менахем. Из кустов возникали все новые и новые сатулы с широкими кривыми саблями и длинными ножами.

Они приближались медленно, с ухмылками на темных бородатых лицах. Рек ухмыльнулся им в ответ.

— Хороший денек для смерти, — сказал он. — Не хотите ли со мной?

Он перехватил правой рукой рукоять меча, освобождая место для левой. Теперь не время блистать фехтовальным искусством — придется рубить с маху, обеими руками. Он вновь ощутил знакомое чувство отстраненности, предвещающее приступ беспамятства, — и на сей раз обрадовался ему.

С душераздирающим воплем Рек бросился на врагов и перерубил горло первому, только и успевшему изумленно разинуть рот. Теперь он оказался среди врагов, и обагренный кровью меч засверкал, сея смерть вокруг. Сатулы, ошеломленные было его натиском, отступили, но тут же снова с воинственным кличем бросились в бой. Из кустов выскочили их собратья, а за спиной у Река послышался стук копыт.

Рек не видел, как подскакали Тридцать. Он отразил удар и, обратным движением поразив противника, переступил через труп навстречу следующему сатулу.

Сербитар безуспешно старался установить вокруг Река защитное кольцо. Его тонкий клинок жалил с точностью лекарского скальпеля. Даже Винтар, самый старый и наименее искусный боец, крошил сатулов почем зря. Эти дикие, необученные воины брали своей свирепостью, бесстрашием и численным преимуществом. Винтар понимал, что так будет и теперь, — сатулов вчетверо больше, и пути к отступлению нет.

Лязг стали о сталь и крики раненых эхом отдавались на тесной поляне. Вирэ, легко раненная в правую руку, вспорола одному сатулу живот и пригнулась под свистнувшей саблей другого. Высокий Антахейм бросился к ней, чтобы отвести второй удар. Арбедарк двигался, будто танцуя. Держа в обеих руках по короткому мечу, он творил танец смерти и разрушения, точно серебряный призрак из древних легенд.

Ярость Река росла. Неужто вот так вот все кончится? Встреча с Вирэ, преодоление собственных страхов, обретение княжеской короны? Неужто все это ради того, чтобы умереть от сабли кочевника в каком-то безымянном лесу? Он сокрушил оборону очередного сатула и пинком отшвырнул труп под ноги новому.

— Довольно! — крикнул он вдруг громовым голосом. — Опустите оружие, вы все!

Тридцать тут же подчинились ему — они отошли и окружили стальным кольцом упавшего Менахема, оставив Река одного. Сатулы, беспокойно переглядываясь, тоже опустили мечи.

Они знали, чем обычно кончаются битвы: ты либо побеждаешь, либо умираешь, либо бежишь. Иного исхода нет. Однако этот длинный отдал свой приказ так властно, что они невольно послушались.

— Пусть выйдет вперед ваш вожак, — распорядился Рек, вогнав меч в землю у своих ног и сложив руки, хотя клинки сатулов по-прежнему окружали его.

Сатулы расступились, и вперед вышел высокий, плечистый человек в синих и белых одеждах. Смуглолицый, с ястребиным носом, он был ростом с Река. Расчесанная натрое борода придавала ему язвительный вид, а сабельный шрам от лба до подбородка усиливал впечатление.

— Я Регнак, князь Дрос-Дельноха, — сказал Рек.

— А я — сатул Иоахим и сейчас убью тебя, — угрюмо отозвался другой.

— Подобные дела должны улаживаться между такими, как мы с тобой. Оглядись — вокруг лежат тела сатулов. Видишь ли ты среди них моих людей?

— Увижу вскорости.

— Почему бы нам не решить это в единоборстве, как подобает князьям?

Сатул наморщил пересеченный шрамом лоб.

— Ты хочешь оказаться со мной на равных. Однако ты не в том положении, когда ставят условия, — с какой же стати мне уступать?

— Твоя уступка спасет жизнь сатулов. Я знаю, вы охотно отдаете свою жизнь — но чего ради? У нас нет ни провизии, ни золота. Только лошади — а их в Дельнохских горах полно. Здесь не идет речь о чести или поживе — давай уладим это между собой.

— Ты, как все дренаи, горазд только языком молоть, — сказал сатул, отвернувшись.

— Что, поджилки затряслись?

— Ага, теперь ты пытаешься меня разозлить. Ладно! Мы будем драться. Когда ты умрешь, твои люди сложат оружие?

— Да.

— А если умру я, мои дадут вам пройти.

— Хорошо.

— Да будет так. Клянусь душой Мехмета, благословенно будь его имя.

Иоахим обнажил тонкую кривую саблю, сатулы образовали круг около поединщиков. Рек вынул меч из земли, и бой начался.

Сатул оказался отменным бойцом и сразу же потеснил Река. Сербитар, Вирэ и другие спокойно следили, как сталь бьет о сталь. Выпад — отражение — взмах — ответный удар. Рек поначалу яростно оборонялся, потом потихоньку перешел в наступление. Пот градом лился с обоих. Видно было, что ни один не уступает другому ни мастерством, ни силой, ни проворством. Рек рассек кожу на плече Иоахима — кривая сабля оставила порез на кисти Река. Противники кружили, тяжело дыша.

Иоахим атаковал, Рек отбился, и они снова начали кружить. Арбедарк, лучший из Тридцати фехтовальщик, только дивился их мастерству.

Не то чтобы он не мог с ними сравниться — он мог, но ведь он достиг таких высот благодаря духовной практике, которой оба этих бойца на сознательном уровне не владели. Однако бессознательно они пользовались теми же приемами. Это была битва не только клинков, но и умов — и даже здесь соперники были равны.

— *Слишком близко для меня, чтобы судить,* — передал Сербитар Арбедарку. — *Кто победит?*

— *Не знаю. Это зрелище завораживает.*

Оба противника стали сдавать. Рек держал меч двумя руками — одна правая уже не выдерживала тяжести. Он бросился в атаку, встретив отчаянный отпор Иоахима. Меч обрушился на саблю в дюйме от рукояти — и кривое лезвие сломалось. Рек ступил вперед, прижав острие меча к сломанному клинку. Сатул, стоя на месте, с вызовом смотрел карими глазами на Река.

— Дорого ли стоит твоя жизнь, сатул Иоахим?

— Цена ей — сломанная сабля.

Рек протянул руку и забрал у сатула ставшее бесполезным оружие.

— Что это значит? — спросил удивленный Иоахим.

— Очень просто. Мы все равно что покойники. Мы едем в Дрос-Дельнох сразиться с армией, какой еще не видел свет. Мы не переживем этого лета. Ты воин, Иоахим, и достойный воин. Твоя жизнь стоит дороже сломанной сабли. Своим поединком мы не доказали ничего, кроме того, что мы мужчины. Впереди у меня только война — и, раз уж мы больше не свидимся в этой жизни, мне хотелось бы ве-

рить, что позади я оставляю хотя бы немногих друзей. Хочешь пожать мою руку? — Рек вложил меч в ножны и протянул руку.

Высокий сатул улыбнулся:

— Чудно это — когда моя сабля сломалась и смерть заглянула мне в лицо, я спросил себя, как поступил бы на твоем месте. Зачем ты едешь навстречу своей гибели?

— Это мой долг, — просто сказал Рек.

— Да будет так. Ты предложил мне дружбу — я принимаю ее, хотя и поклялся страшной клятвой, что ни один дренай не пройдет спокойно по сатулийской земле. Я дарю тебе свою дружбу, потому что ты воин и потому что тебе предстоит умереть.

— Так скажи мне, Иоахим, как другу — как поступил бы ты, если б сломался мой меч?

— Я убил бы тебя, — сказал сатул.

Глава 17

Первая весенняя гроза разразилась над Дельнохскими горами, когда Джилад сменил часового на первой стене. Гром сердито рокотал над головой, и кривые зигзаги молний пронзали ночное небо, на краткий миг освещая крепость. Свирепый ветер с пронзительным воем несся вдоль стен.

Джилад приютился под навесом надвратной башни, около жаровенки с горячими углями. Плащ его промок насквозь, и вода, капая с мокрых волос на плечи, затекала под панцирь, пропитывая кожаную кольчугу. Но стена отражала тепло от жаровни, а Джиладу доводилось проводить и худшие ночи на Сентранской равнине, откапывая овец из-под снега. Он то и дело приподнимался и поглядывал через парапет на север, выжидая, когда молния озарит равнину. Все было спокойно.

Где-то ниже по стене молния ударила в другую жаровню, и угли долетели до Джилада. «В такую ночь только доспехи и носить», — подумал он и, вздрогнув, прижался поближе к стене. Буйный ветер с севера понемногу уносил грозу на Сентранскую равнину, но дождь лил по-прежнему, разбиваясь о серые стены и стекая по башням. Редкие капли шипели, испаряясь на углях.

Джилад достал из поясной сумки полоску вяленого мяса, оторвал кусок и принялся жевать. Еще три часа — а потом три в теплой койке.

Из мрака за стеной донесся какой-то звук. Джилад повернулся и схватился за меч, охваченный суеверным детским страхом. В свете жаровни прорисовалась огромная фигура.

— Спокойно, паренек, это я, — сказал Друсс, садясь по ту сторону жаровни и протягивая к огню свои ручищи. — Греешься, значит?

Его белая борода промокла насквозь, и черный кожаный колет сверкал, омытый ливнем. Дождь перешел в мелкую морось, ветер перестал завывать. Друсс напевал под нос старую военную песню. Джилад ждал, что он скажет дальше. «Замерз, парень? Нужен огонек, чтобы отогнать призраки?» «Надо же было старому ублюдку выбрать как раз мои часы», — думал он. Молчание становилось все более гнетущим, и Джилад не мог больше его выносить.

— Слишком холодная ночь для прогулок, — сказал он, проклиная себя за почтительный тон.

— Я видал и похуже. И мне нравится холод. Он как боль — напоминает тебе, что ты жив.

Слабый свет бросал глубокие тени на обветренное лицо старого воина, и Джилад впервые разглядел на нем усталость. «А ведь старик-то измотан вконец», — подумал он. Годы не спрячешь за легендарными доспехами и ледяными взорами. Друсс крепок и силен как бык — но он стар. Время, неутомимый враг, одолело его.

— Веришь или нет, — сказал Друсс, — но нет ничего хуже для солдата, чем ожидание перед боем. Я все это уже испытал — а тебе доводилось бывать в бою, парень?

— Нет, не доводилось.

— Это не так страшно, как тебе кажется, — стоит только убедиться, что в смерти ничего особенного нет.

— Зачем вы так говорите? Я другого мнения. У меня есть жена и дом — я хотел бы увидеть их снова. Мне еще жить да жить.

— Все так. Но ты можешь уцелеть в этой битве, а потом подцепить чуму — а не то зверь тебя разорвет или рак доконает. Тебя могут убить разбойники, ты можешь свалиться с лошади. Так ли, этак, но ты все равно умрешь. Все мы смертны. Я не говорю, что ты должен сдаться и встретить смерть с распростертыми объятиями. Нет, ты должен бороться. Один старый солдат, мой хороший друг, говорил мне когда-то: тот, кто боится поражения, никогда не победит. И это правда. Знаешь, кто такие одержимые?

— Доблестные воины.

— Верно, но не совсем. Одержимый — это убойная машина, остановить которую невозможно. А знаешь почему?

— Потому что он безумен?

— Да, и это верно, но не до конца. Он не защищается, потому что ему все равно. Он наступает, и другие — те, кому не все равно, — умирают.

— Вы полагаете, что они хуже его? По-вашему, только тот, кто убивает, велик?

— Я не то хотел сказать... Но пусть, будь по-твоему. Если бы я взялся крестьянствовать, вот как ты, соседи сказали бы, что я хуже тебя, и считали бы меня никудышным крестьянином. А на этих стенах о людях будут судить по тому, сколько они проживут. Плохим солдатам придется либо перемениться, либо умереть.

— Зачем вы пришли сюда, Друсс? — Джилад хотел спросить, почему Друсс пришел именно к нему, но старик не так его понял.

— Чтобы умереть, — тихо ответил он, грея руки и глядя на угли. — Найти себе место на стене, стать там и умереть. Разве я думал, что на меня взвалят всю эту проклятую оборону? Чума ее забери. Я солдат, а не полководец.

И Джилад понял, что Друсс говорит не с ним — не с кулом Джиладом, бывшим крестьянином. Он говорит с очередным солдатом у очередного огня в очередной крепости. В этом мгновении, в ожидании перед боем, и заключается вся жизнь Друсса.

— Я всегда обещал ей, что перестану и начну пахать землю, — но где-то каждый раз завязывалась новая драка. Многие годы я думал, что представляю что-то — свободу, к примеру, — а истина-то куда проще. Я просто люблю драку. Она это знала, но была так добра, что никогда не говорила мне об этом. Можешь ты представить себе, что это такое значит — быть живой легендой, проклятой Легендой с большой буквы? Можешь или нет?

— Нет, но ведь этим можно гордиться, — неуверенно проговорил Джилад.

— От этого устаешь. Это отнимает у тебя силы вместо того, чтобы добавлять. Нельзя ведь показывать, как ты устал. Ты — Друсс-Легенда, неутомимый и непоколебимый. Ты смеешься над болью. Ты можешь шагать без устали. Одним ударом ты разбиваешь горы. Похож я на человека, который разбивает горы?

— Похожи, — сказал Джилад.

— Ну, так я на это не способен, черт побери. Я старик, у меня больное колено и ревматизм в спине. И

глаза у меня уже не те, что прежде. Когда я был молод и силен, на мне все заживало быстро. Тогда я и верно был неутомим — мог драться весь день напролет. С годами я выучился притворяться и урывать минуты для отдыха. Выучился использовать свой опыт в бою, где раньше полагался только на свою силу. На пятом десятке я сделался осторожен — однако одно упоминание о Легенде по-прежнему повергало всех в дрожь. Три раза с тех пор я сражался с теми, кто мог бы меня побить, — но они побивали сами себя тем, что знали, кто я, и боялись. Как ты думаешь — хороший из меня командир?

— Не знаю. Я крестьянин, а не солдат.

— Не увиливай, парень. Я спрашиваю о твоем мнении.

— Пожалуй, что нет. Но воин вы и правда великий. В былые годы вы, наверное, были бы славным воеводой. Не знаю. Вы сотворили чудеса с нашим обучением: в Дросе теперь совсем другой дух.

— У меня в свое время были отменные командиры. Сильные люди с хорошими мозгами. Я пытался вспомнить все их уроки — но это так трудно. Ох как трудно, парень. Я никогда не боялся врагов — будь я с топором или с голыми руками. Но здесь, в крепости, у меня совсем другие враги. Поднятие духа, учения, огненные канавы, снабжение, связь, поддержание порядка. Они вымотали мне всю душу.

— Мы не подведем вас, Друсс, — со стесненным сердцем ответил Джилад. — Мы будем держаться стойко. Вы сумели добиться этого от нас, хотя все это время я вас люто ненавидел.

— Ненависть дает силу, паренек. Конечно же, вы будете стойко держаться. Вы ведь мужчины. Слышал ты о дуне Мендаре?

— Да, это большое несчастье. Хорошо, что он оказался там, чтобы помочь вам.

— Он оказался там, чтобы убить меня. И ему это почти удалось.

— Что?! — вскричал пораженный Джилад.

— То, что слышал. Только не рассказывай никому. Он был на жалованье у надиров и командовал убийцами.

— Так, значит... вы были один против них? Один против пяти — и вы живы?

— Да — но все они были неважные, плохо обученные бойцы. А знаешь, почему я рассказал тебе про Мендара?

— Вам хотелось с кем-то поговорить?

— Разговорчивостью я никогда не отличался и не имею нужды с кем-то делиться своими страхами. Мне

просто хотелось, чтобы ты знал, что я тебе доверяю. Я хочу, чтобы ты занял место Мендара. Я делаю тебя дуном.

— Нет. Я не хочу! — закричал Джилад.

— А я, думаешь, хотел брать на себя такую ответственность? Зачем, по-твоему, я сижу здесь с тобой? Я пытаюсь дать тебе понять, что часто — чаще, чем нужно, — нам приходится делать то, что внушает нам страх. С завтрашнего дня приступишь к своим обязанностям.

— Но почему? Почему я?

— Потому что я наблюдал за тобой и открыл в тебе дар вожака. Своим десятком ты командуешь на славу. Ты помог Оррину в беге — это был гордый поступок. Словом, ты нужен мне — и другим тоже.

— У меня нет опыта, — сказал Джилад, зная, что это плохая отговорка.

— Опыт придет. Подумай вот о чем: твой друг Бреган — солдат аховый, и многие погибнут во время первого же приступа. Имея хорошего офицера, кое-кто сможет спастись.

— Ладно. Но не ждите, что я буду обедать с офицерами или платить оружейнику. Придется вам самому обеспечить меня обмундированием.

— То, что осталось от Мендара, тебе подойдет — и авось ты употребишь это на более благородные цели.

— Спасибо. Вы говорили, что пришли сюда, чтобы умереть. Стало быть, победа нам не светит?

— Ничего подобного. Забудь то, что я сказал.

— Будь ты проклят, Друсс! Нечего меня опекать. Ты говорил еще что-то о доверии. Так вот: я, теперь уже офицер, спрашиваю тебя прямо — и твой ответ останется между нами. Доверься же мне.

Друсс улыбнулся, встретив яростный взор Джилада.

— Хорошо. Долго мы не протянем. Каждый лишний день приближает нас к надирской победе. Но мы заставим их дорого заплатить за нее. И ты этому верь — это говорит тебе Друсс-Легенда.

— Пропади она пропадом, твоя легенда, — сказал Джилад, вернув улыбку. — Мне говорит это человек, уложивший пятерых убийц в темном переулке.

— Не стоит меня переоценивать, Джилад. У каждого есть какой-то дар. К зодчеству, к живописи, к сочинительству, к воинскому делу. А мне вот всегда удавалось ускользнуть от смерти.

Девушка шла по стене, не обращая внимания на солдатские шуточки. Ее волосы золотились на солнце, а

длинные, стройные бронзовые ноги давали пищу множеству дружеских, но весьма игривых замечаний. Один из солдат вызвал ее улыбку, шепнув товарищу: «Я, кажется, влюбился». Девушка послала ему поцелуй и подмигнула.

Лучник только усмехался, покачивая головой. Да, Каэсса устроила зрелище из своего выхода — но кто бы упрекнул ее, с ее-то внешностью? Ростом со среднего мужчину, гибкая и грациозная, она любым своим движением сулит усладу каждому, кто на нее смотрит. Если судить по виду, она воплощенная женственность.

Он посмотрел, как она натягивает свой лук. Йорак вопросительно глянул на атамана, но тот покачал головой. Остальные лучники отошли назад. Теперь настал час Каэссы — после такого выхода она заслужила немного рукоплесканий.

Соломенные чучела были расставлены в сотне шагов от стены. Головы их выкрасили в желтый, а туловища в красный цвет. Сто шагов — среднее расстояние для хорошего лучника, но стрелять приходилось сверху вниз, а это затрудняло задачу.

Каэсса достала из висящего за плечом колчана стрелу с черным оперением, убедилась в том, что она прямая, и наложила на тетиву.

— В голову, — произнесла Каэсса.

Плавным движением она оттянула тетиву, коснувшись ею щеки, и пустила стрелу. Стрела просвистела в воздухе и вонзилась в шею ближайшего чучела. Зрители бурно забили в ладоши, и Каэсса взглянула на Лучника. Тот поднял бровь.

Еще пять стрел вонзились в мишень, прежде чем Лучник знаком вызвал на линию остальных стрелков. Затем он подозвал к себе Каэссу и спустился с ней вниз.

— Не слишком-то ты спешила сюда, любезная госпожа, — с улыбкой заметил он. Она продела руку ему под локоть и послала ему поцелуй. Лучник, как всегда, ощутил прилив возбуждения — и, как всегда, подавил его.

— Так ты скучал по мне? — Ее глубокий, гортанный голос обещал не меньше, чем ее тело.

— Я всегда по тебе скучаю. Ты поднимаешь мой дух.

— Только дух?

— Только дух.

— Врешь — я по глазам вижу.

— Ты не видишь там ничего такого, чего я сам не показываю, — да и никто другой не видит. Со мной тебе ничего не грозит, Каэсса. Я тебе уже говорил. Однако позволь тебе заметить, что для женщины, не ищущей мужского

общества, ты появилась на сцене чересчур уж картинно. Где твои штаны?

— Жарко. Довольно и туники, — сказала она, рассеянно одергивая подол.

— Порой я спрашиваю себя, знаешь ли ты сама, чего хочешь.

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Зачем тогда ты ищешь моей дружбы?

— Ты ведь понимаешь, о чем я.

— Я-то понимаю — но не уверен, что понимаешь ты.

— Как ты серьезен нынче, о властелин леса. С чего бы? Нам заплатили, мы получили свои помилования, а жилье тут получше, чем в Скултике.

— Где тебя поместили?

— Молодой офицер — Пинар, кажется? — выделил мне отдельную комнату в казарме. Не позволил мне ночевать вместе с вами. Право же, это трогательно. Он даже поцеловал мне руку.

— Он славный парень. Пойдем-ка выпьем.

Лучник провел Каэссу в заднее, офицерское, отделение Эльдибарской столовой и заказал бутылку белого вина. Они сели у окна, и он некоторое время пил в молчании, наблюдая за учениями.

— Зачем ты на это согласился? — внезапно спросила она. — Только не надо потчевать меня чепухой насчет помилования. Тебе на помилование наплевать — и на деньги тоже.

— Все еще пытаешься разгадать меня? Это тебе не удастся. — Он отпил глоток и крикнул, чтобы принесли хлеба и сыра. Каэсса подождала, пока служивший им солдат не отошел.

— Ну полно тебе — скажи!

— Иногда, дорогая моя, как ты сама, несомненно, поймешь, став чуть постарше, человек не может назвать простой и ясной причины своим действиям. Так, порыв... Нечто, совершенное под влиянием минуты... Кто знает, зачем я согласился прийти сюда? Уж конечно, не я!

— Опять врешь. Просто говорить не хочешь. Это из-за того старика, из-за Друсса?

— Что тебе так приспичило? Ты-то сама здесь зачем?

— А почему бы нет? Тут любопытно и не так уж опасно. Ведь мы же уйдем, когда падет третья стена?

— Разумеется. Таков уговор.

— Ты не доверяешь мне, да? — улыбнулась она.

— Я никому не доверяю. Знаешь, порой ты ведешь себя, как всякая другая женщина.

— Это комплимент, о властелин зеленого леса?

— Не сказал бы.

— К чему тогда ты это сказал? Я ведь все-таки женщина — как мне еще себя вести?

— Ну вот, снова ты за свое. Вернемся к вопросу о доверии. С чего ты взяла, будто я не доверяю тебе?

— Ты не говоришь, зачем пришел сюда, и лжешь по поводу нашего ухода. Что я, по-твоему, — круглая дура? Ты вовсе не собираешься покидать эту злосчастную кучу камней. Ты останешься здесь до конца.

— И каким же путем ты пришла к этому поразительному умозаключению?

— Это написано у тебя на лице. Но не беспокойся — я ничего не скажу ни Йораку, ни остальным. Впрочем, не рассчитывай на то, что я тоже останусь. Я не намерена погибать здесь.

— Каэсса, голубка моя, все это лишний раз доказывает, как мало ты меня знаешь. Что же касается... — и Лучник умолк, заметив направляющегося идущего к ним Хогуна.

Каэсса видела командующего Легионом впервые, и он произвел на нее впечатление. Он шел грациозно, опустив руку на рукоять меча, — светлоглазый, с волевым подбородком и правильными, почти красивыми чертами лица. Каэсса сразу невзлюбила его — и это чувство еще усилилось, когда Хогун перевернул стул задом наперед и уселся лицом к Лучнику, не обращая на нее никакого внимания.

— Лучник, нам нужно поговорить.

— Хорошо — но сперва позволь представить тебе Каэссу. Каэсса, дорогая, это ган Хогун, командир Легиона. — Хогун обернулся и кивнул.

— Нельзя ли нам поговорить наедине? — спросил он Лучника. Каэсса гневно сверкнула зелеными глазами, однако промолчала и поднялась с места, подыскивая подобающе язвительные прощальные слова.

— Увидимся позже, — сказал Лучник, не дав ей раскрыть рта. — Ты пока поешь чего-нибудь. — Каэсса повернулась на каблуках и вышла. Лучник посмотрел ей вслед, любуясь кошачьей грацией ее движений.

— Ты ее расстроил, — сказал он.

— Я? Я ей слова не сказал. — Хогун снял свой черный с серебром шлем и поставил его на стол. — Впрочем, не важно. Я хочу, чтобы ты поговорил со своими людьми.

— О чем?

— Они болтаются повсюду и насмехаются над солдатами во время учений. Так не годится.

— А что тут такого? Они добровольцы и в армии не состоят. С началом боевых действий это все прекратится.

— Все дело в том, Лучник, что боевые действия могут начаться еще до прихода надиров. Я только что помешал одному из моих людей выпустить кишки этому чернобородому верзиле Йораку. Еще немного — и нам не миновать смертоубийства.

— Хорошо, я поговорю с ними. Успокойся и выпей. Какого ты мнения о моей прекрасной лучнице?

— Я не рассмотрел ее толком. Хорошенькая как будто.

— Как видно, правда то, что говорят о кавалеристах. Вы все влюблены в своих лошадей! Великие боги — так она, по-твоему, всего лишь хорошенькая?

— Поговори со своими прямо сейчас — мне легче станет. Ссора назревает, а надиры всего в двух днях от нас.

— Сказал же, поговорю. Давай-ка пока что выпьем. Ты горячишься не меньше своих людей, а это вредно для боевого духа.

— Ты прав, — внезапно усмехнулся Хогун. — Так всегда бывает перед боем. Возьми Друсса — он точно медведь с головной болью.

— Я слыхал, ты проиграл фехтовальный турнир толстяку, — хмыкнул Лучник. — Что ж ты так, старый конь? Теперь не время соблюдать субординацию.

— Я не поддавался ему — просто он хороший боец. Не суди о нем опрометчиво, мой друг, — он еще тебя удивит. Как удивил меня. А почему ты сказал, что я расстроил девушку?

Лучник улыбнулся, потом прыснул со смеху и налил себе еще вина.

— Дорогой мой Хогун, когда женщина красива, она ждет... как бы это сказать... некоторых знаков внимания со стороны мужчин. Тебе следовало дать понять, что ты как громом поражен ее красотой. Следовало потерять дар речи или, еще лучше, начать нести всякую чушь. Тогда бы она всего лишь облила тебя презрением. Ты же отнесся к ней пренебрежительно, и теперь она тебя возненавидит. Хуже того — она сделает все, чтобы покорить твое сердце.

— Не вижу в этом никакого смысла. Зачем ей покорять мое сердце, раз она ненавидит меня?

— Затем, чтобы получить право тебя презирать. Ты что, совсем ничего не понимаешь в женщинах?

— Понимаю достаточно — и знаю, что у меня нет времени на подобный вздор. Может быть, мне извиниться перед ней?

— И дать ей понять, что ты сознаешь, как пренебрег ею? Дорогой ты мой, и чему тебя только учили?

Глава 18

Друсс с радостью встретил солдат из Дрос-Пурдола — пусть их немного, но их прибытие доказывает, что Дельнох не забыт окружающим миром.

И все-таки людей сильно недостает — защита будет очень нестойкой. Первое сражение на Эльдибаре, первой стене, либо поднимет боевой дух, либо сломит его окончательно. Дельнох достаточно силен с военной точки зрения, но дух — иное дело. Можно выковать из наилучшей стали меч небывалого совершенства — но, если его слишком быстро из огня перенести в воду, он треснет там, где выдержал бы худший клинок. Так же и армия. Друссу доводилось видеть, как бегут в панике хорошо обученные войска и как крестьяне, вооруженные вилами и мотыгами, стоят насмерть.

Лучник и его стрелки теперь ежедневно упражнялись на Кании, третьей стене, занимавшей самое широкое пространство между горами. Их мастерство поражало. За десять ударов сердца шестьсот лучников пускали в воздух три тысячи стрел. При первом приступе надиры будут под прицелом минуты две, пока не приставят к стене лестницы, и за эти две минуты понесут на открытом месте страшные потери. Бойня будет кровавой — но решит ли она исход дела?

Скоро сюда придет самая большая из всех существовавших доселе армий — орда, за двадцать лет создавшая империю из дюжины земель и ста городов. Ульрик того и гляди станет основателем самого крупного за всю историю государства — невероятное достижение для человека, которому нет еще пятидесяти.

Друсс шел по Эльдибару, заговаривая с солдатами и перебрасываясь с ними шутками. За эти последние дни ненависть, которую они питали к нему, рассеялась, как предрассветный туман. Теперь они видели его таким, как есть: несгибаемым старцем, воином былых времен, живым свидетелем славного прошлого.

Все вспомнили теперь, что он сам решил сразиться вместе с ними, — и все знали почему. Только здесь на

целом свете и мог оказаться последний из былых героев: здесь, в величайшей из всех крепостей, последней надежде дренаев, к которой движется величайшая в мире армия. Какое иное место мог выбрать Друсс-Легенда?

Вокруг него понемногу собиралась толпа, и все новые люди спешили к Эльдибару. Скоро Друссу пришлось прокладывать себе дорогу сквозь тесные ряды, и еще больше солдат толпилось на открытом месте под стеной. Друсс взошел на зубчатый парапет и обернулся к ним лицом. Его громовой голос заглушил все разговоры.

— Оглянитесь вокруг! — заговорил он. Серебряные наплечники его черного колета сверкали на солнце, и белая борода сияла. — Оглянитесь. Люди, которых вы видите, — это ваши товарищи, ваши братья. Они живут рядом с вами и умрут за вас. Они защитят вас и отдадут за вас свою кровь. Никогда в жизни не изведать вам больше такого дружества. И если вы доживете до моих лет, то никогда не забудете ни этот день, ни все последующие. Вы не поверите, сколь ясно будете их вспоминать. Каждый день будет сиять в вашей памяти, будто кристалл.

Да, здесь будут кровь и хаос, муки и боль — это вы тоже будете вспоминать. Но все пересилит сладостный вкус жизни. С этим ничто не сравнится, ребята.

Мне, старику, вы можете поверить. Вам и сейчас кажется, что жизнь хороша, — но она неизмеримо желаннее, когда смерть караулит на каждом ударе сердца. Для тех, кто выживет, куда милее станут и солнечный свет, и свежий ветер, и женские губы, и детский смех.

Нельзя насладиться жизнью, пока ты не победил смерть.

В будущем люди скажут: «Хотел бы я быть там, с ними», — хотя и позабудут давно, за что мы сражались.

Пробил поворотный миг истории. Это сражение изменит мир: либо Дренай воспрянет снова, либо взойдет заря новой империи.

И вы тоже принадлежите истории. — Друсс вспотел и почему-то очень устал, он знал, что должен продолжать. Эх, вспомнить бы, какие слова говорил старый воевода из саги Зибена. Нет, не вспоминается. Друсс втянул глубоко в легкие сладкий горный воздух.

— Кто-то из вас, вероятно, опасается, что может дрогнуть и побежать. Нет, вы не побежите! Другие боятся смерти. Да, некоторые из вас умрут. Однако все мы смертны. Из этой жизни никто не выходит живым.

Я сражался на Скельнском перевале, когда все говорили, что нам конец. Говорили, что враг имеет слиш-

ком большое преимущество, но я сказал — плевать мне на это! Я Друсс, и никто еще не сумел меня побить — ни надиры, ни сатулы, ни вентрийцы, ни вагрийцы, ни дренаи.

И я говорю вам, призывая в свидетели всех богов и демонов этого мира, — я и здесь не намерен быть побитым! — во всю мощь проревел Друсс, вскинув над головой Снагу. Топор сверкнул на солнце, и со всех сторон загремело:

— ДРУСС-ЛЕГЕНДА! ДРУСС-ЛЕГЕНДА!

Люди на других стенах не слышали слов Друсса, но слышали крик толпы и подхватывали его. Весь Дрос-Дельнох гудел, и эхо, докатываясь до гор, поднимало в воздух всполошенные стаи птиц. Но Друсс поднял руки, и вопль утих, хотя со второй стены прибежало еще больше народу, чтобы послушать старика. Теперь здесь собралось почти пять тысяч человек.

— Мы — рыцари Дрос-Дельноха, осажденного города. Здесь родится новая легенда, которая затмит Скельнский перевал. И здесь найдут свою смерть тысячи надиров. Сотни тысяч! ТАК КТО ЖЕ МЫ?

— РЫЦАРИ ДРОС-ДЕЛЬНОХА! — грянуло в ответ.

— Что мы несем?

— СМЕРТЬ НАДИРАМ!

Друсс хотел продолжать, но увидел, что люди поворачивают головы и смотрят вниз, на долину. Вдалеке виднелись столбы пыли — они затмевали небо, точно там собиралась гроза. Гроза всех гроз. В пыли засверкали копья — надиры вливались в долину со всех сторон и катились вперед темным валом, а за ними следовали новые. Волна за волной показывались они на виду. Огромные осадные башни, влекомые сотнями лошадей; гигантские катапульты; обшитые кожей тараны; тысячи телег и сотни тысяч коней; несметные стада скота и больше людей, чем может постичь разум.

Не одно сердце дрогнуло при этом зрелище. Отчаяние повисло в воздухе, и Друсс тихо выругался. Ему нечего было больше сказать — и он чувствовал, что потерял их. Он повернулся к надирским конникам, несущим сплетенные из конского волоса хоругви своих племен. Уже можно было различить их лица, угрюмые и страшные. Друсс воздел в воздух Снагу и встал, расставив ноги, являя собой воплощенный вызов. Полный гнева, взирал он на надирских захватчиков.

Увидев его, они придержали лошадей и, в свой черед, воззрились на него. Ряды расступились, пропуская глашатая. Он подскакал на своем степном коньке к воротам, осадив под стеной в том самом месте, где стоял Друсс. Конь, фыркая, взвился на дыбы.

— Я привез вам приказ владыки Ульрика, — прокричал гонец. — Откройте ворота, и он пощадит всех, кроме белобородого, оскорбившего его.

— А, это опять ты, брюхан, — сказал Друсс. — Ты передал ему мои слова в точности?

— Передал, Побратим Смерти. В точности передал.

— И он посмеялся, правда?

— Посмеялся. И поклялся лишить тебя головы. А мой владыка Ульрик всегда добивается желаемого.

— Значит, мы с ним одного поля ягоды. И я желаю, чтобы он плясал на цепи, как ученый медведь. Я добьюсь этого, даже если мне придется явиться в ваш стан и самому посадить его на цепь.

— Твои слова шипят словно лед на огне, старик, — шуму много, а толку мало. Мы знаем, сколько вас — тысяч одиннадцать, не больше. И те в основном крестьяне. Мы знаем все, что следует знать. Посмотри на войско надиров! Можно ли противостоять ему? Какой в этом смысл? Сдавайтесь. Отдайтесь на милость моего повелителя.

— Парень, я видел ваше войско, и оно меня не поразило. Я намерен отправить половину моих солдат по домам. Ну кто вы такие? Сборище пузатых, кривоногих северных дикарей. Говорите вы красиво — а вот что вы можете на деле? Покажите мне! И довольно болтать. Отныне за меня будет говорить он. — И Друсс потряс сверкающим на солнце Снагой.

Джилад, толкнув локтем Брегана, затянул:

— Друсс-Легенда!

Бреган и дюжина других подхватили клич. Гонец повернул коня и поскакал прочь, а вслед ему гремело:

— ДРУССС-ЛЕГЕНДА! ДРУССС-ЛЕГЕНДА!

Друсс молча смотрел, как движутся к стене мощные осадные машины: громадные деревянные башни шестьдесят футов высотой и двадцать шириной; сотни баллист; громоздкие катапульты на высоких деревянных колесах. Несметное множество людей тянуло, напрягаясь, за тысячи веревок эти машины, сокрушившие Гульготир.

Старый воин глядел на это войско, высматривая легендарного мастера Китана. Найти его не составило труда. Китан был неподвижным центром кипящей внизу деятельности, оком бури. При малейшем его движении работа приостанавливалась и после полученных указаний возобновлялась с новым пылом.

Китан, в свой черед, посмотрел на высокую стену. Он не мог видеть Побратима Смерти, но почувствовал его присутствие и усмехнулся.

— Меня ты своим топором не остановишь, — прошептал он и рассеянно почесал обрубок на месте правой кисти. Как ни странно, после стольких лет он все еще чувствовал свои пальцы. Боги были добры к нему в тот день, когда гульготирские сборщики налогов нагрянули в его деревню. Ему было тогда двенадцать, и всю его семью перебили. Китан бросился с отцовским кинжалом на защиту матери, и меч отсек ему руку — она пролетела по воздуху и упала рядом с телом брата. Тот же меч пронзил Китану грудь.

До сего дня Китан не мог объяснить, почему не умер тогда — или почему Ульрик потратил на него столько времени. Конники Ульрика налетели на грабителей и истребили их, взяв двоих в плен. Один из воинов нашел среди трупов чуть живого Китана. Мальчика увезли в степи, и Ульрик взял его в свой шатер. Обрубок руки залили кипящей смолой, а рану в боку залепили древесным мохом. Почти месяц Китан пролежал в жару, смутно сознавая окружающее. Но одно воспоминание осталось у него с тех страшных дней — воспоминание, которое он унесет с собой в могилу.

Открыв глаза, он увидел над собой лицо, сильное и властное. Лиловые глаза повелевали.

— Ты не умрешь, малыш. Слышишь? — Голос звучал ласково, но Китан, погружаясь вновь в свой горячечный бред, понял твердо: это не обещание, это приказ.

А приказу Ульрика нельзя было не подчиниться.

С того дня Китан посвятил каждый миг своей жизни повелителю надиров. Китан не мог сражаться, поэтому он выучился думать и стал измышлять средства, помогающие его повелителю строить свою империю.

Двадцать лет войн и опустошения — двадцать лет неистовой радости.

...С горсткой своих помощников Китан прошел сквозь гущу суетящихся воинов и вошел в первую из двадцати осадных башен. Они были предметом его особой гордости. Устройство их поражало своей простотой. Берешь открытый с одной стороны деревянный ящик двенадцати футов вышиной. Помещаешь внутрь деревянную лесенку, ведущую на крышу. Потом берешь второй ящик и ставишь его на первый. Скрепляешь их железными штырями. Потом добавляешь третий — вот тебе и башня. Она собирается и разбирается с относи-

тельной легкостью, и ее составные части перевозятся на телегах в указанное военачальником место.

Да, замысел прост — но осуществить его на деле крайне сложно. Потолки проваливаются под тяжестью вооруженных воинов, стены рушатся, колеса ломаются — а хуже всего то, что тридцатифутовая вышка очень неустойчива и все время норовит упасть.

Китан помнил, как он бился над этим больше года, как надрывался пуще своих рабов и спал меньше трех часов в сутки. Он укрепил потолки — но это только утяжелило все сооружение и сделало его еще неустойчивее. Впав в отчаяние, Китан обратился к Ульрику, и владыка послал его в Вентрию для обучения в университете Тертуллия. Китан чувствовал себя униженным и опозоренным, однако подчинился. Он и не на такое был готов, лишь бы угодить Ульрику.

Но вышло так, что этот год, когда он обучался у вентрийского ученого Ребо, стал самым замечательным временем в жизни Китана.

Китан узнал о центре масс, параллельных векторах и необходимости равновесия между силой внешней и внутренней. Он жадно поглощал знания, и Ребо понемногу привязывался к уродливому дикарю-надиру. Статный вентриец стал приглашать Китана к себе домой, где они могли заниматься до глубокой ночи. Надир был неутомим. Когда Ребо порой засыпал на стуле и просыпался несколько часов спустя, маленький однорукий Китан все так же рьяно трудился над тем, что задал ему учитель. Ребо восторгался — не часто ему встречались столь способные и трудолюбивые ученики.

Каждая сила, узнал Китан, имеет равную по величине противоположную по направлению силу противодействия — так, например, рычаг, создающий усилие на своем верхнем конце, создает такое же усилие по направлению к подножию своей опоры. Понимание природы нагрузок вело к постижению законов устойчивости.

Университет Тертуллия был для Китана чем-то вроде рая.

Когда настало время ехать домой, маленький кочевник плакал, обнимая потрясенного вентрийца. Ребо умолял его пересмотреть свое решение и остаться при университете, и у Китана не хватило духу сказать, что подобная участь его ничуть не привлекает. Есть человек, которому принадлежит его жизнь, и Китан ни о чем ином не помышляет, как только служить ему.

Дома он рьяно принялся за работу. Теперь башни строились на основании, в пять раз превышающем верх-

нюю часть. При установке на позицию люди размещались только на первых двух этажах, чтобы центр тяжести был ближе к земле. Когда башня уже устанавливалась у стены, из ее середины спускались веревки и привязывались для устойчивости к вбитым в землю железным кольям. Колеса снабжались железными спицами и ободом. Их было восемь, поэтому вес распределялся равномерно.

Используя свои новые знания, Китан построил катапульты и баллисты. Ульрик остался доволен, и Китан ликовал.

Теперь Китан, возвратясь к настоящему, влез на верхушку башни и велел своим людям опустить укрепленный на петлях передний помост. На стене в трехстах шагах от себя он увидел Побратима Смерти в черной одежде, опершегося на парапет.

Стены здесь были выше, чем в Гульготире, и Китан добавил к каждой башне по одному ярусу. Приказав снова поднять помост, он проверил прочность крепящих башню веревок и спустился с пятого яруса на первый, пробуя по пути распорки.

Всю ночь его четыреста рабов будут работать под стеной, долбя камень перевала и расставляя мощные вороты через каждые сорок шагов. Чтобы изобрести эти механизмы шести футов вышиной на хорошо смазанных опорах, Китан затратил месяцы, а на их постройку ушли годы. В конце концов их отлили на железном заводе лентрийской столицы, в тысяче миль к югу. Они стоили целое состояние, и даже Ульрик изменился в лице, услышав окончательную цифру. Но за прошедшие годы они оправдали себя.

Тысячи людей придвинут башню на шестьдесят футов к стене, и этот прогал начнет понемногу сокращаться: под башней пропустят трехдюймовые канаты, протянут их через вороты и будут тянуть сзади.

Рабов, которые долбят выемки для воротов, защищают от лучников передвижные загородки из туго натянутой бычьей кожи, однако многие погибнут под градом камней со стены. Но Китана это не заботит. Заботит его только ущерб, который могут причинить воротам — а они ничем не защищены.

Бросив последний долгий взгляд на стену, он отправился к себе, чтобы дать наставления механикам. Друсс следил за ним, пока он не скрылся среди шатров, заполнивших долину на две мили вспять.

Столько шатров. Столько воинов. Друсс велел защитникам сойти вниз и отдохнуть, пока еще возможно. Повсюду он видел искаженные страхом лица и полные едва сдерживаемой паники глаза. Громадность вражеского войска здорово подорвала боевой дух. Друсс, тихо выругавшись, снял

свой черный колет, сошел со стены и опустился на мягкую траву. Через несколько мгновений он уже спал. Солдаты, подталкивая друг друга, показывали на него — а те, что поближе, усмехались, слыша его храп. Они не знали, что он не спал уже двое суток и лег только потому, что боялся не дойти до своего жилья. Они знали только, что это Друсс, Мастер Топора.

И что он плевать хотел на надиров.

Лучник, Хогун, Оррин и Каэсса устроились в тени у столовой, и атаман сказал, показав на спящего гиганта:

— Где еще найдешь такого?

— А по мне, он просто усталый старик, — сказала Каэсса. — Не понимаю, почему ты взираешь на него с таким почтением.

— Прекрасно ты все понимаешь — просто дразнишься, как всегда. Это свойственно всему твоему полу.

— Ничего подобного, — улыбнулась она. — Кто он, собственно, такой? Воин. Ни больше и ни меньше. Что он такого геройского совершил? Махал своим топором? Убивал людей? Я тоже умею убивать. Ничего хитрого в этом нет. Однако обо мне почему-то саг не слагают.

— Сложат еще, дорогая, сложат — дай срок.

— Друсс не просто воин, — тихо заметил Хогун. — Мне кажется, он был всегда. Он образец, пример, если хотите...

— Того, как надо убивать?

— Вовсе нет. В Друссе воплотились все, кто отказывается сдаться; кто упорствует в борьбе, не имея никакой надежды; кто предпочитает смерть отступлению. Он доказал, что ни одно поражение нельзя предсказать заранее. Он поднимает дух одним лишь тем, что он Друсс, — и тем, что все видят в нем Друсса.

— Слова, и только! — сказала Каэсса. — Все вы, мужчины, одинаковы. Одни лишь высокие слова. Кто из вас воспоет крестьянина, который годами борется с неурожаями и непогодой?

— Никто, — признался Хогун. — Но ведь это такие, как Друсс, побуждают крестьян продолжать борьбу.

— Чушь! — осклабилась Каэсса. — Высокомерная чушь! Крестьянин не нуждается ни в воинах, ни в войнах.

— Победы тебе не видать, Хогун, — сказал Лучник, открывая дверь в столовую. — Сдавайся, пока еще можешь.

— В ваших рассуждениях есть одна фундаментальная ошибка, Каэсса, — сказал Оррин, когда они все расселись вокруг стола на козлах. — Вы забываете ту простую истину, что огромное большинство наших солдат и есть крестья-

не. Они вступили в армию только на время войны. — Он учтиво улыбнулся и махнул служителю.

— Тем глупее с их стороны.

— Все мы глупцы, — согласился Оррин. — Война — это безумная комедия, и вы правы: мужчины любят выказывать себя в бою. Не знаю почему — я сам никогда такого желания не испытывал, но слишком часто встречал его у других. Однако и для меня Друсс пример, как верно сказал Хогун.

— Почему?

— Боюсь, что не смогу этого объяснить.

— А вы постарайтесь.

Оррин с улыбкой покачал головой, налил всем белого вина и раздал хлеб. Некоторое время все ели в молчании, и наконец он сказал:

— Есть растение, называемое нептис. Его листья, если их пожевать, облегчают зубную и головную боль. Вот и Друсс такой же. Когда он рядом, страх отступает. Лучше я объяснить не могу.

— На меня он подобного действия не оказывает, — сказала Каэсса.

Бреган и Джилад наблюдали с башни за приготовлениями надиров. На стене под руководством дуна Пинара раскладывали зазубренные шесты, чтобы отталкивать вражеские лестницы, а бар Британ распоряжался расстановкой горшков с маслом. Наполненные и закупоренные горшки помещались в плетеные корзинки. Настроение у всех было мрачное. Почти без слов люди проверяли свое оружие, точили и без того острые мечи, смазывали доспехи и пересматривали каждую стрелу в колчанах.

Хогун и Лучник вышли вместе, оставив Оррина и Каэссу, увлекшихся разговором. Они устроились на траве шагах в тридцати от Друсса, и Лучник прилег, опершись на локоть.

— Мне доводилось читать выдержки из Книги Древних, и одна строчка теперь особенно поражает меня: «Придет час, придет человек». Не было еще часа, когда так позарез требовался бы нужный человек. И вот явился Друсс. Как ты думаешь, это провидение?

— Великие боги, Лучник! Уж не стал ли ты суеверен? — ухмыльнулся Хогун.

— Да нет. Просто хотел бы знать, существует ли судьба, посылающая нужных людей в нужное время.

Хогун сорвал и прикусил стебелек пырея.

— Ладно, давай обсудим это. Можем мы продержаться три месяца, пока Хитроплет наберет и обучит армию?

— Нет. Не с таким количеством людей.

— Значит, не так уж важно, что такое приход Друсса — совпадение или нет. Возможно, мы и продержимся несколько лишних дней благодаря его усилиям, но ведь этого мало.

— Люди готовы к бою, старый конь, поэтому лучше не повторяй при них подобных вещей.

— Что я, по-твоему, — дурак? Я буду стоять рядом с Друссом и умру, когда придет время, — как и все прочие. Я делюсь только с тобой, потому что ты меня поймешь. Ты человек здравомыслящий — кроме того, ты остаешься здесь только до падения третьей стены. Уж с тобой-то я могу говорить откровенно?

— Друсс удержал Скельнский перевал, когда все говорили, что это невозможно.

— Он держал его одиннадцать дней, а не три месяца. И был тогда на пятнадцать лет моложе. Я не преуменьшаю его подвига — Друсс достоин сложенных о нем легенд. Рыцари Дрос-Дельноха! Видали вы таких рыцарей? Крестьяне и зеленые новобранцы. Только Легион бывал в боях — да и то в кавалерийских стычках с наскока. Мы можем сломаться при первом же приступе.

— Но мы не сломаемся, верно? — засмеялся Лучник. — Мы рыцари Друсса, о которых сложат новую легенду. — Смех его, веселый и раскатистый, стал еще громче. — Рыцари Дрос-Дельноха! Это мы с тобой, Хогун. О нас будут петь. Добрый старый Лучник, он пришел на помощь терпящей бедствие крепости из любви к свободе, благородным делам...

— ...и к золоту. Не забудь о золоте.

— Это мелочи, старый конь. Не будем портить песню.

— Не будем, виноват. Но ведь для того, чтобы обрести бессмертие в песнях и сагах, сначала полагается умереть?

— Это спорный вопрос. Но я уж как-нибудь сумею его обойти.

На второй стене, именуемой Музиф, нескольким молодым кулам приказали сходить за ведрами для башенного колодца. Ворча, они слезли со стены и встали в очередь у склада.

Потом, каждый с четырьмя деревянными ведрами, они вошли в мелкий погреб, где чернело устье Музифского колодца. Привязав ведра к хитроумному вороту, их стали медленно опускать к темной воде.

— Сколько ж это им не пользовались? — спросил один солдат, когда показалось облепленное паутиной первое ведро.

— Лет десять, — ответил офицер, дун Гарта. — Здешние жители брали воду из того, что в середине. Тут когда-то утонул ребенок, и вода три месяца оставалась отравленной. Это да еще крысы и отпугнуло народ.

— А тело выловили? — спросил солдат.

— Вроде бы нет. Но ты, парень, не бойся. Там уже одни косточки остались — на вкус это не влияет. Попробуй сам.

— Благодарствую, мне что-то не хочется пить.

Гарта со смехом зачерпнул в пригоршни воду из ведра и поднес ко рту.

— С крысиным пометом, с дохлыми паучками! Неужто не соблазнитесь?

Солдаты ухмылялись, но воды отведать никто не пожелал.

— Ну ладно, хватит на сегодня. Ворот работает, ведро налито — мы свое дело сделали. Запрем дверь и займемся чем-нибудь другим.

Гарта проснулся ночью от боли — она терзала ему живот, словно рассвирепевшая крыса. Он скатился с койки, и его стоны разбудили трех других офицеров, деливших с ним комнату.

— Что с тобой, Гарта? — воскликнул один, перевернув извивающееся тело на спину. Гарта поджал колени, его лицо побагровело. Слабеющей рукой он сгреб соседа за рубаху.

— Вода... вода! — прохрипел он.

— Он хочет воды! — крикнул офицер двум другим.

Гарта потряс головой, и тело его выгнулось дугой.

— Великие боги! Да он умер, — сказал офицер, когда Гарта упал ему на руки.

Глава 19

Рек, Сербитар, Вирэ и Винтар сидели у костерка за час до рассвета. Вчера они остановились на ночлег поздно вечером, в укромной лощине на южной стороне лесистого холма.

— Время не терпит, — сказал Винтар. — Лошади выбились из сил, а до крепости еще не меньше пяти часов езды. Быть может, мы успеем до того, как из колодца достанут воду, а может быть, и нет. Возможно, мы уже опоздали. Но есть еще один выход.

— Какой? — спросил Рек.

— Решать будешь ты, Рек, — и никто иной.

— Говори толком, отец настоятель. Я слишком устал, чтобы думать.

Винтар обменялся взглядом с альбиносом.

— Мы, Тридцать, можем объединиться и попытаться пробить барьер вокруг крепости.

— Ну так попытайтесь — в чем же дело?

— Это потребует всех наших сил, а успеха может не принести. В случае неудачи мы не сможем ехать дальше — и даже в случае успеха нам почти весь день придется отдыхать.

— Вы думаете, что барьер пробить возможно? — спросила Вирэ.

— Не знаю. Все, что мы можем, — это попытаться.

— Вспомни, что случилось, когда такую попытку предпринял Сербитар, — сказал Рек. — Вдруг вас всех зашвырнет... в те пределы, что тогда?

— Мы умрем, — тихо ответил Сербитар.

— И принять *такое* решение должен я?

— Да, — сказал Винтар. — Таков устав Тридцати. Мы посвятили наше служение владыке Дельноха, и этот владыка — ты.

Рек замолчал — его усталый мозг изнемогал от непосильной ответственности. По сравнению с ней все прежние затруднения в его жизни казались ничего не стоящими. Никогда еще ему не приходилось принимать подобных решений, и усталость туманила мысли, мешая сосредоточиться.

— Хорошо! — сказал он. — Попробуйте сломать барьер. — Рек встал и отошел от костра, пристыженный тем, что вынужден был отдать такой приказ именно теперь, когда не способен мыслить здраво.

Вирэ подошла, обвив его рукой за пояс.

— Прости, — сказала она.

— За что?

— За то, что я сказала, когда ты сообщил мне о письме.

— Ничего. Почему, собственно, ты должна быть обо мне хорошего мнения?

— Потому что ты мужчина и поступаешь как мужчина. Теперь твой черед.

— Какой такой черед?

— Извиняться, болван! Ты меня ударил.

Он привлек ее к себе, оторвал от земли и поцеловал.

— Это не извинение, — сказала она. — И ты меня исцарапал своей щетиной.

— Если я извинюсь, ты позволишь мне сделать это снова?

— Что сделать — ударить меня?

— Нет, поцеловать!

Позади них Тридцать сели кольцом вокруг огня, отстегнув мечи и воткнув их в землю.

Возникла связь, и мысли их устремились к Винтару. Он приветствовал каждого по имени в чертогах своего разума.

Объединенная мощь Тридцати на миг захлестнула Винтара, и ему пришлось сделать усилие, чтобы вспомнить себя. Он взвился вверх словно призрачный великан — новая сущность, наделенная безграничной силой. И внутри этой новой сущности крохотный Винтар направлял единую мощь двадцати девяти.

Исчезли Тридцать — и возник один.

Рожденный под Дельнохскими звездами, он звался Храмом.

Храм парил высоко над облаками, простирая эфирные руки к утесам Дельнохского кряжа.

Он ликовал, и новые глаза упивались красотой Вселенной. Смех клокотал у него в груди. А посреди него Винтар решительно пробивался к самому сердцу.

Наконец Храм ощутил присутствие настоятеля — словно назойливую мысль на краю новой реальности.

В Дрос-Дельнох. На запад.

И Храм полетел на запад высоко над горами. Внизу в безмолвии лежала крепость, серая и призрачная в лунном свете. Он опустился к ней и почувствовал преграду.

Преграда?

Для него?

Он ударился о нее — и его, раненого и разгневанного, отшвырнуло в ночь. Его глаза вспыхнули, и он познал ярость: барьер причинил ему боль.

Снова и снова Храм пикировал на Дрос, нанося ужасающей силы удары. Барьер дрогнул и изменился.

Храм в смятении отступил и начал выжидать.

Барьер рос, менял очертания, словно клубящийся туман. Вот он сгустился в плотный столб чернее ночи. У столба отросли руки, ноги и рогатая голова с семью раскосыми красными глазами.

Храм познал многое за несколько минут своей жизни.

Первыми пришли радость, свобода и ощущение бытия. Потом — боль и ярость.

Теперь он постиг страх и узнал зло.

Враг налетел на него, терзая черными когтями небо. Храм встретил его лицом к лицу и обхватил руками.

Острые зубы вонзились ему в щеку, когти вцепились в плечи. Храм обрушил на врага свои огромные кулаки, пытаясь расплющить его.

Внизу, на Музифе, второй стене, заняли позицию три тысячи человек. Друсс вопреки всем доводам отказался сдать первую стену без боя и ждал там с шестью тысячами воинов. Оррин долго и яростно убеждал его, что он совершает глупость: стена слишком широка. Но Друсс стоял на своем, даже когда Оррина поддержал Хогун.

— Доверьтесь мне, — твердил старик. Ему не хватало слов, чтобы убедить их. Он пытался объяснить, что в первый день людям нужна хотя бы маленькая победа, чтобы их дух окончательно закалился.

— Но мы рискуем, Друсс! — возразил Оррин. — Первый день может принести нам не победу, а поражение. Разве ты сам не понимаешь?

— Ты ган! — рявкнул тогда Друсс. — Прикажи мне, и я подчинюсь.

— Нет, Друсс. Я буду стоять рядом с тобой на Эльдибаре.

— Я тоже, — сказал Хогун.

— Вы сами увидите, что я прав, — заверил Друсс. — Ручаюсь вам.

Оба гана улыбнулись, скрывая свое отчаяние.

Теперь караульные кулы черпали из колодцев воду и разносили ведра по стене, переступая через ноги и туловища спящих.

На первой стене Друсс погрузил медный ковш в ведро и напился. Он не был уверен, что надиры пойдут на приступ уже сегодня. Он чуял, что Ульрик затянет это убийственное напряжение еще на день, чтобы зрелище его готовящейся к бою армии подорвало мужество защитников и лишило их надежды. Однако выбора у Друсса не было. Первый ход за Ульриком — дренаям остается только ждать.

Наверху Храм бился с яростным демоном — враг изодрал ему спину и плечи, и силы Храма шли на убыль. Но и рогатая тварь тоже слабела. Смерть смотрела в лицо обоим.

Храм не хотел умирать — он едва успел испытать сладостно-горький вкус жизни. Он хотел рассмотреть вблизи все то, что видел издалека, — цветные огни растущих вширь звезд, тишину отдаленных солнц.

Его пальцы сжались. Он не сможет порадоваться огням, не сможет насладиться тишиной, если эта тварь останется в живых. Внезапно демон испустил вопль — страшный пронзительный звук, призрачный и леденящий кровь. Его спина хрустнула, и он растаял, как туман.

В самой душе Храма раздался голос измученного Винтара.

Храм посмотрел вниз — там люди, крохотные хрупкие существа, готовились перекусить черным хлебом и водой. Винтар крикнул снова, и Храм нахмурился.

Он указал пальцем на стену.

Люди завопили, роняя с Музифа ковши с водой и ведра. В каждом сосуде кишели черные черви. Солдаты вскакивали на ноги, и на стене царила полная неразбериха.

— Что, черт побери, там творится? — сказал Друсс, услышав шум. Он посмотрел на надиров и увидел, что они отходят от осадных машин к своим палаткам. — Не знаю, в чем там дело, но если даже надиры уходят, пойду сам на Музиф и погляжу.

В надирском стане Ульрик, не менее разгневанный, прокладывал себе путь к большому шатру Носта-хана. С ледяным спокойствием он подошел к часовому у входа.

По всей армии словно степной пожар распространилась весть: на рассвете из палаток всех шестидесяти учеников Носта-хана послышались душераздирающие вопли. Стража, бросившись туда, нашла их на земляном полу со сломанными хребтами, с телами, выгнутыми, словно перетянутые луки.

Ульрик знал, что Носта-хан собрал силу своих последователей, чтобы дать отпор белым храмовникам, — но не представлял себе, с какой опасностью это связано.

— Ну что? — спросил он у часового.

— Носта-хан жив, — ответил тот.

Ульрик поднял полотнище и вошел в смрадный сумрак шатра. Старик лежал на узком тюфяке серый от изнеможения, весь мокрый от пота. Ульрик взял табурет и сел подле него.

— Мои ученики? — прошептал Носта-хан.

— Все мертвы.

— Их сила оказалась слишком велика, Ульрик. Я подвел тебя.

— Меня и прежде подводили. Это ничего не значит.

— Для меня это значит все! — вскричал шаман и сморщился от боли в спине.

— Гордыня, и только. Ты ничего не потерял — просто тебя побил более сильный враг. Но они этим ничего не достигнут — моя армия все равно возьмет Дрос. Им не продержаться. Отдохни, шаман, — и не рискуй больше. Я приказываю!

— Я исполню твой приказ.

— Я знаю. Я не хочу, чтобы ты умер. Не могут ли они прийти за тобой?

— Нет. Белые храмовники живут по законам чести. Если я не буду чинить им вреда, они меня не тронут.

— Тогда отдыхай. А когда окрепнешь, мы заставим их заплатить за твои страдания.

— Это так, — осклабился Носта-хан.

Далеко на юге Храм мчался к звездам. Винтар не мог остановить его и старался хранить спокойствие, пока паника Храма давила на него со всех сторон, силясь изгнать его вон. После гибели врага Винтар попытался призвать Тридцать из глубины нового сознания колосса, но в этот миг Храм заглянул в себя и обнаружил Винтара.

Винтар попробовал объяснить свое присутствие, он сказал, что личность Храма должна перестать быть. Храм принял истину и как комета умчался от нее в небеса.

Настоятель снова попытался призвать Сербитара, отыскивая в своем подсознании нишу, в которую его поместил. Сербитар вспыхнул искрой во мраке, и Храм содрогнулся, почувствовав, как часть его освободилась. И тогда Храм замедлил свой полет.

— Почему ты так со мной поступаешь? — спросил он Винтара.

— Потому что должен.

— Я же умру!

— Нет. Ты будешь жить во всех нас.

— Почему ты должен убить меня?

— Мне очень жаль, — мягко сказал Винтар.

С помощью Сербитара он отыскал Арбедарка и Менахема. Храм поблек, и Винтар с горечью закрыл свое сердце от его безбрежного отчаяния. Вчетвером они призвали всех остальных, и Тридцать с тяжелым сердцем вернулись в лощину.

Рек бросился к Винтару, как только настоятель открыл глаза и шевельнулся.

— Ну как, успели?

— Да, — слабо выговорил Винтар. — А теперь дай мне отдохнуть.

За час до сумерек Рек, Вирэ и Тридцать въехали в высокие решетчатые ворота Дельнохского замка. Усталые, взмыленные лошади водили мокрыми боками. Люди бросились навстречу Вирэ, солдаты снимали шлемы, горожане спрашивали, что нового в Дренане. Рек держался позади, пока они не оказались в замке. Молодой офицер проводил Тридцать в казарму, а Рек с Вирэ поднялись в верхние покои. Рек совсем обессилел.

Раздевшись, он вымылся холодной водой, сбрил четырехдневную щетину и выругался, порезавшись острой бритвой, которую подарил ему Хореб. Потом выбил, как мог, пыль из своего платья и снова оделся. Вирэ ушла к себе, и он понятия не имел, где помещаются ее комнаты. Пристегнув меч, он вернулся в главный зал, дважды спросив дорогу у слуг. Там он в одиночестве сел и стал смотреть на мраморные статуи древних героев, чувствуя себя маленьким, незначительным и растерянным.

Сразу по прибытии они услышали, что надирская орда уже стоит под стенами. В городе царила паника, и беженцы валили оттуда валом с высоко груженными повозками — длинный горестный караван, идущий на юг.

Рек не мог бы сказать, что одолевает его сильнее — усталость или голод. Он тяжело встал, пошатнулся и громко выругался. Рядом с дверью стояло высокое овальное зеркало. Из него на Река смотрел высокий, широкоплечий, сильный мужчина. Серо-голубые глаза глядели твердо, подбородок выдавался вперед, тело было гибким. Синий плащ, хоть и поизносился в дороге, сидел хорошо, а длинные оленьи сапоги придавали Реку вид кавалерийского офицера.

Глядя на князя Дрос-Дельнохского, Рек видел себя глазами других. Никто не догадается о его внутренней смуте — все увидят лишь образ, который он создал.

Да будет так.

Рек вышел из зала и у первого же солдата спросил, где найти Друсса. На первой стене, сказал солдат и объяснил, как пройти туда через калитки. Молодой князь зашагал по Эльдибару при свете закатного солнца; проходя через город, он купил себе медовую коврижку и стал есть ее на ходу. Уже темнело, когда он дошел до калитки во второй стене, но часовой показал ему дорогу, и Рек очутился на убойной полосе за первой стеной. Тучи закрыли луну, и он чуть не свалился в огненную канаву, пересекавшую путь. Молодой солдат окликнул его и показал, где мостки.

— Ты стрелок Лучника, что ли? — спросил солдат, не узнав высокого воина.

— Нет. Где Друсс?

— Понятия не имею. Либо на стене, либо в столовой. Ты гонец?

— Нет. А где столовая?

— Видишь вон те огни? Это госпиталь. Дальше кладовая — иди все прямо, пока нужником не завоняет, а там поверни направо. Тут не заблудишься.

— Спасибо.

— Не на чем. Ты, видать, новобранец?

— Да. Вроде того.

— Пойду-ка я, пожалуй, с тобой.

— Нет надобности.

— Есть, — ответил солдат, и в поясницу Река уперлось что-то острое. — Это вентрийский кинжал, так что ступай, куда я поведу.

— Да в чем дело-то?

— Во-первых, недавно кто-то пытался убить Друсса, а во-вторых, я тебя не знаю. Так что пошли поищем вместе.

Вдвоем они зашагали к столовой. Теперь им стали слышны звуки, идущие из разных служб. Часовой окликнул их со стены. Спутник Река ответил и спросил о Друссе.

— Он на стене около надвратной башни.

— Сюда, — сказал солдат, и Рек взошел по короткой лестнице на стену. Взошел и замер. Тысячи факелов и костров освещали равнину. Осадные башни, словно деревянные великаны, загородили перевал от одной горной кручи до другой. Вся долина была загружена огнями, насколько хватал глаз, — это было все равно что заглянуть в недра самого ада.

— Не слишком привлекательно, верно? — спросил солдат.

— При свете дня, полагаю, лучше не станет.

— Правильно полагаешь. Ну, шагай.

Друсс сидел неподалеку, беседуя с несколькими солдатами. Он рассказывал им цветистую байку, известную Реку. Коронная фраза произвела желаемый эффект, и ночная тишина огласилась хохотом.

Друсс от души смеялся вместе со всеми. Тут он заметил подошедших, повернулся и внимательно посмотрел на человека в синем плаще.

— В чем дело?

— Он искал вас, командир, вот я его и привел.

— Если точнее, — сказал Рек, — он принял меня за наемного убийцу и привел, тыча ножом мне в спину.

— И что же, ты в самом деле убийца? — поднял бровь Друсс.

— Я сменил род занятий. Можем мы поговорить?

— А мы что делаем?

— Наедине.

— Начинай, а там я решу, стоит нам уединяться или нет.

— Меня зовут Регнак. Я только что прибыл сюда вместе с воинами из Храма Тридцати и с Вирэ, дочерью Дельнара.

— Хорошо, поговорим наедине, — согласился Друсс, и солдаты отошли прочь. — Говори же. — Он остановил на Реке свой холодный взор.

Рек присел на парапет, глядя в освещенную долину.

— Многовато их что-то.

— Страшно, да?

— Аж душа в пятки уходит. Я вижу, вы не собираетесь облегчать мне этот разговор, поэтому выложу все как есть. К добру это или к худу, но князь теперь я. Я не дурак, но и не полководец — впрочем, эти два понятия часто бывают равнозначны. Пока я ничего менять не стану — но знайте: я никому не уступлю своего права, когда нужно будет что-то решать.

— Ты полагаешь, что получил это право, поскольку спишь с княжеской дочерью?

— Да — именно поэтому. Однако суть в другом. Мне уже доводилось воевать, и в стратегии я смыслю не хуже любого другого, кто здесь есть. Кроме того, со мной Тридцать, обладающие несравненными познаниями в военном деле. И наконец главное: если я и умру в этом забытом богами месте, то не как мелкая сошка — я сам буду управлять своей судьбой.

— Не много ли ты на себя берешь, паренек?

— Не больше, чем мне по силам.

— Ты правда веришь в это?

— Нет, — честно сознался Рек.

— Я так и думал, — хмыкнул Друсс. — Так какого же черта тебя принесло сюда?

— Судьба, должно быть, любит иногда повеселиться.

— Да, в мое время любила. Но ты-то, похоже, парень разумный. Надо было увезти девушку в Лентрию и зажить своим домом там.

— Друсс, Вирэ никуда нельзя увезти, если она сама того не захочет. Ее воспитали в воинском духе, она знает назубок все сказания о тебе и все войны, которые ты вел. Она воительница — и хочет быть здесь.

— Как вы с ней встретились?

Рек рассказал, как ехал из Дренана через Гравенский лес, рассказал о смерти Рейнарда, о Храме Тридцати, о венчании на корабле и битве с сатулами. Старик выслушал его откровенный рассказ без всяких замечаний.

— ...И вот мы здесь, — заключил Рек.

— Стало быть, ты одержимый.

— Я этого не говорил!

— Да нет, сказал, паренек, — хотя и без слов. Это ничего. Я не раз сражался с такими воинами. Удивляюсь только, как это сатулы пропустили вас — этот народец не отличается особым благородством.

— Думаю, что их вождь, Иоахим, являет собой исключение. Послушай, Друсс, ты очень обяжешь меня, если не станешь распространяться о моей одержимости.

— Не будь дураком, парень! — рассмеялся Друсс. — Надолго ли ты сохранишь свой секрет, когда надиры полезут на стену? Ты лучше держись подле меня — я прослежу, чтобы ты не пришиб кого из своих.

— Благодарствую, но не мешало бы тебе проявить чуть побольше гостеприимства. Я сух, как подмышка стервятника.

— Да уж — от разговоров жажда разбирает почище, чем от драки. Пойдем-ка отыщем Хогуна и Оррина. Когда же и устроить пирушку, как не в последнюю ночь перед боем.

Глава 20

Как только занялась заря третьего дня, первые вестники конца времен обрушились на стены Дрос-Дельноха. Тысячи обливающихся пóтом воинов отвели назад рычаги сотен баллист. Напружинив мускулы, надиры тянули, пока плетеные корзины на концах рычагов не стали почти горизонтально над землей. В корзинах лежали глыбы гранита.

Защитники в оцепенении ужаса следили за надирским начальником. Он поднял руку, опустил ее — и смертоносный дождь обрушился на ряды дренаев. Стена заколебалась. У надвратной башни раздавил в лепешку трех человек зубец стены, отломившийся от удара огромного камня. Люди искали укрытия, ложились на стену плашмя, прикрыв головы руками. Грохот вселял страх, а наставшая за ним тишина показалась ужасающей. Ибо солдаты, приподняв головы, увидели, что то же самое повторяется сызнова. Снова отвели назад массивные деревянные рычаги, снова командир поднял руку — и опустил ее.

И снова пролился смертельный дождь.

Рек, Друсс и Сербитар стояли на башне, терпя первые страсти войны наравне с солдатами. Рек не пустил старого воина одного, хотя Оррин и твердил ему, что это безумие, когда два военачальника становятся рядом в бою. Друсс только посмеялся: «Вы с госпожой Вирэ будете следить за нами со второй стены — и увидите, я надирским камушкам кланяться не стану».

Взбешенная Вирэ настаивала на том, чтобы стоять на первой стене вместе с остальными, но Рек отказался наотрез. Друсс быстро покончил с их спором. «Слушайся своего мужа, женщина!» — прогремел он. Рек сморщился и зажмурил глаза, ожидая взрыва, — но Вирэ, как ни странно, только кивнула и удалилась на Музиф, вторую стену, где заняла место рядом с Хогуном и Оррином.

Теперь Рек, присев около Друсса, смотрел вправо и влево вдоль стены. С мечами и копьями в руках люди Дрос-Дельноха угрюмо ждали, когда прекратится губительный град.

Пока катапульты заряжали второй раз, Друсс приказал половине бойцов стать вместе со стрелками Лучника под следующей стеной, куда не долетали снаряды.

Три часа продолжался обстрел — камни крушили стену, убивали людей и разнесли вдребезги одну из нависающих над долиной башен. Почти все, кто был рядом, успели убежать — только четверо рухнули вместе с обломками через край и разбились внизу о скалы.

Носильщики храбро сновали под обстрелом, перенося раненых в полевой госпиталь Эльдибара. Несколько камней угодили и в госпиталь, но здание было построено прочно, и стены остались целы. Могучий чернобородый бар Британ бегал вместе с носильщиками с мечом в руке, подгоняя их.

— Боги, вот это храбрец! — воскликнул Рек, указав на него Друссу. Друсс кивнул, отметив про себя, с какой гордостью отозвался Рек о Британе. Рек от души восхищался воином, презиравшим каменную бурю.

Со стены унесли по крайней мере полсотни человек. Меньше, чем опасался Друсс. Он приподнялся, чтобы выглянуть за парапет.

— Теперь уже скоро, — сказал он. — Они собираются позади осадных башен.

Камень врезался в стену в десяти шагах от Друсса, расшвыряв людей, словно песок. Каким-то чудом не поднялся только один — остальные вновь заняли свои места. И тогда Друсс поднял руку, подавая сигнал Оррину. Пропела труба, и стрелки с Лучником во главе — у каждого по пять колчанов на двадцать стрел ринулись по мосткам через открытое место к первой стене.

Надиры с воплем, полным ненависти, казавшимся почти осязаемым, хлынули черным валом, грозя затопить Дрос. Тысячи варваров толкали вперед огромные осадные башни, другие спешили к стене с лестницами и веревками. Равнина словно ожила — она кишела надирами и исторгала боевой клич.

Лучник, задыхаясь от бега, стал рядом с Друссом, Реком и Сербитаром. Его разбойники рассыпались вдоль всей стены.

— Стреляйте, как будете готовы, — приказал Друсс.

Атаман в зеленом камзоле провел тонкой рукой по своим светлым волосам и ухмыльнулся:

— Промахнуться будет трудно. Но это все равно что плевать против бури.

— Хоть малая, да польза, — сказал Друсс.

Лучник натянул свой тисовый лук и наложил стрелу. Тысяча рук справа и слева от него повторили те же движения. Лучник прицелился в передового воина, отпустил тетиву, стрела пропела в воздухе и вонзилась в кожаный нагрудник надира. Враг, пошатнувшись, упал, и по стене прокатилось хриплое «ура». Тысяча стрел последовала за первой, потом еще тысяча и еще. У многих надиров были щиты, но у многих и не было. Сотни воинов пали под градом стрел, перегородив дорогу задним.

А черный вал все катился вперед, захлестывая раненых и убитых.

Рек, вооруженный своим вагрийским луком, пускал стрелу за стрелой — то, что он не был искусным стрелком, не имело сейчас значения, ибо, как сказал Лучник, промахнуться было трудно. По сравнению с недавним каменным дождем стрелы казались насмешкой, однако жизней они уносили больше.

Надиры были уже так близко, что стали видны их лица. «Неприглядные лица, — подумал Рек, — но решительные и отважные — лица людей, взросших для войны и крови». У многих не было лат — иные надели кольчуги, большинство воинов имело на себе панцири из лакированной кожи и дерева. Они испускали почти звериные клики — слов нельзя было разобрать, но ненависть чувствовалась в каждом звуке. «Как будто ревет какое-то громадное первобытное чудище», — подумал Рек, ощутив знакомый, грызущий внутренности страх.

Сербитар поднял забрало и перегнулся через парапет, невзирая на стрелы, летящие снизу или мимо него.

— Лестницы уже под стеной, — тихо сказал он.

Друсс повернулся к Реку.

— В последний раз, когда я бился рядом с князем Дрос-Дельноха, мы с ним создали легенду.

— Странно только, что в сагах столь редко упоминается о пересохшей глотке и полном мочевом пузыре.

Над стеной взвился железный крюк.

— Не посоветуешь ли чего напоследок? — спросил Рек, обнажая меч.

Друсс с ухмылкой достал Снагу.

— Будь жив!

Новые крючья заскрежетали о стену, впиваясь в камень — снизу их тянули сотни рук. Защитники лихорадочно рубили отточенными клинками плетенные из лозы веревки, пока Друсс криком не остановил их.

— Подождите, пока они влезут! — взревел он. — Рубите не веревки, а людей!

Сербитар, изучавший военное дело с тринадцати лет, с невольным восхищением следил за продвижением осадных башен. Само собой разумеется — сначала они пошлют на стену как можно больше человек по веревкам и лестницам, а потом подтащат башни. Стрелки Лучника сеяли опустошение среди тех, кто тянул огромные махины, — но на место убитых и умирающих вставали все новые и новые.

На стене уже утвердилось немало крючьев, и первые надирские воины лезли вверх.

Хогун, стоя с пятью тысячами бойцов на второй стене, испытывал сильное искушение нарушить приказ и броситься на помощь Эльдибару. Но он, солдат по ремеслу, был воспитан в повиновении и оставался на месте.

Цзубодай ждал у подножия стены, пока передние медленно карабкались вверх по веревке. Чье-то тело, пролетев мимо него, разбилось на острых камнях и забрызгало кровью лакированный кожаный панцирь. Цзубодай усмехнулся, узнав искаженные черты Несцана, знаменитого бегуна.

— От судьбы не уйдешь, — сказал он воину позади себя. — Но кабы он бегал так же быстро, как падает, я не просадил бы на нем столько денег!

Те, что лезли вверх, остановились — дренайские защитники теснили надиров. Цзубодай задрал голову.

— Долго ты собираешься там висеть, Накраш?

Воин извернулся и посмотрел вниз.

— Все эти пожиратели дерьма из зеленых степей, — крикнул он. — Они и коровью лепешку не сумели бы удержать.

Цзубодай, весело засмеявшись, отступил немного, чтобы взглянуть на другие веревки. Вдоль всей стены происходило то же самое: восхождение прекратилось, и наверху слышались звуки битвы. Оттуда то и дело валились тела, и Цзубодай опять прижался к стене.

— Этак мы весь день тут проторчим, — сказал он. — Надо было хану послать вперед Волчью Голову. От этих зеленых и при Гульготире проку не было, а здесь и подавно.

— Гляди, они опять тронулись, — хмыкнул его товарищ.

Цзубодай ухватился за узловатую веревку и полез вслед за Накрашем. У него нынче было доброе предчувствие — быть может, он заслужит коней, которых Ульрик обещал тому, кто зарубит седобородого, вызвавшего столько пересудов старика. «Побратим Смерти». Брюхатый старик, не носящий щита.

— Цзубодай, — окликнул его Накраш. — Ты сегодня часом помереть не собираешься? Смотри не вздумай — ты еще не расплатился со мной за те бега.

— Видел ты, как упал Несцан? — крикнул в ответ Цзубодай. — Как стрела. А руками махал, словно хотел оттолкнуть от себя землю.

— Я послежу за тобой. Не вздумай умирать, слышишь?

— Следи лучше за собой. Я расплачусь с тобой конями Побратима Смерти.

За Цзубодаем уже лезли новые воины. Он посмотрел вниз.

— Эй, ты кто такой? Вшивый зеленый, что ли?

— А ты, судя по вони, из Волчьей Головы, — ухмыльнулся тот, что лез следом.

Накраш уже взобрался на стену, выхватил меч и подал руку Цзубодаю. Надирам удалось вбить клин в дренайские ряды, но ни Цзубодай, ни Накраш не могли пока вступить в бой.

— Отойдите! Дайте место! — крикнул следующий за ними.

— Погоди маленько, козлиная шуба, — усмехнулся Цзубодай. — Сейчас я попрошу круглоглазых помочь тебе. Эй, Накраш, встань-ка на свои ходули и скажи мне, где Побратим Смерти.

Накраш указал направо:

— Сдается мне, скоро ты получишь своих коней. Он ближе к нам, чем прежде.

Цзубодай легко спрыгнул с парапета, высматривая старика.

— Эти зеленые сами лезут ему под топор, болваны этакие! — Но никто не услышал его в шуме битвы.

Плотный клин впереди них быстро редел — Накраш бросился в проем и полоснул по горлу дренайского солдата, который отчаянно пытался высвободить свой меч из живота другого надира. Цзубодай следовал за товарищем, рубя и кроша высоких круглоглазых южан.

Кровавая похоть охватила его, как всякий раз за те десять лет, что он провел под знаменем Ульрика. Когда начались войны, он был совсем еще юн и пас отцовских коз в гранитных степях далеко на севере. И Ульрик тогда всего несколько лет как стал военачальником. Он покорил племя Длинной Обезьяны и предложил побежденным идти с ним в

поход под своим знаменем. Они отказались и погибли все до единого. Цзубодай помнил тот день: Ульрик саморучно привязал вождя Обезьян к двум коням, и кони разодрали его надвое. Восемьсот мужчин племени были обезглавлены, а их доспехи передали таким, как Цзубодай, юношам.

Во время следующей вылазки Цзубодай впервые вступил в бой. Брат Ульрика Гат-сун похвалил его и подарил ему щит из коровьей шкуры, окованный медью. Цзубодай проиграл его в кости в ту же ночь, но всегда вспоминал о подарке с нежностью. Бедняга Гат-сун! Ульрик казнил его на будущий год за то, что тот взбунтовался. Цзубодай участвовал в подавлении мятежа и кричал громче многих, когда голова Гат-суна упала с плеч. Теперь Цзубодай имел семь жен, сорок лошадей и был, по всем меркам, богатым человеком — а ведь ему еще не исполнилось и тридцати.

Как видно, боги любят его.

Чье-то копье оцарапало ему плечо, и Цзубодай перерубил копейщику руку. О да, боги любят его! Он отразил щитом рубящий удар.

Накраш бросился ему на помощь и вспорол дренаю живот — тот упал с криком и исчез под ногами воинов, напиравших сзади.

Справа от них надиры дрогнули, и Цзубодая оттеснили назад, а Накраша ткнули копьем в бок. Меч Цзубодая, просвистев в воздухе, обрушился на шею дреная — кровь брызнула струей, враг упал навзничь. Накраш корчился у ног Цзубодая, сжимая руками скользкое древко.

Цзубодай нагнулся и вытащил друга из свалки. Больше он ничего не мог сделать — Накраш умирал. Это было несправедливо, и день сразу потускнел для Цзубодая. Накраш был ему хорошим товарищем последние два года. Цзубодай поднял глаза и увидел белобородого старца в черном — он прорубал себе путь вперед, и страшный топор из серебристой стали сверкал в его окровавленных руках.

И тут Цзубодай позабыл о Накраше. Он видел перед собой только обещанных Ульриком коней. Он двинулся навстречу седому воину, наблюдая за его движениями и приемами. «Неплохо поворачивается для своих лет», — подумал Цзубодай, когда старик отразил убийственный удар и обратным движением рубанул по лицу кочевника, который с воплем рухнул со стены.

Цзубодай прыгнул вперед, нацелившись острием в живот старику. С этого мгновения ему стало казаться, будто все происходит под водой. Белобородый устремил на

него свой голубой взор, и ужас проник в кровь Цзубодая. Топор медленно взвился навстречу мечу надира, отбросив клинок в сторону, а после обернулся другой стороной и мучительно медленно врезался Цзубодаю в грудь.

Его тело ударилось о парапет и осело рядом с Накрашем. Цзубодай увидел яркую кровь, сменившуюся темной артериальной струей. Он зажал рану кулаком, сморщившись от боли в сломанном ребре.

— Цзубодай! — прохрипел Накраш, и этот тихий звук каким-то образом дошел до раненого. Он придвинулся к другу и положил голову ему на грудь.

— Да, Накраш, я слышу.

— Кони были почти что твои.

— А хорош старикан, верно?

Шум битвы утих — Цзубодай понял, что виной тому гул в ушах. Точно прибой шуршит галькой, набегая на берег.

Ему вспомнился подарок Гат-суна — и то, как Гат-сун плюнул Ульрику в глаза в день своей казни.

Цзубодай усмехнулся. Ему нравился Гат-сун.

Зря он тогда так громко выражал свою радость.

Зря он...

Друсс перерубил веревку и обернулся лицом к надиру, лезущему на стену. Отбив удар меча, он раскроил врагу череп, перешагнул через труп и отмашкой вспорол живот второму. Все его годы как рукой сняло. Он находился там, где ему подобает, — в самой гуще кровавой битвы. Позади бились в паре Рек и Сербитар — альбинос с тонкой шпагой, Рек с длинным тяжелым мечом.

К Друссу примкнуло несколько дренайских воинов, и они расчистили свой участок стены. По обе стороны от них пять тысяч воинов проделывали то же самое. Надиры тоже почувствовали это — дренаи хоть медленно, но все же теснили их назад. Кочевники удвоили свои усилия, рубя и круша с дикой отвагой. Им требовалось продержаться лишь до тех пор, пока не коснутся стены осадные башни — а там новые тысячи их товарищей хлынут им на подмогу. Башни же были всего в нескольких ярдах.

Друсс оглянулся. Лучник и его стрелки отошли на пятьдесят шагов и торопливо разжигали многочисленные костры. Друсс махнул Хогуну, тот отдал приказ трубачу.

На стене несколько сот человек, выйдя из боя, стали брать запечатанные воском глиняные горшки и бросать их в надвигающиеся башни. Горшки разбивались о деревянные боковины, пятная их темными потеками.

Джилад, с мечом в одной руке и горшком в другой, отразил удар надирского топора, рубанул другого врага по голове и метнул горшок. Джилад успел еще увидеть, как тот влетел в открытую дверь на верхушке башни, где толпились надиры, но тут на него навалились еще двое. Первому он взрезал живот колющим ударом, но меч накрепко застрял у врага в кишках. Второй с воплем замахнулся — Джилад выпустил меч и отскочил. Надира принял на себя другой дренайский воин — он отбил удар и почти что обезглавил врага. Вытащив свой меч, Джилад благодарно улыбнулся Брегану.

— Неплохо для крестьянина! — крикнул он, снова вступая в бой и пробив оборону бородатого надира с окованной железом дубиной.

— Давай, Лучник! — прокричал Друсс.

Разбойники наложили на тетивы стрелы, обмотанные промасленной паклей, и поднесли их к разожженным кострам. Град горящих стрел полетел над стеной. Осадные башни занялись, и густой, удушливый черный дым повалил вверх, уносимый утренним ветром. Одна стрела влетела в дверь, куда угодил горшок Джилада, и вонзилась в ногу надира в облитой маслом одежде. В одно мгновение воин превратился в вопящий, извивающийся живой факел, и от него загорелись те, кто был рядом.

По воздуху летели новые горшки, подбавляя масла в огонь. Двадцать башен пылали, как огромные факелы, и к стене плыл жуткий смрад горелого мяса.

Щурясь от дыма, Сербитар двигался в гуще надиров, его шпага ткала в воздухе волшебный узор. Он убивал без усилий, словно наделенная сверхъестественной силой смертельная машина. Позади возник кочевник с ножом в руке, но Сербитар, обернувшись, одним плавным движением перерезал ему горло.

— Спасибо, брат, — передал он Арбедарку на второй стене.

Рек, хотя и не обладал грацией и смертоносной быстротой Сербитара, орудовал своим мечом с не меньшим толком, держа его двумя руками и прорубая путь к победе бок о бок с Друссом. Брошенный кем-то нож отскочил от его панциря и порезал бицепс. Рек выругался и тут же забыл о царапине, как о многих мелких царапинах, полученных в этом бою, о порезе на бедре, об ушибленных ребрах...

Пятеро надиров, прорвав оборону, бросились на беззащитных переносчиков раненых. Лучник с сорока шагов сразил первого, Каэеса — второго, а бар Британ с двумя

своими людьми преградил путь остальным. После короткой и яростной схватки кровь надиров обагрила землю.

Картина боя медленно, почти незаметно менялась. Все меньше кочевников взбиралось на стену, ибо их товарищей теснили к краю и задним не оставалось места. Надиры сражались уже не за победу — они сражались за свою жизнь. Переменчивый прилив войны обратился против них, и теперь уже они защищались.

Но надиры — суровый, отважный народ. Они не молили о пощаде, не сдавались в плен, они бились стойко и умирали в бою.

Они падали один за другим, пока последних не сбросили со стены и они не разбились о камни внизу.

Надиры отошли в поле дальше полета стрелы и опустились на землю, глядя на Дрос с тупой неутоленной ненавистью. Черный дым столбами валил из горящих башен, и запах смерти наполнял ноздри.

Рек оперся на парапет и потер лицо окровавленной рукой. Друсс подошел к нему, лоскутом обтирая Снагу. Кровь оросила седую сталь его бороды. Он улыбнулся новому князю:

— Я вижу, ты послушался моего совета, паренек?

— В последний миг. А мы нынче как будто неплохо поработали?

— Это только присказка. Настоящее испытание начнется завтра.

Друсс ошибся. Еще трижды в тот день надиры шли на приступ, и только сумерки увели их обратно к лагерным кострам, отброшенных и временно побежденных. На стенах усталые люди опускались на окровавленный камень, отбрасывая прочь тяжелые шлемы и щиты. Носильщики подбирали раненых, убитые пока оставались на месте: с ними можно было не торопиться. Три особо назначенных отряда осматривали тела надиров: мертвых сбрасывали со стены, раненых добивали и отправляли туда же.

Друсс потер усталые глаза. Плечо у него горело, колено опухло, руки и ноги будто налились свинцом. Однако день прошел для него лучше, чем он надеялся. Он посмотрел вокруг. Одни воины спали, растянувшись на камне, другие просто сидели спиной к парапету с остекленелым взором, мысли их блуждали где-то. Разговоров почти не было слышно. Чуть дальше на стене молодой князь беседовал с альбиносом. Они оба хорошо сражались, и альбинос выглядел свежим и ничуть не усталым — лишь брызги крови на белом пла-

ще и панцире свидетельствовали о его дневных трудах. Зато Регнак устал за двоих. Серое от изнурения лицо точно состарилось, и морщины стали глубже. Пыль, кровь и пот запеклись на коже, красные капли падали на камень с наспех завязанной руки.

— Ты оказался гожим, паренек, — тихо произнес Друсс.

— Друсс, старый конь, ну как ты? — подошел к нему Лучник.

— Бывало и получше, — проворчал старик, выпрямившись и скрипнув зубами от боли в колене.

Молодой человек хотел было предложить ему руку, чтобы опереться, но вовремя спохватился.

— Пойдем к Каэссе, — сказал он.

— Что мне меньше всего сейчас нужно, так это женщина. Я лучше посплю. Прямо здесь. — Он опустился на стену, прислонясь спиной к камню и выпрямив больное колено.

Лучник отправился в столовую, где отыскал Каэссу и объяснил ей все. После недолгого препирательства она раздобыла кусок полотна, Лучник захватил кувшин с водой, и в густеющих сумерках оба поднялись на стену. Друсс уже спал, но проснулся, когда они подошли.

Девушка, бесспорно, была прекрасна. Ее золотисто-рыжие волосы при луне немного изменили цвет и были точь-в-точь желтоватые искорки в ее глазах. Она будоражила его кровь так, как будоражили теперь лишь немногие женщины. Но было в ней еще что-то, нечто неуловимое. Каэсса присела рядом с ним и осторожно ощупала тонкими пальцами опухшее колено. Друсс заворчал, когда она нажала чуть сильнее. Она сняла с него сапог и закатала штанину. Колено побелело и вздулось, а на икре выступили жилы.

— Ляг, — велела она. Просунув левую руку ему под бедро, а правой взявшись за лодыжку, она приподняла его ногу и медленно согнула сустав. — У тебя в колене вода. — Она уложила ногу на место и начала массировать. Друсс закрыл глаза. Острая боль отступала, становилась тупой. Скоро он задремал. Она разбудила его, шлепнув по ноге, и он увидел, что колено туго забинтовано. — Что еще у тебя болит?

— Ничего.

— Не лги мне, старик. Речь идет о твоей жизни.

— Плечо горит, — сознался он.

— Теперь ты можешь идти. Пойдем со мной в госпиталь, и я тебе помогу. — Она сделала знак Лучнику — он нагнулся и помог Друссу встать. Колену стало легче — впервые за много недель.

— Однако ты большая искусница, женщина, — сказал он. — Большая искусница.

— Я знаю. Шагай медленно — будет немного больно, но идти недалеко.

В боковой каморке госпиталя она велела ему раздеться. Лучник с улыбкой прислонился к двери, скрестив руки на груди.

— Совсем? — спросил Друсс.

— Да. Тебя это смущает?

— Если тебя не смущает, то меня и подавно. — Друсс снял колет и рубашку, потом сел на кровать и стянул штаны и сапоги. — Что теперь?

Каэсса стала перед ним, обвела его внимательным взглядом и положила руки на его широкие плечи, пробуя мускулы.

— Встань и повернись.

Он подчинился, и она осмотрела его спину.

— Заведи правую руку за голову, только медленно. — Лучник смотрел на старого воина, дивясь количеству шрамов на его теле. Они были повсюду, и спереди, и сзади — одни длинные и прямые, другие извилистые. Встречались здесь и старые швы, и вздутые корявые рубцы. Ноги тоже носили следы множества легких ран — но обильнее всего была изукрашена грудь. Лучник улыбнулся. «Ты всегда встречал врага лицом к лицу, Друсс», — подумал он.

Каэсса велела старику лечь на кровать лицом вниз и занялась его спиной, разминая узлы и разбивая кристаллы соли под лопатками.

— Принеси мне масла, — не оглядываясь, велела она Лучнику.

Он принес мазь из кладовой и ушел, предоставив девушке делать свое дело. Около часа она массировала старика, пока у нее самой не отнялись руки. Друсс давно уснул — она накрыла его одеялом и тихо вышла. В коридоре она немного постояла, слушая крики раненых и глядя на суету служителей. Здесь разило смертью, и Каэсса вышла наружу, в ночь.

Звезды сияли ярко, точно снежинки на бархатном покрывале, и в середине серебряной монетой блестела луна. Каэсса вздрогнула. Впереди шел к столовой высокий человек в черных с серебром доспехах — Хогун. Увидев Каэссу, он махнул ей рукой и повернул к ней. Она ругнулась про себя — она устала и не испытывала потребности в мужском обществе.

— Как он? — спросил Хогун.

— Крепок как дуб.

— Это я знаю, Каэсса, — весь мир это знает. Но как он себя чувствует?

— Он стар, и он устал — совсем обессилел. И это после одного-единственного дня. Не возлагайте на него слишком больших надежд. У него слабое колено, которое того и гляди подломится, больная спина, которой делается все хуже, и слишком много соли в суставах.

— Вы нарисовали очень мрачную картину.

— Я говорю так, как есть на самом деле. Это чудо, что он еще жив. Не понимаю, как человек его возраста, отягощенный столькими недугами, мог сражаться весь день и остаться в живых.

— Да еще в самой гуще боя, — кивнул Хогун. — И завтра будет то же самое.

— Если хотите, чтобы он был жив, заставьте его отдохнуть послезавтра.

— Он ни за что не согласится.

— Согласится. Завтрашний день он, быть может, еще и протянет — хотя я сомневаюсь. Но к вечеру он уже рукой не сможет шевельнуть. Я помогу ему, но каждый третий день он должен отдыхать. И пусть ему завтра за час до рассвета приготовят горячую ванну. Я еще раз сделаю ему массаж перед началом боя.

— Вы уделяете столь много времени человеку, о котором только что высказались, как об усталом старце, и чьи подвиги совсем недавно высмеивали?

— Не будьте глупцом, Хогун. Я уделяю ему столько времени как раз потому, что он стар и болен — притом я, хотя и не питаю к нему такого почтения, как вы, вижу, что он нужен Дросу. Сотни мальчишек играют в солдатики, лишь бы угодить старику, который только войной и сыт.

— Я присмотрю за тем, чтобы послезавтра он отдохнул.

— Если доживет, — угрюмо подытожила Каэсса.

Глава 21

К полуночи стали известны итоги первого дня битвы. Погибло четыреста семь человек, ранено сто шестьдесят восемь — и половина раненых уже не сможет сражаться.

Лекари еще продолжали работу, и окончательный итог все время уточнялся. Много дренайских воинов упало со стены, и только всеобщая поверка могла прояснить их число.

Рек пришел в ужас, хотя и постарался не выказать этого во время совещания с Хогуном и Оррином в кабинете над большим залом. Присутствовали семь человек: Хогун и Оррин представляли военных, Бриклин — горожан, кроме них, были Сербитар, Винтар, Рек и Вирэ. Рек умудрился соснуть четыре часа и стал чуть посвежее; альбинос совсем не спал, но по нему этого не было видно.

— Удручающие потери для одного-единственного дня, — заметил Бриклин. — Если и дальше так пойдет, дольше двух недель нам не продержаться. — Его седеющие волосы были зачесаны за уши и завиты на затылке по моде дренайского двора. Лицо, хотя и мясистое, было красиво, и он умело пользовался своим обаянием. «Он политик, а на политиков полагаться нельзя», — подумал Рек.

Бриклину ответил Сербитар:

— Первый день ничего не доказывает. Зерно отделяется от плевел, только и всего.

— Что это значит, принц Дрос-Сегрила? — без своей всегдашней улыбки и потому особенно резко спросил глава гильдии.

— Я не хотел проявить неуважения к павшим. Но таков закон войны: менее искусные бойцы гибнут первыми. Вначале потери всегда велики. Люди бились отважно, но многим недоставало мастерства — оттого они и погибли. Впоследствии потери уменьшатся, хотя и останутся высокими.

— Не следует ли нам проявить благоразумие? — спросил горожанин, обращаясь к Реку. — Если надиры в конце концов все равно проломят наши стены, какой тогда смысл продолжать сопротивление? Неужто людские жизни ничего не стоят?

— Вы предлагаете сдаться? — спросила Вирэ.

— Нет, госпожа моя, — увернулся Бриклин. — Пусть это решают военные, а я в любом случае поддержу их. Но мне думается, нужно поискать какой-то иной выход. Нынче погибло четыреста человек — честь им и слава. Но что будет завтра и на третий день? Не следует ставить гордость превыше здравого смысла.

— О чем он толкует? — спросила Вирэ у Река. — Я не понимаю его.

— Что это за выход, о котором вы говорите? — спросил Бриклина Рек. — Я лично вижу только два: либо мы сражаемся и побеждаем, либо сражаемся и терпим поражение.

— Да, в настоящее время иного пути не представляется. Но мы должны думать и о будущем. Верим ли мы

в то, что сможем удержать город? Если да, наш долг биться до последнего. Если же нет, надо заключить почетный мир, как сделали другие города и страны.

— Что вы понимаете под почетным миром? — тихо осведомился Хогун.

— Это означает, что враги становятся друзьями и прежние распри предаются забвению. Это означает, что мы впустим владыку Ульрика в город, заручившись прежде его обещанием не причинять вреда жителям. Все войны в конце концов завершаются этим — свидетельством тому присутствие здесь Сербитара, вагрийского принца. Тридцать лет назад мы с Вагрией вели войну. Тридцать лет спустя мы, возможно, будем подобным же образом совещаться с надирским принцем. Основы будущего закладываются сегодня.

— Я понял вашу точку зрения, — сказал Рек, — и нахожу ее здравой...

— Ты, может, и находишь, а другие нет! — вскричала Вирэ.

— Нахожу ее здравой, — невозмутимо продолжил Рек. — Подобные совещания — не место, чтобы бряцать оружием. Мы должны, как вы верно сказали, придерживаться здравого смысла. И вот первое, что говорит нам здравый смысл: мы хорошо вооружены, снабжены всем необходимым и обороняем самую неприступную из всех когда-либо построенных крепостей. Истина вторая: Магнусу Хитроплету необходимо время, чтобы набрать и обучить армию, которая сможет противостоять надирам даже в том случае, если Дельнох падет. Сейчас не время говорить о сдаче, но никто не помешает нам обсудить это на последующих встречах. Есть ли у вас еще вопросы, касающиеся города, — ведь час уже поздний, и мы задерживаем вас чересчур долго, дорогой Бриклин?

— Нет, мой господин, я полагаю, мы обо всем уже поговорили.

— Тогда позвольте поблагодарить вас за помощь и мудрый совет и пожелать вам доброй ночи.

Горожанин встал, поклонился Реку с Вирэ и вышел. Несколько мгновений все прислушивались к его удаляющимся шагам. Вирэ, красная от гнева, хотела было что-то сказать, но Сербитар опередил ее:

— Хорошо сказано, господин мой князь, — однако он не даст нам покоя.

— Это животное политической породы. Мораль, честь и гордость для него ничто, а его место и его нужды — все. Что будет завтра, Сербитар?

— Надиры начнут с обстрела, который продлится не меньше трех часов. Во время обстрела они не смогут наступать, поэтому предлагаю отвести всех людей на Музиф за час до рассвета, оставив на первой стене пятьдесят человек. Когда обстрел прекратится, все вернутся обратно.

— А что, если надиры начнут атаку прямо на рассвете? — спросил Оррин. — Они окажутся на стене прежде, чем наши бойцы успеют вернуться.

— Они не намерены этого делать, — просто ответил альбинос.

Это не убедило Оррина, и видно было, что в присутствии Сербитара ему не по себе. Рек, заметив это, сказал:

— Поверьте мне, друг мой, способности Тридцати превышают понимание обычного человека. Если он так говорит, значит, так оно и есть.

— Время покажет, мой господин, — с сомнением проговорил Оррин.

— Как там Друсс? — спросила Вирэ. — Вечером он показался мне совершенно измученным.

— Женщина по имени Каэсса лечила его, — сказал Хогун, — и говорит, что все будет хорошо. Сейчас он отдыхает в госпитале.

Рек подошел к окну, открыл створки и вдохнул чистый ночной воздух. Отсюда далеко вглубь виднелась долина, усеянная огнями надирских костров. Взгляд Река остановился на госпитале Эльдибара, где все еще не гас свет.

— Каково-то сейчас лекарям, — сказал он.

На Эльдибаре кальвар Син, обвязанный вокруг пояса окровавленным кожаным передником, двигался точно лунатик. Усталый донельзя, он ходил от койки к койке, раздавая лекарства.

Истекший день стал кошмаром — хуже, чем кошмаром, — для лысого, одноглазого лекаря. За тридцать лет он не раз видел смерть. Видел, как умирают те, кто мог бы жить, и как выздоравливают после таких ран, от которых полагалось бы умереть на месте. И не раз его высочайшее мастерство отгоняло смерть там, где другой не сумел бы даже остановить кровь. Но минувший день был худшим в его жизни. Четыреста славных молодых ребят, еще утром полные сил и здоровья, превратились в груды гниющего мяса. Десятки других лишились рук, ног или пальцев. Тяжелораненых переправили на Музиф, мертвых свезли за шестую стену, чтобы схоронить там.

Усталые подлекари ведрами лили подсоленную воду на окровавленный пол, смывая следы страданий.

Кальвар Син молча вошел к Друссу и остановился над спящим гигантом. Около кровати висел Снага, серебряный убийца.

— Сколько еще, ты, мясник? — спросил Син.

Старик пошевелился, но не проснулся.

Лекарь вышел, волоча ноги, в коридор и поплелся в свою комнату. Он швырнул передник на стул и повалился на кровать, не имея сил даже укрыться одеялом. Но сон не шел. Картины мучений и ужаса носились перед глазами. Син заплакал. Потом перед его мысленным взором возникло ласковое старческое лицо. Оно росло, утоляя боль и излучая гармонию. Образ становился все больше и наконец укрыл всего Сина, словно теплым одеялом. Син погрузился в глубокий, без сновидений сон.

— Теперь он отдыхает, — сказал Винтар, и Рек отвернулся от окна.

— Это хорошо — ведь завтра ему отдыхать не придется. Сербитар, не скажешь ли чего нового о предателе?

Альбинос покачал головой.

— Не знаю, как и быть. Мы следим за едой и за колодцами — иным путем он не сможет причинить нам зла. И охраняем тебя, так же как Друсса и Вирэ.

— Мы должны найти его, — сказал Рек. — Нельзя ли проникнуть в мысли всех, кто есть в крепости?

— Отчего же нельзя — месяца через три ты получишь ответ.

— Понятно, — скорбно улыбнулся Рек.

Китан стоял и молча смотрел, как дымятся осадные башни. Лицо его было непроницаемым, глаза точно заволокло пеленой. Ульрик подошел и положил ему руку на плечо.

— Это всего лишь дерево, друг мой.

— Да, мой повелитель. Я как раз думал, что отныне впереди надо ставить завесу из мокрых шкур. Это не должно быть слишком трудно, хотя возросший вес может дурно сказаться на устойчивости.

— Я думал, ты убит горем, — засмеялся Ульрик, — а ты уже строишь новые планы.

— И все-таки чувствую себя дураком. Я должен был догадаться, что они прибегнут к маслу. Я знал, что от одних стрел дерево никогда не загорится, и не подумал о других горючих веществах. Но уж повторить подобное никому не удастся.

— Не сомневаюсь, мой ученый механик, — поклонился Ульрик.

Китан усмехнулся.

— С годами я стал заноситься, повелитель. Побратим Смерти славно потрудился сегодня. Он достойный соперник.

— Это так — но не думаю, что сегодняшний замысел принадлежит ему. В крепости находятся белые храмовники, погубившие учеников Носта-хана.

— Я так и чуял, что тут без чертовщины не обошлось, — пробурчал Китан. — Как ты поступишь с защитниками, когда мы возьмем крепость?

— Я уже сказал как.

— Я помню. Но быть может, ты передумал? Они доблестные воины.

— Да, они достойны уважения. Но дренаи должны знать, что бывает с теми, кто мне сопротивляется.

— Что же ты сделаешь с ними, повелитель?

— Я сожгу их на большом погребальном костре — всех, кроме одного, который должен будет разнести весть об этом.

За час до рассвета Каэсса тихо проникла в комнату Друсса и подошла к постели. Воин крепко спал, лежа на животе, подложив под голову могучие руки. Под взглядом Каэссы он зашевелился и открыл глаза, остановив взор на ее стройных ногах, обутых в длинные оленьи сапоги. Взор передвинулся выше. На Каэссе был плотно облегающий зеленый камзол, широкий кожаный пояс с наборным серебром подчеркивал стройную талию. На боку висел короткий меч с рукоятью из черного дерева. Друсс перевернулся и встретился с ней взглядом — в ее золотисто-карих глазах горел гнев.

— Ну как, закончил свой осмотр?

— Что с тобой, девочка?

Всякое выражение ушло с ее лица — словно кошка отпрянула в темный угол.

— Ничего. Повернись обратно — мне нужно посмотреть твою спину.

Она принялась умело разминать мышцы у лопатки — ее пальцы входили в тело, как стальные, заставляя Друсса то и дело ворчать сквозь стиснутые зубы.

— Ляг опять на спину.

Подняв его правую руку, она обхватила ее ладонями, дернула вверх и повернула. Раздался громкий треск, и Друссу показалось, что она сломала ему плечо. Отпустив руку, Каэсса положила ее на левое плечо Друсса, а левую на правое, крест-накрест. Перевернула Друсса на бок, подставила кулак ему под спину между лопатками, уложила его обратно и вдруг навалилась ему на грудь всей тяжестью, вдавив

его позвоночник в свой кулак. Друсс снова застонал, и послышался новый зловещий хруст. На лбу у старика выступил пот.

— А ты сильнее, чем кажешься на вид, девочка.

— Тихо. Сядь-ка лицом к стене.

На сей раз она чуть не сломала ему шею — взялась одной рукой за подбородок, другой повыше уха и крутанула голову сперва влево, потом вправо. Звук был такой, словно треснула сухая ветка.

— Завтра будешь отдыхать, — сказала Каэсса, повернувшись к двери.

Он потрогал больное плечо — уже много недель оно не чувствовало себя так хорошо.

— Что это так хрустело? — спросил он, остановив ее в дверях.

— У тебя соли в суставах. Первые три позвонка срослись и мешали притоку крови. А мышцы под лопаткой были зажаты — отсюда спазмы, мешающие правой руке. И послушай меня, старик, — завтра ты должен отдохнуть. Иначе ты умрешь.

— Все мы умрем.

— Верно. Но ты пока еще нужен здесь.

— Ты только меня так не любишь — или всех мужчин? — спросил он, когда она снова взялась за ручку двери.

Она взглянула на него, улыбнулась, закрыла дверь и вернулась в комнату, остановившись в нескольких дюймах от его могучего обнаженного тела.

— Хочешь поспать со мной, Друсс? — спросила она вкрадчиво, положив руку ему на плечо.

— Нет, — тихо ответил он, глядя в ее глаза с маленькими, неестественно маленькими зрачками.

— Большинство мужчин хочет, — шепнула она, придвинувшись поближе.

— Я не принадлежу к большинству.

— Или в тебе соков не осталось?

— Может, и так.

— А может, ты предпочитаешь мальчиков? У нас в шайке есть такие.

— Нет, не могу сказать, чтобы когда-либо желал мужчину. Но у меня была женщина, настоящая женщина — и другая мне не нужна.

Каэсса отошла от него.

— Я велела приготовить тебе горячую ванну. Сиди в ней, пока вода не остынет. Это поможет разогнать кровь по твоим усталым мышцам. — С этими словами она повернулась и вышла.

Друсс поглядел ей вслед, сел и поскреб бороду.

Эта девушка беспокоила его. Было что-то непонятное в ее глазах. Друсс никогда толком не понимал женщин, не обладал чутьем, как некоторые мужчины. Женщины были для него существами чужеродными, далекими и опасными. Но в этой девчушке присутствовало что-то еще — ее глаза выражали безумие, безумие и страх.

Друсс пожал плечами и сделал то, что делал всегда, когда не мог разгадать какую-нибудь загадку: забыл о ней.

После ванны он быстро оделся, расчесал волосы и бороду, наскоро позавтракал в Эльдибарской столовой и присоединился к пятидесяти добровольцам на стене как раз в тот миг, когда за предутренним туманом забрезжил рассвет. Утро выдалось свежее, прохладное и обещало дождь. Внизу собирались надиры, груженные камнем телеги медленно тянулись к катапультам. Люди на стене почти не разговаривали — в такие дни человек обращается мыслями внутрь. «Умру ли я сегодня? Что делает сейчас моя жена? Зачем я здесь?»

Оррин с Хогуном шли вдоль стены. Оррин говорил мало, предоставляя командиру Легиона шутить и задавать вопросы. Панибратство Хогуна с рядовыми коробило его, но не слишком; возможно, в этом чувстве было больше сожаления, нежели возмущения.

Около надвратной башни вперед выступил молодой кул — кажется, его звали Бреган.

— Вы будете нынче сражаться вместе с «Карнаком», командир? — спросил он.

— Да.

— Благодарю вас. Это большая честь для всех нас.

— Ты очень любезен.

— Это чистая правда. Мы с ребятами говорили об этом ночью.

Смущенный, но довольный, Оррин улыбнулся и прошел мимо.

— Это вам не снабжением заниматься — тут ответственность гораздо выше, — сказал Хогун.

— Почему?

— Они вас уважают — а этот вот парень прямо-таки боготворит вас. До этого еще дорасти надо. Они останутся с вами, когда все прочие разбегутся, — или побегут с вами, когда все прочие останутся.

— Я не побегу, Хогун.

— Я знаю — и не это имел в виду. Человек слаб: порой и лечь хочется, и сдаться, и дать стрекача. Но

вы сейчас не просто человек — вы полусотня. Вы «Карнак». Это большая ответственность.

— Ну а вы?

— Я Легион, — просто ответил Хогун.

— Да, пожалуй. Вам страшно?

— Еще как.

— Я рад, — улыбнулся Оррин. — Рад, что не одинок.

Как и обещал Друсс, день принес новые ужасы: сперва каменный град, сотрясающий стену, потом громовой вопль и атака с лестницами — оскаленная орда, карабкающаяся навстречу серебряной стали дренаев. Три тысячи воинов с Музифа сменили бойцов, выдержавших тяжелую боевую страду накануне. Звенели мечи, падали с криком люди — так длилось много часов подряд. Друсс расхаживал по стене, точно сказочный гигант, мрачный и обагренный кровью, круша топором надирские черепа, — его ругань и громкие оскорбительные возгласы притягивали к нему врагов отовсюду. Рек, как и вчера, бился рядом с Сербитаром, но теперь к ним присоединились Менахем, Антахейм, Вирэ и Арбедарк.

К полудню двадцатифутовой ширины стена стала скользкой от крови, и трупы покрыли ее — но битва продолжала бушевать с той же силой. Оррин у надвратной башни дрался как одержимый вместе с воинами «Карнака». Бреган, сломав свой меч, подобрал надирский топор, двуручный, на длинном топорище, и орудовал им с поразительным мастерством.

— Вот настоящее мужицкое оружие! — крикнул ему Джилад во время краткой передышки.

— Поди скажи это Друссу! — ответил Оррин, хлопнув Брегана по спине.

В сумерках надиры снова отошли, провожаемые ликующими воплями и улюлюканьем. Но победа досталась дренаям дорогой ценой. Друсс, весь залитый кровью, доковылял, переступая через тела, до обтирающих оружие Река и Сербитара.

— Эта проклятая стена чересчур широка, чтобы держать ее долго, — сказал он, в свою очередь обтирая Снагу о кафтан мертвого надира.

— Святая правда. — Рек утер лицо краем плаща. — Но ты прав — нельзя отдать ее так просто.

— Пока что, — сказал Сербитар, — мы убиваем их из расчета три к одному. Этого мало. Они нас измотают.

— Нужны люди. — Друсс сел на парапет и почесал бороду.

— Вчера я отправил гонца к моему отцу в Дрос-Сегрил, — сказал Сербитар. — Дней через десять придет подкрепление.

— Драда ненавидит дренаев, — покачал головой Друсс. — С какой стати ему слать сюда людей?

— Он пришлет мою личную гвардию. Таков закон Вагрии. Хотя мы с ним уже двенадцать лет не разговариваем, я остаюсь его первенцем, и это мое право. Триста воинов с мечами прибудут ко мне — немного, но все же польза.

— А из-за чего вы поссорились? — спросил Рек.

— Поссорились? — удивился альбинос.

— Ну да, ты и твой отец.

— Мы не ссорились. Он смотрел на мой талант как на «дар тьмы» и хотел убить меня, но я не дался. Меня спас Винтар. — Сербитар снял шлем, развязал свои белые волосы и потряс головой, подставив ее вечернему ветерку.

Рек, переглянувшись с Друссом, сменил разговор:

— Ульрик, должно быть, уже понял, что сражение предстоит нешуточное.

— Он знал это заранее, — сказал Друсс. — Покамест это его не беспокоит.

— Отчего же? А меня вот беспокоит. — Вирэ подошла к ним с Менахемом и Антахеймом. Монахи молча удалились, а Вирэ села рядом с Реком, обняв его за пояс и положив голову ему на плечо.

— Нелегкий выдался денек, — проговорил Рек, гладя ее волосы.

— Они оберегали меня, — шепнула она. — Это ты им велел, я знаю.

— Ты сердишься?

— Нет.

— Вот и хорошо. Мы только что встретились, и я не хочу тебя терять.

— Вам обоим надо поесть, — сказал Друсс. — Я знаю, вам не хочется, но послушайтесь старого вояку. — Старик встал, оглянулся еще раз на стан надиров и медленно побрел к столовой. Он устал. Устал до предела.

Вопреки собственному совету он обогнул столовую стороной и направился в свою госпитальную каморку. Длинное строение полнилось стонами раненых. Запах смерти стоял повсюду. Носильщики таскали мимо Друсса кровавые тела, подлекари ведрами лили на пол воду и, орудуя тряпками и песком, готовили помещение к завтрашнему дню. Друсс ни с кем не заговаривал.

Открыв дверь комнаты, он увидел там Каэссу.

— Я принесла тебе поесть, — сказала она, не глядя ему в глаза. Он молча принял от нее тарелку с говядиной, красными бобами и толстыми ломтями черного хлеба и стал есть. — В соседней комнате приготовлена ванна, — сказала она, когда он закончил. Он кивнул и разделся.

Сев в чан, он смыл кровь с волос и бороды. Холодный воздух коснулся его мокрой спины — это вошла Каэсса. Она стала рядом на колени, набрала в пригоршню ароматического мыла и стала мыть ему голову. Он закрыл глаза, наслаждаясь прикосновением ее пальцев. Она ополоснула ему волосы теплой чистой водой и вытерла свежим полотенцем.

Вернувшись к себе, Друсс обнаружил, что она приготовила ему чистую рубашку, черные шерстяные штаны, а кожаный колет и сапоги протерла губкой. Прежде чем уйти, она налила ему лентрийского вина. Друсс осушил кубок и прилег на кровать, опустив голову на руку. После Ровены ни одна женщина так не ухаживала за ним, и он разнежился.

Ровена, его девочка-жена, увезенная работорговцами вскоре после их свадьбы у большого дуба. Друсс последовал за ними, даже не похоронив своих родителей. Много месяцев он странствовал по свету и вот наконец вместе с Зибеном-Бардом вышел к их лагерю. Узнав у вожака, что Ровену продали купцу, который увез ее на восток, Друсс убил работорговца в его шатре и снова отправился в путь. Пять лет он странствовал по континенту, стал наемником и прослыл самым страшным воином своего времени. Наконец он сделался призовым бойцом Горбена — бога-короля Вентрии.

Когда он отыскал свою жену в одном восточном дворце, он плакал навзрыд. Без нее он был только половиной себя. Она одна делала его человеком, сглаживала темные стороны его натуры — с ней он обретал себя целиком и видел красоту не только в стальном клинке, но и в цветущем лугу.

Она тоже мыла ему голову, и под ее пальцами боль утихала в шее, а гнев в сердце.

Ее не стало, и мир опустел — только серая рябь осталась там, где некогда переливались яркие краски.

Пошел тихий дождь. Друсс послушал еще немного, как он шуршит по крыше, и уснул.

Каэсса сидела снаружи, обхватив руками колени. Если бы кто-то подошел к ней, то не понял бы, что струится по ее лицу — дождь, слезы или все вместе.

Глава 22

Тридцать впервые стояли на Эльдибаре все вместе. Сербитар предупредил Река и Друсса, что нынче бомбардировки не будет, зато надиры постараются измотать защитников бесконечными атаками. Друсс наотрез отказался отдыхать и стоял посредине стены. Его окружали Тридцать в своих серебристых доспехах и белых плащах. Хогун тоже был с ними, а Рек и Вирэ примкнули к «Огню», стоящему на сорок шагов левее. Оррин остался в правой стороне, с «Карнаком». Пять тысяч человек ждали с мечами и щитами в руках, опустив забрала.

День настал хмурый и грозный — на севере клубились громадные тучи, лишь над стеной еще виднелась полоска голубого неба. Рек улыбнулся столь поэтической картине.

Надиры ревущим валом двинулись вперед — топот их ног был подобен грому.

Друсс вскочил на зубчатый парапет.

— Сюда, сюда, сыны шлюх! — взревел он. — Побратим Смерти ждет вас! — Его голос прокатился по долине, отозвавшись эхом в гранитных утесах. В тот же миг небо над Дросом пронзило кривое копье молнии, и грянул гром.

И кровопролитие началось.

Как и предсказал Сербитар, центр линии подвергся особенно яростной атаке — кочевники накатывали волна за волной, чтобы погибнуть под клинками Тридцати. Их мастерство поражало. Друсса сбили с ног дубиной, и кряжистый надир занес топор у него над головой. Сербитар, прыгнув вперед, отразил удар, а Менахем рассек врагу горло. Оглушенный Друсс перелез через труп прямо под ноги трем другим надирам. Арбедарк и Хогун прикрывали его, пока он нашаривал свой топор.

Надиры прорвались справа, отбросив Оррина и «Карнак» со стены на траву. Новые силы захватчиков хлынули в брешь. Друсс первым увидел опасность и взревел, предупреждая остальных. Срубив двух воинов, он бросился заслонить брешь своим телом. Хогун рванулся за ним, но ему загородили дорогу.

Трое молодых кулов из «Карнака» сомкнулись вокруг старика, рубившего направо и налево, но их вскоре окружили. Оррин — без шлема, с расколотым щитом — стойко оборонялся с остатками своей полусотни. Отразив широкий замах бородатого кочевника, он обратным ударом проткнул врагу живот.

Потом он увидел Друсса — и понял, что только чудо может спасти старика.

— Ко мне, «Карнак»! — вскричал он, бросаясь в свалку.

За ним ринулись Бреган, Джилад и еще двадцать человек, а следом бар Британ со своими носильщиками. Сербитар с половиной Тридцати пробивался к ним вдоль стены.

Последний из молодых соратников Друсса пал с расколотым черепом, и старик остался в тесном кольце надиров один. Нырнув под взвившийся над ним меч, он сгреб надира за кафтан и ударил головой в нос. Чей-то меч рассек Друссу руку у плеча, другой разрезал кожаный колет над бедром. Прикрываясь оглушенным надиром как щитом, Друсс стал отступать к стене, но кто-то рубанул раненого топором и вышиб его из рук Друсса. Спасения не было — Друсс оттолкнулся от стены и нырнул в гущу надиров. Несколько человек рухнули под его тяжестью вместе с ним. Друсс потерял Снагу, схватил за горло ближайшего надира, сломал ему шею, прикрылся трупом и стал ждать неминуемого смертельного удара. Вот тело вышибли из рук — Друсс ухватился за чью-то ногу и повалил того, кому она принадлежала.

— Эй, Друсс! Это я, Хогун.

Друсс перевернулся и увидел Снагу в нескольких ярдах от себя. Он встал и схватил топор.

— Еще бы немного... — сказал ган Легиона.

— Да. Спасибо тебе! Молодец!

— И рад бы согласиться, но это заслуга Оррина и «Карнака». Они пробились к тебе — уж не знаю как.

Начал накрапывать дождь, и Друсс с радостью обратил лицо к небесам, закрыв глаза и открыв рот.

— Опять они лезут! — завопил кто-то. Друсс и Хогун взошли на стену, почти ничего не видя из-за дождя.

Сербитар увел Тридцать со стены, и они молча шагали к Музифу.

— Куда их черт несет? — изумился Хогун.

— Некогда гадать, — рявкнул Друсс и тихо выругался: снова разболелось плечо.

Надиры ринулись на приступ. Но тут грянул гром, и в гуще их рядов сверкнуло пламя. Все смешалось, штурм захлебнулся.

— Что это? — спросил Друсс.

— В них ударила молния. — Хогун снял шлем и отстегнул панцирь. — А могла ударить и сюда — из-за этого проклятого железа.

Вдали пропела труба, и надиры отступили к своим шатрам. Посреди долины образовалась громадная дыра, окруженная обугленными телами. Из ямы шел дым.

Друсс обернулся и увидел, как Тридцать проходят в калитку Музифа.

— Они знали, — произнес он тихо. — Что ж это за люди такие?

— Не знаю. Дерутся они как черти — и в настоящий миг это все, что меня заботит.

— Они знали, — повторил Друсс, качая головой.

— Ну и что?

— Много ли еще им известно?

— Ты предсказываешь судьбу? — спросил Антахейма воин, сидевший рядом с ним под полотняным навесом. Там же приютились еще пятеро солдат из «Огня». Дождь стучал по холсту и стекал на камни. Сверху навес был пришпилен к стене, а внизу держался на двух копьях. Воины жались друг к другу. Кул Рабил увидел, что Антахейм идет один под дождем, и позвал его, несмотря на уговоры товарищей. Под навесом сразу сделалось неуютно.

— Так как — предсказываешь или нет?

— Нет, — улыбнулся Антахейм, снимая шлем и развязывая свои длинные волосы. — Я не маг. Я такой же, как и все вы, — просто прошел особую школу.

— Но ты умеешь говорить без слов, — сказал другой. — Это против естества.

— Для меня это естественно.

— А в будущее заглянуть можешь? — спросил тощий солдатик, сотворив под плащом знак Хранящего Рога.

— Будущих много. Некоторые из них я вижу, но не знаю, какое именно осуществится.

— Как можно, чтобы будущих было много? — удивился Рабил.

— Это не так просто объяснить, но я попытаюсь. Завтра некий лучник пустит стрелу. Если ветра не будет, она попадет в одного человека, если ветер поднимется — в другого. Стало быть, будущее каждого из них зависит от ветра. Я не могу предсказать, как будет дуть ветер, ибо это зависит от многих вещей. Я заглядываю в завтрашний день и говорю, что погибнут оба, — в то время как падет только один.

— Какой же тогда прок от твоих способностей? — спросил Рабил.

— Превосходный вопрос — я сам себе его задаю уже много лет.

— А мы умрем завтра? — спросил другой.

— Откуда мне знать? Впрочем, все мы умрем рано или поздно. Жизнь дается нам в дар не навсегда.

— Ты говоришь «дар», — сказал Рабил, — значит, есть и даритель?

— Есть.

— Которому же из богов ты поклоняешься?

— Мы поклоняемся Истоку всего сущего. Что ты чувствуешь после сегодняшнего боя?

— В каком смысле? — Рабил закутался в плащ.

— Что ты испытал, когда надиры отступили?

— Не знаю, как сказать. Я чувствовал себя сильным. Радовался, что жив. — Остальные согласно закивали.

— Ты ликовал?

— Пожалуй. А что?

— Первая стена называется Эльдибар, — улыбнулся Антахейм. — Знаешь, что означает это слово?

— Разве оно что-то означает?

— Конечно. Эгель, строитель этой крепости, выбил на каждой стене ее имя. «Эльдибар» значит «ликование» — здесь мы впервые встречаем врага. Здесь мы проявили мужество. Сила вливается в наши жилы. Враг отступает под напором наших мышц и наших мечей. Мы чувствуем, как подобает героям, восторг битвы, и предки взывают к нам. Мы ликуем! Эгель знал людские сердца. Хотел бы я знать, видел ли он будущее?

— А что означают другие имена?

— О них после. Негоже говорить о Музифе, когда мы сидим под прикрытием Эльдибара. — Антахейм прислонился к стене и закрыл глаза, слушая стук дождя и вой ветра.

Музиф. Стена Отчаяния! Если недостало сил удержать Эльдибар, возможно ли удержать Музиф? Не удержали Эльдибар— значит, и Музиф не удержим. Страх гложет внутренности. Мы снова видим перед собой смеющиеся лица друзей, павших на Эльдибаре, — но не желаем присоединяться к ним. Музиф— это испытание.

И мы не удержим его. Отойдем к Кании, третьей стене — Стене Обновленной Надежды. Мы уцелели после Музифа, а Кания не так широка, как он. И как-никак, за нами еще три стены. Надиры больше не могут использовать свои баллисты, а это уже кое-что. И разве мы не знали заранее, что две стены придется сдать?

Дальше идет Сумитос, Стена Пропащих. Мы устали, смертельно устали. Мы держимся лишь по привычке, как заведенные, — и держимся хорошо. Только лучшие из лучших переживут этот свирепый натиск.

Валтери — Стена Покоя. Мы уже смирились с тем, что мы смертны. Мы понимаем, что смерть неизбежна,

и черпаем в себе такое мужество, в которое никогда не поверили бы прежде. Мы снова возвеселимся и все станем братьями. Мы станем против общего врага щитом к щиту, и ему придется солоно. Время на этой стене тянется медленнее. Мы будем наслаждаться каждым мгновением, словно заново постигая жизнь. Звезды покажутся нам прекрасными, как никогда, а дружба обретет сладостный, еще не испытанный вкус.

И наконец — Геддон, Стена Смерти...

Я Геддона не увижу, — подумал Антахейм — и уснул.

— Испытание! Мы только и слышим о том, что настоящее испытание еще впереди. Сколько же их, этих проклятых испытаний? — бушевал Эликас. Рек поднял руку, унимая его, — молодой воин прервал Сербитара.

— Успокойся! Дай ему договорить. У нас всего несколько мгновений перед приходом городских старшин.

Эликас гневно сверкнул глазами, но умолк, ибо Хогун, на которого он взглянул в поисках поддержки, едва заметно покачал головой. Друсс потер глаза и принял от Оррина кубок вина.

— Я сожалею, — мягко сказал Сербитар. — Я знаю, как раздражают подобные заявления. Уже восемь дней, как мы сдерживаем надиров, а я все толкую о предстоящих испытаниях. Но Ульрик, надо признаться, хороший стратег. Посмотрите, с кем мы воюем, — с двадцатью тысячами кочевников. Всю эту неделю они истекали кровью на нашем рубеже, но это отнюдь не цвет его войска. Мы старались получше обучить наших новобранцев — то же делает и он. Он не торопится — все эти дни он намеренно избавляется от слабых, зная, что ему предстоит еще много боев, когда — и если — он возьмет Дрос. Мы сражались хорошо — просто замечательно, но дорого заплатили за это. Четырнадцать сотен человек погибли и еще четыреста выбыли из строя... Так вот — завтра Ульрик пустит в дело ветеранов.

— А откуда тебе это так достоверно известно? — рявкнул Эликас.

— Довольно, парень! — загремел Друсс. — До сих пор он всегда бывал прав — этого достаточно. Когда он ошибется, тогда и получишь слово.

— Что ты предлагаешь, Сербитар? — спросил Рек.

— Отдать им стену.

— Что? — вскричала Вирэ. — После стольких сражений и смертей? Это безумие.

— Нет, госпожа моя, — сказал Лучник, впервые взяв слово. Все посмотрели на молодого атамана, сменившего свой всегдашний зеленый камзол на великолепный кафтан оленьей кожи с фигурной бахромой. На спине был бисером вышит орел. Длинные светлые волосы охватывала лента из той же кожи, на боку висел серебряный кинжал с рукояткой из черного дерева, выточенной в виде сокола, — распростертые крылья служили эфесом. Лучник встал. — Это разумное решение. Мы знали, что будем отступать. Эльдибар — самая длинная из стен, и потому ее труднее всего удержать. Нас едва хватает на нее. На Музифе нам понадобится меньше человек — стало быть, и потери уменьшатся. И между стенами лежит убойная полоса. Мои лучники устроят ветеранам Ульрика недурную бойню, прежде чем те нанесут удар.

— Есть здесь и другая сторона, — сказал Рек, — не менее важная. Рано или поздно нас оттеснят со стены, и наши потери, несмотря на все огненные канавы, будут огромны. Если же мы отступим ночью, то спасем немало жизней.

— Не будем также забывать о настроении войск, — добавил Хогун. — Потеря первой стены дурно скажется на Дросе. Но если мы представим это как заранее обдуманное отступление, то обратим ситуацию себе на пользу.

— А вы что скажете, Оррин? — спросил Рек.

— В нашем распоряжении около пяти часов. Давайте начнем.

— А ты? — напоследок обратился Рек к Друссу.

— Дело хорошее, — пожал тот плечами.

— Значит, решено, — сказал Рек. — Я оставляю вас — начинайте отступление. Я должен встретиться с городским советом.

Всю ночь продолжалось тихое отступление. Раненых переносили на носилках, лекарские снадобья везли на тачках, пожитки торопливо укладывались в котомки. Самых тяжелых давно уже переправили в госпиталь Музифа, а Эльдибарскими казармами почти не пользовались с начала осады.

При первом проблеске рассвета последний солдат прошел в калитку Музифа и поднялся по длинной винтовой лестнице на стену. Ко входу стали катить камни и таскать щебенку. Люди работали в поте лица, а небо между тем становилось все светлее. Наконец камень засыпали известью, плотно утрамбовав ее в провалах, и залили сверху водой.

— День пройдет, — сказал Марик-Строитель, — и эта кладка станет незыблемой.

— Ничего незыблемого в природе нет, — ответил его товарищ. — Но им понадобятся недели, чтобы проломить ее, — ну а тогда будем держать оборону у лестниц.

— Так ли, эдак ли, я этого уже не увижу, — сказал Марик. — Нынче я ухожу.

— Что-то ты рано. Мы с Мариссой тоже собрались уходить, но не раньше, чем падет четвертая стена.

— Первая, четвертая, какая разница? Я намерен убраться подальше от этой войны. Вентрии нужны строители — а их армия достаточно сильна, чтобы сдерживать надиров еще долгие годы.

— Возможно — но я еще погожу.

— Смотри не перегоди, дружище.

В замке Рек лежал, глядя в резной потолок. Постель была удобна, и обнаженная Вирэ прижималась к нему, положив голову ему на плечо. Совещание закончилось два часа назад, но он так и не уснул. В голове теснились планы, возможные ответные ходы и бесчисленные трудности осажденного города. Дебаты имели желчный характер, и уломать каждого из сановников было все равно что продеть нитку в иголку под водой. Горожане держались единого мнения: Дельнох должен сдаться.

Только краснолицый лентриец Мальфар поддерживал Река. Шинелл, эта масленая гадюка, предложил лично возглавить депутацию к Ульрику. Что до Берика, он чувствует себя обманутым судьбой: как же, его предки веками правили Дельнохом, ему же выпало родиться вторым сыном. Горечь переполняет его. Законник Бакда говорил мало, но ядовито: вы, мол, хотите вычерпать море худым ведром.

Рек едва сдерживал себя. Вышел ли хоть один из них на стену с мечом в руках? Хореб верно сказал о таких, как они: «Во всякой похлебке накипь всегда наверху плавает».

Он поблагодарил их за совет и согласился встретиться снова через пять дней, чтобы дать ответ на их предложение.

Вирэ пошевелилась и сдвинула покрывало, обнажив округлую грудь. Рек улыбнулся и впервые за много дней отвлекся мыслями от войны.

Лучник и тысяча его стрелков стояли на Эльдибаре, наблюдая за надирами. Стрелы уже лежали на тетивах, шапки сидели набекрень, чтобы заслонить правый глаз от встающего солнца.

Орда с исполненным ненависти воплем двинулась на приступ.

Лучник ждал, облизывая сухие губы.

— Огонь! — вскричал он наконец, плавно отведя тетиву к правой щеке. Стрела вылетела разом с тыся-

чью других и затерялась в клубящемся толпище у стены. Снова и снова стреляли лучники, пока их колчаны не опустели. Наконец Каэсса вскочила на парапет и пустила последнюю стрелу в надира, приставлявшего лестницу к стене. Древко вошло ему в плечо, пробило кожаный нагрудник, пронзило легкое и застряло в животе. Он упал, не издав ни звука.

О стену заскрежетали крючья.

— Все назад! — крикнул Лучник и побежал по открытой полосе, через мостки и канавки с промасленной стружкой. С Музифа спустили веревки, и лучники быстро взобрались по ним вверх. Позади них на Эльдибар ступили первые надиры. Некоторое время они бестолково метались, пока не заметили лучников, карабкающихся на вторую стену. Через несколько минут на Эльдибаре собралось несколько тысяч воинов — они перетащили лестницы через стену и двинулись к Музифу. И тогда в политый маслом сушняк полетели огненные стрелы. Из канав сразу повалил густой дым, а за ним взвилось пламя вдвое выше человеческого роста.

Надиры отошли, и дренаи возликовали.

Огонь бушевал около часа, и четыре тысячи человек на Музифе смогли отдохнуть. Одни лежали на траве, другие разбрелись по трем столовым на второй завтрак. Многие сидели в тени стенных башен.

Друсс прохаживался среди солдат, отпуская шуточки, принимая ломоть черного хлеба от одного, померанец от другого. Рек и Вирэ сидели одни у восточного края, и он направился к ним.

— Пока все идет хорошо! — сказал он, опустив свое грузное тело на траву. — Они не знают, что делать дальше. Им приказано было взять стену — а это они уже выполнили.

— И что же теперь, как по-твоему? — спросил Рек.

— Сам старый черт. Он придет, чтобы поговорить.

— Мне сойти к нему?

— Лучше я сойду. Надиры меня знают. У них свои легенды о Побратиме Смерти. Они верят, что я древний бог смерти, сошедший на землю.

— И они не так уж заблуждаются? — улыбнулся Рек.

— Может, и нет. Но я никогда не хотел быть таким. Все, чего я хотел, — это вернуть свою жену. Если бы работорговцы не увезли ее, я стал бы крестьянином. Я в этом уверен — хотя Ровена всегда сомневалась. Временами я очень недоволен собой.

— Прости, Друсс, я просто пошутил. В моих глазах ты совсем не похож на бога смерти. Ты человек и воин — и прежде всего человек.

— Дело не в тебе, парень. Твои слова — лишь эхо того, что я чувствую сам. Скоро я умру... Здесь, в этом Дросе. А чего я достиг в своей жизни? Нет у меня ни сынов, ни дочерей. И родных никого не осталось. Только немногие друзья. Люди скажут: «Здесь лежит Друсс. Он убил многих и не родил никого».

— Люди скажут не только это, — вмешалась Вирэ. — Они скажут: «Здесь лежит Друсс-Легенда. Он никогда не был подлым, мелочным или излишне жестоким. Вот человек, который никогда не сдавался, никогда не изменял своим убеждениям, никогда не предавал друзей, никогда не обижал женщин и никогда не использовал свою силу против слабых». Люди скажут: «У него не было сыновей, но многие матери засыпали спокойнее рядом со своими детьми, зная, что Друсс сражается за дренаев». Много разного скажут о тебе, седобородый. Много поколений будут повторять эти речи, и недостаточно сильные мужчины будут черпать в них силу.

— Мне это было бы приятно, — улыбнулся старик.

Утро шло, и Дрос грелся под теплым солнцем. Кто-то из солдат взял флейту и заиграл переливчатый весенний напев — музыка эхом отозвалась в долине, украсив радостью годину смерти.

В полдень Река и Друсса позвали на стену. Надиры отошли к Эльдибару, но посредине убойной земли на огромном пурпурном ковре сидел человек. Он ел финики и сыр, запивая трапезу вином из золотого кубка. В земле позади него торчала хоругвь с волчьей головой.

— В стиле ему не откажешь, — восхитился Рек.

— Надо спуститься, пока он еще ест, — сказал Друсс. — Мы потеряем лицо, если будем ждать.

— Будь осторожен! — предостерег Рек.

— Там их всего-то пара тысчонок, — подмигнул Друсс. Он спустился по веревке на землю и подошел к едоку. — Я чужой в твоем стане, — сказал он.

Человек поднял голову, показав широкое, хорошей лепки лицо с волевым подбородком. Раскосые лиловые глаза смотрели из-под темных бровей — глаза властелина.

— Садись, пришелец, и поешь. — Друсс, скрестив ноги, сел напротив. Надир медленно расстегнул свой черный лакированный панцирь, снял его и бережно положил обок. Потом снял черные наголенники и нараменники. Друсс отметил мощные мускулы на руках и кошачью гибкость движений. «Прирожденный воин», — подумал он.

— Я Ульрик из Волчьей Головы.

— Я Друсс-Топор.

— Я рад видеть тебя. Ешь.

Друсс взял пригоршню фиников с серебряного блюда и стал медленно жевать. Потом закусил козьим сыром и запил красным вином. Брови его удивленно поднялись.

— Лентрийское красное, — сказал Ульрик. — В нем нет яда.

— Меня не так просто убить, — усмехнулся Друсс. — Такой уж у меня дар.

— Ты хорошо сражался. Я рад за тебя.

— Меня опечалила весть о твоем сыне. У меня нет детей, но я знаю, как тяжко терять любимых.

— Да, жестокий удар. Славный был мальчик. Но жизнь всегда жестока, разве нет? Мужчина должен быть выше своего горя.

Друсс молча взял еще фиников.

— Ты великий человек, Друсс. Мне жаль, что тебе придется умереть здесь.

— Да, хорошо было бы жить вечно. Впрочем, я уже не тот. Несколько раз твои парни чуть было не свалили меня — куда это годится?

— Тому, кто убьет тебя, назначена награда. Сотня лошадей из моего табуна.

— А как он докажет тебе, что именно он убил?

— Представит мне твою голову и двух свидетелей в придачу.

— Только бы это известие не дошло до моих ребят. Они это обстряпают за пятьдесят лошадей.

— Вряд ли! Уж очень ты хорош в бою. А как там новый князь?

— Он предпочел бы менее шумную встречу, но и война, похоже, доставляет ему удовольствие. Он хороший воин.

— Как и все вы. Но это вас не спасет.

— Посмотрим. Вкусные у тебя финики.

— Вы верите, что сможете остановить меня? Скажи правду, Побратим Смерти.

— Мне хотелось бы послужить у тебя под началом. Я уже много лет восхищаюсь тобой. Я служил многим владыкам — и слабым, и злобным. Были среди них и хорошие люди, но ты... ты отмечен печатью величия. Думаю, ты добьешься того, чего хочешь, — но лишь когда я умру.

— Этого уже недолго ждать, Друсс, — мягко заметил Ульрик. — У меня есть шаман, знающий толк в таких вещах. Он говорит, что видел тебя у ворот четвертой стены — кажется, она зовется Сумитос? — и на плечах у тебя сидел оскаленный череп Смерти.

— Смерть сопровождает меня повсюду, Ульрик! — засмеялся Друсс. — Я ее побратим. Разве твой шаман

не знает ваших преданий? Быть может, я умру на Сумитосе. Быть может, умру на Музифе. Но где бы я ни пожелал умереть, знай: уходя в Долину Теней, я захвачу с собой немало надиров, чтобы они сопутствовали мне.

— Сопутствовать тебе будет для них честью. Ступай с миром.

Глава 23

Один кровавый день следовал за другим в бесконечной череде рубки, резни и смерти. Надиры то и дело появлялись на убойной земле перед Музифом, угрожая сокрушить защитников, — но каждый раз их отбивали, и оборона держалась. Сильные, как предсказывал Сербитар, медленно отделялись от слабых. Разница была налицо — к шестой неделе осады в живых остались только сильные. Три тысячи дренайских воинов либо погибли, либо выбыли из рядов со страшными увечьями.

Друсс появлялся на стене каждый день, пренебрегая советами об отдыхе и нуждами своего усталого тела, — он черпал скрытую силу из своей воинской души. Рек тоже создал себе немалую славу, хотя и не стремился к ней. Дважды благодаря своей одержимости он отбрасывал надиров назад. Оррин по-прежнему сражался вместе с остатками «Карнака» — из них выжило всего восемнадцать человек. По правую руку от него бился Джилад, по левую — Бреган все с тем же добытым в бою топором. Хогун собрал вокруг себя полсотни легионеров и стоял сзади на случай, если в передовой линии образуется брешь.

Дни полнились муками и криками умирающих. И список в Зале Павших с каждым утром становился все длиннее. Пал дун Пинар — зазубренный кинжал перерезал ему горло. Бара Британа нашли под кучей надирских тел — сломанное копье торчало из его груди. Высокого Антахейма из числа Тридцати сразил дротик, пущенный в спину. Легионера Эликаса визжащая толпа надиров прижала к настенной башне, и он погиб под ударами двадцати клинков. Йораку, громадному разбойнику, вышибли мозги дубиной — умирая, он схватил двух надиров, бросился с ними со стены и разбился о камни вместе с вопящими врагами.

В хаосе свистящей стали многие геройские подвиги оставались незамеченными. Один молодой солдат, сражавшийся спина к спине с Друссом, увидев, как вражеский

воин нацелился в старика копьем, метнулся, не раздумывая, на острие и лег в корчах среди прочих трупов на стене. Офицер по имени Портитак бросился в брешь у надвратной башни, схватился за лестницу и прыгнул с нею вниз, оттолкнув ее от стены. Двадцать надиров, лезших наверх, погибли с ним на камнях и еще пятеро переломали кости. Много таких историй случалось в бою.

И накал сражения не ослабевал. Рек украсился косым шрамом от брови до подбородка, пересекающим лицо красной чертой. Оррин лишился трех пальцев на левой руке, но после двухдневной передышки вновь присоединился к своим бойцам.

Из стольного града Дренана шли нескончаемые послания:

Держитесь.
Дайте Хитроплету время.
Еще хотя бы месяц.

Защитники знали, что не продержатся столько, — и продолжали сражаться.

Дважды надиры предпринимали ночные атаки, но Сербитар каждый раз предупреждал защитников, и захватчики дорого платили за свою дерзость. Ночью, когда трудно найти опору, долгий подъем на стену сопряжен с гибелью. Сотни кочевников нашли бессмысленную смерть под дренайскими клинками и стрелами.

Теперь ночи стали спокойными и в некотором смысле — еще хуже дней. Их тихая лунная свежесть слишком уж отличалась от багрового дневного ада. Солдат посещали непрошеные мысли о женах, детях, родных усадьбах, а еще пуще — о неотвратимом будущем.

У Хогуна и Лучника вошло в привычку гулять ночью по стене — мрачный командир Легиона рядом с остряком разбойником. В обществе Лучника Хогун забывал о потере Эликаса и вновь обретал способность смеяться, а Лучника роднила с ганом серьезная сторона, которую разбойник тщательно скрывал.

В эту ночь Лучник, однако, притих, и взгляд его был устремлен вдаль.

— Что это с тобой? — спросил Хогун.

— Воспоминания. — Лучник, опершись о парапет, смотрел на надирские костры внизу.

— Как видно, либо очень хорошие, либо очень плохие, раз тебя так проняло.

— Хуже не бывает, дружище. Веришь ли ты в богов?

— Временами — когда стою спиной к стенке и враг напирает со всех сторон.

— А я верю в двойную власть Удачи и Зла — верю, что изредка каждая из этих сил выбирает себе человека и на свой лад губит его.

— И эти силы коснулись тебя, Лучник? — осторожно спросил Хогун.

— Возможно. Подумай о недавних событиях — и ты в этом убедишься.

— Не нужно. Я и так знаю, к чему ты ведешь.

— Что тебе известно обо мне? — Лучник повернулся лицом к офицеру в темном плаще.

Хогун улыбнулся, хотя и видел, как пальцы Лучника сомкнулись вокруг рукояти кинжала.

— Я знаю, что твою жизнь омрачает какая-то тайна: погибла жена, отец был убит... что-то вроде этого. Быть может, ты даже совершил какое-то зло, о котором не можешь забыть. Но даже если дело в этом, боль, с которой ты вспоминаешь о своем поступке, доказывает, что он противен твоей природе. Оставь его позади, дружище! Кто из нас способен изменить прошлое?

— Если бы я только мог рассказать тебе... Но я не могу. Прости, из меня нынче плохой попутчик. Ступай вперед, а я постою здесь.

Хогуну хотелось крепко сжать Лучнику плечо и шуткой разбить его тоску, как это часто делал сам Лучник. Но он этого не умел. Бывали случаи, когда угрюмый воин чувствовал себя нужным, даже любимым, — но это был не тот случай, и Хогун, мысленно обругав себя, тихо ушел.

Около часа Лучник стоял на стене, глядя в долину и слушая доносящиеся из лагеря песни надирских женщин.

— У тебя что-то стряслось? — спросил кто-то.

Обернувшись, Лучник увидел Река, одетого, как и в день приезда, в высокие оленьи сапоги, камзол с высоким, шитым золотом воротом и овчинный полушубок, с длинным мечом на боку.

— Просто устал, — сказал Лучник.

— Я тоже. Как мой шрам, не побледнел?

Лучник всмотрелся в зубчатую красную черту от лба до подбородка.

— Счастье твое, что ты глаза не лишился.

— А все из-за паршивой надирской стали. Я отразил удар, а его треклятый меч сломался и проехался мне по

лицу. Праведные боги, да знаешь ли ты, сколько лет я оберегал свою красоту?

— Ну, теперь уж поздно жалеть, — ухмыльнулся Лучник.

— Некоторые люди так и рождаются уродами. Это не их вина, и я лично никогда ничего не имел против уродов. Но другие — и я причисляю к ним себя — рождаются с красивой внешностью. И нельзя так за здорово живешь лишать человека такого дара.

— Надеюсь, ты заставил виновника расплатиться за ущерб?

— Естественно! Мне даже показалось, что он встретил смерть с улыбкой. Впрочем, он был урод. Самый настоящий. Это несправедливо.

— Да, жизнь часто бывает несправедлива. Но во всем есть и светлая сторона, господин мой князь. Ты в отличие от меня никогда не мог похвалиться ослепительной красотой — был смазлив, и только. Брови у тебя чересчур густые и рот великоват. Да и волосы уже редеют. Подумай, сколь сильнее сожалел бы ты о своем увечье, будь ты наделен такой же красой, как я.

— В твоих словах что-то есть. Ты и в самом деле необычайно красив. Должно быть, этим природа вознаградила тебя за то, что ты коротышка.

— Коротышка? Да я почти с тебя ростом.

— Это смотря что понимать под словом «почти». Может ли человек быть почти жив? Или почти прав? Не станем вдаваться в тонкости относительно нашего роста, мой друг. Я выше, а ты ниже. Но бьюсь об заклад, что более красивого коротышки не найти во всей крепости.

— Женщин мой рост всегда устраивал. Ведь когда я танцую с ними, я могу нашептывать им на ушко любовные слова. А тебе, долговязому, они еле до подмышки достают.

— Видать, у вас в лесу было много времени для танцев?

— Я не всегда жил в лесу. Моя семья... — и Лучник осекся.

— И так ясно, из какой ты семьи. Может, расскажешь? Ты достаточно долго носил это в себе.

— Откуда ты знаешь?

— Сербитар мне сказал. Он ведь побывал у тебя в мыслях — когда передавал тебе послание для Друсса.

— И вся треклятая крепость об этом знает? Всё, на рассвете я ухожу.

— Правду знаем только мы с Сербитаром. Но ты волен уйти, если хочешь.

— Правда в том, что я убил отца и брата, — побелев, сказал Лучник.

— Но ведь это была случайность — ты сам прекрасно знаешь! Зачем же ты так мучаешь себя?

— Зачем? А что такое, собственно, случайность? Не вызывают ли ее наши тайные желания? Знавал я как-то бегуна — лучшего из всех известных мне бегунов. Он готовился к Большим Играм, где впервые должен был состязаться с самыми быстроногими иноземными атлетами. Накануне соревнований он упал и вывихнул лодыжку. Что это, случайность, — или он просто испугался предстоящего испытания?

— Об этом знает он один. Но в том-то и весь секрет. Он знает — стало быть, знаешь и ты. Сербитар сказал мне, что ты был с отцом и братом на охоте. Отец был слева от тебя, брат справа, и вы преследовали в чаще оленя. В кустах перед тобой что-то зашуршало, ты прицелился и пустил туда стрелу. Но это оказался твой отец, который незаметно перешел на другое место. Откуда ты мог знать, что он так поступит?

— Дело в том, что он учил нас никогда не стрелять, не видя цели.

— Что ж, ты совершил оплошность — а кто их не совершает?

— Ну а брат?

— Он увидел, что ты сделал, понял это неверно и в ярости набросился на тебя. Ты оттолкнул его, он упал и ударился головой о камень. Никто не пожелал бы носить на совести подобное бремя — но ты долго таил его, и пришло время облегчить душу.

— Я никогда не любил их — ни отца, ни брата. Отец убил мою мать. Он постоянно оставлял ее одну и путался со многими женщинами, а когда и она однажды завела любовника, он ослепил его, а ее убил... зверски.

— Я знаю. Не надо вспоминать об этом.

— А брат был живым подобием отца.

— И это я знаю.

— А знаешь ты, что я почувствовал, когда они оба лежали мертвые у моих ног?

— Да. Ты возликовал.

— Но ведь это ужасно.

— Не знаю, думал ли ты об этом, Лучник, но послушай меня. Ты винишь богов за то, что они наслали на тебя проклятие, — на деле же проклятие было послано как раз тем двоим, кто его заслужил. Не знаю, верю ли я по-настоящему в судьбу, но в жизни человека порой происходят вещи, которых он не может объяснить. Например, то, как я здесь оказался... или уверенность Друсса в том, что он умрет здесь, ибо заключил договор со Смертью. И я верю,

что ты послужил орудием... кто знает?.. какого-то закона мировой справедливости, быть может. И что бы ты ни думал о себе, знай: Сербитар заглянул в твое сердце и не нашел там зла. А уж он-то понимает.

— Все может быть, — сказал Лучник и вдруг усмехнулся. — А ты заметил, что Сербитар, когда снимает свой шлем с лошадиным хвостом, становится еще ниже меня?

Вся обстановка комнаты состояла из циновки, подушки и стула. Сербитар стоял у окна, обнаженный и одинокий. Лунный свет омывал его белую кожу, ночной ветерок шевелил волосы. Он ссутулился и закрыл глаза. На него навалилась усталость — такой усталости он не испытывал еще ни разу за свою недолгую жизнь. Ибо в ней была правда.

Философы утверждают, что ложь под языком имеет вкус соленого меда, — и Сербитар знал, что это достаточно верно. Но потаенная правда куда хуже. Она селится в желудке, растет там и поглощает дух.

В этом же здании этажом ниже разместились триста вагрийцев с Субоденом во главе, прибывшие из Дрос-Сегрила. Уже несколько дней Сербитар сражался вместе со своей личной гвардией и снова стал принцем Дрос-Сегрила, сыном князя Драды. И это причиняло ему боль, ибо его люди творили знак Хранящего Рога всякий раз, как он, Сербитар, приближался. Они почти не разговаривали с ним и лишь торопливо отвечали на его вопросы. Субоден с обычной своей прямотой попросил Сербитара вернуться к его товарищам.

«Мы пришли сюда, принц Сербитар, ибо нас обязывает к этому долг. Мы лучше исполним его, если вас не будет рядом».

Но еще больнее ранил Сербитара долгий разговор с настоятелем Ордена Мечей — человеком, которого он почитал и любил как отца, наставника и друга.

Сербитар закрыл глаза и раскрыл свой разум, освободился из телесной тюрьмы и отвел в сторону завесу времени.

Все дальше и дальше уходил он. Тринадцать долгих, утомительных, радостных лет промелькнуло мимо, и Сербитар вновь увидел себя в караване по пути в Орден. Во главе десяти воинов ехал рыжебородый гигант Драда, молодой князь Дрос-Сегрила — закаленный в боях, вспыльчивый, беспощадный к врагам, но верный друзьям. Самые доверенные его воины, ехавшие с ним, без колебания умерли бы за него, ибо любили его больше жизни. В хвосте поезда, в телеге, на соломенном тюфяке под шелковыми покрывалами ехал юный принц, и полотняный навес прикрывал от солнца его мертвенно-бледное лицо.

Вот Драда поворачивает своего коня и галопом скачет к телеге. Он опирается о луку седла и смотрит на мальчика. Мальчик поднимает глаза, и все, что он видит на фоне яркого неба, — это блестящие крылья отцовского боевого шлема.

Телега въезжает в тень фигурных черных ворот. Они открываются, и выходит человек.

— Добро пожаловать, Драда, — говорит он, и его голос както не сочетается с его серебряными латами — это голос поэта.

— Я привез тебе моего сына, — резко, по-солдатски рубит князь.

Винтар подходит к телеге и смотрит на мальчика. Кладет руку на его бледный лоб, улыбается и гладит принца по голове.

— Пойдем со мной, мальчик, — говорит он.

— Он не может ходить, — качает головой Драда.

— Да нет же, может.

Мальчик смотрит своими красными глазами на Винтара и впервые в жизни ощущает прикосновение чужого разума. Это происходит без слов. Одухотворенное лицо Винтара входит в мозг обещанием силы и дружбы. Хилое тело мальчика охватывает дрожь — это жизнь вливается в безжизненные мышцы, возрождая их.

— Что с ним такое? — в тревоге спрашивает Драда.

— Ничего. Попрощайся со своим сыном.

Рыжебородый воин разворачивает коня головой к северу и смотрит на свое беловолосое чадо.

— Делай все, как тебе говорят. Веди себя хорошо. — Он колеблется... делает вид, что укрощает коня. Он подыскивает прощальные слова, но не находит их. Ему всегда было трудно с этим красноглазым мальцом. — Веди себя хорошо, — повторяет он и, махнув своим воинам, пускается в долгий обратный путь домой, на север.

Повозка отъезжает, на тюфяк льется яркий солнечный свет, и мальчика будто пронзают копьем. На его лице отражается боль, глаза крепко зажмуриваются. Винтар осторожно входит в его разум и передает: «Встань и следуй за картинами, которые я буду показывать тебе».

Боль сразу проходит, и мальчик начинает видеть — куда лучше, чем прежде. И мышцы наконец-то подымают его — он уже забыл это ощущение с тех пор, как год назад лишился чувств на снегу Дельнохских гор. С того дня он лежал парализованный и безъязыкий.

Теперь он стоит и с плотно закрытыми глазами видит яснее прежнего. Без всякой вины он сознает, что уже забыл отца и счастлив этим.

Дух взрослого Сербитара вновь переживает всепоглощающую радость того дня, когда он рука об руку с Винтаром, Душой, прошел через двор и увидел в солнечном уголке близ высокой каменной стены крохотный черенок розы.

— Это твоя роза, Сербитар. Люби ее, лелей ее и расти вместе с ней. Однажды на этом крохотном ростке распустится цветок — и он будет благоухать для тебя одного.

— Это белая роза?

— Она будет такой, как ты захочешь.

В последующие годы Сербитар обрел мир и радость в дружбе, но ни разу больше не испытал такого полного счастья, как с Винтаром-Душой в тот первый день.

Винтар показал ему траву лорассий и велел жевать ее листья. Поначалу они вызвали у Сербитара сонливость и наполнили его мозг яркими образами. Но со временем крепкий молодой рассудок преодолел видения, и зеленый сок оздоровил хилую кровь. Даже глаза мальчика изменили цвет, впитав силу растения.

Сербитар снова научился бегать, наслаждаться бьющим в лицо ветром, научился лазать по деревьям и бороться, смеяться и жить.

А еще он научился говорить без слов, двигаться не шевелясь и видеть с закрытыми глазами.

И все эти блаженные годы роза Сербитара росла и расцветала — белая роза...

И вот он, конец! Один взгляд в будущее уничтожил тринадцать лет ученья и веры. Один мимолетный образ, мелькнувший в туманах времени, изменил всю его судьбу.

Пораженный ужасом, смотрел Сербитар на открывшуюся перед ним картину, на покрытые боевыми шрамами стены Дроса. Ум его отвратился от кровавого зрелища, и он унесся, подобно комете, в дальний угол Вселенной, забыв себя среди взрывающихся звезд и рождения новых солнц.

Но Винтар нашел его и там.

— Ты должен вернуться.

— Я не могу. Я все видел.

— Я тоже.

— Тогда ты должен понимать, что я скорее умру, чем увижу это снова.

— Придется увидеть — это твоя судьба.

— Я отрекаюсь от такой судьбы.

— А твои друзья? От них ты тоже отрекаешься?

— Я не могу видеть опять, как ты умираешь, Винтар.

— Почему? Я сам видел это раз сто. Даже написал об этом стихи.

— Будем ли мы после смерти такими же, как теперь? Вольными душами?

— Не знаю — но мне хочется думать, что да. А теперь вернись к своим обязанностям. Я уже связался с Тридцатью. Они будут поддерживать в твоем теле жизнь так долго, как только смогут.

— Им не привыкать. Но почему я должен умереть последним?

— Потому что мы так хотим. Мы любим тебя, Сербитар. Всегда любили. Ты был робким ребенком, не знающим дружбы. Ты с подозрением шарахался от самого малого проявления нежности — душа, плачущая одна в пустыне Вселенной. Ты и теперь одинок.

— Но я люблю вас всех.

— Потому что нуждаешься в нашей любви.

— Нет, Винтар, не потому!

— А Река и Вирэ ты любишь?

— Они не принадлежат к Тридцати.

— Ты тоже не принадлежал, пока мы не взяли тебя к себе.

Сербитар вернулся в крепость и устыдился. Но стыд, который он испытывал раньше, не шел ни в какое сравнение с тем, что он чувствовал теперь.

Неужто всего час прошел с тех пор, как он гулял с Винтаром по стене, и жаловался ему, и исповедовался во многих грехах?

— Ты не прав, Сербитар. Совсем не прав. Я тоже испытываю упоение боем. Да и кто не испытывает? Спроси Арбедарка или Менахема. Пока мы остаемся людьми, мы и чувствуем по-человечески.

— Стало быть, то, что мы монахи, ничего не значит? — вскричал Сербитар. — Нас годами учили тому, что война есть безумие, что человек низок в своей жажде власти и крови. Мы поднялись выше обычных людей благодаря своим почти богоравным способностям. И вот выходит, что мы, как и все прочие, жаждем боя и крови. Все впустую!

— Как ты самодоволен, Сербитар, — сказал Винтар с легкой тенью гнева в голосе и взоре. — «Богоравные», «обычные люди». Где же смирение, к которому мы стремимся? Когда ты пришел в Храм, ты был слабым, одиноким и самым младшим из нас — но тем легче давалось тебе учение. И мы выбрали тебя Голосом. Только ли за то, что ты превзошел все науки и постиг философию?

— Я полагаю, что да.

— И ты снова заблуждаешься. Ибо во всякой мудрости таится страдание. Ты страдаешь не из-за отсутствия веры, но оттого, что веруешь. Вернемся к началу. Зачем мы отправились на эту далекую войну?

— Чтобы умереть.

— Зачем умирать именно так? Почему бы не уморить себя голодом?

— Потому что на войне воля к жизни проявляется всего сильнее. Человек из всех сил старается выжить. Он заново обретает любовь к жизни.

— А с чем приходится бороться НАМ?

— Со своими сомнениями, — прошептал Сербитар.

— Однако ты не думал, что подобные сомнения могут посетить тебя, — до того был уверен в своей богоравности?

— Да, был — а теперь уже не уверен. Это очень тяжкий грех?

— Ты сам знаешь, что нет. Почему я еще жив, мальчик? Почему не умер вместе с Тридцатью Магнара двадцать лет назад?

— Ты был тем избранным, кому предстояло основать новый храм.

— Но почему я был избран?

— Потому что был самым совершенным из всех.

— Почему тогда Тридцать возглавлял не я?

— Я тебя не понимаю.

— Как избирают главу?

— Не знаю. Ты никогда мне не говорил.

— Тогда угадай; Сербитар.

— Он должен быть самым лучшим. Самым...

— Совершенным?

— Я сказал бы «да», но уже вижу, к чему ты клонишь. Если ты был самым совершенным, почему тогда главой был Магнар? Ну, так почему же?

— Ты видел будущее и должен был видеть и слышать этот наш разговор. Скажи мне сам.

— Ты же знаешь, что я ничего не видел. Мне недосуг было заниматься подобными мелочами.

— О, Сербитар, ты так ничего и не понял! Ты как раз и занимался мелочами — бессмысленными и ничтожными. Какое этой планете дело до того, падет Дрос или нет? Мало ли замков пало за минувшие века? И что значит для Вселенной их судьба? Или наша смерть?

— Скажи тогда, отец настоятель, — как избирается глава Тридцати?

— А ты еще не догадался, сын мой?

— Кажется, догадался.

— Тогда скажи.

— Он самый несовершенный из братьев? — тихо спросил Сербитар, глядя зелеными глазами в лицо Винтара и жадно надеясь услышать, что это не так.

— Да, самый несовершенный, — печально повторил Винтар.

— Но почему?

— Чтобы сделать его задачу еще более трудной. Чтобы дать ему возможность возвыситься до своего поста.

— А я не справился?

— Еще рано судить об этом, Сербитар.

Глава 24

День ото дня все больше людей покидало осажденный город — они грузили пожитки на телеги, тачки или на спины мулов, и бесконечная их вереница змеилась к пока еще безопасным Скодийским горам и к лежащей за ними столице.

Этот исход ставил перед защитниками новые задачи. Бойцам приходилось отрываться ради таких дел, как очистка выгребных ям, поднос припасов и приготовление еды. Войско, и без того малочисленное, разрывалось надвое.

Взбешенный Друсс требовал закрыть городские ворота и пресечь уход жителей. Рек заметил на это, что для охраны южной дороги потребуется еще больше солдат.

В это время защитников постигло первое поражение.

В день Вершины Лета, через десять недель после начала осады, пал Музиф, и в крепости воцарился хаос. Надиры проломили стену в середине и вклинились на убойную землю за ней. Защитники, оказавшись под угрозой окружения, отступили и бросились к огненным канавам. Дисциплина дрогнула, началась паника, и два мостка рухнуло под тяжестью бегущих солдат.

Рек на Кании, третьей стене, до последней минуты тянул с приказом о поджоге канав. Друсс, Оррин и Хогун взобрались наверх в тот самый миг, когда горящие стрелы зажгли огонь. Но за завесой пламени остались более восьмисот дренайских воинов — они вели безнадежный бой, и их тесные, огражденные щитами кольца таяли с каждым

мигом. Люди на Кании отворачивались, не в силах видеть напрасной гибели своих товарищей. Рек следил за сражением, стиснув кулаки. Бой длился недолго: дренаев, во много раз уступавших числом неприятелю, перебили, и тысячи кочевников завели победную песнь.

Они стояли перед огнем и пели, размахивая окровавленными мечами и топорами. Мало кто на стенах понимал слова. Но этого и не нужно было. Смысл песни был ясен и пронзал каленым железом душу и сердце.

— Что они поют? — спросил Рек у Друсса, когда старик отдышался после долгого подъема по веревке.

— Это песнь торжества:

Мы надиры,
Вечно юные,
Кровью писаны,
Сталью пытаны,
Победители.

Надиры за огненной завесой ворвались в госпиталь и перебили раненых — одних на койках, а других вытащили на солнце, чтобы их видели товарищи на стене. Страдальцев изрешетили стрелами или медленно изрубили на куски. Одного прибили к ставням казармы, и он висел там, исходя криком, два часа, пока его не четвертовали и не обезглавили.

Убитых дренаев, сорвав с них оружие и доспехи, бросили в огненные канавы, и смрад горелого мяса стоял в воздухе и ел глаза.

Жители хлынули из южных ворот потоком, и город опустел. Солдаты бросали оружие и уходили вместе с горожанами. Согласно приказу Река никто не пытался остановить их.

В домишке близ улицы Мельников Мейри успокаивала дитя, плачущее у нее на руках. Шум на улице пугал ее — соседи грузили имущество на повозки, запряженные волами или дойными коровами. В городе настал кромешный ад.

Мейри баюкала ребенка, мурлыча колыбельную и целуя его тугие кудряшки.

— Я должен вернуться на стену, — сказал ее муж, высокий мужчина с темными волосами и большими голубыми глазами. Он очень устал, исхудал, и глаза у него ввалились.

— Не уходи, Карин, — попросила она.

Он опоясался мечом.

— Как так — не уходи? Я должен.

— Давай уйдем из Дельноха. У нас в Пурдоле друзья, ты найдешь там работу.

Он не отличался проницательностью и не уловил в ее голосе отчаянную нотку, не увидел растущей паники в ее глазах.

— Не позволяй этим дуракам пугать тебя, Мейри. Друсс по-прежнему с нами, и мы удержим Канию — обещаю тебе.

Дитя уцепилось ручонками за платье матери, успокоенное мягкой силой отцовского голоса. Мальчик был слишком мал, чтобы понимать слова, но интонацию понимал прекрасно. Шум на улице словно отступил куда-то, и ребенок уснул у матери на плече. Но Мейри была старше и умнее его, и для нее слова оставались просто словами.

— Послушай, Карин, я хочу уйти. Сегодня же!

— Я не могу сейчас говорить с тобой. Я должен вернуться. Увидимся позже. Все будет хорошо. — Карин поцеловал жену и вышел в уличное столпотворение.

Она огляделась, припоминая: вот этот сундук у двери подарили им родители Карина. Стулья сделал ее дядя Дамус — с душой, как он делал все. И сундук, и стулья они привезли сюда два года назад.

Хорошо ли им жилось эти два года?

Карин — добрый, заботливый, любящий муж. Очень хороший человек. Уложив ребенка в колыбельку, она прошла в маленькую спальню и закрыла от шума окно. Скоро придут надиры. Дверь разнесут, и грязные дикари ворвутся сюда, разорвут ее одежду...

Мейри закрыла глаза.

«Друсс по-прежнему с нами», — сказал он.

Глупый Карин! Добрый, любящий, заботливый, глупый Карин. Глупый мельник.

Она никогда не была по-настоящему счастлива с ним — но, быть может, никогда не поняла бы этого, если б не война. Ей жилось с ним совсем неплохо. Потом он вступил в гарнизон крепости и явился домой такой гордый в своем дурацком панцире и слишком большом шлеме.

Глупый Карин. Добрый Карин.

Дверь открылась, и вошла подруга Делис с покрытыми дорожной шалью светлыми волосами, в тяжелом плаще на плечах.

— Ну, идешь ты? — спросила она.

— Да.

— И Карин с тобой?

— Нет.

Мейри быстро собрала пожитки, затолкав их в выданный Карину полотняный мешок. Делис отнесла ме-

шок в повозку, а Мейри взяла сына из колыбели и завернула еще в одно одеяльце. Потом открыла сундучок и нашла под бельем мешочек с серебром, который прятал там Карин.

Она не потрудилась закрыть дверь.

В замке Друсс костерил Река и клялся убить всякого дезертира, которого узнает в лицо.

— Опоздал ты с этим, — сказал Рек.

— Да будь ты проклят! У нас осталось меньше трех тысяч человек. Думаешь, мы долго протянем, если будем мириться с дезертирством?

— А долго ли мы протянем, если не будем с ним мириться? — огрызнулся Рек. — Так и так нам конец. Сербитар говорит, что Кания продержится два дня, Сумитос около трех, Валтери столько же, а Геддон и того меньше. Итого десять дней. Десять жалких дней! — Молодой князь, облокотившись на перила балкона над воротами, смотрел на ползущий к югу караван. — Погляди на них, Друсс! Крестьяне, пекари, купцы. Какое право мы имеем просить их умереть? Ну, падет крепость — им-то что? Не станут надиры убивать всех дренайских пекарей до единого — народ просто сменит хозяев, только и всего.

— Уж больно легко ты сдаешься, — прорычал Друсс.

— Я человек здравомыслящий. И не талдычь мне больше про свой Скельнский перевал. Я-то никуда не собираюсь.

— С тем же успехом можешь и собраться. — Друсс тяжело опустился на обитый кожей стул. — Ты уже потерял надежду.

Рек отвернулся от окна, глаза его горели.

— Ну что вы за народ такой, воины? Добро бы вы еще изъяснялись избитыми фразами — хуже, что вы ими и думаете. Потерял надежду, скажите на милость! Было бы что терять. Эта затея была безнадежна с самого начала — однако мы делаем то, что можем, и то, что должны. Ну, собрался молодой крестьянин домой к жене и детям. Пусть идет! Он всего-навсего проявляет здравый смысл, чего таким, как мы с тобой, не понять. О нас споют песни, а он позаботится о том, чтобы было кому их петь. Он растит — мы разрушаем. В конце концов, он хорошо исполнил свою роль — он дрался как мужчина. И это позор, что ему приходится бежать отсюда тайком.

— Так почему бы нам всех не распустить по домам? Станем с тобой рядышком на стене и попросим надиров подходить поочередно, на рыцарский манер.

Рек внезапно улыбнулся без тени раздражения и гнева.

— Я не стану с тобой спорить, Друсс. Я восхищаюсь тобой больше всех на свете — но думаю, что тут ты не прав. Налей себе вина — я сейчас вернусь.

Менее чем через час во всех частях был зачитан указ князя.

Бреган сообщил эту новость Джиладу, закусывавшему в тени госпиталя под западным утесом, в который упиралась Кания.

— Мы можем идти домой, — крикнул раскрасневшийся Бреган. — Мы будем там к празднику урожая!

— Не понимаю. Мы что — сдаемся?

— Нет. Князь сказал, что если кто хочет уйти, то может это сделать хоть сейчас. Сказал, что мы можем уйти с гордостью, потому что сражались как мужчины — и как мужчины получаем право разойтись.

— Но крепость он не сдает?

— Нет, не думаю.

— Тогда я остаюсь.

— Но князь нас отпускает!

— А мне это ни к чему.

— Не понимаю я тебя, Джил. Все, кого ни спроси, уходят. И это ведь верно, что мы свою роль сыграли. Разве нет? Мы сделали, что могли.

— Наверное. — Джилад потер усталые глаза, глядя на дымок, лениво поднимающийся к небу из огненной канавы. — Они тоже сделали все, что могли, — прошептал он.

— Кто?

— Мертвые. И те, кому еще предстоит умереть.

— Но князь говорит, что это ничего. Говорит, мы можем уйти с высоко поднятой головой — с гордостью.

— Так прямо и говорит?

— Да.

— Так вот, я с высоко поднятой головой не уйду.

— Нет, не понимаю я тебя. Ты все время твердил, что крепость мы не удержим. Теперь у нас появилась возможность уйти. Почему бы тебе не сказать спасибо и не пойти вместе с нами?

— Потому что я дурак. Передай всем в деревне привет от меня.

— Ты же знаешь, что я без тебя никуда не пойду.

— Ты-то хоть, Брег, не дури! Тебе есть ради чего жить. Подумай только, как маленький Леган бросится к тебе, подумай, сколько историй ты сможешь рассказать. Иди домой. Иди!

— Нет. Не знаю, почему ты остаешься, но я останусь с тобой.

— Не надо. Я хочу, чтобы ты вернулся домой, правда хочу. Если ты этого не сделаешь, некому будет рассказать даже, какой я герой. Серьезно, Брег. Мне будет гораздо легче, если я буду знать, что ты далеко от всего этого. Князь прав. Такие, как ты, люди сыграли свою роль — и сыграли

блистательно. Что до меня... я просто хочу остаться, вот и все. Я много чего узнал здесь — о себе и о других. Я нигде больше не нужен. Путного крестьянина из меня никогда не выйдет, и нет у меня денег, чтобы сделаться купцом, а для принца я породой не вышел. Так, перекати-поле. Здесь мне самое место — с такими же, как я. Прошу тебя, Бреган, прошу — уходи!

На глазах у Брегана выступили слезы, и друзья обнялись. Молодой крестьянин встал.

— Надеюсь, у тебя все будет хорошо, Джил. Я всем расскажу про тебя — обещаю. Удачи тебе!

— И тебе, пахарь. Захвати свой топор — пусть его повесят в ратуше.

Джилад посмотрел, как Бреган идет через калитку к замку. Тот оглянулся напоследок, помахал рукой — и ушел.

Всего Дрос покинуло шестьсот пятьдесят человек.

Две тысячи сорок осталось — не считая Лучника, Каэссы и еще пятидесяти стрелков. Остальные разбойники, выполнив свое обещание, вернулись в Скултик.

— Чертовски мало нас теперь, — проворчал Друсс.

— Никогда не любил излишней толчеи, — беззаботно бросил Лучник.

Хогун, Оррин, Рек и Сербитар остались на местах, а Друсс с Лучником вышли в ночь.

— Не отчаивайся, старый конь, — сказал Лучник, хлопнув Друсса по спине. — Могло ведь быть и хуже.

— Это каким же манером?

— У нас могло бы, к примеру, кончиться вино.

— Оно и так кончилось.

— Да ну? Ужасно. Ни за что бы не остался, если б знал. Но у меня, к счастью, еще завалялась пара бутылок лентрийского красного. Хоть сегодня попируем — а глядишь, и на завтра останется.

— Хорошее дело. А еще можно поберечь его пару месяцев, чтобы созрело маленько. Лентрийское красное, как бы не так! Это твое пойло гнали в Скултике из мыла, картошки и крысиных потрохов. Надирские помои и то приятнее.

— Тебе виднее, старый конь, — я их помоев не пробовал. Мой напиток вполне пригоден.

— Пойду лучше пососу надирскую подмышку.

— Прекрасно! Тогда я сам все выпью.

— Не вскидывайся, парень, — я с тобой. Всегда считал, что друзья должны страдать вместе.

* * *

Артерия вильнула под пальцами Вирэ, как змея, выбросив кровь в брюшную полость.

— Крепче! — приказал кальвар Син. Он погрузил обе руки в рану, лихорадочно стараясь зашить внутренний разрыв и отталкивая в сторону голубоватые скользкие внутренности. Это было бесполезно, и Син это знал, но почитал своим долгом пустить в ход все свое мастерство. Жизнь, несмотря на все усилия, уходила сквозь пальцы. Еще стежок, еще одна победа, давшаяся слишком дорогой ценой.

Раненый умер на одиннадцатом стежке, стянувшем его желудок.

— Умер? — спросила Вирэ. Кальвар кивнул и распрямил спину. — А кровь все течет.

— Через пару мгновений перестанет.

— Я думала, он будет жить, — прошептала она.

Кальвар вытер окровавленные руки полотном, подошел к ней, взял за плечи и повернул к себе.

— На это у него имелся один шанс из тысячи, даже если бы я остановил кровотечение. Копье пробило ему селезенку, и гангрена была почти неизбежна.

Ее глаза были красными, лицо серым. Она моргнула и содрогнулась всем телом, глядя на умершего, но слезы не потекли.

— Мне казалось, у него борода, — растерянно сказала она.

— Это у предыдущего.

— Ах да. Он тоже умер.

— Тебе надо отдохнуть. — Син, поддерживая Вирэ, провел ее через палату, между рядами трехъярусных коек. Служители тихо сновали по проходам. Здесь разило смертью, и сладкий, тошнотворный запах гниения смешивался с горечью обеззараживающего сока лорассия и горячей воды, приправленной лимонной мятой.

Возможно, дело было как раз в тяжелом запахе, но Вирэ с удивлением убедилась, что колодец не иссяк и она по-прежнему может плакать.

В задней каморке Син налил в таз теплой воды, смыл кровь с ее лица и рук и вытер бережно, как ребенка.

— Он сказал, что я люблю войну, — проговорила она. — Но это неправда. Может быть, тогда было правдой, а теперь не знаю.

— Только глупцы любят войну — или те, что и в глаза ее не видели. Вся беда в том, что выжившие забывают об ужасах и помнят только восторг, испытанный ими в

бою. Они делятся своей памятью с другими, и тем тоже хочется. Накинь плащ и пойди подыши воздухом. Тебе станет легче.

— Вряд ли я смогу прийти завтра, кальвар. Я буду с Реком на стене.

— Я понимаю.

— Я чувствую себя такой беспомощной тут, глядя, как умирают люди. — Она улыбнулась. — Мне это не нравится. Я к этому не привыкла.

Син посмотрел ей вслед с порога — она шла, высокая, закутавшись в белый плащ, и ветер трепал ее волосы.

— Я тоже чувствую себя беспомощным, — тихо сказал он.

Эта последняя смерть тронула его сильнее, чем следовало, — но этого человека в отличие от других безымянных страдальцев он знал.

Карин-мельник. Кальвару помнилось, что в Дельнохе у него есть жена и сын.

— Что ж, тебя хоть есть кому оплакать, Карин, — шепнул он звездам.

Глава 25

Рек сидел и смотрел, как светят звезды над башней замка и как порой по ним проходят облака, чернея на лунном небе. Облака точно небесные утесы — острые и грозные, неумолимые, наделенные разумом. Рек оторвал взгляд от окна и протер глаза. Он и раньше знал усталость — но не это душевное онемение, не это уныние. В комнате было темно. Засмотревшись на ночное небо, он забыл зажечь свечи. Комната, такая приветливая при свете дня, теперь стала прибежищем мрака и лишилась всякой жизни. Он в ней непрошеный гость. Рек запахнулся в плащ.

Ему недостает Вирэ, но она теперь в госпитале — помогает совсем изнемогшему кальвару Сину. Мучимый тоской, Рек встал, чтобы пойти за ней, но так и не сдвинулся с места. Он выругался и зажег свечи. Дрова уже лежали в очаге, и он развел огонь, хотя ночь не была холодной. Он опустился на жесткий, обитый кожей стул, глядя, как маленькое пламя лижет растопку и понемногу охватывает поленья. Легкий ветер раздул огонь, заплясали тени, и Рек немного успокоился.

— Дурак, — сказал он вслух, когда пламя загудело и его прошиб пот. Он снял плащ, сапоги и отодвинулся от огня.

Легкий стук в дверь прервал его думы. Он отозвался, и вошел Сербитар. Рек не сразу узнал его: альбинос был без доспехов, в зеленом камзоле, со стянутыми на затылке длинными волосами.

— Я помешал тебе, Рек?

— Нисколько. Посиди со мной.

— Спасибо. Ты замерз?

— Нет. Просто хотелось поглядеть на огонь.

— Я тоже это люблю. Это помогает мне думать. Возможно, это давняя память о теплой пещере, защищающей тебя от хищников?

— Я тогда еще не жил на свете — хотя, глядя на меня, в этом можно усомниться.

— Нет, жил. Атомы, из которых состоит твое тело, столь же древни, как Вселенная.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем ты толкуешь, — но убежден, что это правда.

Последовало неловкое молчание, потом оба заговорили разом, и Рек засмеялся, а Сербитар с улыбкой пожал плечами:

— Не привык я к светским беседам — и вести их не умею.

— Как и большинство людей. Это искусство. Главное — быть спокойным и не бояться молчания. Кто такие, собственно, друзья? Это люди, с которыми можно помолчать.

— Правда?

— Слово князя.

— Я рад, что ты вновь обрел свою веселость. Я полагал, при нынешних обстоятельствах это невозможно.

— Умение приспосабливаться, мой дорогой Сербитар. Нельзя же все время думать о смерти — это быстро надоедает. Я понял, что больше всего на свете боюсь не умереть, а наскучить.

— С тобой редко бывает скучно, мой друг.

— Редко? А я-то думал — никогда.

— Прошу прощения. Я так и хотел сказать.

— Что сулит нам завтрашний день?

— Не знаю, — быстро ответил Сербитар. — А где госпожа Вирэ?

— У кальвара Сина. Половина городских сиделок сбежала на юг.

— Вряд ли можно их за это упрекать. — Сербитар подошел к окну. — Какие яркие сегодня звезды. Хотя точнее было бы сказать, что угол наклона земли улучшает видимость.

— «Звезды сегодня яркие» звучит как-то лучше. — Рек сел рядом с ним.

Внизу медленно шла Вирэ в белом плаще, и ветер трепал ее длинные волосы.

— Спущусь-ка я к ней, с твоего разрешения, — сказал Рек.

— Конечно, — улыбнулся Сербитар. — А я посижу у огня и подумаю, если позволишь.

— Будь как дома. — Рек натянул сапоги.

Через несколько мгновений после его ухода вошел Винтар. Он тоже сменил доспехи на простое одеяние из белой шерсти с капюшоном.

— Тебе было тяжело, Сербитар, — сказал он, кладя руку на плечо молодому человеку. — Надо было взять меня с собой.

— Не мог я сказать ему правду.

— Однако ты и не солгал, — прошептал Винтар.

— Где та грань, за которой умолчание переходит в ложь?

— Не знаю. Но ты сделал то, к чему стремился, — свел их вместе. У них впереди вся ночь.

— Я должен был все-таки сказать ему.

— Нет. Он захотел бы изменить то, что изменить невозможно.

— Невозможно? Или недозволено?

— Невозможно. Он приказал бы ей не участвовать завтра в бою, а она бы не послушалась. И под замóк ее не посадишь — она княжеская дочь.

— Но если бы он сказал ей, в чем дело?

— Она не поверила бы или бросила бы вызов судьбе.

— Значит, она обречена?

— Нет. Она умрет, только и всего.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить ее, Винтар, ты знаешь.

— Я тоже. Но нас постигнет неудача. Завтра в ночь ты должен будешь открыть ему тайну князя Эгеля.

— Он будет не в том состоянии, чтобы открывать ему тайны.

Рек обнял Вирэ за плечи и поцеловал в щеку.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

Она улыбнулась и молча приникла к нему.

— А я вот не могу это выговорить, — сказала она, глядя ему в глаза своими большими глазами.

— И не нужно. Ты ведь чувствуешь это?

— Ты же знаешь, что да. Просто сказать не могу. Все эти нежности в моих устах звучат так странно... так неуклюже. Точно мое горло не создано для того, чтобы

произносить их. Мне сразу делается неловко. Понимаешь, о чем я? — Он кивнул и снова поцеловал ее. — И потом, у меня нет твоего богатого опыта.

— И то верно.

— Что это значит? — вскинулась она.

— Я просто соглашаюсь с тобой.

— Так вот не делай этого. Мне сейчас не до шуток. Тебе хорошо — ты у нас остряк, краснобай. Язык тебя всегда выручит. А я вот и хотела бы высказать все, что чувствую, да не могу. Когда же ты говоришь об этом первый, у меня перехватывает горло, и я знаю, что должна ответить что-то, но опять-таки не могу.

— Послушай, прелесть моя, это совсем не важно! Ты верно сказала — это слова, и только. Я проявляю себя в словах, ты в делах. Я знаю, что ты меня любишь, и тебе совсем не обязательно вторить мне всякий раз, как я говорю о своих чувствах. Сейчас, к примеру, я просто вспомнил, что мне когда-то сказал Хореб. Он сказал, что для каждого мужчины на свете есть только одна женщина и что я узнаю свою, когда увижу. И я узнал.

— А я когда впервые тебя увидела, то подумала: экий хлыщ! — Она обняла его за пояс и засмеялась. — Видел бы ты себя, когда тот разбойник на тебя кинулся!

— Я просто сосредоточился. Ты же сама знаешь, что стрелок из меня неважный.

— Да у тебя душа ушла в пятки!

— И то правда.

— И все-таки ты спас меня.

— Как же иначе — я по природе герой.

— Нет, ты не герой — за это я тебя и люблю. Ты просто мужчина, который делает все, что может, и старается следовать требованиям чести. В людях это редкость.

— Ты не поверишь, но я, несмотря на свою развязность, очень смущаюсь, когда меня хвалят.

— Но я должна высказаться — для меня это важно. Ты первый мужчина, с которым мне так же свободно, как с женщинами. Ты научил меня жить. Быть может, я умру во время этой осады, но я хочу, чтобы ты знал: я жила не напрасно.

— Не надо говорить о смерти. Взгляни на звезды. Ощути эту ночь. Не правда ли, она прекрасна?

— Да. Но если ты отведешь меня в замок, я докажу тебе, что дела говорят громче слов.

— Так я, пожалуй, и сделаю.

Они любили друг друга без страсти, но нежно, и уснули, глядя на звезды за окном спальни.

Надирский начальник Огаси послал своих людей вперед, пролаял боевой клич Волчьей Головы и вогнал топор в подбородок высокого дреная. Тот упал навзничь, зажав руками рану. Дикий боевой напев нес надиров вперед, сквозь ряды защитников, через стену, на траву за стеной.

Но Побратим Смерти и белые храмовники, как всегда, держали оборону.

Ненависть придавала Огаси сил — он рубил направо и налево, пробиваясь к старику. Чей-то меч задел его лоб, и он качнулся, но тут же справился и вспорол дренаю живот. Слева защита еще держалась, но справа прогнулась, как бычий рог.

Торжествующий вопль надиров, казалось, достиг небес.

Наконец-то они одолевают!

Но дренаи снова выпрямились. Огаси, отойдя чуть назад, чтобы протереть глаза от крови, увидел, как высокий дренай со своей подругой замкнули прогнувшийся рог. Этот долговязый в серебряном панцире и синем плаще, ведущий за собой около двадцати воинов, точно обезумел. Его смех заглушал пение надиров, и захватчики падали перед ним.

Безумная ярость несла его в самую гущу надиров, и он даже не думал о защите. Его обагренный кровью меч резал, рубил и пронзал. Женщина прикрывала его слева, и ее тонкий клинок был не менее смертоносен.

Рог медленно выгибался в другую сторону, и Огаси медленно теснили к зубцам стены. Он споткнулся о тело дренайского лучника, все еще сжимавшего в руке свой лук. Опустившись на колени, Огаси взял оружие из руки мертвеца и достал из колчана черную стрелу. Вскочив на парапет, он огляделся в поисках Побратима Смерти, но старик был далеко, и его заслоняли напирающие надиры. Зато одержимый раскидал всех, кто был впереди. Огаси наложил стрелу, натянул тетиву, прицелился и с тихим проклятием выстрелил.

Стрела, оцарапав предплечье Река, пролетела мимо.

Как раз в этот миг Вирэ повернулась к нему, и стрела, пробив кольчугу, вошла ей под правую грудь. Вирэ ахнула, покачнулась, и ноги подогнулись под ней. Какой-то надир, прорвавшись, кинулся на нее.

Сцепив зубы, она выпрямилась, отразила его свирепый натиск и обратным ударом вскрыла ему яремную вену.

— Рек! — в панике крикнула она. Ее легкие бурлили, всасывая артериальную кровь. Но он ее не слы-

шал. Боль пронзила ее, и она упала, изогнувшись так, чтобы не вогнать стрелу еще глубже.

Сербитар бросился к ней и приподнял ее голову.

— Проклятие! — проговорила она. — Я умираю!

Он коснулся ее руки, и боль сразу прошла.

— Спасибо, друг! Где Рек?

— Он одержим, Вирэ. Я не могу достучаться до него.

— О боги! Послушай меня — не оставляй его одного после того, как... ты знаешь. У него голова набита романтическими бреднями, и он может сотворить какую-нибудь глупость — понимаешь?

— Понимаю. Я присмотрю за ним.

— Попроси лучше Друсса — он старше, и Рек его почитает. — Она обратила взор к небу — там плыла одинокая грозовая туча, заблудшая и гневная. — Говорил мне Рек — надень панцирь, но он такой чертовски тяжелый. — Туча увеличилась — Вирэ хотела сказать об этом Сербитару, но туча застлала небо, и тьма поглотила все.

Рек стоял на балконе, стиснув перила, — слезы лились у него из глаз, и неодолимые рыдания вырывались сквозь стиснутые зубы. Позади него лежала Вирэ — недвижная, холодная, успокоившаяся. Лицо ее побелело, а грудь была обагрена кровью. Стрела пробила ей легкое. Теперь кровь уже перестала течь.

У Река тоже разрывались легкие, когда он пытался перебороть свое горе. Кровь капала из позабытой царапины на руке. Он вытер глаза, вернулся к постели и взял Вирэ за руку, нащупывая пульс, — но пульса не было.

— Вирэ, — сказал он тихо, — вернись. Вернись! Послушай. Я люблю тебя. Ты та единственная. — Он склонился над ней, вглядываясь в ее лицо. Вот на нем блеснула слеза, потом другая... Но это были его слезы. Он охватил руками ее голову. — Подожди меня, — шепнул он. — Я иду. — Он вытащил из-за пояса лентрийский кинжал и поднес его к запястью.

— Положи его, парень, — сказал с порога Друсс. — В этом нет смысла.

— Уйди! — крикнул Рек. — Оставь меня.

— Она отошла, парень. Накрой ее.

— Накрыть? Накрыть мою Вирэ? Нет! Не могу. О боги Миссаэля, не могу я укрыть ей лицо.

— А мне вот пришлось однажды, — сказал Друсс бессильно обмякшему, рыдающему Реку. — Моя женщина тоже умерла. Не ты один столкнулся вплотную со смертью.

Друсс стоял на пороге, и сердце его щемило от боли. Наконец он закрыл дверь и шагнул в комнату.

— Оставь ее ненадолго, парень, и поговори со мной. Вот тут, у окна. Расскажи мне еще раз, как вы встретились.

И Рек стал рассказывать о стычке в лесу, о смерти Рейнарда, о путешествии в Храм и дороге в Дельнох.

— Друсс!

— Да.

— Мне кажется, я не переживу этого.

— Я знавал людей, которые не смогли пережить. Однако нет нужды резать себе вены. Тут поблизости ждет целая орда, которая охотно сделает это за тебя.

— Мне нет больше дела до них — пусть себе берут эту проклятую крепость. Хотел бы никогда ее не видать.

— Я знаю. Я говорил с Вирэ вчера в госпитале. Она сказала, что любит тебя. Сказала...

— Я не хочу этого слышать.

— Нет, хочешь — потом ты будешь это вспоминать, и она будет жить, пока ты ее помнишь. Она сказала, что если умрет, то все-таки жила не напрасно, потому что встретила тебя. Она боготворила тебя, Рек. Рассказывала мне, как ты вышел с ней против Рейнарда и всех его людей, — она так гордилась тобой. И я гордился, слушая ее. В тебе есть нечто, парень, — не многим это присуще.

— Теперь уже больше нет.

— Но было ведь! И этого у тебя никто не отнимет. Она сожалела только о том, что не умеет высказать тебе свои чувства.

— О, я знал и так — для этого не нужно слов. Что было с тобой, когда умерла твоя жена? Что ты испытывал?

— Вряд ли мне нужно говорить тебе об этом. Ты сам знаешь что. И не думай, что после тридцати лет супружества это легче. Наоборот — тяжелее. Тебя ждет в зале Сербитар. Он сказал, что дело важное.

— Ничего больше нет важного. Друсс, ты накроешь ей лицо? Я не в силах.

— Да. Но непременно повидай альбиноса. У него что-то есть для тебя.

Рек медленно спустился в большой зал. Сербитар ждал его у подножия лестницы. Опущенное забрало скрывало глаза. Реку он показался похожим на серебряную статую. Только кисти рук не были прикрыты, да и те белели, как слоновая кость.

— Ты звал меня?

— Ступай за мной, — сказал Сербитар и двинулся через зал к винтовой лестнице, ведущей в подвалы замка. Рек собирался отказать Сербитару, о чем бы тот ни попросил, но теперь принужден был следовать за альбиносом, и это его разгневало. Около лестницы Сербитар вынул из медного кольца в стене горящий факел.

— Куда мы идем? — спросил Рек.

— Ступай за мной.

Медленно и осторожно они сошли по растрескавшимся, истертым ступеням на верхний этаж подземелья. Заброшенный коридор мерцал мокрой паутиной и замшелыми сводами. Сербитар остановился перед дубовой дверью, запертой на ржавый засов. Он долго боролся с затвором, а потом им вдвоем пришлось тянуть дверь, пока она не открылась со скрипом и стоном. Перед ними во мраке открылся еще один лестничный колодец.

Сербитар снова стал спускаться. Лестница привела их в длинный коридор, где вода доходила им до лодыжек. По воде они добрели до последней двери, имеющей форму дубового листа. Ее украшала золотая табличка с надписью на языке древних.

— Что тут написано? — спросил Рек.

— «Достойному привет. Здесь покоится тайна Эгеля и душа Бронзового Князя».

— Что это значит?

Сербитар попробовал дверь, но она была заперта — и, как видно, изнутри, ибо не было на ней ни засова, ни цепи, ни скважины для ключа.

— Будем ломать? — спросил Рек.

— Нет. Ты ее откроешь.

— Она же заперта. Это что, игра?

— Попробуй.

Рек осторожно повернул ручку, и дверь бесшумно отворилась. Стеклянные шары в стенных нишах зажглись мягким светом. В комнате было сухо — лишь теперь вода, хлынувшая из коридора, промочила ковер на полу.

Посреди комнаты на деревянной подпоре стояли доспехи, подобных которым Рек еще не видел. Они были искусно выкованы из бронзы, и заходящие одна за другую чешуйки поблескивали на свету. На панцире красовался бронзовый орел, распростерший крылья через всю грудь к плечам. Доспехи венчал крылатый шлем с орлиной головой на маковке. Тут же имелись чешуйчатые, снабженные шарнирами перчатки и наголенники. На столе перед доспехами лежала окаймленная бронзой, подбитая мягчайшей кожей кольчуга и

кольчужные штаны с бронзовыми шарнирными наколенниками. Но внимание Река прежде всего привлек меч, заключенный в хрустальную глыбу. Золотой клинок имел более двух футов в длину, двуручный эфес был изваян в виде распростертых крыльев.

— Это доспехи Эгеля, первого Бронзового Князя, — сказал Сербитар.

— Но почему они лежат здесь, заброшенные?

— Никто не мог открыть эту дверь.

— Так ведь она не заперта.

— Для тебя — да.

— Что это значит?

— Очень просто — тебе и никому другому суждено было открыть эту дверь.

— Я в это не верю.

— Подать тебе меч?

— Сделай одолжение.

Сербитар подошел к хрустальной глыбе и ударил по ней своим мечом. Но лезвие отскочило, не оставив на хрустале ни малейшего следа.

— Попробуй теперь ты, — сказал Сербитар.

— Можно позаимствовать твой меч?

— Протяни просто руку к рукояти другого меча.

Рек приложил ладонь к хрусталю, но не ощутил его холодного прикосновения. Рука прошла вглубь, и пальцы сомкнулись на рукояти. Без усилия Рек извлек меч из камня.

— Это что, фокус такой? — спросил он.

— Возможно. Но я тут ни при чем. Смотри! — Сербитар положил руки на опустевший хрусталь и сильно нажал. — А теперь ты сделай то же.

Рек подчинился — для него хрусталь не существовал.

— Что это значит?

— Не знаю, друг. Честное слово, не знаю.

— Как ты тогда узнал, что все это лежит здесь?

— Это еще труднее объяснить. Помнишь тот день в роще, когда меня не могли разбудить?

— Да.

— Тогда я странствовал по всей планете и даже за ее пределами, но при этом я преодолел течение времени и посетил Дельнох. Была ночь, и я увидел, как веду тебя через зал вот в эту комнату. Я видел, как ты взял меч, и слышал твой вопрос — и свой ответ.

— Стало быть, в этот самый миг ты паришь над нами и слушаешь?

— Да.

— Я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы верить тебе, но ответь мне вот на что: это, быть может, и объясняет, почему ты теперь здесь со мной, но откуда первый Сербитар узнал, что доспехи хранятся тут?

— Я в самом деле не могу объяснить этого, Рек. Это все равно что смотреть на свое отражение в зеркале и видеть, как оно уходит куда-то в бесконечность. Но в своих занятиях наукой я открыл, что жизнь неизмеримо шире, чем нам представляется.

— Что же делает ее столь широкой?

— Власть Истока.

— Мне сейчас не до религии.

— Скажем тогда по-иному: много веков назад Эгель уже знал об этом нашествии и поместил свои доспехи здесь, наложив на них заклятие, которое мог нарушить только ты — будущий князь.

— Твой духовный двойник по-прежнему наблюдает за нами?

— Да.

— Он знает о моей потере?

— Да.

— Значит, ты знал, что она умрет?

— Да.

— Почему же ты мне не сказал?

— Чтобы не лишить тебя последней радости.

— Что это значит? — Гнев, поднявшийся в Реке, на миг пересилил горе.

— Будь ты крестьянином, полагающим, что впереди у него долгая жизнь, я, быть может, и предостерег бы тебя, чтобы подготовить. Но ты сражаешься с дикой ордой и каждый день рискуешь жизнью. Как рисковала и Вирэ. Ты сам знал, что она может погибнуть. Знание того, что так и будет, не дало бы тебе ничего и только отняло бы у тебя всю радость.

— Я мог спасти ее.

— Нет, не мог.

— Не верю.

— Зачем мне лгать тебе? Зачем мне желать ее смерти?

Рек не ответил. Слово «смерть» вошло в его сердце и сокрушило его душу. Слезы снова подступили к глазам, но он пересилил их, устремив взгляд на доспехи.

— Я надену их завтра, — сквозь зубы сказал он. — В них и умру.

— Все возможно, — ответил альбинос.

Глава 26

День занялся ясный, и воздух был свеж и сладок, когда две тысячи дренайских воинов заняли свои места на Кании. Внизу надирские шаманы ходили вдоль рядов, орошая кровью кур и ягнят обнаженные клинки кочевников.

Потом тысячи глоток грянули песнь, и орда двинулась на приступ с лестницами, узловатыми веревками и крючьями. Рек, стоящий в середине, надел бронзовый шлем и застегнул его под подбородком. Слева от него стоял Сербитар, справа Менахем. Остальные Тридцать расположились вдоль всей стены.

И началась бойня.

Три атаки отбили защитники, прежде чем надиры закрепились на стене — да и то ненадолго. Около сорока кочевников, прорвавших оборону, очутились лицом к лицу с одержимым в бронзе и двумя серебряными призраками — эти трое сеяли вокруг себя смерть. От них не было спасения: меч бронзового дьявола пронзал насквозь любые щиты и латы, и люди гибли под этим страшным клинком, крича, словно в муках ада. Вечером военачальники, явившиеся с докладом в шатер Ульрика, только и говорили, что об этой новой напасти. Даже легендарный Друсс, смеющийся над надирскими клинками, казался человечнее этой отливающей золотом смертоносной машины.

— Мы чувствовали себя собаками, которых отгоняют с дороги палкой, — сказал кто-то. — Или беспомощными детьми, вздумавшими помериться со взрослыми.

Ульрик втайне встревожился. Ему удалось в конце концов приободрить своих воевод, твердя им, что это всего лишь человек в бронзовых доспехах, — но после их ухода он призвал к себе старшего шамана Носта-хана. Старик присел перед пылающей жаровней и выслушал своего господина, кивая головой. После он поклонился и закрыл глаза.

Рек спал, обессиленный битвой и горем. Кошмар медленно овладевал им, обволакивая, как черный дым. Внутренний взор его открылся, и Рек увидел себя перед зевом пещеры, черным и страшным. Страх исходил оттуда, словно осязаемая сила. Позади была бездна, уходящая в огненные недра земли, и из нее неслись странные звуки, жалобы и вопли. У Река не было ни доспехов, ни меча. Бездна издала шорох, и оттуда стал вылезать громадный червь, покрытый слизью и гнилью. Смрад, идущий от него, заставил Река отшатнуться. Пасть червя

могла с легкостью поглотить человека; тройной ряд клыков окружал ее, и внутри торчала человеческая рука, сломанная и окровавленная. Рек пятился к устью пещеры, но шипящий звук заставил его обернуться. Из черного зева возник паук, источающий яд. В глубине его гигантской пасти мерцало чье-то зеленое лицо, произносящее магические заклинания. С каждым словом Рек слабел и уже едва держался на ногах.

— Ты что, весь день собираешься так стоять?

Рек оглянулся и увидел рядом с собой Вирэ в развевающихся белых одеждах. Она улыбалась ему.

— Ты вернулась! — Он протянул к ней руки.

— Сейчас не время, дурень! На вот, держи меч. — Она протягивала ему бронзовый меч Эгеля. На них упала тень, но Рек уже схватил меч и обернулся к нависшему над ним червю. Клинок перерубил трехфутовую шею чудовища, и зеленая кровь хлынула из раны. Рек бил снова и снова, пока мерзкая тварь, перерубленная почти пополам, не уползла обратно в яму.

— Паук! — закричала Вирэ, и Рек снова обернулся. Морда чудища была всего в нескольких шагах от него. Рек ткнул мечом в зияющую пасть, и клинок пронзил зеленое лицо, словно дыню. Паук взвился в воздух и отлетел назад. Подул ветер, и он превратился в черный дым, тут же растаявший.

— А ведь если б я не пришла, ты бы и с места не сдвинулся, — сказала Вирэ.

— Пожалуй.

— Дуралей, — улыбнулась она, и он двинулся к ней, протягивая руки.

— Можно мне потрогать тебя?

— Странный вопрос для мужа.

— Ты не исчезнешь?

Ее улыбка померкла.

— Не теперь еще, любимый.

Он прижал ее к себе, и слезы полились из его глаз.

— Я думал, ты ушла навсегда. Думал, никогда тебя не увижу.

Некоторое время они не говорили ничего и только обнимали друг друга.

Наконец Вирэ мягко отстранила его.

— Ты должен вернуться.

— Вернуться?

— В Дельнох. Ты нужен там.

— Ты нужна мне больше всякого Дельноха. Разве нельзя нам остаться здесь? Вместе?

— Нет. Никакого «здесь» не существует. Только мы с тобой настоящие. А теперь ты должен вернуться.

— Но мы ведь еще увидимся, правда?

— Я люблю тебя. И всегда буду любить.

Рек вздрогнул, проснулся и увидел звезды за окном. Лицо Вирэ постепенно таяло, исчезая в ночном небе.

— Вирэ! — крикнул он. — Вирэ! — Дверь открылась, и вбежал Сербитар.

— Рек, ты спишь. Проснись.

— Уже проснулся. Я видел ее. Она явилась мне во сне и спасла меня.

— Хорошо, но теперь она ушла. Посмотри на меня.

Рек взглянул в зеленые глаза альбиноса. Горящая в них тревога скоро пропала, и Сербитар улыбнулся.

— Все хорошо. Расскажи, что тебе снилось.

Выслушав Река, Сербитар стал расспрашивать его о зеленом лице, выпытывая каждую мелочь, и наконец сказал с улыбкой:

— Мне думается, ты стал жертвой Носта-хана. И не поддался ему — это настоящий подвиг, Рек.

— Вирэ была со мной. Так это не сон?

— Думаю, нет. Исток освободил ее на время.

— Хотелось бы мне в это поверить. Ох, как хотелось бы.

— Верь смело. Скажи мне, где твой меч?

Рек соскочил с постели и прошел к столу, где лежали его доспехи. Меча не было.

— Что же это? — прошептал Рек.

— Не бойся, он вернется к тебе!

Сербитар зажег свечи и подбросил дров в очаг. Тут в дверь тихонько постучали.

— Войдите, — отозвался Рек.

Вошел молодой офицер с мечом Эгеля.

— Простите, что побеспокоил вас, мой господин, но у вас свет. Один из часовых нашел ваш меч на Кании, вот я и принес его. Я уже обтер его от крови.

— От крови?

— Да, господин. Он был весь в крови. Вот — он до сих пор еще влажный.

— Ну, спасибо. — Рек повернулся к Сербитару: — Я ничего не понимаю.

В шатре Ульрика мерцали свечи. Полководец сидел, погруженный в транс, глядя на безголовое тело перед собой, — этого зрелища ему не забыть до конца своих дней. Только что его шаман сидел перед углями — и вдруг красная черта пролегла на его шее, и голова свалилась в огонь.

Ульрик, придя в себя, кликнул стражу и приказал убрать труп, но сперва провел своим мечом по окровавленной шее.

— Он прогневил меня, — объяснил он часовым.

Ульрик вышел из шатра под звезды. Сначала легендарный старец с топором, потом эти воины в серебре. И наконец, этот бронзовый дьявол, чье волшебство оказалось сильнее, чем у Носта-хана. Откуда этот холод, леденящий душу? Дрос — всего лишь крепость. Разве он, Ульрик, не завоевал уже сотню таких? Как только он пройдет в ворота Дельноха, Дренайская империя будет в его власти. Могут ли они устоять против него? Ответ прост — нет. Одному человеку — да хоть бы и дьяволу в бронзе — не сдержать надирских племен.

Но что еще готовит им этот Дрос?

Ульрик взглянул на твердыню Кании.

— Ты падешь! — крикнул он, и голос его прокатился эхом по долине. — Я смету тебя!

В призрачном предутреннем свете Джилад вышел из столовой с миской горячего супа и краюхой свежего черного хлеба. Он медленно прошел сквозь ряды защитников на стене к своему месту над замурованной калиткой. Тоги уже сидел там, привалившись спиной к парапету. Он кивнул Джиладу, присевшему рядом, поплевал на точильный брусок в своей мозолистой руке и снова принялся точить длинную кавалерийскую саблю.

— Похоже, дождь будет, — сказал Джилад.

— Ага. Им труднее будет лезть.

Тоги никогда не начинал разговор первым, но всегда подмечал нечто, упущенное другими. Странная это была дружба: Тоги, молчаливый черный улан, уже пятнадцать лет прослуживший в Легионе, и Джилад, доброволец с Сентранской равнины. Джилад не помнил уже, как они впервые повстречались, — лицо у Тоги было не из тех, что запоминаются. Он просто постепенно привык к тому, что Тоги рядом. Легионеры стояли теперь вдоль всей стены, смешавшись с другими отрядами. Никто не объяснял, почему это так, но Джилад и так знал: легионеры — отборные бойцы и должны скрепить собой оборону. Тоги, заправский вояка, дрался молча. Ни воплей, ни боевого клича — только крайняя скупость движений и редкое мастерство, от которого надиры падали мертвыми или изувеченными.

Тоги сам не знал, сколько ему лет, — знал только, что в юности поступил в Легион конюхом и заслужил свой черный плащ в саулийских войнах. Была у него когда-то жена, но она ушла и забрала с собой сына. Тоги не имел поня-

тия, куда они ушли, и как будто не очень об этом беспокоился. Он не имел друзей, которые заслуживали бы этого имени, и не слишком уважал свое начальство. Джилад как-то спросил его, что он думает об офицерах Легиона.

— Дерутся они не хуже нас, грешных, — сказал Тоги. — Но это единственное, что мы делаем вместе.

— Как так?

— Они же из благородных все. Ты можешь умереть за них, но одним из них никогда не станешь. Для них мы не люди.

— Друсс не такой, — заметил Джилад.

— Да. — Свирепый огонь сверкнул в темных глазах Тоги. — Друсс — человек. Но это ничего не меняет. Погляди на серебряных витязей, которыми командует альбинос, — деревенских среди них нет. Альбинос — княжеский сын, и прочие тоже все из благородных.

— Зачем же ты тогда сражаешься за них, если так их ненавидишь?

— Ненавижу? Нет, это не так. Просто жизнь так устроена. Я не питаю ненависти к ним, они — ко мне. Мы понимаем друг друга, вот и все. Мне что офицеры, что надиры — все одно: у меня с ними разная кровь. А сражаюсь я потому, что ремесло у меня такое — я солдат.

— Ты всегда хотел стать солдатом?

— А что мне еще оставалось?

— Мало ли что, — развел руками Джилад.

— Я, к примеру, охотно стал бы королем.

— Каким таким королем?

— Кровавым тираном! — Тоги подмигнул, но не улыбнулся. Улыбался он редко — да и то только глазами.

Накануне, когда на стене явился Бронзовый Князь, Джилад ткнул Тоги локтем и указал на него.

— Новые доспехи ему к лицу, — сказал Тоги.

— Не похоже, что они новые — скорее старинные.

— Лишь бы годились в бою, — пожал плечами Тоги.

Вчера сабля Тоги переломилась в шести дюймах от рукояти. Он бросился на передового надира и, вогнав обломок сабли ему в шею, выхватил у него короткий меч и стал рубить направо и налево. Быстрота его мысли и действий поразила Джилада. После, во время краткой передышки, Тоги взял себе другую саблю у мертвого солдата.

— Ты здорово дерешься, — сказал ему Джилад.

— Наверное, раз я живой.

— Разве это одно и то же?

— На этих стенах — да, хотя здесь гибнут и хорошие бойцы. Но тут еще и от удачи многое зависит. Неумелых, правда, и удача недолго спасает.

...Тоги спрятал брусок в сумку и протер закругленный клинок масленой тряпицей. Сталь сверкнула белым и голубым в свете наступающего дня.

Чуть дальше Друсс шутил с солдатами, стараясь приободрить их. Он подошел к двум приятелям, и Джилад встал, но Тоги остался сидеть. Друсс с развеваемой ветром белой бородой сказал Джиладу:

— Я рад, что ты остался.

— Просто мне некуда идти.

— Да. Мало кто понимает, как это хорошо. — Друсс взглянул на сидящего кавалериста. — И ты тут, Тоги, щенок сопливый. Жив еще, стало быть?

— Жив покамест, — поднял глаза тот.

— Продолжай в том же духе. — И Друсс двинулся дальше.

— Великий человек, — сказал Тоги. — За такого и умереть не жалко.

— Ты его и раньше знал?

— Да. — Тоги замолк, и Джилад собрался уже расспросить его, но тут леденящий кровь надирский напев возвестил о рассвете нового алого дня.

В числе надиров, идущих на приступ, был гигант по имени Ногуша, вот уже десять лет удерживающий звание лучшего бойца Ульрика. Его послали с передовым отрядом, дав ему в качестве личной охраны двадцать воинов из племени Волчьей Головы. Они должны были защищать Ногушу, а он — найти и убить Побратима Смерти. За спиной у него висел меч длиной три фута, шириной шесть дюймов, на боку — два кинжала в двойных ножнах. Сам Ногуша, более шести футов ростом, был выше всех в надирском войске и всех опаснее: он одержал победу уже в трехстах поединках.

Орда подступила к стене. Взвились вверх веревки, заскрежетали о серый камень лестницы. Ногуша отдал приказ своим людям, и трое полезли на стену впереди него, а остальные — по бокам. Двое первых слетели вниз на камни, но третий, прежде чем пал зарубленным, успел отвоевать место для Ногуши. Ухватившись за парапет громадной ручищей, Ногуша взмахнул своим мечом, воины прикрыли его с обеих сторон. Тяжелый меч прорубал дорогу, и отряд клином врезался в дренайские ряды, устремившись к Друссу, который бился шагах в двадцати от них. Дренаи отсекли отряд Ногуши сзади, но никто не сумел перекрыть путь громадному ко-

чевнику. Люди падали замертво под его сверкающим широким клинком. С его охраной дело обстояло не столь благополучно: воины гибли один за другим, и наконец Ногуша остался один. Теперь он был всего в нескольких шагах от Друсса — тот повернулся и увидел его, бьющегося в одиночку и обреченного на гибель. Их глаза встретились, и между ними мелькнула искра понимания. Друсс не мог не узнать этого человека, знаменитого воина, о котором среди надиров уже ходили легенды, — молодого надира, который мог сопѐрничать с ним самим.

Старик легко соскочил со стены на траву и встал в ожидании. Он не пытался сдержать атаку надира. Ногуша, видя это, прорубил себе путь и спрыгнул к Друссу. Несколько дренаев последовали было за ним, но Друсс махнул рукой, отослав их.

— Здорово, Ногуша.

— Здорово, Друсс.

— Тебе не дожить до Ульриковой награды. Дороги назад нет.

— Все мы когда-нибудь умрем. И в этот миг я так близок к райскому блаженству, что лучшего и желать нельзя. Всю мою жизнь ты высился надо мной, делая ничтожными все мои подвиги.

— Я тоже думал о тебе, — торжественно кивнул Друсс.

Ногуша ринулся в атаку с ошеломляющей быстротой. Друсс отбил в сторону его меч и нанес сокрушительный удар левым кулаком. Ногуша пошатнулся, но тут же оправился и отразил направленный вниз взмах Друссова топора. Последующий бой был коротким и яростным. Каким бы высоким ни было искусство обоих, битва меча против топора не могла длиться долго. Ногуша сделал ложный выпад влево и прорвал защиту Друсса. Не имея времени для раздумий, Друсс нырнул под меч и саданул плечом Ногуше под ложечку. Тот отлетел назад, но его меч рассек колет Друсса сзади, поранив спину. Не обращая внимания на боль, Друсс бросился на упавшего противника и стиснул левой рукой его правое запястье. Ногуша сделал то же самое.

Началась борьба двух титанов — каждый старался вырваться из хватки другого. Силы их были почти равны, и если Друсс был сверху и давил противника своим весом, то Ногуша был моложе и только что нанес старику глубокую рану. Кровь струилась у Друсса по спине, стекая под широкий пояс.

— Тебе не устоять... против меня, — процедил Ногуша сквозь стиснутые зубы.

Друсс, багровый от натуги, ничего не ответил. Надир был прав — Друсс понемногу слабел. Все выше поднималась правая рука Ногуши с мечом, сверкающим на ут-

реннем солнце. Левая рука Друсса дрожала от напряжения и грозила вот-вот разжаться. Но тут старик вскинул голову и треснул лбом по незащищенному лицу Ногуши. Нос надира хрустнул под серебряным ободом шлема. Трижды Друсс повторил свой удар, и Ногушу охватила паника. Друсс сломал ему нос и одну скулу. Ногуша извернулся, отпустил руку Друсса и двинул кулаком ему в челюсть, но старик стойко вынес удар и вогнал Снагу в шею врага. Из раны хлынула кровь, и Ногуша прекратил борьбу. Оба смотрели в глаза один другому, не говоря ни слова: Друсс задыхался, у Ногуши были рассечены голосовые связки. Надир обратил взор к небу и умер. Друсс медленно встал, взял Ногушу за ноги и втащил его по ступенькам на стену. Надиры уже отошли, готовясь к новой атаке. Друсс подозвал двоих воинов и передал им тело Ногуши, а сам взобрался на парапет.

— Держите меня за ноги, но так, чтобы вас не было видно, — шепнул он солдатам позади себя. На виду у столпившихся внизу надиров он прижал Ногушу к себе, ухватил его одной рукой за шею, другой между ног и мощным усилием вскинул громадное тело у себя над головой. Потом размахнулся и с криком метнул Ногушу со стены. Он упал бы, если бы его самого не держали. Бойцы помогли ему сойти — на их лицах читалась тревога.

— Тащите меня в госпиталь, покуда я не истек кровью, — прошептал Друсс.

Глава 27

Каэсса сидела у постели молчаливая, но бдительная, не спуская глаз со спящего Друсса. Тридцать стежков понадобилось, чтобы зашить прореху в широкой спине воина, — рана шла вдоль лопатки и заходила на плечо, где была всего глубже. Старику дали вина с настоем из мака, и он уснул. Кровотечение было обильным, и он лишился сознания по пути в госпиталь. Каэсса молча стояла рядом с кальваром Сином, пока тот зашивал рану, а теперь сидела подле Друсса.

Она не могла понять, чем он так приворожил ее. Нет, она не желала его — мужчины никогда не возбуждали в ней желания. Неужто это любовь? Каэсса не знала — ей не с чем было сравнивать. Ее родители погибли страшной смер-

тью, когда ей было семь лет. Отец, мирный крестьянин, попытался остановить кочевников, грабивших его амбар, и они зарезали его, не задумываясь. Мать схватила Каэссу за руку, и они убежали в горы, в лес. Но их заметили — догнать их не составило труда. Мать не могла нести дочку на руках, потому что была беременна, но и бросить не могла. Она дралась, как дикая кошка... Ее одолели, надругались над ней и убили. Все это время девочка сидела под дубом, оцепенев от ужаса, не в силах даже крикнуть. Наконец издающий зловоние бородач подошел к ней, схватил ее за волосы, поднес к обрыву и швырнул в море.

Она осталась жива, но разбила голову и сломала правую ногу. Рыбак, видевший, как она упала в воду, вытащил ее. С того дня она полностью изменилась.

Веселая прежде девочка больше не смеялась, не танцевала и не пела. Она стала угрюмой и злобной. Другие дети не хотели играть с ней, и она становилась все более одинокой. В пятнадцать лет она убила своего первого мужчину — путника, который заговорил с ней у реки, спрашивая дорогу. Ночью, когда он спал, она подкралась и перерезала ему горло, а потом сидела и смотрела, как он умирает.

Он стал первым из многих.

Видя их смерть, она плакала — и только тогда чувствовала себя живой. Она только этого и хотела от жизни — быть живой, и мужчины умирали.

Позже, лет с двадцати, она стала выбирать свои жертвы по-иному: ими становились те, кого влекло к ней. Она позволяла им спать с собой, но позже, когда им, возможно, снились только что испытанные удовольствия, она аккуратно резала им глотки отточенным ножом. Но она не убила еще ни одного, примкнув к Лучнику с полгода назад, — Скултик стал ее последним убежищем.

А теперь вот она сидит около раненого мужчины и хочет, чтобы он был жив. К чему бы это?

Она вынула свой кинжал и представила, как режет горло старику. Обычно от таких фантазий ее обжигало желание — но сейчас она не ощутила ничего, кроме паники. Вместо сцены убийства она увидела, как Друсс сидит рядом с ней в темной комнате перед очагом, где пылают дрова. Он обнимает ее за плечи, а она прижимается к его груди. Эта картина представлялась ей много раз, но теперь Каэсса увидела ее заново — а все потому, что Друсс такой большой. Мужчина в ее видениях всегда был великаном. И она знала почему.

Она смотрела на него глазами семилетнего ребенка.

В комнату тихо вошел Оррин. Он похудел и казался изможденным, но окреп. Лицо его приобрело новое выражение. Прочерченные усталостью морщины старили его, но перемена заключалась не столько в них, сколько в глазах. Прежде он был солдатом, жаждущим стать воином, — теперь он стал воином, жаждущим стать кем-то другим. Он повидал войну и жестокость, смерть и увечья. Он видел, как острые клювы воронья выклевывают глаза мертвым и как кишат черви в наполненных гноем глазницах. Он обрел себя и больше не задавал вопросов.

— Как он? — спросил Оррин у Каэссы.

— Он поправится — но не сможет сражаться еще несколько недель.

— Значит, ему больше вовсе не придется драться — у нас осталось от силы несколько дней. Подготовь его к переезду.

— Его нельзя трогать с места, — сказала она, впервые взглянув на него.

— Придется. Мы сдаем стену и ночью отходим к следующей. Сегодня мы потеряли более четырехсот человек. Четвертая стена имеет в длину всего сто ярдов — несколько дней продержимся. Подготовь его.

Она кивнула и поднялась с места.

— Вы тоже устали, командир. Вам следовало бы отдохнуть.

— Отдохну скоро, — улыбнулся он, и от его улыбки у нее пошла дрожь по спине. — Скоро мы все отдохнем.

Друсса уложили на носилки, осторожно подняли и укрыли от ночного холода белыми одеялами. В длинной веренице других носильщики двинулись к четвертой стене — оттуда спустили веревки и молча подняли носилки вверх. Факелов не зажигали, и только звезды освещали эту сцену. Оррин влез по веревке последним. Чья-то рука протянулась ему навстречу — это был Джилад.

— Ты всегда оказываешься рядом, чтобы помочь мне, Джилад. И я ничуть на это не жалуюсь.

— Теперь, когда вы сбросили столько веса, командир, — улыбнулся Джилад, — вы пришли бы первым в той гонке.

— Эх, гонки! Точно в прошлом столетии это было. А где же твой друг — тот, с топором?

— Ушел домой.

— Мудрый поступок. А ты почему остался?

Джилад пожал плечами — он уже устал объяснять.

— Славная ночь, самая лучшая из всех, — сказал Оррин.

— Странно — бывало, я глядел на звезды, лежа в постели, и они всегда меня усыпляли. А теперь мне спать

совсем не хочется. Мне кажется, что во сне я понапрасну трачу жизнь. А тебе так не кажется?

— Нет, командир. Я сплю как младенец.

— Ну, тогда доброй тебе ночи.

— Доброй ночи, командир.

Оррин медленно пошел прочь и оглянулся.

— Мы неплохо потрудились, верно?

— Да, неплохо. Надиры, полагаю, помянут нас не слишком добрым словом.

— Это так. Спокойной ночи. — Оррин начал спускаться по ступенькам, но Джилад подался вслед за ним.

— Командир!

— Да?

— Я хотел сказать... Словом, я горжусь, что служу у вас под началом, — вот и все.

— Спасибо, Джилад. Это я должен гордиться вами. Спокойной ночи.

Тоги ничего не сказал, когда Джилад вернулся на стену, но молодой офицер почувствовал на себе его взгляд.

— Ну, говори уж, — сказал Джилад. — Излей душу.

— А что говорить-то?

Джилад всмотрелся в бесстрастное лицо друга, ожидая увидеть насмешку или презрение, но ничего такого не увидел.

— Я думал, ты сочтешь меня... ну, не знаю, — пробормотал он.

— Человек проявил себя достойным и отважным, и ты сказал ему об этом. Ничего дурного тут нет, хотя тебе это несвойственно. В мирное время я счел бы, что ты подлизываешься к нему, желая что-то выпросить, но здесь выпрашивать нечего, и он это знает. Ты хорошо сказал.

— Спасибо.

— За что это?

— За то, что понял. Знаешь, я думаю, он большой человек — быть может, даже больше, чем Друсс. Он ведь не обладает ни мужеством Друсса, ни мастерством Хогуна — тем не менее он все еще здесь и все еще держится.

— Долго он не продержится.

— Как и все мы.

— Это так — но он и завтрашнего дня не проживет. Он слишком устал — устал вот здесь. — Тоги постучал себя по виску.

— По-моему, ты заблуждаешься.

— Ты знаешь, что нет. Потому ты и сказал ему эти слова. Ты тоже это почувствовал.

* * *

Друсс плыл по океану боли, обжигающей его тело. Он сцепил челюсти, скрипя зубами от этого жжения, кислотой разъедающего ему спину. Он с трудом цедил слова сквозь эти сжатые зубы, и лица сидящих вокруг расплывались перед ним, почти неузнаваемые.

Он лишился чувств, но боль последовала за ним в глубину — его окружили сумрачные, унылые виды, где остроконечные горы вонзались в серое угрюмое небо. Друсс лежал на горе, глядя на рощицу сожженных молнией деревьев шагах в двадцати от себя. Там стояла фигура в черном, худая, с темными глазами. Вот она приблизилась и села на камень, глядя на Друсса сверху вниз.

— Вот и все, — сказала она голосом, похожим на ветер, насквозь продувающий пещеру.

— Я еще выздоровлю, — сказал Друсс, смигивая пот с глаз.

— После этой раны — нет. Удивительно, как ты еще жив.

— Мне и прежде наносили раны.

— Да, но тогда клинок не был отравлен зеленым соком с северных болот. У тебя гангрена.

— Нет! Я умру с топором в руке.

— Ты так думаешь? Я жду тебя, Друсс, все эти годы. Я видела легионы путников — они пересекали темную реку по твоей милости. И я следила за тобой. Твоя гордость и твое самомнение не знают границ. Ты вкусил славы и стал думать, что выше твоей силы нет ничего на свете. А теперь ты умрешь. Без топора. Без славы. И не пройдешь через темную реку в Чертоги Вечности. Я наконец-то взяла свое — разве ты не понимаешь? Разве не понимаешь?

— Нет. За что ты меня так ненавидишь?

— За что? Да за то, что ты победил страх. За то, что насмеялся надо мной своей жизнью. Мне мало, чтобы ты умер. Все умирают, крестьяне и короли — все под конец становятся моими. Но ты, Друсс, — особая статья. Умри ты так, как тебе хочется, ты опять насмеялся бы надо мной. Потому-то я и придумала для тебя эту утонченную пытку. Тебе следовало бы уже умереть от своей раны — но я не взяла тебя к себе. Теперь твоя боль усилится. Ты будешь корчиться... Будешь вопить... Потом разум изменит тебе, и ты будешь умолять. Молить, чтобы я пришла. Тогда я приду, возьму тебя за руку, и ты будешь моим. Люди запомнят тебя как жалкую, воющую развалину. Они почувствуют презрение к тебе, и это подпортит твою легенду.

Друсс подложил под себя свои могучие руки и попытался встать. Но боль снова повалила его, исторгнув стон сквозь стиснутые зубы.

— Вот так-то, воин. Борись, бесись пуще. Надо было остаться в своих горах и насладиться своей старостью. Гордец! Ты не устоял против зова крови. Страдай же — и дари мне радость.

Кальвар Син снял горячие полотенца со спины Друсса, заменив их новыми, и по комнате разнеслось зловоние. Сербитар подошел и тоже осмотрел рану.

— Безнадежно, — сказал кальвар Син, потирая свой сверкающий череп. — Не понимаю, как он еще жив.

— Да, — тихо откликнулся альбинос. — Каэсса, он говорил что-нибудь?

Девушка подняла на него затуманенные усталостью глаза и покачала головой. Дверь отворилась, и тихо вошел Рек. Кальвар Син в ответ на его молчаливый вопрос тоже качнул головой.

— Но почему? — сказал Рек. — Эта рана не опаснее тех, которые он получал раньше.

— Гангрена. Яд уже распространился по всему телу. Спасти его нельзя. Весь мой сорокалетний опыт говорит о том, что он уже должен быть мертв. Его тело разлагается заживо, и с поразительной быстротой.

— Он крепкий старик. Сколько он еще протянет?

— До завтра он не доживет.

— Как дела на стене? — спросил Сербитар. Рек пожал плечами. Доспехи его были в крови, глаза выдавали усталость.

— Держимся пока, но они проникли в туннель под нами, и воротам долго не устоять. Большое несчастье, что мы не успели замуровать их. Думаю, надиры пробьют брешь еще дотемна. Они уже прорвались в калитку, но Хогун стойко обороняет лестницу. Потому-то я и пришел, доктор. Боюсь, вам опять придется перемещаться. Отныне госпиталь будет помещаться в замке. Как скоро вы сможете это сделать?

— Откуда мне знать? Раненых подносят постоянно.

— Все равно готовьтесь. Тяжелораненых, которых нельзя переносить, нужно будет избавить от страданий.

— Что? — вскричал лекарь. — Ты говоришь, что их надо убить?

— Именно так. Переносите тех, кого можно. А остальные... или вы думаете, что надиры пощадят их?

— И все же я отправлю всех до единого. Если они умрут по дороге, это все-таки лучше, чем убивать их на койках.

— Тогда начинайте немедленно. Мы теряем время.

Джилад и Тоги вместе с отрядом Хогуна обороняли лестничный колодец. На ступеньках грудой лежали трупы, но все новые и новые надиры лезли из-за поворота лест-

ницы, переступая через тела. Хогун вспорол живот очередному, и тот упал, повалив идущего за ним. Тоги двумя руками рубанул второго по шее. Следом возникли еще двое, прикрываясь щитами из воловьей шкуры, а сзади напирали другие.

— Все равно что вычерпывать море ведром, — проворчал Тоги.

Вверху надиры закрепились на стене, вбив клин в ряды дренаев. Оррин, увидев угрозу, бросился вперед с новой полусотней «Карнак». Внизу таран бил в гигантские ворота из дуба и бронзы. Ворота пока держались, но зловещие трещины уже змеились под скрещенными брусьями в середине, и дерево стонало под ударами.

Оррин стремился к надирскому клину, рубя обеими руками и не помышляя о защите. Рядом упал дренайский воин с перерезанным горлом. Оррин полоснул по лицу его убийцу и отразил удар слева.

До сумерек оставалось три часа.

Лучник стоял на коленях на траве за стеной, разложив перед собой три колчана стрел. Неспешно наложив стрелу, он выстрелил. Надир слева от Оррина упал, пораженный в висок. Еще один пал от меча Оррина, и новая стрела сразила третьего. Клин распадался под натиском дренаев.

На лестнице Тоги перевязывал длинную резаную рану на руке, пока прибывшие на подмогу легионеры держали вход. Джилад привалился к камню, вытирая пот со лба.

— Долгий нынче день, — сказал он.

— И ему еще не конец, — проворчал Тоги. — Они чувствуют, что вот-вот возьмут стену.

— Да. Как твоя рука?

— Ничего. Куда теперь?

— Хогун велел идти туда, где нужнее.

— Поди разбери, где нужнее. Я на ворота — идешь?

— Почему бы и нет? — улыбнулся Джилад.

Рек и Сербитар, расчистив участок стены, бросились на помощь Оррину. Линия защитников вдоль всей стены гнулась, но держалась.

— Если продержимся, пока они не отойдут перестроиться для следующей атаки, то, может, и успеем отвести всех за Валтери, — прокричал Оррин пробившемуся к нему Реку.

Еще час кипела битва — и громадный бронзовый наголовник тарана наконец пробил ворота. Большой поперечный брус поддался и с жутким скрипом вышел из гнезд. Бревно медленно отошло назад, освобождая путь воинам.

Джилад послал гонца на стену уведомить об этом Река или любого из ганов, а сам с полусотней других встал у пролома.

Качая головой из стороны в сторону, чтобы размять усталые мускулы плеч, он взглянул на Тоги. Тот улыбался.

— Что тебя так насмешило?

— Собственная дурь. Я пошел на ворота, чтобы передохнуть малость,— а тут смерть в глаза глядит.

Джилад не ответил. Смерть! Его друг прав — те, кто стоит у ворот, не смогут отойти к пятой стене. Он ощутил желание повернуться и побежать, но подавил его. К чему? За последние недели он достаточно насмотрелся на смерть. Если он останется в живых, куда он пойдет, что будет делать? Вернется в деревню, к зануде жене? Чтобы умереть беззубым дряхлым стариком, надоедающим всем рассказами о своей геройской молодости?

— Великие боги! — вдруг воскликнул Тоги. — Ты только погляди на это!

Джилад оглянулся. К ним по траве медленно шел Друсс, опираясь на молодую разбойницу Каэссу. Он шатался и чуть не падал, но она держала его. Они подошли ближе, и Джилад с трудом подавил ужас: лицо старика вздулось и налилось багровой синевой, точно у двухдневного трупа. Люди расступились, а Каэсса направила Друсса в середину, вынула короткий меч и стала рядом с ним.

Ворота открылись, в них хлынули надиры. Друсс с великим усилием обнажил Снагу. Он едва видел сквозь туман боли, и каждый шаг, пока девушка вела его, причинял ему новые муки. Она осторожно одела его, все время проливая слезы, и помогла ему подняться. Он сам заплакал тогда от нестерпимой боли.

— Не могу, — простонал он.

— Нет, ты можешь, — сказала Каэсса. — Ты должен.

— Такая боль...

— Ты и раньше терпел боль. Борись.

— Не могу. Это конец.

— Слушай меня, будь ты проклят! Ты — Друсс-Легенда, а там умирают люди. В последний раз, Друсс. *Прошу тебя.* Тебе нельзя сдаваться, как обыкновенному человеку. *Ты — Друсс.* Ты можешь. Останови их. Ты должен остановить их. Там моя мать.

В глазах у него на миг прояснилось, и он увидел, что Каэсса безумна. Он не понимал, в чем причина, ибо ничего не знал о ней, но ощутил всю силу ее порыва. С усилием, исторгшим у него мучительный вопль, он оперся на ноги

и встал, ухватившись огромной рукой за полку. Боль усилилась, но теперь он уже рассердился, и боль только пришпоривала его. Он сделал глубокий вдох.

— Пойдем, малышка Каэсса, поищем твою мать. Только тебе придется помочь мне: я не слишком твердо стою на ногах.

За воротами надиров поджидали дренайские клинки. Рек наверху получил известие о происшедшей катастрофе. Сражение на стене на время прекратилось — все устремились вниз, в туннель ворот.

— Назад! — крикнул он. — Все к пятой стене. — Люди помчались по траве в улицы Дельноха, давно уже обезлюдевшие по милости Друсса. Тут между двумя стенами не было убойной земли — тут по-прежнему стояли дома, покинутые и мрачные.

Воины бежали к ненадежному укрытию пятой стены, не задумываясь о тех, кто остался у разбитых ворот. Джилад не упрекал их за это и, как ни странно, не питал желания присоединиться к ним.

Только Оррин на бегу заметил заслон у ворот и хотел повернуть обратно, но Сербитар поймал его за руку.

— Нет. Не нужно. Это бесполезно.

И они побежали дальше, а за ними гнались надиры, перебравшиеся через стену.

В воротах шло побоище. Друсс рубил и крошил, точно по памяти. Тоги погиб: короткое копье пронзило ему грудь, — Джилад не видел, как он упал. Каэсса же не сводила глаз с Друсса, который один бился против десяти надиров. Смерть каждого врага она встречала улыбкой. Восьмой... девятый...

Вперед выступил последний, десятый — Каэсса узнала бы его всюду, ибо он убил ее мать. У него была золотая серьга в ухе и шрам от лба до подбородка. Подняв меч, она бросилась на него и проткнула ему живот. Коренастый надир повалился навзничь, увлекая за собой девушку, и чей-то нож вонзился ей между лопаток, но она не почувствовала этого. Все грабители убиты, и ей больше ничего не грозит, впервые со времен ее детства. Сейчас из-за деревьев выйдет мать, они пойдут домой, накормят до отвала Друсса и будут смеяться. И она споет. Обязательно споет...

Рядом с Друссом осталось всего семь человек, и надиры окружили их. Копье прошло Друссу сквозь ребра, пронзило легкое. Снага дал смертельный ответ, отрубив руку копейщика. Тот упал, и Джилад добил его ударом в горло. Потом упал и сам Джилад, сраженный в спину, и Друсс остался один. Надиры отступили, и один из начальников вышел вперед.

— Помнишь меня, Побратим Смерти?

Друсс вырвал копье, торчащее в боку, и отшвырнул прочь.

— Помню, толстобрюхий. Ты приезжал к нам послом!

— Ты сказал, что заберешь мою душу, однако вот я стою здесь, а ты умираешь. Что скажешь на это?

Друсс, внезапно вскинув руку, метнул Снагу, и топор расколол голову гонца точно тыкву.

— Скажу, что ты слишком болтлив, — произнес Друсс. Он упал на колени и увидел, как вытекает из него последняя кровь. Рядом с открытыми глазами умирал Джилад. — Хорошая штука жизнь, верно, парень?

Вокруг них неподвижно стояли надиры. Друсс поднял глаза и сделал знак одному из воинов.

— Эй, парень, — с гортанным выговором сказал он, — подай мне топор. — Надир немного поколебался, потом пожал плечами и достал Снагу из головы убитого. — Дай сюда, — приказал Друсс. Он видел, что молодой надир хочет убить его его же оружием, но чей-то голос пролаял команду — молодой воин дрогнул, подал Друссу топор и отошел.

У Друсса заволокло глаза, и он уже не видел возникшей перед ним фигуры.

— Ты славно сражался, Побратим Смерти, — сказал Ульрик. — Теперь можешь отдохнуть.

— Останься у меня хоть капля силы, я зарубил бы тебя, — промолвил Друсс, пытаясь приподнять топор, но тот оказался слишком тяжел.

— Знаю. Я не знал, что меч Ногуши был отравлен. Веришь ты мне?

Друсс кивнул головой и повалился лицом вниз.

Так умер Друсс-Легенда.

Глава 28

Шестьсот дренайских воинов молча смотрели, как надиры, сгрудившись над телом Друсса, подняли его и вынесли в ворота, которые он защищал. Ульрик шел последним. В самом проеме ворот он обернулся и обвел своими лиловыми глазами людей на стене, остановившись на облаченной в бронзу фигуре. Он поднял руку, как бы в знак приветствия, и медленно указал ею на Река. Смысл этого жеста был ясен.

Сначала Легенда, потом князь.

Рек, не ответив ничем, молча проводил взглядом предводителя надиров, — Ульрик прошел в ворота и исчез из виду.

— Тяжелая смерть, — сказал Хогун, когда Рек, отойдя, сел и поднял забрало шлема.

— А ты чего ожидал? — Рек протер усталой рукой усталые глаза. — Он и жил тяжело.

— Скоро мы все за ним последуем. С теми, что остались, нам и дня не продержаться. Город пуст: даже гарнизонный пекарь и тот ушел.

— А что совет?

— Ушли все до единого. Бриклин должен вернуться через пару дней с известием от Абалаина. Думаю, он вручит свое послание самому Ульрику — к тому времени в замке поселится он.

Рек не ответил — да и что было отвечать? Все верно: битва окончена, впереди только бойня.

Подошли молча Сербитар, Винтар и Менахем в изодранных, окровавленных белых плащах — но ран на них не было.

— Вот и конец, — сказал Сербитар, поклонившись Реку. — Какие будут приказания?

— Что я могу сказать? — пожал плечами Рек.

— Мы могли бы отступить в замок, — сказал Сербитар, — но с таким числом мы и его не удержим.

— Значит, умрем здесь. Это место ничуть не хуже того.

— Верно, — подтвердил Винтар, — но, мне кажется, нам дадут несколько часов передышки.

— Почему? — спросил Хогун, расстегивая бронзовый зажим на плече и снимая плащ.

— Мне кажется, надиры нынче не пойдут больше на приступ. Сегодня они убили могущественного воина, о котором сами слагали легенды. Они устроят пир в честь этого события. А завтра, когда мы умрем, будет новый пир.

Рек снял шлем, подставив прохладному ветру взмокшую от пота голову. На ясном голубом небе светило золотое солнце. Он вдохнул в себя чистый горный воздух, чувствуя, как сила вливается в усталые члены. Его память обратилась к тем радостным дням, когда он жил в Дренане у Хореба, — далекие дни, они более не вернутся. Рек выругался вслух и засмеялся.

— Если они не станут нападать, мы устроим свою пирушку. Боги, ведь умираешь в конце концов только раз! Право же, это стоит отпраздновать!

Хогун с усмешкой потряс головой, но Лучник, подошедший незаметно, хлопнул Река по плечу.

— Вот это по-моему. Только почему бы не пойти в этом деле до конца?

— До конца?

— Пойдем на пир к надирам. Тогда угощать придется им.

— А ведь в этом что-то есть, Бронзовый Князь, — сказал Сербитар. — В самом деле, пойдем?

— Вы что, обезумели оба? — спросил Рек, переводя взгляд с одного на другого.

— Ты сам сказал — умирать только раз, — ответил Лучник. — Терять нам нечего. И потом, надирский закон гостеприимства защитит нас.

— Нет, это безумие! Неужто вы всерьез?

— Еще как всерьез, — сказал Лучник. — Мне хотелось бы воздать последние почести Друссу. А надирским бардам будет о чем петь в последующие годы. Да и дренайские, думаю, не отстанут. Мне нравится этот замысел — в нем есть поэзия. Пир в логове дракона.

— А, черт, я с вами, — сказал Рек. — Должно быть, я тоже свихнулся. Когда отправляемся?

Трон черного дерева поставили у шатра, и Ульрик восседал на нем в восточных одеждах из шитого золотом шелка. На голове у него красовалась отороченная козьим мехом корона племени Волчьей Головы, а черные волюсы были заплетены в косы по обычаю вентрийских королей. Вокруг него широким кольцом, насчитывавшим много тысяч, сидели начальники его отрядов, а за ними, тоже кругами, расположились прочие воины. В середине каждого круга плясали надирские женщины, повинуясь неистовому ритму сотни барабанов. В кругу военачальников пляска велась вокруг огромного погребального костра, где лежал Друсс-Легенда со скрещенными на груди руками. И его боевой топор лежал рядом с ним.

За пределами кругов горели бесчисленные костры, и запах жареного мяса стоял в воздухе. Женщины разносили на коромыслах ведра с лиррдом, хмельным напитком из козьего молока. Сам Ульрик в честь Друсса пил лентрийское красное. Вино не нравилось ему — оно казалось слишком слабым и водянистым человеку, возросшему на крепких напитках северных степей. Однако он пил это вино: поступить по-иному было бы неучтиво, ибо дух Друсса присутствовал на пиру. Рядом с кубком Ульрика стоял другой, налитый до краев, и по правую руку вождя возвышался второй трон.

Ульрик угрюмо созерцал поверх своего кубка лежащее на костре тело.

— Ты умер вовремя, старик, — тихо произнес он. — Ты будешь жить в наших песнях, и еще много поколений будут вспоминать тебя у наших лагерных костров.

Луна ярко светила на безоблачном небе, и звезды мерцали, как далекие свечи. Ульрик откинулся назад, глядя в вечность. Откуда эта печаль? Что так гнетет его душу? С ним нечасто случалось такое, а уж накануне столь крупной победы — и вовсе никогда.

В чем причина?

Его взгляд вернулся к телу погибшего воина.

— Причина в тебе, Побратим Смерти, — сказал он. — Это твои подвиги превратили меня в черную тень. Ибо во всех легендах помимо героев действуют и черные силы зла. Без них не было бы сказаний. Но я не злодей. Я воин по рождению, защищающий свое племя и желающий создать единую державу. — Ульрик выпил еще глоток лентрийского и вновь наполнил кубок.

— Что-то не так, мой повелитель? — спросил начальник его охраны Огаси, крепкий кочевник, убивший Вирэ.

— Он обвиняет меня. — Ульрик указал на тело Друсса.

— Так, может, зажечь костер?

Ульрик покачал головой.

— Не раньше полуночи. Врата должны быть открыты к его прибытию.

— Ты оказываешь ему великую честь, повелитель. В чем же он тогда обвиняет тебя?

— В своей смерти. Меч Ногуши был отравлен — так сказал мне его слуга.

— Но не по твоему же приказу. Я был с тобой и знаю.

— Какая разница? Или я уже не отвечаю за тех, кто мне служит? Я опорочил свою легенду, приказав положить конец легенды о нем. Черное дело совершил ты, Ульрик Волчья Голова.

— Он все равно погиб бы завтра. Что значит один день?

— Спроси себя, Огаси, много ли он значит. Человек, подобный Побратиму Смерти, рождается, быть может, раз в двадцать поколений. Чего же стоит один его день для обыкновенных людей? Год? Десять лет? Всю жизнь? Видел ты, как он умер?

— Видел, повелитель.

— Сможешь ты это забыть?

— Нет, повелитель.

— Почему же? Ты и раньше видел, как умирают храбрые воины.

— Он особый. Даже когда он упал в последний раз, я думал, что он поднимется. Даже и теперь кое-кто боязливо поглядывает на костер, опасаясь, как бы Побратим Смерти не встал.

— Откуда он взял силы, чтобы выйти против нас? Его лицо посинело от гангрены. Его сердце давно должно было остановиться. И боль...

— Покуда есть на свете войны, будут и воины, — пожал плечами Огаси. — Покуда есть воины, будут и князья между воинами. Среди князей будут короли, а среди королей — император. Ты сам сказал, повелитель: такой, как он, рождается раз в двадцать поколений. По-твоему, ему следовало умереть в своей постели?

— Нет. Я думал о том, чтобы предать забвению его имя. Скоро я буду владеть самой могущественной за все время империей. История будет такой, какой я ее напишу. Я мог бы стереть его имя из памяти людской, мог бы запятнать его имя и очернить его память. Но я не стану этого делать. Я велю написать книгу о нем, и все узнают, как он боролся со мной.

— Я не ожидал меньшего от Ульрика, — сказал Огаси, поблескивая темными глазами в свете костра.

— Но ведь ты знаешь меня, друг. А вот дренаи, наверное, думают, что я вырву и съем отважное сердце Друсса. Пожиратель младенцев, северная чума, палач Гульготира.

— Мне сдается, ты сам придумал все эти имена, повелитель.

— Верно. Но военачальник должен хорошо знать все виды оружия. И среди них есть такие, что не имеют ничего общего с копьем и мечом, с луком и пращей. Меч убивает только тела — Слово похищает души. Люди при виде меня испытывают страх — это мощная подмога.

— Но оружие порой обращается против своего владельца, повелитель. Я... — И Огаси вдруг осекся.

— Говори же! Что с тобой?

— Дренаи, повелитель! Дренаи в лагере! — Огаси таращил глаза, не веря тому, что видит.

Ульрик повернулся на сиденье. Повсюду в кругах люди вставали, чтобы посмотреть на Бронзового Князя, идущего к повелителю надиров.

За ним рядами шли шестнадцать воинов в серебряных доспехах, а замыкал шествие ган Легиона рядом с белокурым воином, несущим длинный лук.

Барабаны смолкли, и все взоры обратились с дренаев на сидящего полководца. Ульрик сузил глаза, увидев, что пришельцы вооружены. Паника поднялась в нем, но он подавил ее, лихорадочно обдумывая положение. Неужто они, подойдя, убьют его? Клинок Огаси со свистом вышел из ножен, но Ульрик поднял руку.

— Не надо, друг. Пусть приблизятся.

— Это безумие, повелитель, — шепнул Огаси, глядя на идущих к ним дренаев.

— Налей нашим гостям вина. Убьем их после пира. Будь готов.

Ульрик смотрел со своего высокого трона в серо-голубые глаза Бронзового Князя. Если не считать отсутствующего шлема, тот был в полных доспехах, и большой меч Эгеля висел у него на боку. Его спутники держались позади, ожидая, что будет дальше. Они почти не проявляли беспокойства, хотя рука гана легионеров — Ульрик знал, что его зовут Хогун, — лежала на рукояти меча, и он не сводил глаз с Огаси.

— Зачем вы пришли? — спросил Ульрик. — Никто не звал вас в мой лагерь.

Князь медленно осмотрелся и снова взглянул в лицо Ульрику.

— Странно, как меняет война привычные понятия. Начнем с того, что не я у тебя в лагере: я стою на дельнохской земле, которая принадлежит мне по праву, — это ты находишься в моих владениях. Но пусть будет так — нынче вечером ты мой гость. Ты спрашиваешь, зачем мы пришли? Я и мои друзья пришли проститься с Друссом-Легендой, Побратимом Смерти. Неужто надирское гостеприимство таково, что нам не предложат никакого угощения?

Рука Огаси снова устремилась к мечу, но Бронзовый Князь не шелохнулся.

— Если он вынет свой меч, — тихо произнес Князь, — я снесу ему голову.

Ульрик знаком остановил Огаси.

— И ты думаешь уйти отсюда живым? — спросил он Река.

— Так и будет, если я захочу.

— А мое слово тут ничего не значит?

— Ничего.

— В самом деле? Ты меня озадачил. Тебя окружают надирские лучники. Стоит мне подать знак, и твои блестящие латы будут утыканы черными стрелами. Как же понимать твои слова?

— Что ж, прикажи им, если можешь. — Ульрик взглянул на лучников. Стрелы лежали на тетивах, и железные наконечники натянутых луков поблескивали в свете костра.

— Разумеется, могу.

— Что ж ты тогда не приказываешь?

— Из любопытства. Какова истинная цель вашего прихода? Вы явились убить меня?

— Нет. Если бы я захотел, я убил бы тебя, как убил твоего шамана: тихо и невидимо. И в твоей голове уже завелись бы черви. Здесь нет никакого подвоха — я пришел почтить моего друга. Примешь ты меня как гостя, или я должен вернуться в свою крепость?

— Огаси! — молвил Ульрик.

— Да, повелитель?

— Подай угощение князю и его свите. Прикажи лучникам вернуться к своим кострам, и пусть праздник идет своим чередом.

— Слушаюсь, мой повелитель, — с сомнением в голосе ответил Огаси.

Ульрик знаком пригласил князя занять трон рядом с собой. Рек кивнул и сказал Хогуну:

— Ступайте повеселитесь. Возвращайтесь ко мне через час.

Хогун отдал честь, и маленький отряд скрылся в глубине надирского стана. Рек улыбнулся, увидев, как Лучник взял у сидящего надира кубок с лиррдом. Тот изумленно вскинул голову и засмеялся, когда Лучник выпил все до дна, не пролив ни капли.

— Что, хорош? Ваша красная кислятина ему не чета.

Лучник, кивнув, достал из поясной сумки фляжку и предложил надиру. Тот принял ее с явным подозрением, но на него смотрели его друзья.

Воин раскупорил фляжку и осторожно хлебнул, а после припал к ней надолго.

— Тоже недурственно. Что это такое?

— Это называется «лентрийский огонь». Раз попробуешь — никогда не забудешь.

Надир подвинулся, освободив место Лучнику.

— Садись с нами, Длинный Лук. Нынче мы не воюем. Хочешь, поговорим?

— Ты поступаешь достойно, старый конь. Согласен — давай поговорим.

Рек, сидя на троне, взял предназначенный Друссу кубок с лентрийским красным и поднял его, обратясь к погребальному костру. Ульрик сделал то же самое, и оба молча выпили за павшего воина.

— Он был великий человек, — сказал Ульрик. — Отец много рассказывал мне о нем и его подруге. Ее звали Ровена, так?

— Да, и он очень любил ее.

— У великого человека и любовь должна быть великой. Мне жаль, что его больше нет. Хорошо бы война была игрой, где никто не расставался бы с жизнью. После

сражения противники могли бы встретиться — вот как мы с тобой, — выпить и побеседовать.

— Друсс не согласился бы на такое. Будь это игра, где ведут счет очкам, Дрос-Дельнох был бы уже твоим. Но Друсс умел обращать очки в свою пользу и насмехался над здравым смыслом.

— До поры до времени — ибо он умер. Ну а ты? Что ты за человек, князь Регнак?

— Просто человек, Ульрик, — такой же, как ты.

Ульрик подался вперед, подперев рукой подбородок.

— Но я не такой, как все. Я не проиграл еще ни одного сражения.

— Я тоже.

— Ты озадачиваешь меня. Ты появился неизвестно откуда, женился на дочери умирающего князя. Никто прежде не слыхал о тебе, и никто не мог поведать о твоих деяниях. Однако люди умирают за тебя, как умирают только за любимых вождей. Кто же ты?

— Я — Бронзовый Князь.

— Нет, этого я не приму.

— Какого же ответа ты ждешь от меня?

— Хорошо, пускай ты Бронзовый Князь. Это не имеет значения. Завтра ты вернешься в свою могилу — и ты, и твои сподвижники. Ты начинал эту битву с десятью тысячами человек — теперь у тебя осталось от силы семьсот. Ты возлагаешь надежду на Магнуса Хитроплета, но он не доберется сюда вовремя — а если бы и добрался, это ничему бы не помогло. Посмотри вокруг. Эта армия взросла на победах. И продолжает расти. У меня четыре таких войска, как это, — как же возможно меня остановить?

— Остановить тебя — это не главное. И никогда не было главным.

— Что же вы тогда делаете?

— Мы пытаемся остановить тебя.

— Ты загадываешь мне загадку?

— Разгадывать ее не обязательно. Быть может, судьбе угодно, чтобы ты добился успеха. Быть может, надирская империя принесет миру великое благо. Но спроси себя вот о чем: не будь здесь, когда ты подошел, никого, кроме Друсса, открыл бы он тебе ворота?

— Нет. Он сразился бы со мной и погиб.

— Но ведь он никак не мог бы надеяться на победу. Зачем же это ему?

— Я понял твою загадку, князь. Но меня печалит, что столь многие должны пасть в напрасной борьбе. И

все же ты внушаешь мне уважение. Я позабочусь о том, чтобы твой погребальный костер был так же высок, как и у Друсса.

— Спасибо, не надо. Если ты убьешь меня, похорони мое тело в саду позади замка. Там есть уже одна могила, вся в цветах — в ней лежит моя жена. Положи меня рядом с ней.

Ульрик, помолчав несколько минут, вновь наполнил кубки.

— Будь по-твоему, Бронзовый Князь. А теперь пойдем в мой шатер. Мы поедим мяса, выпьем вина и будем друзьями. Я расскажу тебе о своей жизни и о своих мечтах, а ты можешь рассказать мне о радостях, которые испытал в прошлом.

— Почему только в прошлом, Ульрик?

— Это все, что у тебя осталось, мой друг.

Глава 29

В полночь, когда пламя погребального костра взмыло к небу, надиры молча подняли вверх свое оружие, воздав честь воину, чья душа, как они верили, стояла теперь у врат рая.

Дренаи во главе с Реком последовали их примеру — потом Рек поклонился Ульрику, Ульрик вернул ему поклон, и дренаи отправились обратно к пятой стене. Всю дорогу они молчали — каждый думал о своем.

Лучник думал о Каэссе и о ее гибели рядом с Друссом. Он по-своему любил ее, хотя никогда не говорил об этом. Любить ее значило проститься с жизнью.

Хогуна не оставляла внушительная картина увиденной им вблизи надирской армии. Какая громада, какая мощь! Нет, их не остановишь.

Сербитар думал о путешествии, которое совершит на закате завтрашнего дня с остатками Тридцати. Только Арбедарка не будет с ними — прошлой ночью они собрались и провозгласили его настоятелем. Он покинет Дельнох один, чтобы основать в Вентрии новый храм.

Рек боролся с отчаянием, снова и снова перебирая в памяти последние слова Ульрика: «Завтра вы увидите надиров во всей их силе. До сих пор мы воздавали должное вашему мужеству, сражаясь только днем и позволяя вам отдыхать ночью. Но теперь я намерен взять замок, и не будет вам отдыха, пока он не падет. Днем и ночью мы будем атаковать вас, пока никого не оставим в живых».

Отряд молча поднялся по ступеням в столовую. Рек знал, что не будет спать этой ночью. Это его последняя ночь на земле, и его усталое тело изыскало где-то силы ради того, чтобы он вкусил напоследок жизнь и сладость дыхания.

Они уселись вокруг стола на козлах, и Рек налил всем вина. Из Тридцати остались выпить только Сербитар и Винтар. Пятеро мужчин почти не разговаривали, и наконец Хогун прервал тяжелое молчание:

— Мы ведь знали, что этим все кончится, правда? Нельзя же держаться до бесконечности.

— Правда твоя, старый конь, — сказал Лучник. — Но все-таки досадно немножко, а? Должен сознаться, у меня теплилась-таки слабая надежда на наш успех. А теперь, когда она пропала, меня одолевает легкая паника. — Он смущенно улыбнулся и допил свое вино одним глотком.

— Но ты-то не давал присяги оставаться, — сказал Хогун.

— И то верно. Может, утром еще и уйду.

— Не думаю, что ты уйдешь, — хотя что тебя удерживает, не знаю.

— Ну, если по правде, то я обещал тому надиру, Каске, выпить с ним еще разок, когда они возьмут замок. Хороший парень — хотя маленько слезлив, перебравши. У него шесть жен и двадцать три отпрыска — не знаю, как это он на войну вырвался.

— Истратив притом столько сил! — ухмыльнулся Хогун. — Ну а ты, Рек, почему остаешься?

— Глупость у меня в роду.

— Этого недостаточно, — сказал Лучник. — Давай, Рек, выкладывай всю подноготную.

Рек обвел взглядом усталые лица друзей и впервые понял, как любит их всех.

Он встретился глазами с Винтаром, и между ними сразу возникло понимание. Старик улыбнулся.

— Думается мне, — сказал Рек, — что только настоятель Мечей может ответить на этот вопрос — за каждого из нас.

Винтар кивнул и на несколько мгновений прикрыл глаза. Все знали, что он исследует их сердца и умы, но не испытывали ни страха, ни смущения, ни желания утаить что-то про себя.

— Все живое должно умереть, — сказал Винтар. — Но один только человек всю свою жизнь знает, что он смертен. И все-таки жизнь — это не только ожидание смерти. Чтобы жизнь имела смысл, в ней должна быть цель. Человек должен оставить что-то после себя — иначе он зря живет на свете.

Для большинства людей эта цель ограничивается бра-

 ком и детьми, которые продлят его род. Для некоторых

это стремление к идеалу — к мечте, если хотите. Мы все, собравшиеся здесь, верим в честь — верим, что человек обязан поступать честно и справедливо и что одной силы недостаточно. Все мы в жизни грешили. Мы воровали, лгали, обманывали, даже убивали ради собственной выгоды. Но в конце концов мы вновь пришли к тому, во что верим. Мы не позволим надирам пройти через нас безнаказанно, ибо мы на это не способны. Мы судим себя строже, чем судят нас другие. Мы знаем, что умереть лучше, чем изменить тому, что нам дорого.

Ты, Хогун, солдат и веришь в дренайское дело. Ты получил приказ держаться и подчиняешься ему без рассуждений. Возможность иного выхода просто не приходит тебе в голову, хотя ты и понимаешь других, которые думают иначе. Ты редкий человек.

Ты, Лучник, романтик — но и циник отчасти. Ты насмехаешься над благородными чувствами, ибо слишком часто видел, как благородство уступает более низменным побуждениям. Но втайне ты ставишь себе требования, которые другим не понять. Ты больше всех нас заслуживаешь того, чтобы жить. Тебя тянет сбежать отсюда — но ты не сбежишь, пока на этих стенах останется хоть один человек. Твоя отвага велика.

За тебя, Рек, мне ответить всего труднее. Ты, как и Лучник, романтик, но есть в тебе глубины, в которые я даже не пытался проникнуть. Ты и чуток, и умен, но руководствуешься чутьем, не разумом. Ты знаешь, что, оставшись, поступаешь правильно — и в то же время знаешь, что это бессмысленно. Разум говорит тебе, что дело проиграно, но чутье велит не верить разуму. Ты из тех редких животных, которые зовутся прирожденными вождями, и не можешь уйти.

Все вы скованы вместе цепями, что тысячекратно прочнее стальных.

И есть еще один — он сейчас придет, — для которого верно все, что я сказал о вас. Он мельче вас и в то же время выше, ибо боится больше вас всех, но будет держаться стойко и умрет вместе с вами.

Дверь отворилась, и вошел Оррин в блестящих, только что смазанных доспехах. Он молча подсел к остальным и взял кубок с вином.

— Надеюсь, Ульрик в добром здравии?

— Как никогда, старый конь, — ответил Лучник.

— Ну, так завтра мы расквасим ему нос, — сказал верховный ган, сверкнув темными глазами.

Утро занялось ясное и погожее. Дренаи позавтракали хлебом и сыром, запив скудную пищу подслащен-

ной медом водой. Все, кто мог держаться на ногах, заняли места на стене. Когда надиры собрались идти на приступ, Рек вскочил на парапет лицом к защитникам.

— Нынче не будет длинных речей, — прокричал он. — Мы все сознаем тяжесть нашего положения. Но я хочу сказать вам, что я горд — раньше я не мог представить себе, что можно так гордиться. Хотел бы я найти слова... — Он умолк, потом выхватил меч из ножен и поднял его вверх. — Клянусь всеми сущими богами — таких людей, как вы, больше нет на свете! Если бы я даже мог изменить конец нашей истории, населив ее героями прошлого, я ничего бы не стал менять. Никто не смог бы сделать больше того, что сделали вы. И я благодарю вас. Но если кто-то хочет уйти сейчас — пусть уходит. У многих из вас есть жены, дети, старики, они зависят от вас. Если это так — идите, и вот вам мое благословение. Что бы мы ни совершили здесь сегодня, на исход битвы это уже не повлияет.

Рек соскочил вниз, к Оррину и Хогуну. Чуть подальше какой-то молодой кул крикнул:

— Ну а ты, Бронзовый Князь? Ты остаешься?

Рек снова поднялся на зубцы.

— Я должен остаться, но вы вольны уйти.

Никто не тронулся с места, хотя многие явно подумывали об этом.

Надиры издали боевой клич, и битва началась.

За весь длинный день надиры так и не смогли закрепиться на стене, и побоище было ужасным.

Большой меч Эгеля рубил без отдыха, рассекая доспехи, плоть и кости, и дренаи дрались как демоны, не помня себя. Здесь остались, как много недель назад предсказал Сербитар, лучшие из лучших — они не думали о смерти и не ведали страха. Залитые кровью, устрашенные надиры раз за разом откатывались назад.

Но с наступлением сумерек натиск на ворота усилился, и громадные створки из дуба и бронзы начали сдавать. Сербитар встал с остатками Тридцати под сводами, как прежде Друсс. Рек бросился было за ними, но едва различимый мысленный приказ Сербитара вернул его на стену. Рек не послушался бы, но надиры лезли снизу прямо перед ним. Меч Эгеля, сверкнув, обезглавил переднего, и Рек снова кинулся в гущу боя.

К Сербитару у ворот присоединился Субоден, командир его вагрийской гвардии. Из трехсот человек, пришедших сюда, уцелело едва ли шестьдесят.

— Вернись на стену, — приказал Сербитар.

Светловолосый вагриец покачал головой.

— Не могу. Мы пришли, чтобы охранять вас, и умрем вместе с вами.

— Ты не любишь меня, Суботен, — ты ясно дал мне это понять.

— Любовь тут ни при чем, господин мой Сербитар. И все же я надеюсь, что ты простишь меня. Я думал, что твоя власть от дьявола — но одержимый демонами не смог бы драться, как дерешься ты.

— Мне нечего прощать — но прими мое благословение, — сказал Сербитар.

Ворота рухнули, и надиры с торжествующим ревом хлынули на горстку защитников с беловолосым храмовником во главе.

Держа двумя руками тонкий вентрийский кинжал, Сербитар колол и резал. Враги падали, но на смену им лезли все новые и новые. Рядом рубился стройный командир его гвардии. Вражеский топор расколол его щит — Суботен отшвырнул обломки, перехватил меч двумя руками, взревел и бросился вперед. Другой топор сокрушил его ребра, копье пронзило бедро. Он упал в бурлящую свалку, продолжая колоть направо и налево. Пинок опрокинул его на спину, и три копья разом вонзились ему в грудь. Он попытался в последний раз поднять меч, но подбитый железом сапог наступил ему на руку, и удар дубиной прикончил его.

Винтар дрался хладнокровно, стараясь не отходить от альбиноса и ожидая стрелы, которая, он знал, вот-вот должна слететь с тетивы. Нырнув под вражеский меч, он вспорол живот противнику и оглянулся.

В тени разбитых ворот лучник оттянул свою тетиву, коснувшись пальцами щеки. Стрела, вылетев, пронзила Винтару правый глаз, и он упал на надирские копья.

Круг защитников таял, а сумерки между тем переходили в ночь. Крики надиров утихли, и бой шел молча — только сталь лязгала о сталь и врубалась в плоть.

Менахема оторвало от земли копье, пробившее ему легкие. Его меч опустился на шею склонившего колени копейщика — и замер, лишь слегка коснувшись плеча. Надир, не веря своей удаче, выдернул копье и еще раз вонзил его в грудь монаха.

Сербитар остался один.

Надиры отхлынули на миг, глядя на покрытого кровью альбиноса. Почти вся эта кровь была его. Плащ висел клочьями, в доспехах зияли дыры, шлем давно слетел с головы.

Он сделал три глубоких прерывистых вдоха, заглянул в себя и понял, что умирает. Он послал свой разум в пространство, ища Винтара и остальных — но тщетно.

Страшное молчание было ему ответом.

Стало быть, все было зря, с кривой улыбкой подумал он, пока надиры готовились добить его.

Никакого Истока нет.

Нет центра Мироздания.

В последние свои мгновения Сербитар думал о том, что прожил жизнь впустую.

Нет, не впустую. Даже если Истока не существует, его следовало бы выдумать. Исток — это прекрасно.

Один из надиров бросился вперед. Сербитар погрузил кинжал ему в грудь, но подоспели другие, и множество острых клинков пронзило хрупкое тело альбиноса. Кровь хлынула изо рта, и Сербитар упал.

Из дальней дали донесся голос:

— Возьми мою руку, брат, — и в Путь.

Это был Винтар!

Надиры растеклись по заброшенным улицам Дельноха, ведущим к Геддону и замку за ним. В передовой шеренге Огаси, вскинув меч, завел победную песнь надиров — и вдруг споткнулся на бегу.

Навстречу ему на открытое место перед домами вышел высокий воин с расчесанной натрое бородой, в белых одеждах сатула. В каждой руке он держал по страшной кривой сабле. Растерянный Огаси медленно подходил к нему.

Сатул в дренайской крепости?

— Что ты здесь делаешь? — крикнул Огаси.

— Хочу помочь другу. Ступай назад! Я не пущу тебя дальше.

Огаси усмехнулся — этот человек, как видно, безумен. Подняв меч, он поманил сатула к себе.

— Сатулы! — взревел тот, ступив вперед.

Из домов позади него грянул ответный клич, и три тысячи сатулийских воинов в белых одеждах, похожие в темноте на призраков, бросились на возглавляемых Огаси надиров.

Надиры всполошились. Огаси не верил своим глазам. Сатулы и дренаи враждовали на протяжении всей своей истории. Он отчетливо видел происходящее, но его ум отказывался это принять. Сатулы накатили на надиров, словно белый прибой на темный берег.

Иоахим искал Огаси, но коренастый кочевник затерялся в свалке.

Нежданный переход от верной победы к верной смерти ошеломил надиров. Паника охватила их, и медленный отход превратился в бегство. Топча своих товарищей,

надиры помчались прочь, а белое войско позади подбадривало их криками, подобными голосам зверей в надирских степях.

На стене Рек истекал кровью от ран в обеих руках, а Хогуну меч порезал кожу под волосами — оттуда текла кровь, и скальп болтался, когда он бросался в атаку.

Сатулы появились на стене, и вновь надиры бежали от их наводящих ужас сабель, скатываясь вниз по веревкам.

Через несколько минут все было кончено. Кучки надиров, застигнутых на открытых местах, брали в кольцо и истребляли.

Иоахим в запятнанных багрянцем белых одеждах медленно поднялся на стену в сопровождении семи своих помощников. Он подошел к Реку, поклонился и отдал свои кровавые сабли чернобородому сатулу. Другой подал ему надушенное полотенце. Иоахим медленно, тщательно вытер лицо и руки и сказал:

— Какая теплая встреча. — Лицо его было серьезно, но глаза улыбались.

— Да уж. Хорошо еще, что другие гости ушли, иначе всем не хватило бы места.

— Ты очень удивлен, что видишь меня?

— Нет, не удивлен. Поражен — вот более подходящее слово.

— Неужто у тебя такая короткая память, Дельнох? — засмеялся Иоахим. — Ты предложил мне расстаться друзьями, и я согласился. Где же мне еще быть, раз мой друг в беде?

— Ох, и потрудился же ты, должно быть, убеждая твоих воинов пойти с тобой.

— Ничего подобного, — с бесовским огоньком в глазах ответил Иоахим. — Они всю жизнь мечтали сразиться на этих стенах.

Высокий сатул стоял на высокой стене Геддон, глядя на стан надиров за покинутой Валтери. Рек спал, и бородатый князь сатулов прохаживался по стене один. Вокруг были часовые и воины обоих народов, но Иоахим хранил уединение.

Уже много недель сатулийские разведчики с вершин Дельнохского хребта наблюдали за кипящей внизу битвой. Сам Иоахим часто всходил на гору, чтобы посмотреть на сражение. Потом летучий отряд надиров напал на сатулийскую деревню, и Иоахим убедил своих людей пойти с ним в Дельнох. Он уже знал тогда имя предателя, служащего надирам: он видел, как этот человек встречался на высокогорном перевале с надирским начальником Огаси.

Два дня спустя надиры попытались перевалить через горы, но сатулы дали им отпор.

С печалью Иоахим услышал весть о потере Река. Сам он был фаталистом, но понимал чувства мужчины, по-

терявшего свою женщину. Его собственная жена умерла в родах два года назад, и эта рана не зажила до сих пор.

Иоахим покачал головой. Война — жестокая, но могущественная госпожа. Она может исковеркать душу мужчины сильнее, чем это делает время.

Сатулы явились в самую пору и поплатились за это. Четыреста воинов полегло — огромная потеря для горского народа, насчитывающего едва лишь тридцать тысяч, в число которых входят и дети, и старики.

Но долг платежом красен.

Иоахим знал, что ган Хогун ненавидит его, — это можно понять. Хогун командует Легионом, а сатулы годами лили кровь легионеров и приберегали для пленных кавалеристов самые утонченные пытки. Это большая честь, но дренаям этого не понять. Смерть служит человеку испытанием — чем мучительнее смерть, тем выше награда в раю. Пытка возвышает душу, и это самая большая услуга, которую сатулы могут оказать пленному врагу.

Иоахим сидел на стене и смотрел на замок. Сколько же лет мечтал он взять эту крепость? Сколько раз видел во сне замок, охваченный пламенем?

А теперь он защищает его ценою жизни своих сторонников.

Иоахим пожал плечами. Человек, устремивший взор к небу, не видит скорпиона у себя под ногами. Человек, глядящий под ноги, не видит дракона в воздухе.

Он дошел до надвратной башни с выбитыми на ней буквами: ГЕДДОН.

Стена Смерти.

Смерть насыщала воздух своим запахом — утром воронье слетится на пир. Надо ему было убить Река тогда в лесу. Обещание, данное неверному, не стоит ничего — зачем же Иоахим так крепко держит свое слово? И сатул вдруг засмеялся, найдя ответ на свой вопрос: да потому, что Рек не дорожил жизнью.

И он понравился Иоахиму.

Дренайский часовой отдал сатулу честь и улыбнулся. Иоахим кивнул в ответ, заметив неуверенность этой улыбки.

Он сказал Бронзовому Князю, что сатулы останутся здесь еще на день, а потом вернутся в горы. Иоахим ждал, что его будут умолять остаться, ожидал уговоров, обещаний и угроз. Но Рек только улыбнулся и сказал: «Это больше того, на что я мог надеяться».

Иоахим был ошеломлен, но ничего не мог сказать на это.

Он уведомил Река о предателе и о попытке надиров перейти через горы.

«Но вы не позволите им пройти?» — «Конечно, нет. Это земля сатулов». — «Хорошо! Отужинаешь со мной?» — «Спасибо, нет».

Ни один сатул не преломит хлеба с неверным. Рек кивнул. «Тогда я, пожалуй, немного отдохну. Увидимся на рассвете».

Рек спал в своих высоких покоях, и ему, как всегда, снилась Вирэ. Он проснулся за несколько часов до рассвета и потянулся к ней. Но постель рядом была холодна, и он, как всегда, заново ощутил свою потерю. Он долго и тихо плакал, потом встал, оделся и спустился в малый зал. Слуга Арчин принес ему на завтрак ветчины и сыра с кувшином холодной, приправленной медом воды. Рек машинально принялся за еду, но тут молодой офицер доложил ему, что прибыл Бриклин с посланием из Дренана.

Глава гильдии с легким поклоном подошел к столу и положил перед Реком несколько пакетов и большой запечатанный свиток. Потом сел напротив Река и спросил, можно ли ему промочить горло. Рек кивнул и сломал печать на свитке. Прочел, улыбнулся, отложил пергамент и посмотрел на Бриклина. Тот похудел против прежнего, и седины у него прибавилось. Он еще не снял дорожного платья, и пыль покрывала его зеленый плащ. Бриклин двумя глотками осушил кубок и снова налил себе воды, но тут заметил, что Рек на него смотрит.

— Вы прочли письмо Абалаина? — спросил Бриклин.

— Да. Спасибо, что доставили его. Вы останетесь с нами?

— Разумеется. Нужно подготовиться к сдаче города и принять Ульрика в замке.

— Но он посулил не щадить никого, — заметил Рек.

— Чепуха! — махнул рукой Бриклин. — Он просто стращал нас — теперь он проявит великодушие.

— А что же Хитроплет?

— Он отозван в Дренан, и армия распущена.

— Вы довольны?

— Тем, что война окончена? Конечно. Хотя меня, естественно, печалит, что столь многим пришлось умереть. Я слышал, что Друсс пал у Сумитоса. Великое несчастье. Прекрасный был человек и замечательный воин. Но я уверен, что он погиб так, как желал бы сам. Когда, по вашему мнению, мне лучше встретиться с владыкой Ульриком?

— Когда пожелаете.

— Вы будете меня сопровождать?

— Нет.

— Кто же тогда? — спросил Бриклин, с удовольствием отметив покорное выражение на лице Река.

— Никто.

— Никто? Но так негоже, господин мой князь. Мы должны снарядить депутацию.

— Вы пойдете один.

— Прекрасно. Каких условий должен я добиваться?

— Никаких. Вы просто пойдете к Ульрику и скажете, что это я вас послал.

— Не понимаю, господин мой. Что еще следует сказать?

— Скажите, что провалились.

— Провалился? В каком смысле? Вы говорите загадками. Или вы лишились рассудка?

— Нет, просто устал. Ты предал нас, Бриклин, но иного от твоей породы и ожидать не приходится. Поэтому я не сержусь. И мести не жажду. Ты взял от Ульрика плату — вот и ступай к нему. Письмо от Абалаина поддельное, и Хитроплет будет здесь через пять дней с пятьюдесятью тысячами человек. Притом у нас здесь три тысячи сатулов — с ними мы удержим стену. Убирайся! Хогун знает, что ты предатель, и сказал, что убьет тебя, если увидит. Уходи.

Бриклин посидел несколько минут в полном остолбенении, потом потряс головой.

— Это безумие! Вам не удержаться! Сейчас время Ульрика, как вы этого не понимаете? Дренаям конец, и восходит звезда Ульрика. Чего вы думаете добиться?

Рек медленно извлек длинный тонкий кинжал и положил на стол перед собой.

— Ступай.

Бриклин вскочил и ринулся к двери, но на пороге обернулся.

— Глупец! — бросил он. — Заколись сам своим кинжалом — не то дренаи позабавятся на славу, когда возьмут тебя. — И он ушел.

Из завешенной ковром ниши вышел Хогун — бледный, с перевязанной головой, сжимая в руке меч.

— Почему ты отпустил его, Рек? Как ты мог?

— Руки неохота было марать, — улыбнулся Рек.

Глава 30

Последняя свеча замигала и погасла — легкий порыв осеннего ветра вздул занавески. Рек спал, опустив голову на руки, за тем самым столом, где час назад отослал Бриклина к надирам. Он спал чутко, но без сновидений. Он вздрог-

нул, когда в комнате похолодало, и проснулся в темноте. Страх коснулся его, и он потянулся за кинжалом. Как же здесь холодно. Огонь в очаге горел, но его жар не доходил до Река. Рек встал и присел перед огнем на корточки, протянув к нему руки. Тщетно. В смятении он встал опять, повернулся к столу, и ужас вошел в его душу.

Там по-прежнему спал князь Регнак, положив голову на руки. Рек, борясь с паникой, смотрел на свое спящее тело и отмечал усталость на лице, ввалившиеся глаза и глубокие складки у рта.

Потом его поразила тишина. Обычно даже в этот темный предутренний час бывают слышны какие-то звуки: шаги часовых и слуг, возня поваров, готовящих завтрак. А тут ничего. Рек прошел по темному коридору под сень замковых ворот. Ни единого часового не было на стене. Рек вышел дальше в ночь — облака разошлись, и ярко светила луна.

Крепость была покинута.

С высоты Геддона Рек посмотрел на север. Надиры ушли, и на равнине не осталось их шатров.

Рек был совсем один здесь. Паника оставила его, и покой окутал душу теплым одеялом. Он сел на стене, глядя на замок.

Что это, смерть? Или только сон? Ему было все равно, что это — предчувствие завтрашней действительности или фантазия спящего разума. Он наслаждался мгновением.

Потом он почувствовал тепло и понял, что не один. Сердце его переполнилось, и слезы навернулись на глаза. Он посмотрел и увидел ее, одетую, как в их первую встречу, в толстый овчинный полушубок и вязаные гетры. Она раскрыла ему объятия и приникла к нему. Он прижал ее к себе и зарылся лицом в ее волосы. Они долго стояли так, и глубокие рыдания сотрясали его тело. Наконец он успокоился и чуть-чуть отстранил ее от себя. Она подняла на него глаза и улыбнулась.

— Ты молодец, Рек. Я горжусь тобой.

— Без тебя все теряет смысл.

— Я ничего не хотела бы изменить, Рек. Если бы мне вернули жизнь при условии, что я не встречусь с тобой, я бы отказалась. Что из того, если у нас с тобой было всего несколько месяцев? Зато каких!

— Я никогда никого не любил так, как тебя.

— Я знаю.

Они говорили, и время шло, но луна светила все на том же месте, звезды точно застыли, и ночь длилась вечно. Наконец она поцеловала его, заставив умолкнуть.

— Есть и другие, кого ты должен повидать.

Он заспорил было, но она прижала пальцы к его губам.

— Мы еще встретимся, любимый. А теперь поговори с ними.

Над стеной теперь клубился густой туман, а луна все так же светила на безоблачном небе. Вирэ вошла в туман и пропала. Рек ждал, и вот навстречу ему выступила фигура в серебряных доспехах. Свежий и подтянутый, как всегда, в броне, отражающей лунный свет, и белоснежном плаще, Сербитар улыбнулся:

— Рад видеть тебя, Рек. — Они обменялись рукопожатием на воинский манер.

— Сатулы пришли, — сказал Рек. — Вы не зря держали ворота.

— Я знаю. Завтра будет тяжелый день, не стану тебе лгать. Я видел все будущие, какие есть, и только в одном из них ты переживешь этот день. Но здесь действуют силы, которые я не могу тебе объяснить, — и волшебство осуществляется уже теперь. Удачи тебе!

— Ждать ли нам Хитроплета? — спросил Рек.

— Во всяком случае, не завтра, — пожал плечами Сербитар.

— Значит, крепость падет?

— Возможно. Но если этого не случится, обещай кое-что для меня сделать.

— Что?

— Спустись еще раз в подземелье Эгеля — там ждет тебя последний подарок. Арчин все тебе объяснит.

— Что это? Если оружие, оно пригодилось бы мне завтра.

— Это не оружие. Спустись туда завтра к ночи.

— Сербитар!

— Что, мой друг?

— Все оказалось так, как вы мечтали? Я говорю об Истоке.

— Да! Истина превзошла все наши мечты. Но я не могу говорить об этом теперь. Подожди еще немного. С тобой хочет поговорить еще кое-кто.

Туман сгустился, и белая фигура Сербитара исчезла в нем.

Его сменил Друсс — высокий и могучий, в блестящем черном колете, с топором на боку.

— Он устроил мне отменные проводы, — сказал Друсс. — Ну, как ты, паренек? Вид у тебя усталый.

— Да, я устал, но это к лучшему — иначе бы мы не встретились.

Друсс хлопнул его по плечу и засмеялся.

— Этот Ногуша отравил свой клинок. Боль была адова, должен тебе сказать. Каэсса одела меня. Не знаю уж, как ей удалось поднять меня на ноги, но как-то удалось.

— Я видел.

— Да, зрелище получилось будь здоров, верно? Молодой Джилад хорошо сражался. Я его еще не видел, но, надеюсь, увижу. Ты тоже хороший парень, Рек. Достойный! Я рад, что встретился с тобой.

— И я рад, Друсс. Никогда не встречал человека лучше тебя.

— Еще как встречал, парень. Целые сотни! Но все равно спасибо. Только я не для того сюда пришел, чтобы обмениваться любезностями. Я знаю, что тебе предстоит, и знаю, что день будет тяжким — чертовски тяжким. Но ты не сдавайся. Не отступай к замку — держи стену, что бы ни случилось. От этого многое зависит. Поставь Иоахима рядом с собой: если он погибнет, тебе тоже конец. Теперь мне пора. Но помни: держи стену! Не отступай к замку.

— Я запомню. До свидания, Друсс.

— Нет, не до свидания. Не теперь еще. Но скоро.

Нахлынувший туман окутал старого воина и покрыл Река. Лунный свет померк, Бронзовый Князь оказался во мраке.

Рек проснулся в замке. Огонь все еще горел, и он снова почувствовал голод.

Арчин на кухне готовил завтрак. Старик устал, но заулыбался, увидев вошедшего Река.

Арчину нравился новый князь. Старик помнил отца Вирэ, Дельнара, молодым человеком, горделивым и сильным, и ему казалось, что Рек похож на него, — впрочем, память с годами могла изменить Арчину.

Он дал князю поджаренного хлеба с медом, и Рек мигом проглотил все, запив разбавленным вином.

Потом поднялся к себе, надел доспехи и отправился на стену. Хогун и Оррин уже были там и осматривали заграждение, устроенное в воротах.

— Это наше слабое место, — сказал Оррин. — Надо бы отойти в замок. Уж несколько-то часов его ворота продержатся.

Рек покачал головой.

— Мы останемся на Геддоне. Отступления не будет.

— Значит, здесь мы и умрем, — сказал Хогун. — От этой загородки и вовсе нет никакого проку.

— Кто знает. Увидим. Доброе утро, Иоахим.

Бородатый сатул кивнул и улыбнулся.

— Хорошо ли ты спал, Бронзовый Князь?

— Очень хорошо. Спасибо за то, что даришь нам этот день.

— Это лишь малая часть моего долга.

— Ты ничего мне не должен. Но вот что: если мы переживем этот день, войны между нами больше не будет.

Права на высокогорные Дельнохские перевалы принадлежат мне, хотя вы это и оспариваете. Так вот: я при свидетелях передаю их тебе. В замке лежит свиток, скрепленный моей печатью. Ты возьмешь его, когда соберешься уходить, а копия отправится к Абалаину в Дренан. Я знаю, что мой поступок немногого будет стоить, если надиры сегодня прорвутся — но это все, что я могу для тебя сделать.

— Одного желания уже довольно, — поклонился Иоахим.

На этом разговор прервался — забили надирские барабаны, и воины Дрос-Дельноха заняли места вдоль стены, чтобы встретить врага. Рек опустил забрало и обнажил меч Эгеля. Внизу, у заваленных ворот, встал Оррин с сотней бойцов. Проход был всего двадцати футов шириной, и Оррин рассчитывал продержаться там почти все утро. После этого, когда заграждение падет, многочисленная орда надиров вытеснит их на открытое место за стеной.

Так начался последний кровавый день в Дрос-Дельнохе.

Глава 31

Все утро кочевники, волна за волной, с визгом карабкались по веревкам и лестницам лишь для того, чтобы встретить злую смерть под мечами и кривыми саблями защитников. Сраженные с воплем падали со стены и гибли под ногами бойцов. Сатулы и дренаи, держась бок о бок, несли смерть надирам.

Рек, сжимая меч Эгеля двумя руками, косил надиров точно спелую рожь. Рядом, вертясь как волчок, дрался двумя короткими мечами Иоахим.

Внизу людей Оррина медленно оттесняли в более широкую часть туннеля, хотя надиры платили дорогую цену за каждую пядь.

Оррин, отразив удар копья, рубанул по лицу копейщика. Тот исчез в свалке, и его место занял другой.

— Нам не устоять! — прокричал молодой офицер рядом с Оррином.

Оррину некогда было отвечать.

Внезапно передовой надир завопил в ужасе и отлетел назад, на своих товарищей. Другие надиры смотрели туда же, куда и он, — за спины дренаев, стоявших в воротах.

Между двумя неприятельскими силами образовалась брешь, и надиры обратились в бегство, устремившись обратно, в пространство между Валтери и Геддоном.

— Великие боги Миссаэля! — сказал офицер. — Что происходит? — Оррин оглянулся и увидел то, что вселило такой ужас в надиров.

Позади них в темном туннеле ворот стояли Друсс-Легенда и Тридцать во главе с Сербитаром, а с ними и другие павшие воины. Друсс держал в руке топор, и глаза его горели радостью битвы. Оррин сглотнул, облизал губы и с третьей попытки вернул меч в ножны.

— Пожалуй, они удержат туннель и без нас, — сказал он и направился к Друссу в сопровождении своих уцелевших бойцов.

Призрачные защитники, казалось, не замечали их и смотрели поверх их голов. Оррин хотел заговорить с Друссом, но старый воин смотрел прямо вперед. Оррин протянул дрожащую руку, чтобы потрогать его, но его пальцы встретили лишь воздух — очень холодный воздух.

— Вернемся на стену, — сказал он и, закрыв глаза, прошел сквозь ряды духов. Выйдя из ворот, он весь дрожал. Бойцы, шедшие за ним, не сказали ни слова, и никто не оглядывался назад.

Оррин вступил в бой рядом с Реком. Во время краткой передышки Рек крикнул ему:

— Что случилось там, в воротах?

— Там Друсс, — ответил Оррин.

Рек только кивнул и повернулся навстречу новой волне надиров.

Лучник, вооруженный коротким мечом и щитом, сражался рядом с Хогуном. Не столь искусный с клинком, как с луком, он был тем не менее отменным воином.

Хогун отразил удар топора — и меч его сломался. Топор разрубил ему плечо и врезался в грудь. Хогун вогнал сломанный меч в живот своего врага и вместе с ним повалился на стену.

Чье-то копье пронзило спину легионера, пытавшегося встать. Лучник вспорол живот копейщику, но надиры нажимали, и Хогун пропал в толпе.

У надвратной башни упал сатул Иоахим, пронзенный в бок брошенным копьем. Рек вытащил его из схватки, но принужден был оставить у стены, ибо надиры грозили прорваться. Иоахим, обливаясь потом, вцепился в копье обеими руками и осмотрел рану. Копье вошло в него чуть выше правого бедра и кололо спину изнутри. Иоахим знал, что острие зазубрено и вытащить его не удастся. Он ухватил копье

покрепче, повернулся на бок и вогнал его поглубже в рану, пока оно не вышло из спины. На несколько мгновений он лишился чувств и очнулся от чьего-то осторожного прикосновения. Над ним стоял сатул по имени Андисим.

— Обруби наконечник, — процедил Иоахим. — Скорее!

Воин молча взял свой кинжал и как можно осторожнее отделил наконечник копья от древка.

— Теперь выдерни копье, — шепнул Иоахим. Воин медленно потянул копье к себе, а Иоахим зарычал от боли. Кровь хлынула ручьем, но Иоахим заткнул рану клочком одежды, велев Андисиму поступить так же с отверстием на спине. — Помоги мне подняться, — приказал он, — и подай мне саблю.

В своем шатре у Эльдибара Ульрик следил, как течет песок в большой склянке. Рядом с ним лежал свиток, полученный этим утром с севера.

Его племянник Джахингир объявил себя ханом — властителем северных земель. Он убил брата Ульрика, Цзубоди, и взял любовницу Ульрика Хаситу в заложницы.

Ульрик не упрекал его и не питал к нему гнева. Их род создан, чтобы повелевать, — нельзя противиться зову крови.

Не мог он, однако, и медлить и потому поставил перед собой песочные часы. Если стена продержится до тех пор, как выйдет весь песок, он уведет свою армию обратно на север, вернет себе свое царство, а Дрос-Дельнох возьмет как-нибудь в другой раз.

Выслушав известие о Друссе, явившемся в воротах, он только пожал плечами — а оставшись один, улыбнулся.

Стало быть, даже рай не может удержать тебя от драки, старик!

У шатра стояли трое человек с бараньими рогами, ожидая его сигнала. А песок все бежал и бежал.

На Геддоне надиры прорвались справа. Рек приказал Оррину следовать за собой и двинулся вдоль стены, прорубая себе дорогу. Надиры закрепились и слева, а дренаи отошли на траву, перестраивая свои ряды. Надиры двинулись на них.

Все усилия пропали попусту.

Сатулы и дренаи ждали с мечами наготове. Лучник и Оррин стали рядом с Реком, туда же приплелся и Иоахим.

— Хорошо, что мы обещали вам только день, не больше, — проворчал он, зажав плотнее кровавый кляп в боку.

Надиры бросились в атаку.

Рек оперся на свой клинок, глубоко дыша и собирая остатки сил. Для вспышки яростной одержимости у него не сохранилось ни огня, ни воли.

Всю свою жизнь он страшился этого мига — но теперь этот миг настал и имел не больше смысла, чем пыль, летящая в океан. Рек устало сосредоточил взгляд на бегущих вперед врагах.

— Слушай, старый конь, — произнес Лучник, — может, еще не поздно сдаться?

— Да нет, поздновато, пожалуй, — ухмыльнулся Рек. Его пальцы охватили рукоять меча, и клинок свистнул в воздухе.

Передовые ряды надиров были меньше чем в двадцати шагах, когда рев бараньих рогов разнесся эхом по долине.

Надиры сбавили ход... и остановились. Стоя на расстоянии менее десяти шагов, обе стороны прислушивались к настойчивому зову.

Огаси выругался, сплюнул и вложил меч в ножны, угрюмо глядя в изумленные глаза Бронзового Князя. Рек снял шлем и вогнал меч в землю перед собой. Огаси шагнул вперед.

— Все, конец! — Он махнул рукой надирам, дав знак к отступлению, и обернулся к Реку. — Знай, круглоглазый: это я, Огаси, убил твою жену.

Его слова дошли до Река не сразу — потом он глубоко вздохнул и снял перчатки.

— Думаешь, мне так уж важно знать, кто пустил ту стрелу? Ты хочешь, чтобы я запомнил тебя? Я запомню. Хочешь, чтобы я тебя возненавидел? Этого я не могу. Может быть, завтра. Или на будущий год. А может, и никогда.

Какой-то миг Огаси молчал, потом пожал плечами.

— Стрела предназначалась тебе, — промолвил он. Усталость легла на него, как темный плащ. Он повернулся и последовал за остальными. Надиры медленно спускались вниз по лестницам и веревкам — через ворота не пошел никто.

Рек отстегнул панцирь и медленно двинулся к воротам. Ему навстречу шли Друсс и Тридцать. Рек приветственно поднял руку, но подул ветер, воины превратились в туман и растаяли.

— До свидания, Друсс, — тихо молвил Рек.

Вечером Рек простился с сатулами и лег спать, надеясь на новую встречу с Вирэ. Он проснулся через несколько часов, освеженный, но разочарованный.

Арчин принес ему еды, и он поел вместе с Лучником и Оррином. Они почти не разговаривали. Кальвар Син и его помощники нашли тело Хогуна — теперь главный лекарь боролся за жизнь сотен раненых, доставляемых в госпиталь Геддона.

Рек поднялся к себе около полуночи, снял доспехи — и вспомнил о подарке Сербитара. Он слишком устал, чтобы идти смотреть на него, но сон не шел. Рек встал, оделся, снял факел со стены и стал медленно спускаться в недра зам-

ка. Дверь в палату Эгеля оказалась опять заперта, но открылась перед ним, как и прежде.

Внутри загорелся свет, когда Рек вошел, примостив факел на стену. Взгляд Река упал на хрустальную глыбу, и у него перехватило дыхание. В ней лежала Вирэ! На теле ее не было раны — она лежала нагая, будто спала, заключенная в прозрачном хрустале. Рек погрузил руку в камень и коснулся ее. Она не шелохнулась, и тело ее было холодным. Рек, склонясь, взял ее на руки и уложил на столе. Потом завернул Вирэ в свой плащ и снова поднял на руки. Взяв факел, он медленно двинулся обратно наверх, в свою комнату.

Он призвал к себе Арчина, и старый слуга побелел, увидев неподвижное тело княгини.

— Простите меня, господин, — потупясь, сказал он. — Я не знаю, зачем белоголовый поместил ее тело в волшебный кристалл.

— Расскажи мне все, — сказал Рек.

— Принц Сербитар и его друг настоятель пришли ко мне в день ее гибели. Настоятель сказал, что видел сон. Он не стал рассказывать какой, но сказал, что тело госпожи непременно надо поместить в кристалл. Он говорил что-то об Истоке... Я не понял, да и теперь не понимаю. Жива она или мертва? И как вы ее нашли? Мы положили ее на ту хрустальную глыбу, и госпожа сразу погрузилась в нее. Но я потрогал хрусталь, и он был твердый. Я ничего не понимаю. — На глазах у старика выступили слезы, и Рек положил руку на его костлявое плечо.

— Да, это трудно понять. Приведи сюда кальвара Сина — мы с Вирэ подождем здесь.

Какой сон мог присниться Винтару? Сербитар говорил, что завтрашних дней много и нельзя предугадать, который из них осуществится. Настоятель, как видно, увидел будущее, в котором Вирэ осталась жить, и потому приказал сохранить ее тело. И рана каким-то образом зажила в хрустале. Но значит ли это, что Вирэ оживет?

Вирэ будет жить!

У Река голова шла кругом. Он не мог ни мыслить, ни чувствовать, и тело его словно сковал паралич. Смерть Вирэ чуть было не сгубила и его, но теперь, когда она снова была с ним, он боялся надеяться. В жизни он твердо усвоил одно: всякого человека можно сломать, и знал, что такой миг настал теперь и для него. Он сел на постель, взял дрожащей рукой холодную руку Вирэ и стал искать пульс. Пульса не было.

Он взял еще одно одеяло и укрыл ее, а после принялся разводить огонь в очаге.

Прошел почти час — и наконец на лестнице послышались шаги кальвара Сина. Лекарь в перепачканном синем камзоле и окровавленном кожаном фартуке вошел в комнату, громко понося Арчина.

— Что это еще за чушь, князь? — прогремел он. — Там без меня умирают люди. — И он осекся, увидев тело на постели. — Значит, старик не солгал. В чем дело, Рек? Зачем ты принес ее сюда?

— Не знаю. Правда не знаю. Сербитар пришел ко мне во сне и сказал, что оставил для меня подарок. И вот что я нашел. Я не понимаю, что происходит, — мертва она или нет?

— Конечно, мертва. Стрела пробила ей легкое.

— А ты посмотри на нее — раны-то нет.

Лекарь откинул простыню и взял руку Вирэ. Несколько мгновений прошло в полной тишине, и Син прошептал:

— Пульс есть, но слабый и бьется очень-очень медленно. Я не могу ждать — там умирают люди, но утром я вернусь. Держи ее в тепле — другого совета дать не могу.

Рек сел у постели, держа Вирэ за руку, и незаметно для себя уснул рядом с ней. Рассвело, и лучи восходящего солнца проникли в восточное окно, залив постель золотым светом. Солнце вернуло щекам Вирэ краску, и ее дыхание стало глубже. Легкий стон сорвался с ее губ, и Рек тут же проснулся.

— Вирэ! Вирэ, ты слышишь меня?

Она открыла и вновь закрыла глаза, трепеща ресницами.

— Вирэ!

Глаза открылись снова, и она улыбнулась:

— Сербитар вернул меня назад. Я так устала... надо поспать. — Она повернулась на бок, обняла подушку и уснула, а в комнату вошел Лучник.

— Боги, так это правда, — сказал он.

Рек вышел с ним в коридор.

— Да. Сербитар спас ее — не знаю как. И мне все равно, как это сделалось. Что происходит там, снаружи?

— Они ушли! Ушли все до единого, старый конь. Лагерь пуст — мы с Оррином побывали там. Остался только штандарт Волчьей Головы да труп советника Бриклина. Ты хоть что-нибудь в этом понимаешь?

— Нет. Штандарт означает, что Ульрик еще вернется. Труп советника? Затрудняюсь сказать. Я отослал предателя к ним — возможно, они более не нуждаются в его услугах.

По винтовой лестнице к ним взбежал молодой офицер.

— Мой господин! У Эльдибара дожидается надирский всадник.

Рек и Лучник вместе отправились к первой стене. Под ней на сером степном коньке сидел Ульрик, повелитель надиров, в отороченном мехом шлеме, шерстяном кафтане и сапогах из козлиной кожи. Рек облокотился о парапет.

— Ты славно сражался, Бронзовый Князь, — прокричал Ульрик. — Я приехал проститься с тобой. В моих владениях возникла междоусобица, и я вынужден покинуть тебя на время. Но хочу, чтобы ты знал: я еще вернусь.

— Я буду на месте — и в следующий раз окажу тебе еще более теплый прием. Скажи мне — почему твои люди отошли, уже одержав победу?

— Веришь ты в судьбу?

— Верю.

— Тогда назовем это проделкой судьбы. А возможно, это была вселенская шутка — шутка богов. Мне все равно. Ты храбрый человек, и воины у тебя храбрые. Победа осталась за вами. Я переживу это — жалок бы я был, если б не смог этого сделать. Ну а теперь прощай! По весне увидимся.

Ульрик махнул рукой, повернул коня и поскакал на север.

— Знаешь, — сказал Лучник, — как ни странно это звучит, он мне даже нравится.

— А я нынче люблю целый свет, — улыбнулся Рек. — Небо чисто, ветер свеж, и жизнь прекрасна. Что ты будешь делать теперь?

— Пойду, пожалуй, в монахи и всю жизнь посвящу молитве и добрым делам.

— Нет — прямо сейчас?

— А-а! Сейчас я напьюсь и пойду к шлюхам.

Весь долгий день Рек то и дело наведывался к спящей Вирэ. Ее лицо обрело живые краски, дыхание было глубоким и ровным. Поздно вечером, когда он сидел один в малом зале перед угасающим огнем, она сошла к нему в легкой шерстяной тунике зеленого цвета. Он встал, обнял ее, поцеловал и снова сел на обитый кожей стул, притянув ее к себе на колени.

— Надиры правда ушли? — спросила она.

— Правда.

— Рек, а я правда умирала? Это теперь как сон. Все в тумане. Я едва помню, как Сербитар принес меня сюда и как я лежала в стеклянной глыбе под замком.

— Это был не сон. Помнишь, как ты пришла ко мне, когда я дрался с гигантским червем и огромным пауком?

— Смутно — и это отходит все дальше, когда я пытаюсь вспомнить.

— Не волнуйся. Я все расскажу тебе за ближайшие полсотни лет.

— Всего полсотни? Значит, ты бросишь меня, когда я стану седой старушонкой?

По замку эхом прокатился смех.

ЭПИЛОГ

Ульрик так и не вернулся в Дрос-Дельнох. Он одержал победу над Джахингиром в сражении, назначенном ими на Гульготирской равнине, а после двинулся завоевывать Вентрию. Во время этого похода он занемог и скончался. Племена ушли обратно на север, и без влияния Ульрика их единство распалось. На севере вновь разгорелась междоусобица, и народы богатых южных земель вздохнули спокойно.

Река встретили в Дренане как героя, но он вскоре устал от столичной жизни и вернулся с Вирэ в Дельнох. У них родилось трое сыновей и две дочери. Сыновей назвали Хогун, Оррин и Хореб, дочерей — Сусэй и Беса. Дедушка Хореб со всем семейством переехал в Дельнох, взяв себе постоялый двор предателя Музара.

Оррин вернулся в Дренан и ушел в отставку. Его дядя Абалаин также отказался от своего поста, и главой Совета выбрали Магнуса Хитроплета. Он сделал Оррина своим помощником.

Лучник прожил в Дельнохе год, а потом уехал в Вентрию, чтобы сразиться с надирами еще раз. Назад он не вернулся.

Легенда
о Побратиме Смерти

«Легенда о Побратиме Смерти» с любовью посвящается
Хотцу де Баарсу, Большому Озу,
который блуждает по долинам мертвых компьютеров
и находит романы, затерянные в пустоте;
который щедро делится своим временем,
своей энергией и своим талантом,
но только не своими бисквитами.
А также юному Озу, убедившему меня,
что «Цивилизация» мне не по зубам;
его сестре Клэр, мастерице барбекю,
и Элисон за ее гостеприимство.

Пролог

Серп месяца висел над Дрос-Дельнохом. Пеллин стоял, тихо глядя вниз, на освещенный луной надирский лагерь. Тысячи воинов, что собрались там, завтра ринутся на приступ через узкую, политую кровью полоску земли, таща за собой лестницы и крючья. Их рев, зовущий к битве и смерти, снова, как и сегодня, ужаснет его, пронзит кожу ледяными иглами. За всю его короткую жизнь Пеллину еще ни разу не было так страшно. Убежать бы, спрятаться, скинуть с себя эти нелепые доспехи и ускакать домой, на юг. Надиры накатывали волна за волной, и их вопль был полон ненависти. Неглубокая рана у левого плеча Пеллина ныла и чесалась. Джилад сказал, что это хорошо — значит заживает. Но Пеллин знал: может быть еще хуже. Он видел, как бьются и кричат его товарищи с раскроенными зазубренными мечами животами... Нет, лучше не вспоминать.

С севера задул холодный ветер, гоня перед собой темные дождевые тучи. Пеллин вздрогнул, живо представил себе теплый дом с соломенной крышей и очагом, выложенным из камня. В такие холодные ночи они с Карой лежали в постели, ее голова покоилась у него на плече, а левая нога грела его ляжки. Они лежали в мягком красном свете угасающего огня и слушали, как за стенами воет ветер.

Пеллин вздохнул.

— Прошу тебя, не дай мне умереть здесь, — прошептал он слова молитвы.

Из двадцати трех добровольцев, его односельчан, осталось только девять. Пеллин посмотрел назад, на защитников, спящих рядами между третьей и четвертой стеной. Разве способна эта горстка сдержать войско, подобного которому еще не видел свет? Нет, не способна.

Он снова обернулся к надирскому лагерю и полю недавней битвы. С убитых дренаев сорвали доспехи,

забрали оружие, трупы сожгли. Над Дросом еще долго висел черный маслянистый дым, омерзительно пахнущий горелым мясом.

«Я тоже мог быть среди них», — подумал Пеллин, вспоминая бойню при взятии второй стены.

Дрос-Дельнох — самая мощная крепость на свете: шесть высоких стен, крепкий замок. Никогда еще Дрос-Дельнох не сдавался врагу — но никогда и не сталкивался с такой несметной силой. Пеллину казалось, что надиров больше, чем звезд на небе. Первую стену защитники оставили после ожесточенных боев — она самая длинная и удерживать ее труднее всего. Защитники отошли назад тихо, ночью, сдав стену без дальнейших потерь. Но сдача второй стены далась дорогой ценой — враг прорвал оборону и чуть было не взял защитников в клещи. Пеллин едва успел добежать до третьей стены. Он хорошо помнил едкий вкус страха во рту, помнил, как тряслись руки, когда он взбирался наверх по веревке.

И ради чего все это? Какая разница, сохранят дренаи свою независимость или перейдут под руку Ульрика? Что, от этого земля будет хуже родить или скот начнет падать?

Двенадцать недель тому назад, когда дренайские офицеры-вербовщики приехали к ним в деревню, все казалось таким захватывающим. Ну не заманчиво ли — постоять немного на стенах и вернуться домой героями?

Героями! Да, Совил был героем — пока стрела не вонзилась ему в глаз. И Джокан был героем — он с воплями корчился на земле, придерживая окровавленными руками собственные внутренности.

Пеллин подбавил угля в жаровню и помахал часовому в тридцати шагах слева. Тот притопывал ногами, чтобы согреться. Пеллин с часовым поменялись местами час назад — скоро настанет его черед погреться у жаровни. Оттого, что тепла вот-вот предстояло скоро лишиться, оно казалось еще желаннее — Пеллин наслаждался, грея руки впрок.

Невдалеке показалась огромная фигура — осторожно переступая через спящих, она двигалась к стене. Когда Друсс стал подниматься по лестнице, сердце Пеллина забилось быстрее.

Друсс-Легенда, отстоявший Скельнский перевал, прошедший с боями полмира, чтобы отыскать похищенную жену. Друсс-Топор, Серебряный Убийца. Надиры прозвали его Побратимом Смерти, и Пеллин теперь знал почему: он видел, как Друсс рубит врагов своим страшным топором. Этот человек не простой смертный — он грозный бог войны. Пеллин надеялся, что старик не станет к нему подходить.

О чем новобранцу говорить с таким героем, как Друсс? К большому облегчению Пеллина легендарный воин остановился около другого часового и завел с ним разговор. Солдат беспокойно переминался с ноги на ногу.

Пеллину вдруг пришло в голову, что Друсс все равно что эта крепость: непобедимый, но изъеденный временем, уже не тот, что был, но тем не менее могучий. Пеллин улыбнулся, вспомнив, как надирский герольд предложил Друссу выбор: сдаться или умереть. Старый герой только посмеялся. «Быть может, на севере и дрожат горы, когда Ульрик пускает ветры, — сказал он, — но здесь дренайская земля, и для меня он всего лишь дикарь с раздутым брюхом, который и носа бы своего не нашел без дренайской карты».

Тут Пеллин перестал улыбаться — Друсс хлопнул другого часового по плечу и двинулся к нему. Дождь уже почти перестал, снова выглянула луна. У Пеллина вспотели ладони, он вытер их о плащ и стал навытяжку, когда легендарный воин приблизился, сверкая в свете луны своим серебристым топором. У Пеллина пересохло во рту, и он ударил кулаком о панцирь, отдавая честь.

— Вольно, паренек, — сказал Друсс, положив топор на стену. Он погрел руки над жаровней и сел спиной к парапету, жестом пригласив Пеллина занять место рядом. Пеллин, впервые оказавшийся так близко к Друссу, разглядел морщины, рассекшие это широкое лицо словно глыбу древнего гранита. Но светлые глаза под тяжелыми бровями были по-прежнему яркими, и Пеллин не выдерживал их взгляда.

— Ночь пройдет спокойно, — сказал Друсс. — Они двинутся в атаку перед рассветом — тихо, без криков.

— Откуда вы знаете?

— Я мог бы сказать, что пришел к такому заключению на основе своего огромного опыта, — хмыкнул Друсс, — но дело гораздо проще. Мне сказали об этом Тридцать, а от них ничего не скроешь. Я всегда прохладно относился к колдунам и провидцам, но эти ребята здорово дерутся. — Друсс снял свой черный шлем и запустил пальцы в густые белые волосы. — Этот шлем хорошо послужил мне, — сказал он, поворачивая его так, чтобы луна осветила выгравированный на металле серебряный топорик. — Не сомневаюсь — он и завтра меня не подведет.

При мысли о грядущей битве Пеллин бросил тревожный взгляд за стену, где ждали своего часа надиры. Он видел, как надиры лежат на своих одеялах у сотен костров. Спали не все — многие точили оружие или разговаривали, со-

бравшись в кружок. А с другой стороны спали на земле изнуренные защитники крепости, пытаясь урвать хоть несколько часов драгоценного освежающего сна.

— Сядь, паренек, — сказал Друсс. — Они все равно не уйдут, сколько бы ты ни дергался.

Прислонив копье к парапету, Пеллин сел. Ножны лязгнули о камень, и он неловко поправил их.

— Не привык я носить на себе столько железа. Все время спотыкаюсь о меч. Боюсь, что солдат из меня никудышный.

— Три дня назад на второй стене ты был солдат хоть куда. Я видел, как ты убил двух надиров и проложил себе дорогу к веревкам, сброшенным отсюда. А потом еще и помог товарищу, раненному в ногу, — лез позади, поддерживая его.

— Вы это видели? Но ведь там была такая свалка — а вы были в гуще боя!

— Я многое вижу, паренек. Как тебя звать?

— Пеллин... то есть кул Пеллин.

— Обойдемся без формальностей, Пеллин. Нынче ночью мы просто два ветерана, которые беседуют, ожидая рассвета. Страшно тебе?

Пеллин кивнул, и Друсс улыбнулся.

— И ты спрашиваешь себя: почему я? Почему мне выпало сражаться против этой надирской силищи?

— Да. Кара не хотела, чтобы я шел с другими мужчинами. И называла меня дураком. И правда, какая разница, победим мы или нет?

— Лет через сто никакой разницы, понятно, не будет. Но всякое захватническое войско сопровождают демоны, Пеллин. Если надиры прорвутся здесь, они хлынут на Сентранскую равнину, неся с собой огонь и разрушение, насилие и смерть. Вот почему мы должны остановить их. А почему ты? Потому что ты самый для этого подходящий человек.

— Мне кажется, я умру здесь. А я не хочу умирать. Моя Кара беременна — хочу видеть, как сын вырастет большим. Хочу... — Пеллин осекся: комок в горле не давал говорить.

— Ты хочешь того же, что и все мы, парень, — мягко проговорил Друсс. — Но ты мужчина, а мужчины должны встречать свой страх лицом к лицу — иначе он их погубит.

— Не знаю, смогу ли. Я все думаю, не уйти ли с другими дезертирами. Взять ночью да и улизнуть на юг. Домой.

— Чего ж тогда не уходишь?

— Сам не знаю, — подумав, буркнул Пеллин.

— Я скажу тебе почему. Потому что ты видишь тех, которые остаются, и понимаешь, что им придется еще

тяжелее, когда тебя не будет рядом. Ты не тот человек, чтобы взваливать свою работу на других.

— Хотел бы я в это верить. Очень хотел бы.

— Вот и верь, парень, — уж я-то в людях разбираюсь. Когда-то я знал другого Пеллина. Он метал копье — здорово это у него получалось. Выиграл золотую медаль на Играх в Гульготире.

— Я думал, это был Никотас. Я помню парад, когда наши атлеты вернулись домой. Никотас нес дренайский флаг.

— Точно вчера это было, правда? — усмехнулся Друсс. — Но я-то говорю о Пятых Играх. Они, помнится мне, состоялись лет тридцать назад — ты тогда своей матушке еще и не снился. Тот Пеллин был славный парень.

— Вы ведь тоже принимали участие в тех Играх? Во времена Безумного Короля?

— Да, хотя и не помышлял об этом. Я был тогда крестьянином, но Абалаин пригласил меня ехать в Гульготир вместе с нашими атлетами. Моя жена, Ровена, уговорила меня принять приглашение — ей казалось, что жизнь в горах наскучила мне. И она была права! Помню, как мы проехали через Дрос-Дельнох. Атлетов было сорок пять человек, и их сопровождало еще около сотни разного народа — слуги, потаскушки, наставники. Теперь я их всех уже позабыл. Вот Пеллина помню — он все смешил меня, и мне было приятно его общество. — Старик умолк, погрузившись в воспоминания.

— Как же получилось, что вы участвовали в соревнованиях?

— А, это? Был у нас кулачный боец... будь я проклят, если помню, как его звали. В старости память — как решето. Но нрав у него был тяжелый. Все бойцы везли с собой своих наставников и партнеров для учебного боя. Тот парень — Граваль, вот как его звали! — был скотиной и вывел из строя двух своих напарников. Ну и попросил меня поупражняться с ним. До Гульготира оставалось еще три дня пути, и мне было смерть как скучно. Это истинное проклятие моей жизни, парень. Чуть что — и мне уже скучно. Вот я и согласился. Это было ошибкой. Женщины со всего лагеря сбежались поглазеть на нас, и мне следовало бы смекнуть, что Граваль любит нравиться публике. Начали мы драться, и поначалу все шло как надо. Граваль был хорош — плечи сильные, но и гибкости не занимать. Дрался ты когда-нибудь на кулачках, Пеллин?

— Нет, не довелось.

— Учебный бой очень похож на настоящий, но удары наносятся только для видимости. Бойцы просто упражняются, чтобы не терять проворства. Но когда женщины расселись вокруг нас, Граваль решил показать им, какой он

борец, и принялся молотить меня в полную силу. Бил точно мул копытом — и меня это, надо сознаться, стало раздражать. Я отступил назад и попросил его сдерживать свой пыл. А этот дурак и ухом не повел — тогда я озлился и врезал ему. Будь я проклят, если не сломал ему челюсть в трех местах. В итоге дренаи лишились бойца-тяжеловеса, и я счел своим долгом занять его место.

— А что было потом? — спросил Пеллин.

Друсс встал и облокотился на парапет. Начинало светать.

— Подождем с рассказом до вечера, парень. Вон они идут!

Пеллин вскочил на ноги. Тысячи надиров тихо двигались к стене. Друсс издал зычный крик, и горнист затрубил тревогу. Дренаи в красных плащах повскакали со своих одеял.

Пеллин дрожащей рукой вытащил меч, глядя на могучий вал вражеских воинов. Сотни надиров тащили лестницы, другие несли свернутые веревки и крючья. Сердце Пеллина заколотилось.

— Великий Миссаэль, — прошептал он. — Их ничто не остановит! — Он сделал шаг назад, но Друсс опустил ручищу ему на плечо.

— Ну-ка, парень, кто я такой? — спросил он, глядя на Пеллина льдисто-голубыми глазами.

— Ч-что?

— Кто я такой, спрашиваю?

Пеллин сморгнул затекающий в глаза пот.

— Вы — Друсс-Легенда.

— Стань около меня, Пеллин, — и мы с тобой остановим их. Я не так часто рассказываю истории, парень, и терпеть не могу, когда меня прерывают. Погоди малость — вот отобьемся, и я поставлю тебе кубок лентрийского красного и расскажу о готирском Боге-Короле и о Глазах Альказарра.

Пеллин глубоко вздохнул.

— Я буду рядом, — сказал он.

Глава 1

Толпа ревела, требуя крови, а Зибен-Поэт рассматривал огромный цирк, мощные колонны и арки, трибуны и статуи.

Далеко внизу на золотом песке арены двое мужчин сражались за честь своих народов. Пятнадцать тысяч зрите-

лей вопили вовсю, и казалось, будто ревет какой-то первобытный зверь. Зибен поднес к лицу надушенный платок, чтобы заглушить запах пота, накатывающий со всех сторон.

Цирк был настоящим чудом зодчества. Колонны — статуи древних богов и героев. На сиденьях из драгоценного мрамора зеленые бархатные подушки, набитые пухом. Они раздражали Зибена — цвет не гармонировал с его ярко-голубым шелковым камзолом, чьи пышные рукава украшали опалы. Поэт гордился своим нарядом, сшитым у лучшего портного в Дренане. Страшно подумать, сколько денег ему пришлось заплатить! Чтобы такое великолепие пропало из-за неподходящего цвета сидений — этого Зибен вынести не мог. Но поскольку все сидели, дисгармония не так резала глаз. Слуги сновали в толпе, разнося холодные напитки, пироги, сладости и прочие яства. Места для богатых затенялись балдахинами все того же жуткого зеленого цвета, а самые знатные люди восседали на красных подушках, и рабы обмахивали их. Зибен тоже пытался занять место среди знати, но ни подкуп, ни лесть не помогли ему добиться успеха.

Справа виднелся краешек балкона Божественного Короля, на балконе — прямые спины двух гвардейцев в серебряных панцирях и белых плащах. Особенно великолепными поэт находил их шлемы, украшенные золотом и увенчанные белыми лошадиными плюмажами. Вот в чем прелесть простых цветов: черного, белого, серебряного и золотого. Им любая обивка нипочем.

— Побеждает он или нет? — спросил Майон, дренайский посол, дернув Зибена за рукав. — Удары на него так и сыплются. Вы знаете, этот лентриец никогда еще не терпел поражений. Говорят, он убил двух бойцов прошлой весной, на состязаниях в Машрапуре. Проклятие, я поставил на Друсса десять золотых рагов.

Зибен осторожно высвободил свой рукав, разгладил помятый шелк и отвлекся от чудес архитектуры, чтобы мельком взглянуть на поединок. Лентриец врезал Друссу снизу, навесил поперечный справа. Друсс попятился — из его рассеченной левой брови струилась кровь.

— На каких условиях вы делали ставку? — спросил Зибен.

— Шесть к одному. — Элегантный посол провел рукой по коротко остриженным серебристым волосам. — Я, должно быть, лишился рассудка.

— Ничего подобного — вами руководил патриотизм. Вот что: я знаю, что послам не слишком хорошо платят, поэтому готов выкупить ваш заклад. Давайте бирку.

— Мне, право, неловко... смотрите, как лентриец его колошматит.

— Ничего страшного. Друсс как-никак мой друг, и мне следовало бы поставить на него хотя бы по этой причине.

В темных глазах посла блеснула алчность.

— Ну, если вы правда этого хотите... — Тонкие пальцы Майона извлекли из вышитого бисером кошелька клочок папируса с восковой печатью и проставленной суммой. Зибен взял его, но Майон не убрал руки.

— Я не захватил с собой кошелька, — сказал поэт, — но отдам вам деньги вечером.

— Да, разумеется, — пробормотал явно разочарованный Майон.

— Пойду-ка я прогуляюсь по цирку. Тут есть на что посмотреть. Я слышал, внизу помещаются картинные галереи и лавки древностей.

— Вижу, вас не слишком волнует участь вашего друга.

Зибен остался глух к упреку.

— Дражайший посол, Друсс дерется потому, что ему это нравится. Сочувствие лучше приберечь для тех бедолаг, что выходят с ним на поединок. Увидимся на праздничной церемонии.

Зибен поднялся по мраморным ступеням к будке, где делались ставки. В ней сидел щербатый чиновник, а рядом стоял солдат, охраняя мешки с деньгами.

— Хотите поставить? — спросил чиновник.

— Нет, я подожду — хочу получить выигрыш.

— Вы ставили на лентрийца?

— Нет, на победителя — такая уж у меня привычка. Можете пока отсчитать шестьдесят золотых — и мои десять вдобавок.

— Так вы поставили на дреная? — хмыкнул чиновник. — Скорее в аду похолодает, чем ваши денежки вернутся к вам.

— Мне кажется, здесь стало заметно прохладнее, — улыбнулся Зибен.

Лентриец между тем начал уставать. Кровь сочилась из его сломанного носа, правый глаз закрылся, но сила еще оставалась при нем. Друсс, пригнувшись от удара правой, двинул его под ложечку — мускулы на животе лентрийца были как крученая сталь. Кулак обрушился на шею Друсса, ноги у него подкосились. Зарычав, он нанес удар снизу в заросший бородой подбородок более высокого лентрийца, и голова противника отскочила назад. Друсс навесил правой, немного промахнулся и угодил лентрийцу в висок. Тот вытер кровь с лица и ответил сокрушительным прямым левой, а после добавил сбоку правой, едва не сбив Друсса с ног.

Толпа ревела, чувствуя, что конец близок. Друсс попытался обхватить противника, но попал под прямой левый, отбросивший его назад. Отразив правый удар, он снова атаковал снизу. Лентриец покачнулся, но не упал. Мощный ответный удар пришелся Друссу за правым ухом, но дренай и глазом не моргнул — силы лентрийца шли на убыль, и удар получился не столь уж мощным.

Теперь или никогда! Друсс устремился в атаку, осыпав лицо лентрийца градом ударов: за тремя прямыми левой последовал правый боковой в подбородок. Лентриец потерял равновесие, попытался выправиться — рухнул лицом вниз на песок.

По цирку точно гром прокатился. Друсс перевел дыхание и отошел от противника, принимая восторги публики. Новый дренайский флаг — белый конь на голубом поле — взвился вверх, трепеща на ветру. Выйдя вперед, Друсс остановился под королевским балконом и поклонился Богу-Королю, видеть которого не мог.

Выбежали двое лентрийцев, опустились на колени возле поверженного бойца. За ними последовали люди с носилками, и бесчувственного соперника Друсса унесли с арены. Друсс, помахав зрителям, скрылся в темном коридоре, ведущем в бани и комнаты для отдыха атлетов. У входа стоял, ухмыляясь, Пеллин, метатель копья.

— Я уж думал, он тебя доконает, горец.

— К тому шло, — сплюнул кровью Друсс. Лицо у него распухло, несколько зубов шаталось. — Силен мужик, надо отдать ему должное.

Вдвоем они прошли в первый банный зал. Шум с арены сюда почти не доносился, и около дюжины человек нежились в трех мраморных бассейнах с горячей водой. Друсс сел у первого водоема. В воде плавали лепестки роз, насыщая воздух изысканным ароматом. Парс, бегун, подплыл к Друссу.

— Лицо у тебя, точно по нему целый табун проскакал.

Друсс положил руку на лысеющую макушку атлета и нажал. Парс, вынырнув, отплыл немного и обрызгал Друсса. Пеллин уже разделся и нырнул в бассейн.

Друсс стянул с себя штаны и погрузился в теплую воду. Боль в ноющих мышцах сразу утихла. Он поплавал немного и вылез, а Парс за ним.

— Давай я тебя разомну.

Друсс лег ничком на массажный стол. Парс смочил ладони маслом и начал умелыми движениями массировать его спину.

Пеллин накинул на себя простыню и сел рядом, вытирая волосы.

— Ты не смотрел второй поединок? — спросил он Друсса.

— Нет.

— Этот готир, Клай, прямо ужас какой-то. Быстрый, с крепким подбородком, а правой бьет будто молотом. Каких-то двадцать мгновений — и все было кончено. Ничего подобного я еще не видел. Вагриец так и не понял, что с ним случилось.

— Я слышал. — Друсс заворчал, когда пальцы Парса зарылись в опухшие мышцы шеи.

— Ты его уложишь, Друсс, — это ничего, что он больше, сильнее, проворнее и красивее.

— И лучше подготовлен, — вставил Пеллин. — Говорят, он каждый день пробегает пять миль по горам за городом.

— Об этом я забыл упомянуть. Притом он моложе. Тебе сколько лет, Друсс? — спросил Парс.

— Тридцать, — проворчал тот.

— Старик. — Пеллин подмигнул Парсу. — И все-таки я уверен, что ты победишь. Ну... почти уверен.

Друсс сел.

— Хорошо, когда молодежь тебя поддерживает.

— Мы ведь как одна семья, — сказал Пеллин. — А когда ты лишил нас восхитительного общества Граваля, мы вроде как усыновили тебя. — Парс начал растирать Друссу распухшие костяшки пальцев. — Без шуток, Друсс, старина, — ты здорово разбил себе кулаки. Дома мы приложили бы тебе лед, а здесь надо будет сделать холодную примочку.

— До финала еще три дня. Заживут. Ну а ты как пробежал?

— Пришел вторым — в финале буду участвовать, но в первую тройку не войду. Готир куда лучше меня, вагриец и чиадзе тоже. Мне с ними не тягаться.

— А ты возьми да удиви сам себя.

— Не все же такие, как ты, горец. Мне до сих пор не верится, что ты, явившись на Игры неподготовленным, дошел до самого финала. Ты и правда легенда. Старый, страшный и неповоротливый — а все-таки легенда, — ухмыльнулся Пеллин.

— А я уж было растаял, паренек. Подумал, что ты меня зауважал. — Друсс снова лег и закрыл глаза.

Парс и Пеллин подошли к прислужнику, разливавшему холодную воду из кувшина, и он наполнил им кубки. Пеллин осушил свой сразу и велел налить еще, Парс пил мелкими глотками.

— Ты так и не сказал ему о пророчестве, — заметил Парс.

— Ты тоже. Ничего, сам скоро узнает.

— И как он, по-твоему, поступит тогда? — спросил бегун.

Пеллин пожал плечами:

— Я знаю его всего месяц, но почему-то сомневаюсь, что он захочет подчиниться традиции.

— Придется!

— Нет, дружище, он не такой, как другие. Лентриец по всем статьям должен был победить — однако не победил. Друсс — это стихия, и не думаю, чтобы политика могла на него повлиять.

— Спорю на двадцать рагов, что ты заблуждаешься.

— Не стану я с тобой спорить, Парс. Ради нашего общего блага надеюсь, что ты окажешься прав.

Со своего отдельного балкона высоко над толпой белокурый гигант Клай видел, как Друсс нанес решающий удар. Лентриец набрал слишком много мышечной массы на руках и плечах — это делало его необычайно сильным, но удары получались медленными и предсказуемыми. А вот на дреная стоило посмотреть. Клай улыбнулся.

— Вы находите его забавным?

Боец, застигнутый врасплох, обернулся. На лице вошедшего не дрогнул ни один мускул. Точно маска, подумал Клай, золотая чиадзийская маска, гладкая, без единой морщины. Даже черные как смоль волосы, туго стянутые в два хвоста, так напомажены, что кажутся искусственными, приклеенными к слишком большому черепу. Клай перевел дух, недовольный вторжением на свой балкон и тем, что не услышал ни единого шороха: ни от занавесей, ни от черных бархатных одежд пришельца, тяжелых и длинных.

— Вы подкрадываетесь точно наемный убийца, Гарен-Цзен, — сказал Клай.

— Иногда бывает полезно двигаться беззвучно, — тихим мелодичным голосом проговорил чиадзе.

Клай посмотрел в его разные глаза, скошенные, как острия копий. Один глаз был карий с серыми искрами, другой — голубой, словно летнее небо.

— Это полезно лишь тогда, когда вы находитесь среди врагов, — ответил атлет.

— Верно. Но самые опасные наши враги порой представляются друзьями. Что же в этом дренае так позабавило вас? — Гарен-Цзен прошел к перилам и посмотрел на арену. — Я не нахожу в нем ничего смешного. Он варвар и дерется как варвар. — Чиадзе обернулся, высокий ворот обрамлял его костлявое лицо.

Клай почувствовал, как возрастает в нем неприязнь к этому человеку, но не подал виду.

— Нет, уважаемый министр, он меня не забавляет. Я восхищаюсь им. С хорошей подготовкой он мог бы достичь многого. И публике он нравится — народ любит отважных бойцов. Видит Небо, отваги этому Друссу не занимать. Хотел бы я сам подготовить его. Тогда бы он продержался подольше.

— Вы полагаете, бой закончится быстро?

— Нет. У его силы глубокие корни — она зиждется на гордости и на вере в собственную несокрушимость. Это видно по тому, как он сражается. Бой будет долгим и изнурительным.

— Но ведь победа останется за вами? Как предсказал наш Божественный Король? — Клай впервые заметил легкую перемену в лице министра.

— Я побью его, Гарен-Цзен. Я моложе, сильнее, проворнее и лучше обучен. Но всяким боем правит случай. Я могу оступиться в момент его удара, могу захворать перед боем и сделаться неповоротливым. Могу отвлечься и пропустить удар. — Клай широко усмехался, министр же проявлял явные признаки беспокойства.

— Этого не случится. Пророчество исполнится.

Клай подумал, прежде чем ответить.

— То, что Божественный Король в меня верит, наполняет меня великой гордостью. Я буду драться с удвоенным усердием.

— Хорошо. Будем надеяться, что на дреная пророчество произведет обратное действие. Вы ведь будете вечером на пиру? Божественный Король требует вашего присутствия. Он желает, чтобы вы сидели рядом с ним.

— Большая честь для меня, — с поклоном ответил Клай.

— Это так. — Дойдя до занавеси, Гарен-Цзен оглянулся. — Знаком вам атлет по имени Лепант?

— Бегун? Да. Он упражняется в моем гимнасии. А что?

— Утром он умер во время допроса — а ведь казался таким сильным. Вы не замечали в нем признаков сердечной слабости? Головокружение, боль в груди?

— Нет. — Клай вспомнил говорливого ясноглазого парня с неистощимым запасом шуток и историй. — Зачем его подвергли допросу?

— Он распространял клевету, и у нас были причины полагать, что он входит в тайное общество, замышляющее убийство Бога-Короля.

— Чепуха. Он был просто глупый юнец, отпускавший сомнительные шутки.

— Да, он мог показаться и таким. Теперь юнец мертв, и шутить ему больше не придется. А бегун он был хороший?

— Нет.

— Вот и хорошо — стало быть, мы ничего не потеряли. — Разные глаза пристально посмотрели на Клая. — Лучше вам не слушать сомнительных шуток, сударь мой. Это могут счесть соучастием в измене.

— Я запомню ваш совет, Гарен-Цзен.

Министр ушел, а Клай спустился вниз, в окружающую цирк галерею. Здесь было прохладнее, и он с удовольствием разглядывал многочисленные древности. Галерею пристроили к цирку по настоянию короля еще до того, как душевная болезнь лишила его рассудка. На ней помещалось около пятидесяти лавок, где можно было купить подлинные редкости или их копии. Тут продавались старинные книги, картины, фарфор и даже оружие.

Люди на галерее уважительно кланялись первому бойцу Готира. Клай отвечал каждому улыбкой и кивком. При всей своей громадности он двигался с грацией атлета, безупречно соблюдая равновесие. Клай задержался перед бронзовой статуей Бога-Короля. Она была красива, но зрачки из ляпис-лазури казались на бронзовом лице неуместными. Коренастый торговец с раздвоенной бородкой, угодливо улыбаясь, вышел вперед.

— Вы превосходно выглядите, господин Клай. Я видел ваш бой, хотя это зрелище длилось недолго. Вы были великолепны.

— Благодарю вас.

— Надо же было вашему сопернику ехать так далеко, чтобы претерпеть подобное унижение!

— Я не унизил его — только побил. Он завоевал право встретиться со мной, победив множество отменных бойцов. И имел несчастье оступиться на песке, как раз когда я нанес удар.

— Разумеется, разумеется! Ваша скромность делает вам честь. Я вижу, вы любуетесь моей бронзой. Этот новый ваятель далеко пойдет. — Торговец понизил голос. — Со всякого другого, мой господин, я запросил бы тысячу серебром, но могучему Клаю сбавлю до восьмисот.

— У меня уже есть два бюста императора — он сам подарил их мне. Однако спасибо за предложение.

Клай отошел, но дорогу ему заступила молодая женщина, державшая за руку светловолосого мальчика лет десяти.

— Простите мне мою смелость, — сказала она с низким поклоном, — но мой сын очень хочет познакомиться с вами.

— Ну, здравствуй. — Клай встал перед мальчиком на одно колено. — Как же тебя зовут?

— Атка, господин. Я видел все ваши бои. Вы деретесь... просто здорово.

— Я ценю твою похвалу. Ну а финал будешь смотреть?

— Еще бы! Надо же поглядеть, как вы побьете дреная. Я и его видел — он чуть было не проиграл.

— Не думаю, Атка. Этот человек создан из камня и железа. Я ставил на него.

— Но ведь вас он не побьет? — Мальчик округлил глаза, охваченный внезапным сомнением.

— Побить можно любого, Атка, — улыбнулся Клай. — Подожди еще несколько дней — и увидишь. — Он встал и улыбнулся зардевшейся женщине. — Хороший у вас сын. — Клай поцеловал ей руку и отошел посмотреть картины, выставленные чуть подальше. Были там виды пустыни и гор, изображения молодых женщин в разных стадиях наготы. Имелось несколько охотничьих сцен, но Клаю особенно понравились два натюрморта с полевыми цветами. В конце галереи стоял длинный лоток, принадлежащий пожилому чиадзе. Там продавались в основном статуэтки, а еще — броши, амулеты, браслеты и кольца. Клай взял в руки фигурку из слоновой кости, не более четырех дюймов высотой: молодая женщина в легком платье, с цветами в волосах держала в руке змею, обвившую хвостом ее запястье.

— Какая прелесть, — восхитился Клай.

Маленький чиадзе с улыбкой кивнул:

— Шуль-сен, жена Ошикая, Гонителя Демонов. Этой фигурке около тысячи лет.

— Откуда вы знаете?

— Я Чорин-Цу, господин, — придворный бальзамировщик и знаток истории. Я нашел эту фигурку во время раскопок на месте легендарной Битвы Пяти Воинств. И уверен, что ей не менее девяти веков.

Клай поднес статуэтку к глазам. Лицо женщины было овальным, глаза раскосыми, и казалось, что она улыбается.

— Она была чиадзе, эта Шуль-сен?

— Как посмотреть, мой господин, — развел руками Чорин-Цу. — Она, как я уже сказал, была женой Ошикая, а он считается отцом всех надиров. Он увел мятежные племена из чиадзийской земли и проложил им дорогу в страну, где ныне правят горы. После его смерти племена разбрелись и стали враждовать между собой — и посейчас враждуют. Если он был первым надиром — кем считать Шуль-сен? Надиркой или чиадзе?

— И той, и другой — а прежде всего красавицей. Как завершилась ее судьба?

Торговец пожал плечами, и Клай заметил в темных раскосых глазах печаль.

— Смотря какой исторической версии придерживаться. Я полагаю, что ее убили вскоре после смерти Ошикая. Все летописи указывают на это, хотя есть легенды, согласно которым она отплыла за море, в волшебную страну. Можете верить в это, если наделены романтической жилкой.

— Я стараюсь, насколько возможно, придерживаться истины. Но в этом случае мне и впрямь хотелось бы верить, что она провела свои дни счастливо в далеком краю. Наверное, истины мы не узнаем никогда.

Чорин-Цу снова развел руками.

— Мне как ученому хотелось бы верить, что когда-нибудь все тайны будут раскрыты. Быть может, мне удастся найти и документальные свидетельства.

— Если удастся, дайте мне знать. А пока что я куплю у вас эту фигурку. Пусть ее доставят ко мне домой.

— Вы не спрашиваете цену, мой господин?

— Я уверен, что вы не запросите лишнего.

— Что ж, это правда.

Клай пошел было прочь, но вернулся.

— Скажите, Чорин-Цу, почему придворный бальзамировщик держит лоток с древностями?

— Бальзамирование — мое ремесло, история же — моя страсть. И как всякая страсть, она приносит наслаждение, лишь будучи разделенной. Ваш восторг перед этой статуэткой глубоко радует меня.

Клай прошёл по галерее в трапезную. Двое часовых распахнули перед ним дверь в роскошный зал для именитых гостей. Клай давно уже входил в подобные места без трепета — несмотря на свое низкое происхождение, он завоевал себе такую славу, что почитался выше многих вельмож. Обедающих было немного, но Клай сразу заметил дренайского посла Майона, который вел горячий спор со щеголем в расшитом дорогими камнями голубом камзоле. Щеголь был высок, строен и очень красив. На его светло-каштановых волосах красовался серебряный обруч с опалом. Клай подошел к ним. Майон заметил его не сразу и продолжал попрекать собеседника:

— И все же это нечестно, Зибен. Вы ведь выиграли... — Тут он увидел Клая, и на его лице мигом появилась широкая улыбка. — Дорогой мой, как я рад вас видеть. Прошу вас, присаживайтесь к нам. Для нас это честь. Мы как раз говорили о вас. Это Зибен, поэт.

— Я слышал ваши поэмы, — сказал Клай, — и сам с удовольствием прочел сагу о Друссе-Легенде.

Поэт хищно оскалился:

— Вы о нем читали, а скоро встретитесь с ним самим. Предупреждаю — я буду ставить против вас.

— В таком случае простите меня за то, что я не стану желать вам удачи, — улыбнулся Клай и сел.

— Видели вы сегодняшний бой? — спросил Майон.

— Да, посол, видел. Друсс — незаурядный боец. Кажется, будто боль лишь подзадоривает его. Он непреклонен и очень силен.

— Он всегда побеждает, — весело вставил Зибен. — Такой уж у него дар.

— Зибен сегодня особенно доволен, — ледяным тоном заметил Майон. — Он выиграл шестьдесят золотых.

— Я тоже выиграл, — сказал Клай.

— Вы ставили на Друсса? — поинтересовался Зибен.

— Да. Я хорошо рассмотрел обоих и рассудил, что у лентрийца не хватит духу выстоять против вашего бойца. Притом левая у него работала не столь быстро, что давало Друссу возможность уворачиваться от ударов. Однако посоветуйте ему изменить стойку во время атаки. Он нападает, пригнув голову, — это делает его легкой мишенью для удара снизу.

— Скажу непременно, — пообещал Зибен.

— У меня при доме устроено ристалище. Если Друсс захочет воспользоваться им — милости просим.

— Весьма любезно с вашей стороны, — сказал Майон.

— Уж очень вы уверены в себе, — заметил Зибен. — Вас не волнует то, что Друсс ни разу не проигрывал?

— Так я и сам ни разу не проигрывал. При любом исходе репутация одного из нас будет подпорчена. Но солнце не перестанет светить, и земля не перевернется. Итак, друзья мои, закажем что-нибудь поесть?

Воздух был чист и свеж, ветерок, порхающий вокруг фонтана, веял прохладой. Зибен и Друсс только что поднялись на вершину самого высокого холма в Большом парке. Небо над ними играло богатыми красками позднего лета, с востока медленно плыли пушистые белые облака. Далекий солнечный луч, пробившись сквозь них, высветил часть восточной гряды, и горы загорелись красным и золотым, точно самоцветы. Но облака тут же набежали на солнце, и золотые утесы снова сделались серыми. Друсс с тоской смотрел на горы, вспоминая, как пахнет сосной и журчат ручьи в его родном

краю. Солнце опять проглянуло, осветив горы. Вид был великолепен, но Друсс знал, что там нет сосновых лесов. К востоку от Гульготира лежат надирские степи — сухие, суровые, негостеприимные.

Зибен сел у фонтана, окунул руку в воду.

— Ну вот, теперь ты видишь, почему это место называется Холмом Шести Дев. — В середине бассейна стояли статуи шести женщин, искусно высеченные из одной глыбы мрамора. Они располагались кружком, и каждая, слегка склоняясь, простирала руки словно в мольбе. Над ними высилась фигура старца с огромной урной в руках — из нее и струился фонтан, орошая белые фигуры. — Несколько веков назад с севера нагрянуло войско и осадило Гульготир — тогда на этом месте принесли в жертву шестерых дев, чтобы умилостивить богов войны. Их утопили. После этого боги оказали защитникам милость, и те отбили врага.

Зибен улыбнулся, видя, как сузились светло-голубые глаза Друсса. Воин запустил ручищу в свою постриженную лопатой черную бороду — верный признак растущего раздражения.

— Ты не веришь, что богов можно умилостивить? — как ни в чем не бывало поинтересовался поэт.

— Только не кровью невинных.

— Но ведь они победили, Друсс, — значит, жертвоприношение все же имело смысл?

Воин потряс головой:

— Раз они верили, что жертва умилостивит богов, то стали сражаться с удвоенной силой — но их могла бы вдохновить на это чья-то хорошая речь, и никакой жертвы бы не понадобилось.

— Ну а если боги *в самом деле* требовали этой жертвы и *в самом деле* помогли выиграть сражение?

— Лучше бы тогда его проиграли.

— Ага! — торжествующе вскричал Зибен. — Но ведь тогда погибло бы гораздо больше невинных: женщин насиловали бы и убивали, детей резали в колыбелях. Что ты на это скажешь?

— А ничего. Большинство людей понимает разницу между духами и коровьим навозом — незачем об этом спорить.

— Брось, старый конь, ты просто не хочешь говорить. Между тем ответ прост: принципы добра и зла основаны не на математике. Они зиждутся на желании — или нежелании — отдельных людей поступать хорошо, как по совести, так и по закону.

— Слова, слова, слова! Они ничего не значат! — отрезал Друсс. — От людских желаний как раз все зло и происходит. Что до совести и закона — как быть, если совести у человека нет, а закон допускает жертвоприношения?

Делает ли это жертву добрым делом? Ну хватит. Нечего втягивать меня в очередной бессмысленный спор.

— Мы, поэты, только и живем такими бессмысленными спорами, — сдерживая гнев, ответил Зибен. — Они развивают ум, помогают мыслить. Помогают лучше понять нужды наших ближних. Ты просто не в духе сегодня, Друсс. Я-то думал, ты будешь рад еще раз сразиться, еще раз кого-то отдубасить. Золотая медаль — это не шутка. Вопящие толпы, обожание соотечественников. Подумай: кровь, синяки, а после — бесчисленные парады и пиры в твою честь!

Друсс выругался, его лицо потемнело.

— Ты же знаешь, я презираю все это.

— Возможно, отчасти и презираешь, Друсс. Лучшая твоя часть питает отвращение к громкой славе, но как так получается, что каждое твое действие усугубляет ее? Тебя пригласили сюда в качестве гостя — как вдохновляющий пример, если хочешь. И что же? Ты не замедлил сломать челюсть первому дренайскому бойцу и занял его место.

— Я не хотел его увечить. Если б я знал, что подбородок у него сделан из фарфора, я двинул бы его в живот.

— Ну да, тебе хочется в это верить, старый конь. Но я не верю. Скажи-ка: что ты чувствуешь, когда толпа выкрикивает твое имя?

— Довольно, поэт. Чего ты от меня хочешь?

Зибен сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Слова — единственное, чем мы можем описать свои чувства, объяснить, чего мы хотим друг от друга. Как без слов мы учили бы молодежь, как выражали бы свои надежды, чтобы будущие поколения смогли прочесть? Ты смотришь на мир уж очень просто, Друсс: у тебя все либо огонь, либо лед. Это бы еще ничего. Но ты, как всякий человек с узким кругозором, не знающий, что такое мечта, норовишь высмеять то, чего понять не можешь. Цивилизации создаются из слов, Друсс, а уничтожаются топорами. Говорит это тебе о чем-нибудь?

— Я все это знаю и так. Ну что, легче тебе стало?

Гнев Зибена прошел, и он улыбнулся.

— Люблю я тебя, Друсс. Всегда любил. Но у тебя прямотаки дар меня злить.

— Я не мыслитель, — серьезно сказал Друсс, — но и не дурак. Я такой же, как многие. Я мог бы быть крестьянином или плотником, даже наемным рабочим. А вот учителя или клирика из меня бы не вышло. Умники на меня дрожь наводят. Взять хоть Майона. Я знал многих послов, и

все они на один лад: фальшивые улыбки, а глаза как буравчики — ничего не упустят. Во что они верят? Есть ли у них честь? Любят ли они свою страну? Или они смеются над нами, простыми людьми, набивая кошельки нашим золотом? Я знаю одно, поэт: такие, как Майон — и как ты, — могут представить все, во что я верю, столь же зыбким, как летний снег. И вдобавок выставить меня дураком. Да, я понимаю, что добро и зло можно свести к цифрам. Взять этих женщин в фонтане. Враги могли бы сказать: «Убейте шестерых женщин, и мы пощадим город». Ответ на это может быть только один — но я не могу тебе сказать, почему считаю его правильным.

— Зато я могу. И это лишь часть того, чему я научился от тебя. Самое большее зло, на которое мы способны, — это принести в жертву кого-то другого. Войско, осадившее город, как бы говорит: «Сделайте малое зло, иначе мы совершим большое». Если поступать геройски, то нужно, конечно, отказаться. Но дипломаты и политики — люди практичные. И им не дано понять, что такое честь. Я прав?

Друсс с улыбкой хлопнул Зибена по плечу:

— Прав, поэт, прав. Но я знаю, что ты и глазом не моргнешь, если придется отстаивать противоположную точку зрения. Так что давай на этом покончим.

— Ладно, будем считать, что мы квиты.

Друсс перевел взгляд на юг. Внизу лежал Старый Гульготир — лабиринт жилых домов, лавок и мастерских, прорезанный узкими улицами. Старый Замок сидел в середине, точно раздувшийся серый паук. Бывшая резиденция королей теперь служила житницей. На западе стоял новый дворец Бога-Короля. Колонны этого колоссального строения из белого камня украшены позолотой, статуи — большей частью самого короля — увенчаны золотом и серебром. Роскошные сады окружают дворец, и даже отсюда видно великолепие клумб и цветущих деревьев.

— Видел ты его, Бога-Короля? — спросил Друсс.

— Я сидел поблизости от королевского балкона, пока ты забавлялся с лентрийцем, но видел только спины телохранителей. Говорят, он красит волосы настоящим золотом.

— Ничего себе — забавлялся. Он крепкий парень, до сих пор чувствую его удары.

— Погоди до встречи с готирским бойцом, Друсс. В схватке это не человек — говорят, он бьет как молния. Против тебя ставят девять к одному.

— Может, он меня и побьет, — проворчал Друсс, — но не спеши на это ставить!

— О, на этот раз я не поставлю и медной полушки. Я видел Клая. За все время нашего знакомства я еще не встречал человека, которого считал способным тебя победить, — а вот теперь встретил.

— Ба! Хотел бы я, чтобы мне платили золотой всякий раз, когда говорили, что такой-то сильнее, быстрее или опаснее меня. И где они теперь, эти силачи?

— В основном мертвы, старый конь, — ты убил их на своем бесконечном пути к добру и справедливости.

— Ты, помнится, сказал, что мы квиты, — прищурился Друсс.

— Извини, — развел руками Зибен. — Сорвалось.

Надирский воин, известный как Талисман, мчался по переулку. Крики погони стали тише, но он знал, что оторвался не намного. Вбежав на площадь, Талисман остановился. Здесь было много дверей — он насчитал по шесть на каждой стороне. «Сюда! Сюда!» — послышалось позади. Луна ярко озаряла площадь с севера и запада. Талисман свернул на юг и укрылся в темной нише, почти слившись со стеной в своем длинном черном плаще с капюшоном. Он перевел дух, стараясь успокоиться. Рука привычно скользнула к бедру, где обыкновенно висел длинный охотничий нож, и Талисман выругался. Ни одного надира не пускают в готирский город с оружием. Он ненавидел это место из камня и булыжника с его бесчисленными толпами и исходящей от них вонью. Он всей душой рвался обратно, на простор родных степей. Суровые горы под огромным пылающим небом, неоглядные равнины, где можно ехать год и не встретить ни одного человека. Жить можно только в степи. Не в этом крысином гнезде, где разит человеческими нечистотами — их выливают из окон, и они гниют на мостовой заодно с прочими отбросами.

Крыса шмыгнула мимо его ног, но Талисман не шелохнулся. Враг был близко. Враг? Подонки, городское отребье — они не стоят этого титула. Делать им нечего — вот и гоняют надирского кочевника по своим гнусным улицам, чтобы както разнообразить свою убогую жизнь. Он снова выругался. Носта-хан предупреждал его об этих шайках, говорил, каких кварталов следует избегать, а Талисман его почти не слушал. Впрочем, он никогда не бывал в столь большом городе, как Гульготир, и не знал, как легко человеку заблудиться в его закоулках.

Послышался топот ног, и Талисман сжал кулаки. Если они найдут его, то убьют.

— Не видали, куда он побежал? — спросил гортанный голос.

— Не-е. Может, туда?

— Вы трое в переулок, а мы напрямик по Кабацкой. Встретимся на площади.

Надвинув капюшон на лицо так, что видны были только глаза, Талисман ждал. Первый из троих пробежал мимо его укрытия, за ним второй. Но третий посмотрел в сторону надира — и заметил его. Талисман ринулся вперед. Человек выставил нож, но надир ступил вбок и ударил врага кулаком по лицу. Тот шатнулся назад, а Талисман вильнул влево и снова юркнул в переулок.

— Вот он! Вот он! — закричал пострадавший.

Впереди маячила стена футов восьми высотой. Талисман прыгнул, подтянулся и влез на нее. По ту сторону лежал освещенный луной сад. Пригибаясь к земле, Талисман перебежал сад, перелез через вторую стену на узкую улицу и помчался вперед, обуреваемый гневом. Какой позор — бегать вот так от ничтожных круглоглазых южан.

На перекрестке он свернул к северу. Погоня как будто отстала, но успокаиваться было рано. Он не имел понятия, где находится — все эти гнусные дома походили один на другой. Носта-хан велел ему искать дом Чорин-Цу, бальзамировщика, — это на улице Ткачей, в северо-западном квартале. Где же она, эта улица?

Внезапно из мрака выступил человек с ржавым ножом в руке.

— Попался, надирский ублюдок!

Талисман посмотрел в его свирепые глаза, холодный гнев захватил кочевника целиком.

— Ты нашел свою смерть.

Горожанин взмахнул ножом, целя надиру в шею. Но Талисман отклонился вправо и левой рукой перехватил запястье врага. Правой рукой он сгреб готира за плечо, сделал мощный рывок — рука с ножом сломалась у локтя. Готир с воплем выронил нож. Талисман подхватил его и по рукоять вогнал под ребра врагу. Ухватив его за сальные космы, Талисман впился темными глазами в полное ужаса лицо.

— Чтоб ты сгнил в преисподней, — прошипел надир, повернув нож. Раненый открыл рот для последнего вопля, но умер, не успев испустить ни звука.

Бросив труп, Талисман вытер нож о грязный камзол убитого и скрылся во мраке. Здесь было тихо. По обе стороны высились стены с рядами темных окон. Он вышел на более широкую улицу, не длиннее шестидесяти ярдов,

и увидел трактир, в окнах которого мерцал свет. Спрятав нож под плащом, он двинулся мимо. Дверь трактира открылась, оттуда вышел большой чернобородый человек.

— Прошу прощения, сударь, — обратился к нему Талисман, и эти слова жгли язык надира словно кислота, — не укажете ли, как пройти на улицу Ткачей?

— Парень, — сказал человек, тяжело плюхнувшись на дубовую скамью, — вряд ли я и к себе-то домой дорогу найду. Я тоже нездешний и за эту ночь не раз сбивался с пути. Хоть убей, не понимаю, как это людям охота жить в таком муравейнике. А ты?

В этот самый миг показались преследователи — пятеро с одного конца улицы, четверо с другого.

— Сейчас мы вырежем твое паскудное сердце! — крикнул вожак, жирный и лысый.

Талисман вытащил нож, и пятеро кинулись на него. Заметив какое-то движение слева, надир метнул туда взгляд. Пьяный встал и пытался сдвинуть дубовую скамью. Нет, не сдвинуть, а поднять! Это показалось Талисману таким нелепым, что он на миг отвлекся от неприятелей. Те были уже близко — двое с ножами, трое с дубинками. И тут тяжелая скамья пролетела мимо Талисмана словно копье. Она ударила вожака в лицо, вышибла ему зубы, сбила с ног, потом врезалась в остальных, повалив двоих наземь. Еще двое, перескочив через упавших, продолжали бежать вперед. Талисман встретил первого клинок к клинку, а после двинул локтем в подбородок. Противник рухнул ничком на булыжник и попытался встать. Талисман дважды лягнул его в лицо; после второго пинка упавший застонал и без чувств обмяк на мостовой.

Талисман обернулся назад — но последний враг тщетно бился в железных руках незнакомца. Тот ухватил его за шею и под пах и вскинул над головой. Еще четверо горожан двигались с другого конца улицы. Незнакомец вышел им навстречу, зарычал от натуги и швырнул свою ношу прямо на них. Трое упали, но снова поднялись. Незнакомец шагнул к ним.

— Не довольно ли будет, ребята? — холодно вымолвил он. — Пока что я в Гульготире никого не убил. Забирайте-ка своих дружков и ступайте подобру-поздорову.

Один из горожан пригляделся к незнакомцу.

— Ты ведь дренайский боец, верно? Друсс?

— Верно, верно. А теперь ступайте отсюда. Потеха закончена — разве что вы хотите еще.

— Клай сделает из тебя отбивную с кровью, ублюдок! — С этими словами горожанин убрал нож. Готи-

ры помогли подняться раненым, вожака пришлось унести на руках.

— Скверное место, — сказал незнакомец Талисману, — но есть в нем свои прелести. Выпьем по стаканчику.

— Ты хорошо дрался, — проговорил Талисман. Горожане уже скрылись в конце улицы. — Я выпью с тобой, дренай, но не здесь. У меня такое чувство, что сейчас они поговорят меж собой, расхрабрятся и снова полезут в драку.

— Ну так пошли со мной, парень. Готиры поселили нас где-то недалеко отсюда — так мне сдается, — и есть там кувшинчик лентрийского красного, который весь вечер не может меня дозваться.

И они двинулись на запад, к главной улице, что вела к цирку. Готиры за ними не пошли.

Талисман, никогда еще не бывавший в столь роскошном жилище, разглядывал темными раскосыми глазами дубовую лестницу, бархатную обивку стен, резные позолоченные мягкие стулья и ковры из чиадзийского шелка. Вместе с воином по имени Друсс он поднялся по лестнице в длинный коридор. По обе его стороны через каждые пятнадцать шагов располагались двери. Друсс нажал на бронзовую ручку одной из них, и дверь открылась в богато обставленную комнату. Первое, что бросилось Талисману в глаза, было большое, шестифутовой высоты, зеркало. Надир заморгал — он ни разу не видел прежде своего отражения в полный рост. Краденый черный плащ и камзол в дороге запылились, темные глаза смотрели устало. Лицо в зеркале, хоть и безбородое, казалось куда старше, никак не скажешь, что надиру всего восемнадцать лет, губы стиснуты угрюмо и решительно. Ответственность, что легла Талисману на плечи, пожирала его юность.

Он подошел к зеркалу, потрогал. На вид стекло как стекло, но стекло прозрачно — как же оно может отражать так ясно? В правом нижнем углу Талисман углядел царапину; припав на колено, посмотрел сквозь нее и увидел ковер по ту сторону зеркала.

— На стекло наносят слой серебра, — пояснил Друсс. — Не знаю уж каким манером.

Талисман отвернулся от зеркала. В комнате было еще несколько лежанок, обитых блестящей кожей, несколько стульев и длинный низкий стол, на столе — кувшин с вином, четыре серебряных кубка. Комната была велика, как отцовская юрта — а там жили четырнадцать человек! Двойные двери на дальнем конце вели на широкий балкон, откуда виден был

цирк. Талисман, тихо ступая по мягкому ковру, вышел наружу. Вокруг большой арены высились бронзовые шесты, на которых красным огнем пылали светильники — казалось, будто все громадное сооружение охвачено пожаром. Хотел бы Талисман, чтобы оно и вправду сгорело — вместе со всем городом!

— Красиво, правда? — улыбнулся Друсс.

— Это там ты сражаешься?

— Мне осталось сразиться еще только раз — с первым готирским бойцом, Клаем. А потом я вернусь в свою усадьбу, к жене.

Друсс подал гостю кубок лентрийского красного, и Талисман пригубил.

— Там столько флагов разных стран. Зачем? Вы готовитесь к войне?

— Да нет, наоборот. Все народы собрались сюда на дружественные Игры, которые, как говорят, укрепляют согласие между странами и поощряют торговлю.

— Надиров не пригласили, — бросил Талисман, уходя с балкона в комнату.

— Ну, это уже политика, парень, я ее не понимаю и толку в ней не вижу. Да и кому было бы посылать приглашение? У вас сотни племен, и почитай что все между собой воюют. У вас нет столицы, нет главы.

— У нас будет глава. Придет великий человек, Собиратель. Так предсказано!

— Слыхал я, что таких собирателей было много.

— Этот будет другим. У него будут лиловые глаза, и будет он зваться именем, которого не носил ни один надир. Он придет — и пусть тогда остерегается ваш мир!

— Что ж, желаю вам удачи. — Друсс сел на лежанку и задрал на стол ноги в сапогах. — Лиловые глаза, говоришь? Хотел бы я поглядеть на такое диво.

— Они будут как Глаза Альказарра. В Собирателе воплотится Великий Волк с Лунных гор.

Дверь отворилась, и Талисман, резко обернувшись, увидел высокого красивого молодого человека со светлыми волосами, стянутыми в тугой хвост, в багряном плаще и длинном голубом камзоле из расшитого опалами шелка.

— Надеюсь, ты оставил мне немного вина, старый конь, — сказал вошедший, обращаясь к Друссу. — Я сух, как подмышка ящерицы.

— Мне надо идти. — Талисман направился к двери.

— Погоди! — остановил его Друсс, поднимаясь. — Зибен, не знаешь ли, где найти улицу Ткачей?

— Нет, но в задней комнате есть карта. Сейчас принесу. — Зибен мигом вернулся и разложил карту на низком столе. — В каком это квартале? — спросил он Талисмана.

— В северо-западном.

Зибен повел тонким пальцем по карте.

— Вот она — за Холмом Древностей. Как выйдешь отсюда, ступай по главной улице до статуи Богини Войны — такая высокая женщина с длинным копьем и ястребом на плече. Оттуда пройдешь влево еще милю и увидишь впереди Парк Поэтов. Там поверни направо и иди к Холму Древностей. Там стоят четыре громадные колонны, а на камне, который сверху, вырезан орел. Улица Ткачей будет первой направо за холмом. Ты понял, или мне объяснить еще раз?

— Не надо. Я найду. — И надир, не сказав более ни слова, вышел.

— Какая трогательная благодарность, — усмехнулся Зибен. — И где ты только таких находишь?

— На него напали, я ему помог.

— Убитых много?

— Ни одного, насколько я знаю.

— Стареешь, Друсс. Он ведь надир? Тогда ему нужна немалая смелость, чтобы вот так разгуливать по Гульготиру.

— Да. Он мне понравился. Он рассказывал мне о Собирателе, который должен прийти, — о человеке с глазами Альказарра, что бы это ни означало.

— Ну, это просто. — Зибен налил себе вина. — Есть такая старая надирская легенда. Много веков назад три надирских шамана, обладавших будто бы большой силой, решили изваять статую в честь Богов Камня и Воды. Они взяли у земли волшебную силу, высекли статую из камня Лунных гор и назвали ее Альказарром. Это была, насколько я знаю, фигура огромного волка. Глаза у него были аметистовые, зубы из слоновой кости...

— Короче, поэт!

— Как ты нетерпелив, Друсс. Слушай. Согласно легенде, шаманы извлекли из земли всю ее магическую силу и поместили в волка. Они сделали это, чтобы управлять судьбой надиров. Но один из шаманов выкрал Глаза Альказарра, и волшебство пропало. Лишившись своих богов, надирские племена, мирные прежде, ополчились друг на друга, и начались страшные войны, которые длятся и по сей день. Ну, вот тебе и сказочка на сон грядущий.

— А что стало с тем, который украл глаза?

— Понятия не имею.

— Вот за что я ненавижу твои истории, поэт. Им не хватает подробностей. Почему магия перешла в волка? Зачем шаман украл глаза? Где они теперь?

— Я не сержусь на твои придирки, старый конь, — улыбнулся Зибен. — А знаешь почему? Прошел слух, будто ты прихворнул, и ставки на Клая возросли до двенадцати к одному.

— Прихворнул? Я сроду не хворал. Откуда взялась эта сплетня?

— Полагаю, возникла после того, как ты не явился на пир в честь Бога-Короля.

— Проклятие, я забыл! И ты сказал, что я болен?

— Я сказал, что ты еще не оправился от полученных в бою ушибов. Твой будущий противник был там и спрашивал о тебе. Хороший парень. Он надеется, что пророчество не повлияет на твой стиль боя.

— Какое такое пророчество?

— О твоем поражении, — беззаботно бросил Зибен. — Не стоит об этом задумываться. Впрочем, можешь спросить его сам. Он пригласил тебя к себе завтра вечером, и я буду благодарен, если ты примешь приглашение.

— Благодарен? Как видно, тут замешана женщина?

— Ну, если начистоту, я и правда встретил во дворце одну славненькую служаночку. По-моему, она думает, что я — иноземный принц.

— С чего бы это?

— Понятия не имею. Но так или иначе, завтра я пригласил ее сюда на обед. Притом я думаю, что Клай тебе понравится. Он человек остроумный, светский и почти не проявляет высокомерия.

— Ну-ну, — проворчал Друсс. — Он мне уже нравится.

Глава 2

Дом из серого камня на улице Ткачей был построен поготирски — в два этажа, с красной черепичной крышей, — но внутри переделан на чиадзийский манер. В нем не осталось ни одной прямоугольной комнаты — углы сменились дугами, окружностями, овалами или сочетанием того и другого. Дверные проемы округлились тоже, и даже готирские окна, столь правильные снаружи, внутри щеголяли круглыми рамами.

В маленьком центральном кабинете Чорин-Цу сидел, поджав ноги, на вышитом ковре из чиадзийского шелка и смотрел немигающими карими глазами на человека, сидящего перед ним. В темных глазах пришельца виднелась настороженность, и хотя он преклонил колени, как подобало гостю перед хозяином дома, был напряжен и готов взвиться в любой миг. Он напоминал Чорин-Цу свернувшуюся кольцом змею — спокойную на вид, но готовую ужалить. Талисман оглядывал закругленные стены с барельефами из лакированного дерева и акварелями в лакированных рамах. Взгляд скользил, не задерживаясь на красотах искусства, и вскоре вновь остановился на маленьком чиадзе. «Нравится ли он мне? — думал Чорин-Цу среди затянувшегося молчания. — Можно ли ему доверять? Почему судьба выбрала именно его для спасения своего народа?» Чорин-Цу, не мигая, вглядывался в лицо юноши. Высокий лоб — что часто служит признаком ума — и цвет кожи ближе к золотистому чиадзийскому оттенку, чем к надирской желтизне. Сколько ему лет? Девятнадцать? Двадцать? Всего лишь... Однако от него веет властью, силой человека, уверенного в своей цели. «Да, ты искушен не по годам, — думал старик. — Что же ты видишь перед собой, юный воин? Сморщенного старца, светильник, в котором масло почти иссякло и огонь уже колеблется? Старца в комнате с красивыми картинками? Но когда-то я был крепок, как ты теперь, и мною тоже владели великие мечты». При мысли о былых мечтах Чорин-Цу очнулся и осознал, что смотрит прямо в угольно-черные глаза Талисмана. Старика коснулся мимолетный страх — глаза были холодны, и в них читалось нетерпение.

— Будь добр, покажи мне знак, — тихо, почти шепотом сказал на южном языке Чорин-Цу. Талисман достал из-за пазухи монету с головой волка и подал ему. Старик взял ее дрожащими пальцами и стал разглядывать. Взгляд Талисмана прилип к одинокой белой косице на макушке бритой головы Чорин-Цу.

— Любопытная монета, юноша, — но, к сожалению, такая может оказаться у кого угодно. Ты мог отнять ее у настоящего посланника.

— Носта-хан сказал мне, что ты провидец, Чорин-Цу, — холодно улыбнулся Талисман. — Стало быть, тебе не составит труда узнать, кто я такой.

На ковре стояли две мелкие глиняные чаши с водой. Надир взял одну, однако Чорин-Цу остановил его.

— Не теперь еще, Талисман. Прости, но я сам скажу тебе, когда пить. Что до слов Носта-хана, их не

следует понимать буквально. Я никогда не был ясновидящим в полном смысле слова, зато всю свою жизнь учился. Учился своему ремеслу, изучал историю и предметы, оставленные ею в земле, но усерднее всего изучал людей. И чем больше я узнавал человеческий род, тем лучше понимал его слабости. Это может показаться странным — но чем шире делает наука кругозор человека, тем смиреннее он становится. Впрочем, прошу прощения: надирам несвойственно увлекаться философией.

— Ты хочешь сказать, что это занятие не для дикарей? — беззлобно осведомился надир. — Быть может, мне следует сослаться на философа-священника Дардалиона, который сказал: «Каждый ответ влечет за собой семь новых вопросов. Поэтому умножение знаний всего лишь помогает понять, сколько еще осталось непознанным». Достаточно ли будет этих слов, мастер-бальзамировщик?

Чорин-Цу, скрывая удивление, низко поклонился:

— Вполне достаточно, молодой человек. Прошу тебя простить старика за невольную грубость. Для меня это особые дни, и боюсь, волнение дурно сказывается на моих манерах.

— Я не обижен. Степная жизнь сурова и почти не оставляет времени для философских размышлений.

— Не хочу усугублять свою невежливость, молодой человек, — снова поклонился чиадзе, — но нельзя ли узнать, как мог надирский воин приобщиться к мудрости Дардалиона, главы Тридцати?

— Говорят, что не все секреты следует раскрывать — это придает остроту общению. Ты говорил о своих занятиях.

Чорин-Цу все больше начинал нравиться этот юноша.

— Да. В мои занятия входили также астрология, нумерология, гадание по рунам, хиромантия и начала магии. И все же столь многое еще остается непознанным! Вот тебе пример. — Старик достал из-за пояса нож с рукояткой из слоновой кости и указал им на круглую настенную мишень шагах в двадцати от себя. — Когда я был моложе, я попадал в золотой центр этой мишени. Но годы, как видишь, скрючили мои пальцы. Сделай это за меня, Талисман.

Молодой надир взвесил клинок на ладони, отвел руку и метнул нож. Серебристая сталь, сверкнув в свете лампы, вонзилась в цель на палец до золотого «яблочка».

— Эта мишень покрыта мелкими знаками. Подойди и назови мне тот, в который вонзился нож.

Талисман, подойдя, увидел, что вся мишень испещрена золотыми чиадзийскими иероглифами. Большин-

ства из них он не знал, но клинок пробил овал с тонким когтем посередине — этот символ Талисман понимал.

— Так что же? — спросил Чорин-Цу, и Талисман назвал ему знак.

— Хорошо. Сядь снова рядом со мной, мой мальчик.

— Я выдержал твое испытание?

— Пока только первое. А вот второе: испей из одной из этих чаш.

— В которой из них яд? — Чорин-Цу промолчал, и Талисман добавил: — Мне что-то расхотелось пить.

— И все же ты должен.

— Скажи мне, какую цель ты преследуешь, старик, — тогда я решу.

— Я видел, Талисман, что нож ты метать умеешь. А вот умеешь ли ты думать? Достоин ли того, чтобы служить Собирателю, чтобы привести его к своему народу? Ты верно предположил: в одной из чаш содержится смертельный яд. Ты умрешь, как только он коснется твоих губ. В другой — чистая вода. Как же сделать правильный выбор?

— Этих сведений недостаточно, — ответил Талисман.

— Ошибаешься.

Талисман задумался, прикрыв глаза, припоминая каждое слово, сказанное стариком. Он повертел в пальцах левую чашу, потом взял правую. Обе были одинаковы. Талисман перевел взгляд на ковер, и внезапная улыбка тронула его губы. Ковер был покрыт теми же символами, что и мишень, и овал с когтем помещался под левой чашей. Талисман отпил из нее — вода была холодной и приятной на вкус.

— Ты наблюдателен — это хорошо, — сказал Чорин-Цу. — Но не странно ли, что ты попал ножом в нужный знак, хотя на мишени начертано еще двенадцать?

— Откуда же ты знал, что я в него попаду?

— Об этом мне поведали звезды. Носта-хан тоже знает. Он — благодаря своему Дару, я — благодаря своей науке. А теперь ответь: каким будет третье испытание?

Талисман сделал глубокий вдох.

— Коготь — знак Ошикая, Гонителя Демонов, овал — его жены Шуль-сен. Когда Ошикай посватался к Шуль-сен, ее отец поставил перед ним три задачи. Первая требовала меткости, вторая — смекалки, третья — самопожертвования. Ошикай должен был убить демона, который был его другом. У меня нет друзей демонов, Чорин-Цу.

— Этот миф, как и все прочие, имеет свой потаенный смысл. Ошикай был человеком беспокойным, под-

верженным вспышкам ярости. Демон был частью его самого, дикой и опасной стороной его натуры. Отец Шуль-сен знал об этом и хотел, чтобы Ошикай любил свою жену до гроба, никогда не причинял ей зла и не оставил ее ради другой.

— Но какое отношение все это имеет ко мне?

— Прямое. — Чорин-Цу хлопнул в ладоши, и вошла молодая женщина-чиадзе. Поклонившись обоим мужчинам, она опустилась на колени и коснулась лбом пола у ног Чорин-Цу. Талисман хорошо видел ее при свечах. Очень красивая, с волосами как вороново крыло и большими миндалевидными глазами. Губы полные, и фигура кажется особенно стройной в белой шелковой рубахе и длинной атласной юбке.

— Это Зусаи, моя внучка. Я хочу, чтобы ты взял ее с собой. Того же желают Носта-хан и твой отец.

— А если я откажусь?

— Я не скажу тебе больше ни слова. Ты покинешь мой дом и вернешься к юртам своего племени.

— А как же дело, которое я должен исполнить?

— Оно совершится без моей помощи.

— Я еще не готов взять себе жену. Моя жизнь посвящена мщению и Собирателю. И даже если бы я решил жениться, я как сын вождя имею право сам выбрать себе невесту. Я предпочел бы, конечно, чтобы она была надиркой. Я очень уважаю чиадзе — но это не мой народ.

Чорин-Цу подался вперед:

— Нет у вождя никаких прав — в этом заключается одна из тайн власти. Притом ты заблуждаешься, молодой человек. Зусаи не тебе предназначена в жены. Она обещана Собирателю и станет его Шуль-сен.

— Тогда я не понимаю, — с заметным облегчением проговорил Талисман, — в чем же здесь жертва с моей стороны?

— Берешь ты Зусаи под свою опеку? Обязуешься защищать ее даже ценой собственной жизни?

— Если так надо, я готов. Но в чем здесь жертва?

— Возможно, жертвы и не потребуется. Зусаи, покажи нашему гостю его комнату.

Девушка, поклонившись еще раз, молча встала, и Талисман последовал за ней.

В конце короткого коридора Зусаи открыла дверь в комнату, увешанную коврами, с разостланными на полу одеялами. Стульев здесь не было, украшений тоже.

— Спасибо, Зусаи, — сказал Талисман. — Скажи, ты когда-нибудь бывала в пустыне?

— Нет, мой господин.

— Тебя не волнует предстоящее путешествие? Мы поедем через враждебные земли, где нас ждет много опасностей.

— Меня страшит только одна, мой господин.

— Какая же? — Когда он задал этот вопрос, в глазах Зусаи появился блеск, и лицо напряглось. Решительная женщина на миг сменила спокойную, приветливую девушку — и тут же снова надела маску.

— О страхах лучше не говорить, господин. Страх сродни магии. Доброй вам ночи. — И она закрыла за собой дверь.

Звучный смех Зибена наполнил всю комнату, и дренайский посол покраснел.

— Не знаю, что смешного вы здесь находите. Мы говорим о дипломатии, а в ней нет места чьим-то капризам.

Поэт вгляделся в худощавое лицо посла. Волосы цвета стали тщательно причесаны и слегка надушены, туалет безупречен и очень дорого стоит. На Майоне голубой шелковый камзол с золотой отделкой и белый шерстяной плащ. Пальцы посла теребят багряный шарф, сколотый серебряной брошью в виде ставшего на дыбы коня — символом его чина. Майон сердит и не скрывает этого — что, по мнению Зибена, просто оскорбительно. Дипломаты — отменные лицедеи и при всех обстоятельствах сохраняют любезный вид, когда говорят с вышестоящими.

— Вы согласны со мной? — спросил Майон.

— Я редко противоречу политикам. Даже самые плохонькие из вас способны убедить меня в том, что конский навоз имеет вкус медовой коврижки, а лучшие запросто внушат, что я один на целом свете не понимаю его сладости.

— Вы меня оскорбляете, — возмутился Майон.

— Прошу прощения, посол. Это было задумано как комплимент.

— Беретесь вы уговорить его или нет? Это дело первостепенной важности. Клянусь памятью Миссаэля, речь может зайти о войне!

— Не сомневаюсь, посол. Ведь я видел Бога-Короля. — Майон поспешно поднес палец к губам, Зибен усмехнулся. — Вождь, вдохновленный свыше, — подмигнул он. — Я всей душой стою за правителя, способного сместить министра и посадить на его место своего любимого кота.

Майон, подойдя к двери, приоткрыл ее и выглянул в коридор. Вернувшись обратно, он встал перед поэтом.

— Никогда не следует высмеивать правителя, особенно когда вы находитесь у него в столице. Дренай-

ский и готирский народы живут в мире — и пусть это продолжается как можно дольше.

— И чтобы обеспечить этот мир, Друсс должен проиграть Клаю? — Улыбка Зибена померкла.

— Если говорить простыми словами, дело обстоит именно так. Победа Друсса была бы крайне нежелательна.

— Понятно. Я вижу, вы не слишком верите в пророчество Бога-Короля?

Майон налил себе вина и пропустил глоток.

— Это вопрос не веры, Зибен, а политики. Бог-Король пророчествует каждый год в это самое время, и его пророчества сбываются. Есть такие, которые верят в это: ведь пророчества касаются большей частью людских поступков, и сами люди заботятся о том, чтобы предсказания осуществились. Другие просто признают божественную природу своего императора. А в данном случае даже и спорить незачем. Он предсказал, что золото достанется Клаю, — и если Друсс победит, это будет расценено как оскорбление Бога-Короля и как дренайский заговор с целью подрыва его власти. Последствия подобного шага могут быть губительны.

— Он поставит своего кота во главе войска и двинет его на Дрос-Дельнох? Какой ужас!

— Да есть ли хоть толика мозгов в вашей красивой голове? Войско, о котором вы говорите, насчитывает более пятидесяти тысяч человек, и многие из них — ветераны, закаленные в битвах с надирскими племенами и сатулийскими захватчиками. Но дело даже не в этом. В Готире существуют три основные партии. Одна из них верит в божественное право готиров повелевать всем миром. Вторая желает завоевать мир, не утруждая себя вопросом о божественном праве. Вам ясно? Каждая партия по причинам, ведомым только ей, ненавидит другую. Эта страна балансирует на грани гражданской войны. Пока они так враждуют между собой, дренаи могут быть спокойны, им не придется платить дорогой ценой за готирское нашествие.

— Дорогой ценой? Вы о деньгах?

— Да, и о деньгах тоже, — с неприкрытым раздражением ответил Майон. — Набор рекрутов, их подготовка, новые доспехи и мечи. Провизия, чтобы кормить их. А где брать рекрутов? От земли — крестьян и мелких хозяев. А когда их возьмут в солдаты, кто будет убирать урожай? Ответ прост: многие поля так и останутся несжатыми. Что будет с ценами на зерно? Они взлетят вверх. И что в итоге? Крепость выстоит, люди отправятся по домам и увидят, что налоги в связи

с войной сильно возросли. И мы получим пятьдесят тысяч обученных солдат, недовольных правительством.

— Вы не упомянули о мертвецах.

— Умно подмечено. Трупы — это опасность заразы и расходы на похороны. Притом останутся калеки — вечная статья государственного призрения.

— По-моему, вы высказались ясно, посол. Ваше человеколюбие делает вам честь. Но вы говорили о трех партиях, а рассказали только о двух.

— Третья — это королевская гвардия. Десять тысяч человек, цвет готирского войска. Это они возвели Бога-Короля на трон после последнего переворота, они его там и удерживают. Обе другие партии недостаточно сильны, чтобы обеспечить себе победу без поддержки гвардии. Поэтому никто не делает решительного шага — и хорошо бы такое положение продлить.

— А безумец тем временем сидит себе на троне, — усмехнулся Зибен, — отмечая свое царствование казнями, пытками и вынужденными самоубийствами.

— Пусть об этом беспокоятся готиры, Зибен. Наша забота — это дренаи, в том числе и те три тысячи, которые живут на готирских землях и окажутся под угрозой при любом проявлении враждебности. Купцы, работники, врачи — и дипломаты тоже. Разве их жизни ничего не значат, Зибен?

— Браво, Майон, — похлопал в ладоши Зибен. — Итак, мы переходим к медовой коврижке из лошадиного навоза. Конечно же, их жизни имеют великую ценность. Но Друсс не отвечает ни за них, ни за действия безумца. Разве вы этого не понимаете, посол? Ни вы, ни Бог-Король ничего не сможете изменить. Друсс не дурак, но на жизнь смотрит крайне просто. Он выйдет на бой с Клаем и сделает все, чтобы победить. Никто не сможет отговорить его от этого. Все ваши аргументы пропадут впустую. Друсс скажет, что Бог-Король может поступать как угодно — что это дело его совести. Впрочем, причина, по которой Друсс откажет вам, будет еще проще.

— Что же это за причина?

— Сдаться было бы неправильно.

— А вы еще говорите, что он умен! — вспылил Майон. — Неправильно, подумать только! При чем здесь неправильно? Мы имеем дело с... весьма чувствительным и незаурядным правителем...

— Мы имеем дело с сумасшедшим — не будь он королем, его следовало бы посадить под замок для его же блага.

Майон потер усталые глаза.

— Хорошо. Вы насмехаетесь над политикой, издеваетесь над дипломатией. Но как, по-вашему, нам удается сохранить мир? Я скажу вам как, Зибен. Такие люди, как я, отправляются в такие места, как это, где нас кормят вашими коврижками из навоза. Мы же улыбаемся и говорим, что они весьма питательны. Мы лавируем между чужими амбициями, поглаживая при этом всех. И все это не ради личной выгоды, а ради мира и благополучия. Ради того, чтобы дренайские купцы, крестьяне, чиновники и ремесленники могли растить своих детей спокойно. Друсс у нас герой — он может позволить себе жить собственной жизнью и резать правду в глаза. Дипломатам это недоступно. Ну что, поможете мне уговорить его?

Зибен встал:

— Нет, посол, я не стану помогать вам. Вы не правы — пусть даже вами руководят благие побуждения. — Поэт дошел до двери и остановился. — Быть может, вы слишком долго питаетесь этими коврижками и вошли во вкус.

Слуга за стенной панелью заторопился прочь, чтобы доложить о подслушанной беседе.

Гарен-Цзен, приподняв подол своего пурпурного одеяния, осторожно сошел по истертым каменным ступеням в подземелье. Здесь царило зловоние, но чиадзе не обращал на это внимания. В темницах должно царить зловоние. Узники, брошенные сюда, должны страдать и от мрака, и от сырости, и от запаха. Так пахнет страх — это облегчает допрос.

Министр постоял, прислушиваясь, в тюремном коридоре. Слева, за толстыми стенами, слышались глухие рыдания.

— Кто это плачет? — спросил Гарен-Цзен у несущих караул стражников.

Один из них, жирный бородач с испорченными зубами, громко фыркнул.

— Маурин, мой господин. Он здесь со вчерашнего дня.

— Я повидаю его после разговора с сенатором, — сказал Гарен-Цзен.

— Так точно. — Стражники посторонились, и министр медленно прошел в застенок. Там ожидал пожилой человек с распухшим синим лицом и почти закрывшимся правым глазом. Кровь запятнала его белую рубашку.

— Доброе утро, сенатор, — поздоровался Гарен-Цзен, садясь на стул с высокой спинкой, подставленный ему стражником. Узник смотрел на него злобно. — Итак, вы отказываетесь содействовать нам?

Узник глубоко, прерывисто вздохнул.

— Я принадлежу к королевскому роду, Гарен-Цзен. И закон запрещает пытки.

— Ах, закон. Он запрещает также заговоры с целью убийства короля. И не одобряет попыток свержения законного правительства.

— Разумеется! — вспылил сенатор. — Вот почему я никогда не замышлял ничего подобного. Этот человек — мой племянник. Вы полагаете, что я способен убить моего кровного родственника?

— Теперь вы добавляете к обвинениям против себя еще и ересь. Нельзя именовать Бога-Короля человеком.

— Я обмолвился.

— Такие обмолвки обходятся дорого. Но перейдем к делу. У вас имеется четыре сына, три дочери, семеро внуков, четырнадцать двоюродных братьев и сестер, жена и две любовницы. Буду с вами откровенен, сенатор. Вы все равно умрете. Вопрос лишь в том, умрете вы в одиночестве или вместе со всей своей семьей.

Все краски исчезли с лица узника — но мужества он не утратил.

— Ты хитрый дьявол, Гарен-Цзен. Моего племянника короля еще можно извинить — бедный мальчик не в своем уме. Но ты-то — умный, просвещенный человек. Да проклянут тебя боги!

— Не сомневаюсь, они это сделают. Что ж, отдать мне приказ об аресте вашей семьи? Не уверен, что вашей супруге понравится здешний воздух.

— Чего ты от меня хочешь?

— Мною готовится некий документ. Когда он будет готов и подписан вами, вам разрешат принять яд, и вашу семью оставят в покое. А теперь прошу меня извинить. — Гарен-Цзен встал. — Меня ждут другие изменники.

— Здесь только один изменник — и это ты, чиадзийский пес. Когда-нибудь тебя, визжащего, приволокут в этот самый застенок.

— Возможно, сенатор, возможно — но вы этого уже не увидите.

Час спустя Гарен-Цзен вышел из ароматной ванны. Молодой прислужник обернул его горячим полотенцем, осторожно обсушивая золотистую кожу. Второй слуга тем временем втирал душистое масло в спину и плечи министра. Когда он закончил, мальчик подал свежее пурпурное платье. Чиадзе поднял руки, позволив себя облачить, вдел ноги в рас-

шитые домашние туфли, приготовленные на ковре, и удалился в свой кабинет. Письменный стол из резного дуба только что натерли воском, надушенным лавандой. На столе стояли три чернильницы и четыре свежих белых гусиных пера. Усевшись в мягкое кожаное кресло, Гарен-Цзен взял перо, чистый лист плотной бумаги и начал свой доклад.

Когда на дворе прозвонил полуденный колокол, в дверь постучали.

— Войдите, — сказал министр, и худощавый темноволосый человек с поклоном подошел к его столу. — Да, Орет, докладывай.

— Сыновья сенатора Гиалла арестованы. Его жена покончила с собой. Прочие члены семьи разбежались, но мы их разыскиваем. Жена Маурина перевела свои сбережения банкиру в Дренане: восемьдесят тысяч золотом. Два его брата уже там, в дренайской столице.

— Отправь послание нашим людям в Дренане. Пусть расправятся с предателями.

— Слушаюсь.

— Что-нибудь еще, Орет?

— Только одна мелочь, господин. Дренайский боец, Друсс. Он, по-видимому, намерен бороться за победу. Посол попытается уговорить его, но друг бойца, Зибен, утверждает, что это невозможно.

— Кто у нас пасет этого бойца?

— Джарид и Копасс.

— Я говорил с Клаем, и он сказал, что дренай будет нелегким противником. Хорошо — пусть Друсса подстерегут и порежут немного. Глубокой раны будет довольно.

— Дело может оказаться не таким уж простым, господин. Этот человек недавно вступил в драку и побил нескольких грабителей. Возможно, его придется убить.

— Ну так убейте. Я занят куда более важными делами, Орет, и не располагаю временем для подобных пустяков. — Гарен-Цзен обмакнул перо в чернильницу и снова начал писать.

Орет с поклоном попятился прочь.

Гарен-Цзен трудился еще около часа, и все это время слова сенатора продолжали звучать у него в голове: «Когда-нибудь тебя, визжащего, приволокут в этот самый застенок». Да, в нынешние времена это вполне возможно. Сейчас Гарен-Цзен находится на самой вершине горы. Это очень нестойкая позиция, ибо зависит целиком от капризов безумца. Отложив перо, министр задумался о будущем. Пока что,

главным образом благодаря его усилиям, обе соперничающие партии сохраняют равновесие. Но такая гармония долго не продержится, болезнь короля развивается с ужасающей быстротой. Скоро его безумие станет слишком трудно сдерживать, и все кончится кровавой бойней.

— Вершина горы, — со вздохом проговорил Гарен-Цзен. — Нет, это не гора, а вулкан, который вот-вот взорвется.

Тут дверь отворилась, и вошел воин средних лет, мощного сложения, в длинном черном плаще королевского гвардейца. Гарен-Цзен устремил на него свои разные глаза.

— Добрый день, господин Гарган. Чем могу служить?

Вошедший тяжело опустился на стул и водрузил на стол свой роскошный шлем из бронзы и серебра.

— Этот безумец убил свою жену.

Двое гвардейцев ввели Чорин-Цу за ограду дворца. Еще двое шли позади, неся сундучок со средствами и инструментами, необходимыми для бальзамирования. Старик тяжело дышал, поспешая за солдатами. Вопросов он не задавал.

Гвардейцы, пройдя через людскую, поднялись по застланной ковром лестнице в королевские покои. Миновав знаменитый Чертог Наложниц, они завернули в часовню, где склонились перед золотым изваянием Бога-Короля. Здесь солдаты двигались медленнее, стараясь не шуметь, и Чорин-Цу воспользовался случаем, чтобы отдышаться. Наконец они приблизились к двойным дверям, ведущим в опочивальню. Снаружи ожидали двое: воин с раздвоенной бородой чугунного цвета и первый министр Гарен-Цзен в своем пурпурном облачении. Высокий и тонкий как лоза, с ничего не выражающим лицом.

Чорин-Цу поклонился соотечественнику и проговорил на чиадзе:

— Да благословят вас Боги Высоких Небес.

— Неучтиво и неподобающе говорить на иноземном языке в королевских покоях, — выговорил ему Гарен-Цзен на южном наречии. Чорин-Цу поклонился снова. Длинные пальцы Гарен-Цзена коснулись второй костяшки на правой руке. Затем он скрестил руки на груди, касаясь указательным пальцем бицепса. Чорин-Цу понял смысл сказанного: «Делай, что тебе прикажут, — и останешься жив!»

— Прошу прощения, мой господин, — сказал бальзамировщик. — Не гневайтесь на вашего ничтожного слугу. — Сложив руки перед собой, он склонился еще ниже, касаясь большими пальцами подбородка.

— Мы нуждаемся в твоих услугах, мастер. Никто другой не войдет в эту комнату, пока ты не завершить свою... работу. Ты понял?

— Разумеется, мой господин. — Гвардейцы поставили сундучок Чорин-Цу у дверей. Гарен-Цзен приоткрыл створку ровно настолько, чтобы мастер с сундучком мог протиснуться.

Дверь закрылась за Чорин-Цу, и он огляделся. Ковры и пологи королевского ложа были из тончайшего чиадзийского шелка. Само ложе украшала искусная резьба, покрытая позолотой. Каждая вещь в комнате говорила о богатстве и роскоши, доступным только монархам.

Даже покойница...

Она была подвешена за руки на золотых цепях к потолку над кроватью, и простыни под ней промокли от крови. Чорин-Цу видел королеву только дважды: один раз во время шествия в честь ее свадьбы и второй — две недели назад, в начале Игр. Она открывала Игры в своей новой роли Бокат, богини мудрости. В тот раз Чорин-Цу рассмотрел ее как следует. Ее глаза казались пустыми, и она с трудом выговаривала слова благословения. Мастер пододвинул к себе стул и сел, глядя на мертвое тело.

На королеве, как и при открытии Игр, был шлем богини — золотой, с крыльями и длинными щитками, закрывающими щеки. Чорин-Цу знал готирскую мифологию не слишком хорошо, но достаточно. Бокат была женой Миссаэля, бога войны. Их сын Каалес, Владыка Битв, вышел из чрева матери уже взрослым.

Но безумца вдохновил на убийство другой миф. Готирские боги воевали друг с другом, и земля пылала от огненных стрел Миссаэля. Один из его врагов взял Бокат в плен и подвесил ее на цепях близ Волшебного Града. Миссаэля же предупредили, что, если он пойдет на город войной, первой падет его жена. Тогда он взял свой лук и выстрелил ей в сердце, а после со своими соратниками ринулся на приступ, взял город и перебил всех, кто в нем был. Когда бой завершился, он вынул стрелу из груди жены и поцеловал рану. Она тут же затянулась, Бокат ожила и обняла своего супруга.

Здесь, в этой комнате, кто-то пытался повторить древнее предание. Окровавленная стрела лежала на полу. Чорин-Цу устало поднялся и освободил тонкие запястья покойницы от золотых оков. Тело упало на кровать, шлем слетел с головы и с глухим стуком покатился по полу. Светлые волосы королевы рассыпались, и Чорин-Цу увидел, что на корнях они тусклого мышиного цвета.

Вошел Гарен-Цзен и сказал, пользуясь знаками:

«Бог-Король пытался спасти ее. Видя, что кровь не останавливается, он пришел в панику и послал за придворным лекарем».

«Здесь всюду кровь, — тоже знаками ответил Чорин-Цу. — Я не могу заниматься своим делом в таких условиях».

«Придется! Никто другой не должен знать... — пальцы Гарен-Цзена помедлили, — о совершенной здесь глупости».

«Значит, лекарь мертв?»

«Да».

«То же будет и со мной, когда я закончу работу».

«Нет. Я договорился — тебя выведут из дворца, и ты убежишь на юг, в Дрос-Дельнох».

«Благодарю вас, Гарен-Цзен».

«Я поставлю за дверью сундук. Сложи в него... все грязное белье».

— Сколько тебе понадобится времени, чтобы подготовить ее? — спросил министр уже вслух.

— Три часа, возможно, чуть больше.

— Я вернусь к этому сроку.

Министр вышел, и Чорин-Цу вздохнул. Этот человек лжет: не будет никакого бегства на юг. Чорин-Цу отогнал эту мысль и начал доставать склянки с бальзамирующим раствором, ножики и скребки, аккуратно раскладывая все это на столике у кровати.

Золоченая панель в задней стене отодвинулась, и Чорин-Цу упал на колени, потупив взор, — но успел увидеть покрытый золотой краской королевский лик и засохшую кровь на губах, которыми император целовал рану на груди своей жены.

— Сейчас я ее оживлю. — Бог-Король встал на колени рядом с мертвой и прижался губами к ее губам. — Приди ко мне, сестра моя и жена. Открой глаза, богиня мертвых. Вернись ко мне — я приказываю!

Чорин-Цу стоял на коленях, не открывая глаз.

— Я приказываю тебе! — вскричал Бог-Король. Потом он разразился рыданиями и долго плакал. — Ах, — вздохнул он вдруг. — Она дразнит меня, она только притворяется мертвой. Кто ты такой?

Чорин-Цу вздрогнул, поняв, что король обращается к нему, открыл глаза — и взглянул в лицо безумию. Блестящие голубые глаза на золотой маске смотрели приветливо и дружелюбно. Чорин-Цу сделал глубокий вдох.

— Я придворный бальзамировщик, ваше величество.

— Глаза у тебя раскосые, но ты не надир. И кожа у тебя такая же, как у моего друга Гарена. Ты чиадзе?

— Да, ваше величество.

— У тебя на родине тоже поклоняются мне?

— Я прожил здесь сорок два года, государь, — и, к сожалению, не получаю вестей из дома.

— Поговори со мной. Сядь вот сюда, на кровать.

Чорин-Цу встал, глядя на молодого короля. Среднего сложения, стройный, он походил на свою сестру. Волосы, как и кожа, были окрашены в золотой цвет, глаза поражали яркой голубизной.

— Почему она не оживает? Я ведь приказал ей.

— Боюсь, государь, что королева перешла... в другое свое царство.

— В другое? Ну да, богиня мудрости была и царицей мертвых! Ты так думаешь? Когда же она вернется?

— Как может смертный предсказать это, государь? Деяния богов непостижимы для таких, как я.

— Это так. И ты, пожалуй, прав, бальзамировщик. Теперь она правит мертвыми. Надеюсь, она будет счастлива там. Среди мертвых есть много наших друзей, которые будут служить ей. Очень много. Думаешь, я для того и послал их туда? Ну конечно же. Я знал, что Бокат переселится к мертвым, и отправил их вперед, чтобы они могли ее встретить. Я только притворялся, что гневаюсь на них. — Король радостно заулыбался и захлопал в ладоши. — Для чего это? — спросил он, взяв в руки длинный бронзовый инструмент, похожий на вилку.

— Это... помогает мне в работе, государь. Служит для того, чтобы предмет моих трудов оставался вечно прекрасным.

— Понимаю. Какие острые у него крючки! А зачем все эти ножи и скребки?

— Мертвым не нужны внутренности, государь. Внутренностям свойственно разлагаться. Чтобы тело оставалось всегда прекрасным, их следует удалить.

Бог-король встал, заглянул в сундучок Чорин-Цу и достал оттуда склянку со множеством хрустальных глаз.

— Не буду тебе мешать, мастер, — весело сказал он. — У меня много дел. Осталось еще немало друзей Бокат, которые захотят последовать за ней. Я должен составить список.

Чорин-Цу молча отвесил глубокий поклон.

Зибен ошибался. Когда Майон заговорил с Друссом о пророчестве, тот не стал отказывать сразу. Воин слушал молча, без всякого выражения в светлых холодных глазах. Когда посол закончил, он встал со стула и сказал:

— Я подумаю.

— Но, Друсс, здесь столько надо принять во внимание...

— Я сказал, что подумаю. А теперь уйдите. — Его голос пробрал Майона холодом, словно зимний ветер.

В послеполуденные часы Друсс, одетый по-будничному в рубашку с широкими рукавами из мягкой бурой кожи, шерстяные штаны и сапоги до колен, прошел через город, не обращая внимания на слуг, спешащих за покупками, мужчин, толпящихся возле трактиров, женщин, обходящих лавки, и влюбленных, гуляющих рука об руку. Он прокладывал путь в толпе, непрестанно думая о просьбе посла.

Когда работорговцы напали на деревню Друсса и захватили молодых женщин, в том числе и Ровену, он, не задумываясь, пустился за разбойниками в погоню. Это было правильно! Там не были затронуты ни политические, ни моральные вопросы.

А теперь все так запутано. «Такое решение будет почетным», — уверял его Майон. Но почему? Потому что это спасет тысячи дренайских жизней. Однако поддаться прихоти безумца, потерпеть унижение и быть побитым — разве это почетно?

С другой стороны, его победа может привести к войне. Стоит ли рисковать этим ради выигранного кулачного боя, спрашивал Майон. Ради удовольствия повалить человека на землю.

Друсс пересек Парк Великанов и сквозь Мраморную Арку свернул налево, к Лебединой Долине, где стоял дом Клая. Здесь жили богатые люди, дороги были обсажены деревьями, дома красивы, в усадьбах сверкали пруды и фонтаны, и прекрасные статуи стояли вдоль извилистых дорожек, бегущих через ухоженные сады.

Все здесь говорило об огромных количествах золота. Друсс вырос в горной деревушке, где дома строились из грубо обтесанных, скрепленных глиной бревен, а звонкая монета была такой же редкостью, как честь у шлюхи. Он смотрел во все глаза на особняки из белого мрамора с золочеными колоннами, яркими фресками, резными карнизами, под крышами из красной черепицы или черного лентрийского сланца.

Друсс шел все дальше, разыскивая дом первого готирского бойца, и наконец нашел. Перед высокими чугунными воротами стояли двое часовых в серебряных панцирях, вооруженные короткими мечами. Дом был хорош, хотя и не так роскошен, как соседние: квадратный, с покатой красной крышей, без колонн и живописных фресок, из простого белого камня. Карниз тянулся только над парадным входом, а в окнах не было ни цветных стекол, ни вычурных рам. К своему немалому раздражению, Друсс понял, что ему

чем-то нравится хозяин этого дома и сада, где росли ивы и буки.

Однако и здесь не преминули пустить пыль в глаза. Посреди тщательно подстриженной лужайки на пьедестале возвышалась статуя бойца, почти вдвое больше натуральной величины. Как и дом, она была сделана из белого, ничем не украшенного камня и представляла Клая с вызывающе поднятыми кулаками.

Друсс постоял немного на широкой аллее за воротами. Какое-то движение в тени привлекло его внимание, и он заметил мальчишку, засевшего за стволом старого вяза. Друсс усмехнулся:

— Хочешь поглядеть на великого человека, так?

Мальчишка молча кивнул. Он был страшно худ, глаза ввалившиеся, личико с кулачок. Друсс нашарил в кошельке у пояса серебряную монету и бросил ему.

— Ступай-ка отсюда да купи себе чего-нибудь поесть.

Мальчик поймал монету, спрятал ее под рваную куртку, но остался на месте.

— Такая тебе охота его увидеть? Даже голод не помеха? Ну тогда пошли со мной. Я тебя проведу.

Мальчик просиял и вылез из своего укрытия. Стоя, он казался еще более тощим — локти и коленки у него были толще бицепсов и ляжек. Рядом с мощной фигурой дренайского бойца мальчуган походил на бесплотную тень.

Вместе они подошли к воротам, но часовые преградили им дорогу.

— Я Друсс. Меня приглашали.

— Ну уж этого попрошайку точно не приглашали, — сказал стражник.

Друсс подался вперед, впившись ему в глаза холодным взглядом, — между их лицами оставалось всего несколько дюймов. Часовой отстранился, стремясь увеличить расстояние, но Друсс надвигался на него, пока панцирь служаки не лязгнул о ворота.

— Его пригласил я, парень. Есть возражения?

— Никаких.

Часовые расступились, открыв ворота, и Друсс с мальчуганом вошли. Друсс остановился посмотреть на статую, потом еще раз окинул взглядом дом и участок. Статуя была здесь не на месте, не гармонировала с естественной прелестью сада. Они подошли к дому, и пожилой слуга с поклоном открыл парадную дверь.

— Милости просим, высокородный Друсс.

— Я не высокородный и не желаю быть таковым. Этот малыш сидел в засаде, чтобы хоть одним глазком поглядеть на Клая, — вот я его и привел.

— М-м, — протянул слуга. — Сдается мне, прежде его не мешало бы покормить. Я отведу его на кухню. Хозяин ждет вас, господин, на ристалище за домом. Пройдите вперед и окажетесь там... — Старик взял мальчика за руку и удалился.

Друсс вышел с другой стороны дома. Около двадцати атлетов проделывали там различные упражнения или сражались друг с другом. Участок был хорошо распланирован — три песчаных круга, мешки для отработки кулачных ударов, весы, массажные столы и два фонтана, подающие свежую воду. В дальнем конце виднелся бассейн, где плавали несколько человек. Этот незатейливый вид согрел сердце Друсса. На одном из кругов бились на кулачках двое, а третий, могучий Клай, стоял рядом, наблюдая за боем. В предвечернем свете его коротко остриженные светлые волосы отливали золотом. Он стоял, скрестив руки на груди, показывая во всей красе мощные мышцы плеч и спины, плавно сходящие к узким бедрам. Воплощенная сила и легкость, подумал Друсс.

— Разойдись! — скомандовал Клай и вошел в круг. — Ты слишком зажат, Калас, и левая у тебя движется, как больная черепаха. Уж очень негармонично ты развит. Ты наращиваешь мускулы на плечах и руках — да, это даст тебе силу, но и нижней частью тела пренебрегать нельзя. Самые убийственные удары обеспечиваются ногами — сила поступает в плечи и руки от бедер, и когда она доходит до кулака, он бьет как молния. Завтра будешь работать с Шонаном. — Клай положил руку на плечо другому бойцу. — Ты показываешь хорошую выучку, мальчик, но тебе недостает чутья. Все у тебя есть — и мужество, и стиль, только бойцовского сердца нет. Ты смотришь одними глазами. Шонан говорит, ты добился отличных успехов с копьем — пожалуй, на нем пока и сосредоточимся.

Оба противника поклонились и разошлись.

Клай обернулся, увидел Друсса и с широкой улыбкой зашагал ему навстречу, еще издали протягивая руку. Он был на голову выше Друсса и шире в плечах. Ни лоб, ни скулы на плоском лице почти не выдавались. Вряд ли прямой удар сможет рассечь ему кожу под глазом или бровью, а подбородок у него квадратный и крепкий. Лицо прирожденного бойца.

Друсс пожал протянутую руку.

— Вот таким и должно быть ристалище, — сказал дренай. — Все продумано с большим толком.

— Приятно слышать, — кивнул готир, — хотя я желал бы, чтобы оно было побольше. Здесь мало места для метания копья или диска. Мой наставник Шонан использует для этого соседнее поле. Пойдемте, я покажу вам наше хозяйство. — Четыре массажиста на площадке умело разминали усталым атлетам мышцы, тут же рядом находилась и баня с двумя горячими бассейнами. Гость и хозяин обошли все, и наконец Клай увел Друсса обратно в дом.

Стены хозяйского кабинета были увешаны рисунками с изображениями мышц и связок человеческого тела. Друсс никогда еще таких не видел.

— Среди моих друзей есть врачи, — пояснил готир. — В их обучение входит вскрытие трупов — они должны знать, как что у человека работает. Захватывающее зрелище, правда? Почти все наши мускулы работают наперекор друг дружке. Чтобы бицепс напрягся, трицепс должен расслабиться и вытянуться.

— А какая вам от этого польза? — спросил Друсс.

— Это помогает мне находить равновесие. Гармонию, если хотите. Оба этих мускула жизненно важны друг для друга, и глупо было бы развивать один за счет другого. Понимаете?

Друсс кивнул:

— У меня в Машрапуре был друг, боец по имени Борча. Его бы это захватило не меньше, чем меня.

— Я слышал о нем. Он обучал вас и помог вам завоевать первенство. Когда вы покинули Машрапур, он стал первым в истории бойцом, который отвоевал свой титул сильнейшего обратно. Он удалился на покой шесть лет назад, проиграв Прозеккису в бою, который длился чуть ли не два часа.

Слуга принес кувшин и наполнил кубки.

— Очень освежает, — заметил Друсс, отведав.

— Сок четырех плодов. Я нахожу его бодрящим.

— Я предпочитаю вино.

— Да, говорят, что красное вино питает кровь, но, по-моему, оно все же мешает подготовить бойца как следует. — Они помолчали немного, и Клай растянулся на кушетке. — Вам хотелось бы знать, зачем я пригласил вас сюда, верно?

— Сначала я думал, что вы хотите меня напугать, — но теперь больше так не думаю.

— Вот и славно. Я хотел сказать вам, что мне неприятно было услышать о пророчестве. А вас это, должно быть, и вовсе бесит. Я терпеть не могу, когда к честному соревнованию примешивают всякие интриги, — вот и хотел успокоить вас на этот счет.

— Каким образом?

— Убедить вас бороться за победу. Показать все, на что вы способны.

Друсс, откинувшись назад, пристально посмотрел на Клая:

— Почему же тогда мой собственный посол убеждает меня поступить как раз наоборот? Почему вы желаете видеть своего короля униженным?

— Вы неверно меня поняли, Друсс, — рассмеялся Клай. — Я видел, как вы деретесь. Вы прекрасный боец — с сердцем и чутьем. Я спросил Шонана, что он думает о нас обоих, и он сказал: «Если бы мне предложили поставить все свои деньги на кого-то из вас, это был бы ты. Но если бы мне нужен был кто-то для защиты моей жизни, это был бы Друсс». Я человек самоуверенный, мой друг, но эта самоуверенность проистекает не из тщеславия. Я знаю себе цену, знаю, на что я способен. Мои приятели-врачи говорят, что я — чудо природы. Сила у меня невероятная, и проворство не уступает ей. Встаньте-ка ненадолго.

Друсс встал, и Клай принял боевую стойку на расстоянии вытянутой руки от него.

— Сейчас я вырву волосок из вашей бороды. Остановите меня, если сможете.

Друсс приготовился. Рука Клая устремилась вперед, и Друсс ощутил легкую боль на месте вырванных волосков. Сам он не успел и рукой шевельнуть. Клай вернулся на свою лежанку.

— Вам не удастся побить меня, Друсс. Это никому не под силу. Именно поэтому вы можете не обращать на пророчество никакого внимания.

— Вы мне нравитесь, Клай, — улыбнулся Друсс, — и если бы золото давали за вырванные волоски, вы бы победили. Но мы еще вернемся к этому разговору после финального боя.

— Вы будете бороться за победу?

— Как всегда, парень.

— Клянусь небом, Друсс, ты пришелся мне по сердцу. Ты не привык сдаваться, да? Поэтому тебя и зовут Легендой?

— Нет. Просто я имел несчастье подружиться с поэтом-сказителем. Куда бы я теперь ни отправился, он выдумывает обо мне новые истории, еще чуднее прежних. Удивительно, как это люди в них верят. Чем больше я говорю, что этого не было, тем крепче они верят.

Клай и Друсс снова вышли на ристалище. Все атлеты уже разошлись, и слуги зажгли факелы.

— Я знаю, в чем тут дело, — сказал Клай. — Все думают, что ты отнекиваешься из скромности. Людям

нравится верить в героев. Однажды во время учебного боя я вышел из себя и ударил ребром ладони каменную статую. Сломал себе три кости. Теперь сто человек уверяют, что от моего удара статуя разбилась на мелкие кусочки, а еще двадцать клянутся, что видели это своими глазами. Ты пообедаешь со мной?

— Спасибо. По дороге сюда я проходил мимо трактира — там готовили какое-то ароматное мясо, и мне с тех пор не терпится его отведать.

— Трактир с голубыми стеклами в окнах?

— Да. Ты его знаешь?

— Он называется «Сломанный меч» и славится лучшим в Гульготире поваром. Я хотел бы пойти с тобой, но у меня разговор с Шонаном.

— Мне было бы приятно твое общество. Мой друг Зибен принимает у нас дома некую красотку и будет недоволен, если я заявлюсь слишком рано. Может, посидим завтра, после финала?

— С удовольствием.

— Кстати, у тебя есть еще гость. Уличный мальчонка, который караулил тебя снаружи. Буду тебе благодарен, если ты обойдешься с ним ласково и скажешь ему пару слов.

— Непременно. Приятного тебе аппетита.

Глава 3

Келлс облизал пальцы и отломил еще кусочек черного хлеба, чтобы подобрать весь соус без остатка. Старый слуга усмехнулся:

— Давай-ка я тебе подбавлю. — Он снял с плиты горшок и наполнил миску до краев. Келлс, явно обрадованный, взял ложку и атаковал жаркое с новым пылом. В считанные мгновения он очистил миску и громко рыгнул.

— Меня зовут Кармол, — сказал старик, протянув ему руку. Келлс нерешительно вложил в нее свою грязную ладошку. — Ну а теперь ты назови мне свое имя.

Келлс посмотрел в лицо, покрытое морщинами — их было особенно много около веселых голубых глаз.

— Зачем? — В этом вопросе не было дерзости, только любопытство.

— Зачем? Ну, так уж принято, когда двое делят трапезу. Так люди знакомятся и могут потом стать друзьями. — Голос у старика был добрый, и в улыбке не замечалось ехидства.

— Меня зовут Быстрая Рука.

— Мать тебя тоже так зовет?

— Нет, она зовет меня Келлс. А все остальные — Быстрая Рука. Вкусное у тебя жаркое, и хлеб мягкий, свежий. Я уж знаю, какой свежий хлеб на вкус. — Келлс слез со скамейки и снова рыгнул. В кухне было тепло и уютно, хорошо бы свернуться на полу у плиты и поспать. Да нельзя — он еще не закончил свое дело. — А когда я смогу увидеть... господина Клая?

— У тебя что, дело к нему?

— Да нет, какое у меня может быть дело. Так... на бедность хотел попросить. — Келлс счел, что нищий все-таки лучше, чем вор или грабитель.

— Так ты просить сюда пришел?

— Ну да. Когда я его увижу?

— Он очень занятой человек. Я сам могу дать тебе пару монеток — и еще миску жаркого.

— Не нужны мне деньги... — Келлс наморщил лоб. — Впрочем, от тебя бы я взял, а вот от него — нет.

— Чего ж ты тогда хочешь? — Кармол сел на скамью.

Келлс придвинулся поближе. Ведь не будет вреда от того, что он откроет свой секрет слуге господина Клая? Старик, глядишь, еще и посодействует ему.

— Мне надо, чтобы он возложил руки на мою мать.

Старик расхохотался, и Келлс сощурился: тут не над чем было смеяться. Кармол, увидев выражение его лица, осекся.

— Извини, парень. Просто ты застал меня врасплох. С чего это тебе захотелось, чтобы мой хозяин... сотворил подобную вещь?

— Потому что я знаю, — понизил голос Келлс. — Я никому не говорил, за тайну можно не опасаться. Но он бы мог уделить немного волшебства и для моей мамы. Мог бы убрать опухоль. Тогда мама снова бы стала ходить и смеяться, начала бы работать и покупать еду.

Улыбка сбежала с лица Кармола, и он ласково положил руку мальчику на плечо.

— Ты веришь, что господин Клай... волшебник?

— Он бог, — прошептал Келлс. Кармол молчал, и мальчик забеспокоился. — Клянусь, я никому не скажу.

— Откуда же ты это взял, юный Келлс?

— Я сам видел, как он совершил чудо — в прошлом году. Мама привела к себе... друга, вот я и сидел в

нашем переулке под навесом. Была гроза, молнии так и сверкали. Одна ударила прямо в переулок, и я услышал громкий треск. Чье-то тело подкатилось ко мне и стукнулось о стену. Я выскочил наружу. Это была Длинная Тэсс — она мамина напарница и работает на Длинной улице. Шла, видно, домой, а молния попала в нее и убила наповал. Я пощупал ее шею — жилка не билась. Приложил ухо к груди — и сердце не бьется. Тут подъехала карета, и я шмыгнул обратно в укрытие — подумают еще, что это я ее убил. Гляжу, господин Клай выскакивает из экипажа и подходит к Тэсс. Он тоже потрогал ее шею, послушал сердце... а потом сделал это. — Дыхание Келлса участилось под действием воспоминаний, и сердце стучало вовсю. — Он наклонился и поцеловал ее! Я глазам своим не поверил. Поцеловал мертвую, прямо в губы — как любовник. И знаешь, что случилось потом?

— Нет. Скажи.

— Она застонала — и ожила. Тогда я все понял. Но ничего не сказал — даже Тэсс. У нее остались ожоги на ногах, и одна сережка расплавилась и приварилась к коже. Но даже Тэсс не знает, что воскресла из мертвых.

— Вот так история, парень, — вздохнул старик. — Мне сдается, ты должен повторить ее господину Клаю. Сиди тут, а я пойду спрошу, не уделит ли он тебе минутку. Тут есть фрукты — ешь сколько влезет.

Келлсу не надо было повторять дважды. Не успел Кармол выйти, мальчишка сгреб пару спелых апельсинов и горсть бананов. И принялся уплетать все это, запивая фруктовым соком, который обнаружил в каменном кувшине.

Вот блаженство-то! Вкусная еда — и чудо в придачу!

Нынче он хорошо потрудился. Сидя у теплой плиты, Келлс думал, что сказать богу, как лучше объяснить ему, что мать больна и не может работать. Это не потому, что она ленится. Когда у нее на груди появилась первая шишка, она продолжала работать, хотя то и дело падала в обморок. Потом шишка затвердела, сделалась заметнее, некоторые клиенты стали ею брезговать, и ей приходилось работать дольше, притом в переулках, где дело совершается наспех и в темноте. А после на шее у нее выросла вторая шишка — большая, как апельсин, который Келлс только что съел. И никто не хотел больше платить ей за услуги. Лицо у матери сделалось пепельно-серым, под глазами легли темные круги. А уж исхудала-то как! Страшно исхудала, несмотря на всю еду, которую Келлс воровал для нее.

Он расскажет это богу — и тот все поправит.

Не то что тот лекарь, которого позвала Длинная Тэсс. Он взял пять серебряных монет — и ничего не сделал!

Нет, он, конечно, ощупал шишки и провел руками по всему телу. Грязная свинья! Потом пошептал что-то Тэсс и покачал головой. Тэсс заплакала, поговорила с мамой, и та тоже стала плакать.

Келлс задремал у огня — и проснулся, когда над ним склонился бог.

— Ты устал, мальчик. Поспи еще, если хочешь.

— Нет! — Келлс привстал на коленки. — Вы должны пойти со мной, господин. У меня мама больна.

Клай со вздохом кивнул:

— Кармол рассказал мне о том, что ты видел. Но это не было чудом, Келлс. Один врач, мой приятель, научил меня этой штуке. У женщины от удара молнии остановилось сердце — я помассировал его и вдул воздух ей в легкие. Никакого волшебства в этом не было, клянусь.

— Она была мертва! Вы вернули ее к жизни!

— Но без помощи волшебства.

— Значит, я не получу от вас помощи?

— Я сделаю, что могу, Келлс. Кармол уже отправился за врачом, о котором я тебе говорил. Когда они вернутся, мы пойдем к твоей матери и посмотрим, чем ей можно помочь.

Келлс тихо сидел в углу, пока седовласый врач осматривал Лойру. Старик осторожно надавил на шишки, пощупал живот, спину и пах. Все это время умирающая стонала в полубреду — только боль не давала ей забыться окончательно. Ее рыжие волосы стали сальными, бледное лицо блестело от пота. Но Келлсу она и теперь казалась красавицей. Он слышал, что врач говорит Клаю, но ничего не понимал. Да и не надо было понимать — стоило послушать, каким похоронным тоном это говорится. Она умирает — и нет бога, который исцелил бы ее. Гнев жег горло Келлса, как желчь. Келлс сглатывал гнев, и горячие слезы текли по его грязным щекам. Он заморгал, силясь сдержать их. Длинная Тэсс стояла в другом углу, скрестив на груди костлявые руки. На ней было потрепанное красное платье — знак ее ремесла.

— Надо забрать ее в больницу, — сказал врач.

— А что это такое? — Келлс поднялся с пола.

Старый лекарь стал рядом с ним на колени.

— Это место, которое содержит господин Клай. Там лежат люди... чью болезнь уже нельзя вылечить. У нас там есть лекарства, чтобы облегчить их боль. Ты тоже можешь отправиться туда, юноша, и будешь сидеть с ней.

— Она умрет, да?

Клай положил руку на тощее плечо Келлса.

— Да, мальчик. Здесь мы бессильны. Эдуз — самый лучший врач в Гульготире, самый знающий.

— Нам нечем заплатить за это, — с горечью признался Келлс.

— Господин Клай уже заплатил, — сказал Эдуз. — Эту больницу он построил для тех, у кого ничего нет. Понимаешь?

— Не надо, дружище, — прервал Клай. — Он верил в меня, а я его подвел, и никакие слова не могут смягчить этого разочарования. — Атлет наклонился над кроватью и взял женщину на руки, прислонив ее голову к своей груди.

Больная снова испустила стон, и Тэсс погладила ее по голове.

— Все хорошо, голубка. Мы о тебе позаботимся. Тэсс тебя не оставит, и Келлс тоже.

Клай отнес Лойру к своей черной карете. Когда Тэсс и Келлс сели, он уложил больную, впавшую в беспамятство, на мягкое сиденье и сел рядом с ней. Врач, Эдуз, устроился рядом с кучером. Тот хлопнул вожжами по спинам четверки лошадей, и карета покатилась. Больная, очнувшись, закричала от боли, и Келлсу показалось, что у него сейчас разорвется сердце.

Ехать им было недолго: больницу построили недалеко от квартала бедноты, и скоро Клай внес Лойру в дом с белыми стенами. Келлс шел за ним. Служители в длинных белых балахонах бросились на помощь атлету, уложили Лойру на носилки и укрыли толстым одеялом из белой шерсти. Эдуз провел их по длинному коридору в комнату, самую большую из всех, которые Келлсу доводилось видеть. Вдоль северной и южной стен стояли койки, на которых лежали больные и умирающие. По комнате расхаживало много народу: служители в белом, посетители, пришедшие навестить родных и друзей, врачи, готовящие лекарства. Люди с носилками, пройдя через все помещение, вышли в другой коридор и доставили мать в комнату поменьше, футов двенадцати в длину.

Лойру переложили на одну из двух узких кроватей, застланных чистым белым бельем, и укрыли одеялом. Когда служители ушли, Эдуз приподнял голову больной и влил ей в рот какую-то темную жидкость из пузырька. Лойра поперхнулась и проглотила. Немного лекарства вытекло ей на подбородок. Эдуз вытер его платком и снова опустил ее голову на подушку.

— Можешь спать с ней здесь, Келлс. И ты тоже, — сказал он Тэсс.

— Я не могу. Мне работать надо.

— Я заплачу тебе... сколько следует, — сказал Клай.

— Не в этом дело, красавчик, — улыбнулась щербатым ртом Тэсс. — Если я уйду со своей делянки, мое место займет другая шлюха. Мне надо быть там. Но я приду сюда, как только смогу. — Она поднесла руку Клая к губам и поцеловала. Потом отвернулась в смущении и вышла.

Келлс взял мать за руку. Она уснула, но кожа у нее была горячая и шершавая на ощупь. Мальчик вздохнул и сел на край кровати.

Клай и Эдуз вышли из комнаты, и Келлс услышал, как Клай шепотом спросил:

— Сколько ей осталось?

— Трудно сказать. Раковые опухоли сильно разрослись. Она может умереть сегодня ночью или протянуть еще месяц. Шел бы ты домой, тебе ведь завтра драться. Я видел, как бьется этот дренай, — тебе надо предстать в наилучшем виде.

— Я буду на высоте, дружище, но домой пока не пойду. Лучше прогуляюсь немного, подышу воздухом. Знаешь, мне никогда не хотелось быть богом — до нынешнего вечера.

Келлс услышал, как атлет зашагал прочь.

Джарид был человек осторожный и думающий. Мало кто понимал это, глядя на здоровенного, как медведь, плечистого детину. Говорил он медленно, и все полагали, что и с мозгами у него не все ладно. Но Джарид не стремился никого разуверить. Зачем? Рожденный в трущобах Гульготира, он рано смекнул, что единственный способ добиться успеха — перехитрить своего ближнего. Прежде всего он усвоил, что мораль — оружие богатых. В чистом виде ни добра, ни зла не существует. Вся жизнь — сплошное воровство в том или ином виде. Богатые свое воровство называют налогами, а король может обокрасть целую страну, вторгшись в ее пределы, — и это зовется блистательной победой. А попробуй нищий украсть ковригу хлеба, его мигом повесят. Но Джарида не проведешь. Первого человека он убил, как только ему минуло двенадцать, — это был толстый купец, имя которого он давно позабыл. Джарид пырнул его ножом в пах и срезал с пояса кошелек. Купец еще долго вопил, и этот звук преследовал Джарида, улепетывающего по переулку. На украденные деньги мальчуган купил лекарства для матери и сестры и еду для их тощих животов.

Теперь, в сорок четыре года, Джарид стал признанным наемным убийцей. Он так прославился, что его мастерство привлекло внимание государства, и ныне услуги Джарида оплачивались из королевской казны. Его даже внесли в

списки налогоплательщиков — это значило, что он сделался полноправным гражданином и может участвовать в выборах. У него был домик в юго-восточном квартале и экономка, которая заодно грела ему постель. Далеко не богач, Джарид все же прошел большой путь от мелкого воришки, каким был прежде.

Со своего места в переулке он видел, как Друсс вошел в трактир «Сломанный меч», и последовал за ним. Дренай заказал мясо, и служанка сказала ему, что народу нынче полно и потому блюдо поспеет не сразу.

Джарид, выйдя вон, сбегал туда, где прятался Копасс, дал ему указания и снова затаился во мраке. Копасс вскоре вернулся с дюжиной крепких бойцов, вооруженных ножами и дубинками. У одного был короткий арбалет. Джарид взял стрелка за локоть и отвел в сторону.

— Стреляй только в самом крайнем случае, если другие потерпят неудачу. Тебе все равно заплатят, пустишь ты стрелу или нет. Твоя мишень — чернобородый дренай в темной кожаной рубахе, ты его ни с кем не спутаешь.

— А почему бы не убить его, как только он выйдет на порог?

— Потому что я так велю, недоумок! Это первый дренайский боец. Нам довольно, если его просто ранят, понял?

— Кому это — нам?

— На завтрашний бой ставят большие деньги, — улыбнулся Джарид. — Если хочешь, я назову тебе имя моего хозяина, но знай: сразу же после этого я сверну тебе шею. Тебе выбирать. Ну так как, сказать или нет?

— Не надо. Я понял. Но и ты пойми: если твои ребята оплошают, мне придется стрелять в темноте по движущейся цели. Я не могу ручаться, что убью его. Как же быть?

— Тебе заплатят в любом случае. Занимай позицию. — Джарид собрал в кружок остальных и заговорил тихо, почти шепотом: — Дренай — опасный боец и очень сильный. Как только кто-то из вас пырнет его выше пояса — в спину, грудь или в руку, — разбегайтесь. Поняли? Это не смертный бой — глубокой раны нам хватит.

— Прошу прощения, сударь, — сказал тощий малый с недостающими передними зубами, — но я поставил на Клая. Не пропадут ли мои денежки, если дренай не сможет драться?

— Нет. Ставки делаются на то, что Клай получит золото. Если дренай не выйдет на поединок, золото сразу достанется Клаю, только и всего.

— А если нож войдет слишком глубоко и он помрет? — спросил другой.

— Жизнь — игра случая, — пожал плечами Джарид.

Обговорив все, что нужно, он прошел по переулку на пустырь и нырнул в какую-то темную дверь. Длинная Тэсс стояла у разбитого зеркала, спустив свое красное платье до пояса, и обмывалась холодной водой.

— Жарко нынче, — сказала она, улыбнувшись Джариду. Он, не ответив на улыбку, больно заломил ей руку. Тэсс вскрикнула.

— Заткнись! Говорил я тебе, чтобы в эту ночь никаких больше клиентов?! Мне женщина свежая нужна.

— Да у меня никого и не было, красавчик. Бежала всю дорогу от больницы, вот и вспотела.

— Больница? С чего это? — Он отпустил ее и отошел на шаг.

Тэсс потерла тощую руку.

— Лойру забрали туда вечером. Клай приехал за ней и отвез ее в своей карете, вон оно как. Не карета — игрушечка, Джарид. Черное лакированное дерево, мягкие кожаные сиденья и атласные подушки. Теперь ее уложили в постель, а простыни уж такие белые, словно их из облаков ткали.

— Не знал, что она и с Клаем спала.

— Не спала она. Мальчишка ее, Быстрая Рука, сбегал и упросил Клая помочь. Теперь за Лойрой уход, и лекарства ей дают, и кормят.

— Ты лучше говори правду, девушка. — Джарид взял в ладонь отвисшую грудь Тэсс.

— Да когда я тебе врала-то, красавчик? — зашептала она. — Ты ж мой миленький, других нету.

Тэсс направила свою руку вниз и стала думать о другом. Все в этой игре было для нее таким знакомым, что больше не требовало внимания. Постанывая, лаская и принимая ласки, Тэсс думала о Лойре. Неправильно это, когда женщину кладут на такие чистые простыни только для того, чтобы умереть. Много раз они с Лойрой жались вместе под тонким одеялом в зимние ночи, когда холодный ветер сгонял с улицы всех клиентов. И мечтали вслух об огне, который горит целый день, о пуховых подушках и перинах, об одеялах из тончайшей шерсти. И хихикали, обнимая друг дружку. Теперь мечта бедной Лойры вроде как сбылась, а она об этом даже и не узнает. Скоро она умрет и в миг смерти испачкает своими нечистотами эти чистые, белые простыни.

Мужчина двигал бедрами все сильнее и чаще, и Тэсс принялась стонать ему в такт, выгибая навстречу свое тощее тело. Он хрипло дышал ей в ухо и наконец обмяк, придавив ее. Она погладила его затылок.

— Ты просто чудо, красавчик. Ты мой миленький — других нет.

Джарид слез с нее, подтянул штаны и встал. Тэсс разгладила красное платье и села. Он дал ей целую серебряную монету.

— Не хочешь остаться, Джарид? У меня вино есть.

— Не могу — дела. — Он улыбнулся ей. — Хорошо нам сегодня было.

— Лучше и не бывает.

Глава 4

Друсс доел и отодвинул деревянное блюдо. Вкусное было мясо — постное, но нежное, приправленное специями, с густой темной подливкой. Но Друсс, несмотря на все это, почти его не распробовал. Он был растерян и тосковал. Встреча с Клаем ничему не помогла. Проклятие — ему нравился этот парень!

Друсс выпил кружку до половины. Эль был жидкий, но освежал и навевал воспоминания о юности, о пиве, которое варили в горах. Друсс вырос среди простых людей и незатейливых удовольствий, среди мужчин и женщин, которые работали от зари до зари, чтобы у их семей был хлеб на столе. Летними вечерами они часто собирались в общественном доме, пили пиво, пели песни и рассказывали истории. Политика, соглашательство, измена своим идеалам — они обо всем этом и не помышляли. Они жили тяжелой, но простой жизнью.

Для Друсса эта жизнь кончилась, когда предатель Коллан напал на их деревню, перебил мужчин и женщин постарше, а молодых увел в рабство.

Среди них была жена Друсса Ровена, любовь его и жизнь. Сам он во время набега валил лес высоко в горах. Вернувшись в разрушенную деревню, Друсс пустился в погоню за убийцами и догнал их.

Он убил многих разбойников и освободил женщин, но Ровены уже не было с ними: Коллан увез ее в Машрапур и продал вентрийскому купцу.

Чтобы заработать деньги на проезд в Вентрию, Друсс сделался кулачным бойцом на песчаных кругах Машрапура. С каждым зубодробительным ударом натура молодого крестьянина менялась — он оттачивал природную силу и злость, пока не стал первым в городе бойцом.

В конце концов он вместе с Зибеном и вентрийским офицером Бодасеном отправился за море и на войне быстро завоевал себе славу смертельно опасного воина. Его прозвали Серебряным Убийцей из-за блестящего двуострого топора Снаги.

Друсс участвовал в десятке битв и сотне стычек. Много раз его ранили, но победа всегда оставалась за ним.

Когда много лет спустя Друсс нашел Ровену и привез ее домой, он искренне верил, что скитания и битвы остались позади, как кровавый сон. Но Ровена знала его лучше. День ото дня Друсс становился все суровее. Он уже не был крестьянином и не находил радости в том, чтобы возделывать землю или выращивать скот. Прошло чуть больше года, и он отправился в Дрос-Дельнох, чтобы вступить в ополчение против сатулийских кочевников. Полгода спустя, когда сатулов оттеснили обратно в горы, он вернулся домой со свежими шрамами и утешительными воспоминаниями.

...Он закрыл глаза и вспомнил, что сказала ему Ровена в ту ночь, когда он вернулся с сатулийской компании. Сидя на козьей шкуре перед огнем, она тронула его за руку: «Бедный мой Друсс. Как можно жить войной? Войны так быстро проходят».

Он прочел печаль в ее ореховых глазах и попытался найти ответ поточнее. «Война — не просто драка, Ровена. Это еще и товарищество, и огонь в крови, и преодоление страха. Только перед лицом опасности я чувствую себя... мужчиной».

«Такой уж ты есть, любимый, — вздохнула Ровена. — Но это меня печалит. Ведь так хорошо добывать себе пропитание, возделывая землю, смотреть, как восходит солнце над горами и луна, дробясь, отражается в озерах. В этом есть и довольство, и радость, но они не для тебя. Скажи, Друсс, почему ты обошел весь свет, чтобы найти меня?»

«Потому что люблю тебя. Ты для меня — все».

«Будь это правдой, тебе не хотелось бы уйти от меня и снова отправиться на войну. Посмотри на наших соседей. Разве они рвутся в бой?»

Друсс встал, подошел к окну и распахнул ставни, глядя на далекие звезды.

«Я уже не такой, как они. И не знаю, был ли таким. Я создан для войны, Ровена».

«Я знаю, Друсс, — грустно сказала она. — Знаю...»

...Допив свое пиво, Друсс встретился взглядом с белокурой служанкой, махнул кружкой и сказал:

— Еще!

— Сию минуту, сударь, — ответила она. В трактире, почти полном, было светло и шумно. Друсс вы-

брал место в угловой нише — там он мог сидеть спиной к стене и наблюдать за остальными. Обычно ему была по душе странная музыка трактиров, складывающаяся из смеха, разговоров, звяканья тарелок и кружек, шарканья ног и стульев, — но не теперь.

Служанка принесла вторую кружку — девица была цветущая, полногрудая и широкобедрая.

— Ну как, сударь, понравилась вам наша еда? — спросила она, кладя руку ему на плечо и запуская пальцы в коротко остриженные волосы. Ровена часто делала то же самое, когда он был неспокоен или сердит, и это всегда успокаивало его. Друсс улыбнулся:

— Пища королей, девочка. Да только я не насладился ею как следует. Слишком много мне надо решить, а мозгов-то и не хватает.

— Надо бы вам отдохнуть в женском обществе, — сказала она, гладя теперь его бороду.

Он мягко отвел ее руку.

— Моя женщина осталась далеко, девочка, но она всегда близка моему сердцу. И красива, как ты. Вот вернусь к ней — и отдохну. — Друсс достал из кошелька две серебряные монеты. — Одна за еду, вторая тебе.

— Вы очень добры. Если вдруг передумаете...

— Да нет, не передумаю.

Она ушла, и Друсс вдруг ощутил на щеке холодное дуновение.

Все звуки в трактире умолкли. Друсс заморгал. Девушка застыла как статуя, и ее широкая юбка, колыхавшаяся на ходу, замерла в воздухе. Посетители трактира тоже застыли на своих местах. Друсс посмотрел на очаг — языки огня неподвижно стояли над поленьями, а сверху висел дым. Все свойственные трактиру запахи — жареного мяса, шипящих дров и застарелого пота — исчезли, сменившись тошнотворно-сладким ароматом корицы и горящего сандалового дерева.

Среди застывших гостей показался маленький надир в козьем кожухе — старый, но еще бодрый, с сальными редеющими черными волосами. Он прошел через комнату, сел напротив Друсса и сказал тихим свистящим голосом:

— Привет тебе, воин.

Друсс посмотрел в темные раскосые глаза и прочел там ненависть.

— Твое колдовство должно быть очень сильным, чтобы помешать мне свернуть твою хилую шею.

Старик усмехнулся, показав испорченные, поломанные зубы:

— Я здесь не для того, чтобы причинить тебе зло, воин. Я Носта-хан, шаман племени Волчьей Головы. Ты помог моему молодому другу Талисману, ты сражался рядом с ним.

— И что же из этого?

— Для меня это не пустяк. Мы, надиры, привыкли платить долги.

— Не надо мне никакой платы. Тебе нечего мне предложить.

— Не будь так уверен, воин. Не хочешь ли для начала узнать, что снаружи тебя поджидают двенадцать человек с ножами и дубинками? Они не хотят, чтобы ты дрался с готирским бойцом. Им приказано искалечить тебя по возможности, а в крайнем случае — убить.

— Похоже, все здесь хотят, чтобы я проиграл. Зачем ты предостерег меня? И чтобы я не слышал больше слов о расплате! Я вижу ненависть в твоих глазах.

Шаман, помолчав, произнес со злобой и с сожалением:

— Мой народ нуждается в тебе, воин.

— Нелегко тебе дались эти слова, верно? — холодно улыбнулся Друсс.

— Это так. Но ради моего народа я готов глотать раскаленные уголья, не говоря уже о том, чтобы сказать частицу правды круглоглазому. Твой предок когда-то помог нам. Он ненавидел надиров и все же помог моему деду в великой битве с готирами. Его подвиги приблизили приход Собирателя. Его звали Ангел, но надиры нарекли его Попробуй-Убей.

— Никогда не слыхал о нем.

— Вы, круглоглазые, омерзительны мне! Обзываете нас варварами, а сами не знаете деяний собственных предков. Однако к делу. Моя власть не безгранична, и скоро этот гнусный кабак оживет со всем своим шумом и вонью. Ангел был связан с надирами, Друсе. Связан кровью своей и судьбой. Так же как и ты. Я много раз подвергал свою жизнь опасности, погружаясь в бредовые сны, и каждый раз передо мной всплывало твое лицо. Я не знаю пока, какую роль тебе предстоит сыграть в предстоящих событиях. Быть может, она окажется самой незначительной, хотя вряд ли. Но как бы там ни было, я знаю место, в котором ты должен оказаться. Тебе необходимо отправиться в долину Слёз Шуль-сен. Это пять дней езды на восток. Там находится святилище, посвященное памяти Ошикая, Гонителя Демонов, величайшего из надирских воинов.

— Зачем я должен ехать туда? Тебе, может, это и нужно, но мне-то — нет.

— Позволь мне сказать тебе о Целебных Камнях, воин. Говорят, что нет такой раны, которую они не

могли бы исцелить. Кое-кто верит даже, что они способны воскрешать мертвых. А спрятаны они в святилище.

— Но я, как ты видишь, не ранен.

Старик отвел взгляд, и тайная улыбка мелькнула на его морщинистом лице.

— Да, ты не ранен. Но в Гульготире многое может случиться. Ты не забыл о людях, которые тебя поджидают? Помни же, Друсс: пять дней прямо на восток, в долину Слёз Шуль-сен.

В глазах у Друсса помутилось, шум трактира наполнил уши. Зашуршала юбка удаляющейся служанки. От шамана не осталось и следа.

Друсс допил остатки пива и встал. Если верить шаману, на улице его караулят громилы, нанятые, чтобы помешать ему сразиться с Клаем. Он глубоко вздохнул и подошел к длинной стойке на козлах. Хозяин, пузатый и краснолицый, спросил:

— Еще пивка, сударь?

— Нет. — Друсс положил на стойку серебряную монету. — Одолжи мне свою дубинку.

— Какую еще дубинку?

Друсс подался к нему, улыбаясь, как заговорщик:

— Я еще не видал такого трактирщика, дружище, который не держал бы под рукой увесистую дубинку. Я Друсс, дренайский боец, и мне сказали, что снаружи меня караулит целая шайка, чтобы избить и не дать сразиться с Клаем.

— Я на него поставил, — проворчал трактирщик. — Вот что, парень: давай-ка я сведу тебя в пивной погреб. Там есть потайная дверца, и ты уйдешь спокойно.

— Не нужна мне потайная дверца, дай мне свою дубинку.

— Когда-нибудь, парень, ты поймешь, что в драку по возможности лучше не лезть. Нет такого человека, которого нельзя побить. — Хозяин извлек из-под стойки восемнадцатидюймовую палицу из черного металла. — Снаружи она чугунная, внутри свинец. Вернешь, как управишься.

Друсс взвесил дубинку в руке — она была вдвое тяжелее короткого меча. Сунув ее в правый рукав, он вышел из трактира. У входа ошивалось несколько здоровенных парней в лохмотьях, по виду нищих. Справа собрались в кучку остальные. Увидев Друсса, они замерли.

— Ну, ребята, кто первый? — ухмыльнулся он. — Подходи.

— Я, — ответил высокий детина с лохматой бородой. Крепкий и плечистый, он явно не был нищим, несмотря на свой наряд. Друсс подметил, что шея у него белая и чистая, как и руки. Да и нож из вентрийской стали — такие

обходятся недешево. — По глазам вижу, что ты боишься, — сказал он, приближаясь. — Чую твой страх.

Друсс стоял, не двигаясь с места, и готир прыгнул вперед, целя ножом ему в плечо. Друсс отразил удар левой рукой, одновременно двинув противника в подбородок. Тот рухнул ничком на мостовую и больше не встал. Друсс вытряхнул дубинку из рукава в ладонь, ринулся на неприятелей, мельтешащих во мраке, и двинул плечом первого, сбив его с ног. Дубинка гвоздила налево и направо, круша врага. Чей-то нож оцарапал Друссу плечо. Друсс сгреб обидчика за рубаху, боднул головой, расквасив нос и скулы, и швырнул на двух его товарищей. Один из них, падая, распорол собственным ножом бок и завопил, второй попятился прочь. Но впереди маячили еще восемь человек, все с острыми клинками. Друсс понимал, что увечьем уже не отделается: он чуял ненависть и жажду крови.

— Ну, дренай, ты мертвец! — крикнул один из надвигающейся на Друсса стаи.

— Держись, Друсс, я иду! — внезапно крикнул кто-то.

Друсс взглянул налево и увидел Клая, возникшего из соседнего переулка. Громадный готир бросился на подмогу, и бандиты, узнав его, пустились наутек. Клай подбежал к Друссу, сказав с широкой усмешкой:

— Бурную, однако, жизнь ты ведешь, дружище.

Что-то сверкнуло в воздухе, и Друсс в один жуткий миг увидел множество вещей: лунный свет на лезвии ножа, метнувшего нож человека с торжеством на грязном лице — и руку Клая, с немыслимым проворством перехватившую клинок в нескольких дюймах от глаза Друсса.

Друсс тяжело, медленно перевел дух.

— Не знаю, парень, не знаю — но ты спас мне жизнь, и я этого не забуду.

— Пойдем-ка, приятель, — мне пришла охота поесть. — Клай обнял Друсса за плечи и повернулся к трактиру. В этот самый миг арбалетная стрела с черным оперением, просвистев в воздухе, вонзилась в спину готирского атлета. Клай вскрикнул и повалился на Друсса. Друсс пошатнулся и увидел стрелу, торчащую в спине Клая. Дренай осторожно опустил раненого наземь. Во мраке он увидел двух убегающих прочь человек. Один из них нес арбалет. Догнать бы их — но Друсс не мог бросить раненого Клая.

— Лежи смирно, я приведу лекаря.

— Что со мной такое, Друсс? Почему я лежу?

— В тебя попали из арбалета. Не двигайся!

— Я не могу пошевелить ногами, Друсс...

* * *

В застенке было холодно и сыро, грязная вода проточила дорожки на осклизлых стенах. Два бронзовых светильника бросали дрожащий свет, но не грели. Сидя у грубо сколоченного стола со следами засохшей и свежей крови, Чорин-Цу терпеливо ждал. Он старался собраться с мыслями и не вступал в разговоры с часовым, здоровенным солдатом в грязной кожаной куртке и рваных штанах, который, скрестив руки, стоял у двери. Лицо у стража было грубое, глаза жестокие. Чорин-Цу, не глядя на него, с беспристрастием ученого рассматривал комнату, но думал все-таки о стражнике. «Я знавал некрасивых, но хороших людей, — думал он, — знавал также красивых, но порочных — однако стоит только посмотреть на этого стражника, чтобы понять, какое он животное. Словно его зверская натура вырвалась наружу и вылепила эти черты, упрятав глаза в карманы жира и поставив их близко над толстым рябым носом и выпяченными отвислыми губами».

Черная крыса пробежала по комнате, и стражник пнул ее, но промахнулся. Крыса исчезла в дальнем углу.

— Вот гады! — прошипел стражник, недовольный, что опозорился на глазах у арестанта. — А тебе они, видно, по душе — вот и ладно. Скоро ты будешь жить вместе с ними. Они будут бегать по тебе, кусаться и напускать на тебя блох — а уж эти козявки попьют твоей крови!

Чорин-Цу молчал.

Гарен-Цзен появился внезапно, тихо отворив дверь. При свете ламп лицо министра отливало болезненной желтизной, глаза казались неестественно яркими. Чорин-Цу не поздоровался, не встал, не поклонился, как полагалось бы сделать чиадзе в присутствии министра. Он остался на месте с непроницаемым лицом.

Министр, отпустив стражника, сел напротив бальзамировщика.

— Прими мои извинения за столь негостеприимную обстановку, — сказал он на языке чиадзе. — Это необходимо для твоей же безопасности. Ты сотворил чудеса с королевой. Никогда еще она не была столь прекрасна.

— Благодарю вас, Гарен-Цзен, — холодно ответил старик. — Однако зачем я здесь? Вы обещали дать мне свободу.

— Так и будет, земляк, так и будет. Но сначала поговорим. Расскажи мне, почему тебя так интересуют надирские легенды.

Чорин-Цу устремил взгляд на министра. Это игра, исход у которой только один. «Мне предстоит уме-

реть, — подумал он, — умереть в этом холодном, проклятом месте». Ему хотелось швырнуть в лицо Гарен-Цзену свою ненависть, свой вызов. Сила этого чувства, идущего вразрез со всеми чиадзийскими учениями, удивляла его самого. Но ни единого признака этой внутренней борьбы не отразилось у Чорин-Цу на лице — он по-прежнему сидел тихо, с безмятежным взором.

— В основе всех легенд лежит истина, Гарен-Цзен. Я историк, и мне доставляет удовольствие докапываться до нее.

— Разумеется. Но в последние годы круг твоих изысканий сделался несколько уже, разве нет? Ты провел сотни часов в Большой Библиотеке, изучая сказания об Ошикае, Гонителе Демонов, и о Каменном Волке. Почему?

— Я польщен вашим интересом к моей особе, хотя и не понимаю, как человек с вашим положением и ответственностью может уделять столько времени чьей-то причуде.

— Мы наблюдаем за всеми жителями иноземного происхождения. Однако мой интерес к тебе имеет более глубокие корни. Ты ученый, и твои труды заслуживают более широкого признания. Для меня было бы честью услышать твое мнение о Каменном Волке. Но поскольку время дорого, будет, пожалуй, лучше, если ты просто расскажешь мне все, что сумел узнать о Глазах Альказарра.

Чорин-Цу едва заметно склонил голову.

— Будет, пожалуй, лучше, если мы продолжим этот разговор в более удобном месте.

Министр откинулся назад и сложил пальцы рук под длинным подбородком. Голос его, когда он заговорил, звучал холодно.

— Твой побег — дело дорогое и опасное, земляк. Во сколько ты ценишь свою жизнь?

Чорин-Цу удивился. Вопрос был вульгарен, ни один чиадзе знатного рода не стал бы его задавать.

— Гораздо дешевле, чем вы думаете, но гораздо дороже, чем я могу себе позволить.

— Полагаю, мы все же сойдемся, мастер. Цена ей — два драгоценных камня, ни больше ни меньше. Глаза Альказарра. Мне думается, ты знаешь, где они спрятаны. Я прав?

Чорин-Цу промолчал. Он уже много лет знал, что единственной наградой ему будет смерть, и думал, что приготовился к этому. Но теперь, в этом холоде и сырости, его сердце трепетало от ужаса. Он хотел жить! Подняв глаза, старик встретился со змеиным взглядом своего соотечественника и недрогнувшим голосом ответил:

— Допустим на миг, что вы правы. Что выиграет скромный бальзамировщик, поделившись с вами своим знанием?

— Что он выиграет? Свободу. Я даю тебе нерушимое слово чиадзийского вельможи — разве этого недостаточно?

Чорин-Цу, вздохнув, собрал остатки своего мужества.

— Слово чиадзийского вельможи действительно свято. В присутствии такого человека я не поколебался бы изложить все, что знаю. Быть может, вы пошлете за ним, чтобы мы могли закончить разговор?

Гарен-Цзен потемнел:

— Ты совершил роковую ошибку, ибо теперь тебе придется познакомиться с королевским палачом. Ты этого хочешь, Чорин-Цу? Уж он-то заставит тебя говорить. Ты будешь визжать и лепетать, как безумный, будешь рыдать и молить. Зачем подвергать себя таким мукам?

Чорин-Цу поразмыслил. Всю свою долгую жизнь он следовал чиадзийскому учению, в том числе и законам, подчиняющим волю человека правилам железного этикета. Вся чиадзийская культура основывалась на этом. А вот теперь он сидит и думает, как ответить на вопрос, которого ни один настоящий чиадзе не мог бы задать. Грубый, нелепый вопрос, приличный разве что варвару. Он посмотрел Гарен-Цзену в глаза — этот человек ждал ответа. Чорин-Цу вздохнул и впервые в жизни высказался, как варвар:

— Чтобы вышло не по-твоему, лживый пес.

Путь был долгим, погода жаркой. Солнце жгло голую степь, жара лишала сил и лошадей, и всадников. Водоем находился высоко в холмах, среди пластов глины и сланца. Немногие знали о его существовании, и однажды Талисман нашел высохшие кости путника, который умер от жажды меньше чем в пятидесяти футах от воды. Пруд насчитывал не больше двадцати футов в длину и двенадцати в ширину, но был очень глубок, и вода в нем обжигала холодом. Обиходив и спутав лошадей, Талисман скинул кафтан и стянул через голову рубашку. Пыль и песок забивались в поры, раздражая кожу. За рубашкой последовали сапоги и штаны. Раздевшись догола, Талисман подошел к краю водоема. Солнце палило, и нагретый камень обжигал ноги. Набрав воздуха, он плюхнулся в искрящуюся воду, подняв целый столб брызг, потом вынырнул и убрал с лица намокшие черные волосы.

Зусаи, одетая, сидела у пруда. Ее длинные волосы слиплись от пота. На лице и бледно-зеленом шелковом камзоле, таком красивом в Гульготире, густо лежала пыль.

— Умеешь ты плавать, Зусаи? — спросил он.

Она покачала головой.

— Хочешь, я тебя научу?

— Вы очень любезны, Талисман. Может быть, в другой раз.

Талисман подплыл к берегу, вылез и сел рядом с ней. Став на колени, она набрала в ладони воды и умылась. За два дня их совместного путешествия Зусаи ни разу не заговорила первой. Если разговор начинал Талисман, она отвечала ему со свойственной чиадзе учтивостью. Снова водрузив на голову широкополую соломенную шляпу, она продолжала сидеть на палящей жаре, не жалуясь и не глядя на него.

— Это нетрудно, — сказал Талисман. — И не опасно — я ведь буду держать тебя в воде. Зато какая там прохлада!

Она склонила голову и закрыла глаза.

— Благодарю вас, Талисман. Вы, право же, очень внимательны. Солнце палит нещадно. Быть может, вам лучше одеться, иначе оно сожжет вашу кожу.

— Нет, я еще поплаваю. — Он снова прыгнул в воду.

То, что он знал о чиадзе, ограничивалось их военной наукой с ее строгими ритуалами. Согласно готирским книгам, многие их кампании выигрывались без всякого кровопролития — армии просто маневрировали, пока одна из них не признавала преимущества другой. Это никак не помогало ему понять Зусаи. Перевернувшись на спину, Талисман растянулся на воде. Ему все труднее становилось терпеть хорошие манеры этой девицы. Улыбнувшись, он снова подплыл к берегу и оперся локтем о камень.

— Ты мне доверяешь?

— Разумеется. Вы мой опекун, хранитель моей чести.

Талисман удивился:

— Я буду защищать твою жизнь, Зусаи, чего бы мне это ни стоило. Но честь человека никто не может сохранить, кроме него самого. Честь — это то, чего отнять нельзя. Ее можно только отдать.

— Как скажешь, мой господин, — покорно сказала она.

— Нет, нет! Не надо соглашаться со мной из вежливости, Зусаи. — Их глаза встретились, и она долго не отвечала.

Когда она заговорила вновь, ее голос слегка изменился — он остался певучим и мягким, но в нем чувствовалась уверенность, задевшая какую-то струну в душе Талисмана.

— Я боюсь, что выразилась недостаточно точно. Вы говорите о мужской чести, которая неотделима от крови и битвы. Слова, патриотизм, мужество — все эти чисто мужские понятия действительно относятся к чести, которую можно только отдать. Быть может, выражение «хранитель моего це-

ломудрия» было бы более уместно. И хотя мы могли бы провести целый философский диспут о значении слова «целомудрие», я употребляю его в том же смысле, что всякий мужчина по отношению к женщине — особенно надирский мужчина. Я слышала, что у вас подвергшаяся насилию женщина предается смерти, в то время как насильника всего лишь изгоняют из племени. — Она умолкла и снова отвела глаза. Это была самая длинная речь, которую Талисман от нее слышал.

— Ты сердишься, — сказал он.

Зусаи покачала головой:

— Мне просто жарко, мой господин. Боюсь, что это сделало меня нескромной.

Талисман вылез на берег, прошел к лошадям и достал чистую рубашку и штаны. Одевшись, он вернулся к девушке.

— Мы останемся здесь на ночь. Там, около южного берега, есть полка, где глубина не больше четырех футов. Можешь выкупаться там. И не смущайся — я пройду назад по тропе, поищу топливо для костра.

— Благодарю вас, господин, — склонила она голову.

Талисман натянул сапоги, перекинул через плечо пустой мешок и стал подниматься в гору. У вершины холма он остановился и оглядел степь. В поле зрения не было ни одного всадника. Здесь, наверху, жара донимала особенно. Талисман двинулся вниз по склону, собирая хворост в свой мешок. Корни растущих здесь деревьев и кустарников уходили глубоко в сухую землю — эти растения поддерживали свою жизнь лишь благодаря коротким, но обильным зимним дождям. Сухого топлива было в избытке, и скоро Талисман набил мешок доверху. Он повернул назад и вдруг услышал крик Зусаи. Бросив мешок, он помчался обратно к водоему. Зусаи соскользнула с полки и уходила под воду, отчаянно молотя руками по воде.

Талисман добежал до пруда и нырнул за ней. Под водой он открыл глаза. Зусаи, продолжая барахтаться, ушла уже футов на двадцать в глубину. Пузырьки воздуха бежали у нее изо рта. Талисман опустился к ней, ухватил за волосы и стал всплывать. Тяжесть Зусаи не пускала его, и он ощутил легкую панику. Если он не отпустит ее, они утонут оба. Он огляделся: полка, с которой она упала, была всего в десяти футах слева — значит и до поверхности недалеко. Одолевая мертвый груз тела Зусаи, Талисман забил ногами с удвоенной силой и скоро высунул голову из воды. Глотнув воздуха, он вытащил девушку на каменную полку. Она обмякла в мелкой воде. Талисман, упершись ногами в камень, взвалил ее на плечо и вылез на берег. Он уложил Зусаи на живот, оседлал ее и надавил на спину. Вода

полилась у нее изо рта. Талисман нажимал снова и снова. Наконец Зусаи закашлялась, и ее вырвало. Талисман сбегал к лошадям и отвязал ее одеяло. Когда он вернулся, Зусаи уже села, и он набросил одеяло ей на плечи.

— Я чуть было не умерла, — сказала она.

— Теперь все позади. Ты жива.

Помолчав немного, она взглянула на него.

— Хорошо бы мне в самом деле научиться плавать.

— Я поучу тебя, только не сегодня, — улыбнулся Талисман.

Солнце уже садилось, стало немного прохладнее. Талисман принес мешок с хворостом. Зусаи, в штанах и голубом камзоле, стирала их пропыленную одежду. Он развел костер в скальной выемке, на старой золе. Зусаи подсела к огню, и они провели некоторое время в уютном молчании.

— Ты тоже изучаешь историю, как твой дед? — спросил Талисман.

— Я помогаю ему в занятиях с восьми лет и не раз ездила с ним в разные священные места.

— И в святилище Ошикая бывала?

— Дважды. Когда-то там был храм — самое древнее строение в готирских землях, по мнению дедушки. Ошикая, по преданию, похоронили там после Битвы в Долине. Его жена была с ним, когда он погиб, поэтому долину потом и назвали Слёзы Шуль-сен. Паломники уверяют, будто ее рыдания слышны до сих пор, если сесть вблизи от святилища в холодную зимнюю ночь. А вы слышали, как она плачет, Талисман?

— Я там никогда не бывал.

— Простите меня, господин, — с поклоном сказала она. — Боюсь, что мои слова вас задели, хоть я этого не хотела.

— Не беда, Зусаи. Расскажи мне о святилище — какое оно?

— В последний раз я была там три года назад. Мне исполнилось четырнадцать, и дедушка нарек меня женским именем — Зусаи.

— А как тебя звали в детстве?

— Вони. На чиадзе это означает «писклявая крыса».

— По-надирски будет почти так же, — усмехнулся Талисман.

— По-надирски это будет «паршивая коза». — Зусаи склонила голову набок и сверкнула такой улыбкой, что Талисмана точно кулаком между глаз ударили. Он заморгал и втянул в себя воздух. До этой улыбки ее красота казалась столь холодной и недоступной, что не причиняла Талисману никаких хлопот. Но теперь? Ему почему-то стало трудно дышать. Вытащив Зусаи из пруда, он почти и не заметил ее наготы. Теперь же ему не давала покоя память о ее золотистой коже,

округлостях бедер и живота, больших темных сосках маленьких грудей. До него с опозданием дошло, что Зусаи к нему обращается.

— Что с вами, мой господин?

— Ничего, — ответил он резче, чем намеревался, ушел вверх по тропе и сел там на камень. Улыбка Зусаи не шла у него из ума, и все тело ныло от желания. Его точно околдовали. Он оглянулся на девушку, тихо сидящую у костра. Нет, она не колдунья — просто она красивее всех женщин, которые Талисману до сих пор встречались.

И он обязался честью доставить ее другому мужчине.

Чорин-Цу говорил о жертве — теперь Талисман понял, что это значило...

Зусаи сидела у костра, закутавшись в пестрое одеяло. Талисман спал рядом, дыша глубоко и ровно. Когда одна из лошадей во сне задела копытом камень, Талисман вздрогнул, но не проснулся. Зусаи рассматривала его лицо в лунном свете. Не красавец, но и не урод, даже милый, подумала Зусаи, вспомнив, как осторожно он закутал ее в одеяло и как заботливо смотрел на нее, когда она оправлялась после страшного происшествия. За годы, проведенные с дедом, Зусаи встречала многих надирских кочевников. Некоторые ей нравились, другие были противны. Но все они пугали ее — свирепостью, которая неизменно проглядывала в них, склонностью к насилию и кровопролитию. А вот Талисман не такой. В нем чувствуется сила и власть — редкость для столь молодого человека. Но он не жесток и не любит крови — это видно.

Зусаи бросила в костер остаток дров. Ночь не была холодной, но маленькое пламя успокаивало. Кто же ты, Талисман? Надир, это несомненно. И уже достиг возраста мужчины — почему же он не носит надирского имени? Почему «Талисман»? Или взять его речь: у надиров язык гортанный, многие звуки — горловые, поэтому им бывает трудно говорить на более мягком наречии круглоглазых южан. Талисман же говорит свободно, с богатыми интонациями. Зусаи провела много месяцев среди надиров, когда дед путешествовал по историческим местам. Они люди грубые, суровые и неуступчивые, как степь, в которой живут. С женщинами они обращаются жестоко и пренебрежительно.

Когда Талисман разделся и нырнул в воду, Зусаи это и возмутило, и взволновало. Она впервые видела обнаженного мужчину. У него бледно-золотистая кожа, тело — по-волчьи поджарое, а спина, ягодицы и ляжки покрыты белыми

рубцами от кнута. Надиры жестоки со своими женщинами, но детей наказывают редко — во всяком случае, не так, чтобы оставить рубцы.

Да, Талисман — настоящая загадка.

«Он станет одним из военачальников Собирателя, — сказал ей дед. — Он мыслитель, но при этом человек действия. Такие люди — редкость. Надиры прославятся благодаря таким, как он».

Горячность старика смущала Зусаи.

«Но ведь это не наш народ, дедушка. Что нам до них?»

«Мы происходим от одного корня, малютка. Но дело даже не в этом. Чиадзе — богатый гордый народ. Мы гордимся своей особостью, своей культурой. Круглоглазые — вот настоящие дикари, и зло, исходящее от них, превыше нашего понимания. Может статься, что скоро они обратят свои взоры на нашу родину и двинутся туда войной, неся с собой свои болезни и свою гнусность. Объединенные надиры могли бы стать стеной против такого нашествия».

«Они никогда не объединятся. Они ненавидят друг друга».

«У того, кто придет, у человека с лиловыми глазами, будет власть объединить их, перевязать вековые раны».

«Простите мою несообразительность, дедушка, но я не понимаю. Если он все равно придет и это предсказано звездами, зачем вы тратите столько времени на свои труды, путешествия и встречи с шаманами? Разве он не придет к власти независимо от ваших усилий?»

Дед улыбнулся и взял ее маленькие руки в свои.

«Возможно, и придет, Вони. Хиромант расскажет тебе многое о твоей жизни — и о прошлом, и о будущем. Но говоря о будущем, он скажет: «Вот эта ладонь показывает, что *должно* быть, а эта — что *может* быть». Никогда он не скажет: «Эта ладонь показывает то, что *будет*». Вот и я как человек, обладающий некоторыми познаниями в астрологии, знаю, что человек с лиловыми глазами где-то есть, — но знаю и то, какие опасности его подстерегают. У него есть и мужество, и сила, и дар привлекать к себе сердца. Но этого недостаточно. Несметные рати ополчатся против него. Он существует, Зусаи, — один среди многих и многих. Он *должен* прийти к власти. Он *может* изменить мир. Но *будет* ли это? Что, если враг найдет его первым или болезнь свалит его? Не могу я ждать сложа руки. Моя наука говорит мне, что я каким-то образом ускорю предстоящие события, стану тем первым порывом ветра, что предвещает бурю».

И они продолжали свои путешествия и труды, повсюду ища человека с лиловыми глазами.

Но настал день, когда хитрый маленький шаман Ностахан явился в их дом в Гульготире. Зусаи сразу невзлюбила его: в нем чувствовалось почти осязаемое зло. Они с дедом заперлись на несколько часов, и лишь когда шаман ушел, Чорин-Цу открыл ей весь ужас грядущего. Потрясение было так велико, что вся чиадзийская выучка слетела с Зусаи и она заговорила прямо:

«Вы хотите, чтобы я вышла за дикаря, дедушка? Чтобы я жила в грязи и нищете, среди людей, которые женщин ценят меньше, чем коз? Как вы можете?»

Чорин-Цу не стал выговаривать ей за дурные манеры, хотя Зусаи видела, что он задет и разочарован ее порывом.

«Этот дикарь, как ты его называешь, не простой человек. Носта-хан побывал в тумане, я же гадал на картах и бросал руны. Сомнений нет: ты в нашем деле главное лицо. Без тебя Собиратель так и не придет».

«Это ваша мечта, не моя! Как вы можете поступать со мной таким образом?»

«Будь любезна держать себя в руках, внучка. Твое поведение удручает меня. Не моя вина, что судьба распорядилась так. Знай также, Зусаи: я много раз раскидывал на тебя карты, и они всегда говорили, что ты выйдешь замуж за великого человека. Так вот, этот человек и есть Собиратель. У меня нет ни малейшего сомнения на этот счет».

...Зусаи под луной и звездами шептала, глядя на Талисмана:

— Почему это не ты?

Он открыл свои черные глаза.

— Ты что-то сказала?

— Нет, — вздрогнула она. — Простите, что потревожила вас.

Он приподнялся на локте, убедился, что огонь еще горит, лег и уснул снова.

Проснувшись, Зусаи, увидела, что он укрыл ее своим одеялом поверх ее собственного. Она села и стала оглядываться, ища его. Талисман сидел, поджав ноги, на камнях чуть поодаль, спиной к ней. Откинув одеяла, Зусаи поднялась. Солнце уже осветило вершины гор, и стало теплее. Она потянулась и подошла к Талисману. Он закрыл глаза и сложил руки, прижав ладони к груди и соединив большие пальцы. Дед Зусаи часто сидел так во время медитаций, особенно когда хотел решить какую-то задачу. Зусаи села напротив воина.

— Где ты теперь, Талисман? — прошептала она. — Где витает твой беспокойный дух?

Он был маленьким мальчиком, никогда не видевшим города. Вся его короткая жизнь прошла в степи,

где он бегал и играл среди юрт отцовского племени. В пять лет он выучился пасти коз, делать сыр из их молока, скоблить и разминать шкуры забитых животных. В семь он уже скакал на степном коньке и стрелял из лука. Но в двенадцать люди в блестящих доспехах, разъезжавшие по всей степи, забрали его у отца и увезли в каменный город у самого моря.

Это стало первым потрясением в жизни Талисмана. Его отец, самый сильный и храбрый среди надирских вождей, молча сидел перед круглоглазыми. Человек, сражавшийся в сотне битв, не сказал ни слова, даже не посмотрел своему сыну в глаза. Только Носта-хан подошел и положил свою костлявую руку Талисману на плечо.

— Ты должен ехать с ними, Окаи. От этого зависит благополучие племени.

— Почему? Мы Волчья Голова, мы сильнее всех.

— Так велит твой отец.

Окаи посадили на высокого коня, и долгое путешествие началось. Далеко не все надирские дети знали язык круглоглазых, но у Талисмана был хороший слух, и Носта-хан уже много месяцев занимался с ним, поэтому мальчик хорошо понимал солдат в блестящей броне. Они смеялись над детьми, которых собирали в степи, обзывали их навозными щенками, но в остальном относились к своим пленникам довольно хорошо. Они ехали двадцать четыре дня и наконец прибыли в страшное место, на которое надирские дети взирали с почтением и ужасом. Здесь повсюду был камень: он покрывал землю, он вздымался до самого неба. Стены загораживали вид, и людская толпа вилась, словно гигантский змей, по рыночным площадям, улицам и переулкам.

Семнадцать надирских подростков — все они были сыновья вождей — доставили тем летом в город Бодакас. Талисман-Окаи вспомнил, как они ехали по улицам, где городские дети показывали на них пальцами, дразнили, грозили кулаками. Взрослые стояли молча, с угрюмыми лицами. Процессия остановилась перед стеной на окраине города. Открылись двойные ворота из бронзы и железа, и Окаи показалось, что он въезжает в пасть огромного зверя.

Страх обжег ему горло, как желчь.

За воротами была большая мощеная площадь, где юноши и мальчики постарше упражнялись с мечами и щитами, луками и копьями. Все они были одеты одинаково: в багровые камзолы, темные штаны и блестящие коричневые сапоги до колен. При появлении надирских мальчиков занятия прекратились.

Светловолосый юноша с учебным мечом в руке вышел вперед и сказал:

— Я вижу, нам привезли достойные мишени для наших стрел, — а его товарищи громко засмеялись.

Надирам велели спешиться и провели их в шестиэтажное здание, где они поднялись по нескончаемой винтовой лестнице на пятый этаж. По тесному, давящему коридору они пришли в большую комнату. Там за столом из полированного дуба сидел крепко сложенный воин с раздвоенной бородой, ярко-голубыми глазами и полными губами. С правой стороны носа тянулся шрам, сбегая до подбородка, на руках тоже виднелись боевые шрамы. Когда они вошли, воин встал.

— Постройтесь в два ряда, — холодно скомандовал он. Мальчики кое-как справились с этим. Окаи, один из самых маленьких по росту, оказался впереди. — Вы — янычары. Вы не понимаете этого слова, но я объясню. У короля, да живет он вечно, родился блестящий замысел, как покончить с надирскими набегами раз и навсегда. Вы здесь находитесь в качестве заложников, чтобы ваши отцы вели себя как следует. Более того: во время своего пребывания здесь вы станете просвещенными людьми, то есть обучитесь хорошим манерам и правилам поведения. Вас научат читать, вести дискуссию, думать. Вы будете изучать поэзию и литературу, математику и картографию. Кроме того, вы освоите военную науку: стратегию, снабжение и командное мастерство. Короче, вы станете кадетами, а затем офицерами великой Готирской армии. — Воин обратился к двум офицерам, которые привели к нему мальчиков: — Можете идти и смыть с себя дорожную пыль, а я скажу этим... кадетам еще несколько слов.

Как только за офицерами закрылась дверь, воин стал прямо перед мальчиками, возвышаясь над Окаи.

— Итак, навозные обезьяны, вы только что выслушали официальное напутствие Бодакасской Академии. Меня зовут Гарган, владетель Ларнесса, и почти все свои шрамы я вынес из сражений с вашим подлым родом. Всю свою жизнь я убивал надирскую сволочь. Вас ничему нельзя научить, ибо вы не люди; это все равно что учить собак играть на флейте. Этот замысел родился в пошатнувшемся уме дряхлого старца, и когда он умрет, его глупость умрет вместе с ним. Но пока сей благословенный день не настал, трудитесь усердно: тупых и ленивых ждет плеть. Теперь ступайте вниз — там вас встретит кадет и проводит к квартирмейстеру, который выдаст вам одежду и сапоги.

...Талисман вернулся к настоящему, услышав, как подошла Зусаи, открыл глаза и улыбнулся ей.

— Сегодня нам придется ехать с осторожностью. Твой дед сказал мне, что в этих местах бродит шайка нотасов, называющих себя Спинорубами. Хочу избежать встречи с ними, если удастся.

— А вы не знаете, почему их так зовут?

— Полагаю, что филантропия — не их отличительная черта.

— Филантропия? Что же это за надир, знающий такие слова?

— Я собака, которая играет на флейте, — ответил он, затягивая подпругу своего коня и садясь верхом.

Они ехали все утро, а в полдень остановились в балке — дать отдых лошадям и перекусить холодным мясом и сыром. Они не заметили никаких всадников, но Талисман нашел свежие следы — лошадиный навоз еще не высох.

— Трое воинов, — сказал он. — Едут впереди нас.

— Весьма огорчительно. Но, быть может, это просто путники?

— Возможно, но маловероятно. Они не везут с собой припасов и не стараются скрыть следы. Будем избегать их, насколько это в наших силах.

— У меня есть два метательных ножа, господин, — скромно призналась Зусаи, — по одному в каждом сапоге. Я умею с ними обращаться. Впрочем, я не сомневаюсь, — поспешно добавила она, — что такому, как вы, воину не составит труда убить трех нотасов.

— Я подумаю над тем, что ты сказала, хотя надеюсь все же, что мы обойдемся без кровопролития. Попробую поговорить с ними. Не хочу убивать надиров, кем бы они ни были.

Зусаи поклонилась:

— Уверена, мой господин, что ваш план будет хорош во всех отношениях.

Талисман откупорил флягу и отпил глоток, прополоскав рот теплой водой. Согласно карте Чорин-Цу, до ближайшего источника ехать еще полдня на восток. Талисман намеревался разбить лагерь там, но теперь ему подумалось, что нотасы скорее всего хотят того же. Он передал флягу Зусаи и подождал, пока она попьет. Потом смочил тряпицу и протер коням ноздри от пыли и песка.

— Я принимаю твое предложение, — сказал он, присев на корточки перед Зусаи. — Но давай договоримся: ты метнешь нож только по моей команде. Ты бросаешь с правой руки? — Она кивнула. — Значит, твоей мишенью будет крайний слева. Если мы встретим нотасов, доставай нож сразу, но незаметно. Я назову твое имя — это и будет сигналом.

— Я поняла, господин.

— Надо нам обсудить еще одно. Чиадзийская вежливость вошла в пословицу и хорошо подходит к миру шелковых подушек, больших библиотек и тысячелетней цивилизации. Здесь ничего этого нет. Забудь о том, что мы — опекун и подопечная. Мы только что составили план сражения — мы с тобой два воина, путешествующие по враждебной земле. И мне хотелось бы, чтобы ты обращалась со мной не столь официально.

— Вы не хотите, чтобы я называла вас господином?

Талисман посмотрел ей в глаза, и у него пересохло во рту.

— Прибереги это обращение для своего мужа, Зусаи. А меня зови просто — Талисман.

— Как скажете... Талисман.

Полуденное солнце палило степь, и кони, понурив головы, трусили к далеким горам. Местность казалась плоской и безлюдной, но Талисман знал, что здесь полно балок и оврагов. Трое нотасов могли затаиться где угодно. Сощурившись, он оглядывал сожженную зноем землю, но ничего не видел и ехал дальше с саблей наголо.

Горкай был убийцей и вором — обыкновенно именно в таком порядке. Солнце жгло, но ни одной капли пота не выступило на плоском лице нотаса. Оба его спутника носили широкополые соломенные шляпы, но Горкай, поджидая очередную жертву, даже не думал о жаре. Вором он стал не по своей охоте. Когда-то он мечтал иметь собственное козье стадо и табунок коней, зачатых от буйных жеребцов с северных перевалов. Мечтал о том дне, когда сможет завести себе вторую жену, хотя не имел пока и первой. А в самых тайных своих мечтах даже видел себя в совете старейшин. Все эти мечты рассеялись как дым, оставив в памяти горький вкус.

Теперь он был нотасом — не имеющим племени.

Он сидел на солнцепеке и смотрел в степь, не мечтая больше ни о чем. Та безносая шлюха в становище потребует с него какой-нибудь безделушки, прежде чем допустить до своих прелестей.

— Думаешь, они свернули с дороги? — спросил Баски, присев рядом с ним. Стреноженные кони стояли внизу, в балке, а люди прятались за кустами сийиса.

— Нет, просто они едут медленно — берегут лошадей.

— Нападем на них, когда появятся?

— По-твоему, с ним так легко будет управиться?

Баски сплюнул и пожал плечами:

— Он один, а нас трое.

— Трое? Дьюнга можешь не считать.

— Дьюнгу уже доводилось убивать — я сам видел.

— Согласен, он убийца — но мы будем иметь дело с воином.

— Ты его еще и в глаза не видел, Горкай, почем ты знаешь?

— Не нужно разбираться в птицах, чтобы знать: ястреб — охотник, а голубь — его добыча. Хищника видно по когтям, по загнутому клюву, по мощным крыльям. То же и с людьми. Наш — осмотрителен, он избегает мест, где можно устроить засаду, — значит понимает толк в военном деле. Однако он продолжает свой путь, хоть и знает, что едет по враждебной земле. Значит, он человек мужественный и уверен в себе. Спешить некуда, Баски. Сначала последим за ним, потом убьем.

— Склоняюсь перед твоей мудростью, Горкай.

Сзади послышался шорох: Дьюнг лез к ним по склону.

— Тихо! — прошипел Горкай. — Не поднимай пыли.

Толстая рожа Дьюнга приобрела надутый вид.

— Издали все равно ничего не видно. Кудахчешь, как старая баба.

Горкай отвернулся, не видя нужды в дальнейшем разговоре. Дьюнг глуп от рождения — втолковать ему что-либо просто невозможно.

Всадников еще не было видно, и Горкай позволил себе отвлечься. Когда-то его считали подающим надежды, имеющим виды на будущее. Теперь эти дни подернулись пылью минувшего. Первое время после изгнания он винил во всем свою злосчастную судьбу, но теперь, оглядываясь назад, с запозданием понимал, что она тут ни при чем. Просто он был нетерпелив и хотел взобраться слишком высоко и слишком быстро. Самоуверенность юнца: слишком умен, чтобы признать собственную глупость.

Ему было всего семнадцать, когда он принял участие в набеге на племя Волчьей Головы и отбил тридцать коней. Внезапно разбогатев, он стал задирать нос. Возомнил, будто Боги Камня и Воды улыбнулись ему. Теперь-то он понимал, что это был опасный дар. Два коня послужили бы выкупом за жену, десять завоевали бы ему место среди племенной знати. Но тридцать было для молодого парня чересчур, и чем больше он важничал, тем сильнее его недолюбливали. По молодости это трудно было понять. На празднике середины лета он посватался к Ли-ши, дочери Лон-Цзена. Пять коней! Никто еще не предлагал пятерых коней за девушку.

А ему отказали! Он и посейчас краснел, вспоминая свой прошлый позор. Лон-Цзен унизил его, отдав свою дочь воину, который предлагал только одного коня и семь одеял.

Из унижения родилась ненависть, гнев пересилил рассудок, и Горкай выдумал блестящий, как ему казалось тогда, способ восстановить утраченную честь. Он похитил Ли-ши, изнасиловал ее и вернул отцу, сказав: «Посмотрим теперь, кто захочет взять объедки Горкая». По надирским законам на такой девушке больше никто жениться не мог. Отец должен был либо отдать ее Горкаю, либо убить за то, что навлекла позор на семью.

За Горкаем пришли ночью и притащили его в собрание старейшин. Он увидел, как отец задушил свою дочь, и услышал слова своего приговора.

С тех пор он убил много народу, но смерть Ли-ши вспоминал с искренним сожалением. Она не сопротивлялась — просто смотрела на Горкая, пока свет не померк в ее глазах. Горкай носил свою вину, как камень в сердце.

— Вон они, — прошептал Баски.

Горкай отогнал воспоминания и прищурился. Мужчина ехал впереди, женщина сзади — еще далеко, но гораздо ближе к ним, чем когда-либо прежде. Горкай разглядывал мужчину. Лук и колчан висят на седельной луке, сабля у пояса. Путник натянул поводья шагах в шестидесяти от Горкая. Он был молод, и это удивляло: по проявленному им мастерству Горкай полагал его опытным воином между тридцатью и сорока годами.

Женщина поравнялась с мужчиной, и Горкай разинул рот. Она была ослепительно красива — стройная, с черными как смоль волосами. Но больше всего Горкая потрясло ее сходство с девушкой, которую он когда-то любил. Как видно, боги дают ему случай обрести наконец счастье. Скрежет стали нарушил тишину, и Горкай сердито оглянулся на Дьюнга, который вытащил свой меч.

Всадник повернул коня налево, и они вместе с женщиной помчались прочь.

— Болван! — выругался Горкай.

— Нас трое — поскачем за ними, — предложил Баски.

— Нет нужды. Пруд Каллы в сорока милях отсюда, другой воды вблизи нет — там мы их и возьмем.

Талисман сидел чуть поодаль от костра, когда трое всадников въехали в лагерь, разбитый им ярдах в двухстах от пруда Каллы. Это был очередной скальный водоем, питаемый подземными родниками. Вокруг росли деревья, в прибрежном иле пестрели яркие цветы. Зусаи хотела устроиться у самой воды, но Талисман решил по-иному, и они развели костер под скалой. Девушка уже спала, когда появи-

лись нотасы, но Талисман ждал, положив саблю на землю рядом с собой. С другой стороны лежал охотничий лук с воткнутыми в землю тремя стрелами.

Всадники медлили, глядя на него, а он смотрел на них. В середине ехал крепко сбитый воин с коротко остриженными волосами и костяным наростом на лбу. Тот, что справа, был поменьше и пожиже, с горящими глазами, слева — мордастый парень в отороченном мехом железном шлеме.

Они ждали, но Талисман сидел молча, не шевелясь. В конце концов вожак спешился.

— Экое пустынное место, — сказал он.

Зусаи проснулась и села.

— Одинокому везде пустыня, — ответил Талисман.

— Что это значит? — Воин знаком подозвал к себе двух остальных.

— Где во всех Землях Камня и Воды может обрести пристанище нотас?

— Не слишком-то ты приветлив. — Воин ступил вперед, двое других зашли с боков, держась за мечи.

Талисман встал, оставив саблю на земле и опустив руки. Луна светила ярко. Зусаи тоже хотела встать, но он сказал ей:

— Оставайся на месте... Зусаи. Все будет хорошо.

— Уж очень ты в этом уверен, — сказал вожак с шишкой на лбу. — А ведь ты здесь в чужом краю, и друзей рядом нет.

— Здешняя земля мне не чужая. Это надирская земля, и правят ею Боги Камня и Воды. Я надир, и она моя по праву и по крови. А вот вы здесь чужие. Разве вы не чуете свою смерть в воздухе, в дуновении ветра? Не чувствуете, как презирает вас эта земля? Нотас! Это слово смердит, как свинья, издохшая три дня назад.

— Думаешь, нам хотелось так называться, спесивый щенок? — побагровел вожак. — Думаешь, мы сами избрали такую участь?

— Да чего с ним толковать? — рявкнул толстомордый. — Прикончить его, и все тут! — Он выхватил меч из кожаных ножен и ринулся вперед. Талисман взмахнул правой рукой, и нож, свистнув в воздухе, вонзился нотасу в правый глаз по самую костяную рукоять. Воин пробежал еще два шага и повалился на левый бок. Нож Зусаи вошел в шею второму. Из гортани хлынула кровь. Давясь, он выронил меч и выхватил нож из раны, глядя на тонкое лезвие с ужасом и недоверием. Он упал на колени, силясь что-то сказать, но поток крови изо рта помешал ему. Талисман подцепил ногой саблю, подкинул ее и поймал.

— Твой покойный друг задал тебе вопрос, — сказал он остолбеневшему вожаку, — и я хотел бы услышать ответ на него. Почему ты вступил со мной в разговор?

Вожак поморгал и внезапно сел на землю у костра.

— Ты прав. Я чувствую презрение земли, я одинок. Но так было не всегда. Когда-то я по глупости и гордости совершил ошибку. Все последние двадцать лет я расплачиваюсь за нее, и конца этому не видно.

— Из какого ты племени родом?

— Из Северных Серых.

Талисман подошел к огню и сел напротив нотаса.

— Меня зовут Талисман, и цель моей жизни — служить Собирателю. Его время грядет. Если хочешь снова стать надиром, следуй за мной.

Воин с улыбкой покачал головой:

— Собиратель? Герой с лиловыми глазами? Ты веришь в него? А если он даже и есть, зачем ему сдался я?

— Он возьмет тебя, если ты будешь со мной.

— Ты знаешь, где его искать?

— Я знаю, что приведет нас к нему. Идешь ты со мной или нет?

— Из какого ты племени?

— Из Волчьей Головы. Оно будет и твоим.

Нотас угрюмо уставился в огонь.

— Все мои беды пошли от Волчьей Головы. Может, ею они и кончатся? — Он посмотрел в глаза Талисману. — Я пойду с тобой. Какой клятвы ты требуешь?

— Никакой. Как ты сказал, так и будет. Как тебя зовут?

— Горкай.

— Тогда покарауль, Горкай, потому что я устал.

С этими словами Талисман отложил саблю, укрылся одеялом и уснул.

Зусаи сидела тихо, глядя на Талисмана. Он растянулся на земле, положив голову на руку, и дышал ровно. Ей не верилось, что он мог так поступить! Она покосилась на Горкая, угадывая его смятение. Этот человек с двумя другими только что ворвался к ним в лагерь, чтобы убить их. Теперь двое мертвы, а третий как ни в чем не бывало сидит у костра. Горкай встал, и Зусаи вздрогнула. Но он только оттащил подальше один из трупов, а потом проделал то же самое со вторым. Вернувшись, он присел перед Зусаи и протянул ей руку. Она увидела, что нотас подает ей нож с костяной рукояткой, и молча взяла его. Горкай, побродив вокруг, на-

брал хвороста и снова подсел к огню. Зусаи и не думала спать. Она была убеждена: стоит ей закрыть глаза, как этот убийца перережет горло Талисману, а после изнасилует и убьет ее.

Ночь шла своим чередом, но Горкай не покушался ни на нее, ни на спящего Талисмана. Он сидел, поджав под себя ноги, и думал о чем-то своем. Талисман вдруг застонал во сне и крикнул по-готирски: «Никогда!»

Горкай посмотрел на женщину, и их глаза встретились. Зусаи не отвела взгляда. Встав, Горкай жестом предложил ей прогуляться. Не оглядываясь, он прошел к лошадям и сел на камень. Зусаи некоторое время оставалась на месте, потом с ножом в руке последовала за ним.

— Расскажи мне о нем, — попросил Горкай.

— Я мало что знаю.

— Я наблюдал за вами. Вы не прикасаетесь друг к другу, между вами нет близости.

— Он мне не муж, — холодно ответила Зусаи.

— Откуда он? Кто он такой?

— Он Талисман из племени Волчьей Головы.

— Талисман — не надирское имя. Я вручил ему свою жизнь, ибо он сумел угадать мои мечты и мои нужды. Но я должен знать.

— Поверь мне, Горкай, ты знаешь почти столько же, сколько я. Но он сильный человек, и мечты у него высокие.

— Куда мы едем?

— В долину Слёз Шуль-сен, к гробнице Ошикая.

— Ага, паломничество. Что ж, пусть так. — Горкай встал и глубоко вздохнул. — У меня тоже есть мечты, хотя я было совсем позабыл их. — Он поколебался и добавил: — Не бойся меня, Зусаи. Я никогда не причиню тебе зла. — Он вернулся к костру и сел там.

Зусаи легла на свое одеяло.

С утра солнце пряталось за плотной грядой облаков. Зусаи вздрогнула и проснулась. Она твердо решила не спать, но сон незаметно сморил ее. Талисман уже встал и говорил с Горкаем. Зусаи открыла свою котомку, раздула огонь и приготовила завтрак из овсянки и вяленого мяса. Мужчины поели молча, после чего Горкай собрал деревянную посуду и вымыл ее в пруду. То была работа женщины или слуги, и Зусаи поняла, что этим Горкай определяет свое место среди них. Она уложила миски в полотняный мешок и привязала к седлу. Горкай помог ей сесть на лошадь и вручил ей поводья двух запасных коней.

Они выехали в степь. Талисман ехал впереди, Горкай рядом с ним.

— Сколько нотасов кочует в этих краях? — спросил Талисман.

— Тридцать человек. Мы... они называют себя Спинорубами.

— Я слышал. Бывал ты в гробнице Ошикая?

— Три раза.

— Расскажи мне о ней.

— Гроб стоит в доме из белого камня. Прежде там был готирский форт, теперь святыня.

— Кто ее охраняет?

— Трудно сказать. Там всегда присутствуют воины по меньшей мере четырех племен. Слепой жрец извещает каждое племя, когда посылать воинов, он же говорит стражам, когда возвращаться домой, и тогда другие племена присылают своих людей. Это большая честь — быть избранным для охраны усыпальницы Ошикая. Когда я в последний раз там был, караул несли Зеленые Обезьяны, а своей очереди ждали Северные Серые, Каменные Тигры и Летучие Кони.

— Сколько воинов присылает каждое племя?

— Не больше сорока.

Тучи разошлись, и проглянуло жаркое солнце. Зусаи сняла с седла соломенную шляпу и надела на себя. От пыли першило в горле, но она пересиливала желание глотнуть воды...

Весь долгий день они провели в пути.

Глава 5

Волнения продолжались три дня — они начались в беднейшем квартале и быстро охватили весь город. Из всех окрестных мест были вызваны войска, кавалерия расправлялась с бунтовщиками. Количество жертв росло — к концу третьего дня стало известно, что около четырехсот человек убито и еще больше ранено.

Игры были приостановлены, и атлетам советовали оставаться в своих жилищах. Близлежащие улицы охранялись солдатами. В сумерках Друсс мрачно смотрел из верхнего окна, как пламя пожирает дома западного квартала.

— Безумие какое-то, — сказал он подошедшему Зибену.

— Майон сказал мне, что они схватили того, кто стрелял из арбалета, и порубили его на куски.

— И все-таки продолжают убивать. Почему, Зибен?

— Ты сам сказал: это безумие. Безумие и алчность. Почти все они поставили деньги на Клая, и теперь им кажется, что их предали. Они сожгли дотла три игорных дома.

По улице прошел на рысях отряд кавалерии, направляясь к месту беспорядков.

— Что слышно о Клае? — спросил Друсс.

— Ничего, но Майон говорит, что у Клая много друзей среди лекарского сословия. Притом он богатый человек и может позволить себе все самое лучшее.

— Я должен был умереть. Нож летел мне прямо в глаз. Я ничего не мог поделать. Он выбросил руку с быстротой молнии, поэт. Я никогда еще не видел ничего подобного. Он остановил клинок в воздухе. — Друсс покачал головой. — До сих пор не верится. А миг спустя трусливый выстрел свалил его наземь. Он никогда больше не сможет ходить, Зибен.

— Ты этого знать не можешь, старый конь. Ты не врач.

— Я знаю, что у него поврежден позвоночник. И не раз видел, как это бывает. Такое не излечивается — разве только...

— Разве только — что?

Друсс отошел от окна.

— Надирский шаман приходил ко мне — как раз перед дракой. Он сказал мне о волшебных камнях, которые излечивают любые раны.

— Не продал ли он тебе заодно карту алмазных копей?

— Я выйду. Надо навестить Клая.

— Выйдешь? В этот хаос? Брось, Друсс, подожди хоть до утра.

Друсс упрямо покачал головой.

— Тогда возьми оружие. Бунтовщики все еще жаждут крови.

— Что ж, пусть держатся от меня подальше, — рявкнул Друсс, — не то я пролью ее столько, что все потонут!

Ворота были открыты, сад разорен. Разбитая статуя валялась на лужайке. Похоже было, что по ней били молотом. Голова откатилась в сторону, и каменные глаза смотрели невидящим взором на чернобородого воина в воротах.

Друсс осмотрелся. Клумбы изрыты, трава вокруг статуи втоптана в грязь, парадная дверь распахнута. Ни один слуга не попался Друссу, когда он прошел через дом на ристалище. Ни звука. Песчаные круги пусты, фонтаны бездействуют. Навстречу Друссу шел старик с ведром воды — тот самый, что позаботился о нищем мальчике.

— Где остальные? — спросил Друсс.

— Ушли.

— Что с Клаем?

— Его поместили в больницу в южном квартале. Гнусные ублюдки!

Друсс вернулся в дом. Стулья и лежанки поломаны, занавески сорваны с окон. Портрет Клая искромсан, повсюду разит застарелой мочой. Друсс недоумевающе покачал головой:

— Зачем они это сделали? Я думал, они его любят!

Старик поставил ведро и тяжело опустился на уцелевший стул.

— И любили, покуда ему спину не перешибли. Тогда они его возненавидели. Люди ведь поставили на него все свои сбережения. А потом услышали, что он влез в пьяную драку и все их заклады пошли насмарку. Ну и накинулись на него, чисто звери лютые! Это после всех побед, что он одержал, и всего, что для них сделал. Ведь больница, где он теперь лежит, — с гневом повествовал старик, — на его же деньги и построена. В прошлом он помог многим из тех, которые явились сюда и осыпали его руганью. И вот благодарность. А всех хуже Шонан.

— Его наставник?

— Тьфу! — плюнул старик. — Наставник, указчик, хозяин — называйте его как хотите, а для меня он кровосос. Стоило Клаю слечь, как его богатство девалось незнамо куда. Шонан говорит, что и дом принадлежит ему, а у Клая, мол, ничего не было. Можете вы в это поверить? Мерзавец, даже за карету не заплатил, которая увезла Клая в больницу. Клай умрет нищим. — Старик с горечью рассмеялся. — Был героем Готира — все его любили, все ему льстили. А теперь он беден, одинок, и друзей у него нет. Тут призадумаешься, клянусь богами!

— У него есть ты, — сказал Друсс. — И я.

— Вы? Да ведь вы дренай и едва знали его.

— Я его знаю — этого довольно. Проводишь меня к нему?

— Охотно. Здесь мне больше делать нечего. Вот соберу пожитки — и пойдем.

Друсс вышел на лужайку. Около дюжины атлетов входили в ворота, и их смех распалил в нем гнев. В середине шагал лысый мужчина в золотом, украшенном камнями обруче на шее. Они остановились у статуи, и Друсс услышал, как один из юношей сказал:

— Клянусь Шемаком, это пугало стоило больше тысячи рагов, а теперь вот превратилось в обломки.

— Что прошло, то прошло, — проговорил Золотой Обруч.

— Что ж ты теперь будешь делать, Шонан? — спросил кто-то.

— Найду другого бойца, — пожал плечами наставник. — Нелегко это, конечно, будет, у Клая дар был.

Старик подошел к Друссу.

— Не правда ли, их горе трогает до слез? Клай их всех содержал. Видите вон того, светлого? Клай оплатил его игорные долги не далее как неделю назад. Больше тысячи рагов отдал. Хорошо же они его отблагодарили!

— Подлые скоты! — Друсс зашагал через лужайку к Шонану.

Тот усмехнулся ему и сказал, указывая на статую:

— Вот оно, падение великих.

— И не столь великих. — Друсс двинул Шонана кулаком в лицо, и тот рухнул. Несколько атлетов бросились вперед, но Друсс посмотрел на них, и они попятились. У Шонана было выбито два зуба, челюсть бессильно отвисла. Друсс сорвал золотой обруч с его шеи и бросил старику. — Это частично оплатит содержание Клая в больнице.

— Еще как оплатит, — согласился старик.

Атлеты так и стояли на месте.

— Эй ты, поди сюда, — велел Друсс юноше с длинными светлыми волосами. Тот испуганно заморгал, однако подошел. — Когда эта падаль очухается, скажешь ему, что Друсс его не оставит. Скажешь, что за Клаем должен быть уход. Он должен лежать дома, и чтобы его слугам платили жалованье. Если этого не будет сделано, я вернусь и убью Шонана. А после найду тебя и расквашу твою хорошенькую мордашку напрочь. Понял? — Юноша кивнул, и Друсс обратился к остальным: — Я вас всех, сволочей, запомнил. Если Клай будет хоть в чем-то нуждаться, я займусь каждым из вас. Запомните хорошенько: малейшая подлость по отношению к Клаю — и вам не жить. Я, Друсс, обещаю вам это.

Друсс зашагал прочь, старик за ним.

— Меня зовут Кармол, — с широкой ухмылкой сказал слуга. — Очень рад видеть вас снова.

Они шли вдвоем по охваченному мятежом городу. Тут и там валялись трупы, ветер нес запах пожаров.

Больница стояла посреди беднейшего квартала, выделяясь своими белыми стенами среди окружающих ее убогих домишек. Бунт, начавшийся здесь, уже перекинулся дальше. Пожилой священник проводил их в комнату Клая, маленькую и чистую, с единственной кроватью под окном. Клай спал, когда они вошли, и священник принес им стулья. Друсс сел рядом с кроватью, и больной проснулся.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Друсс.

— Я знавал и лучшие дни. — Клай выдавил из себя улыбку. Лицо под загаром сделалось серым, глаза, обведенные темными кругами, ввалились.

Друсс взял его за руку.

— Один надирский шаман сказал мне, что на востоке есть место, где спрятаны волшебные камни, исцеляющие любые раны. Завтра я отправлюсь туда. Если эти камни существуют, я найду их и привезу тебе. Понимаешь?

— Да, — с отчаянием в голосе ответил атлет. — И они меня вылечат?

— Надейся, — сказал Друсс.

— Надежда здесь не живет, дружище. Это больница для умирающих. Все люди, которые лежат здесь, ждут смерти — кто от рака, кто от чахотки, кто от вовсе не известных болезней. Чьи-то жены, мужья, дети. Если такие камни есть, другие заслуживают их больше, чем я. Но все равно спасибо.

— Это не просто слова, Клай. Завтра я уезжаю. Обещай мне, что будешь бороться за жизнь, пока я не вернусь.

— Я всегда борюсь, Друсс. Такой уж у меня дар. На восток, говоришь? Это надирские земли, где кишат разбойники, воры и убийцы. Лучше тебе с ними не встречаться.

— Это им лучше не встречаться со мной, — усмехнулся Друсс. — Ты уж поверь мне, парень!

Гарен-Цзен смотрел на скрюченное предсмертной судорогой тело бальзамировщика. Тот умер, захлебнувшись собственным криком, с широко раскрытыми глазами. Кровь уже перестала течь из многочисленных ран, переломанные пальцы больше не дергались.

— Крепкий был старикан, — сказал палач.

Гарен-Цзен не ответил. Он получил от бальзамировщика далеко не все сведения — кое-что тот все-таки утаил. «Ты знаешь, где они», — думал министр, глядя в мертвое лицо. За годы своих трудов Чорин-Цу восстановил путь, проделанный изменником-шаманом, похитившим Глаза Альказарра. Шамана нашли в Лунных горах и убили там, но камней при нем не было. Он мог спрятать их где угодно, но многочисленные следы указывали, что он укрыл их в гробнице Ошикая или где-то рядом. Там случались чудесные исцеления: несколько слепых прозрели, один калека начал ходить. Сами по себе эти «чудеса» ничего не значат. Гробницы святых и героев всегда окружает такая слава, и Гарен-Цзен, будучи чиадзе, хорошо понимал природу истерического паралича или слепоты. Но это единственное указание на возможное местонахождение камней. Вся беда в том, что гробницу тщательно обыскивали не менее трех раз и ничего не нашли.

— Убери его, — сказал Гарен-Цзен. Палач кивнул. — Университет платит пять золотых за каждый свежий труп —

хотя за этот, возможно, дадут только три, в столь плачевном он состоянии.

Министр, подобрав полы длинных бархатных одежд, вышел вон. «Быть может, я цепляюсь за листья на ветру? — думал он. — Можно ли посылать войска в долину Слёз Шуль-сен с какой-то надеждой на успех?»

У себя в покоях он выбросил эти мысли из головы и занялся последними донесениями. Тайная сходка в доме сенатора Борвана, крамольные речи против Бога-Короля, слышанные в трактире на Угриной улице, потасовка в доме бойца Клая. В глаза министру бросилось имя Друсс, и он вспомнил могучего дренайского атлета. Он стал читать дальше, делая пометки. Имя Друсса упоминалось еще раз: он навестил Клая в больнице нынче утром. Гарен-Цзен моргнул, дойдя до строк: «Наблюдаемый говорил о целительных камнях, которые обещал привезти больному...» Министр позвонил в серебряный колокольчик, и в комнату с поклоном вошел слуга.

Час спустя испуганный осведомитель стоял перед Гарен-Цзеном.

— Расскажи мне обо всем, что слышал, не упуская ни единого слова, — приказал министр.

Выслушав и отпустив доносчика, он встал у окна, глядя на башни и крыши. Некий надирский шаман рассказал Друссу о камнях, и тот едет на восток. Долина Слёз Шуль-сен лежит на востоке, и внучка Чорин-Цу едет на восток с надирским воином Талисманом.

Гарен-Цзен снова позвонил в колокольчик.

— Ступай к владетелю Ларнесса, — велел он слуге, — и передай, что мне нужно видеть его сегодня же. Пусть также подготовят приказ об аресте дренайского бойца Друсса.

— Слушаюсь, мой господин. По какому обвинению?

— Нападение на готирского гражданина, приведшее к смерти последнего.

— Но Шонан не умер, господин, — удивился слуга, — ему только зубы выбили. — Гарен-Цзен глянул на него, и слуга покраснел. — Будет исполнено, господин. Прошу прощения.

Торг дошел до высшей точки, и Зибен приготовился нанести решающий удар. Лошадник от безразличной вежливости перешел к вежливому безразличию, затем к раздражению, а теперь весьма умело разыгрывал гнев.

— Для вас это, может, и лошадь, — говорил он, похлопывая серого по бокам, — но для меня Ганаэль член семьи. Мы любим этого коня. Его отец был призовым

скакуном, а мать обладала быстротой восточного ветра. Он храбр и верен. А вы даете мне цену, которую предлагают за вислозадую клячу?

Зибен с полнейшей серьезностью посмотрел в серые глаза купца.

— Я не умаляю достоинств этого... мерина. Будь он на пять лет моложе, я мог бы выложить еще немного серебра. Но теперь он стоит не больше, чем я за него даю.

— Ладно, по рукам, — буркнул торговец. — Многие гульготирские дворяне дали бы мне вдвое против вашего. Я соглашаюсь только потому, что вы мне нравитесь — и Ганаэлю, кажется, тоже.

Зибен заглянул серому в глаза.

— Взгляд у него вредный.

— Просто умный, — возразил торговец. — Он, как и я, не любит дураков. Зато он силен и не знает страха. Вы едете в степь — и, видит небо, вам понадобится конь, способный обскакать кургузых надирских лошадок.

— Тридцать монет — чересчур много. Ганаэль, может, и силен, но возраст у него почетный.

— Вздор. Ему не больше девяти... — тут Зибен выразительно вскинул бровь, — ну, может, десять или одиннадцать. И он еще долго прослужит. Ноги у него крепкие, в копытах никакой слабины. И я перекую его для степи. Ну что, идет?

— Идет — за двадцать две серебром.

— Боги, вы что, пришли сюда оскорблять меня? Проснулись, поди, утром и подумали: дай, мол, пойду к честному готирскому торговцу и доведу его до сердечного припадка? Двадцать семь.

— Двадцать пять — если добавите старую кобылу из дальнего стойла и два седла.

— Кобылу? Даром? Да вы никак разорить меня вздумали? Эта кобыла наилучших кровей. Она...

— ...член вашей семьи, — перебил Зибен. — Я сам вижу — она сильная, но мне важнее то, что она старая и смирная. Мой друг не наездник, и она ему как раз подойдет. У вас ее никто не купит — разве что арестантам на мясо или на клей. Этим скакунам цена полушка.

Лошадник побагровел и дернул себя за бородку.

— У меня, собственно, есть два старых седла — прекрасной работы, с сумками и флягами. Но я не возьму за каждое меньше серебряной монеты. Двадцать семь — и по рукам. Слишком жарко, чтобы торговаться.

— Ладно, согласен. Но их обоих нужно перековать и доставить ко мне через три часа. — Зибен вручил тор-

говцу две серебряные монеты. — Окончательный расчет при получении товара.

Дав купцу адрес, Зибен вышел на рыночную площадь. Она была почти пуста ввиду беспорядков. Молодая девица окликнула его с порога почерневшего от дыма здания.

— Не хотите ли поразвлечься, сударь?

Зибен окинул ее взглядом: молодая, хорошенькая, но глаза усталые и пустые.

— Сколько?

— Для такого знатного господина, как вы, четвертушку серебром. Ну, если в постель хотите — тогда полушка.

— И за это ты меня развлечешь?

— Я доставлю вам бездну удовольствия.

Зибен взял ее за руку — рука была чистая, как и дешевое платье девушки.

— Ладно, попробуем.

Два часа спустя он вернулся в дом, где их поселили. Майон сидел у дальнего окна, составляя речь для завтрашних похорон королевы. Увидев Зибена, он отложил перо.

— Нужно поговорить, — сказал он, жестом приглашая поэта сесть.

Зибен устал и уже сожалел о своем решении сопровождать Друсса. Он сел на мягкую кушетку и налил себе разбавленного вина.

— Только покороче, посол. Я должен прилечь хотя бы на часок перед отъездом.

— Речь как раз о вашем отъезде. Так не годится, поэт. Завтра хоронят королеву, и Друсс — почетный гость. Уехать сейчас было бы оскорблением худшего толка. Особенно сразу после бунта, который, что ни говори, начался из-за Друсса. Разве нельзя подождать несколько дней?

— Боюсь, что здесь мы имеем дело с чем-то непонятным для вас, посол. Друсс считает это долгом чести.

— Не пытайтесь меня оскорбить. Я отлично понимаю, о чем вы. Но Друсс не просил этого человека о помощи и потому не несет вины за его увечье. Друсс ничего ему не должен.

— Поразительно. Вы как нельзя лучше подтверждаете мои слова. Я говорю о чести, а вы о счетах. Послушайте меня: этот человек получил увечье, спасая Друсса. Теперь он умирает, и ждать больше нельзя. Врач сказал Друссу, что Клаю осталось жить от силы месяц. Поэтому мы выезжаем теперь же, как только доставят лошадей.

— Что за чушь вы несете! — взревел Майон. — Подумать только: волшебные камни, спрятанные в надир-

ской долине! Какой человек в здравом уме способен поверить в эту... сказку? Я был в местности, куда вы собираетесь. Там кочует много племен. Даже караваны не ходят туда — разве что под усиленной охраной. Есть там одна шайка, которая зовется Спинорубами. Как вам нравится это название? Они перерубают хребты своим жертвам и бросают их в степи на съедение волкам.

Зибен допил вино, надеясь, что испытываемый им ужас не отражается на лице.

— Я понял вашу точку зрения, посол.

— Зачем ему это на самом-то деле?

— Я уже сказал вам. Друсс должен этому человеку — и в огонь пойдет, чтобы расплатиться. — Зибен встал, Майон тоже.

— Но вы-то зачем едете с ним? Он умом не блещет, и я еще могу как-то понять его простецкие взгляды на жизнь. Вы же — человек незаурядный. Разве вы не видите всей тщеты этого предприятия?

— Вижу, — сознался Зибен. — И это еще печальнее, ибо обличает полную несостоятельность моего незаурядного, как вам кажется, ума.

У себя в комнате Зибен помылся и растянулся на кровати. Удовольствие, которое обещала ему девица, успело уже улетучиться. Как и все удовольствия, испытанные Зибеном в жизни. Страсть сменяется легкой грустью о недостижимом. Идеальное счастье, как и мифическая идеальная женщина, все еще ждет где-то впереди.

«Зачем вы едете с ним?»

Зибен ненавидел опасности и дрожал при мысли о том, что его ожидает. А вот Друсс, несмотря на все его недостатки, живет полноценной жизнью, наслаждаясь каждым ее мигом. Зибен чувствовал себя по-настоящему живым только рядом с ним: в поисках похищенной Ровены, на море в бурю, когда «Дитя грома» швыряло, как щепку, или в битвах, где каждое мгновение грозило смертью.

После своих странствий они с триумфом вернулись в Дренан, и Зибен сложил свою эпическую поэму «Друсс-Легенда». Она стала самой известной сагой в дренайских землях и была переведена на дюжину языков. За славой пришло богатство, за богатством — женщины, и Зибен с удивительной быстротой вновь погрузился в пучину праздной роскоши. Вздохнув, он поднялся с постели. Слуги приготовили ему одежду — штаны из бледно-голубой шерсти, высокие сапоги для верховой езды из мягкой кремовой кожи. Разрезы на пышных рукавах голу-

бой шелковой рубашки открывали серую, тоже шелковую, подкладку, вышитую перламутром. Синий плащ, завершавший наряд, застегивался у горла плетеной золотой цепочкой. Одевшись, Зибен встал перед большим зеркалом и пристегнул перевязь, на которой висело четыре метательных ножа в черных ножнах, с рукоятками слоновой кости.

«Зачем вы едете с ним?»

Зибену очень хотелось бы ответить: «Потому что он мой друг», — и он надеялся, что в этом есть хотя бы доля правды. Но не это было истинной причиной.

— Я должен чувствовать себя живым, — сказал он вслух.

— Я купил двух лошадей, — объявил он Друссу, — чистокровку себе и ездовую тебе. Поскольку верхом ты ездишь, как мешок морковки, я счел, что она тебе как раз подойдет.

Друсс пропустил подковырку мимо ушей.

— Где это ты взял такие красивые ножички? — спросил он, кивнув на нарядную перевязь Зибена.

— Красивые ножички? Это превосходно уравновешенное смертельное оружие. — Зибен достал один клинок из ножен. Плавно закругленное книзу лезвие было острым как бритва. — Я поупражнялся с ними, прежде чем купить. Пригвоздил бабочку с десяти шагов.

— Твое искусство нам пригодится, — проворчал Друсс. — Я слыхал, надирские бабочки очень злые.

— Старые шутки самые лучшие, спору нет. Но эту уже пора проводить на покой.

Друсс старательно упаковал в седельные сумки вяленое мясо, сушеные фрукты, соль и сахар. Затянув ремни, он снял с кровати одеяло, туго скатал его и приторочил к поклаже.

— Майон недоволен тем, что мы уезжаем, — заметил поэт. — Завтра хоронят королеву, и он боится, что король воспримет наш отъезд как неуважение к постигшей его потере.

— Ты уже уложился? — спросил Друсс, взваливая сумки на плечо.

— За меня это делает слуга. Терпеть не могу эти сумки — шелк в них ужасно мнется. Рубашка или камзол, вынутые из них, не имеют никакого вида.

Друсс безнадежно покачал головой:

— Ты берешь с собой в степь шелковые рубашки? Полагаешь, что надиры оценят твой вкус?

— Увидев меня, они сочтут, что я бог! — хмыкнул Зибен.

Друсс снял со стены свой топор, Снагу. Зибен оглядел блестящие серебряные лезвия в виде крыльев бабочки, черную рукоять с серебряными рунами и с чувством сказал:

— Ненавижу это орудие.

Друсс спустился к входной двери. Посол Майон разговаривал с тремя королевскими гвардейцами, высокими молодцами в серебряных панцирях и черных плащах.

— Послушайте, Друсс, — сказал он. — Эти господа хотят проводить вас во Дворец Дознаний. Тут, очевидно, какая-то ошибка, но вам хотят задать несколько вопросов.

— О чем?

Майон откашлялся и провел рукой по аккуратно приглаженным серебристым волосам.

— Насколько я понял, в доме борца Клая произошло столкновение, в итоге чего человек по имени Шонан умер.

Друсс опустил Снагу на пол и скинул с плеча поклажу.

— Умер? От тычка в зубы? Ни в жизнь не поверю. Он был жив, когда я уходил.

— Вы пойдете с нами, — сказал гвардеец, выступив вперед.

— Соглашайтесь, Друсс, — вставил Майон. — Я уверен, что мы сможем...

— Ну, дренаи, довольно болтать. Этот человек обвиняется в убийстве, и мы берем его под стражу. — Солдат снял с пояса кандалы, и Друсс сузил глаза.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, — начал Зибен, но опоздал: гвардеец уже наткнулся на правый кулак Друсса, угодивший ему прямо в челюсть, качнулся вбок и стукнулся головой о стену, потеряв свой шлем с белым плюмажем. Двое других ринулись вперед. Одного Друсс свалил боковым слева, другого — правым снизу.

Кто-то из поверженных простонал, и стало тихо.

— Что вы наделали? — дрожащим голосом воскликнул Майон. — Как могли вы напасть на королевских гвардейцев?

— Да вот так и смог. Ну что, поэт, ты готов?

— Вполне. Сейчас возьму свои вещи, и давай покинем этот город как можно скорее.

Майон без сил рухнул на мягкий стул.

— Но что я скажу им, когда они очнутся?

— Изложите им свои взгляды о преимуществе дипломатии над насилием, — посоветовал Зибен, потрепав посла по плечу, и бегом помчался к себе за вещами.

Лошади стояли у задней двери. Друсс приторочил свою поклажу и неуклюже влез в седло. Кобыла была шестнадцати ладоней высотой и сильная, хотя и вислоза-

дая. Серый конь Зибена, той же вышины, был при этом, как и сказал поэт, чистопородным скакуном.

Зибен сел верхом и первым выехал на главную улицу.

— Ты, видно, от души врезал этому Шонану, старый конь.

— Не настолько, чтобы убить его. — Друсс покачивался, вцепившись в луку седла.

— Держись ляжками, а не икрами, — посоветовал Зибен.

— Никогда не любил верховой езды. Торчишь наверху, как дурак.

К Восточным воротам направлялось немало конных, и Друсса с Зибеном затерло в общий поток на узкой улице. Солдаты у ворот расспрашивали всех выезжающих, и Зибену уже начало становиться не по себе.

— Как ты думаешь, нас еще не ищут?

Друсс только плечами пожал. Наконец они подъехали к воротам, и часовой потребовал:

— Бумаги.

— Мы дренаи, — ответил Зибен. — Хотим прогуляться.

— Нужно подписать разрешение у караульного офицера, — заявил часовой, и Зибен, заметив, как напрягся Друсс, быстро выудил из кошелька мелкую серебряную монету и дал солдату.

— В городе так тесно, — сказал он при этом с лучезарной улыбкой. — Погуляешь часок на просторе — и думается легче.

Часовой сунул монету в карман.

— Я и сам люблю покататься верхом. Приятной прогулки. — Он махнул рукой, и двое всадников, пришпорив коней, поскакали к восточным холмам.

После двух часов езды Зибен выпил всю свою воду и начал смотреть по сторонам. До самых далеких гор простиралась плоская сухая равнина.

— Ни рек, ни ручьев. Где же мы будем брать воду?

Друсс указал на гряду скалистых холмов в нескольких милях от них.

— Откуда ты можешь знать? Я вовсе не хочу умереть от жажды.

— Жив будешь, — усмехнулся Друсс. — Я воевал в пустыне и умею находить воду. Есть у меня способ, который уж точно не подведет.

— Это какой же?

— Я купил карту с источниками воды! Давай-ка теперь пустим лошадей шагом.

Друсс спрыгнул с седла и зашагал пешком. Зибен последовал его примеру, и некоторое время они шли молча.

— Чего ты такой мрачный, старый конь? — спросил Зибен.

— Я думал о Клае. Почему люди отвернулись от него после всего, что он для них сделал?

— Люди бывают злы, Друсс, черствы и себялюбивы. Но виноваты не они, а мы, когда ждем от них чего-то. Когда Клай умрет, они будут вспоминать, какой он был хороший человек, и даже поплачут по нему, быть может.

— Он заслуживает лучшей участи, — проворчал Друсс.

— Может, и заслуживает. — Зибен вытер надушенным платком пот со лба. — Но разве в этом дело? Разве мы получаем то, чего заслуживаем? Я в это не верю. Мы получаем только то, что завоевываем, — будь то работа, деньги, женщины или земля. Посмотри на себя! Разбойники отняли у тебя жену: у них была сила, и они ею воспользовались. К несчастью для них, ты тоже оказался достаточно силен, чтобы за ними погнаться, и достаточно решителен, чтобы отыскать свою любимую за океаном. Ты получил ее назад не благодаря удаче, не по капризу переменчивого божества, а потому, что боролся. При этом ты мог сто раз погибнуть — от болезни, от стрелы или меча, от бури на море. Ты получил не то, что заслужил, а то, что добыл в бою. Клаю не повезло — в него попала стрела, предназначенная тебе, зато тебе посчастливилось.

— Не стану с тобой спорить. Ему и правда не повезло. Но горожане снесли его статую, а друзья — те самые, кого он поддерживал, опекал и защищал, — ограбили его и бросили. Вот что я никак не могу переварить.

— Отец говорил мне, что счастлив человек, который в жизни может положиться хотя бы на двух друзей. А тот, у кого друзей много, говорил он, либо богат, либо глуп. Мне кажется, в этом много правды. За всю мою жизнь у меня был только один друг — и это ты.

— А женщин своих ты не считаешь?

— Нет. С ними у меня все было по-деловому. Я хотел чего-то от них, они — от меня. Мы оказывали друг другу обоюдную услугу. Они делились со мной своим теплом и своими податливыми телами, я с ними — своим несравненным любовным опытом.

— Как ты можешь говорить «любовным», если любви в твоих шашнях и близко не было?

— Не будь педантом, Друсс. Я говорю это с полным правом. Даже искушенные шлюхи говорили мне, что лучшего мужчины у них не было.

— Надо же! Могу поспорить, они не многим это говорят.

— Острить тебе не к лицу, воин. У каждого из нас свой дар. Ты в совершенстве владеешь своим ужасным оружием, я — искусством любви.

— Верно. Только мое искусство пресекает все хлопоты, а твое их создает.

— Смех, да и только. Этого мне как раз и не хватало в пустыне — проповеди на тему морали. — Зибен потрепал своего серого по шее и сел в седло. — Сколько тут зелени, — заметил он, заслонив глаза рукой. — Никогда еще не видел земли, которая обещала бы так много и давала так мало. Чем живут все эти растения?

Друсс не ответил. Он пытался вдеть ногу в стремя, но кобыла ходила кругами. Зибен со смехом подъехал, придержал ее, и воин наконец сел.

— У них длинные корни, — пояснил Друсс. — Зимой здесь целый месяц идут дожди, и растения пьют влагу из земли до будущего года. Это суровый край. Суровый и дикий.

— Как и люди, которые здесь живут.

— Да. Надиры — жестокий народ.

— Майон рассказал мне о шайке Спинорубов.

— Это отщепенцы. Здесь их зовут нотасами, не имеющими племени. Они промышляют разбоем и убийством. Постараемся избежать встречи с ними.

— А если не удастся?

— Тогда ты покажешь мне, как метко умеешь бросать свои красивые ножички!

Носта-хан сидел в тени под скалой, окунув левую руку в холодный скальный водоем. Солнце стояло высоко и палило немилосердно. Носта-хана это не заботило. Он не боялся больше ни жары, ни холода, ни боли, ни горя, ибо был *Мастером Пути* — шаманом.

Не по своей воле он избрал этот путь. В юности им владели мечты всякого надирского воина: много коней, много женщин, много детей. Его ждала короткая жизнь, наполненная свирепой радостью боя и мычащим, скользким теплом совокупления.

Судьба распорядилась по-иному. Тайный Дар не дал осуществиться его мечтам. Еще мальчиком его взяли в пещеру Аста-хана, и там он познал Путь. Нет жен у Носты, и дети не играют у его ног.

Вынув руку из воды, он коснулся ею лба и закрыл глаза, ощутив холодные капли на морщинистой коже.

Ему было семь лет, когда Аста отвел его и еще шестерых мальчиков на гору Каменный Ястреб и посадил на солнцепеке в одних набедренных повязках. Старший шаман обмазал им головы и лица мокрой глиной и велел сидеть

смирно, пока глина не засохнет и не отвалится. В каждую глиняную маску он вставил две тростинки для дыхания. Там, внутри, не было ни времени, ни звука, ни света. Кожа на плечах обгорела и покрылась пузырями, но Носта не шевелился. Три палящих дня и три леденящих ночи он просидел в гробнице из сохнущей глины.

Глина не желала отваливаться, и у него руки чесались самому отколупнуть ее. Но он не делал этого, даже когда его одолевал ужас. А вдруг придут волки? Вдруг враг где-то близко? Может, Аста просто оставил его умирать здесь, потому что он, Носта, ни на что не годится? Он сидел, не трогаясь с места. Земля под ним промокла от мочи и нечистот, мухи и муравьи кусали его. Он содрогался, чувствуя их кожей. Что, если это не мухи, а скорпионы?

Он так и не шелохнулся. На четвертое утро, когда солнце начало пригревать обожженную спину, кусочек глины отвалился, и он смог шевельнуть челюстью. Он склонил голову набок и открыл рот. Тростинки свалились, а с ними еще кусок глины у носа. Чья-то рука коснулась его головы, и он вздрогнул. Аста-хан отколупнул остатки глины.

Солнце было невыносимо ярким, и у мальчика из глаз потекли слезы. Старый шаман кивнул и сказал: «Молодец». Это была единственная похвала, которую он когда-либо слышал от Аста-хана.

Справившись со слезами, Носта огляделся. На вершине они с шаманом были одни. «А где все остальные?»

«Ушли. Они вернутся в свои селения. Награда осталась за тобой».

«Почему мне тогда так грустно?» — еле ворочая пересохшим языком, спросил Носта.

Аста-хан ответил не сразу. Он дал мальчику мех с водой и подождал, пока тот напился.

«Каждый человек отдает частицу себя будущему. Самая малая дань — это ребенок, который передаст его семя другим. Но шаману в этом отказано. — Взяв мальчика за руку, он подвел его к краю обрыва, откуда далеко видна была степь. — Вон там пасутся козы твоего племени. Вся их забота — это есть, спать и спариваться. Пастух — дело иное. Он должен отгонять волков и барсов, следить, чтобы мясные мухи не откладывали личинок в шерсть, искать безопасные, тучные пастбища. Твоя грусть проистекает из понимания, что стадным животным тебе быть не дано. Судьба предназначила тебя для иного».

...Носта-хан вздохнул и снова смочил лицо водой. Асты давно уже нет на свете, и нельзя сказать, что он вспоминает его с любовью.

На тропе показалась золотисто-рыжая пума с тремя детенышами. Носта набрал в грудь воздуха и сосредоточился.

Эти скалы — часть тела Богов Камня и Воды, и я един с ними.

Пума осторожно приблизилась, нюхая воздух. Убедившись, что ее выводку ничего не грозит, она подошла к пруду, а котята побежали за ней. Последний прыгнул на спину второму, и они стали возиться. Мать пила, не обращая на них внимания. Она была тощая, с клочковатой шкурой. Напившись вдоволь, пума отошла в тень и легла рядом с Носта-ханом. Котята прибежали, чтобы пососать ее. Один влез на голые колени старика и улегся там, положив голову ему на бедро.

Шаман положил руку на широкую голову пумы. Она не шелохнулась. Он отправил свой дух парить высоко над холмами, над балками и оврагами. Меньше чем в миле к востоку паслось семейство окпи, диких горных коз с короткими загнутыми рогами: самец, три самки и несколько детенышей. Вернувшись в свое тело, Носта мысленно коснулся пумы. Она подняла голову и раздула ноздри. Она не могла учуять запах на таком расстоянии — ветер дул ей навстречу, — но шаман вселил ей в голову видение окпи. Пума поднялась, расшвыряв детенышей, и помчалась прочь. Котята, помешкав немного, заскулили и побежали за ней.

Если удача ей улыбнется, она поест.

Носта ждал. Всадники должны прибыть сюда через час. Он представил себе воина, его широкое плоское лицо и холодный глубокий взор. Если бы всеми южанами было так же легко управлять, подумал шаман, вспомнив их духовную встречу в трактире. С той же легкостью Носта опутал стрелка из арбалета, внушив ему послать стрелу в готирского бойца. Шаман с удовольствием вспомнил полет стрелы, глухой удар и ужас стрелка, когда тот понял, что натворил.

Нити сплетаются на славу, но ему еще ткать и ткать. Носта-хан, дав отдых уму и телу, задремал на пригреве.

Но вот появились двое всадников. Шаман набрал воздуха и сосредоточился, как прежде с пумой. Он был скалой — вечной, непоколебимой, подвластной разве что долгой работе ветра. Передовой всадник — высокий стройный молодой человек со светлыми волосами, одетый в красивые шелка, — ловко спешился и придержал поводья, не пуская серого мерина к воде.

— Погоди немного, мой хороший, — ласково сказал он коню. — Сначала надо остыть.

Второй путник, чернобородый воин, перекинул ногу через седло и спрыгнул. Его лошадь была стара и силь-

но утомлена. Положив топор наземь, Друсс расседлал кобылу. Вся в мыле, она тяжело дышала. Друсс обтер ее тряпицей и привязал рядом с мерином в жидкой тени на восточной стороне пруда. Светловолосый разделся, вытряхнул пыль из одежды и аккуратно сложил ее. Тело у него было белое, как слоновая кость, нежное и мягкое. Этот не воин, подумал Носта-хан, когда молодой человек нырнул в пруд. Друсс, взяв топор, прошел туда, где сидел Носта-хан, набрал в ладони воды и напился, а после поплескал себе на волосы и бороду.

Шаман закрыл глаза и протянул руку, чтобы коснуться Друсса и прочесть его мысли. Но железные пальцы сомкнулись вокруг его запястья, и Носта мигом открыл глаза. Друсс смотрел прямо на него.

— Я ждал тебя, — сказал шаман, стараясь успокоиться.

— Я не люблю, когда ко мне подкрадываются.

Носта посмотрел на пруд, и тревога отпустила его. Умение становиться невидимым не изменило ему — Друсс просто заметил отражение его руки в воде. Воин отпустил шамана и снова напился.

— Так ты ищешь целебные камни? Это хорошо. Мужчина должен помогать друзьям, когда им худо.

— Скажи, где их взять? Времени у меня мало, Клай умирает.

— Я не могу тебе этого сказать. Они были похищены несколько столетий назад изменником-шаманом. Преследуемый, он остановился отдохнуть у гробницы Ошикая. Вскоре после этого его нашли и убили, но он, несмотря на самые жестокие пытки, не открыл, где спрятал камни. Я уверен — они лежат там, в гробнице.

— Почему тогда ты сам не поищешь их?

— Ни один надир не может осквернить священную усыпальницу Ошикая. Только чужой на это способен.

— Хотел бы я знать, что еще ты скрываешь от меня, старичок.

— Многое, — сознался Носта. — Но тебе этого не нужно знать. Однако я сказал тебе правду: эти камни спасут жизнь твоему другу и вернут ему здоровье.

Зибен подплыл к ним и вылез на горячие камни.

— Я смотрю, ты уже друга себе завел. Очевидно, это тот самый старик, который приходил к тебе в трактир? — Друсс кивнул, и поэт протянул руку. — Меня зовут Зибен, я поэт, возможно, ты слышал обо мне.

— Нет, не слышал. — Носта не обратил внимания на протянутую руку.

— Какой удар моему тщеславию, — беззлобно отозвался поэт. — А у надиров есть поэты?

— Зачем?

— Ну, для радости, для развлечения... — Зибен умолк, видя полное непонимание в глазах старика. — Для истории! — вдруг нашелся он. — Как иначе запомнить историю племени?

— Историю племени каждому рассказывает его мать, а историю рода — отец. Шаману же племени известна история каждого воина и подвиги всех надирских героев.

— И у вас совсем нет искусства? Ни ваятелей, ни актеров, ни живописцев?

В черных глазах Носта-хана вспыхнул огонь.

— Трое из пяти надирских детей умирают в младенчестве. Средний возраст надирских мужчин — двадцать шесть лет. Мы живем в состоянии непрерывной междоусобной войны, и вдобавок к тому готирские дворяне охотятся на нас ради забавы. Чума, мор, постоянная угроза засухи и голода — вот с чем имеют дело надиры. Нет у нас времени для искусств. — Носта-хан выплюнул последнее слово так, точно оно оскверняло ему язык.

— Надо же, какая тоска! Раньше мне не приходило в голову, что вы достойны жалости. Пойду напою лошадей.

Зибен встал и оделся.

Носта-хан, проглотив раздражение, спросил Друсса:

— Много ли у вас на Юге таких, как он?

— Такие, как он, всюду редкость, — улыбнулся Друсс.

Он достал из котомки круг сыра, завернутый в тонкую ткань, вяленое мясо и предложил шаману. Тот отказался, и Друсс молча принялся за еду. Зибен, вернувшись, присоединился к нему. Когда они поели, Друсс зевнул, растянулся в тени и тут же уснул.

— Зачем ты поехал с ним? — спросил Зибена Носта-хан.

— Ради приключений, старый конь. Куда бы Друсс ни ехал, приключения ему обеспечены. И мне понравилась история о целебных камнях. Из нее может выйти песня или поэма.

— В этом я с тобой согласен. В это самое время две тысячи готирских воинов во главе с Гарганом Ларнесским собираются выступить к гробнице Ошикая, окружить ее, перебить всех, кто там есть, и забрать камни в дар безумцу, сидящему на троне. Ты едешь в самое око урагана, поэт. Будет о чем сложить песню.

Носта, наслаждаясь страхом, мелькнувшим в добрых глазах поэта, распрямил свое тощее тело и отошел от пруда. Все шло так, как он предвидел, но шаман был неспокоен. Сумеет ли Талисман сплотить надиров, чтобы противостоять Гаргану? Найдет ли он Глаза Альказарра? Носта, зажмурившись, послал свой дух на восток, над горами и сухими долинами.

Далеко внизу показалось святилище — круглые белые стены сверкали, как кольцо из слоновой кости. Рядом стояли юрты надиров-караульщиков. Где же ты, Талисман?

Шаман представил себе лицо юноши, и его дух устремился вниз, влекомый образом Талисмана. Духовным взором Носта-хан увидел, как молодой воин преодолевает последний подъем перед долиной. За ним ехала чиадзийка Зусаи. Потом показался третий всадник, ведущий в поводу двух коней. Удивленный Носта повис над незнакомцем и коснулся его шеи своими духовными пальцами. Всадник вздрогнул и плотнее запахнулся в свой тяжелый кожух.

Удовлетворенный Носта оставил его. В этот краткий миг шаман увидел все: нападение на Талисмана и переход Горкая под знамя Собирателя. Это хорошо — мальчик оказался молодцом. Боги Камня и Воды будут довольны.

Носта полетел вперед и стал парить над святилищем. Когда-то здесь был небольшой вспомогательный форт с деревянными парапетами на стенах, но без башен. Стены, менее двадцати футов в вышину, могли сдержать кочевников, но не две тысячи хорошо обученных солдат. Выходящие на запад ворота сгнили на своих бронзовых петлях, и западная стена в середине обрушилась, образовав остроугольную брешь.

Страх тронул Носта-хана холодными пальцами.

Смогут ли они выстоять против готирских гвардейцев?

И какую роль предстоит сыграть Друссу? Какая досада — видеть так много и знать так мало. Суждено ли дренаю оборонять стены с топором в руках? В этот миг перед шаманом мелькнуло видение: седовласый воин на громадной стене, с гордо поднятым топором. Оно померкло так же внезапно, как и пришло.

Вернувшись в свое тело, Носта сделал глубокий, прерывистый вздох.

Поэт спал у пруда рядом с воином.

Носта зашагал на восток.

Талисман, сидя на самой высокой стене, смотрел в долину Слёз Шуль-сен. Солнце светило ярко, но легкий ветерок делал зной не столь изнурительным. Горы вдали казались грядой грозовых туч, и над ними в потоках горячего воздуха кружили два орла. С южной стены усыпальницы Ошикая Талисман видел два лагеря. В первом перед самой большой юртой торчал штандарт из конского волоса с черепом и рогами дикого быка, и тридцать воинов Острого Рога стряпали себе ужин. В трехстах шагах к западу виднелась еще одна кучка крытых козьими шкурами юрт, со штандартом Летучих Коней.

С другой, северной, стороны святилища находились еще два лагеря — Одиноких Волков и Небесных Всадников. Каждое племя охраняло одну сторону света у гробницы величайшего надирского воина. Ветер утих, и Талисман сошел по шатким ступенькам во двор, к столу у колодца. Отсюда был виден пролом в западной стене. В неровный проем проглядывались деревья у далеких холмов.

Все рушится, подумал он, как и мечты человека, чьи кости лежат здесь. Талисман перебарывал холодный, гнетущий гнев, сидящий у него в животе. Прошлой ночью они приехали как раз вовремя, чтобы присутствовать при поединке между двумя надирскими воинами — он кончился внезапной смертью молодого парня из племени Летучих Коней, которому противник вспорол мечом живот. Победитель, поджарый боец из числа Небесных Всадников, вспрыгнул на павшего, перепилил лезвием его шейные позвонки, отделив голову от туловища, и издал торжествующий вопль.

Талисман направил своего коня в ворота, оставил его на попечение Горкая, прошел через двор и стал перед входом в святилище.

Но он не вошел туда — не смог войти. Во рту пересохло, желудок свело от страха. Здесь, при ярком свете луны, его мечты были нерушимы и уверенность тверда. Но там, за этой дверью, все могло рассеяться как дым.

«Успокойся, — сказал он себе. — Святилище грабили уже не раз. Глаза спрятаны надежно. Войди и воздай честь духу героя».

Собравшись с духом, он толкнул ветхую дверь. Пыльное помещение внутри насчитывало не больше тридцати футов в длину и двадцати в ширину. В стенах торчали деревянные колышки. Когда-то на них висели панцирь и шлем Ошикая, а также Колмисай, его топор, которым он убил сто врагов. Прежде гробницу украшали гобелены и мозаики со сценами жизни и побед героя. Теперь остались только голые стены — святилище разграбили еще несколько веков назад. Грабители, как рассказал Талисману Носта-хан, открыли даже гроб и обрубили Ошикаю пальцы, чтобы забрать его золотые кольца. Каменный гроб стоял на помосте посреди комнаты, не украшенный ничем, кроме вделанной в камень черной железной дощечки. На ней было вырезано:

Ошикай, Гонитель Демонов, Великий Воин.

Талисман положил руку на холодную каменную крышку.

— Я посвятил свою жизнь тому, чтобы осуществить твои мечты. Мы снова будем едины. Мы будем надирами и заставим мир содрогнуться.

— Почему людские мечты всегда приводят к войне?

Талисман обернулся и увидел сидящего во мраке слепого старца в длинном сером балахоне с клобуком. Старик был тощ, как палка, и совершенно лыс. Опершись на посох, он поднялся на ноги и подошел к Талисману.

— Знаешь, я изучал жизнь Ошикая, стараясь отсеять истину от легенд. Он никогда не стремился к войне — ему всегда ее навязывали. Вот тогда он и стал воином, наводящим ужас на врагов. А мечтал он в основном о благодатной земле, где его народ мог бы жить в мире. Он был великий человек.

— Кто ты? — спросил Талисман.

— Священник Истока. — Старик вышел на лунный луч, падающий в открытое западное окно, и Талисман увидел, что он надир. — Теперь я живу здесь и пишу свои труды.

— Как же ты пишешь, если ты слеп?

— Слепы только мои телесные глаза, Талисман. Когда я пишу, я пользуюсь очами духа.

Талисман вздрогнул, услышав свое имя.

— Ты шаман?

— Нет, хотя Путь ведом и мне. Я не прибегаю к ворожбе, но умею сводить бородавки и читать в сердцах людей. К несчастью, изменить их я бессилен. Я брожу по тропам многих будущих, но не знаю, которое из них осуществится. Если бы я мог, я открыл бы этот гроб и воскресил человека, который лежит в нем, — но я не могу.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Отчего мне не знать его? Ты — огненная стрела, ты предвестник.

— И ты знаешь, зачем я пришел сюда, — шепотом сказал Талисман.

— Разумеется. Ты ищешь Глаза Альказарра, спрятанные здесь когда-то.

Талисман нащупал кинжал у пояса и тихо обнажил его.

— Ты нашел их?

— Я знаю, что они здесь, но не мне суждено их найти. Я пишу историю, Талисман, а не творю ее. Пусть Исток пошлет тебе мудрость.

Старик направился к двери, постоял там, словно ожидая чего-то, и сказал:

— По меньшей мере в трех будущих, которые я видел, в этот миг ты убил меня, вонзив кинжал мне в спину. Почему ты не сделал этого на самом деле?

— Я думал об этом, старик.

— Если бы ты сделал это, тебя выволокли бы отсюда, привязали за руки и за ноги к четырем коням и разорвали на части. Это тоже было.

— Как видно, не было — ты ведь жив.

— И все-таки где-то это случилось, — сказал старик и ушел.

Талисман вышел за ним в ночь, но тот исчез в одном из строений. Горкай доставал воду из колодца, и Талисман подошел к нему.

— Где Зусаи?

— Спит. Похоже, сегодня будет еще драка. Голова убитого парня торчит на шесте в лагере Небесных Всадников, и его соплеменники намерены отомстить за это оскорбление.

— Глупо, — сказал Талисман.

— Видно, это у нас в крови. Точно мы прокляты богами.

— Это верно. Проклятие легло на нас, когда пропали Глаза Альказарра. Когда они будут возвращены Каменному Волку, займется новый день.

— Ты в это веришь?

— Человек должен во что-то верить, Горкай. Без веры мы всего лишь песчинки, несомые ветром. Надиры исчисляются сотнями тысяч, а живем мы в нищете. Нас окружают богатые страны, чьи армии составляют не более двадцати тысяч человек. Даже здесь четыре племени, охраняющие святилище, не могут ужиться в мире. Цель у них одна — защищать гробницу героя всех надиров, а между тем они смотрят друг на друга с лютой ненавистью. Я верю, что это изменится. Мы должны это изменить.

— Кто — ты да я?

— А почему бы и нет?

— Я еще не встречал человека с лиловыми глазами.

— Ты встретишь его, клянусь.

Когда Друсс проснулся, Носта-хан уже ушел. Близились сумерки, и Зибен сидел у пруда, окунув ноги в холодную воду. Друсс зевнул, потянулся, разделся и прыгнул в пруд, обдавший его стужей. Освежившись, он вылез и сел рядом с поэтом.

— Куда это подевался старикан?

— Он ушел, как только ты заснул, — уныло сказал Зибен.

Друсс прочел тревогу на лице друга.

— Тебя беспокоят две тысячи воинов, идущие к святилищу?

Зибен сдержал гнев.

— Беспокойство — не совсем подходящее слово, старый конь. Вижу, однако, что тебя это не удивляет.

— Шаман сказал, что он в долгу передо мной за то, что я помог его молодому другу. Но платить долги не в надирском обычае. Он хотел, чтобы я отправился в святилище, потому что знал, что там будет бой.

— И могучий Друсс-Легенда, само собой, изменит исход этого боя?

— Может, изменит, а может, и нет, — хмыкнул Друсс. — Но камни я могу найти только там и больше нигде.

— А если никаких камней нет? Если шаман и о них солгал?

— Тогда Клай умрет, но я буду знать, что выполнил свой долг.

— Как у тебя все просто! — вспылил Зибен. — Черное и белое, свет и тьма, добро и зло. Две тысячи воинов идут, чтобы разгромить это святилище, и ты их не остановишь. Да и нужно ли пытаться? Чего тебе так дался этот Клай? Он не первый, кто получил тяжелую рану. Твои товарищи падали рядом с тобой много лет подряд.

Друсс оделся, прошел к лошадям, насыпал из мешка овса в две торбы и привесил их к мордам.

— Говорят, что конь, который ест овес, всегда обгонит того, что кормится травой, — сказал он подошедшему Зибену. — Ты у нас лошадник — правда это?

— Ответь на мой вопрос, будь ты неладен! Почему Клай?

— Он напоминает мне человека, которого я не знал.

— Не знал? О ком это ты?

— Не важно. Я должен найти эти камни, и плевать я хотел на две тысячи готирских сукиных сынов и на всю надирскую орду заодно. На этом и покончим, поэт!

Послышался топот копыт, и оба обернулись на звук. Шесть надирских воинов, ехавших гуськом, приближались к пруду. На них были козьи кожухи и отороченные мехом шлемы, каждый имел при себе лук и два коротких меча.

— Что делать будем? — шепотом спросил Зибен.

— Ничего. Водоемы священны, и ни один надир не станет затевать бой около них. Они просто напоят своих коней и поедут дальше.

— А потом?

— Потом они попытаются убить нас. Но об этом мы подумаем после. Успокойся, поэт: ты же хотел приключений, вот и получай.

Друсс отошел в тень и сел рядом со своим топором. Надиры сделали вид, что не видят их, но Зибен заметил, как они посматривают в сторону Друсса. Наконец их вожак, крепкий воин средних лет, с жидкой бородкой, подошел и сел напротив дреная.

— Далеко ты заехал от дома, — сказал он на ломаном южном наречии.

— Мне и тут хорошо, — ответил Друсс.

— Голубю не бывает хорошо в доме ястреба.

— Я не голубь, парень. А ты не ястреб.

— Думаю, мы еще встретимся с тобой, Круглые Глаза. — Надир вернулся к своим товарищам, вскочил в седло, и они уехали на восток.

Зибен сел рядом с Друссом.

— Превосходно, старый конь. Всегда полезно раздразнить неприятеля, если его силы втрое превышают твои.

— Какая разница. Он знает, что должен делать, я тоже. Оседлай лошадей и приготовься.

— А ты куда собрался?

— Пройдусь немного на восток. Погляжу, что они замышляют.

— Разумно ли это, Друсс? Ведь их шестеро.

— Думаешь, честнее будет, если я оставлю топор здесь? — Друсс усмехнулся, взял Снагу и полез вверх по камням. Зибен стал ждать. Сумерки настали быстро, и он пожалел, что не позаботился набрать хвороста. Костер был бы желанным другом в этом пустынном месте. Впрочем, луна светила ярко. Зибен, завернувшись в одеяло, сидел под скалой. «Это в последний раз, — думал он. — Отныне я буду принимать скуку с распростертыми объятиями!»

Что это Друсс сказал о Клае? «Он напоминает мне человека, которого я не знал». Внезапно Зибен понял, что Друсс говорил о Мишанеке, человеке, который полюбил Ровену и женился на ней там, в Вентрии. Мишанек, как и Друсс, был могучим воином, первым среди мятежников, восставших против принца Горбена. Ровена, у которой отняли память, любила его и даже попыталась покончить с собой, узнав о его смерти. Друсс присутствовал при сражении Мишанека с Бессмертными, отборными гвардейцами Горбена. Вентрийский воин убил многих, но даже его прославленная сила наконец иссякла, уйдя из тела вместе с кровью от нанесенных ему ран. Умирая, он просил Друсса позаботиться о Ровене.

Однажды, навестив Друсса с женой в их горной усадьбе, Зибен вышел прогуляться с Ровеной на луг. Он спросил ее о Мишанеке, и она сказала с нежной улыбкой: «Он во многом походил на Друсса, но при этом был мягок и добр. Я любила его, Зибен, и знаю, как Друссу тяжело с этим смириться. Но у меня отняли память. Я не знала, кто я, и ничего не помнила о Друссе. Я знала только большого и сильного

человека, который любил меня и заботился обо мне. И меня до сих пор печалит, что Друсс был причастен к его смерти». «Но ведь он Мишанека не знал. И все эти годы мечтал о том, как найдет тебя и приведет домой». «Я знаю». «А кого бы из них ты выбрала, если бы тебе предоставили такую возможность?» — спросил вдруг Зибен. «Я никогда не задавала себе такого вопроса. Но я счастлива тем, что была любима ими обоими и любила их».

Зибен хотел продолжить расспросы, но она приложила палец к его губам. «Довольно, поэт! Вернемся в дом».

...Над прудом задул холодный ветер, и Зибен плотнее закутался в одеяло. Все было тихо, только ветер свистел среди скал. Поэту стало очень одиноко. Время тянулось с цепенящей ум медлительностью. Он несколько раз задремывал и просыпался в ужасе — ему казалось, что надиры подкрадываются к нему.

Перед самым рассветом, когда небо стало светлеть, он услышал стук копыт. Поднявшись, он вынул один из своих ножей, выронил его и подобрал снова. Показался Друсс, ведущий под уздцы четырех надирских коней, и Зибен вышел ему навстречу. Одежда Друсса была в крови.

— Ты ранен? — спросил поэт.

— Нет. Путь свободен, и у нас появились лошади для обмена.

— А где еще двое надиров? Ушли?

— Надиры-то нет, а вот их кони убежали.

— Так ты убил всех шестерых?

— Пятерых. Один сорвался со скалы, убегая от меня. Ну, поехали.

Глава 6

Около полуночи Талисман вошел в гробницу Ошикая. Горкай караулил за дверью. Молодой воин разложил перед собой на полу четыре мешочка. Достав из первого пригоршню красного порошка, он разровнял его в круг не шире своей ладони. Слабый лунный свет, проникавший в открытое окно, облегчал ему задачу. Из второго мешочка Талисман достал три длинных сухих листа, скатал их в шарик и положил под язык. Листья были горькими, и он едва не поперхнулся. Вынув из кар-

мана полушубка огниво, Талисман высек огонь и поджег красный порошок, который тут же загорелся багровым пламенем. Талисман вдохнул дым и проглотил комок из листьев.

Он ощутил слабость и головокружение. Откуда-то издалека донеслась тихая музыка, чей-то вздох. В глазах помутилось и прояснилось снова. По стенам гробницы побежали огни, и их блеск вызвал у Талисмана слезы. Он протер глаза и увидел, что на стене вновь мерцают доспехи Ошикая — панцирь, склепанный из ста десяти золотых листков, крылатый шлем из черного железа, украшенный серебряными рунами, и смертоносный топор Колмисай. Талисман медленно обвел взглядом комнату. Прекрасные гобелены украшали ее, и каждый представлял какую-то сцену из жизни Ошикая — охоту на черного льва, разрушение Чьен-По, полет над горами, свадьба с Шуль-сен. Последняя картина особенно поражала: стая воронов несла невесту к алтарю, где стоял Ошикай в окружении двух демонов.

Талисман заморгал, борясь с волнами дурмана, бушующими в его крови. Из третьего мешочка он достал золотое кольцо, из четвертого — маленькую фаланговую кость. Он продел кость в кольцо, как велел ему Носта-хан, и положил перед собой. Прорезав кинжалом левую руку, он оросил кровью кость и кольцо.

— Взываю к тебе, о великий воин, — сказал он, — и смиренно прошу тебя явиться ко мне.

После короткого промежутка в гробнице подул холодный ветер, не поднявший, однако, ни единой пылинки. Над гробом возникла призрачная фигура. Золотые доспехи, слетев со стены, облекли ее, и топор лег в ее правую руку. У Талисмана перехватило дыхание, когда дух сошел вниз и сел, поджав ноги, напротив него. Ошикай, хотя и плечистый, вовсе не был тем великаном, каким представлял его Талисман. Лицо у него было плоское и суровое, нос широкий, с большими ноздрями. Волосы он туго стягивал в хвост и не носил ни бороды, ни усов. Лиловые глаза смотрели властно. От него исходила сила человека, знающего свою цель.

— Кто здесь звал Ошикая? — спросил призрачный воин.

— Я, надир Талисман.

— Ты принес мне вести о Шуль-сен?

Талисман, не ожидавший такого вопроса, опешил.

— Я... я ничего не знаю о ней, повелитель, кроме легенд и преданий. Одни говорят, что она умерла вскоре после тебя, другие — что уплыла за океан, в страну, где никогда не заходит солнце.

— Я искал везде: в Долинах Духов, в Ущельях Проклятых, на Полях Героев, в Чертогах Сильных. Я с незапамятных времен блуждаю по Пустоте, но не нашел ее.

— Я пришел, чтобы осуществить твои мечты, повелитель, — сказал Талисман, как наказывал ему Носта-хан, но Ошикай точно не слышал его. — Надиры должны объединиться, — продолжал Талисман. — Для этого надо найти вождя с лиловыми глазами, но мы не знаем, где искать его.

Дух Ошикая вздохнул:

— Он найдется, когда Глаза Альказарра вернутся в глазницы Каменного Волка. Волшебная сила вновь напитает землю, и явится вождь.

— Я ищу эти Глаза, повелитель. Говорят, будто они спрятаны здесь. Это правда?

— Да, это правда. Они здесь, рядом, надир Талисман, — но не тебе суждено найти их.

— Кому же тогда, повелитель?

— Их найдет чужеземец. Больше я тебе ничего не скажу.

— А что же Собиратель, о воин? Можешь ли ты назвать мне его имя?

— Имя ему будет Ульрик. А теперь я должен идти и продолжать свои поиски.

— Но почему ты ищешь, о повелитель? Разве ты обитаешь не в раю?

— Какой может быть рай без Шуль-сен? Смерть я могу перенести, но разлуку с ней — нет. Я найду ее, даже если мне придется затратить на это дюжину вечностей. Прощай, надир Талисман.

Не успел Талисман произнести ни слова, как призрак исчез. Молодой воин встал, шатаясь, попятился к двери. За ней в лунном свете стоял Горкай.

— Что там случилось? Я слышал, как ты говоришь сам с собой.

— Он пришел, но ничем не помог мне. Его дух страждет — он ищет свою жену.

— А, колдунью Шуль-сен. Говорят, ее сожгли заживо, развеяли ее прах на четыре ветра, а душу уничтожили чарами.

— Никогда об этом не слышал. Нам рассказывали другое — в том числе и о том, что она уплыла за море, где нет ночи, и живет там в вечной надежде, что Ошикай найдет ее.

— Да, твоя сказка красивее — но обе, и твоя, и моя, объясняют, отчего великий воин не может найти свою жену. Что будем делать теперь?

— Посмотрим, что принесет нам завтрашний день. — И Талисман направился в комнаты, занятые для них Гор-

каем. В главном здании было тридцать клетушек, предназначенных для паломников. Зусаи разостлала свои одеяла на полу под окном. Когда Талисман вошел, она притворилась спящей. Он, не подходя к ней, взял себе стул и сел, глядя на звезды. Не в силах больше выносить молчания, она спросила:

— Явился ли вам дух?

— Да, он пришел. — Талисман пересказал ей историю поисков Шуль-сен и обе легенды, повествующие о ее судьбе.

Зусаи села, завернувшись в одеяло.

— Есть и другие истории. О том, что ее сбросили с утеса в Лунных горах, о том, что она покончила с собой, о том, что превратилась в дерево. У каждого племени своя легенда. Но как печально все же, что он не может ее найти.

— Более чем печально. Он сказал, что без нее не сможет обрести рай.

— Как это прекрасно! Но ведь он был чиадзе, а мы чувствительный народ.

— За прожитые мной годы я понял: люди, которые хвастаются своей чувствительностью, чувствительны только к собственным нуждам и совершенно безразличны к нуждам других. Впрочем, я не в том настроении, чтобы спорить. — Талисман взял свое одеяло, лег рядом с ней и уснул. Сны его, как всегда, были наполнены болью.

Кнут обрушился на его спину, но он не издал ни звука. Он надир, и какой бы сильной ни была боль, он ни за что не покажет виду перед этими гайинами — этими круглоглазыми чужаками. Кнут его заставили делать самому — он туго оплел кожей деревянную рукоять, а потом разрезал кожу на тонкие полоски и в каждую вплел кусочек свинца. Окаи считал каждый удар до предписанных пятнадцати. Когда последний упал на его кровоточащую спину, он позволил себе привалиться к столбу.

— Дайте ему еще пять, — послышался голос Гаргана.

— Это противоречит уставу, мой господин, — возразил Премиан. — Он уже получил самое большое количество, допускаемое для кадета пятнадцати лет.

Окаи не верилось, что Премиан за него заступился. Староста Академии не скрывал своего отвращения к надирам.

— Устав написан для человеческих существ, Премиан, а не для надирского отродья, — заявил Гарган. — Сами видите, он ничуть не страдает — он ни разу не вскрикнул. Где нет разума, там нет и чувств. Еще пять!

— Я не могу исполнить этот приказ.

— Лишаю вас звания, Премиан. Я был о вас лучшего мнения.

— Как и я о вас, господин Гарган. — Окаи услышал, как староста бросил кнут на пол. — Если этому юноше нанесут еще хоть один удар, я напишу об этом своему отцу во дворец. Пятнадцати кнутов за непослушание вполне достаточно — двадцать были бы истязанием.

— Молчать! — загремел Гарган. — Еще одно слово — и я подвергну вас такому же наказанию, а после выгоню из Академии. Я не потерплю неподчинения и неуважения к себе. Ты! — указал он на кого-то, кого Окаи не видел. — Еще пять кнутов, будь любезен.

Окаи услышал, как кнут подняли с пола, и приготовился. Лишь после первого удара он понял, что Премиан бил вполсилы, а этот новый точно мстил ему за что-то. На третьем ударе у него вырвался стон — это было еще позорнее, чем само наказание, но Окаи покрепче закусил кожаный ремешок, который держал во рту, и больше не издал ни звука. Кровь уже струилась по спине ручьем, скапливаясь у пояса. После пятого удара в зале воцарилась мертвая тишина. Гарган нарушил ее.

— Теперь, Премиан, ступайте и пишите вашему отцу. Отвяжите эту падаль.

Трое надирских мальчиков бросились к столбу и отвязали Окаи. Упав им на руки, он повернулся посмотреть, кто его бил, и сердце у него екнуло. Это был Дальш-чин из племени Летучих Коней.

Друзья отнесли Окаи в лазарет, где служитель помазал ему спину мазью и зашил самый глубокий рубец на плече. Дальш-чин пришел и стал рядом.

— Ты молодец, Окаи, — сказал он по-надирски. — Мое сердце преисполнено гордостью за тебя.

— Зачем тогда ты заставил меня закричать перед гайинами?

— Потому что он велел бы добавить еще пять, если бы ты молчал, и еще пять, и еще. Это было испытание воли, которое могло привести к твоей гибели.

— А ну, прекрати говорить на этой тарабарщине, — сказал служитель. — Ты знаешь, что это против правил, и я этого не потерплю!

Дальш-чин кивнул и положил руку на голову Окаи.

— У тебя храброе сердце, мальчик, — сказал он уже по-готирски и ушел.

— Двадцать ударов за то, что ты защищался, — сказал самый близкий друг Окаи Зен-ши. — Это несправедливо.

— Чего еще ждать от гайинов?

— Меня больше не шпыняют, — сказал Зен-ши. — Может быть, теперь нам всем лучше станет жить.

Окаи промолчал, зная, что его друга оставили в покое только потому, что Зен-ши служит у них на посылках, чистит им сапоги, кланяется и раболепствует. Когда над ним смеются, он только улыбается и кивает головой. Это печалило Окаи, но он ничего не мог поделать. Каждый сам выбирает свою судьбу. Его судьба — сопротивляться им всеми возможными способами и усваивать все, чему они могут научить. Зен-ши не имеет сил, чтобы следовать этим путем: для надира у него необычайно мягкий нрав.

После короткого отдыха в лазарете Окаи без посторонней помощи вернулся в свою комнату, которую делил с Лин-цзе. Этот юноша из племени Небесных Всадников был выше большинства надирских подростков, и лицо у него было квадратное, а углы глаз лишь слегка приподняты. Ходили слухи, что в нем течет гайинская кровь, но в лицо Лин-цзе этого никто не высказывал. Он отличался вспыльчивостью и злопамятностью.

— Я принес тебе еды и питья, Окаи, — сказал он. — И достал горного меда для твоих ран.

— Спасибо, брат, — ответил Окаи, как полагалось.

— Наши племена воюют, поэтому мы не может быть братьями. Но я уважаю твое мужество. — Лин-цзе поклонился и вернулся к своим занятиям.

Окаи лег ничком на узкую койку, перебарывая боль в исхлестанной спине.

— Да, теперь наши племена воюют, но когда-нибудь все надиры станут братьями, и нахлынут на гайинов, и сотрут их с лица земли.

— Хорошо бы. У тебя ведь завтра экзамен, верно?

— Да. Роль кавалерии в карательных походах.

— Давай я тебя поспрашиваю — это поможет тебе отвлечься от боли.

Талисман проснулся перед самым рассветом. Зусаи еще спала. Он тихо поднялся и вышел. Во дворе слепой священник-надир доставал воду из колодца. В предрассветных сумерках он казался моложе, и его бледное лицо было безмятежным.

— Хорошо ли ты спал, Талисман? — спросил он, когда тот подошел.

— Неплохо.

— И видел все те же сны?

— Мои сны касаются только меня, старик, и советую тебе запомнить мои слова, если ты желаешь дописать свой труд.

Священник поставил ведро и присел на край колодца, устремив бледные опаловые глаза на угасающую луну.

— Сны нельзя сохранить в тайне, Талисман, как бы мы ни старались. Они, точно угрызения совести, всегда просятся на свет. И значат они гораздо больше, чем мы полагаем. Ты сам скоро увидишь. Это место, где замыкается круг.

Священник отнес ведро к столу и стал медным черпаком наполнять глиняные манерки, висящие на веревках под навесом. Талисман пришел следом и сел.

— Чью историю ты пишешь?

— Большей частью чиадзе и надиров — но более всего меня занимает жизнь Ошикая. Ты знаешь, откуда взялось слово «надиры»?

— На южном языке «надир» — это «точка величайшей безнадежности», — пожал плечами Талисман.

— На чиадзе это значит «перекресток смерти». Когда Ошикай вывел свой народ из чиадзийской земли, за ними, как за мятежниками, послали огромное войско. Он встретил врагов на равнине Чу-чьен и перебил всех. Но следом шли еще две армии, и ему пришлось вести своих людей через Ледовые горы. Сотни человек замерзли там, а еще больше лишились пальцев рук и ног. Перевалив через скованные морозом горы, они очутились в страшной соляной пустыне, и их охватило отчаяние. Ошикай созвал совет и сказал, что они, родившиеся в нужде и опасности, достигли теперь своего надира. Так он и стал с тех пор называть свой народ. Затем он обратился ко всем и сказал, что Шуль-сен приведет их к воде и что за соляной пустыней лежит благодатная земля. Он говорил о времени, когда надиры умножатся и расселятся от моря до снежных гор, и прочел стих, который все надирские дети впитывают с молоком матери:

Мы надиры,
Вечно юные,
Сталью пытаны,
Кровью писаны,
Победители.

— А что же случилось с Шуль-сен? — спросил Талисман.

Священник улыбнулся, снова поставил ведро и присел к столу.

— Цветистых историй много — одни из них вымышленны, другие так насыщены мастикой, что утратили всякий смысл. Боюсь, что истина куда более проста. Думаю, враги Ошикая взяли ее в плен и убили.

— Если бы так, он нашел бы ее.

— Кто?

— Ошикай. Его дух ищет ее сотни лет и не может найти. Почему?

— Не знаю, — сознался священник, — но я подумаю. Откуда тебе все это известно?

— Известно, и конец. Довольствуйся этим.

— Мы, надиры, люди скрытные, но и любопытные тоже, — улыбнулся священник. — Я вернусь к моим занятиям и подумаю над вопросом, который ты мне задал.

— Ты утверждаешь, что побывал во многих будущих. Почему бы тебе не отправиться в единственное прошлое и не посмотреть самому?

— Хороший вопрос, юноша. Но ответ на него прост. Настоящий историк должен оставаться беспристрастным. А тот, кто присутствует при великом событии, сразу приобретает собственный взгляд на него — такое уж влияние оно оказывает. Да, я мог бы вернуться назад и посмотреть — но не сделаю этого.

— Твоя логика хромает, священник. Если историк не может наблюдать за событиями, ему приходится полагаться на свидетельства других людей, которые, по твоим собственным словам, видят все по-своему.

Священник со смехом захлопал в ладоши.

— Ах, мой мальчик, если бы у нас было больше времени для разговоров! Мы обсудили бы скрытый круг обмана, поджидающий нас на пути добра, побеседовали бы о невозможности доказательства несуществования высшего существа. Но времени у нас с тобой нет, — завершил он уже серьезно, отнес ведро обратно к колодцу и ушел.

Талисман остался на месте, глядя, как величественно всходит солнце над восточными горами.

Квинг-чин вышел из юрты на солнце. Высокий, сумрачный, с глубоко посаженными глазами, он стоял, подставив лицо теплым лучам. Он спал без сновидений и проснулся освеженным, готовым вкусить сладостную месть. Вчерашний гнев сменился холодной решимостью. Его люди, собравшись в круг, сидели неподалеку. Квинг-чин поднял мощные руки над головой и потянулся, расправляя спину. Его друг Ши-да встал и подал ему меч.

— Он остро наточен, — сказал воин, — и готов разрубить тело врага.

Остальные шестеро, сидевшие в кругу, тоже поднялись. Квинг-чин был выше их всех.

Побратим Шанки, воина, убитого бойцом Небесных Всадников, подошел к Квинг-чину.

— Душа Шанки ждет отмщения, — сказал он, как подобало по обряду.

— Я пошлю ему слугу, чтобы он ни в чем не знал отказа, — ответил Квинг-чин.

Молодой воин подвел пегого коня, и Квинг-чин сел в седло. Ши-да подал ему длинное копье с двумя конскими хвостами, знаком закаленного в боях воина Летучих Коней, и черный шлем из лакированного дерева, отороченный мехом. Квинг-чин откинул назад свои длинные, до плеч, волосы и надел шлем. Потом тронул коня каблуками и поехал прочь из лагеря, мимо белых стен усыпальницы Ошикая.

В стане Небесных Всадников уже разводили костры. Квинг-чин, не обращая внимания на суету, направил коня к самой дальней из восемнадцати юрт. Рядом с ней было воткнуто копье с насаженной на него головой Шанки. Земля внизу промокла от крови, и мертвое лицо было пепельно-серым.

— Выходи, — крикнул Квинг-чин.

Полотнище юрты распахнулось, вышел коренастый воин. Не глядя на Квинг-чина, он развязал штаны и помочился, а после сказал, кивнув на отрубленную голову:

— Явился полюбоваться моим деревом? Гляди, оно уже цветет!

Небесные Всадники, собравшиеся тем временем вокруг них, начали смеяться. Квинг-чин подождал, когда они уймутся, и сказал холодно и резко:

— Славное зрелище. Только у Небесных Всадников на деревьях растут гнилые плоды.

— Ха! Сегодня на моем дереве появится свежий плод — жаль только, что ты не сможешь на него посмотреть.

— Отчего же? Я даже смогу потрогать его руками. Однако довольно разговоров. Я буду ждать тебя на открытом месте, где не слышно смрада твоего становища.

С этими словами Квинг-чин послал коня вскачь и отъехал шагов на двести к северу. Двадцать восемь воинов Летучих Коней уже ждали его там, молча сидя на конях. Вскоре прибыли тридцать Небесных Всадников и выстроились в ряд против Квинг-чина и его людей.

Коренастый воин с длинным копьем в руке проскакал галопом около пятидесяти ярдов и резко осадил коня. Квинг-чин, въехав в пространство между двумя рядами, поднял копье. Небесный Всадник взял копье наперевес и поскакал к нему. Предводитель Летучих Коней стоял, не

трогаясь с места. Расстояние между ними сокращалось, и лишь в самый последний миг Квинг-чин дернул поводья и выкрикнул приказ. Его конь метнулся вправо, а Квинг-чин в то же мгновение ударил копьем влево. Удар метил в бок и живот противника, но Небесный Всадник успел натянуть поводья, и копье вонзилось в шею его коня. Тот зашатался и упал, вырвав копье из рук Квинг-чина. Небесный Всадник взлетел в воздух и тяжело грохнулся на спину. Квинг-чин соскочил с седла и бросился к нему, вытаскивая меч. Небесный Всадник вскочил на ноги. Он еще не оправился от падения, однако успел выхватить меч и отразить первый удар. Кинг-чин, наступая, пнул его левой ногой в незащищенное колено. Противник отскочил назад и чуть не упал. Квинг-чин рубанул в воздух. Небесный Всадник заорал от боли и кинулся в атаку. Квинг-чин отразил колющий удар в живот, повернулся на каблуках и ткнул левым локтем в окровавленное лицо врага. Тот повалился, но тут же вскочил, сделав молниеносный выпад в лицо Квинг-чину. Высокий надир отклонился, и клинок порезал ему мочку уха. Его собственный удар, метивший в шею, пришелся слишком низко, и меч рассек Небесному Всаднику левое плечо. Тот качнулся вперед, но сумел отразить новый удар. Оба воина стали описывать круги уже осторожнее, проникшись уважением друг к другу. Квинг-чин дивился проворству своего противника, а тот, весь залитый кровью из ран на лице и плече, понимал, что дела его плохи.

Квинг-чин, метнувшись вперед, сделал финт. Другой воин мигом вскинул меч, но на сей раз быстрота сыграла с ним злую шутку. Меч Квинг-чина вонзился ему в грудь, однако он успел отпрянуть, и клинок вошел не более чем на два дюйма. Небесный Всадник упал и поднялся снова.

— Ты хороший боец, — сказал он. — Я буду горд украсить твоей головой свое дерево. — Его левая рука теперь висла плетью, и кровь, стекая по ней, капала на землю. Квинг-чин на миг испытал сожаление. Шанки был заносчивым, хвастливым юнцом — он сам напросился на смерть, вызвав этого воина. И теперь, по надирскому обычаю, Квинг-чин должен отправить душу этого человека на вечное служение Шанки. Он вздохнул.

— Я тоже горд, что сразился с тобой. Ты воин, каких мало. Я воздаю тебе честь, Небесный Всадник.

Тот кивнул — и бросился в атаку. Квинг-чин отступил вбок перед его отчаянным выпадом и направил свой клинок в живот и вверх, в сердце. Небесный Всадник упал на него, уронив голову ему на плечо. Квинг-чин подхватил его

и опустил на землю. Небесный Всадник испустил прерывистый вздох и умер.

Настал решающий миг. Квинг-чин встал на колени и достал нож. Обе шеренги молча ждали, глядя на него. Он встал и сказал:

— Я не стану вынимать ему глаза. Пусть друзья унесут его и похоронят.

Ши-да соскочил с коня и подбежал к нему.

— Как же так, брат? Ты должен вложить его глаза в руку Шанки, иначе у нашего воина не будет слуги в загробном мире!

Один из Небесных Всадников послал своего коня вперед и спешился рядом с Квинг-чином.

— Ты хорошо сражался, Лаотш-чин, — сказал он.

Воин Летучих Коней обернулся, услышав свое детское имя, и встретился с грустным взглядом Небесного Всадника. Лин-цзе мало изменился за те два года, что они расстались с Академией, разве что раздался в плечах и стал брить голову, оставляя только короткую косицу на макушке.

— Рад видеть тебя снова, Лин-цзе, — жаль только, что по такому поводу.

— Ты говоришь, как готир. Завтра я приеду в твой лагерь — а когда я убью тебя, то выну твои глаза и отдам их моему брату. Ты будешь служить ему, пока звезды не обратятся в пыль.

У себя в юрте Квинг-чин снял окровавленный кафтан и опустился на колени. Все два года после Бодакасской Академии он пытался вновь обрести свои надирские корни, зная, что жизнь среди готиров запятнала его в глазах соплеменников. Сам он не признавался в своей ущербности даже себе, но сегодня понял, что это правда.

Он слышал, как вернулись всадники с головой Шанки, но остался в юрте, погрузившись в мрачные думы. Обряд мести за пролитую кровь имел легкие различия в зависимости от племени, но в основе своей оставался тем же. Если бы он вырезал глаза у Небесного Всадника и вложил их в мертвую руку Шанки, дух врага на веки вечные перешел бы в подчинение Шанки. Ведь Небесный Всадник в Пустоте будет слеп, и без глаз Шанки ему не обойтись. А зависимость означает повиновение. Но Квинг-чин нарушил ритуал — и чего ради? Завтра ему придется драться снова, а если он победит, другой воин вызовет его на поединок.

Вошел его друг Ши-да, присел перед ним на корточки и сказал:

— Ты хорошо сражался. Славный был бой. Но завтра ты должен вынуть глаза.

— Глаза Лин-цзе, — прошептал Квинг-чин. — Глаза того, кто был моим другом? Я не смогу.

— Что с тобой, брат? Они наши враги!

— Я пойду в святилище, — сказал Квинг-чин и встал. — Мне нужно подумать.

Пригнувшись у низкого входа, он вышел на солнце. Тело Шанки, завернутое в кожу, лежало недалеко от его юрты. Правая рука торчала наружу, раскрыв скрюченные пальцы. Квинг-чин сел на своего пегого конька и поехал к белым стенам святилища.

«Каким же ядом сумели они отравить мой надирский дух? — думал он. — Книгами, рукописями, картинами? Уроками морали или бесконечными философскими спорами? Как знать...»

Ворота были открыты. Он въехал во двор и спешился. Поставив коня в тени, он направился к гробнице.

— Мы заставим их страдать, как страдал Зен-ши, — сказал чей-то голос. Квинг-чин замер и медленно обернулся.

Талисман подошел к нему.

— Рад видеть тебя снова, дружище.

Квинг-чин молча стиснул протянутую руку Талисмана.

— Ты радуешь мое сердце, Окаи. Все ли у тебя благополучно?

— В основном. Пойдем, раздели со мной хлеб и воду.

Они сели в тени под деревянным навесом. Талисман наполнил две глиняные кружки из каменного кувшина и дал одну Квинг-чину.

— Чем окончился бой нынче утром? Там была такая пыль, что я со стены ничего не разглядел.

— Небесный Всадник умер, — сказал Квинг-чин.

— Когда же кончится это безумие? — грустно спросил Талисман. — Когда мы прозреем и увидим, где наш истинный враг?

— Это будет не скоро, Окаи. Завтра я снова дерусь. — Квинг-чин посмотрел в глаза Талисману. — С Лин-цзе.

Лин-цзе сидел на камне и точил меч с непроницаемым лицом, скрывая гнев. Из всех на свете людей Дальш-чин был последним, кого он хотел бы убить. Но такая уж у него судьба — и настоящий мужчина не должен морщиться, когда Боги Камня и Воды поворачивают нож! Точильный брусок скользил по острию сабли, и Лин-цзе представлял себе, как эта серебристая сталь разрубит шею Дальш-чина. Он тихо выругался, встал и выпрямил спину.

Под конец в Академии осталось только четверо надирских янычаров — он сам, Дальш-чин, тот несчастный парень из Зеленой Обезьяны, Зен-ши, и странный маль-

чишка из Волчьей Головы, Окаи. Из прочих одни разбежались, другие с треском провалились на экзаменах — к вящей радости Гаргана Ларнесского. Одного парня повесили за убийство офицера, еще один покончил с собой. Гарган добился своего: опыт с надирами потерпел неудачу. Но четверо последних, вызывая крайнее раздражение генерала, упорно сдавали экзамен за экзаменом, а один, Окаи, превосходил всех прочих кадетов, включая и генеральского сына Арго.

Лин-цзе вдел саблю в ножны и вышел в степь. Ему вспомнился Зен-ши, его испуганные глаза и дрожащая улыбка. Готиры мучили его, издевались над ним, и он подлизывался к ним, особенно к Арго, которому служил как раб. Арго звал его Улыбчивой Обезьяной, а Лин-цзе презирал за трусость. На Зен-ши почти не было рубцов, потому что он делал как раз то, чего готиры ожидали от варвара, — покорялся высшим существам.

И все же он совершил ошибку, которая стоила ему жизни: обогнал на годовых экзаменах всех, кроме Окаи. Лин-цзе до сих пор помнил выражение лица Зен-ши, когда объявили итоги. Откровенная радость при взгляде на Арго и остальных сменилась ужасом. Улыбчивая Обезьяна утерла нос им всем. Зен-ши из предмета презрения и снисхождения сделался предметом ненависти. Маленький надир ежился под их злобными взглядами.

В ту же ночь Зен-ши упал с крыши и разбился о покрытые снегом булыжники.

Была зима, ночь стояла холодная, окна в здании замерзли, между тем на Зен-ши была только набедренная повязка. Услышав его крик при падении, Лин-цзе выглянул в окно и увидел худенькое тело, истекающее кровью на снегу. Он и Окаи сбежали вниз с десятком других мальчиков и стали над трупом. На спине, ягодицах и ляжках Зен-ши остались красные рубцы от кнута, запястья кровоточили.

— Он был связан, — сказал Лин-цзе.

Окаи не ответил, глядя туда, откуда упал Зен-ши. В тех комнатах на верхнем этаже жили старшие кадеты из знатных семей, а ближнее окно принадлежало Арго. Лин-цзе проследил за взглядом Окаи. Белокурый сын Гаргана облокотился о подоконник, с легким интересом наблюдая сцену внизу.

— Ты видел, как это случилось, Арго? — крикнул кто-то.

— Обезьянке вздумалось влезть на крышу. Мне сдается, он был пьян. — И Арго захлопнул окошко.

Окаи с Лин-цзе вернулись в свою комнату. Дальш-чин уже ждал их. Они присели на полу и стали тихо говорить по-надирски.

— Арго прислал за Зен-ши три часа назад, — шепотом сообщил Дальш-чин.

— Его связали и стали бить, — сказал Окаи. — Он не переносил боли, поэтому ему, наверное, заткнули рот, иначе мы услышали бы крики. Будет дознание.

— И оно установит, — подхватил Лин-цзе, — что Улыбчивая Обезьяна перебрал спиртного, празднуя свой успех, и сорвался с крыши. Наглядный пример того, что варвары пить не умеют.

— Ты прав, дружище. Но мы заставим их страдать, как страдал Зен-ши.

— Хорошая мысль. И как же мы осуществим это чудо?

Окаи помолчал немного, и Лин-цзе уже не суждено было забыть того, что он сказал после, еще больше понизив голос:

— Работы на северной башне еще не закончены, а рабочие вернутся туда только через три дня. Завтра мы дождемся, когда все уснут, а потом пойдем туда и подготовим нашу месть.

Гарган Ларнесский снял шлем и втянул в легкие горячий воздух пустыни. Солнце палило, и воздух над степью трепетал от зноя. Повернувшись в седле, Гарган оглянулся на колонну. Тысяча уланов, восемьсот пеших гвардейцев и двести лучников медленно продвигались вперед в облаке пыли. Гарган повернул коня и зарысил назад, мимо повозок с водой и провизией. Двое офицеров присоединились к нему, и вместе они въехали на гребень низкого холма. Гарган оглядел окрестности.

— Разобьем лагерь у тех скал, — сказал он, указав на небольшую гряду в нескольких милях к востоку. — Там есть водоемы.

— Так точно, генерал, — отозвался Марльхем, пожилой седобородый офицер — он выслужился из низов, и вскоре его должны были отправить в отставку.

— Вышлите вперед разведчиков. Пусть убивают всех надиров, которых заметят.

— Слушаюсь.

Гарган обратился ко второму офицеру, красивому молодому человеку с ясными голубыми глазами:

— Вы, Премиан, возьмете четыре роты и проведете разведку вон в тех камышах. Пленных не брать. Всех надиров рассматривать как неприятелей. Вам ясно?

— Да, генерал. — Юноша еще не научился скрывать своих чувств.

— Знаете, почему я взял вас в этот отряд?

— Нет, генерал, не знаю.

— Потому что ты излишне мягок, мальчик, — рявкнул Гарган. — Я заметил это еще в Академии. Сталь, если таковая в тебе имеется, следует закалять. Вот ты и закалишься во время этой кампании. Я намерен напитать эти степи надирской кровью. — Гарган пришпорил жеребца и поскакал вниз с холма.

— Будь осторожен, мальчик, — сказал Марльхем. — Этот человек тебя ненавидит.

— Он животное. Злобное, вредное животное.

— Так и есть. Он всегда был крут, а уж когда исчез его сын, вовсе свихнулся. Ты ведь тоже был там в это время?

— Да. Темное дело. Должно было состояться дознание о смерти кадета, который выпал из окна Арго, а в ночь перед дознанием Арго пропал. Мы все обыскали. С ним исчезла его одежда и заплечный мешок. Сначала мы думали, будто он испугался, что его обвинят в гибели того парня. Но это было смешно, Гарган отстоял бы его в любом случае.

— Что же, по-твоему, с ним случилось?

— Сам не знаю. — Премиан повернул к хвосту колонны и дал знак своим младшим офицерам следовать за ним. Он кратко передал им новый приказ. Новость обрадовала двести человек, которыми он командовал: по крайней мере пыль больше не глотать.

Пока люди запасались провизией, Премиан думал о минувших днях в Академии, о том, что случилось летом два года назад. Из всего надирского состава остался один Окаи — его товарищей отправили домой после того, как оба провалили самый трудный из предвыпускных экзаменов. Их неудача поразила Премиана — ведь он занимался вместе с ними и понимал, что они знают этот предмет не хуже, чем он сам. А он сдал с похвальной отметкой. Остался только Окаи — ученик столь блестящий, что провалить его было нельзя. Но даже он едва набрал проходной балл.

Премиан высказал свои сомнения старейшему и самому лучшему из наставников, отставному офицеру по имени Фанлон. Поздно ночью в кабинете Фанлона Премиан сказал старику, что надиров, по его мнению, отчислили несправедливо.

— Мы тут много говорим о чести, — с грустью ответил Фанлон, — но на деле испытываем в ней недостаток, как всегда и везде. Мне не позволили проверить их работы — ими занимались господин Гарган и двое его приспешников. Но я боюсь, что вы правы, Премиан. И Дальш-чин, и Линцзе были учениками более чем способными.

— А вот Окаи позволили сдать. Почему?

— Этот парень — исключение. Но выпускные ему сдать не дадут: найдут какой-нибудь способ придраться.

— Нельзя ли ему как-то помочь?

— Сначала скажите, Премиан, почему вы этого хотите? Вы ведь с ним не друзья.

— Мой отец внушил мне отвращение к несправедливости. Этого довольно?

— Вполне. Хорошо, будем действовать вместе.

В день выпускных экзаменов каждый кадет, входя в зал, получал маленький диск с номером. Диски раздавал, вынимая их из черного бархатного мешка, староста Академии, длинный тонкий парень по имени Джашин. Каждый диск был обернут в бумагу, чтобы другие не видели, какой на нем номер. Этот ритуал должен был обеспечить полное беспристрастие к ученикам во время экзамена. Номер диска кадеты ставили на своих работах, не подписывая их, а собранные работы сразу передавались судьям, которые их оценивали.

Премиан шел за Окаи и заметил, что кулак Джашина был уже сжат, когда тот запустил руку в мешок, чтобы вручить Окаи его диск. Премиан прошел позади надира в зал, где рядами стояли парты.

Экзамен продолжался три часа. Кадетам, во-первых, требовалось составить формулу снабжения наступающей армии числом двадцать тысяч человек, осуществляющей поход через Вентрийское море, а во-вторых, дать рекомендации командующему этой армией, перечислив опасности, ожидающие его при вторжении в Вентрию.

У Премиана задание отняло все силы, но он был почти уверен, что написал хорошо. Вопросы основывались на кампании, проведенной двести лет назад легендарным готирским генералом Бодакасом, чье имя носила Академия. К счастью, Премиан совсем недавно читал об этой кампании.

Когда кадеты стали выходить, Премиан увидел, что в зал вместе с другими судьями вошел генерал Гарган. Премиан, стараясь не смотреть ему в глаза, отправился к Фанлону. Старый учитель налил кадету разбавленного вина, и они долго молча сидели у окна, выходящего на залив.

День подошел к концу, и наконец зазвонил колокол. Премиан присоединился к другим кадетам, идущим в главный зал, чтобы узнать итоги экзамена.

Гарган и старшие наставники стояли на помосте в южном конце зала. Двести кадетов выстроились перед ними. Теперь Премиан смотрел прямо на генерала, который к

этому часу облачился в полные доспехи своего ранга: позолоченный панцирь и белый плащ старшего офицера Гвардии. Позади него на деревянной стойке блестело множество сабель. Когда кадеты заняли свои места, Гарган вышел вперед.

— Сто сорок шесть кадетов сдали выпускной экзамен, — громовым голосом объявил он, — и сегодня получат свои сабли. Еще семнадцать удостоились похвального отзыва. Один кадет выпускается с отличием. Тридцать шесть провалились и покинут эти стены с позором, которым обязаны своей лености. Согласно освященной временем традиции, мы начнем с получивших средний балл и закончим тем, кто сдал с отличием. Пусть тот, чей номер я назову, выходит вперед.

Кадеты один за другим выходили к помосту, предъявляли свои диски, получали сабли, кланялись учителям и строились в задней половине зала.

Дошла очередь до кадетов с похвальными отзывами. Премиана среди них не было, Окаи тоже. У Премиана пересохло во рту: он стоял близко к помосту и смотрел на Гаргана сверху вниз.

— Итак, — сказал генерал, — мы вызываем нашего лучшего кадета, юношу, чье воинское мастерство поможет поддержать славу готиров. — Он снял с подставки последнюю саблю, блистающую серебром, с украшенной золотом рукоятью. — Пусть номер семнадцатый выйдет вперед.

Окаи вышел из рядов и взошел на помост под ропот, поднявшийся в зале. Премиан не сводил глаз с широкого лица Гаргана: глаза генерала выкатились, челюсть дрогнула. Он стоял молча, глядя с неприкрытой ненавистью на молодого надира.

— Здесь какая-то ошибка, — сказал он наконец. — Не может этого быть! Принесите его работу!

В наставшей тишине староста поспешно сбежал с помоста. Шли минуты, за которые никто не шелохнулся и не произнес ни слова. Староста вернулся и подал Гаргану стопку страниц. Генерал стоя начал просматривать их.

Фанлон вышел вперед.

— Почерк не оставляет сомнений, генерал, — мягко заметил он. — Это работа Окаи. Вы сами оценивали ее, я видел. Ошибки быть не может.

Гарган заморгал. Окаи подошел к нему и протянул руку. Гарган посмотрел на него, на саблю в собственных дрожащих руках и швырнул клинок Фанлону.

— Вручите ему сами! — прошипел он и сошел с помоста.

Старый учитель улыбнулся Окаи.

— Вы вполне заслужили ее, молодой человек, — сказал он голосом, слышным всем в зале. — За эти

пять лет вы перенесли немало испытаний — как телесных, так и духовных. Примите мое уважение и восхищение, если это чего-то стоит для вас — а я надеюсь, что стоит. Надеюсь также, что вы сохраните о нас и добрые воспоминания, не только дурные. Не хотите ли сказать несколько слов своим товарищам?

Окаи, кивнув, обвел взглядом кадетов.

— Я многому здесь научился, — сказал он. — И когда-нибудь употреблю эти знания с пользой. — С этими словами он спустился вниз и вышел из зала.

Фанлон сошел вслед за ним и сказал Премиану:

— Я поговорю о вас и попрошу еще раз проверить вашу работу.

— Спасибо вам, учитель. Спасибо за все. Вы были правы. Я видел, что пальцы Джашина были сжаты, когда он опускал руку в мешок: он уже приготовил диск для Окаи.

— Джашину теперь придется туго. Господин Гарган не из тех, кто прощает.

В тот же день Гарган вызвал Премиана к себе в кабинет. Генерал так и не снял доспехов, и лицо у него было серое.

— Сядь, мальчик, — сказал он. Премиан повиновался. — Я хочу задать тебе вопрос и честью обязываю тебя ответить на него правдиво.

— Я слушаю, — с упавшим сердцем откликнулся Премиан.

— Окаи — твой друг?

— Нет, генерал. Мы почти не разговаривали — у нас мало общего. Почему вы спрашиваете, генерал?

Гарган пристально посмотрел на него и вздохнул:

— Не имеет значения. Мне надрывает сердце то, что он получил саблю. Но тебя это не касается. Я вызвал тебя, чтобы сказать, что произошла ошибка. Ты получил похвальный отзыв.

— Благодарю вас. Но... как это произошло?

— Ошибка была честная, и я надеюсь, что ты примешь мои извинения по этому поводу.

— Разумеется, генерал. Благодарю вас, генерал.

Премиан вышел и вернулся к себе. В полночь он проснулся оттого, что в дверь постучали. Он встал и отпер засов. За дверью стоял Окаи, одетый, как в дорогу.

— Ты уезжаешь? Но ведь раздача призов будет только завтра.

— Саблю я уже получил. Я пришел поблагодарить тебя. Я думал, слова о готирской чести — это просто болтовня. И был не прав.

— Ты много вытерпел здесь, Окаи, но уходишь с торжеством, и я восхищаюсь тобой за это. Куда ты отправишься теперь?

— Назад, в свое племя.

Премиан протянул руку, и Окаи пожал ее. Когда надир повернулся, чтобы уйти, Премиан спросил:

— Можно задать тебе вопрос?

— Конечно.

— Когда мы хоронили твоего друга Зен-ши, ты открыл гроб и вложил ему в руку какой-то сверток. На обертке была кровь. Мне хотелось бы знать, в чем тут дело. Это надирский обычай?

— Да. Это даст Зен-ши слугу в будущей жизни.

Окаи ушел, а через три дня, вследствие постоянных жалоб на дурной запах, идущий от новой стены северной башни, рабочие разобрали кладку. За ней нашли разложившийся труп с выколотыми глазами.

Глава 7

Нуанг Ксуан был хитрый старый лис и никогда не привел бы своих людей на земли Спинорубов, если бы удача не изменила ему. Он заслонил глаза и оглядел местность, задержавшись на скалах в западной стороне. Его племянник Менг подъехал к нему и спросил:

— Это и есть Башни Погибших Душ? — Менг говорил тихо, чтобы не потревожить живущих там духов.

— Они самые, но мы не подойдем к ним близко, чтобы демоны не причинили нам зло.

Менг поскакал обратно к маленькому каравану, и Нуанг проводил его взглядом. Четырнадцать воинов, пятьдесят две женщины и тридцать один ребенок — не то войско, чтобы путешествовать по таким краям. Но кто мог предполагать, что готирская кавалерия окажется так близко от Лунных гор? Предпринимая свой набег на готирские усадьбы в камышовых низинах с целью увода лошадей и коз, Нуанг опирался на то, что никаких солдат здесь уже пять лет и близко не бывало. Ему еще посчастливилось уйти со своими четырнадцатью людьми от улан. Двадцать воинов полегли в том бою, среди них два его сына и три племянника. Проклятые гайины шли по пятам, и Нуангу не оставалось ничего, как только увести остаток своего отряда в это населенное духами место.

Нуанг пришпорил коня и въехал на пригорок. Щурясь против утреннего солнца, он посмотрел назад. Улан

не видно — может, тоже боятся Спинорубов? Но почему они подошли так близко к камышам? Готиры никогда не заходят на восточные низины — разве что во время войны. Может, гайины воюют с кем-то — с Волчьей Головой или с Зелеными Обезьянами? Да нет, встречные торговцы уж верно сказали бы ему об этом.

Тут была какая-то тайна, а Нуанг тайн не любил. Он снова оглядел свой маленький клан — слишком маленький теперь, чтобы стать полноправной частью племени. А ведь придется вести их обратно на север. Нуанг сплюнул. Как будут смеяться над ним, когда он станет просить позволения вновь вступить на земли племени. Нуанг Неудачливый — вот как его прозовут.

Менг и еще двое молодых парней подскакали к нему.

— Всадники, — объявил Менг, указывая на запад. — Двое гайинов. Давай убьем их, дядя! — Парень был взволнован, и его темные глаза блестели.

Нуанг посмотрел в ту сторону. Едва различив всадников в знойном мареве, он позавидовал зоркости молодых.

— Нет, нападать пока не надо. Может, это разведчики, высланные вперед. Пусть подъедут поближе.

Он съехал вниз, и четырнадцать воинов раскинулись веером, приготовившись к атаке. Нуанг подозвал Менга.

— Что ты там видишь, мальчик?

— Их по-прежнему двое, дядя. Гайины. У одного борода, круглый черный шлем и черный кафтан с серебром на плечах; у второго желтые волосы и нет меча, но на груди перевязь с ножами. Ох!

— Что такое?

— У чернобородого большой топор с двумя блестящими лезвиями. Они едут на готирских конях, но в поводу ведут четырех наших лошадей, оседланных.

— Я и сам теперь вижу. Ступай назад!

— Я тоже хочу сражаться, дядя!

— Тебе еще и двенадцати нет. Слушай, что тебе говорят, не то мой кнут погуляет по твоей заднице!

— Мне скоро тринадцать, — заспорил Менг, но все-таки отъехал в задние ряды. Нуанг Ксуан ждал, опустил скрюченные пальцы на костяную рукоять сабли. Двое всадников медленно приближались, и он уже ясно видел их лица.

Светловолосый гайин был очень бледен, его осанка выдавала тревогу и страх: руки крепко сжимали поводья, а тело точно одеревенело в седле. Нуанг перевел взгляд на бородача с топором. В этом страха не замечалось. Но что значат один

храбрец и один трус против четырнадцати воинов? Удача, как видно, снова повернулась к Нуангу лицом. Всадники остановились перед самой шеренгой надиров, и Нуанг уже набрал воздуха, чтобы послать своих людей в атаку, да встретился взглядом с чернобородым воином. Более холодных глаз он еще не видел — они были как зимние снеговые тучи, серые и грозные. Сомнение закралось в сердце вожака, и он вспомнил об оставшихся сыновьях и племянниках — многие из них уже были ранены, о чем свидетельствовали окровавленные повязки. Напряжение росло. Нуанг облизнул губы и снова приготовился дать сигнал. Бородач едва заметно качнул головой и сказал голосом низким и еще более холодным, чем его взгляд:

— Подумай хорошенько, старик. Мне сдается, удача последнее время была не на твоей стороне. Женщин у тебя, насколько я вижу, втрое больше, чем мужчин, а твои воины изранены и утомлены.

— Ну, теперь судьба, я думаю, переменилась, — отозвался Нуанг.

— Возможно. Хочешь меняться? У меня есть четыре надирских коня, а также мечи и луки.

— У тебя хороший топор. Его ты тоже меняешь?

Бородач улыбнулся, и это было не слишком ободряющее зрелище.

— Нет, это Снага, что на древнем языке значит «паромщик, не знающий возврата». Тому, кто хочет проверить верность этого имени, стоит только попросить.

Нуанг чувствовал, что его воины неспокойны. Они были молоды и, несмотря на недавние потери, рвались в бой. Старик внезапно ощутил все бремя своих шестидесяти с лишним лет. Он развернул коня, велел своим людям устроиться на ночлег поближе к скалам и выслал разведчиков следить, не покажется ли враг. Воины повиновались беспрекословно. Нуанг обернулся к гайину с топором и заставил себя улыбнуться:

— Добро пожаловать в наш стан — там и договоримся о мене.

Позже, в сумерках, когда они втроем сидели у костра, чернобородый спросил:

— Тебе не кажется, что в скалах было бы безопаснее?

— Безопаснее от людей. Это Башни Погибших Душ, и в них бродят демоны. Здесь похоронен чародей былых времен, а с ним и его дьяволы. Так по крайней мере рассказывают. Ну, так что же ты хочешь за этих чахлых коней?

— Провизию нам на дорогу и проводника, чтобы доехал с нами до следующей воды, а после — до святилища Ошикая, Гонителя Демонов.

Нуанг удивился, но не показал виду. Что нужно гайинам в святилище?

— Путь предстоит трудный и опасный. Это земли Спинорубов, а двое путников и проводник — заманчивая добыча.

— Они уже попались на эту приманку. И у нас появились кони и оружие для обмена.

Зибен, которому торг наскучил, встал и отошел от костра. Надиры поставили свои юрты неровным кругом и соорудили между ними щиты от ветра. Женщины стряпали еду на кострах, мужчины сидели тремя кучками, передавая из рук в руки кувшины с лиррдом — хмельным напитком из кислого козьего молока. Ночь пробирала холодом, несмотря на костры и щиты. Зибен прошел к лошадям, отвязал свое одеяло и набросил на плечи. Когда он заметил надирских всадников, то решил, что жить им осталось недолго, несмотря на всю устрашающую мощь Друсса. Теперь страх прошел, и усталость одолевала его с невероятной силой. Молодая надирка отошла от костра и подала ему деревянную миску с тушеным мясом. Женщина была высокой и стройной, с полными соблазнительными губами. Зибен, мигом забыв об усталости, поблагодарил ее и улыбнулся. Она ушла, не сказав ни слова в ответ, и Зибен проводил ее взглядом, следя, как она покачивает бедрами. Мясо было горячим и обильно приправленным специями. Вкус оказался для Зибена внове — он поел с удовольствием, отнес миску надирке, которая сидела с четырьмя другими женщинами, и присел рядом с ними.

— Пища, достойная принца. Благодарю вас, госпожа моя.

— Я не твоя госпожа, — равнодушно ответила она.

Зибен пустил в ход лучшую свою улыбку.

— К несчастью моему, это так. Просто мы, гайины, так выражаемся. Я хотел лишь поблагодарить вас за вашу доброту и за вкусное угощение.

— Ты меня уже в третий раз благодаришь, а собаку приготовить нетрудно: надо только подвесить ее, пока черви не заведутся в глазницах.

— Превосходно. Я надолго запомню это блюдо.

— И она не должна быть слишком старой. Молодые собаки учше.

— Разумеется, — сказал он, приподнимаясь.

Надирка внезапно склонила голову набок и заглянула ему в глаза.

— Моего мужчину убили готирские уланы. Теперь одеяла мои холодны, и некому разогреть мою кровь в студеную ночь.

Зибен сел снова — даже быстрее, чем намеревался.

— Какое горе, — сказал он, не отводя взора от ее миндалевидных глаз. — Красивая женщина не должна страдать от одиночества в холодных одеялах.

— Мой муж был великий воин: он убил трех улан. Но он брал меня быстро, как кобель суку, а потом засыпал. А вот ты не воин. Кто ты?

— Я ученый, — сказал он, садясь к ней поближе. — Я знаю толк во многих вещах — истории, поэзии, искусстве. Но лучше всего я изучил женщин. Они чаруют меня. — Он провел пальцами по ее длинным темным волосам, откинув их со лба. — Я люблю запах женских волос, прикосновение кожи к коже, мягкость губ на губах. И я не спешу в любви.

Женщина сказала что-то по-надирски своим подругам, и они засмеялись.

— Меня зовут Ниоба. Посмотрим, так ли ты хорош в деле, как в разговорах.

— Я всегда ценил прямоту. Но можно ли это? Я хочу сказать... — Он кивнул на мужчин у костра.

— Пойдем. — Она плавно поднялась на ноги. — Я хочу посмотреть, правда ли то, что говорят о гайинах. — Она взяла Зибена за руку и повела к темной юрте.

Нуанг, видевший это, хмыкнул.

— Твоему другу вздумалось покататься на тигре. Ниоба — огонь, способный расплавить железо любого мужчины.

— Полагаю, он это переживет.

— Ты тоже хочешь женщину, чтобы согреть твои одеяла?

— Нет. Моя женщина осталась дома. Что такое стряслось с твоим отрядом? По вам точно кувалдой прошлись.

Нуанг сплюнул в огонь.

— Готирские уланы напали на нас — вылетели откуда ни возьмись на своих огромных конях. Я потерял двадцать человек. Ты сказал правду: удача отвернулась от меня. Должно быть, я прогневал чем-то Богов Камня и Воды. Но что проку жаловаться. Скажи лучше, кто ты? Ты не готир. Откуда ты?

— С дренайских земель, что лежат за синими горами далеко на юге.

— Далеко же ты заехал от дома, дренай. Зачем тебе святилище?

— Надирский шаман сказал мне, что я найду там одну вещь, которая поможет моему умирающему другу.

— Ты подвергаешься большой опасности ради своего друга: это негостеприимная земля. Я сам хотел убить тебя, а я в племени из самых мирных.

— Меня не так просто убить.

— Я понял это, когда посмотрел в твои глаза, дренай. Ты видел много битв, ведь так? И много могил осталось за тобой. Когда-то, давным-давно, к нам в степь пришел другой дренай. Он тоже был воин; его звали Попробуй-Убей, и он бился с готирами. Годы спустя он вернулся, чтобы жить среди нас. Мне рассказывали это, когда я был ребенком, — и это все, что я слышал о дренаях. Его имя было Ангел.

— Я уже слышал это имя. Что еще ты о нем знаешь?

— Только то, что он был женат на дочери Бычьего Черепа, и у них было два сына: один высокий и красивый, непохожий на Ангела, другой — могучий воин. Он женился на надирской девушке, они покинули племя и уехали на юг. Вот все, что я знаю.

Две женщины, опустившись на колени, поставили перед ними миски с мясом. Из юрты Ниобы послышались крики, и женщины засмеялись. Друсс покраснел и молча стал есть. Женщины ушли, а Нуанг сказал:

— Твой друг к рассвету сильно утомится.

Друсс лежал, глядя на звезды. Обычно он засыпал сразу, но в эту ночь ему не спалось. Он сел и сбросил с себя одеяло. В лагере было тихо, и от костров остались только мерцающие угли. Нуанг предложил Друссу ночевать в своей юрте, но тот отказался, предпочитая спать под открытым небом.

Друсс взял свой топор, шлем, колет с серебряными наплечниками, встал и потянулся. Ночь была холодная, ветер проникал под щиты, поставленные между юртами. У Друсса было неспокойно на душе. Он надел шлем, натянул перчатки, отодвинул полотняный ветровой щит и вышел в степь. Часовой сидел под ракитовым кустом, завернувшись в козью шкуру. Друсс узнал юного Менга, которого Нуанг представил ему как своего младшего племянника. Мальчик посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Все ли спокойно? — спросил Друсс.

Мальчик кивнул, явно смущенный.

Друсс прошел к черным скалам и сел на камень футах в пятидесяти от караульщика. Днем степь казалась сухой и негостеприимной, но холодная магия ночи придавала ей мрачную загадочность, и в скалах таились невыразимые ужасы. Глаза шутили шутки с разумом. Валуны превращались в согнувшихся демонов, и казалось, будто они шевелятся, а ветер свистящим шепотом повествовал о муках и смерти. Друсс не остался равнодушен к этим лунным чарам. Чтобы ото-

гнать непрошеные страхи, он смотрел на луну и думал о Ровене, оставшейся дома. Все годы после ее спасения он очень старался дать ей почувствовать, что она любима и нужна ему. Но глубоко в его душе гнездилась боль, не замечать которой он не мог. Ровена прежде любила Мишанека, а тот любил ее. Однако Друсса терзала не ревность, а чувство глубокого стыда. Когда разбойники много лет назад похитили Ровену, он отправился искать ее с решимостью, не знавшей преград. Он добрался до Машрапура и стал кулачным бойцом, чтобы заработать денег на проезд в Вентрию. После этого он переплыл океан, где сражался с пиратами, вступил в полуразгромленное войско принца Горбена и стал там первым воином. Все это он делал, чтобы найти Ровену, влачившую, как он думал, жизнь рабыни, и спасти ее.

Но со временем он узнал правду. Ровена, лишившись памяти, полюбила Мишанека, стала уважаемой и любимой женой и жила в роскоши, довольная и счастливая. И зная все это, Друсс продолжал воевать на стороне солдат, которые разрушили город, где она жила, и убили человека, любимого ею.

Друсс видел, как сражался Мишанек против Бессмертных, и видел, как эти отборные бойцы отступали в страхе перед израненным воином, окруженным трупами убитых врагов.

«Ты был настоящим мужчиной, Мишанек», — прошептал Друсс и вздохнул. Ровена никогда не корила его смертью Мишанека — да они никогда и не говорили о нем. Но теперь, в этой безмолвной пустыне, Друсс понял, что это было неправильно. Мишанек заслуживал лучшего, как и Ровена — милая, нежная Ровена. Она хотела одного: выйти за крестьянина, которым сделался Друсс, построить дом и растить детей. Но Друсс, бывший крестьянином когда-то, уже не мог вернуться к прошлому. Он вкусил радость битвы, хмельной дурман насилия, и даже любовь к Ровене не могла удержать его в родных горах. А детьми судьба их не благословила. Друсс, так желавший иметь сына, ощутил мимолетное сожаление, но тут же изгнал его из своих мыслей. Он подумал о Зибене и с улыбкой признал, что они не так уж отличаются друг от друга. «Оба мы мастера бесплодных дел, — сказал он мысленно, — я дерусь по поводу и без повода, ты предаешься любовным утехам без любви. Что мы можем дать этому истерзанному страданиями миру?» Ветер усилился, и беспокойство Друсса возросло. Прищурившись, он всматривался в степь. Все было тихо. Он вернулся к мальчику и спросил:

— Что говорят дозорные?

— Ничего. Ни гайинов, ни Спин-орубов.

— Когда их сменят?

— Когда луна коснется самой высокой горы.

Значит, скоро, подумал Друсс, посмотрев на небо. Он снова отошел в сторону — тревога не оставляла его. Надо было устроить ночлег среди скал — водятся там демоны или нет. Вдали показался всадник — он помахал Менгу и рысью въехал в лагерь. Вскоре в степь выехал сменивший его воин. Появился второй дозорный, за ним третий. Друсс подождал немного и спросил мальчика:

— Разве в дозор посылали не четверых?

— Точно, четверых. Джодаи, наверно, дрыхнет где-нибудь. Дядя будет недоволен.

Ветер переменился. Друсс вскинул голову и понюхал воздух, а после схватил мальчишку за плечо и поднял на ноги.

— Буди своего дядю — быстро! Скажи, чтобы все отступали в скалы.

— Убери руки! — Мальчишка замахнулся, но Друсс притянул его к себе.

— Слушай, парень: смерть рядом. Ты понял? Кто знает, успеем ли мы. Беги со всех ног, если жизнь дорога!

Менг припустился к лагерю, а Друсс с топором в руке неотрывно смотрел в пустую, казалось бы, степь. Потом и он вернулся в лагерь. Когда он протиснулся за щит, Нуанг был уже на ногах. Женщины торопливо укладывали одеяла и провизию, шепотом утихомиривая детей. Нуанг подбежал к Друссу и спросил:

— Что ты видел?

— Не видел, а чуял — гусиный жир. Уланы смазывают им сбрую и кольчуги, чтобы те не ржавели. Их кони спрятаны где-то близко.

Нуанг выбранился и отошел. Зибен вылез из юрты, застегивая свою перевязь. Друсс махнул ему и указал на скалы в сотне шагов от них. Надиры, раздвинув ветровые щиты, уже бежали через открытое пространство. Оставшиеся воины заводили коней в глубокую расселину. Друсс занял место в хвосте отряда. Одна из женщин упала на бегу, и он помог ей встать. Она несла на руках ребенка и вела за руку другого, едва научившегося ходить. Друсс поднял малыша на руки и побежал вместе с ней. Еще не все женщины успели добраться до скал, когда из ближней балки появились пятьдесят улан. Они наступали пешими, сверкая клинками при луне.

Передав ребенка объятой ужасом матери, Друсс поднял Снагу и обернулся к солдатам лицом. Несколько надирских воинов, вскарабкавшись на скалы, уже осыпа-

ли врага черными стрелами, но готиров надежно защищали панцири, кольчуги и шлемы с забралами. Вдобавок каждый прикрывался круглым щитом, пристегнутым к левой руке. Стрелы большей частью отскакивали от них, не причиняя вреда, — только один солдат, раненный в бедро, зашатался и упал, потеряв шлем с белым плюмажем.

— Целься ниже! — заорал Друсс.

Пятясь, он продвигался к узкому проходу в скалы. Первые трое улан ринулись вперед, и он с ревом прыгнул им навстречу, раскроив Снагой шлем первого и убив второго обратным ударом, распоровшим живот. Третий взмахнул саблей, но она отскочила от черного шлема Друсса. Снага со свистом обрушился на прикрытую кольчугой шею солдата. Прочная кольчуга не дала лезвию рассечь кожу, но тяжесть удара вдавила звенья в шею и раздробила позвонки. К месту схватки подоспели еще несколько солдат. Первый попытался заслониться от топора деревянным, укрепленным железом щитом, но Снага расколол щит надвое и разрубил руку под ним. Улан с криком упал, увлекая за собой еще двоих. Узкий проход позволял нападать только трем сразу, а остальные толклись сзади. Надиры сверху швыряли камни и обстреливали незащищенные ноги врагов.

Друсс рубил напропалую, и его топор уже обагрился кровью.

Уланы дрогнули и отступили. У ног Друсса стонал солдат с перерубленной рукой. Друсс, став на колени, стащил с раненого шлем и сгреб его за волосы.

— Сколько вас тут? Говори, и будешь жить — я отпущу тебя к своим.

— Две роты — клянусь, это правда!

— Вставай и беги — за лучников я не отвечаю.

Солдат, спотыкаясь, припустил назад. Две стрелы отскочили от его панциря, третья попала в бедро. Он захромал дальше и сумел-таки добраться до своих.

Две роты... пятьдесят человек. Друсс сосчитал тела, которые были на виду. Семерых он убил топором, еще несколько сбиты стрелами и уже не вступят в бой. Значит, остается около сорока человек — недостаточно, чтобы взять штурмом эти скалы, но достаточно, чтобы запереть надиров там и послать за подкреплением.

Трое молодых надиров слезли вниз, чтобы снять с убитых доспехи и оружие. Нуанг спустился с ними.

— Думаешь, теперь они отойдут назад?

— Нет, они будут искать другой путь. Надо отойти подальше в скалы, иначе они могут окружить нас. Сколько было в том отряде, который напал на вас в камышах?

— Не больше сотни.

— Тогда остается вопрос: где еще две роты?

Неожиданно уланы снова пошли в атаку. Надиры бросились обратно, но Друсс вышел вперед.

— Идите сюда и умрите, сукины дети! — взревел он, вызвав гулкое эхо в скалах. Первый улан взмахнул саблей, целя ему в горло, но Снага отразил удар. Солдат отлетел назад, врезавшись в двух своих товарищей. Когда Друсс ринулся на них, они повернулись и побежали.

Нуанг с мечом в руке стал рядом с ним. В надирском лагере вспыхнуло пламя, и Нуанг выругался, но Друсс только хмыкнул.

— Юрты — дело наживное, старик. Сдается мне, твоя удача переменилась к лучшему.

— Как же, как же. Впору прыгать на радостях от такой удачи!

Ниоба лежала на животе, глядя сквозь узкий просвет в черном базальтовом камне.

— Твой друг — великий воин, — сказала она, откинув с лица иссиня-черные волосы.

Зибен пригнулся рядом с ней.

— Такой у него дар, — признал он, раздраженный ее восхищением и тем, что ее миндалевидные глаза прикованы к Друссу.

— Почему тебя нет рядом с ним, по-эт?

— Милая, когда Друсс начинает махать своим топором, никому не хочется быть с ним рядом. И потом, он любит сражаться с превосходящими силами противника. Это позволяет ему проявить себя с лучшей стороны.

Ниоба, приподнявшись на локте, посмотрела ему в глаза.

— Ты больше не боишься, по-эт? Когда мы бежали сюда, ты весь дрожал.

— Не выношу насилия, особенно когда оно направлено против меня. Но сюда они за нами не полезут. Это уланы в тяжелых доспехах, дело которых — кавалерийские атаки на открытой местности. Сапоги у них с высокими каблуками и подбиты железом, чтобы лучше держаться в стременах. Для лазания по вулканическим скалам они уж никак не приспособлены. Они отойдут и будут поджидать нас в степи. На некоторое время нам ничего не грозит.

— Ошибаешься, по-эт. Посмотри вокруг. Эти черные скалы называются Башнями Погибших Душ. Здесь обитает зло. Быть может, демоны уже подкрадываются к нам.

Зибен вздрогнул, но вовремя уловил веселый огонек в ее глазах, заметный даже в меркнущем лунном свете.

— Ты сама в это не веришь.

— Нет, верю.

— Ты просто хочешь меня напугать. Хочешь знать, почему надиры верят, что здесь живут демоны? Потому что где-то здесь есть — или был — вулкан, изрыгавший огонь, ядовитый пепел и раскаленную лаву. И путники, проезжавшие мимо, должны были слышать страшный грохот под землей. — Зибен показал на две башни, торчащие рядом на светлеющем небе. — Они полые внутри — это конусы застывшей лавы.

— А в демонов ты не веришь?

— Верю, — мрачно ответил он. — Есть чудища, которых можно вызвать из преисподней — но они просто щенки по сравнению с теми, которых человек носит в себе.

— И в тебе они есть? — прошептала она, широко раскрыв глаза.

— Как буквально вы все понимаете, — пробормотал он и слез туда, где стоял Друсс с Нуангом и еще несколькими надирами. Усмехнувшись про себя, он отметил, как жмутся надиры к Друссу, глядя ему в рот. А ведь не прошло и нескольких часов, как они рвались убить его. Теперь он для них герой и друг.

— Эй, старый конь! — окликнул Зибен, и Друсс обернулся к нему.

— Как по-твоему, поэт, они больше не вернутся?

— Полагаю, что нет. Но нам лучше поискать какой-то другой выход из этих камней. Не хотелось бы мне наткнуться на них в степи.

Друсс кивнул. Кровь запеклась в его бороде и на колете, но топор он успел обтереть.

Солнце взошло над далекими горами, и Друсс направился в глубину расселины. Уланы отошли куда-то во тьму, и их не было видно.

Надиры провели еще час в тревожном ожидании. Потом несколько человек спустились к дымящимся руинам лагеря, чтобы собрать немногое уцелевшее имущество.

Нуанг подошел к Друссу и Зибену.

— Ниоба говорит, ты сказал ей, будто в этих скалах нам ничего не грозит.

Зибен еще раз объяснил про извержение вулкана. Осталось непонятным, как воспринял это Нуанг, — его лицо сохранило бесстрастное выражение, и настороженность в глазах не исчезла.

Друсс засмеялся.

— Если выбирать между демонами, которых мы еще не видели, и уланами, которые налицо, я знаю, какой выбор сделать.

Нуанг, хмыкнув, откашлялся и сплюнул.

— Твой топор и демонов убивает?

Друсс с холодной улыбкой потряс Снагой перед лицом надира.

— Он убивает все, что может разрубить.

— Пожалуй, мы пойдем через холмы Погибших Душ, — с широкой ухмылкой молвил Нуанг.

— Ну, Друсс, с тобой не соскучишься, — буркнул Зибен. Тот хлопнул его по плечу окровавленной пятерней. — Вот спасибо. Моему голубому шелку только и недоставало кровавого пятна!

— Я есть хочу, — заявил Друсс.

Зибен, достав из кармана платок, стер пятно, насколько удалось, и двинулся за воином в глубину скал. Ниоба принесла ему холодного мяса и козьего сыра и посидела рядом, пока он ел.

— А воды нет? — спросил он.

— Нет пока. Гайины разбили все наши бочонки, кроме одного. Сегодня придется потерпеть. Красивая у тебя рубашка, — добавила она, поглаживая шелк и трогая перламутровые пуговки у горла.

— Мне ее сшили в Дренане.

— Все такое мягкое. — Она перевела руку на его шерстяные штаны и задержалась на бедре. — Такое мягкое.

— Если ты подвинешь руку чуть повыше, там будет уже не так мягко.

Подняв бровь, она скользнула ладонью к внутренней стороне ноги.

— И правда.

— Пора двигаться, поэт! — окликнул Друсс.

— Нашел время, — проворчал Зибен.

Два часа они шли по черным холмам. Здесь не было растительности, повсюду высились базальтовые скалы. Надиры испуганно поглядывали по сторонам. Даже дети вели себя тихо. Дорога была неверной, и лошадей вели в поводу. К полудню один из коней провалился в трещину, которая разверзлась под ним, и сломал себе переднюю ногу. Он бился, пока молодой надир не перерезал ему горло. Кровь хлынула на камни. Женщины вытащили коня из ямы и разделали его.

— Вечером будет свежее мясо, — сказала Ниоба Зибену.

Жара сделалась такой сильной, что Зибен даже потеть перестал и чувствовал, как его мозг ссыхается до величины ореха. К сумеркам измученные люди прошли скалы наполовину и разбили лагерь у одной из двух башен. Зибен стал в очередь с другими мужчинами, чтобы получить единственный ковш воды из уцелевшего бочонка. Вкус показался ему слаще нектара.

Перед самым закатом он отошел от лагеря и полез по острым камням к вершине западной башни. Подъем был нетрудным, но утомительным. Зибен тем не менее испытывал потребность уйти от других и побыть в одиночестве. На вершине он сел и стал смотреть вокруг. Белые облака усеивали небо, мирные и безмятежные, а заходящее солнце окрасило золотом далекие горы. Ветер здесь, наверху, был восхитительно свеж, и вид великолепен. Горы с угасанием солнца теряли краски, становясь похожими на грозовые тучи. Небо над ними из пурпурного сделалось серебристо-серым, а после бледно-золотым. Облака тоже изменили цвет, став из белоснежных коралловыми. Зибен, прислонившись к стене, наслаждался зрелищем. Но вот небо совсем потемнело, и взошла луна, яркая и чистая. Зибен вздохнул.

Ниоба взобралась к нему и села рядом.

— Я хотел побыть один, — сказал он.

— Мы и так одни.

— Ну конечно. Как я глуп. — Он заглянул в конус башни. Лунный луч освещал ее изнутри. Ниоба тронула его за плечо.

— Погляди вон на тот выступ внизу.

— Мне сейчас не хочется любви, моя красавица.

— Да нет же! Вон там, на конце.

Он проследил за ее пальцем. Футах двадцати внизу виднелся — или ему так казалось — вход, вырубленный в скале.

— Это шутки лунного света, — сказал он, пристально глядя в глубину.

— А вон ступеньки. — Ниоба была права. На дальнем конце выступа в стене башни были высечены ступеньки.

— Пойди-ка приведи Друсса, — распорядился Зибен.

— Там-то они и живут, демоны, — шепнула она, отходя.

— Скажи, пусть захватит веревку, факелы и огниво.

Ниоба оглянулась:

— Ты хочешь спуститься туда? Зачем?

— Я любопытен от природы, милая. Хочу знать, зачем кому-то понадобилось пробивать тропу внутри вулкана.

Облака теперь разошлись, и луна стала ярче. Зибен обошел вокруг кратера поближе к лестнице. Над ее на-

чалом виднелись в мягком камне следы от веревки. Сами ступени либо вырубались в большой спешке, либо совсем обветшали — а может быть, и то, и другое. Перегнувшись через край, Зибен дотронулся до первой ступени. Камень крошился и обламывался под пальцами. Этой лестнице было явно уже не под силу выдержать тяжесть человека.

Друсс с Нуангом и несколькими воинами взобрался наверх. Ниобы с ними не было. Вождь заглянул за край, не сказав ничего. Друсс присел рядом с Зибеном.

— Девушка сказала, ты хочешь спуститься туда. Разумно ли это, поэт?

— Скорее всего нет, старый конь. Но я не хочу весь остаток жизни жалеть о том, что этого не сделал.

Друсс заглянул внутрь.

— Далеко будет падать.

Зибен уставился в темную глубину. Луна, хотя и яркая, не доставала до дна конуса.

— Спусти меня на выступ, — сказал он, собрав все свое мужество: идти на попятный было поздно. — Только веревку потом не отпускай. Эта скала крошится, как соль, и карниз может меня не выдержать. — Обвязавшись веревкой вокруг пояса, Зибен подождал, пока Друсс перекинет ее через свои могучие плечи, и перелез через край. Друсс медленно опускал его, пока ноги Зибена не уперлись в карниз — тот держал прочно.

Зибен теперь оказался перед входом, и у него больше не было сомнений, что это отверстие вырублено человеком. В скале виднелись странные узоры — завитки и звезды вокруг фигуры, напоминавшей сломанный меч. Начиная от входа, в камень были вделаны железные брусья, порыжевшие от ржавчины. Зибен что есть силы потянул за один брус, но тот не поддался.

— Ну, что там? — спросил Друсс.

— Спускайся сюда и погляди сам. Я отвяжу веревку.

Вскоре Друсс с зажженным факелом присоединился к нему.

— Отойди-ка. — Друсс отдал факел Зибену, отвязал веревку, ухватился обеими руками за первый брус и потянул. Брус со скрежетом погнулся посередине и оторвался. Друсс бросил железяку через плечо, и она с лязгом полетела вниз. Воин выломал таким же манером еще два бруса и сказал: — Ступай первым, поэт.

Зибен пролез в образовавшуюся щель и поднял факел. Он очутился в небольшом круглом помещении. С потолка свисали цепи. Друсс протиснулся следом, подошел к цепям, на одной из которых что-то болталось, и велел:

— Посвети.

С цепи свисала высохшая рука. Зибен опустил факел и увидел оторвавшееся от нее тело, теперь превратившееся в мумию. Мерцающий огонь осветил длинное платье из истлевшего белого шелка, все еще красивое в этом темном, мрачном склепе.

— Это была женщина, — сказал Друсс. — Ее замуровали здесь заживо.

Зибен опустился на колени рядом с трупом. Пустые глазницы блеснули ему навстречу, и он едва не выронил факел. Друсс пригляделся получше.

— Эти сукины дети вбили ей в глаза золотые гвозди. — Он повернул голову мертвой, и в ушах тоже сверкнуло золото. Зибен пожалел о том, что Ниоба заметила этот выступ. Его сердце сжалось от сострадания к давно умершей женщине и к ее мукам.

— Пойдем-ка отсюда, — тихо сказал он.

Наверху они рассказали Нуангу о том, что видели. Старый вождь выслушал их молча, а после сказал:

— Должно быть, она была великой колдуньей. Завитки и звезды у входа указывают, что ее дух приковали к этому месту с помощью чар. А гвозди вбили для того, чтобы она не могла ни видеть, ни слышать в мире духов. Язык скорее всего пробили тоже.

Зибен снова обвязался веревкой.

— Что ты делаешь? — спросил Друсс.

— Хочу снова спуститься туда, старый конь.

— Зачем? — удивился Нуанг.

Зибен, не отвечая, перелез через край.

— Романтик всегда романтик, а, поэт? — усмехнулся Друсс, берясь за веревку.

— Подай-ка мне факел.

В пещере Зибен стал на колени у трупа и запустил пальцы в сухие глазницы, чтобы вытащить гвозди. Они вышли легко, так же как длинный гвоздь из правого уха. Левый засел глубоко, и его пришлось выковыривать ножом. Когда Зибен открыл покойнице рот, челюсть отломилась. Собравшись с духом, поэт извлек последний золотой гвоздь.

— Не знаю, свободен ли теперь ваш дух, госпожа, — тихо сказал он. — Надеюсь, что да. — Собравшись уже встать, он заметил какой-то блеск в складках истлевшего белого платья. Это был круглый медальон, окаймленный темным золотом. Приблизив его к свету, Зибен увидел, что сам медальон сделан из потускневшего серебра и украшен выпуклым рисунком, который поэт не мог разглядеть. Сунув вещицу

в карман, он вышел из пещеры и велел Друссу тащить его наверх.

Они вернулись в лагерь, Зибен стал полировать медальон при свете луны, стараясь вернуть ему блеск. Друсс сел рядом с ним и сказал:

— Я вижу, ты нашел клад.

Зибен протянул ему медальон. На одной стороне был вытиснен профиль мужчины, на другой — женщины. Вокруг женской головы были написаны какие-то слова на языке, которого Зибен не знал.

— Возможно, это монета — король и королева, — сказал, приглядевшись, Друсс. — Ты думаешь, женщина — это она?

— Не знаю, Друсс. Но кем бы она ни была, убили ее со зверской жестокостью. Можешь ты представить себе, что это такое? Когда тебя тащат в это жуткое место и выкалывают тебе глаза? Висеть там и истекать кровью, пока смерть подкрадывается к тебе с мучительной медлительностью?

Друсс вернул медальон Зибену.

— А может, она была страшной ведьмой, которая ела детей, и казнили ее за дело.

— За дело? Нет такого преступления, Друсс, которое заслуживало бы подобной казни. Если человек творит зло, его нужно убить — а посмотри, что сделали с ней. Кто бы это ни совершил, ему это доставило удовольствие — так тщательно эта казнь обдумана и так скрупулезно осуществлена.

— Что ж, ты сделал все, что мог, поэт.

— Ты не находишь, что этого мало? Как по-твоему — может теперь ее дух видеть, слышать и говорить?

— Хочется думать, что может.

Ниоба пришла к ним и села рядом с Зибеном.

— В тебе все жилы натянуты, по-эт. Любовь тебе поможет.

— Думаю, ты совершенно права, — усмехнулся Зибен, вставая и беря ее за руку.

Прошло время, и Ниоба уснула, а Зибен сидел при луне, думая о женщине в пещере. Кто же она и за какую вину ее казнили? Она, конечно, была колдуньей, в этом сомневаться не приходится. Ее убийцы приложили немало труда, чтобы покончить с ней бесповоротно.

Ниоба зашевелилась и просила:

— Тебе не спится, по-эт?

— Я думаю о той покойнице.

— Почему?

— Не знаю. Страшно умирать так — ослепленной, закованной, замурованной в темной пещере. Злое, жестокое дело. И зачем ее привели сюда, в это безлюдное место? Зачем спрятали ее тело?

— А куда уходит спать солнце? — сказала, садясь, Ниоба. — Где те мехи, которыми пользуются ветры? Что проку задавать себе вопросы, на которые нет ответа?

Зибен улыбнулся и поцеловал ее.

— Именно так приобретается знание. Люди задают себе вопросы, на которые ответа пока нет. Солнце не уходит спать, Ниоба. Солнце — это огромный огненный шар в небесах, а наша планета — шарик поменьше, и она оборачивается вокруг него. — Ниоба смотрела на него с недоумением, но молчала. — Я хочу сказать, что ответ есть всегда, даже если мы его пока не видим. Та женщина в пещере была богатой, а возможно, и знатной — принцессой или королевой. На медальоне, который я нашел, вытиснены две головы — мужская и женская. Оба они, судя по лицам, надиры или чиадзе.

— Покажи.

Зибен достал медальон из кармана и положил ей на ладонь. Луна светила ярко, и Ниоба стала рассматривать портреты.

— У нее красивое лицо, но она не надирка.

— Почем ты знаешь?

— Надписи на лон-циа чиадзийские. Мне уже доводилось видеть такие знаки.

— А ты не можешь прочесть, что тут написано?

— Нет. — Ниоба вернула ему медальон.

— Как, ты сказала, это называется? Лон-циа?

— Да. Это дар любви, очень дорогой. К свадьбе должны были сделать два таких. Этот мужчина — ее муж, и на ее лонциа его изображение обращено внутрь, к сердцу. А он свой носил наоборот, ее головой к сердцу. Так издавна заведено у чиадзе — если они богаты.

— Хотел бы я тогда знать, что случилось с ее мужем.

Ниоба придвинулась к нему.

— Довольно вопросов, по-эт. Я буду спать. — Зибен лег рядом с ней. Ее пальцы, погладив его по щеке, скользнули ниже, на грудь и живот.

— Ты вроде бы спать собиралась?

— После любви всегда лучше спится.

К полудню следующего дня отряд прошел скалы насквозь — дальше начиналась степь. Нуанг выслал впе-

ред дозорных, и остаток воды поделили между женщинами и детьми. Друсс, Нуанг и юный Менг взобрались на камни, чтобы обозреть степь, голую и пустую на вид. Врага нигде не было видно.

Через час разведчики вернулись и доложили, что уланы ушли. Дозорные двигались по их следам до родника в глубокой балке — источник был выпит досуха и покинут.

Нуанг довел свой усталый караван до родника и стал там лагерем.

— Никакого терпения нет у этих гайинов, — сказал он Друссу, стоя над затоптанным в грязь источником. — Вода еле сочится, а они пустили к ней лошадей. Если бы они набирали понемногу, хватило бы всем — и людям, и коням. А так? Ха! Их кони едва смочили языки и к закату опять захотят пить.

Несколько женщин начали разгребать грязь и щебень. Очистив родник, они сели и стали ждать. Через час ямка начала наполняться водой.

Нуанг снова выслал разведчиков, и они вернулись за час до сумерек. Вождь поговорил с ними и подошел к Друссу и Зибену, седлавшим своих коней.

— Гайины свернули на северо-запад. Мои люди, увидев там большое облако пыли, подъехали так близко, как только посмели, и говорят, что гайинов целое войско. Зачем они пришли сюда? За что здесь воевать?

Друсс положил свою ручищу на плечо старика.

— Они идут в долину Слёз Шуль-сен, чтобы разорить святилище.

— Но зачем им кости Ошикая? — удивился вождь.

— Далеко ли еще до гробницы? — спросил его Друсс.

— Если взять двух запасных коней и ехать на северо-восток всю ночь, через два дня вы увидите ее стены. Но вы ненамного опередите гайинов.

— Желаю тебе удачи, — сказал Друсс и протянул Нуангу руку. Тот кивнул и пожал ее.

Зибен подошел к Ниобе.

— Надеюсь, мы еще встретимся, госпожа моя.

— Может, встретимся, а может, и нет, — сказала она и отвернулась.

Поэт сел на своего коня, Друсс на кобылу, и они, взяв двух сменных надирских коней, покинули лагерь.

Еще до прихода в святилище Носта-хана вести о готирском нашествии достигли четырех станов. Из племени Острого Рога прискакал на взмыленном коне гонец. Оста-

новившись у юрт своих воинов, он соскочил с седла. Готирская кавалерия налетела на два селения Острого Рога, перебив там всех: мужчин, женщин и детей. А еще тысяча солдат движется сюда, в долину, сказал гонец.

Предводитель воинов Острого Рога, мужчина средних лет по имени Барцай, послал за другими командирами, и в полдень они собрались в его юрте: Лин-цзе от Небесных Всадников, Квинг-чин от Летучих Коней и бритоголовый Кзун от Одиноких Волков. Они сидели молча, пока гонец рассказывал им о том, что видел сам: готирское войско движется походом, убивая всех надиров на пути.

— В этом нет смысла, — сказал Кзун. — Зачем им воевать с Острым Рогом?

— И зачем они идут в эту долину? — вставил Лин-цзе.

— Пожалуй, для нас более важен другой вопрос: что делать? — сказал Квинг-чин. — Им до нас меньше двух дней.

— Что делать? — повторил Барцай. — То есть как — что делать? Или ты видишь вокруг себя войско? Нас здесь и ста двадцати не наберется.

— Мы охраняем священное место, — сказал Лин-цзе. — Численность ничего не значит. Будь нас даже четверо, мы все равно приняли бы бой.

— Говори за себя! — рявкнул Барцай. — Я не вижу смысла зря губить свою жизнь. Если здесь не будет воинов, гайины пройдут мимо. Здесь для них ничего нет, кроме костей Ошикая. Нечем поживиться. Мы лучше сохраним святилище, если уйдем.

— Ба! — бросил Лин-цзе. — Чего еще и ждать от трусов из Острого Рога?

Барцай, вскочив на ноги, сорвал с пояса кинжал, а Лин-цзе схватился за саблю. Квинг-чин бросился между ними с криком:

— Нет! Это безумие!

— Я не позволю оскорблять себя в собственной юрте, — прорычал Барцай, злобно глядя на высокого Лин-цзе.

— Тогда не говори о бегстве, — сказал Лин-цзе, загоняя саблю обратно в ножны.

— А о чем еще тут можно говорить? — пожал плечами Кзун. — Я не хочу бежать от гайинов, но и своих воинов зря терять не хочу. Я не питаю любви к Острому Рогу, но Барцай — воин, закаленный во многих битвах. Он не трус. Я тоже. То, что он говорит, — правда. Гайины пришли сюда убивать надиров, хотя их цель мне непонятна. Если нас здесь не будет, они пройдут мимо. Надо

заманить их поглубже в степь, подальше от воды. Их кони перемрут там.

Входное полотнище приоткрылось, и в юрту вошел человек небольшого роста, старый и сморщенный, в ожерелье из человеческих фаланговых костей.

— Кто ты? — подозрительно спросил Барцай, поняв по костям, что человек этот — шаман.

— Я Носта-хан, — сказал вошедший и сел между Кзуном и Барцаем. Оба отодвинулись от него подальше. — Вы уже знаете о том, что вам угрожает. Две тысячи готирских воинов, ведомые Гарганом, губителем надиров, идут к этому священному месту. Вы еще не знаете, зачем они идут сюда, но я скажу вам. Они идут, чтобы сровнять святилище с землей и растоптать в прах кости Ошикая.

— Но зачем? — спросил Кзун.

— Кто может разгадать мысли гайинов? Они смотрят на нас как на червей и убивают, когда им заблагорассудится. Мне нет дела до причины, которая ими движет, — довольно и того, что они идут сюда.

— Что же ты нам посоветуешь, шаман? — спросил Лин-цзе.

— Вы должны выбрать себе вожака и дать им отпор всеми своими силами. Нельзя отдавать святилище гайинам.

— Круглоглазые гады! — прошипел Кзун. — Им мало того, что они охотятся на нас и убивают. Теперь они вздумали осквернить наши священные места. Я этого не потерплю. Вопрос только в том, кому из нас быть главным. Я не хочу показаться спесивым, но я дрался в тридцати семи боях и предлагаю себя.

— Послушайте меня, — тихо заговорил Квинг-чин. — Я уважаю всех, кто здесь присутствует, и не хочу никого обидеть. Но из всех, кто сидит в этой юрте, командовать можем только я и Лин-цзе, ибо мы оба обучались у гайинов и знаем, как обороняться от осады. И есть здесь, в святилище, один человек, который понимает военное искусство гайинов лучше, чем кто-либо другой.

— И кто же этот... герой? — осведомился Барцай.

— Раньше он звался Окаи, — повернувшись к Лин-цзе, сказал Квинг-чин. — Теперь его зовут Талисман.

— И ты веришь, что этот человек способен привести нас к победе? — спросил Кзун. — Против превосходящих нас в двадцать раз вражеских сил?

— Небесные Всадники готовы ему подчиниться, — сказал внезапно Лин-цзе.

— И Летучие Кони тоже, — сказал Квинг-чин.

— Из какого он племени? — спросил Барцай.

— Из Волчьей Головы, — ответил Лин-цзе.

— Тогда пойдемте к нему. Я хочу сам на него посмотреть, прежде чем вручать ему своих людей, — заявил Барцай. — Тем временем я разошлю гонцов, ибо здесь поблизости много селений Острого Рога, а нам понадобится побольше бойцов.

Зусаи провела неспокойную ночь — ее преследовали странные сны. Какие-то люди тащили ее по камням и приковывали в мрачной, темной пещере. «Ведьма! Потаскуха!» — кричали они, осыпая ее ударами.

С панически бьющимся сердцем она открыла глаза, соскочила с постели и распахнула окно, вдыхая свежий ночной воздух. Слишком испуганная, чтобы снова ложиться спать, она вышла во двор святилища. Там сидели Талисман и Горкай. Когда она подошла, Талисман встал.

— Здорова ли ты, Зусаи? — спросил он, взяв ее за руку. — Ты так бледна.

— Мне приснился страшный сон, но теперь все прошло, — улыбнулась она. — Можно посидеть с вами?

— Конечно.

И они стали говорить о том, где же еще искать Глаза Альказарра. Талисман обшарил всю гробницу, простукал стены и пол, но никаких тайников не нашел. Вместе с Горкаем он даже поднял каменную крышку гроба и осмотрел высохшие кости внутри. Там ничего не было, кроме тяжелого серебряного лон-циа с изображениями Ошикая и Шуль-сен. Талисман оставил его на месте и осторожно закрыл крышку.

— Дух Ошикая сказал мне, что Глаза спрятаны здесь, но я не могу придумать, где еще искать, — сознался он теперь.

Зусаи прилегла рядом с мужчинами и уснула...

Худой человек с горящими глазами приблизил к ней лицо и до крови укусил ей губу.

— Теперь ты умрешь, ведьма, — и будешь умирать долго.

Она плюнула ему в лицо.

— Тогда я соединюсь с моим любимым, и мне не придется больше смотреть на твою мерзкую образину!

Он жестоко ударил ее несколько раз и сгреб за волосы.

— Ты никогда не увидишь его по ту сторону вечности. — Он разжал ладонь и показал ей пять золотых гвоздей. — Ими я проткну тебе глаза и ушные перепонки, а последний вгоню тебе в язык, и твой дух навечно станет моим. Ты будешь прикована ко мне, как должна была быть прикована при жизни. Хочешь молить меня о пощаде? Падешь ли ты на колени, если я тебя освобожу, и поклянешься ли мне в верности?

Зусаи хотела сказать «да», но голос, исходивший из ее уст, не принадлежал ей.

— Клясться в верности такой жалкой твари? Ты ничто, Чаката. Я предостерегала моего господина против тебя, но он не слушал. Теперь я тебя проклинаю, и мое проклятие будет преследовать тебя, пока звезды не угаснут!

Он откинул ей голову назад, и она почувствовала, как золотое острие входит ей в глаз...

Зусаи закричала от боли и проснулась. Талисман сидел у ее постели.

— Как я здесь оказалась? — спросила она.

— Это я тебя принес. Ты говорила на чиадзе. Я не знаю этого языка, но он изменил твой голос до неузнаваемости.

— Я снова видела сон, Талисман. Это было как наяву. Какие-то люди притащили меня в темную комнату и там выкололи мне глаза. Это было ужасно. Они обзывали меня ведьмой и потаскухой. Они, как мне кажется... убили моего мужа.

— Отдохни, — сказал Талисман. — Твой ум помутился.

— Да, помутился, но я никогда прежде не видела таких снов. Краски такие живые, и... — Он погладил ее по голове, и она, обессиленная, уснула снова — теперь уже без сновидений.

Проснулась она в одиночестве. Яркий солнечный свет заливал комнату. На столе под окном стоял кувшин с водой и таз. Зусаи встала, разделась, налила воды в таз, добавив туда три капли духов из крошечного флакончика, умыла лицо и обмылась до пояса. Потом достала из котомки длинное платье из белого шелка, помятое, но чистое. Надев его, она выстирала одежду, которую носила накануне, и разложила ее сушиться на подоконнике. Босиком она вышла из комнаты и спустилась по узкой деревянной лестнице во двор.

Талисман сидел один, завтракая хлебом и сыром, а Горкай чистил коней на дальней стороне двора. Зусаи села рядом с Талисманом, и он налил ей воды.

— Тебе опять что-то снилось?

— Нет. — Она видела, что он устал до предела, и глаза у него потухли. — Что вы будете делать теперь?

— Я знаю... я верю, что Глаза здесь, но не знаю, где еще искать.

Пятеро мужчин вошли в открытые ворота, Зусаи, с упавшим сердцем узнав Носта-хана, встала и отошла в тень. Талисман смотрел на пришельцев с непроницаемым лицом. Шедший впереди бритоголовый воин с золотой серьгой в ухе остановился перед ним.

— Я Кзун из племени Одиноких Волков, — низким холодным голосом сказал он. Воин был крепким и поджарым, и Зусаи почувствовала страх, глядя на него. Он возвышался над Талисманом, словно бросал ему вызов. — Квинг-чин из Летучих Коней говорит, что ты славный полководец. Но ты не похож на полководца.

Талисман встал и прошел мимо Кзуна к высокому воину с мрачным лицом.

— Я рад тебя видеть, Лин-цзе.

— И я тебя, Окаи. Это Боги Камня и Воды привели тебя сюда.

Могучий воин средних лет вышел вперед.

— Я Барцай из Острого Рога. — Он присел на корточки и протянул правую руку ладонью вверх. — Квинг-чин из Летучих Коней высокого мнения о тебе, и мы пришли просить тебя об услуге.

— Ну уж нет! — рявкнул Кзун. — Пусть сперва покажет себя.

— Зачем вам нужен полководец? — спросил Талисман, обращаясь к Лин-цзе.

— Сюда идет Гарган с целой армией. Они хотят разрушить святилище.

— Они уже истребили несколько надирских становищ, — добавил Квинг-чин.

Талисман отошел в сторону и сел, поджав ноги, на землю. Трое надиров подошли и сели напротив него. Кзун, помедлив, присоединился к ним. Горкай перешел через двор и стал, скрестив руки, позади Талисмана.

— Сколько человек в готирской армии? — спросил Талисман.

— Две тысячи, — ответил Носта-хан. — Уланы и пехота.

— Когда они будут здесь?

— Дня через два или три, — сказал Барцай.

— И вы намерены сразиться с ними?

— Для чего еще нам нужен военачальник? — откликнулся Кзун.

Талисман впервые посмотрел ему в глаза.

— Будем откровенны, Кзун из Одиноких Волков, — сказал он без всякого гнева. — Это святилище оборонять невозможно. Две тысячи человек, сосредоточив свои усилия, непременно возьмут его... в конце концов. На победу нечего и надеяться. В лучшем случае мы продержимся несколько дней, возможно неделю. Посмотри вокруг. Одна стена разрушилась, от воэот нет никакого проку. Всех защитников гробницы ждет смерть.

— А я что говорил? — вставил Барцай.

— Значит, ты советуешь нам бежать? — спросил Кзун.

— Я ничего пока не советую. Я просто хочу, чтобы вы поняли очевидное. Вы твердо намерены дать бой?

— Да, — сказал Кзун. — Это единственное место, которое свято для всех надиров. Нельзя сдавать его без боя.

— Ты знаешь готирские порядки, Окаи, — вмешался Линцзе. — Знаешь, как они себя поведут. Согласен ты возглавить нас?

Талисман встал.

— Ступайте к своим воинам и скажите, чтобы они собрались здесь через час. Я буду говорить с ними. — С этими словами он прошел через двор и поднялся на восточную стену.

Растерянные вожаки встали и пошли прочь. Носта-хан последовал за Талисманом.

Горкай подошел к Зусаи, тихо стоящей у стены.

— Сдается мне, мы не доживем до дней Собирателя, — угрюмо сказал он.

— И все-таки ты останешься, — заметила она.

— Конечно, останусь, ведь я из Волчьей Головы, — заявил он с гордостью.

Носта-хан на стене сказал Талисману:

— Этого я не предвидел.

— Ничего. Победим мы или нет, это приблизит день расплаты.

— Почему так?

— Четыре племени будут сражаться вместе. Это покажет всем, каким путем мы должны следовать. Если мы победим, надиры будут знать, что готиров можно побить. Если потерпим поражение, святотатство, учиненное над святыней, скует племена огненными цепями.

— Победим? Ты сказал, что мы все умрем здесь.

— Мы должны быть готовы к смерти, но надежда все же есть, Носта. У них нет воды, поэтому главное — не подпускать их к источникам. Двум тысячам человек требуется двести пятьдесят галлонов воды в сутки, а их лошадям втрое больше. Если мы не допустим их к воде хотя бы несколько дней, лошади начнут падать, и тогда люди...

— Но ведь и они должны были подумать об этом?

— Сомневаюсь. Они полагают, что возьмут святилище за один день, а в нем находятся три глубоких колодца.

— Но сможешь ли ты оборонять его с сотней человек и при этом охранять колодцы и родники за его стенами?

— Нет, нам понадобятся еще воины. Но они придут.

— Откуда? — спросил Носта-хан.

— Их пришлют к нам готиры, — ответил Талисман.

Глава 8

Талисман сидел один на стене, поджав ноги, закрыв глаза и протянув руки к палящему солнцу. Сколько честолюбивых замыслов он лелеял, и самой заветной его мечтой было въехать в город Гульготир рядом с Собирателем; увидеть готиров униженными, их высокие стены разрушенными, их армию — разбитой. Гнев охватил Талисмана, и он позволил гневу некоторое время побушевать у себя в крови, а после понемногу успокоился. То, что он сказал Носта-хану, правда. Битва за святилище объединит племена, как никогда прежде. Даже если он умрет здесь — что вполне возможно, — эти события ускорят приход Собирателя.

Он сказал старшим четырех племен, что на победу рассчитывать нечего. Это тоже правда. Однако военачальник, вступающий в бой с мыслью о поражении, обречен его потерпеть. Замедлив дыхание и успокоив сердце, Талисман поднялся над гневом и досадой. «Скоро здесь сойдутся две армии. Не думай об их численности, смотри в суть». Талисман вновь увидел обшитый деревом кабинет Фанлона в Бодакасской Академии, услышал голос старого солдата: «Ответственность за воинскую часть лежит на одном человеке. Он — дух войска. Если армия утратила мужество, его утратит и полководец. Порядок и смятение, храбрость и трусость — все эти качества заложены в человеческом сердце. Опытный военачальник сначала обескураживает врага, а потом уже наступает. Упорный натиск делает врага боязливым и неспособным рассуждать здраво».

Талисман представил себе Гаргана, снова ощутил гнев и дал ему пройти. Владетель Ларнесса однажды уже потерпел неудачу со своим кадетом, хотя все преимущества были на его стороне. «Смогу ли я победить его снова?» — думал Талисман.

Этот человек одержим ненавистью, однако он сильный полководец, отважный воин — и далеко не дурак, когда спокоен. Весь секрет в том, чтобы лишить его спокойствия, предоставить ненависти взять верх над разумом.

Талисман открыл глаза, встал и посмотрел на запад. Можно заранее сказать, где противник разобьет лагерь — вон у тех сухих холмов, чтобы лошади днем находились в тени. Будут ли они окружать святилище? Нет, просто вышлют разъезды улан патрулировать местность.

Талисман оглядел постройки и стены святилища. Вот гробница Ошикая с плоской крышей, рядом двухэтаж-

ный домик, где ночуют паломники. Дальше — руины обвалившейся башни. Три двадцатифутовые ограждающие стены еще крепки, но западная с ее остроугольным проломом — как раз то место, по которому будет бить враг. Гарган вышлет лучников, чтобы сбивать защитников, и пехотинцы с саперными орудиями расширят пролом. А после готиры, подавив оборону одной своей численностью, ворвутся внутрь.

Талисман сошел по каменным ступеням вниз и остановился перед брешью. Будь у него время и люди, он заделал бы ее или по крайней мере завалил камнями от разрушенной башни.

Но Боги Камня и Воды не дали ему ни времени, ни людей.

В ворота въехал Кзун со своими Одинокими Волками. Талисман снял рубашку, бросил ее в пыль и снова поднялся на стену. Следом ехал Квинг-чин с Летучими Конями и Лин-цзе с Небесными Всадниками, а последним — Барцай с Острым Рогом. Надиры выстроились во дворе на своих конях, молча глядя на стоящего над ними Талисмана.

— Я Талисман из Волчьей Головы, — сказал он им, — надир по крови. Это земли Острого Рога — пусть предводитель воинов этого племени Барцай поднимется ко мне на стену. — Барцай перекинул ногу через седло, спрыгнул с коня, поднялся наверх и стал рядом с Талисманом. Талисман порезал своим ножом левую ладонь и вытянул руку так, чтобы кровь капала на землю. — Вот кровь, которую я отдаю Острому Рогу, а вместе с ней я даю слово сражаться насмерть за кости Ошикая, Гонителя Демонов. — Помолчав немного, он позвал к себе остальных вожаков. Когда они поднялись на стену, он сказал собравшимся воинам: — На этом месте, далеко назад по течению времени, Ошикай сражался в Битве Пяти Воинств. Он одержал победу, но погиб. В грядущие дни надиры назовут наше сражение с готирами Битвой Пяти Племен и будут рассказывать о нем с гордостью в сердце. Ибо мы воины и сыны воинов. Мы надиры. Мы не знаем страха. — Талисман повысил голос. — А кто такие наши враги? Кем они себя почитают? Они убивают наших женщин и детей, оскверняют наши святыни. Скажи — убил ты хоть одного готирского воина? — спросил он внезапно, указав на одного из всадников Острого Рога. Тот покачал головой. — Теперь убьешь. Ты распорешь своим мечом его глотку, и его кровь прольется на землю. Ты услышишь его предсмертный вопль и увидишь, как меркнет свет в его глазах. И ты тоже. И ты! И ты! Каждый мужчина здесь получит случай расквитаться с ними за их оскорбления и бесчинства. Моя кровь — кровь надира — обагрила эту землю, и я не уйду с этого места, пока готиры не будут

разбиты или не отступят. Тот, кто не хочет принести такую же клятву, пусть уходит сейчас. — Никто из всадников не двинулся с места.

Лин-цзе тоже разрезал свою левую ладонь. Он высоко поднял ее, и все прочие вожаки последовали его примеру. Кзун протянул окровавленную руку Талисману, и тот пожал ее.

— Кровные братья! — провозгласил Кзун. — Братья до смерти!

Талисман, подойдя к краю стены, вынул саблю.

— Братья до смерти! — крикнул он.

Мечи свистнули в воздухе, и воины взревели в один голос:

— Братья до смерти!

Слепой священник сидел в своем жилище, слушая крики воинов. Мужские мечты, думал он, всегда связаны с войной. Битва и смерть, слава и боль — молодые жаждут их, старики говорят о них с любовью. Великая печаль овладела священником, и он принялся собирать свои бумаги.

Когда-то и он был воином, скакал по степи и помнил пьянящий восторг боя. Часть его души желала остаться с этими молодыми мужчинами и сразиться с врагом. Но это была ничтожно малая часть.

Он знал, что на свете есть только один враг — и это ненависть. Все зло проистекает от этого свирепого, бессмертного чувства, гнездящегося в сердцах каждого нового поколения. Когда Ошикай пришел сюда со своим войском сотни лет назад, на тучных южных землях обитал мирный народ. После смерти Ошикая надиры подчинили этих людей себе, разорили их селения, забрали их женщин, посеяв семена ненависти. Семена взошли, и южане, объединившись, нанесли ответный удар. Надиры же как раз в то время раскололись на множество племен. Южане стали зваться готирами и, памятуя о прошлых обидах, сохранили ненависть к надирам, не давая им покоя своими разорительными набегами.

Будет ли этому конец?

Священник сложил свои рукописи, перья и чернила в полотняный заплечный мешок. То, что не поместилось, он убрал в ящик и спрятал под половицами. Потом взвалил мешок на спину и вышел на солнечный свет, которого не видел.

Воины уже разъехались по своим станам, и он услышал приближающиеся шаги.

— Ты уходишь? — спросил Талисман.

— Ухожу. В нескольких милях к югу отсюда есть пещера. Я часто хожу туда, чтобы поразмыслить наедине.

— Тебе ведомо будущее, старик. Побьем мы их или нет?

— Есть враги, которых победить нельзя, — сказал священник и зашагал прочь.

Талисман посмотрел ему вслед. Зусаи подошла и перевязала полотном пораненную руку своего покровителя.

— Вы хорошо говорили, — восхищенно сказала она.

Талисман погладил ее темные волосы.

— Ты должна уйти отсюда.

— Нет. Я останусь.

Талисман смотрел на ее красоту, на простое белое платье, блестящее на солнце, на длинные черные волосы.

— Хотел бы я назвать тебя своей.

— Я ваша — отныне и навеки.

— Нет. Ты предназначена Собирателю. Человеку с лиловыми глазами.

— Так говорит Носта-хан, — пожала она плечами. — Но вы сегодня собрали вместе пять племен, и мне этого достаточно. Я остаюсь. — Она взяла его руку и поцеловала ладонь.

Квинг-чин подошел к ним.

— Ты хотел меня видеть, Талисман?

Зусаи отпрянула, но Талисман, в свой черед, взял ее руку и поднес к губам, а после отошел, поманив Квинг-чина за собой.

— Мы должны задержать их, — сказал он, усаживаясь за стол.

— Каким образом?

— Если они в двух днях пути отсюда, то должны еще раз остановиться на ночлег. Возьми десяток людей и последи за ними. Когда они разобьют лагерь, постарайся распугать побольше их лошадей.

— С десятью-то людьми?

— Если взять больше, они только помешают. Следуй примеру Адриуса — помнишь наши занятия с Фанлоном?

— Помню, — с кривой улыбкой ответил Квинг-чин. — Но я и тогда в это не верил.

— Поверь и постарайся осуществить, дружище, нам надо выиграть время.

— Слушаюсь, мой генерал, — встав, ответил по-готирски Квинг-чин и отдал честь на уланский манер.

Талисман усмехнулся.

— И не вздумай умирать — ты мне нужен.

— Я сохраню в сердце твои слова.

Вслед за ним Талисман призвал Барцая. Тот сел и налил себе воды.

— Расскажи мне обо всех источниках в сутках пути отсюда, — попросил Талисман.

— Их три. Два из них — маленькие родники, и только один способен напоить целое войско.

— Это хорошо. Расскажи мне о нем.

— Он находится в двенадцати милях к востоку, высоко в горах. Это холодный, глубокий водоем, не иссякающий даже в самую большую сушь.

— Легко ли до него добраться?

— Как я сказал, он лежит высоко в горах. К нему ведет только одна тропа, извилистая и узкая.

— Смогут ли повозки проехать по ней?

— Да, если расчистить ее от больших валунов.

— Как бы ты стал оборонять ее?

— Зачем ее оборонять? Враг идет сюда, а не туда!

— Врагу понадобится вода, Барцай, и он не должен ее получить.

Барцай усмехнулся, показав сломанные зубы.

— Твоя правда, Талисман. С полусотней людей я смогу удержать эту тропу против любого войска.

— Полусотни я не могу тебе дать. Выбери двадцать — лучших, которые у тебя есть.

— Я сам поведу их.

— Нет — ты будешь нужен здесь. Когда готиры подойдут ближе, к нам прибудут новые воины Острого Рога, и они захотят, чтобы их возглавил ты.

— Ты прав. Ночью к нам явились семеро человек, и я разослал гонцов, чтобы привести как можно больше. — Барцай вздохнул. — Скоро пятьдесят лет, как я живу на свете, Талисман, и всю жизнь мечтаю сразиться с готирами. Но не так, как теперь — когда нас только горстка в полуразрушенных стенах.

— Это только начало, Барцай, — поверь моему слову.

Кзун взвалил наверх еще один камень и отошел, вытирая грязной рукой пот со лба. Он и его люди уже три часа таскали камни от разрушенной башни и громоздили их у трещины в западной стене. Талисман велел им построить там помост двадцать футов длиной, десять шириной и пять высотой. Работа была изнурительная, и некоторые воины жаловались, но Кзун велел им замолчать, сказав, что не потерпит нытья в присутствии других племен.

Он посмотрел на Талисмана, который беседовал с длинноликим Небесным Всадником Лин-цзе. Пот ел Кзуну глаза. Он ненавидел эту работу — она напоминала ему о двух годах, проведенных в готирских золотых рудниках на

севере. Он содрогался, вспоминая тот день, когда его, закованного в кандалы, приволокли к устью шахты и велели спускаться вниз. Цепей с него не сняли, и Кзун дважды оступался, повисая над темной пустотой. Наконец он слез вниз, где его ждали два стражника с факелами. Один двинул Кзуна кулаком по лицу, отбросив его к стене. «Это чтобы ты помнил, навозная обезьяна: делай все, что тебе говорят, — и быстро!» Пятнадцатилетний Кзун поднялся на ноги, глядя на уродливую, бородатую рожу стражника. Он видел, что сейчас последует второй удар, но не мог увернуться. Кулак разбил ему губы и нос. «А это — чтобы ты не смел смотреть нам в глаза. Теперь вставай и пошли».

И потянулись дни во мраке, с незаживающими язвами от цепей на лодыжках, нарывами на шее и спине и ожогами кнута, когда усталое тело отказывалось двигаться так быстро, как того требовали стражники. Вокруг умирали люди, сломленные духом задолго до того, как их тело уступило тьме. Но Кзун не сломился. Каждый день он долбил стены шахты железной киркой или коротким кайлом, наполняя породой корзины и таская их к тележкам, запряженным слепыми лошадьми. А когда им приказывали спать — кто же знал, день теперь или ночь? — он вытягивался на каменном полу растущего в глубину туннеля. Дважды кровля шахты обваливалась, погребая под собой рудокопов. Кзуна тоже завалило при втором обвале, но он выбрался наверх еще до прихода спасателей.

Почти все каторжники, работавшие с ним, были готирские преступники, воры и взломщики. Немногие надиры назывались «уловом». В случае Кзуна это значило, что готирские солдаты явились к ним в селение и схватили всех молодых парней, которые попались им под руку, — семнадцать человек. Рудников здесь, в горах, было много, и Кзун так и не увидел больше своих друзей.

Но вот однажды у плотника, тесавшего деревянные опоры, отломился кончик пилы. Мастер, ругаясь, ушел за новым инструментом, а Кзун подобрал обломок — тот был не длиннее его большого пальца. Теперь в часы, отведенные для сна, он медленно перепиливал свои кандалы. Под землей всегда шумно: там ревут скальные воды и храпят спящие, чьи легкие забиты пылью. Но Кзун все равно соблюдал осторожность. Наконец один из браслетов разошелся. Кзун с жаром принялся за второй — и тот распался тоже. Кзун встал и пошел туда, где хранился инструмент. Здесь было потише, и человека в цепях стражники в своей каморке услышали бы издалека. Но на Кзуне больше не было цепей. Он

выбрал себе короткую кирку и тихо подкрался к часовым. Их было двое, и они играли в кости. Кзун ворвался к ним и ударил одного киркой в спину. Железо раздробило ребра и вышло из груди. Отпустив кирку, Кзун сорвал с умирающего нож и прыгнул через стол на второго стражника. Тот вскочил на ноги и тоже схватился за нож — но опоздал: клинок Кзуна вошел ему в шею под ключицей и пробил сердце.

Кзун быстро раздел его и облачился в его одежду. Сапоги оказались слишком велики, и Кзун отшвырнул их прочь.

Он пришел к главному стволу и полез вверх по железным перекладинам, вделанным в камень. Наверху было темное небо с яркими звездами, и у Кзуна перехватило горло. Добравшись до выхода из шахты, он огляделся. Здесь стояли строения, где перемалывали руду, и казармы для стражи. Кзун вылез и медленно пошел через открытое место. Ветер принес запах лошадей и привел Кзуна к конюшне.

Кзун увел быстрого коня и помчался по свежему, чистому горному воздуху.

Он вернулся в селение, но никто не узнал в нем парня, которого забрали отсюда всего два года назад. Он облысел, и кожа у него стала бледной, как у мертвеца. Зубы на правой стороне рта сгнили, а крепко сбитое прежде тело стало поджарым, как у волка.

Готиры так и не пришли за ним. Они не знали по именам свой надирский «улов» и не записывали, из какого селения кто взят.

...Кзун поставил на место еще одну глыбу и отошел. Новая стена достигла почти уже четырех футов высоты. Красивая женщина принесла ведро воды с медным ковшом, низко поклонилась и подала Кзуну белый полотняный лоскут, спросив учтиво:

— Не желаете ли повязать себе голову?

— Спасибо, — сказал он, но не улыбнулся, чтобы не показать испорченных зубов. Он повязал свою лысую голову и спросил: — Ты кто?

— Я Зусаи, женщина Талисмана.

— Ты очень красивая — он просто счастливец.

Она снова поклонилась и подала ему воду в ковше. Он жадно напился и передал ведро своим людям.

— Скажи, откуда Талисман так хорошо знает готирские порядки?

— Ребенком они взяли его в заложники, и он учился в Бодакасской Академии — вместе с Квинг-чином и Лин-цзе.

— Ага, янычар. Я слышал о них.

— Он великий человек, поверьте.

— Только великий заслуживает такой женщины, как ты. Спасибо за платок.

Она отошла с поклоном, и Кзун вздохнул. Один из его воинов отпустил грубую шуточку.

— Еще слово, Чиск, и я вырву тебе язык, — пообещал Кзун.

— Какого ты мнения о других вожаках? — спросил Талисман.

Лин-цзе ответил не сразу, собираясь с мыслями.

— Самый слабый из них — Барцай. Он стар и не хочет умирать. Квинг-чин все такой же, каким я его помню: храбрый и рассудительный. Я благодарен Гаргану. Не приди он сюда с армией, я принужден был бы убить Квинг-чина. Это нанесло бы моей душе глубокую рану. Кзун? В этом сидит демон. Он бешеный, но стоять, думаю, будет до конца.

— А что скажешь о Лин-цзе?

— Каким ты его знал, таким он и остался. В племени меня зовут Человек с Двумя Душами. Вряд ли это правда, но годы в Бодакасе все же изменили меня. Теперь мне приходится прилагать усилия, чтобы быть надиром. Дела у меня еще хуже, чем у Квинг-чина. Он убил моего лучшего бойца и отказался вынуть ему глаза. А я бы вынул, хотя и против сердца. Понимаешь меня?

— Понимаю. Они многое у нас отняли — но и мы многое взяли у них и теперь употребим это с пользой.

— Мы умрем здесь, друг, — тихо сказал Лин-цзе. — Но умрем достойно.

— Братья до смерти. А может, и после нее — кто знает?

— Так какие же будут приказания, генерал?

Талисман посмотрел в темные сумрачные глаза Лин-цзе.

— Для начала нам очень важно одержать победу — хотя бы самую малую. Гарган пойдет с основным ядром, пустив вперед несколько рот кавалерии. Я хочу, чтобы ты со своими Небесными Всадниками пустил уланам кровь. Барцай говорит, что в двенадцати милях к западу есть узкий перевал. Когда уланы доберутся туда, вы нападете на них — но не в лоб, а обстреляете из луков и отойдете за перевал. У тебя есть весь нынешний день и завтрашнее утро, чтобы придумать, как их удивить. Захвати трофеи, если представится случай.

— Ты думаешь о Фекреме и его отступлении, — кивнул Лин-цзе.

— Верно. Я уже сказал, что нам нужно одержать победу. Но смотри же, не лезь на рожон. Если улан

будет больше трех рот, не нападай — твоих тридцать воинов заменить некем.

— Сделаю все, что в моих силах, генерал, — сказал Лин-цзе и встал.

— Не сомневаюсь в этом. У тебя тут самая трезвая голова, Лин-цзе, — поэтому я тебя и выбрал.

Лин-цзе с тем же непроницаемым видом зашагал прочь.

— Сильный человек, — заметил подошедший Горкай.

— Каменный, — согласился Талисман. — Где Зусаи?

— Пошла в гробницу помолиться.

Талисман отправился следом и нашел Зусаи у каменного гроба. В затененной усыпальнице было прохладно, и он постоял немного, глядя на девушку. Она обернулась к нему, улыбнулась и сказала:

— Здесь так спокойно.

— Я видел, как ты дала платок Кзуну. Зачем?

— Он человек опасный и может... оспорить ваши приказания.

— Этого человека ни за какие деньги не купишь, а ты победила его ценой полотняного лоскута. Ты удивительная женщина, Зусаи.

— Для вас я готова на все, Талисман. Простите, если я проявила излишнюю смелость, но время дорого, не так ли?

— Так. — Он подошел к ней, а она взяла его руку и прижала к своей груди.

— Вы уже были когда-нибудь с женщиной? — спросила она.

— Нет.

— Тогда нас обоих ждет много открытий.

Он привлек ее к себе и коснулся губами ее губ. Запах ее волос наполнил его ноздри, вкус ее поцелуя отуманил разум. Чувствуя слабость и головокружение, он отстранился от нее.

— Я люблю тебя, мой Талисман, — прошептала она.

В эти краткие мгновения он забыл о том, что грозило им обоим, но теперь действительность ударила его словно кулаком.

— Сейчас не время, — сказал он.

— А если это время — все, что у нас есть? — Зусаи провела рукой по железной плите, вделанной в саркофаг, и прочла: — «Ошикай, Гонитель Демонов, великий воин». Он тоже был осажден врагами, когда женился на Шуль-сен. И у них тоже было мало времени, Талисман. Они прожили вместе всего четыре года. Но любовь их была велика, и наша будет такой же. Здесь я чувствую это особенно сильно. А если мы умрем, то уйдем в Пустоту рука об руку. Я и это знаю.

— Я не хочу, чтобы ты умерла. Я жалею о том, что привез тебя сюда, — от всего сердца жалею.

— А я этому рада. Ты победишь, Талисман. Твое дело правое, а готиры несут зло.

— Твоя вера трогает меня, Зусаи, но, к сожалению, добро не всегда побеждает. Мне пора — дела ждут.

— Когда ты переделаешь все дела, а ночь покажется тебе долгой, приходи ко мне, Талисман. Придешь?

— Приду, — пообещал он.

В небе кружили стаи воронья и стервятников, когда Друсс и Зибен, перевалив через взгорок, спустились в мелкую долину. Внизу стояло около сорока юрт, крытых козьими шкурами, повсюду валялись трупы, на которых кишели стервятники, и дикие степные собаки терзали гниющую плоть.

— Благие Небеса, — прошептал Зибен, натягивая поводья.

Друсс тронул кобылу пятками и поехал вниз. Зибен, ведя за собой запасных коней, последовал за ним. Стервятники, слишком отяжелевшие, чтобы взлететь, шарахались от лошадей, а лошадей пугал запах смерти, но всадники направляли их вперед. Зибен смотрел прямо перед собой, чтобы не видеть мертвых. Здесь были дети и женщины — одни лежали грудами, других убили на бегу. Бурый пес выскочил из хлопающей на ветру юрты, тявкнул и убежал прочь. Друсс спешился.

— Зачем? — спросил Зибен.

Друсс передал ему поводья, пригнулся и вошел в юрту. Зибен, оставаясь в седле, заставил себя оглядеться. Нетрудно было догадаться, что здесь произошло. Убийцы напали на селение поздно вечером, когда костры, на которых готовили еду, еще горели. Надиры стали разбегаться во все стороны, но враг не давал пощады никому. Несколько тел были обезглавлены или рассечены на части.

Друсс вышел и отвязал флягу с водой.

— Там женщина — она жива, но еле дышит. У нее грудной ребенок.

Зибен сошел с седла и привязал лошадей к шесту юрты. Готирские кони боялись диких собак и стервятников, надирские же стояли спокойно. Зибен наскоро стреножил их сыромятными ремнями и последовал за Друссом. В юрте лежала обнаженная молодая женщина со страшной раной на животе и боку. Кровь промочила ее яркие одеяла. Глаза были открыты, но челюсть уже отвисла. Друсс приподнял ей голову и поднес флягу к губам; вода текла по подбородку, но женщина все-таки немного попила. Зибен посмотрел на рану — она была очень глубока, клинок пронзил тело насквозь. Ребенок, спрятанный под грудой шкур, тихо плакал.

Друсс взял его и приложил к набухшей груди матери. Он стал сосать, сперва слабо. Мать застонала и обняла его рукой, прижав к себе.

— Что же делать? — произнес Зибен. Друсс молчал. Зибен хотел погладить женщину по щеке — и встретил невидящий взор мертвых глаз. Ребенок продолжал сосать.

— Эту они оставили, чтобы потешиться с ней, — сказал Друсс. — Экие скоты!

— Чтоб им сгнить в семи преисподних, — добавил Зибен.

Ребенок насытился, и Друсс прижал его к своему широкому плечу, поддерживая ему головку и потирая спинку. Зибен не сводил глаз с набухшего соска мертвой женщины. Из него сочилось молоко вместе с кровью.

— Зачем это нужно, Друсс?

— Что?

— Зачем они это делают? С какой целью?

— Меня не спрашивай, поэт. Я видел, как берут города и как хорошие люди, распаленные яростью, похотью и страхом, становятся дурными. Не знаю, почему это так. Солдаты, которые творят такое, потом возвращаются домой и опять становятся добрыми мужьями и отцами. Для меня это тайна.

Завернув голенького младенца в одеяло, Друсс вынес его на солнце. Зибен вышел за ним.

— Теперь они запишут это себе как победу? И будут петь песни об этом походе?

— Будем надеяться, что в святилище найдутся кормящие женщины, — сказал Друсс.

Зибен распутал лошадей и подержал ребенка, пока Друсс садился в седло. Потом отдал малыша воину и сел сам, сказав:

— Он сосал молоко вместе с кровью из груди мертвой матери.

— Зато он жив.

Они поехали дальше. Друсс прикрыл головку ребенка одеялом, защищая его от палящего солнца, и тот уснул. От него пахло молоком, свежестью коротенькой жизни. Друсс вспомнил о Ровене, о том, как ей хотелось держать у груди такое же дитя.

— Буду крестьянином, — сказал он вдруг. — Вернусь домой и никуда больше не уеду. Никаких больше войн и никаких стервятников.

— Ты сам-то в это веришь? — спросил Зибен.

У Друсса сжалось сердце, и он ответил:

— Нет.

Они ехали по знойной степи еще час, а потом пересели на надирских коней. Ребенок проснулся и стал

плакать. Друсс покачал его немного, потом за это взялся Зибен.

— Как ты думаешь, сколько ему?

— Месяц или два — не знаю.

Зибен выругался, и Друсс засмеялся.

— Что, и тебя обдул?

— За свою короткую, но богатую событиями жизнь я научился многим вещам, старый конь, — сказал Зибен, держа ребенка подальше от себя. — Но никогда не думал, что мне еще и с обмоченным шелком придется возиться. Как по-твоему, ткань от этого сгниет?

— Будем надеяться, что нет.

— Как их, собственно, унимают?

— Ты расскажи ему одну из своих историй, поэт. На меня они всегда сон нагоняют.

Зибен прижал младенца к себе и запел песню о принцессе Уластай, которая хотела носить в волосах звезды. У него был красивый голос, сильный и мелодичный. Маленький надир прислонился головенкой к его груди и уснул. К сумеркам они увидели впереди облако пыли, и Друсс увел их в сторону, в неглубокую балку. Две роты улан проехали мимо них, направляясь на запад. Их панцири и шлемы светились красным огнем в лучах заката. Сердце Зибена часто колотилось. Ребенок у него на руках лепетал что-то, но этого не было слышно за топотом копыт.

Солдаты проехали, и Друсс повернул на северо-восток.

Солнце зашло, стало прохладно, и Зибен начал чувствовать тепло детского тельца.

— По-моему, у него жар, — сказал он Друссу.

— Малые дети всегда горячие.

— Правда? Почему так?

— Да уж потому. И охота тебе без конца спрашивать, поэт?

— Я любопытен от природы.

— Полюбопытствуй лучше, чем мы будем кормить мальца, когда он проснется. Он, сдается мне, парень здоровый и будет орать на всю степь — а друзей мы здесь навряд ли встретим.

— Вот-вот, Друсс. Всегда скажешь что-то утешительное.

Гарган Ларнесский терпеливо ждал, пока его слуга Брен расстегивал и снимал его тяжелый панцирь. Генерал успел раздобреть с тех пор, как надевал доспехи в последний раз, и теперь испустил довольный вздох. В прошлом месяце он заказал себе новые доспехи, но они не поспели к тому дню, когда Гарен-Цзен сказал ему о камнях и о том, что необходимо спешить.

Брен снял набедренники и наголенники. Гарган опустился на складной полотняный стул и вытянул ноги, с горечью думая о том, что страна катится в пропасть. Безумие императора усугубляется день ото дня, а две враждебные партии только и ждут случая, чтобы сцепиться.

«Мы все втянуты в этот безумный круговорот, — думал он. — Волшебные камни, подумать только! Единственное волшебство, которое способно здесь помочь, — это мечи и копья Королевской Гвардии».

Угроза извне — как раз то, что может сейчас сплотить готиров. Война с надирскими племенами отвлечет внимание народа, и можно будет выиграть время. Императора придется убрать — вопрос только в том, когда, как и кто его заменит. А до этого срока он, Гарган, займет обе партии кое-чем другим.

Брен вышел и вернулся, держа поднос с вином, хлебом, маслом и сыром.

— Капитаны спрашивают, когда вы изволите принять их, мой господин, — сказал он.

Гарган посмотрел на него. Стареет Брен, ветшает.

— Сколько же это кампаний ты проделал со мной, Брен?

— Двенадцать, мой господин. — Брен нарезал хлеб и намазал три ломтя маслом.

— А о которой тебе приятнее всего вспоминать?

— О Гассимской. — Брен налил вина в серебряный кубок, добавил воды и подал генералу.

Гарган отпил глоток. Гассима! Последняя гражданская война двадцатипятилетней давности. Гарган, под натиском превосходящих сил отступающий через болота, вдруг остановился и предпринял совершенно самоубийственную атаку. Он ворвался во вражеский лагерь на своем громадном белом жеребце Скалле и убил Барена в единоборстве. Это положило конец войне. Гарган допил вино и вернул кубок Брену, который наполнил его вновь.

— Вот был конь, клянусь Миссаэлем! Ничего не боялся. Готов был скакать хоть в адское пламя.

— Славный конь, — согласился Брен.

— Больше у меня такого не было. Взять жеребца, на котором я езжу теперь. По крови он правнук Скалла, но до предка ему далеко. Скалл был король среди коней. Покрыл трех кобыл в день своей смерти — и это в тридцать два года! Я плакал только два раза в жизни, Брен, — в первый раз это было, когда умер Скалл.

— Да, мой господин. Что мне сказать капитанам?

— Пусть придут через час. Мне еще письма надо прочесть.

— Да, мой господин. — Брен оставил поднос на столе и вышел из палатки. Гарган встал и налил себе третий кубок вина, на этот раз не подливая воды. Гонец догнал авангард армии вечером и вручил генералу три письма. Гарган вскрыл первое, с печатью Гарен-Цзена, и стал разбирать витиеватый почерк. Глаза у него были уже не те, что прежде, — он снял фонарь с шеста и поставил его на стол, подумав при этом, что теперь все стало не таким.

В письме говорилось о похоронах королевы и о том, как Гарен-Цзен увез короля из города, поместив его в Зимний Дворец в Сиккусе. В сенате начали открыто поговаривать о «необходимости перемен». Гарен-Цзен торопил генерала поскорее завершить кампанию и вернуться в столицу.

Второе письмо было от жены. Гарган просмотрел все четыре страницы — ничего особенного, мелкие новости о доме и поместьях. Служанка сломала руку, упав со стула во время мытья окон, племенной жеребенок продан за тысячу рагов, из северной усадьбы бежали три раба, но их тут же нашли в местном публичном доме.

Последнее письмо было от дочери, Миркель. Она родила сына, хотела назвать его Арго и надеялась, что Гарган скоро увидит внука.

Глаза старого солдата затуманились.

Арго. Найти его изувеченное тело было как удар ножа в сердце — Гарган до сих пор чувствовал эту боль. Он знал с самого начала, что пребывание надирского отродья в Академии чревато бедой, но даже представить себе не мог, что дело кончится смертью единственного сына. И какой смертью!

Гнев и горе боролись в его душе.

Старый император был мудрый человек и правил в целом хорошо. Но в последние свои годы размяк и стал творить невесть что. Это за него Гарган сражался при Гассиме. «Я дал тебе корону, — думал генерал теперь, — я возложил ее на твою голову — а ты отнял у меня сына».

Надирские янычары! Дурная, пагубная мысль. Как мог старик не понимать всей глупости этой затеи? Надирам несть числа, и они мечтают только об одном: что придет Собиратель и объединит их всех в непобедимое войско. А император вздумал обучать отпрысков их вождей военному ремеслу. Гаргану до сих пор с трудом в это верилось.

Он мрачно вспоминал тот день, когда Окаи объявили лучшим кадетом. Но еще хуже было сознавать, что надир, взошедший тогда на помост, был убийцей его сына.

Он был так близко — Гарган мог бы дотянуться до него и разорвать ему глотку.

Гарган взял кувшин — и заколебался. Скоро придут капитаны, а хмель плохой советчик в военных делах.

Он встал из-за стола, потер усталые глаза и вышел наружу. Двое часовых стали навытяжку. Он оглядел лагерь, довольный тем, как аккуратно поставлены палатки и хорошо устроены пять загонов для лошадей. Земля вокруг костров расчищена, вскопана и увлажнена — ни одна искра не попадет на сухую, как трут, степную траву.

Он прошелся по лагерю и нигде не нашел ни малейшей расхлябанности — вот только отхожая канава выкопана так, что ветер может принести зловоние к палаткам. Гарган взял это на заметку. На шесте у одной из палаток торчали две надирские головы, а рядом сидели у костра несколько улан. Когда Гарган подошел, они вскочили и лихо отдали честь.

— Закопайте их, — велел генерал. — Они привлекают мух и комаров.

— Так точно! — хором ответили солдаты.

Гарган вернулся к себе, сел за стол и написал короткое письмецо Миркель, поздравив ее и выразив надежду и намерение поскорее увидеть внука. «Хорошенько позаботься о маленьком Арго, — писал он. — Не полагайся на кормилиц. От материнского молока зависит многое: дитя черпает в нем не только силы, но и духовные свойства. Нельзя позволять младенцу благородного происхождения сосать грудь простолюдинки. Это портит характер».

Путешествуя осмотрительно, по сухим балкам и низинам, Квинг-чин и девять его всадников сумели избежать готирских дозоров. Когда стемнело, они спрятались к югу от готирского стана. Ши-да подполз к Квинг-чину, который, укрывшись за сухим кустарником, смотрел на лагерь.

С юго-востока задул легкий ночной ветер. Ши-да хлопнул Квинг-чина по плечу.

— Все готово, брат.

— Хорошо, — сказал Квинг-чин. Ветер между тем усилился.

— Когда же? — с нетерпением юности спросил Ши-да.

— Не теперь еще. Подождем, когда они улягутся спать.

— Расскажи мне о Талисмане. — Ши-да присел на корточки рядом с другом. — Почему выбрали его? Он не такой сильный, как ты.

— Военачальнику телесная сила не нужна. У него могучее сердце и ум острее кинжала.

— Ты тоже могуч сердцем, брат мой.

Квинг-чин улыбнулся. Поклонение этого мальчика и раздражало, и радовало его.

— Я кречет, а он орел. Я волк, а он тигр. Когда-нибудь Талисман станет великим надирским воеводой. Он поведет за собой армии, братец. Он отличный... — Квинг-чин запнулся, не зная, как сказать по-надирски «стратег». — Отличный знаток военного дела. Войско в походе должно быть хорошо обеспечено — ему необходимо есть, пить и получать нужные сведения, что не менее важно. Редкий человек способен охватить все это — и Талисман как раз такой человек.

— Он учился с тобой в Академии?

— Да. И окончил ее с отличием, опередив всех остальных.

— Он их всех поборол?

— На свой лад. — Позади заржала лошадь, Квинг-чин оглянулся. — Ступай к ним и скажи Лингу, чтобы лучше смотрел за своим конем, не то я с позором отправлю его обратно.

Юноша отполз назад, и Квинг-чин приготовился ждать. Фанлон часто говаривал, что самое большое достоинство командира — терпение: он должен знать, когда нанести удар, и иметь стойкость дождаться нужного времени.

Когда станет прохладнее, ветер усилится и выпадет роса — вот тогда срок и настанет. Квинг-чин смотрел на вражеский лагерь, и гнев его крепчал. Они не прибегли к оборонительным мерам, как полагается на вражеской территории. Не устроили наружных укреплений. Лагерь у них разбит словно на маневрах: пять загонов на двести лошадей каждый, палатки стоят поротно, четырехугольниками. Как они самоуверенны, эти гайины. Как хорошо понимают надиров.

С востока к лагерю ехали трое готирских разведчиков. Квинг-чин пригнулся, переждав их. Они болтали и пересмеивались. Завтра им будет не до смеха: завтра они закусят кожаный кляп, когда кнут обожжет им спину.

Квинг-чин осторожно сполз по склону вниз, где ждали его люди. Бечевочная сетка, набитая сухой травой и хворостом, была привязана к длинной веревке.

— Пора, — сказал он.

Ши-да вышел вперед и спросил:

— Можно, я повезу огонь?

— Нет. — Мальчик не скрывал своего разочарования, но Квинг-чин прошел мимо него и сказал коренастому, кривоногому воину: — Отдаю эту честь тебе, Ньен. Помни: ты должен проехать на юг не менее четверти мили, прежде чем отпустить веревку. Скачи не слишком скоро, а после возвращайся назад по своему следу.

— Будет исполнено. — Воины быстро расселись по коням и выехали из балки. Квинг-чин и еще двое спешились, высекли огонь и подожгли охапку травы, которую вез за собой Ньен. Пламя занялось и разгорелось.

Ньен ударил пятками коня и двинулся медленной рысью через сухую степь. Огненный след потянулся за ним, показались клубы черного маслянистого дыма. Ветер раздул пожар, и ревущая стена пламени покатилась к готирскому лагерю.

— Могу я узнать, генерал, о цели нашего похода? — спросил Премиан. Он и еще десять старших офицеров собрались на совет в палатке Гаргана.

— Можете, — ответил Гарган. — Нам донесли, что надиры собираются взбунтоваться, и наш долг — предотвратить это. По совокупности полученных сведений видно, что племя Острого Рога готовит большой набег на окрестности Гульготира. Мы разгромим это племя наголову, чтобы дать урок прочим надирским вождям. Но прежде всего мы должны снести до основания святилище Ошикая, растереть кости их хваленого героя в пыль и развеять по степи.

— Но ведь это место священно для всех племен, — сказал, встав, старый вояка Марльхем. — Вожди могут воспринять наши действия как вызов.

— Вот и прекрасно, — отрезал Гарган. — Пусть поймут раз и навсегда, что они — наши рабы. В случае надобности я могу привести в степь сорокатысячную армию. Клянусь Шемаком, я перебью их всех!

Премиану не терпелось высказаться снова. Но крепко выпивший Гарган был красен и плохо владел собой. Он облокотился о стол — мощные мышцы его рук напружились, глаза сверкали.

— Есть здесь такие, кого не устраивает наша компания?

Офицеры замотали головами. Гарган вышел из-за стола и навис над Премианом, который был ниже его ростом.

— Ну а вы? Насколько я помню, вы питаете слабость к этой породе?

— Я солдат, генерал, и мой долг — выполнять любые приказы вышестоящего офицера.

— Но они вам не нравятся, верно? — Гарган придвинулся к Премиану так близко, что тот почувствовал кислый винный запах из генеральского рта.

— Рассуждать — не мое дело, генерал.

— «Не мое дело», — передразнил Гарган. — То-то и оно, что не ваше. Знаете вы, сколько их всего, надиров?

— Никак нет.

— «Никак нет». Вот и я не знаю, мой мальчик. И никто не знает. А ведь им несть числа. Можете вы себе представить, что будет, если они объединятся под началом одного вожака? Они сметут нас, как морской вал. — Гарган моргнул, вернулся к столу и тяжело опустился на складной стул, застонавший под его тяжестью. — Как морской вал, — пробормотал он, перебарывая хмель. — Их надо унижать, давить, гнуть в три погибели.

Снаружи послышался какой-то шум, крики. Премиан с другими офицерами вышел из палатки. На ночном небе пылала огненная стена, и дым несло к лагерю. Лошади ржали, охваченные страхом. Пожар катился прямо на них.

— Повозки с водой! — закричал Премиан. — Запрягайте повозки. — И побежал туда, где были составлены четырехугольником двадцать телег с водой. На каждой помещалось шестнадцать бочек. Премиан поймал за плечо пробегавшего мимо солдата и приказал: — Приведи упряжных лошадей.

— Слушаюсь, — отозвался солдат. Несколько человек выносили свое имущество из палатки.

— Оставьте это, — велел Премиан. — Если эти повозки займутся, нам всем конец. Ступайте все трое к загону и ведите сюда лошадей. Остальные — растаскивайте повозки, чтобы поскорее запрячь коней.

Огонь уже добрался до края лагеря. Сотни человек пытались сбить его одеялами и плащами, но Премиан видел, что это бесполезно. Посланные им солдаты вернулись, ведя испуганных лошадей. Загорелась одна из палаток. Запрягли лошадей в первую повозку, и солдат, вскочив на козлы, хлестнул вожжами коней. Четверка подхватила телегу и поскакала прочь.

Отъехала вторая повозка, за ней третья. На помощь пришли новые люди. Премиан бросился к ближайшему загону и приказал сторожившему его солдату:

— Выпускай остальных. Соберем их завтра.

— Слушаюсь. — Солдат перерезал ножом ограждающую веревку. Премиан схватил под уздцы ближайшего коня и вскочил на его неоседланную спину. Конь взвился, но Премиан, опытный наездник, укротил его и похлопал по шее.

— Смелее, красавец. — Он вернулся к повозкам — еще шесть катились на восток, подальше от пожара. Несколько палаток горело, наполняя воздух дымом и сажей. Завопил солдат, охваченный пламенем. Его повалили на землю и затушили огонь одеялами. Жар стоял невыносимый, становилось трудно дышать. Одна из повозок уже пылала, в две другие запрягали коней.

— Довольно! — крикнул Премиан солдатам. — Спасайтесь!

Они вскочили на оставшихся лошадей и поскакали прочь из лагеря. За ними толпой бежали другие. Отставших поглощало пламя. Премиан развернул коня — и увидел бредущего сквозь дым Гаргана.

— Брен! — с растерянным видом кричал генерал! — Брен!

Премиан попытался направить коня к Гаргану, но животное отказывалось идти в огонь. Премиан стащил с себя рубашку, завязал ему глаза и подъехал к генералу.

— Садитесь позади меня! — крикнул молодой офицер.

— Я не могу бросить Брена. Где он?

— Быть может, он уже спасся, генерал. Если мы задержимся еще чуть-чуть, нас отрежет!

Гарган выругался, уцепился за протянутую руку Премиана и с легкостью умелого наездника вскочил на круп коня. Премиан пустил скакуна в галоп, и они помчались по горящей степи, огибая языки огня, теснящие их к северо-западу. Жар обжигал, и Премиан ничего не видел в дыму, но конь с опаленными боками несся вперед.

Наконец они ушли от пожара. Премиан остановил измученного коня, спрыгнул и стал смотреть, как догорает лагерь.

Гарган тоже спешился.

— Молодцом, мой мальчик, — сказал он, положив свою ручищу на плечо Премиана.

— Благодарю вас, генерал. Кажется, нам удалось спасти большую часть запаса воды.

Бока коня покрылись пузырями, он весь дрожал. Премиан повел его на восток, где собирались солдаты.

Огонь мало-помалу угас, и солдаты вернулись на пожарище. К рассвету сосчитали всех, кто погиб в огне: тридцать шесть человек и двенадцать лошадей. Палатки сгорели, но провиант почти не пострадал: огонь прокатился слишком быстро, чтобы повредить мешки с мукой, солью, овсом и вяленым мясом. Из девяти брошенных повозок с водой шесть загорелись и утратили годность, но большинство драгоценных бочек уцелело — лопнули только три.

Солнце взошло над почерневшей землей, и Гарган обозрел нанесенный ущерб.

— Пожар занялся на юге, — сказал он Премиану. — Узнайте, кто нес там ночью караул. Тридцать плетей каждому.

— Так точно, генерал.

— Могло быть и хуже, — заметил Гарган.

— Да, генерал. Однако мы потеряли около тысячи стрел и восемьдесят копий. Сожалею о вашем слуге. Мы нашли его тело за палаткой.

— Брен был хорошим человеком и хорошо служил мне. Я взял его из строя, когда ревматизм скрючил его правую руку. Славный малый! Они поплатятся за его жизнь сотней своих.

— Сгорело также шесть телег. С вашего разрешения я назначу всем ежедневную порцию воды и отменю приказ, обязывающий улан бриться каждый день.

Гарган кивнул и заметил:

— Всех лошадей нам не собрать. Те, что помоложе, побегут назад, в Гульготир.

— Боюсь, что вы правы, генерал.

— Ну да ничего. Часть улан придется перевести в пехоту — это научит их впредь больше ценить своих лошадей. — Гарган сплюнул наземь. — Пошлите четыре роты за перевал. Мне нужны сведения о всяком передвижении надиров. И пленные. Ночная атака была хорошо подготовлена — она напомнила мне об Адриусе и его зимней кампании, когда он задержал вражескую армию с помощью огня.

Премиан видел, что Гарган ждет ответа.

— Окаи был из Волчьей Головы, генерал. Не из Острого Рога. У нас, насколько я помню, не было ни одного янычара из Острого Рога.

— Вы не знаете надирских обычаев, Премиан. Святилище охраняют четыре племени. Быть может, и он там. Надеюсь на это. Я отдал бы левую руку, лишь бы заполучить его.

Луна светила ярко над долиной Слёз Шуль-сен, и Талисман, уставший до предела, в последний раз прошелся по стенам, переступая через спящих воинов. Глаза у него слипались, все тело ныло. Новый деревянный настил скрипел под ногами. За неимением гвоздей доски привязывали к месту, но настил держался достаточно прочно, а завтра, когда Барцай со своими людьми закончит работу, станет еще крепче. Помост, сооружаемый Кзуном и его Одинокими Волками, тоже близился к завершению. Кзун работал на совесть, без устали, но этот человек беспокоил Талисмана. Несколько раз на дню он выходил за ограду, чтобы постоять в степи. И даже теперь он спал не рядом со своими людьми, а за стенами, в бывшем лагере Одиноких Волков.

Горкай поднялся к Талисману. Днем бывший нотас по указанию Талисмана работал с людьми Кзуна.

— Что ты узнал? — понизив голос, спросил Талисман.

— Чудной он какой-то. Никогда не спит в юрте — берет одеяла и ночует под открытым небом. Не стал брать себе жену. Дома у себя тоже живет особняком, и побратимов у него нет.

— Почему же его тогда назначили командовать хранителями гробницы?

— Он боец, каких мало. Одиннадцать раз дрался на поединке и не получил ни одной раны, а все его противники пали мертвыми. Его воины ненавидят его, но уважают.

— А ты что скажешь о нем?

Горкай пожал плечами и почесал шишку на лбу.

— Мне он не по нутру, Талисман, но я хотел бы иметь его рядом, когда мне грозит сильный враг. — Талисман сел на стену, и Горкай внимательно посмотрел на него: — Ты бы поспал.

— Не теперь. Мне надо подумать. Где Носта-хан?

— В гробнице. Колдует, а найти ничего не может. Я слышал недавно, как он ругался. — Горкай оглядел стену. Когда он приехал сюда, святилище показалось ему маленьким, теперь же стены, каждая около шестидесяти шагов в длину, казались бесконечными. — Сможем ли мы удержаться здесь? — внезапно спросил он.

— Какое-то время — да. Многое зависит от того, сколько лестниц есть у врага. Если они хорошо оснащены, они сметут нас.

— Тысяча проклятий им в глотку, — прошипел Горкай.

Талисман усмехнулся.

— Только лестниц у них будет мало. Они ведь не рассчитывают на осаду. И поблизости нет деревьев, чтобы сколотить новые. У нас теперь около двухсот человек, по пятидесяти на каждую стену, если готиры вздумают атаковать со всех сторон. Мы продержимся, Горкай, — по крайней мере несколько дней.

— А что потом?

— Либо мы будем живы, либо умрем, — устало пожал плечами Талисман.

Далеко на юго-западе небо зажглось красным, мерцающим заревом.

— Что это? — спросил Горкай.

— Если удача на нашей стороне, это горит вражеский лагерь, — угрюмо ответил Талисман. — Надолго это их не задержит, но спесь собьет.

— Хоть бы их там побольше подохло!

— Зачем ты остался? — спросил Талисман.

— То есть как зачем? — удивился Горкай. — А как же иначе? Я теперь принадлежу к Волчьей Голове, и ты мой вождь.

— Я могу завести тебя туда, откуда нет возврата, Горкай.

— Все дороги ведут к смерти, Талисман. Но здесь я един с Богами Камня и Воды. Я снова надир, и это главное.

— Да, это главное. И вот что я скажу тебе, друг: это будет главным и в грядущие годы. Когда Собиратель поведет свои армии, мир содрогнется от звука этого слова: «надир».

— Приятно думать об этом перед сном, — улыбнулся Горкай.

И тут оба увидели Зусаи. В одной рубашке из белого полотна она медленно шла к воротам. Талисман с Горкаем сбежали вниз и догнали ее уже в степи. Талисман тихо взял ее за руку. Ее широко открытые глаза смотрели не мигая.

— Где мой господин? — спросила она.

— Зусаи, что с тобой? — прошептал Талисман.

— Я потеряла его. Почему мой дух прикован в этом темном месте? — Слеза скатилась у нее по щеке. Талисман обнял ее и поцеловал в лоб.

— Кто это говорит? — спросил Горкай, беря ее за руку.

— Ты знаешь моего господина?

— Кто ты? — повторил Горкай. Талисман отпустил Зусаи и обернулся к нему. Тот сделал ему знак молчать. — Назови свое имя.

— Я Шуль-сен, жена Ошикая. Ты мне поможешь?

Горкай поцеловал ей руку.

— Какой помощи ты ждешь от меня, госпожа?

— Где господин мой?

— Он... — Горкай умолк, глядя на Талисмана.

— Его нет здесь, — сказал Талисман. — Ты помнишь, как попала сюда?

— Я была слепа — но теперь я снова вижу, слышу и говорю. — Она медленно посмотрела вокруг. — Мне кажется, я знаю эту долину, но этих строений не помню. Я хотела уйти из темного места, но там всюду демоны. Мои чары не помогают. Я лишилась своей силы и не могу уйти.

— И все же ты ушла — ведь ты здесь, — заметил Горкай.

— Я не понимаю этого. Может быть, это сон? Кто-то позвал меня, и я очнулась здесь. Это не моя одежда. И где мой лон-циа? Где мои кольца?

Внезапно она дрогнула, как от удара, и крикнула:

— Нет! Меня тянет назад. Помогите! Я не хочу оставаться в этом темном месте! — Она вцепилась в руку Талисмана, но тут же обмякла и тяжело прислонилась к нему. Ее веки затрепетали, и Зусаи взглянула на Талисмана. — Что случилось?

— Ты что-нибудь помнишь?

— Мне приснилась та женщина из пещеры. Она шла рука об руку с мужчиной. Потом солнце померкло, и

черные скалы сомкнулись стеной вокруг нас... вокруг нее. Света не стало вовсе, только кромешный мрак, и мужчина пропал. Я... она... хотела найти дверь в скале, но двери не было. А кругом стонали и рычали. Вот все, что я помню. Я схожу с ума, Талисман?

— Я так не думаю, госпожа, — мягко сказал Горкай. — Скажи, у тебя уже бывали видения?

— Нет.

— И ты не слышала голосов, когда рядом никого не было?

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Я думаю, что в тебя вселяется дух Шуль-сен — не знаю почему. Но одно я знаю: ты не безумна. Мне приходилось видеть духов и говорить с ними. И с отцом моим было то же самое. Ты не просто ходила во сне. И голос твой, и повадки — все изменилось. Ты согласен со мной, Талисман?

— Это превышает мое понимание, — сознался тот. — Что же нам теперь делать?

— Сам не знаю. Ты говорил мне, что Ошикай ищет свою жену, а теперь мы узнали, что и Шуль-сен его ищет. Но их мир — не наш мир, Талисман. Мы не в силах свести их вместе.

Луна зашла за тучи, и степь погрузилась во мрак. Талисман услышал чей-то крик — потом вдалеке вспыхнул огонь, и зажегся фонарь около юрты Кзуна.

Глава 9

Слепой священник-надир, Эншима, тихо сидел на краю обрыва, выходящего в степь. Позади, у потаенного родника, жались в тени дюжины две беженцев, большей частью пожилые женщины да малые дети. Ночью он видел вдали зарево и чувствовал, как души уходят в Пустоту. Блекло-голубые одежды священника загрязнились, ноги кровоточили от ходьбы по острым вулканическим камням, которыми изобиловали эти скалы.

Эншима вознес про себя благодарственную молитву за кучку людей из Острого Рога, пришедших к источнику два дня назад. На них напали готирские уланы, но им удалось уйти в скалы, где тяжелая кавалерия не могла преследовать их. Теперь они вне опасности. Они голодны и лишены все-

го, но опасность им не грозит. Эншима благодарил Исток за спасение их жизней.

Освободив свой дух из оков, священник взмыл высоко над горами, глядя на бескрайнюю степь внизу. В двенадцати милях к северо-западу виднелись крошечные строения святилища, но он не полетел туда, а стал искать двух всадников, которые, как он знал, должны скоро прибыть к источнику.

Он увидел, как они выехали из балки милях в двух от скал, где оставалось его тело. Воин вел за собой двух лошадей, а поэт — Зибен — держал на руках ребенка, завернутого в красное одеяло. Священник подлетел к воину, чтобы получше его разглядеть. Тот ехал на вислозадой кобыле, был одет в черный кожаный колет с блестящими серебряными наплечниками и вооружен огромным обоюдоострым топором.

Дорога, по которой они ехали, вела в сторону от родника. Эншима слетел к поэту и призрачной рукой тронул его за плечо.

— Эй, Друсс, — сказал Зибен. — Тебе не кажется, что вон в тех скалах может быть вода?

— Мы в ней не нуждаемся. Судя по словам Нуанга, отсюда до святилища не больше десяти миль.

— Может, оно и так, старый конь, но малюткино одеяло начинает попахивать. Да мне и с себя хотелось бы кое-что выстирать перед нашим торжественным въездом.

— Само собой, поэт, разве ты можешь явиться куда-то иначе, чем при полном параде. — И Друсс свернул налево, к темным вулканическим скалам.

Зибен последовал за ним.

— Как же ты думаешь искать свои целебные камни?

Воин поразмыслил.

— Мне сдается, они спрятаны в гробу. Так ведь обычно и делается, правда?

— Это древняя гробница, и ее, должно быть, не раз уже грабили.

Друсс помолчал и пожал плечами.

— Однако старый шаман сказал, что они там. Спрошу его еще раз, когда увижу.

— Хотел бы я так же верить в людей, как ты, дружище Друсс, — криво улыбнулся Зибен.

Кобыла задрала голову, раздула ноздри и пошла быстрее.

— Видишь, там есть вода, — сказал поэт. — Лошади ее чуют.

Они поднялись вверх по узкой извилистой тропе, и два старых надирских воина с мечами заступили им дорогу. Маленький священник в выцветших голубых одеждах

подошел, сказал что-то старикам, и те, ворча, отступили. Друсс проехал дальше и спешился у источника, подозрительно оглядев кучку надиров.

— Добро пожаловать в наш стан, воин, — сказал священник. Его слепые глаза были мутны, как дымчатый опал. Друсс прислонил Снагу к скале и взял ребенка у Зибена, чтобы тот мог сойти с коня.

— Он нуждается в молоке, — сказал Друсс.

Священник позвал кого-то по имени. Молодая женщина робко подошла к ним, приняла ребенка у Друсса и вернулась к своим.

— Они ушли от готирского набега, — сказал слепой, — а я Эншима, священник Истока.

— Я Друсс, а это Зибен. Мы едем...

— В святилище Ошикая, — закончил священник. — Я знаю. Присядьте со мной ненадолго. — Он отошел к роднику, и Друсс последовал за ним. Зибен тем временем напоил лошадей и наполнил фляги. — В святилище скоро будет бой — ты знаешь об этом.

Друсс сел рядом с ним.

— Знаю, но мне это безразлично.

— Напрасно ты так думаешь, Друсс. До боя тебе камней не найти.

Друсс опустился на колени у источника и попил. Вода была холодна и освежала, но оставляла на языке горьковатый вкус.

— Ты что, пророк? — спросил он слепца.

— В своем роде.

— Скажи тогда, из-за чего заварилась эта проклятая война? Я не вижу в ней смысла.

— Твой вопрос предполагает, что в других войнах смысл есть, — грустно улыбнулся Эншима.

— Я не философ, священник, избавь меня от своих рассуждений.

— Это верно, Друсс, ты не философ — но ты идеалист. Из-за чего эта война? Из-за того же, что и все прочие: из-за алчности и страха. Алчность проистекает от того, что готиры богаты и хотят всегда оставаться такими, а страх — от того, что в надирах они видят грядущую угрозу своему богатству и власти. Разве войны когда-нибудь велись по другим причинам?

— Стало быть, эти камни существуют, — сказал Друсс, сменив разговор.

— О да, они существуют. Глаза Альказарра были сделаны несколько столетий назад. Это аметисты, каж-

дый с яйцо величиной, и оба они напитаны непомерной силой этой дикой земли.

— Почему же я не найду их до боя? — спросил Друсс.

Зибен подошел и сел рядом.

— Потому что так суждено.

— Мой друг позарез нуждается в них. Я был бы благодарен тебе за помощь.

— Не по своей прихоти я отказываю тебе в помощи, воин, — улыбнулся Эншима. — Но завтра я уведу этих людей подальше в горы, питая надежду — тщетную, быть может, — сохранить им жизнь. Ты же поедешь в святилище и будешь там сражаться, ибо это ты умеешь делать лучше всего.

— А мне что хорошего скажешь, старый конь? — спросил Зибен.

Священник с улыбкой потрепал его по плечу.

— Ты помог мне решить одну задачу, и я благодарен тебе за это. Ты совершил доброе дело там, в пещере смерти, — и я надеюсь, что Исток вознаградит тебя за это. Покажи мне лонциа. — Зибен выудил из кармана тяжелый серебряный медальон, и старик, поднеся его к своим матовым глазам, закрыл их. — Мужской портрет изображает Ошикая, Гонителя Демонов, женский — его жену Шуль-сен. Надпись сделана на чиадзе. Буквальный перевод звучит так: «Ошка — Шуль-сен — вместе навек». Но на самом деле это значит «родные духом». Они очень любили друг друга.

— Но зачем кому-то нужно было так ее истязать? — спросил Зибен.

— На это я ответить не могу, молодой человек. Пути людского зла закрыты для меня, и я не понимаю подобного зверства. Но кто-то прибег к очень сильным чарам, чтобы сковать дух Шуль-сен.

— А теперь она свободна?

— Не знаю. Один надирский воин сказал мне, что дух Ошикая ищет ее в бескрайних темных долинах Пустоты. Возможно, теперь он ее нашел. Надеюсь на это. Но, как я сказал, чары были очень сильны. — Священник вернул лон-циа Зибену и сказал: — Он тоже заговорен.

— Но не проклят, надеюсь? — спросил поэт, с опаской беря медальон.

— Нет, не проклят. Я думаю, заклятие должно было просто укрыть его от людских глаз. Можешь носить его смело, Зибен.

— Это хорошо. Скажи, почему ты произнес имя Ошикая как «Ошка»? Это что, уменьшительное?

— В чиадзийском алфавите нет буквы «и». Она обозначается птичкой над предыдущей буквой.

Зибен сунул медальон в карман, и Эншима встал.

— Да хранит вас Исток.

Друсс сел на свою кобылу.

— Двух надирских коней мы оставим вам.

— Это доброе дело.

— А много ли защитников в святилище? — спросил Зибен старика.

— Думаю, что к приходу готиров не наберется и двухсот.

— Но камни точно там?

— Да.

Зибен выругался и сказал с улыбкой:

— Лучше бы их там не было. Воин из меня неважный.

— Как из всякого просвещенного человека.

— Но почему же камни спрятаны там?

— Их обработали несколько веков назад и вставили в голову каменного волка. Но шаман похитил их — должно быть, для того, чтобы завладеть их силой. За ним гнались, и он спрятал камни, а после хотел уйти в горы. Но его схватили, подвергли пыткам и убили близ того места, где ты нашел кости Шульсен. Он так и не открыл, где спрятал Глаза.

— Что-то тут концы с концами не вяжутся. Зачем же он бросил камни, если в них заключалась такая сила? Почему не использовал их, чтобы спастись от погони?

— А ты полагаешь, что поступки людей всегда имеют смысл?

— Пожалуй, что нет. Какого же рода силой обладали Глаза?

— Трудно сказать. Многое зависит от мастерства человека, который ими владеет. Они исцеляют любые раны и способны разрушить любые чары. Говорят также, что они имеют власть возрождать и создавать подобное.

— Могли они укрыть шамана от погони?

— Да.

— Почему же он тогда не прибегнул к ним?

— Боюсь, молодой человек, что это так и останется тайной.

— Ненавижу тайны. Ты сказал — возрождение. Они оживляют мертвых?

— Я имел в виду возрождение живых тканей — при глубоких ранах или тяжких болезнях. Говорят, что некий старый воин помолодел после лечения ими. Но мне думается, это только сказки.

— Пора двигаться, поэт, — сказал Друсс.

Молодая надирка подошла к ним и молча протянула Зибену ребенка. Поэт попятился.

— Ну уж нет, моя милая. Мы привязались к малышу, но ему все же будет лучше здесь, со своими.

Талисман прошелся по узкому деревянному настилу северной стены, испытывая его на прочность и осматривая древние балки, которые его поддерживали. На вид они казались крепкими. Парапет был зубчатый и позволял лучникам стрелять через проемы. Но каждый надирский воин носил при себе всего двадцать стрел — их хватит разве что на первую атаку. Можно, впрочем, собирать вражеские стрелы. Но это не тот бой, который будет выигран с помощью луков. Кзун руководил работами у проломленной стены. Помост, возводимый там, выглядел весьма солидно. Вожак Одиноких Волков так и не снимал белого платка, который дала ему Зусаи. Кзун видел, что Талисман смотрит на него, но не помахал в ответ. Квинг-чин со своими трудился у ворот. Воины смазывали жиром петли, стараясь заставить их повернуться. Сколько же времени эти ворота не закрывались — десять лет или сто?

Барцай с десятком людей работал на восточной стене, верх которой частично обвалился. Для починки употреблялись отодранные в домах половицы.

Квинг-чин поднялся к Талисману и отдал ему честь по-готирски.

— Не делай этого больше, — холодно сказал Талисман. — Воинам это не по нраву.

— Извини, брат.

— Не надо извиняться, дружище. Я не хотел тебе выговаривать. Ты славно потрудился минувшей ночью. Жаль только, что им удалось спасти бочки с водой.

— Не все, Талисман. Им придется урезать порции.

— Как они вели себя в час опасности?

— Очень слаженно. У них хорошие командиры. А Гаргантo чуть не погиб. Я видел с пригорка, как он бродит среди пламени. Но молодой офицер подъехал и увез его — тот самый, который спас повозки.

Талисман облокотился о парапет, глядя в долину.

— При всей своей ненависти к Гаргану должен сказать, что он хороший полководец. Он вписал свою главу в готирскую историю. Ему было двадцать два, когда он возглавил поход, приведший к гражданской войне, — самый молодой генерал во всей готирской армии.

— Теперь ему уже не двадцать два. Он стар и грузен.

— Молодость уходит, мужество остается.

— Он полон яда. — Квинг-чин снял отороченный мехом шлем и расчесал пальцами потные волосы. — Злоба сжигает его. Он разбушуется не хуже ночного пожара, когда узнает, что командуешь здесь ты.

— Хорошо бы твои слова сбылись. В злобе человек редко принимает мудрые решения.

Квинг-чин присел на парапет.

— Ты уже выбрал, кто поведет воинов к водоему?

— Да. Кзун.

— Но ведь ты назначил туда Острый Рог? — удивился Квинг-чин.

— Так и есть. Но командовать будет Кзун.

— Одинокий Волк? А они не станут противиться?

— Увидим. Пусть твои люди собирают камни потяжелее и раскладывают их на стене. Будем бросать их в пехоту, когда те пойдут на приступ.

Сказав это, Талисман спустился со стены к Барцаю — тот как раз отпустил своих людей отдохнуть и напиться воды.

— Ты уже отобрал воинов? — спросил Талисман.

— Да. Двадцать человек, как ты приказывал. Их число можно увеличить — к нам пришли еще тридцать два воина.

— Если ты верно описал тот водоем, двадцати будет довольно. Пусть эти люди придут сюда — я хочу говорить с ними.

Барцай ушел, а Талисман направился туда, где Кзун и его воины достраивали помост. Верх его покрыли досками из старой башни. Талисман влез на него и выглянул в зубчатый проем.

— Хорошо, — сказал он подошедшему Кзуну.

— Сойдет. Ты здесь хочешь поставить меня и моих людей?

— Твоих людей — да, но не тебя. Назначь кого-нибудь на свое место. Я хочу, чтобы ты командовал воинами Острого Рога у водоема.

— Что? — Кзун побагровел. — Ты хочешь, чтобы я возглавил этих трясущихся обезьян?

— Если готиры возьмут водоем, они возьмут и святилище, — тихим и ровным голосом ответил Талисман. — Это ключ нашей обороны. Без воды врагу придется бросить в бой все свои силы; и если мы продержимся достаточно долго, они начнут умирать. С водой они могут выбирать из дюжины возможностей — могут даже уморить нас голодом.

— Не надо убеждать меня, как это важно, Талисман. Но почему ты даешь мне Острый Рог? Они слабаки. Водоем могли бы оборонять мои воины — уж они стояли бы насмерть.

— Ты поведешь Острый Рог. Ты боец, и они пойдут за тобой.

— Объясни почему, — заморгал Кзун. — Почему я?

— Потому что я так приказываю.

— Нет, есть и другая причина. Что ты скрываешь от меня?

— Ничего, — без зазрения совести соврал Талисман. — Водоем жизненно важен для нас, и я рассудил, что лучше тебя его никто не защитит. Но он находится на землях Острого Рога, и они сочтут себя оскорбленными, если я поручу другому племени оборонять его.

— А не сочтут они себя оскорбленными, когда ты поставишь меня вожаком?

— Придется рискнуть. Пойдем со мной — они ждут нас.

Барцай был в бешенстве, но скрыл свой гнев, глядя, как Кзун выводит воинов за ворота. Боль в груди опять донимала его — верхние ребра точно стиснули тугим железным обручем. Он так хотел, чтобы к водоему послали его. Там много троп для отхода. Он и его люди дрались бы отважно, но могли бы и отступить в случае нужды. А теперь он заперт в этой развалине, громко именуемой крепостью.

— Пойдем, надо поговорить, — сказал ему Талисман, и боль кольнула Барцая с новой силой.

— Поговорить? Довольно с меня разговоров. Не будь наше положение таким отчаянным, я вызвал бы тебя на бой, Талисман.

— Мне понятен твой гнев, Барцай. А теперь послушай меня: от Кзуна при осаде не было бы никакой пользы. Я видел, как он мечется по двору и как у него всю ночь горит фонарь. Он и спит под открытым небом — ты заметил?

— Да, он с причудами. Но почему ты доверил ему моих людей?

Талисман подвел Барцая к столу под навесом.

— Я не знаю, какие демоны владеют Кзуном, но видно, что он боится тесного пространства. Он не любит темноты и избегает замкнутых мест. Когда начнется осада, мы все окажемся заперты здесь. Это, мне думается, сломило бы Кзуна. Но он боец и будет защищать водоем, не щадя жизни.

— Я бы тоже не щадил жизни, — сказал Барцай, не глядя Талисману в глаза. — Как и всякий другой вожак.

— У всех у нас свои страхи, Барцай, — мягко сказал Талисман.

— Что это значит? — покраснел Барцай, с беспокойством заглянув в темные, загадочные глаза Талисмана.

— Это значит, что будущее страшит и меня. То же относится к Квинг-чину, Лин-цзе и всем остальным. Никто из нас не хочет умирать. Вот почему я так ценю твое присутствие здесь, Барцай. Ты старше и опытнее, чем прочие вожаки. Твое спокойствие и твоя сила очень пригодятся нам, когда придут готиры.

Барцай вздохнул, и боль немного отпустила.

— В твоих летах я проехал бы сотню миль, лишь бы сразиться в этом бою. Но теперь я чувствую на шее холодное дыхание смерти. И это превращает мои кишки в воду, Талисман. Я слишком стар, и лучше, если ты не будешь чересчур на меня полагаться.

— Ты ошибаешься, Барцай. Только глупцы не ведают страха. Я молод, но хорошо сужу о людях. Ты будешь стоять твердо и вдохновлять воинов вокруг себя. Ведь ты надир!

— Я не нуждаюсь в красивых речах. Я знаю свой долг.

— Это не просто речь, Барцай. Двенадцать лет назад, когда Спинорубы налетели на твое селение, ты ворвался к ним в лагерь с двадцатью людьми, обратил врагов в бегство и отобрал назад всех угнанных коней. Пять лет назад тебя вызвал молодой воин из Одиноких Волков. Ты получил четыре раны, но все-таки убил его. А потом сел на коня и уехал. Ты настоящий мужчина, Барцай.

— Как много ты обо мне знаешь, Талисман.

— Вождь должен знать своих людей. Но о твоих подвигах я узнал только потому, что твои воины хвастались этим.

— Я не подведу, — усмехнулся Барцай. — А теперь я должен вернуться к работе, иначе мне не на чем будет стоять!

Талисман улыбнулся, и старый воин ушел. Тут из гробницы вышел Носта-хан, и хорошее настроение Талисмана мигом улетучилось.

— Там ничего нет, — сказал шаман. — Мои чары оказались бессильны. Возможно, Чорин-Цу ошибся и камни спрятаны не там.

— Глаза здесь, но они от нас скрыты. Дух Ошикая сказал мне, что их суждено найти чужеземцу.

Носта-хан сплюнул в пыль.

— Сюда как раз едут двое — Друсс с поэтом. Будем надеяться, что один из них и есть избранник.

— Зачем Друсс едет сюда?

— Я сказал ему, что Глаза излечат его друга, которого ранили в бою.

 — Это правда?

— Правда, да только он их не получит. Думаешь, я отдам священную реликвию надиров в руки гайина? Нет, Талисман. Друсс великий воин и пригодится нам в предстоящей битве, но потом его нужно будет убить.

Талисман пристально посмотрел на маленького шамана, но промолчал. Носта-хан сел за стол и налил себе воды.

— Ты говоришь, что в гробу лежит лон-циа?

— Да, Серебряный.

— Странно. Гробницу разграбили еще несколько веков назад. Почему же воры не взяли серебряный медальон?

— Он был спрятан у Ошикая на груди, под рубашкой. Возможно, они его не заметили. А потом рубашка истлела, и я его нашел.

— Гм-м, — недоверчиво протянул Носта-хан. — Я думаю, лон-циа был заговорен, но со временем чары развеялись. — Сверкающий взор шамана впился в лицо молодого воина. — Поговорим теперь о девушке. Она не твоя, Талисман: она обещана Собирателю, а не тебе. От него в будущем произойдут великие мужи. Зусаи станет его первой женой.

Желудок Талисмана точно стянуло узлом, и он сказал гневно:

— Я не желаю больше слышать твоих предсказаний, шаман. Я люблю ее, как жизнь. Она моя.

— Нет! — прошипел Носта-хан, подавшись к нему. — Благополучие надиров должно быть для тебя превыше всего. Хочешь ты увидеть приход Собирателя? Тогда не мешайся в его судьбу. Он где-то там, — шаман махнул худой рукой, — человек, которого мы ждем. И нити его судьбы переплетены с судьбой Зусаи. Ты понял меня, Талисман? Она не твоя!

Молодой надир видел злобу в глазах шамана — но он видел там и страх. Старик в своем рвении превосходил даже Талисмана, посвящая свою жизнь единственной цели: приходу Собирателя.

Точно камень лег Талисману на сердце.

— Я понял тебя, — сказал он.

— Хорошо. — Маленький шаман успокоился и стал смотреть, как воины трудятся на стенах. — Внушительное зрелище. Ты хорошо поработал.

— Ты останешься здесь на время боя? — холодно осведомился Талисман.

— Задержусь немного, чтобы употребить свои чары против готиров. Но я не могу умереть здесь, Талисман: слишком важным делом я занят. Если защита рухнет, я уйду и уведу с собой девушку.

Талисман воспрял духом.

— Ты спасешь ее?

— Да. Но будем откровенны, Талисман. Если ты лишишь ее невинности, я ее не возьму.

— Я даю тебе мое слово, Носта-хан. Довольно с тебя?

— Вполне. Не питай ко мне ненависти, мальчик, — грустно сказал старик. — Меня и так слишком многие ненавидят, да и есть за что. Мне было бы больно, если бы ты примкнул к ним. Ты хорошо послужишь Собирателю — я знаю.

— Ты знаешь мою судьбу?

— Да. Но не обо всем можно говорить. Пойду отдохну. — Шаман пошел прочь, но Талисман задержал его.

— Если я тебе не совсем безразличен, Носта-хан, ты скажешь мне о том, что ты видел.

— Я ничего не видел, — ответил Носта-хан, не оборачиваясь и понурив плечи. — Ничего. Я не видел тебя рядом с Собирателем. У тебя нет будущего, Талисман. Теперь твой час — насладись же им. — И шаман ушел не оглядываясь.

Талисман, постояв немного, поднялся в комнату Зусаи. Она, ожидая его, расчесала свои блестящие черные волосы и умастила их ароматическим маслом. Когда он вошел, она бросилась к нему, обвила руками его шею и покрыла лицо поцелуями. Он мягко отстранил ее и передал ей слова шамана.

— Мне все равно, что он говорит, — сказала она. — Никогда я не буду чувствовать к другому мужчине то, что чувствую к тебе. Никогда!

— Как и я к другой женщине, Зусаи. Давай посидим немного. Хочу подержать тебя за руку. — Он подвел ее к топчану. Она поцеловала ему руку, смочив ее своими теплыми слезами. — Когда дела наши станут плохи, — прошептал он, — Носта-хан уведет тебя отсюда в безопасное место. Он великий маг и сумеет пройти сквозь ряды готиров. Ты будешь жить, Зусаи.

— Я не хочу жить без тебя. Я не уйду отсюда.

Ее слова тронули Талисмана, но и напугали.

— Не говори так, любимая. Ты должна понять: для меня твое благополучие все равно что победа. Я умру счастливым, зная, что ты в безопасности.

— Я не хочу, чтобы ты умирал! — дрожащим голосом проговорила она. — Хочу жить с тобой где-нибудь высоко в горах. Хочу родить тебе сыновей.

Талисман прижал ее к себе, вдыхая аромат ее волос и кожи, гладя ее лицо и шею. Он не находил слов, и великая печаль овладела им. Он думал, что его мечты о единстве надиров важнее самой жизни. Теперь он понял, что это не

так. Эта хрупкая женщина открыла ему истину, которой он прежде не ведал. Из-за нее он чуть было не изменил своей судьбе. Чуть было. Во рту у него пересохло, и он с огромным усилием оторвался от Зусаи и встал.

— Мне пора.

Она поднялась вслед за ним.

— Повремени немного. Я чиадзе, Талисман, и многому обучена. Сними рубашку.

— Не могу. Я дал слово Носта-хану.

— Сними, — улыбнулась она. — Ты устал и неспокоен, твои мышцы стянуты. Я помассирую тебе плечи и шею, а потом ты поспишь. Сделай это для меня, Талисман.

Он сбросил свой козий кожух, стянул рубашку, расстегнул пояс и сел на топчан. Зусаи стала на колени позади него и стала разминать большими пальцами узлы его мускулов. Потом она велела ему лечь на живот и втерла ему в спину душистое масло. Вдыхая тонкий аромат, Талисман впал в блаженное забытье.

Когда он проснулся, она лежала рядом с ним под одним одеялом, голова к голове, держа руку у него на груди. Талисман, осторожно отведя ее руку, встал, и Зусаи пробудилась.

— Как ты чувствуешь себя теперь, мой господин?

— Хорошо, Зусаи. Ты просто искусница.

— Любовь творит чудеса, — сказала она, садясь. Она была нагая, и солнце золотило ее кожу.

— Да, — согласился он, с трудом оторвав взгляд от ее груди. — Тебе больше не снилась Шуль-сен?

— Мне снился только ты, Талисман.

Он надел рубашку, кожух, перекинул пояс через плечо и вышел. Горкай ждал его внизу.

— Сюда едут два всадника — возможно, готирские разведчики. У одного большой топор. Они нужны тебе живыми или мертвыми?

— Пусть едут. Я жду их.

Друсс придержал кобылу перед западной стеной, глядя на пролом в камне.

— Я видывал крепости и получше, — сказал он Зибену.

— И прием потеплее, — буркнул Зибен.

На стене выстроились лучники, целившие прямо в них. Друсс, усмехнувшись, направил кобылу дальше. Старые ворота наполовину сгнили, но он заметил, что петли отчищены от ржавчины, а под воротами остались глубокие полукруглые борозды — стало быть, их закрывали.

Тронув кобылу каблуками, он въехал во двор и спешился. К нему шел Талисман.

— Вот мы и встретились снова, друг, — сказал Друсс. — Теперь за тобой больше не гонятся разбойники?

— Две тысячи разбойников — кавалерия, пехота и лучники.

— Поставь-ка людей поливать эти ворота. Дерево совсем высохло — готиры и ломать их не станут, а просто подожгут. — Друсс поглядел вокруг опытным глазом. Настил на стенах обновлен, и под трещиной в западной стене поставлен помост. На каждой стене запасены камни, чтобы швырять во врага. — Сколько у тебя человек?

— Двести.

— Придется им повоевать на совесть.

— Они надиры и защищают кости величайшего надирского воина всех времен. Они будут сражаться на совесть. А ты?

— Я люблю подраться, парень, — хмыкнул Друсс, — но это не моя драка. Надирский шаман сказал мне, что здесь есть камни — целебные камни. Они нужны мне для моего друга.

— Я понял. Но мы пока не нашли их. Скажи, шаман обещал тебе эти камни?

— Не совсем, — признался Друсс. — Он просто сказал мне, что они здесь. Не возражаешь, если мы поищем?

— Нисколько. Я обязан тебе жизнью, и это самое меньшее, что я могу сделать для тебя. — Талисман указал на главное строение: — Вот гробница Ошикая, Гонителя Демонов. Камни могут быть спрятаны только там. Носта-хан — шаман, о котором ты говорил, — пустил в ход свои чары, но ничего не нашел. Я вызывал дух Ошикая, но он не открыл мне, где лежат камни. Удачи тебе, воин!

Друсс, закинув топор за плечо, перешел через двор вместе с Зибеном. В тускло освещенной гробнице он постоял перед каменным саркофагом. Святилище было пыльное, ничем не украшенное.

— Его разграбили, — сказал Зибен. — Погляди на эти колышки в стене. Когда-то на них висели доспехи и боевое знамя.

— Негоже так обращаться с героем. Ты уже придумал, где искать?

— В гробу, где же еще. Только ты там ничего не найдешь.

Друсс, ухватившись за каменную крышку, напряг мышцы и поднял ее. Крышка со скрипом сдвинулась. Зибен заглянул внутрь.

— Ну-ну.

— Они там?

— Разумеется, нет. Но на покойнике имеется лон-циа — точно такой же, как мы нашли на той женщине.

— Больше ничего?

— Нет. У него отсутствуют пальцы, Друсс, — должно быть, их отрубили, чтобы снять кольца. Поставь крышку на место.

Друсс повиновался и спросил:

— Ну и что же теперь?

— Я подумаю. Что-то здесь не так — но мне надо понять что.

— Ты лучше поторопись, поэт, если не хочешь оказаться в гуще боя.

— Утешительная мысль.

Со двора послышался стук копыт. Друсс вышел за порог. Зибен последовал за ним и увидел Нуанг Ксуана — тот слезал с коня, а его люди входили в ворота.

— Я думал, ты едешь в другую сторону, — сказал ему Друсс.

Вождь только плюнул.

— Я и ехал. Но какой-то олух устроил там пожар, и пришлось нам бежать от огня. Потом мы хотели свернуть на восток, но увидели улан. Поистине Боги Камня и Воды меня невзлюбили.

— Однако ты жив, старик.

— Надолго ли? Их тысячи, и все идут сюда. Хочу, чтобы мои люди отдохнули здесь этой ночью.

— Не умеешь ты врать, Нуанг Ксуан. Ты пришел сюда сражаться, защищать святилище. Этак тебе удачу не вернуть.

— Я все спрашиваю себя — есть ли конец злобе готиров? Какая им польза уничтожать то, что нам дорого? Ты прав, я останусь здесь. Женщин и детей отошлю прочь, но воины останутся со мной. Что до удачи, воин, то умереть в священном месте — большая честь. Я не так уж стар и намерен убить сотню готиров. Ты тоже остаешься?

— Это не моя война, Нуанг.

— Они замышляют злое дело, Друсс. — Нуанг вдруг усмехнулся, показав щербатый рот. — Я думаю, ты останешься. Думаю, Боги Камня и Воды привели тебя сюда, чтобы ты видел, как я убью сто готиров. А теперь мне надо найти, кто здесь главный.

Ниоба стояла в тени, сбросив с плеч холщовый мешок. Зибен подошел к ней и улыбнулся.

— Ну как ты, скучала по мне?

— Я слишком устала для любви, — равнодушно проговорила она.

— Вот тебе и вся надирская романтика. Давай я напою тебя водой.

— Я и сама могу напиться.

— Уверен, что можешь, моя прелесть, но мне хочется побыть с тобой рядом. — Зибен подвел ее к столу, налил воды из каменного кувшина в глиняную кружку и подал ей.

— У вас все мужчины служат женщинам?

— Можно и так сказать.

Ниоба выпила воду, протянула кружку, и Зибен налил ей еще.

— Ты чудной. И ты не воин. Что ты будешь делать здесь, когда польется кровь?

— Если повезет, к началу боя меня здесь не будет. Ну а если придется остаться... — Он развел руками. — Я кое-что понимаю в ранах — буду полковым лекарем.

— Я тоже умею зашивать раны. Нам понадобится полотно на бинты и много ниток. Иголки тоже. Я все это найду. И надо куда-то девать мертвых — не то они будут вонять, раздуваться, лопаться и притягивать мух.

— Как мило ты выражаешься. Может, поговорим о чем-нибудь другом?

— Почему?

— Эта тема меня как-то обескураживает.

— Я не знаю этого слова.

— Да, вероятно. Неужели ты совсем не боишься?

— Чего я должна бояться?

— Готиров.

— Нет. Они придут, и мы их убьем.

— Или они нас.

— Ну и пусть, — пожала плечами она.

— Да ты фаталистка, моя милая.

— Неправда. Я из Одиноких Волков. Нуанг хотел, чтобы мы назывались Орлиным Крылом, но теперь нас мало, и мы опять станем Одинокими Волками.

— Ниоба из племени Одиноких Волков, я тебя обожаю. Ты вносишь струю свежего воздуха в мою скучную жизнь.

— Я выйду замуж только за воина, — сурово предупредила она. — Но пока не найдется подходящего, буду спать с тобой.

— Какой мужчина устоит против столь деликатного предложения?

— Чудак, — проворчала она и ушла.

Друсс подошел к Зибену:

— Нуанг говорит, им надоело бегать. Они останутся здесь и будут драться.

— Могут ли они победить, Друсс?

— На вид они стойкие ребята, и Талисман хорошо наладил оборону.

— Это не ответ.

— А никакого ответа и нет — можно только гадать. Я бы и медной полушки не поставил на то, что они продержатся больше суток.

Зибен вздохнул:

— Но это, конечно, не означает, что мы сделаем нечто разумное — уедем, к примеру?

— Готиры не имеют права разорять это святилище, — произнес Друсс с холодным блеском в серых глазах. — Это неправильно. Ошикай был героем всех надиров. Его кости должны покоиться в мире.

— Извини, что повторяюсь, старый конь, но его гробницу уже когда-то разграбили, а тело изрубили. Ты не находишь, что беспокоиться о нем поздновато?

— Дело не в нем, а в них, в надирах. Разгромить святилище — значит лишить их кровного достояния. Это гнусное, подлое дело — я таких не терплю.

— Значит, мы остаемся?

— Уезжай, — улыбнулся Друсс. — Здесь не место для поэта.

— Ты меня искушаешь, Друсс, старый конь. Может, я так и поступлю, как только мы увидим их знамена.

Нуанг позвал Друсса, и тот отошел. Пока Зибен пил воду за столом, к нему подсел Талисман.

— Расскажи мне о своем умирающем друге.

Зибен поведал все, что знал о бое, в котором ранили Клая, и Талисман сумрачно выслушал его.

— Так и надо, — сказал он. — Человек должен идти на все ради друга. Это доказывает, что у Друсса доброе сердце. Он сражался во многих битвах?

— Им нет числа. Знаешь, как высокое дерево притягивает молнию во время грозы? Вот и Друсс такой. Куда бы он ни явился, там сразу завязывается драка. Меня это просто бесит.

— Однако он остается в живых.

— Такой уж у него дар. Смерть везде ходит бок о бок с ним.

— Он нам очень здесь пригодится. Ну а ты, Зибен? Ниоба говорит, ты хочешь быть нашим лекарем. Зачем тебе это?

— Глупость у нас в роду.

Лин-цзе, сидя на коне, смотрел на перевал. По правую руку высилась отвесная красная Храмовая Скала — величественный монумент, изваянный самою природой: ее выточило давно пересохшее море, некогда покрывавшее эту

землю, а ветры времени завершили работу. Слева от Лин-цзе тянулся неровный склон, покрытый валунами. Неприятель вынужден будет идти по узкой тропе, ведущей вниз мимо Храмовой Скалы. Лин-цзе, спешившись, взобрался на склон и осмотрел ближние камни. Будь у него побольше времени и побольше людей, он мог бы раскачать несколько валунов и свалить на тропу. Некоторое время он размышлял об этом.

Потом вернулся к коню, сел в седло и повел свой маленький отряд дальше, в красные скалы. Талисману нужна победа, способная поднять дух защитников.

Но как эту победу одержать? Талисман упомянул о Фекреме и его отступлении — это предполагало ряд молниеносных набегов на вражеские обозы. Фекрем был племянником Ошикая и мастером таких дел. Красная пыль поднималась из-под конских копыт, и у Лин-цзе пересохло в глотке. Он пригнулся к шее коня, посылая его на крутой склон. На вершине он задержался и снова сошел с седла. Здесь тропа делалась шире. Слева торчал длинный палец скалы, клонящийся к груде валунов направо. Прогал между ними составлял около восемнадцати футов. Лин-цзе вообразил себе передовую шеренгу улан. Они будут ехать медленно, возможно, по двое в ряд. Если бы он мог заставить их в этом месте двигаться быстрее... Он оглянулся. Склон позади него крут, но хороший наездник вполне способен спуститься по нему вскачь, а уланы — искусные наездники.

— Ждите здесь, — велел он воинам и натянул поводья. Конь попятился и запрядал, но Лин-цзе направил его галопом вниз по склону, а внизу резко осадил. Поднятая им пыль висела над тропой, как красный туман. Лин-цзе свернул направо и поехал уже осторожно. Неровная почва за пределами тропы вела к трещине футов триста глубиной. Он снова спешился, подошел к обрыву и двинулся вдоль. В самом широком месте трещина достигала около пятидесяти футов, но там, где он теперь стоял, не было и десяти. На той стороне усеянная камнями почва поднималась вверх и выводила на тропу в широком месте. Лин-цзе прикинул, что этим путем можно выбраться к западному боку Храмовой Скалы.

Он посидел немного, обдумывая свой план, и вернулся к воинам.

Премиан ввел сотню своих улан в красные скалы. Он устал, налившиеся кровью глаза щипало. Люди молча ехали сзади по двое в ряд — они были небриты, и порцию воды им урезали на треть. В четвертый раз за утро Премиан вски-

нул руку, и отряд натянул поводья. Молодой офицер Микаль подъехал к Премиану.

— Что там такое, капитан?

— Ничего. Пошлите-ка разведчика вон на то северо-восточное взгорье.

— Можно подумать, что мы воюем с армией. К чему все эти предосторожности?

— Выполняйте приказ.

Молодой человек покраснел и развернул коня. Премиан не хотел брать Микаля в эту вылазку. Парень слишком молод и горяч. Хуже того, он презирает надиров — даже после пожара в лагере. Но Гарган распорядился иначе: ему нравится Микаль, он видит в нем собственное молодое подобие. Солдаты же — Премиан знал — не против медленной езды. Все они уже сражались с надирами и готовы скорее помаяться подольше в седле, чем нарваться на засаду.

Ясно одно: у человека, который замыслил тот набег на лагерь, на луке не одна тетива. Премиан раньше в этих местах не бывал, но он изучал карты в Большой Библиотеке Гульготира и знал, что местность вокруг Храмовой Скалы изобилует укрытиями, откуда надиры могут обстрелять его отряд или скатить вниз камни. Ни при каких обстоятельствах не поведет он своих людей наобум. Сидя на коне, он смотрел, как разведчик въезжает на взгорье. На вершине тот обернулся и сделал круговое движение рукой, показывая, что путь свободен. Премиан снова двинул вперед свои четыре роты.

Во рту пересохло. Он порылся в седельной сумке, достал серебряную монету и положил ее в рот, чтобы вызвать прилив слюны. Люди наблюдают за ним — если он будет пить, они сделают то же самое. Судя по карте, в этой округе нет водных источников — только русла пересохших рек. Если долго копать, можно напасть на родник, чтобы напоить хотя бы лошадей. А в скалах могут быть скрытые водоемы, неизвестные картографам. Премиан высматривал пчел, которые никогда не удаляются от воды, но пока не видел ни одной. Лошади тоже равнодушно нюхали горячий воздух, а ведь они чуют воду на расстоянии.

Премиан подозвал к себе старшего сержанта Джомила. Этому ветерану надирских кампаний было уже около пятидесяти. Подъехав к Премиану, он отдал честь. Из-за двухдневной серебристой щетины Джомил казался старше.

— Что скажешь? — спросил Премиан.

— Они где-то близко. Я прямо-таки чую их.

— Господину Гаргану нужны пленные. Передай это людям.

— Не мешало бы упомянуть о награде.

— Награда будет, но говорить об этом не следует. Излишняя лихость мне ни к чему.

— Однако вы осторожны, капитан, — усмехнулся Джомил.

— Я хочу, чтобы мои внуки, когда я буду сидеть с ними в прохладном осеннем саду, сказали то же самое: «Дедушка был человек осторожный», — улыбнулся Премиан.

— У меня внуки уже есть.

— И, возможно, больше, чем вы думаете.

— «Возможно» вы могли бы и не говорить, капитан.

Джомил вернулся назад и сообщил солдатам относительно пленных. Премиан снял шлем с белым плюмажем и расчесал пальцами вспотевшие светлые волосы. Ветер, охвативший мокрую голову, на миг показался ему прохладным, но жара тут же навалилась снова, и он надел шлем.

Впереди за поворотом показалась Храмовая Скала. Напоминающая гигантский колокол, она величественно вздымалась к небу. Премиан залюбовался ею и пожалел, что нет времени ее зарисовать. Тропа круто шла в гору. Премиан приказал Микалю въехать наверх с его ротой из двадцати пяти человек и там дождаться остальных. Младший офицер отдал честь и двинулся со своими людьми на восток. Премиан нахмурился. Микаль скачет слишком быстро — не понимает, что ли, что лошади устали, а вода на исходе?

Достигнув вершины взгорья, Микаль и его люди увидели четырех испуганных надиров, стремглав бегущих к своим лошадям. Гарган сказал, что ему нужны пленные, и Микаль уже слышал слова похвалы, которой удостоит его генерал.

— Золотой раг тому, кто возьмет языка! — крикнул он и пришпорил коня.

Надиры вскочили на своих коньков и галопом помчались вниз, поднимая тучи красной пыли. Мелким лошадкам не под силу тягаться с готирскими конями, и Микаль с солдатами вот-вот уже нагонит их. Жмурясь от пыли, Микаль выхватил саблю и пригнулся к шее коня, понукая его скакать еще быстрее. Надиры скрылись за поворотом... он едва различал их в пыли. Конь Микаля, летя во весь опор, обогнул поворот, солдаты кучей скакали за ним. Надиры теперь оказались слева, и их лошади прыгали, как будто через невысокую изгородь.

И в этот миг Микаль увидел пропасть, разверзшуюся перед ним, словно пасть громадного зверя. Он от-

кинулся назад и что есть силы натянул поводья — но опоздал: конь на полном скаку прыгнул в зияющий проем и полетел вниз головой, выбросив Микаля из седла. Офицер с воплем упал на камни далеко внизу.

Уланы отчаянно старались осадить коней. Семеро упали вслед за Микалем, остальные сбились в кучу на краю обрыва. Тут пятнадцать надирских воинов, крича во всю глотку, выскочили из засады и бросились к ним. Испуганные лошади ринулись вперед, и еще десять солдат рухнули в пропасть. Оставшиеся восемь спрыгнули с седел и повернулись к врагу лицом. Но они были взяты врасплох, остались в меньшинстве, позади зиял обрыв, и бежать им было некуда. Надиры разделались с ними быстро и безжалостно... Только один надирский воин получил ранение — со щеки у него свисал лоскут кожи. Собрав готирских коней и взяв шлемы убитых, надиры быстро поскакали вниз.

Несколько мгновений спустя Премиан с тремя ротами въехал на вершину подъема. Джомил увидел тела, спустился к ним, вернулся и доложил:

— Все мертвы, капитан. Большинство, похоже, просто разбились. Их тела лежат на камнях внизу. Хорошие были ребята, капитан.

— Хорошие, — согласился Премиан, едва сдерживая ярость. — Но им достался офицер с мозгами дурного козла.

— Я слышал, что вы ему приказывали: вы велели ему ждать. Вашей вины тут нет, капитан.

— Мы спустимся к погибшим и похороним их. Как по-твоему, сколько человек было у неприятеля?

— Судя по следам, не больше двадцати, капитан. Несколько надиров скакали впереди наших и перескочили через трещину в узком месте.

— Итак, мы потеряли двадцать шесть человек. А враг сколько?

— Раненые у них точно есть. В месте, где они прятали своих коней, около десяти голов, на земле видна кровь.

Премиан устремил на сержанта тяжелый взгляд.

— Один или двое точно ранены, — заверил тот.

Понадобилось больше трех часов, чтобы спуститься на дно трещины, и к тому времени почти уже стемнело.

Надиры сняли оружие и доспехи с восемнадцати погибших, а тела обезглавили.

Глава 10

Зибен оглядел старый лабаз. Ниоба и другие надирки вымели из него пыль и паутину, отмыли грязь и развесили по стенам пять фонарей. Только один пока горел, озаряя дрожащим светом только что созданный лазарет. В северном конце помещения стояли две бочки с водой, рядом — два длинных стола. Зибен осмотрел разложенные там инструменты — старые щипцы, три острых ножа, несколько кривых роговых игл и одну прямую, из стали. Руки у поэта дрожали.

— Здесь есть все, что тебе нужно, по-эт? — спросила Ниоба, ставя на стол коробочку с нитками.

— Нам понадобятся еще одеяла и миски.

— А миски зачем? Если у раненого есть силы на еду, он и сражаться может.

— Раненый человек теряет кровь, а с ней и силы. Вода и пища помогут ему окрепнуть.

— А почему ты дрожишь?

— Мне трижды приходилось помогать лекарям. Однажды я даже зашил рану на плече. Но мои познания в анатомии... в строении человеческого тела... очень ограниченны. Я, например, не знаю, что делать с глубокими ранами в живот.

— Да ничего, — просто сказала Ниоба. — Глубокая рана в живот — это смерть.

— Очень утешительно! Вот меду бы достать. Он очень полезен, особенно если смешать его с вином, — предохраняет раны от заражения.

— Пчел-то нет, по-эт. А раз нет пчел, нет и меда. Зато у нас есть сухие листья лорассия. Они облегчают боль и навевают сны. Еще есть корни хакка, отгоняющие синих демонов.

— Синие демоны? Это еще что?

— Много же ты знаешь о ранах. Это невидимые дьяволы, которые проникают в распоротую плоть и делают ее синей — она начинает дурно пахнуть, и человек умирает.

— Ага, гангрена. И как же пользуются этими корнями хакка?

— Делают примочку и кладут на рану. Она очень скверно пахнет — демоны не любят ее.

— А не знаешь ли ты средства от дрожи в руках?

Ниоба засмеялась, и ее рука скользнула в низ его живота.

— Как же, есть отличное средство. — Она обхватила Зибена левой рукой за шею, пригнула его голову вниз и поцеловала. Сладостное тепло ее языка вызвало в нем

возбуждение. — Посмотри теперь на свои руки, — сказала она, отстранясь. — Хорошее средство, правда?

— Не могу с тобой спорить. Куда бы нам пойти?

— Никуда. У меня много дел. Ши-сай вот-вот родит, и я обещала помочь, когда отойдут воды. Но если ночью руки у тебя опять задрожат, приходи — я буду у северной стены.

Она поцеловала его снова и ушла. Зибен в последний раз оглядел свой лазарет, задул фонарь и тоже вышел. Работа продолжалась и при луне — чинили настил западной стены около трещины. Незанятые надиры сидели у костров. Друсс говорил с Талисманом и Барцаем, стоя на стене над воротами.

Зибен хотел было подняться к ним, но понял, что не желает больше слышать о войне и смерти. Его мысли все время возвращались к Ниобе. Она не походила ни на одну из женщин, которых он знал. Увидев ее впервые, он счел ее довольно привлекательной — не более. Но смеющиеся глаза надирки заставили его пересмотреть свое мнение, хотя она и бледнела рядом с красотками, побывавшими в его постели. А после каждого их любовного соития он находил ее все более красивой. Это было какое-то колдовство. Все прежние любовницы представлялись Зибену замарашками рядом с ней. Пока Зибен размышлял, к нему подошли двое воинов, и один обратился к нему по-надирски.

— Простите, ребята, я не понимаю по-вашему, — криво улыбнулся Зибен.

Тот надир, что повыше, свирепый на вид, с узкими злыми глазами, указал на своего товарища и сказал:

— Он больной.

— Больной, — повторил Зибен.

— Ты лекарь. Лечи его.

Зибен посмотрел на второго надира. Тот был серый, глаза у него ввалились, и он крепко сжимал зубы.

— Идем туда, — сказал первый и ввел друга в лазарет.

Зибен с упавшим сердцем вошел вслед за ними, снова зажег фонарь и направил их к столу. Больной стал стаскивать с себя выцветшую красную рубаху, и у него вырвался стон. Высокий помог ему, и Зибен в мерцающем свете фонаря увидел на спине у больного шишку величиной с небольшое яблоко. Кожа вокруг нее вздулась и покраснела.

— Режь, — велел высокий.

Зибен знаком велел больному лечь на стол и осторожно ощупал опухоль. Больной замер, но не издал ни звука. Опухоль была твердой, как камень.

— Неси фонарь сюда, — приказал Зибен высокому. Тот повиновался, и Зибен рассмотрел нарост получше. Потом взял самый острый свой нож и собрался с духом. Он не имел понятия, что это за опухоль — она походила на громадный нарыв, но вполне могла быть и раковой. Однако ясно было, что выбора нет — оба надира ждали от него каких-то действий. Зибен приставил острие ножа к опухоли и нажал. Из разреза брызнул густой желтый гной, и кожа лопнула, словно кожура гнилого плода. Воин издал глухой, нечеловеческий вопль. Зибен отложил нож и сдавил шишку. Оттуда снова пошел гной, теперь смешанный с кровью. Больной вздохнул и обмяк. Зибен набрал из бочки воды в деревянную плошку, вымыл руки и вернулся к больному. Чистая кровь сочилась из трехдюймового разреза на стол. Зибен очистил рану мокрой тряпицей, велел надиру сесть, заткнул отверстие клочком полотна и завязал, обмотав бинт вокруг пояса. Больной сказал что-то по-надирски своему спутнику, и оба молча вышли.

Зибен сел, проговорив ему вслед:

— Не за что, мне это доставило удовольствие, — но не настолько громко, чтобы уходящие надиры могли его услышать.

Он снова погасил фонарь, вышел через боковую дверь и оказался около входа в гробницу. Ниоба была занята, ему заняться было нечем — он открыл дверь и вошел.

Что-то в этом месте не давало ему покоя, вот только он не мог понять что. Взгляд Зибена остановился на черной железной плите, вделанной в гроб. Чиадзийская надпись состояла частично из букв, частично из иероглифов. Талисман говорил, что написано здесь следующее:

Ошикай, Гонитель Демонов, великий воин.

Зибен стал на колени перед табличкой и стал рассматривать знаки. Они были глубоко врезаны в металл и ни о чем ему не говорили. Раздраженный тем, что задача ему не дается, поэт вышел из гробницы, поднялся на северную стену, присел на парапет и стал смотреть на освещенные луной далекие горы. Мысли вновь обратились к прекрасной Ниобе, и он тщетно прислушивался, не запищит ли новорожденный. «Имей терпение», — сказал он себе, достал из кармана лон-циа и посмотрел на женский профиль, вырезанный на нем. Она тоже была прекрасна. Зибен перевернул медальон, глянул на портрет Ошикая и сказал:

— Уж очень много хлопот ты доставляешь для человека, умершего десять веков назад.

И тут его осенило...

Он сбежал вниз, вернулся в гробницу и снова присел перед табличкой. Сверив слово «Ошикай» на ней с тем же словом на лон-циа, он увидел в имени на таблице два лишних одинаковых знака. Присмотревшись к ним, Зибен заметил, что они врезаны глубже, чем все остальные.

— Ты что-то нашел? — спросил Талисман с порога. Он вошел и опустился на колени рядом с поэтом.

— Эта табличка была тут с самого начала? — спросил Зибен. — Ее поставили последователи Ошикая?

— Наверное. А что?

— Что это за знаки?

— Надирские буквы «и».

— Но у чиадзе такой буквы нет. Значит, табличка либо появилась позднее, либо ее переделали.

— Ну и что же?

— Не люблю я тайн. Если надпись сделана во времена Ошикая, в ней не должно быть «и». Если нет, почему она сделана на чиадзе? Почему не по-надирски?

Зибен подполз на коленях к гробу и нажал на обе буквы «и». От его нажима внутри что-то подалось, раздался глухой щелчок, и табличка отвалилась. Под ней открылась неглубокая ниша, где лежал кожаный кошелек. Талисман оттолкнул Зибена и схватил находку. Кожа лопнула, и содержимое кошелька высыпалось на пыльный пол. Там были две фаланговые костяшки, испещренные темными знаками, заплетенная в косу прядь волос и клочок пергамента.

— Я думал, ты нашел Глаза Альказарра, — разочарованно сказал Талисман.

Зибен хотел развернуть пергамент, но тот распался под его пальцами.

— Что это за предметы? — спросил он.

— Шаманские лечебные средства. Костяшки используются для прорицаний, волосы взяты у злейшего врага шамана. Для чего пергамент, не знаю.

— Но зачем все это положили сюда?

— Не знаю, — отрезал Талисман.

Зибен наклонился и подобрал костяшки.

Мир завертелся колесом. Зибен закричал, и неведомая сила увлекла его во тьму...

Испуганный внезапным обмороком дреная, Талисман опустился на колени рядом с ним и приложил палец к его шее. Сердце билось, но очень-очень медленно. Талис-

ман потряс Зибена за плечи — безуспешно. Он выбежал наружу. Горкай, сидя на земле, точил бруском свой меч.

— Веди сюда Носта-хана и дренайского воина, — приказал Талисман и вернулся к Зибену.

Друсс пришел первым.

— Что случилось? — спросил он, опускаясь на колени рядом с другом.

— Мы разговаривали, и он вдруг лишился чувств. Он подвержен припадкам?

— Нет. — Друсс тихо выругался. — Сердце бьется еле-еле.

Талисман прочел страх на широком бородатом лице. Пришел Носта-хан, и его глаза-буравчики сразу устремились к отверстию на месте таблички.

— Глаза? — спросил он.

— Нет, — ответил Талисман и рассказал, что они нашли.

— Глупец! — прошипел Носта-хан. — Надо было позвать меня.

— Да ведь это просто шаманский мешочек. Камней там не было, — подавляя гнев, проговорил Талисман.

— Ты верно сказал — шаманский. Значит, заговоренный.

— Я тоже трогал его, но со мной ничего не случилось.

Шаман склонился над Зибеном и разжал пальцы его правой руки. Костяшки, лежавшие там, побелели, а черные знаки перешли на ладонь Зибена.

— Но кошелек лопнул, — сказал Носта-хан, — и Кости Прозрения поднял не ты.

Друсс встал, возвышаясь над Носта-ханом.

— Мне все равно, кто тут виноват, — произнес он обманчиво ровным голосом, поблескивая светлыми глазами. — Мне нужно одно: чтобы ты вернул его обратно. Да поскорей!

Носта-хан, почуяв опасность, испытал мгновенную панику. Он приложил руку к сердцу и прошептал два магических слова. Друсс застыл на месте и застонал. Древнее заклятие сковывало жертву цепями жестокой боли. Всякое движение стоило Друссу страшных мучений и грозило потерей сознания. «Теперь этот дренайский гайин почувствует власть надиров!» — с торжеством подумал Носта-хан. Но тут Друсс глухо зарычал, глаза его сверкнули, он выбросил руку вперед, сгреб шамана за горло и поднял на воздух. Носта-хан беспомощно забил ногами, а Друсс сквозь неимоверную боль процедил:

— Сними заклятие, недомерок... не то... я сломаю... тебе шею!

Талисман, выхватив нож, бросился шаману на выручку.

— Еще шаг — и он умрет, — предостерег Друсс. Полузадушенный Носта-хан выдавил из себя три слова на языке, которого ни Друсс, ни Талисман не знали. Боль, терзавшая Друсса, исчезла. Он поставил шамана на пол и ткнул его пальцем в грудь.

— Ты, карлик, — попробуй выкини такую штуку еще раз, и я тебя убью!

Талисман прочел ужас на лице Носта-хана.

— Мы здесь все друзья, — сказал он, пряча нож и становясь между шаманом и грозным Друссом. — Подумаем лучше о том, что нам делать.

Носта-хан потер помятое горло. Он был потрясен и никак не мог собраться с мыслями. Его чары имели успех — он это знал. Невозможно, чтобы кто-то из смертных преодолел такую боль. Но двое других ждали. — шаман заставил себя сосредоточиться и зажал белые костяшки в кулаке.

— У него забрали душу, — прохрипел он. — Кошелек принадлежал Шаошаду-изменнику, тому самому, что похитил Глаза, да будет его душа проклята навеки и да горит она в адском пламени!

— Но почему он спрятал кошелек здесь? — спросил Талисман. — С какой целью?

— Не знаю. Посмотрим, однако, сможем ли мы преодолеть его чары? — Шаман взял безжизненную руку Зибена в свою и начал произносить заклинания.

Зибен целую вечность падал куда-то, крутясь и переворачиваясь, а потом вдруг очнулся. Он лежал у огня, окруженного кольцом стоящих торчком камней. Напротив него сидел какой-то старик — голый, но с туго набитой сумкой на костлявом плече. Две половинки жидкой бороды по обе стороны подбородка доходили до впалой груди. Волосы на левой стороне головы были выбриты, а на правой заплетены в тугую косицу.

— Добро пожаловать, — сказал старик.

Зибен сел и хотел ответить, но тут с ужасом заметил, что кисти рук у старика отрублены и из культей сочится кровь.

— Благое небо, как же ты должен страдать!

— Это так, — с улыбкой признал старик. — Но если боль не проходит никогда, она становится терпимой. — Он сбросил с плеча сумку, порылся в ней своими обрубками и достал одну руку. Зажав ее между колен, он приставил обрубок правой руки к запястью. Отрубленная кисть приросла обратно и шевельнула пальцами.

— Ах, хорошо. — Старик достал из сумки левую руку и ее тоже приставил на место. Потом хлопнул в ладоши, вынул себе глаза и спрятал их в сумку.

— Зачем ты это сделал? — спросил Зибен.

— Такова власть волшебных чар, — приветливо ответил старик. — Им недостаточно было просто убить меня. О нет! Теперь я могу обладать либо руками, либо глазами, но никогда — и тем, и другим. Если я пробую нарушить этот запрет, то испытываю невыносимые муки. Меня восхищает сила этих чар. Не думал, что они продержатся так долго. Заклятие, наложенное на мои уши и язык, я снял. Так, значит, ты нашел мой лечебный мешочек?

Костер стал угасать, но старик взмахнул руками, и огонь разгорелся с новой силой. Зибен увидел перед собой пустые глазницы незнакомца.

— А ты не пробовал пользоваться одной рукой и одним глазом? — спросил поэт.

— Разве я похож на олуха? Разумеется, пробовал. Это возможно... но боль, которую испытываешь при этом, нельзя описать.

— Должен сказать тебе, что худшего сна я еще в жизни не видел.

— Это не сон. Ты и правда здесь. — Зибен хотел спросить где, но тут из мрака донеслось тихое, нечеловеческое рычание. Старик вскинул руку, голубая молния ударила из нее за каменный частокол, и стало тихо. — Как видишь, без рук мне здесь не выжить, но без глаз я никуда не могу уйти. Восхитительно жестокая кара. Жаль, что это не я ее придумал.

— Что это было? — спросил Зибен, заглядывая в трещину между камнями, но там царила непроглядная тьма.

— Трудно сказать, но приходило оно не с добром. Меня зовут Шаошад.

— А я Зибен. Зибен-Поэт.

— Поэт? Давно уж я не слышал ваших сладкозвучных строк. Но я боюсь, ты недолго пробудешь со мной — быть может, в другой раз... Расскажи, как ты нашел мой кисет.

— С помощью надирских букв «и».

— Да, славная была шутка. Я знал, что ни один надир не разгадает ее. Надиры шуток не понимают. Ищут Глаза Алказарра, а на буквы и не глядят!

— Весьма остроумно. Сам ты, надо понимать, не надир?

— Отчасти да. Частью чиадзе, частью секин, частью надир. Я хочу, чтобы ты сделал для меня кое-что, но ничего не могу предложить тебе взамен.

— Чего же ты хочешь?

— Возьми из кисета прядь волос и сожги ее, а костяшки брось в воду. Пергамент надо развеять в воздухе, а сам кисет зарыть в землю. Запомнишь?

— Волосы сжечь, костяшки утопить, пергамент развеять, кисет зарыть. Но для чего все это?

— Я верю, что так опять обрету власть над стихиями — злое заклятие спадет, и я снова верну себе и руки, и глаза. Кстати о глазах... — Старик достал их из сумки, вставил в глазницы и отцепил руки. Из культей сразу потекла кровь. — Ты красивый парень, и лицо у тебя честное. Мне думается, тебе можно доверять.

— Ты тот, кто похитил Глаза Альказарра?

— Да. Это была большая ошибка. Но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, верно?

— Но зачем ты сделал это?

— Мне было видение — ложное, как представляется теперь. Я думал, что могу привести Собирателя к моему народу на пять веков ранее. Гордыня всегда была моей пагубой. Я думал с помощью Глаз воскресить Ошикая из мертвых. Возродить его тело и вернуть душу. И душа его явилась ко мне.

— Что же произошло потом?

— Ты не поверишь. Мне самому до сих пор трудно поверить в это.

— Я догадываюсь. Он не захотел жить без Шуль-сен.

— Верно. Ты умный малый. А можешь ты угадать, что было дальше?

— Ты стал искать ее тело — потому-то тебя и схватили так близко от места, где ее погребли. Одно мне непонятно: почему ты не воспользовался камнями?

— Я воспользовался — и как раз из-за них был схвачен и убит.

— Расскажи, — прошептал Зибен, весь обратившись в слух...

Он застонал и открыл глаза. Над ним склонился Носта-хан. Зибен выругался. Друсс схватил его за руку и поднял на ноги.

— Клянусь небом, поэт, ну и напугал же ты нас. Ну, как ты?

— Превосходно! Еще миг — и он рассказал бы мне, где спрятал камни.

— Ты говорил с Шаошадом? — спросил Носта-хан.

— Да. Он сказал мне, почему взял их.

— Каков он из себя?

— Старичок с чудной бороденкой, умеющий отцеплять себе руки и вынимать глаза.

— Ага! — весело вскричал шаман. — Значит, чары еще держатся! Он страдает?

— Да, но переносит это довольно стойко. Можешь ты отправить меня обратно к нему?

— Только если вырежу сердце у тебя из груди и прочту над ним семь заклинаний.

— Видимо, это следует понимать как «нет». — Снаружи донесся крик новорожденного, и Зибен улыбнулся: — Надеюсь, вы извините меня. Я порядком утомился и нуждаюсь в отдыхе. — Он нагнулся и подобрал волосы, костяшки, кисет и обрывки пергамента.

— Зачем тебе это нужно? — спросил Носта-хан.

— На память. Буду показывать внукам и хвастаться, что побывал в загробном мире.

Зусаи боялась — и это был не простой страх, как, например, страх смерти. Смерть — это только дверь, ведущая куда-то, она же боялась полного небытия. Первые ее сны о Шуль-сен были всего лишь снами, видениями, хотя и жуткими. Теперь же чужие голоса шептали у нее в голове, а память становилась зыбкой и размытой. Воспоминания же о другой жизни, жизни жены мятежного вождя Ошикая, делались все ярче. Ей помнилось, как они ехали через длинные холмы, как любили друг друга на траве в тени Джианг-шин, Матери Гор, помнилось белое шелковое платье, надетое ею в день их свадьбы в Белом Дворце Пехаина.

— Перестаньте! — крикнула Зусаи, но воспоминания продолжали захлестывать ее. — Это не моя жизнь. Я родилась... — Но она не могла вспомнить где. — Мои родители умерли, и меня воспитал дед... — На миг она забыла его имя, но тут же с торжеством выкрикнула: — Чорин-Цу! — В комнату вошел Талисман, и она бросилась к нему с мольбой: — Помоги мне!

— Что с тобой, любимая?

— Она хочет убить меня, — прорыдала Зусаи. — А я не могу с ней бороться.

Ее широко раскрытые миндалевидные глаза были полны страха.

— Кто хочет тебя убить? — спросил он.

— Шуль-сен. Она хочет отнять мою жизнь, мое тело. Она и теперь во мне — ее память вытесняет мою.

— Успокойся. — Он усадил ее на топчан и кликнул из окна Горкая, который сразу прибежал. Талисман сказал ему, чего боится Зусаи.

— Я слыхал о таком, — угрюмо сказал Горкай. — Чужой дух хочет овладеть ее телом.

— Что же делать?

— Узнать, что ей нужно.

— А если ей нужна я? — сказала Зусаи. — Моя жизнь?

— Почему бы вам не обратиться к своему шаману? — спросил Горкай. — Он смыслит в таких делах куда больше, чем я.

— Я не подпущу его к себе, — дрожащим голосом проговорила Зусаи. — Ни за что. Я ему не верю. Он... позволил бы ей убить меня. Она ведь Шуль-сен, Мать Надиров, колдунья. Ее волшебная сила может пригодиться ему — а у меня нет ничего.

— Мне с этим не справиться, Талисман, — сказал Горкай. — Я ведь не колдун.

Талисман взял Зусаи за руку.

— Значит, придется позвать Носта-хана. Приведи его.

— Нет! — крикнула Зусаи и хотела встать, но Талисман удержал ее и привлек к себе.

— Доверься мне! Я не позволю причинить тебе зла. Я не спущу глаз с Носта-хана и при малейшей опасности убью его. Верь мне!

Судорога сотрясла ее тело, и глаза закрылись. Когда она открыла их снова, страх пропал.

— Я верю тебе, Талисман, — сказала она тихо, отведя руку назад. Какое-то шестое чувство заставило его отпрянуть, и лишь поэтому нож не задел его. Талисман отразил удар правой рукой, а левым кулаком двинул Зусаи в челюсть. Ее голова отлетела назад, и тело обмякло. Он забрал у нее нож и швырнул его в угол.

— Что у вас тут такое? — спросил, входя, Носта-хан.

— Она взяла у меня нож и хотела убить меня. Но это была не Зусаи — другая овладела ею.

— Да, твой слуга уже сказал мне. Дух Шуль-сен хочет вырваться на волю. Надо было сразу позвать меня, Талисман. Что еще ты от меня скрываешь? — Не дожидаясь ответа, шаман подошел к постели. — Свяжи ей руки за спиной, — приказал он Горкаю. Тот покосился на Талисмана, который коротко кивнул. Тогда Горкай связал ее веревочным поясом и вместе с Носта-ханом усадил, прислонив спиной к подушкам. Носта-хан достал из старого кошелька у себя на поясе ожерелье из человеческих зубов и надел его на шею девушки. — А теперь молчите оба, — велел он, положил ей руку на лоб и стал петь.

Воинам показалось, что в комнате похолодало, и резкий ветер подул из окна.

Шаман продолжал петь — его голос то поднимался, то опадал. Талисман не знал языка — если это был язык, — но вокруг творилось небывалое. Окно и стены обросли инеем, а Горкая била дрожь. Носта-хан, словно не чувствуя холода, оборвал пение и снял руку со лба Зусаи.

— Открой глаза, — приказал он, — и назови мне свое имя.

Темные глаза открылись.

— Я... — На губах появилась улыбка. — Я та, что благословенна между женами.

— Ты дух Шуль-сен, жены Ошикая, Гонителя Демонов?

— Истинно так.

— Ты мертва, женщина. Здесь тебе нет места.

— Я не чувствую себя мертвой, шаман. Мое сердце бьется, и веревка впивается в запястья.

— Это чувствует тело, которое ты украла. Твои кости лежат в вулканической пещере. Разве ты не помнишь ту ночь, когда умерла?

— Помню. — Губы ее сжались и глаза заблестели. — Помню Чакату и его золотые гвозди. Тогда он еще был человеком. Я хорошо помню боль, когда он медленно вгонял их — достаточно глубоко, чтобы ослепить меня, но не настолько, чтобы убить. Я помню, все помню. Но теперь я вернулась. Развяжи мне руки, шаман.

— Не развяжу. Ты мертва, Шуль-сен, как и твой муж. Твое время прошло.

Она громко рассмеялась, и Талисмана пробрало холодом до костей. Горкай трясся, едва держась на ногах.

— Я колдунья, и сила моя велика. Ошикай знал об этом и извлекал из этого пользу. От этой девушки я узнала, что сюда идет армия, шаман. Я могу вам помочь. Развяжи меня!

— Чем ты можешь помочь?

— Развяжи, тогда узнаешь.

Рука Талисмана потянулась к ножу, однако ножны были пусты, и он взял нож у Горкая. Женщина обратила свой темный взор на него и сказала Носта-хану:

— Он хочет тебя убить.

— Молчите оба! — снова предостерег шаман. Он повернулся к женщине и стал читать заклинания. Она сморщилась и по-звериному оскалила зубы. Потом произнесла одно слово — и Носта-хан слетел с топчана, ударившись о стену под окном. Он приподнялся на колени, но женщина сказала еще что-то — он стукнулся головой о подоконник и без чувств сполз на пол.

— Развяжи меня, — приказала женщина, глядя на Горкая, и он на трясущихся ногах двинулся к ней.

— Стой где стоишь! — рявкнул Талисман.

Горкай вскрикнул от боли, но заставил себя остановиться. Он упал на колени, застонал и ничком повалился на пол.

— Ты сильный человек, — сказала женщина Талисману. — Твой слуга повинуется тебе, несмотря на боль, которую испытывает. Хорошо — развяжи меня сам.

— Разве ты не любишь Ошикая? — внезапно спросил он.

— Что? Ты сомневаешься в моей преданности ему, невежественный смерд?

— Это честный вопрос.

— Тогда я отвечу: да, я любила его, любила его дыхание на своей коже, его смех, его кипучий гнев. А теперь развяжи меня!

— Он все еще ищет тебя.

— Он умер тысячу лет назад, и его душа пребывает в раю.

— Нет, госпожа. Я говорил с ним, когда приехал сюда. Первое, о чем он спросил меня, было: «Ты принес мне вести о Шуль-сен?» Я сказал ему, что о тебе ходит много легенд, но я не знаю, что с тобой сталось. Тогда он сказал: «Я искал везде: в Долинах Духов, в Ущельях Проклятых, на Полях Героев, в Чертогах Сильных. Я с незапамятных времен блуждаю по Пустоте, но не нашел ее». Что же до рая, то он сказал: «Какой может быть рай без Шуль-сен? Смерть я могу перенести, но разлуку с ней — нет. Я найду ее, даже если мне придется затратить на это дюжину вечностей».

Она помолчала, и хищный блеск исчез из ее глаз.

— Я знаю, ты сказал правду, ибо я умею читать в сердцах людей. Но Ошикаю никогда не найти меня. Чаката держит мой дух в темном месте, где меня сторожат демоны, которые когда-то были людьми. Сам Чаката тоже там, но никто не узнал бы его теперь. Он мучает и дразнит меня, как только хочет. Так было, пока я не убежала. Я не могу соединиться с Ошикаем, Талисман. Если я снова умру здесь, то опять окажусь в темном месте.

— Это туда ты послала Зусаи?

— Туда. Но что значит ее жизнь в сравнении с моей? Я была царицей и снова буду ею.

— И предоставишь Ошикаю искать тебя веки вечные, рискуя погубить свою душу в Пустоте?

— Я бессильна ему помочь! — крикнула она.

Носта-хан под окном зашевелился, но ничего не сказал. Горкай лежал очень тихо, едва дыша.

— Где это темное место? — спросил Талисман. — Почему Ошикай не может его найти?

— Оно не в Пустоте, — сказала она упавшим голосом. — Знаешь ли ты, как устроен загробный мир? Пустота лежит между двумя областями — если называть их простыми словами, это рай и Гирагаст, или ад. Пустота — это место, где души блуждают, пока не найдут себе окончательного приюта. Чаката же заключил меня в темном сердце Гирагаста,

посреди огненных озер. Ни одна людская душа не отправится туда по доброй воле, и Ошикай не может знать, что я там. Он доверял Чакате и не догадывался, сколько низкой похоти и черной измены таится в сердце этого человека. А если бы мой муж узнал правду, он умер бы второй, уже бесповоротной смертью. Ни одному воину, даже столь могучему, как мой господин, не дано пройти по тропам, охраняемым демонами, или победить чудовище, в которое превратился Чаката.

— Я пойду с ним, — сказал Талисман.

— Ты? Да кто ты такой? Дитя в теле мужчины. Сколько тебе лет — семнадцать, двадцать?

— Мне девятнадцать, и я пойду с Ошикаем в Пустоту, к вратам Гирагаста.

— Нет, этого мало. Я вижу, Талисман, что ты храбр, и умен, и проворен. Но, чтобы войти в эти врата, требуется нечто большее. Речь идет о моей душе — я рискую обречь ее на вечный мрак и муки, как и душу любимого мной человека. Здесь нужны трое, ибо три — волшебное число. Есть ли здесь воин, способный сравниться с Ошикаем? Такой, что согласится пойти с тобой в Пустоту?

— Я пойду, — сказал Горкай, поднимаясь на ноги.

Она смерила его взглядом.

— Да, ты храбрый воин, но недостаточно искусный.

Талисман подошел к окну и выглянул. Внизу Друсс, сняв колет, мылся у колодца. Талисман позвал его, и Друсс, перекинув колет через плечо, поднялся в комнату. Войдя, он поглядел вокруг своими светло-голубыми глазами. Горкай стоял на коленях, Носта-хан сидел под окном, и струйка крови стекала из ссадины на его виске. Друсс заметил, что Зусаи связана, но ничего не сказал.

— Этот человек уже побывал в Пустоте, — сказал Талисман. — Он искал там свою жену — и нашел ее.

— Я читаю его мысли. Судьба надиров ему безразлична. Он пришел сюда... за целебными камнями для своего умирающего друга. Зачем ему подвергать себя ужасам Гирагаста? Он не знает меня.

— Это не Зусаи, — сказал Друссу Талисман. — Дух Шульсен овладел ее телом. Чтобы освободить девушку, я должен отправиться в Пустоту. Согласен ты пойти со мной?

— Она верно сказала: я пришел сюда за камнями, о которых говорил шаман, но шаман мне солгал. Зачем мне идти с тобой?

Талисман вздохнул:

— Я не могу назвать тебе причину — кроме той, что женщина, которую я люблю, заключена теперь в тем-

ном и страшном месте. Ошикай же, величайший из наших героев, вот уже тысячу лет ищет душу своей жены — да только не там ищет. Я мог бы направить его, но Шуль-сен говорит, что он, пойдя туда, погубит свою душу. Вдвоем тамошних демонов не осилить.

— А втроем?

— На это я не могу тебе ответить. Но она не отпустит дух Зусаи, пока я не найду человека под стать Ошикаю. Ты здесь единственный, о ком слагают легенды. Больше мне нечего сказать.

Друсс подошел к связанной.

— Как ты умерла? — спросил он.

— Чаката вбил мне золотые гвозди... — Тут ее глаза широко раскрылись. — Это ты! Ты и твой друг освободили меня — теперь я вижу. Он вернулся потом и вынул гвозди. И взял мой лон-циа.

Друсс посмотрел Талисману в глаза:

— Если я пойду с тобой, парень, ты должен мне кое-что обещать.

— Говори!

— Ты отдашь мне камни, чтобы я мог спасти своего друга.

— Разве ты не за этим сюда пришел?

— Этого мало. — И Друсс направился к двери.

— Хорошо. Я даю тебе слово. Когда мы найдем камни, я отдам их тебе, и ты увезешь их в Гульготир.

— Нет! — крикнул Носта-хан. — Что ты говоришь?

Талисман поднял руку:

— Но обещай вернуть их, как только твой друг будет здоров.

— Обещаю.

— Поди ко мне, чернобородый, — сказала Шуль-сен, и Друсс сел к ней на кровать. Она пристально посмотрела ему в глаза. — Я вручаю тебе все — и настоящее мое, и будущее. Тот ли ты человек, которому можно доверять?

— Тот, — ответил он.

— Я тебе верю. — И она повернулась к Талисману: — Я вернусь в темное место и выпущу душу Зусаи. Не подведи же меня.

Ее глаза закрылись. Скоро веки затрепетали, и долгий, прерывистый вздох сорвался с губ. Талисман бросился к постели и развязал девушке руки. Она открыла глаза и хотела закричать, но Талисман прижал ее к себе.

— Все хорошо, Зусаи. Ты снова здесь, с нами!

Носта-хан подошел, положил ей руку на лоб.

— Да, она вернулась. Это Зусаи. Сейчас я наложу чары, чтобы ее не забрали назад. Ловко ты обманул колдунью, Талисман!

— Я ее не обманывал, — холодно ответил юноша. — Я выполню мою часть соглашения.

— Но это безумие! Сюда идет целое войско, и судьба надиров находится в твоих руках. Не время играть в благородство.

Талисман отошел в дальний угол, подобрал свой нож и медленно двинулся к Носта-хану.

— Кто здесь главный? — тихо и грозно спросил он.

— Ты, но...

— Ты верно сказал, ничтожный. Главный здесь я. А ты — мой шаман, и я не потерплю больше споров. Я не играю в благородство. Я такой, как есть. Мое слово — закон. Так есть, и так будет. Сейчас мы пойдем в гробницу. Ты вызовешь Ошикая и сделаешь все, что подобает, чтобы отправить меня и Друсса в Пустоту. Я сказал ясно, шаман?

— Да, Талисман. Ясно.

— Я тебе не Талисман! — загремел воин. — Теперь — ясно?

— Ясно... мой господин.

— Зачем ты держишь меня за руку, по-эт? — спросила Ниоба, взойдя с Зибеном на западную стену.

Зибен, поутоливший свою страсть за последние два часа, устало улыбнулся ей.

— Такой у нас обычай. — Он поднес ее пальцы к губам и поцеловал. — Влюбленные часто гуляют рука об руку. Этим они скрепляют свое душевное родство и, уж во всяком случае, показывают всем, что они влюблены. Считается также, что это приятно. Разве тебе не нравится?

— Мне нравится, когда ты во мне. — Она отняла руку и села на парапет. — Нравится вкус твоего языка. Нравятся ласки твоих рук. Но гулять так мне неловко. Только мать водит за руку малого ребенка, а я не ребенок.

Зибен усмехнулся и сел рядом, глядя, как блестят ее волосы при луне.

— Ты моя радость. Ты как струя свежего воздуха для того, кто провел всю жизнь в душных комнатах.

— Как ты красиво одет. — Она погладила голубой шелк его рубашки. — Пуговки так и переливаются.

— Это перламутр. Славно, правда? — И он, повинуясь внезапному порыву, стащил рубашку через голову. — На, возьми. Она твоя.

Ниоба хихикнула и сняла свою рубаху из выцветшей зеленой шерсти. Зибен увидел, как напряжены соски ее полных грудей, и заново ощутил возбуждение. Он про-

тянул к ней руки, но Ниоба отскочила, прижимая к себе голубую рубашку.

— Нет. Сперва поговорим.

— Поговорим? О чем же это?

— Почему у тебя нет жены? У твоего друга есть. И ты уже старый.

— Старый? Тридцать четыре — еще не старость. Я в расцвете лет.

— У тебя плешь на макушке. Я видела.

Зибен запустил пальцы в свои светлые волосы.

— Плешь? Не может быть!

— Экий ты павлин, — засмеялась она. — Хуже женщины.

— У моего деда до самой смерти были густые волосы, а умер он в девяносто лет. У нас в роду нет лысых.

Ниоба надела голубую рубашку и вынула руку Зибена из его волос.

— Так почему у тебя нет жены?

— Ты пошутила про плешь, да?

— Нет. Почему нет жены?

— Трудный вопрос. Я знал много красивых женщин, но ни с одной мне не хотелось бы провести свою жизнь. Я люблю яблоки, но не хотел бы всю жизнь питаться только ими.

— Что такое яблоки?

— Плоды... вроде фиг.

— Плоды хороши для кишок.

— Вот-вот. Но не будем на этом задерживаться. Я хочу сказать, что мне нравятся разные женщины. Мне легко наскучить.

— Ты не из сильных мужчин, — грустно сказала она. — Ты боязливый. Много женщин — это легко. И детей делать легко. Трудно жить с ними, растить их. Трудно видеть, как они умирают. У меня было два мужа, оба умерли. Оба хорошие люди. Сильные. Третий муж тоже будет сильным. Даст мне много детей, чтобы кто-то из них мог выжить.

— Мне думается, жизнь состоит не только из того, чтобы делать крепких ребят, — криво улыбнулся Зибен. — Я живу ради удовольствий, ради внезапных всплесков радости. Ради неожиданностей. Довольно и без меня мужчин, которые делают детей и тупо влачат свою скучную жизнь в жаркой пустыне или в зеленых горах. Мир обойдется и без моих отпрысков.

Ниоба обдумала его слова.

— Мой народ пришел сюда с Ошикаем, перевалив через высокие горы. Они рожали детей, которые росли стройными и сильными. Они отдавали свою кровь земле, и земля

питала их потомство. Так было тысячу лет. Теперь мой черед. Я обязана перед предками принести жизнь на эту землю, чтобы в тех, кто будет жить через тысячу лет, текла кровь Ниобы и ее пращуров. Ты хороший любовник, по-эт. Твои ласки вызывают у меня сладостную дрожь. Но сладостная дрожь — это легко, это я и сама могу. Я чувствую к тебе большую любовь, но я не выйду за боязливого мужчину. В Остром Роге есть один сильный воин. У него нет жены. Я, наверное, пойду к нему.

Зибену показалось, что его ударили в живот, но он заставил себя улыбнуться.

— Ну конечно, милая. Иди и рожай детей.

— Отдать тебе рубашку?

— Не надо. Она тебе идет. Ты в ней очень красива.

Она ушла, а он остался сидеть, полуголый, дрожа на холодном ветру. «Что я здесь делаю?» — спросил он себя. Надир с короткими волосами и заметной шишкой на лбу поднялся на стену и, не обращая внимания на Зибена, стал смотреть на запад.

— Красивая ночь, — заметил Зибен.

— Ночь эта будет долгой, — холодно произнес надир.

Зибен увидел, что в окошке гробницы мерцает свеча, и сказал:

— Все еще ищут.

— Нет, не ищут. Мой хозяин, Талисман, ушел с твоим другом в Гирагаст.

— Видимо, я тебя плохо понял. Нет такого места, Гирагаст — это сказки.

— Есть такое место. Их тела лежат на холодном полу, а души ушли в Гирагаст.

У Зибена пересохло во рту.

— Ты хочешь сказать, что они мертвы?

— Нет, но они ушли в царство мертвых. И вряд ли вернутся назад.

Зибен бросился в гробницу. Надир сказал верно — Друсс и Талисман лежали бок о бок на пыльном полу. Шаман Ностахан сидел рядом. На крышке гроба горела свеча, размеченная черными чернилами на семь частей.

— Что тут творится? — спросил Зибен.

— Они отправились с Ошикаем спасать колдунью Шульсен, — прошептал шаман.

— В Пустоту?

— И еще дальше. — Шаман злобно посмотрел на поэта. — Я видел, как ты развеивал пергамент по ветру. А костяшки ты бросил в колодец?

— Да. Волосы я сжег, а кисет закопал.

— Вы, гайины, все мягкотелые. Шаошад заслужил свою кару.

— Он хотел вернуть Ошикая и Шуль-сен к жизни, объединить надиров. Не такое уж это страшное преступление.

Носта-хан покачал головой:

— Он хотел власти и славы. Да, он оживил бы тело Ошикая и даже душу в него вернул, быть может. Но чтобы жить, Ошикай нуждался бы в волшебной силе камней — он сделался бы рабом Шаошада. Спесь этого шамана привела к тому, что у нас больше нет камней, а земля наша лишилась силы. Вот гайины вроде тебя и топчут нас, как червей. Его стремление к власти обрекло нас на пятьсот лет рабства. Мучиться бы ему за это веки вечные.

Зибен сел рядом с шаманом.

— Вы не умеете прощать, верно?

Носта-хан улыбнулся, что бывало с ним редко.

— Наши дети умирают в младенчестве. Наших мужчин травят, как зверей. Наши селения жгут, людей убивают. И мы еще должны прощать?

— Чего же ты хочешь, старик? Чтобы надиры собрались в огромное войско и стали травить гайинов, как зверей, жечь их города и деревни, убивать их женщин и детей?

— Да! И это будет только начало, пока мы не завоюем весь мир и не покорим всех, кто живет в нем.

— Тогда вы ничем не будете отличаться от гайинов, которых ты так ненавидишь. Разве не так?

— А мы и не хотим от них отличаться. Мы хотим торжествовать над ними.

— Что ж, это по крайней мере честно. Но скажи, зачем их понесло в Пустоту?

— Дело чести, — благоговейно произнес шаман. — Талисман — великий человек. Если б ему было суждено жить, он стал бы славным сподвижником Собирателя.

— А ему не суждено?

— Нет, — с грустью ответил шаман. — Я побывал во многих будущих, и ни в одном его нет. А теперь помолчи, мне нужно еще многое сделать.

Носта-хан достал из кисета два сухих листа и положил под язык. Потом растопырил свои костлявые пальцы и прикрыл ими глаза. Тела Друсса и Талисмана вспыхнули яркими огнями — пурпурным у сердца, ослепительно белым вокруг головы, красным на груди и животе, желтым на ногах.

Это было поразительное зрелище. Зибен молчал, пока Ностахан не открыл со вздохом глаза, и лишь тогда спросил:

— Что ты сделал с ними?

— Ничего. Только сделал видимой их жизненную силу. Он могуч, твой Друсс. Видишь, насколько его зхи сильнее зхи Талисмана? А ведь Талисман редкий человек.

Зибен посмотрел и убедился, что это правда. Сияние, идущее от Друсса, простиралось почти на три фута, а Талисманово подымалось всего на фут над телом.

— Что это такое — зхи?

— В эту тайну так никто и не проник до конца. По телу человека струятся токи, дающие ему жизнь и здоровье. В случае болезни они иссякают и меняют цвет. Я видел стариков с поврежденными ревматизмом руками — зхи там больше не было. И видел, как целители переливают свою зхи в больных, возвращая им здоровье. Она как-то связана с душой. После смерти, к примеру, зхи увеличивается в пять раз. Так продолжается три дня — а потом она сразу гаснет.

— Но зачем нужно делать ее видимой?

— Их души ушли туда, где их ждут страшные напасти и где они будут сражаться с демонами. Зхи покажет каждую рану, которую они получат. Я буду следить за этим — и если они окажутся на грани смерти, мне, быть может, удастся вернуть их назад.

— Быть может? Так ты не уверен?

— В Гирагасте нельзя быть уверенным ни в чем. Представь себе бой в нашем мире. Воина ранят в руку; ему больно, но он остается жив. Другого поражают в сердце, и он умирает на месте. То же самое и в Пустоте. Я увижу, если их ранят, но смерть тут же погасит зхи.

— Но ты говорил, что зхи светится еще три дня после смерти.

— Это когда душа находится в теле — а здесь дело иное.

Оба умолкли и сидели так несколько минут. Потом тело Талисмана дернулось. Яркий свет вокруг него замигал, и правая нога загорелась зеленым.

— Началось, — сказал Носта-хан.

Прошел час, и свеча догорела до первой черной отметки. Зибену ожидание давалось с трудом. Он прошел к восточной стене, где оставил свои седельные сумки, достал чистую рубашку из белого полотна, вышитую золотом, и надел ее.

— Они еще живы? — спросил его Горкай, слуга Талисмана.

— Живы.

— Надо было и мне пойти с ними.

— Идем со мной в гробницу — увидишь их сам.

— Нет уж, я подожду снаружи.

Зибен вернулся к шаману. Свечение вокруг Друсса оставалось таким же сильным, но зхи Талисмана стала слабеть. Зибен сел у стены. Как это похоже на Друсса — по доброй воле отправиться в ад. «Ну почему ты такой, дружище? Почему всякая опасность тебе в радость? Ты полагаешь себя бессмертным? Или веришь, что Исток благословил тебя пуще всех остальных? Пожалуй, так оно и есть, — улыбнулся Зибен. — Пожалуй, твоя душа и правда несокрушима». Тело Талисмана содрогнулось, и внутри его зхи вспыхнул зеленый огонь. Друсс тоже дернулся, сжав кулаки.

— Они ведут бой, — шепнул Носта-хан. Он стал на колени и распростер руки. Зхи Талисмана мигнула и стала меркнуть. Шаман выкрикнул три слова. Талисман выгнул спину и застонал. Его глаза широко раскрылись, сдавленный крик сорвался с губ, и он выбросил руку, точно держал в ней меч.

— Успокойся! — крикнул Носта-хан. — Ты вне опасности.

Талисман приподнялся на колени, тяжело дыша, с мокрым от пота лицом.

— Отправь... отправь меня обратно.

— Нет. Твоя зхи слишком слаба. Ты умрешь.

— Отправь меня назад, будь ты проклят! — Талисман хотел встать и повалился лицом в пыль. Зибен бросился к нему и помог ему сесть.

— Твой шаман прав. Ты был при смерти. Что у вас там произошло?

— Звери, каких я еще не видывал! Огромные, все в чешуе, с огненными глазами. В первые дни своего путешествия мы ничего не видели. Потом на нас напали волки. Громадные, с наших коней величиной. Мы убили четверых, остальные разбежались. Я думал, самое страшное позади. Но, клянусь Богами Камня и Воды, эти волки просто щенки по сравнению с тем, что было дальше. — Он вздрогнул всем телом. — Сколько дней меня не было?

— Меньше двух часов, — сказал Зибен.

— Быть того не может.

— Время в Пустоте ничего не значит, — сказал Носта-хан. — Как далеко вы зашли?

— Мы добрались до самых врат Гирагаста. Там нас встретил человек. Ошикай знал его — маленький шаман с раздвоенной бородкой. Он велел поблагодарить тебя, — сказал Талисман Зибену, — и сказал, что не забудет твоей услуги.

— Трижды проклятый Шаошад, — прошипел Носта-хан.

— Может, он и проклят, но демонов у ворот мы бы без него не одолели. Друсс и Ошикай — это колоссы. Никогда еще не видел такой силы, такой ярости, подчиненной воле. Когда явились чешуйчатые чудища, я подумал, что нам конец. Ошикай же бросился на них, и Друсс тоже. Я был уже ранен и едва держался на ногах. — Талисман ощупал бок, ища рану, и улыбнулся. — Совсем ослаб.

— Тебе надо отдохнуть, — сказал Носта-хан. — Твоя зхи стала сдавать. Я прочту целительные слова над тобой, пока ты спишь.

— Им не пройти. Демоны лезут со всех сторон.

— В каком положении ты оставил их? — спросил Талисмана Зибен.

— Друсс ранен в бедро и в левое плечо, Ошикай в грудь и в ляжку. Я видел, как они вошли в темный туннель. Тот шаман, Шаошад, вел их, держа палку, которая горела, как факел. Я хотел пойти за ними... но очутился здесь. Не надо было мне соглашаться с условием Шуль-сен. Я убил Друсса и погубил душу Ошикая.

— Друсс еще крепок, — сказал Зибен, указывая на яркое сияние вокруг воина. — Я знаю его давно и могу поспорить, что он вернется. Ты уж мне поверь.

Талисман снова вздрогнул, и Носта-хан накинул ему на плечи одеяло.

— Отдохни, Талисман. Сон излечит тебя от усталости.

— Нет, я буду ждать, — пробормотал Талисман.

— Как пожелаешь, мой господин.

Талисман лег, и Носта-хан начал тихо петь над ним. Воин закрыл глаза. Пение продолжалось долго, и наконец шаман умолк.

— Он проспит много часов. Айя! Мое сердце исполнено гордости за него. Он воин, каких мало, и человек чести!

Сияние вокруг Друсса потускнело.

— Вернул бы ты и его назад, — сказал Зибен.

— Не теперь еще. Все пока хорошо.

Друсс прислонился к черной скале и упал на колени. Силы его были на исходе, и кровь молочного цвета текла из многочисленных ран выше пояса. Ошикай положил свой золотой топор на камень и сел. Он тоже был изранен. Маленький шаман Шаошад подошел к Друссу, приложил свою костлявую ручонку к глубокой ране на плече воина — и она сразу затянулась.

— Мы почти на месте, — оказал шаман. — Осталось перейти всего один мост.

— Не думаю, чтобы я мог ступить еще хоть шаг, — отозвался Друсс. Шаошад прикоснулся поочередно ко всем его ранам, и молочная жидкость мало-помалу перестала течь.

— Всего один мост, дренай, — повторил Шаошад, а после перешел к Ошикаю и стал лечить его раны.

— Что Талисман, умер? — слабым голосом спросил Ошикай.

— Не знаю, но его больше нет здесь. В любом случае он нам не помощник. Сможешь ли ты идти дальше?

— Я найду Шуль-сен, — упрямо ответил Ошикай. — Ничто меня не остановит.

Друсс обвел взглядом необъятную черную пещеру. Сталагмиты колоннами поднимались к высокому потолку, с которого свисали им навстречу громадные сталактиты — словно два ряда клыков в огромной пасти. Один из уцелевших нетопырей скорчился на карнизе, высоко над ними. Друсс видел его злобные красные глаза. Мертвые собратья этой твари лежали на полу пещеры, растопырив поломанные серые крылья, а последний больше не пытался нападать. Путь сюда был долог, страшен и пролегал через места, каких в мире плоти не увидишь. Друсс уже ходил однажды в Пустоту, чтобы вернуть Ровену из царства мертвых. Но тогда он шел по Дороге Душ — цветущим садом по сравнению с тем, что ждало его теперь. Здешние края не подчинялись известным Друссу законам природы. Все постоянно менялось под грифельно-серым небом: на равнине внезапно вырастали утесы, и оттуда рушились валуны с дом величиной. Пропасти разверзались под ногами, точно невидимый плуг пропахал их на мертвой земле. Черные скрюченные деревья вырастали в один миг, и их ветви вцеплялись в путников, как когти. Несколько дней — а может, часов — назад воины спустились в ущелье, чье дно было усеяно ржавыми железными шлемами. Молния то и дело освещала небо, бросая вокруг уродливые тени. Талисман шел впереди, когда шлемы затряслись, черная земля раздалась, и из под нее вышли давно погребенные воины. На их полусгнивших лицах кишели черви. Беззвучно они двинулись на путников. Талисман обезглавил первого, но второй нанес ему глубокую рану. Друсс и Ошикай ринулись вперед, круша топорами разложившиеся тела.

Бой был долгим и тяжким. Шаошад швырял в мертвецов огненные шары, и в воздухе разило горелым мясом. Под конец Друсс с Ошикаем остались спина к спине на целом кургане трупов, Талисман же исчез без следа.

На том конце ущелья темный ход привел их в недра самой высокой из виденных Друссом гор, где на них накинулись эти дьявольские нетопыри.

— Скажи мне, что они были последними, — обратился Друсс к Шаошаду. — Это меня очень порадует.

— Нет, воин, впереди еще немало всего. Но ты ведь знаешь, — добавил шаман с лукавой улыбкой, — ничто стоящее не дается даром.

— Чего нам еще ожидать? — спросил Ошикай.

— Мост сторожит Большой Медведь. Что будет после — не знаю. Но один нам встретится точно — это Чаката, тот, что подверг Шуль-сен жесточайшей казни. Он будет там — в том или ином виде.

— Тогда он мой, — сказал Ошикай. — Слышишь, Друсс? Он мой!

Друсс взглянул на мощную фигуру в порядком побитой золотой броне:

— Кто бы спорил, парень.

Ошикай со смехом пересел поближе к Друссу.

— Клянусь Богами Камня и Воды, Друсс, тебя я с гордостью назвал бы братом. Жаль, что я не знал тебя при жизни. Мы опорожнили бы дюжину кувшинов вина и всю ночь хвастались бы своими подвигами.

— Вино — это хорошо, но хвастаться я никогда особо не умел.

— Это искусство приобретается с годами, — согласился Ошикай. — Я убедился, что рассказ становится куда занимательнее, если увеличить число врагов в десять раз. Бывает, правда, достоверно известно, что их было всего трое — тогда они превращаются в великанов.

— Есть у меня друг, который преотлично в этом разбирается.

— Он тоже воин?

Друсс посмотрел в лиловые глаза Ошикая:

— Нет, поэт.

— Ага! Я всегда брал с собой поэта, чтобы он вел счет моим победам. Я и сам хвастун хоть куда, но, слушая его песни, всегда испытывал стыд. Когда я говорил о великанах, он пел о том, как я подчинил себе самих богов. Ну как ты, отдохнул?

— Почти, — солгал Друсс. — Скажи-ка, человечек, — спросил он Шаошада, — что это за Большой Медведь такой?

— Это Страж Гирагастского Моста. Говорят, что он восемь футов вышиной и у него две головы — одна медвежья, с острыми клыками, другая змеиная, и она

плюется ядом, прожигающим любую броню. Когти у него длиной с короткий меч и острее вертела. И еще у него два сердца — одно в груди, другое в животе.

— И как же, по-твоему, мы проберемся мимо этого зверя?

— Моя волшебная сила почти на исходе, но я еще смогу сделать Ошикая невидимым. А после останусь здесь и буду ждать вашего возвращения.

Ошикай встал и положил руку на плечо шамана.

— Ты хорошо послужил мне, Шаошад. Я уже больше не царь, но если есть какая-то справедливость в этом злом мире, ты будешь вознагражден. Мне жаль, что мой тогдашний отказ привел к твоей смерти.

— Все мы умираем, великий царь, а в своей смерти виноват я сам. Я ни на кого не держу зла. Но если... когда ты будешь в раю, замолви за меня слово перед привратником.

— Замолвлю. — Воин взял свой золотой топор, Колмисай, и спросил Друсса: — Готов ли ты, брат мой?

— Я уже родился готовым, — проворчал тот, с трудом поднимаясь на ноги.

— Еще сто шагов в эту сторону, и вы увидите мост, — сказал Шаошад. — Он перекинут через огненную бездну. Тот, кто свалится туда, падает целую вечность, а потом его пожирает пламя. В начале мост широк, в нем футов пятьдесят, но после он сужается. Ты должен заманить медведя на широкую часть моста, чтобы дать Ошикаю проскочить.

— Нет, — сказал Ошикай, — со зверем мы сразимся вместе.

— Доверься мне, великий царь, и сделай, как я говорю. Когда медведь умрет, Чаката будет знать, что ты близко, и убьет Шуль-сен. Ты непременно должен пересечь мост и явиться в темное место заранее.

— А мне тем временем прикажешь плясать с медведем и стараться его не убить? — осведомился Друсс.

— Тяни, сколько сможешь, — и не смотри ему в глаза. Там ты увидишь только смерть. — Шаман зажмурился, воздел руки, и в воздухе вокруг Ошикая затрещали яркие искры. Великий воин поблек, сделался прозрачным, а затем исчез вовсе. Шаошад открыл глаза и весело захлопал в ладоши. — Может, я и гордец, зато большой искусник! — И он сказал Друссу, уже без улыбки: — Когда подойдете к мосту, Ошикай должен идти за тобой по пятам, иначе медведь учует вас обоих. Как только зверь нападет, о великий царь, пробирайся мимо него и беги. Не делай шума и не зови Шуль-сен — ты почувствуешь, когда она будет близко.

— Я понял, — отозвался голос Ошикая. — Ступай вперед, Друсс, я за тобой.

Друсс взял топор и пошел. Ноги у него налились тяжестью, руки устали. Никогда в жизни, даже в годы своего заключения в темнице, не чувствовал он такого изнурения. Ему стало страшно. Он споткнулся о камень и чуть не упал.

В воздухе захлопали крылья, и последний нетопырь ринулся на него сверху, вытянув серые когти. Снага рассек тонкую шею, но когти успели пройтись по лицу и разодрать щеку. Мертвый нетопырь рухнул на Друсса и сбил его с ног, но невидимая рука Ошикая помогла ему подняться.

— Твои силы истощились, друг, — сказал Ошикай. — Отдохни. Я попробую пройти мимо медведя.

— Нет уж, я продержусь до конца, — проворчал Друсс. — Не беспокойся обо мне.

Он побрел дальше и скоро увидел мост, перекинутый через бездну. Друсс заглянул за край обрыва, и ему показалось, что пропасти нет конца. Голова у него закружилась, и он быстро отступил назад. Держа Снагу обеими руками, он двинулся дальше. Дальнего конца моста не было видно.

— Да в нем добрых несколько миль, — в отчаянии прошептал Друсс.

— Не будем заглядывать вперед, дружище, — ответил Ошикай.

Преодолевая цепенящую усталость, Друсс заковылял к мосту. Над бездной дул холодный ветер, пахнущий едким дымом, а Друсс все шел и шел, пересиливая себя на каждом шагу.

Ему показалось, что́ минуло много часов, прежде чем они добрались до середины моста. Теперь стал виден дальний конец — черная скала на свинцово-сером небе. Оттуда кто-то шел, и Друсс прищурился, силясь его разглядеть. Медведь шел медленно, на задних лапах, растопырив мощные передние. Шаошад описал его верно: две головы — одна медвежья, вторая змеиная. Не упомянул шаман только о злой стихии, исходившей от этого демона. Она охватила Друсса, как леденящая метель, перед которой человек бессилен.

Мост здесь был менее десяти футов в ширину, и казалось, что медведь заполняет его целиком.

— Да улыбнутся тебе Боги Камня и Воды, Друсс, — прошептал Ошикай.

Друсс ступил вперед. Медведь оглушительно взревел, и этот рев отбросил воина назад, как удар.

— Мы, Великий Медведь, пожиратель душ, говорим тебе, — произнесло чудовище: — Ты погибнешь в мучениях, смертный!

— Не дождешься, сукин сын! — ответил Друсс.

— Верни его назад! — вскричал Зибен. — Не видишь разве, что он умирает?

— Он гибнет не напрасно, — сказал шаман, и Зибен прочел злобу в его глазах.

— Ах ты, вероломный пес! — крикнул Зибен и бросился на него. Носта-хан вскинул правую руку, и огненные иглы вонзились в голову поэта. Зибен с криком отшатнулся, но все-таки нашарил нож у себя на бедре. Носта-хан произнес какое-то слово — рука Зибена замерла.

— Помоги Друссу! — взмолился поэт. — Он не заслужил такой участи.

— Дело не в том, чего он заслуживает, глупец. Он сам отправился в ад — я его не принуждал. И он еще не завершил того, за что взялся. Если он умрет, так тому и быть. А теперь помолчи!

Зибен охотно нарушил бы приказ, но язык его прилип к гортани. Боль немного отпустила, но двинуться он не мог.

Обе головы зверя произнесли хором:

— Иди сюда, Друсс, и познай смерть!

Друсс поднял топор и шагнул вперед. Великий Медведь с удивительным проворством упал на четвереньки и кинулся на него. Снага сверкнул и врезался между двумя головами, круша кости и сухожилия. Медведь налетел на воина и сбил его с ног. Друсс, упустив топор, проехал на спине через мост, ноги его повисли над бездной. Он перевернулся на живот, вцепился пальцами в черный камень и влез обратно на мост. Медведь снова встал на задние лапы, из его раны хлестала черная кровь. Друсс бросился на него. Когтистая лапа разодрала колет и обожгла болью тело. Друсс ухватился за рукоять Снаги, застрявшей в ране, и вырвал топор. Кровь, брызнувшая ему в лицо, жгла словно кислота. Змеиная голова разинула пасть и плюнула ядом Друссу на колет, который тут же загорелся. Друсс рубанул Снагой по змеиной шее. Голова покатилась на мост, из шеи повалил дым. Медведь снова взмахнул лапой, отшвырнув Друсса прочь. Тот упал, но тут же встал с топором в руке. Медведь двинулся вперед. Яд прожег колет насквозь, и Друсс с криком боли и ярости кинулся на смертельно раненного врага. Когти рассекли воздух, но

Друсс успел проскочить и плечом ударил медведя в грудь. Зверь зашатался и рухнул с моста. Друсс подполз к краю, глядя, как тело, кружась, падает все ниже и ниже.

Воин перевернулся на спину. Усталость давила его, и он жаждал забыться блаженным сном.

— Не закрывай глаза, — произнес голос Шаошада, и Друсс увидел шамана на коленях около себя. Шаошад коснулся ран Друсса, боль прошла. — Заснуть здесь — значит умереть.

Ошикай пронесся через мост и достиг противоположного края как раз в тот миг, когда медведь рухнул в бездну. Перед ним высился черный холм, и Ошикай полез вверх, мысленно призывая Шуль-сен. Вскоре он увидел на склоне черную каменную дверь и почувствовал, что дух Шуль-сен там, за ней. Он налег на камень, но дверь не поддалась. Он отступил назад, ударил по камню своим золотым топором. Полетели искры — дверь раскололась. Ошикай еще дважды ударил по ней Колмисаем, и дверь распалась на четыре части.

За ней был темный ход. Когда Ошикай ступил туда, на него из мрака бросился черный лев с огненными глазами. Колмисай врезался зверю в грудь, и тот с ужасающим воем рухнул слева от Ошикая. Воин рассек его толстую шею и отрубил голову. Подняв ее за гриву, Ошикай зашагал вперед. Огненные глаза потускнели, но еще светили, рассеивая тьму.

Услышав слева шорох, Ошикай швырнул голову зверя туда. Челюсти огромной змеи сомкнулись на ней — череп лопнул, и мозг выступил из длинной зубастой пасти. Чудовище потрясло головой и выплюнуло львиный череп. Ошикай обрушил Колмисая на широкую чешуйчатую голову, раздробив золотым лезвием кость. Чудище сползло наземь, испустило долгий стон и издохло.

Оставшись в темноте, Ошикай двинулся дальше. Одной рукой он придерживался за стену.

— Шуль-сен! — позвал он. — Ты слышишь меня?

— Я здесь, — ответил ее голос. — О господин мой, это ты!

Голос шел слева и сверху. Ошикай увидел в стене дверь, расколол ее топором и вошел. Внутри царил непроглядный мрак.

Тонкая рука коснулась его лица.

— Это правда ты? — прошептала Шуль-сен.

— Правда, — внезапно севшим голосом ответил он. Он привлек ее к себе левой рукой и прижал к груди, дрожа всем телом. — Любовь моя, сердце мое. — Их губы соприкоснулись, и слезы Шуль-сен смешались со слезами

Ошикая. На миг он позабыл обо всем, хотя опасность еще не миновала.

В туннеле послышались осторожные шаги. Взяв Шуль-сен за руку, Ошикай пролез обратно в дверь. Звуки шли слева, он повернул направо. Вскоре ход стал подниматься в гору, и впереди забрезжил слабый свет.

Ошикай остановился и стал ждать.

Показался еще один лев с огненными глазами и с ревом бросился на них. Ошикай прыгнул ему навстречу и разрубил череп топором.

Свет шел из трещины в скале. Ошикай вскарабкался туда и рубанул Колмисаем по камню. Сверху обрушился целый обвал, трещина расширилась на два фута. Ошикай раскачал и вытолкнул застрявший в ней валун, вылез наружу и протянул руку Шуль-сен. Тут мшистая почва под ним заколебалась. Ошикая отбросило в сторону, и он едва удержал свой топор. То, что он принял за мох, отделялось от земли. Склон холма содрогнулся, и развернулись два огромных крыла, а вершина превратилась в голову гигантской летучей мыши. Ошикай едва успел уцепиться за крыло, как чудовище взмыло в воздух. Все выше и выше поднималось оно над мостом и бездной. Ошикай висел, зарывшись пальцами в мех. Чудовище повернуло к нему голову, разинуло пасть, и в ней показалось знакомое лицо.

— Как тебе нравится мой новый облик, великий царь? — осклабился Чаката. — Разве он не великолепен?

Ошикай, не отвечая, пополз к шее нетопыря.

— Сказать тебе, сколько раз я наслаждался Шуль-сен? Сказать, к каким ласкам ее принуждал?

Ошикай придвинулся ближе к улыбающемуся лицу Чакаты. Тело нетопыря внезапно накренилось, и воин начал падать, но успел вогнать топор в черное крыло и подтянулся обратно. Он вытащил топор и снова вонзил его в мех, продвигаясь к своему врагу.

— Не будь глупцом, Ошикай! — крикнул Чаката. — Если ты убьешь меня, то упадешь со мной вместе. И никогда больше не увидишь Шуль-сен!

Воин медленно, неуклонно продвигался вперед. Нетопырь нырнул, перевернулся и забил крыльями, пытаясь сбросить с себя человека. Но Ошикай держался, подползая все ближе и ближе к голове. Нетопырь щелкнул челюстями — Ошикай увернулся, вытащил топор и рубанул врага по шее. Из раны хлынула черная кровь. Ошикай ударил еще дважды — нетопырь сложил крылья и понесся к мосту далеко вни-

зу. Ошикай продолжал долбить топором наполовину перерубленную шею — и вот голова отлетела, а тулово устремилось в бездну.

Негоже умирать рядом с подобной нечистью! Ошикай спрыгнул с нетопыря.

Внизу обнаженная Шуль-сен выбралась из горы и стояла, наблюдая за невиданной битвой, идущей в серых небесах. Когда Чаката умер, она освободилась от чар, и волшебная сила вернулась к ней. Она облеклась в рубашку и штаны из серебристого шелка, а на плечи лег белоснежный плащ. Сняв его с себя, Шуль-сен произнесла пять слов одиннадцатого заговора и метнула плащ высоко в воздух. Он полетел, крутясь, блистая белизной на свинцово-сером небе.

Шуль-сен стояла, простерев руку, направляя плащ со всей доступной ей силой. Мертвое чудовище, бывшее некогда Чакатой, упало в бездну. Ошикай продолжал лететь вниз. Плащ окутал его и замедлил полет, но только на миг. Шуль-сен вскрикнула, плащ раскрылся, и падение Ошикая приостановилось. Плащ снизился над мостом, и Ошикай соскочил наземь. Шуль-сен бросилась с холма навстречу ему, протягивая руки. Он бросил топор и схватил ее в объятия. Когда он наконец отпустил ее, она увидела слезы на его лице.

— Я так долго искал тебя... Я уж начал думать, что никогда тебя не найду.

— Но ты нашел, господин мой, — прошептала она, целуя его губы и мокрые от слез щеки.

Они долго еще стояли, обнявшись, а потом он взял ее за руку и подвел к лежащему на мосту Друссу. Ошикай опустился на колени.

— Клянусь всем святым, я никогда не встречал таких, как ты, Друсс. Буду молиться о том, чтобы мы встретились снова.

— Только не здесь, — проворчал Друсс. — Авось ты подыщешь более гостеприимное место.

Тут на мосту явились две фигуры, от которых исходил ослепительный свет. Друсс прищурился и заслонил рукой глаза. В пришельцах не было угрозы, и Ошикай поднялся им навстречу.

— Время пришло, — произнес нежный голос.

— Вы возьмете нас обоих? — спросил Ошикай.

— Нет. Только тебя.

— Тогда я не пойду.

— Ты еще не готова, Шуль-сен, — сказал женщине один из светящихся вестников. — Слишком много в тебе темного. Всем хорошим, что в тебе есть, ты обязана свое-

му союзу с этим человеком — единственные свои бескорыстные поступки ты совершила ради него. Он уже дважды отказывался от рая. Третий отказ будет последним — больше мы за ним не придем.

— Дайте мне побыть с ним наедине, — сказала она, и светящиеся фигуры отошли на пятьдесят шагов.

— Я не оставлю тебя, — прошептал Ошикай. — Больше мы не расстанемся.

Она обвила рукой его шею, пригнула голову к себе и прильнула к нему долгим поцелуем. Потом ласково коснулась его красивого лица и сказала с грустной улыбкой:

— Ты хочешь лишить меня рая, любимый?

— Что ты говоришь?

— Если ты откажешь им теперь, то никогда уже не увидишь Страны Небесных Грез — а значит, и я ее не увижу. Отказывая им, ты обрекаешь нас обоих вечно блуждать в Пустоте.

Он поднес ее пальцы к губам и нежно поцеловал.

— Я так долго ждал тебя. Я не вынесу новой разлуки.

— Но ты должен. — Она принудила себя улыбнуться. — Мы с тобой едины, Ошикай, и еще будем вместе. Но когда мы встретимся снова, это будет под голубыми небесами, среди журчащих ручьев. Ступай же туда — и жди меня.

— Я люблю тебя. Ты для меня и луна, и звезды.

Она отстранилась от него и сказала сияющим пришельцам:

— Берите его. Пусть он познает радость. — Они приблизились, и Шуль-сен пристально посмотрела в блистающий лик одного из них. — Смогу ли я заслужить себе место рядом с ним?

— Ты только что сделала первый шаг к этому, Шуль-сен. Ты знаешь, где нас искать. Странствие будет долгим, и от тебя еще многое потребуется. Иди вместе с Шаошадом. Ему тоже многому предстоит научиться.

Второй вестник возложил свою золотую руку на Друсса. Все раны воина зажили, и силы вернулись к нему.

Еще миг — и оба исчезли вместе с Ошикаем. Шуль-сен упала на колени, длинные темные волосы закрыли ее лицо.

— Мы найдем его, госпожа, — сказал ей Шаошад. — Вместе найдем. И велика будет наша радость.

Шуль-сен испустила глубокий, прерывистый вздох.

— Так пойдем же, — и она решительно поднялась с колен.

Друсс тоже встал.

— Я хотел бы помочь тебе, — сказал он.

Она взяла его руку и поцеловала.

— Я знала, что выбрала верно. Ты очень похож на него. Но теперь ты вернешься в мир, которому принадлежишь.

Она коснулась его головы, и тьма поглотила Друсса.

Глава 11

Очнувшись, он увидел рассвет в окне гробницы. Никогда еще он не испытывал такого счастья, видя рождение нового дня. Зибен и Носта-хан придвинулись к нему, загородив свет.

— Говори! — сказал шаман. — Добились ли вы успеха?

— Да, — пробормотал Друсс, садясь. — Они встретились.

— Спрашивал ты его о Глазах Альказарра?

— Нет.

— Что?! — взвился шаман. — Зачем же ты тогда пустился в это безумное путешествие?

Друсс, не отвечая, подошел к спящему Талисману, положил руку ему на плечо и позвал по имени. Талисман открыл темные глаза.

— Мы победили? — спросил он.

— На свой лад, парень. — И Друсс рассказал ему о явлении ангелов и о новой разлуке.

— Надеюсь, она найдет его. — Талисман встал и вышел. Носта-хан последовал за ним.

— От их благодарности у меня слезы на глаза наворачиваются, — съязвил Зибен.

— Дело сделано — это главное, — пожал плечами Друсс.

— Расскажи мне все, как было.

— Ну уж нет, поэт. Я не хочу, чтобы ты сочинил об этом песню.

— Песен не будет, даю тебе честное слово, — солгал Зибен.

— Как-нибудь после, — усмехнулся Друсс. — Сейчас мне надо поесть и вдоволь, не спеша, напиться холодной воды.

— Она очень хороша?

— Несказанно. Но лицо у нее недоброе. — Друсс вышел вместе с Зибеном на солнце и встал, любуясь густой синевой неба. — Пустота — скверное место: только огонь там ярок, а остальное все серое — камень, пепел и небо. Даже думать не хочется, что когда-нибудь мы все окажемся там.

— Что верно, то верно. Ну, рассказывай же, Друсс.

Талисман, Горкай и Носта-хан смотрели на них со стены.

— Он должен был умереть там, — сказал шаман. — Жизненная сила почти что покинула его — но потом вернулась снова.

— Подобного я еще не видел, — сознался Талисман. — Дивное это зрелище: Друсс и Ошикай, бьющиеся с демонами и чудищами. Встретившись, они сразу стали как побратимы и сражались так, точно знали друг друга целую

вечность. Я не мог равняться с ними, шаман. Я был точно ребенок среди взрослых мужей. Но обиды я не испытываю — мне кажется, что я удостоился большой чести.

— Да, — прошептал Горкай, — сражаться рядом с Ошикаем, Гонителем Демонов, поистине большая честь.

— Но к Глазам нас это не приблизило, — буркнул шаман. — Может, он и великий воин, однако глупец. Шаошад сказал бы ему, если бы он спросил!

— Либо мы найдем их, либо нет. Сна меня это не лишит. — Талисман спустился вниз и вошел в дом для паломников.

Зусаи спала на топчане. Талисман сел рядом и погладил ее по голове. Она открыла темные глаза и сонно улыбнулась ему.

— Я ждала, пока Горкай не сказал мне, что ты вне опасности, а потом уснула.

— Теперь мы все вне опасности, и Шуль-сен не будет больше преследовать тебя. — Он умолк. Она села, взяла его за руку и увидела печаль в его глазах.

— Что с тобой, Талисман? Что тебя печалит?

— Их любовь длится целую вечность — а вот нам не суждено соединиться. Всю жизнь я мечтал помочь Собирателю объединить наш народ. Я думал, нет на свете более великого дела. Но теперь я думаю только о тебе, Зусаи. И знаю: если Собиратель возьмет тебя себе, я не смогу следовать за ним.

— Так не станем же слушать предсказаний, — сказала Зусаи, обнимая его. — И будем вместе.

Ласково, но твердо он освободился из ее рук.

— И этого я не могу. Долг воспрещает. Я попрошу Ностахана увести тебя отсюда. Завтра же.

— Нет! Я не пойду.

— Если ты взаправду любишь меня, Зусаи, то пойдешь. Мне нужно очистить свои мысли для предстоящей битвы. — Он оставил ее и стал обходить укрепления, глядя, хорошо ли их починили, а после выслал Квинг-чина с тремя воинами в разведку навстречу врагу.

— Не нападай на них, друг, — сказал он Квинг-чину. — Ты нужен мне здесь.

— Я вернусь, — пообещал воин и выехал из форта.

Горкай подошел и сказал Талисману:

— Ты должен взять эту женщину себе.

— Так ты слышал? — сердито спросил Талисман.

— Каждое слово, — не смутился Горкай. — Ты должен ее взять.

— А долг? А судьба надиров?

— Ты великий человек, Талисман, — улыбнулся Горкай, — но тут рассудил плохо. Мы все здесь скоро

умрем. И если ты женишься на ней, через пару дней она овдовеет. Носта-хан говорит, что может увести ее прочь. Хорошо. Значит, Собиратель женится на твоей вдове. И то, что предсказано, сбудется.

— А если мы победим?

— Если щенок одолеет льва, говоришь ты? Я смотрю на это дело просто, Талисман. Я поклялся следовать за тобой. Если Собиратель нуждается в моей преданности, пусть приходит сюда и сражается вместе с нами! Ночью ты свел вместе Ошикая и Шуль-сен. А посмотри вокруг — тут находятся воины пяти племен. Ты собрал их воедино — и другого Собирателя мне не надо.

— Я не тот, о ком сказано в пророчестве.

— Мне это без разницы. Главное, что ты здесь. Я старше тебя, парень, и наделал в жизни много ошибок. Ты тоже можешь ошибиться сейчас — я говорю о Зусаи. Такую любовь редко встретишь, и ее нельзя упускать. Вот все, что я хотел сказать тебе.

Друсс сидел на стене, глядя, как защитники таскают наверх метательные камни. Теперь у них было около двухсот воинов, в большинстве своем беженцы из Острого Рога. Нуанг Ксуан отправил своих женщин на восток, но некоторые, в том числе и Ниоба, остались. Старый вождь взобрался по разрушенным ступеням к Друссу.

— Хороший нынче денек, воин, — сказал он, отдуваясь.

— Хороший, — согласился Друсс.

— И форт теперь хорош, верно?

— Форт хорош, да ворота в нем старые. Они — самое слабое место.

— Меня как раз там поставили. Талисман приказал. Если ворота проломят, мы должны закрыть их своими телами. Давно уж я не знал такого страха — но это хорошо.

Друсс кивнул.

— Если ворота проломят, старик, я стану рядом с тобой.

— Ха! Вот уж где разгуляемся. Только тебе-то опять придется биться со своими — как ты на это смотришь?

— Они мне не свои, и я за ними не гонялся. Они сами явились ко мне — пусть же их кровь на них и падет.

— Ты суровый человек, Друсс. Наверное, у тебя в роду были надиры.

— Все может быть.

Нуанг увидел внизу своего племянника Менга, окликнул его и спустился. Друсс стал смотреть на запад,

на линию холмов. Скоро там покажется враг. Он подумал о Ровене, оставшейся дома, о своих стадах, с которыми проводил день-деньской, о тихих ночах в их просторном доме. «Почему это так, — подумал он, — когда она далеко, меня тянет к ней, а когда мы рядом, мне не терпится уйти куда-нибудь на войну?» Он вернулся мыслями к своему детству, когда они с отцом скитались, убегая от дурной славы, которой покрыл их Бардан-Душегуб. Друсс посмотрел на прислоненного к стене Снагу. Этот страшный топор принадлежал его деду, Бардану. Тогда в Снаге обитал демон, превративший Бардана в безумного убийцу, в мясника. Эти чары затронули и Друсса. «Не потому ли я стал таким, как есть?» — подумал он. Хотя демон давно изгнан, Друсс находился под его злой властью долгие годы, когда искал Ровену.

Друсс не привык копаться в себе, и его настроение омрачилось. Он пришел на готирскую землю не воевать, а участвовать в атлетических играх. А теперь, хотя и не по своей вине, он ждет прихода могущественного войска, и неизвестно, найдет ли целебные камни, которые вернули бы Клаю здоровье.

— Ты что-то сердит, старый конь, — сказал, подойдя к нему, Зибен. Поэт надел бледно-голубую рубашку с пуговицами из полированной кости, начистил свою перевязь, и рукоятки ножей в ножнах так и блестели. Тщательно причесанные светлые волосы скреплял обруч с опалом.

— Как тебе это удается? — удивился Друсс. — Кругом пыльная степь, а ты будто только из бани.

— Приличия следует соблюдать, — с широкой усмешкой ответил Зибен. — Надо же показать этим дикарям, как должны выглядеть просвещенные люди.

— Ты поднимаешь мне настроение, поэт, — как всегда, впрочем.

— Отчего ты так мрачен? Война и смерть в нескольких шагах от нас — по мне, так тебе в пору плясать от радости.

— Я думал о Клае. Камней здесь нет, и я не сдержу своего обещания.

— Не будь так уверен, старый конь. У меня есть одна мысль, но не будем пока об этом.

— Ты думаешь, что сможешь найти их?

— Я же сказал — мысль у меня есть. Но теперь еще не время. Знаешь, Носта-хан хотел твоей смерти, и его желание чуть было не сбылось. Ему нельзя доверять, Друсс. И Талисману тоже. Эти камни слишком нужны им самим.

— Тут ты прав. Шаман — подлый негодяй.

— Что это? — воскликнул вдруг Зибен, указывая на холмы. — О небо, это они!

Друсс прищурил глаза. С холма гуськом спускалась шеренга улан в ярких доспехах. На стенах поднялся крик, и воины бросились по местам с луками в руках.

— Кони-то у них мелкие, — проворчал Друсс. — Что за дьявол...

Талисман с Носта-ханом поднялись к нему. Всадники пустили коней вскачь и помчались по равнине, высоко держа копья, на каждом из которых торчала голова.

— Это Лин-цзе! — закричал Талисман.

Защитники возликовали, а тридцать всадников перевели коней на рысь и поехали вдоль стен, потрясая своими жуткими трофеями. Один за другим они воткнули копья в землю и въехали в открывшиеся ворота. Лин-цзе соскочил с коня и снял с головы готирский шлем. Воины хлынули со стен, окружив его и других Небесных Всадников.

Лин-цзе запел что-то по-надирски и пустился в пляс, подбадриваемый дикими возгласами воинов. Зибен смотрел на это со стены как завороженный, но слов не понимал.

— О чем он поет? — спросил поэт Носта-хана.

— Рассказывает, как истребил врага и как его воины для этого въехали на небеса.

— На небеса? Что это значит?

— Это значит, что первая победа за нами, — отрезал шаман. — Молчи и не мешай мне слушать.

— Скверный старикашка, — буркнул Зибен, садясь рядом с Друссом.

Рассказ Лин-цзе занял около четверти часа. Под конец воины сгрудились вокруг него и подняли его на плечи. Талисман сидел тихо и ждал. Когда Лин-цзе поставили на землю, он подошел к Талисману и с легким поклоном произнес:

— Твой приказ выполнен. Много улан убито, я забрал их доспехи.

— Похвально, брат мой.

Талисман взошел на стену и обратился по-надирски к собравшимся внизу:

— Видите — их можно побить. Они такие же люди, как все. Мы вкусили их крови и вкусим еще больше. Когда они явятся сюда, чтобы разрушить святилище, мы остановим их. Ибо мы надиры, и наш день уже занимается. Это только начало. То, что случится здесь, войдет в наши предания. Рассказ о наших подвигах домчится на огненных крыльях до каждого надирского племени, до каждого селения и стана, и это

приблизит приход Собирателя. Однажды мы придем под стены Гульготира, и город содрогнется, увидев нас. — Талисман медленно поднял правую руку, сжав пальцы в кулак. — Мы надиры! — выкрикнул он, и воины подхватили песнь:

Мы надиры,
Вечно юные,
Кровью писаны,
Сталью пытаны,
Победители!

— Прямо кровь в жилах стынет, — заметил Зибен.

— Он умный парень, — кивнул Друсс. — Он знает, какие испытания ждут впереди, и загодя внушает им гордость. Теперь они будут драться за него, как черти.

— Не знал, что ты понимаешь по-надирски!

— А тут и понимать нечего — и так ясно. Он послал Линцзе пустить врагу кровь. Одержать победу. Связать их воедино. Сейчас он, не иначе, говорит им, что все они герои и запросто выстоят против любого войска. Что-то в этом роде.

— И они выстоят?

— До первых потерь судить нельзя, поэт. Войско — это как меч. Нет смысла испытывать клинок, пока он не пройдет через огонь.

— Да, да, да, — нетерпеливо произнес Зибен, — но что ты думаешь, если оставить пышные сравнения в стороне? Ты знаешь людей, и я доверяю твоему суждению.

— Этих людей я не знаю. Ребята они, конечно, злые, но недисциплинированные, к тому же суеверные. У них нет героической истории, на которую они могли бы опереться в трудный час. Они никогда еще не побеждали готиров. Все зависит от первого дня битвы. Если мы переживем его, можешь спросить меня снова.

— Ох, как же ты мрачен сегодня, дружище. В чем дело?

— Это не моя война, поэт. Я ничего к ней не чувствую, понимаешь? Я дрался вместе с Ошикаем и знаю, что ему наплевать, какая участь постигнет его кости. Мы собираемся биться ни за что и ничего этим не достигнем, кто бы ни победил.

— А вот тут ты, пожалуй, ошибаешься, старый конь. Не зря они постоянно толкуют о Собирателе. Ты говоришь, что у них нет истории, на которую они могли бы опереться, — так, может быть, отсюда она и начнется? — Зибен подтянулся и сел на парапет, глядя на своего друга. — Да ты

и сам это знаешь. Дело не в этом, правда? Есть другая причина, глубже.

Друсс с кривой улыбкой огладил свою черную бороду.

— Верно, есть. Они мне не по нраву, поэт, — вот и все. Нет у меня теплого чувства к этим кочевникам. Я не знаю, как они думают и что чувствуют, но одно знаю крепко: думают они не так, как мы.

— Но ведь Нуанг и Талисман тебе нравятся, а они оба надиры.

— Да, хоть я не понимаю, почему это так.

— Понять нетрудно, Друсс, — хмыкнул Зибен. — Ты дренай по рождению и воспитанию, а стало быть, стоишь выше прочих народов. Так ведь нас учат. Мы — просвещенные люди в мире, населенном дикарями. Тебе не составляло труда сражаться за вентрийцев, потому что они такие же, как мы, — круглоглазые и высокие, и боги у нас общие. Но надиры происходят от чиадзе, и нас с ними ничто не роднит. Мы как кошки и собаки. Или волки и львы, если тебе угодно. Но по-моему, ты заблуждаешься, полагая, что они думают и чувствуют не так, как мы. Просто они свои мысли и чувства проявляют по-другому. Их учили так, нас иначе.

— По-твоему, я такой узколобый? — возмутился Друсс.

— Конечно, узколобый — так тебя воспитали, — засмеялся Зибен. — Но ты хороший человек, Друсс, и это нисколько не влияет на твое поведение. Может, дренайские догмы и вбиты тебе в голову, но сердца они не затронули. Поэтому ты нигде не пропадешь.

Друсс успокоился, ему полегчало.

— Надеюсь, что ты прав. Мой дед был убийцей-душегубом; его злодейства до сих пор не дают мне покоя. Я всегда боялся стать виновным в таких делах. Всегда боялся стать на неправую сторону. Вентрийская война была справедливой — я в это верил, и это для меня много значило. Теперь страну возглавляет Горбен, а он самый великий человек из всех, кого я знал.

— Возможно, — с сомнением ответил Зибен. — История рассудит его лучше нас с тобой. Что же касается предстоящего, успокой свою совесть. Это святилище, и здесь лежат кости величайшего надирского героя. Все племена почитают это место. Солдаты же, которые идут сюда, служат безумному императору и собираются осквернить святыню с единственной целью унизить кочевников, поставить их на место. Исток знает, как я ненавижу насилие, но сейчас мы на правой стороне, Друсс. Клянусь небом, это так!

Друсс стиснул его за плечо.

— Ты заговорил прямо как воин, — широко ухмыльнулся он.

— Это потому, что враг еще не пришел. Когда они явятся, ищи меня в бочонке из-под муки.

— Так я тебе и поверил.

В каморке рядом с будущим лазаретом Зусаи слушала, как Талисман и Лин-цзе обсуждают недавнюю вылазку. Внешне они мало походили друг на друга. Лин-цзе высок ростом, и его серьезное лицо выдает смешанную кровь: уголки глаз лишь слегка приподняты, скулы и челюсти тяжелые. У чистокровных надиров волосы черны, как вороново крыло, у Лин-цзе же проглядывает рыжина. А вот Талисман, чьи волосы стянуты в тугой хвост, надир до мозга костей — кожа у него бледно-золотая, лицо плоское, темные глаза лишены всякого выражения. И все же, думала Зусаи, их роднит нечто, не имеющее отношения к телесному сходству, — нечто невидимое, делающее их братьями. Что же это — совместные годы в Бодакасской Академии или желание вновь увидеть надиров гордыми и свободными? Возможно, и то, и другое.

— Они будут здесь завтра к полудню. Не позже, — сказал Лин-цзе.

— Мы сделали все, что в наших силах. Воины не могут быть готовыми более, чем теперь.

— Но выдержат ли они, Талисман? Я никогда не слыхал ничего доброго об Остром Роге. Что до Одиноких Волков, им, похоже, не по себе без своего вожака. И каждое племя держится на особицу.

— Они выдержат. Что касается слухов насчет Острого Рога, то хотел бы я знать, что *они* слышали о Небесных Всадниках. У нас не в обычае говорить хорошо о враждебных племенах. Хотя я заметил, что о Летучих Конях ты не сказал ничего худого. Не потому ли, что их возглавляет наш друг Квинг-чин?

Лин-цзе нехотя улыбнулся:

— Вижу, к чему ты клонишь. Вот дренай, похоже, хороший боец.

— Это так. Я побывал с ним в Пустоте, друг, и поверь: его мастерство вселяет в душу трепет.

— И все же мне не по душе видеть гайина в наших рядах. Друг ли он нам?

— Друг ли он надирам? Нет. Друг ли он мне? Быть может. Я рад, что он здесь. От него веет несокрушимостью. — Талисман встал. — Ступай отдохни, Лин-цзе. Ты это заслужил. Хотел бы я видеть, как ты и твои воины прыгали через

пропасть. В тот миг вы поистине были Небесными Всадниками. Об этом будут петь долгие годы.

— Если мы будем живы, генерал.

— Тогда надо постараться — я хочу услышать эту песню.

Мужчины обменялись рукопожатием, и Лин-цзе, поклонившись Зусаи, вышел. Талисман тяжело опустился на сиденье.

— Ты устал больше, чем он, — сказала Зусаи. — Это ты нуждаешься в отдыхе.

— Я молод и полон сил, — устало улыбнулся ей Талисман.

Зусаи опустилась на пол рядом с ним, положив руки ему на колени.

— Я не пойду с Носта-ханом. Я долго думала и вот решила. Я знаю, у надиров принято, чтобы отец сам выбирал мужа для дочери, но мой отец не был надиром, и дед не имел права обещать меня кому-то. И я говорю тебе, Талисман: если ты заставишь меня уйти, я буду ждать вестей о тебе, если же ты умрешь...

— Не говори так! Я тебе запрещаю!

— Ты ничего не можешь мне запретить, — спокойно ответила она. — Ты мне не муж, а всего лишь опекун. Хорошо — я не стану ничего говорить. Но ты знаешь, как я поступлю.

Он сердито схватил ее за плечи и поднял.

— Зачем ты мучаешь меня? Разве не понимаешь, что только твое благополучие дает мне силы и надежду?

Покорившись его рукам, она села к нему на колени.

— Надежду? А на что же надеяться Зусаи, если ты умрешь, любимый? Что ждет ее в будущем? Замужество с безымянным человеком с лиловыми глазами? Нет, это не для меня. Либо ты, либо никто.

Она поцеловала его, и он ощутил мягкое тепло ее языка на своих губах. Разум повелевал ему вырваться из ее объятий, но возбуждение пересилило — он притянул ее к себе и вернул поцелуй с пылом, которого в себе не подозревал. Рука скользнула по ее плечу, по мягкому белому шелку рубашки и мягкой коже под ним. Опускаясь все ниже, ладонь легла на левую грудь. Твердость соска задержала ее и заставила сжать большой и указательный пальцы.

Талисман не слышал, как отворилась дверь, но почувствовал теплую струю воздуха снаружи. Он повернул голову и увидел Нуанг Ксуана.

— Никак я не вовремя? — подмигнул старый воин.

— Вовремя, — сипло ответил Талисман. — Входи. — Зусаи, встав, поцеловала его в щеку. Он посмотрел, как она уходит, покачивая стройными бедрами.

Нуанг Ксуан плюхнулся на стул.

— Неловко так сидеть. То ли дело на полу, по-надирски, но я не хочу смотреть на тебя снизу вверх.

— Чего ты хочешь, старик?

— Ты велел мне оборонять ворота, но я хочу стоять на стене, рядом с Друссом.

— Почему?

— Мне думается, я умру здесь, Талисман, — вздохнул Нуанг. — Я не возражаю — я достаточно пожил. И многих убил. Ты мне веришь?

— Отчего же нет?

— Оттого, что это неправда, — злобно усмехнулся Нуанг. — За свою жизнь я убил только пятерых: троих в единоборстве, когда был молод, и еще двух улан, когда те на нас напали. Я сказал дренаю, что здесь убью сто человек. А он сказал, что будет вести за меня счет.

— Сто? Всего-то?

— Мне как раз нездоровилось, — улыбнулся Нуанг.

— А теперь скажи по правде: почему ты хочешь стоять рядом с ним?

Старик сощурил глаза и вздохнул особенно тяжко.

— Я видел его в бою: это смерть. Много гайинов погибнет от его руки. Если я буду рядом, люди будут смотреть и на меня. Хоть я и не дойду до сотни, им покажется, что я и впрямь столько убил. И когда о нашей битве будут петь песни, в них останется и мое имя. Понимаешь?

— Нуанг и Побратим Смерти. Как же, понимаю.

— Почему ты назвал его так?

— Мы с ним были в Пустоте. Это имя ему как раз впору.

— Это хорошо. Нуанг и Побратим Смерти. Мне нравится. Так ты разрешаешь?

— Разрешаю. Я тоже буду следить за тобой, старик, и вести счет.

— Ха! Теперь я счастлив, Талисман. — Нуанг встал и потер зад. — Не люблю я этих стульев.

— Когда будем говорить в другой раз, сядем на пол, — пообещал Талисман.

— Теперь не до разговоров. Гайины будут здесь завтра. Твоя женщина остается?

— Да.

— Так и должно быть. Она очень красива, и любовные утехи с ней помогут тебе в трудное время. Помни только, что бедра у нее очень узкие. У таких женщин первые роды всегда тяжелые.

— Я запомню, старик.

У самой двери Нуанг оглянулся:

— Ты очень молод, но, если останешься жить, станешь великим человеком — я знаю толк в таких делах.

Он ушел, а Талисман через другую дверь вышел в лазарет. Зибен расстилал одеяла на полу, молодая надирка подметала.

— Все готово, генерал, — весело доложил Зибен. — У нас много ниток и острых иголок. Еще бинты — и самые скверно пахнущие травы, какие мне доводилось нюхать. От одного их духа раненые побегут обратно на стены.

— Сухой древесный гриб, — сказал Талисман. — Он предотвращает заражение. А спирт у тебя есть?

— Я не настолько искусен, чтобы резать, — значит и поить никого не придется.

— Используй его для очистки ран и инструментов. Он тоже не дает заразе проникнуть внутрь.

— Это тебе следовало стать лекарем. Ты смыслишь в этом куда больше моего.

— У нас в Бодакасе были уроки полевой хирургии. Об этом написано много книг.

Надирка подошла к Талисману. Она не была красавицей, но к ней почему-то влекло.

— Ты молод для полководца, — сказала она, касаясь его грудью. — Правда ли то, что говорят о тебе и чиадзийке?

— Что же о нас говорят?

— Что она обещана Собирателю и ты не можешь взять ее себе.

— Вот как... Ну а тебе что за дело до этого?

— Я не обещана Собирателю. А воеводе негоже страдать от обеих своих голов, от верхней и нижней. Ни в одном мужчине нет столько крови, чтобы она приливала и туда, и сюда. Надо освободить одну голову, чтобы другая работала в полную силу.

Талисман рассмеялся.

— Ты одна из женщин Нуанга... Ниоба?

— Да, я Ниоба. — Ей польстило, что он запомнил ее имя.

— Что ж, Ниоба, спасибо тебе. Твои слова очень меня взбодрили.

— Это «да» или «нет»? — растерялась она.

Талисман улыбнулся и вышел вон, а Зибен прыснул.

— Клянусь небом, ну и нахалка же ты. А что же тот воин, на которого ты положила свои прекрасные глазки?

— У него две жены и одна лошадь. И зубы плохие.

— Не отчаивайся, их тут почти две сотни — еще найдешь себе.

Глядя на него, она склонила голову набок:

— Здесь никого нет — пойдем ляжем.

— Другой мужчина оскорбился бы тем, что его поставили на второе место после человека с одной лошадью и гнилыми зубами. Я же не поколеблюсь принять столь великодушное предложение. У меня в роду все мужчины питали слабость к красивым женщинам.

— И так же много говорили? — Она развязала пояс и скинула юбку.

— Разговоры — это второй наш талант.

— А первый какой?

— Язычок не уступает красоте, да? Какая же ты прелесть. — Зибен разделся и опустился на одеяло, увлекая Ниобу за собой.

— Только придется побыстрее, — сказала она.

— Быстрота в таких делах в мои таланты не входит — к счастью.

Кзун испытывал дикий восторг, глядя на две горящие повозки. Перескакивая через валуны, он бросился вниз, к готирскому вознице. Тот, подстреленный в шею, пытался уползти прочь. Кзун вогнал ему кинжал между плеч и свирепо повернул. Раненый закричал, захлебываясь собственной кровью. Кзун издал душераздирающий вопль, и воины Острого Рога устремились к нему из нескольких засад. Ветер переменился, горький дым ел Кзуну глаза. Он обежал горящие повозки и огляделся. Всего повозок было семь, их сопровождали пятнадцать улан. Теперь двенадцать солдат лежали мертвые — восемь утыканы стрелами, четверо убиты в свирепой рукопашной схватке. Кзун сам убил двоих. Уцелевшие готиры развернули повозки и спаслись бегством. Кзун рвался за ними в погоню, но ему было приказано оставаться у водоема и не подпускать неприятеля.

Люди Острого Рога сражались хорошо. Только один получил серьезную рану.

— Соберите их оружие и доспехи, — крикнул Кзун, — а потом отходите обратно в скалы.

К нему приблизился юноша, надевший на себя уланский шлем с белым плюмажем.

— Разве нам не пора уходить?

— Куда?

— Как куда? — удивился воин. — Надо уходить, пока они не вернулись.

Кзун поднялся по усеянному камнями склону к пруду и смыл кровь с голого до пояса тела. Потом снял с

головы белый платок, окунул его в воду и снова повязал свой лысый череп. Воины собрались около него.

Кзун встал, повернулся к ним и прочел страх на их лицах. Они убили готирских солдат. Теперь готиров придет больше — гораздо больше.

— Бежать собрались? — спросил Кзун.

Худощавый седеющий воин выступил вперед:

— Мы не можем сражаться против целого войска, Кзун. Мы сожгли их телеги, так? Теперь они вернутся. Может, сто человек. Может, двести. Нам их не одолеть.

— Тогда бегите, — презрительно бросил Кзун. — Иного от трусов из Острого Рога я и не ожидал. Но я из Одиноких Волков, а мы от врага не бегаем. Мне приказано удержать этот водоем, пусть даже ценой жизни, и я это сделаю. Пока я жив, ни один гайин не отведает этой воды.

— Мы не трусы! — крикнул воин, покраснев, а остальные сердито заропотали. — Но какой нам смысл умирать здесь?

— А какой смысл вообще умирать? — ответил Кзун. — Двести человек ждут в святилище, готовясь защищать кости Ошикая. Среди них и ваши братья. Думаете, они побегут?

— Чего ты от нас хочешь? — спросил другой воин.

— Ничего! — вспылил Кзун. — Я знаю одно: я останусь здесь и буду драться.

Седой позвал своих товарищей — они ушли на ту сторону пруда, сели в кружок и стали совещаться. Кзун не смотрел на них. Слева от него послышался тихий стон — раненый воин Острого Рога сидел там, привалившись к красному камню, зажимая окровавленными руками рану в животе. Кзун набрал воды в уланский шлем и дал попить умирающему. Тот выпил два глотка, закашлялся и закричал от боли. Кзун сел рядом с ним.

— Ты хорошо сражался. — Этот юноша бросился на улана и стащил его с коня, но улан ударил его в живот кинжалом. Кзун, поспешив на подмогу, убил улана.

Солнце поднялось над красными скалами, осветив лицо юноши, и Кзун увидел, что ему не больше пятнадцати лет.

— Я потерял свой меч, — сказал раненый. — А теперь я умираю.

— Ты умираешь не напрасно. Ты защищал свою землю, и Боги Камня и Воды встретят тебя с радостью.

— Мы не трусы. Просто мы всю жизнь... бегали от гайинов.

— Я знаю.

— Я боюсь Пустоты. Если я подожду... ты пойдешь со мной туда, во тьму?

Кзун содрогнулся.

— Я уже побывал во тьме, мальчик, и знаю, что такое страх. Жди меня. Я пойду с тобой.

Юноша устало улыбнулся, его голова запрокинулась назад. Кзун закрыл ему глаза и встал. Он прошел вокруг пруда к месту, где все еще спорили воины, растолкал их и встал в середине круга.

— Время сражаться, — сказал он, — и время бежать. Вспомните свою жизнь. Разве вы мало набегались? И куда вам идти? Где вы думаете укрыться от улан? Защитники святилища станут бессмертными. Далеко же вам придется бежать, чтобы не слышать песен, которые о них споют! Враг способен сражаться, лишь пока у него есть вода. Это единственный глубокий водоем во всей округе. Чем дольше мы не пускаем готиров к воде, тем ближе наши братья к победе. В песню о великом сражении войдут и наши имена. У меня нет друзей, нет побратимов. Моя юность погибла в готирских рудниках — я работал там во тьме, и язвы покрывали мое тело. У меня нет жены, нет сыновей. Кзун ничего не оставит грядущему. Когда я умру — кто оплачет меня? Никто. Моя кровь не течет ни в одном живом существе. Готиры заковали мой дух в цепи, и когда я убил стражников и бежал, мой дух остался там, во тьме. Наверное, он до сих пор живет там, прячется в черных переходах. Я не чувствую себя частью чего-то целого, как должен чувствовать каждый человек. У меня осталось одно: желание видеть надиров — мой народ — гордыми и свободными. Я не должен был называть вас трусами — вы все храбрые люди. Но гайины сковали и ваши души. Мы родились, чтобы бояться готиров, бегать от них, гнуть перед ними голову. Они хозяева мира, а мы черви, ползающие по степи. Так вот, Кзун больше в это не верит. Кзун — человек погибший, отчаянный, Кзуну нечего терять. Ваш раненый товарищ умер. Он спрашивал меня, пойду ли я с ним во тьму, и сказал, что его дух дождется моего. Тогда я понял, что умру здесь. И я готов. Может, мой дух наконец вернется ко мне? Я встречу мальчика на темной дороге, и мы вместе уйдем в Пустоту. Тот из вас, кто не готов сделать то же самое, пусть уходит. Я не стану провожать его проклятиями. Кзун останется здесь, здесь он и падет. Вот все, что я хотел вам сказать.

Он ушел и поднялся на скалы, выходящие в степь. Повозки уже догорели, но дым еще поднимался от них. На мертвых телах уже расселись стервятники. Кзун присел на корточки в тени. Руки у него дрожали, страх обжигал горло желчью.

Его ожидала вечная тьма, и Кзун не мог представить себе большего ужаса. Он посмотрел на чистое голубое

небо. Он сказал правду: когда он умрет, ни одно живое существо в этой степи не станет плакать о нем. Вся его жизнь заключается в этом израненном теле с лысой головой и гнилыми зубами. В рудниках не знали такой роскоши, как дружба. Каждый там боролся в одиночку. И даже на свободе темные годы продолжали преследовать Кзуна. Он не мог больше спать в юрте с другими людьми — он нуждался в свежем воздухе и восхитительном чувстве одиночества. Была одна женщина, которую он желал, но он молчал об этом. А ведь он тогда уже был воином, имел много лошадей и мог к ней посвататься. Но он не сделал этого и с бессильным отчаянием смотрел, как она выходит за другого.

Чья-то рука легла ему на плечо, и седой воин присел с ним рядом.

— Ты говорил, что у тебя нет побратимов. Теперь есть. Мы останемся с тобой, Кзун из Одиноких Волков, и пойдем с тобой по темной дороге!

Впервые с тех пор, как его забрали в рудники, Кзун ощутил на щеках горячую влагу слез. Он склонил голову и заплакал, не стыдясь.

Гарган Ларнесский остановил своего крупного серого жеребца и перегнулся через высокую луку седла. Впереди виднелось святилище Ошикая. Позади выстроилось его войско. Восемьсот пехотинцев по четыре в ряд, двести лучников по флангам, а по обе стороны от них четырьмя колоннами по двести пятьдесят человек королевские уланы. Гарган оглядел белые стены святилища, заметил трещину в одной из них. Заслонив глаза, он всматривался в защитников, ища среди них злобную рожу Окаи, но на таком расстоянии все они сливались в сплошное пятно.

Гарган то сжимал, то разжимал пальцы на седле, так что костяшки побелели под загорелой кожей.

— Ты будешь мой, Окаи, — шептал он. — Я протащу тебя через десять тысяч мук, прежде чем ты умрешь.

Гарган поднял руку, подзывая герольда, и юноша подъехал к нему.

— Ты знаешь, что им сказать. Отправляйся! И постарайся держаться за пределами выстрела. Эти дикари не имеют понятия о чести.

Солдат козырнул и вскачь пустил вороного к святилищу, подняв облако красной пыли. Конь взвился на дыбы, и звонкий голос герольда возвестил:

— Слушайте все! Господин Гарган, наделенный полномочиями Бога-Короля, прибыл в святилище Ошикая, Гонителя Демонов. Ворота надлежит открыть в течение часа, а предателя Окаи, ныне известного как Талисман, передать в руки господина Гаргана. Если это будет исполнено, то тем, кто находится в святилище, не причинят никакого вреда. — Герольд умолк, дав слушателям время проникнуться его словами, и продолжил: — Если же приказание исполнено не будет, господин Гарган сочтет изменниками всех, кто пребывает внутри. Его войско окружит вас и возьмет живыми. Каждому отрубят руки и выколют глаза, а затем повесят. Вы отправитесь в Пустоту слепыми калеками. Так сказал господин Гарган. Он дает вам один час.

Молодой улан повернул коня и вернулся в строй.

Премиан подъехал к Гаргану.

— Они не сдадутся, генерал.

— Я знаю.

Премиан посмотрел в суровое лицо генерала и увидел там торжество.

— У нас осталось всего тридцать лестниц, генерал. Приступ дорого нам обойдется.

— Солдатам за то и платят. Разбейте лагерь и вышлите пятьдесят улан патрулировать окрестности. Первую атаку предпримем ближе к вечеру. Сосредоточимся на проломленной стене и подожжем ворота.

Гарган поехал назад сквозь ряды, а Премиан приказал разбить лагерь. Шатер Гаргана сгорел во время пожара, но генералу соорудили новый из уцелевшего полотна и мешковины. Гарган сидел на коне, пока солдаты ставили палатку, а после спешился и вошел. Складные стулья сгорели тоже, но койка осталась цела. Гарган сел на нее, довольный, что ушел с солнцепека. Он снял свой шлем, отстегнул панцирь и вытянулся навзничь.

Вчера днем к нему прибыл гонец из города. Гарен-Цзен писал, что в Гульготире очень неспокойно, но тайная полиция арестовала множество вельмож, и министр пока удерживает власть. Бог-Король укрыт в надежном месте под охраной людей Гарен-Цзена. Министр заклинал Гаргана поскорее исполнить порученное ему дело и вернуться.

«Что ж, — подумал генерал, — форт мы возьмем к рассвету — и, если улыбнется удача, будем в Гульготире через десять дней».

Вошел денщик с кубком воды, теплой и солоноватой.

— Пошли ко мне Премиана и Марльхема, — приказал генерал.

— Слушаюсь.

Офицеры, войдя, отдали честь и сняли шлемы, взяв их на сгиб руки. У Марльхема был измученный вид, серовато-седая щетина делала его на десять лет старше. Премиан, несмотря на свою молодость, тоже выглядел усталым, и под светло-голубыми глазами залегли темные круги.

— Как настроены люди? — спросил старшего Гарган.

— Бодрее теперь, когда мы добрались до места. Известно, что надиры не умеют держать обороны. Люди полагают, что они побегут, как только мы подойдем к стенам.

— Возможно, так и будет. Прикажите уланам окружить форт. Нельзя позволить, чтобы хоть кто-то из них ушел. Вы поняли?

— Так точно, генерал.

— Я не верю, что они побегут, — вставил Премиан. — Они будут биться насмерть. Это место священно для них.

— У надиров так не водится, — хмыкнул Гарган. — Вы плохо знаете эту породу — трусость у них в крови! Думаете, им будет дело до костей Ошикая, когда полетят стрелы и заблещет сталь? Да ничего подобного!

Премиан набрал в грудь воздуха.

— Окаи не трус. И он хорошо обученный тактик — лучший, который когда-либо был у нас в Бодакасе.

— Не смей его хвалить! — взревел, вскочив на ноги, Гарган. — Этот человек убил моего сына!

— Я разделяю ваше горе, генерал. Арго был моим другом. Но это злодейство не умаляет способностей Окаи. Мне думается, он сплотил этих людей, и он знает, что такое дисциплина и боевой дух. Они не побегут.

— Ну так пусть подыхают, — крикнул Гарган. — Я не встречал еще таких надиров, которые вдесятером могли бы одолеть одного готира с мечом. Сколько их там, двести? К вечеру на стены двинется вдвое больше пехоты, и не так уж будет важно, побегут они или останутся.

— Среди них этот человек, Друсс.

— Ну так что же? Кто такой этот Друсс — полубог? Он будет швырять в нас скалы?

— Нет, генерал, — спокойно ответил Премиан, — но у себя на родине он легенда. И мы узнали по себе, на что он способен. Он убил семерых наших улан, когда те напали на надирское становище. Он грозный воин, и люди

уже поговаривают о нем. Никому не хочется угодить под его топор.

Гарган тяжело посмотрел на молодого офицера.

— Что вы, собственно, нам предлагаете, Премиан? Отправиться восвояси?

— Нет, генерал. У нас есть приказ, и мы должны его выполнить. Я хочу лишь сказать, что к ним следует относиться более уважительно. Через час наши пехотинцы полезут на стены, и если внушить им ошибочное мнение, что оборона будет только видимостью, действительность станет для них ударом. Еще засветло мы можем потерять сотню человек. Солдаты устали и страдают от жажды — они дрогнут, если такое случится.

— Я другого мнения, генерал, — возразил Марльхем. — Сказав солдатам, что приступ будет смертельно опасен, мы рискуем вселить в них страх. Подобные предсказания имеют обыкновение сбываться.

— Я не то имел в виду, — покачал головой Премиан. — Надо сказать людям, что защитники будут сражаться, не щадя жизни, и что бой будет нелегким. А уж потом внушить им, что они готирские солдаты и против них никто не устоит.

Гарган снова сел на койку, помолчал немного, потом сказал:

— Я все-таки убежден, что они побегут. Но только бесшабашный полководец не оставляет места для иной возможности. Действуйте, Премиан. Предупредите солдат и укрепите их дух.

— Да, генерал. Благодарю вас.

— Когда придет время, пошлите пленного под стены. Как только он будет достаточно близко, чтобы защитники его разглядели, пусть трое конных лучников добьют его.

Премиан отдал честь и надел шлем.

— Вам нечего мне возразить?

— Нет, генерал. Я не одобряю таких вещей, но это зрелище устрашит защитников, можно не сомневаться.

— Хорошо. Вы усваиваете свои уроки.

При виде готирской армии у Зибена похолодело в желудке.

— Пойду-ка я лучше в лазарет, старый конь, — сказал он Друссу.

Тот кивнул.

— Пожалуй. Скоро у тебя будет много работы.

Зибен на нетвердых ногах сошел со стены. Нуанг Ксуан, бледный подошел к Друссу, и сказал, часто моргая глазами:

— Я стану рядом с тобой.

Около них стояло человек двадцать надиров. Друсс спросил ближнего — молодого парня, в чьих глазах читался испуг:

— Из какого ты племени?

— Одиноких Волков, — ответил юноша, облизнув губы.

— Вот что. — Друсс заговорил добродушно и так громко, что его услышали все на западной стене. — Этот старик поклялся убить сотню готиров, а я должен вести счет. Так смотрите же, Одинокие Волки, не мешайтесь. Убить сто человек — это не шутка, тут надо сосредоточиться!

Парень смерил Нуанга взглядом и ухмыльнулся:

— Я убью больше, чем он.

— Да тут, похоже, об заклад впору биться. Как тебя звать?

— Чиск.

— Ставлю серебряную монету, Чиск, что к ночи Нуанг тебя опередит.

— У меня нет серебра, чтобы поставить против тебя, — уныло сознался надир.

— А что у тебя есть?

Воин залез глубоко в карман своего грязного козьего кожуха и вытащил маленький круглый амулет, украшенный лапис-лазурью.

— Вот. Это отгоняет злых духов и стоит много серебряных монет.

— Верю, — сказал Друсс. — Хочешь поставить его?

Парень кивнул:

— Спорю, что обгоню не только его, но и тебя.

Друсс со смехом потрепал его по плечу.

— Нет уж, для спора довольно одного. Кто еще из Одиноких Волков хочет биться об заклад?

Воины столпились вокруг Друсса, предлагая нарядные пояса, кривые кинжалы и пуговицы из резного рога. Друсс принял все заклады.

Коренастый воин с глубоко сидящими глазами дернул его за рукав.

— А считать кто будет? За нами за всеми никто не уследит.

— Все вы герои и честные люди, — улыбнулся Друсс. — Ведите счет сами. Нынче, когда враг уползет обратно в лагерь, мы соберемся и посмотрим, кто победил. А теперь по местам. Срок близок.

— Проиграешь ты свое серебро, воин, — шепнул ему Нуанг.

— Деньги — дело наживное.

— Что тут за шум? — спросил, подойдя, Талисман. Несколько воинов стали говорить ему что-то по-надир-

ски. Талисман кивнул и с усталой улыбкой повернулся к Друссу: — Они думают, что ты большой дурак.

— Мне это и раньше говорили, — согласился тот.

Из вражеского лагеря выехали трое всадников — один тащил за собой пленного. Подскакав поближе, они повернули коней назад. Пленный тяжело рухнул наземь и попытался встать.

— Это Квинг-чин, — тусклым голосом, с непроницаемым лицом сказал Талисман.

Воину отрубили кисти рук, а культи залепили черной смолой. Всадник, тащивший его, перерезал веревку, и Квинг-чин заковылял по кругу.

— Его еще и ослепили, — прошептал Нуанг.

Надиры на стенах стали кричать калеке — он поднял голову и побрел на звук голосов. Трое всадников дали ему подойти, потом зарядили свои луки и помчались к нему. Одна стрела попала ему в поясницу, но Квинг-чин не вскрикнул. Другая вонзилась между лопаток. Тогда он упал и пополз, но третий лучник послал стрелу ему в спину.

Чья-то стрела слетела со стены и упала, не достав до конных.

— Не стрелять! — проревел Талисман.

— Тяжко умирать так, — прошептал Нуанг Ксуан. — А враг сулит такую смерть нам всем.

— Теперь их время, — холодно и ожесточенно сказал Друсс. — Пусть порадуются. Скоро настанет наш черед — и это их не обрадует!

В готирском лагере забил барабан, и сотни пехотинцев двинулись к западной стене, сверкая на солнце серебряными латами и шлемами. Позади шли двести лучников со стрелами на тетивах.

Талисман вытащил саблю.

— Тебе здесь не место, генерал, — сказал ему Друсс.

— Я должен сражаться, — прошипел Талисман.

— Того-то им и надо. Ты вождь и не можешь погибнуть при первой атаке — это подорвет дух твоего войска. Положись на меня и уйди со стены — я не дам ей пасть.

Талисман постоял еще немного, потом вогнал саблю в ножны и сошел вниз.

— Эй, ребята! — крикнул Друсс. — Пригните головы — перво-наперво они осыплют нас стрелами. Станьте пошире и уберите мечи. Когда они начнут забираться по лестницам на стену, мы их встретим камнями, а потом пускайте в ход кинжалы — в тесноте они лучше мечей. Длинные клинки приберегите для тех, кто влезет на стену.

На расстоянии выстрела пехота замедлила шаг, лучники выбежали вперед, и сотни стрел взвились в воздух.

— Ложись! — заорал Друсс, и надиры спрятались за зубцами стены. Друсс оглянулся назад. Во дворе, куда густо сыпались стрелы, стояли Талисман и Лин-цзе с резервом из двадцати человек. Одного воина ранило в ногу, другие бросились к странноприимному дому. Пехота двинулась вперед, сначала медленно — но у стены солдаты подняли перед собой круглые шиты и ринулись в атаку. Надиры принялись поливать их стрелами, и несколько человек упали. Готирские лучники слали залп за залпом через головы пехоты и сбили двух надирских стрелков.

Носильщики лестниц добрались до западной стены. Друсс обхватил руками камень величиной с бычью голову и, кряхтя, взвалил его на парапет. Лестница ударилась о стену. Друсс вскинул камень над головой и бросил вниз. По лестнице взбирались семь человек. Первому камень раздробил череп, третьему попал в плечо и сломал ключицу — солдат упал, увлекая за собой еще троих. Камни сыпались на готиров отовсюду, но они не отступали.

Первый солдат влез на стену, держа над головой щит. Чиск подскочил и вонзил кинжал ему в глаз — тот захлебнулся криком и упал.

— Есть один! — крикнул надир.

Еще двое солдат взобрались на стену. Друсс прыгнул вправо и обрушил Снагу на деревянный шлем, а обратным ударом размозжил голову второму. Нуанг ударил кинжалом лезущего вверх готира. Удар пришелся по лбу, но солдат ткнул вперед своим коротким мечом и поранил Нуангу левое запястье. Снага раздробил готиру панцирь на плече, из раны хлынула кровь, солдат упал.

Слева от Друсса четверо готиров взобрались на стену и образовали клин, пробивая дорогу идущим сзади. Друсс ринулся на них со Снагой. Одного он зарубил сразу, второго двинул плечом и сбил со стены во двор, третьему страшный удар раздробил ребра. Четвертый ткнул мечом Друссу в живот, но Нуанг отразил удар своим клинком и рубанул солдата по шее. Тот выронил меч и рухнул назад. Кровь хлестала у него из яремной вены.

Друсс, бросив топор, схватил раненого за горло и пах, поднял в воздух и швырнул на двух солдат, показавшихся над краем стены. Оба упали вниз. Нуанг между тем вогнал свой меч в открытый рот бородатому готиру на верхней перекладине лестницы. Меч расколол нёбо и вышел из затылка. Солдат грянулся наземь, прихватив клинок с собой.

Друсс подхватил со стены чей-то короткий меч и бросил старику. Нуанг ловко поймал его.

Вдоль всей западной стены надиры отбивали вражеский натиск волну за волной.

Талисман стоял внизу с Лин-цзе и двадцатью воинами, выжидая наилучшего времени, чтобы бросить в бой свежие силы. Лин-цзе ждал рядом с мечом наготове. В обороне наметилась брешь: пятеро солдат пробивали себе дорогу к ступенькам, ведущим во двор. Лин-цзе подался вперед, но Талисман отозвал его. Друсс кинулся на прорвавшихся солдат и за три мгновения убил троих.

— Он ужасен, — сказал Лин-цзе. — В жизни не видал ничего подобного.

Талисман не ответил. Одинокие Волки дрались как демоны, вдохновленные примером воина в черном, а надиры на других стенах с почтительным восхищением следили за ним.

— Они идут к воротам! — крикнул Горкай. — С огненными ведрами и топорами.

Талисман поднял руку в знак того, что слышал, но не двинулся с места. Больше дюжины защитников на западной стене было ранено. Пятеро остались сражаться, еще несколько сползли по ступеням, направляясь в лазарет.

— Вперед! — скомандовал Талисман, и высокий Лин-цзе помчался вверх по лестнице.

Топоры обрушились на ворота. Горкай и Летучие Кони швыряли туда камни со стены. Сквозь ветхие створки просочился дым. Но ворота, по совету Друсса, поливали водой каждый день, и огонь скоро угас.

Талисман дал знак Горкаю отправить десять человек вниз.

Бой продолжался. Друсс, покрытый кровью, носился по стене, убивая прорвавшихся готиров. Талисман отрядил свой десяток ему на подмогу и сам последовал за ними. Он знал, что Друсс прав и его гибель стала бы сокрушительным ударом для осажденных — но люди должны были видеть, как он сражается.

Он рассек саблей горло готирскому солдату. Еще двое наскочили на него. Друсс разнес топором плечо первому, старый Нуанг вспорол живот второму.

Готиры отступили, унося с собой лестницы.

Надиры подняли крик, размахивая мечами. Талисман подозвал к себе Лин-цзе:

— Сочти раненых, и пусть самых тяжелых отнесут в лазарет.

Одинокие Волки, собравшись вокруг Друсса, хлопали его по спине и осыпали похвалами. От волнения они говорили по-надирски, и Друсс не понимал ни слова.

— Ну, парень, сколько ты убил? — спросил он Чиска.

— Не знаю. Много.

— По-твоему, ты побил старика? — Друсс обнял Нуанга за плечи.

— Мне все равно. Дай я его поцелую! — Чиск бросил меч и обнял удивленного Нуанга. — Мы показали им, как дерутся надиры! Задали взбучку гайинским собакам.

Нуанг с усмешкой шагнул вперед и вдруг повалился. Чиск опустился на колени рядом со стариком и распахнул его кафтан. Из трех ран на груди обильно струилась кровь.

— Держись, брат, — проговорил Чиск. — Твои раны не смертельны. Мы снесем тебя к лекарю. — Двое Одиноких Волков помогли Чиску перенести Нуанга через двор.

Друсс прошел к колодцу, вытащил наверх ведро чистой холодной воды и достал из-за пояса старый лоскут. Им он смыл кровь с лица и колета, а после опрокинул ведро себе на голову.

Со стены послышался смех.

— Вам бы тоже не мешало помыться, сукины дети! — крикнул Друсс. Он снова опустил ведро в колодец, достал воды и напился.

Талисман подошел к нему.

— Мы убили или ранили семьдесят человек, а у нас девять убитых и пятнадцать раненых, — тихо сказал он. — Как по-твоему, что будет дальше?

— То же самое, но со свежими силами. Пока не стемнеет. Мне сдается, сегодня они предпримут по меньшей мере еще две атаки.

— Согласен с тобой. Но мы выдержим — теперь я это знаю.

— Твои ребята молодцы, — хмыкнул Друсс. — Завтра готиры сосредоточатся на воротах.

— Почему не сегодня?

— Они еще не усвоили урок.

— С таким учителем, как ты, они должны затвердить его еще до конца дня, — улыбнулся Талисман.

Друсс снова напился. Надиры у подножия старой башни вытаскивали из груды щебня гранитные камни.

— Зачем это? — спросил он.

— Ворота долго не простоят, — сказал Талисман, — но мы удивим тех, кто в них вломится!

Нуанг Ксуан лежал на полу, прикрытый одеялом, под головой у него была подушка из соломы. Зашитые раны на груди и плече болели, но Нуангу было покойно. Он

дрался рядом с дренайским воином и убил пятерых врагов. Пятерых! Рядом кто-то закричал. Нуанг осторожно повернулся на бок и стал смотреть, как лекарь зашивает живот какому-то воину; раненый бился, Ниоба держала его за руки. Пустая трата времени, подумал Нуанг, и точно: вскоре раненый издал булькающий вопль и затих. Лекарь выбранился. Ниоба стащила труп со стола, и двое мужчин положили на его место нового раненого.

Зибен раскрыл его кафтан. Меч рассек грудь и глубоко вонзился в бок, переломившись чуть выше бедра.

— Мне понадобятся щипцы. — Зибен провел по лбу окровавленной рукой, оставив багровый след. Ниоба подала ему ржавые щипцы, и он запустил пальцы в рану, нащупывая отломившееся острие. Найдя, он погрузил туда же щипцы и вытащил железный обломок. Еще две надирки трудились тут же, зашивая и перевязывая раны.

Носта-хан вошел, поглядел вокруг и прошел мимо Нуанга в каморку за лазаретом.

Нуанг хоть с трудом, но разобрал последующий разговор.

— Ночью я уйду, — послышался голос шамана. — Подготовь женщину.

— Она остается, — ответил Талисман.

— Разве ты не понял того, что я сказал тебе?

— Это ты не понимаешь! — загремел Талисман. — Будущее тебе неведомо, шаман. Ты видишь лишь его проблески, дразнящие и неопределенные. Ты не можешь найти Ульрика, несмотря на всю свою силу. А так ли это трудно — найти человека с лиловыми глазами? Ты не можешь найти Глаза Альказарра. Ты не сказал мне, что враги схватят Квинг-чина. Уходи же, если так нужно. Но уйдешь ты один.

— Глупец! — вскричал Носта-хан. — Теперь не время для измены. Все, ради чего ты жил, висит на волоске. Если я уведу ее, она будет жить. Это тебе понятно?

— И снова ты заблуждаешься, шаман. Если ты ее уведешь, она убьет себя — так она сказала, и я ей верю. Ступай. Ищи человека с лиловыми глазами. Пусть он продолжит то, чего мы здесь добились.

— Ты умрешь здесь, Талисман. Так говорят звезды. Друсс спасется, ибо я видел его во многих будущих, но для тебя там места нет.

— Мое место здесь — здесь я и останусь.

Шаман ответил что-то, но Нуанг не расслышал — оба вдруг понизили голоса.

Ниоба, став на колени, подала Нуангу глиняную чашку с лиррдом.

— Выпей, отец. Это вольет силу в твои старые кости.

— Может, они и старые, но кровь во мне еще бежит исправно, Ниоба. Я убил пятерых и чувствую в себе такую силу, что мог бы пережить даже ночь с тобой.

— На это у тебя сил никогда не хватало, — возразила она, потрепав его по щеке. — Но Чиск говорит, что ты убил не меньше дюжины.

— Ха! Хорошие ребята эти Одинокие Волки.

Ниоба вернулась к столу, чтобы вытереть кровь и пот с лица Зибена.

— Ты хорошо работаешь, — сказала она. — Ни разу не ошибся.

Снаружи раздались крики раненых и лязг оружия.

— Какая мерзость, — прошептал Зибен.

— Говорят, твой друг — бог войны. Его прозвали Побратимом Смерти.

— Ему подходит. — Дверь отворилась, и внесли двух человек. Он повернулся к Ниобе: — Давай еще бинтов и ниток.

Друсс на стене дал себе отдых — враг отступил во второй раз.

— Ты ранен, Побратим Смерти? — спросил его Чиск.

— Это не моя кровь.

— Ошибаешься — у тебя плечо кровоточит.

Друсс посмотрел на прореху в колете — оттуда и правда сочилась кровь. Он снял колет. Рана была не более двух дюймов в длину, но глубока. Он выругался.

— Держите эту проклятую стену, пока я не вернусь.

— Пока горы не рассыплются в прах, — пообещал Чиск и добавил: — Только не задерживайся надолго.

В лазарете Друсс подозвал к себе Ниобу:

— Не будем беспокоить Зибена. Рана не глубже собачьего укуса. Дай мне иголку с ниткой — я сам зашью.

Ниоба принесла иглу и длинный смотанный бинт. Рана была чуть пониже ключицы, и Друссу приходилось трудновато.

— Много же на тебе шрамов, — заметила Ниоба.

— Нет-нет да и схлопочешь. — Рана начала болеть. Друсс вышел на угасающий свет дня.

За воротами человек тридцать воинов строили из гранитных глыб полукруглую стенку. Работа была тяжела и шла медленно, ни никто не жаловался. На стене соорудили простой ворот, чтобы легче ставить камни на место. Но он не выдержал, и огромная глыба упала, сбросив на землю

двух человек. Друсс бросился к ним. Один лежал мертвый с разбитым черепом, другого просто оглушило. Оттащив труп в сторону, воины угрюмо продолжили работу. Глыбы клали по четыре в ряд, образуя стену восьми футов шириной.

— Вот уж разинут они рты, когда прорвутся, — сказал Лин-цзе, спустившись к Друссу.

— Какой она будет вышины?

— Мы задумали двенадцать футов впереди, десять сзади. Но для этого нужен ворот покрепче и подпорки.

— Выломайте половицы в верхних комнатах. Ставьте их крест-накрест.

Вернувшись на стену, Друсс надел свой колет и перчатки с серебряными шипами. Человек Талисмана, Горкай, подошел к нему.

— При следующей атаке рядом с тобой будет биться Острый Рог. Это Барцай, их вождь. — Друсс кивнул и пожал руку коренастому надиру.

— А что, ребята, — с усмешкой спросил он, — вы деретесь так же хорошо, как Одинокие Волки?

— Лучше, — проворчал молодой воин.

— Не хочешь ли побиться со мной об заклад, парень?

Глава 12

При ярком свете луны Талисман и Лин-цзе смотрели, как готиры уносят своих убитых и раненых. Люди с носилками двигались слаженно и проявляли немалую храбрость, подходя к самым стенам. Надиры в них не стреляли — Талисман запретил. Не из милосердия, а потому, что каждого раненого надо кормить и поить — пусть враг истощает свои припасы. Мертвых надиров заворачивали в одеяла и складывали в прохладной гробнице.

— У них шестьдесят четыре убитых и еще восемьдесят один ранен, — радостно сообщил Лин-цзе. — Мы потеряли втрое меньше.

— Двадцать три убиты и еще восемь больше не смогут сражаться.

— Так ведь это хорошо?

— Их в десять раз больше, чем нас. Потерять даже впятеро меньше — не так уж мало. Впрочем, как гова-

ривал Фанлон, худшие всегда гибнут первыми — самые неумелые или самые невезучие. Нынче мы хорошо потрудились.

— Уланы так и не ходили в атаку, — заметил Лин-цзе.

— Их кони утомлены и нуждаются в воде — да и люди тоже. Утром их повозки выехали снова и не вернулись. Кзун все еще удерживает водоем.

Лин-цзе подошел к краю стены.

— Хотел бы я принести сюда тело Квинг-чина. Меня печалит, что дух его блуждает в Пустоте слепым и изувеченным.

Талисман не ответил. Два года назад они, трое надиров, задумали отомстить за смерть своего товарища. Они похитили сына Гаргана и убили его, точно так же ослепив и изувечив его труп. Теперь насилие описало круг, и Квинг-чин лежит, как холодное свидетельство тщеты всякой мести. Талисман потер глаза.

Пахло горелым деревом. Ворота пережили две атаки — готиры поливали их маслом, пытаясь поджечь. Но попытка не увенчалась успехом, и двадцать готиров расплатились за нее своими жизнями. Талисман вздрогнул.

— Что с тобой, брат? — спросил Лин-цзе.

— Я больше не питаю к ним ненависти.

— К готирам? Но почему?

— Пойми меня правильно, Лин-цзе. Я буду сражаться с ними, и если будет на то воля Богов Камня и Воды, увижу, как их башни рухнут и города падут. Но я больше не могу их ненавидеть. Когда они убили Зен-ши, мы жаждали крови. Помнишь ужас в глазах Арго, когда мы заткнули ему рот и выволокли из комнаты?

— Еще бы.

— Теперь его отец лелеет в сердце ненависть — она сидит у него в горле, как нетопырь, рвущийся на волю.

— Он сам виноват во всем — он всегда ненавидел надиров.

— Да — но почему? Может, надиры причинили ему в юности какое-то зло? Я мечтаю увидеть надиров едиными и гордыми — но никогда больше не стану ненавидеть своих врагов.

— Ты устал, Окаи. Тебе надо отдохнуть. Ночью они больше не пойдут на приступ.

Талисман сошел со стены. Носта-хан ушел, и никто не видел, как он покинул святилище. Шаман пытался пройти к Зусаи, но Горкай стоял на страже у ее дверей.

Талисман подумал о ней и сразу увидел, как она идет через двор в белой рубашке из блестящего шелка и серебристо-серых штанах. Она подошла к нему и обвила руками его шею.

— Теперь мы вместе, отныне и навеки.

— Отныне и навеки, — согласился он.

— Пойдем. У меня есть душистое масло, и я прогоню прочь твою усталость. — Она взяла его за руку и повела к себе.

Друсс и Зибен смотрели на них с западной стены.

— Любовь в царстве смерти, — сказал Друсс. — Это хорошо.

— Ничего хорошего тут нет, — отрезал Зибен. — Все это дело смердит, как протухшая рыба. Лучше бы я никогда сюда не приезжал.

— Они говорят, ты великий лекарь.

— Скорее швея. Одиннадцать человек умерли у меня на столе, харкая кровью, Друсс. Не могу выразить, как мне тошно от этого. Ненавижу войну и воинов тоже. Отребье рода человеческого!

— Что не помешает тебе петь о них, если мы выживем.

— Это еще что за речи?

— А кто же воспевает воинскую славу, честь и благородство? Только не солдаты — они-то видели выпущенные кишки и воронье, выклевывающее глаза мертвецам. Нет, это делают поэты. Это они пичкают молодежь героическими историями. Сколько молодых дренаев, слушая твои поэмы и песни, лелеют мечту о битве?

— Вон ты как повернул. Выходит, поэты во всем виноваты?

— Не только поэты. Зубы дьявола, насилие у нас в крови. И солдаты — вовсе не отребье рода человеческого. Здесь каждый сражается за то, во что верит. Ты знал это еще до того, как началась бойня. И будешь знать, когда она кончится.

— Она никогда не кончится, Друсс, пока существуют люди с мечами и топорами. Вернусь-ка я лучше в лазарет. Как твое плечо?

— Жжет, как сто чертей.

— Это хорошо, — устало улыбнулся Зибен.

— Как там Нуанг?

— Отдыхает. Раны у него не смертельные, но больше он драться не будет.

Зибен ушел, а Друсс растянулся на стене. По всей ее протяженности спали измученные надиры, и многие, возможно, наслаждались сном в последний раз.

«Может, и я завтра умру, — подумал Друсс. — А может, и нет». И он погрузился в сон без сновидений.

Гарган ходил между ранеными, разговаривая с ними и хваля их за храбрость. Вернувшись в шатер, он вызвал к себе Премиана.

— Как я понял, надиры все еще не пускают нас к воде. Сколько их там у водоема?

— Трудно сказать, генерал. Туда ведет узкая тропа, и надиры нападают из-за скал на наших солдат. Я бы сказал, что их не больше тридцати. Ими командует безумец с белым платком на голове: он спрыгнул с высоты двадцати футов на спину офицерскому коню и сломал ему хребет. Потом убил всадника, ранил другого и снова скрылся в скалах.

— Кто был офицер?

— Мершем. Он недавно получил повышение.

— Я знаю его семью. Хорошая порода. — Гарган сел на койку — лицо его осунулось, губы потрескались. — Возьмите сто человек и выбейте надиров оттуда. Вода почти на исходе, а без нее нам конец. Отправляйтесь нынче же ночью.

— Да, генерал. Я поставил людей копать в русле сухого ручья на востоке, и они дорылись до родника. Он невелик, но несколько бочек нацедить можно.

— Хорошо. — Генерал устало вытянулся на койке и закрыл глаза. Премиан собрался уходить, но тут Гарган заговорил снова: — Они убили моего сына. Выкололи ему глаза.

— Я знаю, генерал.

— Поздним утром мы атакуем снова. К этому времени вы должны вернуться с водой.

— Так точно.

Зибен разбудил Друсса и тихо позвал:

— Пойдем со мной. — Друсс встал, они спустились со стены и вошли в гробницу. Там было темно, и они постояли немного, приучая глаза к слабому лунному свету, проникавшему в единственное окошко. Мертвые надиры лежали вдоль северной стены, и внутри уже чувствовался запах смерти.

— Зачем мы пришли сюда? — шепотом спросил Друсс.

— Мне нужны целебные камни. Никто больше не будет умирать у меня на руках.

— Но мы здесь уже все обыскали.

— Да, и мне сдается, что мы уже видели их. Подними крышку.

Друсс сдвинул ее так, чтобы Зибен мог просунуть руку вовнутрь. Пальцы поэта коснулись сухих костей и истлевшей в прах одежды. Зибен нащупал череп, сосредоточился, поискал под треснувшей челюстью и наконец нашарил холодный металл: лон-циа Ошикая. Поэт извлек его из гроба и подставил под бледный лунный луч.

— Теперь у тебя их два, — сказал Друсс. — Ну и что?

— Шаошад пришел сюда, чтобы испросить у Ошикая согласие на воскрешение из мертвых. Ошикай отказал, ибо Шуль-сен не было с ним. Что же сделал шаман, чтобы найти ее?

— Почем я знаю, — нетерпеливо бросил Друсс. — Я ничего не смыслю в колдовстве.

— Давай-ка рассмотрим все, что нам известно, дружище. И Ошикай, и Шуль-сен носили лон-циа. К приходу Шаошада гробница Ошикая была уже разграблена, однако медальона не взяли. Почему? Слепой священник сказал мне, что лон-циа Шуль-сен был сделан невидимым. Разумно предположить, что такое же заклятие наложили на медальон Ошикая. Шаошад же, как я думаю, это заклятие снял. Зачем? Чтобы лон-циа помог ему найти Шуль-сен. Человек Талисмана, Горкай, говорил мне, что лон-циа богатых людей обладали чарами всякого рода. И Шаошад мог воспользоваться одним медальоном, чтобы найти другой. Ты следуешь за ходом моей мысли?

— Через пень-колоду, — устало сказал Друсс.

— Почему, когда шамана схватили, при нем не было камней?

— Перестань наконец задавать мне вопросы, на которые нет ответа.

— Это риторические вопросы, Друсс, и не перебивай меня больше. Если верить Горкаю, такой заговоренный медальон — все равно что ищейка. Мне думается, Шаошад наделил медальон Ошикая силой одного из камней, а другой послал на поиски лон-циа Шуль-сен и пошел по его следу. Вот почему шамана схватили между этим местом и тем, где мы нашли останки Шуль-сен.

— И что же из этого следует?

Зибен достал из кармана второй лон-циа и поднес его к первому.

— А вот что, — торжествующе сказал он и прижал один медальон к другому.

Но за этим ничего не последовало...

— Итак? — спросил Друсс.

Зибен разжал ладони. Оба лон-циа блеснули при луне, и он выругался.

— Я был уверен в своей правоте. Я думал, если сложить их вместе, то появятся камни.

— Лягу-ка я снова спать, — сказал Друсс и пошел прочь.

Зибен спрятал медальоны в карман и хотел последовать за ним, но вспомнил, что гроб остался открытым.

Он снова выругался и налег на крышку, силясь вернуть ее на место.

— Ты был близок к разгадке, мой друг, — прошептал чей-то голос, и Зибен увидел крохотную светящуюся фигурку Шаошада: шаман сидел, поджав ноги, на полу. — Но я не прятал камней в лон-циа.

— Куда же ты девал их? И зачем было вообще прятать их?

— Им вовсе не следовало появляться на свет, — горестно произнес Шаошад. — Только чудовищная гордыня могла подвигнуть людей на деяние, лишившее землю ее волшебной силы. А спрятал я их потому, что знал: меня могут схватить. Я не мог позволить, чтобы Глаза опять попали в людские руки. Мне и теперь грустно оттого, что им суждено найтись еще раз.

— Так где же они?

— Здесь. Ты был прав почти во всем — я в самом деле воспользовался их силой, чтобы найти могилу Шуль-сен, и я наделил ее лон-циа властью воскресить ее. Смотри же и трепещи!

Оба медальона вылетели у Зибена из кармана и поплыли по воздуху к каменному гробу, остановившись над табличкой с именем Ошикая.

— Ну что, догадался теперь? — спросил дух шамана.

— Да! — Зибен взял парящие в воздухе медальоны и прижал их к двум буквам «и» в слове «Ошикай». Оба лон-циа исчезли, а из гроба ударил лиловый свет. Зибен заглянул туда. В пустых глазницах Ошикая сияли два драгоценных камня. Поэт вынул их — они были величиной с яйцо ласточки.

— Не говори никому, что они у тебя, — предостерег Шаошад, — даже Друссу. Он великий человек, но хитрить не умеет. Если надиры узнают о камнях, они убьют тебя; старайся пользоваться ими не очень явно. Раненых зашивай и перевязывай, как прежде, а после сосредоточивайся на их исцелении. Камней при этом доставать не нужно — если они будут спрятаны на тебе, их сила и без того скажется.

— Но откуда мне знать, как лечить то или другое?

— Тебе и не нужно знать, — улыбнулся Шаошад. — В этом и состоит прелесть магии, поэт. Просто возложи руки на рану и представь, что она затягивается. Стоит сделать это один раз, и ты все поймешь.

— Спасибо тебе, Шаошад.

— Это я говорю тебе спасибо, поэт. Пользуйся ими с умом — и верни крышку на место.

Зибен снова налег на камень и при этом посмотрел вниз. Лон-циа сверкнул среди костей Ошикая и вдруг пропал. Зибен задвинул крышку и сказал Шаошаду:

— Лон-циа вернулся к нему.

— Так и должно быть. Теперь медальон снова невидим, и никто не тронет его. А другой вернулся к останкам Шуль-сен.

Образ шамана начал меркнуть.

— Сможем ли мы одержать здесь победу? — спросил Зибен.

— И победа, и поражение всецело зависят от того, за что вы сражаетесь. Вы все можете погибнуть и все-таки победить — или же остаться в живых и потерпеть поражение. Прощай, поэт.

Дух исчез. Зибен вздрогнул и сунул руку в карман, сжав камни пальцами.

Вернувшись в лазарет, он молча прошел между рядами раненых. В дальнем углу кто-то стонал. Зибен опустился на колени у его одеяла. На стене ярко горел фонарь, и Зибен хорошо видел изможденное лицо раненого. Воин получил колющий удар в живот, и Зибен, хоть и зашил рану снаружи, внутреннего кровотечения не остановил. Глаза раненого лихорадочно блестели. Зибен осторожно положил руку на бинты, закрыл глаза и сосредоточился. Поначалу ничего не происходило — но потом в голове у него возникла яркая картина, и он увидел разорванные мышцы, рассеченные внутренности и сгустки крови. В один миг поэт проникся знанием о каждом мускуле, фибре и кровеносном сосуде, об источниках боли и неудобства. Он точно плавал внутри раны. Кровь текла из рваной дыры в сокращающемся пурпурном цилиндре... но под взглядом Зибена дыра стала затягиваться. Он заживил еще несколько разрезов и выплыл из раны, сращивая ткани по пути. У внешних швов он остановился. Пусть раненый почувствует их, когда очнется. Если заживлять все раны без следа, тайна камней скоро выйдет наружу.

— Долго же я умираю, — моргнув, сказал воин.

— Ты не умрешь. Рана твоя заживает, а ты парень крепкий.

— У меня все кишки продырявлены.

— Поспи. К утру тебе станет лучше.

— Ты правду говоришь?

— Да. Рана не так глубока, как ты думаешь. Она уже заживает. Спи. — Зибен коснулся его лба, и воин сразу закрыл глаза и погрузился в сон.

Зибен стал обходить раненых одного за другим. Почти все они спали. С теми, кто бодрствовал, он тихо разговаривал, делая при этом свое дело. Под конец он подошел к Нуангу. Оказавшись внутри старика, он добрался до сердца и нашел там протершийся, почти прозрачный участок. Нуанг мог умереть в любой миг — его сердце при малейшем

напряжении готово было порваться, как мокрая бумага. Зибен сосредоточился на тонком месте, и оно стало утолщаться. Кроме того, он прочистил заросшие, отвердевшие артерии и вернул им гибкость.

Он выбрался наружу и сел. Усталости он не чувствовал — его переполняли восторг и ликование.

Ниоба спала в углу. Зибен положил камни в кошель, спрятал его за бочонком с водой и лег рядом с ней, чувствуя ее тепло. Он укрыл себя и ее одеялом и поцеловал ее в щеку. Она застонала и повернулась к нему, шепча чье-то другое имя. Зибен улыбнулся. Ниоба проснулась и приподнялась на локте.

— Чего ты скалишься, по-эт?

— А почему бы нет? Уж очень ночь хороша.

— Хочешь любви?

— Нет, а вот обнять тебя хочу. Придвинься поближе.

— Какой ты теплый, — сказала она, кладя руку ему на грудь.

— Чего ты хочешь от жизни, Ниоба? — шепотом спросил он.

— Чего я могу хотеть, кроме хорошего мужа и крепких детей?

— Ну а все-таки?

— Ковров хочу, — подумав, сказала она. — И железное ведерко для углей. У моего дяди было такое — оно хорошо грело юрту в холодные ночи.

— Ну а кольца, браслеты, золото и серебро?

— И это тоже. Ты мне все это дашь?

— Пожалуй. — Он снова поцеловал ее в щеку. — Странно и удивительно, но я влюбился в тебя. Хочу, чтобы ты была со мной. Я увезу тебя в свою страну, куплю тебе железное ведро для углей и целую кучу колец.

— А дети у нас будут?

— Хоть двадцать, если захочешь.

— Я хочу семь.

— Семь так семь.

— Если ты смеешься надо мной, по-эт, я вырежу сердце у тебя из груди.

— И не думаю, Ниоба. Ты самое большое сокровище, которое у меня когда-либо было.

Она оглядела лазарет и сказала:

— Все спят.

— Да.

— Некоторые наверное, уже умерли.

— Не думаю. Я даже знаю, что все они живы, — как знаю и то, что они проспят еще несколько часов. Ты мне, помнится, кое-что предлагала...

— Теперь ты хочешь любви?

— Да. Впервые в жизни, пожалуй.

Старший сержант Джомил зажал толстыми пальцами рану на щеке, стараясь остановить кровь. Пот обжег больное место, и Джомил выругался.

— Прежде ты быстрее поворачивался, — сказал ему Премиан.

— Этот ублюдок чуть глаза меня не лишил... капитан.

Тела надиров вытаскивали из-за скал и складывали поодаль от пруда. Четырнадцать убитых готиров завернули в плащи. Шестерых уланов приторочили к седлам их коней, пехотинцев похоронили тут же на месте.

— Клянусь кровью Миссаэля, дрались они здорово — верно, капитан? — сказал Джомил.

Премиан кивнул.

— Ими двигала гордость и любовь к своей земле. Нет побуждений более высоких. — Премиан сам вел людей в атаку вверх по склону, пока пехота штурмовала скалы. Превосходящая численность решила дело, но надиры сражались на славу. — Тебе нужно зашить эту рану. Сейчас я этим займусь.

— Благодарю вас, — без особого рвения ответил Джомил.

— Как понять, что человек, без страха встречающий мечи, топоры, стрелы и копья, боится иголки с ниткой?

— Парням с мечами и топорами я хоть сдачи дать могу.

Премиан, посмеявшись, вернулся к пруду, холодному, чистому и глубокому. Он зачерпнул воды в ладони и напился, а потом подошел к мертвым надирам. Восемнадцать человек, некоторые — совсем мальчишки. Премиан почувствовал гнев. Что за пустая трата времени, что за бессмысленная война! Две тысячи хорошо обученных воинов движутся через пустыню, чтобы разрушить какое-то святилище.

Но что-то здесь было не так. Премиана снедало смутное беспокойство. К нему подошел пехотинец с перевязанной головой и спросил:

— Можно развести костры, капитан?

— Да, только зайдите подальше в скалы. Не хочу, чтобы дым пугал лошадей, когда подъедут повозки. Их и без того трудно будет взвести на этот склон.

— Так точно.

Премиан достал из седельной сумки иголку с ниткой, и Джомил, увидев это, тихо выругался. С рассвета минуло всего два часа, но от красных скал уже веяло жаром.

Премиан, став на колени, начал пришивать оторванный лоскут кожи к щеке Джомила.

— Ну вот — теперь у тебя будет красивый шрам для приманки дам.

— У меня их и без того хватает. — Джомил усмехнулся. — А помните бой при Линкарнском перевале, капитан?

— Да. Тогда тебя ранили весьма неудачно.

— Не знаю, не знаю. Женщинам нравилось слушать, как это случилось, — не знаю уж почему.

— Раны в зад всегда служат предметом шуток. Тебе тогда дали сорок золотых за храбрость. Ты хоть что-нибудь сберег?

— Ни полушки. Большую часть я потратил на выпивку, толстушек и игру, а остальное проел. — Джомил оглянулся на мертвых надиров. — Вас что-то беспокоит, капитан?

— Да... вот только не знаю что.

— Вы полагали, что их будет больше?

— Пожалуй. — Премиан снова подошел к мертвецам и подозвал к себе молодого улана. — Ты участвовал в первой атаке. Который из них вожак?

— Трудно сказать, капитан. Для меня они все на одно лицо — желтые, как блевотина, и косоглазые.

— Да-да, — нетерпеливо бросил Премиан. — Но хоть что-то ты помнишь об их предводителе?

— Он был повязан белым платком. Ага... и зубы у чего гнилые. Желтые с черным — мерзость, да и только.

— Проверь зубы у всех убитых и найди мне его, — приказал Премиан.

— Слушаюсь, — без особого пыла ответил солдат.

Премиан вернулся к Джомилу и помог ему подняться на ноги.

— Пора браться за дело, сержант. Выведи пехоту на склон, и пусть расчистят тропу от валунов. Сюда едет четырнадцать повозок — им и без того трудно будет подняться в гору, незачем еще лавировать среди множества камней.

— Так точно, капитан.

Подошел улан, осматривавший трупы.

— Его там нет, капитан. Должно быть, сбежал.

— Сбежал? Человек, прыгнувший с двадцати футов в кучу улан? Человек, убедивший своих воинов стоять насмерть? Едва ли. Если его нет здесь... благая Карна! — Премиан рывком повернулся к Джомилу. — Повозки! Он пошел им навстречу!

— У него не могло остаться больше горстки людей — а при повозках у нас четырнадцать крепких, хорошо вооруженных возниц.

Премиан бросился к своей лошади и вскочил в седло. Кликнув двух своих офицеров, он приказал им построить людей и следовать за ним, а сам поскакал прочь от пруда. На гребне подъема он увидел дым в миле к югу от себя и погнал коня вскачь. Пятьдесят улан скакали за ним.

Не прошло и нескольких минут, как они, обогнув поворот, увидели горящие повозки. Упряжь была перерезана, и несколько возниц лежали со стрелами в груди. Премиан осадил измученного коня и обозрел всю картину. Густой дым ел глаза. Горело пять повозок.

Внезапно Премиан увидел в дыму человека с полыхающим факелом, с белым платком на голове.

— Взять его! — взревел капитан, пришпорив коня.

Уланы ринулись вперед.

Горсточка надирских воинов отчаянно спешила поджечь оставшиеся повозки. Услышав сквозь рев пламени топот копыт, надиры побросали факелы и бросились к своим коням, но тут на них налетели уланы.

Что-то темное метнулось на Премиана от пылающей повозки. Он безотчетно пригнулся, но надир в белом платке врезался в него и выбил из седла. Оба грянулись оземь. Премиан стал нашаривать меч, но надир, не глядя на него, схватился за луку седла и вскочил на коня, а после выхватил саблю и бросился в гущу улан, рубя напропалую. Один солдат упал с рассеченным горлом, другой сполз набок, раненный острием в лицо. Копье вонзилось в спину надира, чуть не вышибив его из седла, но он, повернувшись, попытался еще достать улана. Другой солдат, послав коня вперед, рубанул надира по плечу. Тот, уже при смерти, еще ткнул мечом и поранил улану руку, а сам накренился вправо. Конь взвился и сбросил его наземь. Копье так и торчало у него из спины. Надир поднялся на ноги и подобрал свою выпавшую саблю. Кровь лилась у него изо рта, ноги подгибались. Улан наехал на него, и он ткнул саблей в бок коню.

— Оставьте его! — крикнул Премиан. — Он умирает.

— Мы надиры! — воскликнул воин, обернувшись к Премиану.

Один из солдат пришпорил коня и рубанул надира мечом, но тот пригнулся, схватил улана за плащ, наклонил навстречу собственной сабле и ткнул в живот. Улан с воплем вывалился из седла, и оба упали наземь. Солдаты соскочили с коней и окружили надира, рубя и кромсая его.

— Прочь, дурачье! — крикнул, подбежав к ним, Премиан. — Спасайте повозки!

Уланы принялись сбивать огонь плащами, но это было бесполезно. Сухое дерево разгорелось и не хотело гаснуть. Премиан приказал оттащить прочь уцелевшие повозки и послал солдат собрать упряжных лошадей, которые, почуяв воду, медленно брели к пруду. Десятерых возниц нашли в ближней балке и привели к капитану.

— Вы бежали от семерых надиров, — сказал им Премиан. — Из-за этого мы лишились половины повозок. Ваша трусость поставила под угрозу судьбу целой армии.

— Они прискакали, визжа, из степи, в облаке пыли, — стал оправдываться кто-то. — Мы думали, их тут целая орда.

— Садитесь в оставшиеся повозки, грузите их и везите воду в лагерь. Там явитесь к генералу Гаргану. Могу вас уверить, что плетей вам не миновать. Убирайтесь с глаз долой!

Премиан повернулся к ним спиной, производя в уме вычисления. Пять повозок на восемь бочек каждая. В бочке помещается около пятнадцати галлонов воды. В таких условиях каждому бойцу требуется по меньшей мере две пинты воды в день. Стало быть, один бочонок может напоить шестьдесят человек. Сорока бочонков едва хватит на всех солдат. А лошади? Им сколько требуется в день? Обозу безостановочно придется сновать между лагерем и водоемом.

Впрочем, могло быть и хуже. Не спохватись он вовремя, погибли бы все повозки. Но эта мысль его не порадовала. Если бы он оставил при обозе охрану, надиры ничего бы не добились.

Дикий хохот и свист клинков прервал его размышления. Надира в белом платке обезглавили и четвертовали. Премиан кинулся на регочущих солдат.

— Смирно! — взревел он, и они испуганно построились в шеренгу. — Как вы смеете? Как смеете вести себя подобно дикарям? Да знаете ли вы, на кого сейчас похожи? Что, если бы ваши родные увидели, как вы рубите на куски тело мертвого воина? Вы же готиры! Оставьте эти зверства... варварам.

— Разрешите сказать, капитан? — спросил кто-то из солдат.

— Говори.

— Но ведь генерал Гарган посулил отрубить руки всем надирам, разве не так?

— Это было сказано, чтобы напугать надиров. Они верят, что если умрут увечными, то такими и отправятся на тот свет. Не думаю, что генерал намерен осуществить эту угрозу на деле. Я, конечно, могу ошибаться, но здесь и сейчас командую я. Вы выроете могилу для этого человека и сложите вместе все части его тела. Он был нашим врагом, но сражался

храбро и отдал жизнь за дело, в которое верил. Похороните его как подобает. Ясно?

Солдаты закивали.

— Тогда за дело.

Джомил отвел Премиана в сторону и сказал, понизив голос:

— Это неразумно, капитан. Вас прозовут любителем надиров и станут говорить, что вы проявляете мягкость к врагу.

— Наплевать мне на это, дружище. Как только наша кампания завершится, я подам в отставку.

— Может, оно и так, капитан, — только вы уж простите мою прямоту: я не думаю, чтобы генерал грозился попусту. И мне не хочется, чтобы он отдал вас под суд за неповиновение.

Премиан с улыбкой посмотрел в обветренное лицо старого солдата:

— Ты верный друг, Джомил, и я очень это ценю. Но отец учил меня никогда не участвовать в бесчестном деле. Как-то он сказал, что нет большей отрады для мужчины, чем смотреться в зеркало во время бритья и гордиться тем, что видишь. Я в настоящее время такой гордости не испытываю.

— А напрасно, — покачал головой Джомил.

Было три часа пополудни, а враг все не шел в атаку. Пехотинцы сидели в лагере, соорудив из мечей и плащей навесы для защиты от палящего солнца. Уланские лошади были собраны в загон на западной стороне. Одни кони стояли смирно, понурив головы, другие легли — так истомила их жажда.

Друсс, заслонив рукой глаза, увидел, как возвращаются пять повозок с водой, и выругался вполголоса. Готиры бросились к телегам и окружили их.

Талисман поднялся на стену к Друссу.

— Надо было дать Кзуну побольше людей, — сказал он.

— Мне помнится, ночью за водой отправилось четырнадцать повозок, — пожал плечами Друсс. — Твои ребята хорошо поработали. Этой воды им и на день не хватит. Одним только лошадям нужно больше, чем они привезли.

— Тебе и раньше доводилось бывать в осаде? — спросил Талисман.

— Да, парень. Чаще, чем мне бы хотелось.

— Тогда скажи — что, по-твоему, нас ожидает?

— Думаю, они навалятся на нас всем скопом. Выжидать им больше нельзя. У них нет саперов, чтобы вести подкоп под стену, и нет тарана, чтобы разбить ворота. Мне сдается, они бросят в бой всех — и улан, и пехоту. Попытаются взять эту стену числом.

— Я думаю иначе. Мне кажется, они разделятся на три части. Основной удар, конечно, придется на западную стену, но я думаю, они атакуют также ворота и другую стену. Постараются растянуть нашу оборону. А вот если это не удастся, тогда они пойдут на приступ все разом.

— Скоро мы это узнаем. Если они поступят по-твоему, как будешь обороняться?

— Выбирать нам не из чего, Друсс, — устало улыбнулся Талисман. — Будем держаться как можем.

Друсс покачал головой:

— Надо принять в расчет, что отдельным солдатам удастся пробиться на стену и даже во двор. Очень важно решить, как быть в таком случае. Животное чутье велит человеку бить того врага, который ближе, но в нашем положении такое чутье может оказаться роковым. Если возникнет брешь, первым делом надо будет заткнуть ее. Те, что уже прорвались, могут и подождать.

— Что же ты предлагаешь?

— У тебя уже есть небольшой резерв, предназначенный для таких оказий. Увеличь его и разбей на две части. Если враг возьмет кусок стены, первая часть должна помочь защитникам отвоевать взятое обратно. Вторая часть займется теми, кто проникнет внутрь. Линия укреплений у нас одна, отступать нам некуда, поэтому стены нужно держать любой ценой. Ни один защитник не должен покидать своего поста, что бы там ни делалось во дворе. Держи стены, Талисман! Все остальное пустяки.

— Я понял тебя, воин, — кивнул Талисман. — И передам это людям. Знаешь ли ты, что племена тянули жребий за честь сражаться сегодня рядом с тобой?

— Вон оно что! — усмехнулся Друсс. — Ну и кто же мне достался?

— Небесные Всадники. Им это очень лестно. Редкость для гайина завоевать такую любовь.

— Ты полагаешь? Меня всегда любят в такие вот времена. Прямо хоть песню об этом складывай. Песню о воине. Когда война начинается или вот-вот начнется, люди поклоняются ему. Когда война кончается, его забывают или осыпают бранью. Так было всегда.

— Но ты как будто не обижаешься?

— Это все равно что обижаться на заход солнца или на холодный северный ветер. Такова уж жизнь. Как-то я участвовал в походе с целью защитить богатых сельских хозяев от сатулийских племен. Они соловьем разливались —

какие, мол, мы герои да как они нам благодарны. И был у нас молодой солдат, потерявший в тот день руку, — из их же краев. Через полгода он и его семья помирали с голоду. Такова жизнь.

— Что же, они так и умерли?

— Нет. Я вернулся на Сентранскую равнину и поговорил с главой гильдии. Напомнил ему о его обязательствах.

— Неудивительно, что он тебя послушался. — Талисман поглядел в холодные голубые глаза Друсса. — Но у нас все не так — сам увидишь. У надиров долгая память. Ты — Побратим Смерти, и легенда о тебе будет жить всегда.

— Ба, легенды! Я сыт ими по горло. Будь у меня хоть половина того мужества, каким обладает простой крестьянин, я жил бы дома с женой и возделывал бы свою землю.

— У тебя нет сыновей?

— Нет. И не будет, — холодно отрезал Друсс. — Ничего после меня не останется, кроме этих проклятых легенд.

— Многие готовы умереть ради такой славы.

— Многие и умерли.

Они помолчали немного, глядя на готиров, толпящихся у повозок с водой.

— Жалеешь, что остался здесь? — спросил Талисман.

— Я стараюсь никогда и ни о чем не жалеть. В этом нет смысла.

Между тем на стене около них собрались двадцать Небесных Всадников. Друсс взглянул на одного из них, юношу с ястребиным лицом и карими глазами:

— Ты был в числе тех, кто прыгал через пропасть?

Тот с усмешкой кивнул.

— Я хотел бы послушать, как это было. Позже, как отобьем готиров, расскажешь мне, ладно?

— Непременно, Побратим Смерти.

— Вот и хорошо. А теперь идите сюда поближе, ребята, — я скажу вам кое-что об осадной войне.

Талисман спустился во двор, сзади доносился смех воинов, слушающих Друсса. Лин-цзе подошел к нему.

— Мне следует быть там, Талисман, — со своими людьми на стене.

— Нет. — И Талисман велел ему отобрать сорок человек среди воинов других племен. — Ты будешь командовать первым запасным отрядом, Горкай — вторым. — Талисман изложил Лин-цзе план действий Друсса.

Молодой воин прошел мимо них, направляясь к северной стене, и Талисман окликнул его:

— Эй, как тебя звать?

— Ши-да.

— Ты ведь был другом Квинг-чина?

— Да.

— Я видел, как тебя вчера ранили — в живот и в грудь.

— Раны оказались не так глубоки, как я опасался, и лекарь меня вылечил. Я снова могу сражаться.

— И тебе совсем не больно?

— Больно. Швы тянут. Но я все равно пойду к своим Летучим Коням.

— Дай-ка мне взглянуть на твои раны. — Талисман отвел воина в тень и усадил на стол. Ши-да снял свой козий кожух. На бинте вокруг пояса виднелась кровь. Воин начал разматывать повязку, но Талисман удержал его: — Не тревожь, уж очень хорошо завязано. Сражайся храбро, Ши-да.

Воин угрюмо кивнул и зашагал прочь.

— Чего это ты? — спросил Лин-цзе.

— Все раненые нынче вернулись на стены. Этот поэт — просто чудотворец. Я видел, как ранили Ши-да, — и мог бы поклясться, что клинок проткнул его чуть ли не насквозь.

— Думаешь, он нашел Глаза Альказарра? — прошептал Лин-цзе.

— Если так, я отберу их у него.

— Ты, помнится, говорил, что они нужны Друссу?

— Друсс — воин, которым я восхищаюсь от всего сердца, но Глаза принадлежат надирам. Они связаны с нашей судьбой, и я не позволю гайину взять их.

Лин-цзе положил руку на плечо Талисмана:

— Если мы останемся живы, брат, а ты захочешь забрать Глаза у Зибена, ты сам знаешь, что из этого выйдет. Друсс будет драться за них. Он не тот человек, который испугается превосходства сил. И нам придется убить его.

— Значит, мы его убьем, хотя бы это разбило мне сердце.

Талисман налил воды из каменного кувшина, выпил и пошел вместе с Лин-цзе к свежепостроенной стене за воротами. Из тени вышла Ниоба и юркнула в лазарет.

Зибен сидел там с Зусаи. Они смеялись, и Ниоба рассердилась, сама не зная отчего. Чиадзийка была стройна, красива и одета в белый шелк, расшитый перламутром. Между тем голубая рубашка Зибена, которую Ниоба так и не снимала, была перепачкана кровью раненых и пропотела насквозь. Зибен, увидев Ниобу, расплылся в улыбке, перешел через опустевшую комнату и обнял ее.

— Ты просто фея, — сказал он, целуя надирку.

— Что она здесь делает? — спросила его Ниоба.

— Пришла помочь нам с ранеными. Иди поздоровайся с ней.

Взяв Ниобу за руку, Зибен подвел ее к Зусаи, но той стало явно не по себе под пронзительным взглядом надирки.

— Мне следовало предложить свою помощь раньше, — сказала Зусаи. — Простите меня.

— Помощь нам не нужна, — заявила Ниоба. — По-эт — искусный лекарь.

— Не сомневаюсь в этом. Но я тоже умею лечить раны.

— Она нам пригодится, — вставил Зибен.

— Не нужна она мне здесь.

Зибен удивился, но не подал виду и повернулся к Зусаи:

— Вам лучше переодеться, госпожа. Кровь испортит этот прекрасный шелк. Возвращайтесь к нам, когда бой начнется.

Зусаи склонила голову и вышла.

— Что это с тобой? — спросил Зибен Ниобу. — Ревнуешь, голубка?

— Я тебе не голубка, и вовсе я не ревную. Не понимаешь ты, что ли, зачем она явилась?

— Чтобы помочь — так она сказала.

— Тебе грозит большая опасность, по-эт.

— От нее? Вот уж не думаю.

— Не только от нее, дуралей. Каждый надир знает историю о Глазах Альказарра, волшебных камнях. Талисман думает, что ты нашел их, и я тоже так думаю. Некоторые раненые вчера были при смерти, а сегодня вышли на стены.

— Чепуха. Просто они...

— Не лги мне! Я слышала, что сказал Талисман. Если, мол, камни у тебя, он их отберет, а если Друсс вступится, они убьют его. Отдай камни Талисману — тогда все будет хорошо.

Зибен сел на отчищенный добела стол.

— Не могу, любимая. Друсс дал обещание умирающему, а Друсс — это человек, который живет согласно своему слову. Понимаешь? Но и я тебе обещаю, что не оставлю камней у себя. Если мы останемся в живых, что сомнительно, я отвезу их в Гульготир, вылечу Друссова друга, а потом верну их Талисману.

— Он тебе не позволит. Потому он и подослал эту женщину — чтобы следила за тобой, как змея. Не исцеляй больше умирающих, по-эт.

— Я должен. Волшебство для того и существует.

— Теперь не время быть слабым. Люди в бою всегда гибнут. Они ложатся в землю и питают ее. Ты понял? —

Она заглянула в голубые глаза поэта, и ей стало ясно, что она не убедила его. — Глупец! Глупец! Хорошо, не давай им умирать. Но лечи не до конца, чтобы они не уходили отсюда. Слышишь?

— Слышу, Ниоба. Ты права. Я не могу допустить, чтобы Друсса убили из-за них. — Он с улыбкой запустил пальцы в ее темные волосы. — Я люблю тебя. Ты свет моих очей.

— А мне от тебя одно горе. Ты не воин и весь мягкий, как щенок. Такого любить нельзя.

— Но ты все-таки любишь, правда? — Он прижал ее к себе. — Ну, скажи.

— Нет.

— Ты еще сердишься на меня?

— Да.

— Тогда поцелуй меня, и гнев пройдет.

— Я не хочу, чтобы он проходил, — сказала она, вырываясь.

За стеной пропел боевой рог.

— Снова начинается, — вздохнул Зибен.

Готирская пехота разделилась на три отряда человек по двести в каждом. Друсс присмотрелся — только два отряда несли с собой лестницы.

— Третий пойдет к воротам, — сказал он неизвестно кому.

Позади пехоты выстроились в две шеренги больше пятисот пеших улан — они стояли без копий, с саблями наголо. Забил барабан, и войско медленно двинулось вперед. Друсс почувствовал страх в людях рядом с собой.

— Не думайте о том, сколько их, — сказал он. — Главное в том, сколько у них лестниц, а их и тридцати не наберется. Только тридцать человек могут влезть на стену зараз, остальные будут без толку толочься внизу. Много-то их много, но из-за одного этого бояться не стоит.

— А ты ничего не боишься, воин? — спросил Нуанг Ксуан.

— Ты что тут делаешь, старикан? — с ухмылкой обернулся к нему Друсс. — Ты ведь ранен.

— Я крепок как волк и силен как медведь. Много ли еще до моей сотни?

— По моему счету, больше девяноста.

— Э-э, ты, видно, плохо считал.

— Держись поближе ко мне, Нуанг, — тихо сказал Друсс, — только не слишком близко.

— Я буду здесь до конца, и вокруг меня вырастет гора мертвых готиров.

Вражеские лучники выбежали вперед и осыпали защитников стрелами. Те пригнулись, прячась за зубца-

ми, никто не пострадал. Барабан забил быстрее, топот бегущих ног заглушил дробь. Лестницы грохнули о стену. Воин слева от Друсса хотел встать, но Друсс пригнул его вниз.

— Не спеши, парень. Лучники только того и ждут.

Воин испуганно заморгал. Друсс сосчитал до десяти и выпрямился, сверкнув на солнце своим топором. Первый готир как раз добрался до верхушки лестницы, и Снага размозжил ему череп.

— Лезьте сюда и умрите! — взревел Друсс, обратным ударом раскроив бородатое лицо второго готира.

Надиры вокруг него отчаянно рубились с врагами. Двое солдат влезли было на стену, но тут же пали мертвыми. Один из надиров свалился со стрелой, торчащей из виска.

Талисман со стены над воротами смотрел, как Друсс и Небесные Всадники бьются за западную стену. Второй готирский отряд повернул к северной стене, которую оборонял Барцай со своим Острым Рогом.

Вражеские топоры обрушились на ворота, дробя ветхое дерево. Надиры бросали камни на атакующих, но ворота продолжали трещать.

— Готовься! — бросил Талисман Летучим Коням. Они, со стрелами на тетивах, стали на колени — и на ограде, и на новой полукруглой стене за воротами. Талисман ощутил прилив неистовой гордости. Это надиры, его народ! И они сражаются вместе против общего врага. Так и должно быть. Не будут они больше рабски повиноваться проклятым гайинам. Не будут больше бегать от улан, вышедших в карательный поход.

Ворота внезапно треснули, и десятки солдат прорвались внутрь — но наткнулись на восьмифутовую стену.

— Огонь! Огонь! Огонь! — заорал Талисман, и стрелы посыпались на кучу готиров внизу. Сзади напирали новые солдаты, толпа была такой плотной, что немногие готиры сумели прикрыться щитами. Стрелы и камни летели на них градом. Талисман налег на валун, еще двое помогли ему, и камень рухнул вниз, в смертельную кашу. Готиры в панике начали отступать, топча своих раненых.

Талисман с мрачным удовлетворением смотрел сверху на трупы, которых было более тридцати. Стрела просвистела рядом с его головой, и он пригнулся. Вражеские лучники стояли теперь у проломленных ворот, стреляя снизу вверх по защитникам. Двое надиров упали, пронзенные в грудь.

— Ложись! — крикнул Талисман. Тут лестницы загремели о стену рядом с ним, и он выругался. Когда

одни стреляют снизу, а другие лезут вверх, удержаться будет трудно.

Вытянувшись плашмя, он крикнул лучникам на кривой стене:

— Десять бейте их стрелков, остальные ко мне!

Пренебрегая стрелами, Талисман встал и вытащил саблю. Трое солдат появились на стене, и он, прыгнув вперед, ткнул саблей в лицо первому, прямо в открытый рот.

Внизу во дворе Горкай с двадцатью людьми, мокрый от пота, следил, как бьются Талисман и Летучие Кони.

— Надо им помочь, — сказал он Лин-цзе.

— Еще рано, брат. Стой на месте.

На северной стене Барцай и его люди отступали под натиском улан. Еще миг — и около дюжины вражеских солдат, прорвав оборону, сбежали со стены во двор.

Лин-цзе со своими бросился им наперерез. Горкай переложил саблю в левую руку и вытер вспотевшую правую о штаны. Острый Рог держался из последних сил, и Горкай готовился оказать им помощь.

В этот миг Друсс, заметив угрозу, пронесся по западной стене и перескочил через широкий проем на северную, раскидав врагов. Серебристая сталь топора обрушилась на готиров. Его внезапное появление вдохнуло в Острый Рог новые силы, и врагов оттеснили назад.

Лин-цзе потерял восемь человек, но от двенадцати готиров осталось всего четверо — они бились двумя парами, спина к спине. Еще двое надиров пали, но наконец отряд Лин-цзе добил улан.

Горкай обернулся в сторону Талисмана. Оборона еще держалась, но за этот краткий промежуток полегло больше десятка надиров. Одни раненые пробирались к лазарету, другие лежали там, где сразила их сталь, зажимая руками кровоточащие раны.

Лин-цзе с оставшимися воинами вернулся к отряду Горкая. Из раны на щеке высокого Небесного Всадника струилась кровь.

— Следующую брешь будешь затыкать ты, — улыбаясь через силу, сказал он.

Горкаю не пришлось долго ждать. Людей Талисмана смели со стены, и сам Талисман получил удар копьем в грудь. Горкай издал боевой клич и ринулся со своим отрядом наверх, перескакивая через две ступеньки. Талисман вспорол живот своему противнику, выдернул сломанное копье

из груди и лишь потом упал. Горкай перескочил через него — на стену лезли все новые и новые готиры.

У Талисмана перед глазами все плыло, и сознание мутилось. «Нельзя мне умирать, — сказал он себе. — Только не теперь!» Он приподнялся на колени и нашарил свою саблю, борясь с чернотой, стремящейся поглотить его.

Горкай со своими отвоевал стену, оттеснив готиров назад. Из раны Талисмана хлестала кровь, и он понял, что у него пробито легкое. Двое воинов подхватили его под руки и помогли встать.

— Ведите его к лекарю! — приказал Горкай.

Талисмана дотащили до лазарета. Он услышал крик Зусаи, увидел над собой лицо Зибена... и лишился сознания.

Готиры отошли от северной стены, и Друсс, потерявший в битве шлем, вновь перескочил через проем и вернулся к Небесным Всадникам. Нуанг Ксуан, снова раненный в грудь и обе руки, сидел, привалившись к парапету.

Готиры отступили.

Друсс стал на колени рядом со старым вождем.

— Ну, как дела?

— За сотню перевалило. Мне сдается, я перебил всех надиров, которые были, — а те, кого ты видишь за стеной, только призраки.

Друсс окинул взглядом форт. На северной стене осталось всего восемнадцать защитников, на западной — двадцать пять. Над воротами он насчитал тридцать, включая человека Талисмана, Горкая. У Лин-цзе внизу осталось меньше двенадцати. Друсс попытался подвести общий итог, но он слишком устал. Пришлось пересчитывать еще раз.

Осталось меньше сотни защитников, и повсюду виднелись тела мертвых надиров. Вожак Острого Рога, Барцай, лежал на земле под стеной в окружении трех убитых врагов.

— У тебя кровь течет, Побратим Смерти, — сказал один из Небесных Всадников.

— Ничего. — Друсс узнал парня с ястребиным лицом, с которым говорил перед боем.

— Сними кафтан.

Друсс со стоном стянул с себя изодранный чуть ли не в клочья кожаный колет. Он получил четыре мелкие раны в плечи и предплечья и одну поглубже под правую лопатку. За пояс ему натекла кровь.

— Это надо зашить, не то ты истечешь кровью, — сказал надир.

Друсс облокотился о парапет, глядя на готиров, которые отошли назад на выстрел.

— И старика с собой прихвати, — усмехнулся воин. — Он так здорово дерется, что пристыдил нас всех.

Друсс, заставив себя улыбнуться, поднял Нуанга на ноги, а воину сказал:

— Ты и мигнуть не успеешь, как я вернусь.

Боль отпустила Талисмана, и он увидел себя на голом склоне холма под серым небом. Сердце его забилось в панике: он понял, что опять оказался в Пустоте.

— Ты не умер, — сказал чей-то спокойный голос.

Талисман сел и увидел у маленького костерка колдуна Шаошада. Рядом стояла высокая Шуль-сен, и ее серебристый плащ мерцал при свете пламени.

— Зачем же тогда я здесь?

— Чтобы узнать одну истину, — сказала Шуль-сен. — Когда мы с Ошикаем пришли в эти степи, нас восхитила их краса, но еще больше изумила их мощь. Каждый камень, каждый стебель дышал ею. Стихийная сила исходила от гор и струилась по рекам. Мы нарекли эти силы Богами Камня и Воды. Знаешь ли ты, что порождает эту магию, Талисман?

— Нет.

— Жизнь и смерть. Жизненная сила мириадов людей и животных, насекомых и растений. Каждая жизнь исходит из земли и возвращается в землю. Это круг вечной гармонии.

— Но при чем здесь я?

— Не столько ты, сколько я, мой мальчик, — сказал Шаошад. — Я был одним их троих, лишивших эту землю волшебной силы. Мы извлекли эту силу и вложили ее в Глаза Альказарра; мы хотели собрать эту рассеянную повсюду мощь воедино ради блага надиров. Но, сделав это, мы разрушили связь между надирами и Богами Камня и Воды. Наши люди стали кочевать с места на место, не питая более любви к земле у себя под ногами и горам у себя над головой. Они раскололись и стали чужими друг другу.

— Зачем ты говоришь мне все это? — спросил Талисман.

— А ты как думаешь? — в свою очередь спросила Шуль-сен.

— Глаз у меня нет. Я думал, что они у поэта, но теперь мне кажется, что он просто искусный лекарь.

— Будь они у тебя, Талисман, сделал бы ты то, в чем нуждается наша земля?

— Что я должен сделать?

— Вернуть земле то, что у нее отнято.

— Отказаться от мощи Глаз? С ними я мог бы объединить все племена в непобедимое войско.

— Возможно, — согласилась Шуль-сен, — но за что твои люди будут сражаться без любви к своей земле? Что будет вести их в бой? Нажива, похоть, месть, жажда крови? Твое войско будет состоять из людей, чьи жизни — лишь мгновение в сравнении с вечностью. Земля же бессмертна. Верни ей волшебную силу, и она отплатит тебе сторицей. Она даст тебе Собирателя, о котором ты мечтаешь, даст тебе Ульрика.

— Как же мне это сделать? — прошептал Талисман.

— Она не так глубока, как ты думаешь, — сказал Зибен, ощупывая рану Друсса, лежащего ничком на столе. Боль в самом деле утихла, и только тугие швы причиняли неудобство.

— Ты меня просто поражаешь, — сказал, кряхтя, Друсс и сел. — Кто бы мог подумать?

— В самом деле — кто? Как там ваши дела?

— Скоро они снова пойдут в атаку — все разом. Если мы устоим... — Друсс умолк.

— Пропащее наше дело, верно?

— По всему видать, да — хотя мне больно в этом сознаваться. Что Талисман, умер?

— Нет, спит. Его раны не столь опасны, как нам показалось.

— Пойду-ка я обратно на стену. — Друсс выпрямил спину. — Удивительное дело. Я чувствую себя так, словно только что проспал восемь часов. Силы во мне так и играют. Эти твои примочки очень помогли мне, хотел бы я знать, из чего они.

— Я тоже. Их готовит Ниоба.

Друсс надел колет и застегнул пояс.

— Жаль мне, что я втравил тебя в это дело.

— Я вольный человек и сам решаю, что мне делать. Я ни о чем не жалею. Я встретил Ниобу. Благое небо, Друсс, я люблю эту женщину!

— Ты всех женщин любишь.

— Нет. Тут все по-другому. А еще более удивительно то, что я, будь даже на то моя воля, ничего не стал бы менять. Умереть, не узнав настоящей любви, было бы ужасно.

К ним подошел Нуанг:

— Ну что, воин, готов?

— Ох и крепок же ты, старый черт, — сказал Друсс, и оба вернулись на стену.

Зибен, встретившись взглядом с Ниобой, улыбнулся ей. Она кивнула на Зусаи, которая сидела, держа за руку спящего Талисмана, и плакала. Зибен подошел и сел рядом с ней.

— Он будет жить, — тихо сказал поэт.

Она безмолвно кивнула.

— Обещаю тебе. — Зибен положил руку на грудь Талисмана. Надир зашевелился, открыл глаза и тихо произнес:

— Зусаи?

— Да, любимый.

Он застонал и попытался встать. Зибен помог ему подняться.

— Как наши дела?

— Враг собирается для новой атаки, — сказал Зибен.

— Мне надо быть там.

— Нет, ты должен отдохнуть! — воскликнула Зусаи.

Талисман обратил свой темный взор на Зибена:

— Прибавь мне сил.

— Не могу. Ты потерял много крови, вот и ослаб.

— У тебя есть Глаза Альказарра.

— Хотел бы я их иметь, старый конь, — тогда я всех бы здесь вылечил. Даже мертвых оживил бы, клянусь небом.

Талисман впился в него пристальным взглядом, но Зибен даже глазом не моргнул. Талисман обнял Зусаи за плечи и поцеловал ее в щеку.

— Помоги мне взойти на стену, жена. Мы станем там вместе.

Они ушли, и чей-то голос шепнул Зибену на ухо: «Ступай с ними». Поэт обернулся, но рядом никого не было. Он вздрогнул, а голос Шаошада добавил: «Доверься мне, мой мальчик».

Зибен побежал за Талисманом и женщиной, подхватил воина под другую руку и поднялся с ними на западную стену.

— Они опять собираются, — проворчал Друсс.

Готиры на равнине строились в ряды, ожидая, когда ударит барабан. Усталые надиры на стенах тоже ждали с мечами наголо.

— Их там больше тысячи, — ужаснулся Зибен.

Забил барабан, и готиры двинулись вперед.

Зусаи оцепенела, затаив дыхание. «Положи руку ей на плечо», — велел Шаошад. Зибен повиновался, и сила камней хлынула из него, как вода сквозь прорванную плотину. Зусаи отпустила Талисмана и подошла к краю стены.

— Что ты делаешь? — ахнул Талисман. Зусаи одарила его ослепительной улыбкой.

«Она вернется», — сказал голос Шуль-сен.

Зусаи вскинула руки. Солнце с синего неба светило в полную мощь на женщину в окровавленной одежде.

Подул ветер, взвеяв ее иссиня-черные волосы, и в небе с изумительной быстротой стали собираться облака — белые барашки стремительно росли и темнели, закрывая солнце. Ветер с воем обрушился на защитников. Все чернее и чернее становилось небо, и вот над святилищем прокатился гром. Молния ударила в середину готирского войска. Несколько человек упали. Копья небесного огня опять и опять били во вражеское войско, и гром грохотал в небесах.

Готиры повернулись и побежали, но молнии продолжали бить в них, швыряя людей в воздух. Ветер принес на стены запах горелого мяса. Готирские кони вырвались из загона и помчались прочь. Люди на равнине срывали с себя доспехи и бросали оружие, но все было напрасно. Зибен видел, как молния ударила в панцирь солдата. И он, и те, что были рядом, в корчах рухнули наземь.

Солнце вышло из-за туч, и женщина в белых одеждах вернулась назад.

— Мой господин в раю, — сказала она Талисману. — Я уплатила долг. — Она бессильно приникла к Талисману, и он прижал ее к себе.

Больше половины готиров на равнине лежали мертвые, остальные получили страшные ожоги.

Тучи рассеялись, и Горкай сказал:

— Эти в бой уже не пойдут.

— Зато вон те пойдут, — усмехнулся Друсс, указывая вдаль. Кавалерийская колонна перевалила через холмы и спускалась к разгромленному готирскому лагерю.

Сердце Зибена упало: больше тысячи человек ехали к святилищу по двое в ряд.

— Ну, кто хочет поменяться со мной удачей? — горестно воскликнул Нуанг.

Глава 13

Премиан перевернулся на живот, погрузив обожженные руки в холодную грязь. Молния поразила трех человек около него — теперь они были неузнаваемы. Он встал — ноги подгибались, дурнота одолевала его. Повсюду лежали мертвые и умирающие, а живые брели, пошатываясь, как пьяные.

Слева от себя Премиан увидел Гаргана — тот сидел рядом с убитым конем, охватив руками голову, и казался совсем старым. На Премиане не было доспехов — Гарган разжаловал его и приговорил к тридцати плетям за неповиновение. Только отсутствие лат и спасло его во время грозы.

Он медленно подошел к генералу. Половина лица у Гаргана обгорела до черноты. Он поднял на Премиана взгляд, и молодой человек с трудом скрыл свой ужас: левого глаза у Гаргана не было, кровь струилась из пустой глазницы.

— Все кончено, — пробормотал генерал. — Дикари победили. — Премиан стал на колени рядом с ним и взял его за руку, не зная, что сказать. — Они убили мою мать, — сказал Гарган. — Пять лет мне тогда было. Меня она спрятала под мешками. Я видел, как они насиловали ее и убивали. Я рвался помочь ей и не мог. Обмочился со страха. Потом мой сын... — Гарган испустил долгий прерывистый вздох. — Дай мне меч.

— Меч вам больше не нужен, мой генерал. Все кончено.

— Кончено? Ты так думаешь? Это никогда не кончится. Либо мы, Премиан, либо они — так было и так будет. — Гарган накренился на правый бок. Премиан подхватил его и уложил на землю. — Я слышу лошадей, — прошептал генерал и умер.

Премиан увидел едущих к нему кавалеристов и встал. Их командир посмотрел сверху на мертвого Гаргана.

— У меня имеется приказ о его аресте и немедленной казни. Хорошо, что он скончался сам. Я глубоко его уважал.

— Арест? Но в чем его обвиняли? — спросил Премиан.

— Ты кто?

— Мое имя Премиан, генерал.

— Это хорошо. Относительно вас тоже есть указания. Вы должны принять командование над уланами и вернуться в Гульготир. — Генерал оглядел с седла картину хаоса. — Боюсь, у вас немного осталось людей. Что здесь произошло?

Премиан вкратце рассказал ему и спросил:

— Должны ли мы продолжать штурм, генерал?

— Штурм святилища? О небо, разумеется, нет! Сколько храбрых солдат погибло напрасно. Не знаю, что за блажь толкнула Гаргана на столь безумное предприятие.

— Я полагаю, он действовал по приказу.

— Все прежние приказы отменяются, Премиан. У нас новый император. Безумец мертв — убит собственной гвардией.

В Гульготире вновь воцарился разум.

— Слава Истоку, — с чувством сказал Премиан.

Друсс, Талисман и прочие защитники увидели со стен святилища, как из разоренного вражеского лагеря медленно выехал всадник — без доспехов, с серебристыми, сверкающими на солнце волосами.

— Ядра Шемака, да это же Майон! — воскликнул Зибен. — Как грациозно он держится в седле — ни дать ни взять мешок с морковкой.

— Кто такой Майон? — спросил серый от боли Талисман.

— Дренайский посол. Вели своим людям не стрелять в него.

Талисман отдал приказ. Майон подъехал ближе с явным испугом и окликнул:

— Хо, Друсс! Я безоружен и послан к вам как герольд.

— Никто не тронет вас, посол. Сейчас мы спустим веревку.

— Мне и здесь хорошо, благодарю, — дрожащим голосом заверил Майон.

— Вздор, — ответил Друсс. — Наше гостеприимство широко известно, и мои друзья почтут себя оскорбленными, если вы не подниметесь к нам.

Веревку спустили. Посол спешился, скинул на седло свой небесно-голубой плащ, и его втащили на стену. Друсс представил его Талисману:

— Это один из надирских царей — очень важная персона.

— Счастлив познакомиться с вами, — сказал Майон.

— Какие слова враг поручил передать нам? — спросил Талисман.

— Здесь нет ваших врагов, мой господин. Битва окончена. Кавалерия, которую вы видите перед собой, послана арестовать изменника Гаргана. Командующий ею генерал Каскар просил меня заверить вас, что никаких враждебных действий больше не последует и ни один готирский солдат не войдет в святилище. Вы и ваши люди вольны остаться или уйти, как пожелаете. Новый император не считает ваши действия против изменника Гаргана преступными.

— Новый император? — перебил Друсс.

— Да. Безумец убит двумя своими же гвардейцами. В Гульготире установлен новый порядок. Сердце радуется при виде того, что происходит в городе, Друсс. На улицах поют и танцуют. Правительство нового императора возглавил благороднейший и образованнейший человек. Его имя Гарен-Цзен, и он, как говорят, давно уже готовил свержение Бога-Короля. Он очаровательный собеседник и тонкий дипломат. Мы с ним уже подписали три торговых соглашения.

— Стало быть, мы победили? — сказал Зибен. — И будем жить?

— Я полагаю, это исчерпывающе объясняет положение дел. Еще одно, Друсс, мой друг. — Посол отвел Друсса в сторону. — Гарен-Цзен просил меня поговорить с вами о неких камнях, которые здесь будто бы спрятаны.

— Нет тут никаких камней. Только старые кости да свежие мертвецы.

— Но ведь вы... обыскали гроб, не так ли?

— Да. И ничего. Сказки все это.

— Ну что ж... Думаю, это не столь уж важно. — Посол поклонился Талисману. — Генерал Каскар привез с собой трех лекарей и предлагает предоставить ваших раненых их заботам.

— У нас есть свой хороший лекарь, однако поблагодарите генерала за его доброту. Мы не останемся в долгу: пусть он подгонит сюда свои повозки, и я велю наполнить бочки водой.

Друсс и Горкай спустили Майона обратно. Посол помахал им с седла и потрусил назад к лагерю.

Талисман без сил опустился на стену.

— Мы победили, — сказал он.

— Да, парень, — но дорогой ценой, — ответил Друсс.

— Ты человек, каких мало, Друсс. Благодарю тебя от имени всех моих людей.

— Вернись-ка ты лучше в лазарет, и пусть наш выдающийся лекарь займется тобой.

Талисман улыбнулся и, опираясь на Зусаи и Горкая, сошел со стены. Во дворе кучками стояли надиры, толкуя оживленно о недавних событиях. Лин-цзе смотрел на них с бесстрастным лицом, но глаза его были печальны.

— Что-то не так? — спросил его Зибен.

— Гайину этого не понять, — проговорил Лин-цзе и отошел прочь.

— О чем это он, Друсс?

— Они снова разбились по своим племенам. Единству пришел конец. В бою они держались вместе, а теперь снова разбрелись, как водится у надиров. Ох и устал же я, поэт. Увидеть бы снова Ровену, дохнуть горным воздухом. Небо, сладок горный ветер, летящий над зелеными лугами и соснами.

— Ты прав, старый конь.

— Но сначала в Гульготир. Я должен повидать Клая. Отдохнем пару часов — и в дорогу.

— Ниоба поедет с нами. Я хочу жениться на ней, Друсс, — дать ей детей и железное ведерко для угля.

— Именно в таком порядке? — хмыкнул Друсс.

Зибен вернулся в лазарет. Талисман крепко спал. В боковой каморке поэт нашел клочок пергамента, перо,

подлил воды в высохшую чернильницу и написал краткое послание. Просушив чернила, он сложил пергамент вчетверо, вернулся к Талисману и вложил свое послание в бинты у него на груди, а после с помощью Глаз Альказарра исцелил раненого окончательно.

Зибен обошел всех раненых одного за другим, исцеляя их раны и погружая в сон.

С порога он оглянулся назад, удовлетворенный. Много людей погибло, защищая это святилище, — но есть много других, в том числе и Талисман, которые погибли бы, если бы не он. Эта мысль радовала поэта.

Он посмотрел на стену, где, растянувшись, спал Друсс, поднялся туда и вылечил его тоже.

Лин-цзе и его Небесные Всадники разбирали стену за воротами. Зибен сел, наблюдая за ними. Небо сияло синевой, и даже горячий ветер был приятен.

«Я жив, — думал Зибен. — Жив и влюблен. Если и есть на свете чувство лучше этого, мне оно не известно».

Глава 14

Окар, толстый больничный привратник, выругался: в дверь колотили не переставая. Он сполз с койки, натянул штаны, вышел в коридор и отодвинул засовы.

— Тихо! — рявкнул он, отворяя тяжелую дверь. — Тут больные, им спать надо.

Чернобородый верзила сгреб его под мышки и приподнял в воздух.

— Ничего, им недолго осталось хворать, — с ухмылкой сказал он.

Окар тоже был не из хилых, но этот силач поднял его, как ребенка.

— Простите моего друга, — оказал другой, красивый и стройный, — он очень взволнован.

Вслед за мужчинами в дверь вошла женщина — очень соблазнительная надирка.

— Вы куда это? — спросил Окар, когда они направились к лестнице. Они не ответили, и он побежал за ними. Отец-настоятель в ночной сорочке, со свечой в руке, стоял наверху, загораживая дорогу.

— Что это за вторжение? — спросил он сурово.

— Мы пришли, чтобы вылечить нашего друга, отец, — сказал силач. — Я сдержал свое слово.

Окар ждал строгой отповеди, но настоятель помолчал немного и сказал:

— Следуйте за мной — только тихо.

Он провел их через палату западного крыла в маленькую боковую комнату, зажег две лампы и сел за стол, заваленный бумагами.

— Теперь объясните, зачем пришли.

— Мы нашли целебные камни, отец, — и они лечат! Клянусь всем святым, они лечат! Отведите нас к Клаю.

— Это невозможно. — Настоятель вздохнул. — Клай скончался через три дня после вашего отъезда и похоронен в скромной могиле позади больничного сада. Уже и камень готов. Я очень сожалею.

— Он обещал мне, — сказал Друсс. — Обещал дожить до моего возвращения.

— Он не смог сдержать своего обещания. Стрела, ранившая его, была чем-то отравлена, и гангрена началась почти сразу же. А с ней ни один человек не в силах бороться.

— Не могу поверить, — прошептал Друсс. — Ведь я привез камни!

— Отчего вам, воинам, так трудно поверить в неизбежное? Вам кажется, будто весь мир живет по вашему велению. Неужто ты правда думаешь, что можешь менять законы природы по своему произволу? Я слышал о тебе, Друсс. Ты проехал весь свет, чтобы найти свою милую. Ты сражался во многих битвах и не знал поражений. Но ты человек из плоти и крови и когда-нибудь умрешь, как всякий другой. Клай был великий человек, добрый и понимающий. Его смерть для меня — невыразимое горе. Но он завершил свой путь, и я не сомневаюсь, что Исток принял его с радостью. Я был с ним в его смертный час. Он хотел оставить тебе письмо — мы послали за пером и чернилами, но он умер, не дождавшись. Мне кажется, я знаю, о чем он хотел тебя попросить.

— О чем же? — глухо спросил Друсс.

— Он говорил мне об одном мальчике, Келлсе, — тот верил, будто Клай — бог, которому достаточно возложить руки на его мать, чтобы та исцелилась. Этот мальчик все еще здесь. Он сидел рядом с Клаем, держал его за руку и плакал горькими слезами, когда атлет умер. Мать Келлса еще жива. Если твои камни в самом деле имеют такую силу, Клай, думаю, попросил бы тебя помочь ей.

Друсс молча сгорбился на стуле, опустив голову, но Зибен сказал:

— Думаю, мы сделаем даже лучше, отец. Проводите меня к этому мальчику.

Оставив Друсса одного, настоятель провел Зибена и Ниобу в длинную узкую комнату, где стояли вдоль стен двадцать коек, по десять с каждой стороны. Келлс спал, свернувшись, на полу у первой кровати; высокая тощая женщина дремала на стуле рядом с ним. На кровати, мертвенно-бледная в лунном свете, льющемся в высокое окно, лежала умирающая — лицо ее страшно исхудало, под глазами чернели круги.

Зибен, опустившись на колени рядом с мальчиком, потрогал его за плечо. Келлс сразу проснулся и широко раскрыл глаза от страха.

— Все хорошо, мальчик. Я пришел к тебе от господина Клая.

— Он умер.

— Но я принес тебе подарок от него. Встань. — Келлс повиновался, и это разбудило женщину на стуле.

— Что такое? — спросила она. — Отошла уже?

— Нет, — сказал Зибен. — Она вернулась домой. Возьми мать за руку, — велел он мальчику. Келлс так и сделал, а Зибен положил свою руку на горячий, сухой лоб умирающей, закрыл глаза, и сила камней начала струиться через его тело. Женщина слабо застонала, и настоятель, подойдя поближе, увидел с изумлением, как на ее лице появились краски и круги под глазами стали медленно таять. Лицо, похожее на череп мертвеца, округлилось, сухие безжизненные волосы приобрели блеск. Зибен глубоко вздохнул и отступил назад.

— Ты ангел Истюка? — спросила женщина на стуле.

— Нет, я человек. — Увидев слезы на глазах мальчика, Зибен сказал: — Она теперь здорова, Келлс, и спит. Поможешь мне вылечить других больных?

— Конечно. Конечно, помогу. Это господин Клай вас прислал?

— Можно и так сказать.

— И моя мама будет жить?

— Да. Она будет жить.

Зибен с мальчиком стали ходить от койки к койке, и, когда рассвет занялся над Гульготиром, смех и радостные голоса зазвенели в стенах больницы.

Но Друсс, сидевший один, не чувствовал радости. Он помог удержать крепость, чье положение казалось безнадежным, но это не помешало его другу умереть. Он мог

пересечь океан, выстоять в сотне битв, побороть любого из живущих на свете, но Клай все-таки умер.

Он встал и подошел к окну. Только что взошедшее солнце окрасило сад — багряные розы цвели у белого мраморного фонтана, дорожки были обсажены пурпурной наперстянкой вперемежку с мелкими желтыми цветками.

— Это нечестно, — вслух сказал Друсс.

— А кто тебе сказал, что жизнь честна? — спросил вошедший настоятель.

— Та стрела предназначалась мне, отец, а Клай принял ее на себя. Почему же я жив, а он умер?

— На такие вопросы ответить нельзя, Друсс. Его многие будут вспоминать с любовью, почитать и стремиться быть такими, как он. Нам всем недолго суждено пробыть на этом свете. Хочешь посмотреть его могилу?

— Да. Хочу.

Они вместе спустились по задней лестнице в сад. Воздух был полон ароматов, и солнце сияло на утреннем небе. Могила Клая находилась за каменной стеной, под старой ивой. На длинной плите из белого мрамора были высечены слова:

Дозволь мне свершить то добро, которое я способен свершить, теперь, ибо я могу более не вернуться сюда.

— Это слова из древней книги, — сказал настоятель. — Он не просил о них, но мне подумалось, что они подойдут.

— Да, они хорошо ему подходят. Скажи, кто та женщина, которую хотел спасти Клай?

— Уличная. Я слышал, она промышляла в южном квартале.

Друсс покачал головой и ничего не сказал.

— Ты полагаешь, такая женщина недостойна того, чтобы ее спасать?

— Я так не говорил и не думаю так. Но я только что вернулся из боя, где полегли сотни человек, отец. Я вернулся сюда — и узнал, что великий человек умер, зато одна из шлюх снова выйдет на свой промысел в южном квартале. Я еду домой и хотел бы никогда не бывать в Гульготире.

— Если бы ты не появился здесь, то не узнал бы Клая и много от этого потерял. Я советую тебе помнить о нем на протяжении всей твоей жизни. Быть может, придет время, когда эта память побудит тебя сделать добро другим, как делал он.

Друсс, вздохнув, посмотрел еще раз на скромную могилу и повернул назад.

— Где мой друг? Нам пора уходить.

— Они с женой ушли, Друсс. Он велел передать тебе, что догонит тебя на пути домой — он должен вернуть камни человеку по имени Талисман.

Талисман, Горкай и Зусаи ехали вверх по пыльному склону, натягивая поводья усталых коней. Внизу, в долине, стояли юрты северного становища племени Волчьей Головы.

— Вот мы и дома, — сказал Талисман.

— Может, теперь ты скажешь своему слуге, зачем мы так спешили? — спросил Горкай.

— Нынче День Каменного Волка. Все вожди Волчьей Головы собрались здесь. В полдень в Большой Пещере состоится обряд.

— И ты должен на нем присутствовать?

— Сегодня перед лицом моего народа я приму свое надирское имя. Мне отказали в этом праве, когда я вернулся домой из Академии: старейшины сочли, что готирская наука запятнала меня. Носта-хан назвал меня Талисманом и сказал, что я буду носить это имя, пока не найду Глаза Альказарра.

— Какое же имя ты выберешь себе теперь, любимый? — спросила Зусаи.

— Я не решил еще. Поехали. — И Талисман стал спускаться в долину.

С высоты, от устья огромной пещеры, за ними следил Носта-хан. Он испытывал смешанные чувства. Он ощущал присутствие Глаз и знал, что Талисман выполнил свою задачу. Это был повод для радости, ибо возвращенная Каменному Волку магическая сила приближала приход Собирателя. Но шаман был зол, поскольку Талисман, ослушавшись его, испортил девушку. Теперь она забеременела и была почти потеряна для дела. Оставался только один выход, сильно печаливший Носта-хана. Талисман, несмотря на всю свою силу и мастерство, должен умереть. После этого нужные зелья избавят Зусаи от ребенка, и все еще может быть исправлено.

Шаман ушел с дневного света в пещеру, огромную, сферической формы. Сталактиты свисали, как копья, с ее потолка. Волк, изваянный несколько веков назад из скалы в глубине пещеры, сидел, раскрыв пасть, и смотрел перед собой незрячими глазами.

Нынче в полдень он снова прозреет — но ненадолго. Глаза слишком могущественны, чтобы оставлять их в каменных глазницах на поживу всякому, у кого достанет хитрости и отваги. Нет. Отныне Глаза Альказарра будет носить при себе Носта-хан, шаман Волчьей Головы.

Трое послушников вошли с охапками просмоленных факелов, которые вдели в ржавые кольца на стенах вокруг Каменного Волка.

Носта-хан снова вышел на солнце, глядя, как людской поток движется вверх по склону, и приказал:

— Зажгите факелы.

Вернувшись назад, он присел перед Каменным Волком и закрыл глаза, собираясь с силами. Нынче здесь соберется больше сорока вождей; ни у одного из них нет лиловых глаз, но после церемонии он всех их расспросит. Собиратель где-то там, в степи, и с помощью камней Носта-хан найдет его.

Вожди вошли в пещеру и расселись широким полукругом футах в двадцати от Каменного Волка. Каждый привел с собой своих отборных воинов, которые стояли позади, взявшись за мечи, готовые вступить в бой по любому поводу. «Мы поистине разобщенный народ», — подумал Носта-хан.

Он дождался, когда соберутся все, и встал.

— Сегодня великий день, — объявил он. — То, что было утрачено, вернулось к нам. Этим днем начинается время Собирателя. Глаза Альказарра нашлись!

По толпе прошел ропот, сменившийся полной тишиной.

— Выйди вперед, Талисман, — приказал Носта-хан.

Талисман, сидевший в середине, вышел и стал рядом с шаманом.

— Вот человек, возглавивший защитников в святилище Ошикая, Гонителя Демонов. Человек, одержавший победу над гайинами. Сегодня он с честью примет свое надирское имя и будет почитаться во все времена как великий герой племени Волчьей Головы. А теперь дай мне Глаза, мой мальчик.

— Сейчас, — сказал Талисман и обратился к собранию. — Святилище Ошикая выстояло, — звучным голосом объявил он. — Оно выстояло, потому что надирские воины держались стойко и били крепко. Здесь, на этом месте, я воздаю почести Барцаю, вождю Острого Рога, который погиб, защищая кости Ошикая. Здесь, на этом месте, я воздаю почести Кзуну из Одиноких Волков, который погиб во главе воинов Острого Рога. Здесь, на этом месте, я воздаю почести Квинг-чину из Летучих Коней, изувеченному и убитому гайинами. Здесь, на этом месте, я воздаю почести Лин-цзе из Небесных Всадников. И ввожу нового воина в ряды Волков. Выйди сюда, Горкай.

Горкай вышел вперед, неся на плече тяжелый железный молот.

— Это Горкай, который прежде был нотасом, а теперь принадлежит к Волчьей Голове. Носта-хан сказал

вам, что время Собирателя настало, и это правда. Пора нам забыть заблуждения прошлых лет. Посмотрите на себя! Вы все из Волчьей Головы, однако привели с собой бойцов, опасаясь братьев, сидящих рядом с вами. И вы опасаетесь не напрасно! Ведь нет среди вас ни одного, который при случае не убил бы другого, чтобы править вместо него. Все вы здесь враги, и это глупость худшего толка. Готиры богаты, а мы голодаем. Готиры грабят наши селения, а мы замышляем новые междоусобицы. Почему так? Или мы глупцы от рождения? Много лет назад надирские мудрецы совершили особенно вопиющую глупость. Они отняли у нашей земли ее волшебную силу и поместили ее вот сюда. — И Талисман достал из кармана своего козьего кожуха Глаза Альказарра. Он поднял камни вверх, и они засверкали при свете факелов. — В них сила степей и гор. Сила Богов Камня и Воды. С этими пурпурными камнями любой может стать ханом и даже бессмертным. Я видел их в деле. В бою меня пронзили насквозь, однако теперь на мне нет ни единого знака.

Все теперь смотрели на камни, и он читал алчность в каждом взоре.

— Глаза Альказарра! — воскликнул он, вызвав гулкое эхо в пещере. — И вы думаете, что Барцай, и Кзун, и Квинг-чин погибли ради того, чтобы какой-нибудь мелкий вождь Волчьей Головы мог владеть магией Богов Камня и Воды? Достоин ли кто-то из вас такой власти? Если есть такой, пусть выйдет сюда и скажет, почему он заслуживает такой чести!

Вожди переглянулись, и ни один не двинулся с места.

Талисман подошел к Каменному Волку и вставил камни в его глазницы, а после повернулся к Горкаю, и тот бросил ему свой молот.

— Нет! — вскричал Носта-хан.

Талисман отступил на шаг, размахнулся и обрушил молот на волчью голову. В этот миг камни вспыхнули ослепительным пурпурным огнем, который охватил Талисмана и залил всю пещеру. Между сталактитами сверкнула молния, и прокатился гром, от которого пол пещеры заколебался.

С потолка посыпалась пыль, и пылинки в пурпурном свете загорелись тысячью самоцветов. Потом пыль осела, свет померк, и Талисман бросил молот. Каменный Волк превратился в груду обломков, от Глаз Альказарра не осталось и следа.

— Что ты сделал? — завопил Носта-хан, бросившись к Талисману. Тот обернулся, и шаман попятился, разинув рот и моргая.

Горкай подался вперед... и остановился. Глаза Талисмана изменили цвет — пурпурный огонь камней перешел в них и теперь мерцал при свете факелов.

— Твои глаза... — прошептал Горкай.

— Я знаю, — ответил Талисман.

Пройдя мимо оцепеневшего шамана, он стал перед изумленными вождями.

— Сегодня я принимаю свое надирское имя. Талисмана больше нет. Он умер, когда волшебная сила вернулась в землю. Отныне я буду зваться Ульриком из Волчьей Головы.

ДРОС-ДЕЛЬНОХ, тридцать лет спустя

Друсс-Легенда, сидя рядом с молодым солдатом Пеллином, завершил свой рассказ.

— Вот так оно и вышло, что старались мы ради обыкновенной шлюхи! Зибен на это не сетовал: он получил Ниобу. Он отвез ее к себе домой и подарил ей самое красивое на свете ведро для углей. Она была хорошая женщина. Пережила его на десять лет. Он не был ей верен — по-моему, он вообще не знал, что такое верность, — однако оставался при ней, а это что-нибудь да значит.

Лекарь Кальвар Син подошел к ним.

— Мальчик умер, Друсс, — тихо сказал он.

— Знаю, будь ты проклят! Все умирают, хоть ты тресни. — Друсс погладил еще теплую руку Пеллина и встал. — Знаешь, он храбро сражался. Боялся, но не побежал. Держался стойко, как и подобает мужчине. Как ты думаешь, он что-нибудь слышал?

— Трудно сказать, Друсс. Теперь ты должен отдохнуть. Ты уже не юноша.

— То же самое твердят мне Рек, Хогун и все прочие. Ничего, скоро отдохну. Мы все отдохнем. Никого из моих друзей уже нет на свете. Бодасена я убил сам, Зибен пал при Скельне.

— А Талисман? Вы с ним больше не встречались?

— Нет. Должно быть, погиб в одном из сражений Ульрика. — Друсс через силу рассмеялся и провел скрюченными пальцами по серебристой бороде. — А как он гордился бы, видя надиров теперь! Все племена до единого пришли под стены Дрос-Дельноха!

— Ступай отдохни, старик. Иначе завтра ты будешь лежать на одной из этих коек, а не сидеть с ней рядом.

— Ладно, лекарь, ладно.

Друсс взял свой топор, вышел на лунный свет, поднялся на стену и стал смотреть на неоглядный надирский лагерь, занявший весь перевал.

Три из шести крепостных стен уже пали, и Друсс стоял теперь у башни над воротами четвертой стены.

— О чем задумался, старый конь? — спросил Лучник, выйдя из мрака.

— Ульрик сказал, будто я, если верить его шаману, умру здесь, у этих ворот. Что ж — место не хуже всякого другого.

— Ты не умрешь, Друсс. Ты бессмертен, это всякий знает.

— Я старый, усталый человек. И знал еще до того, как пришел сюда, что здесь я и останусь. Я ведь заключил договор со смертью, парень.

Лучник вздрогнул и переменил разговор.

— А ведь он тебе понравился, правда? Ульрик то есть. Что еще он тебе сказал?

Друсс не ответил. Что-то в их встрече с Ульриком беспокоило его, но он не мог понять что — и ему не суждено было это понять...

Несколько дней спустя Ульрик в своем шатре тоже думал о Друссе, вспоминая их последнюю встречу на убойной земле между первой и второй стенами. Солнце ярко светило, и дренаи недавно оставили Эльдибар, первую стену.

Ульрик вышел на пустое место и разостлал на земле пурпурный ковер. Воин принес ему кувшин вина, блюдо с финиками и сыр. Великий хан сел и стал ждать.

Вскоре со второй стены спустился Друсс. Воин постарел, его борода отливала серебром на солнце. «Вспомнишь ли ты меня, Друсс? — подумал Ульрик. — Да нет, где там. Темноглазый юнец, которого ты знал тридцать лет назад, превратился в пожилого, покрытого шрамами воина с лиловыми глазами». Друсс приблизился, и Ульрик с бьющимся сердцем узнал его топор, Снагу, нанесший такой урон врагу в святилище Ошикая. Уж не хочет ли воин обрушить его на голову Ульрика? Нет. Друсс был и остался человеком чести.

— Я чужой в твоем стане, — сказал дренай.

— Садись, пришелец, и поешь. — Друсс, скрестив ноги, сел напротив. Ульрик медленно расстегнул свой черный лакированный панцирь, снял его и бережно положил обок. Потом снял черные наголенники и нараменники. — Я Ульрик из Волчьей Головы.

— Я Друсс-Топор.

Дренай, прищурив светло-голубые глаза, смотрел на великого хана. Ульрику показалось, что он уловил проблеск узнавания. «Скажи же ему! Поговори с ним. Дай знать, как ты ему благодарен».

— Я рад видеть тебя. Ешь.

Друсс взял пригоршню фиников с серебряного блюда и стал медленно жевать. Потом закусил козьим сыром и запил красным вином. Брови его удивленно поднялись.

— Лентрийское красное, — сказал Ульрик. — В нем нет яда.

— Меня не так просто убить, — усмехнулся Друсс. — Такой уж у меня дар.

— Ты хорошо сражался. Я рад за тебя.

— Меня опечалила весть о смерти твоего сына. У меня нет детей, но я знаю, как тяжко терять любимых.

— Да, жестокий удар. Славный был мальчик. Но жизнь всегда жестока, разве нет? Мужчина должен быть выше своего горя.

Друсс молча взял еще фиников.

— Ты великий человек, Друсс. Мне жаль, что тебе придется умереть здесь.

— Да, хорошо было бы жить вечно. Впрочем, я уже не тот. Несколько раз твои парни чуть было не свалили меня — куда это годится?

— Тому, кто убьет тебя, назначена награда. Сотня лошадей из моего табуна.

— А как он докажет тебе, что именно он убил?

— Представит мне твою голову и двух свидетелей в придачу.

— Только бы это известие не дошло до моих ребят. Они это обстряпают за пятьдесят лошадей.

— Вряд ли! Уж очень ты хорош в бою. А как там новый князь?

— Он предпочел бы менее шумную встречу, но и война, похоже, доставляет ему удовольствие. Он хороший воин.

— Как и все вы. Но это вас не спасет.

— Посмотрим. Вкусные у тебя финики.

— Вы верите, что сможете остановить меня? Скажи правду, Побратим Смерти.

— Мне хотелось бы послужить у тебя под началом. Я уже много лет восхищаюсь тобой. Я служил многим владыкам — и слабым, и злобным. Были среди них и хорошие люди, но ты... ты отмечен печатью величия. Думаю, ты добьешься того, чего хочешь, — но лишь когда я умру.

— Этого уже недолго ждать, Друсс, — мягко заметил Ульрик. — У меня есть шаман, знающий толк в

таких вещах. Он говорит, что видел тебя у ворот четвертой стены — кажется, она зовется Сумитос? — и на плечах у тебя сидел оскаленный череп Смерти.

— Смерть сопровождает меня повсюду, Ульрик! — засмеялся Друсс. — Я ее побратим. Разве твой шаман не знает ваших преданий? Быть может, я умру на Сумитосе. Быть может, умру на Музифе. Но где бы я ни пожелал умереть, знай: уходя в Долину Теней, я захвачу с собой немало надиров, чтобы они сопутствовали мне.

— Сопутствовать тебе будет для них честью. Ступай с миром.

...Кто-то откинул полотнище шатра, вернув Ульрика к настоящему. Его помощник Огаси, сын давно умершего Горкая, ударил кулаком в грудь, приветствуя хана.

— Костер готов, о повелитель.

Ульрик, вздохнув, вышел за ним в ночь.

Друсс-Легенда лежал на погребальном костре со скрещенными на груди руками. И его боевой топор лежал рядом с ним. Ульрик, глядя на него, ощутил боль и сосущую скорбь. Друсс убил в единоборстве первого надирского бойца Ногушу, но Ногуша перед боем отравил свой меч. Когда надиры снова пошли на приступ, старый воин лежал в агонии, но он встал и уложил еще немало врагов, пока надиры не взяли его в кольцо и не зарубили.

— За что ему такая честь, повелитель? — спросил Огаси. — Он гайин и враг нам.

— Он сражался в святилище Ошикая вместе с твоим отцом и со мной, — вздохнул Ульрик. — Он помог вернуть волшебную силу нашей земле. Без него не было бы надирского войска, а может быть, и всех нас.

— Тогда он просто глупец.

Ульрик подавил гнев. Огаси храбр и предан ему, но никогда он не поймет величия такого человека, как Друсс-Легенда.

— Для меня было честью и гордостью стоять рядом с ним. Он всегда сражался только за то, во что верил, каким бы безнадежным ни казалось дело. Я знаю, как ты ненавидишь гайинов, Огаси. Но Друсс был человек особой, высшей породы. Когда-то мы с ним отправились в Пустоту, чтобы спасти душу Шуль-сен и помочь ей соединиться с духом Ошикая. Да, Друсс сражался против нас, но в нем не было зла. Он был великим человеком, а одно время моим другом. Воздай же ему честь ради меня.

— Хорошо, повелитель. — Огаси помолчал и улыбнулся. — Клянусь Богами Камня и Воды, он был воин, каких мало!

— Да. Он был воин, каких мало.

Содержание

Друсс-Легенда 5
Легенда 293
Легенда о Побратиме Смерти 581

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- «Крокус-Сити», 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп.1, тел. 322-28-22

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Вологда, ул. Зосимовская, д. 38, тел. (8172) 75-88-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-07-91, 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1, Волжская наб., д. 107

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Геммел Дэвид

Друсс-Легенда
Легенда
Легенда о Побратиме Смерти

Фантастические романы

Редакторы: Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Поклонники «героической фэнтези»!

Перед вами — «дренайский цикл» Дэвида Геммела, одна из лучших саг после них десятилетий XX века.

Сага о защите неприступной крепости Дросс-Дельнох, выдержавшей многие многие войны...

Сага о Друссе-Легенде — величайшем воине мира, страшном не только для лю дей, но и для богов...

Сага о королях и чернокнижниках, о героях — и мудрецах. Сага о великих деян ях — и великих преступлениях!

Не пропустите!

Друсс-Легенда
Легенда
Легенда о Побратиме Смерти
Царь Каменных Врат
Призраки грядущего
Нездешний
Волчье логово
Сумерки героя

ISBN 5-17-015255-
9 785170 152551